

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2024. 19(2)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- А. А. Черкасов (г. Вашингтон, США)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. Даровец (г. Венеция, Италия)
- П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)
- Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. Санборн (Пенсильвания, США)
- В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)
- С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)
- М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.06.2024 г.

Заказ № 78.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2024. 19(2)
HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

A. A. CHERKASOV (WASHINGTON, USA)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 06/01/2024

Order № 78.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire”

C O N T E N T S

ARTICLES

Customary Legal Ethno-Justice among the Perm Peoples in the 16th-18th centuries O.A. Plotskaya, V.I. Elinsky, K.K. Atabekov, V.V. Mironchukovskaya	497
Natural Conditions and Life Support of the Tungus of the Baikal Regions (XVII – late XIX centuries) M.V. Ragulina	504
Controversial Issues in the Study of Caucasian Slavery in the Study of A.Yu. Peretyatko (To the Issue of Interpretation of the Phenomenon) D.S. Dudarev, N.S. Stepanenko	514
The Problem of Retentioning the Historical Memory of Ivan Polzunov (1729–1766) in Russian Historiography Yu.G. Chernyshov, P.V. Ulyanov	524
A.I. Tevkelev’s Embassy to the Kazakh Steppe in 1731–1732 K.G. Akanov	533
Diplomatic Relations between the Kazakh and Dzungarian Khanates and the Influence of the Qing Empire on Them (the second half of the XVIII century) S.M. Gizzatov, A.B. Aman, N.N. Oteuov, A.Zh. Kalybaeva	544
The Supply of Flour and Bread by Russia to the Kazakh Steppe and the Development of Agriculture during the Reign of Sultan Abulai of the Middle Zhuz Z.Ye. Kabuldinov, Ye.M. Toraigrov	553
The Project of the Baturinsky University of Hetman Kirill Razumovsky S.I. Degtyarev	564
The Enlightened Nobleman as a Historical Type of Personality in Russia of Catherine's Time L.V. Mininkova, E.E. Glasunova	572
Kazakhs and Siberian Cossacks in the Steppe Region: the Experience of Interethnic Interaction A.K. Kapyshov, I.R. Prokhorov, B.T. Tuleuova, F.R. Lebayev	582
“The Last Moscow Grandee” Sergei Mikhailovich Golitsyn (1774–1859): a Biographical Sketch to the 250th Anniversary of the Birth of the Russian Philanthropist N.A. Shevchenko, Yu.V. Kapitanets, G.M. Zinchuk, L.N. Tatarinova	593
Self-Identification and Identification of the late 18th – early 19th centuries Don Cossacks by Outsider Authors A.Yu. Peretyatko	599
Governor’s Reports to the Supreme Name of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries: Source Criticism Capability D.N. Nesterenko, D.N. Gergilev, T.V. Izluchenko, N.L. Khait	613
Kharkiv Educational District (1803–1917): A Review of Modern Historiography T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	623
To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Moscow Educational District (1804–1917) I.Yu. Cherkasova, L.A. Koroleva, V.S. Nikitina, N.V. Svechnikova	632

Everyday Life of Invalid Companies and Military Invalids in the 19th century (Based on Materials from the Tomsk Province) A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, D.V. Rakhinsky, E.V. Savina	640
To the 200th Anniversary of the Birth of Russian Archaeologist Aleksei Sergeevich Uvarov (1824–1884): Some Biographical Aspects I.A. Gordeev, M.G. Smirnov, V.A. Svechnikov, O.N. Golovchenko	652
Creative Laboratory of the Historian: I.E. Zabelin as a Bibliophile (based on the Archival Materials) Yu.G. Kokorina, M.M. Vagabov, M.T. Jumaniyozova	658
The Social Aspect of the “Gold Rush” Phenomenon in Yenisey Siberia in Period 1830–1990s A.S. Zhulaeva, E.A. Grigoryeva, A.G. Gryaznukhin, G.M. Lushchaeva	670
The Organization of Educational and Extracurricular Activities of Students of Imperial Universities in the mid-19th century A.E. Lebid	680
Ivan Logginovich Goremykin (1839–1917): to the 185th Anniversary of the Birth of the Russian Statesman G. Rajović, S.N. Bratanovskii	690
The Fighting of Russian Troops during the Construction of Fort Golovinsky (May – July 1839) K.V. Taran	696
Kazakh-Kyrgyz Ethnopolitical Relations in the Works of Russian Researchers M.B. Keldybekov, K.K. Battalov, A.A. Akishev, M.I. Rakhimov	705
The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina, A.S. Zhulaeva, S.V. Kozhevnikov	716
D.I. Yavornitsky as an Archaeologist (Pre-Revolutionary Period of Activity) Yu.G. Kokorina, M.M. Vagabov, L.G. Khusnutdinova, U.I. Abdullaev	726
Imperial Policy of Resettlement in the North Caucasus and Muhajirism of the Highlanders in the second half of the 19th century: Main Stages and Consequences for the Region E.A. Avdeev, S.M. Vorobev, S.N. Bredikhin	738
The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century D.J. Urakov, S.I. Gabrielyan, B.B. Khaynazarov	750
The Main Stages of the Preparation of the Reform on the Abolition of Serfdom in the Russian Empire, Causes and Contradictions A.V. Gurko, A.T. Altybaeva, K.D. Savitskaya	763
Socio-Economic Development of the Territories of Nomadic Peoples of the Stavropol Province in the 19th – early 20th centuries I.V. Lidzhieva, A.T. Dzhumagulova, Yu.S. Shurguchieva, B.A. Erdneeva	771
The Development of the Field Breeding of the Landed Estates of the Russian Empire in the Post-Reform Period R.M. Zhitin, A.G. Topilsky	783
Social Policy in the Russian Empire in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries: on the Example of Healthcare System Function D.N. Khristenko, A.B. Orishev, A.A. Mamedov	792

Orenburg Men's Gymnasium and Representatives of the Kazakh Intelligentsia O.Kh. Mukhatova, Zh. Zhumabayeva, Sh.B. Tleubayev, A.N. Konkabayeva	803
The Role of “People's Houses” in the Fight against Alcoholization of the Population of the Russian Empire at the turn of the XIX – early XX centuries O.V. Klevtsova, N.A. Zhirov	814
“...Wishing to Go to Worship the Holy Places”: a Social Portrait of a Pilgrim in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Penza Province) N.A. Koblova, O.V. Kolpakova, O.A. Sukhova	823
Private Charity as a Factor in the Quality of Life of Moscow University Students in the second half of the 19th century P.S. Seleznev, V.V. Zubov	831
Rural Priest in the System of Social Representations of the Russian Peasantry in the XIX – early XX centuries (on the Example of Penza Province) S.V. Belousov, O.V. Kolpakova, A.R. Mere	841
Scientific Contribution of N.M. Yadrintsev into National and World Turkology A.V. Golovinov, V.A. Dolzhikov, M. Matayeva	849
Broadcasting Reproductive Culture as a Way to Preserve Domestic Intangible Cultural Heritage (based on Materials from the Perm Province of the second half of the 19th – early 20th centuries) E.S. Lakhtionova, I.G. Polyakova	857
Reflection of Russian History in Literature Course (Based on Example of Ust-Medveditskaya Women's Gymnasium) A.A. Solovyev, A.V. Zakharov, N.L. Vinogradova, L.S. Solovyeva	865
Teenage Suicides in the Orenburg Men's Gymnasium in the late 19th and early 20th centuries. The Phenomenon of Deviance among Children in the Perception of Society, Family and School E.V. Burlutskaya, E.N. Abdrakhmanova	873
St. Petersburg Mining Institute during the Reign of Emperor Nicholas II (1894–1917) I.V. Voloshinova	886
“Picturesque Russia (Ghivopisnaya Rossia)” (volume 12, part 1) as a Source on the History of the East Siberian territory of the Russian Empire N.P. Koptseva, V.A. Razumovskaya, I.Y. Makarchuk, Yu.E. Valkova	896
Attributes of the Steppe Civilization in the Scientific Legacy of Shokan Ualikhanov A.T. Serubayeva, G.K. Myrzakhmet, D.I. Danabekova, K.R. Abdurahmanova	908
State-Church Relations in the Russian State at the beginning of the XXth century (on the Issue of Restoring the Institution of the Patriarchate) D.V. Alontseva, O.N. Grishaeva, R.V. Tikhonov	918
«So Far, No Charges Have Been Brought Against Him». Speech by the Russian Public in Defense of the Arrested Kazakh Poet A. Baitursynov in 1909 D.M. Legkiy, Ye.Ye. Ibrayev, A.N. Tabuldenov, S.A. Turezhanova	927
F. Nansen and S.V. Vostrotin as Ideologists of the Development of Arctic Transport Routes of the Yenisei Siberia. The Beginning of the 20th century A.P. Dvoretzkaya, A.V. Shakhmatov, A.V. Surzhko, N.R. Novosel'tsev	937
Pacifism and War: the Mission of the Mullahs Among the Requisitioned Kazakhs, 1916–1917 G.K. Mukanova, Sh.B. Tleubayev, A.N. Konkabayeva	946
Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper “Soldatskii Vestnik” (May 22 – September 7, 1916). Part 3 G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin	959

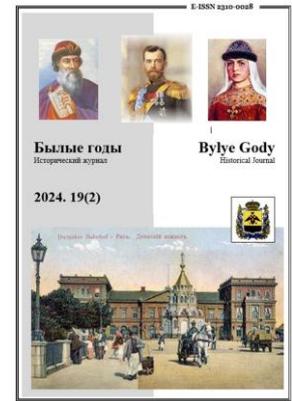
On the History of the Formation of Orphanages in Kazakhstan in the 1930s Z.G. Saktaganova, K.K. Abdrakhmanova, Zh.S. Mazhitova, S.K. Uderbayeva	965
Source Study Analysis of Archival Materials of the History of the Mechanism and Consequences of Economic Companies Kazakh ASSR in the 30s of the XX century G. Zhakupova, R. Kamshat, G. Oten, N. Tursynbek	976

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 497-503
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.497

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Customary Legal Ethno-Justice among the Perm Peoples in the 16th-18th centuries

Olga A. Plotskaya ^{a, b, *}, Valery I. Elinsky ^a, Kairat K. Atabekov ^{c, d}, Victoria V. Mironchukovskaya ^e

^a MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Kyrgyz – Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyz Republic

^d Chui University, Bishkek, Kyrgyz Republic

^e Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract

The study of customary legal ethno-justice among the Perm peoples in the 16th-18th centuries allows us to identify the patterns of functioning of ethnic justice based on the norms of customary law, to reveal the influence of many factors relating to the peculiarities of the impact of the norms of positive law on the norms of the customary law of the Perm peoples.

From the 16th to the 18th centuries, Russian state structures normatively established the basic principles and conditions for the further functioning and gradual development of ethno-justice based on customary law among the Perm peoples.

Since the 18th century, the process of accumulation and systematization of legal information has been associated with the improvement of administrative management of Russian outskirts inhabited by various peoples. Throughout the 18th century, the Russian state not only did not prohibit the various peoples who inhabited the expanses of the empire from administering justice according to their traditional norms, which were developed in the process of centuries-old application, but also sanctioned this process. It is important to note that by the 18th century, the necessary conditions were created for the existence of communal ethno-justice among the Perm peoples.

However, during the 18th century, the Russian legislator sought not only to systematize, but also to unify the features of legal proceedings, normatively regulating adversarial proceedings, as well as the stages of the judicial process, fixing the methods of initiating cases, their pre-trial preparation, the procedure and features of sentencing. In addition, the system of all judicial state bodies was subject to regulatory regulation, with the separation of judicial authorities, and differentiation was also made between civil and criminal processes.

Keywords: Zyryans, Votyaks, Permyaks, legal custom, customary law, ethno-justice.

1. Введение

Исследование обычно-правовой этноюстиции у пермских народов в XVI-XVIII веках позволяет выявить закономерности функционирования этнического правосудия, применявшего обычно-правовые правила поведения, раскрыть влияние многих факторов, касающихся особенностей воздействия норм писаного права на нормы народного этнического права. Все перечисленное свидетельствует об актуальности обозначенной темы. В данной работе речь будет идти о процессуально-правовых институтах, существовавших в системе этнического обычно-правового правосудия у пермских

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya)

народов (зыряне – устаревшее название коми; пермяки – устаревшее название коми-пермяков; вотяки – устаревшее название удмуртов), бытовавших в рассматриваемый период.

Разработанность процессуальных обычно-правовых институтов у исследуемых народов, применявшихся в обычном праве в рассматриваемый период, не была такой значимой, как, к примеру, в процессуальном законодательстве российского государства (*Соборное Уложение...*). Так как письменных систематизированных памятников права, а тем более кодифицированных актов, раскрывающих природу обычно-правовых отношений у зырян, пермяков и вотяков, не сохранилось, то для «проникновения» в сферу обычно-правовой юстиции, основанной на применении правовых обычаев, нужно понять те особенности историко-правового развития, которые существовали у пермских народов в XVI-XVIII веках. Для этого необходимо проанализировать не только генезис этноюстиции и ее эволюцию, основываясь на исторических, историко-правовых и историко-лингвистических источниках, датируемых более ранним периодом, но и их развитие и закрепление в нормах обычного права в изучаемый период.

Одно из ранних упоминаний об осуществлении процедуры этноюстиции у зырян можно найти в «Договорной грамоте», которая была заключена между Новгородом и князем из Твери (*Савельева, Королев, 2007: 73*). В данной грамоте речь шла о волостях, находившихся под управлением Новгорода. Среди таких волостей были перечислены, в том числе, Пермь и Печора, где правосудие осуществляли посадник и князь, являвшиеся представителями государевой центральной власти (*Савельева, Королев, 2007: 73*). Даже после официального присоединения названных волостей к Российскому государству, ситуация в сфере осуществления судопроизводства значительно не изменилась. Так, в соответствии с текстом «Жалованной кормленной грамоты» в XV веке наместник и тиун были наделены правом отправления правосудия (*Савельева, Королев, 2007: 77*). В XV веке вымские князья, обладавшие собственными земельными наделами, наделялись функцией смены тиунов, доводчиков и иных представителей местной управленческой элиты среднего звена. Они могли применять нормы локально распространенного обычного права (*Историко-филологический..., 1958: 247*).

В летописных источниках содержится информация о том, что с конца XV до начала XVI вв. на территории Перми Великой распространяется особый вид княжеского правления «на правах наследственной вотчины» (*Савельева, Королев, 2007: 59*), поэтому местные князья могли также применять нормы обычного права при осуществлении этноюстиции. В житии одного из первых святителей зырянской земли, Стефана Пермского, в XIV веке (*Савельева, Королев, 2007: 67*) упоминается уважаемый старец, обладавший искусством волхования, Пам Сотник, управлявший местным народом и опиравшийся на древние обычаи. В XVI веке в трудах путешественников и купцов, посещавших земли, населенные пермскими народами, также упоминаются местные правители-жрецы (*Савельева, Королев, 2007: 123*), которые, безусловно, могли использовать нормы обычного права. Позже великий российский ученый-историк Н.М. Карамзин повествует о существовании пермских старцев, обучавших свой народ (*Савельева, Королев, 2007: 154*). Они могли осуществлять, кроме роли наставника пермского народа, функции жреца, а также судьи, руководствовавшегося местными правовыми обычаями. Российские знаменитые ученые XVIII века В.Н. Татищев и И.И. Лепехин (*Лепехин, 1772*) предполагали, что до прихода славян у пермян существовала республика, называвшаяся «Пярмиа» (*Савельева, Королев, 2007: 145*), которая управлялась местными избираемыми правителями. Местные вожди могли в своей деятельности использовать нормы обычного права.

Анализ некоторых приведенных историко-правовых источников свидетельствует об особом развитии пермских народов, у которых существовали элементы демократии, выборные правители, а также были созданы условия для применения норм обычного права и функционирования обычно-правой этноюстиции.

Настоящее исследование позволит выделить историко-правовые закономерности в развитии институтов обычно-правой этноюстиции у пермских народов в XVI-XVIII веках.

В связи с этим изучение институтов обычно-правовой этноюстиции у пермских народов в XVI-XVIII веках, являясь малоизученным историко-правовым явлением, имеет не столько теоретическое, сколько практическое значение, так как рассмотрение традиционной этноюстиции у пермских народов, складывавшейся в историческом процессе, позволит выделить важнейшие обычно-правовые императивные нормы и морально-нравственные нормы-долженствования, выполнение которых было обязательным.

2. Материалы и методы

Важнейшей источниковой первоосновой в настоящей работе являются архивные материалы, находящиеся на постоянном хранении в Российском государственном архиве древних актов – РГАДА (Москва, Российская Федерация) и представляющие собой, как правило, документы по официальному делопроизводству губернских и волостных чиновников. Они содержат упоминания о существовании обычно-правовых норм и отношений у рассматриваемых народов. Существенное значение в изучении данной темы играют сборники научных работ и трудов, в ряде случаев частично содержащих

информацию об обычно-правовой практике, распространенной у пермских народов. Авторы данных сборников, путешествуя, касались описания этнографо-географических, экономико-хозяйственных, культурологических и иных аспектов проживания этносов, посещаемых ими. В их трудах фрагментарно упоминаются обычаи и обычно-правовой мир местного населения, к примеру, «Описание обитающих в Российском государстве народов...» (Георги, 1795), «Путешествия Академика Ивана Лепехина в 1772...» (Лепехин, 1772) и др.

Исследование этноюстиции осложняется тем, что, к сожалению, у пермских народов пока не найдено ни одного систематизированного источника права, который бы раскрывал формы, стадии судопроизводства, виды доказательств, применявшихся в этническом судебном процессе, права истца и ответчика и другие особенности. Существует упоминание в статье М. Михайлова о бытовании в ранние периоды истории у зырян некоего «зырянского Судебника» (Михайлов, 1850: 241-242). Однако, к сожалению, науке пока он не известен.

Важнейшие итоги в настоящей работе были подведены благодаря анализу статей источников позитивного дореволюционного права, систематизированных в таком сборнике, как «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ). Важные этнографические и историко-культурологические материалы, включающие некоторые элементы обычно-правового быта у пермских народов в изучаемый период, собраны учеными в различных сборниках, вобравших в себя подлинники архивные тексты, выдержки из работ различных путешественников-исследователей, которые посещали территории, населенные зырянами, пермяками, вотяками, и фиксировали традиционный быт, этнографо-культурологические аспекты, психологические черты, детали и элементы национального костюма, а также ряд обычаев, имевших широкое распространение среди восточно-финских народов. В связи с этим речь идет о таких работах, как «Коми край в XVIII...», «История Коми края...», «Документы по истории...», «Историко-филологический...» и др.

Методологической основой данного историко-правового исследования послужил целый комплекс научных подходов, принципов и методов. Доминирующие позиции занимает системный подход, позволяющий рассматривать этноюстицию, основывающуюся на нормах обычного права, как сложную систему со структурными связями, в которой все элементы взаимодействуют. Значительное внимание уделяется применению системного анализа, позволяющего рассматривать историко-этнографические источники, выявляя в них закономерности и особенности относительно процедуры осуществления этноправосудия. Приоритетное значение предоставляется историко-правовому методу, позволяющему раскрывать процессуальные обычно-правовые институты с учетом тех исторических событий и фактов, которые происходили в рассматриваемый период в государстве. Герменевтический метод позволяет толковать используемые исторические источники, предоставляя возможность их разъяснения и уяснения особенностей дореволюционных нормативно-правовых актов, привлекаемых в настоящее исследование в качестве эмпирической основы.

3. Обсуждение

К наиболее ранним публикациям, вышедшим в свет в XVIII в. и посвященным описанию материальных и нематериальных историко-культурных аспектов, обычаев, ритуалов, традиций народов, проживавших в это время на территории Российского государства, следует отнести труды таких ученых, как И.Г. Георги, И.И. Лепехин и др. (Георги, 1795; Лепехин, 1772). Среди дореволюционных исследователей, касавшихся некоторых обычно-правовых правил поведения у рассматриваемых народов, необходимо выделить Н. Добротворского (Добротворский, 1883), М. Михайлова (Михайлов, 1850), И. Попова (Попов, 1875) и др.

Ученые, работавшие в советский период, а также современные исследователи в своих работах соприкасаются с некоторыми аспектами исследуемой темы. Среди них необходимо назвать следующих: О.Е. Бондаренко, А.К. Гагиева, К.С. Королев, П.Н. Луппов, Г.А. Никитина, Э.А. Савельева, В.И. Чупров и др. (История Коми..., 1991; Гагиева, 2012; Документы..., 1958; Никитина, 2011; Савельева, Королев, 2007). Однако полученные данные в обозначенных трудах не раскрывали особенностей осуществления этноюстиции у пермских народов, основанной на применении норм обычного права в XVI–XVIII веках, и не сравнивали их с общероссийским законодательством. Сегодня, в условиях осуществления глобализации, современные ученые все больше внимания уделяют исследованию обычно-правового быта различных народов. К ним можно отнести труды таких исследователей, как Н.С. Авдониной, Д.Г. Алексеева, К.С. Зайков, В.В. Наумкина, О.А. Плоцкая, С.А. Правкин, В.В. Титова и др. (Зайков, Авдониной, 2019; Плоцкая и др., 2021; Плоцкая и др., 2022; Плоцкая и др., 2023; Правкин и др., 2021; Титов, 2021).

Перечисленные работы обогащены разнообразными историко-этнографическими, культурологическими элементами быта у исследуемых народов. Однако в них практически нет анализа обычно-правовых норм, регулирующих этноюстицию у пермских народов в XVI–XVIII веках, а также отсутствует сравнение их с императивами, закрепленными в позитивном праве исследуемого периода. Поэтому целью данной работы является исследование процессуальных особенностей осуществления обычно-правовой этноюстиции у пермских народов в XVI–XVIII веках и сравнение их с нормами, санкционированными в действующем в рассматриваемый период законодательстве.

4. Результаты

К XVIII веку на территории проживания зырян, вотяков и пермяков были созданы необходимые условия для функционирования общинной этноюстиции. Еще в XVI веке не существовало централизованного контроля со стороны государственного управления. Волостели как управляющие волостями лица не должны были присутствовать в Перми Вычегодской, а значит, не могли осуществлять волостное управление и судопроизводство на локальных территориях, заселенных представителями пермских народов (Савельева, Королев, 2007: 102). У этих народов существовала собственная система управления («местная родовая власть..., князь..., старейшины-родоначальники» (Добротворский, 1883: 237) и система принуждения, по мнению Н. Добротворского (Добротворский, 1883: 237). При осуществлении судебного процесса назначались «свои судейки...» (Савельева, Королев, 2007: 102), которые могли руководствоваться нормами этнического обычного права. Претендент на должность судьи должен «быть лучшим человеком»,... открытым, прямодушным, иметь достаток» (История Коми..., 1991: 20).

Некоторые функции по поддержанию общественного порядка, к примеру, поимка и преследование преступников, были адресованы местному населению, в том числе и право осуществления судопроизводства. Однако в исследуемых историко-правовых источниках детально не регламентировалось, какими именно источниками позитивного права необходимо пользоваться в процессе розыска (поимки) преступника. По этому аспекту до наших дней дошло следующее упоминание: «... да обыскав их... доведчи казнили, по нашим грамотам...» (Документы..., 1958: 52). Вероятно, данное обстоятельство можно объяснить тем, что для центральной власти первостепенное значение имело пресечение преступности, а не детали и стадии осуществления судебного процесса, так как воров, разбойников, убийц согласно указаниям князя ожидала смертная казнь.

Также в XVI веке вотяки, принимавшие христианство, вообще были освобождены от осуществления судопроизводства. Им предоставлялось право «судить себя» (Документы..., 1958: 354), что, безусловно, расширяло функции общинной этноюстиции, которая базировалась на нормах обычного права. А в XVII веке вотяки дополнительно еще были освобождены от татарской судебной юрисдикции: «... отяков от... князей и мурз... и судом велено отвесть...» (Документы..., 1958: 364). Необходимо отметить, что постепенно создаются условия для осуществления судебного процесса у вотяков, который регламентировался нормами локального обычного права: «... меж себя свестяся... лихих людей, татей..., сами обыскивали... пытали..., и допытався у них, ... бив кнутъем и казнили смертию...» (Документы..., 1958: 52). Также к ответственности должны были быть привлечены все соучастники совершенного преступления и субъекты, укрывавшие преступников (Документы..., 1958: 54).

В конце XVII века у зырян не было ни воевод, ни наместников. Судей они избирали самостоятельно (Савельева, Королев, 2007: 123). Такие судьи вполне могли избираться из представителей «лучшего» местного населения и, руководствуясь при осуществлении правосудия также и нормами местного этнического обычного права, принимать решения. В том случае, если рассматриваемое судебное дело было невозможно разрешить на локальном уровне, то его, как правило, передавали в Посольский приказ, т.е. в следующую судебную инстанцию.

Приведенные историко-правовые источники не предоставляют полной информации об оперативно-розыскных действиях, организованных общиной у пермских народов, а также о судебном процессе, его формах, стадиях, применявшихся видах доказательств вины преступника и видах наказания. Однако исследованные источники позволяют однозначно утверждать, что уже к XVIII веку государственные структуры нормативно закрепляли базовые принципы и условия для дальнейшего функционирования и постепенного развития у исследуемых народов этноюстиции, основанной на нормах обычного права.

С XVIII века процесс накопления и систематизации правовой информации связывается с улучшением административного управления российскими окраинами, населенными различными народами. Российское государство на протяжении XVIII века не только не запрещало различным народам, населявшим просторы империи, осуществлять правосудие по своим традиционным нормам, которые были выработаны в процессе многовекового применения, но и санкционировало это. Даже в середине XVIII века в инструкции, посвященной межевщикам, измерявшим землю, предусматривалась вероятность разбора возникавших на локальном уровне споров такими представителями, как местные «старожилы» (ПСЗ РИ, 1830: 10237), которые хорошо были знакомы с нормами обычного права.

Однако российский законодатель в течение XVIII века стремился не только систематизировать, но и унифицировать особенности осуществления судопроизводства, нормативно регламентируя состязательность, а также стадии судебного процесса, закрепляя способы возбуждения дел, их досудебную подготовку, порядок и особенности вынесения приговора (ПСЗ РИ, 1830: 4344). Кроме того, нормативной регламентации подверглась система всех судебных государственных органов с выделением судебных инстанций, а также осуществлялась дифференциация между гражданским и уголовным процессами (ПСЗ РИ, 1830: 14392).

Важно отметить, что к XVIII веку создаются необходимые условия для существования общинной этноюстиции у пермских народов. В состав общинного суда входили не только

должностные лица местного общинного уровня, но и избираемые крестьяне (Бакланова, 1976: 184-185), включая старосту, сотника и даже обычных мирских людей. Спорные крестьянские вопросы община у пермских народов стремилась «...полюбовно...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 6172. Л. 5) разрешать медиационным путем (Коми край..., 2012: 53), договариваясь о мире: «... и впредь... друг на друга не бить челом...» (Коми край..., 2012: 52), учитывая интересы всех сторон: «... поделились между собой...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 6172. Л. 110б.), и не обращаясь в государственный судебный орган: «не ходя в суд, помирились...» (Коми край..., 2012: 54).

В этноюстиции большое значение имели общинные сходы. Они упоминались и в более ранних, дошедших до нас источниках. К примеру, в Вычегодско-Вымской летописи описывается процесс созыва населения на сход: «созвав многи люди, яко... тысящех и боле» (Историко-филологический..., 1958: 258), обсуждение проблемных вопросов: «...начаша о том зело сетовати...» (Историко-филологический..., 1958: 258).

На сходах в общинах рассматривались противоправные деяния, происходившие среди крестьян. В их состав входили, как правило, главы хозяйств. Все решения, выносимые на сходах, имели императивный характер, и их обязательно нужно было исполнять всем членам общины. Неподчиняющихся вынесенным решениям на сходах, как правило, наказывали, а решения схода оформлялись «в виде приговоров» (Никитина, 2011: 7-8).

5. Заключение

Таким образом, этноюстиция у пермских народов в рассматриваемый период прошла путь от архаичной формы организации судебного процесса до общинной этноюстиции. К XVIII веку Российским государством были сформированы условия для применения норм обычного права, которые регулировали догосударственные формы суда. В общинах функции управления и осуществления этноюстиции были объединены. Общины, выполняя очень важные функции в жизнеобеспечении крестьянского населения, контролировали соблюдение ее членами существовавших императивов.

Литература

- Бакланова, 1976 – Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере (конец XVII – начало XVIII в.). М.: Наука, 1976. 221 с.
- Георги, 1795 – Георги И.Г. Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I: О народах финнского племени. СПб.: Императорская Академия Наук, 1795. 76 с.
- Добротворский, 1883 – Добротворский Н. Пермьяки. Бытовой этнографический очерк // *Вестник Европы*. 1883. Т. 2. Кн. 3. С. 259–260.
- Документы..., 1958 – Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков: Сб. документов / Сост. П.Н. Луппов. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1958. 422 с.
- Историко-филологический..., 1958 – Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1958. 272 с.
- История Коми..., 1991 – История Коми края в документах и материалах: хрестоматия. Ч. I: Дореволюционный период / под ред. О. Е. Бондаренко, В. И. Чупрова. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991. 173 с.
- Коми край..., 2012 – Коми край в XVIII веке // Сб. документов / Под общ. ред. А.К. Гагиевой. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2012. 115 с.
- Лепехин, 1772 – Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1772. Т. IV. 464 с.
- Михайлов, 1850 – Михайлов М. Усть-Вымь // *Вологодские губернские ведомости*. 1850. № 22. С. 242-243.
- Наумкина, 2021 – Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 223 с.
- Никитина, 2011 – Никитина Г.А. Нормативные ценности удмуртского крестьянства в контексте мирской юрисдикции // *История государства и права*. 2011. № 8. С. 7-10.
- Попов, 1875 – Попов И. Черты из быта, нравов и обычаев Зырян Яренского уезда, Удорского края // *Вологодские губернские ведомости*. 1875. № 90. С. 3-4.
- ПСЗ РИ – VII – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. № 4344. С. 147-150.
- ПСЗ РИ – XIV – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XIV. СПб., 1830. № 10237. С. 104-161.
- ПСЗ РИ – XX – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XX. СПб., 1830. № 14392. С. 229-304.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Савельева, Королев, 2007 – Савельева, Э. А., Королев К.С. Письменные известия о народе коми. Сыктывкар: Издательство «Эском», 2007. 176 с.

[Соборное Уложение...](http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm) – Соборное Уложение 1649 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm> (дата обращения: 13.01.2024).

[Plotskaya et al., 2021](#) – *Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G.* Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.

[Plotskaya et al., 2022](#) – *Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V.* The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII– XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.

[Plotskaya et al., 2023](#) – *Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V.* The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the FinnoUgic and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.

[Pravkin et al., 2020](#) – *Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagieva R.V., Khvatova M.A.* Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 620-628.

[Titov, 2021](#) – *Titov V.V.* Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.

[Zaikov, Avdonina, 2019](#) – *Zaikov K.S., Avdonina N.S.* Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 29-40.

References

[Baklanova, 1976](#) – *Baklanova, E.N.* (1976). Krest'yanskij dvor i obshchina na Russkom Severe (konets XVII – nachalo XVIII v.) [Peasant courtyard and community in the Russian North (late 17th – early 18th centuries)]. M. [in Russian]

[Dobrotvorskij, 1883](#) – *Dobrotvorskij, N.* (1883). Permyaki. Bytovoje etnograficheskij ocherk [Permians. Everyday ethnographic sketch]. *Vestnik Evropy*. 3: 259-260. [in Russian]

[Dokumenty..., 1958](#) – *Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vek* [Documents on the history of Udmurtia in the 15th–17th centuries]. Izhevsk. [in Russian]

[Georgi, 1795](#) – *Georgi, I.G.* (1795). Opisanie obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov, takzhe ih zHITEjskih obryadov, ver, obyknovenij, zhilishch, odezhd i prochih dostopamyatnostej. O narodah finnskago plemeni [Opisanie obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov, takzhe ih zHITEjskih obryadov, ver, obyknovenij, zhilishch, odezhd i prochih dostopamyatnostej. Ch. I: O narodah finnskago plemeni]. SPb. [in Russian]

[Istoriko..., 1958](#) – *Istoriko-filologicheskij sbornik* [Historical and philological collection]. Syktyvkar, 1958. [in Russian]

[Istoriya Komi..., 1991](#) – *Istoriya Komi kraja v dokumentah i materialah* [History of the Komi region in documents and materials]: hrestomatiya. Ch. I: Dorevolucionnyj period. Pod red. O.E. Bondarenko, V.I. Chuprova. Syktyvkar, 1991. [in Russian]

[Komi Krai..., 2012](#) – *Komi Krai in the XVIII century: collection of documents* [Komi Krai in the XVIII century: collection of documents]. Syktyvkar, 2012. [in Russian]

[Mikhailov, 1850](#) – *Mikhailov, M.* (1850). Ust'-Vym' [Ust-VYM]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 22: 242. [in Russian]

[Lepekhin, 1772](#) – *Lepekhin, I.I.* (1772). Dnevnye zapiski puteshestviya po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva [Daily notes of travel in different provinces of the Russian state]. SPb. [in Russian]

[Naumkina, 2021](#) – *Naumkina, V.V.* (2021). Obychnoe pravo kochevyh narodov Vostochnoj Sibiri. [Customary law of the nomadic peoples of Eastern Siberia]. M. [in Russian]

[Nikitina, 2011](#) – *Nikitina, G.A.* (2011). Normativnye cennosti udmurtskogo krest'yanstva v kontekste mirskoj yurisdikcii [Normative values of the Udmurt peasantry in the context of secular jurisdiction]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 8: 7–10. [in Russian]

[Plotskaya et al., 2021](#) – *Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G.* (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.

[Plotskaya et al., 2022](#) – *Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V.* (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII– XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49-56.

[Plotskaya et al., 2023](#) – *Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V.* (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the FinnoUgic and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.

[Pravkin et al., 2020](#) – *Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagieva, R.V., Khvatova, M.A.* (2020). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.

[PSZ RI – VII](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. VII. SPb., 1830. № 4344. Pp. 147-150. [in Russian]

- PSZ RI – XIV – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XIV. SPb., 1830. № 10237. Pp. 104-161. [in Russian]
- PSZ RI – XX – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. XX. SPb., 1830. № 14392. Pp. 229-304. [in Russian]
- Popov, 1875 – Popov, I. (1875). Cherty iz byta, нравов i obychaev Zyryan Yarenskago uezda, Udorskogo kraja [Features from the life, morals and customs of Zyryan Yarensky district, Udora region]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 90: 3-4. [in Russian]
- Nikitina, 2011 – Nikitina, G.A. (2011). Normativnye cennosti udmurtskogo krest'yanstva v kontekste mirskoj yurisdikcii [Normative values of the Udmurt peasantry in the context of secular jurisdiction]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 8: 7-10. [in Russian]
- RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Savel'eva, Korolev, 2007 – Savel'eva, E.A., Korolev, K.S. (2007). Pis'mennye izvestiya o narode komi [Written news about the Komi people]. Syktyvkar. [in Russian]
- Sobornoe Ulozhenie... – Sobornoe Ulozhenie 1649 goda [Cathedral Code of 1649]. [Electronic resource]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm> (date of access: 13.01.2024).
- Titov, 2021 – Titov, V.V. (2021). Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.
- Zaikov, Avdonina, 2019 – Zaikov, K.S., Avdonina, N.S. (2019). Ethnic and Cultural Space of the Eastern Sami (Skolts) of the Northern Frontier of Russia and Norway-Denmark in the XVIII century. *Bylye Gody*. 51(1): 29-40.

Обычно-правовая этноюстиция у пермских народов в XVI-XVIII веках

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, b, *}, Валерий Иванович Елинский ^a, Кайрат Кулбакович Атабеков ^{c, d}, Виктория Викторовна Мирончуковская ^e

^a МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Кыргызско-Российский Славянский Университет, Бишкек, Кыргызская Республика

^d Чуйский Университет, Бишкек, Кыргызская Республика

^e Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Российская Федерация

Аннотация. Исследование обычно-правовой этноюстиции у пермских народов в XVI-XVIII веках позволяет выявить закономерности функционирования этнического правосудия, основанного на нормах обычного права, раскрыть влияние многих факторов, касающихся особенностей воздействия норм позитивного права на нормы обычного права пермских народов.

С XVI по XVIII вв. российские государственные структуры нормативно закрепляли базовые принципы и условия для дальнейшего функционирования и постепенного развития у пермских народов этноюстиции, основанной на нормах обычного права.

С XVIII века процесс накопления и систематизации правовой информации связывается с улучшением административного управления российскими окраинами, населенными различными народами. Российское государство на протяжении XVIII века не только не запрещало различным народам, населявшим просторы империи, осуществлять правосудие по своим традиционным нормам, которые были выработаны в процессе многовекового применения, но и санкционировало этот процесс. Важно отметить, что к XVIII веку создаются необходимые условия для существования общинной этноюстиции у пермских народов.

Однако российский законодатель в течение XVIII века стремился не только систематизировать, но и унифицировать особенности осуществления судопроизводства, нормативно регламентировать состязательность и стадии судебного процесса, закрепляя способы возбуждения дел, их досудебную подготовку, порядок и особенности вынесения приговора. Кроме того, нормативной регламентации подвергалась система всех судебных государственных органов с выделением судебных инстанций, а также осуществлялась дифференциация между гражданским и уголовным процессами.

Ключевые слова: зыряне, вотяки, пермяки, правовой обычай, обычное право, этноюстиция.

* Корреспондирующий автор

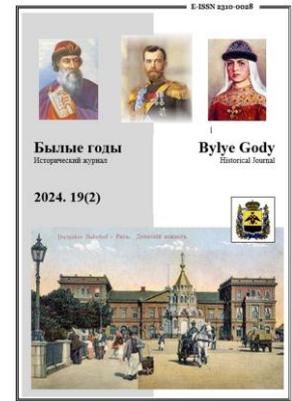
Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 504-513
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.504

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Natural Conditions and Life Support of the Tungus of the Baikal Regions (XVII – late XIX centuries)

Milana V. Ragulina ^{a, *}

^aV.B. Sochava Institute of Geography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russian Federation

Abstract

This article examines the influence of natural and climatic conditions on the life activity of the Tungus in the 17th-19th centuries. The unstable nature of biological resources, due to the specific climate, affected both the indigenous ethnic groups of the taiga and Russian settlers. The article compares information about famine, crop failures in the region and the ice regime of the Angara River. A coincidence was revealed between intra-century decreases in air temperature and most economic crises. The results indicate repeated periods of lower average annual temperatures, which were accompanied by extreme natural events. The interaction of the Tungus with peasants, merchants and authorities took place against this changing natural and climatic background. Climatic fluctuations directly and indirectly led to the formation of various ways of adaptation of the Tungus: from strengthening exchange ties and transition to hybrid semi-sedentary forms of economy, to migration to more productive areas remote from Russian villages. Natural factors, combined with social and economic prerequisites, have led to the emergence of a complex set of adaptation processes. Networks of mutual aid, trade, and cultural exchange were formed in response to climate and social risks, strengthening the position of the Tungus. Data from folklore, chronicles, statistics and archival documents confirm the influence of intra-century climate variability on the Tungus. Years of famine, crop failures, epidemics and associated changes in the economy affected all groups of the population. The consequences of this impact were culturally and environmentally specific. The diversity and dynamics of neighboring cultures and geographical conditions contributed to the uniqueness of the Tungus economy, the different rates of their acculturation and the formation of an interconnected ethnocultural landscape.

Keywords: Baikal region, Tungus, Siberian peasantry, livelihoods, natural conditions, climatic variability, crop failure, acculturation, agriculture, ethnocultural landscape.

1. Введение

Природно-климатические условия Прибайкалья в значительной мере определяли состояние хозяйства тунгусов (эвенков). Охота, оленеводство, рыболовство, сбор съедобных растений зависели от температурного и ветрового режимов, экстремальных природных явлений и катастроф, вызывающих колебания продуктивности биологических ресурсов. Вхождение Сибири в состав России и рост числа новопоселенцев способствовали формированию сети крестьянских поселений и распространению хлебопашества. В административном отношении тунгусов Прибайкалья объединяли ясачные волости, с 1822 г. – Киренско-Хандинская, Очеульская, Тутурская и Нижнеилимская инородные управы.

Ареалы расселения тунгусов и русских были относительно удалены друг от друга в таежной части, сближаясь в широких долинах крупных рек, земли вокруг которых были пригодны для земледелия и пастбищного скотоводства. Природно-климатический фон влиял на специфику

* Corresponding author

E-mail addresses: milanara@yandex.ru (M. V. Ragulina)

социально-экономического развития, стратегии адаптации присваивающего и производящего хозяйства, делая своевременное реагирование на вызовы природной среды залогом выживания и благополучия. В XVII – XVIII вв. системы жизнеобеспечения тунгусов, перешедших к пушной охоте, были относительно нестабильны, находились в поиске стратегий взаимодействия с властями и новыми соседями. Выстраивание более устойчивых сетей взаимной помощи, экономических и родственных связей произошло к XIX в. К этому времени сложился этнокультурный ландшафт, поддерживающий жизнеобеспечение и крестьянских, и тунгусских сообществ.

2. Материалы и методы

Цель работы состоит в выявлении воздействия природно-климатических условий на жизнеобеспечение тунгусов. Основу исследования составили документы Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация), региональные летописи и статистические материалы, опубликованные в периодических изданиях Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Используются данные о населении и хозяйстве тунгусов согласно уставу 1822 г. отнесенных к Киренско-Хандинской, Тутурской, Очеульской, Нижнеилимской инородным управам Киренского и Верхоленинского округов Иркутской губернии.

Методология работы привлекает элементы системного подхода, позволяя выявить взаимосвязи между природно-климатическими условиями, присваивающим и производящим хозяйством. Этноисторические и историко-географические идеи способствовали углублению понимания хозяйственной эволюции тунгусов. Анализ экстремальных и климатически неблагоприятных периодов показал их влияние на выработку стратегий адаптации. Статистические данные позволили подтвердить зависимость присваивающего и производящего хозяйства от природных условий, включая колебания климата.

3. Обсуждение

Работы о роли современных природно-климатических изменений в жизни коренных народов отмечают множество негативных последствий: в местах обитания эвенков и якутов сокращается численность промысловых животных, чаще возникают лесные пожары, гибнут домашние олени из-за высоких летних температур (Lavrillier, 2013; Crate, 2008). При этом ситуация расценивается как впервые возникшая и непредсказуемая по своим последствиям. Исторические источники и этнографические работы содержат свидетельства о серьезных климатических колебаниях за пределами памяти существующего поколения в XVII – XIX вв. (Пежемский, Кротов, 1911; Романов 1914; Шерстобоев, 1949; Шерстобоев, 1957; Туголуков, 1985).

В отечественной историографии сложилась авторитетная традиция исследований, интегрирующая историко-экологические, историко-географические и историко-экономические подходы (Шунков, 1956; Кожухов, 1967; Чуркин, 2014). В то же время отмечается сравнительно позднее формирование экологической проблематики, которая наиболее развита в сибирских научных школах, причем значение природной среды было одной из важнейших тем отечественного сибиреведения (Кротт, 2018: 20).

Среди комплексных этнографических исследований тунгусов следует отметить классические работы Г.М. Василевич, В.А. Туголукова, М.Г. Турова, где природно-климатические факторы рассматривались как часть тунгусской хозяйственной культуры и мировоззрения. Современные антропологические подходы раскрывают природу в контексте внутренних смыслов живой среды тунгусской культуры (Lavrillier, Gabyshev, 2021; Давыдов и др., 2016).

Дендрохронологические, водно-балансовые и палинологические исследования позволяют на протяжении столетий достоверно реконструировать тренды внутривековой климатической изменчивости (Ваганов, Шиятов, 1999). Напротив, исторические сведения не всегда полны, и в силу этого сложно сформировать непрерывный ряд качественного описания, коррелирующий с количественными климатическими показателями (Борисенков, Пасецкий, 1988). Несмотря на методологические трудности, создана база данных аномальных явлений в природе и социуме Сибири и Монголии, выявлено влияние климатических колебаний на европейские общества прошлого (Pfister, 2010) и колонизацию Западной Сибири (Жилина, 2009). Доказаны цикличность климатических изменений, комплексный характер их воздействия на социум Сибири, корреляция с хозяйственным благополучием населения, эпидемиями и эпизоотиями. Периоды повышения температур в Северной Евразии в XVII – XIX вв. сопровождалась эпидемическими вспышками (Мыглан, 2010). Влияние колебаний климата на приленских и приангарских тунгусов с позиции культурно-хозяйственных трансформаций изучено недостаточно, поэтому настоящая работа ориентирована на восполнение пробела.

4. Результаты

До прихода русских этнокультурный ландшафт тунгусов таежного Прибайкалья располагался в крупных и средних речных долинах, в сети мелких притоков.

В верховьях р. Лены, в пределах выровненного и занятого таежными ландшафтами Лено-Ангарского плато обитали эвенки Очеульской и Тутурской инородных управ. На Приленском плато, в Хандинской низине и Ульканском понижении располагался ареал тунгусов Киренгско-Хандинской инородной управы. Нижнеилимская инородная управа включала таежные местообитания Ангарского поднятия, Илимской равнины, нижнее течение р. Илим с плодородными и пригодными по местоположению землями для распашки. Для территории свойственен резко-континентальный климат с непостоянством длительности безморозного периода (68 – 122 дня) и продолжительными устойчивыми морозами (со снегом – от 160 до 190 дней) (Беркин и др., 1993: 90-92). Перепады высот рельефа, чередование водоразделов, долин – микроклимат напрямую влияли на хозяйственную специфику и условия жизни.

С момента появления русских в регионе жизнь тунгусов коренным образом изменилась. В XVII в. они были обязаны уплачивать ясак соболями. Быстрое падение численности соболя на рубеже XVII – XVIII вв. побудило русскую администрацию брать дань не только мехами, но и деньгами. Это разоряло хозяйство тунгусов: помимо пушнины, на выручку денег для уплаты дани шли продукты, которые употребляла семья (Шерстобоев, 1949: 549). Сформировавшийся дефицит покрывал новый для тунгусов продукт – хлеб.

С появлением русских в регионе и до конца XVII в. прослеживается поиск контактных стратегий: интересы власти – присоединение новых земель, обеспечение лояльности и платежеспособности населения, приобретение природных богатств и ресурсов побуждали к вовлечению тунгусов в новые социальные отношения.

В хозяйстве тунгусов происходит крупный сдвиг: центр тяжести смещается от непосредственной добычи пищи («мясная», потребительская охота и рыболовство) к пушному промыслу для обмена на продовольствие и уплату ясака. Властям следовало следить, чтобы тунгусы «не жили у крестьян в деревнях и не шатались бы», не продавали пушнину на сторону, и в то же время неудачно промышлявший охотник должен был купить пушнину для сдачи ясака сам, поскольку разрешено было «за соболя брать деньгами» (Шерстобоев, 1949: 548-549).

Поиски соболя, численность которого стремительно снижалась, требовали увеличения промысловых территорий и сдвига его от мест обитания копытных. Ясак начали взимать деньгами, полученными не только с продажи пушнины, но и с остальных продуктов промысла. Тунгусы все более ориентировались на пушнину, в питании выросло значение покупного продовольствия (Рагулина, Сирина, 2020: 2344). Основным объектом добычи стала белка, которая, в отличие соболя, более склонна к миграциям, поэтому возросла протяженность кочевых маршрутов. Изменения в жизни тунгусов были противоречивы: с одной стороны, рост мобильности, с другой – увеличение зависимости от муки и хлеба, покупного продовольствия, оружия и боеприпасов, заместивших лук и стрелы. Ситуацию осложнил отход тунгусов с части обжитых долинных территорий, которые они были вынуждены покинуть из-за конкуренции с крестьянами – земледельцами и таежными промысловиками.

На рубеже XVII –XVIII вв. в регионе сложились очаги крестьянского освоения по долинам крупных рек, на осветленных участках тайги и подтайги – в прежних кочевьях тунгусов. Хлебопашество в условиях резко-континентального климата зависело от погодных условий, из которых важнейшими были колебания температурного режима.

Продолжительные периоды низких температур в общесибирском масштабе отмечены в XVII в. Они приходились на 1630-е гг., 1642-1645 гг. и с 1677 гг. до начала XVIII в. (Мыглан, 2010: 31). Это время оказалось наиболее «холодным» и неблагоприятным для хлебопашцев. Помимо недостатка тепла, исследователи сибирского земледелия большинство неудач связывают с экстремальными колебаниями климата и с необходимостью приспособления навыков, перенесенных из Центральной и Северной России (Кожухов, 1967: 16).

Первые тунгусы-земледельцы появились в 1655 г. (Шерстобоев, 1949: 552), через столетие каждый десятый тунгус стал земледельцем (Шерстобоев, 1957: 635). Сибирское земледелие в период становления было неустойчиво и нуждалось в приспособлении навыков, выработанных в Европейской России, к местным условиям (Шунков, 1952: 235).

К середине XVIII в. тунгусы сформировали прочные культурные, торговые и обменные связи с русскими крестьянами. Все шире в жизнеобеспечение входили зерновые, которыми их снабжало государство. Поскольку в регионе сложилась тесная взаимосвязь между производством зерновых и благополучием эвенков, неблагоприятные для земледелия колебания климата воздействовали на их жизнеобеспечение опосредованно. В предании, события которого относятся к XVIII в., рассказывается, что однажды «...перестал расти на Ангаре хлеб. Забрасывались (буквально – умирали) с каждым годом пашни, эвенки голодали, у них осталось мало оленей. Затем появились купцы, привезли хлеб и стали лучше кормить эвенков. Эвенки перестали есть домашних оленей, олени размножились, в тайге стало много лосей» (Василевич, 1966: 297).

Гидроклиматическими исследованиями обоснована связь динамики климата и сроков вскрытия рек ото льда (Солдатова, 1993: 94). В нашей работе ледовый режим реки Ангары в Иркутске послужил источником информации о климатических колебаниях. До организации регулярных

метеонаблюдений в 1888 г. заметки об установлении ледяного покрова и вскрытии реки велись с 1721 г. и фиксировались в региональных летописях (Пежемский, Кротов, 1911; Романов, 1914). Источник питания р. Ангары, оз. Байкал, обладает относительно стабильным температурным режимом. Благодаря этому продолжительность периода открытой воды в р. Ангаре условно можно связать с общим тепловым фоном воздуха, его внутривековыми колебаниями в средне- и южнотаежном Прибайкалье.

Наибольшее количество упоминаний заморозков, неурожая, голода приходится на годы, в которые продолжительность периода открытой воды составляет менее 270 дней (Рисунок 1).

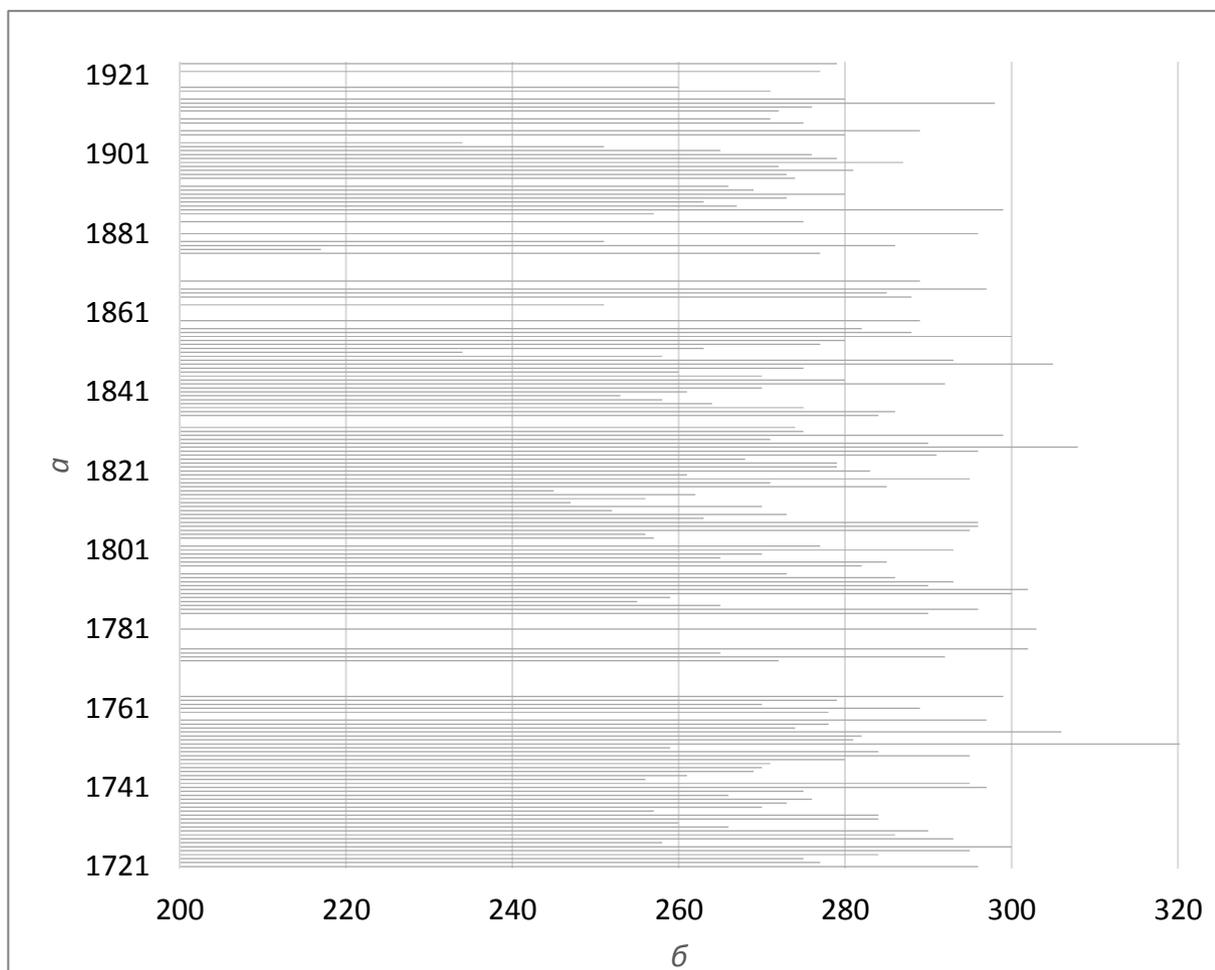

Рис. 1. Продолжительность периода открытой воды в р. Ангара в 1721-1921 гг. по данным Иркутских летописей (Пежемский, Кротов, 1911; Романов, 1914); а – годы; б – период открытой воды в днях

Далее рассмотрим ряд таких лет (в скобках после года указана длительность данного периода в днях). В XVIII в. неурожайными в Илимско-Ленском регионе были 1727 (258) и 1731 (266). В 1727 г. Илимской воеводской канцелярией было собрано 573 четверти ржи вместо 4225 «за скудостью и за недородом правиянта». Заместитель приказчика Криволицкой слободы доносил: «всякой хлеб – рожь, ярица, ячмень и овсы весьма вызябли. И самим на пропитание не будет... а которые хлебы были вузелень – и те хлебы косили на полях косою и кормят скотишко свое» (Шерстобоев, 1957: 252). Год 1736 (270) был отмечен недостатком кормов для скота (Шерстобоев, 1957: 247). Особенно неблагоприятным для крестьян стал 1739-й г. (266): заморозок уничтожил часть урожая. Администрация пыталась закупить хлеб в других регионах, но это удалось лишь частично (Шерстобоев, 1957, 252). Ангара в тот год покрылась льдом до Байкала, что ранее не наблюдалось (Пежемский, Кротов, 1911: 53). Несколько неурожайных лет подряд, а именно 1744 (261) – 1745 (269) гг., вызвали миграцию крестьян и забрасывание полей. Голод, возможно, способствовал возрастанию потерь от эпидемии оспы в 1745-м г. (Шерстобоев, 1957: 307-308). Неурожай отмечены в 1751-м (259), а также и в 1761-м гг., что вылилось в голод среди крестьян в 1762-м году (270) (Шерстобоев, 1957: 263). Серия из 4-х голодных лет последовала в 1769-1772 гг. В конце XVIII в. несколько неурожайных лет следовали в близком интервале: 1788 (255) (Шерстобоев, 1957, 274) – 1789 (259) (Шерстобоев, 1957, 275), 1799 (265) – 1800 (270) (Пежемский, Кротов, 1911: 160).

На середину – конец XVIII в. приходится ряд крупных миграций тунгусских родов в

малоосвоенные и более богатые охотничьими ресурсами таежные районы. Тунгусы были не в состоянии уплачивать дань и поддерживать пропитание за счет обмена с русскими (Туголуков, 1985: 175), которые не только не имели товарной продукции, но и не могли прокормить себя. Повторяемость неурожайных лет в XVIII в. и их тяжелые последствия говорят о суровости данной фазы климатического цикла и малой эффективности адаптации новопоселенцев к условиям Прибайкалья. Самые глубокие нарушения наблюдались именно серии аномальных лет: за два-три года (не говоря о большей длительности) крестьянское хозяйство могло потерять скот, семенной фонд, людей и даже исчезнуть. Все это сказывалось на тунгусах, которые не могли достать хлеба для пропитания у крестьян. Они тоже вынуждены были голодать. Их положение усугубляла негибкая ясачная политика властей и снижение продуктивности охотничьих угодий.

Крестьяне на опыте старались адаптировать сложившиеся для центральной России приемы земледелия в сибирских условиях к краткости безморозного и вегетационного периода, к весенним засухам, ранним и поздним заморозкам, длительно оттаивающей мерзлоте. Удача эксперимента зависела от использования разных условий (Шунков, 1952: 234). Достигался результат по возделыванию определенного набора культур, размещению полей, сроков проведения сельскохозяйственных работ. Процесс адаптации сопровождался расширением традиционного для разных этносов типа хозяйствования. Последовательно формировалась сибирская полиэтничная среда, основанная на хозяйственных, социальных и культурных взаимосвязях, а также на взаимном наложении тунгусского и русского ареалов этнокультурного ландшафта.

Земледельческая аккультурация тунгусов имела различные формы, в том числе, образование «ясачных» поселений. Приняв крещение, некоторые тунгусы перешли к компактному проживанию. Так, в Нижнеилимской управе в 1830 г. существовало три селения ясачных тунгусов-земледельцев (ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 70), к 1869 г их число возросло до пяти (ГАИО. Ф. 461. Оп. 2 Д. 11. Л. 39). Основанные в XVII в. приленская деревня Келора и в XVII – XVIII вв. нижнеилимские деревни Романова, Жилище, Закурдаева, Ясачная (Список населенных..., 1929: 890, 993, 894) к рубежу XIX в. становятся полностью тунгусскими. Русских в них либо нет, либо меньшинство (Патканов, 1906: 109-110). Население этих деревень изначально считалось тунгусами, но говорило по-русски, исповедовало православие и постепенно было переведено администрацией в крестьянское сословие (Рагулина, 2020: 441).

Структура хозяйства русских крестьян также трансформировалась в сторону использования новых видов деятельности. Наряду с земледелием возникла охота на пушного зверя и копытных. Навыки охотничьего промысла русские заимствовали у тунгусов. Также они научились делать лодки, усвоили приемы рыболовства на сибирских реках.

Многие тунгусы, видя в земледелии дополнительный способ прокормить свои семьи, приобщались к полеводству, огородничеству, переходили от кочевой жизни к полуоседлости и оседлости. Аккультурация неизбежно сопровождалась ассимиляцией, с которой связано снижение численности учтенных тунгусов, что некоторыми авторами необоснованно интерпретировалось как «вымирание», а не перемена идентичности (Кларк, 1863, Патканов, 1906). Ускорение аккультурационной динамики придавало социально-экономическую устойчивость этнически смешанным сообществам с комплексным земледельческо-промысловым хозяйством. В его новой модели были уже изменены структура промысла, конфигурация и размер освоенных ареалов и угодий.

Внутривековые колебания климата хорошо прослеживаются в XIX веке. В первые два десятилетия идет похолодание. Дальнейший двадцатилетний цикл (1820–1840 гг.) отмечен потеплением, ростом среднегодовых температур воздуха; к концу века снова наблюдалась череда холодных лет.

Неблагоприятный период с морозами и неурожаями, гибелью посевов сопровождался ростом цен на продовольствие. В 1800-м году (270) на полях в долине р. Лены ко времени сева лежал лед (Шерстобоев, 1957: 274). 1804-й (257) – 1805-й (259) годы отмечены заморозками и наводнениями (Пежемский, Кротов, 1911: 186, 192). Неурожайными была серия лет подряд: 1811–1816 (245-270), а также 1820-й (261) год (Пежемский, Кротов, 1911: 210-217, 224). В 1829 г. случилось крупное наводнение, пострадали не только посевы, но и поселения (Кожухов, 1967: 175).

Оседлое и полуоседлое тунгусское население наряду с охотничьим промыслом занималось подсечным земледелием. На примере локальной группы нижнеилимских полуоседлых эвенков видно, что продуктивность хозяйства была небольшой. Структура посевов учитывала суровые и многоснежные зимы, возможность раннеосенних и поздневесенних заморозков и была ориентирована на выращивание озимых, ржи и ячменя. Урожайность зерновых в нестабильных условиях изменялась в широких пределах (Рисунок 2).

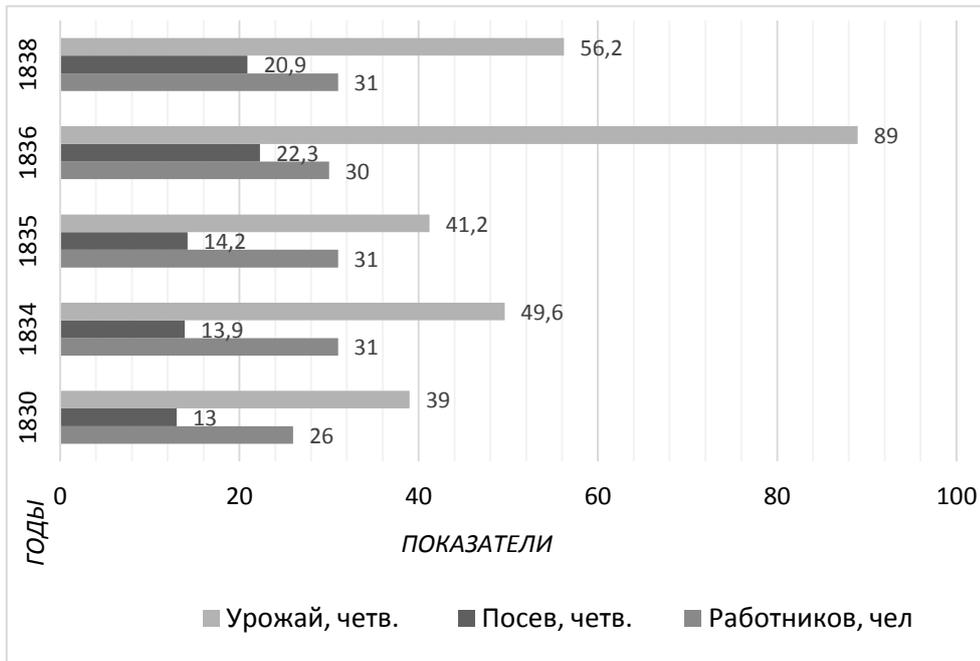

Рис. 2. Урожайность зерновых и число нижнеилимских тунгусов-земледельцев в 1830-х гг. Составлено по материалам: ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 94; ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 2. Л. 143; ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 3. Л. 198; ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 41. Л. 237; ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 5. Л. 87

У нижнеилимских «бродячих» тунгусов в 1838 г. (по сравнению с 1830-м г.) отмечено трех-четырёхкратное увеличение забоя на мясо транспортных оленей, которые обеспечивали перекочевки, и более чем двукратное (в 2 раза) снижение ввоза хлеба в стойбища охотников (1168 пудов против 2600 пудов в 1830 г.), а также двукратное падение добычи белки (в 1830 – 16000, в 1838 – 8200 шкурки) (ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 95; ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 5. Л. 89). В это же время часть разорившихся тунгусов мигрировала за пределы управы, а несколько обедневших хозяйств осело в ясачных деревнях. На данном примере видно различное воздействие кризисных факторов на присваивающее и производящее хозяйство. 1838 г. отличается неплохой урожайностью зерновых, но в то же время неудачен для охотников-оленоводов.

Залогом устойчивости служит разнообразие регионального хозяйственного комплекса и прочность обменных, соседских и административно-управленческих взаимодействий. Г.М. Василевич записала предание: «Все эвенки забирали хлеб на Ангаре. Купцы за один раз давали много муки... Купцы говорили: «Ранней весной белкуют, добывают лосей, оленей! Когда же наступал второй холод (вторая половина зимы), они говорили: Принесли прошлогоднюю весеннюю белку? И опять давали муку в долг, чтобы эвенки на охоте имели пищу» (Василевич, 1966: 298). В целом же, в XIX в. источники продолжают свидетельствовать о гибели посевов, росте цен на продовольствие, хотя на основе приобретенного опыта земледелие восстанавливается быстрее. Крестьяне приспособляются к таежным ландшафтам, продолжительным и суровым зимам, заморозкам и засухам. Однако падение урожая в неблагоприятные годы отражается не только на земледельцах, но и на инородцах из-за снижения товарообмена.

В холодные неурожайные годы тунгусы испытывали трудности в продовольствии. На этом фоне случались эпидемии. К примеру, масштабный размах получила горячка 1824 – 1826 гг. (ГАИО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 2. Л. 161). В середине и второй половине XIX в. вспышки эпидемий и связанный с ними рост смертности отмечен в холодные 1851 (234), 1865, 1880 гг. (Патканов, 1906: 164).

С 1829 г. в отчеты инородных управ включается требование оценить продуктивность тунгусского хозяйства (количество добытых животных и рыбы) в благоприятные и неблагоприятные годы. «Бродячие» киренско-хандинские тунгусы, хорошо обеспеченные оленями, промысловыми территориями, где у них было мало конкурентов из числа крестьян-охотников, имели неоднозначные по годам результаты. Группа численностью 607 чел. в «хороший» год добывала 19 000 белок, 50 соболей, 30 медведей, 140 оленей, 30 горностаев и 723 кг рыбы. В «плохой» год добыча составила 14 000 белок, 30 соболей, 10 медведей, 80 оленей, 70 горностаев и около 455 кг рыбы (ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 3. Л. 141). Колебания в добыче автор отчета объясняет эпидемиями, падением численности промысловых животных, изменением цен на пушнину, которые тесно связаны с ценами на хлеб. Полуоседлые тутурские тунгусы (302 чел.), частично проживающие в постоянных домах и кочевывшие только летом, в «хороший» год могли рассчитывать на 69 соболей против 19 в «плохой»

год, 3 694 белки против 1 350, соответственно, 36 и 8 медведей, 40 и 16 волков. Добыча рыбы колебалась по этим годам от 3 640 до 2 000 кг. Помимо промыслов, несколько семей занимались земледелием и в «хороший» год собирали 248 четвертей хлеба, а в «плохой» – 90 (ГАИО. Ф. 387. Оп. ОЦ. Д. 2. Л.16). Таким образом, продукция, полученная в хозяйствах тунгусов, варьировалась в широких пределах под влиянием конкретных климатических факторов, погодных условий и связанных с ними биоресурсных ритмов. Комплексные хозяйства тунгусов, идущие по пути гибридного включения производящих отраслей в присваивающее хозяйство, отличались большим запасом устойчивости.

5. Заключение

Документы, статистика и отчеты инородческих управ, материалы по истории сибирского крестьянства, летописи содержат множество свидетельств, которые подтверждают наличие связи между природными условиями, климатическими внутривековыми колебаниями и жизнеобеспечением тунгусов. Эти отношения имеют как прямой, так и опосредованный характер. Резкая континентальность климата Прибайкалья с дифференцированным распределением тепла и влаги по элементам рельефа создает мозаичность в размещении населения и хозяйственном освоении. Чередование благоприятных (с открытой водой более 270 дней), относительно теплых периодов с неблагоприятными, холодными и относительно холодными, а также частота экстремальных природных событий запускали механизм «качелей» в жизни людей: от сравнительной обеспеченности продуктами питания до вынужденных миграций, массовых голодовок, эпидемий, избыточной смертности. За рассмотренный период большинство зафиксированных кризисных явлений оказались синхронны понижением среднегодовых температур воздуха, маркером которых стала продолжительность безледного режима рек.

Трансформация жизнеобеспечения шла различными путями у русских и тунгусов. У русских крестьян неизбежной стала адаптация выработанных ранее в умеренном климате русской равнины приемов земледелия к резко-континентальному климату Прибайкалья с сильными колебаниями водно-теплового режима. Крестьянское хозяйство переходило от благополучия удачных лет к разорению: теряло работников, скот, разработанные поля, имело недостаток пищи и семян. Государству было сложно организовать снабжение, поскольку запасы «казенных магазинов» пополняли местные производители зерна. С наступлением благоприятного периода восстановление шло постепенно, и земледельцы не сразу могли получить достаточно продукции, чтобы вступить в обмен и торговлю. Наряду с приспособлением растениеводства к местному климату круг хозяйственных занятий крестьян дополнили заимствованные у «инородцев» способы пушной охоты и рыболовства.

Расширение пахотных угодий сталкивалось с интересами охотничьего промысла тунгусов. Переход к пушному промыслу и пространственные ограничения изменили маршруты кочевания и ритмы освоения ареалов, что ухудшило жизнеобеспечение до обнищания и голода у отдельных групп. В создавшейся ситуации часть тунгусов вынужденно мигрировала в неосвоенную и более продуктивную тайгу, а часть перешла к полуседлому и оседлому образу жизни, перенимая земледелие. В итоге внутривековые колебания климата, а также природные особенности, обусловленные географическим положением региона, воздействовали на природный и этнокультурный ландшафт, окружающую среду и деятельность человека.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А21-121012190018-2).

Литература

Беркин и др., 1993 – Беркин Н.С., Филиппова С.А. Иркутская область (природные условия административных районов). Иркутск: ИГУ, 1993. 306 с.

Борисенков, Пасецкий, 1988 – Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. 528 с.

Ваганов, Шиятов, 1999 – Ваганов Е.А., Шиятов С.Г. Роль дендроклиматических и дендрогидрологических исследований в разработке глобальных и региональных экологических проблем (на примере азиатской части России) // *Сибирский экологический журнал*. 1999. № 6 (2). С. 111-116.

Василевич, 1966 – Василевич Г.М. Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания. М. Л.: Наука, 1966. 400 с.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

Давыдов и др., 2016 – Давыдов В.Н., Симонова В.В., Сем Т.Ю., Брандишаускас Д. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с.

- Жилина, 2009** – Жилина Т.Н. Западная Сибирь в Малый ледниковый период: природа и русская колонизация (1550 – 1850 гг.). Томск: Оптимум, 2009. 162 с.
- Кларк, 1863** – Кларк П. Очепольские и тутурские тунгусы в Верхоленинском округе // *ВСОИРГО*. 1863. Кн. VI. С. 87-96.
- Кожухов, 1967** – Кожухов Ю.В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. Л.: ЛГУ, 1967. 384 с.
- Кротт, 2018** – Кротт И.И. Влияние экологического фактора на процесс адаптации, поведенческие стратегии и практики сибирского крестьянства в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2018. № 6 (57). С. 19-29.
- Мыглан, 2010** – Мыглан В.С. Климат и социум Сибири в малый ледниковый период. Красноярск: СФУ, 2010. 230 с.
- Патканов, 1906** – Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири: На основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 1. Вып. 1-2. // *Записки Императорского русского географического общества*. 1906. Т. 31. Вып. 1-2. 206 с.
- Пежемский, Кротов, 2011** – Пежемский П.И., Кротов В.А. Иркутская летопись // *Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества*. (ВСОИРГО). 1911. № 5. 420 с.
- Рагулина, 2020** – Рагулина М.В. Хозяйственная аккультурация нижнеилимских эвенков: земледельцы и охотники-оленеводы (XVIII - начало XX веков). // *Научный диалог*. 2020. № 1. С. 433-450.
- Романов, 2014** – Романов Н.С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. (Продолжение Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) // *Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества* (ВСОИРГО). Т. 8. Иркутск, 1914. С. 410.
- Солдатова, 1993** – Солдатова И.И. Вековые изменения сроков вскрытия рек и их связь с изменениями климата // *Метеорология и гидрология*. 1993. № 9. С. 89-96.
- Список населенных..., 1929** – Список населенных мест Сибирского края. Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск: Краевой отдел статистики, 1929. Т.2. 952 с.
- Туголуков, 1985** – Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 283 с.
- Чуркин, 2014** – Чуркин М.К. Природный фактор в аграрной колонизации Сибири пореформенного периода: становление историко-географического дискурса // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2014. № 4. С. 14-22.
- Шерстобоев, 1949** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1949. 596 с.
- Шерстобоев, 1957** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II – IV четвертях XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1957. 674 с.
- Шунков, 1952** – Шунков В.И. «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири. XVII в. // *Материалы по истории земледелия СССР*. М. 1952. С. 233-236.
- Шунков, 1956** – Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: АН СССР, 1956. 432 с.
- Crate, 2008** – Crate S. A. Gone the bull of winter? Grappling with the cultural implications of and anthropology's role (s) in global climate change // *Current anthropology*. 2008. Vol. 49. № 4. Pp. 569-595.
- Lavrillier, Gabyshev 2021** – Lavrillier A., Gabyshev S. An Indigenous science of the climate change impacts on landscape topography in Siberia // *Ambio*. Vol. 50. № 11. Pp. 1910-1925.
- Lavrillier, 2013** – Lavrillier A. Climate change among nomadic and settled Tungus of Siberia: continuity and changes in economic and ritual relationships with the natural environment // *Polar record*. 2013. Vol. 49. № 3. Pp. 260-271.
- Pfister, 2010** – Pfister C. The vulnerability of past societies to climatic variation: a new focus for historical climatology in the twenty-first century // *Climatic change*. 2010. Т. 100. № 1. С. 25-31.
- Ragulina, Sirina, 2020** – Ragulina M.V., Sirina A.A. Flour and Bread in the Life Support of the Tunguses of Central and Southern Siberia in the Second Half of XVII – early XX centuries // *Bylye gody*. 58(4): 2336-2345.

References

- Berkin et all, 1993** – Berkin, N.S., Filippova, S.A. (1993). Irkutskaja oblast' (prirodnye uslovija administrativnyh rajonov). [Irkutsk region (natural conditions of administrative districts)]. Irkutsk: IGU. 304 p. [in Russian]
- Borisenkov, Paseckij, 1988** – Borisenkov, E.P., Paseckij, V.M. (1988). Tysyacheletnyaya letopis neobyčajnyh yavlenij prirody [A thousand-year chronicle of extraordinary natural phenomena]. M.: Mysl. 528 p. [in Russian]
- Churkin, 2014** – Churkin, M.K. (2014). Prirodnyj faktor v agrarnoj kolonizacii Sibiri poreformennogo perioda: stanovlenie istoriko-geograficheskogo diskursa [Natural factor in the agrarian colonization of Siberia in the post-reform period: the formation of historical and geographical discourse]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»*. 4: 14-22. [in Russian]

- Crate, 2008** – *Crate, S.A.* (2008). Gone the bull of winter? Grappling with the cultural implications of and anthropology's role (s) in global climate change. *Current anthropology*. 49(4): 569-595.
- Davydov i dr., 2016** – *Davydov, V.N., Simonova, V.V., Sem, T.Yu.* (2016) Ogon', voda, veter i kamen' v jevenkijskih landshaftah. Otnosheniya cheloveka i prirody v Bajkal'skoj Sibiri [Fire, water, wind and stone in Evenki landscapes. Relations between man and nature in Baikal Siberia: a collective monograph]. SPb.: MAE RAS, 196 p. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [The State Archive of Irkutsk region].
- Klark, 1863** – *Klark, P.* (1863). Ocheul'skie i tuturskie tungusy v Verholenskom okruge [Ocheul and Tutura Tunguses in Verkholensk district]. *Zapiski VSORGO*. VI: 87-96. [in Russian]
- Kozhuhov, 1967** – *Kozhuhov, Ju.V.* (1967). Russkie krest'jane Vostochnoj Sibiri v pervoj polovine XIX v. [Russian peasants of Eastern Siberia in the first half of the XIX c.]. *Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gercena*. 356. 283 p. [in Russian]
- Krott, 2018** – *Krott, I.I.* (2018). Vlijanie jekologicheskogo faktora na process adaptacii, povedencheskie strategii i praktiki sibirskogo krest'janstva v konce XIX-nachale XX vv. [The influence of environmental factors on the adaptation process, behavioral strategies and practices of the Siberian peasantry in the late 19th and early 20th centuries]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(57): 19-29. [in Russian]
- Lavrillier, 2013** – *Lavrillier, A.* (2013). Climate change among nomadic and settled Tungus of Siberia: continuity and changes in economic and ritual relationships with the natural environment. *Polar record*. 49(3): 260-271.
- Lavrillier, Gabyshev 2021** – *Lavrillier, A., Gabyshev, S.* (2021). An Indigenous science of the climate change impacts on landscape topography in Siberia. *Ambio*. 50(11): 1910-1925.
- Myglan, 2010** – *Myglan, V.S.* (2010). Klimat i socium Sibiri v malyj lednikovyj period [Climate and society of Siberia during the Little Ice Age]. Krasnoyarsk : SFU, 230 p. [in Russian].
- Patkanov, 1906** – *Patkanov, S.K.* (1906). Opyt geografii i statistiki tungusskih plemen Sibiri [The experience of the geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*. 31. 1-2. 206 p. [in Russian]
- Pezhemskej, Krotov, 2011** – *Pezhemskej, P.I., Krotov, V.A.* (1911). Irkutskaya letopis [Irkutsk Chronicle]. *Trudy Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. (VSOIRGO)*. 5. 420 p. [in Russian]
- Pfister, 2010** – *Pfister, C.* (2010). The vulnerability of past societies to climatic variation: a new focus for historical climatology in the twenty-first century. *Climatic change*. 100(1): 25-31.
- Ragulina, 2020** – *Ragulina, M.V.* (2020) Economic Acculturation of Lower Ilim Evenki: Farmers and Reindeer Breeders (XVIII – Early XX Centuries). *Nauchnyi dialog*. 1: 433-450. [in Russian]
- Ragulina, Sirina, 2020** – *Ragulina, M.V., Sirina, A.A.* (2020). Flour and Bread in the Life Support of the Tunguses of Central and Southern Siberia in the Second Half of XVII – early XX centuries. *Bylye gody*. 58(4): 2336-2345.
- Romanov, 2014** – *Romanov, N.S.* (1914). Irkutskaya letopis 1857–1880 gg. (Prodolzhenie Letopisi P. I. Pezhemskogo i V. A. Krotova) [Irkutsk Chronicle 1857–1880. (Continuation of the Chronicle of P. I. Pezhemsky and V. A. Krotov)]. *Trudy Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva (VSOIRGO)*. Vol. 8. Irkutsk, 410 p. [in Russian]
- Sherstoboev, 1949** – *Sherstoboev, V.N.* (1949). Ilimskaia pashnia. T. 1. Pashnia Ilimskogo voevodstva XVII i nachala XVIII veka [Ilim arable land. Vol. 1. Arable land Ilim province of the XVII and beginning of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 596 p. [in Russian]
- Sherstoboev, 1957** – *Sherstoboev, V.N.* (1957). Ilimskaia pashnia. T. 2. Ilimskii kraj vo II – IV chetvertiakh XVIII veka [Ilim arable land. Vol. 2. Ilimsk region in the II – IV quarters of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 674 p. [in Russian]
- Shunkov, 1952** – *Shunkov, V.I.* (1952). «Opyt» v sel'skom hozjajstve Sibiri. XVII v. ["Experience" in agriculture in Siberia. XVII c.]. *Materialy po istorii zemledelija SSSR*. M.: AN SSSR. Pp. 233-236. [in Russian]
- Shunkov, 1956** – *Shunkov, V.I.* (1956). Ocherki po istorii zemledelija Sibiri (XVII vek) [Essays on the history of agriculture of Siberia (XVII century)]. M.: AN SSSR. 432 p. [in Russian]
- Soldatova, 1993** – *Soldatova, I.I.* (1993). Vekovye izmeneniya srokov vskrytija rek i ih svjaz' s izmenenijami klimata [Centuries-old changes in the timing of river openings and their relationship to climate change]. *Meteorology and hydrology*. 9: 89-96. [in Russian]
- Spisok naseleennyh..., 1929** – Spisok naseleennyh mest Sibirskogo kraja. Okruga Severo-Vostochnoj Sibiri (1929) [List of populated places in the Siberian Territory. Districts of North-Eastern Siberia]. Novosibirsk: Kraevoj otdel statistiki. Vol.2. 952 p. [in Russian]
- Tugolukov, 1985** – *Tugolukov, V.A.* (1985). Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri [Tunguses (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. M.: Nauka. 283 p. [in Russian]
- Vaganov, Shiyatov, 1999** – *Vaganov, E.A., Shiyatov, S.G.* (1999). Rol dendroklimaticheskikh i dendrohidrologicheskikh issledovanij v razrabotke globalnyh i regionalnyh ekologicheskikh problem (na primere aziatskoj chasti Rossii) [The role of dendroclimatic and dendrohydrological research in the

development of global and regional environmental problems (on the example of the Asian part of Russia)]. *Sibirskij ekologičeskij žurnal*. 6(2): 111–116. [in Russian]

Vasilevich, 1966 – Vasilevich, G.M. (1966). Istoricheskii fol'klor evenkov: Skazaniia i predaniia [Historical folklore of the Evenks: legends and traditions]. M.: L.: Nauka. 400 p. [in Russian]

Zhilina, 2009 – Zhilina, T.N. (2009). Zapadnaya Sibir v Mal'j lednikov'j period: priroda i russkaya kolonizaciya (1550-1850 gg.) [Western Siberia in the Little Ice Age: nature and Russian colonization (1550-1850)]. Tomsk : Optimum, 162 p. [in Russian]

Природные условия и жизнеобеспечение тунгусов Прибайкалья (XVII – конец XIX вв.)

Милана Владимировна Рагулина ^{a, *}

^a Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской Академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние природно-климатических условий на жизнедеятельность тунгусов в XVII-XIX веках. Нестабильный характер биологических ресурсов, обусловленный спецификой климата, затронул как коренные этносы тайги, так и русских поселенцев. В статье сопоставляются сведения о голоде, неурожаях в регионе и ледовом режиме реки Ангары. Выявлено совпадение между внутривековыми понижениями температуры воздуха и большинством экономических кризисов. Результаты указывают на повторяющиеся периоды понижения среднегодовых температур, которые сопровождалась экстремальными природными явлениями.

Взаимодействие тунгусов с крестьянами, купцами и властями происходило на этом меняющемся природно-климатическом фоне. Климатические колебания прямо и косвенно привели к формированию различных путей адаптации тунгусов: от укрепления обменных связей и перехода к гибридным полуседлым формам хозяйства до миграции в более продуктивные районы, удаленные от русских деревень. Природные факторы в сочетании с социальными и экономическими предпосылками привели к возникновению сложного комплекса адаптационных процессов. Сети взаимопомощи, торговли и культурного обмена были сформированы в ответ на природные и социальные риски, укрепив позиции тунгусов. Данные фольклора, летописей, статистики и архивных документов подтверждают влияние внутривековой изменчивости климата на тунгусов. Годы голода, неурожая, эпидемии и связанные с ними изменения в экономике затронули все группы населения. Последствия этого воздействия были специфическими в культурном и экологическом плане. Разнообразие и динамика соседних культур и географических условий способствовали уникальности хозяйства тунгусов, разным темпам их аккультурации, а также формированию этнокультурного ландшафта.

Ключевые слова: Прибайкалье, тунгусы, сибирское крестьянство, жизнеобеспечение, природные условия, климатическая изменчивость, неурожай, аккультурация, земледелие, этнокультурный ландшафт.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: milanara@yandex.ru (М.В. Рагулина)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 514-523
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.514

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Controversial Issues in the Study of Caucasian Slavery in the Study of A.Yu. Peretyatko (To the Issue of Interpretation of the Phenomenon)

Dmitry S. Dudarev ^{a,*}, Nikita S. Stepanenko ^b

^a Steeltrade Company, Russian Federation

^b FSO –Krasnodar presidential cadet school, Russian Federation

Abstract

The issue of Caucasian slavery in the last 10-15 years has been dynamically developing and being replenished with new relevant research. Researchers from different countries, both the Caucasus region, and Russian scientists, as well as specialists from far abroad, show great interest in the history of slavery in the Caucasus region and more broadly in the countries of the Black Sea basin to clarify the origins of the phenomenon, its history, sources, regional specifics, development dynamics, historical forms, modern remnants of the phenomenon, etc.

Recent developments include an extensive article by A.Yu. Peretyatko (2023), in which the author addressed the problems of studying Caucasian slavery in modern historiography. The purpose of this article is to critically analyze the work of the indicated author, due to the fact that, along with correct and valuable judgments, there are also a number of omissions in the work. They are associated with insufficient consideration of a number of modern studies on Caucasian slavery and some source data. Our analysis is necessary to determine the most relevant directions in the study of the problem of Caucasian slavery, their correct and objective consideration with the maximum involvement of various research points of view.

Keywords: Caucasian slavery, slave trade, captivity, serfdom, predation, Cossack slave owners, cross-border dialogue, frontier.

1. Введение

Проблематика кавказского рабства в последние 10-15 лет является динамично развивающейся и пополняющейся новыми актуальными исследованиями областью научных интересов ученых-историков. Об этом свидетельствует как ряд монографий, сборников статей и документов, так и отдельные статьи, специализирующиеся на проблемах рабства, а также диссертационные исследования (см. обсуждение). Ученые кавказского региона, российские исследователи, а также специалисты дальнего зарубежья проявляют большой интерес к истории рабства в кавказском регионе и шире – в странах Черноморского бассейна. Их совокупный научный интерес сфокусирован на выяснения истоков феномена рабства, его истории, региональной специфики, динамики развития, исторических форм, современных пережитков и т.п.

В число недавних разработок входит и обширная статья А.Ю. Перетятко (2023), в которой автор обратился к проблемам изучения кавказского рабства в современной историографии. Цель настоящей статьи состоит в критическом анализе работы указанного автора для уяснения степени глубины видения специалистом затронутой проблемы. Таковой анализ необходим для определения наиболее актуальных направлений в изучении проблемы кавказского рабства, их корректного и объективного рассмотрения с максимальным привлечением различных исследовательских точек зрения.

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev324@gmail.com (D.S. Dudarev),
stepanekonikita1993@yandex.ru (N.S. Stepanenko)

2. Материалы и методы

Источниками анализа нам послужили как перечисленные выше, так и иные разработки современных специалистов по тематике кавказского рабства, а именно материалы ГАКК (г. Краснодар, Российская Федерация) и труды мемуарного характера.

Исследование базируется на использовании историко-генетического, историко-системного методов, а также на использовании метода анализа источников. Историко-генетический метод исследования способствует установлению истоков и конкретных форм кавказского рабства, их возможного развития в ходе историко-социальных и политических процессов. Применение историко-системного метода позволяет определить место форм кавказского рабства среди аналогичных форм зависимости в других регионах, его специфику и особенности проявления в местной среде. Метод анализа источников позволяет выявить необходимую информацию среди данных разнообразного характера (законодательных актов, мемуаров, путевых заметок и т.п.).

3. Обсуждение

К проблеме кавказского рабства обращаются многие исследователи. Их труды посвящены историческим формам личной зависимости человека от человека и их генезису в северокавказском регионе (Тотоев, 2009; Иноземцева, 2014; Inozemtseva, 2017: 31-41), их особенностям и проявлениям в контексте причерноморско-средиземноморского мира (Возгрин, 2011), историко-политическим процессам на Кавказе в целом (Cherkasov et al., 2018: 1334-1346), функционированию форм личной зависимости в процессе становления и развития русско-северокавказских отношений и особенно в период военных действий на Северном Кавказе в XVIII – середине XIX в. (Клычников, Цыбулькинова, 2011; Цыбулькинова, 2014; Дударев, 2016; Дударев, Дударев, 2017; Дударев, 2022; Dudarev, Dudarev, 2017a: 18-30; Cherkasov, 2020; Tyutyunina, 2018: 40-48, Klychnikov, 2017: 42-51; Klychnikov, 2020; Stepanenko, 2019; Степаненко, 2022 и др.). В настоящее время историками-кавказоведами проделана большая работа по выявлению пласта источников по кавказскому рабству и характеристике самого этого феномена. Однако остается еще немало вопросов, связанных с существенными характеристиками кавказского рабства, с конкретизацией самой этой дефиниции, с выяснением особенностей этого феномена в связи со стадийно-региональными чертами процессов, на фоне которых данное явление развивалось, и т.п.

4. Результаты

А.Ю. Перетяtko правомерно ставит вопрос о необходимости уточнения понятия «рабство» и об особенностях его проявления в кавказских реалиях. В рассматриваемой статье автор анализирует работы современных российских историков, пытаясь найти в разных взглядах на проблему нечто общее. Обобщая положения публикации В.Е. Возгрина, А.Ю. Перетяtko акцентирует внимание на тезисе о том, что рабство в средиземноморских странах, куда продавали рабов из Причерноморья, было достаточно мягким и давало шанс на освобождение (Перетяtko, 2023: 510). Автор характеризует иную точку зрения на проблему следующим образом: «Ю.Ю. Клычников рассматривает кавказское рабство преимущественно в контексте XIX в. с его пафосом борьбы с зависимостью человека от человека, отменой крепостного права в России и Гражданской войной в США. Для него желание горцев продолжать работоторговлю выглядит варварским анахронизмом» (Перетяtko, 2023: 511). При этом В.Е. Возгрин и Ю.Ю. Клычников подчеркивают экспортный характер кавказского рабства.

А.Ю. Перетяtko поднимает важные для теоретического осмысления вопросы, связанные с необходимостью уточнения терминологии и классификации различных проявлений кавказского рабства. Он приводит тезис о том, что в период Кавказской войны, окончание которой почему-то датируется 1863 г., обе противостоящие стороны практиковали торговлю людьми (Перетяtko, 2023: 515).

Во-первых, не вполне понятно о каких *двух* сторонах пишет А.Ю. Перетяtko. Исследователь В.В. Лапин охарактеризовал Кавказскую войну как явление, лишенное внутреннего единства и существующее в виде устоявшейся словесной формулы исключительно благодаря территориальной локализации действий вооруженных сил России (Лапин, 2008: 10). «Здесь [в период «Кавказской войны» – прим. Авт.] переплелось сопротивление вольных обществ российской экспансии, борьба правительства с горскими набегами, туземные междоусобицы, военная составляющая деятельности имама Шамиля и оказанное ему противодействие со стороны местной элиты. Если к этому присовокупить явные признаки межконфессиональных и цивилизационных конфликтов, а также разнообразие мотивов продвижения России, то нецелесообразность попыток найти некое «единое» определение этой войне становится очевидной», – пишет историк (Лапин, 2008: 10-11). Таким образом, можно сделать вывод, что сторон конфликта было значительно больше, чем две.

Во-вторых, следует обратить внимание на тот факт, что крепостное право и торговля людьми – это неждественные понятия. Как метко заметил Б.Н. Миронов, в начале XVIII в. свободным человеком в России был только царь, а все остальные были в той или иной степени закрепощены. Причем большинство было закрепощено на нескольких уровнях: священник – государством и епископом; посадский человек – государством и посадской общиной; помещичий крестьянин –

государством, дворянином и сельской общиной; казенный крестьянин – казной и сельской общиной. И лишь дворянин был закрепощен только государством. Крепостное право было всеобщим. Существовало крепостничество трех видов: государственное, или казенное, частное и корпоративное (Миронов, 2003: 370). Следовательно, крепостное право вполне может существовать без торговли людьми. Тем не менее торговля людьми в Российской империи имела место, но она регулировалась правовыми нормами, которые на протяжении XVIII–XIX вв. постепенно ограничивали это явление. Указом 1721 г. запрещалось при продаже крестьян разбивать семьи. Указ 1771 г. вводил запрет на продажу крестьян без земли на аукционе с молотка. В 1776 г. запрещалась купля и продажа иностранцев азиатского происхождения и обращение их в крепостное состояние в результате плена (Миронов, 2003: 388). Указы 1802, 1804, 1808, 1827, 1833 и 1841 гг. ограничили некоторыми условиями право помещиков продавать, дарить своих крепостных и ссылать их в Сибирь. Конечно, имели место примеры неисполнения данных правовых норм, различных злоупотреблений, но Российское государство взяло курс на сворачивание различных форм несвободы. В то же время на Северном Кавказе наблюдалась обратная тенденция. В конце XVIII – начале XIX вв. между Анапой (западно-кавказским центром торговли невольниками и селением Эндери, схожим по специализации пунктом работорговли и пленопродавства Северо-Восточного Кавказа) по «османской дороге» (или еще – по «османовому шляху») был налажен своеобразный транзитный коридор поставки «живого товара» (Приймак, 2011: 205). Торговлю невольниками стимулировали активно развивающиеся товарно-денежные отношения и отсутствие единого государственного центра, который регулировал бы взаимоотношения в этой сфере, в том числе при помощи норм права. Таким образом, важным является уточнение тезиса А.Ю. Перетятко о том, что торговля людьми в XVIII–XIX вв. имела место в России и на Кавказе. Это действительно было так, но на территории первой она в этот период системно ограничивалась и регулировалась государством при помощи норм права. На большей части Кавказа работорговля динамично развивалась и не регулировалась нормами права. Тенденции развития различных форм зависимости были противоположными.

Утверждение А.Ю. Перетятко о том, что в случае более ранней победы России в Кавказской войне пленопродавство на Кавказе, вероятно, просто сменилось бы крепостничеством, более чем сомнительно. Автор аргументирует данный тезис тем, что к 1796 г. крестьяне, проживавшие на территории Войска Донского, были закрепощены, соответственно, такая же участь должна была постигнуть и жителей Северного Кавказа. Но примерно в то же время, в 1816–1819 гг., крепостное право было отменено в Прибалтике. После взятия под контроль Кабарды в 1820-е гг. Россия также не стала насаждать в регионе крепостничество. Мы считаем конструирование и анализ не случившихся исторических событий непродуктивным занятием. Но существенно заметить не только это.

Мы ни в коем случае не стремимся «реабилитировать» российское крепостничество и преподнести его в лучшем свете. Дело в другом. В русском обществе еще в XVIII в. появились люди, решительно осуждавшие самодержавно-крепостнический строй (А.Н. Радищев). Более того, неприятие крепостничества становилось императивом даже в части самых высших кругов страны. Наследник престола, Александр Павлович, будущий император Александр I, записал: «К стыду России, рабство в ней еще существует. Не нужно, думаю, описывать, сколь желательно, чтобы оно прекратилось» (История России..., 2008: 409). Осознание неприемлемости российского крепостничества в XIX в. стало прочным достоянием «людей сороковых». В.Г. Белинский в письме к Н.В. Гоголю назвал николаевскую Россию страной, где «люди торгуют людьми» (История России..., 2008: 553). Это позорное явление было общим врагом как западников, так и славянофилов. Перед крестьянской реформой 1861 г. И.С. Тургенев, отражая настроения в обществе, писал: «Всем в России известно, что в этом важном вопросе правительство идет в ногу с общественной мыслью в стране» (История России..., 2008: 593). Иными словами, в середине XIX в. в российском социуме существовал четкий антикрепостнический тренд, и в силу этого никто не собирался навязывать крепостничество народам Кавказа. Другое дело, что реализовать проекты по освобождению крестьянства было, по известным причинам, весьма непросто.

На Кавказе процесс раскрепощения лично зависимых групп населения затянулся в силу местной специфики, а также в силу позиции царя, Александра II, «не все делать вдруг». Особо подчеркнем то, что местные феодальные круги не желали расставаться с прежней властью над лично зависимыми людьми. Этот мотив был весьма существенным в таком явлении, как мухаджирство. Исследователи отмечают, что за массовое переселение ратовала наиболее реакционная часть горского дворянства, заинтересованная в сохранении своей власти над крестьянством на новом месте: черкесские верхи и в Турции желали эксплуатировать зависимые слои. В.В. Дегоев прямо указывает на то, что верхушка тфокотлей совместно с частью родовитой аристократии спровоцировала переселенческое движение (Дегоев, 2009: 443). Черкесские феодалы уезжали за море, увлекая за собой и своих крестьян, используя традиционные рычаги феодальной власти, обычаи, привычки, религиозный фактор (Чекменев, 2007: 78). В то же время горские просветители с осуждением писали о положении домашних рабов (Хан-Гирей), которые делались жертвами бесчеловечия владельцев (Норченко, Айларова, 2013: 231–232). Однако степень их влияния на происходившие в обществе процессы вряд ли была значительной.

Весьма примечателен и один немаловажный штрих проблемы. Те русские крепостные крестьяне, которые оказывались в горском плену, по выходе из него освобождались от крепостного состояния. Показательна история крепостного маркитанта Н.И. Шипова, который, будучи грамотным, оставил воспоминания (Шипов, 2011: 3-31; Дударев, 2022: 350-358). В его мемуарах ключевой является фраза «Плена у горцев хоть и страшился, но в душе желал его». Она прямо указывает на существующее правило, о котором было хорошо известно и которое являлось своеобразным, хотя и весьма рискованным, путем приобретения свободы крепостными крестьянами. Шипов провоцировал свое похищение горцами, ходя один из крепости Внезапной в соседний аул Эндери. Пережив эпопею в плену, после бегства он подал прокурору вместе со свидетельством о плене ходатайство «об освобождении от помещичьего владения», которое было впоследствии удовлетворено (Шипов, 2011: 30).

Важным инструментом для теоретического осмысления является использование классификации критериев личной свободы, предложенных историком Б.Н. Мироновым для северокавказских реалий. Он предлагает следующие признаки: 1) свобода от всех форм внеэкономической, личной зависимости; 2) свобода в выборе места жительства; 3) свобода социальных перемещений; 4) приобретение полного и неограниченного права на частную собственность любого движимого и недвижимого имущества; 5) свобода в выборе занятия и профессии; 6) социальная защищенность: лишение достоинства, чести, имущества только по суду. Анализ по данным критериям положения представителей различных категорий зависимого населения поможет лучше понять различные проявления рабства на Северном Кавказе.

А.Ю. Перетягко предполагает, что отдельные российские подданные, оказавшись на Кавказе, должны были пытаться извлечь выгоду из торговли людьми, пока такая торговля имела место в империи. Это действительно так. В середине XIX в. в горах Закубанья проживали беглые казаки и крестьяне, которые занимались захватами и торговлей пленниками. Исследователи на основании материалов из ГАКК выделяют группу казаков-«рабовладельцев», ведших указанного рода деятельность (Dudarev, 2022: 72-73). Судя по поступкам этих дезертиров и беглецов, они были достаточно расчетливыми и циничными людьми, так как захватывали в плен, покупали и продавали таких же, но менее удачливых перебежчиков. Среди казаков-«рабовладельцев» заметное место занимали казаки-некрасовцы (именуемые еще липованами) (Дударев, Дударев, 2022: 70-74), о «деятельности» которых фактически упоминает А.Ю. Перетягко, но по непонятной причине не употребляет термина «некрасовцы».

Имели место примеры соучастия российских чиновников в работорговле (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1364). При этом мы должны учитывать, что российские власти однозначно воспринимали такие деяния, как проявления делинквентного поведения, за которые сурово наказывали. Одновременно сами власти, учитывая существующие в крае традиции и практики, стремились захватывать горцев в плен для осуществления будущего обмена их на российских военнослужащих и мирных обывателей, попавших в неволю. Этот пример весьма показателен в рамках феномена «окавказивания» российских структур, особенно армии в период «Кавказской войны», когда специфика событий привела к «приватизации» регулярных российских частей (Лапин, 2008: 279).

А.Ю. Перетягко много внимания уделил положению плененных российскими войсками девушек (девочек)-горянок. При этом он достаточно детально и квалифицированно проанализировал часть полемики, которая велась историками по этому поводу (статьи Ю.Ю. Клычникова и О.С. Мугиевой). Он верно пришел к выводу о том, что даже беззащитные девушки-горянки, захваченные в плен, не обращались в крепостное состояние. В этой связи нужно заметить следующее: в исследуемый период понятия «девушка (женщина)-горянка» не существовало. Имел место только один термин, доступный и понятный массам российских участников событий – «черкешенка». Дефиниция «горянка» – это продукт советской эпохи, когда горские девушки и женщины превращались из объекта, который можно купить, продать, насильно выдать замуж и т.п., в субъект. Женщины могли достигнуть (и достигали: горянки-учителя, вузовские преподаватели, врачи, механизаторы, поэтессы, летчицы, депутаты и др.) в нем равного положения с мужчиной*.

Как и в ряде других случаев, А.Ю. Перетягко упущены работы по данной стороне рассматриваемого им вопроса, особенно публикации А.А. Цыбульниковой (помимо их совместного с Ю.Ю. Клычковым издания, о котором знает данный автор). Между тем в них есть важные сведения о брачной политике российских властей в интересующий нас период. Они серьезно дополняют вопрос и демонстрируют тот очевидный факт, что указанная политика способствовала, в частности, достижению стабилизации межэтнического взаимодействия в регионе, жизнеобеспечению пленниц-сирот кавказского происхождения, демографическому приросту за счет создания смешанных семей со служащими российской армии**.

* Ныне ситуация вновь изменилась не в лучшую сторону. Из сети Интернет известно немало случаев домашнего насилия в тех или иных северокавказских республиках, вынуждающего девушек бежать от него.

** Брак с пленной черкешенкой, по свидетельству лермонтовского очерка «Кавказец», был для его обобщенного героя предметом «почти несбыточной мечты» (Лермонтов, 1965: 13). Между тем картина, засвидетельствованная историками, фиксирует то, что в Центральном и Северо-Восточном

А.Ю. Перетяtko прав, утверждая, что совершенно некорректно рассматривать историческое кавказское рабство и пленопродавство в современных аксиологических категориях (Перетяtko, 2023: 525). Он отмечает, что кавказские практики работорговли стигматизируются как хищничество в отличие от российского крепостного права. Считаem важным обратить внимание на то, что термин «хищничество» достаточно широко употребляется в российской делопроизводственной документации XVIII-XIX вв. Использование данного термина продиктовано не желанием дискредитировать какие-либо этнические группы или государственные образования, а принципом историзма. Российская империя, как и любое другое государство, никогда бы не смирилось с набегами и захватом пленников. Глубокое неприятие этого явления, в отличие от иных форм рабства, связано с тем, что оно шло в противоречие с одной из ключевых функций государства – обеспечением безопасности. Именно поэтому оно получило такой эмоционально окрашенный термин «хищничество». Следует отметить, что жертвами этого явления были как горцы, так и представители восточнославянского населения. Именно Россия стала единственной крупной политической силой, которая целенаправленно и систематично боролась с пленопродавством на Северном Кавказе. Это соответствовало мироустроительной функции Российской империи (Дударев, 2016a: 105-114), которая была тесно связана с мотивом безопасности ее подданных (см. выше). Но дело было не только в этом. Стремление пресечь работорговлю/пленопродавство было тесно связано с необходимостью ликвидировать каналы, связывавшие горцев с Османской империей. Это хорошо понимали не только военные и политики, но и «наше все» А.С. Пушкин, который писал о необходимости приобретения Россией «восточного края Черного моря», которое отрешит горцев от Турции и вынудит их к сближению с Россией (Дударев, Дударев, 2017: 43). Таким образом, в основе ликвидации российскими властями горской работорговли/пленопродавства лежали, прежде всего, политические мотивы.

Здесь также нельзя не заметить, что тезис ряда историков о том, что положение рабов на Кавказе и прилегающих территориях было сравнительно терпимым (этот взгляд, полагаем, идет еще от рассуждений Э. Спенсера) (Спенсер, 1994: 56; Возгрин, 2011: 90-100; Toledano Ehad, 1982: 4), вызывает ряд возражений. Например, многие российские дезертиры, оказавшись в горах, попадали в незавидное положение. Поляк Теофил Лапинский сообщает о том, что пленного офицера или солдата мучают самыми ужасными работами, голодом и ужасным содержанием, причем цель всего этого – ускорение выкупа и получение большей суммы денег (Лапинский, 1995: 149). Аналогичные сведения приводил и Д. Лонгворт (Лонгворт, 2002: 254-255). В результате подобного отношения значительное количество дезертиров пыталось бежать обратно, на контролируемые Россией территории, несмотря на угрозу наказания. А.А. Черкасов в своем фундаментальном сборнике документов по истории Северо-Западного Кавказа показал масштабы бегства горцев под покровительство России. Важной причиной этого явления являлся страх стать рабом (Cherkasov, 2020: 1415-2266). Это была своеобразная форма протеста представителей широких масс горских обществ против порабощения.

А.Ю. Перетяtko правомерно ставит вопрос о том, можно ли рассматривать социальные практики кавказской работорговли как формы не конфронтации, а трансграничного диалога. Однако напомним этому автору, что подобная постановка уже фактически звучала ранее появления его рассматриваемой работы в исследовании одного из авторов данной статьи (Дударев, 2016: 24). В процессе общения с пленниками все больше расширялись знания горцев в области русского языка, их представлений о российской действительности, социально-экономической, политической жизни и т.п. С другой же стороны, пленники были тем своеобразным каналом коммуникации, в рамках которого, хотя и не по доброй воле, шло расширение знаний россиян о мире горцев. Любопытно, что порой пленники стремились пережить самые настоящие «культурные приключения» в горской среде ради большего ее узнавания (С. Беляев) (Дударев, Дударев, 2018: 43-51). Особого упоминания заслуживают горские пленники в русской среде. Наиболее примечательны судьбы Петра Захарова, первого художника-чеченца, попавшего в Россию ребенком после взятия его родного села Дады-Юрт, а также героя войны 1812 г. генерала Александра Чеченского, плененного после взятия его родного аула Алды, откуда происходил известный шейх Мансур. Оказавшись в русской среде в результате военных действий и гибели их родственников, эти люди являют собой яркий, хотя и, безусловно, драматический пример своеобразного диалога российского и горского социумов. В результате горские пленники благодаря доброй воле своих воспитателей (в первом случае родственников А.П. Ермолова, во втором – семьи будущего ген. Н.Н. Раевского) и под влиянием передовой русской культуры стали одними из достойных представителей своего народа в российской и чеченской истории.

Анализируя статью Ю.Ю. Клычникова (Klychnikov, 2020: 4-18), А.Ю. Перетяtko указывает при этом на то, что Россия не смогла искоренить, но только временно подавила практику захвата и продажи рабов горцами, которая в моменты ослабления российских государственных институтов возрождалась. Автор указывает на то, что в такой концепции очевидно прослеживаются идеи «школы В.Б. Виноградова» (кавычки А.Ю. Перетяtko), учителя Ю.Ю. Клычникова, о «безусловно благотворном влиянии Российской империи на кавказские народы» (Перетяtko, 2023: 514).

Кавказе в первой половине XIX в. наблюдался рост смешанных браков, с российской стороны представленных холостыми рекрутами и офицерами нижнего звена (Цыбульникова, 2014: 205-216).

Между тем Ю.Ю. Клычников, на наш взгляд, прав в своих выводах. Когда в результате событий конца 1980-х – начала 1990-х имел место всплеск чеченского сепаратизма, практика похищения людей и превращения их практически в невольников пережила своеобразное «возрождение». При этом на рабском положении оказались не только «сидельцы» дудаевско-масхадовских «зинданов», но и вовлеченные обманом в такую же ситуацию подневольные рабочие (выходцы их других регионов России). Впрочем, коллеге Перетягко осталось неизвестным и то, что и до указанных событий в 1970–1980-х гг. в горах Чечни встречались беспаспортные «бомжи», жившие на положении подневольных лиц и трудившиеся на своих хозяев за еду и водку. Но здесь уместно сказать не только о возобновлении «внешней подпитки» института пленопродавства в сложных условиях конца 1980–1990-х, когда в стране пошатнулась государственная стабильность и порядок, что особенно «аукнулось» на Кавказе. Специально укажем и на то, что, по-видимому, осталось вне поля зрения А.Ю. Перетягко. В ментальности горцев Дагестана (и не только их одних) роль играла сословная принадлежность брачующихся, особенно жениха. Если его родители (или даже один из его родителей) в 7–10-м поколениях являлись рабами, то с ними не обручали свою дочь родители из свободных сословий. Еще в конце 1990-х гг. на этой почве в Дагестане вспыхивали серьезные внутрисоциальные конфликты, имевшие тяжелые последствия (Гаджимурадова, 2020).

Что же касается двусмысленных кавычек в отношении Школы В.Б. Виноградова, то этот прием демонстрации негативного отношения к известному отечественному научному коллективу не украшает уважаемого оппонента Ю.Ю. Клычникова. Одновременно не можем не отметить, что как сам В.Б. Виноградов, так и его ученики никогда не скрывали сложностей, а также драматических и трагических сторон российско-кавказского взаимодействия. Но на первый план они действительно ставили и ставят положительные аспекты отношений Большой России и Северного Кавказа. При этом Школа В.Б. Виноградова всегда руководствовалась высказыванием акад. Б.Б. Пиотровского о том, что в истории всегда было больше дружбы и меньше крови, потому что если бы было наоборот, то история давно бы закончилась. Эта мудрая мысль сегодня, когда Россия и ее внутреннее единство в очередной раз переживают трудные испытания, вновь актуальна и злободневна.

Мы во многом согласны с одним из главных выводов А.Ю. Перетягко о том, что кавказское рабство было рабством фронта, пограничья, на котором, в силу его специфики, было легко брать и укрывать пленников. Однако о роли фронта, причем в его барреттовском понимании, когда он является территорией неопределенности (Барретт, 2000: 163–169), писали и до выхода статьи А.Ю. Перетягко (Dudarev, 2022a: 80), и мы рекомендуем ученому ознакомиться с их работами.

Возвращаясь назад, подчеркнем, что, по мнению все того же Ю.Ю. Клычникова*, национальные субъекты Северного Кавказа до конца XX в. фактически продолжали оставаться «фронтиром» при внешней включенности в советские и российские структуры. После того как завершились военные действия «Кавказской войны» и территориально фронт фактически перестал существовать, связанные с ним социокультурные стереотипы перешли в область ментальности, каждый раз проявляясь впоследствии при ослаблении центральности власти (см. выше).

5. Заключение

Таким образом, рассмотренные выше аспекты работы А.Ю. Перетягко позволяют сделать следующие выводы.

Попытка конкретизации дефиниции кавказского рабства/пленопродавства, предпринятая А.Ю. Перетягко, является своевременной и полезной. Автор прав, указывая на специфику кавказского региона, народы которого и их социальные отношения существовали на стыке культур, религий и эпох, находясь на разных ступенях общественного развития. Верно указывается на необходимость выстраивания иерархии видов рабства на Кавказе, а также на обязательное понимание неоднородности и специфики феномена. Мы уже отмечали выше, что одним из главных выводов А.Ю. Перетягко является тот, что кавказское рабство было рабством фронта. Признавая тот факт, что он являлся наиболее благоприятной сферой для длительного существования форм личной зависимости человека от человека, мы подчеркиваем переживание их в том или ином виде вплоть до недавнего времени. Рабское прошлое предков еще совсем недавно могло существенно влиять на статус современного человека.

Одновременно мы не можем не указать на то, что в процессе своего довольно пространный анализ А.Ю. Перетягко был допущен ряд неточностей. Автор порой оказывается не в курсе тех или иных важных исследований коллег, а также не в курсе существенных нюансов в том или ином аспекте темы. Иногда он оказывается в плену определенной идеи, например, с упорством ставит знак равенства между личными формами зависимости у кавказцев и россиян, т.е. между кавказским рабством/пленопродавством и русским крепостничеством. Не повторяя сказанного нами выше, отметим то, что кавказские формы личной зависимости были тупиковой ветвью общественных отношений. Крепостное право в России не только неоднократно осуждалось лучшими представителями общества, но и было, в конце концов, отменено, что дало дорогу для развития страны по пути прогресса. Кавказские общества исторически

* Личная беседа авторов с ученым.

не имели достаточного потенциала для критического преодоления феномена рабства и отказа от него для улучшения собственных исторических перспектив. Рабство на Кавказе было отменено русским посткрепостническим обществом в ходе знаменитых реформ 1860–1870-х гг. Сказанное приводит нас к выводу о том, что дальнейшие исследования в области систематизации и уточнения дефиниций, связанных с кавказским рабством, которые планирует А.Ю. Перетяцько, должны осуществляться во всеоружии знаний литературы и источников по проблеме. Это весьма благодатное, но и одновременно сложное поле для исследования. Ожидая от А.Ю. Перетяцько новых интересных разработок, мы вправе рассчитывать на совершенствование им своих исследовательских подходов и пополнение научного багажа.

Литература

- Барретт, 2000** – *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский фронт России / Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология. Самара, 2000. Т. 2. Императорский период. С. 163-194.
- Возгрин, 2011** – *Возгрин В.Е.* Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье – Новое время) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. Вып. 3. С. 90-100.
- Гаджимурадова, 2020** – *Гаджимурадова З.М.* Этническое самосознание дагестанцев на породе XXI века (на материале сравнительного исследования этностереотипов старшего и младшего поколения аварцев и кумыков). Махачкала: изд-во ALEF, 2020. 275 с.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Дегоев, 2009** – *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.
- Дударев, 2016** – *Дударев Д.С.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX века: автореф. дисс. канд. ист. наук. Армавир, 2016. 26 с.
- Дударев, 2016а** – *Дударев С.Л.* Российская политика на Северном Кавказе – мироустройство или мессианство (в общегосударственном контексте) // *Статьи и заметки по истории. Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова.* Вып. 2. Армавир, 2016. С. 105-114.
- Дударев, 2022** – *Дударев С.Л.* К истории Северного Кавказа XVIII – начала XXI века. Сборник научных статей и рецензий. Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. 382 с.
- Дударев, Дударев, 2017** – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
- Дударев, Дударев, 2018** – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Русский солдат в чеченском плену (40-е гг. XIX в.) // *Вопросы истории.* 2018. № 8. С. 43-51.
- Дударев, Дударев, 2022** – *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Казаки-некрасовцы на Кубани в конце XVIII – начале XIX в. (по материалам ГАКК) / *Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Тринадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции* / под редакцией С. Н. Лукаша, А. А. Цыбулькиной. Армавир: РИО АГПУ, 2022. С. 70-74.
- Иноземцева, 2014** – *Иноземцева Е.И.* Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИФЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. 298 с.
- История России..., 2008** – *История России XVIII-XIX веков.* Под ред. акад. Л.В. Милова. М.: ЭКСМО, 2008. 784 с.
- Клычников, Цыбулькинова, 2011** – *Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. Б.В. Виноградова. Пятигорск, 2011. 256 с.
- Лазарян, Маслова, 2022** – *Лазарян С.С., Маслова О.Б.* Кавказское пограничье как потаённое пространство в реалиях России XIX века // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2022. Т. 9(3). С. 404-409.
- Лалин, 2008** – *Лалин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. СПб., 2008. 400 с.
- Лалинский, 1995** – *Лалинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 1995. 463 с.
- Лермонтов, 1965** – *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений. Т.4. М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. 518 с.
- Лонгворт, 2002** – *Лонгворт Д.* Год среди черкесов. Нальчик, 2002. 541 с.
- Миронов, 2003** – *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.): 1 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: «Дмитрий Буланин». 2003. 587 с.
- Норченко, Айларова, 2013** – *Норченко Е.А., Айларова С.А.* Модернизация Северного Кавказа в 20-50-годы XIX века. Владикавказ, 2013. 284 с.
- Перетяцько, 2023** – *Перетяцько А.Ю.* Некоторые проблемы изучения кавказского рабства как целостного феномена в современной русскоязычной историографии. Часть I // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 508-530.

Приймак, 2011 – Приймак Ю.В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011. 359 с.

Спенсер, 1994 – Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994.

Степаненко, 2022 – Степаненко Н.С. Локальные переселения на Северо-Западном Кавказе в условиях интеграции региона в состав Российской империи (1830– 1860-е гг.): дис. ... канд ист. наук. Пятигорск, 2022.

Тотоев, 2009 – Тотоев Ф.В. Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е годы XIX века). Нальчик, 2009. 115 с.

Цыбулькинова, 2014 – Цыбулькинова А.А. Брачная политика российских властей на Северном Кавказе как один из инструментов интеграции горских обществ в состав российского государства / Дударев С.Л., Дударев Д.С., О.В. Ктиторова, А.А. Цыбулькинова. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа): монография. Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. С. 205-216.

Чекменев, 2007 – Чекменев С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып.7. Пятигорск, 2007. С. 67-81.

Шипов, 2011 – Шипов Н. История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Вып. 6. Нальчик: Полиграфсервис, 2011. С. 3-31.

Cherkasov et al., 2018 – Cherkasov A.A., Ivantsov V., Šmigel' M., Bratanovskii S.N. Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4. Pp. 1334-1346.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1. Pp. 1415-2266.

Dudarev, Dudarev, 2017a – Dudarev S.L., Dudarev D.S. Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 18-30.

Dudarev, 2022a – Dudarev S.L. On the Representatives of the Russian Side with Deviant Behavior, including the Trade in Prisoners, in the North-Western Caucasus in the late 18th – mid-19th centuries // *Slavery: Theory and Practice*. 2022. 7(1): 70-85.

Inozemtseva, 2017 – Inozemtseva E.I. To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 31-41.

Klychnikov, 2017 – Klychnikov Yu.Yu. The Factor of Slave Trade in the Russian Politics in the Northern Caucasus // *Slavery: Theory and Practice*. 2017. 2(1): 42-51.

Klychnikov, 2020 – Klychnikov Yu.Yu. North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 4-18.

Stepanenko, 2019 – Stepanenko N.S. Runaway Cossacks and Peasants – Slave-Owners in the Northwest Caucasus in the Middle of the XIX century // *Slavery: Theory and Practice*. 2019. 4(1): 29-34.

Toledano, 1982 – Toledano E.R. The Ottoman Slave Trade and Its Suppression, 1840-1890, Princeton: Princeton University Press, 1982. 307 p.

Tyutyunina, 2018 – Tyutyunina E.S. To the Issue of Slavery in the Terek Cossacks // *Slavery: Theory and Practice*. 2018. 3(1): 40-48.

References

Barrett, 2000 – Barrett, T.M. (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij frontir Rossii [Lines of uncertainty: Russia's North Caucasian frontier]. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednih let: Antologiya*. Samara, 2000. T. 2. Imperatorskij period. Pp. 163-194. [Electronic resource]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> (date of access: 02.09.2021). [in Russian]

Chekmenev, 2007 – Chekmenev, S.A. (2007). Iz istorii pereseleniya gortsev v Turtsiyu [From the history of the resettlement of highlanders to Turkey]. *Istoriya i kul'tura narodov Severnogo Kavkaza*. Sbornik nauchnykh trudov. Vyp.7. Pyatigorsk. Pp. 67-81. [in Russian]

Cherkasov et al., 2018 – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Šmigel', Michal, Bratanovskii, S.N. (2020). Evolution of the Institution of the Slave Trade in the Caucasus in the IV–XIX centuries. *Bylye Gody*. 50(4): 1334-134.

Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

Degoiev, 2009 – Degoiev, V.V. (2009). Kavkaz i velikie derzhavy 1829-1864 gg. Politika, vojna, diplomatiya [The Caucasus and the Great Powers 1829-1864. Politics, war, diplomacy]. M.: Izdatel'skij dom «Rubezhi XXI», 560 p. [in Russian]

Dudarev, 2016 – Dudarev, D.S. (2016). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny XIX veka [Northern Caucasus through the eyes of representatives of Russian society in the first half of the 19th century]: avtoref. diss. kand. ist. nauk. Armavir, 26 p. [in Russian]

Dudarev, 2016a – Dudarev, S.L. (2016). Rossijskaya politika na Severnom Kavkaze – miroustroitel'stvo ili messianstvo (v obshchegosudarstvennom kontekste) [Russian policy in the North

Caucasus – peacebuilding or messianism (in a national context)]. Stat'i i zametki po istorii. *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova*. Vyp. 2. Armavir. Pp. 105-114. [in Russian]

Dudarev, 2022 – *Dudarev, S.L.* (2022). K istorii Severnogo Kavkaza XVIII – nachala XXI veka. Sbornik nauchnyh statej i retsenzij [To the history of the North Caucasus of the 18th – early 21st centuries. Collection of scientific articles and reviews]. Armavir: AGPU; Stavropol': Dizajn-studiya B, 382 p. [in Russian]

Dudarev, 2022a – *Dudarev, S.L.* (2022). On the Representatives of the Russian Side with Deviant Behavior, including the Trade in Prisoners, in the North-Western Caucasus in the late 18th – mid-19th centuries. *Slavery: Theory and Practice*. 7(1): 70-85.

Dudarev, Dudarev, 2017 – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2017). Severnyj Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – serediny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol': Dizajn-studiya B, 402 p. [in Russian]

Dudarev, Dudarev, 2017a – *Dudarev, S.L., Dudarev, D.S.* (2017). Discussion of the Functioning of Some Forms of Personal Dependence in the North Caucasus Mountaineers in the first half of the 19th Century. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 18-30.

Dudarev, Dudarev, 2018 – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2018). Russian soldier in Chechen captivity (40s of the 19th century). *Voprosy istorii*. 8: 43-51. [in Russian]

Dudarev, Dudarev, 2022 – *Dudarev, D.S., Dudarev, S.L.* (2022). Kazaki-nekrasovcy na Kubani v konce XVIII – nachale XIX v. (po materialam GAKK) [Nekrasov Cossacks in Kuban at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries. (based on materials from GAKK)]. *Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza: materialy Trinadcatoj mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Pod redakciej S. N. Lukasha, A. A. Cybul'nikovoj. Armavir: RIO AGPU. Pp. 70-74. [in Russian]

Gadzhimuradova, 2002 – *Gadzhimuradova, Z.M.* (2020). Etnicheskoe samosoznanie dagestancev na porode XXI veka (na materiale sravnitel'nogo issledovaniya etnostereotipov starshego i mladshego pokoleniya avarcev i kumykov) [Ethnic self-awareness of Dagestanis on the breed of the 21st century (based on a comparative study of ethnic stereotypes of the older and younger generations of Avars and Kumyks)]. Mahachkala: izd-vo ALEF, 275 p. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [State Archives of the Krasnodar Krai].

Inozemceva, 2014 – *Inozemceva, E.I.* (2014). Institut rabstva v feodal'nom Dagestane. Oчерki istorii [The institution of slavery in feudal Dagestan. Essays on history]. Mahachkala: IIFE DNC RAN, ALEF, 298 p. [in Russian]

Inozemtseva, 2017 – *Inozemtseva, E.I.* (2017). To the Issue of the Concepts and Terms of the Slavery Institution in the Late Medieval Dagestan. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 31-41.

Istoriya Rossii..., 2008 – *Istoriya Rossii XVIII-XIX vekov* [History of Russia in the 18th-19th centuries]. Pod red. akad. L.V. Milova. M.: EKSMO, 2008. 784 p. [in Russian]

Klychnikov, 2017 – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2017). The slave trade factor in Russian policy in the North Caucasus. *Slavery: Theory and Practice*. 2(1): 42-51.

Klychnikov, 2020 – *Klychnikov, Yu. Yu.* (2020). North Caucasian "Hotbed" of the Slave Trade (Trade of Captives): to the Problem Statement. *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 4-18.

Klychnikov, Tsybulnikova, 2011 – *Klychnikov, Yu.Yu., Tsybulnikova, A.A.* (2011). «Tak bujnuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie oчерki) (2011) [“This is how laws crowd out violent freedom...”: the struggle of Russian statehood against predation in the North Caucasus (historical essays)]. Pod red. B.V. Vinogradova. Pyatigorsk, 256 p. [in Russian]

Lapin, 2008 – *Lapin, V.V.* (2008). Armija Rossii v Kavkazskoj voine XVIII – XIX vv. [The Russian Army in the Caucasian War of the 18th – 19th centuries]. St. Petersburg, 400 p. [in Russian]

Lapinsky, 1995 – *Lapinsky, T.* (1995). Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya voina protiv russkikh [Mountaineers of the Caucasus and their liberation war against the Russians]. Nalchik, 463 p. [in Russian]

Lazaryan, Maslova, 2022 – *Lazaryan, S.S., Maslova, O.B.* (2022). The Caucasian borderland as a hidden space in the realities of Russia in the 19th century. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 9(3): 404-409 [in Russian]

Lermontov, 1965 – *Lermontov, M.Yu.* (1965). Sobranie sochinenii [Collected works]. T. 4. M.: Izd-vo «Khudozhestvennaya literatura». 518 p. [in Russian]

Longworth, 2002 – *Longworth, D.* (2002). God sredi cherkesov [A year among the Circassians]. Nalchik, 541 p. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII - nachalo XX v.) [Social history of Russia during the imperial period (XVIII - early XX century)]: 1 t. 3-e izd., ispr., dop. SPb.: «Dmitrii Bulanin». 587 p. [in Russian]

Norchenko, Aylarova, 2013 – *Norchenko, E.A., Aylarova, S.A.* (2013). Modernizatsiya Severnogo Kavkaza v 20-50-gody XIX veka [Modernization of the North Caucasus in the 20-50s of the 19th century]. Vladikavkaz, 284 p. [in Russian]

- Peretyatko, 2023 – Peretyatko, A.Yu. (2003). Nekotorye problemy izucheniya kavkazskogo rabstva kak tselostnogo fenomena v sovremennoi russkoyazychnoi istoriografii. Chast' I [Some problems of studying Caucasian slavery as an integral phenomenon in modern Russian-language historiography. Part I]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 68(2): 508-530. [in Russian]
- Priymak, 2011 – Priymak, Yu.V. (2011). Severo-Vostochnoe Prichernomor'e vo vnutri-i vneshnepoliticheskikh protsessakh formirovaniya yuzhnykh granits Rossii (konets XVII – pervaya tret' XIX v.) [The North-Eastern Black Sea region in the domestic and foreign policy processes of the formation of the southern borders of Russia (late 17th – first third of the 19th century)]. *Armavir*, 359 p. [in Russian]
- Shipov, 2011 – Shipov, N. (2011). Istoriya moei zhizni. 1845 [The story of my life. 1845]. V plenu u gortsev. Vyp. 6. Nal'chik: Poligrafservis. Pp. 3-31. [in Russian]
- Spencer, 1994 – Spencer, E. (1994). Puteshestviya v Cherkesiyu [Travels to Circassia]. Maikop: RIPO «Adygeya». 153 p. [in Russian]
- Stepanenko, 2019 – Stepanenko, N.S. (2019). Runaway Cossacks and Peasants – Slave-Owners in the Northwest Caucasus in the Middle of the XIX century. *Slavery: Theory and Practice*. 4(1): 29-34.
- Stepanenko, 2022 – Stepanenko, N.S. (2022). Lokal'nye pereseleniya na Severo-Zapadnom Kavkaze v usloviyakh integratsii regiona v sostav Rossiiskoi imperii (1830– 1860-e gg.) [Local resettlement in the North-West Caucasus in terms of integration of the region into the Russian Empire (1830–1860s)]: dis. ... kand ist. nauk. Pyatigorsk. [in Russian]
- Toledano, 1982 – Toledano, E.R. (1982). The Ottoman Slave Trade and Its Suppression, 1840-1890, Princeton: Princeton University Press, 1982. 307 p.
- Totoev, 2009 – Totoev, F.V. (2009). Obshchestvennyj stroj Chechni (vtoraya polovina XVIII – 40-e gody XIX veka) [Social system of Chechnya (second half of the 18th-40s of the 19th century)]. *Nal'chik*, 115 p. [in Russian]
- Tsybulnikova, 2014 – Tsybulnikova, A.A. (2014). Brachnaya politika rossiiskikh vlastei na Severnom Kavkaze kak odin iz instrumentov integratsii gorskikh obshchestv v sostav rossiiskogo gosudarstva [Marriage policy of the Russian authorities in the North Caucasus as one of the tools for the integration of mountain societies into the Russian state]. Dudarev S.L., Dudarev D.S., O.V. Ktitorova, A.A. Tsybul'nikova. Problemy integratsii etnicheskikh soobshchestv v sostav Rossiiskogo gosudarstva i puti ikh resheniya (na primere Severnogo Kavkaza): monografiya. Armavir: Dizain-studiya B. Pp. 205-216. [in Russian]
- Tyutyunina, 2018 – Tyutyunina, E.S. (2018). To the Issue of Slavery in the Terek Cossacks. *Slavery: Theory and Practice*. 3(1): 40-48.
- Vozgrin, 2011 – Vozgrin, V.E. (2011). Rabstvo v stranah Chernogo morya (pozdnee Srednevekov'e – Novoe vremya) [Slavery in the Black Sea countries (late Middle Ages – modern times)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 3: 90-100. [in Russian]

Дискуссионные вопросы изучения кавказского рабства в исследовании А.Ю. Перетяtko (к вопросу о трактовке феномена)

Дмитрий Сергеевич Дударев ^{a, *}, Никита Сергеевич Степаненко ^b

^a Общество с ограниченной ответственностью «Стальтрейд», Российская Федерация

^b Краснодарское президентское кадетское училище, Российская Федерация

Аннотация. Проблематика кавказского рабства в последние 10-15 лет является динамично развивающейся и пополняющейся новыми актуальными исследованиями. Ученые разных стран проявляют большой интерес к истории рабства в кавказском регионе (и шире – в странах Черноморского бассейна) для выяснения истоков феномена, его истории, источников, региональной специфики, динамики развития, исторических форм, современных пережитков и т.п.

В число недавних разработок входит и обширная статья А.Ю. Перетяtko (2023), в которой автор обратился к проблемам изучения кавказского рабства в современной историографии. Цель настоящей статьи состоит в критическом анализе работы указанного автора в связи с тем, что наряду с верными и ценными суждениями в работе присутствует и ряд упущений. Они связаны с недостаточным учетом ряда современных исследований по кавказскому рабству и некоторых источниковых данных. Наш анализ необходим для определения наиболее актуальных направлений в изучении проблемы кавказского рабства, их корректного и объективного рассмотрения с максимальным привлечением различных исследовательских точек зрения.

Ключевые слова: кавказское рабство, работорговля, пленопродавство, крепостное право, хищничество, казаки-рабовладельцы, трансграничный диалог, фронтир.

* Корреспондирующий автор

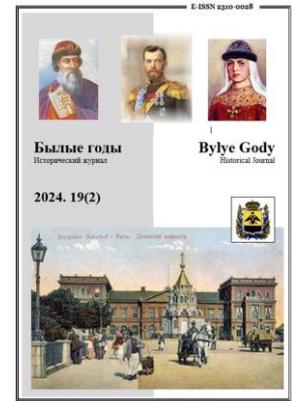
Адреса электронной почты: dudarev324@gmail.com (Д.С. Дударев), stepanekonikita1993@yandex.ru (Н.С. Степаненко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 524-532
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.524

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Problem of Retentioning the Historical Memory of Ivan Polzunov (1729–1766) in Russian Historiography

Yury G. Chernyshov ^{a, *}, Pavel V. Ulyanov ^a

^aAltai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

The inventor of the steam-atmospheric engine, Ivan Ivanovich Polzunov (1729–1766), is considered in modern Russian literature as an “iconic figure”, as a person who selflessly contributed to the development of Russia. However, the process of preserving the historical memory of this figure has varied greatly between periods. The novelty of the study lies in the generalization of the results of the works of pre-revolutionary, Soviet and modern Russian historians, in identifying the features of the process of memorialization named after I.I. Polzunov in different periods. The study showed that the process of preserving the historical memory of Ivan Polzunov, which began in the pre-revolutionary period on the initiative of writers and local historians, took place mainly at the regional level and was distinguished by a few attempts at wider promotion. During the Soviet period, the popularization of the name of the inventor, which began in the 1940s, became widespread thanks to the “ideological order” and the ongoing state policy to consolidate in the public consciousness the images of “people from the bottom” and “pioneer inventors.” At the present stage, the result of another “historiographical turn” based on versatile approaches has been the consolidation of the name of Ivan Polzunov as a “signature figure” in the history of the Altai region and Russia.

Keywords: historical memory, 18th century, Ivan Polzunov, Altai, historiography, history of Russia.

1. Введение

Данная статья посвящена вопросу о том, какую эволюцию претерпевала мемориализация конкретной исторической фигуры в отечественной историографии со второй половины XVIII в. до современности. В качестве примера такой фигуры нами взят известный изобретатель пароатмосферного двигателя Иван Иванович Ползунов (1729–1766 гг.). Фигура эта, несомненно, интересная и заслуживающая памяти потомков, хотя по поводу оценок его деятельности, как будет показано далее, высказывались разные мнения, основанные на разных методологических и идеологических подходах. Во многом этот плюрализм в оценках связан и с объективным недостатком сведений и противоречивостью данных в первоисточниках.

Изначальная противоречивость сведений связана с тем, что еще при жизни И.И. Ползунова его личность и деятельность оценивались современниками по-разному. С одной стороны, многие «статусные» люди нередко воспринимали его с некоторым высокомерием. Родившись в крестьянской семье, он многому научился через самообразование, а затем довольно быстро сделал успешную карьеру на горнозаводском производстве, получив офицерский чин «механикуса». Некоторые современники считали его «самоучкой-высочкой», а его проекты – весьма сомнительными и затратными. С другой стороны, его личные качества вызвали у многих уважение: он был очень ответственным, любознательным, талантливым и не жалел своих сил и здоровья, чтобы своим изобретением, как он сам писал, «облегчить труд по нас живущим» (Южаков, 1906: 36). О многом говорит, например, то, что в 1758 г. ему доверили сопровождать в Санкт-Петербург караван с

* Corresponding author

E-mail addresses: 7ashpi7@gmail.com (Yu.G. Chernyshov), imperialnext@mail.ru (P.V. Ulyanov)

драгоценными металлами. Он довез и сдал 3400 кг серебра и 24 кг золота директору Санкт-Петербургского Монетного Двора И.А. Шлаттеру (который, кстати, с 1760 г. стал президентом Берг-коллегии). Впоследствии И.А. Шлаттер высоко оценил изобретение И.И. Ползунова. И даже сама Екатерина II оценила энтузиазм изобретателя: она распорядилась повысить его в чине до капитан-поручика и выслать ему 400 рублей, которые, однако, местная канцелярия не поспешила передать ему (подробнее см., например: [Данилевский, 1940](#); [Савельев, 1988](#)).

К противоречивым оценкам личности И.И. Ползунова добавились и неоднозначные оценки его изобретения. Для реализации этого проекта в России (и тем более на Алтае) в середине XVIII в. еще не было достаточных предпосылок – и социально-политических, и технических. Гораздо проще и надежнее, чем строить какую-то неведомую «огненную машину», было использовать тогда «лошадиную тягу» и труд приписных крестьян. Высказывались и сомнения в степени оригинальности самого изобретения. Дело в том, что И.И. Ползунов был хорошо знаком с трудом И.А. Шлаттера «Обстоятельное наставление рудному делу...» (1760 г.), в котором подробно излагались идеи о паровых машинах ([Южаков, 1906: 21](#)). Сам принцип работы таких машин был открыт ранее, а Ползунову принадлежит оригинальная идея разработки особой модели двухцилиндрового двигателя, который более удобно было использовать в горнозаводском производстве. Позднее, однако, споры о степени оригинальности изобретения приобретали все более радикальный характер.

Как известно, Иван Ползунов, многие годы «работая на износ» на вредном производстве, так подорвал свое здоровье, что умер от чахотки за неделю до пробного запуска построенной им машины. Ему не было тогда еще и 40 лет. Сама же огромная машина, хотя и проработала три месяца и даже принесла прибыль, в итоге дала течь и была остановлена, а затем в 1779 году ее разобрали. Таким образом, «практический эффект» от изобретения для современников был не совсем очевиден. И после того, как не стало ни изобретателя, ни его машины, началась сложная история мемориализации его образа.

Изобретатель Иван Ползунов как «знаковая фигура» в истории Алтайского края и России уже рассматривался в ранее опубликованной статье ([Chernyshov et al., 2023: 66-68](#)). Здесь же хотелось бы продолжить рассмотрение темы с другого ракурса – через вопрос о том, как происходила мемориализация данной фигуры в работах отечественных историков. Авторы хотели бы проследить влияние на историческую традицию так называемых «историографических поворотов», которые в разные эпохи нередко приводили к смене традиций и теоретико-методологических подходов к изучению исторических личностей ([Савельева, Полетаев, 2006: 81-82](#)). На различных временных этапах историописание испытывало влияние «внешних факторов», связанных с проявлением интереса со стороны государства, общества или отдельных индивидов к «знаковым фигурам», что было связано и с политической памятью.

2. Материалы и методы

Цель данного исследования заключается в выявлении основных тенденций эволюции отечественной историографии по проблеме сохранения исторической памяти о создателе пароатмосферного двигателя Иване Ивановиче Ползунове. Авторы используют метод историографического анализа. Обобщая результаты трудов ученых-историков с учетом особенностей историографии конкретных периодов истории России, авторы, опираясь на принцип историзма, анализируют подходы к изучению биографии Ивана Ползунова и развития коммеморативной практики. Выделяются три этапа в развитии историографии: в дореволюционной России (до 1917 г.), в советский период (до 1991 г.) и на современном этапе. Указанный метод позволяет определить особенности интерпретации «знаковой фигуры» на различных этапах развития отечественной историографии. В качестве историографических источников использовано около 40 работ.

Определенную помощь в разработке данной темы оказали исследования о политике памяти. Проблема сохранения исторической памяти об известных личностях, «местах памяти», памятниках истории и культуры в историографии привлекает внимание и зарубежных, и отечественных исследователей. Эта проблема ставилась, например, при изучении процессов передачи памяти, исторических нарративов и «мест памяти» зарубежными исследователями. Среди них следует назвать А. Ассман ([Ассман, 2014: 136-246](#)), Х. Вельцера ([Вельцер, 2005: 28-30](#)), представителя школы «Анналов» П. Нора ([Нора, 1999: 15-21](#)) и др. Широкий круг вопросов о сохранении памяти в деятельности «мнемонических акторов», о закреплении в массовом сознании имен известных деятелей, памятных дат и событий для создания привлекательного образа страны и региона исследуется и в трудах российских ученых: О.Ю. Малиновой ([Малинова, 2015: 9](#); [Малинова, 2018: 32](#)), А.И. Миллера ([Миллер, 2020: 8-25](#)), В.В. Титова ([Титов, 2017: 41](#)) и др. Проблема сохранения исторической памяти о «знаковых» датах и известных персонах ставится также в работах французского философа П. Рикера ([Рикер, 2002: 23, 25-27, 35-39](#)), российского историка Л.П. Репиной ([Репина, 2011: 284-324, 411-450](#)) и др. Зарубежные и отечественные ученые отмечают повышение интереса к исторической памяти и роли «мнемонических акторов» в ее сохранении. Поэтому системный анализ историографического опыта сохранения имени «знаковой фигуры»

необходим для того, чтобы проследить процесс его развития и оценить те факторы, которые влияют на сохранение исторической памяти.

3. Обсуждение и результаты

В отечественной литературе проблема сохранения памяти об Иване Ползунове, рассматриваемая в рамках изучения историографического опыта, освещена слабо. Такие российские исследователи, как Ю.А. Абрамова (Абрамова, 2009), М.Г. Нечаев (Нечаев, 2016), Т.В. Тишкина (Тишкина, 2004: 128-132), И.В. Трофимов и И.Н. Никулина (Трофимов, Никулина, 2009) анализируют «историографический нарратив» о выдающемся изобретателе. Однако редко кто из исследователей пытался проследить весь процесс в его развитии. Между тем обобщение результатов историографических трудов на разных этапах истории позволяет выявить некоторые важные тенденции, признаки преемственности и «повороты» в закреплении памяти об этой «знаковой фигуре» в отечественной историографии.

Память об Иване Ползунове после его смерти сохранялась на уровне Алтайского горного округа. Так, в 1825 году был создан макет его парового двигателя, хранящийся сейчас в Алтайском государственном краеведческом музее. Интерес к его имени проявлялся и в целом в дореволюционной России. Конечно, это имя не «звучало» по стране при его жизни, как, например, в свое время звучало имя М.В. Ломоносова. Память о нем стала постепенно распространяться только спустя более чем полвека после его смерти.

Первым, кто закрепил в исторических трудах значимость имени Ивана Ползунова, стал историк-краевед, этнограф и фольклорист С.И. Гуляев (1806–1888 гг.). Пребывая на Алтае, к тому же он занимался различными исследованиями. Написание небольших очерков об известных «земляках» стало его личной инициативой и чисто публицистическим интересом. Подробной биографии изобретателя он не представил и такой задачи не ставил (Гуляев, 2012: 25-26). Важным его шагом в закреплении имени стала публикация в «Вестнике промышленности» статьи (1858 г.) с упоминанием о том, какой замечательный человек жил в Алтайском горном округе. Были и еще некоторые публикации в российских журналах, не имевшие тогда большого резонанса (Южаков, 1906: 2).

Более серьезная попытка закрепить имя Ивана Ползунова в качестве «знаковой фигуры» на уровне всей страны была проделана российским писателем А.Н. Воейковым (Воейков, 1883: 407-416). Статья была опубликована в широко известном и авторитетном журнале «Русская старина». Следует заметить, что здесь впервые в литературе Иван Ползунов был представлен в качестве «изобретателя первой в Европе паровой машины» (Воейков, 1883: 407-408). Он подробно описал биографию Ползунова и указал значимые факты его жизни с опорой на источник – его письмо начальнику Кольвано-Воскресенских заводов А.И. Порошину (Воейков, 1883: 413-414). Так постепенно имя Ивана Ползунова закреплялось в общественной памяти, хотя еще долгое время оно не было широко известным.

Вклад преподавателя Томского технологического института, инженера М.И. Южакова стал очень важным благодаря тому, что он дал очень подробное описание двигателя и изложил ранее неизвестные факты биографии Ивана Ползунова. В этом проявился научно-исследовательский интерес ученого, специально ездившего в командировку в Барнаул и работавшего в архивах. Многие ценные материалы предоставил ему сын С.И. Гуляева, Николай Степанович Гуляев. Заслугой М.И. Южакова в закреплении памяти об Иване Ползунове стало и то, что автор воссоздал по данным чертежей замысел изобретателя и дал ему собственную оценку (Южаков, 1906: 3, 13, 18, 27).

Тем не менее в дореволюционной российской историографии имя Ивана Ползунова не было слишком известным. Не было и явного «заказа сверху» на продвижение его в качестве «знаковой фигуры» в масштабах всей России. Он и его вклад были известны в большей степени на региональном уровне, где лишь в 1916 году имя Ивана Ползунова было присвоено среднему техническому училищу в Барнауле (ЦХАФ АК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 34), что стало тогда одним из немногих шагов в мемориализации его имени. До революции могила Ползунова находилась возле храма на территории нынешней площади Свободы в Барнауле, однако в советское время этот храм был разрушен, а местонахождение могилы утрачено.

В советский период в рамках «историографического поворота» в сторону марксизма-ленинизма и закрепления формационного подхода сохранение памяти об известном изобретателе «из простого народа» приобрело новые черты. Работы 1920–1930-х годов были посвящены скорее изобретению Ползунова, нежели самому изобретателю, хотя упомянуть о нем не забывали. В качестве примера можно привести статью И.П. Сахарова из журнала «Красная нива». Автор, как и упоминавшийся выше А.Н. Воейков, делал акцент на «первой попытке» создания парового двигателя и его значимости (Сахаров, 1925). Это был лишь незначительный шаг в сторону закрепления имени «знаковой фигуры», причем в ней была заметна преемственность с предшествующим историографическим этапом, а именно через тезис о «первой попытке» создания парового механизма в России.

Принципиально новый «историографический поворот» в изучении жизни и деятельности Ивана Ползунова начался с 1940-х годов. Советские историки стали целенаправленно заниматься

воссозданием подробной биографии Ивана Ползунова. В центре внимания ученых теперь был человек, происходивший из крестьянской семьи и благодаря своему труду занявший высокую должность. Особенности «классового подхода» отражались при интерпретации архивных материалов, делопроизводственной документации. Кроме этого, под влиянием политики государственной власти в противовес европейским и американским изобретателям активно шла пропаганда российских изобретателей и первооткрывателей, среди которых были М.О. Доливо-Добровольский, Д.А. Лачинов, Д.И. Менделеев, А.С. Попов, П.Н. Яблочков и др. Это был определенный «идеологический заказ» со стороны государства по формированию образа «человека труда» и закреплению в коллективной памяти ярких примеров «трудовых подвигов» и «открытий». Иван Ползунов в качестве известной личности хорошо подошел для этого и по своему социальному происхождению, и по характеру изобретения, в результате чего ему было посвящено в этот период большое количество трудов. Писали об изобретателе пароатмосферного двигателя и как о «знаковой фигуре», и о его гениальной разработке, «не замеченной» высшим сословием и царской властью.

Продолжались попытки подробного изучения биографии изобретателя. Несмотря на некоторые успехи в этом направлении, например, в определении точной даты рождения Ивана Ползунова (Козлов, 1981: 103-104), многие факты его жизни установить не удалось. Тем не менее, сам приезд «механического ученика» в Барнаул из Екатеринбурга был зафиксирован в документах Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44. Л. 26). Важно здесь отметить кропотливую попытку историков реконструировать исторический портрет личности и сопоставить его со значимыми этапами жизни. С этой целью советские ученые А.Д. Сергеев (Сергеев, 2018: 249-251) и В.В. Данилевский (Данилевский, 1940: 58) продвигали образ «выходца из низших сословий», что рассматривалось в качестве примера применения классового подхода.

Еще одним важным аспектом стал «трудовой подвиг» в разработке Ползуновым его двигателя. Историк И.Я. Конфедератов отстаивал идею о том, что Иван Ползунов усердно трудился и звания получал за свой труд, а не из-за дворянского происхождения (Конфедератов, 2018: 244-245). В свою очередь А.Д. Сергеев указывал, что про Ползунова императорская власть забыла и не вписала его имя в претенденты на получение патентов (Сергеев, 2018: 253-254). Это наводило ученых на мысль, что реальной поддержки со стороны властей почти не было. Соответственно, в историографии закрепился образ «механика-самоучки». Советские историки В.С. Виргинский (Виргинский, 1962: 86-115) и Н.Я. Савельев (Савельев, 1988) называли Ивана Ползунова «первым изобретателем» паровой двигателя, в определенной степени преувеличивая степень оригинальности его изобретения. Имя «первого изобретателя» парового двигателя в качестве «гения своего времени» было упомянуто в труде по всемирной истории (Всемирная история..., 1958: 682-683). О нем писали как о самоотверженном «изобретателе-самоучке» (Лейбенгруб, 1962: 248), как об инициативном ученом-технике, чье изобретение «помещикам было не нужно» (Алексеев, Карцов, 1961: 51). Вклад «человека труда» в материально-техническое развитие страны упоминался в читаемых лекциях (Исаков, 1949; Кунин, 1950; Оселедчик, 1950; Шарц, 1950). Нет сомнений, что в этих трудах был представлен идеализированный образ изобретателя как «первопроходца», однако нельзя не отметить и то, что имя И.И. Ползунова стало узнаваемым в масштабах всей страны.

Объективно в советский период проявилось сильное влияние государственной политики и идеологии, способствовавшее популяризации исторической памяти об Иване Ползунове. О нем рассказывалось в школьных учебниках, его именем назывались улицы и т.д. Продвижение в историографии образа «человека труда» привело к тому, что Ползунов в качестве «знаковой фигуры» стал своеобразным идеалом, которым мотивировали граждан к трудовым подвигам. Недостатком историографии советского времени следует назвать отсутствие альтернативных точек зрения и акцент на таком понимании истории, когда основной взгляд был сосредоточен не на конкретной личности изобретателя, а на примере «трудового человека» в контексте истории классовой борьбы.

На современном этапе наметился новый «историографический поворот» в сторону сохранения памяти об Иване Ползунове. Российские ученые Ю.А. Абрамова (Абрамова, 2012) и А.В. Контев (Контев, 2006) продолжают комплексное изучение деятельности Ивана Ползунова как «знаковой фигуры» в истории страны и региона. Многие вопросы остаются без ответа, но наметился акцент на изучение жизни самого человека и его нелегкой судьбы в истории Алтая середины XVIII века (Контев, 2006). Спорным остается вопрос о его собственной семье, в частности, о судьбе жены Пелагеи Ивановны (Клюшников, 2004: 191-192, 197).

Опираясь на опыт советских историков, но работая в условиях развития методологического плюрализма, вклад в сохранение исторической памяти о Ползунове внес советский и российский историк А.Д. Сергеев. Он предложил концепцию продвижения образа Ползунова как «механика-самоучки», воссоздания «Ползуновского производства», проведения научных мероприятий и публикации именных периодических изданий, чтобы продвигать имидж региона (Сергеев, 1996; Сергеев, 2001). Следует отметить также тенденцию закрепления памяти о «творческом подвиге» Ползунова (Разенков и др., 1999: 41). Сохраняется преемственность с предшествующим историографическим периодом, но ученые подходят теперь к изучению жизни и творчества «самоотверженного человека» не так однобоко (Гончаров и др., 2011; Новоселов, 2005).

На современном этапе региональные власти Алтайского края заинтересованы в создании персонифицированного имиджа региона за счет продвижения имен известных личностей, и Иван Ползунов занимает в этом ряду одно из первых мест наряду с Василием Шукшиным, Германом Титовым, Михаилом Евдокимовым и др. (Синенко, Чернышов, 2022: 39). Однако очень серьезной нерешенной проблемой остается сохранение уникального комплекса Барнаульского сереброплавильного завода, возникшего в XVIII веке. Значимое для города «памятное место» дореволюционной эпохи, имеющее статус архитектурного памятника федерального значения, связанное с именем Ивана Ползунова, находится сейчас в частной собственности и уже многие десятилетия разрушается за глухим забором. Ему срочно требуется реставрация, в противном случае «памятное место», с которого началась вся история Барнаула, может быть в скором времени потеряно навсегда. По-видимому, для того, чтобы этого не произошло, необходимо, чтобы и общественность, и представители власти могли лучше понять значение того культурного наследия, которое досталось нам от предшествующих исторических периодов.

4. Заключение

Подводя итоги, сделаем вывод, что фигура И.И. Ползунова, талантливого изобретателя-энтузиаста XVIII века, несомненно, заслуживает сохранения в исторической памяти. Разные оценки во многом связаны и с недостатком в исторических источниках конкретных сведений о жизни И.И. Ползунова, и с наличием разных суждений современников о его изобретении. Подходы к освещению этой фигуры в отечественной литературе в разные периоды менялись в соответствии с происходившими более общими «историографическими поворотами».

В дореволюционной России И.И. Ползунов был больше известен на региональном уровне. О нем (до публикации М.И. Южакова) не были опубликованы подробные сведения, что делало его полуполюгендарной личностью. Огромную роль в сохранении памяти о «человеке труда» сыграла советская историография, хотя она отличалась односторонним подходом и развивалась во многом под влиянием государственной политики (пропаганда отечественных «первоизобретателей» и идеологии «классовой борьбы»). Сформированный и узнаваемый образ «самоотверженного изобретателя» Ивана Ползунова сохранился на современном этапе и получил дальнейшее развитие в мемориальной политике на основе более разносторонних подходов.

5. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Формирование имиджа региона: роль историко-культурных символов (на примере Алтайского края и Республики Алтай)», проект № 23-28-00822.

Литература

- Абрамова, 2009 – Абрамова Ю.А. Использование методики установления качественных приоритетов при сравнительном анализе технических решений тепловых машин XVII–XVIII вв. // *Ползуновский альманах*. 2009. № 3. Т. 1. С. 53–56.
- Абрамова, 2012 – Абрамова Ю.А. Пароатмосферный двигатель И.И. Ползунова // «Весь Алтай». Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова. [Электронный ресурс] URL: <http://altlib.ru/personalii/ivan-ivanovich-polzunov-1729-1766/paroatmosfernyi-dvigatel-i-i-polzunova/> (дата обращения: 24.02.2024).
- Алексеев, Карцов, 1961 – Алексеев С.П., Карцов В.Г. История СССР: учебник для 4-го класса. М.: Учпедгиз, 1961. С. 51.
- Ассман, 2014 – Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Вельцер, 2005 – Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2005. № 2–3(40–41). С. 28–35.
- Виргинский, 1962 – Виргинский В.С. Первый русский теплотехник И.И. Ползунов / Творцы новой техники в крепостной России: очерки жизни и деятельности выдающихся русских изобретателей XVIII – первой пол. XIX в. М.: Учпедгиз, 1962. С. 86–115.
- Воейков, 1883 – Воейков А.Н. Иван Иванович Ползунов. Изобретатель первой в Европе паровой машины в 1763–1766 гг. // *Русская старина*. 1883. № 40. С. 407–416.
- Всемирная история, 1958 – Всемирная история: в 10-ти т. Т.5.: сер. XVII – XVIII вв. М.: Госполитиздат, 1958. С. 682–683.
- Гончаров и др., 2011 – Гончаров В.Д., Шавелева Е.А., Сартакова О.Ю. Инженерное дело и инженерное образование на Алтае. Барнаул: Артика, 2011. 137 с.
- Гуляев, 2012 – Гуляев С.И. Механик Ползунов / Антология. Образ Алтая в русской литературе: в 5-ти т. Т. 1: 1890–1900 / под общ. ред. А.И. Куляпина. Барнаул: ООО «Издательский дом «Барнаул», 2012. С. 25–32, 25–26.

- Данилевский, 1940** – Данилевский В.В. И.И. Ползунов. Труды и жизнь первого русского теплотехника. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. С. 58.
- Исаков, 1949** – Исаков Л.Г. И.И. Ползунов – первый русский теплотехник: (текст лекции в помощь район. и город. лекторам, сел. лекториям и сел. объединениям лекторов). Барнаул: Алт. правда, 1949. 20 с.
- Клюшников, 2004** – Клюшников Ю.И. «Дабы славы Отечеству достигнуть» // *Урал*. 2004. № 6(543). С. 191-192, 197.
- Козлов, 1981** – Козлов А.Г. Ползунов Иван Иванович // *Творцы науки и техники на Урале. XVII – начало XX века*: биограф. справ. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1981. С. 103-105.
- Контев, 2008** – Контев А.В. Иван Иванович Ползунов (1729–1766). «Весь Алтай». Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова. [Электронный ресурс]. URL: <http://altlib.ru/personalii/ivan-ivanovich-polzunov-1729-1766/> (дата обращения: 24.02.2024).
- Конфедератов, 1951** – Конфедератов И.Я. Иван Иванович Ползунов. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1951. 259 с.
- Конфедератов, 2018** – Конфедератов И.Я. Он должен был «огонь слугою к машинам склонить» // *Мир транспорта*. 2018. № 1. Т. 16. С. 244-245.
- Кунин, 1950** – Кунин Н. И.И. Ползунов-изобретатель паровой машины. Челябинск: Челяб. обл. гос. изд-во, 1950. 66 с.
- Лейбенгруб, 1962** – Лейбенгруб П.С. Изучение элементарного курса истории СССР в VII классе. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1962. 248 с.
- Малинова, 2015** – Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
- Малинова, 2018** – Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // *Методологические вопросы изучения политики памяти* / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.-СПб: Нестор История, 2018. С. 27-54.
- Миллер, 2020** – Миллер А.И. Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в ее изучении? // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 8-25.
- Нечаев, 2016** – Нечаев М.Г. В поисках истоков промышленной революции в России или «фабричная лихорадка» первой половины XIX века // *Вестник ПНИПУ*. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 4. С. 5-38.
- Новоселов, 2005** – Новоселов А.Л. С именем И.И. Ползунова. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. 75 с.
- Нора, 1999** – Нора П. Проблематика мест памяти // *Франция-память*. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
- Оседлчик, 1950** – Оседлчик Б.М. И.И. Ползунов – изобретатель первого в мире теплового двигателя. Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1950. 69 с.
- Разенков и др., 1999** – Разенков О.В., Шматков А.А., Синицин В.А. Творческий подвиг И.И. Ползунова / *57-я Научно-практическая конференция студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава технического университета*. Автотракторный факультет. Барнаул: изд-во АлтГТУ, 1999. С. 41.
- Репина, 2011** – Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI веков. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Рикер, 2002** – Рикёр П. Историописание и репрезентация прошлого // «*Анналы*» на рубеже веков. Антология. М.: XXI век; Согласие, 2002. С. 23-41.
- Савельев, 1988** – Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. Ч.2: Механикус Иван Ползунов: жизнь и творчество выдающегося теплоэнергетика XVIII в. Барнаул: Алт. кн. изд-во. 1988. 334 с.
- Савельева, Полетаев, 2006** – Савельева И.М., Полетаев А.В. «Там, за поворотом...»: О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // *Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики*. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 81-82.
- Сахаров, 1925** – Сахаров И.П. Первая в мире воздуходушная паровая машина (с рис. модели машины Ползунова) // *Красная нива*. 1925. № 26. С. 614.
- Сергеев, 1999** – Сергеев А.Д. Слово об И.И. Ползунове (историческая квартиология). Барнаул: Издательско-полиграфическое предприятие "Алтай", 1999. 174 с.
- Сергеев, 2001** – Сергеев А.Д. Русский изобретатель И.И. Ползунов. Бийск: Бийск. отд-ние Демид. фонда, 2001. 38 с.
- Сергеев, 2018** – Сергеев А.Д. Последний чин И.И. Ползунова // *Мир транспорта*. 2018. № 1. Т. 16. С. 241-251; 253-254.
- Синенко, Чернышов, 2022** – Синенко Е.А., Чернышов Ю.Г. Использование образа В.М. Шукшина в имиджформирующей политике Алтайского края (1976–2021 гг.) // *Известия АлтГУ. Исторические науки и археология*. 2022. №5 (127). С. 38-45. DOI: 10.14258/izvasu(2022)5-06
- Титов, 2017** – Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. 184 с.

Трофимов, 2009 – Трофимов И.В., Никулина И.Н. Творческий путь механика И.И. Ползунова в ретроспективе развития естествознания и техники вплоть до создания пароатмосферного двигателя // *Ползуновский альманах*. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2009. № 3. Т. 1. С. 20-22.

ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края.

Южаков, 1906 – Южаков М.И. Шихтмейстер Ползунов и его паровая машина. Томск: Паровая типо-литография И.И. Макушина, 1906. 97 с.

Chernyshov et al., 2023 – Chernyshov Y.G., Derendyaeva A.D., Isakova S.N., Ulyanov P.V. Ivan Polzunov and Grigory Choros-Gurkin as Significant Figures for the Image of the Region in the History of Altai // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 64-75. DOI: 10.13187/bg.2023.1.64

References

Abramova, 2009 – Abramova, Yu.A. (2009). Ispol'zovanie metodiki ustanovleniya kachestvennykh prioritetov pri sravnitel'nom analize tekhnicheskikh reshenii teplovykh mashin XVII–XVIII vv. [Using a Methodology for Establishing Quality Priorities in a Comparative Analysis of Technical Solutions of Heat Engines of the 17th–18th Centuries]. *Polzunovsky almanakh*. T. 1. 3: 53-56. [in Russian]

Abramova, 2012 – Abramova, Yu.A. (2012). Paroatmosfernyy dvigatel' I.I. Polzunova, «Ves' Altay». Altayskaya krayevaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. V.Ya. Shishkova [I.I. Polzunov's Steam-Atmospheric Engine: "All Altai". Altai Regional Universal Scientific Library. V.Ya. Shishkov]. [Electronic resource]. URL: <http://altlib.ru/personalii/ivan-ivanovich-polzunov-1729-766/paroatmosfernyiy-dvigatel-i-i-polzunova/> (date of access: 24.02.2024). [in Russian]

Alekseyev, Kartsov, 1961 – Alekseyev, S.P., Kartsov, V.G. (1961). Istoriya SSSR: uchebnik dlya 4-go klassa [History of the USSR: a Textbook for the 4th Grade]. M., Uchpedgiz, 161 p. [in Russian]

Assman, 2014 – Assman, A. (2014). Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Per. s nem. B. Khlebnikova, M., Novoye literaturnoye obozreniye, 328 p. [in Russian]

Chernyshov et al., 2023 – Chernyshov, Yu.G., Derendyaeva, A.D., Isakova, S.N., Ulyanov, P.V. (2023). Ivan Polzunov and Grigory Choros-Gurkin as Significant Figures for the Image of the Region in the History of Altai, *Bylye Gody*. 18(1): 64-75. DOI: 10.13187/bg.2023.1.64

Danilevskiy, 1940 – Danilevskiy, V.V. (1940). I.I. Polzunov. Trudy i zhizn' pervogo russkogo teplotekhnika [Polzunov. Works and Life of the First Russian Heat Engineer]. Moscow–Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 446 p. [in Russian]

Goncharov i dr., 2011 – Goncharov, V.D., Shaveleva, Ye.A., Sartakova, O.Yu. (2011). Inzhenernoye delo i inzhenernoye obrazovaniye na Altaye [Engineering and Engineering Education in Altai]. Barnaul, Artika. 137 p. [in Russian]

Gulyayev, 2012 – Gulyayev, S.I. (2012). “Mekhanik Polzunov” [Mechanic Polzunov] in Kulyapin, A.I. (ed.). Antologiya. Obraz Altaya v russkoy literature. Barnaul, OOO «Izdatel'skiy dom «Barnaul». Pp. 25-32. [in Russian]

Isakov, 1949 – Isakov, L.G. (1949). I.I. Polzunov – pervyy russkiy teplotekhnik: (tekst lektzii v pomoshch' rayon. i gorod. lektoram, sel. lektoriyam i sel. ob'yedineniyam lektorov) [I.I. Polzunov – the First Russian Heat Engineer: (Text of a Lecture to Help District and City Lecturers, Village Lecture Halls and Village Associations of Lecturers)]. Barnaul, Alt. pravda. 20 p. [in Russian]

Klyushnikov, 2004 – Klyushnikov, Yu.I. (2004). «Daby slavy Otechestvu dostignut'» [“In Order to Achieve Glory for the Fatherland”]. *Ural*. 6(543): 190-197. [in Russian]

Konfederatov, 1951 – Konfederatov, I.Ya. (1951). Ivan Ivanovich Polzunov [Ivan Ivanovich Polzunov]. M., Leningrad, Gosenergoizdat, 259 p. [in Russian]

Konfederatov, 2018 – Konfederatov, I.Ya. (2018). On dolzhen byl «ogon' slugoyu k mashinam sklonit'» [He had to "incline the fire as a servant to the machines"]. *Mir transporta*. T. 16. 1: 242-247. [in Russian]

Kontev, 2008 – Kontev, A.V. (2008). Ivan Ivanovich Polzunov (1729–1766) [Ivan Ivanovich Polzunov (1729-1766)], «Ves' Altay». Altayskaya krayevaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. V.Ya. Shishkova. [Electronic resource]. URL: <http://altlib.ru/personalii/ivan-ivanovich-polzunov-1729-1766/> (date of access: 24.02.2024). [in Russian]

Kozlov, 1981 – Kozlov, A.G. (1981). Tvortsy nauki i tekhniki na Urale. XVII – nachalo XX veka: biograf. Sprav [Creators of science and technology in the Urals. XVII – early XX century: biographer. ref.]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoye knizhnoye izdatel'stvo. Pp. 103-105. [in Russian]

Kunin, 1950 – Kunin, N. (1950). I.I. Polzunov-izobretatel' parovoy mashiny [I.I. Polzunov, the inventor of the steam engine]. Chelyabinsk, Chelyab. obl. gos. izd-vo. 66 p. [in Russian]

Leybengrub, 1962 – Leybengrub, P.S. (1962). Izucheniye elementarnogo kursa istorii SSSR v VII klasse [Studying an elementary course on the history of the USSR in the 7th grade]. M., Izd-vo Akad. ped. nauk. 472 p. [in Russian]

Malinova, 2015 – Malinova, O.Yu. (2015). Aktual'noye proshloye: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti [Current past: symbolic politics of the ruling elite and dilemmas of Russian identity]. M., Politicheskaya entsiklopediya, 207 p. [in Russian]

- Malinova, 2018** – *Malinova, O.Yu.* (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [The politics of memory as an area of symbolic politics]. iMiller A.I. & D.V. Yefremenko (ed.), *Metodologicheskiye voprosy izucheniya politiki pamyati. M., Sankt-Peterburg, Nestor Istoriya.* Pp. 27-54. [in Russian]
- Miller, 2020** – *Miller, A.I.* (2020). Vvedenie. Bol'shie peremeny. Chto novogo v politike pamyati i v ee izuchenii? Introduction. Big changes [What's New in the Politics of Memory and Its Study?]. *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy.* Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. Pp. 8-25. [in Russian]
- Nechayev, 2005** – *Nechayev, M.G.* (2016). *V poiskakh istokov promyshlennoi revolyutsii v Rossii ili «fabrichnaya likhoradka» pervoi poloviny XIX veka* [In search of the origins of the industrial revolution in Russia or “factory fever” of the first half of the 19th century]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya.* Pravo. 4: 5-38. [in Russian]
- Nora, 1999** – *Nora, P.* (1999). Problematika mest pamyati [Problems of Places of Memory]. *Frantsiya-pamyat'.* St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pp. 17-50. [in Russian]
- Novoselov, 2005** – *Novoselov, A.L.* (2005). S imenem I.I. Polzunova [With the name of I.I. Polzunov]. Barnaul, Izd-vo AltGTU. 75 p. [in Russian]
- Oseledchik, 1950** – *Oseledchik, B.M.* (1950). I.I. Polzunov – izobretatel' pervogo v mire teplovogo dvigatelya [I.I. Polzunov is the Inventor of the World's First Heat Engine]. Sverdlovsk, Sverdl. obl. gos. izd-vo, 69 p. [in Russian]
- Razenkov i dr., 1999** – *Razenkov, O.V., Shmatkov, A.A., Sinitsin, V.A.* (1999), Tvorcheskii podvig I.I. Polzunova [The creative feat of I.I. Polzunov]. *57-ya Nauchno-prakticheskaya konferentsiya studentov, aspirantov i professorsko-prepodavatel'skogo sostava tekhnicheskogo universiteta. Avtotraktornyy fakul'tet.* Barnaul, Izd-vo AltGTU. P. 41. [in Russian]
- Repina, 2011** – *Repina, L.P.* (2011). Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vekov [Historical Science at the Turn of the XX-XXI Centuries], M., Krug, 560 p. [in Russian]
- Rikor, 2002** – *Rikor, P.* (2002). Istoriopisanie i reprezentatsiya proshlogo [History writing and representation of the past]. «Annaly» na rubezhe vekov. *Antologiya.* XXI vek; M., Soglasie. Pp. 23-41. [in Russian]
- Sakharov, 1925** – *Sakharov, I.P.* (1925). Pervaya v mire vozdukhoduvnaya parovaya mashina (s ris. modeli mashiny Polzunova) [The World's First Blower Steam Engine (from the Picture of a Model of Polzunov's Machine)]. *Krasnaya niva.* 26: 614. [in Russian]
- Savel'yev, 1988** – *Savel'yev, N.Ya.* (1988). Syny Altaya i Otechestva (Ch.2: Mekhanikus Ivan Polzunov: zhizn' i tvorchestvo vydayushchegosya teploenergetika XVIII v.) [Sons of Altai and Fatherland (Part 2: Mechanicus Ivan Polzunov: Life and Work of an Outstanding Heat Power Engineer of the 18th century)]. Barnaul, Alt. kn. izd-vo, 334 p. [in Russian]
- Savel'yeva, Poletayev, 2006** – *Savel'yeva, I.M., Poletayev, A.V.* (2006). «Tam, za povorotom...»: O moduse sosushchestvovaniya istorii s drugimi sotsial'nymi i gumanitarnymi naukami [“There, around the Bend...”: On the Mode of Coexistence of History with Other Social and Human Sciences]. *Istoricheskoye znaniye: teoreticheskiye osnovaniya i kommunikativnyye praktiki.* M., IVI RAN. Pp. 81-82. [in Russian]
- Sergeyev, 1999** – *Sergeyev, A.D.* (1999). Slovo ob I.I. Polzunove (istoricheskaya kvartologiya) [A word about I.I. Polzunov (historical quartology)]. Barnaul, Izdatel'sko-poligraficheskoye predpriyatiye “Altay”, 174 p. [in Russian]
- Sergeyev, 2001** – *Sergeyev, A.D.* (2001), Russkiy izobretatel' I.I. Polzunov [Russian Inventor I.I. Polzunov]. Biysk, Biysk. otd-niye Demidovskogo fonda, 38 p. [in Russian]
- Sergeyev, 2018** – *Sergeyev, A.D.* (2018). Poslednii chin I.I. Polzunova [The Last Rank of I.I. Polzunov]. *Mir transporta.* T. 16. 1: 248-258. [in Russian]
- Sharts, 1950** – *Sharts, A.K.* (1950). Ural'skiye tekhniki-izobretateli [Ural Technicians–Inventors]. Molotov, Molotovgiz, 62 p. [in Russian]
- Sinenko, Chernyshov, 2022** – *Sinenko, Ye.A., Chernyshov, Yu.G.* (2022). Ispol'zovaniye obraza V.M. Shukshina v imidzhformiruyushchey politike Altayskogo kraya (1976–2021 gg.) [Using the Image of V.M. Shukshin in the Image-Forming Policy of the Altai Territory (1976-2021)]. *Izvestiya AltGU. Istoricheskkiye nauki i arkheologiya.* 5 (127): 38-45. DOI: 10.14258/izvasu(2022)5-06 [in Russian]
- Titov, 2017** – *Titov, V.V.* (2017). Politika pamyati i formirovaniye natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti: rossiyskiy opyt i novyye tendentsii [The Politics of Memory and the Formation of National-State Identity: Russian Experience and New Trends]. M., Tipografiya «Vash format», 184 p. [in Russian]
- Trofimov, 2009** – *Trofimov, I.V., Nikulina, I.N.* (2009). Tvorcheskii put' mekhanika I.I. Polzunova v retrospektive razvitiya estestvoznaniya i tekhniki vplot' do sozdaniya parooatmosfernogo dvigatelya [The Creative Path of Mechanic I.I. Polzunov in a Retrospective of the Development of Natural Science and Technology up to the Creation of a Steam-Atmospheric Engine]. *Polzunovskiy al'manakh.* T. 1. 3: 20-22. [in Russian]
- TSKHAF AK** – Tsentr khraneniya arkhivnogo fonda Altayskogo kraya [Center of Preservation of Archival Stocks of Altai Region].

Vel'tser, 2005 – *Vel'tser, Kh.* (2005). Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoi bor'by [History, Memory and Modernity of the Past. Memory as an Arena of Political Struggle]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2-3(40-41): 28-35. [in Russian]

Virginskiy, 1962 – *Virginskiy, V.S.* (1962). Pervyi russkii teplotekhnik I.I. Polzunov [The First Russian Heating Engineer I.I. Polzunov]. *Tvortsy novoy tekhniki v krepostnoy Rossii: ocherki zhizni i deyatel'nosti vydayushchikhsya russkikh izobretateley XVIII – pervoy pol. XIX v. M., Uchpedgiz*. Pp. 86-115. [in Russian]

Voyeykov, 1883 – *Voyeykov, A.N.* (1883). Ivan Ivanovich Polzunov. Izobretatel pervoy v Yevrope parovoy mashiny v 1763-1766 gg. [Ivan Ivanovich Polzunov. Inventor of the First Steam Engine in Europe in 1763-1766]. *Russkaya starina*. 40: 407-416. [in Russian]

Vsemirnaya istoriya..., 1958 – *Vsemirnaya istoriya: ser. XVII – XVIII vv. (1958)* [World History: Ser. 17th – 18th Centuries]. Vol. 5, Moscow, Gospolitizdat, 783 p. [in Russian]

Yuzhakov, 1906 – *Yuzhakov, M.I.* (1906). Shikhtmeyster Polzunov i yego parovaya mashina [Shikhtmeister Polzunov and His Steam Engine]. Tomsk, Parovaya tipo-litografiya I.I. Makushina, 97 p. [in Russian]

Проблема сохранения исторической памяти об Иване Ползунове (1729–1766 гг.) в российской историографии

Юрий Георгиевич Чернышов ^{а, *}, Павел Владимирович Ульянов ^а

^а Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Изобретатель пароатмосферного двигателя Иван Иванович Ползунов (1729–1766 гг.) рассматривается в современной отечественной литературе как «знаковая фигура», как человек, самоотверженно внесший вклад в развитие России. Однако процесс сохранения исторической памяти об этой фигуре в разные периоды сильно различался. Новизна исследования состоит в обобщении результатов трудов дореволюционных, советских и современных российских историков, в выявлении особенностей процесса мемориализации имени И.И. Ползунова в разные периоды. Исследование показало, что начатый в дореволюционный период по инициативе писателей и краеведов процесс сохранения исторической памяти об Иване Ползунове шел в основном на региональном уровне и отличался многочисленностью попыток более широкого продвижения. Начатая в 1940-х годах популяризация имени изобретателя приобрела массовый характер благодаря «идеологическому заказу» и проводимой государственной политике по закреплению в общественном сознании образов «выходцев из низов» и «первоизобретателей». На современном этапе результатом очередного «историографического поворота» на основе разносторонних подходов стало закрепление имени Ивана Ползунова как «знаковой фигуры» в истории Алтайского края и России.

Ключевые слова: историческая память, XVIII век, Иван Ползунов, Алтай, историография, история России.

* Корреспондирующий автор

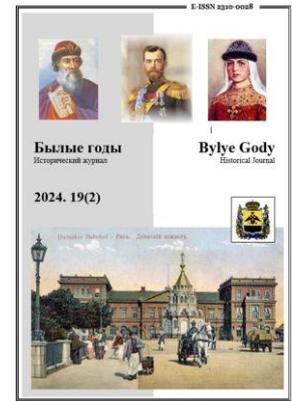
Адреса электронной почты: 7ashpi7@gmail.com (Ю.Г. Чернышов),
imperialnext@mail.ru (П.В. Ульянов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 533-543
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.533

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A.I. Tevkelev's Embassy to the Kazakh Steppe in 1731–1732

Kuanysht G. Akanov^{a,*}

^aScientific Institute for the Study of Ulus Jochi, Republic of Kazakhstan

Abstract

The publication researches the role of interpreter of the Foreign Affairs Collegium of the Russian Empire Alexei Ivanovich (Kutlu-Muhammed) Tevkelev, a future major official of the Orenburg province and military figure, in formation and development of Russian-Kazakh diplomatic relations throughout the beginning of the 18th century.

Having a set of professional skills of an experienced diplomat, which include including proficiency in several languages, including Kazakh, as well as detailed knowledge of the peculiarities of steppe life and customs, Alexei Ivanovich figured prominently in establishment of regular relations of the Russian state with Kazakh khanates.

Throughout his career, A.I. Tevkelev undertook numerous diplomatic missions into the Kazakh steppe. One of the most notable episodes was Tevkelev's mission, during which Khan Abulhair of the Younger Zhuz, along with part of his followers, pledged allegiance and formally entered into the citizenship of Russian state. Based on the written sources the state of affairs at the khan's court, which was clearly difficult and dangerous for the Russian diplomat, and required from him the demonstration extraordinary diplomatic abilities. The particular emphasis is placed on study of A.I. Tevkelev's relations with Kazakh leaders – khans, sultans and batyrs and shows the significance of gifts presented to them.

Keywords: Kazakh Khanate, relations of the Kazakh Khanate with the Russian Empire, foreign policy, embassies, A.I. Tevkelev, Abulhair Khan.

1. Введение

Российский дипломат, переводчик, политический и военный деятель, чиновник, офицер, основатель ряда русских крепостей и городов А.И. Тевкелев (1674/75–1766) сыграл значимую роль во многих исторических процессах, происходивших в сфере формирования казахско-российских взаимоотношений, важной частью которых стало реальное принятие ханом Младшего жуза Абулхайром российского подданства.

Несмотря на то что личность А.И. Тевкелева хорошо известна историкам, цельных обобщающих научных трудов по его личности в российской и казахстанской историографии крайне мало. Алексей Иванович (настоящее имя – Кутлу-Мухаммед Мамешевич, также известен под именами Мамет, Кутлу-Мухаммед-мурза, Кутлумамет-мурза, Кутлумбет-мурза и др.) Тевкелев происходил из знатного рода татарских мурз, принадлежавших к Уфимской губернии (Избасарова, 2018: 68).

Предки А.И. Тевкелева вели свою родословную от некоего Уразлея, принявшего подданство России еще в XVI веке, когда Московское государство подчинило своему влиянию несколько соседних постордынских государств, таких, как Казанское, Астраханское, Сибирское ханства и Ногайскую Орду. Стоит отметить, что исследователи объясняют наличие у А.И. Тевкелева русского имени результатом следования традиции, побуждавшей иноверцев-служащих императорского двора брать себе второе имя.

* Corresponding author

E-mail addresses: kukaandvita@mail.ru (K.G. Akanov)

При этом русское имя применялось во время исполнения служебных функций, а собственное – в отношениях с представителями кочевых мусульманских народов, а также в быту (Ерофеева, 2005: 7).

Большой интерес проявляется учеными к происхождению А.И. Тевкелева, по поводу которого исследователями высказывались различные мнения. Сходятся все они в нескольких деталях: предки А.И. Тевкелева достаточно давно признали подданство Русского государства (с XVI в.), имели отношение к дипломатической деятельности, в основном являлись переводчиками Посольского приказа (Избасарова, 2018: 68). Весьма детализированные сведения о генеалогии Тевкелевых приводит А.В. Беляков, отмечая в качестве общепризнанного варианта генеалогическую линию. Согласно этим сведениям, Тевкелевы исполняли функции переводчиков при Посольском приказе, имели знатное происхождение, часто участвовали в различных дипломатических миссиях, направляемых в соседние с Россией постордынские и восточные государства (Беляков, 2022: 85-90).

Начальный период формирования карьерного пути А.И. Тевкелева складывался в Коллегии иностранных дел, где он занимался переводами с восточных языков, так как свободно владел многими из них: татарским, казахским, персидским, башкирским, а также европейскими языками. Помимо этого, А.И. Тевкелев знал чагайтское письмо, общепризнанное у ряда мусульманских кочевых народов. Также ему были известны устои их жизни и традиции, что было весьма полезно для реализации геополитических стремлений Российской империи, продвигавшейся в азиатские страны. Такое же мнение сложилось о нем и в правящих кругах имперской элиты. Первое заметное появление будущего видного российского дипломата-мусульманина произошло во время Прутского похода 1711 года, когда он, являясь переводчиком, смог убедить российского правителя Петра I в своей преданности и стремлении служить интересам России. Впоследствии А.И. Тевкелева стали часто привлекать к участию в различных дипломатических и военно-разведывательных миссиях, среди них экспедиция А. Бековича-Черкасского в Хиву, посольство к правителю Калмыцкого ханства Аюке, поход в Персию в 1722–1723 годах (Избасарова, 2018: 68-69).

Вышеуказанная информация в полной мере дает представление о личности, на долю которой выпал исторический шанс по реализации стратегического направления российской внешней политики по овладению просторами Казахской Орды.

2. Материалы и методы

Источниковой базой реализуемого исследования послужили документы по истории формирования казахско-русских отношений, рассматривающие значимость посольских миссий А.И. Тевкелева в процессе включения территории «Казацкой орды» в состав Российской империи, в том числе документы центральных казахстанских и российских архивов. Ценные сведения по изучаемым вопросам находятся в сборнике «Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках», при составлении которого использовались документы и материалы ряда российских архивов по дипломатическим отношениям Казахских ханств и Российской империи.

Другим важным источником послужили составленные А.И. Тевкелевым журналы и служебные документы, изданные в 2005 году. Наиболее значимым источником здесь служит «Журнал бытности в Киргиз-кайсацкой орде (1731–1733 гг.)», впервые публикуемый в полном объеме (Журналы..., 2005: 65-142).

Кроме того, использованы сведения из архивных источников о посольствах А.И. Тевкелева, которые до сих пор остались либо не изучены, либо не в полной мере раскрыты в научных трудах исследователей. Одним из первых стоит выделить документы Архива внешней политики Российской империи (Москва, Российская Федерация), который является крупнейшим архивным учреждением России. В данном архиве хранится множество ценных документальных материалов по истории дипломатии и внешней политики России, начиная от правления Петра I вплоть до современности. Основные материалы по дипломатическим отношениям Казахских ханств и России находились в фонде 122 («Киргиз-кайсацкие дела») АВПРИ, созданном на базе документов Коллегии иностранных дел. Они датируются 1731-1733 годами. В их числе отрывки из журнала пребывания переводчика Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелева в Казахской степи (3 октября 1731 – 14 января 1733 гг.), царские грамоты, письма представителей российских властей, адресованные ханам и казахской знати, рапорты губернаторов, дневники, доклады и прочая документация русских посланников, направленных в Казахские степи.

Другим весьма важным источником служат документы Объединенного государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), находящегося в городе Оренбурге. Особого внимания заслуживает фонд, связанный с деятельностью «Оренбургской экспедиции» (1734–1737 гг.), начальником которой являлся И.К. Кириллов, а помощником – А.И. Тевкелев. В нем находятся уникальные документы, связанные со строительством города Оренбурга, проектами российских властей по освоению Оренбургского края и продвижению в Среднюю Азию.

Еще одним ценным источником являются материалы научного архива «Гылым Ордасы», находящегося в городе Алматы (Казахстан). Здесь содержатся рукописи ученых – научных сотрудников Национальной Академии наук Казахстана (Академии наук Казахской ССР). Одним из наиболее значимых архивохранилищ является фонд 23 «Бекмаханов Е.Б. 1938–1967 историк» с

рукописями и материалами выдающегося казахского и советского ученого-историка Е.Б. Бекмаханова (1915–1966), посвященными тематике присоединения территории Казахстана к Российской империи.

Методология исследования представлена широким спектром принципов и методов, одним из которых является принцип историзма. Его использование заключалось в оценке результатов и значения посольства А.И. Тевкелева по сравнению с предыдущими миссиями. Среди применяемых в исследовании методов весьма полезным являлось привлечение историко-генетического метода, позволившего проследить развитие посольских миссий России в Казахскую степь, их видоизменяющиеся задачи и состав. Использование историко-типологического метода позволило выделить общие черты посольств и их особенности.

3. Обсуждение

История изучения отношений Казахских ханств и России, а также их посольских контактов, имеет сложившийся историографический фундамент. Однако непосредственное исследование истории формирования посольских связей между данными государствами происходило неравномерно (Лапин, Аканов, 2021: 1569-1573). Тем не менее отдельные аспекты изучения посольских связей России с Казахским ханством в последнее время получают определенное развитие (Лапин, 2019; Lapin, 2021: 48).

В историографии одним из первых, кто обратил внимание на посольскую деятельность А.И. Тевкелева, был его современник, с которым ему пришлось немало вместе служить в Оренбургской губернии. Это русский государственный деятель, историк и краевед П.И. Рычков. В известном труде «История Оренбургская» указываются причины, сподвигнувшие хана Младшего жуза Абулхаира «искать и просить» подданства Российской империи. Таковыми причинами указываются, с одной стороны, нападения джунгар на города казахских ханов, с другой, – набеги башкир, к тому времени уже являвшихся подданными России. Детально описывается ситуация, сложившаяся в Казахском ханстве, которая была весьма нестабильной и несла определенные угрозы от соседних государств. Далее П.И. Рычковым рассматривается само посольство А.И. Тевкелева, его состав, задачи каждого из его участников и их полномочия, его прием в Казахской степи, оцениваются характер выступлений российского посла и достигнутые результаты (Рычков, 1896: 5-10).

Следующим тему посольств А.И. Тевкелева рассматривает А.И. Левшин, который, используя работу П.И. Рычкова, а также архивные документы, делает свои выводы по политике хана Абулхаира, его мотивам и поступкам. Стоит отметить, что А.И. Левшин не столь детально, как П.И. Рычков, рассматривает состав миссии А.И. Тевкелева, ограничиваясь указанием, что с ним были направлены два геодезиста. В основном заостряется внимание на фигуре самого главы посольской делегации. Кроме того, А.И. Левшин приводит некоторые сведения о бывшем при посольской делегации башкирском батыре Таймасае, а также о казахском батыре Богенбае, которые сыграли важную роль в конечном успехе посольства (Левшин, 1996: 178-191).

Схожие детали о деятельности посольства А.И. Тевкелева, характеристике и роли хана Абулхаира также пересказывали такие дореволюционные ученые, как И.И. Крафт, А.И. Добросмыслов, Л.Л. Мейер, М.В. Красовский и др. (Крафт, 1897; Добросмыслов, 1901; Мейер, 1865; Красовский, 1868). Кроме того, И.И. Крафт рассматривает вопрос о замене аманатов в 1751 году, решение которого поручалось А.И. Тевкелеву (Крафт, 1901: 48).

В советский период большой вклад в изучение посольств А.И. Тевкелева внесли М.П. Вяткин, Н.Г. Аполлова, Г.Ф. Дахшлейгер, В.Я. Басин и другие. В частности, М.П. Вяткиным анализировались мотивы части казахской элиты, побудившие ее искать союз с усилившимся к началу XVIII века Российским государством, а правителя Младшего жуза хана Абулхаира – принять решение установить протекторатные отношения с Россией (Вяткин, 1940: 3-17; Вяткин, 1941: 123-131; Вяткин, 1998: 143-144). Н.Г. Аполловой изучены цели и задачи формирования посольства А.И. Тевкелева, отношение к нему со стороны казахских старшин (Аполлова, 1948: 186-195). Г.Ф. Дахшлейгер вводил в научный оборот ряд данных о том посольстве А.И. Тевкелева, планировавшемся еще в начале 1720-х годов (История..., 1957: 228-231). В.Я. Басиным были рассмотрены и проанализированы причины, указанные в прошении хана Абулхаира о подданстве Российской империи, а также изучены рекомендации и обязанности русского посла в Казахской степи (Басин, 1971: 131-138).

На современном этапе выделяются работы Ж.К. Касымбаева, К. Абуева, Д.Ю. Арапова, И.Н. Байназарова, А.В. Белякова, Д.В. Васильева, И.В. Ерофеевой, Г.Б. Избасаровой, Р.Ю. Почакаева, К.Ш. Хафизовой. Работы ряда указанных ученых уже были рассмотрены ранее (Lapin, Akanov, 2021).

Вклад ученых, труды которых были не исследованы в указанной работе, рассмотрим отдельно. Д.Ю. Арапов изучал биографию и служебную деятельность А.И. Тевкелева в контексте его взаимоотношений с царем Петром I и его преемниками, их отношения к вероисповеданию подчиненных и проч. (Арапов, 2012: 9-10). И.Н. Байназаров посвятил изучению личности А.И. Тевкелева свое диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата исторических наук, защищенное в 2005 году. Им также опубликован ряд статей, из которых стоит выделить работу, где освещается роль башкирских воинов А. Исекеева и Т. Шаимова в посольстве русского дипломата (Байназаров, 2003: 62-72). А.В. Беляков изучил ряд данных по генеалогии рода

Тевкелевых, выявив ряд важных сведений о предках русского посланника, трудившихся в дипломатической отрасли (Беляков, 2022: 86-90).

Таким образом, обобщая данные историографии, стоит отметить, что роль А.И. Тевкелева в казахско-русских посольских отношениях изучалась достаточно широко. Однако ряд деталей, связанных собственно с посольской деятельностью А.И. Тевкелева в Казахской степи, с самими посольствами, с церемониалом его встречи при ханском дворе, с дальнейшими контактами со многими личностями Казахских ханств, остается неисследованным.

4. Результаты

Согласно данным современной казахстанской историографии, история казахско-русских посольских отношений начинается с конца XVI века, когда правитель Казахского ханства хан Таваккул (Таукель) решил направить в январе 1595 года посольство Кул-Мухаммеда в Москву к русскому царю Федору Ивановичу. Основные цели посольства были следующие: получение от России средств «огненного бою», заключение договоренностей о совместных военных действиях против Шибанидских правителей государств Сибири и Центральной Азии, освобождение из русского плена Ураз-Мухаммеда, племянника казахского хана. Летом 1595 года в Москву было направлено второе посольство. Казахским посольским миссиям удалось добиться некоторых результатов в виде установления дипломатических контактов с Персией, получения царской грамоты о подданстве, а также в виде направления русскими властями ответного посольства В. Степанова (Лапин, 2019). Известно также о посольстве В. Степанова 1595–1596 гг., однако добиться каких-либо результатов русскому посольству не удалось, и, пробыв в пределах ставки хана Таваккула немногим более месяца, делегация вернулась обратно (Васильев, 2015: 37).

После продолжительного перерыва и нескольких посольств, взаимно отправленных в конце XVII века, новый крупный этап казахско-русских посольских контактов происходит в начале XVIII века, когда правитель Казахского ханства Каип хан направил несколько писем ко двору русского царя Петра I. Примерно тем же временем датируются первые послания другого казахского хана – Абулхаира. Основными темами посланий обоих казахских ханов являлись ведение взаимных торговых отношений между государствами и набеги казахов на русские поселения, содержание и возвращение пленных, установление «вечного мира» с Россией, оформление союза против Джунгарского ханства. И.В. Ерофеева отмечает, что начавшийся в 1715–1718 гг. активный обмен посольскими делегациями имеет характер региональных отношений, делая основной упор на изучение посольской миссии Т. Кулбаева, направленной к казанскому губернатору П.С. Салтыкову и ряду посольств, установивших контакты с сибирским губернатором М.П. Гагариным (Ерофеева, 2007: 141-142, 151-159). Ученым известны казахские посольства Чюры, Тойгунура, Б. Екешева, Б. Буриева, ответные русские посольства Н. Белоусова, Ф. Жилина, Б. Брянцева. Всего в этот период, по данным исследователей, было направлено 12 посольских миссий, добившихся отдельных результатов в виде частичного возвращения пленных, установления как государственных, так и региональных посольских контактов. Однако главные цели как казахских ханов (оформление союза против джунгар), так и России (принятие казахами Российского подданства) достигнуты не были (Лапин, 2021: 47-55). Стоит отметить, что вплоть до октября 1718 года в письмах, адресуемых русскому царю, хан Абулхаир, хоть и именуется российского царя «великий государь», однако не указывает никаких знаков верности. И только в письме, датированном октябрём 1718 года, доставленном Шаба и Итмамет батырами, в начале текста появляется формулировка «челом бью» (Эпистолярное..., 2014: 104-105).

Следующий этап дипломатических казахско-русских отношений связан с именем А.И. Тевкелева, однако прежде стоит несколько слов сказать в целом о характере российско-казахских отношений в первой половине XVIII века. После ряда посольств первой четверти XVIII века произошел определенный спад, но уже в самом начале 1730-х годов, как раз после отправления посольства А.И. Тевкелева, устанавливаются регулярные отношения. Целый ряд казахских правителей принимает присяги и формально вступает в российское подданство в течение 1730-х – 1740-х годов. После этого со стороны российского правительства принимается ряд мер по укреплению своего влияния. Среди них выделяются основание Оренбурга, получившего вскоре специальную привилегию для проведения безопасной торговли с Бухарой, Хивой, Ташкентом и особые преимущества для его жителей и вселяющихся переселенцев (Lyubichankovskiy, Akanov, 2018: 487-488).

Важными событиями являлись и административные мероприятия, направленные на интеграцию казахов в российское имперское пространство, среди которых знаковым стало обязательное утверждение (конфирмация) казахских ханов российским монархом (Лапин, Логинов, 2024).

Стоит отметить и оформление института аманатства, опробованного ранее в отношениях с народами Сибири и Кавказа. Согласно Г.Б. Избасаровой, данный институт являлся одним из «сильнейших инструментов принуждения», а также гарантией регулярной выплаты дани (ясака) и политической лояльности народов, покоренных Российской империей. Первыми казахскими аманатами стали члены семьи самого хана Абулхаира от его старшей жены Бопай, которые с 1732 года вместе с посольствами доставлялись в Санкт-Петербург, где являлись «почетными заложниками» (Избасарова, 2016: 45).

Согласно данным современной историографии, история российских посольств А.И. Тевкелева начинается с отправления казахским ханом Абулхаиром посольства летом 1730 года. Письмо, направленное в Петербург и полученное в Уфе 20 июля, присваивало Российской императрице ряд хвалебных титулов: «Величайшей», «благородной» и т.д., а также пожелание счастливого правления. Эта традиция сохранится и в последующих письмах. В послании хан Абулхаир вместе с 40 знатными сподвижниками и остальными подданными казахского правителя выражался следующим образом: «преклоняем свои головы». Кроме того, данное послание содержало просьбы о протекции Ее Величества и содействии в заключении вечного мира с башкирами, уже являвшимися подданными Российской короны. Отмечается также роль башкира Алдарбая, который просил казахов направить посланца ко двору императрицы, что и было сделано казахским ханом (*Эпистолярное...*, 2014: 106-107). Роль башкирских деятелей в казахско-русских отношениях стала возрастать, что отмечает ряд других исследователей (*Байназаров, 2003; Избасарова, 2018*).

Само посольство, направленное в главные города России, Петербург и Москву, возглавлялось видными деятелями Среднего и Младшего жузов, а именно бием С. Койдагуловым и батыром К. Коштаевым, и насчитывало 11 человек. Послание было благоприятно воспринято при дворе императрицы Анны Иоанновны, с чем и был связан уважительный прием делегации в Санкт-Петербурге и положительное решение русского правительства, полученное в середине марта 1731 года в ответ на прошение казахского хана (*Казахско-русские...*, 1961: 35-37).

Ответным шагом стало посольство, направленное из Санкт-Петербурга в Казахскую степь, возглавляемое А.И. Тевкелевым, который в то время являлся переводчиком Коллегии иностранных дел. Делегация везла грамоту от императрицы Анны Иоанновны о принятии казахов под протекторат России. Согласно тексту грамоты, объявить казахскому хану об этой милости поручалось поверенному переводчику ориентальных языков государственной канцелярии А.И. Тевкелеву, действовавшему по указу Российской императрицы Анны Иоанновны. Ему также поручалось доставить Абулхаир хану в виде жалования царские дары: кафтан, шапку, саблю и сукна (*НА «Ғылым Ордасы». Ф. 23. Оп. 1, Д. 477. Л. 12; Казахско-русские, 1961: 40-41*).

В январе 1731 года на имя императрицы были направлены писанные листы от казахских ханов Абулхаира и Самеке, членов семьи хана Абулхаира: супруги ханши Бопай, зятя султана Батыр-Мухаммеда (Махомета), сына Нуралы, – где содержались тексты прошений о принятии российского подданства, описывалось количество ясака (дани) в виде шкур лисиц и корсаков. Например, хан Абулхаир обязывался присылать ясак в 4 тыс. лисиц, хан Самеке – 2 тыс. лисиц и 1 тыс. корсаков, остальные указывали заметно меньшие размеры присылаемой дани (*АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1733 г. Д. 1. Л. 8, 560б.-57*). Стоит отметить, что довольно часто упоминаются шкуры пушных животных как наиболее распространенных предметов дани в отношениях казахской элиты и российской администрации.

Коллегия иностранных дел в феврале 1731 года подготовила специальную инструкцию о приведении к присяге казахского хана и его окружения. В документе требовалось добиться согласия казахского хана на выполнение следующих задач: обеспечение безопасности торговых российских караванов, регулярная выплата дани шкурами пушных животных, отправка в Россию аманатов (заложников), заключение вечного мира с соседними народами, входящими в состав Российской империи, и т.д. Предусматривалась и возможная неудача в вопросах высылки дани и аманатов, предполагавшая получение согласия казахского хана на остальные начальные пункты и обещания верности. Кроме того, российскому послу предназначалось высматривать и разведывать данные о казахах, а особенно о самом хане Абулхаире, а также о соседних башкирах. Помимо того, российскому посланнику вменялось ведение полевого журнала. Также к нему приставлялись в помощь топографы-геодезисты А. Писарев и М. Зиновьев в целях проведения топографического описания и составления карты пройденных посольством территорий. Помимо прочего, российский посол должен был выяснить сведения о том, насколько тесны связи казахов и башкир, есть ли вероятность заключения ими союза против России, насколько сильно влияние хана Абулхаира в казахских степях, о его внутренней и внешней политике, о хозяйстве, о наличии других ханов и мн. др. (*Казахско-русские...*, 1961: 40-48).

В конце апреля 1731 года посольство А.И. Тевкелева вместе с посланниками Абулхаира отправилось из Санкт-Петербурга в сторону Уфы. Дорога русского посольства заняла два месяца и три дня. Затем более месяца, с начала июля до конца августа, посольство А.И. Тевкелева находилось в Уфе, готовясь к поездке в Казахскую степь. За время подготовки посольство собирало сведения о положении дел в Казахском крае. К посольству также присоединились башкирский тархан Ногайской дороги А. Исянгельдин с влиятельным мусульманским деятелем из окружения хана Абулхаира Мухаммадкожа, которые сообщили посольству о точной локализации ставки хана Младшего жуза. Они также организовали через башкирского тархана донесение казахскому правителю о приезде российского посла (*Казахско-русские, 1961: 45-48*). Полученное А.И. Тевкелевым письмо к российской государыне содержало данные об именах правителей, признававших власть Абулхаир хана и их владения. Содержалось предложение к Российской императрице о приезде купцов и развитии торговых связей (*Эпистолярное...*, 1731: 108). Стоит отметить упоминание в числе подданных хана тех,

кто на самом деле таковым не считался, что, вероятно, было сделано для того, чтобы повысить вес правителя Младшего жуза в глазах Российской империи.

Полученные сведения возымели эффект для скорейшего направления миссии в Казахскую степь. Отметим, казахстанские ученые И.В. Ерофеева и Г.Б. Избасарова расходятся в сообщениях о количестве входящих в посольство А.И. Тевкелева. И.В. Ерофеева сообщает о численности посольства в 70 человек, тогда как Г.Б. Избасарова пишет о том, что в состав посольства входило 60 (Ерофеева, 2005: 13; Избасарова, 2018: 70). Отмечается, что для охраны российского посольства 14 августа 1731 года бригадир и уфимский воевода П.И. Бутурлин выделил 10 солдат, а в качестве конвойного сопровождения направлялось 10 дворян, столько же казаков, 30 башкир, 200 лошадей и 10 верблюдов (Казахско-русские..., 1961: 45).

Путь российского посла к казахским кочевьям составил около полутора месяцев. Сначала по территории Башкирии, а затем, прибыв 23 сентября 1731 года на территорию кочевий Младшего жуза, он продолжил движение по берегам Яика и его притокам, где 2 октября у реки Ирғиз произошла встреча российского посольства со старшим сыном Абулхаир хана, султаном Нуралы, которого сопровождали 200 человек, в том числе 29 старшин (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1733 г. Д. 1. Л. 8).

В знак почтения к русскому посольству казахский султан со свитой сошел с коней и пешком прошел 20 сажень до коляски посла. Тот также вышел навстречу, но в пяти сажнях. Нуралы султан поприветствовал русского посла и сказал, что прибыл для того, чтобы сопроводить до ставки отца. В ответ А.И. Тевкелев спросил о здоровье хана Абулхаира и всех казахских старшин. Затем ханский сын спросил русского посла о его дороге и поздравил с прибытием, на что тот ответил, что доехал благополучно. В связи с приездом ханского сына посольство сделало двухдневную остановку, стремясь оказать тому достойные его сана почести, и пригласило вместе со свитой к себе. Поутру 4 октября русский посол подарил ханскому сыну 4 аршина красного сукна стоимостью 2 рубля, 60 копеек, черно-бурую лисицу ценою около пяти рублей. Дополнительно по просьбе Нуралы посол подарил ему опрaвленнoе серебром седло и узду. Семи наиболее знатным старшинам А.И. Тевкелев также сделал подарки сукном. Затем по просьбе старшин и самого султана Нуралы русский посол также одарил и остальную свиту красным сукном и кожами, шкурами выдр, бобра, китайским тюнем и красными кафтанами. Стоит отметить, что вначале российский посол намеревался одарить только ханского сына и тех, кто был вместе с ним приглашен на ужин, однако, после неоднократных просьб Нуралы султана и его окружения, послу пришлось согласиться и одарить остальную свиту ханского сына (Журналы..., 2005: 65-66). Стоит отметить, что в основном дарились предметы одежды и ткани, тогда как казахи, все еще находившиеся в состоянии военных отношений с окружающими их кочевыми народами джунгар, башкир и калмыков, более нуждались в предметах вооружения. Впрочем, со временем именно ткани стали одним из наиболее распространенных разновидностей даров в отношениях русских послов и казахской знати в XVIII-XIX вв. (Усманова, Крупа, 2019: 153-157).

В тот же день посольство А.И. Тевкелева продолжило свой путь и на следующий день достигло урочища Манитюбе в верховьях реки Ор, где располагалась одна из ставок хана Абулхаира. А 6 октября хан Абулхаир приказал встретить посольство в двух верстах от ставки и отвести в специально приготовленную кибитку. Кроме того, хан приказал своим табунщикам стеречь хозяйство русского посла в 200 лошадей и 12 верблюдов. Однако в самой ханской ставке российское посольство сразу же окружил «тайный караул», задачей которого ставилось не допускать встречи с ханом вплоть до объявления грамоты от императрицы. Вследствие этого российскому послу, переодевшись в казахские одежды, пришлось тайно встречаться по ночам с казахским правителем. В организации этих встреч посильную помощь оказали башкирские батыры Таймас и Кидряс. Во время одной из этих встреч хан Абулхаир признался, что письмо к российской императрице о подданстве было его единоличной инициативой, на которую казахский хан пошел, не спросив мнения других ханов и представителей знати из его окружения. Причиной этого шага служила боязнь того, что российские власти оставят его прошение без ответа, тогда как получение подданства по расчетам казахского хана должно было способствовать налаживанию отношений с российскими подданными, башкирами и калмыками, а также помочь укрепить ханскую власть. Абулхаир хан также стремился при помощи России добиться возвращения под контроль казахов, захваченных ранее джунгарами присырдарьинских городов. Зная настроения своих подданных, казахский хан советовал российскому послу делать богатые дары наиболее влиятельным представителям казахской знати, отмечая слабость ханской власти (Журналы..., 2005: 67).

Ситуация требовала от А.И. Тевкелева принятия срочных инициатив. Поэтому уже 7 октября российский посол вручил казахским старшинам подарки через хана Абулхаира в виде сукна и прочих товаров. Вместе с собой на встречу русский посол взял двух геодезистов и семь башкирских старшин. На встрече с ханом А.И. Тевкелев сказал о своей миссии по оглашению императорской грамоты, содержащей текст присяги на верность Российской государыне. Но уже к вечеру ситуация накалилась настолько, что жизнь и имущество посольства А.И. Тевкелева оказались под угрозой гибели и разграбления ввиду подозрения в шпионаже и в подготовке российского нападения на казахские земли (Журналы..., 2005: 70-71). Вводимые сведения показывают, что ситуация с принятием казахами подданства была очень непростой и временами являлась опасной для российского посольства, что

явно требовало от А.И. Тевкелева проявления незаурядных дипломатических способностей по выполнению своей миссии.

Тогда российский посол собрал бывших при посольстве знатных башкир и спросил их совета. В ответ башкиры посоветовали привлечь на сторону посольства наиболее влиятельных сторонников хана Абулхаира: батыров Есета, Богенбая, Кодайназара-мурзу. А башкирский батыр Таймас организовал встречу А.И. Тевкелева и Богенбай батыра. Во время встречи российский посол смог настолько расположить к себе казахского батыра, что тот не только пообещал ему поддержку, но и отказался от врученных ему даров (*Журналы..., 2005: 71-74*).

Решающая встреча российского посла с казахскими старшинами произошла 10 октября 1731 года, когда, как отмечают исследователи, полноценно смогли проявиться ораторские качества и дипломатические способности А.И. Тевкелева. Находясь под допросным давлением казахских старшин, российский дипломат смог построить выступление таким образом, что преподнес Российской империю как очень сильное в военном отношении государство, которое не имеет опасности от казахов, но и нужды в их подданстве тоже. Он также блеснул своими знаниями тяжелой политической обстановки, сложившейся в Казахской степи ввиду существующей опасности нападений от внешних противников, коими выступали не только джунгары, но и являвшиеся подданными России башкиры и калмыки, в связи с чем обосновал собравшимся необходимость принятия Российского подданства. Решающую роль в положительном для русского посольства результате собрания сыграло выступление Богенбай батыра, поддержавшего позицию о принятии Российского подданства вместе с ханом Абулхаиром, а также батырами Есетом и Кудайназаром, присягнувшими на верность России. Помимо них, присягнуло еще 27 знатных персон (*Казахско-русские..., 1961: 48-54*).

В то же время ряд других казахских старшин, принимавших участие в собрании, отказались от подданства, стали в оппозицию к хану Абулхаиру и неоднократно пытались противодействовать инициативам российского посольства. Впрочем, несмотря на это, число сторонников принятия российского подданства продолжило расти. Неоднократно планировались попытки физического устранения русского посла, однако ввиду широкой поддержки посольства родоправителями и батырами Младшего и Среднего жуза его противники так и не решились этого сделать, что и констатировали на своих тайных собраниях. В журнале также подчеркивается роль казахских батыров Богенбая, Есета и других. Они смогли организовать российскому посольству поддержку, необходимую для его безопасности и успешного выполнения миссии (*Журнал..., 2005: 76-79*).

Стоит отметить, что в январе 1732 года А.И. Тевкелев в донесении вице-канцлеру графу А.И. Остерману о принятии российского подданства казахами Младшего жуза детально описал ситуацию, которая сложилась в ставке хана Абулхаира. Российский посол отметил, что за три месяца проживания в пределах казахских степей ему неоднократно грозила смерть, однако благодаря помощи Богенбай батыра он сумел ее избежать и привести казахов в российское подданство. В награду А.И. Тевкелев просил выслать через башкира Кидряса для казахского батыра из Москвы боевой панцирь. А.И. Тевкелев также просил освободить отправленного еще в 1729 году в Тобольск посланца от Казахской Орды Бекбулата и вместе с содержащимся там Ш. Мурзиным, сыном казацкого старшины, направить их в Уфу (*АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1732 г. Д. 1. Л. 92-93*). Стоит отметить, что просьба о выделении предметов вооружения в качестве подарков подчеркивала особый статус и заслуги казахского батыра перед российским посольством, тогда как основным видом даров, как указано выше, являлись ткани.

В журнале российского посла также указывается еще один немаловажный факт об отношениях хана Абулхаира и русского посла. Казахский правитель предложил России воздвигнуть для него крепость в устье реки Орь, где тот полагал, что будет иметь безопасность от своих противников. В ответ на вопрос русского посла, о том покажет ли при этом казахский хан свою преданность, Абулхаир отвечал, что отправит вместе с А.И. Тевкелевым своего сына Ералы и брата Нияза и каждый год обещал отправлять еще по одному сыну в качестве аманатов (*Журналы..., 2005: 130-131*).

Впоследствии Российской императрице неоднократно отправлялись письма и донесения как от казахского хана, так и от А.И. Тевкелева, в которых обосновывалась необходимость воздвижения укрепления в устье реки Орь (*Казахско-русские..., 1961: 98-101*). Позднее, в июне 1734 года, Императрица Анна Иоанновна издала специальную грамоту о строительстве данного города как резиденции Абулхаир хана и его сына Ералы (*ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 146-149*). Строительство и обеспечение города поручались статскому советнику И.К. Кириллову и А.И. Тевкелеву, дослужившемуся к тому времени до звания полковника (*Казахско-русские..., 1961: 116-117*).

Обобщая вышесказанное, стоит отметить, что многие значимые результаты деятельности посольства А.И. Тевкелева, такие, как установление даннических отношений в виде шкур пушных животных, торговых контактов, обсуждения предложения о строительстве крепости на реке Орь и др., остаются малоизученными, тогда как в основном исследователи сосредотачиваются непосредственно на факте принятия присяги о подданстве Российской империи. Также необходимо отметить значимость самого «Журнала бытности», ведомого А.И. Тевкелевым, как источника по истории деятельности российского посольства во время исполнения миссии 1731–1732 гг. Этот источник

содержит многие важные данные о подробностях принятия казахами российского подданства, ситуация с которым зачастую являлась весьма опасной как для самого посольства, так и для казахских сторонников этого процесса, что требовало от них определенного мужества, политического предвидения и проявления незаурядных дипломатических способностей.

5. Заключение

Обобщая вышеизложенное, нужно сделать вывод, что русское посольство, возглавляемое переводчиком Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелевым, сыграло значимую роль в процессе присоединения Казахского ханства к территории России. Важное место в системе взаимоотношений казахского общества и российского посольства занимали подарки, вручаемые русским послом наиболее влиятельным деятелям: ханам, султанам, батырам. Среди них особенно выделялись дары, преподнесенные в виде красного сукна, кож, предметов вооружения и одежды. Необходимо также выделить роль личностных качеств самого русского посла А.И. Тевкелева, сумевшего приблизить и объединить сторонников процесса о принятии российского подданства, таких, как хан Абулхаир, батыры Богенбай, Есет, башкирские старшины Кидряс, Таймас и др., чья разумная твердость, смелость, авторитет и политическая гибкость способствовали достижению большинства целей русского посольства.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН BR21882223 «Казахское ханство во второй половине XV – первой половине XVIII вв.: этнополитическая история и внешняя политика»).

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Аполлова, 1948** – Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1948. 247 с.
- Арапов, 2012** – Арапов Д.Ю. Ислам в Петровской России // *Вестник Московского университета*. Серия 8. История. 2012. № 4. С. 3-11
- Байназаров, 2003** – Байназаров И.Н. Были воинами и дипломатами (Алдарбай Исекеев и Таймас Шаимов в посольстве А.И.Тевкелева в Казахстане в 1731-1733 гг.) // *Ватандаш*. 2003. № 11. С.62-72.
- Басин, 1971** – Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики российской империи. Алма-Ата: Наука, 1971. 276 с.
- Беляков, 2022** – Беляков А.В. Ранняя генеалогия Тевкелевых // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2022. № 8 (466). С. 85-93. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10813
- Васильев, 2015** – Васильев Д.В. Касимовское ханство и первые дипломатические контакты России и Казахстана // *Тамбов: Грамота*. 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 35-38.
- Вяткин, 1940** – Вяткин М.П. Казахское общество в середине XVIII в. // *Известия Казахстанского филиала АН ССР*. Серия историческая. Вып. 1. Алма-Ата, 1940. С. 3-17.
- Вяткин, 1941** – Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1: С древнейших времен по 1870 г. М.: ОГИЗ: Госполитиздат, 1941. 367 с.
- Вяткин, 1998** – Вяткин М.П. Батыр Срым. Учебное пособие. Алматы: Санат, 1998. 344 с.
- Добросмыслов, 1901** – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 2. Оренбург, 1901. С. 125-256.
- Ерофеева, 2005** – Ерофеева И.В. Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731-1759 гг.) // *Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.)* // Составление, транскрипция скорописи XVIII в., историографический очерк и комментарии И. В. Ерофеевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 6-51.
- Ерофеева, 2007** – Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е, исправ. и доп.. Алматы: Дайк-пресс, 2007. 456 с.
- Журналы..., 2005** – Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.) / Составление, транскрипция скорописи XVIII в., историографический очерк и комментарии И.В. Ерофеевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.
- Избасарова, 2016** – Избасарова Г.Б. «Почётные заложенники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII–XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза) // *Клио*. 2016. № 6(114). С. 44-51.
- Избасарова, 2018** – Избасарова Г.Б. Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики Российской империи в XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 430. С. 68-76. DOI: 10.17223/15617793/430/10
- Казахско-русские отношения..., 1961** – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1961. 743 с.

- Красовский, 1868** – *Красовский М.* Область сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба Т. 1. СПб., 1868. 449 с.
- Крафт, 1897** – *Крафт И.И.* Принятие киргизами русского подданства // *Известия Оренбургского отдела ИРГО.* Вып. 12. Оренбург, 1897. 59 с.
- Крафт, 1901** – *Крафт И.И.* Тургайский областной архив. Описание архивных документов с 1731 г. по 1782 г. относящихся к управлению киргизами. СПб.: типография Лопухина, 1901. 141 с.
- Лاپин, 2019** – *Лاپин Н.С.* Историография первого Казахского посольства в Русское государство в 1594-1595 гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2019. Т. 10. Вып. 1 (75). DOI: 10.18254/S0002572-8-1
- Лاپин, Логинов, 2024** – *Лاپин Н.С., Логинов Е.И.* Конфирмация казахского хана Нуралы в 1748–1749 гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2024. Т. 15. Вып. 1 (135). DOI: 10.18254/S207987840029586-3
- Левшин, 1996** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / Под ред. акад. М. К. Козыбаева. Алматы, 1996. 656 с.
- Мейер, 1865** – *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства / Материалы для географии и статистики России Оренбургского ведомства, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10. СПб., 1865. 398 с.
- НА «ГЫЛЫМ Ордасы»** – Научный архив «ГЫЛЫМ Ордасы».
- ОГАОО** – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Рычков, 1896** – *Рычков П.И.* История Оренбургская. [1730-1750]; под ред. и с примеч. Н.М. Гутьяра, Секретаря Комитета, изд. Оренб. Губ. Стат. Комитета. Оренбург: Тип.-лит. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 95 с.
- Усманова, Крупа, 2019** – *Усманова Э.Р., Крупа Т.Н.* Ткань-дар в отношениях между казахской элитой и российской дипломатией в 18-19 вв. / *Мода и дизайн: исторический опыт - новые технологии. Материалы XXII международной научной конференции.* Санкт-Петербург, 28–31 мая 2019 года. С. 153-157
- Эпистолярное..., 2014** – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675 – 1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т. I: Письма казахских правителей. 1675-1780 гг. / Составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 696 с.
- Лapin, 2021** – *Lapin N.S.* Kazakh-Russian Embassy Relations in the Pre-Imperial Period: the Main Problems of Bilateral Relations in the early XVIII century // *Bylye Gody.* 2021. 16(1): 47-55.
- Лapin, Akanov, 2021** – *Lapin N.S., Akanov K.G.* Diplomatic Relations of the Kazakh Khanates and the Russian Empire in late Soviet and Modern Historiography // *Bylye Gody.* 2021. 16(3): 1568-1575.
- Lyubichankovskiy, Akanov, 2018** – *Lyubichankovskiy S.V., Akanov K.G.* Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century // *Bylye Gody.* 2018. №2 (48). Pp. 484-495.

References

- Apollova, 1948** – *Apollova, N.G.* (1948). Prisoyedineniye Kazakhstana k Rossii [The accession of Kazakhstan to Russia]. Alma-Ata, 247 p. [in Russian]
- Arapov, 2012** – *Arapov, D.Yu.* (2012). Islam v Petrovskoy Rossii. [Islam in Petrovsky Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta.* 4: 3-11. [in Russian]
- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- Basin, 1971** – *Basin, V.Ya.* (1971). Rossiya i kazakhskiy khanstva v XVI– XVIII vv.: Kazakhstan v sisteme vneshney politiki rossiyskoy imperii [Russia and the Kazakh Khanates in the XVI-XVIII centuries: Kazakhstan in the system of foreign policy of the Russian Empire]. Alma-Ata. 276 p. [in Russian]
- Baynazarov, 2003** – *Baynazarov, I.N.* (2003). Byli voynami i diplomatami (Aldarbay Isekeyev i Taymas Shaimov v posol'stve A.I.Tevkeleva v Kazakhstane v 1731-1733 gg.) [They were warriors and diplomats (Aldarbai Isekeev and Taimas Shaimov in the embassy of A.I.Tevkelev in Kazakhstan in 1731-1733)]. *Vatandash.* 11: 62-72. [in Russian]
- Belyakov, 2022** – *Belyakov, A.V.* (2022). Rannyaya genealogiya Tevkelevykh. [Early genealogy of Tevkelevs]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 8(466): 85-93. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1901** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1901). Turgayская область. Istoricheskiy ocherk [Turgai region. Historical sketch]. Vol. 1. Vyp. 2. Orenburg. Pp. 125-256. [in Russian]
- Epistolyarnoe..., 2014** – Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity 1675 – 1821 gg. [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite 1675 – 1821]. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh. T. I: Pis'ma kazakhskikh pravitelei. 1675-1780 gg. Sostavitel' i otvetstvennyi redaktor I.V. Erofeeva. Almaty: АО «АБДИ Компани», 2014. 696 s. [in Russian]
- Izbasarova, 2016** – *Izbasarova, G.B.* (2016). «Pochotnyye zalozhniki» kak otrazheniye gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy imperii k podvlastnym narodam v XVIII–XIX vv. (na primere kazakhov Mladshogo zhuza) ["Honourable hostages" as a reflection of the state policy of the Russian Empire to the subject peoples in the XVIII-XIX centuries (on the example of the Kazakhs of the Younger Juz)]. *Klio.* 6(114): 44-51. [in Russian]

- [Izbasarova, 2018](#) – *Izbasarova, G.B.* (2018). Gosudarstvennaya deyatel'nost' A.I. Tevkeleva po realizatsii yugo-vostochnoy politiki Rossiyskoy imperii v XVIII v. [State activity of A.I. Tevkelev on the implementation of the southeastern policy of the Russian Empire in the XVIII century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 430: 68-76. [in Russian]
- [Kazakhsko-russkiye otnosheniya..., 1961](#) – Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVI-XVIII vekakh: (sbornik dokumentov i materialov). [Kazakh-Russian relations in the XVI-XVIII centuries: (collection of documents and materials)]. Alma-Ata: Izd-vo Akademii nauk KazSSR, 1961. 743 p. [in Russian]
- [Kraft, 1897](#) – *Kraft, I.I.* (1897). Prinyatiye kirgizami russkogo poddanstva. [Acceptance of Russian citizenship by the Kirghiz]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela IRGO*. Vyp. 12. Orenburg. 59 p. [in Russian]
- [Kraft, 1901](#) – *Kraft, I.I.* (1901). Turgayskiy oblastnoy arkhiv. Opisanie arkhivnykh dokumentov s 1731 g. po 1782 g. otnosyashchikhsya k upravleniyu kirgizami [Turgai regional archive. Description of archival documents from 1731 to 1782 relating to the management of the Kirghiz]. SPb.: tipografiya Lopukhina. 141 p. [In Russian]
- [Krasovskiy, 1868](#) – *Krasovskiy, M.* (1868). Oblast' sibirskikh kirgizov [Region of Siberian Kirghiz]. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. T. 1. SPb., 1868. 449 p. [in Russian]
- [Lapin, 2019](#) – *Lapin, N.S.* (2019). Istoriografiya pervogo Kazakhskogo posol'stva v Russkoye gosudarstvo v 1594-1595 gg. [Historiography of the first Kazakh embassy to the Russian state in 1594-1595]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. T. 10. 1 (75). DOI: 10.18254/S0002572-8-1 [in Russian]
- [Lapin, 2021](#) – *Lapin, N.S.* (2021). Kazakh-Russian Embassy Relations in the Pre-Imperial Period: the Main Problems of Bilateral Relations in the early XVIII century. *Bylye Gody*. 16(1): 47-55.
- [Lapin, Akanov, 2021](#) – *Lapin, N.S., Akanov, K.G.* (2021). Diplomatic Relations of the Kazakh Khanates and the Russian Empire in late Soviet and Modern Historiography. *Bylye Gody*. 16(3): 1568-1575.
- [Lapin, Loginov, 2024](#) – *Lapin, N.S., Loginov, Ye.I.* (2024). Konfirmatsiya kazakhskogo khana Nuraly v 1748 – 1749 gg. [Confirmation of the Kazakh khan Nuraly in 1748-1749]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. T. 15. 1(135). DOI: 10.18254/S207987840029586-3 [in Russian]
- [Levshin, 1996](#) – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes]. Pod red. akad. M. K. Kozybaeva. Almaty, 656 p. [in Russian]
- [Lyubichankovskiy, Akanov, 2018](#) – *Lyubichankovskiy, S.V., Akanov, K.G.* (2018). Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century. *Bylye Gody*. 2(48): 484-495.
- [Meyer, 1865](#) – *Meyer, L.* (1865). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva. [Kirghiz steppe of the Orenburg department]. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii Orenburgskogo vedomstva, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. T. 10. SPb. 398 p. [in Russian]
- [NA “Gylym Ordasy”](#) – Nauchnyi arkhiv «Fylym Ordasy» [Scientific archive “Gylym Ordasy”].
- [OGAoo](#) – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskii oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].
- [Rychkov, 1896](#) – *Rychkov, P.I.* (1896). Istoriya Orenburgskaya. [1730-1750] [History of Orenburg]. Pod red. i s primech. N.M. Gut'yara, Sekretarya Komiteta, izd. Orenb. Gub. Stat. Komiteta. Orenburg: Tip.-lit. Yevfimovskogo-Mirovitskogo, 95 p. [in Russian]
- [Usmanova, Krupa, 2019](#) – *Usmanova, E.R., Krupa, T.N.* (2019). Tkan'-dar v otnosheniyakh mezhdru kazakhskoi elitoy i rossiiskoi diplomatiei v 18-19 vv. [Fabric-gift in relations between the Kazakh elite and Russian diplomacy in the 18th - beginning. 19 centuries]. *Moda i dizain: istoricheskii opyt – novye tekhnologii*. St. Petersburg, May 28–31, 2019. Pp. 153-157. [in Russian]
- [Vasil'ev, 2015](#) – *Vasil'ev, D.V.* (2015). Kasimovskoye khanstvo i pervyye diplomaticheskiye kontakty Rossii i Kazakhstana [Kasimov Khanate and the first diplomatic contacts between Russia and Kazakhstan]. *Gramota*. 7 (57): Ch. II. Pp. 35-38. [in Russian]
- [Vyatkin, 1940](#) – *Vyatkin, M.P.* (1940). Kazakhskoye obshchestvo v seredine XVIII v. [Kazakh society in the middle of the XVIII century]. *Izvestiya Kazakhstanskogo filiala AN SSR*. Seriya istoricheskaya. Vyp. 1. Pp. 3-17. [in Russian]
- [Vyatkin, 1941](#) – *Vyatkin, M.P.* (1941). Ocherki po istorii Kazakhskoy SSR. T. 1: S drevneyshikh vremen po 1870 g. [Ocherki po istorii Kazakh SSR. T. 1: From ancient times to 1870]. M.: OGIZ: Gospolitizdat, 367 p. [in Russian]
- [Vyatkin, 1998](#) – *Vyatkin, M.P.* (1998). Batyr Srym. [Batyr Srym]. Uchebnoe posobie. Almaty: Sanat, 344 p. [in Russian]
- [Yerofeyeva, 2005](#) – *Yerofeyeva, I.V.* (2005). Sluzhebnyye i issledovatel'skiye materialy rossiyskogo diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhskoy stepi (1731-1759 gg.) [Service and research materials of the Russian diplomat A.I. Tevkelev on the history and ethnography of the Kazakh steppe (1731-1759)]. *Zhurnaly i sluzhebnye zapiski diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731-1759 gg.)*. Sostavlenie, transkriptsiya skoropisi XVIII v., istoriograficheskii ocherk i kommentarii I. V. Erofevoi. Almaty: Dayk-Press. Pp. 6-51. [in Russian]

Yerofeyeva, 2007 – Yerofeyeva, I.V. (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik. [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Izd. 3-e, isprav. i dop. Almaty: Daik-press, 456 p. [in Russian]

Zhurnaly..., 2005 – Zhurnaly i sluzhebnyye zapiski diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731-1759 gg.). [Journals and service notes of the diplomat A.I. Tevkelev on the history and ethnography of Kazakhstan (1731-1759)]. Almaty: Dayk-Press, 2005. 484 p. [in Russian]

Посольство А.И. Тевкелева в Казахскую Степь в 1731–1732 гг.

Куаныш Газизович Аканов ^{a, *}

^a Научный институт изучения Улуса Джучи, Республика Казахстан

Аннотация. В статье исследуется роль переводчика Коллегии иностранных дел Российской империи, в будущем крупного чиновника Оренбургской губернии и военного деятеля Алексея Ивановича (Кутлу-Мухаммеда) Тевкелева в становлении и развитии русско-казахских дипломатических отношений в первой половине XVIII века.

Рассмотрено происхождение А.И. Тевкелева, его служебная биография. Обладая набором профессиональных умений и навыков опытного дипломата, Алексей Иванович смог сыграть одну из ключевых ролей в установлении регулярных отношений Российской империи с казахскими ханствами в первой половине XVIII века.

В ходе служебной деятельности он несколько раз выполнял дипломатические поручения в Казахской степи, возглавляя российские посольские миссии, направленные к казахским ханам. Наиболее известным сюжетом является миссия А.И. Тевкелева, в ходе которой один из казахских правителей, хан Младшего жуза Абулхаир, с частью своих подданных принес присягу и формально вступил в подданство Российской империи. На основе письменных источников исследуется не только характер казахско-российских отношений в изучаемый период, но и сложившаяся при ханском дворе ситуация, которая была явно непростой и временами очень опасной для российского дипломата, что требовало проявления им незаурядных дипломатических способностей. Особое внимание уделено изучению отношений А.И. Тевкелева с казахскими лидерами: ханами, султанами и батырами.

Ключевые слова: Казахское ханство, взаимоотношения Казахского ханства с Российской империей, внешняя политика, посольства, А.И. Тевкелев, Абулхаир-хан.

* Корреспондирующий автор

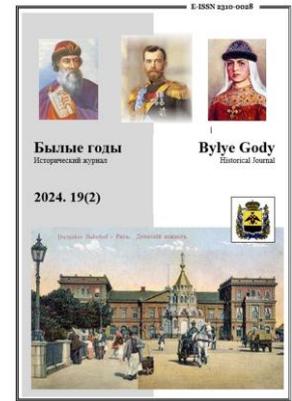
Адреса электронной почты: kukaandvita@mail.ru (К.Г. Аканов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 544-552
DOI: 10.13187/bg.2024.2.544

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Diplomatic Relations between the Kazakh and Dzungarian Khanates and the Influence of the Qing Empire on Them (the second half of the XVIII century)

Sayalbek M. Gizzatov ^{a, *}, Alibek B. Aman ^b, Nursultan N. Oteuov ^c, Ainur Zh. Kalybaeva ^b

^a National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Aktobe Regional University named after K.Zhubanov, Aktobe, Republic of Kazakhstan

^c Secondary school No. 37, Uralsk, Republic of Kazakhstan

Abstract

This study examines in depth the role of the Dzungarian Khanate in the context of the formation of the political situation in Central Asia, taking into account the impact of Abylai Khan and the relationship with the Qing Empire. The relevance of this topic is due to the importance of the Dzungarian Khanate as a leading player in the region and its impact on the formation of statehood and international relations. The purpose of the study is to thoroughly analyze the influence of the Dzungarian Khanate on the political and diplomatic atmosphere in the region, especially in the context of its relations with the Qing Empire and the role of Abylai Khan in this process. This study is based on the analysis of archival materials, historical documents and relevant scientific literature covering the period of the existence of the Dzungarian Khanate and its relations with the Qing Empire. At the same time, various methods of analyzing and interpreting information are used to obtain objective results. As a result of the study, the positions of various parties on issues related to the interaction of the Dzungarian Khanate and the Qing Empire will be analyzed. This will allow us to identify the key factors influencing the course and outcome of conflicts, as well as their consequences for both sides. The research highlights the importance of studying the fate of the Dzungarian Khanate under the rule of the Qing Empire and the role of Abylai Khan in this context. This aspect of historical science is of key importance for in-depth analysis of the formation of the political, cultural and geopolitical situation in Central Asia. In addition, such an analysis is of great practical importance for the development of modern political and diplomatic strategies, given its historical heritage and influence on modern geopolitical processes.

Keywords: Dzungarian Khanate, Abylai Khan, diplomatic relations, Qing Empire, kazakh khanate, conflicts, development, independence, cooperation, military actions, territorial claims, statehood.

1. Введение

Взаимодействие между Казахским ханством, Джунгарским ханством и Цинской империей в XVIII веке представляет собой фундаментальный объект исследования в контексте истории Центральной Азии. Этот период характеризуется не только военными столкновениями, но и интенсивными дипломатическими маневрами, которые были предприняты всеми сторонами.

Джунгарское ханство играло важную и влиятельную роль в региональной политической сфере во второй половине XVIII века. Оно стало свидетелем острой конкуренции и противоборства с Казахским ханством за доминирование в регионе, а также с Цинской империей за контроль над территориями (Хафизова, 2019: 466). Личность Абылай хана выделяется в этом контексте. Он – важнейший политический и военный деятель, чьи действия и решения имели определяющее значение для исторических событий того времени.

* Corresponding author

E-mail addresses: Sayalbek@mail.ru (S.M. Gizzatov), E_alibek@mail.ru (A.B. Aman), Nursultan.nurik.2014@inbox.ru (N.N. Oteuov), Kalybaeva_ainur@mail.ru (A.Zh. Kalybaeva)

При анализе архивных материалов особое внимание уделяется именно взаимодействию Джунгарского ханства с Казахским ханством и Цинской империей. Глубокий анализ этого периода позволяет более полно и глубоко понять сложные динамики отношений между этими политическими силами, а также осознать роль Абылай хана в сохранении независимости и интересов своего ханства.

Сложные взаимоотношения и дипломатические усилия Джунгарского ханства, включая его взаимодействие с Цинской империей и Казахским ханством, играют значительную роль в понимании исторических реалий того времени и их влиянии на современное положение в Центральной Азии.

М. Абусейтова отмечает, что исследование роли Джунгарского ханства в формировании государственности и дипломатических отношений позволяет не только расширить наше знание истории региона, но и более глубоко понять сложные динамики взаимодействия различных политических и культурных сил в то время (Абусейтова, 1997: 312). Этот анализ открывает новые перспективы для понимания современных геополитических реалий Центральной Азии.

2. Материалы и методы

Исследование о роли Абылай хана в формировании Джунгарского ханства и развитии дипломатических отношений представляет собой комплексный анализ исторических событий, основанный на архивных материалах из Центрального Государственного Архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан). Эти документы, впервые использованные для научных исследований, стали ключевым источником информации о деятельности и стратегиях Абылай хана.

Методологическая база исследования включает разносторонние научные подходы: диалектический и цивилизационно-культурный подходы, а также социологический позитивизм. Эти методы помогли выявить различные аспекты власти и социальные динамики, оказывающие влияние на формирование государственности и дипломатические стратегии Джунгарского ханства.

В процессе анализа были использованы различные методы сравнительного анализа, а именно нормативный и текстуальный подходы. Эти методы позволили углубленно исследовать исторические контексты и выявить основные тенденции в развитии политических отношений в регионе.

3. Обсуждение

Изучение истории Джунгарского ханства представляет особый интерес для мировой и отечественной ориенталистики. Вопросами становления, функционирования и падения этого ойратского военно-феодального государства в XVII-XVIII вв. в разное время занимались ученые-востоковеды Казахстана, России, Китая, Монголии и других стран. В этом контексте в изучении дипломатических отношений Джунгарского ханства и казахов были использованы исследования советско-российского историка, востоковеда, ученого в области истории Центральной Азии XVIII-XIX веков В.А. Моисеева. По его мнению, «этнонимы «джунгары», «чжунгары» появились лишь к концу первой половины XVII в., после образования Джунгарского ханства (Моисеев, 1991: 238).

Между тем, по мнению специалиста высочайшего класса по истории Джунгарского ханства В.А. Моисеева, «развитие событий в Центральной Азии во многом определялось соотношением сил, складывавшимся между возникавшими и эволюционировавшими в этом регионе государственными образованиями. То были Джунгария, Казахское ханство, Китай, Россия и, в определенной мере, Коканд, а также другие государства Средней Азии. Каждое из них руководствовалось в своих действиях собственными целями. Казахское ханство не было здесь исключением. Более того, в развитии региональной ситуации оно играло лишь ту роль, которая соответствовала его возможностям. А возможности были не велики, что и побуждало казахских властителей искать сильного внешнего союзника. Иными словами, роль Казахского ханства в развитии ситуации в Центральной Азии ни в коей мере не была центральной и определяющей. Более того, казахско-джунгарское противостояние отнюдь не было временем тотальных и кровопролитных военных действий и уж ни в коей степени не может быть представлено в качестве мощного движения за национальное освобождение и независимость» (Моисеев 1991: 340). Нельзя не согласиться с авторитетным мнением и весьма объективной оценкой В.А. Моисеева.

Также в изучении истории Джунгарского ханства немаловажную роль сыграли исследования И.Я. Златкина, который писал: «У Галдан-Церена было три сына и несколько дочерей. Старшему сыну, Лама Доржи, в год смерти отца исполнилось 19 лет, среднему Цеван-Доржи-Аджа-Намжилу – 13, младшему, Цеван-Даши, минуло только семь лет. Галдан-Церен завещал трон среднему сыну, который в 1746 г. был провозглашен ханом под именем Аджа-хана. Но был ханом он недолго. В 1749 г. в результате заговора он был свергнут с престола и убит. Ханом Джунгарии стал Лама-Доржи, принявший титул Эрдэни-Лама-Батур-хунтайджи. Но и его правление не было длительным. Титулованная ойратская знать не желала признавать ханом Лама-Доржи – побочного сына Галдан-Церена. Возник новый заговор, имевший целью свержение Лама-Доржи и возведение на ханский престол малолетнего Цеван-Даши. Заговор был раскрыт, его участники сурово наказаны» (Златкин, 1983: 333-334).

Литературу, отражающую жизнь и деятельность хана Абылая, с известной долей условности можно объединить в четыре типологические группы, различающиеся между собой как по методу и

уровню организации и подачи конкретно-исторического материала, так и по хронологической последовательности. В первую группу входят образцы казахского устного народного творчества, вторую группу составляют труды дореволюционных авторов, третью группу образуют научные исследования историков советского периода, а в четвертую группу входят материалы современных авторов. В этом контексте вклад академика Академии общественных наук Казахстана, выдающегося деятеля, ученого Кадыржана Абуева в изучении истории страны и родного края не оценим. Как явствует из содержания монографии, фундаментальным положением, которым руководствовался хан Абылай, было единство казахского народа. Рассмотрению этой стороны деятельности хана Абылая, по сути, посвящена вся монография, но особенно четко прослежена она в разделе «Внутренняя политика хана Абылая». На основе научного анализа автор делает обоснованный вывод: «главным направлением государственной деятельности хана Абылая было объединение казахских жузов в одно государство и укрепление центральной власти» (Абуев, 2006: 304).

4. Результаты

В конце XVII века в Империи Цин впервые появились сведения о народе казахов. В апреле 1697 года в документах, полученных династией Цин, упоминается, что Галдан покорил тысячи племен, включая казахов. Император Канси ответил на это: «Наше царство не будет вмешиваться в это дело» (Хафизова, 1995: 288). Это свидетельствует о том, что империя Цин впервые обратила внимание на казахов, но не проявила к ним особого интереса.

Однако перед началом похода на Джунгарское ханство империя Цин стала активно изучать казахское население. Они хотели понять, как казахи реагируют на возможное нападение на Джунгарское ханство, и начали собирать подробную информацию о казахской культуре и обществе.

В 1755 году империя Цин признала Абылая главой казахской нации. В январе 1755 года имя Абылая впервые упоминается в указе, изданном императором Цяньлуном (Пу, 1968: 424). В этом указе император обращается к нему как «Казах Абылай» (Дай Цин, 1936: 271), что свидетельствует о его признании в качестве лидера казахского народа. Документы также указывают, что после завершения конфликта между казахами и джунгарами император Цин отправил послов, чтобы предложить дальнейшие переговоры (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 330. Л. 62).

Каким образом Цинская империя узнала об Абылае? До этого китайцы и казахи мало имели дела друг с другом, и для китайцев было сложно узнать о казахам. Однако источником информации о казахам и их лидере Абылае для империи Цин послужил джунгарский князь Амурсана.

Абылай хан, известный своей широкой популярностью среди казахского народа, играл ключевую роль в международных делах Казахского ханства. Его авторитет позволял ему принимать важные решения о судьбе народа на международной арене (Абуев, 2006: 304). Политика «Между львом и драконом», проводимая им, выходила за рамки отношений с Цинской и Российской империями. Близость соседства с Джунгарским ханством оказала значительное влияние на казахскую историю: длительные войны с Джунгарами принесли большие потери, и в конечном итоге именно казахский народ стал причиной исчезновения Джунгарского ханства.

Хотя Джунгарское ханство отличалось от Российской и Цинской империй, Абылай хан все же признавал их протекторат, в то время как с Джунгарами велись долгие войны и конфликты. Тем не менее гибкая дипломатия Абылай хана, когда военные действия сменялись мирными соглашениями, демонстрировала его способность маневрировать между государствами для защиты собственных интересов. Б. Жанаев отмечает, что его умение выстраивать отношения с Джунгарами, иногда даже вступая в союзы, чтобы достичь своих целей, было характеризующим моментом его правления (Жанаев, 2006: 716).

Середина XVIII века в Джунгарии была временем острой борьбы за власть после смерти Галдана Церена. Казахские султаны активно вмешивались в эту ситуацию, стремясь ослабить врагов и вернуть контроль над определенными районами Казахстана (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 330. Л. 23).

Абылай, в свою очередь, взаимодействуя с различными претендентами на трон в Джунгарии, добивался значительных территориальных уступок от джунгар. Он умело маневрировал, иногда даже объединяясь с джунгарскими князьями против общих врагов, что позволяло ему укрепить свои позиции.

Однако Китай не оставался в стороне и следил за ситуацией в Джунгарии. Войны между Китаем и Джунгарией начались, и в конечном итоге китайская армия полностью покорила Джунгарию. Многие джунгары были убиты или взяты в плен, а оставшиеся бежали в разные направления, сталкиваясь с нападениями казахских отрядов.

В мае 1750 года ламаистское духовенство организовало мятеж, который поддержал старший брат Цевана-Доржи, Лама-Доржи. После правления второго сына Галдан-Церена обстановка в стране была сильно расшатана, а недовольство вызывало то, что власть досталась незаконнорожденному. Лама-Доржи, старший сын Галдан-Церена, хоть и имел право на наследство, но его мать была неблагородного происхождения.

Основным противником Лама-Доржи стал князь Даваца, потомок первого джунгарского хана Батура-хунтайджи. Его поддерживали влиятельные правители, включая Амурсану и Банджур. Несмотря на попытки бунтарей противостоять джунгарскому правителю, они были разбиты,

и решили бежать в казахские степи. Зная о хороших отношениях Абылай хана с джунгарами, они надеялись на его помощь (Жанаев, 2006: 716).

Хан Нуралы написал российскому бригадиру А.И. Тевкелеву, описывая последствия мятежа и прося о помощи. Он сообщал о приходе калмыцких владельцев, внуков Даваца, которые разорили киргизские улусы. Нуралы-хан просил вмешательства российских властей, чтобы предотвратить дальнейшие конфликты. К письму была приложена печать, принадлежавшая Абылай-хану, что подчеркивало серьезность ситуации и его заботу о мире в регионе. Хотя первоначальная просьба Нуралы-хана к российским властям могла показаться простой (просто дать наставление по поводу конфликта казахов с джунгарскими мятежниками), за ней скрывались глубокие мотивы. Нуралы-хан, продолжая политику своего отца Абулхаир-хана, активно поддерживал контакты с Российской империей и вел подробную переписку с ее представителями. Российские власти, в свою очередь, также были заинтересованы в этой корреспонденции, поскольку могли следить за ситуацией в Джунгарии и ролью казахов в ней.

Приняв джунгарских беглецов, Абылай хан действовал не только из добрых воспоминаний и доброжелательного отношения к ним. Его целью было убедить их в своей искренней помощи, назначив их правителями в отдельных улусах. Это создавало иллюзию лояльности со стороны казахского хана. Однако его настоящая цель заключалась в усилении раздора среди джунгар и в ослаблении их государства (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 335. Л. 46).

Не все казахские батыры были согласны с приемом джунгарских беглецов, опасаясь возможного конфликта с соседним государством. Малайсары-батыр и Джапек были миролюбиво настроены к джунгарскому хунтайджи Лама-Доржи. Он даже выделил им титулы. Однако их просьбы о выдаче мятежников керейскому батыру Каипу были проигнорированы, и посланцы были избиты и отпущены с угрозой не вмешиваться в дела Джунгарии. Постепенно Абылай смог переманить Джапека на свою сторону, а вопрос с Малайсары был решен на общем курултае. Помог в этом Толеби, который обладал опытом пребывания в Джунгарии и был знаком с обстановкой того времени (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 249. Л. 22). Он уверил Абылая, что Даваца является ключевой фигурой в зенгорском владении, и его отказ отдать беглецов не представляет опасности для киргиз-кайсаков.

Съезд завершился победой Абылая. Хан отправил Лама-Доржи сообщение, отказываясь выдавать беглецов, поскольку они прибыли к нему сами и, согласно обычаям, он не мог их выдать (Сарсембаев, 2015: 342).

Отношения между казахами и джунгарами еще более осложнились после инцидента с каракалпаками. Каракалпаки были подданными джунгар, но после слухов о принудительном обращении их в буддизм они отказались переселяться в джунгарские владения. Первое действие раздраженного хунтайджи, направившего отряд для принудительного переселения, вызвало тревогу у каракалпаков, которые обратились за защитой к Кабанбай-батыру. Его готовность ответить на их просьбу подчеркивает важность социальной солидарности и защиты народных интересов в контексте исторических событий (Моисеев, 1991: 238).

Уход каракалпаков под защиту казахов ударил по самолюбию хунтайджи. Джунгарское войско в числе 20 тыс. человек напало на казахские земли, нанося удары по аулам. Абылай начал поход против джунгар и даже убедил Малайсары присоединиться к нему (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 205. Л. 60). В этом походе Малайсары погиб, сражаясь против своих джунгарских друзей (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 301. Л. 48).

В то время как казахские отряды сражались с джунгарами под руководством Даваца, Амурсаны и Банджура, сами джунгары получили поддержку тысячи казахских сарбазов и стали поднимать джунгарские племена на восстание против Лама-Доржи. Столкновения велись с переменным успехом, однако решающим стал тот факт, что джунгары должны были защищать свои границы от китайцев. Лама-Доржи отправил часть своих войск к китайским границам, что использовали его противники. 12 января 1753 года казахский отряд под командованием Даваца ворвался в его ставку и убил Лама-Доржи (Златкин, 1983: 334).

После гибели Лама-Доржи к власти пришел Даваца, однако его власть была оспариваема. Амурсана, бывший его союзник, выступил против него, поддержанный Абылай ханом. В апреле 1754 года Амурсана и Абылай хан соединили свои силы и вступили в битву, однако Даваца одержал победу на реке Каратал (Сарсембаев, 2015: 342).

Казахские походы продолжались. Летом Абылай хан совершил крупный поход вглубь Джунгарии и вернулся с богатой добычей. Эта военная активность привлекла внимание Цинской империи, которая наблюдала за ослабленным Джунгарским ханством.

После поражения в очередном походе Амурсана обратился за помощью к китайскому императору и был принят с почестями. Это произошло в период, когда Джунгария находилась в крайне тяжелом положении из-за эпидемии оспы, которая унесла жизни около 40 % населения (Моисеев, 1991: 240).

Цинская империя быстро сориентировалась в геополитической ситуации и вмешалась. В течение трех месяцев без потерь они покорили обесиленное государство Джунгария, которое уже

не могло противостоять. Таким образом, Джунгария стала частью Цинской империи (Хафизова, Моисеев, 2020: 344).

После уничтожения Джунгарского ханства империей Цин, в мае 1755 года было издано царское указание, согласно которому джунгарцы перешли под власть казахов (Хафизова, Моисеев, 2020: 344). Император Цин запретил джунгарам грабить казахский народ, признавая их волю и вмешиваясь в конфликт. В указе, обращенном к военным визириям, было отмечено, что казахи были подчинены империи Цин и призывались соблюдать границы и не нарушать мир в регионе (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 200. Л. 20). Это показывает, что казахи были признаны важным игроком в региональной политике и имели определенную автономию при соблюдении условий, предложенных императором Цин.

Таким образом, роль Абылай хана в формировании государственности и дипломатических отношений заключалась в его активном участии в поддержке империи Цин, что привело к укреплению позиций казахского народа и их признанию в качестве важного субъекта в региональной политике.

После разгрома Джунгарского ханства империей Цин, главной целью китайского правительства было не просто подчинить казахов, но и обеспечить безопасность новых границ и предотвратить конфликты в регионе (Златкин, 1983: 333). Империя Цин осознавала, что основной причиной напряженных отношений между казахами и джунгарами был земельный вопрос, и стремилась предотвратить его возникновение.

Империя Цин проводила тайное наблюдение за деятельностью Амурсаны после его попытки захватить власть в Джунгарии. В июле 1755 года генерал Бан Ди отправил сообщение к царскому двору, в котором отмечалась связь Амурсаны с казахским вождем Нояном Абылаем. Предлагался его арест (Сарсембаев, 2015: 344). Это свидетельствует о том, что империя Цин понимала важность контроля над Амурсаной для обеспечения своей безопасности и стабильности в регионе.

Амурсана, недовольный тем, что не был назначен ханом Джунгарии, совершил вооруженное восстание и бежал к Абылай хану, что еще больше усложнило политическую обстановку. Империя Цин стремилась захватить Амурсану и использовала различные способы для его ареста, в том числе дипломатические угрозы и военные действия.

Роль Абылая в этих событиях оказалась значительной. Он поддерживал своего Амурсану, предпочитая не выдавать его китайским властям. Благодаря своей дипломатической ловкости и политическому мастерству Абылай сумел обеспечить практически полную независимость Казахского ханства. Этот эпизод подчеркивает не только личные качества Абылая, но и важность дипломатических маневров в сохранении автономии и самоуправления в условиях сложных геополитических реалий того времени.

Земельные отношения между казахскими правителями и китайскими властями также обострились. Казахи придерживались своих претензий на часть земель Джунгарии, в то время как Китай считал их своими завоеваниями.

Казахские отряды провели рейд в Джунгарию, вызвав ответное наступление со стороны китайской армии. Это привело к нескольким сражениям между казахскими и китайскими войсками, что давало возможность казахским аулам уйти от военных действий (Жанаев, 2013: 496).

Таким образом, события, происходившие в Джунгарии, оказали значительное влияние на политическую обстановку в регионе, а роль Абылай хана в этих событиях была определяющей для будущего Казахстана. Его участие в формировании государственности и дипломатических отношений заключалось в стремлении к сотрудничеству с империей Цин для обеспечения безопасности и стабильности в регионе, а также в разрешении конфликтов между казахами и джунгарами (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 400. Л. 34).

Таким образом, события в Джунгарии оказали значительное влияние на политическую ситуацию в регионе. Империя Цин, не стремясь подчинить себе казахов во время разрушения Джунгарского ханства, признала казахское ханство как независимую страну и Абылай хана как ее главу. Она взаимодействовала с Казахским ханством как с самостоятельным государством, аналогично своим отношениям с другими суверенными странами. Роль Абылай хана в этих событиях оказалась определяющей для будущего Казахстана. Его стремление к сотрудничеству с империей Цин было направлено на обеспечение безопасности и стабильности в регионе, а также на урегулирование конфликтов между казахами и джунгарами (Сарсембаев, 2015: 342).

Этническая территория, принадлежащая Абылай хану, формировалась на основе исторических обстоятельств. У него было четкое представление о национальной территории, которая отражала исторические связи казахов. После покорения джунгаров империей Цин, джунгары считали, что их земля должна войти в состав Китая, поскольку они зависели от него. Однако Абылай хан придерживался иного мнения, считая, что казахи, оставшиеся под контролем Цинской империи, должны вернуться к своей древней родине на востоке (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 339. Л. 48).

Император Цин отмечал, что Иле (юго-восточная часть Казахстана) долгое время было местом пребывания джунгарских бурят, и предупреждал о возможности конфликтов, если казахи и другие народы будут появляться там для пастбищ (Почекаев, 2018: 161). Однако Абылай хан настаивал на территориальных претензиях и даже отправил посла в империю Цин с требованием вернуть Илийский край (Левшин, 1832: 264). Ответ империи Цин был отрицательным, поскольку земли,

такие, как Тарбагатай, ранее использовались джунгарами и не могут быть переданы казахам (Хафизова и др., 2015: 400).

Империя Цин отказала в удовлетворении требований Абылай хана, отметив, что земли, на которые он претендует, уже освоены внутренними районами империи и не могут быть переданы. Это показывает, что дипломатические отношения между Казахским ханством и империей Цин были напряженными из-за территориальных претензий (Моисеев, 1991: 238).

Абылай хан успешно осуществил возвращение казахов на их историческую родину на востоке с помощью постепенной политики миграции. Сегодня около двух миллионов этнических казахов проживают в Китае благодаря этой инициативе (Хафизова, 1995: 288).

Он также установил торговые отношения с Цинским царством (Калиева, 2002: 254-255), предложив первый торговый договор в 1757 году. Это стало ключевым моментом в укреплении дипломатических связей между казахами и империей Цин. Договор ознаменовал начало двусторонней торговли, что способствовало росту экономики и разрешению некоторых конфликтов между казахами и китайцами.

Одним из значимых достижений было открытие специальных рынков для торговли, таких, как Урумчи, Хоргос, а также развитие торговли «Обмен коней на шелк» между казахами и китайцами. Важно отметить, что Цинское правительство уделяло большое внимание справедливой и взаимовыгодной торговле с казахами.

Цинская империя относилась к казахам как к важному дипломатическому партнеру и устанавливала строгие правила для приема казахских послов, что свидетельствует о повышенном уважении к казахскому народу. Казахские султаны, посещавшие царя, получали высокий ранг уйгурских послов, что подчеркивало их значимость в глазах империи Цин.

Таким образом, политика Абылай хана в области дипломатии и экономики играла ключевую роль в формировании государственности казахского народа и в развитии их дипломатических отношений с империей Цин.

В контексте становления Джунгарского ханства роль Абылай хана в формировании государственности и дипломатических отношений является ключевой. Империя Цин признавала Казахское ханство как независимое государство и не вмешивалась в его внутренние или внешние дела. Важно отметить, что на практике Цин не рассматривала казахов как своих подданных, а, скорее, как «зарубежную страну», сохраняя стратегическое отношение, ориентированное на сотрудничество (Моисеев, 1993: 119).

Абылай хан использовал эту ситуацию, чтобы укрепить свое государство и развивать дипломатические отношения с империей Цин. Он вел активную политику мирных переговоров и торговли, что способствовало установлению дружественных отношений между двумя странами. В результате этой политики был подписан торговый договор, который открыл путь для развития двусторонней торговли и культурного обмена между казахами и китайцами (Абуев, Буктугутова, 2002: 257-268).

Империя Цин признавала важность поддержания стабильности в приграничных регионах, поэтому приветствовала укрепление Казахского ханства (Хафизова, 2007: 106). Это позволило Абылай хану реализовать свои цели по укреплению и восстановлению этнической территории казахов на востоке.

Историки подчеркивают успешность дипломатической политики Абылай хана и его способность принимать все требования империи Цин, чтобы сохранить политическую стабильность и обеспечить развитие Казахского ханства.

Следовательно, важная историческая роль Абылай хана в формировании государственности и укреплении дипломатических отношений оказала существенное влияние на развитие, процветание и укрепление казахского народа.

5. Заключение

История дипломатических отношений между Казахским ханством, империей Цин и Джунгарским ханством в период правления Абылай хана представляет собой важный этап в развитии государственности и дипломатии на территории современного Казахстана.

Под руководством Абылай хана Казахское ханство активно взаимодействовало как с империей Цин, так и с Джунгарским ханством. Дипломатические отношения с империей Цин были напряженными, но в то же время осуществлялось укрепление независимости Казахского ханства и развитие торговых и культурных связей. Абылай хан мудро использовал эту ситуацию, чтобы укрепить свое государство и обеспечить стабильность в регионе.

В отношениях с Джунгарским ханством Абылай хан выступал как союзник и поддерживал менее могущественных среди соперников внутри Джунгарского ханства. Это способствовало укреплению политического и социального статуса казахского народа в регионе и помогло Казахскому ханству сохранить независимость.

Таким образом, роль Абылай хана в формировании государственности и развитии дипломатических отношений оказала существенное влияние на политическую и социальную жизнь

казахского народа. Его мудрая политика и стремление к сотрудничеству с различными державами сделали его ключевым фигурантом в истории региона и оставили глубокий след в истории Казахстана.

Литература

- Абуев, 2006** – *Абуев К.* Хан Абылай и его время. Астана: Елорда, 2006. 304 с.
- Абуев, Буктугутова 2002** – *Абуев К.К., Буктугутова Р.С.* Роль хана Аблая в развитии казахско-китайских отношений / *Валихановские чтения № 7. Сборник материалов международной научно-практической конференции.* Кокшетау: 2002. С. 257-268.
- Абусейтова, 1997** – *Абусейтова М. Х.* Казахстан и Центральная Азия: политические, международные и культурные связи (XV-XVII вв.). Диссертация доктора исторических наук. Алматы: 1997. 312 с.
- Атыгаев, 2015** – *Атыгаев Нурлан.* Казахское ханство в потоке истории. Очерки. Алматы: Елтаным, 2015. 384 с.
- Дай Цин, 1936** – *Дай Цин личао шилу.* Правдивые записи Великой династии Цин. Токио: 1936. 271 с.
- Жанаев, 2006** – История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. В 10 т. Т. 8 / отв. ред. Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 716 с.
- Жанаев, 2013** – История Казахстана в документах и материалах. Альманах. В 3 т. Т. 3 / отв. ред. Б. Т. Жанаев. Караганда: ПК Экожан, 2013. 496 с.
- Златкин, 1983** – *Златкин И.Я.* 1983. История Джунгарского ханства 1635-1758. М.: Наука, главная редакция восточной литературы. 333-334 с.
- Калиева, 2002** – *Калиева А.Н.* Из истории казахско-китайских торговых отношений во второй пол. XVIII в. / *Валихановские чтения № 7: Сборник материалов международной научно-практической конференции.* Кокшетау: 2002. С. 254-255.
- Левшин, 1832** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. Ч. 1: Известия географические. 1832. (2), XII, (2), 264 с.
- Моисеев, 1991** – *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238-340 с.
- Моисеев, 1993** – *Моисеев В.А.* Роль Аблая в укреплении и развитии международных связей казахского ханства / Аблай-хан. Кенесары: (проблемы национально-освободительного движения). Алматы: Гылым, 1993. 119 с.
- Почекаев, 2018** – *Почекаев Р.Ю.* Особенности правового положения Илийского края в 1760-1860-е гг. // *Известия Уральского федерального университета.* Серия 2. Гуманитарные науки, 2018. Т. 20. № 4 (181). 161 с.
- Пу, 1968** – *Пу И.* Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И - последнего императора Китая. Москва: Наука, 1968. 424 с.
- Сарсембаев, 2015** – *Сарсембаев М.А.* Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи / ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан». Астана: 2015. 342-344 с.
- Хафизова, 1995** – *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.). Алматы: Гылым, 1995. 288 с.
- Хафизова, 2019** – *Хафизова К.Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII-XIX вв. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 466 с.
- Хафизова, 2007** – *Хафизова К.Ш.* Казахская стратегия Цинской империи. Алматы: Институт экономических стратегий Центральной Азии, 2007. 106 с.
- Хафизова и др., 2015** – Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (конец XIV - 70-е годы XIX вв.). Сборник документов и материалов / Отв. ред. К.Ш. Хафизова, Д.К. Кыдырали. Автор введений, переводов китайских документов, научных комментариев и указателей К.Ш. Хафизова. Другие исполнители: Алтан-Очир (КНР), Линь Шисюань (Тайвань), К.С. Есимова (Казахстан) при участии Джин Нода (Япония). Астана: Гылым, 2015. 400 с.
- Хафизова, Моисеев, 2020** – Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв. Составители Хафизова К.Ш., Моисеев В.А. / Второе издание (исправлено и дополнено). Нур-Султан, 2020. 344 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив республики Казахстан.

References

- Abuev, 2006** – *Abuev, K.* (2006). Khan Abylay i ego vremya [Khan Abylai and his time]. Astana: Elorda, 304 p. [in Russian]
- Abuev, Buktugutova, 2002** – *Abuev, K.K., Buktugutova, R.S.* (2002). Rol khana Ablaya v razvitií kazakhsko-kitayskikh otnosheniy [The role of Khan Ablai in the development of Kazakh-Chinese relations]. *Valikhanovskie chteniya № 7. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Kokshetau. Pp. 257-268. [in Russian]

- [Abuseitova, 1997](#) – *Abuseitova, M.* (1997). Kh.Kazakhstan i Tsentralnaya Aziya: politicheskie, mezhdunarodnye i kulturnye svyazi (XV-XVII vv.) [Kazakhstan and Central Asia: political, international and cultural relations (XV-XVII centuries)]. Dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Almaty, 312 p. [in Russian]
- [Atygaev, 2015](#) – *Atygaev, N.* (2015). Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii [The Kazakh Khanate in the flow of history]. Ocherki. Almaty: Eltanym, 384 p. [in Russian]
- [Day Tsин, 1936](#) – *Day Tsин lichao shilu* (1936). Pravdivye zapisi Velikoy dinastii Tsин [The true records of the Great Qing Dynasty]. Tokio, 271 p. [in Russian]
- [Kalieva, 2002](#) – *Kalieva, A.N.* (2002). Iz istorii kazakhsko-kitayskikh torgovykh otnosheniy vo vtoroy pol. XVIII v. [From the history of Kazakh-Chinese trade relations in the second half of the XVIII century]. *Valikhanovskie chteniya № 7: Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Kokshetau. Pp. 254-255. [in Russian]
- [Khafizova i dr., 2015](#) – Vostochnaya diplomatiya na styke tsivilizatsiy (konets XIV - 70-e gody XIX vv.) [Eastern diplomacy at the crossroads of civilizations (late XIV - 70s of the XIX centuries)]. Sbornik dokumentov i materialov. Otv. red. K.Sh. Khafizova, D.K. Kydyrali. Avtor vvedeniy, perevodov kitayskikh dokumentov, nauchnykh kommentariy i ukazateley K.Sh. Khafizova. Drugie ispolniteli: Altan-Ochir (KNR), Lin Shisyuan (Tayvan), K.S. Esimova (Kazakhstan) pri uchastii Dzhin Noda (Yaponiya). Astana: Gylym, 2015. 400 p. [in Russian]
- [Khafizova, 1995](#) – *Khafizova, K.Sh.* (1995). Kitayskaya diplomatiya v Tsentralnoy Azii (XIV-XIX vv.) [Chinese diplomacy in Central Asia (XIV-XIX centuries)]. Almaty: Gylym, 288 p. [in Russian]
- [Khafizova, 2007](#) – *Khafizova, K.Sh.* (2007). Kazakhskaya strategiya Tsinskoy imperii [The Kazakh strategy of the Qing Empire]. Almaty: Institut ekonomicheskikh strategiy Tsentralnoy Azii, 106 p. [in Russian]
- [Khafizova, 2019](#) – *Khafizova, K.Sh.* (2019). Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII-XIX vv [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII-XIX centuries]. Monografiya. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK, 466 p. [in Russian]
- [Khafizova, Moiseev, 2020](#) – Tsinskaya imperiya i kazakhskie khanstva. Vtoraya polovina XVIII – pervaya tret XIX vv [The Qing Empire and the Kazakh khanates. The second half of the XVIII – the first third of the XIX centuries]. Sostaviteli Khafizova K.Sh., Moiseev V.A. Vtoroe izdanie (ispravleno i dopolneno). Nur-Sultan, 2020. 344 p. [in Russian]
- [Levshin, 1832](#) – *Levshin, A.I.* (1832). [Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih ord i stepej [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. SPb.: Tip. Karla Krajsya. Ch. 1: Izvestiya geografichesk. (2), XII, (2), 264 p. [in Russian]
- [Moiseev, 1991](#) – *Moiseev, V.A.* (1991). Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII-XVIII vv.) [The Dzungarian Khanate and the Kazakhs (XVII-XVIII centuries)]. Alma-Ata: Gylym. Pp. 238-340. [in Russian]
- [Moiseev, 1993](#) – *Moiseev, V.A.* (1993). Rol Ablaya v ukreplenii i razvitiі mezhdunarodnykh svyazey kazakhskogo khanstva. Ablay-khan. Kenesary [The role of Ablai in strengthening and developing international relations of the Kazakh Khanate. Ablai Khan. Kenesary]: (problemy natsionalno-osvoboditel'nogo dvizheniya). Almaty: Gylym, 119 p. [in Russian]
- [Pochekaev, 2018](#) – *Pochekaev, R.Yu.* (2018). Osobennosti pravovogo polozheniya Iliyskogo kraya v 1760-1860-e gg. [Features of the legal status of the Ili region in the 1760s-1860s.]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta.* Seriya 2. Gumanitarnye nauki. T. 20. № 4 (181). 161 p. [in Russian]
- [Pu, 1968](#) – *Pu, I.* (1968). Pervaya polovina moey zhizni. Vospominaniya Pu I - poslednego imperatora Kitaya [The first half of my life. Memories of Pu Yi, the last Emperor of China]. Moskva: Nauka, 424 p. [in Russian]
- [Sarsembaev, 2015](#) – *Sarsembaev, M.A.* (2015). Kazakhskoe khanstvo kak suverennoe gosudarstvo srednevekovoy epokhi [The Kazakh Khanate as a sovereign state of the medieval era]. GU «Institut zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan». Astana. Pp. 342-344. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Zhanaev, 2006](#) – Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vekov [The history of Kazakhstan in Russian sources of the XVI-XX centuries]. V 10 t. T. 8. Otv. red. B. T. Zhanaev. Almaty: Dayk-Press, 2006. 716 p. [in Russian]
- [Zhanaev, 2013](#) – Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh [The history of Kazakhstan in documents and materials]. Almanakh. V 3 tt. T. 3. Otv. red. B. T. Zhanaev. Karaganda: PK Ekozhan, 2013. 496 p. [in Russian]
- [Zlatkin, 1983](#) – *Zlatkin, I.Ya.* (1983). Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635-1758 [The history of the Dzungarian Khanate 1635-1758]. M.: Nauka, glavnyaya redaktsiya vostochnoy literatury. Pp. 333-334. [in Russian]

Дипломатические отношения между Казахским и Джунгарским ханствами и влияние на них империи Цин (вторая половина XVIII в.)

Саялбек Махамбетович Гиззатов ^{a, *}, Алибек Бакытжанович Аман ^b,
Нурсултан Наурызгалиевич Отеуов ^c, Айнур Жакыповна Калыбаева ^b

^a Национальный музей Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

^b Актюбинский региональный университет имени К.Жубанова, Актюбе, Республика Казахстан

^c Общеобразовательная школа № 37, Уральск, Республика Казахстан

Аннотация. Настоящее исследование углубленно изучает роль Джунгарского ханства в контексте формирования политической ситуации в Центральной Азии, учитывая воздействие Абылай хана на взаимоотношения с империей Цин. Актуальность данной темы обусловлена значимостью Джунгарского ханства как ведущего игрока в регионе. Его воздействие на становление государственности и международных связей весьма значимо. Цель исследования заключается в тщательном анализе влияния Джунгарского ханства на политическую и дипломатическую атмосферу в регионе, особенно в контексте его отношений с империей Цин. Данное исследование опирается на анализ архивных материалов, исторических документов и релевантной научной литературы, охватывающей период существования Джунгарского ханства и его отношений с империей Цин. При этом используются различные методы анализа и интерпретации информации для получения объективных результатов. В результате исследования будет проведен анализ позиций различных сторон по вопросам, связанным с взаимодействием Джунгарского ханства и империи Цин. Это позволит выявить ключевые факторы, влияющие на ход и исход конфликтов, а также их последствия для обеих сторон. Исследования подчеркивают важность изучения судьбы Джунгарского ханства под властью империи Цин и роли Абылай хана в этом контексте. Этот аспект исторической науки имеет ключевое значение для глубокого анализа формирования политической, культурной и геополитической обстановки в Центральной Азии. Кроме того, такой анализ имеет важное практическое значение для разработки современных политических и дипломатических стратегий, учитывая его историческое наследие и влияние на современные геополитические процессы.

Ключевые слова: Джунгарское ханство, Абылай хан, дипломатические отношения, империя Цин, казахское ханство, конфликты, развитие, независимость, сотрудничество, военные действия, территориальные претензии, государственность.

* Корреспондирующий автор

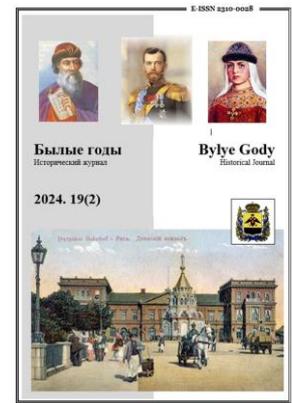
Адреса электронной почты: Sayalbek@mail.ru (С.М. Гиззатов), E_alibek@mail.ru (А.Б. Аман), Nursultan.nurik.2014@inbox.ru (Н.Н. Отеуов), Kalybaeva_ainur@mail.ru (А.Ж. Калыбаева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 553-563
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.553

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Supply of Flour and Bread by Russia to the Kazakh Steppe and the Development of Agriculture during the Reign of Sultan Abulai of the Middle Zhuz

Ziyabek Ye. Kabuldinov^a, Yerzhan M. Toraigyrov^{a, *}

^a Institute of History and Ethnology named after Sh. Sh. Ualikhanov, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is devoted to the history of development of agriculture and supply of flour and bread to the Kazakh steppe in the XVIII century by the Russian authorities, with emphasis on the importance of Sultan Abylai's activity in this matter. The study revealed that at that time the needs for bread in the steppe territories were increasing, but the volume of flour supplied by the Russian authorities was insufficient. The Sultan of the Middle zhuz Abylai, pursued a policy of spreading farming among his subjects Kazakhs, realizing the importance of this type of economy in the conditions of gradual territorial restriction. The long-term practice of allocation of flour and bread was a purposeful policy of the Russian central and regional authorities, aimed, on the one hand, at strengthening friendly relations, development of economic relations and trade, as evidenced by the fact of transition from free allocation of bread to its sale. On the other hand, strategically, these measures were designed to stimulate the gradual transition of Kazakh nomads to a sedentary way of life for further integration into the space of Russian statehood. In addition, the strategy of agricultural development in the northern Kazakh regions could have been not only to give impetus to long-term economic growth, but also to reduce dependence on Russian grain markets, the obvious presence of which is indicated by numerous requests of Sultan Abylai to send or sell flour, grain and bread.

The authors turn to documents from the Historical Archive of the Omsk Region and the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire to objectively reconstruct the relations between Abylai Khan and the Russian Empire, as well as to study the requests for flour and bread supplies to the Middle Zhuz.

Historical, chronological, analytical and other methods were used to analyze and interpret the sources, including collection documents and archival materials.

Keywords: Kazakh khanate, Sultan Abylai, kazakh-russian relations, kazakh agriculture, Middle zhuz, arable farming, Russian empire, XVIII century, economic development.

1. Введение

Взаимодействие между различными народами и государствами всегда играло ключевую роль в истории человечества. Особенно важной стороной таких отношений являлась торговля такими товарами, как мука и хлеб, которые обеспечивали население дополнительным продовольствием. В данном случае особый интерес представляет история Казахстана периода XVIII века, когда формировались активные контакты между казахскими ханствами и Российской империей.

Актуальность исследования поставок муки и хлеба в Казахскую степь в обозначенный нами период заключается в том, что это позволяет глубже понять экономические и политические связи между казахскими правителями и российскими властями. Значение поставок продовольствия поможет раскрыть не только ранее не изученные аспекты торговли и снабжения, но и показать влияние этих процессов на хозяйственное развитие казахской степи.

* Corresponding author

E-mail addresses: kabulzia@rambler.ru (Z.Y. Kabuldinov), toranet2013@gmail.com (Y.M. Toraigyrov)

Кроме того, важной задачей исследования стало выявление связи поставок муки и хлеба с развитием земледелия в северо-восточных регионах Казахстана. С середины XVIII века в северном Казахстане происходили попытки расширения хлебопашеского хозяйства, поскольку потребности в хлебе возрастали, а объемы муки, передаваемые российскими властями, явно были недостаточными. Поэтому исследование данных поставок также позволит лучше понять механизмы привития земледелия в регионе и определить его связь с поставками зерновых.

Изучение представленной тематики также актуально с точки зрения изучения стратегии внешней политики Российской империи в отношении казахских ханств и их потребностей. Понимание дипломатических и экономических взаимоотношений между этими двумя государствами позволяет более глубоко взглянуть на процессы формирования хозяйственного и культурного обмена в регионе.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи использованы опубликованные источники, включенные в сборники документов из российских архивов, которые были подготовлены в советский и современный периоды. Значительный корпус источников представлен в тематическом собрании документов «Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв.» (КРО, 1961). Выявление и публикация архивных материалов продолжаются и в настоящее время. Так, в рамках реализации научной программы «История и культура Великой степи» Институтом истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Республики Казахстан в 2018-2020 годах подготовлены сборники «Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.)» (Султаны и батыры..., 2018), «Из истории казахско-российских отношений. XVIII век» (Из истории..., 2019) и «Из истории Великой степи (последняя четверть XVIII в.)» (Из истории..., 2020). В изданиях представлены документы Исторического архива Омской области (Омск, Российская Федерация), освещающие жизнь и деятельность Абылая, а также ряда султанов и батыров Среднего жуза.

Тема взаимоотношений хана Абылая и Российской империи имеет достаточную источниковую базу, представленную материалами ряда российских архивохранилищ федерального и регионального уровней в открытом доступе. Ценные документальные свидетельства находятся в Архиве внешней политики Российской империи (Москва, Российская Федерация) и Историческом архиве Омской области. В частности, интересующие нас сведения о предоставлении муки и хлеба султану Абылаю российскими властями имеются в фонде 1 «Военно-походная канцелярия Главного командира Сибирского корпуса» ГИАОО, фонде 3 «Главное управление Западной Сибирью» ГИАОО и фонде 122 «Киргиз-кайсацкие дела» АВПРИ.

При написании статьи о развитии земледелия и поставках муки и хлеба в Казахскую степь в XVIII веке были использованы различные методы научного исследования для анализа и интерпретации исторических данных. В частности, для изучения исторических событий, связанных с развитием земледелия и поставками муки и хлеба в Казахскую степь, был применен исторический метод. Этот метод включает анализ источников, документов, архивных материалов и других исторических документов. Детальный анализ источников и выявления закономерностей в развитии земледелия и поставках муки и хлеба султану Абылаю проведен аналитическим методом. Этот метод позволяет структурировать необходимую информацию и делать выводы на основе анализа фактов. Критический анализ источников и определение степени их достоверности обусловили выбор источниковедческого метода. Материал статьи изложен по хронологическому принципу, что позволяет реконструировать более точно и логично исторические процессы и события, связанные с деятельностью султана Абылая и его отношений с Российской империей.

3. Обсуждение

Личность Абылай хана, имеющая неоднозначные оценки в историографии, а также время его правления (весьма сложный и противоречивый исторический отрезок в судьбе казахского государства) неизменно привлекали внимание исследователей разных поколений, начиная со второй половины XVIII века и до наших дней.

Первые сведения об Абылае мы находим в сочинениях И.Г. Андреева (Андреев, 2006), А.И. Левшина (Левшин, 1996), В.В. Вельяминова-Зернова (Вельяминов-Зернов, 1853-1855), Н.Я. Коншина (Коншин, 2005) и многих других. Все эти исследователи преимущественно описывали Абылая как волевого, сильного и в то же время непредсказуемого степного правителя.

Значимые материалы по истории казахов середины XIX века оставил выдающийся казахский ученый, правнук хана Абылая Чокан Валиханов, внесший значительный вклад в сохранение национальной истории, записав множество устных преданий (Валиханов, 1986). Ч.Ч. Валихановым зафиксированы «Эпос об Абылае», «История Абылая» и другие сказания.

В советские годы личность Абылая и его политика по отношению к России интерпретировалась преимущественно отрицательно. Тем не менее некоторые хозяйственно-экономические сведения о деятельности Абылая имеются в трудах Н.Г. Аполловой (Аполлова, 1960), Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина (Сулейменов, Басин, 1981), Ж.К. Касымбаева (Касымбаев, 1986).

Анализу внешнеполитической деятельности Абылая уделено значительное внимание К.Ш. Хафизовой в монографии «Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX вв.» (Хафизова, 2019) в контексте истории внешней политики Казахского ханства в XVIII–XIX веках, написанной на основе архивных материалов и документов России, КНР и казахских исторических преданий и шежире.

Важным вкладом в абылаеведение стали работы К.К. Абуева, которые сегодня являются наиболее полными исследованиями жизни и деятельности казахского хана. В трудах «Хан Абылай и его время» (Абуев, 2006) и «Абылай Хан. Современники и наследники» (Абуев, 2013) Абылай показан одним из крупнейших государственных деятелей Казахстана и всей Центральной Азии XVIII века. Автор обращается к изучению роли Абылая и его соратников в объединении казахского народа, централизации государственной власти, определении принципов казахско-китайских отношений, в том числе и в становлении казахско-российских политических контактов.

Значительное место внешнеполитической деятельности Абылая, в особенности сложные перипетии его взаимоотношений с российской администрацией, занимает в работе российского автора Д.В. Васильева «Рождение империи. Юго-восток России: XVIII – первая половина XIX в.» (Васильев, 2020). Он отмечает большую значимость личности Абылая для российских властей.

В целом, исследователями нового и новейшего времени проделана значительная работа по изучению внешней политики, дипломатии Абылая и его взаимоотношений с Российской империей. В то же время появление ранее не введенных в научный оборот источников, новая интерпретация известных материалов и недостаточная изученность некоторых аспектов позволяют ставить вопрос о необходимости отдельного и детального рассмотрения контактов Абылая с Российской империей в 40–70-х годах XVIII века.

4. Результаты

Абылай (настоящее его имя Абылмансур) происходит из знатного рода казахских ханов. Его родословная берет начало от первого хана Дешт-и-Кыпчака – Джучи, старшего сына Чингисхана (Абуев, 2006: 49).

К 30-м годам XVIII века Абылай становится самым влиятельным султаном Среднего жуза. Об этом писали Р.Б. Сулейменов и В.А. Моисеев: «Среди прославленных батыров Абылай выделялся талантом организатора, дипломатически искусством, предприимчивостью, в определенной мере – историческим предвидением» (Сулейменов, Моисеев, 1988: 136).

Известный казахстанский ученый Ж.К. Касымбаев одним из первых попытался относительно объективно дать оценку деятельности Абылая в условиях нахождения Казахстана в составе Российской империи. Историк отмечал, что на самом деле конкретные дела Абылая указывали на приверженность султана российской ориентации до конца жизни, и предполагал, что Абылай стремился завоевать доверие со стороны русских властей путем создания благоприятных условий для посещения казахскими торговцами прииртышских крепостей (Касымбаев, 1986: 45).

В этой связи представляет интерес то, как Российская империя выстраивала свою внешнюю политику, направленную на дальнейшую инкорпорацию Казахского ханства, к границам которого Россия вышла с завоеванием Западной Сибири в начале XVIII века. На протяжении всего этого периода процесс присоединения или же инкорпорации казахских жузов напрямую зависел от отношений Российской империи с казахскими ханами. Некоторые из них в стремлении сохранить свою власть все больше стали опираться на российские колониальные военно-административные власти Западной Сибири и Оренбуржья (Kurmanalina et al., 2022: 1585-1586).

Российская империя активно приучала кочевников к оседло-земледельческому образу жизни, в том числе к изменению пищевого рациона, приобщению к хлебу и другим мучным изделиям. Так, по указу Коллегии иностранных дел от 2 ноября 1749 года было предписано, чтобы казахи «привыкли к хлебу» (АВПРИ. Ф. 122. 1749 г. Д. 6. Л. 15). Не было исключением в такой политике и султан Абылай.

День 31 августа 1759 года стал ключевым моментом в истории взаимоотношений между Российской империей и казахскими родоуправителями, когда Военная коллегия приняла решение обеспечивать Абылая мукой. И.Г. Андреев, свидетель этих событий, описывает это следующим образом. По просьбе Абылая, поданной в 1759 году, Военной Коллегией было вынесено постановление от 31 августа, в соответствии с которым ему была выдана грамота и письмо от вице-канцлера Воронцова. Абылаю было решено выплачивать ежегодное жалованье в размере 300 рублей, которое он получал до своей кончины. Это решение было принято в контексте стремления Российской империи укрепить свои связи с казахскими старшинами и обеспечить их лояльность. Также по его просьбе указом Коллегии было предписано предоставлять хлебные выплаты как Абылаю, так и другим знатым султанам, если они будут обращаться с таким запросом. Эти выплаты осуществлялись после рассмотрения командующим генералитетом Сибирских линий и производились с 1760 года. Султанам выдавалось по 200 пудов муки в год, и такие поставки шли в счет «состоящей в Оренбурге заграничной суммы» (Андреев, 2006: 50-51).

20 июня 1760 года генерал-майор И.И. фон Веймарн, командующий войсками на Сибирских линиях, в своем письме Абылай султану обсуждал вопрос о возможной выдаче хлеба в случае возникшей необходимости. В своем обращении он выражал искреннее желание поддерживать

дружеские отношения между российским и казахским народом, указывая на необходимость соответствия «приятства и дружелюбия». Он также информировал о направлении российских товаров через бухарского купца Алима Шихова батыру Среднего жуза Кулсаре и призвал обращаться к купцу в случае потребности в пшеничной или ржаной муке и крупе. И.И. фон Веймарн заверил, что как только люди Абылая придут в крепость Святого Петра, им будет предоставлено необходимое продовольствие, и попросил направить людей для получения этих товаров (*ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 139-140об.*).

Следует отметить, что хлебные выдачи были не только инструментом приобщения к будущей торговле, но и методом воздействия на Абылая и других казахов, делая их благонадежными к российской стороне. Указом Коллегии иностранных дел от 18 июля 1760 года оренбургскому губернатору А.Р. Давыдову предписывалось укреплять связи со Средним жузом, поддерживать с Абылаем нормальные отношения и выдавать 212 пудов хлеба в год до тех пор, пока он не предпримет каких-либо открытых действий, противоположных интересам российской стороны. Здесь имелись в виду отношения Абылая с Китаем, поэтому власти стремились не допустить «явной услуги (Абылая – авт.) к китайской стороне, и которая больше стерпима быть не могла». Тем не менее, когда султан Абылай отправил запрос на отпуск ему муки и круп из Петропавловской крепости, генерал-майору И.И. фон Веймарну было дано распоряжение выдать Абылаю дополнительно 30 рублей за счет специальной суммы, выделенной Оренбургу для заграничных расходов (*КРО, 1961: 608*).

Представляет интерес и рапорт из Оренбургской губернской канцелярии в военную походную канцелярию генерал-майора И.И. фон Веймарна от 21 ноября 1760 года, в котором были даны предписания, как следует принимать казахских ханов, султанов и прочих старшин Среднего жуза в случае их приезда в российские крепости и форпосты. При необходимости предусматривалась и выдача хлеба Абылаю. В частности, полковнику Родену определено, чтобы Абылаю выдать 100 рублей, а в случае прошения хлеба «и хлеба несколько отпустить...» (*Султаны и батыры..., 2018: 156*).

Эти и нижеследующие документы представляют собой важный источник для изучения истории взаимоотношений между Российской империей и казахскими султанами в середине XVIII века, а также позволяют проследить, как были организованы система поддержки и механизмы поставок необходимых товаров.

Из рапорта генерал-майора И.А. Деколонга, командующего в Петропавловской крепости, адресованного командиру Сибирского корпуса генерал-майору К.Л. фон Фрауендорфу от 14 сентября 1763 года касательно выдачи муки султанам и батырам, становится известно, что Абылай султан запрашивал провиант для своих нужд. Кроме того, Байжигит-мурза также просил увеличить квоту на 28 пудов продовольствия по сравнению с предыдущим годом. Он лично обратился с этой просьбой к генерал-майору И.А. Деколонгу и требовал уже сейчас выдать повышенную норму. Ответ на запрос Абылай султана и Байжигит-мурзы о выдаче провианта на следующий год не был дан. Однако в соответствии с указаниями генерал-майора К.Л. фон Фрауендорфа на текущий год было предписано выделить следующие нормы муки: Абылай султану – 143 пуда ржаной муки, Жолбарыс султану – 67 пудов, всего 210 пудов (*Жизнь и деятельность..., 2022: 191-192*).

20 октября 1763 года в письме генерал-майору И.А. Деколонгу сам Абылай просил дополнительно к провианту, выделенному «от милостивой нашей государыни» прибавить два пуда ячменя, один пуд пшеницы и полпуда проса (*ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 141-141об.*).

Абылай, постепенно привыкший к регулярным поставкам хлеба от Российского государства, начал активно напоминать о его выдаче при возникновении задержек. Он также просил удовлетворить его просьбы о дополнительных поставках муки. Это вызывало соответствующую реакцию местных властей, что подтверждается рапортом генерал-майора И.А. Деколонга генерал-майору К.Л. фон Фрауендорфу от 26 октября 1763 года.

В этом документе сообщается, что в ответ на просьбу Абылая будет выделено сверх необходимых 143 пудов ржаной муки еще два пуда ячменной и один пуд пшеничной муки (*ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 440-440об.*).

Это свидетельствует о гибкости и адаптивности российской политики в отношении казахских старшин, которая была направлена на сохранение лояльности родоправителей.

Планы по выдаче муки сохранялись у российского правительства и на 1764 год, несмотря на ряд непредвиденных обстоятельств, которые могли помешать этому процессу. Согласно сообщениям властей, местное население перестало привозить на рынки мучные товары из-за размытия дорог и массовых пожаров в степи, которые перекинулись на крестьянские поля.

Тем не менее местные власти заверили султана, что, как только установится зимняя дорога до пограничных крепостей и население начнет торговать хлебом, необходимое количество пудов хлеба будет закуплено и передано Абылаю. Это подтверждает готовность российского правительства преодолевать возникающие трудности и находить компромиссы в сложных условиях.

Кроме того, было дано обещание продолжать поставки муки и на будущий, 1766 год (*Из истории..., 2019: 113-114*).

16 ноября 1764 года командир Сибирских войск, генерал-поручик И.И. Шпрингер в рапорте Коллегии иностранных дел отчитывался об отпуске хлеба ханам, султанам и старшинам Среднего

жуза. Согласно отчету, просьбы Абылая о выдаче провианта (хлеба, муки, круп) из крепости Святого Петра удовлетворялись каждый год (с 1760 по 1764 гг.). Продовольствие выдавалось присланным от Абылая людям, а в 1761 году сверх того отпущено 30 рублей и «разным хлебом двести двенадцать пуд» (КРО, 1961: 675). Это также подтверждает систематический и последовательный характер российской политики в отношении казахских султанов.

В целом, эти документы представляют собой важный источник для изучения истории взаимоотношений между Российской империей и казахскими родоправителями в середине XVIII века, а также позволяют проследить, как были организованы механизмы поставок необходимых товаров.

Постепенно, когда казахская верхушка привыкла к хлебным изделиям, региональные власти приступили к продаже хлеба. Это был важный шаг в процессе интеграции казахов в общероссийскую экономику. Так, в январе 1765 года была подготовлена выписка Коллегии иностранных дел о продаже хлеба казахам, в которой указывались обстоятельства и объемы переданной продукции, в целом показана история приобщения казахов «к муке и хлебу», торговле, меновым дворам с 1749 по 1764 гг. В данном документе речь шла о том, что кочевники из близлежащих областей казахского Среднего жуза, в том числе Абылай султан, его брат Жолбарыс султан, Кулсара и Куляка батыры, Байжигит-мурза и другие родоправители, в разные годы обращались к командирам крепостей с просьбами о выделении для них ржаной и пшеничной муки, а также различных круп в зимний период. Подобные запросы также поступали и к новому командующему Сибирскими линиями генерал-поручику И. Шпрингеру. Помимо уже известного факта о выдаче Абылаю 212 пудов «разного хлеба», упоминаются и просьбы других султанов. Так, Жолбарыс султан, Кулсара и Куляка батыры получили по 100 пудов каждый, Байжигит-мурза – 25. Отметим, что последний не принадлежал к числу чингизидов, но представлял ценность, поскольку Абылай «единственно ему о своих тайностях знать дает». Вероятно, данный мурза был поставщиком нужной информации для региональных властей и стоял, так сказать, на государственном обеспечении.

Нормы муки и круп, обозначенные выше, казахские родоправители и знатные люди получали в 1762-м, 1763-м годах. Интересно отметить, что такое отношение создало прецедент, когда казахские султаны стали ежегодно в одно и то же время словесно и письменно требовать продовольствия, упоминаемая притом: «якобы им сие от е. и. в. в жалованье определено» (КРО, 1961: 679).

Иногда Абылай не получал от российских властей хлеб в нужном количестве. Тогда он обращался к региональным властям, требуя полагающиеся поставки, о чем он писал 12 сентября 1765 года командиру отдельного Сибирского корпуса генерал-поручику И.И. Шпрингеру (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 118 об.-119). К нему же Абылай обращался и в письме от 14 сентября 1765 года, указывая, что из казны ежегодно ему отпускалось по 200 пуд муки и крупы, но в этот год он получил только 100 пудов (Жизнь и деятельность..., 2022: 104). А когда он не получал ответа от властей, то обращался повторно, как, например, в письме от 21 сентября 1765 года. В нем Абылай напоминал о том, что до недавнего времени каждый год он получал двести пудов муки, но по непонятным причинам в этом году мука не выдавалась. Для выяснения причин султан отправил курьеров, которым сообщили, что всю муку использовали для пропитания аманатчиков. Однако аманатчики утверждали, что они съели только сорок девять пудов. Кроме того, припомнил Абылай и недодачу ста пудов муки за прошлый год и просил его уведомить, «для чего той муки ныне не производитца» (Жизнь и деятельность..., 2022: 106-107).

Со временем правила выдачи муки и провианта Абылай султану и другим казахским старшинам менялись. Например, об этом писал командующий в Петропавловской крепости генерал-майор П. Девиц в своем рапорте от 4 октября 1765 года командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.И. Шпрингеру в ответ на запрос последнего о выдаче Абылаю проса и просяной муки в количестве 50 пуд. Абылай передал свою просьбу через своего верного помощника Байжигит-мурзу, который сообщил о необходимости выдать провиант дополнительно, так как выяснилось, что 49 пудов затрачено на содержание аманатчиков, а не султана. Власти решили не выдавать Абылаю сверх положенных 200 пудов не только ему, но и всем другим казахским старшинам (Жизнь и деятельность..., 2022: 108-109).

Иногда положенный Абылаю хлеб получал его старший сын, султан Уали, через специальных посредников, что видно из письма последнего к коменданту Петропавловской крепости от 22 октября 1771 года. Султан пишет о том, что ежегодно ему выделяется необходимый провиант, и в следующем месяце просит отпустить хлеб и муку его сыну (Жизнь и деятельность..., 2022: 17).

В 1771 году, уже будучи в статусе официального хана, Абылай продолжил просить положенную ему муку. Например, в своем письме командующему в Петропавловской крепости полковнику К.И. Валленстерну от 10 ноября 1771 года о присылке ему муки он спрашивал, будет ли в этом году мука и, если будет, он в конце ноября планирует прислать своих людей, так как с приходом зимы добираться до границы будет сложно (Из истории..., 2019: 183). В свою очередь, К.И. Валленстерн в рапорте командиру Сибирского корпуса генерал-майору С.К. Станиславскому о получении письма Абылай хана с просьбой выслать провиант отмечал, что Абылай хан требует ответа на его письмо,

равно как и отпуска положенной муки. Однако посланцы были отправлено обратно к Абылаю без ответа ([Из истории..., 2019: 182](#)).

Через две недели, 24 ноября 1771 года, Абылай повторно обратился к полковнику К.И. Валленстерну с аналогичной просьбой, отмечая, что ему полагается «государева пшеничная мука, особо и крупа» в размере 200 пуд, но посланным от него людям выделяют меньше или возвращают обратно ни с чем ([Из истории..., 2019: 187](#)). Не дождавшись ответа, 27 ноября 1771 года хан в очередной раз написал командующему Петропавловской крепостью, считая, что руководство не знает о сложившейся ситуации в крепости Святого Петра. Абылай требовал присутствия «надежного офицера» при выдаче пшеничной, ржаной муки и круп, утверждая, что его приемщика обделяют и «отпускают несправедливо». По этой причине присланные казахи отказывались принимать провиант и уезжали обратно. ([Из истории..., 2019: 186](#)).

3 ноября 1772 года Абылай и Жолбарыс султан направили письмо командующему в Петропавловской крепости генерал-майору С.К. Станиславскому с просьбой выдать положенную пшеничную и ржаную муку Абылаю (200 пудов) и Жолбарыс султану (100 пудов) ([Жизнь и деятельность..., 2022: 36-37](#)).

29 декабря 1772 года сын Абылай хана Уали султан в письме обратился к генерал-майору С.К. Станиславскому об отправлении им мучного провианта через Мамбет-батыра: «Г-дину любезному генерал-майору нижайший Вали-салтана поклон. При сем послал от себя Мембетя-батыря с товарищи, коему, что следует нам в дачу провиант прошу отпустить, сколько следует пуд» ([Жизнь и деятельность..., 2022: 234](#)).

В отсутствие Абылая хлеб, причитающийся ему, просил не только его сын, но и верный соратник султана – Кулсары батыр. Так, 4 января 1773 года в рапорте генерал-майора С.К. Станиславского генерал-поручику И.А. Деколонгу речь идет о получении писем от Уали султана и Кулсары батыра об отпуске Абылай хану 200 пудов ржаной муки. С.К. Станиславский отмечает, что в ответ на просьбу султана и батыра из петропавловских магазинов было выделено 200 пудов для Абылая. Данная ржаная мука передавалась через Мамбета Клычова, казаха из Атагайской волости ([Из истории..., 2019: 234](#)).

Из архивных документов можно узнать, кто из влиятельных правителей Северного Казахстана получал муку от российских властей. Это были Абылай хан, Жолбарыс султан, Кулсары батыр и Байжигит-мурза. Например, 15 февраля 1773 года в рапорте командующего в Петропавловской крепости генерал-майора С.К. Станиславского генерал-поручику И.А. Деколонгу прописаны количество и стоимость муки, отпущенной Абылай хану, Жолбарыс султану, Кулсары батыру и Байжигит мурзе. Согласно ордеру И.А. Деколонга от 29 января под №29, из петропавловских магазинов Абылаю было отпущено 200, а его брату Жолбарысу – 100 пудов ржаной муки по той цене, которая была в магазине ([Из истории..., 2019: 246](#)).

В последующие годы выдача хлеба продолжалась, это видно из выписки от 15 марта 1774 года о получении казахскими султанами и старшинами муки, в том числе и Абылаем ([Жизнь и деятельность..., 2022: 207-208](#)). В письме от 22 марта 1775 года Абылай сообщал генерал-поручику И.А. Деколонгу об исправном получении хлеба в количестве 200 пудов муки, жалования в 300 рублей серебром и выражал свою благодарность ([Жизнь и деятельность..., 2022: 79](#)).

29 мая того же года Абылай хан уведомил И.А. Деколонга об отпуске муки Уали султану, предлагая выделить своему сыну муку и 300 рублей так же, как и ему самому. При этом просил передать через Уали султана муку и деньги, «в коих я имею большую надобность» ([Из истории..., 2019: 353](#)).

Практика отправки муки Уали султану продолжалась и в дальнейшем. Об этом свидетельствует, например, рапорт командующего в Петропавловской крепости бригадира С.В. Суморокова от 21 августа 1775 года генерал-поручику И.А. Деколонгу о требованиях Абылай хана отпустить муку его сыну Уали: «...и о выдаче сыну ево Вали-салтану... муки двусот пуд» ([Из истории..., 2020: 28](#)). Также об этом свидетельствует ответное письмо того же дня С.В. Суморокова Абылай хану о выдаче жалования и муки через Уали султана, в котором сообщалось, что просьба о выдаче Уали султану 300 рублей и 200 пудов муки передана на рассмотрение в государственную Военную коллегию, и сам И.А. Деколонг будет ходатайствовать о положительной резолюции, учитывая «оказываемые к российской стороне доброжелательства» ([Из истории..., 2020: 30-31](#)).

8 сентября 1775 года бригадир С.В. Сумороков докладывал в рапорте генерал-поручику И.А. Деколонгу о получении письма от Абылай хана, в котором тот просил прислать к нему с товаром казанскаго татарина Искендера и прислать 300 рублей серебром, 200 пудов муки и два пуда свежего проса. Данная просьба была передана на рассмотрение И.А. Деколонга ([Из истории..., 2020: 58](#)).

25 сентября 1775 года бригадир С.В. Сумороков получил еще два письма от Абылая с уточнением сроков получения жалования и муки для того, чтобы отправить к назначенному сроку приемщика ([Из истории..., 2020: 76](#)).

Еще одно схожее по содержанию письмо Абылай отправил бригадиру С.В. Суморокову 31 сентября 1775 года, после чего требуемую муку Абылай получил в полном объеме ([Из истории..., 2020: 49](#)).

Практически в это же время Абылай проводил политику по распространению земледелия в своих улусах, поскольку потребности в хлебе возрастали, а объемов муки, передаваемых российскими властями, явно было недостаточно.

Отметим, что на берегах Сырдарьи, в Семиречье, а также по берегам некоторых рек и озер Северного, Северо-Восточного и Центрального Казахстана казахи издавна занимались земледелием. На рубеже XVIII-XIX веков некоторые обедневшие казахи все чаще переходили к этому виду хозяйственной деятельности.

Султан Абылай в числе первых осознал значимость, важность и перспективность занятия земледелием. Несмотря на то что им казахи занимались в оседлых регионах юга, степные районы практически не имели постоянной культуры хлебопашества. Земледелием занималась лишь незначительная часть казахов, которые волею судьбы оказалась на грани разорения и были вынуждены обращаться к этому нетипичному для них занятию. В основном это были так называемые «джатаки» – группа бескочевных казахов, перешедших к оседлому образу жизни.

Абылай предпринимал попытки культивировать земледелие, о чем, например, известил региональные власти в лице командующего войсками на пограничных линиях генерал-майора И.А. Деколонга 20 октября 1763 года. Абылай сообщил, что намерен распахать пашню на реке Калчаклы и просил весной, сразу после схода снега, прислать 10 опытных земледельцев со всем необходимым инвентарем (сохи и т.д.). При этом отметил, что у него есть два человека, которые имеют небольшие знания в хлебопашестве (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 441-441об.).

О том, что тогда еще султан Абылай начинал заниматься земледелием, видно из двух рапортов сибирского губернатора Д.И. Чичерина в Коллегию иностранных дел от 25 и 30 ноября 1763 года, в которых говорится о наличии у Абылая двух человек, «несколько уже в хлебопашестве знающих». Султан также просил местные власти «для показания и научения их киргискаго народа в производстве хлебопашества прислать к нему будущею весною русских людей», в том числе двух сошников (режущая часть сохи или плуга, предназначенная для взрыхления почвы – авт.). В указанных документах утверждается и о намерении Абылая перейти к оседлому образу жизни: «Аблай-солтан... хочет остаться безотлучно при речке, называемой Колчакле, где и пашню завести намерен» (КРО, 1961: 661).

26 ноября 1763 года Абылай уже обращается к Екатерине II с письмом через генерал-майора И.А. Деколонга. В нем он как верноподданный Великой государыни просит прислать обещанных ему людей для хлебопашества со всеми необходимыми инструментами (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 293-293об.).

Об этом же позднее писал и А.И. Левшин: «В то же время (когда меновой торг учрежден в 1764 году в Семипалатинской крепости – авт.) султан Аблай просил правительство русское о присылке к нему 10 человек хлебопашцев, которые бы могли выучить земледелию его киргизов. Екатерина повелела сию просьбу исполнить, взяв, однако ж, от Аблая надежных аманатов, которые бы могли обеспечивать свободу посланных к нему россиян» (Левшин, 1996: 244).

Серьезность намерений Абылая заняться земледелием подтверждается и записями показаний башкирского старшины Шукура от 24 октября 1764 года и других, бывших по разным делам в ставке Абылая. Старшина отметил, что султан просил царские власти прислать «...для указания к хлебопашеству знающих людей и как де покажут, то и он, Аблай-солтан, то хлебопашество иметь желает», кроме того, «нынешняго лета он Аблай-солтан и просу сеял» (КРО, 1961: 667-668). Документ дает представление о том, что Абылай, не дожидаясь приезда россиян, призванных обучать местных казахов азам хлебопашества, уже самостоятельно перешел к посевам проса, которое было известно степнякам с давних времен, занимая заметное место в их пищевой культуре.

В письме от 11 мая 1765 года командующий в Петропавловской крепости генерал-майор П. Девиц сообщил Абылаю о том, что принимает от него людей, направленных им для изучения хлебопашества, и удовлетворяет ранее высказанную просьбу о посылке ему сошников. Это делалось «единственно ради примечания (ознакомления – авт.) людей ево, как здесь строение и хлебопашество в нынешнее время производитца. Которые, присмотревшись, как оное производитца, прибыв к вам, и сами показывать могут» (Из истории..., 2019: 113).

Как видно, Абылай и в этом случае не стал терять времени и сам отправил своих представителей на ту сторону границы, чтобы они научились хлебопашеству и затем привнесли его в местную кочевую среду. Общеизвестно, что в данный период казахи Среднего жуза возделывали в основном просо, но в небольших объемах сеяли также рожь, пшеницу, ячмень (Аполлова, 1948: 48).

В последующие годы Абылай оставался активным сторонником и инициатором дальнейшего развития земледелия, для чего нередко просил у россиян нужные семена. Подтверждение этому можно найти в рапорте командующего в Петропавловской крепости полковника С.В. Суморокова командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.А. Деколонгу от 24 февраля 1775 года: «От него Аблая, прислано ко мне таковое, коим он просит о присылке ему пшениц, ячменю, просы, четырех сошников...» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 473).

20 марта 1775 года Абылай хан повторно обратился к С.В. Суморокову с просьбой прислать семена пшеницы, ячменя, проса и четыре пары сошников, поскольку намерен распахать и засеять

землю около своего кочевья. Кроме того, просил найти семян моркови, редьки, дыни, арбуза, а также прислать железа для изготовления 5-6 кирок. Абылай выразил готовность купить семена, железо и инструмент, а в случае отсутствия таковых в казенных запасах «и как семена, так сошники и железа прислать поскорей, дабы нынешнего удобного времени пропустить не можно было» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 474-474а).

Несмотря на недостаток семян и небольшой практический опыт в хлебопашестве, Абылай продолжал практику внедрения оседло-земледельческой культуры, начатую им с 60-х годов XVIII века. Например, 29 мая 1775 года в его письме генерал-поручику И.А. Деколону речь идет о том, что на месте постройки предполагаемого дома «...уже у меня тут и пашня распахана. Потому я больше и стараюсь, чтоб от России вдаль не откочевать» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 831 об.).

Абылай и в последующие годы настаивал на присылке ему от региональных властей различных семян для посевов и земледельческого инвентаря. По этому поводу 13 марта 1778 года он писал бригадиру С.В. Суморокову: «Да изволили ж писать, чтоб я прислал для принятия на семена хлеба, то я за оным послал своего человека Тюпя с товарищи, коему и отпустить соблаговолите сто пуд ячменю и пшеницы по половине, а естли есть – семя иретешное (редька – авт.), да четыре пары сошников» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 229-229 об.).

Переписка Абылая с властями показывает, что в 60–70-х годах XVIII века он ежегодно засеивал земли около своих кочевий, получая урожаи пшеницы и ячменя, периодически запрашивая «за неимением у меня кузнецов прислать сабан, т. е. плух, которым землю пахут на быках» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 324–324 об.).

Осознавая необходимость обеспечить разнообразие в хозяйственной деятельности, Абылай развивал и огородничество. Это видно из уже приводимого рапорта полковника С.В. Суморокова в адрес генерал-поручика И.А. Деколонга от 24 февраля 1775 года о просьбе хана прислать в том числе «...семян табашного, дынного, арбузного, морковного, кретишного и о прочем...» (ГИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 473).

О неоднократности таких обращений по поводу «различных семян» свидетельствуют и другие документы, в которых власти по запросу Абылая старались его просьбы удовлетворить. Огородничество заметно дополняло традиционные виды хозяйственной деятельности, обеспечивая доступ к более широкому спектру продуктов и создавая резервы для периодов неурожайных лет.

5. Заключение

Таким образом, многолетняя практика выделения муки и хлеба являлась целенаправленной политикой центральных и региональных властей, нацеленной, с одной стороны, на формальное укрепление дружеских отношений («чтоб между нами ... всегда находилось приятство и дружелюбие»), на развитие хозяйственно-экономических отношений и торговли, о чем говорит факт перехода от бесплатной выдачи хлеба к его продаже. С другой стороны, стратегически эти меры были призваны стимулировать постепенный переход казахов к оседлому образу жизни для дальнейшей интеграции в пространство российской государственности. Важно отметить, что в такие отношения вовлекался не только лично Абылай хан, но и другие правители, старшины и батыры Среднего жуза. Это делалось с целью расположения казахской политической элиты к российской стороне, повышения благонадежности, недопущения «какой-нибудь явной противности» и, как искомый результат, включения в региональную систему управления.

Как видно, личные инициативы Абылая играли ключевую роль не только для развития скотоводства. Он также одним из первых степных правителей понял выгоду развития земледелия и огородничества и проявлял значительный интерес к их развитию в условиях Северного Казахстана. Его стремление к разностороннему развитию хозяйства проявлялось в регулярных запросах к местным властям о предоставлении специалистов-земледельцев, необходимых семян и сельскохозяйственного инвентаря. Кроме того, стратегия развития земледелия в северных казахских регионах могла заключаться не только в придании импульса долгосрочного хозяйственного роста, но и для уменьшения зависимости от российских зерновых рынков. На очевидное наличие этой зависимости указывают многочисленные просьбы султана Абылая прислать или продать муку, зерно и хлеб.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации фундаментального научного исследования BR20280975 «Исторические традиции казахской государственности и проблемы сохранения национальной идентичности» при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования РК.

Литература

Абуев, 2006 – Абуев К. Хан Абылай и его время. Астана: Елорда, 2006. 304 с.

Абуев, 2013 – Абуев К.К. Абылай Хан. Современники и наследники. Кокшетау: Эрекет, 2013. 308 с.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

- [Андреев, 2006](#) – *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. 210 с.
- [Аполлова, 1948](#) – *Аполлова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30–х годах XVIII века. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. 254 с.
- [Аполлова, 1960](#) – *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.
- [Валиханов, 1986](#) – *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения / Отв. ред. А.Х. Маргулан. М.: Наука, 1986. 414 с.
- [Васильев, 2020](#) – *Васильев Д.В.* Рождение империи. Юго-восток России XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- [Вельяминов-Зернов, 1853–1855](#) – *Вельяминов-Зернов В.В.* Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времен кончины Абулхаир хана (1748–1765). Т. 1–2. Уфа: Губ. Тип., 1853–1855.
- [ГИАОО](#) – Государственный исторический архив Омской области.
- [Жизнь и деятельность..., 2022](#) – Жизнь и деятельность казахских ханов, султанов, батыров XVIII – первой половины XIX вв. Сборник архивных документов и материалов / Сост.: Н.Н. Курманалина, Т.А. Рыскулов, А.Р. Бейсембаева и др. Алматы: ИП «Алма», 2022. 348 с.
- [Из истории..., 2019](#) – Из истории казахско-российских отношений. XVIII век. Сборник документов / Сост. Сирик В.А. Алматы: Литера-М, 2019. 522 с.
- [Из истории..., 2020](#) – Из истории Великой степи (последняя четверть XVIII в.). Сборник документов / Сост. В.А. Сирик; ред. Кол.: З.Е. Кабульдинов и др. Алматы: «Литера-М», 2020. 544 с.
- [Касымбаев, 1986](#) – *Касымбаев Ж.* Под надежную защиту России. Алма-Ата: Қазақстан, 1986. 134 с.
- [Коншин, 2005](#) – *Коншин Н.Я.* Труды по казахской этнографии. Т. 7. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2005. 310 с.
- [КРО, 1961](#) – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов) / Сост.: Ф.Н. Киреев и др.; под ред.: В.Ф. Шахматова и др. Алма-Ата: Изд-во Акад. Наук КазССР, 1961. 743 с.
- [Kurmanalina et al., 2022](#) – *Kurmanalina N.N., Ryskulov T.A., Kabuldinov Z.Ye., Kuanbay O.B.* Modern Research on the Institution of Khan Power of the Kazakhs in the Imperial Period // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1585-1595.
- [Левшин, 1996](#) – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / Под ред. М.К. Козыбаева). Алматы: «Санат», 1996. 656 с.
- [Сулейменов, Басин, 1981](#) – *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 243 с.
- [Сулейменов, Моисеев, 1988](#) – *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. 144 с.
- [Султаны и батыры..., 2018](#) – Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.). Сборник документов / Сост. Сирик В.А. Алматы: Литера-М, 2018. 560 с.
- [Хафизова, 2019](#) – *Хафизова К.Ш.* Степные владетели и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.

References

- [Abuev, 2006](#) – *Abuev, K.* (2006). Han Abylaj i ego vremya [Khan Abylai and his time]. Astana: Elorda, 304 p. [in Russian]
- [Abuev, 2013](#) – *Abuev, K.K.* (2013). Abylaj Han. Sovremenniki I nasledniki [Abylai Khan. Contemporaries and heirs]. Kokshetau: Areket, 308 p. [in Russian]
- [Andreev, 2006](#) – *Andreev, I.G.* (2006). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle horde of the kirghiz-kaysaks]. Pavlodar: NPF «ECO», 210 p. [in Russian]
- [Apollova, 1948](#) – *Apollova, N.G.* (1948). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30–h godah XVIII veka [The accession of Kazakhstan to Russia in the 30s of the XVIII century]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 254 p. [in Russian]
- [Apollova, 1960](#) – *Apollova, N.G.* (1960). Ekonomicheskie I politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiej v XVIII – nachale XIX v. [Economic and political relations of Kazakhstan with Russia in the XVIII – early XIX centuries]. М.: Izd-vo AN SSSR, 456 p. [in Russian]
- [AVPRI](#) – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Archive of the foreign policy of the Russian Empire].
- [GIAOO](#) – Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [State historical archive of the Omsk region].
- [Hafizova, 2019](#) – *Hafizova, K.Sh.* (2019). Stepnye vlastiteli i ih diplomatiya v XVIII–XIX vekah [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII–XIX centuries]. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK, 476 p. [in Russian]

Iz istorii..., 2019 – Iz istorii kazahsko–rossijskih otnoshenij. XVIII vek [From the history of Kazakh-russian relations. XVIII century]. Sbornik dokumentov. Sost. Sirik V.A. Almaty: Litera-M, 2019. 522 p. [in Russian]

Iz istorii..., 2020 – Iz istorii Velikoj stepi (poslednyaya chetvert' XVIII v.) [From the history of the Great steppe (The last quarter of the XVIII century)]. Sbornik dokumentov. Sost. V.A. Sirik; red. Kol.: Z.E. Kabul'dinov I dr. Almaty: «Litera-M», 2020. 544 p. [in Russian]

Kasymbaev, 1986 – *Kasymbaev, Zh.* (1986). Pod nadezhnyu zashchitu Rossii [Under the reliable protection of Russia]. Alma-Ata: Kazakstan, 134 p. [in Russian]

Konshin, 2005 – *Konshin N.Ya.* (2005). Trudy po kazahskoj etnografii [Works on kazakh ethnography]. T. 7. Pavlodar: NPF «EKO», 310 p. [in Russian]

KRO, 1961 – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekah (sbornik dokumentov I materialov) [Kazakh-russian relations in the XVI–XVIII centuries (collection of documents and materials)]. Sost.: F.N. Kireev I dr.; pod red.: V.F. Shahmatova I dr. Alma-Ata: Izd-vo Akad. Nauk KazSSR, 1961. 743 p. [in Russian]

Kurmanalina et al., 2022 – *Kurmanalina, N.N., Ryskulov, T.A., Kabul'dinov, Z.Ye., Kuanbay, O.B.* (2022). Modern Research on the Institution of Khan Power of the Kazakhs in the Imperial Period. *Bylye Gody*. 17(4): 1585-1595.

Levshin, 1996 – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz–kazach'ikh, ili kirgiz–kaisatskikh, ord i stepei [Description of the kirghiz–cossack, or kirghiz–kaysak, hordes and steppes]. Pod red. M.K. Kozybaeva. Almaty: «Sanat», 656 p. [in Russian]

Sulejmenov, Basin, 1981 – *Sulejmenov, B.S., Basin, V.Ya.* (1981). Kazahstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the XVIII – early XX century]. Alma-Ata: Nauka, 243 p. [in Russian]

Sulejmenov, Moiseev, 1988 – *Sulejmenov, R.B., Moiseev, V.A.* (1988). Iz istorii Kazahstana XVIII veka (o vneshnej i vnutrennej politike Ablaya) [From the history of Kazakhstan of the XVIII century (on Ablai's foreign and national policy)]. Alma-Ata: Nauka, 144 p. [in Russian]

Sultany i batyry..., 2018 – Sultany i batyry Srednego zhuzha (vtoraya polovina XVIII v.) [Sultans and batyrs of the Middle zhuz (the second half of the XVIII century)]. Sbornik dokumentov. Sost. Sirik V.A. Almaty: Litera-M, 2018. 560 p. [in Russian]

Valihanov, 1986 – *Valihanov, Ch.Ch.* (1986). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Otv. red. A.H. Margulan. M.: Nauka, 414 p. [in Russian]

Vasil'ev, 2020 – *Vasil'ev, D.V.* (2020). Rozhdenie imperii. Yugo-vostok Rossii XVIII – pervaya polovina XIX v. [The Birth of the Empire. South-East of Russia XVIII – the first half of the XIX century]. SPb.: Dmitrij Bulanin, 608 p. [in Russian]

Vel'yaminov-Zernov, 1853–1855 – *Vel'yaminov-Zernov, V.V.* (1853–1855). Istoricheskie izvestiya o Kirgiz-kaisakakh i snosheniya Rossii so Srednei Aziei so vremen konchiny Abulkhair khana (1748–1765) [Historical news about the kirghiz-kaysaks and Russia's relations with Central Asia since the death of Abulkhair khan (1748–1765)]. T. 1–2. Ufa: Gub. Tip., 1853–1855. [in Russian]

Zhizn' i deyatel'nost'..., 2022 – Zhizn' i deyatel'nost' kazahskikh khanov, sultanov, batyrov XVIII – pervoi poloviny XIX vv. [Life and activity of Kazakh khans, sultans, batyrs of the XVIII–first half of the XIX centuries]. Sbornik arhivnyh dokumentov I materialov. Sost.: N.N. Kurmanalina, T.A. Ryskulov, A.R. Bejsembaeva i dr. Almaty: IP «Alma», 2022. 348 p. [in Russian]

Поставки Россией муки и хлеба в Казахскую степь и развитие земледелия в эпоху султана Среднего жуза Абылая

Зиябек Ермуханович Кабульдинов^a, Ержан Муратович Торайгыров^{a, *}

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

Аннотация. Данная статья посвящена истории развития земледелия и поставок муки и хлеба в Казахскую степь в XVIII веке российскими властями с акцентом на значимость деятельности султана Абылая в данном вопросе. Исследование выявило, что в то время потребности в хлебе на степных территориях возрастали, однако объемы муки, поставляемой российскими властями, были недостаточными. Султан Среднего жуза Абылай проводил политику по распространению земледелия среди подданных ему казахов, осознавая важность этого вида хозяйствования в условиях постепенного территориального ограничения. Долгосрочная практика выделения муки и хлеба являлась целенаправленной политикой российских центральных и региональных властей,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kabulzia@rambler.ru (З.Е. Кабульдинов), toranet2013@gmail.com (Е.М. Торайгыров)

направленной, с одной стороны, на укрепление дружеских отношений, развитие хозяйственно-экономических отношений и торговли, о чем говорит факт перехода от бесплатной выдачи хлеба к его продаже. С другой стороны, стратегически эти меры были призваны стимулировать постепенный переход казахов-кочевников к оседлому образу жизни для дальнейшей интеграции в пространство российской государственности. Кроме того, стратегия развития земледелия в северных казахских регионах могла заключаться не только в придании импульса долгосрочного хозяйственного роста, но и для уменьшения зависимости от российских зерновых рынков, на очевидное наличие которой указывают многочисленные просьбы султана Абылая прислать или продать муку, зерно и хлеб.

Авторы обращаются к документам из Исторического архива Омской области и Архива внешней политики Российской империи, чтобы объективно реконструировать отношения между ханом Абылаем и Российской империей, а также изучить запросы на поставки муки и хлеба в Средний жуз.

Исторический, хронологический, аналитический и другие методы использовались для анализа и интерпретации источников, включая документы сборников и архивные материалы.

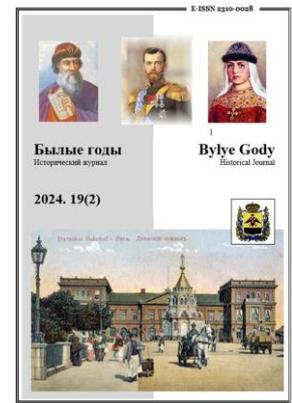
Ключевые слова: Казахское ханство, султан Абылай, казахско-русские отношения, казахское земледелие, Средний жуз, хлебопашество, Российская империя, XVIII век, хозяйственное освоение.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 564-571
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.564

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Project of the Baturinsky University of Hetman Kirill Razumovsky

Sergey I. Degtyarev ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

The article is devoted to a little-known page in the history of education of the XVIII century – projects for the creation of higher educational institutions on Ukrainian lands, which at that time were part of the Russian Empire. Contemporaries noted high public demands regarding education by representatives of various segments of the local population – nobility, philistinism, clergy. The main attention was paid directly to the university project in the city of Baturin in 1760. Its initiator was the last Hetman of Ukraine and Count Kirill Razumovsky, and the direct author of the document was Grigory Teplov. According to this document, it was planned to create a European-style university. In particular, German universities were chosen as a model for succession. Hetman K. Razumovsky also tried to adopt the experience of Moscow University, which existed since 1755. Financing of Baturin University was planned from several sources, the main of which were donations from the local maecenas, fees from mill owners and share of the income from customs duties. But this project like a number of ideas initiated by regional elites was never realized, mainly due to the peculiarities of the national policy of the Russian government.

Keywords: Left Bank Ukraine, university projects, Baturin University, Kirill Razumovsky, Russian Empire, education, education policy, education reform.

1. Введение

Эпоха Просвещения в значительной степени повлияла на развитие университетского образования по всей Европе. Не обошли эти влияния стороной и Российскую империю, и национальные регионы, инкорпорированные в ее состав. В 1755 году был открыт Московский университет (Cherkasov, 2023: 1685). На украинских землях также начинают распространяться идеи основания таких заведений. В это время здесь существовало лишь одно высшее учебное заведение – Киевская духовная академия, которая находилась в подчинении духовной власти. Эта институция не могла удовлетворить спрос населения (в первую очередь, представителей привилегированных его слоев) на высшее образование в полной мере. В этот период в украинском обществе звучали нередкие жалобы на несовершенство и отсталость образования, нехватку гимназий и университетов. Но в условиях Российской империи для большинства представителей украинской шляхты, которая в большинстве своем была небогатой, образование позволяло сделать служебную карьеру и адаптироваться к имперской общественной модели (Кравченко, 2011: 91-92; Degtyarev, 2012; Degtyarev, 2013a; Degtyarev, 2013b; Degtyarev, 2015).

Требовались университеты светского характера. Инициатором первого проекта такого университета на левобережных украинских землях стал последний украинский гетман Кирилл Григорьевич Разумовский. Его непосредственным автором в 1760 году стал Григорий Теплов. В течение следующих четырех десятилетий появлялись и другие подобные проекты (например, украинский историк А. Путро говорит о девяти проектах – в Киеве, Чернигове и других городах) (Путро, 2008a: 86). В 1765 году наместник Малороссии граф П.А. Румянцев-Задунайский имел

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

проекты по созданию университетов в Киеве и Чернигове (Сірополко, 2001: 201). А в 1781 году он же поддержал проект открытия университета в Глухове (Кравченко, 2011: 95). Высказывалось множество пожеланий об учреждении университетов со стороны украинских элит Гетманщины во время работы Законодательной комиссии в 1767-1768 годах. Эти пожелания не были реализованы в виде проектов. В частности, в своих депутатских наказах казацкая старшина и шляхта Переяславского, Черниговского, Киевского, Глуховского, Стародубского, Нежинского, Батуринского, Сумского полков добивались открытия университетов на украинских землях (на территории Гетманщины и Слободской Украины). Как правило, в этих предложениях не конкретизировалось месторасположение будущих университетов, высказывалась лишь необходимость их основания. Исключения составляли наказы переяславского, киевского и сумского шляхетства, предлагавшего создать университеты соответственно в городах Переяслав, Киев и Сумы (Сірополко, 2001: 202). Екатеринославская общественность также в 1784 году высказывалась за открытие университета в Екатеринбургской губернии. Кроме того, идея основания университета на украинских землях вынашивалась во второй половине XVIII века в кругу литературного кружка, возглавляемого А. Палицыным (кружок еще известен под названиями «Палицынская академия» или «Поповская академия»). Существует даже предположение, что автором этой идеи был всемирно известный философ и поэт Г.С. Сковорода (Чубик, 2008: 205). А в 1786 году даже вышел указ императрицы Екатерины II, где она говорила о целесообразности создания трех университетов, в числе которых один предполагался и на украинских землях, а именно в Чернигове (ПСЗ-1. Т. XXII. № 16315: 526-527). Но ни один из этих проектов так и не был претворен в жизнь.

2. Материалы и методы

В основе данной статьи лежат, в первую очередь, наработки исследователей, которые в процессе изучения различных аспектов истории образования обращали свое внимание на образовательные потребности украинского населения, а также на периодически появляющиеся конкретные проекты создания высших учебных заведений. Это позволило установить реальный уровень востребованности высшего образования среди различных слоев общества на украинских землях, которые в исследуемый период входили в состав Российской империи. Собственно, в этом и проявился использованный нами метод объективности.

Кроме того, был использован ряд опубликованных источников. Прежде всего, это документы, в которых описаны проекты университетов (в первую очередь, именно Батуринского), которые так и не были воплощены в жизнь, а также тексты обращений представителей украинских элит к имперскому правительству с просьбами учредить высшие учебные заведения в разных уголках украинских земель. Некоторые из этих документов были опубликованы на страницах первого «Полного собрания законов Российской империи», «Чтений в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете» или в качестве документальных приложений к авторским исследованиям на тему истории образования (ПСЗ-1; Проект..., 1863; Путро, 2008b).

Кроме указанного выше метода объективности, нами были использованы универсальные исследовательские методы синтеза и анализа. Они позволили понять суть исторических процессов, протекавших в XVIII веке на территории украинских земель, входивших в состав Российской империи. А методы индукции и дедукции дали возможность собрать необходимый для исследования комплекс эмпирических материалов.

3. Обсуждение

На протяжении XIX и почти всего XX веков накопился колоссальный массив научных исследований по истории образования или отдельных учебных заведений периода Российской империи, в том числе, истории высшего образования или отдельных университетов. Но практически все ученые, за редкими исключениями, изучали государственную политику, направленную на построение системы высшего образования, предысторию создания конкретных университетских учреждений и их дальнейшее функционирование. Из работ этих исследователей часто следовало, что высшее образование в Российской империи зарождалось исключительно как результат государственной инициативы по воле самодержца. Классическим примером таких исследований является работа П. Ферлюдина, который, изучая историю университетов и университетского образования в Российской империи, почти игнорирует в своем исследовании нереализованные проекты по созданию таких учреждений в государстве. Для него университетская история – это история реально существующих университетов: Московского, Харьковского, Казанского, Виленского, Петербургского, Святого Владимира в Киеве, Новороссийского в Одессе и т.д. Единственным исключением является его упоминание указа Екатерины II в 1786 г. о создании проектов об учреждении университетов в Пскове, Чернигове и Пензе (Ферлюдин, 1894: 38-40, 50).

Некоторые исследователи посвящали свои работы представителям бюрократии Российской империи, затрагивая иногда и тех гражданских чиновников, которые служили в сфере народного образования (Дегтярьов, 2014; Lebid et al., 2019; Lebid et al., 2020a; Lebid et al., 2020b; Lebid, Shevchenko, 2021).

Крайне редко упоминались единичные инициативы по созданию университетов, которые поступали в правительственные круги снизу, от представителей дворянства, мещан и т.д. Подавляющее большинство таких инициатив властью отвергалось, иногда довольно категорично. В научной литературе об этом исследователи вспоминали бегло и, как правило, в контексте изучения истории образования, меценатской деятельности отдельных деятелей, колониальной политики российского правительства и т.п. (Корж-Усенко, Мартиненко, 2011; Путро, 2008а; Путро, 2008b; Дегтярьов, 2010; Дегтярьов, 2014; Сірополко, 2001; Чубик, 2008).

Несколько больше внимания таким проектам, в том числе и Батуринаского университета, уделяли внимание в своих исследованиях В. Кравченко (Кравченко, 2011), О. Радул (Радул, 2015), А. Васильчиков (Васильчиков, 1880), И. Медведев (Медведев, 2010; Медведев, 2011).

4. Результаты

В XVIII веке большинство представителей украинских элит связывали свое привилегированное положение с карьерой. Они понимали, что успешная карьера подразумевает и соответствующее образование. Сеть учебных заведений на землях Гетманщины и Слободской Украины была достаточно разветвленной (Сірополко, 2001: 109-226; Degtyarev et al., 2019). Это были различные школы (архиерейские, народные, певческие, приходские, малярные и т.п.), коллегиумы, семинарии. Например, только приходских школ на территории Гетманщины в 1740-х годах насчитывалось 1200. Роль высшего учебного заведения играла Киевская духовная академия. В этих заведениях обучалось большое количество молодежи. В мае 1760 года лубенский полковник И. Кулябка в письме к гетману К.Г. Разумовскому отмечал, что в Лубенском полку уже было взято на обучение около 1300 мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет и набор этот еще продолжался (Сірополко, 2001: 199).

Конечно, при таком большом количестве лиц, получавших начальное образование, было немало желающих продолжить его в заведениях высшего уровня: коллегиумах, семинариях, академии или университетах за пределами Украины. Украинская шляхта много делала, чтобы ее дети могли получить качественное военное образование, получить знания в области европейских языков или юриспруденции. Это открыло бы им путь к успешной карьере на ниве военной, гражданской или дипломатической службы. С этой целью они отправляли своих детей учиться в европейские университеты. Потребность в создании университета (или нескольких) на украинских землях в течение XVIII века становилась все острее.

Как было отмечено выше, в 1760 году Проект университета в Батурине был создан. Образцом для него должны были стать университеты Германии. Созданием этого заведения К.Г. Разумовский занимался гораздо больше, чем даже университетом и гимназией, которые уже достаточно давно существовали при Петербургской Академии Наук, но находились как учебные заведения на зачаточном уровне своего развития. Де-факто академический университет, хотя и появился при Петре I, имел устав, утвержденный лишь самим К.Г. Разумовским в 1750 году. Историк образования Д. Толстой писал об этих учреждениях, что они даже на протяжении всего своего существования были в крайне заброшенном состоянии, в частности, «академический университет был, по сути, фикцией, а гимназия крайне неудовлетворительна» (Толстой, 1883: 9-10, 12). Большое влияние на гетмана относительно идеи основания Батуринаского университета оказал его близкий товарищ Иван Шувалов (Васильчиков, 1880: 260). Этот государственный деятель был основателем и куратором Московского университета, основателем и президентом Академии художеств. Его очень волновала идея развития образования в Российской империи, за что его называли «министром новорожденного русского образования». Можно предположить, что проект Батуринаского университета был составлен Г. Тепловым не без советов и рекомендаций И.И. Шувалова. Проанализируем этот документ более подробно.

Проект Батуринаского университета был достаточно пространным (Проект..., 1863: 67-85; Батурин, 2012: 217-221). Он содержал преамбулу, где отмечалась склонность украинцев к учебе. Указывалось, что в условиях постоянного роста количества желающих получить образование существующие на украинских землях учебные заведения не могли должным образом удовлетворить такие потребности населения. Отдельно отмечалось, что академия, коллегиумы и семинарии, функционировавшие в Киеве, Чернигове, Переяславе, Белгороде, хотя и пользовались определенной популярностью, однако их учебные программы были крайне устаревшими и не давали необходимого объема и качества преподаваемых там дисциплин.

Именно по причине такого положения вещей гетман, граф К.Г. Разумовский и решил основать университет в городе Батурин. В документе подчеркивался светский характер будущего заведения. Пожизненным основателем и протектором университета должен быть сам гетман. А после его смерти нового протектора должен был назначить император (или императрица). Предполагалось, что здесь будут преподаваться те науки, которым до сих пор либо уделялось мало внимания в других учебных заведениях, либо они вообще игнорировались. В частности, это должны быть дисциплины гуманитарного цикла (латинский язык, новая философия, юриспруденция, история, география), а также так называемые высокие науки (физика теоретическая и экспериментальная, все виды математики, геодезия, астрономия, анатомия, химия, ботаника).

Будущий университет не рассматривался как альтернатива малоэффективным вышеприведенным академиям, семинариям и коллегиям. Напротив, именно они, продолжая функционировать, должны были стать основными поставщиками студентов для Батуриного университета (Проект..., 1863: 68-69).

Для претворения проекта в жизнь были необходимы существенные материальные вложения. В документе даже высказывались надежды на поддержку по этому делу со стороны императрицы. Представлялось, что главными инвесторами в будущий университет также станут представители местных украинских элит и сам гетман, который планировал взять на себя достаточно существенные финансовые обязательства. Финансирование проекта предполагалось временное (следует понимать как разовое) и постоянное.

За счет разовых денежных вложений планировалось построить университетскую церковь, помещение для преподавателей и прочего персонала, учебные аудитории, здание университетской семинарии, книжную лавку, типографию, больницу, анатомический театр, совершить закупку книг для университетской библиотеки, математических, физических и хирургических инструментов. Эти временные средства предлагалось собрать за счет пожертвований от местного населения, разовых сборов с владельцев водяных и ветряных мельниц, пожертвований от полковой и генеральной старшины, а также самого гетмана.

Университет также нуждался в постоянно имеющихся финансовых ресурсах («доход вечный»). Они должны были направляться на содержание всех университетских сооружений, стипендии отдельным студентам, жалование преподавателям, церковному причту, врачу и прочему персоналу, на содержание больницы, ботанического сада и т.п. Этот постоянный бюджет университета планировалось формировать из доходов от «войсковых» и «выморочных деревень», владений Батуриного монастыря, цыганского сбора, части таможенных пошлин, продукции, произведенной университетской типографией (Проект, 1863: 70-72).

В своей деятельности Батуриный университет должен был следовать европейским университетским традициям. Это неоднократно отмечалось в тексте Проекта. В разделе «О законах университетских» встречаем, например, следующие положения:

– «Инаугурацию Университету Батуриному учинить по примеру других Европейских Университетов»;

– «Ректору прерогативы все те дозволить, которые все по обыкновению у всех Европейских Университетов» (Проект..., 1863: 73).

Планировалось, что ректор будет переизбираться ежегодно из числа профессоров университета. Высшим исполнительным органом в учреждении должен быть так называемый Директориум в составе президента (ректора) и членов (профессоров). Этот же орган наделялся и полномочиями судебной власти по отношению к студентам (исключения составляли только уголовные преступления, совершенные студентами).

На профессорские должности изначально планировалось приглашать иностранных магистров и докторов, пока им не будет подготовлена замена из воспитанников Батуриного университета. Обеспечение преподавательскими кадрами за счет выпускников, вероятно, было одним из стратегических направлений работы будущего университета в первые годы его существования. Это подтверждается тем, что одна из расходных статей «дохода вечного» была запланирована «на жалование некоторому числу Студентов, из которых Профессора впредь происходить должны». А в разделе «Об Университете и Профессиях оного» говорилось о том, что «в короткое время, без сомнения, свои окажутся [профессора], Малороссийские» (Проект..., 1863: 70, 81).

Все желающие учиться в университете должны были сдать необходимые экзамены. Право на поступление имели представители всех слоев населения, кроме крепостных людей. Каждый студент, даже не шляхетского происхождения, имел право на ношение шпаги или сабли. Кроме того, студенты обязывались соблюдать внутренние правила университета. Срок обучения определялся трехлетний. Основное внимание сосредотачивалось на преподавании таких дисциплин, как латинское красноречие (с толкованием классических авторов), логика, метафизика, практическая философия, естественное право, юриспруденция, древности, литеральная и политическая история, генеалогия, геральдика, теоретическая, практическая и экспериментальная химия, ботаника, естественная история. Лекции по этим предметам должны были читать исключительно профессора. Проектом предполагалось 10 профессорских должностей. Но кроме приведенных дисциплин, предусматривались занятия по географии, танцам, фехтованию, изучению французского и греческого языков и т.п. (Проект..., 1863: 80, 84).

Чтобы эффективно реализовать проект Батуриного университета, необходимо было изучить опыт уже существующих университетов. Находясь в Украине, К.Г. Разумовский вел переписку со своим подчиненным, конференц-секретарем Петербургской Академии Наук, известным историком, этнографом и археографом немецкого происхождения Г.Ф. Миллером, с которым обсуждал различные аспекты создания и функционирования будущего Батуриного университета. В ноябре 1761 года гетман находился в Москве. Вместе с местными вельможами и Г. Тепловым 12 ноября К.Г. Разумовский посетил Московский университет. Он внимательно ознакомился со спецификой

работы всех факультетов, осмотрел университетские пансион, издательство и типографию, библиотеку, разные лаборатории, минералогический кабинет и т.д. Им были прослушаны некоторые лекции по словесности, истории, юриспруденции, физике. Это ознакомление с разными аспектами работы Московского университета, по мнению исследователя истории этого заведения С. Шевырева, было осуществлено именно с целью перенять определенный опыт и использовать его при создании Батурина университета (Васильчиков, 1880: 279; Шевырев, 1855: 91-92).

Но вскоре императрица Елизавета Петровна умирает после долгой и тяжелой болезни. Реализация университетского проекта в Батурине откладывается. К вопросу создания этого заведения представители украинских элит возвращаются уже во время правления императрицы Екатерины II. В 1764 году на ее имя малороссийской шляхтой и казацкой старшиной вместе с гетманом была подана просьба о восстановлении старинных прав Малороссии (Путро, 2008b: 73-95). В пункте 19 «Об учреждении университетов, гимназий и типографий» авторы обращения просили Екатерину II разрешить учредить на украинских землях несколько учебных заведений. В частности, речь шла и о двух университетах в Киеве и Батурине. В документе выражалось желание украинского общества создать эти учреждения с привилегиями и «по примеру университетов и гимназий, которые есть в иностранных государствах» (вероятно, имелись в виду именно европейские заведения). Батурина университет, согласно этой просьбе должен состоять из трех факультетов, а его первым куратором определялся гетман (Путро, 2008b: 93-94).

В целом, указанное обращение вызвало значительное возмущение у императрицы Екатерины II и ее ближайшего окружения, поскольку этот документ явно не коррелировался с инкорпоративной политикой российского правительства в отношении украинских земель и их населения. Фактически этот документ стал одним из поводов ликвидации института гетманства в том же 1764 году. Город Батурин потерял свой столичный статус. Одновременно была отвергнута и сама идея основания там университета.

5. Заключение

Подводя итоги, стоит отметить, что нереализованный проект Батурина университета в 1760-х годах был первой попыткой создания на левобережных украинских землях высшего учебного заведения европейского типа, которое бы в полной мере отвечало общественным запросам того времени. Существование такого заведения позволило бы окончившим его лицам делать более успешную карьеру на гражданской, военной или дипломатической службе. В условиях развивающегося самодержавия и все более ярко выражающегося сословного разделения общества в Российской империи правила Батурина университета предполагали более либеральное отношение касательно социального происхождения поступающих для обучения (вступление было ограничено лишь для крепостных людей).

Сама идея создания заведения университетского типа на украинских землях уникальной в XVIII веке не была. Но именно в направлении открытия Батурина университета была проведена максимально большая работа, разработаны нормативные документы, продуманы источники его финансирования. Но, к сожалению, ни этот проект, ни все последующие так и не были реализованы. Такие инициативы во второй половине XVIII века явно не коррелировались с особенностями национальной (инкорпоративной) политики российского правительства.

Рубеж XIX-XX веков обозначился усилением роли государства в сфере высшего образования почти по всей территории Европы. В этот период государства были заинтересованы в «унификации» своих граждан, превращении их в «подданных», которые являлись бы представителями конкретных государственных наций, а в случае самодержавной Российской империи – послушными верноподданными. Сделать это можно было с помощью образования, в том числе высшего. С этого времени в соответствии с государственными потребностями резко меняется содержание и форма высшего (университетского) образования, университеты теряют значительную часть (или полностью) своей автономии (Университет в Российской империи..., 2012: 189). А первый университет на левобережных украинских землях появляется лишь в начале XIX века в Харькове.

Литература

Батурин, 2012 – Батурин: сторінки історії: Збірник документів і матеріалів. Чернігів: Видавець Лозовий В.М., 2012. 882 с.

Васильчиков, 1880 – Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. В 4 т. Т.1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1880. 486+СПИ+XX с.

Дегтярьов, 2010 – Дегтярьов С.І. Маловідомий опис м. Батурин 1760 р. // Сумський історико-архівний журнал. №VIII-IX. 2010. С.32-66.

Дегтярьов, 2014 – Дегтярьов С.І. Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст.: монографія. Суми: ТОВ «Друкарський дім «Папірус», 2014. 472 с.

Корж-Усенко, Мартиненко, 2011 – Корж-Усенко Л., Мартиненко Д. Добродійна і меценатська діяльність родини Розумовських // Батурина старовина: Збірник наукових праць. Вип. 2(6). Чернігів: Видавництво «Десна Поліграф», 2011. С. 60-65.

- [Кравченко, 2011](#) – Кравченко В. Університет для України // *Україна, імперія, Росія. Вибрані статті з модерної історії та історіографії*. Київ: Критика, 2011. С. 87-131.
- [Медведев, 2010](#) – Медведев І. Проект Статуту Батуринського університету як складова формування ідеї національного університету в Україні // *Ефективність державного управління: Збірник наукових праць Львівського регіонального інституту державного управління Національної академії державного управління при Президентові України*. Львів: ЛРІДУ НАДУ, 2010. Вип.23. С. 167-169.
- [Медведев, 2011](#) – Медведев І.А. Державне управління розвитком університету: теоретично-прикладний аспект. Харків: Видавництво ХарПІ НАДУ «Магістр», 2011. 220 с.
- [Проект..., 1863](#) – Проект к Учреждению Университета Батуринского, 1760 года (Писан Григ. Ник. Тепловым для графа Гетмана) // *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете*. Москва, 1863. Кн. 2. Отд. V. С. 67-85.
- [ПСЗ-1](#) – Полное собрание законов Российской империи, собрание 1.
- [Путро, 2008a](#) – Путро О.І. Гетьман Кирило Розумовський та його доба (з історії українського державотворення XVIII ст.): Монографія: в 2-х частинах. Київ: ДАКККіМ, 2008. Ч. I. 240 с.
- [Путро, 2008b](#) – Путро О.І. Гетьман Кирило Розумовський та його доба (з історії українського державотворення XVIII ст.): Монографія: в 2-х частинах. Київ: ДАКККіМ, 2008. Ч. II. 288 с.
- [Радул, 2015](#) – Радул О. Спроби відкриття університетів в Україні в другій половині XVIII століття // *Наукові записки. Серія: Педагогічні науки*. 2015. Вип.140. С.3-6.
- [Сірополко, 2001](#) – Сірополко С. Історія освіти в Україні. Львів: Афіша, 2001. 664 с.
- [Толстой, 1883](#) – Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1883. 100 с.
- [Университет в Российской империи..., 2012](#) – Университет в Российской империи XVIII – первой половине XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 671 с.
- [Ферлюдин, 1894](#) – Ферлюдин П. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов: Типо-Литография П.С. Феокритова, 1894. 192 с.
- [Чубик, 2008](#) – Чубик Ю.І. Просвітительська та подвижницька діяльність членів «Паліцинської академії» / «Слово о полку Ігоревім» та його епоха (Словознавство. Вип.II): Матеріали XIII Міжнародної наукової конференції. Київ-Суми-Путівль: Видавництво СумДУ, 2008. С.203-206.
- [Шевырев, 1855](#) – Шевырев С. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755-1855. Москва: В университетской типографии, 1855. 584 с.
- [Cherkasov, 2023](#) – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.
- [Degtyarev, 2012](#) – Dyagtyarev S.I. Civil officers' educational level in the first half of XVIII century // *Bylye Gody*. 2012. 23(1). Pp. 11-18.
- [Degtyarev, 2013a](#) – Degtyarev S.I. The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century) // *Bylye Gody*. 2013. 30(4). Pp. 28-35.
- [Degtyarev, 2013b](#) – Dyagtereve S.I. Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II // *Bylye Gody*. 2013. 27(1). Pp. 16-25.
- [Degtyarev, 2015](#) – Degtyarev S.I. Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4). Pp. 865-875.
- [Degtyarev et al., 2019](#) – Degtyarev S.I., Plotnikova M.V., Polyakova L.G., Gut J. The Development of the Public Education System in Northeastern Ukraine in the Period Spanning the 18th and the first half of the 19th centuries // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 931-942.
- [Lebid et al., 2019](#) – Lebid A.E., Shevchenko N.A., Chuikov O.E., Svechnikov V.A. The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part I // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1490-1505.
- [Lebid et al., 2020a](#) – Lebid A.E., Shevchenko N.A., Chuikov O.E., Svechnikov V.A. The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part II // *Bylye Gody*. 2020. 55(6): 115-129.
- [Lebid et al., 2020b](#) – Lebid A.E., Shevchenko N.A., Volkov A.N., Ponomareva M.A. The officialdom of the Russian empire: A modern ukrainian historiography // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 495-507.
- [Lebid, Shevchenko, 2021](#) – Lebid A.E., Shevchenko N.A. Ukrainian «enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the XIX century // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1716-1727.

References

- [Baturyn, 2012](#) – Baturyn: storinky istoriyi: Zbirnyk dokumentiv i materialiv [Baturyn: pages of history: Collection of documents and materials]. Chernihiv: Vydavets' Lozovyy V.M., 2012. 882 s. [in Ukrainian].
- [Cherkasov, 2023](#) – Cherkasov, A.A. (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.
- [Chubyk, 2008](#) – Chubyk, Yu.I. (2008). Prosvitytel's'ka ta podvyzhnyts'ka diyal'nist' chleniv «Palitsyn's'koyi akademiyi» [Educational and ascetic activities of the members of the "Palitsyn Academy"].

- «Slovo o polku Ihorevim» ta yoho epokha (Slovoznavstvo. Vyp.II): Materialy XIII Mizhnarodnoyi naukovoyi konferentsiyi. Kyiv-Sumy-Putyvl: Vydavnytstvo SumDU. Pp. 203-206. [in Ukrainian]
- Degtyarev et al., 2019 – Degtyarev, S.I., Plotnikova, M.V., Polyakova, L.G., Gut, J. (2019). The Development of the Public Education System in Northeastern Ukraine in the Period Spanning the 18th and the first half of the 19th centuries. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 931-942.
- Degtyarev, 2010 – Degtyarev, S.I. (2010). Malovidomyy opys m. Baturyn 1760 r. [Little known description of the town of Baturyn 1760]. *Sums'kyi istoryko-arkhiivnyy zhurnal*. VIII-IX: 32-66. [in Ukrainian]
- Degtyarev, 2012 – Dyagtyarev, S.I. (2012). Civil officers' educational level in the first half of XVIII century. *Bylye Gody*. 23(1): 11-18.
- Degtyarev, 2013a – Degtyarev, S.I. (2013). The Problem of the Social Background of Government Officials within the Policies of the Romanovs (18th Century – First Half of the 19th Century). *Bylye Gody*. 30(4): 28-35.
- Degtyarev, 2013b – Dyagterev, S.I. (2013). Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II. *Bylye Gody*. 27(1): 16-25.
- Degtyarev, 2014 – Degtyarev, S.I. (2014). Tsyvil'ne chynovnytstvo Ukrayiny u kintsi XVIII – pershiy polovyni XIX st.: monohrafiya [Civil officialdom in Ukraine at the end of the 18th – the beginning of the 19th centuries: monograph]. Sumy: TOV «Drukars'kyi dim «Papirus». 472 p. [in Ukrainian]
- Degtyarev, 2015 – Degtyarev, S.I. (2015). Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 865-875. [in Russian]
- Ferlyudin, 1894 – Ferlyudin, P. (1894). Istoricheskiy obzor mer po vysshemu obrazovaniyu v Rossii. Vyp. 1. Akademiya nauk i universitety [Historical review of measures for higher education in Russia. Vol. 1. Academy of Sciences and universities]. Saratov: Tipolitoografiya P.S. Feokritova. 192 p. [in Russian]
- Korzh-Usenko, Martynenko, 2011 – Korzh-Usenko, L., Martynenko, D. (2011). Dobrochynna i metsenat-s'ka diyal'nist' rodyny Rozumovs'kykh [Philanthropic and philanthropic activities of the Razumovsky family]. *Baturyns'ka starovyna: Zbirnyk naukovykh prats'*. Vyp. 2(6). Chernihiv: Vydavnytstvo «Desna Polihraf». Pp. 60-65. [in Ukrainian]
- Kravchenko, 2011 – Kravchenko, V. (2011). Universytet dlya Ukrayiny [University for Ukraine]. *Ukrayina, imperiya, Rosiya. Vybrani statti z modernoyi istoriyi ta istoriohrafii*. Kyiv: Krytyka. Pp. 87-131. [in Ukrainian]
- Lebid et al., 2019 – Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Chuikov, O.E., Svechnikov, V.A. (2019). The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part I. *Bylye Gody*. 54(4): 1490-1505.
- Lebid et al., 2020a – Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Chuikov, O.E., Svechnikov, V.A. (2020). The officialdom of the Russian empire: A modern historiography of the issue. Part II. *Bylye Gody*. 55(6): 115-129.
- Lebid et al., 2020b – Lebid, A.E., Shevchenko, N.A., Volkov, A.N., Ponomareva, M.A. (2020). The officialdom of the Russian empire: A modern ukrainian historiography. *Bylye Gody*. 56(2): 495-507.
- Lebid, Shevchenko, 2021 – Lebid, A.E., Shevchenko, N.A. (2021). Ukrainian «enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the XIX century. *Bylye Gody*. 16(4): 1716-1727.
- Medvedyev, 2010 – Medvedyev, I. (2010). Proekt Statutu Baturyns'koho universytetu yak skladova formuvannya ideyi natsional'noho universytetu v Ukrayini [The project of the Statute of the Baturyn University as a component of the formation of the idea of a national university in Ukraine]. *Efektynist' derzhavnogo upravlinnya: Zbirnyk naukovykh prats' L'vivs'koho rehional'noho instytutu derzhavnogo upravlinnya Natsional'noyi akademiyi derzhavnogo upravlinnya pry Prezydentovi Ukrayiny*. L'viv: LRIDU NADU. Vyp. 23. Pp. 167-169. [in Ukrainian]
- Medvedyev, 2011 – Medvedyev, I.A. (2011). Derzhavne upravlinnya rozvytkom universytetu: teoretychno-prykladnyy aspekt [State management of university development: theoretical and applied aspect]. Kharkiv: Vydavnytstvo KharRI NADU «Mahistr». 220 p. [in Ukrainian]
- Proyekt..., 1863 – Proyekt k Uchrezhdeniyu Universiteta Baturinskogo, 1760 goda (Pisan Grig. Nik. Teplovym dlya grafa Getmana) [Project for the Establishment of Baturinsky University, 1760 (Written by Grig. Nik. Teplov for Count Getman)]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete*. Moskva, 1863. Kn. 2. Otd. V. Pp. 67-85. [in Russian]
- PSZ-1 – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, sobraniye 1 [Complete collection of laws of the Russian Empire, collection 1]. [in Russian].
- Putro, 2008a – Putro, O.I. (2008). Het'man Kyrylo Rozumovs'kyi ta yoho doba (z istoriyi ukraiyins'koho derzhavotvorennya XVIII st.): Monohrafiya: v 2-kh chastynakh [Hetman Kyrylo Razumovsky and his era (from the history of Ukrainian state formation in the 18th century): Monograph: in 2 parts]. Kyiv: DAKKKiM. CH. I. 240 p. [in Ukrainian]
- Putro, 2008b – Putro, O.I. (2008). Het'man Kyrylo Rozumovs'kyi ta yoho doba (z istoriyi ukraiyins'koho derzhavotvorennya XVIII st.): Monohrafiya: v 2-kh chastynakh [Hetman Kyrylo Razumovsky and his era (from the history of Ukrainian state formation in the 18th century): Monograph: in 2 parts]. Kyiv: DAKKKiM. CH. II. 288 p. [in Ukrainian]

Radul, 2015 – Radul, O. (2015). Sproby vidkryttya universytetiv v Ukrayini v druhiy polovyni XVIII stolittya [Attempts to open universities in Ukraine in the second half of the 18th century]. *Naukovi zapysky. Seriya: Pedahohichni nauky*. 2015. Vyp.140. Pp. 3-6. [in Ukrainian]

Shevyrev, 1855 – Shevyrev, S. (1855). Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu yego yubileyu. 1755-1855 [History of the Imperial Moscow University, written for its centenary. 1755-1855]. Moskva: V universitetskoj tipografii. 584 p. [in Russian]

Siropolko, 2001 – Siropolko, S. (2001). Istoriya osvity v Ukrayini [History of education in Ukraine]. L'viv: Afisha. 664 s. [in Ukrainian]

Tolstoy, 1883 – Tolstoy, D.A. (1883). Vzgljad na uchebnuyu chast' v Rossii v XVIII stoletii do 1782 goda [A look at the educational part in Russia in the 18th century until 1782]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk. 100 p. [in Russian]

Universitet v Rossiyskoj imperii..., 2012 – Universitet v Rossiyskoj imperii XVIII – pervoy polovine XIX veka [University in the Russian Empire in the 18th – first half of the 19th centuries]. Pod obshch. red. A.Yu. Andreyeva, S.I. Posokhova. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2012. 671 p. [in Russian]

Vasilchikov, 1880 – Vasilchikov, A.A. (1880). Semeystvo Razumovskikh [The Razumovsky family]. V 4 t. T.1. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 486+СIII+XX p. [in Russian]

Проект Батуринского университета гетмана Кирилла Разумовского

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной странице истории образования XVIII века – проектам создания высших учебных заведений на украинских землях, которые в это время входили в состав Российской империи. Современники отмечали высокие общественные запросы относительно получения образования представителями различных слоев местного населения: дворянства, мещанства, духовенства. Основное внимание было уделено непосредственно проекту университета в городе Батурин 1760 года. Инициатором его был последний гетман Украины и граф Кирилл Разумовский, а непосредственным автором документа стал Григорий Теплов. Согласно этому документу, предполагалось создание университета европейского образца. В частности, в качестве образца для наследования были выбраны немецкие университеты. Гетман К. Разумовский пытался перенять также опыт Московского университета, который существовал с 1755 года. Финансирование Батуринского университета планировалось из нескольких источников, основными из которых были пожертвования от местного населения, сборы с владельцев мельниц и часть доходов с таможенных сборов. Но этот проект так и не был реализован. Основной причиной этого было то, что подобные проекты, инициированные региональными элитами, не коррелировались с особенностями национальной (инкорпоративной) политики российского правительства.

Ключевые слова: Левобережная Украина, университетские проекты, Батуринский университет, Кирилл Разумовский, Российская империя, образование, образовательная политика, реформа образования.

* Корреспондирующий автор

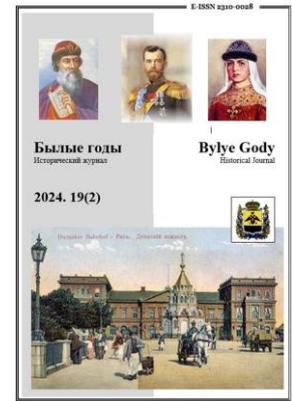
Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 572-581
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.572

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Enlightened Nobleman as a Historical Type of Personality in Russia of Catherine's Time

Ludmila V. Mininkova ^{a,*}, Elisabeth E. Glasunova ^a

^a South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The Age of Enlightenment in Russia led to the formation of an enlightened nobleman as a representative of a special cultural and historical type. The purpose of the article is to comprehensively characterize the type of personality, to identify the peculiarities of such a person's perception of the culture of the Enlightened, her attitude to the idea of freedom, which permeates the Enlightened, her own and peasant, to serfdom and to her serfs, to the ways of running her household. The article is based on the analysis of narrative and documentary sources. The formation of this type was the result of the Russian nobility in the XVIII century and the influence of the European Enlightenment. The identification of this type is based primarily on its self-identification. The consciousness of this part of the nobility was characterized by an idea of its importance and criticism of the shortcomings of the surrounding life. They perceived the liberating principles of the Enlightenment in a limited form, not opposing autocracy separating it from despotism. They did not doubt the need for serfdom; they built a rational economy on forced labor. The type of the enlightened Russian nobleman of Catherine's time represents a complex and contradictory unity of the new culture of Enlightenment and traditional noble culture.

Keywords: Europeanization of Russia, the Age of Enlightenment, Catherine II, E.R. Dashkova, D.I. Fonvizin, A.T. Bolotov, landowner instructions.

1. Введение

Культурно-антропологический поворот, который происходит в исторической науке и культуре новейшего времени, выдвигает на первый план в качестве объекта научного исследования человека среди своих современников. Само общество со своей культурой и ее особыми чертами порождает характерный для него тип человека, который проходит исторический путь к осознанию себя в качестве личности. Личность, в свою очередь, способна оказывать собственное влияние на окружающую среду и придавать ей качественные признаки в соответствии со своими индивидуальными особенностями. Долговременное состояние социума и его структур формирует определенные типы личности. Эти типы вписаны в социокультурную ситуацию, в которой пребывают современники. В то же время внутренние процессы в обществе и всякие воздействия на него со стороны, которые дают толчок для такого развития и постепенно ведут к социокультурным переменам, способствуют возникновению человека с новыми особенностями. Такой человек сочетает в своей культуре традиционные черты, которые он получил в наследство от предшествовавших поколений, и воспринимает в то же время влияние культуры, внешней для этого общества. Возникновение подобных ситуаций, когда появляются люди, ставшие носителями новых особенностей культуры, наиболее активно происходило в периоды истории, когда имел место переход от одной стадии исторического развития к другой, когда проявлялось внешнее влияние на человека другой культуры. Как отмечал А.С. Лаппо-Данилевский, такое влияние имело место в XVIII в., когда

* Corresponding author

E-mail addresses: lyudmila_mininkova@mail.ru (L.V. Mininkova)

традиционные «национальные черты» культуры в России «сильно бледнеют под натиском западно-европейской цивилизации» (Лаппо-Данилевский, 1890: 1).

Выработка в ходе исторического развития и процессов в культуре общества новых типов личности является, таким образом, одним из признаков нового исторического периода. Подобная ситуация развивалась в русской истории на протяжении всего XVIII в., когда среди дворянства было заметно несколько ярко выраженных культурно-исторических типов. Под таким типом личности, появившимся в определенные периоды развития общества и его культуры, можно понимать социокультурный феномен, сложившийся внутри большого общественного класса, со своими своеобразными чертами ментальности и рациональности, реакции на окружающий мир, с особенностями и уровнем культуры. Тип личности вполне узнается современниками и находит свое выражение в источниках, документальных и повествовательных.

2. Материалы и методы

Характер и особенности личности просвещенного дворянина находят свое проявление в нарративных и документальных источниках, которые составляют базу исследования. К нарративам относятся дворянские мемуары, дневники и письма. Как указывала С.С. Минц, этот источник имеет первостепенное значение «в плане изучения социально-психологических явлений и процессов, протекавших в общественном сознании дворянства» (Минц, 1998: 71). Все дворяне-мемуаристы при разном уровне их текстов могут относиться к просвещенному дворянству, поскольку само по себе создание подобных текстов указывает на осознание ими значимости своей личности и своего опыта, которым они стремились поделиться, что вообще характерно для человека нового времени. Также к нарративам относится журналистика, начало которой в России произошло в эпоху Просвещения. К таким просвещенным дворянам относится А.Т. Болотов, мемуары которого отличаются подробностью и отражают типичные черты помещика среднего достатка, уделявшего особое внимание своему хозяйству с использованием крепостного труда. Образы дворян из журналов Н.И. Новикова показывают, как метод сатиры способствовал выделению просвещенных дворян из общей массы русского дворянства, их самоидентификации по отношению к этой социокультурной среде. То же самое дают литературные произведения авторов, просвещенных дворян. Такое же выделение вплоть до резкого противопоставления просвещенных дворян большинству дворянства, не испытывавшему влияния культуры Просвещения, содержится в комедиях Д.И. Фонвизина. Обобщенное отражение отношения просвещенного дворянства Российской империи к важнейшим проблемам внутренней жизни общества и государства содержится в Наказе Екатерины II Уложенной комиссии. Данный документ в качестве источника стоит на стыке публицистики с декларативными положениями и нормотворческими документами. Дворянская публицистика и мемуаристика дает представление об отношении их авторов к идеям Просвещения и к таким острым социально-политическим вопросам своего времени, как Пугачевское восстание и Великая Французская буржуазная революция.

К документальным источникам относятся инструкции по управлению поместьями и другие документы по хозяйству и по отношению с крестьянами, на которых лежит ясно видимый отпечаток личности автора, просвещенного дворянина, с его рациональным подходом к ведению своего вотчинного хозяйства с использованием крепостного труда.

Опора на методологический принцип историзма дает возможность понять историческое место определенных типов личности в социокультурной ситуации своего времени. Использование историко-типологического метода, на базе которого возможно выявление, как отмечал И.Д. Ковальченко, «единого, которое было присуще многообразию тех или иных сочетаний индивидуального (единичного)» (Ковальченко, 1987: 176), позволяет представить общественную значимость определенного культурно-исторического типа для культуры своего времени, распространенность и общность явления при наличии индивидуальных особенностей отдельных личностей. В результате применительно к условиям России эпохи Просвещения возможно уяснение признаков, характерных для культурно-исторических типов российского дворянства, в том числе такого, как просвещенный дворянин.

Методология исследования определяется культурно-антропологическим поворотом новейшего времени, под влиянием которого находится современное гуманитарное научное знание, когда в центре внимания находится личность с особенностями ее культуры. Отсюда опора на методологический принцип признания чужой одушевленности. Данный принцип предполагает понимание человека и общества другой культуры. Поскольку такое понимание возможно на базе анализа нарративных и документальных текстов, то используется метод смыслового анализа источников, позволяющий выявить как прямые, так и скрытые смыслы в текстах.

Целью статьи является комплексная характеристика просвещенного дворянина екатерининского времени как особого культурно-исторического типа личности с характерными ее чертами. Она предполагает выявление особенностей восприятия им культуры Просвещения, связанных с этой культурой идей, под знаком которых состоялась Великая Французская буржуазная революция. Это предполагает анализ того, как эта культура совмещалась с отношением такого

человека к идее свободы, которой пронизано Просвещение, своей и крестьянской, к крепостному праву вообще и к своим крепостным, в частности, а также к способам ведения своего хозяйства.

3. Обсуждение

Просвещенный дворянин екатерининского времени был фигурой столь яркой, что вызывал и вызывает большой интерес в историографии. Как отмечал В.О. Ключевский, дворянство находилось в это время под большим влиянием французской литературы. В таком влиянии он выделял два последствия. Одним из них была «утрата привычки, утрата охоты к размышлению», другим – «потеря понимания окружающей действительности» (Ключевский, 1958: 176). К влиянию на дворянство этой литературы при Екатерине II В.О. Ключевский относился с заметной иронией. Относилось это и к тому, что если при Петре I дворянин – «артиллерист и навигатор», при Елизавете – «петиметр», а к концу времени Екатерины II «сделался вольнодумцем, масоном либо вольтерьянцем», и «стал в положение межеумка, исторической ненужности» (Ключевский, 1958: 183).

П.Н. Милоков разделял просвещенных дворян на «обыкновенных читателей» и на представителей «передовой интеллигенции», которые в глазах большинства дворян были «вольтерьянцами и фармазонами». Но в самих этих названиях отразилось представление дворянской массы о «двух важнейших течениях среди тогдашней высшей интеллигенции» (Милоков, 2010: 396). Само по себе вольтерьянство – «это был теперь боевой клич, означавший борьбу и торжество свободной мысли против государственной церкви, против догмы, защищаемой силами инквизиции и иезуитизма» (Милоков, 2010: 397). П.Н. Милоков подчеркивал вместе с тем влияние на умственную жизнь этой части дворянства самой императрицы, когда «Екатерина, увлекающаяся критическими идеями, Екатерина охлажденная, Екатерина, враждебная им – все эти метаморфозы собственного настроения императрицы тесно сплетались с первыми шагами сознательной общественной жизни России» (Милоков, 2010: 297). Само же вольтерьянство императрица понимала «в смысле победы "здорового смысла" над "суеверием", – в смысле легкой чистки человеческих мозгов, а не упорной борьбы за реформу человеческих учреждений и верований» (Милоков, 2010: 397).

Согласно С.Ф. Платонову, при Екатерине II «широкой струей ... вливались в русскую общественную жизнь идеи, выработанные на Западе, ... оживилась и быстро шла вперед общественная жизнь» (Платонов, 1993: 634), с которой тесно связано было просвещенное дворянство. Мысль о позитивном моральном влиянии «духовной культуры Запада» на российское дворянство высказывал М.К. Любавский (Любавский, 2002: 532). В условиях крепостного права дворяне привыкли «жить праздно, без всякого серьезного дела» (Любавский, 2002: 525), мучить людей нелепыми выдумками, иногда и прямым тиранством. Такое влияние западной культуры, по оценке М.К. Любавского, «предохранило дворян от окончательной гибели и положило конец самому рабовладению» (ссылка). В том, что Екатерина II «открыла широкую дверь этому западному влиянию в спертую атмосферу русской жизни», он видел заслугу императрицы (Любавский, 2002: 532). Более сдержанное отношение к влиянию передовых западных идей на российское дворянство высказывал Г.В. Плеханов. По его словам, «образованные представители» дворянства «очень охотно читали Вольтера и других модных французских просветителей». Но при этом, «как сословие, оно не могло увлечься тем, что составляло живую душу освободительной философии: стремлением уничтожить все сословные привилегии и тем поставить трудящуюся массу в новые, более свободные условия существования» (Плеханов, 1925: 26). Г.В. Плеханов несколько не преувеличивал влияние Просвещения на просвещенных русских дворян, на саму Екатерину II. Он писал, что в 1762 г. она велела пытать «под батожем» Гурьева и Хрущевых, обвиненных в заговоре против нее. «Монтескье. Беккариа и Дидро», – отмечал Г.В. Плеханов, – «совсем не одобрили бы батожья». Но в данном случае «просвещенной государыне было не до них» (Плеханов, 1925: 33). «Противоречие между теорией и практикой» (Плеханов, 1925: 35) усматривал Г.В. Плеханов в отношении императрицы к идеям Просвещения. Но то же самое он видел в отношении к этим идеям русского просвещенного дворянства в целом. Не преувеличивая позитивного влияния идей Просвещения на российское дворянство, Г.В. Плеханов допускал, что «освободительная французская философия способствовала у нас очищению самодержавия от "примесов тиранства"», и поэтому «ее влияние должно быть признано плодотворным, как бы ни малы были его размеры» (Плеханов, 1925: 43). Но, писал он, «освободительная работа мысли» Просвещения в России не могла получить развития, поскольку «у нас ее ограничивал дворянский горизонт» (Плеханов, 1925: 41). По оценке В.А. Мякотина, даже для такого просвещенного дворянина, как князь М.М. Щербатов, было характерно неглубокое усвоение и понимание идей Просвещения. Как указывал он, отдельные дворяне, выделявшиеся просвещенностью, имели «широкие взгляды на современное им общество и государство». Но в количественном отношении их было немного, а их воззрения «не отличались особенною глубиной мысли» (Мякотин, 1906: 103).

Советский историк М.Т. Белявский отмечал привлекательность Просвещения для русского дворянства и указывал, что связи с французскими просветителями имела не только Екатерина II, но и «ее приближенные, многие представители дворянской интеллигенции, владельцы тысяч "душ"». Они называли себя «усердными почитателями» и «верными последователями» просветителей. Но, по его

словам, «в умах большинства помещиков идеи Просвещения приобретали черты, более соответствующие их крепостнической идеологии» (История СССР, 1968: 558, 559).

Ю.М. Лотман подчеркивал влияние Просвещения в истории «русской женской культуры», в результате чего «женщина становится читательницей» (Лотман, 1994: 53). Он указывал, что в результате появился новый женский тип. Это уже не только «дикие помещицы», не только «старосветские помещицы, уютные, добрые», но и новый тип или дворянские женщины, «живущие духом» (Лотман, 1994: 57), в соответствии с новыми чертами культуры своего времени.

На противоречие «между либеральными идеями Екатерины и ее консервативной практикой, между личными взглядами на тот или иной вопрос и отношением к нему дворянства, «интересы которого она не могла игнорировать», обращал внимание Н.И. Павленко (Павленко, 2003: 111). Он справедливо указывал: «в годы правления просвещенной монархини крепостное право развивалось вглубь. Но оно развивалось и вширь» (Павленко, 2003: 298). Объяснял он такое противоречие тем, что императрицу сдерживал «страх за судьбу своей короны». Ее пугал возможный «бунт дворян», который был для нее «опаснее бунта крестьян» (Павленко, 2003: 301, 302). К характерным просветительским чертам, усвоенным Екатериной II, А.Б. Каменский относил «рационализм, практицизм как производные ... представления о значении Разума в системе идеологии Просвещения» (Каменский, 2001: 340). Следовательно, действия самой императрицы как просвещенной личности, ее современников из числа русских просвещенных дворян также в полной мере соответствовали философским идеям и образу мышления второй половины XVIII в. Для них такой рационализм и практицизм, в частности, проявлялся в организации своего хозяйства. Цель ведения помещичьего хозяйства определяла, как совершенно справедливо указала Е.С. Корчмина, «именно потребность в деньгах» (Общественная мысль..., 2020: 340). Можно сказать, что А.Б. Каменский не видел противоречия между идеями Просвещения и мерами просвещенного русского дворянства по рационализации своего крепостнического хозяйства.

Английская исследовательница И. де Мадариага справедливо указывала на особые заслуги Екатерины II в распространении начал Просвещения в России, укреплявшей «связи своей страны с интеллектуальной Европой» (Мадариага, 2002: 534). Исследователь из США Д. Гриффитс обращал внимание на мнение, распространенное в екатерининское время о связи между просвещением и свободой. Он указывал, что статья 260 Наказа императрицы «предостерегает от освобождения большого числа непросвещенных подданных» (Гриффитс, 2013: 70), выделяя тем самым социальную сторону в распространении просвещения как своего рода привилегию и результат развития культуры высшего класса русского общества.

4. Результаты

Что касается культурно-исторических типов среди российского дворянства XVIII в., то об узнаваемости их современниками свидетельствует отражение принадлежавших к ним людей в образах из комедий А.П. Сумарокова и Д.И. Фонвизина, сатиры Н.И. Новикова. Этот источник дает возможность видеть тип дворянина непросвещенного, обычно жившего в своей деревне, абсолютно чуждого распространявшейся в дворянской среде культуре Века Просвещения, уверенного в своих правах, в том числе, в праве на произвол и тиранство по отношению к своим крепостным. Это фонвизинские Простаковы и Скотинины, а также галерея героев из новиковских журналов. Для этих дворян был характерен свой языковой маркер, которым был русский язык, поскольку другие языки были им неведомы. Другим, более сложным типом, являлся служилый дворянин из времени Петра I и из более позднего времени, типичным образцом которого был гардемарин, оренбургский губернатор и мемуарист И.И. Неплюев, а из литературных героев – фонвизинский Стародум. Характерная черта этих людей – честная служба, военная и гражданская, и в то же время желание и способность к образованию и восприятию культуры своего времени. Для них же характерно более внимательное отношение к народу, умение видеть в крестьянах людей, отвращение к помещичьему тиранству. В образе Стародума, созданном Д.И. Фонвизиним, такое качество проявилось вполне. В то же время сам выдающийся комедиограф давал понять, что такой тип дворянина, как Стародум, был характерен для прошлого времени, а для царствования Екатерины II это был уже исторический реликт. Наконец, в силу того, что они были на уровне культуры своего века, их также можно считать просвещенными дворянами. Но это было просвещение того времени, когда оно приходило в русскую жизнь вместе с петровскими реформами, когда усваивались прежде всего знания и навыки практического характера. Языковым маркером для этих дворян были уже языки, которые распространялись в период петровских реформ и были связаны с военной, морской и инженерной службой. Это, прежде всего, голландский и немецкий языки. Но и русский язык также в полной мере был для них характерен.

Век Просвещения, перед которым Россия стала в царствование Елизаветы Петровны и который окончательно вошел в отечественную культуру при Екатерине II, привел к распространению совершенно новых идей, прежде всего из Франции как страны, на дворянскую культуру которой равнялись все европейские дворы. Поэтому в это время для просвещенных русских дворян в качестве языкового маркера становился французский язык, при этом русский язык в их среде не потерялся.

Сохранялись также традиционные для дворянства генеалогические представления о значимости и знатности своего рода. В свою очередь, просвещенные дворяне екатерининского времени также различались между собой. Для некоторой их части усвоение культуры французского Просвещения было поверхностным и примитивным и не выходило за рамки развлечений и легкой литературы. При Елизавете Петровне таких молодых дворян называли петиметрами, а дворянских девушек – кокетками. Яркий образ одного из таких молодых дворян вывел А.П. Сумароков в комедии «Чудовищи» (Ключевский, 1958: 169). Образ подобного дворянина, но уже екатерининского времени, совершенно пустого молодого человека, был создан Д.И. Фонвизиним в комедии «Бригадир» в виде бригадирского сына Иванушки. Но часть просвещенного дворянства усваивала культуру Просвещения несравненно глубже, и она сказывалась на восприятии ими положения в стране и на их относительном свободомыслии. Некоторой частью дворянства просветительские идеи усваивались неглубоко. По мнению А.С. Пушкина, к таким дворянам относился А.Н. Радищев как «истинный представитель полупросвещения» (Пушкин: 1976, 194). Замечание по отношению к А.Н. Радищеву не представляется справедливым. Но само по себе понятие полупросвещения вполне приемлемо для характеристики личности.

Екатерина II, провозгласившая себя в период Пугачевского восстания казанской помещицей, идентифицировала себя в качестве представительницы русского дворянства. Она выразила в своем Наказе Уложенной комиссии основные идеи просвещенной его части. К ним относилась мысль о России как о европейской державе, о законах и о том, чтобы «наблюдаема была воля Государева сходственно с законами» (Екатерина II, 2010: 117), чтобы не было произвола, и «чтоб законы поелику возможно, предохраняли безопасность каждого особо гражданина». Законы ничего не должны запрещать, кроме того, «что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу» (Екатерина II, 2010: 118), и «произвольное в наложении наказание исчезает» (Екатерина II, 2010: 121). Предлагалась отмена наказаний, которыми «тело человеческое изуродовать можно» (Екатерина II, 2010: 125). Не могла быть угроза «чести» и «жизни» без того, чтобы «учинено будет долгое и строгое изыскание истины» (Екатерина II, 2010: 127). Эти положения были прямо обращены к живой (коммуникативной) памяти дворянства, в которой не были забыты расправы времени Петра Великого и бироновщины. Полностью соответствовала идеям Просвещения мысль в Наказе, что лучший способ усовершенствования человека есть «приведение в совершенство воспитания» (Екатерина II, 2010: 147). Заметно, насколько сложно далась императрице глава 11 Наказа, где речь шла о рабстве. От депутатов она требовала, «чтоб законы гражданские, с одной стороны, злоупотребление рабства отворачали, а с другой стороны, предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти» (Екатерина II, 2010: 148). Зная реальное положение в стране, она также требовала, «чтобы предупреждены были те причины, кои часто привели в непослушание рабов против господ своих» (Екатерина II, 2010: 149). И, наконец, глава 15 была прямо обращена к дворянству. В Наказе указывалось на отличия дворянства от другого населения империи, прежде всего тем, что они имели «нарицание чести», а «Добродетель с заслугами» возводит человека в дворянство. С учетом того, что среди дворян были и военные, и чиновники, императрица указывала, что «приобретать» дворянство «можно и гражданскими добродетелями так, как и военными» (Екатерина II, 2010: 162). Такое представление о дворянстве соответствовало тем, кто приобрел его путем выслуги по Табели о рангах, но критически воспринималась теми, кто относился к знатным родам, вроде князя М.М. Щербатова. В главе указывалось на то, что было противно дворянскому званию. Это были «измена, разбой, воровство», «нарушение клятвы, лжесвидетельство» (Екатерина II, 2010: 162). О лишении дворянства за такие преступления не говорилось. Но в дворянской среде такое осуждалось. Не случайны в этой связи были слова фонвизинского Стародума: «Дворянин, недостойный быть дворянином! Подлее его ничего на свете не знаю!» (Фонвизин, 1959: 153). С учетом этого в Жалованной грамоте дворянству за такие преступления уже предусматривалось лишение прав дворянства (Российское законодательство..., 1987: 153). Однако издание этой грамоты в 1785 г. отражало запрос дворянства на дальнейшее расширение своих вольностей, которые были получены еще по манифесту Петра III 1762 г., сама грамота отражала осознание просвещенным дворянством своих сословных свобод в качестве ценности.

Как абсолютный монарх в качестве неперемennого условия принятия и сохранения законов Екатерина II указывала самодержавие, поскольку в Российской империи иная власть «не может действовать сходно с пространством столь великого Государства» (Екатерина II, 2010: 116). Такой властью была, по словам О.А. Омельченко, «конструируемая Екатериной II "правовая монархия"» (Омельченко, 1993: 362). Данная форма правления признавалась просвещенными дворянами. Князь М.М. Щербатов видел преимущества этого правления, поскольку все другие он считал хуже, особенно «самовластие», которое он оценивал как «ужасное мучительство». Недостатки имели, по его мнению, и другие формы правления. Так, «аристократия весьма утесняет подлый народ», а «демократия производит беспорядки и смущения» (Щербатов, 2010: 29). Все политические системы, писал он, формировали качества людей. Так, «в монархии люди честолюбивы, во аристократии горды и тверды, в демократии смутнолюбивы и уверчивы, в самовластном же правлении подлы и низки» (Щербатов, 2010: 35). Заметно, что с самовластием князь связывал худшие качества людей и видел в нем худшую форму правления. А.П. Сумароков в стихотворении «Единовластие» с пафосом писал в

защиту самодержавной монархии: «Единовластие похвально, А многовластие нахально» (Сумароков, 1957: 245), подчеркивая тем самым преимущества самодержавия перед олигархией знати. Ослабление власти вызывало у просвещенных дворян страх перед потрясениями, которые им пришлось пережить в России и наглядно видеть во Франции. Князь М.М. Щербатов, оправившись от испуга, вызванного Пугачевским восстанием, готов был самыми суровыми мерами приводить в повиновение крестьян. Он писал, что, даже «если бы они и право имели к вольности и собственности, на немалое время их оно лишить, и если бы они не были рабами, предать их в рабство, дондеже (так! – авт.) искоренятся злые семена из сердца их» (Щербатов, 2010: 146). Свидетель революции во Франции Н.М. Карамзин писал о положении дворянства в начале событий: «Ужасы Революции выгнали из Парижа самых богатейших жителей; знатнейшее дворянство удалилось в чужие земли; а те, которые здесь остались, живут по большей части в тесном круге своих друзей и родственников» (Карамзин, 1984: 224). Поведение дворянства он расценивал критически. «Французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона» (Карамзин, 1984: 226), – писал он. Монархию, а также способность дворянства защищать ее, он считал гарантией от общественных потрясений.

Просвещенное дворянство критически относилось к недостаткам правления и власти. Наиболее ярко критика выражалась в журналах Н.И. Новикова. В притче о слоне, получившем чин, из журнала «Трутень» 1769 г., высмеивалась практика, когда «чин» давался «не по уму», и раболепие получившего чин чиновника перед начальством (Сатирические журналы..., 1951: 48). Бывали помещики «ябедники, обидчики и грабители», они выведены в «Трутне» в образах дворян Вертяевых (Сатирические журналы..., 1951: 65). Просвещенный дворянин отстаивал свое право на критику власти. Такая защита содержалась в ответе «Трутня» журналу «Всякая всячина», издававшемуся императрицей, где говорилось, что «Всякая всячина» «уничтожает» предыдущий номер «Трутня». В ответе подчеркивалось, что вообще, «уничтожить» «есть слово, самовластия свойственное» (Сатирические журналы..., 1951: 69). Но обвинение в самовластии было очень серьезным и по существу задевало саму Екатерину II. Как отмечает В.С. Парсамов, Н.И. Новиков допускал, что понятия «чернь, подлый народ» – это всякие «подломыслящие и порочные люди», независимо от того, «знатны ли они или нищие» (Общественная мысль..., 2020: 442). От подобных дворян, выведенных им в его журнальных сатирических образах Недоума, Злорада, Змеяна и других, он отделял дворян просвещенных, к которым он сам и относился.

Тип просвещенного дворянина включал в себя также женские образы. Вслед за просвещенной императрицей выделялась в этом отношении ее подруга, княгиня Е.Р. Дашкова. Ее просвещенность оценила Екатерина II, поставившая княгиню в 1783 г. во главе академии наук (Елисеева: 2015: 391). По оценке О. Елисеевой, уже в первый год ее руководства «академия встряхнулась ото сна», и это был «блестящий результат» деятельности просвещенного директора (Дашкова, 2015: 408). В том числе благодаря деятельности Дашковой, которая была «по-настоящему культурным и образованным человеком, обладала широкими литературными и научными интересами, имела множество друзей в пестром и многонациональном интеллектуальном мире Европы», И. де Мадариага делала вывод о зарождении в России интеллигенции (Мадариага, 2002: 847, 851, 852).

Рациональное отношение к государственной власти, способной обеспечить защиту дворянства от самовластного произвола и защиту от общественных потрясений вроде крестьянского бунта или революции, рациональное отношение самих просвещенных дворян к защите монархии как своей опоры сочеталось у них с рациональным подходом к своим хозяйственным делам. Эту мысль ясно выразил помещик А.Т. Болотов. Свое пребывание в городе Богородске под Тулой он организовал так, чтобы, как он писал, «расходы мои были умеренные». Для этого он «умножил ... при себе людей, перевезя их из своей деревни, нанял тут себе несколько казенной земли и заставил их пахать и засеять хлебом, дабы мне оно для содержания всего дома моего и заведенного тут же маленького скотоводства и птицеводства, без привоза из деревень моих было достаточно, и я не имел бы нужды ничего из грубой провизии для себя покупать» (Жизнь и приключения..., 2013: 1058). Для понимания особенностей сознания просвещенного помещика отрывок очень характерный. А.Т. Болотов поступал очень рационально и учил «своих потомков», которым были адресованы его записки, такой рациональности. Рациональность его находилась в пределах крепостнической системы, с которой этот помещик сросся всем своим существом. Он нисколько не сомневается в своем праве заставлять людей переселяться и работать на него. Рациональная организация помещичьего хозяйства для этого автора была основана на полном бесправии крепостных.

Стремление к рациональному ведению дел по хозяйству наиболее наглядно проявилось в помещичьих инструкциях управляющим вотчин и поместий. Такое ведение означало, прежде всего, налаживание учета и контроля за людьми, хозяйственными работами, приходом и расходом денег. Помимо рационального подхода, в инструкциях проявилась еще одна черта просветительского мышления. Она состояла в том, что всякое улучшение положения в государстве возможно благодаря изданию хороших законов. Поскольку любое дворянское имение содержало отдельные признаки государства, то такой подход мог быть применен к распоряжениям владельца по отношению к людям и хозяйству. Такие инструкции были по некоторым положениям и стилю весьма близки к вопросам, которые посылались для проведения анкетных обследований, и стали составляться со второй

половины XVIII в. Согласно В.А. Александрову, помещичьи инструкции относятся к источникам первостепенной важности для исследования сельской общины и положения крестьян (Александров, 1976: 45). Но эти источники имеют ничуть не меньшее значение и для характеристики самих помещиков и вотчинников. Так, в инструкции приказчикам графа П. Шереметева 1764 г. один из пунктов назывался «О переписке подворно крестьян мужска и женска полу». Требовалось собрать сведения, «что на ком тягла и на то тягло дано пашни и посевов», сколько у них «доходов в год» и разные другие сведения о крестьянах (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 1304. Л. 106.). Столь же подробно требовалось вести работу по «переписке мельниц» и «при описании вотчинных меж» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 1304. Л. 2). Рациональность помещика проявилась в пункте о наказаниях крестьян. Хорошо зная нравы своей вотчинной администрации, граф особо предупреждал, чтобы таких крестьян даже «за большие вины для взятков не снаравливать, делать правильно и под караулом долгое время крестьян не держать, и из своих рук крестьян ничем не бить», причем их «за малые вины большим наказанием не отягчать» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 2. Л. 90б.). Вообще рациональный подход помещиков в отношениях с крестьянами проявлялся во многом. Это и забота о состоянии крестьянского хозяйства, и учет трудоспособности крестьян в зависимости от возраста. Наиболее наглядно проявлялось это в наставлении приказчику села Веретинского от князя Голицына. В нем, в частности, было обращено внимание на необходимость иметь «реэстр всем действительным и могущим работникам», причем их «считать от 17 лет до 54-х, а могущих от 54 до 60, исключая увечных и одержимых болезненными припадками» (РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 1418. Л. 20б.).

Стремясь не раздражать крестьян в мелочах, помещики пытались выявить все источники крестьянских доходов для наложения «господского оброку». Граф Н. Римский-Корсаков в наставлении управляющему А. Зауру в 1798 г. распорядился выявить по деревне, «что в какой семье каким промыслом промышляют», для «господского оброку» и «господских денег». В наставлении также говорилось, что крестьяне его села Федоровского зимой «возют некоторые товары» на Волгу, а весной их грузят «на барки, которые идут в Петербург», и могут получать «лежко деньги для заплаты казенных податей и господского оброка». Однако они свои деньги «пропивают, нежели о себе думают» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 2. Д. 28. Л. 33об.), выражая, таким образом, популярную среди дворянства мысль о широком распространении пьянства среди крестьян. Он, таким образом, стремился к рационализации не только своего вотчинного хозяйства, но и хозяйства крестьянского. В пьянстве крестьян он видел урон не только для них самих, но и для своих интересов. Когда они выезжают в город Рузу в праздничные дни для обедни или по субботам за покупками, они иногда «так напьются, что жены их правят лошадыми, от чего и выходит недоимка в оброчной сумме». Поэтому от управляющего он требовал: «оное злоупотребление моих крестьян истребите», и ему следовало «наставить их, чтоб оне деньги берегли на черной день» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 2. Д. 28. Л. 34).

Образец рационального подхода к ведению хозяйства содержат документы, исходившие от князя М.М. Щербатова. Обращает на себя доскональное знание этим знатным ярославским вотчинником самых разных хозяйственных мелочей, от строительства до животноводства. В наставлении «прикащику» Осипу Звереву 1764 г. с исключительной подробностью описан план строительства «поварни с приспешенною избою» в селе Михайловском (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 373. Л.1-2). Такое же конкретное и четкое наставление давалось им по зимнему кормлению лошадей, когда «за нынешним неурожаем сена весьма должно корму беречь» (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 373. Л. 20б.). Как и положено в вотчине, князь содержал нечто вроде вотчинной тюрьмы. В наставлении говорилось о содержании в ней его «человека» Спиридона Скудина, «скована, и давать 2 ко[пейки] на пропитание по два четверика мечьины на месяц», но если он предастся «неистованию», то «прикащик должен для усмирения и другую цепь на него накладывать» (РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 373. Л. 20б.).

5. Заключение

Таким образом, нарративные и документальные источники позволяют выявить в качестве особого культурно-исторического типа России екатерининского времени просвещенного дворянина. Формирование этого типа составляло общий результат европеизации культуры русского дворянства на протяжении XVIII в. под влиянием европейского Просвещения, которое шло, прежде всего, из Франции. К дворянству отнесла себя Екатерина II, причем к дворянству этого типа, ввиду своей просвещенности и благодаря связям с французскими просветителями. Выделение такого типа основывается, прежде всего, на его самоидентификации, поскольку относившиеся к нему русские дворяне выделяли себя из своего класса и относились, как это очень заметно, свысока к дворянству непросвещенному ввиду его низкого культурного, интеллектуального и зачастую морально-нравственного уровня. Для сознания этой части дворянства было характерно представление о своей значимости в государстве и критическое отношение к недостаткам в общественном строе и в порядках управления, к вельможам и чиновникам, которых они считали недостойными. Просвещенное дворянство исключительно высоко ценило свои вольности и привилегии, считая, что они получены от монархии за исторические заслуги дворянства в целом. Но при этом освободительные начала идей Просвещения эти дворяне воспринимали в очень ограниченном виде. Они не выступали против самодержавной монархии, тщательно отделяя такой политический строй от тирании и

деспотизма. Ни в малейшей степени они не сомневались в необходимости крепостного права и даже рабского положения крестьян, причем рациональное, в духе своего времени, хозяйственное устройство в поместьях и вотчинах они строили на основе использования принудительного труда. Резко критическое отношение выражали просвещенные русские дворяне к революции во Франции и считали, что для народа, поднявшего восстание под предводительством Е. Пугачева, необходимо принимать самые жесткие меры. Тип просвещенного русского дворянина екатерининского времени представляет собой сложное и внутренне противоречивое единство новой культуры Просвещения и традиционной дворянской культуры, связанной с порядками самодержавия и крепостничества.

Литература

- Александров, 1976** – Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.
- Гриффитс, 2013** – Гриффитс Д. Екатерина II: императрица-республиканка / Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М., 2013. С.63-101.
- Екатерина II, 2010** – Екатерина II. Наказ Комиссии о сочинении нового Уложения / Избранное. М., 2010. С.115-189.
- Елисеева, 2015** – Елисеева О.И. Екатерина Дашкова. М., 2015.
- Жизнь и приключения..., 2013** – Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. М., 2013. Т. 2.
- История СССР, 1968** – История СССР. В 12 т. М., 1967. Т.3.
- Каменский, 2001** – Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.
- Карамзин, 1984** – Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984.
- Ключевский, 1958** – Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 5 / Соч. в 8 т. Т.5. М., 1958.
- Ковальченко, 1987** – Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
- Лаппо-Данилевский, 1890** – Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи Преобразований. СПб., 1890.
- Лотман, 1994** – Лотман Ю.В. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
- Любавский, 2002** – Любавский М.К. Русская история XVII-XVIII веков. СПб., 2002.
- Мадариага, 2002** – Мадариага де И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
- Милоков, 2010** – Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2 т. М., 2010. Т. 2.
- Минц, 1998** – Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1988.
- Мякотин, 1906** – Мякотин В.А. Дворянский публицист Екатерининской эпохи. (Князь М.М.Щербатов) / Из истории русского общества. Второе издание. СПб., 1906. С.102-166.
- Общественная мысль..., 2020** – Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века. В 4 т. М., 2020. Т. 2.
- Омельченко, 1993** – Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.
- Павленко, 2003** – Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2003.
- Платонов, 1993** – Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993.
- Плеханов, 1925** – Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Кн.3 / Соч. М.; Л., 1925. Т. 22.
- Пушкин, 1976** – Пушкин А.С. Александр Радищев / Собр. соч. в 10 т. М., 1976. Т.6. С. 188-198.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Российское законодательство..., 1987** – Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. М., 1987. Т. 5.
- Сатирические журналы..., 1951** – Сатирические журналы Н.И. Новикова. М.; Л., 1951.
- Сумароков, 1957** – Сумароков А.П. Избранные произведения. Л., 1957.
- Фонвизин, 1959** – Фонвизин Д.И. Недоросль / Собр. соч. в 2 т. М.; Л., 1959. Т.1. С. 105-177.
- Щербатов, 2010** – Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010.

References

- Alexandrov, 1976** – Alexandrov, V.A. (1976). Selskaia obshchina v Rossii (XVII - nachalo XIX v.) [Rural community in Russia (XVII - early XIX centuries)]. M. [in Russian]
- Ekaterina II, 2010** – Ekaterina II (2010). Nakaz komissii o sochinenii novogo ulozhenia [The Commission's order on the composition of a new Code]. Ekaterina II. Izbrannoe. M., pp. 115-189. [in Russian]
- Eliseeva, 2015** – Eliseeva, O.I. (2015). Ekaterina Dashkova [Ekaterina Dashkova]. M. [in Russian]
- Fonvizin, 1959** – Fonvizin, D.I. (1959). Nedorosl [Ignoramus]. Sobr. soch. v 2 t. M.; L. T.1. Pp. 105-177. [in Russian]
- Griffits, 2013** – Griffits, D. (2013). Ekaterina II, imperatrica-respublikanka [Catherine II, the Republican Empress]. Ekaterina II i ee mir: statii raznyh let. Pp. 63-101. M. [in Russian]

- Istoria SSSR, 1968** – Istoria SSSR [The history of the USSR]. 1968. V 12 t. M. T. 3. [in Russian]
- Kamensky, 2001** – *Kamensky, A.B.* (2001). Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka (opyt celostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: Reforms in Russia of the XVIII century (the experience of a holistic analysis)]. M. [in Russian]
- Karamzin, 1974** – *Karamzin, N.M.* (1974). Pisma russkogo puteshestvennika [Letters of a Russian traveler]. M. [in Russian]
- Kluchevsky, 1958** – *Kluchevsky, V.O.* (1958). Kurs russkoi istorii [Russian History Course]. Ch. 5. Sochinenia v 8 t. T. 5. M. [in Russian]
- Kovalchenko, 1987** – *Kovalchenko, I.D.* (1987). Metody istoricheskogo issledovaniia [Methods of historical research]. M. [in Russian]
- Lappo-Danilevsky, 1890** – *Lappo-Danilevsky, A.S.* (1890). Organizatsiia priamogo oblozheniia v Moskovskom gosudarstve so vremeni Smuty do epohi Preobrazovaniia [The organization of direct taxation in the Moscow state from the time of the Troubles to the era of Transformation]. SPb. [in Russian]
- Lotman, 1994** – *Lotman, U.M.* (1994). Besedy o russkoi kulture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII - nachalo XIX v.) [Conversations about russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX centuries)]. SPb. [in Russian]
- Lubavsky, 2002** – *Lubavsky, M.K.* (2002). Russkaia istoria XVII-XVIII vekov [Russian History of the XVII-XVIII centuries]. SPb. [in Russian]
- Madariaga, 2002** – *Madariaga de I.* (2002). Rossia v epohu Ekateriny Velikoi [Russia in the Era of Catherine the Great]. M. [in Russian]
- Miakotin, 1906** – *Miakotin, V.A.* (1906). Dvorianskii publicist Ekaterininskoi epohi (Knaz M.M.Shcherbatov) [(A noble publicist of the Catherine era (Prince M.M.Shcherbatov)]. Iz istorii russkogo obshchestva [From the history of Russian society]. SPb. Pp.102-166 [in Russian]
- Milukov, 2010** – *Milukov, P.N.* (2010). Ocherki po istorii russkoi kultury [Essays on the history of Russian culture]. V 2 t. M. T.2 [in Russian]
- Minc, 1998** – *Minc, S.S.* (1998). Memuary i rossiiskoe dvorianstvo. Istochnikovedcheskii aspekt istoriko-psihologicheskogo issledovaniia [Memoirs and the Russian nobility. The source-based aspect of historical and psychological research]. SPb. [in Russian]
- Obshchestvennaia mysl..., 2020** – Obshchestvennaia mysl Rossii s drevneishih vremen do serediny XX veka [Public thought in Russia from ancient times to the middle of the XX century]. 2020. V 4 t. M. T. 2. [in Russian]
- Omelchenko, 1993** – *Omelchenko, O.A.* (1993). «Zakonnaia monarhia» Ekateriny II. Prosveshchennyi absolutizm v Rossii [Catherine II «Legitimate Monarchy». Enlightened absolutism in Russia]. M. [in Russian]
- Pavlenko, 2003** – *Pavlenko, N.I.* (2003). Ekaterina Velikaia (Catherine the Great). M. [in Russian]
- Platomov, 1993** – *Platonov, S.F.* (1993). Lekcii po russkoi istorii [Lectures on Russian history]. M. [in Russian]
- Plehanov, 1925** – *Plehanov, G.V.* (1925). Istoria russkoi obshchestvennoi mysli [The History of the Russian social thought]. Kn. 3. Sochinenia. M.; L. T. 22. [in Russian]
- Pushkin, 1976** – *Pushkin, A.S.* (1976). Aleksandr Radishchev [Alexandr Radishchev]. Sobr. soch. V 10 t. M. T. 6. Pp. 188-198. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv drevnih actov [The Russian State Archive of ancient acts].
- Rossiiskoe zakonodatelstvo..., 1987** – Rossiiskoe zakonodatelstvo X-XX vekov (1987) [Russian legislation of the X-XX centuries]. V 9 t. M. T. 5. [in Russian]
- Satiricheskie zhurnaly..., 1951** – Satiricheskie zhurnaly N.I. Novikova [N.I. Novikov's satirical magazines]. M.; L., 1951. [in Russian]
- Sherbatov, 2010** – *Shcherbatov, M.M.* (2010). Izbrannye trudy [Selected works]. M. [in Russian]
- Sumarokov, 1957** – *Sumarokov, A.P.* (1957). Izbrannye proizvedeniia [Selected works]. L. [in Russian]
- Zhizn i prilucheniia..., 2013** – Zhizn i prilucheniia Andree Bolotova, opisannye im samim dlia svoih potomkov [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by himself for his descendants]. 2013. V 3 t. M. T. 2. [in Russian]

Просвещенный дворянин как исторический тип личности в России екатерининского времени

Людмила Владимировна Мининкова ^{a, *}, Елизавета Евгеньевна Глазунова ^a

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lyudmila_mininkova@mail.ru (Л.В. Мининкова)

Аннотация. Эпоха Просвещения в России вела к формированию просвещенного дворянина как представителя особого культурно-исторического типа. Целью статьи является комплексная характеристика этого типа личности, выявление особенностей восприятия такой личностью культуры Просвещения, ее отношения к идее свободы, которой пронизано Просвещение, своей и крестьянской, к крепостному праву и к своим крепостным, к способам ведения своего хозяйства. Статья основана на анализе нарративных и документальных источников. Формирование этого типа составляло результат европеизации культуры русского дворянства в XVIII в. Выделение такого типа основывается, прежде всего, на его самоидентификации. Для сознания этой части дворянства было характерно представление о своей значимости и критика недостатков окружающей жизни. Освободительные начала Просвещения они воспринимали в ограниченном виде, не выступая против самодержавия, отделяя его от деспотизма. Они не сомневались в необходимости крепостного права, рациональное хозяйство они строили на принудительном труде. Тип просвещенного русского дворянина екатерининского времени представляет собой сложное и противоречивое единство новой культуры Просвещения и традиционной дворянской культуры.

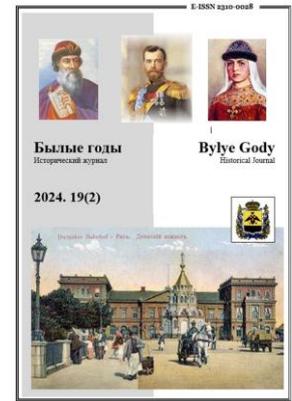
Ключевые слова: европеизация России, эпоха Просвещения, Екатерина II, Е.Р. Дашкова, Д.И. Фонвизин, А.Т. Болотов, помещицьи инструкции.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 582-592
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.582

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kazakhs and Siberian Cossacks in the Steppe Region: the Experience of Interethnic Interaction

Ardak K. Kapyshev ^{a,*}, Igor R. Prokhorov ^b, Bakhytgul T. Tuleuova ^c, Farkhat R. Lebayev ^d

^a Abay Myrzakhmetov Kokshetau University, Republic of Kazakhstan

^b National Archive of the Republic of Kazakhstan

^c E.A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Republic of Kazakhstan

^d Institute of History and Ethnology named after Sh. Sh. Ualikhanov, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article deals with the formation, settlement and activity of the Siberian Cossack army in the territory of modern North-Eastern Kazakhstan in the XVIII-XIX centuries. The difficulties that the Siberian Cossacks faced in the region in ensuring their livelihoods in new natural conditions are shown. The real need for their peaceful and mutually beneficial interaction with the local Kazakh population is presented. Siberian Cossacks, actively borrowing the economic experience of nomads, in some cases introduced new models of economic activity, which were also in demand by Kazakhs. As a result of the economic interaction between Cossacks and Kazakhs, trade and the productive forces of the region are developing. The Siberian Cossacks were an instrument of Russian colonization, the guides of the policy of the Russian Empire. At the same time, they entered into peaceful relations with the local population. Such connections were often mutually beneficial. In general, it is necessary to note the important role of the Cossacks in the formation of agricultural culture, trade, industry, crafts and communication routes in the North-Eastern region of modern Kazakhstan. Despite the fact that the military settlers were burdened with government duties, they contributed to the development of the productive forces of the region, the introduction of new forms of management.

Keywords: Siberian Cossack army, “The Charter of the Siberian Kirghiz”, Kazakhs, Middle Zhuz, Omsk region, outer districts, Irtysh, Akmolinsk, Alexander I, interethnic interaction.

1. Введение

История сибирского казачества, анализ его деятельности для обеспечения интересов Российской империи, в том числе и в казахской степи, нашли отражение в многочисленных исследованиях. Следует отметить, что научная литература, посвященная взаимодействию сибирского казачества и казахов, основана на имеющихся письменных источниках, начиная с XVII века. Однако, несмотря на это, вопросы экономического и культурного взаимовлияния этнических групп Западной Сибири и Казахстана в разные исторические периоды нуждаются в более глубоком изучении. Динамика развития взаимоотношений колебалась между недоверием и отчужденностью, приводя к жестоким кровавым столкновениям на почве земельного вопроса, а также расширением этнокультурных контактов и заимствований рациональных методов ведения хозяйства в сложившихся условиях на рубеже XIX – XX веков, что проявлялось в формировании общих черт материального производства и в повседневной жизни как традиционного общества Степного края, так и переселенческо-казачьего населения. Важно отметить, что многие архивные материалы по этой

* Corresponding author

E-mail addresses: ardak.kapyshev@mail.ru (A. Kapyshev), prokhorov1974@mail.ru (I. Prokhorov), b_t_tuleuova@mail.ru (B. Tuleuova)

теме еще не полностью введены в научный оборот. Исходя из этого, авторы определяют актуальность статьи, опираясь на ряд материалов и источников XIX – начала XX веков.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены дореволюционные свидетельства по истории создания Сибирского казачьего войска, расселения его на территории современного Казахстана, а также научные публикации XIX, XX и XXI веков, посвященные проблемам взаимоотношений казачества с местным населением. Малоисследованные документы по истории сибирского казачества в Казахстане выявлены авторами этой статьи в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Так, в фонде 1 «Канцелярия военного министерства» имеются сведения о взаимоотношениях казахов и сибирских казаков. Особо стоит подчеркнуть, что множество архивных дел РГВИА, связанных с Казахстаном, до сих не были затребованы специалистами. Эти документы позволяют, к примеру, по-новому осветить события начала XIX века, времени отмены ханской власти и введения в казахской степи нового административного управления: внешних округов Омской области, в которых сибирское казачество сыграло решающую роль. В частности, в деле 12188 (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1) имеются свидетельства массовой откочевки акмолинских казахов на юг, в пределы Кокандского ханства, после устройства в степи внешних округов. Также в РГВИА в фонде 405 собраны сведения о восстании под предводительством Кенесары Касымова. Кроме того, в Российском государственном историческом архиве (РГИА) авторы статьи выявили документы о состоянии сибирского казачества, хозяйственном положении казачества, планах колонизации казахских степей, попытках наладить дружеские отношения с казахами Среднего жуза. Кроме того, авторы вводят в научный оборот материалы Государственного архива города Астаны (ГАГА), в котором собраны воспоминания современных потомков сибирских казаков, живущих в Казахстане.

Помимо исторической литературы, важным источником стали документы, выявленные авторами статьи в Историческом архиве Омской области (ИАОО). В частности, в фонде 3 «Главное управление Западной Сибири в Омске» собраны сведения о методах проведения реформы Сперанского в Среднем жузе, планах переселения сибирских казаков с сибирской пограничной линии в казахские степи. В фондах личного происхождения собраны рукописи и рукописные заметки одного из историков Сибирского казачьего войска. Это фонд Г.Е. Катанаева (Ф. 366). В этих заметках значительное внимание уделено проблемам землеустройства и землевладения сибирского казачества, его экономической и социальной жизни, культуре и быту.

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципе историзма. Проблемы расселения и деятельности сибирских казаков на территории современного Казахстана рассматриваются авторами как результат сложившихся социально-исторических условий под влиянием внешних факторов, а именно под влиянием политики Российской империи на Востоке. В статье применен историко-генетический метод, который дает возможность выявить историю Сибирского казачества в Степном крае. Кроме того, был использован принцип системности, который позволил рассмотреть административно-территориальные и политические преобразования на территории Среднего жуза, взаимоотношения сибирского казачества с местным населением как единый процесс.

3. Обсуждение

Одними из первых собраний сведений и фактических данных о хозяйстве Сибирского казачьего войска и местного казахского населения, их взаимовлиянии являются труды Г. Колмогорова, Ю.А. Гагеймейстера, И. Завалишина (Колмогоров, 1850; Гагеймейстер, 1854; Завалишин, 1867). Исследователи внесли свой вклад в анализ социально-экономического развития отраслей и сфер хозяйства на основе статистической характеристики местных промыслов и традиционного хозяйства. Особенности казахских хозяйств в области сибирских киргиз нашли свое отражение в трудах Г. Потанина, который, обращая внимание на особенности поведенческого характера казаков, перенимающих привычки и язык местного населения, объяснял это значительным влиянием казахского социума: «с волками жить – по-волчьи выть» (Потанин, 1861: 6-8). Более того, казаки, на которых официальная власть возлагала большие надежды в первые годы казачьей колонизации в плане положительного примера ведения оседло-земледельческого хозяйства, совершенно не были приспособлены к занятию хлебопашеством, поэтому «станции вынуждены для собственного пропитания снабжаться хлебом, выращиваемого киргизами» (Потанин, 1861: 29).

Данный факт также фиксируется в трудах одного из видных историографов Сибирского казачества Г.Е. Катанаева, в которых на основе богатого материала и глубокого анализа социально-экономических процессов, происходящих в зоне соприкосновения казахской и русско-казацкой этнических групп, отмечаются характерные признаки их межэтнического и межкультурного взаимодействия. Так, он пишет: «глядя на быт местного населения, можно встретить в обыкновенной казахской избушке из четырех стен печь для тепла, часы, ведра, таз, самовар, чайный прибор, вилки, русские летовки, русские сохи» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 443. Л. 36, 36об.).

Более того, по мнению Катанаева, «азиатские нравы до того вплелись в казачье население, что они живут совершенно как киргизы – мужчины носят камзолы, бешметы и халаты, пьют кумыс,

разъезжают по тамырам или лежат дома. Казачки зачастую ходят по улице, закрыв голову халатом, носят рубаху, точно такую же, как и у киргизок, которая заменяет им сорочку. Манера ездить верхом подобно киргизским, местными казачками усвоена давно, и они не хуже казака в киргизском платье джигитуют» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 338. Л. 370б.).

В XX веке история взаимодействия Сибирского казачьего войска с казахским обществом нашла свое отражение в работах Н.Г. Апполовой, Н.В. Алексеенко и др. (Апполова, 1961; Апполова, 1976; Алексеенко, 1966). В частности, Н.Г. Апполова выделяла тесные экономические интересы казачьего и казахского населения в условиях рыночных отношений конца XIX – начала XX веков. В этот период казахское население выработало такие порядки в вопросе землепользования, что они стали мало отличаться от понятия собственности. В обход существующему законодательству обрабатываемая земля сдавалась в аренду либо под видом долгосрочной аренды продавалась другим лицам. Арендаторами выступало также русское и казачье население, которому сдавались как зимовки, так и пашенные земли (Апполова, 1976: 211).

В 90-е годы XX в. в казахстанской исторической науке появляются исследования, рассматривающие военно-политическую и административную роль казачества в Казахстане. В работах М.Ж. Абдирова центральное место в оценке статуса и роли сибирского казачества отводится характеристике его колонизаторской функции (Абдиров, 1994). Данная традиция продолжает свое развитие в работах историков последних лет (Чуркин, Токмурзаев, 2019: 41). Историками анализируются факторы и проявления принятия казачеством форм хозяйствования, образа жизни, языка и традиций населения колонизируемых территорий (Токмурзаев, 2017: 168).

Российские историки также обращаются к проблемам исторической оценки роли сибирского казачества в Степном крае, в том числе позитивных и негативных аспектов его деятельности (Ремнев, Суворова, 2010: 47-74).

Проблема взаимоотношений русско-казачьего населения и казахского социума нашла свое отражение в работах региональных историков, в том числе авторов данной статьи. В публикациях карагандинских историков в рамках исследования истории хозяйств казахов во второй половине XIX – начале XX веков отмечается встречная адаптация казачьего и переселенческого населения к жизни в новой среде (Тулеуова, 2012, Gorovoy et al., 2017). В одной из публикаций отмечается следующее: «если крестьяне-переселенцы помогали овладевать казахам навыками подъема степей, то казахи помогали переселенцам овладевать опытом поливного земледелия. Причем было удивительным, что кочевники-казахи, особенно беднейшая их часть, среди родственной природы нашли возможность привить земледельческую культуру там, где слабые попытки станичников и поселенных солдат окончились неудачей. Объяснением тому было подневольное поселение, незнание особенностей поливного земледелия, несение службы и полубоевая обстановка среди малоизвестной природы» (Gorovoy et al., 2017: 722).

История Сибирского казачьего войска в Казахстане и взаимоотношения сибирских казаков и казахов нашла отражение в публикациях акмолинского историка Прохорова И.Р., который на основе материалов Государственного архива города Астаны, а также материалов Российского государственного исторического архива проанализировал исторический опыт экономического взаимодействия казаков с местным населением – казахами (Прохоров, 2023б: 50).

Проблема взаимодействия разных этносов и культур находит свое широкое обсуждение на страницах историко-публицистических очерков, повествующих о многовековой дружбе между Россией и Казахстаном. И, как отмечают историки, «эта дружба обусловлена не только географическим соседством, но и культурной близостью двух стран и народов, искренним стремлением преодолевать все трудности. И подтверждение этому – наша общая история» (Россия – Казахстан, 2023: 10).

Несомненно, в сложных условиях идеологического противостояния, как отмечает казахстанский историк Р. Темиргалиев, автор трудов по истории Казахстана в рассматриваемый период, «с учетом нашей непростой истории, метания историков из стороны в стороны, из крайности в крайность неизбежны. Но, может быть, уже пора делать шаги в другом направлении!? Не идти друг к другу и не идти друг от друга, а вместе искать правду, какой бы она не была?» (Темиргалиев, 2019: 10).

В трудах зарубежных авторов в рамках традиционного подхода история взаимодействия сибирского казачества и казахского населения нашла свое освещение с точки зрения характеристики колониальной политики Российской империи и ее сравнения с колонизацией Северной Америки (Forsyth, 1992; Lincoln, 1994). До последнего десятилетия зарубежные историки ограничивались лишь описанием воинственного характера взаимоотношений между казахами и русскими, а также казаками. Так, Elizabeth Bacon ограничивает взаимодействие между колониальной властью и народами Центральной Азии, включая казахов, только военным подчинением Степного края и насильственным распространением русской культуры (Bacon, 1966).

Начиная с 90-х годов XX века в зарубежной историографии, особенно американской, сформировалась новая концепция изучения отношений между колонизаторами и колонизируемыми на материалах Северной Америки и Индии. Помимо изучения военных столкновений и конфликтов между народами, они отмечают, что совершенно разные культуры смогли найти общую культурную,

языковую и символическую основу для взаимодействия. Вслед за ними Willard Sunderland приводит немало примеров «коренизации» русского населения в разных районах Сибири, что проявляется в перенимании навыков, обычаев, одежды, языка (Sunderland, 1996).

Английский историк А. Эткин, анализируя российский опыт колонизации в Сибири и Казахстане, отмечает: «Российское доминирование оставалось постоянным и насильственным, а российская гегемония в этих местах не просто отсутствовала. Ее осуществляли туземцы, а русские пришельцы просто перенимали их образ жизни, ценили их оружие, носили их одежду, говорили на их языках» (Эткин, 2016: 185).

Одной из последних работ, рассматривающих характер отношений между казачеством и казаками в конце XIX – начале XX веков, является книга Ю. Маликова, написанная на основе его диссертации, защищенной в 2006 году в Калифорнийском университете (США). В исследовании казачье-казахских отношений вдоль Сибирской линии Маликов утверждает, что данные отношения не основывались на постоянном военном противостоянии и непреодолимых различиях, они, напротив, характеризовались взаимным накоплением, повседневным проживанием и бурным обменом товарами и технологиями (Malikov, 2011). Более того, данные, собранные в архивах Омска, Алматы, Москвы и Санкт-Петербурга, характеризуют казахов как искусных торговцев, которые во второй половине XIX века конкурировали с русским и казачьим купечеством в противовес общепринятому представлению о кочевых казахах как объекте эксплуатации купцов (Malikov, 2011: 229-233).

4. Результаты

О линейных сибирских казаках пограничных Горькой и Иртышской линий в начале XIX века дореволюционные авторы писали: «все они умеют говорить по-казахски, что весьма часто в разговорной речи они употребляют казахский язык. Русское население Иртышской линии даже заменило многие русские название предметов на казахские» (Россия – Казахстан, 2023: 36).

Началом формирования особого войска Сибирского пограничных линий Западной Сибири считаются 50–60-е годы XVIII века, где было сосредоточено 900 донских, 1217 городских и 779 крепостных сибирских казаков (Казачество России, 1898: 206). В число линейных сибирских казаков были также зачислены башкиры, мещеряки, которые пожелали остаться на пограничной линии (Петров, 1962: 201).

Согласно указу о формировании Сибирского линейного казачьего войска от 19 августа 1808 года служба носила пожизненный характер, начиная с 17 лет. В качестве пожалования каждому служилому казаку выделялся земельный надел по 6 десятин, жалованье – 6 рублей 16,5 копеек (Прохоров, 2023а: 289).

Расположение Сибирского казачьего войска вблизи казахских аулов было направлено на развитие выгодных связей между казачьими и казахскими хозяйствами. Это позволило обеспечивать сибирских казаков всем необходимым для несения службы: продовольствием и конским снаряжением. Так как казакам приходилось платить налоги, как отмечается в источниках, «в летнее время линейные и крепостные казаки, особенно старшины казачьего войска, нередко тайно договаривались с казаками, едущими торговать в Усть-Каменогорскую крепость» (Из истории..., 1996: 29).

В связи с этим с целью упрощения торговли сибирских казаков с казаками Среднего жуза в 1764 году по распоряжению Екатерины II было разрешено «пользоваться менами и сатовками с казаками, кочевавшими около Иртышской линии, выменивая у них лошадей, овчины, кошмы и другие товары. Казакам разрешалось продавать хлеб, ножи, топоры и другие металлические изделия» (Апполова, 1976: 341).

Это позволило, как заметил генерал-губернатор Сибири Иван Пестель, «в местах линейных (пограничных) поселений сделать сибирских казаков посредниками всей промышленности, простиравшейся за границу (то есть в казахскую степь) и обратно» (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2147. Л. 4).

Так, сибирские казаки стали хозяевами обширных пастбищ на территории Среднего жуза. По мнению современного историка, «десятиверстная полоса на левобережье Иртыша (в казахской степи), которая считалась нейтральной, стала причиной недовольства и протестов местного населения по причине введения ремонтной пошлины для кочующих казахов вблизи 10-ти верст к левому берегу реки Иртыш» (Абдиров, 1994: 97).

Позднее и эта десятиверстная полоса была предоставлена во временное пользование Сибирскому казачьему войску. Чиновники отмечали, что «изъятие десятиверстной территории у местных жителей и его передачу сибирским казакам, сами казахи всегда расценивали как несправедливое решение» (Материалы..., 1960: 272-273).

Территория Горькой (Пресногорьковской, Ишимской) пограничной линии, соседствующая с землями казахов Среднего жуза, как описывал Н.И. Красовский, «представляла собой узкую полосу вдоль Тобольской губернии от Омска до поселка Сибирского рядом с оренбургской границей. В географическом плане в пределах Ишимской степи она представляла собой плоскую равнину, затем, постепенно в районе Омска и Петропавловска теряя свой прежний вид, становилась безводной и солонцовой» (Красовский, 1898: 103).

Природные условия Горькой пограничной линии осложняли жизнь казаков. Во-первых, песчаные берега правого берега Иртыша не способствовали развитию хлебопашества казачьих хозяйств, испытывающих недостаток пахотной земли, во-вторых, население сильно страдало от отсутствия качественной воды, постоянных испарений от гниющих камышей и водорослей. При этом левый берег Иртыша с его богатыми лугами значительно восполнял потребности казачьих хозяйств в пахотных угодьях (Остафьев, 1879: 30).

На левом берегу реки Ульбы в глубокой долине, окруженной со всех сторон горами, расположился казачий поселок Ульбинский. Возле бывшего редута начинался казачий поселок Феклистовский – один из живописнейших в Алтае. Во всех здешних речках водились ценные рыбы: хариус (из породы лососевых) и ускуч. Благодаря богатой растительности казаки возвели здесь множество пасек, собирали мед (Россия..., 1903: 419).

К 1822 году, накануне введения в жизнь «Устава о сибирских киргизах» (далее – Устав), на сибирской пограничной линии со Средним жузом проживало в общей сложности 25 528 военных поселенцев – казачьих семейств (ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 88. Л. 17-19).

Практическое внедрение Устава началось с 1824 года, когда были открыты Каркаралинский и Кокчетавский внешние округа (ГАГА. Ф. 362. Оп. 1. Д. 20. Л. 20).

В 1832 году на правом берегу Ишима у древнего караванного брода Карауткуль открылся Акмолинский приказ. Основал укрепление отряд сибирских казаков во главе с подполковником Федором Кузьмичем Шубиным (Алпысбаева, 2008: 105). Согласно архивным источникам, «в состав Акмолинского округа вошло 3 576 аулов с населением в 131 262 человека. В этих аулах числилось 332 452 лошади, 670 775 овец, 31 666 верблюдов и 31 316 голов рогатого скота, или примерно 58 условных голов скота за каждой юртой» (Евсеев, Плетнева, 1998: 216-238).

Главой Акмолинского приказа был избран влиятельный султан Конуркульджа Кудаймендин, поддержавший идею создания внешних округов, правнук хана Семеке (Агубаев, 1996: 44).

Первые годы Акмолинского округа оказались тяжелыми. В 1833 году, то есть уже на следующий год после создания, часть его населения бежала в Кокандское ханство (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6013. Л. 3).

Казахи внешних округов Каркаралинского и Акмолинского в числе 1490 юрт при сборе с них ясака оказали сопротивление сборщикам. Для их преследования был командирован отряд из 300 казаков, 50-ти человек пехоты и двух конноартиллерийских орудий под командой есаула Карбышева. Карбышев смог вернуть на прежнее место обитателей 1098 юрт, владельцы 392 юрт успели скрыться (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1413. Л. 20б.). Создание внешних округов поддержали далеко не все казахи.

Сложное положение казахов Акмолинского округа отмечается в архивных материалах, где указано следующее: «в 1836-м ташкентцы, подчиненные Кокандскому ханству, совершили на Акмолинский округ опустошительный набег. В 1837 году начался джунт. От бескормицы в округе пало 139 тысяч голов скота, многие казахские аулы обнищали» (ГАГА. Ф. 362. Оп. 1. Д. 20. Л. 23).

С целью укрепления Акмолинского приказа по защите от осады войск Кенесары Касымова, предводителя национально-освободительного движения казахов, как указывается в архивных материалах, «в с Пресногорьковской (Горькой) линии укреплений в Акмолу по жеребьевке было переселено 100 казачьих семей, основавших Акмолинскую станицу» (ГАГА. Ф. 362. Оп. 1. Д. 20. Л. 27-28).

Среди исследователей истории сибирского казачества существуют различные точки зрения относительно происхождения понятия «казак». Ученый Э. Хара-Даван писал, что слово «казак» тюркского происхождения и означает «всадник». В Золотой Орде имелась область, носившая название «Казакстан» (Хара-Даван, 2020: 103). Исследователь истории казачества Казахстана М. Абдиров отмечает, что «славянское казачество во многом восприняло от тюркских кочевников быт, язык, обычаи» (Абдиров, 1994: 5).

Сами же потомки казаков акмолинской станицы усматривают тесную связь между словами «казах» и «казак», считая их одним и тем же словом (Прохоров, 2023b: 48). Они из поколения в поколение передавали рассказы своих предков об их переселении в казахские степи в 40-е годы XIX в. Местные земли, богатые рыбой озера, живописная природа всегда привлекали переселенцев. Как вспоминали старожилы Челкарской станицы, «когда приходила пора заготовливать сено, то на лугах было столько ягод, что косы становились красными от сока лесной земляники. В этот прекрасный и богатый край в 1849 году прибыли первые поселенцы, а в 1850-м появилась казачья станица Челкар» (ГАГА. Ф. 648. Оп. 7. Д. 12. Л. 17).

Среди основателей Челкарской станицы были представители днепровских (запорожских) казаков и крестьяне Оренбургской и Саратовской губерний. Путешественник Шерстобитов, посетив Акмолинский округ, отмечал, что местные казаки вынуждены были поддерживать отношения с местным населением, несмотря на свой статус, так как на бескрайней казахской степи они были в меньшинстве и были даже зависимы в хозяйственном смысле слова. Они быстро смогли адаптироваться к местному населению, понять его психологию, усвоить казахский язык, перенять многие привычки и традиции казахов. В своих туристических заметках Шерстобитов приводит много примеров проявления билингвизма в казачьей среде, особенно среди детей и подростков, которые

уже с детства изучали казахский язык как родной. Поэтому нередко в речи местных казаков можно было услышать казахские пословицы и загадки (Прохоров, 2023b: 50).

Сибирские казаки также быстро оценили преимущества казахского суда биев, который, по их убеждению, был более честным и быстрым, чем суд империи. Сохранился рассказ видного российского администратора Александра Гейнса о честности казахских судей. Так, один из казаков пожаловался султану-правителю на кражу у него казахами осенью 1866-го года шести лошадей, составляющих все его имущество. Когда султан начал свой летний объезд, казак, рассчитывая на обещанный ему строгий разбор дела, бросил все свое хозяйство и присоединился к свите правителя. Султан сначала отправил одного бия произвести следствие, которое открыло вора и доказало, что претензия казака не преувеличена. Затем пришла очередь разбора этого дела. Выслушав оправдания вора, суд биев во главе с султаном-правителем постановил: украденные лошади возвращаются казаку. Так как последний не мог в течение почти года ни участвовать в ловлях, ни производить земледельческие работы, вор или его родственники, как причина этого, платят ему штраф: трех лошадей и полтора рубля. В качестве же штрафа вор или его родственники платят биям бийлык, который составил 3 быка. Казак поблагодарил суд за справедливое решение и объявил, что он никаких претензий не имеет (Гейнс, 1898: 112).

Конечно, сибирские казаки не ограничивались только культурными заимствованиями. В Сибирском казачьем войске казахский скот пользовался большим спросом и популярностью. Причина заключалась в неприхотливости и выносливости казахских лошадей, особых вкусовых качествах мяса рогатого скота казахской породы, которое высоко ценилось как на местных скотных ярмарках, так и за пределами казахской Степи (Усов, 1879: 224).

Традиции степного скотоводства нашли распространение в богатых казачьих хозяйствах, которые переводили скот на подножный корм. По примеру казахов они устраивали в отдаленных местах заимки, где под присмотром пастухов и караульчиков содержался скот (Аккошаров, 1997: 335).

С этой же целью обширные луга в долине Иртыша устраивались под сенокосные земли. Помимо прокорма своих лошадей и домашнего скота, казаки с выгодой продавали местному населению сено. Как отмечал Ф. Усов в своих заметках, «весеннее половодье Иртыша означало для казаков, то же, что для египтян разлив Нила» (Усов, 1879: 43).

В свою очередь, сибирские казаки стали пионерами внедрения новых форм земледелия в Казахской степи, в том числе и среди казахов, которые были вынуждены переходить на новые формы хозяйствования. Местная администрация с удовлетворением отмечала: «По опыту сибирских казаков казахи Степного края стали расширять собственную запашку и посевы» (Катанаев, 1904: 15).

Острая потребность казахов Павлодарского уезда в земельных участках заставляла их, несмотря на запреты, откочевывать на земли Сибирского казачества для поддержания своих хозяйств в зимнее время. По этому поводу Г.Е. Катанаев писал: «числясь зачастую в отдаленных от линии степных волостях, прилинейные киргизы с каждым годом все более и более теряют связь со своими волостями, прикрепляясь к оседлым русским поселениям. Уже немало было просьб со стороны киргиз не только о закреплении за ними насиженных казачьих земель, но и о совершенном обращении их в казаки, с оставлением лишь в магометанской религии» (Аполлова, 1976: 371).

Данный процесс еще более активизировался после того, как лучшие участки и наделы общевоинских земель данной десятиверстной полосы стали отводиться в пользование офицерам и станичным казакам. Предприимчивые владельцы юртовых наделов, не обладая знаниями и желанием заниматься земледельческим хозяйством, за определенную плату отдавали в аренду свои земельные участки казахам. Так, в результате коммерческого интереса казаков на землях Сибирского казачества более или менее прочно обосновалось более 70 тыс. душ казахов обоего пола (Катанаев, 1904: 162).

Более того, бедственное положение казахов, стремящихся улучшить свое положение на фоне последствий джутов и барымты, использовали казачьи хозяйства, которые с удовольствием принимали их на работу. Как отмечается в архивных источниках: «в 1820 году по найму на линии 6 534 казахов работали круглый год, 13068 человек – в течение шести месяцев» (ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 86. Л. 7).

Большое значение в хозяйстве казаков занимала Бухтарминская рыбалка. Официальные права на нее казаки получили в 1808 году, хотя занимались ею и раньше (Усов, 1879: 114).

На Пресногорьковской линии казаки также занимались рыболовством на степных озерах. За вылов рыбы в озерах и речках, принадлежавших местным казахам, казаки платили им арендную плату по 3 рубля с лодки или до 1/3 части улова (Усов, 1879: 223).

Ближайший помощник Сибирского генерал-губернатора Михаила Сперанского Гавриил Батеньков о Бухтарминской крепости написал, что казаки в ней занимались больше всего рыбным промыслом, который приносил им солидные доходы (Галиев, 1990: 18).

«В Иртыше много крупной рыбы и вода в ней хороша и чиста, правый же берег обработан и через сторожевую службу беспрестанное по сухому пути учреждено сообщение», – сообщал генерал-адъютант, князь Петр Волконский главному начальнику императорской канцелярии Алексею Аракчееву (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2147. Л. 30).

Ярким воплощением инкорпорации представителей казачества в социокультурную жизнь казахской Степи является пример знаменитого исследователя Казахстана Григория Николаевича Потанина, судьба которого тесно связана с казачьими линиями. Жизнь бок о бок с казахами позволила ему научиться довольно бегло говорить на их языке, побудила стремление узнать обычаи, обряды, культуру казахского народа ([Шиловский, 2004: 19](#)).

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. На протяжении XVIII – начала XX веков происходит взаимопроникновение и взаимообогащение двух культур – казахов и сибирских казаков.

2. В ряде случаев экономические связи казахов с сибирскими казаками были обоюдновыгодными, позволяли выживать как казахам, так и казакам в сложных природных условиях Северного Казахстана при джугах, эпидемиях, голоде и других бедствиях. К примеру, обедневшие казахи, жертвы барымты, искали заработков в казачьих поселках. Ранее само выживание сибирского казачества зависело от закупок лошадей у казахов.

3. Несмотря на близкие связи с казахами, сибирское казачество продолжало быть проводником колониальной политики Российской империи.

4. Зачастую хозяйственная деятельность казачества стесняла пути кочевания казахов, вела к недовольству, протестным настроениям среди местного населения. Особенно острыми отношения казаков и казахов были на землях, переданных правительством казачьему войску.

Таким образом, взаимоотношения сибирского казачества с казахами Среднего жуза были достаточно сложными, однако дополняли друг друга. Несмотря на колониальный характер деятельности казачества, участие в подавлении национально-освободительных движений казаков с казахами служило их взаимному обогащению.

Располагая огромными земельными наделами, казачество не всегда эффективно ими распоряжалось в силу обременения служебными повинностями, но оно внесло свой положительный вклад в развитие культуры земледелия. Нужно отметить историческую роль Сибирского казачества в развитии земледельческой культуры, торговли, промыслов, путей сообщения в Северном, особенно в Северо-Восточном, Казахстане. Сибирские казаки стали одной из главных движущих сил по колонизации края для Российской империи: осваивали для империи новые земли, обеспечивали военную колонизацию и выполняли полицейские функции поддержания административного порядка, пресечения барымты, создавали возможности и условия для развития торговли, беспрепятственного функционирования караванных путей в страны Средней Азии и Китай, будущего крестьянского расселения на территории Степного края.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН АР14871057 «Региональные особенности межэтнических отношений в Северном Казахстане» по программе грантового финансирования Комитета науки МНВО РК (2022–2024 гг.).

Литература

- [Абдиров, 1994](#) – *Абдиров М.Ж.* История казачества Казахстана. Алматы: Казахстан, 1994. 160 с.
- [Агубаев, 1996](#) – *Агубаев Н.Ж.* Основание Акмолинского внешнего округа (1830-1862 гг.) // *Вестник науки Акмолинского аграрного университета им. Сейфуллина.* 1996. № 7. С. 41-45.
- [Алексеев, 1966](#) – *Алексеев Н.В.* К вопросу о торговых связях сибирских крестьян и казаков с казахами в XVIII – первой половине XIX вв. // *Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири.* Свердловск, 1966. С. 108-113.
- [Алпысбаева, 2008](#) – *Алпысбаева Г.А.* Астана в новое и новейшее время. Астана, 2008. 276 с.
- [Аккошаров, 1997](#) – *Аккошаров Е.* Из сборника «Землеведение Азии» К. Риттера. // *Из истории казахов.* Алматы: Жалын, 1997. С. 323-369.
- [Апполова, 1961](#) – *Апполова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Наука, 1961. 456 с.
- [Апполова, 1976](#) – *Апполова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1976. 371 с.
- [ГАГА](#) – Государственный архив города Астаны (Казахстан).
- [Гагеймейстер, 1854](#) – *Гагеймейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб. 1854. 697 с.
- [Галиев, 1990](#) – *Галиев В.З.* Караванные тропы: (Из истории общественной жизни Казахстана XVII-XIX веков). Алматы: Гылым, 1994. 128 с.
- [Гейнс, 1898](#) – *Гейнс А.К.* Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан / *Собрание литературных трудов.* Т. II. С-Пб, Типография М.М. Стасюлевича. 1898. 741 с.
- [Гребенщиков, 1999](#) – *Гребенщиков Г.* Река Уба и убинские люди. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 4: Литературно-этнографические очерки. Барнаул: Издание А. Фирсова, 1999. 173 с.

- Евсеев, Плетнева, 1998** – *Евсеев Е.Н., Плетнева Т.А.* Как был основан Целиноград // *История СССР*. 1967. № 2. С. 216-238.
- Завалишин, 1867** – *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-киргизская степь. М.: Изд-во Общества распространения полезных книг, 1867. 145 с.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области.
- Из истории..., 1996** – Из истории формирования Сибирской буржуазии. Томск: «Водолей», 1996. 309 с.
- Казачество России, 1898** – Казачество России // *Военный сборник*. СПб., 1898. № 4. С. 266-271.
- Касымбаев, 1996** – *Касымбаев Ж. К.* Ликвидация казахской государственности (первая половина XIX века) // *Казахстан и Мировое сообщество*. 1996. № 4. С. 53-61.
- Катанаев, 1908** – *Катанаев Г.Е.* Исторический очерк службы Сибирского казачьего войска в ряду других казачьих войск. // *Военный сборник*. 1908. №7. С. 42-60.
- Катанаев, 1904** – *Катанаев Г.Е.* Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1904. 201 с.
- Колмогоров, 1850** – *Колмогоров Г.* О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. Б.м., 1850. 38 с.
- Красовский, 1898** – *Красовский М.* Область Сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. СПб: Тип. Траншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. Ч.1. 656 с.
- Материалы..., 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1960. Т. 1. 441 с.
- Остафьев, 1879** – *Остафьев В.А.* Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска // *Труды Императорского Вольного экономического общества*. СПб., 1897. № 4. С. 29-34.
- Паллас, 1773** – *Паллас П.* Петра Симона Палласа путешествия по разным провинциям Российского государства. Путешествие, бывшее в 1768 и 1769 г. СПб.: Академия Наук, 1773. Ч. 1. 481 с.
- Петров, 1962** – *Петров В.И.* К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII- первая половина XIX вв.) / *Экономика, управление и культура Сибири XVI-XIX вв. Материалы по истории Сибири: Сибирь периода феодализма*. Новосибирск: Наука, 1965. Вып. 2. С. 205-209.
- Потанин, 1861** – *Потанин Г.Н.* Заметки о Сибирском казачьем войске // *Военный сборник*. СПб. 1861. Т. 19. № 5. С. 3-32.
- Прохоров, 2023a** – *Прохоров И.Р.* Взаимодействие сибирских казаков и казахов на сибирской линии / *Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.)*. Астана: Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023. 518 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54663536>
- Прохоров, 2023b** – *Прохоров И.Р.* Из истории Сибирского казачьего войска в Казахстане // *Известия Иркутского государственного университета. Серия История*. 2023. Т. 46. С. 45-52. DOI: <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.45>
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ремнев, Суворова, 2010** – *Ремнёв А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
- Россия – Казахстан, 2023** – Россия – Казахстан. По-новому о старом. Век 21-й. Историко-публицистические очерки. Редактор-составитель С.Ш. Хусаинов. Омск: Типография «Золотой тираж», 2023. 302 с.
- Россия..., 1903** – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 18: Киргизский край: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области / сост. А. Н. Седельников и др. СПб.: А. Ф. Девриен, 1903. 478 с.
- Темиргалиев, 2019** – *Темиргалиев Р.Д.* Казахи и Россия. Алматы, 2019. 402 с.
- Токмурзаев, 2017** – *Токмурзаев Б.С.* Казачество как субъект аграрной колонизации Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 419. С. 165-170.
- Тулеуова, 2012** – *Тулеуова Б.Т.* Адаптация казахского общества Центрального Казахстана к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков. Караганда, 2012. 200 с.
- Усов, 1879** – *Усов Ф.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1879. 284 с.
- Хара-Даван, 2020** – *Хара-Даван Э.* Чингисхан как полководец и его историческое наследие. Москва. Вече, 2020. 304 с.
- Чуркин, Токмурзаев, 2019** – *Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С.* Аграрная колонизация Степного края: общественно – политический дискурс и имперские практики второй половины XIX - начала XX вв.: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. 262 с.

- [Шерстобитов, 1899](#) – *Шерстобитов А.* Акмолинск / *Дорожник по Сибири и Азиатской России*. Кн. 2. Томск: Паровая Типо-Литография П. И. Макушина, 1899. 137 с.
- [Шиловский, 2004](#) – *Шиловский М.В.* Полнейшая самоотверженная преданность науке: Г.Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск: Сова, 2004. 244 с.
- [Эткинд, 2016](#) – *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
- [Bacon, 1966](#) – *Bacon E.* Central Asians under Russian Rule: A Study in Culture Change. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1966. 273 p.
- [Gorovoy et al., 2017](#) – *Gorovoy V., Tuleuova B., Smagulova G., Ibragimova G.* The Process of Adaptation of Traditional Society and Empire (on the examples of the Roman and Russian Empires, Kazakhs and Gallo-Germans) // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. Pp. 717-726.
- [Forsyth, 1992](#) – *Forsyth J.* A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581-1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 455 p.
- [Lincoln, 1994](#) – *Lincoln B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. New York: Random House, 1994. 508 p.
- [Malikov, 2011](#) – *Malikov Y.* Tsars, Cossacks, and Nomads. The formation of a borderland culture in Northern Kazakhstan in the eighteenth and nineteenth centuries. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2011. 321 p.
- [Sunderland, 1996](#) – *Sunderland W.* Russian into Yakuts? "Going Native" and Problems of Russian National Identity in the Siberian North // *Slavic Review*. 1996. 55/4. Pp. 806-825.

References

- [Abdirov, 1994](#) – *Abdirov M.Zh.* (1994). Istoriya kazachestva Kazakhstana [History of the Cossacks of Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan, 160 p. [in Russian]
- [Agubaev, 1996](#) – *Agubaev, N.Zh.* (1996). Osnovanie Akmolinskogo vneshnego okruga (1830-1862 gg.) [Foundation of Akmola External District (1830-1862)]. *Vestnik nauki Akmolinskogo agrarnogo universiteta im. Seifullina*. 7: 41-45. [in Russian]
- [Akkosharov, 1997](#) – *Akkosharov, E.* (1997). Iz sbornika «Zemlevedenie Azii» K. Rittera [From the collection «Geoscience of Asia» K. Ritter.]. Iz istorii kazakhov. Almaty: Zhalyn. Pp. 323-369. [in Russian]
- [Aleksenko, 1966](#) – *Aleksenko, N.V.* (1966). K voprosu o torgovykh svyazyakh sibirskikh krest'yan i kazakov s kazakhami v XVIII – pervoi polovine XIX vv. [On the issue of trade relations of Siberian peasants and Cossacks with Kazakhs in the 18th - first half of the 19th centuries.]. *Voprosy agrarnoi istorii Urala i Zapadnoi Sibiri*. Sverdlovsk. Pp. 108-113. [in Russian]
- [Alpysbaeva, 2008](#) – *Alpysbaeva G.A.* (2008). Astana v novoe i noveishee vremya [Astana in new and modern times]. Astana, 276 p. [in Russian]
- [Appolova, 1961](#) – *Appolova N.G.* (1961). Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII – nachale XIX v. [Economic and political relations of Kazakhstan with Russia in the XVIII – XIX centuries]. М.: Nauka, 456 p. [in Russian]
- [Appolova, 1976](#) – *Appolova, N.G.* (1976). Khozyaistvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoi polovine XIX vv. [Economic development of Priirtyshya in the late XVI - first half of the XIX centuries]. М.: Nauka, 371 p. [in Russian]
- [Bacon, 1966](#) – *Bacon E.* (1966). Central Asians under Russian Rule: A Study in Culture Change. Ithaca, New York: Cornell University Press, 273 p.
- [Churkin, Tokmurzaev, 2019](#) – *Churkin, M.K., Tokmurzaev, B.S.* (2019). Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya: obshchestvenno – politicheskii diskurs i imperskie praktiki vtoroi poloviny XIX - nachala XX vv.: monografiya [Agrarian colonization of the Steppe Territory: public - political discourse and imperial practices of the second half of the 19th and early 20th centuries: monograph]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 262 p. [in Russian]
- [Etkind, 2016](#) – *Etkind, A.* (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Per. s angl. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]
- [Evseev, Pletneva, 1998](#) – *Evseev, E.N., Pletneva, T.A.* (1998). Kak byl osnovan Tselinograd [How Celinograd was founded]. *Istoriya SSSR*. 2: 216-238. [in Russian]
- [Forsyth, 1992](#) – *Forsyth, J.* (1992). A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581-1990. Cambridge: Cambridge University Press, 455 p.
- [GAGA](#) – Gosudarstvennyi arkhiv goroda Astany (Kazakhstan) [State Archive of Astana (Kazakhstan)].
- [Gageimeister, 1854](#) – *Gageimeister, Yu.A.* (1854). Statisticheskoe obozrenie Sibiri. Ch. 2 [Statistical review of Siberia. Part 2]. SPb, 697 p. [in Russian]
- [Galiev, 1990](#) – *Galiev, V.Z.* (1990). Karavannye tropy: (Iz istorii obshchestvennoi zhizni Kazakhstana XVII-XIX vekov) [Caravan trails: (From the history of social life of Kazakhstan XVII-XIX centuries)]. Almaty: Gylym, 128 p. [in Russian]
- [Gorovoy et al., 2017](#) – *Gorovoy, V., Tuleuova, B., Smagulova, G., Ibragimova, G.* (2017). The Process of Adaptation of Traditional Society and Empire (on the examples of the Roman and Russian Empires, Kazakhs and Gallo-Germans). *Bylye Gody*. 45(3): 717-726.

- Gejns, 1898** – *Gejns, A.K.* (1898). Dnevnik 1866 goda. Puteshestvie v Turkestan [Diary from 1866. Travel to Turkestan]. Gejns. Sobranie literaturnyh trudov. T. II. S-Pb, Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 741 p. [in Russian]
- Grebenshchikov, 1999** – *Grebenshchikov, G.* (1999). Reka Uba i ubinskie lyudi. Sobranie sochinenii: v 30 t. T. 4: Literaturno-etnograficheskie ocherki [River Uba and Uba people. Collection of works: 30 t. T. 4: Literary and ethnographic essays]. Barnaul: Izdanie A. Firsova, 173 p. [in Russian]
- IAOO** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical archive of Omsk region].
- Iz istorii..., 1996** – *Iz istorii formirovaniya Sibirskoi burzhuazii* (1996) [From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie]. Tomsk: «Vodolei», 309 p. [in Russian]
- Kazachestvo Rossii, 1898** – Kazachestvo Rossii [Russian Cossacks]. *Voennyi sbornik*. 1898. SPb. № 4. Pp. 266-271. [in Russian]
- Kasymbaev, 1996** – *Kasymbaev, Zh.K.* (1996). Likvidatsiya kazakhskoi gosudarstvennosti (pervaya polovina XIX veka) [Liquidation of Kazakh statehood (first half of XIX century)]. *Kazakhstan i Mirovoe soobshchestvo*. 4: 53-61. [in Russian]
- Katanaev, 1908** – *Katanaev, G.E.* (1908). Istoricheskii ocherk sluzhby Sibirskogo kazach'ego voiska v ryadu drugikh kazach'ikh voisk [Historical sketch of the service of the Siberian Cossack Army among other Cossack troops]. *Voennyi sbornik*. 7: 42-60. [in Russian]
- Katanaev, 1904** – *Katanaev, G.E.* (1904). Kirgizskii vopros v Sibirskom kazach'em voiske [Kyrgyz question in the Siberian Cossack Army]. Omsk: Tip. Okr. Shtaba, 201 p. [in Russian]
- Khara-Davan, 2020** – *Khara-Davan, E.* (2020). Chingiskhan kak polkovodets i ego istoricheskoe nasledie [Genghis Khan as commander and his historical legacy]. M. Veche, 304 p. [in Russian]
- Kolmogorov, 1850** – *Kolmogorov, G.* (1850). O promyshlennosti i torgovle v kirgizskikh stepyakh Sibirskogo vedomstva [About industry and trade in the Kyrgyz steppes of the Siberian Department]. B.m., 38 p. [in Russian]
- Krasovskii, 1898** – *Krasovskii, M.* (1898). Oblast' Sibirskikh kirgizov. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo Shtaba [Siberian Kyrgyz Region. Materials for the geography and statistics of Russia collected by officers of the General Staff]. SPb: Tip. Transhelya, Retgera i Shneidera, Ch.I, 656 p. [in Russian]
- Lincoln, 1994** – *Lincoln, B.* (1994). The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. New York: Random House, 508 p.
- Malikov, 2011** – *Malikov, Y.* (2011). Tsars, Cossacks, and Nomads. The formation of a borderland culture in Northern Kazakhstan in the eighteenth and nineteenth centuries. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 321 p.
- Materialy..., 1960** – *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Sost. M.G. Masevich. Alma-Ata: AN Kazakhskoi SSR, 1960. T. 1, 441 p. [in Russian]
- Ostaf'ev, 1879** – *Ostaf'ev, V.A.* (1879). Zemlevladienie i zemledelie Sibirskogo kazach'ego voiska [Land ownership and agriculture of the Siberian Cossack Army]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*, SPb., 4: 29-34. [in Russian]
- Pallas, 1773** – *Pallas, P.* (1773). Petra Simona Pallasa puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva. Puteshestvie, byvshee v 1768 i 1769 g. [Petar Simon Pallas travels in various provinces of the Russian state. The journey that was in 1768 and 1769.]. SPb.: Akademiya Nauk, Ch. 1, 481 p. [in Russian]
- Petrov, 1962** – *Petrov, V.I.* (1962). K voprosu o sotsial'nom proiskhozhdenii sibirskogo kazachestva (XVIII – pervaya polovina XIXvv.) [On the question of the social origin of the Siberian Cossacks (XVIII – first half of the XIXth centuries.)]. *Ekonomika, upravlenie i kul'tura Sibiri XVI-XIX vv. Materialy po istorii Sibiri: Sibir' perioda feodalizma*. Novosibirsk: Nauka, vyp. 2, pp. 205-209. [in Russian]
- Potanin, 1861** – *Potanin, G.N.* (1861). Zametki o Sibirskom kazach'em voiske [Notes on the Siberian Cossack Army]. *Voennyi sbornik*. SPb. 19(5): 3-32. [in Russian]
- Prokhorov, 2023a** – *Prokhorov, I.R.* (2023). Vzaimodeistvie sibirskikh kazakov i kazakhov na sibirskoi linii [Siberian Cossacks and Kazakhs on the Siberian Line]. *Evraziiskii mir: istoriya, kul'tura, tsennosti: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (12 maya 2023 g.)*. Astana: Kazakhstanskii filial MGU imeni M.V. Lomonosova, 518 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54663536> [in Russian]
- Prokhorov, 2023b** – *Prokhorov, I.R.* (2023). Iz istorii Sibirskogo kazach'ego voiska v Kazakhstane [From the history of the Siberian Cossack Army in Kazakhstan]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. 46: 45-52. DOI: <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.45> [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Remnev, Suvorova, 2010** – *Remnev, A.V., Suvorova, N.G.* (2010). Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [The colonization of Asian Russia: Imperial and national scenarios of the second Half of the 19th – early 20th Centuries]. Omsk: Izdatel'skii dom «Nauka», 248 p. [in Russian]

Rossiya – Kazakhstan, 2023 – Rossiya – Kazakhstan. Po-novomu o starom. Vek 21-i. Istoriko-publitsisticheskie ocherki [Russia - Kazakhstan. In a new way about the old. Century 21. Historical and journalistic sketches]. Redaktor-sostavitel' S.Sh. Khusainov. Omsk: Tipografiya «Zolotoi tirazh», 2023. 302 p. [in Russian]

Rossiya..., 1903 – Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. T. 18: Kirgizskii kraj: [Ural'skaya, Turgaiskaya, Akmolinskaya i Semipalatinskaya oblasti] [Russia. Full geographical description of our homeland. T. 18: Kyrgyz Territory: Ural, Turgay, Akmolinskaya and Semipalatinsk regions]. Sost. A.N. Sedel'nikov i dr. SPb.: A. F. Devrien, 1903. 478 p. [in Russian]

Sherstobitov, 1899 – *Sherstobitov, A.* (1899). Akmolinsk [Akmolinsk]. *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoi Rossii*. Kn. 2. Tomsk: Parovaya Tipo-Litografiya P. I. Makushina, 137 p. [in Russian]

Shilovskii, 2004 – *Shilovskii, M.V.* (2004). Polneishaya samootverzhenaya predannost' nauke: G.N. Potanin. Biograficheskii ocherk [Complete dedication to science: G. N. Potanin. Biographical sketch]. Novosibirsk: Sova, 244 p. [in Russian]

Sunderland, 1996 – *Sunderland, W.* (1996). Russian into Yakuts? “Going Native” and Problems of Russian National Identity in the Siberian North. *Slavic Review*. 55/4: 806-825.

Temirgaliev, 2019 – *Temirgaliev, R.D.* (2019). Kazakhi i Rossiya [Kazakhs and Russia]. Almaty, 402 p. [in Russian]

Tokmurzaev, 2017 – *Tokmurzaev, B.S.* (2017). Kazachestvo kak sub"ekt agrarnoi kolonizatsii Stepnogo kraia (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Cossacks as a subject of agrarian colonization of the Steppe Territory (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 419: 165-170. [in Russian]

Tuleuova, 2012 – *Tuleuova, B.T.* (2012). Adaptatsiya kazakhskogo obshchestva Tsentral'nogo Kazakhstana k rynochnym usloviyam vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Adaptation of the Kazakh society of Central Kazakhstan to market conditions in the second half of the 19th - early 20th centuries]. Karaganda, 200 p. [in Russian]

Usov, 1879 – *Usov, F.* (1879). Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voiska [Statistical description of the Siberian Cossack Army]. SPb.: Tip. Departamenta Udelov, 84 p. [in Russian]

Zavalishin, 1867 – *Zavalishin, I.* (1867). Opisanie Zapadnoi Sibiri. T. 3. Sibirsko-kirgizskaya step' [Description of Western Siberia. T. 3. Siberian-Kyrgyz steppe]. M.: Izd-vo Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 145 p. [in Russian]

Казахи и сибирские казаки в Степном крае: опыт межэтнического взаимодействия

Ардак Каиржанович Капышев^{a, *}, Игорь Русланович Прохоров^b, Бахытгуль Тлеубаевна Тулеуова^c, Фархат Рашидович Лебаев^d

^a Кокшетауский университет им.А.Мырзахметова, Республика Казахстан

^b Национальный архив Республики Казахстан, Республика Казахстан

^c Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Республика Казахстан

^d Институт истории и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления, расселения и деятельности Сибирского казачьего войска на территории современного Северо-Восточного Казахстана в XVIII-XIX веках. Показаны трудности, с которыми сибирские казаки сталкивались в регионе при обеспечении своей жизнедеятельности в новых природных условиях. Представлена реальная необходимость их мирного и взаимовыгодного взаимодействия с местным казахским населением. Сибирские казаки, активно заимствуя экономический опыт кочевников, в ряде случаев внедряли новые модели хозяйственной деятельности, которые также были востребованы казахами. В результате экономического взаимодействия казаков и казахов развивается торговля и производительные силы региона. Сибирские казаки были орудием российской колонизации, проводниками политики Российской империи. В то же время они вступали в мирные отношения с местным населением. Такие связи часто были взаимовыгодными. В целом необходимо отметить важную роль казачества в формировании сельскохозяйственной культуры, торговли, промышленности, ремесел и путей сообщения в Северо-Восточном регионе современного Казахстана. Несмотря на то что военные поселенцы были обременены государственными обязанностями, они способствовали развитию производительных сил региона, внедрению новых форм производства.

Ключевые слова: Сибирское казачье войско, «Устав о сибирских киргизах», казахи, Средний жуз, Омская область, Внешние округа, Иртыш, Акмолинск, Александр I, межэтническое взаимодействие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ardak.kapyshev@mail.ru (А.К. Капышев), prohorov1974@mail.ru (И.П. Прохоров), b_t_tuleuova@mail.ru (Б.Т. Тулеуова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 593-598
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.593

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“The Last Moscow Grandee” Sergei Mikhailovich Golitsyn (1774–1859): a Biographical Sketch to the 250th Anniversary of the Birth of the Russian Philanthropist

Natal'ya A. Shevchenko ^{a, b}, Yulia V. Kapitanets ^{c, *}, Galina M. Zinchuk ^c, Lyudmila N. Tatarinova ^d

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^d Higher School of Public Administration of the Presidential Academy, Moscow, Russian Federation

Abstract

The biographical sketch was written in honor of the 250th anniversary of the birth of Sergei Mikhailovich Golitsyn (1774–1859). The research material was biographical works on the personality of S.M. Golitsyn, in particular, historian S.M. Solovyov, Grand Duke Nikolai Mikhailovich, etc. The methodological complex of this manuscript consists of such methods as biographical (or content analysis) and the synthesis method.

A representative of a noble family, a valid privy councilor of the 1st class, Prince S.M. Golitsyn became famous, first of all, as a philanthropist and philanthropist, which was an unusual phenomenon for the first half of the XIX century. Having received all possible state awards, having changed many positions and reached the highest rank in the civil service in the Table of Ranks, Golitsyn did not show any miracles of bravery, phenomenal efficiency in management, or outstanding results in his career. Most of his contemporaries spoke of him as mediocre.

However, his lack of hypocrisy, honesty, practical mind, justice and spiritual kindness earned him respect not only in his native Moscow, where Golitsyn mainly lived and worked, but also throughout Russia. Historians put his name in the forefront when they talk about benefactors and patrons.

Success in business could be the result of an unsuccessful personal life: a happy marriage did not work out, and Golitsyn, the owner of a large fortune, left no heirs.

Keywords: Sergei Mikhailovich Golitsyn, Russian Empire, charity, welfare system in the Russian Empire, philanthropy, 19th century.

1. Введение

С.М. Голицын (1774–1859 гг.) прославился, прежде всего, как меценат и благотворитель, хотя большую часть жизни провел в суровую «николаевскую» эпоху. Выросший при дворе Екатерины II, характеру которой были не чужды нотки благотетельства, Сергей Михайлович Голицын вошел в историю как человек, помогающий всем, кто обращался к нему за помощью. Без преувеличения, его можно назвать наиболее выдающимся благотворителем XIX века.

Данная статья посвящена отдельным аспектам его биографии, оценкам его личности и приурочена к 250-летию со дня рождения князя.

2. Материалы и методы

Материалами послужили двухтомник великого князя Николая Михайловича Романова «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (Романов, 1906), заметки дореволюционного историка

* Corresponding author

E-mail addresses: kapitanetc@yandex.ru (Yu.V. Kapitanets)

С.М. Соловьева (Соловьев, 2024) и некоторые исследования, касающиеся личности Голицына (см., напр., Гончарова, 2020; Альбицкий, Шер, 2012; Аширова, 2021; Сазанов, 2013; Леонова, Горячева, 2021; Олейниченко, 2008; Шокарев, 2007; Петерс, 2012; Герашко и др., 2018; Третьякова, 2005; Куратов, 2013 и др.).

Ценные сведения содержатся в дневниковых записях великого князя Сергея Александровича (в частности, Дневник..., 2021), сделанных в конце XIX века.

В исследовании были применены следующие методы: историографический (метод контент-анализа, который применялся для исследования биографических трудов о личности С.М. Голицына) и метод синтеза (использован для формулировки результатов исследования).

3. Обсуждение

Работ, посвященных одному из наиболее известных меценатов XIX века, достаточно много, однако целью нашей работы является биографическое описание отдельных этапов жизни и черт личности, приуроченное к юбилею С.М. Голицына, поэтому укажем лишь те исследования, которыми мы непосредственно пользовались в процессе написания данной работы.

Современником Голицына был Сергей Михайлович Соловьев. В монографии «Избранные произведения» присутствует повесть мемуарного характера «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других» (Соловьев, 2024), приписываемая выдающемуся российскому историку. В данной повести С.М. Соловьев вспоминает об особенностях системы образования, нравах московского общества, дает характеристику известных личностей, в том числе и князя Голицына, причем характеристика отнюдь не лестная, особенно учитывая масштаб благотворительной деятельности.

Интерес представляет и краткое биографическое описание, сделанное великим князем Николаем Михайловичем Романовым и изложенное в его двухтомной энциклопедической биографической монографии «Русские портреты XVIII и XIX столетий», изданной в Санкт-Петербурге в 1906–1909 годах (Романов, 1906). Романов также нелестно отзывался о характере и способностях Голицына, однако весьма подчеркивал его благодетельные дела.

Из современных работ мы остановили свое внимание на следующих исследованиях. Фундаментальное исследование Е.В. Олейниченко (Олейниченко, 2008) дает весьма глубокий анализ биографии Сергея Михайловича Голицына, а также исследует результат одного из его хобби – строительство и улучшение своего поместья в селе Кузьминки.

Характер энциклопедической биографии носит статья С.Ю. Шокарева, опубликованная в энциклопедическом биографическом сборнике «Московская энциклопедия» (Шокарев, 2007).

Статья А. Куратова «Российские благотворители. С.М. Голицын», опубликованная в газете «Проза», анализирует биографию князя. Автор опирается на работы дореволюционных биографов и склонен делать упор на благие дела С.М. Голицына, нежели на черты его характера и особенности поведения в обществе (Куратов, 2013).

Н.В. Гончарова дает характеристику профессиональной деятельности князя (Гончарова, 2020). Э. Аширова, исследуя профессиональную деятельность Голицына, анализирует его личностные качества (Аширова, 2021).

Голицын прославился не только в благотворительности и политике, но и в сфере строительства и ландшафтного дизайна. Свои знания он воплотил в своих поместьях Кузьминки/Волхонка и Гребнево (на этом поприще он продолжил увлечение своего отца). Эту сферу деятельности князя исследуют А.В. Сазанов (Сазанов, 2013), В.А. Леонова, А.В. Горячева (Леонова, Горячева, 2021), Н.Е. Третьякова (Третьякова, 2005) и др.

Значительное количество работ, имея другой предмет исследования, затрагивают личность и деятельность С.М. Голицына (в частности, Альбицкий, Шер, 2012; Петерс, 2012; Герашко и др., 2018 и др.).

4. Результаты

Князь С.М. Голицын принадлежит к числу наиболее знатной ветви рода Голицыных. Сергей Михайлович объединил в себе еще и состоятельный род баронов Строгановых. Родился летом 1774 года и, как обычно бывало у дворян, первоначальным его образованием стало домашнее гувернантское. Действовавший еще со времен Анны Иоанновны закон о записи дворян в армию с момента рождения привел к тому, что в возрасте 10 лет ему хватило «выслуги» для звания прапорщика, а к 21-му году – и для воинского звания капитана. Несмотря на дворянское происхождение, Голицын был холоден к военной службе и стал делать карьеру гражданского государственного служащего, добившись на этом поприще самого высокого чина в Табели о рангах – действительного тайного советника 1-го класса.

Количество должностей, занимаемых Сергеем Михайловичем, впечатляет, однако нигде (за исключением Московского попечительского комитета) он не удерживался более пяти лет.

Однако славу С.М. Голицын (Рисунок 1) снискал себе не в феноменальных результатах управленческой эффективности (за исключением собственного поместья), а меценатством. Находясь в переписке с Марией Федоровной, супругой Павла I и матерью Александра I, он, не без толики

подхалимства, сумел проникнуться идеями меценатства и в меру возможностей помогал императрице открывать благотворительные заведения, получившие название «мариинские».

Рис. 1. Сергей Михайлович Голицын (1774–1859 гг.)

Голицын был активный и преданный слуга российских императоров. Годы его службы приходились на царствование Павла I, Александра I и Николая I.

Во время своей службы Сергей Михайлович удостоился значительной части российских государственных наград.

Из положительных качеств С.М. Голицына современники выделяли аристократизм, честность, отсутствие лицемерия и природную доброту, которая носила характер «барской».

С.В. Энгельгардт пишет: «Князь Сергей Михайлович оставил в памяти людей, знавших его, образ человека честного и доброго, но ограниченного, не развитого и узких понятий» (цит. по Олейниченко Е.В. «Князь С.М. Голицын-хозяин усадьбы Кузьминки»; [Кузьминки..., 2024](#)).

Д.И. Никифоров: «Общественное мнение было таково, что князь не блистал ни умом, ни образованием, но был честен, добр, прямодушен, обладал «рыцарско-барским духом» ([Кузьминки..., 2024](#)).

Великий князь Николай Михайлович: «Не отличаясь большим и глубоким умом, Голицын тем не менее сумел создать себе в Москве весьма почётное положение и был одним из самых уважаемых московских старожил» ([Романов, 1906: 119](#)).

«Это был человек ограниченный, самолюбивый, привыкший с ранней молодости играть первенствующую роль по своим связям и богатству, но вместе с тем очень добрый, набожный нелицемерно, имевший в себе истинно-аристократические свойства. Давно уже он занимал должность председателя опекунского совета (Московской гимназии – *Авт.*), но мало занимался делами и мало был способен к занятиям; понятно, что еще меньше занимался он делами округа и еще меньше был способен заниматься ими». Есть версия, что эта нелестная характеристика личности С.М. Голицына, принадлежит перу известного русского историка Сергея Михайловича Соловьева (см., напр., [Соловьев, 2024: 37](#)).

Вместе с тем, с такими характеристиками можно согласиться лишь отчасти. Полный кавалер всех высших государственных наград не мог бы находиться на вершине административной власти в различных учреждениях, не мог бы дослужиться до высшего гражданского чина, иметь приличное благосостояние и образцово развивать свое поместье, если бы имел в своем арсенале только такие качества, как угодничество и честолюбие. Ярким примером может служить и граф А.А. Аракчеев, «серый кардинал» и Павла I, и Александра I Благословенного. И это при том, что указанные императоры имели противоположные взгляды на вопросы, связанные с управлением государством. Безусловно, Аракчеев обладал такими отрицательными, в общепринятом понимании этого слова, качествами, как лизоблюдство, тщеславие и интриганство, однако они не реализовались бы никоим образом, если бы Алексей Андреевич не имел выдающихся интеллектуальных способностей, таланта

в точных науках, отличного образования, а также удивительную силу воли, духа и дисциплинированность. Представляется, что похожим образом обстояли дела и с карьерой Сергея Михайловича Голицына.

Сочинение, приписываемое С.М. Соловьеву, рассказывает весьма много забавных случаев про князя Голицына: «Кажется, во все время управления своего он был только раз в университете, и вот по какому случаю: жена генерал-губернатора, княгиня Татьяна Васильевна Голицына, выдав (замуж – *Авт.*) свою воспитанницу за профессора Ш., хотела непременно, чтобы попечитель оказал внимание последнему, был у него на лекции. Кн. (С.М. Голицын – *Авт.*) хотел угодить даме и проехал в университет, но вместо Ш. попал на лекцию к сопернику его, Надеждину, и остался в полном убеждении, что слушал Ш.» (Соловьев, 2024: 37).

Складывается стойкое впечатление, что «задеть» Голицына, а именно его халатное отношение к исполняемым обязанностям, было любимым делом автора: «В гимназии мы видели его раза два или три, и этим обязаны были тому, что он жил рядом с гимназией; говорят, что одним из этих посещений мы были обязаны тому, что во время прогулки Г. (Голицыну – *Авт.*) необходимо стало как можно скорее удовлетворить естественной нужде, и он, не успевши добежать до дому, забежал в гимназию и из известного места уже потом кстати зашел и в классы» (Соловьев, 2024: 37-38).

Большие дискуссии вызывало и семейное положение князя. В 1799 году брак Голицына устроил сам Павел I, который зачастую действовал в этой части самостоятельно и руководствовался не чувствами брачующихся, а собственными политическими соображениями. По мнению большинства современников, Сергей Михайлович был весьма некрасив собой (см., напр., Соловьев, 2024: 38). Однако волею судьбы или по родственной протекции молодому князю повезло: ему в жены досталась признанная красавица, причем из богатого и знатного рода, придворная фрейлина, княгиня Авдотья (Евдокия) Измайлова. А вот княгине повезло много меньше: она не испытывала к супругу каких-либо чувств и совершенно не стеснялась выносить этот факт на суд общественности. В подобных условиях брак не мог быть удачным. Через 10 лет супруги де-факто разошлись, однако Авдотья не торопилась давать развод, зная весьма страстный подход князя к противоположному полу. В итоге Измайлова, имея весьма странные для аристократки наклонности и привычки, стала «ночной княгиней»¹ – держательницей литературного салона в столице или, как принято говорить современным языком, «светской львицей». Голицын же много времени уделял развитию своего подмосковного поместья Кузьминки, больше половины года проводя в нем, и сделал его образцовым примером рачительного управления собственностью. При всех своих значительных благотворительных расходах Сергей Михайлович отличался незаурядными предпринимательскими способностями и мог «делать деньги из воздуха». Жил вместе со своими сестрами (родными и двоюродными), многие из которых также были одиночками.

На склоне лет Голицын стал испытывать чувства к молодой (на 35 лет младше князя) фрейлине Александре Россет, однако и в этом случае они не были обоюдными. К тому же Авдотья Измайлова «вернула долг» и не дала развода князю, что стало непреодолимым препятствием для нового брака. Единственным предполагаемым ребенком князя стала Екатерина Розенгейм, его дочь от пленной турчанки, которая воспитывалась сестрами князя (прежде всего, Татьяной Васильевной) и ничего не унаследовала из имущества своего отца: меценат завещал свое состояние племяннику Михаилу...

Умер С.М. Голицын в 1859 году в Москве в весьма преклонном возрасте, окруженный большим почетом и уважением.

5. Заключение

Представитель знатного дворянского рода, действительный тайный советник 1-го класса, князь С.М. Голицын прославился, прежде всего, как меценат и благотворитель, что было нехарактерным явлением для первой половины XIX века.

Получив все возможные государственные награды, сменив множество должностей и дослужившись до самого высокого чина на гражданской службе в Табели о рангах, Голицын на своем карьерном пути не проявил ни чудеса храбрости, ни феноменальной эффективности в управлении, ни выдающихся результатов в работе. Современники в большинстве своем отзывались о нем как о посредственности.

Однако отсутствие лицемерия, честность, практичный ум, справедливость и душевная доброта снискали ему огромное уважение не только в родной Москве, где в основном жил и трудился Голицын, но и по всей России. Историки ставят его имя в первые ряды, когда говорят о благотворителях и меценатах.

Удивительный успех в делах «компенсировался» неудачей в личной жизни: счастливое супружество не сложилось, и Голицын, обладатель огромного состояния, не оставил наследников.

¹ Салон открывался в 22.00 и функционировал до самого утра; сама княгиня бодрствовала ночью и спала днем.

Литература

- Альбицкий, Шер, 2012** – Альбицкий В.Ю., Шер С.А. Об эвакуации в Казань Московского воспитательного дома во время Отечественной войны 1812 года // *Казанский медицинский журнал*. Т. 93. № 2. Казань, 2012.
- Арсеньев, 1887** – Арсенев И.А. Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) // *Исторический вестник*. 1887. Т. 27. № 4 (апрель).
- Аширова, 2021** – Аширова Э. Снимите препоны, голубчик Голицын! // *Родина*. 2021. № 2.
- Герашко и др., 2018** – Герашко Л.В., Зародова Л.Д., Краснобородько Т.И., Носова А.Г., Прозорова Н.А., Родюкова М.В., Сысоева А.В., Царькова Т.С., Яковлева Е.П. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы и коллекционеры XVIII-XX веков в фондах и коллекциях рукописного отдела пушкинского дома. Творческие и биографические материалы // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома*. 2018.
- Гончарова, 2020** – Гончарова Н.В. «Из любви к отечеству»: издание И.И. Бецкого по организации московского воспитательного дома в личной библиотеке почетного опекуна С.М. Голицына // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. № 10.
- Дневник..., 2021** – Дневник великого князя Сергея Александровича. 1895 год // *Дневник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича*. 1895 год. Пермь, 2021.
- Кузьминки..., 2024** – Кузьминки при С.М. Голицыне (1774-1859). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/amira22/post239939132> (дата обращения: 17.05.2024).
- Куратов, 2013** – Куратов А. Российские благотворители. С.М. Голицын // *Проза*. 2013. 29 ноября.
- Леонова, Горячева, 2021** – Леонова В.А., Горячева А.В. Исторический аспект развития усадебного комплекса Гребнево и современное состояние территории плодового сада // *Ландшафтная архитектура в эпоху глобализации*. 2021. № 1. С. 39-51.
- Олейниченко, 2008** – Олейниченко Е.В. Князь Сергей Михайлович Голицын – хозяин усадьбы Кузьминки. М., 2008.
- Петерс, 2012** – Петерс Т.П. Русское общество первой трети XIX в. В мемуарах на французском языке графини С.В. Строгановой и княгини М.А. Гагариной / Отчет о НИР № 12-04-00310. Российский гуманитарный научный фонд. 2012.
- Романов, 1906** – Романов Н.М. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Выпуск 2, № 177. СПб., 1906.
- Сазанов, 2013** – Сазанов А.В. Усадьба Голицыных на Волхонке // *Русская история*. 2013. № 4 (27).
- Соловьев, 2024** – Соловьев С.М. Избранные произведения. Т.1. М., 2004.
- Третьякова, 2005** – Третьякова Н.Е. От картинной галереи голицынской больницы до голицынского музея на Волхонке. Автореферат дисс. канд. искусствоведения. М., 2005.
- Шокарев, 2007** – Шокарев С.Ю. Голицын Сергей Михайлович (1774-1859) / *Московская энциклопедия*. М., 2007.

References

- Al'bitskii, Sher, 2012** – Al'bitskii, V.Yu., Sher, S.A. (2012). Ob evakuatsii v Kazan' Moskovskogo vospitatel'nogo doma vo vremya Otechestvennoi voiny 1812 goda [About the evacuation of the Moscow orphanage to Kazan during the Patriotic War of 1812]. *Kazanskii meditsinskii zhurnal*. 93(2). Kazan'. [in Russian]
- Arsen'ev, 1887** – Arsen'ev, I.A. (1887). Slovo zhivoe o nezhivykh (Iz moikh vospominanii) [The living word about the nonliving (From my memories)]. *Istoricheskii vestnik*. 27. № 4 (aprel'). [in Russian]
- Ashirova, 2021** – Ashirova, E. (2021). Snimite prepony, golubchik Golitsyn! [Remove the obstacles, my dear Golitsyn!]. *Rodina*. 2. [in Russian]
- Dnevnik..., 2021** – Dnevnik velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha. 1895 god [Diary of Grand Duke Sergei Alexandrovich. 1895]. *Dnevnik moskovskogo general-gubernatora Velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha*. 1895 god. Perm', 2021. [in Russian]
- Gerashko i dr., 2018** – Gerashko, L.V., Zarodova, L.D., Krasnoborod'ko, T.I., Nosova, A.G., Prozorova, N.A., Rodyukova, M.V., Sysoeva, A.V., Tsar'kova, T.S., Yakovleva, E.P. (2018). Khudozhniki, skul'ptory, arkhitektory, iskusstvovedy i kollektionery XVIII-XX vekov v fondakh i kollektsiyakh rukopisnogo otdela pushkinskogo doma. Tvorcheskie i biograficheskie materialy [Artists, sculptors, architects, art historians and collectors of the 18th-20th centuries in the funds and collections of the manuscript department of the Pushkin House. Creative and biographical materials]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma*. [in Russian]
- Goncharova, 2020** – Goncharova, N.V. (2020). «Iz lyubvi k otechestvu»: izdanie I.I. Betskogo po organizatsii moskovskogo vospitatel'nogo doma v lichnoi biblioteke pochetnogo opekuna S.M. Golitsyna [“For Love of the Fatherland”: edition by I.I. Betsky on the organization of a Moscow orphanage in the personal library of honorary guardian S.M. Golitsyna]. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik*. 10. [in Russian]
- Kuratev, 2013** – Kuratev, A. (2013). Rossiiskie blagotvoriteli. S.M. Golitsyn [Russian philanthropists]. *Proza*. 29 noyabrya. [in Russian]

[Kuz'minki..., 2024](#) – Kuz'minki pri S.M. Golitsyne (1774-1859) [Kuzminki under S.M. Golitsyn (1774-1859)]. [Electronic resource]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/amira22/post239939132> (date of access: 17.05.2024). [in Russian]

[Leonova, Goryacheva, 2021](#) – Leonova, V.A., Goryacheva, A.V. (2021). Istoricheskii aspekt razvitiya usadbnogo kompleksa Grebnevo i sovremennoe sostoyanie territorii plodovogo sada [Historical aspect of the development of the Grebnevo estate complex and the current state of the territory of the orchard]. *Landshaftnaya arkhitektura v epokhu globalizatsii*. 1: 39-51. [in Russian]

[Oleinichenko, 2008](#) – Oleinichenko, E.V. (2008). Knyaz' Sergei Mikhailovich Golitsyn – khozyain usad'by Kuz'minki [Prince Sergei Mikhailovich Golitsyn is the owner of the Kuzminki estate]. M. [in Russian]

[Peters, 2012](#) – Peters, T.P. (2012). Russkoe obshchestvo pervoi treti XIX v. V memuarakh na frantsuzskom yazyke grafini S.V. Stroganovoi i knyagini M.A. Gagarinoi [Russian society of the first third of the 19th century. In the memoirs in French of Countess S.V. Stroganova and Princess M.A. Gagarina]. Otchet o NIR № 12-04-00310. Rossiiskii gumanitarnyi nauchnyi fond. [in Russian]

[Romanov, 1906](#) – Romanov, N.M. (1906). Russkie portrety XVIII i XIX stoletii [Russian portraits of the 18th and 19th centuries]. Vyp. 2. № 177. SPb. [in Russian]

[Sazanov, 2013](#) – Sazanov, A.V. (2013). Usad'ba Golitsynykh na Volkhonke [The Golitsyn estate on Volkhonka]. *Russkaya istoriya*. 4(27). [in Russian]

[Shokarev, 2007](#) – Shokarev, S.Yu. (2007). Golitsyn Sergei Mikhailovich (1774-1859) [Golitsyn Sergei Mikhailovich (1774-1859)]. *Moskovskaya entsiklopediya*. M. [in Russian]

[Solov'ev, 2024](#) – Solov'ev, S.M. (2024). Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. T.1. M. [in Russian]

[Tret'yakova, 2005](#) – Tret'yakova, N.E. (2005). Ot kartinnoi galerei golitsynskoi bol'nitsy do golitsynskogo muzeya na Volkhonke [From the art gallery of the Golitsyn hospital to the Golitsyn museum on Volkhonka]. Avtoreferat diss. kand. iskusstvovedeniya. M. [in Russian]

«Последний московский вельможа» Сергей Михайлович Голицын (1774–1859): биографический очерк к 250-летию со дня рождения русского мецената

Наталья Александровна Шевченко ^{a, b}, Юлия Владимировна Капитанец ^{c, *}, Галина Михайловна Зинчук ^c, Людмила Николаевна Татарина ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Высшая школа государственного управления Президентской академии, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Биографический очерк написан в честь 250-летнего юбилея со дня рождения Сергея Михайловича Голицына (1774–1859 гг.). Материалом исследования послужили биографические работы о личности С.М. Голицына, в частности, историка С.М. Соловьева, великого князя Николая Михайловича и др. Методический комплекс данной рукописи составляют такие методы, как биографический (или контент-анализ) и метод синтеза.

Представитель знатного дворянского рода, действительный тайный советник 1-го класса, князь С.М. Голицын прославился, прежде всего, как меценат и благотворитель, что было нехарактерным явлением для первой половины XIX века. Получив все возможные государственные награды, сменив множество должностей и дослужившись до самого высокого чина на гражданской службе в Табели о рангах, Голицын на своем карьерном пути не проявил ни чудеса храбрости, ни феноменальной эффективности в управлении, ни выдающихся результатов в работе. Современники в большинстве своем отзывались о нем как о посредственности.

Однако отсутствие лицемерия, честность, практичный ум, справедливость и душевная доброта снискали ему уважение не только в родной Москве, где в основном жил и трудился Голицын, но и по всей России. Историки ставят его имя в первые ряды, когда говорят о благотворителях и меценатах.

Успех в делах мог стать следствием неудачной личной жизни: счастливое супружество не сложилось, а Голицын, обладатель крупного состояния, не оставил после себя наследников.

Ключевые слова: Сергей Михайлович Голицын, Российская империя, благотворительность, система вспомоществования в Российской империи, меценатство, XIX век.

* Корреспондирующий автор

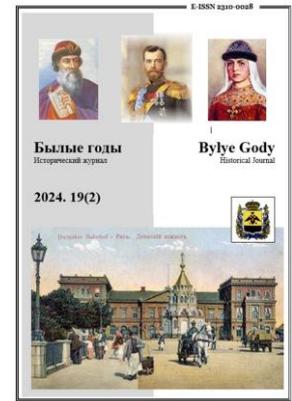
Адреса электронной почты: kapitanetc@yandex.ru (Ю.В. Капитанец)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 599-612
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.599

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Self-Identification and Identification of the late 18th – early 19th centuries Don Cossacks by Outsider Authors

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^aCherkas Global University, Washington, DC, USA

^bVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the problem of the late 18th – early 19th centuries Don Cossacks identity. Author shows that in the 19th century the Don Cossackdom was going through a major transformation (in particular, local garb was supplanted by the one closer to a Great Russian, and educated locals have familiarized themselves with Russian historiography). At the same time, professional ethnographers began to study the Don Cossacks only in the 1880s, meaning they were studying already transformed Cossackdom. In this context contemporaries' evidences about the Don Cossacks of the late 18th – early 19th centuries are of utmost importance. They are few (the article examines the wide-known works of A.I. Rigel'man about the Don Cossacks and the less-known of M.I. Antonovsky and A.L. de Romano), but A.I. Rigel'man, having served many years among the Cossacks, recorded the self-identification of some part of Cossacks, which allows us to compare the self-identification of Don Cossacks with their identification by outsider authors.

Such a comparison enables us to reveal a curious plot previously unestablished in scientific historiography. There was fundamental contradiction between the recorded cases of self-identification of Cossacks of the period and the identification by outsider authors. At the same time, A.I. Rigel'man knew who the Cossacks considered themselves to be, and also knew a number of their historical myths, yet attributed them to the category of “fables” and opposed them his own conclusions, drawn primarily from historical works. As a result, the information we have about the self-identification of the late 18th – early 19th centuries Cossacks works towards separation of Cossacks from other East Slavs (for example, it might consider Caucasus as the possible ancestral home of Cossacks, rather than the territories of Russia/Great Russia and Ukraine/Little Russia; Cossacks' service to Russia is described as a conscious choice; “Don” is interpreted as a special locus gifted to the Cossacks by Ivan the Terrible, etc.).

On the opposite, the authors of the late 18th century, who represented Russian specifics, in their works about the Cossacks (A.I. Rigel'man, M.I. Antonovsky) univocally included them with other Slavs (Ukraine/Little Russia is deemed the Cossacks' ancestral home; The Cossacks are positioned as initially serving Russia or at least from the earliest stage of their history; the narrative about “Don” being the Cossacks' special land is omitted, etc.). This tendency was brought to logical conclusion by M.I. Antonovsky, who interpreted the Don Cossacks as just “rossians” with some particular local specifics.

Keywords: Don Cossacks, history-describing, group identity, historical memory, A.I. Rigel'man, M.I. Antonovsky.

1. Введение

В конце XIX в., критикуя некоторые особенности российской этнографии того времени, профессор Казанского университета И.Н. Смирнов писал: «Исследователь не может поручиться за точность тех фактов, которые он подвергает обработке, за соответствие с действительностью

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

исследуемых картин. Возникает опасение, что строго научные выводы сделаны на основании негодного материала, ложных впечатлений от действительности» (Лескинен, 2010: 152). Уже в наше время М.В. Лескинен ставит проблему адекватности этнографических описаний XIX в. шире, отмечая, в частности, такую их особенность: «Отдельным вопросом – актуальным и по сей день – остается проблема интерпретации и роли “описателя” как “переводчика” двух культур. Эталон позитивизма – фактография – в данном случае демонстрировала свою другую сторону, ибо стремилась запечатлеть то, что еще полвека назад именовалось “духом”, который невозможно уловить» (Лескинен, 2010: 154).

Иными словами, фундаментальной для описания народа/этнографической группы оказывается проблема интерпретации, которая встает особенно остро, когда необходимо зафиксировать то, что выходит за пределы обычной фактографии. В частности, особенно сложной для однозначной фиксации нам представляется проблема идентификации/самоидентификации. М.В. Лескинен приводит любопытные случаи второй половины XIX в., показывающие это. Фольклорист В.В. Богданов в одной из деревень столкнулся с принципиальной позицией батюшки, который утверждал: «Русского крестьянина нельзя узнать по его сказкам и песням. Его сказки и песни – одно, а сам он – совершенно другое» (Лескинен, 2010: 151). Однако и методика прямых вопросов работала не всегда: Н.Н. Златовратский жаловался, что русские крестьяне не только не всегда понимали вопросы, но и «проявляли чудеса “хитрости” из недоверия по отношению к любому человеку, записывающему что бы то ни было» (Лескинен, 2010: 150-151). В итоге И.Н. Смирнов приходил к выводу, что этнографические сведения следует собирать, «не подчеркивая своей роли наблюдателя», т. е. не делая записей и не производя специальных опросов, но участвуя в обыденной жизни описываемой группы (Лескинен, 2010: 153).

Однако в случае с некоторыми группами мы сталкиваемся с тем, что они трансформировались до того, как началось их исследование на сколько-либо научном уровне. В частности, это относится к донскому казачеству. Первое его исследование профессиональным этнографом М.Н. Харузиным было выполнено только в 1880 г., причем сам автор писал в нем: «В течение XVIII века увяла самобытная жизнь донского казачества, и местные донские учреждения неоднократно переделывались, согласно соображениям центрального правительства. Только в низших слоях казаков и в наши дни живым ключом бьет народная жизнь во всем своеобразии обычая и обряда» (Харузин, 1885: XXIV). Судя же по текстам донских авторов, трансформации донского казачества до 1880 г. серьезнейшим образом затронули и его низшие слои. Например, особый традиционный казачий костюм, зафиксированный в 1820 г. выдающимся донским историком-любителем В.Д. Сухоруковым, в 1860 г. оказался вытеснен великорусским (Краснов, 1863: 418). Крупнейший донской статистик Н.И. Краснов в 1860 г. утверждал, что трансформировалась вся жизнь казачества: «Одежда, вооружение и частная жизнь казаков так изменились в последние сорок лет, что мы не встречали и тени того, что написано об этом предмете г. Сухоруковым в “Русской старине” и г. Бронеvским в его истории Войска Донского» (Краснов, 1863: 417). Следовательно, даже этнографические описания М.Н. Харузина фиксируют не изначальный казачий народный быт, но только то, как он изменился в XIX в. Более поздние этнографические описания казаков тем более не описывают их первоначальную «самобытную жизнь».

В этом контексте показательны первые тексты самих донских казаков о происхождении казачества. Они демонстрируют не только знакомство авторов с современной научной литературой, но и опору на нее. Так, А.Г. Попов, сторонник скифо-сарматского казачества, указывал в списке использованной им литературы «Станислава Сестренцевича Богуша тома I и II» (т. е. труды могилевского архиепископа С. Богуш-Сестренцевича, одного из последних сторонников сарматской теории происхождения славян) (Попов, 1814: VII-XI). Е.Н. Кательников, доказывая славянское происхождение казаков, опирался на «примечание Болтина на Леклерка», т. е. на «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» И.Н. Болтина (Кательников, 1886: 5). Наконец, В.Д. Сухоруков в 1822 г. лично общался с Н.М. Карамзиным, и последний якобы даже читал ему еще не опубликованные «нужные места» «Истории государства Российского» (Коршиков, Королев, 2001: 8). В результате мы сталкиваемся с любопытным парадоксом. Чтобы зафиксировать свои представления о казачестве, донские казаки должны были получить минимальное образование. Однако получение ими образования означало знакомство с российской и/или европейской наукой, после чего их представления о казачестве обычно оказывались в значительной степени продиктованы научным знанием, что неизбежно искажало первоначальную самоидентификацию. Между тем научные знания в казачьей среде распространялись достаточно быстро. Так, основатель Донского музея Х.И. Попов вообще не получил никакого образования и происходил из недворянской казачьей семьи, однако с трудами Н.М. Карамзина он познакомился еще в подростковом возрасте в 1840 г. (Донцы, 2003: 408). Судя по всему у его семьи в отдаленной станице были и другие книги «религиозного, исторического и повествовательного содержания» (Донцы..., 2003: 408).

В итоге мы сталкиваемся с крайне специфической исследовательской ситуацией. Можно с уверенностью говорить, что в 1820-1860 гг. донское казачество пережило серьезнейшую трансформацию, затронувшую важные стороны его жизни, причем эта трансформация

сопровождалась распространением даже среди части простых казаков научных нарративов. Соответственно, этнографические сведения о донских казаках, зафиксированные начиная с 1820 г., могут быть нерепрезентативны для более раннего периода. С другой стороны, все сведения о донских казаках, фиксировавшиеся до 1820 г., не вполне надежны в силу того, что в их случае мы всегда имеем дело с «ненадежным рассказчиком»: это либо внешний описатель, для которого остро стоит проблема интерпретации полученных сведений, либо казак, находящийся под сильным влиянием внешних концептов.

В то же время проблема своеобразной первоначальной идентификации и самоидентификации донского казачества представляется нам очень важной. Кем считали себя донские казаки до знакомства с тем, как отвечает на этот вопрос наука? Как описывали донских казаков самые ранние внешние наблюдатели, не являвшиеся учеными и не располагавшие готовыми моделями описания донского казачества? На эти два вопроса мы попытаемся ответить в своей статье.

2. Материалы и методы

Мы сможем это сделать благодаря книге А.И. Ригельмана «История или повествование о Донских Казаках». Дело в том, что А.И. Ригельман, российский генерал, много лет прослуживший на Дону в XVIII в., судя по всему, сумел изучить донских казаков, «не подчеркивая своей роли наблюдателя» в ходе своего исследования. Во всяком случае, его книга содержит целый ряд самоописаний казаков, их преданий и мифов, с которыми автор был не согласен, но счел нужным их привести. При этом немногочисленные тексты самих казаков того времени, в которых описываются их происхождение и история, подтверждают часть сведений, сообщенных А.И. Ригельманом. Таким образом, именно книга А.И. Ригельмана, в которой достаточно четко описаны как самоидентификация донских казаков XVIII в., так и мнение автора об этой самоидентификации, послужит нам основным источником.

Мы обратимся также к двум другим, гораздо менее известным описаниям донского казачества, выполненным на рубеже XVIII-XIX вв. Раздел о донских казаках во втором русскоязычном издании классического «Описания всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», как сейчас считается, в действительности был написан переводчиком М.И. Антоновским (Токарев, 2015: 163-165). Это одно из первых, если не первое, подробных этнографических описаний донских казаков, которое было напечатано, причем в рамках крайне авторитетного издания. Соответственно, текст М.И. Антоновского важен как источник представлений о донских казаках российского общества начала XIX в. Важно для нас и то, как М.И. Антоновский, не являвшийся профессиональным ученым, идентифицировал казаков в своем тексте. А вот каких-либо сведений о самоидентификации донских казаков его работа не содержит.

Напротив, книга «*Coup d'oeil philosophique sur le pays occupe par les Cosaques du Don*» А.Л. де Романо содержит небольшой объем сведений, якобы зафиксированных автором со слов донских казаков. Однако в ее случае, как мы покажем далее, особенно остро встает проблема интерпретации – А.Л. де Романо встраивал сообщенную информацию в крайне специфические схемы, судя по всему, заметно искажая ее. Что касается воззрений А.Л. де Романо на идентификацию казачества, мы воздержимся от их подробного анализа именно в силу их экзотичности. Если идентификации казачества А.И. Ригельманом и М.И. Антоновским опирались на определенные факты и представляют интерес при попытке объективного описания донских казаков той эпохи, то предлагаемая А.Л. де Романо идентификация (казаки – прежде всего скифы) демонстрирует исключительно авторскую априорную позицию и важна скорее в контексте изучения представлений западных европейцев о Восточной Европе.

Кроме того, мы будем обращаться к источникам казачьего происхождения, которые подтверждают зафиксированные А.И. Ригельманом представления донских казаков о себе – к воспоминаниям А.К. Денисова, исследованиям Е.Н. Кательникова и делопроизводственным документам.

Безусловно, этих источников недостаточно, чтобы в полной мере реконструировать самоидентификацию казачества конца XVIII – начала XIX вв. и ту систему исторических мифов, на которую она опиралась. Однако на их основе мы можем понять хотя бы отдельные подобные мифы и то, какую самоидентификацию они порождали. При этом, как мы отметим далее, видится *возможным*, если не *вероятным*, что представления донских казаков того времени о себе не составляли единой непротиворечивой системы. Скорее речь идет о наборе вариантов, которые могли как сочетаться, так и противоречить друг другу. Тем не менее все выявленные нами сюжеты, связанные с самоидентификацией казачества, обладают определенными общими чертами.

То же самое относится и к идентификации донского казачества А.И. Ригельманом и М.И. Антоновским. Они интерпретируют эту идентификацию совершенно различно в деталях, но в целом их интерпретации обладают общностью некоторых важнейших черт.

Таким образом, определенная противоречивость и разорванность описываемых нами сюжетов является следствием не только скудности источниковой базы, но и отвечает природе этих сюжетов.

Как писал К. Гинзбург, «основополагающими свойствами реальности являются прерывистость и разнородность» (Гинзбург, 2004: 305). В своем исследовании мы столкнемся с этим в полной мере.

3. Обсуждение

Число работ, посвященных идентификации и происхождению донского казачества, без преувеличения огромно. Однако при этом подавляющее большинство подобных работ описывают не представления на этот счет, характерные для определенной эпохи, но пытаются предложить объективную идентификацию казачества вообще. Исключение здесь составляют монография Б.С. Корниенко о националистах в Области Войска Донского 1910 гг. (Корниенко, 2013) и статьи о современном казачестве, в которых оно рассматривается как институт, находящийся в процессе становления, а также исследуются ожидания простых казаков от этого процесса (Денисова, Ковалев, 2023: 14-36; Ковалев, 2023: 62-76).

Что касается анализа деятельности рассматриваемых нами исследователей, то больше всего работ посвящено М.И. Антоновскому. Небольшой раздел о нем есть в классической «Истории русской этнографии» С.А. Токарева (Токарев, 2015: 163-172). В 2021 г. вышла его первая персональная биография (Михеева, 2021). О А.И. Ригельмане также есть целый ряд работ, из которых интересна работа П.А. Авакова, содержащая обоснованные сомнения в достоверности ряда общепризнанных фактов биографии генерала (Аваков, 2008: 55-60). Только деятельность А.Л. де Романо специально не изучалась.

4. Результаты

Самоидентификация донских казаков конца XVIII – начала XIX вв.

А.И. Ригельман приводил интереснейшее свидетельство о том, что современные ему казаки описывали свое происхождение «от неких вольных людей, а более от Черкес и Горских народов» (Ригельман, 1846: 3). Это позволяло им выстраивать следующую самоидентификацию: «Считают себя природою не от Московских людей, и думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть» (Ригельман, 1846: 3). А.И. Ригельман цитировал даже прямую речь казаков, хотя и вероятно, несколько обработанную, типизированный ответ казака тому, кто назовет его «москалем»: «Я, де, не Москаль, но Русской, и то по закону и вере Православной, а не по природе» (Ригельман, 1846: 3).

Крайне важно, что описанное А.И. Ригельманом представление донских казаков о своем кавказском происхождении находит подтверждение в воспоминаниях донского атамана А.К. Денисова. В 1781 г. он расспрашивал «самых старых жителей Дона», которые описали ему происхождение казаков так: «первые донские казаки пришли на Дон из-за реки Терека, но были не татары и не имели сходства ни в лицах, ни в обычаях с азиатскими народами, а в сем сообразны были с великороссиянами» (Записки..., 1874: 4). В дальнейшем предки казаков по неясным причинам ушли с Дона, но в итоге «опять часть малая из них возвратилась с многолюдным товариществом посторонних из великороссиан же, принятых ими» (Записки..., 1874: 6). В итоге мы можем уверенно говорить о том, что у казаков конца XVIII в. было распространено представление о своем кавказском происхождении, однако при этом предполагалось, что либо уже кавказские предки казаков были схожи с восточными славянами, либо в дальнейшем казаки смешались с восточными славянами. Подобная версия происхождения казачества позволяла ее носителям одновременно и включать себя в состав «русских», и дистанцировать себя от «москалей»/«великороссов».

К сожалению, нам неизвестно точно, были ли у донских казаков той эпохи альтернативные версии своего происхождения. Текстов о донском казачестве конца XVIII в. – начала XIX в., выполненных современниками, крайне мало, за исключением разного рода служебных документов. Тем не менее тот же А.И. Ригельман сообщает легенду о происхождении донского казачества, которую ему рассказывали «некоторые верховых (т. е., расположенных в верховьях Дона – А.П.) станиц Козаки». Согласно этой легенде, первоначально на Дон пришел некий охотник, поселившийся в его устье, бивший там много добычи и ездивший продавать ее в другие места, а затем туда начали переселяться и другие люди, избравшие этого охотника своим атаманом (Ригельман, 1846: 3). Эта легенда в пересказе А.И. Ригельмана не содержит даже намека о происхождении переселенцев на Дон, зато акцентирует внимание на их вольности: «жили свободно, не будучи подвластны или дань платя кому» (Ригельман, 1846: 3). В то же время А.И. Ригельман отмечает, что аналогичное предание об охотнике-основателе, поселившемся в устье реки (только не Дона, а «Бог реки») было у запорожских казаков, причем в нем уточнялось, что охотник был «вышедшим из Польши неким человеком, именем Семеном, роду Казарского» (Ригельман, 1846: 3-4). Здесь уместно отметить, что А.И. Ригельман служил и на территории современной Украины и написал также «Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще» (Ригельман, 1847). Таким образом, он имел определенное представление о преданиях как донских, так и запорожских казаков, и его указание на сходство их мифов о своем происхождении как минимум заслуживает внимания. Однако нам здесь важнее то, что предание об охотнике-основателе казачества не предполагало кавказского происхождения донских казаков: его запорожская версия выводила первого казака из Польши, а донская не упоминала его прародины.

Информацию о самоидентификации донских казаков могут содержать работы иностранных авторов о Донском Войске XVIII – начала XIX вв. Однако, к сожалению, они до сих пор остаются непереуверенными и поэтому ограниченно вовлеченными в научный оборот. Прежде всего, это относится к книге А.Л. де Романо «*Coup d'oeil philosophique sur le pays occupe par les Cosaques du Don*» (de Romano, 1807). В 1896 г. донской историк-любитель М.К. Калмыков выпустил ее краткий пересказ-переложение на русский язык (Калмыков, 1896). М.К. Калмыков указывал, что А.Л. де Романо прожил на Дону около года в 1802–1803 гг. (Калмыков, 1896: 4). Таким образом, как и в случае с А.И. Ригельманом, внешний наблюдатель мог лично расспрашивать казаков, уточняя именно самоидентификацию. Однако случай А.Л. де Романо показывает, как высказывания казаков встраивались в создаваемый внешним наблюдателем контекст, что вело к конструированию явно ложных представлений о донских реалиях, а потом на эти искажения наложились искажения, сделанные переводчиком, М.К. Калмыковым.

Так, М.К. Калмыков утверждал, что, согласно А.Л. де Романо, «казаки – смесь скифов с сарматами, массагетами, тиссагетами, славянами, в позднейшие времена пополнявшаяся беглецами разных соседних национальностей» (Калмыков, 1896: 16). В оригинале, однако, наиболее близкая по смыслу фраза А.Л. де Романо выглядит так: «D'après cela, il me semble, qu'on peut hardiment conclure que les Cosaques sont un mélange de Scythes, dont ils forment le plus grand nombre, avec des Sauromates, des Gineco-Cratumènes, des Messagètes et Thyssagètes, des Slaves et des transfuges» (de Romano, 1807: 116). Таким образом, М.К. Калмыков заметно смягчил формулировку А.Л. де Романо о том, что главной составляющей казачества являются именно скифы. Это не было случайностью: М.К. Калмыков полностью опустил несколько страниц книги А.Л. де Романо, посвященных скифам как основным предкам казачества (de Romano, 1807: 105-116).

Между тем именно представление о скифах как о прямых предках казаков повлияло на то, как А.Л. де Романо интерпретировал рассказы казачьих информаторов. В переводе, а по сути, реинтерпретации М.К. Калмыкова, мы находим следующие два предложения: «От старожилков Де-Романо слышал, что в старину пришельцев на Дон предварительно испытывали, заставляя их принять участие в походе, и потом уже записывали в казаки. Впоследствии принимали русских крестьян, а также греков, татар, калмыков, даже немецких беглецов без всякого испытания» (Калмыков, 1896: 17). В результате в рамках пересказа-перевода М.К. Калмыкова выходит, что А.Л. де Романо считал казаков группой смешанного происхождения, куда прежде принимали всех, выдержавших воинское испытание, а с какого-то момента вообще всех. Безусловно, упоминания о скифах, массагетах и прочих древних племенах как составляющих элементах казачества для конца XIX в. выглядели явным архаизмом, однако, за исключением этого сюжета, мнения А.Л. де Романо и сведения, сообщенные ему старожилками, в реинтерпретации М.К. Калмыкова выглядели вполне правдоподобно для читателя.

Вот только в оригинале соответствующее место у А.Л. де Романо выглядит так: «J'ai recueilli chez les Cosaques, qu'autrefois, s'il se présentait un indigène, de quelque nation qu'il fût, avant de l'inscrire comme Cosaque, il lui falloit faire une caravane contre l'ennemi. Les occasions étoient toujours prêtes. Ce n'est qu'à la fin du dernier siècle, qu'on a extirpé les Scythes-Royaux du côté de l'orient. C'est pourquoi depuis ce tems-là les Cosaques ont inscrit beaucoup de paysans Russes, de la petite Russie, des Grecs, des Tartares, des Calmouks, même quelques déserteurs allemands, sans les épreuves» (de Romano, 1807: 117). Таким образом, у А.Л. де Романо отказ от воинских испытаний при приеме в казачество оказывается связан с совершенно конкретным событием – с истреблением царских скифов в конце XVIII в., причем об этом он узнал якобы от самих казаков! А всего абзацем выше А.Л. де Романо писал: «Ils ne sont plus ce qu'ils étoient autrefois; ils se sont beaucoup abâtardis» (de Romano, 1807: 116). Таким образом, в представлениях А.Л. де Романо, ранее, когда скифская составляющая в них была сильнее, казаки обладали несколько иными качествами, а с массовым принятием в свой состав других народов без испытаний стали «довольно убудочными» («beaucoup abâtardis»). Следовательно, у А.Л. де Романо скифы выступают не только наиболее многочисленной компонентой современного казачества, но и его лучшей частью, своеобразным ядром, причем подобная идентификация якобы основана и на расспросах самих казаков.

Таким образом, до нас почти не дошло свидетельств о самоидентификации донских казаков, зафиксированных до того момента, как представители донского казачества начали сами писать о себе. В том, что сохранилось хоть что-то, огромная заслуга А.И. Ригельмана, который зафиксировал некоторые представления казаков о своей идентичности и своем происхождении, несмотря на то что он, как мы покажем ниже, считал эти представления ошибочными. Одну легенду казаков о своем происхождении, услышанную им в молодости от стариков, зафиксировал будущий донской атаман А.К. Денисов. В то же время А.Л. де Романо продемонстрировал иную модель работы с казаками-информаторами: вместо фиксации их представлений, он встраивал сообщенные им факты в собственную теорию, согласно которой ядром казаков до XVIII в. были царские скифы (здесь уместно напомнить о том, что в эпоху Просвещения представления европейских путешественников о России были весьма своеобразны, о чем подробно пишет Л. Вульф в своей классической книге «Изобретая Восточную Европу» (Вульф, 2003).

В результате достоверно определить, что на самом деле говорили донские казаки А.Л. де Романо о своей самоидентификации и происхождении, мы не можем. Попытку реинтерпретировать его свидетельства еще в XIX в. предпринял М.К. Калмыков, просто убрав скифов из нарратива А.Л. де Романо. Однако подобный подход представляется нам ненаучным и бездоказательным. Вышедшая всего через десятилетие после пребывания А.Л. де Романо на Дону первая книга донского казака по истории донского казачества «История о Донском войске» А.Г. Попова содержала прямое указание на преемственность казаков от скифо-сарматов (Попов, 1814: XV-XVI). Соответственно, если А.Л. де Романо говорил не с простыми казаками, а с образованной публикой в Черкасске, ему вполне могли сообщить о скифском происхождении казаков. Теоретически его информатором мог быть даже лично А.Г. Попов, который в то время заведовал в Черкасске главным народным училищем, или кто-то из близких к нему людей (Л.Б., 1906: 53). Таким образом, утверждение А.Л. де Романо о том, что донские казаки рассказывали ему, будто бы в прежние времена прием в казачество был сложнее и упростился после уничтожения царских скифов в XVIII в., может быть основан как на искаженном утверждении только о том, что ранее прием в казачество был сложнее, так и на двух искаженных утверждениях о том, что в прошлом прием в казачество был сложнее, и о том, что предками казаков были скифы (но, разумеется, в значительно более ранний период).

Наконец, мы еще располагаем крайне любопытным комментарием донского генерала и общественного деятеля середины XIX в. А.П. Чеботарева о той версии происхождения казачества, которую приводил А.К. Денисов. А.П. Чеботарев утверждал, что до 1820 гг. «войско Донское не имело еще исторического описания своего происхождения и на Дону ходили разные легендарные толки о нем, одни другим противуречащие, одни других нелепее» (Записки..., 1874: 6). Для нас принципиально важно утверждение о том, что у донских казаков рубежа XVIII-XIX вв. не было единой версии своего происхождения, и различные предания об этом не дополняли, а противоречили друг другу. Это утверждение косвенно подтверждается как тем, что приводимое А.И. Ригельманом предание об охотнике-основателе казачества позиционируется им как характерное только для казаков верховых станиц, так и тем, что данное предание не содержит указаний на наиболее распространенное в казачьей среде (согласно все тому же А.И. Ригельману) представление о казаках как потомках неких кавказских народов.

Подведем итог. Сведения о самоидентификации донских казаков конца XVIII-начала XIX вв., во-первых, немногочисленны, а во-вторых, ненадежны. При этом главной проблемой являются отнюдь не ошибки фиксировавших представления казаков лиц (мы можем с уверенностью говорить о подобных ошибках только у А.Л. де Романо). Гораздо проблематичнее то, что до наших времен дошла информация только об отдельных элементах системы исторических и самоидентификационных мифов казачества, причем значение и распространенность этих элементов принципиально невозможно вполне уяснить. Мы можем уверенно говорить только о двух вещах:

1. у донских казаков существовала собственная версия или версии своего происхождения;
2. существовала версия, согласно которой главными предками казаков были некие выходцы с Кавказа.

Но далее мы вступаем в область предположений. *Возможно*, эта версия распадалась на две подверсии. По первой, предками казаков были преимущественно «Черкесы и Горские народы», а по второй, предками казаков выступали представители неизвестного кавказского племени, схожего с великороссиянами. *Возможно*, предание об охотнике-основателе казачества не предполагало его кавказского происхождения и бытовало отдельно от версии о кавказском происхождении казаков. Более того, *возможно*, с учетом существования предания об охотнике-основателе казачества у запорожских казаков, в которой указывалось его происхождение из Польши, часть донских казаков могла придерживаться именно этой версии легенды. Наконец, *возможно*, утверждение А.Л. де Романо о том, что некие казаки говорили ему, будто бы упрощение приема в казачество связано с уничтожением в XVIII в. царских скифов, основывалось на представлении какой-то части образованных казаков о своем скифском происхождении.

Тем не менее, все эти версии объединяет одно: в них донские казаки происходят с Кавказа, из Польши, неизвестно откуда, имеют автохтонное происхождение, но никогда не оказываются выходцами из России/Великороссии и Украины/Малороссии. И это идеально укладывается в ту логику самоидентификации донских казаков, которую описывает самый надежный источник, А.И. Ригельман: в логику, согласно которой донские казаки считали себя обрусевшими, а не русскими.

Как же тогда донские казаки объясняли свое добровольное служение России? А.И. Ригельман приводит информацию и на этот счет. Он утверждает, что, согласно преданию об охотнике-основателе казачества, донские казаки пришли на помощь Ивану Грозному во время осады Казани «в рассуждение держимой с ним одной веры Греческого исповедания» (Ригельман, 1846: 4). Таким образом, основой для союза с Российским государством выступает не этническое, но религиозное единство. Важно и то, что пересказ данного предания А.И. Ригельманом заканчивался упоминанием о том, что Иван Грозный якобы даровал казакам Дон: «Донцы ничего того не взяли, а просили, чтоб только пожалованы были рекою Доном до тех мест, как им надобно, что им и не отказал. Он им реку оную пожаловал и грамотою утвердить изволил, с тем что кто буде дерзнет сих Донских Козаков с

мест их сбивать, тот да будет проклят во веки веков; с оной же грамоты во все станицы войска Донского даны, Для сведения Козацкого, списки, которые читаются при собрании их в день Покрова Пресвятой Богородицы после обедни» (Ригельман, 1846: 5).

Отметим, что, кроме казачьих преданий, современной науке неизвестны никакие свидетельства существования грамоты Ивана Грозного о даровании Дона донским казакам, и Н.А. Мининков вполне обоснованно называет историю этой грамоты «историческим мифом» (Мининков, 2017: 13). Да и сам А.И. Ригельман отмечал, что у казаков нет «никаких от прежних государей данных грамот, а паче той, о которой баснословят, Царя Иоанна Васильевича» (Ригельман, 1846: 5). Однако, как мы видим, согласно тому же А.И. Ригельману, в конце XVIII в. списки с этой мифической грамоты ежегодно читались во всех станицах.

И снова сообщаемая А.И. Ригельманом информация находит подтверждение в текстах самих казаков. В 1792–1794 гг. в Донском Войске происходили серьезные волнения из-за попытки указом сверху переселить часть казаков на Кавказ. В ходе этих событий казаки Пятиизбянской станицы подали прошение, в котором связывали отказ от переселения с тем, что «блаженной и вечнодостойной памяти царь Иван Васильевич по заслугам предьков их жаловал непрременным жителством на Дону» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 165. Л. 10)¹. Как мы видим, в деталях информация, сообщаемая самими казаками, несколько отличается от описанной А.И. Ригельманом (конкретная грамота Ивана Грозного казаками не упоминается). Однако общий смысл зафиксированного в прошении казаков Пятиизбянской станицы представления о «Доне» как о территории «непрременного» жительства казаков полностью совпадает с пересказанным А.И. Ригельманом преданием о том, что некогда казаки «пожалованы были рекою Доном», и теперь казаков нельзя «с мест их сбивать». Совпадает и фигура российского правителя, зафиксировавшего Дон в качестве казачьей территории. И у А.И. Ригельмана, и в прошении казаков Пятиизбянской станицы это Иван Грозный.

С третьей версией данного сюжета мы сталкиваемся в казачьей народной песне, которую в своей работе 1818 г. приводит Е.Н. Кательников (т. е. данный вариант этой песни однозначно относится именно к интересующей нас эпохе) (Кательников, 1886: 1-4). Согласно этой песне, изначально донские казаки были в сложных отношениях с Иваном Грозным и даже убили его посланника:

«Мы убили посланничка все царского,

Как того-то ведь посланничка персидского» (Кательников, 1886: 2).

Казакам было некуда идти во время наступающей зимы, причем поход в русские владения грозил им смертью:

«А нам, казакам, быть переловленным,

Да по крепким по тюрьмам порассоженным» (Кательников, 1886: 2).

Тогда казаки пошли захватывать Сибирь и поднесли ее Ивану Грозному, за что он даровал им «славный тихий Дон»:

«– Ой, ты, гой-еси, Ермак сын Тимофеевич,

Ой, ты, гей-еси, войсковой донской атаманушка!

Я прощаю тебя да и со войском твоим,

Я прощаю тебя да за твою службу,

За твою-то ли службу мне за верную,

Я и жалую тебе, Ермак, славный тихий Дон» (Кательников, 1886: 3-4).

Таким образом, мы можем констатировать существование у донского казачества конца XVIII в. еще одного мифа, важного для их самоидентификации. Этот миф описывал уже не происхождение казачества, но его пространство: «Дон» (именно «Дон», а не «Донская земля» или «Земля Войска Донского») выступал в представлениях казаков особой территорией, пожалованной им в исключительное владение русским царем, причем без взятия за это присяги. Этот миф четко отделял Дон от остальной территории Российской империи и доказывал особый статус донских казаков, их особые отношения с российскими правителями. В то же время и в случае с этим мифом мы сталкиваемся с вариативностью казачьих представлений о прошлом. В нем может фигурировать, а может и не фигурировать, конкретная грамота Ивана Грозного, официально фиксирующая передачу Дона казакам. Пожалование может быть дано за участие во взятии Казани, а может – за завоевание Сибири. Однако неизменным остается общая логика сюжета: Иван Грозный жалует Дон казакам за верную службу.

Итак, в немногочисленных источниках, описывающих самоидентификацию донского казачества до появления первых текстов донских казаков о самих себе, казаки предстают русскими по вере, но не великороссами/малороссами по изначальному происхождению. Они владеют своей четко локализованной территорией, причем эта территория позиционируется их землей, с которой казаков нельзя сгонять на основании мифической грамоты Ивана Грозного. В современных терминах охарактеризовать эту самоидентификацию проблематично, она не сводима к сословной или этнической, однако она, безусловно, предполагает определенную отдельность донских казаков от великороссов и малороссов той эпохи.

¹ Автор благодарит Н.А. Мининкову за сообщение об этом документе.

Идентификация донских казаков у А.И. Ригельмана и М.И. Антоновского

Однако оба внешних наблюдателя, подробно охарактеризовавших донское казачество в конце XVIII в., предлагали иной вариант его идентификации. При этом А.И. Ригельман был прекрасно знаком с тем, как донские казаки сами характеризовали себя, однако для него многие элементы казачьих преданий выглядели неубедительно. В рамках изучения данного сюжета нам представляется наиболее важной та автохарактеристика, которую он давал своим изысканиям: «Я сие описание составил не для поношения сего народа, но единственно для соображения всех настоящих дел их, из чего видеть что можно было, откогда и когда и из каких людей они настали, а более какие их службы для России были, и какую полезность они приносили, и инне от них происходит» (Ригельман, 1846: II). Таким образом, А.И. Ригельмана интересовали не субъективные представления казаков о себе, но объективные факты («настоящие дела») их истории и современной жизни, которые он мог точно, как ему казалось, установить. В итоге большую часть труда А.И. Ригельмана занимает реконструкция истории донского казачества, выполненная на высоком для своей эпохи уровне, но отражающая представления автора, а не самих казаков.

Как предания казаков о своем происхождении, так и архаичные мнения некоторых более ранних профессиональных историков о древнем происхождении донского казачества А.И. Ригельман, судя по всему, приводил исключительно из исследовательской добросовестности, давая читателю всю информацию, обнаруженную им в «разных, каких сыскать мог, летописях и историях» (Ригельман, 1846: 5). Сам же он, хотя и допускал, что некие донские казаки могли существовать до XVI в., полагал, что они располагались выше по течению Дона, чем современные казаки и в любом случае, *если* и существовали, в конце XIV в. оказались вытеснены татарами (Ригельман, 1846: 6). Появление же современных донских казаков А.И. Ригельман однозначно относил к XVI в., опираясь на целый ряд текстов (В.Н. Татищева, «Ядро Российской истории» и «Степенную книгу») (Ригельман, 1846: 7). Происхождение их он описывал так: «Донские Козаки от Украинских Черкасских Козаков действительно начало свое возымели на Дону. И первенствою город свой выше Азова, в 50-ти верстах, на правой стороне реки Дона, на острове, по имени прежнего своего города Черкасы, Черкасский же построили, а по реке Дону Донскими Козаками (а Малороссийские от города Черкас – Черкасами) проименовались, а не так, как они о себе баснословят» (Ригельман, 1846: 7-8). То же самое А.И. Ригельман указывал и в своем «Летописном повествовании о Малой России», утверждая, что донские казаки пришли на Дон в XVI в. «из-за Днепра, от города Черкас» и ссылаясь при этом на некую «Историю Сибирскую» (Ригельман, 1847: 101). Таким образом, известные ему версии самих казаков о своем происхождении однозначно позиционировались А.И. Ригельманом в качестве баснословий («они о себе баснословят»), и взамен этого он, опираясь на научную литературу, делал вывод о малороссийском/украинском происхождении донских казаков. Более того, в «Летописном повествовании о Малой России» он утверждал, что вообще все казаки произошли от «Малороссийских, то есть Черкасских Украинских Козаков» (Ригельман, 1847: 101).

Обратим внимание на любопытный феномен. Во всех приведенных в прошлом разделе нашей статьи сюжетах, связанных с самопрезентацией донских казаков конца XVIII – начала XIX вв., отсутствуют какие-либо отсылки к другим казачьим войскам. Судя по этому, для донских казаков была характерна, в первую очередь, именно донская, а не общеказачья идентичность. Напротив, А.И. Ригельман выстраивал общность казачьих войск, производя их от одного корня, первоначального, украинского казачества.

Что же касается представлений А.И. Ригельмана о происхождении этого украинского казачества, то они были крайне запутанны, и их подробное исследование завело бы нас слишком далеко. Дополнительно затрудняет подобное исследование то, что сама терминология А.И. Ригельмана местами противоречива. Например, в одном месте он пишет о «козаках или малороссийском народе» (Ригельман, 1847: 1), а в другом месте упоминает «козаков» и «украинцев» как разные группы людей (Ригельман, 1847: 13). Тем не менее взгляды А.И. Ригельмана на происхождение первоначальных, украинских казаков сводятся к тому, что это их предшественники, а не донские казаки первоначально были черкесами, пришедшими с Кавказа, однако впоследствии эти черкесы были полностью ассимилированы местными жителями, поэтому казакам следовало «себя прямо называть Славянами» (Ригельман, 1847: 8). Хронология приблизительно такова: в XIV в. черкесы-казаки переселяются с Кавказа на Днепр (тут А.И. Ригельман ссылался на В.Н. Татищева (Ригельман, 1847: 10-11), затем «по всегдашнему сообщению с Козаками Украинцы, а паче к ним ближайшие, навькли и научились Козацким военным обрядам» (Ригельман, 1847: 13), а в начале XVI в. «Украинский житель», «именем Дашкевич», «собрал войско в Украине и назвал его Козаками» (Ригельман, 1847: 14). Таким образом, именем и обычаями казаки оказываются связаны с неславянскими народами, но современные казаки происходят от славян Малороссии-«Украины» (укажем для точности, что в дискурсе А.И. Ригельмана эти хоронимы, как и прилагательные «малороссийский»/«украинский» или понятия «малороссийский народ» и «украинцы» абсолютно синонимичны).

Что касается отношений донских казаков с Россией, то в интерпретации А.И. Ригельмана казаки начинают служить ей почти с самого своего появления на Дону в XVI в. Причины этой службы подробно

не описываются, но увязываются не с единством религии, а с российским могуществом, причем какие-либо изначально данные Иваном Грозным особые права казакам на Дон не упоминаются: «Когда потом царь Иван Васильевич начал быть славен, то уже сии новопоселившиеся Донские Козаки добровольно поддались России в 1549 году, почти с таким же договором, как и Украинские Козаки потом поддались же Польше» (Ригельман, 1846: 7). Более того, по версии А.И. Ригельмана, и большая часть украинского казачества до 1562 г. служила России, а в этом году перешла под власть Польши потому, что польский сейм согласился платить им (Ригельман, 1847: 21). Таким образом, связь казаков с Россией постулируется существовавшей с самого начала реальной казачьей истории.

К сожалению, описывая настоящее донских казаков, А.И. Ригельман был куда лаконичнее, чем при описании их прошлого, за исключением подробно написанных разделов об устройстве Донского Войска (Ригельман, 1846: 113-136). Он относил донских казаков к «Северным народам», которые «к питью крепкого напитка и весьма склонны», однако этим его попытки определить место донских казаков среди других народов и ограничивались (Ригельман, 1846: 7).

Описание А.И. Ригельманом внешности и характера донских казаков было подробнее, но давалось без сопоставления с другими народами: «Они почти все смуглого и румяного лица, волосом черные и черно-русые, острого взгляда, смелы, хитры, остроумны, храбры, горды, самолюбивы, пронырливы и насмешливы» (Ригельман, 1846: 136). Однако мы можем сравнить его с тем, как А.И. Ригельман описывал украинцев: «Они с природы все добросердечны, дружны, щедры, разумны и понятны ко всему, да и несколько хитры. Они почти все белотелы, хорошего виду, становаы, смелы и благосклонны» (Ригельман, 1847: 86). Цвет волос А.И. Ригельман указывал только для украинских женщин, и он был «темнорусым» (Ригельман, 1847: 86). Таким образом, хотя донские казаки в интерпретации А.И. Ригельмана происходили от украинских, их современная внешность и качества характера (кроме смелости и хитрости) не совпадали. Что касается одежды, то у донских казаков она якобы состояла из татарских и черкесских элементов (Ригельман, 1846: 137), а у украинцев – из черкесских и польских (Ригельман, 1847: 87). Украинки прежде и богатые донские казачки ныне тоже носили черкесское платье, а вот бедные донские казачки в верховых станицах одевались «так точно, как в России деревенские бабы» (Ригельман, 1846: 137; Ригельман, 1847: 86). Таким образом, у А.И. Ригельмана одежду донских казаков и украинцев объединяло наличие ярко выраженных черкесских элементов, но у украинцев они сочетались с польскими, а у донских казаков – с татарскими и русскими. Языка донских казаков А.И. Ригельман не описывал.

Таким образом, современные донские казаки в интерпретации А.И. Ригельмана сохранили некоторые общие черты с украинцами (смелость и хитрость в характере, черкесские элементы в одежде), однако в целом отличались от них. К сожалению, исследователь никак прямо не обозначил свою позицию по вопросу о том, как было бы правильно позиционировать донских казаков. Он несколько раз называл их «народом», однако в дискурсе А.И. Ригельмана это слово не всегда соответствует нации или этносу. Так, объясняя исторические преступления донских казаков, А.И. Ригельман писал о том, что «были из оных между тем изверги и развратные люди, и что они из разного народа общество свое составили и были иногда беспокойны» (Ригельман, 1846: II). Здесь «разный народ» – это просто люди разных душевных качеств. Как нам представляется, с учетом очевидной исследовательской добросовестности А.И. Ригельмана, выражавшейся в том, что он приводил даже ложные, с его точки зрения, представления о происхождении и истории казаков, отказ от общей классификации донского казачества и ограничение нарратива подробной фактической информацией мог быть своеобразной повествовательной стратегией автора.

Для М.И. Антоновского была характерна совершенно иная повествовательная стратегия. Он писал о донских казаках гораздо более смело, без упоминания альтернативных версий и казачьих преданий, а также каких-либо сомнений в своей правоте. При этом не ясно, какими источниками он руководствовался, а его описания казаков сильно отличаются от сообщаемых А.И. Ригельманом. Соответственно, с большой долей вероятности можно предполагать, что М.И. Антоновский руководствовался некими априорными представлениями о казаках. Сам дискурс М.И. Антоновского был ближе к имперскому, чем у А.И. Ригельмана, и в его тексте используются преимущественно понятия «Малая Россия» и «малороссийский», а не «Украина» и «украинский» (Георги, 1799: 233). Однако некоторые важные сюжеты у М.И. Антоновского и А.И. Ригельмана оказываются схожи.

М.И. Антоновский также выводил всех казаков от единого славянского корня, причем этот корень локализовался им «на том месте, где ныне Малая Россия» (Георги, 1799: 197). Однако возникновение славянского казачества у него оказывается куда древнее, а история – куда более фантастична, чем у А.И. Ригельмана. Предками казаков М.И. Антоновский считал «древнее колено воинственных Славян, известных у Преподобного Нестора летописца под именем Севера (т. е. племя северян – А.П.), сиречь всадники или конница» (Георги, 1799: 197). Потомками этого «колена» объявлялись не только казаки, но и люди, основавшие «Царство Сервское», т. е. сербы (Георги, 1799: 197). Родство между сербами и казаками доказывалось М.И. Антоновским через сходство некоторых их национальных особенностей: сербы описывались как «народ, имеющий всегда ту же к военным упражнениям, одеяниям и ко всадничеству склонность, какие и поднесь видны в Малороссиянах» (Георги, 1799: 197). Более того, с точки зрения М.И. Антоновского, первоначально предки казаков

имели «удерживаемое и поныне в Сервии, Гусарским называемое, платье и прибор лошадиный», а ныне носимые казаками «Польское» и «Черкасское» (изначально якобы печенежское) платья были исторически чужды им (Георги, 1799: 197). М.И. Антоновский прямо писал, что нынешние одежды казаков носят только в силу обычая (например, польское платье «одним обычаем закоснело»), и эти одеяния «отнюдь не то, к коему врожденную склонность сия ветвь Словено-Российского Народа имеет» (Георги, 1799: 197).

При этом, подобно А.И. Ригельману, М.И. Антоновский предполагал, что славянскому казачеству предшествовало некое казачество смешанного этнического состава. Он считал, что первоначально «Козаками, то есть бездомными бродягами», звали некую «особенную шайку», в которую входили представители племен «Славенских, Сарматских и Татарских» (Георги, 1799: 197). В дальнейшем казаки стали могущественны, переняли многие элементы одежды, оружия и общественного устройства от печенегов, и в итоге так стали звать «всех, таким образом вооруженных, и подобную жизнь ведущих, и пропитание себе достояющих» (Георги, 1799: 198). Даже в пограничных российских городах стали содержать своих казаков, а затем и передавать им землю, в результате чего в XIII в. появились казаки-славяне, первоначально «в Княжестве Курском, в Мещере и по реке Дону» (Георги, 1799: 198).

Наконец, схожие с А.И. Ригельманом мотивы присутствуют у М.И. Антоновского и при описании появления казаков на Дону. Правда, М.И. Антоновский считает, что около Дона еще в татарский период жили некие «первобытные Козаки», а главными предками донских казаков были «Мещерские Козаки», осознанно переселенные на Дон после свержения татарского ига Иоанном I (вероятно, описка, и имеется в виду Иван III) (Георги, 1799: 199-200). Однако и у него окончательное формирование «одного Общества» донских казаков завершается в XVI в. призыванием на Дон «Запорожских»/«Черкасских Козаков» (Георги, 1799: 200). Как и в нарративе А.И. Ригельмана, у М.И. Антоновского донские казаки служат России без упоминания о дарении им Дона за эту службу, а начало служения относится даже не к самому раннему периоду пребывания донских казаков на Дону, но предшествует ему. Мещерские казаки оказываются на Дону из-за желания российской власти «учинить твердый оплот будущим набегам Татарским» и «умножить число жителей Государства» (Георги, 1799: 200). Таким образом, если А.И. Ригельман предполагал, что хотя бы приход предков донских казаков на Дон был свободным, то у М.И. Антоновского даже этот приход оказывается продиктован исключительно волей московского самодержца.

Что касается современного ему донского казачества, то его представителей М.И. Антоновский достаточно ясно описывает как «россиян» с некоторыми особенностями. Например, вот описание их внешности: «Донские Козаки, большей частью, рязи и пригожи. Большая часть их во всем сходны с Россианами, имеют вид, смешанный с Русским и Татарским, без сомнения от матерей или праматерей татарок» (Георги, 1799: 201). А вот так М.И. Антоновский описывал характер казаков: «Нравственное свойство их совсем Русское, но воспитание и образ жизни их делает их решительнее обыкновенных Русских» (Георги, 1799: 201). Даже самая воинственность казаков служила М.И. Антоновскому доказательством их происхождения: «Оное есть истинное потомство всегда браноносных, победоносных и храбрых Славяно-Руссов» (Георги, 1799: 207). В обычаях донских казаков М.И. Антоновский тоже не находил ничего особенно самобытного: «Образ жизни, нравы и обычаи Донских Козаков в обращении при бракосочетаниях, забавах, угощениях, похоронах и прочем мало различествуют от обыкновенных Русских» (Георги, 1799: 211).

Как и в случае с А.И. Ригельманом, нам кажется уместным обратить внимание на то, как М.И. Антоновский описывал жителей современной Украины, или, в его дискурсе, «малороссийских казаков». В рамках нашего исследования нужно понять, как соотносились описания М.И. Антоновским различных «козаков»: насколько универсальна была применяемая им система описания донских казаков через сходство с «россиянами». При этом родившийся и выросший на территории современной Украины М.И. Антоновский именно местных казаков должен был описывать на основе личных впечатлений, а не априорных представлений.

И здесь мы сталкиваемся с совершенно иным стилем и содержанием описаний. Внешне малороссийские «козаки» уподобляются не русским, а полякам: «Лицечертание и наружный вид Малороссиан сходствует с описанным Польским» (Георги, 1799: 345). Характер малороссиан описывается без привязки к другим народам, и самая их храбрость описывается отдельно, через конкретные особенности, а не привязку к общей храбрости «Славяно-Руссов»: «Женщины большей частью могут похвастаться красавицами, но не изнежены и имеют мужское почти свойство, что касается до мужества и твердости; ибо многие из них, в прошедшие войны особливо за свою свободу, наряду с мужьями или братьями своими сражались храбро против своих неприятелей, не только будучи переодеты в мужское платье, но и в собственном своем, особливо при защите городов и крепостей» (Георги, 1799: 345-346). Таким образом, в рамках представлений М.И. Антоновского «козаки» могут обладать своей достаточно ярко выраженной спецификой во внешности и характере, отличающей их от прочих «россиян». Однако к донским «козакам» это не относится, и их специфика в основном сводится к формам управления и военной службы (Георги, 1799: 200-211).

Немногочисленные специфические особенности, выделяемые М.И. Антоновским для донских «козаков», в основном касаются их одежды и противоречат более надежным сведениям

А.И. Ригельмана. М.И. Антоновский считал, что «платье или одеяние Донских казаков есть больше Польское, или же по произволению перемешанное» (Георги, 1799: 209). При этом, как мы упоминали выше, он считал казачью одежду вообще заимствованной, не отвечающей «врожденной склонности» казаков. Поэтому отличие донских казаков от «россиян» в одежде вообще не следует считать важным для их идентификации М.И. Антоновским. Таким образом, то, что М.И. Антоновский пишет об одежде донских «козаков», во-первых, не заслуживает доверия, а во-вторых, не противоречит его идентификации донского казачества как «россиян» с некоторыми особенностями.

Следовательно, предложенные А.И. Ригельманом и М.И. Антоновским идентификации донского казачества противоречат самоидентификации донских казаков конца XVIII – начала XIX вв., но имеют некоторое сходство между собой. Прежде всего, описания происхождения донского казачества у этих двух авторов, фундаментально расходясь в деталях, имеют общий основной сюжет, который можно свести к следующему:

1. Первоначально казачество было группой людей смешанного/неславянского состава, и эти первоначальные казаки не являются основными предками донских казаков, но передали им свое имя и обычаи;

2. Предки же донских казаков жили на территории Малой России/Украины и в определенный период переняли образ жизни первоначальных казаков;

3. Современное донское казачество окончательно формируется в XVI в. при участии выходцев из малороссийского казачества;

4. Донские казаки либо изначально были подданными московских государей, либо приняли их подданство в самый ранний период своей истории.

Таким образом, если в среде донских казаков конца XVIII – начала XIX вв. мифы о происхождении донского казачества от выходцев из России/Великороссии и Украины/Малороссии не зафиксированы, то А.И. Ригельман и М.И. Антоновский однозначно локализовали историческую прародину всех казаков в Украине/Малороссии. Возможно, причиной этого было влияние на них малороссийской историографии той эпохи, однако данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Фактом же является то, что А.И. Ригельман и М.И. Антоновский однозначно считали казаков славянами и подданными России по происхождению.

Соответственно, и современные донские казаки рассматривались ими как часть восточных славян, т. е., в рамках их дискурса, «русских»/«россиян». В случае с М.И. Антоновским мы можем говорить об этом совершенно однозначно: он описывал донских казаков как «россиян» по внешности, характеру и обычаям со сравнительно небольшим объемом региональных отличий. При этом малороссийские казаки описывались им гораздо подробнее и куда более отлично от других «россиян». Соответственно, для М.И. Антоновского донские казаки еще и были достаточно близки к некоему наиболее общему для «россиян» типу. Гораздо сложнее случай А.И. Ригельмана. Много лет наблюдавший донских казаков, он дал их оригинальное описание без сопоставления с другими народами. Обратившись к другим работам А.И. Ригельмана, мы можем увидеть, что украинских казаков, выступающих в его нарративе предками донских, он описывал несколько иначе. Таким образом, у А.И. Ригельмана донские казаки выступают особой группой, обладающей своими уникальными особенностями, но эта группа сохраняла определенное единство со своими предками и через них остается включенной в единство более высокого порядка – в славянство. В работе об украинских казаках А.И. Ригельман ясно писал, что им следует «себя прямо называть Славянами» – и с учетом неоднократного подчеркивания им украинского происхождения всех казаков можно уверенно считать, что аналогичным образом А.И. Ригельман считал славянами всех казаков Российской империи.

5. Заключение

Опыт донского казачества конца XVIII – начала XIX вв. наглядно демонстрирует проблему интерпретации, проблему того, как самоидентификация группы и ее идентификация внешними наблюдателями могут фундаментально различаться.

Все дошедшие до нас сведения о самоидентификации донских казаков того времени предусматривают однозначное отделение казачества от прочих восточных славян. Предки казаков выводятся с Кавказа, возможно, из Польши, возможно, неизвестно откуда, возможно, предполагается местное происхождение казачества, но мифы, выводящие казаков из России/Великороссии и Украины/Малороссии нам обнаружить не удалось. Служба казаков России предстает не изначальной, но осознанным выбором, сделанным в эпоху правления Ивана Грозного. При этом в награду за эту службу Иван Грозный дарует казакам Дон (причем именно «Дон», а не «Землю Войска Донского»), причем с условием, что казаков нельзя сгонять с этой земли. Внимательный наблюдатель А.И. Ригельман фиксировал самоидентификацию донских казаков через категорию «обрусения», жизни в России с сохранением своей особой идентичности: «Думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть».

Однако первые внешние описатели донского казачества, разбиравшиеся в российской специфике, А.И. Ригельман и М.И. Антоновский, предлагали совершенно иную идентификацию казачества. При этом, если М.И. Антоновский мог не знать, кем себя считают казаки,

то зафиксировавший для нас сведения о казачьей самоидентификации А.И. Ригельман явно считал мало важным для идентификации группы ее внутреннюю самоидентификацию (он ее описывал через категорию («они о себе баснословят»). В итоге идентификация основывалась исключительно на представлениях внешнего наблюдателя о группе. К сожалению, в полной мере реконструировать то, как формировались эти представления, мы не можем, но, безусловно, и А.И. Ригельман и М.И. Антоновский были знакомы с современной им исторической литературой. Далее в случае А.И. Ригельмана эти знания соотносились с наблюдениями за реальными казаками, а в случае М.И. Антоновского – с априорными представлениями о них.

В итоге предков всех казаков А.И. Ригельман и М.И. Антоновский однозначно локализовали в современной им Украине/Малой России (в этом отношении перспективной темой для дальнейшего исследования является влияние на них именно малороссийской историографии). Служба казаков России предполагалась ими изначально заданной или возникшей на самом раннем этапе донской истории, причем никаких особых прав на Дон с этим не связывалось. И в конечном счете и А.И. Ригельман, и М.И. Антоновский основывали идентификацию казаков на акцентированном включении их в состав славян. Так, А.И. Ригельман писал, что казакам следует «себя прямо называть Славянами». М.И. Антоновский шел еще дальше, утверждая, что по ряду важнейших групповых характеристик (внешность, характер, образ жизни, нравы и обычаи) донские казаки представляют собой «россиян» с некоторыми особенностями.

Таким образом, часть донских казаков конца XVIII в. (те, чьи представления были зафиксированы А.И. Ригельманом) обладала особой групповой идентичностью, отличной от идентичности русских/великороссов и украинцев/малороссов. Однако сама методология только формировавшейся тогда этнографии (народоописания) была ориентирована на работу с фактами, а не с представлениями людей о себе. «Объективное» же описание донских казаков способствовало их включению в общий круг славян (это подтверждается примером А.И. Ригельмана). Поэтому вполне логично, что в XIX в. в среде образованных казаков начали все более распространяться представления об однозначно русской (т. е., если использовать современную терминологию, восточнославянской) идентичности казаков.

Литература

- Аваков, 2008** – Аваков П.А. Призвание Александра Ригельмана // *Донской временник*. Вып. 17. Ростов-на-Дону, 2008. С. 55-60.
- Вульф, 2003** – Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 560 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Георги, 1799** – Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. IV. СПб., 1799. 385 с.
- Гинзбург, 2004** – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.
- Денисова, Ковалев, 2023** – Денисова Г.С., Ковалев В.В. Казачество в современной России: обретение социального статуса // *Вестник Института социологии*. 2023. Т. 14. № 3. С. 14-36.
- Донцы..., 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Записки..., 1874** – Записки донского атамана Денисова // *Русская старина*. 1874. Т. X. С. 1-45.
- Калмыков, 1896** – Калмыков М.К. Черкасск и Войско Донское в 1802 году, по описанию Де-Романо. Новочеркасск, 1896. 42 с.
- Кательников, 1886** – Кательников Е.Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожил и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. 63 с.
- Ковалев, 2023** – Ковалев В.В. Возрождение казачества в современной России: социокультурный, организационный и военно-служилый аспекты // *Caucasian Science Bridge*. 2023. № 6 (1). С. 62-76.
- Корниенко, 2013** – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
- Коршиков, Королев, 2001** – Коршиков Н.С., Королев В.Н. Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» / Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18.
- Краснов, 1863** – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Л.Б., 1906** – Л.Б. Алексей Григорьевич Попов, первый директор войсковой гимназии // *Сборник областного Войска Донского статистического комитета*. Вып. 6. Новочеркасск, 1906. С. 49-59.
- Лескинен, 2010** – Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. 368 с.

- Мининков, 2017** – Мининков Н.А. Атаман Ермак Тимофеевич и события XVI в. в исторической памяти донского казачества // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2017. Т. 24. № 4. С. 11-15.
- Михеева, 2021** – Михеева Г.В. Михаил Иванович Антоновский. СПб., 2021. 233 с.
- Попов, 1814** – Попов А.Г. История о Донском войске. Ч. I. Харьков, 1814. 189 с.
- Ригельман, 1846** – Ригельман А.И. История или повествование о Донских Казаках. М., 1846. 165 с.
- Ригельман, 1847** – Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. М., 1847. 819 с.
- Токарев, 2015** – Токарев С.А. История русской этнографии. М., 2015. 656 с.
- Харузин, 1885** – Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М., 1885. 338 с.
- de Romano, 1807** – de Romano A.L. Coup d'oeil philosophique sur le pays occupe par les Cosaques du Don. Tome II. Milan, 1807. 218 p.

References

- Avakov, 2008** – Avakov, P.A. (2008). Prizvanie Aleksandra Rigel'mana [The calling of Alexander Rigel'man]. *Donskoi vremennik*. 17: 55-60. [in Russian]
- de Romano, 1807** – de Romano, A.L. (1807). Coup d'oeil philosophique sur le pays occupe par les Cosaques du Don. T. II [A philosophical look at the country occupied by the Don Cossacks. Vol. II]. Milan, 218 p. [in French]
- Denisova, Kovalev, 2023** – Denisova, G.S., Kovalev, V.V. (2023). Kazachestvo v sovremennoi Rossii: obretenie sotsial'nogo statusa [Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 14(3): 14-36. [in Russian]
- Dontsy..., 2003** – Dontsy XIX veka [Don Cossack of the 19th century]. Rostov-na-Donu, 599 p. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region].
- Georgi, 1799** – Georgi, J.G. (1799). Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei. Ch. IV [A Description of All Peoples Living in the Russian State with Their Common Habits, Traditions, Houses, Activities, Entertainments, Beliefs, and Other Peculiarities. Part IV]. SPb, 385 p. [in Russian]
- Ginzburg, 2004** – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. Mify-embemy-primety: Morfologiya i istoriya, M., 345 p. [in Russian]
- Kalmykov, 1896** – Kalmykov, M.K. (1896). Cherkassk i Voisko Donskoe v 1802 godu, po opisaniyu De-Romano [Cherkassk and the Don Host in the year 1802, as described by De-Romano]. Novoherkassk, 42 p. [in Russian]
- Katel'nikov, 1886** – Katel'nikov, E.N. (1886). Istoricheskoe svedenie Voiska Donskogo o Verkhne-Kurmoyarskoi stanitse, sostavlennoe iz skazanii starozhilov i sobstvennykh primechanii 1818 goda dekabrya 31 dnya [The Don Host's historical information about the Verkhne-Kurmoyarskaya stanitsa compiled from the legends of old-timers and own notes in the year 1818 on the 31st day of December]. Novoherkassk, 63 p. [in Russian]
- Kharuzin, 1885** – Kharuzin, M.N. (1885). Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1 [Information about the Cossack communities on the Don: materials for the common law: vol. 1]. M., 338 p. [in Russian]
- Kornienko, 2013** – Kornienko, B.S. (2013). Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914) [The Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909-1914)]. SPb, 232 p. [in Russian]
- Korshikov, Korolev, 2001** – Korshikov, N.S., Korolev, V.N. (2001). Istorik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo» [Historian of the Don V.D. Sukhorukov and his “Historical description of the Don Host Oblast”]. Sukhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo, Rostov-na-Donu, Pp. 7-18. [in Russian]
- Kovalev, 2023** – Kovalev, V.V. (2023). Vozrozhdenie kazachestva v sovremennoi Rossii: sotsiokul'turnyi, organizatsionnyi i voenno-sluzhilyi aspekty [Renaissance of Cossacks in modern Russia: sociocultural, organizational, and military aspects]. *Caucasian Science Bridge*. 6(1): 62-76. [in Russian]
- Krasnov, 1863** – Krasnov, N.I. (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. Zemlya voiska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb, 596 p. [in Russian]
- L.B., 1906** – L.B. (1906) Aleksei Grigor'evich Popov, pervyi direktor voiskovoi gimnazii [Aleksei Grigor'evich Popov, the first director of the Host gymnasium]. *Sbornik oblastnogo Voiska Donskogo statisticheskogo komiteta*. Is. 6, Novoherkassk. Pp. 49-59. [in Russian]
- Leskinen, 2010** – Leskinen, M.V. (2010). Polyaki i finny v rossiiskoi nauke vtoroi poloviny XIX v.: «drugoi» skvoz' prizmu identichnosti [Poles and Finns in the Russian science of the late 19th century: “different” through the prism of identity]. M., 368 p. [in Russian]

- Mikheeva, 2021 – *Mikheeva, G.V.* (2021). Mikhail Ivanovich Antonovskii [Mikhail Ivanovich Antonovskiy]. SPb, 233 p. [in Russian]
- Mininkov, 2017 – *Mininkov, N.A.* (2017). Ataman Ermak Timofeevich i sobytiya XVI v. v istoricheskoi pamyati donskogo kazachestva [Ataman Ermak Timofeevich and the events of the 16th century in the historical memory of the Don Cossacks]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 24(4): 11-15. [in Russian]
- Popov, 1814 – *Popov, A.G.* (1814). Istoriya o Donskom voiske. Ch. I [The history about the Don Host. Part 1]. Kharkiv, 189 p. [in Russian]
- Rigel'man, 1846 – *Rigel'man, A.I.* (1846). Istoriya ili povestvovanie o Donskikh Kazakakh [A history or a narration about the Don Cossacks]. M., 165 p. [in Russian]
- Rigel'man, 1847 – *Rigel'man, A.I.* (1847). Letopisnoe povestvovanie o Maloi Rossii i ee narode i kazakakh vooobshche [A chronicle narration about Little Russia and its people and Cossacks in general]. M., 819 p. [in Russian]
- Tokarev, 2015 – *Tokarev, S.A.* (2015). Istoriya russkoi etnografii [History of Russian ethnography]. M., 656 p. [in Russian]
- Wolff, 2003 – *Wolff, L.* (2003). Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. M., 560 p. [in Russian]
- Zapiski..., 1874 – *Zapiski donskogo atamana Denisova* [Notes of the Don ataman Denisov]. *Russkaya starina*. 1874. T. X. Pp. 1-45. [in Russian]

Самоидентификация и идентификация внешними авторами донских казаков конца XVIII – начала XIX вв.

Артем Юрьевич Перетяtko^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме идентичности донского казачества конца XVIII – начала XIX вв. Автор показывает, что в XIX в. донское казачество переживало сильнейшую трансформацию (в частности, местный костюм был вытеснен близким к великорусскому, а образованные местные жители познакомились с российской историографией). При этом изучение донских казаков профессиональными этнографами фактически началось только с 1880 гг., т. е. они изучали уже трансформировавшееся казачество. В подобном контексте особенно важны свидетельства современников о донском казачестве конца XVIII – начала XIX вв. Они немногочисленны (в статье рассматриваются широко известные работы о донском казачестве А.И. Ригельмана и менее известные М.И. Антоновского и А.Л. де Романо), однако А.И. Ригельман, много лет служивший в казачьей среде, зафиксировал самоидентификацию части казаков, что позволяет сравнить самоидентификацию донского казачества с его идентификацией внешними авторами.

Подобное сравнение позволяет выявить любопытный сюжет, прежде не установленный в научной историографии. Существовало принципиальное расхождение между зафиксированными случаями самоидентификации казаков интересующего нас периода и их идентификацией внешними авторами. При этом А.И. Ригельману было известно, кем себя считают казаки, а также ему был известен ряд их исторических мифов, но он описывал их через категорию «баснословий», противопоставляя им собственные выводы, сделанные преимущественно из исторических работ. В итоге дошедшая до нас информация о самоидентификации казаков конца XVIII – начала XIX вв. работает на отделение казаков от прочих восточных славян (прародиной казачества может служить, например, Кавказ, но не территории России/Великороссии и Украины/Малороссии; служение казаков России описывается как осознанный выбор; «Дон» интерпретируется как особый локус, дарованный казакам Иваном Грозным и т.п.).

Напротив, представлявшие российскую специфику авторы конца XVIII в., писавшие о донских казаках (А.И. Ригельман и М.И. Антоновский), однозначно вовлекали их в круг славян (прародиной казачества объявлялась Украина/Малороссия; казаки позиционировались как служившие России изначально или с самого раннего этапа своей истории; сюжет о «Доне» как особой казачьей земле опускался и т. п.). Подобная тенденция была доведена до логического завершения М.И. Антоновским, который интерпретировал донских казаков как «россиян» с определенной местной спецификой.

Ключевые слова: донское казачество, историописание, групповая идентичность, историческая память, А.И. Ригельман, М.И. Антоновский.

* Корреспондирующий автор

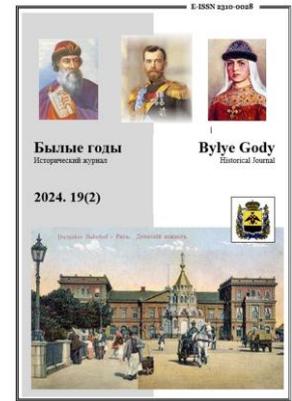
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 613-622
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.613

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Governor's Reports to the Supreme Name of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries: Source Criticism Capability

Daria N. Nesterenko ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Tatyana V. Izluchenko ^a, Nadezhda L. Khait ^a

^aSiberian Federal University, Institute for the Humanities, Russian Federation

Abstract

In this article on the basis of archival sources the governors' reports of the Yenisei province in the XIX – early XX centuries are considered. Through the cognitive theory of humanitarian knowledge the significant information potential of this historical source is revealed. In view of the openly debated issue in the historical scientific society about the potential of governor's reports as a historical source, it is important to actualize the issue of studying governor's reports as a specific representative document of regional character from the perspective of its comprehensive analysis depending on the research topic. The specificity of the representation the image of the region, in this case – Yenisei province, is the subject of special study. Due to the multidimensional nature of the governor's reports, the authors conclude that it is necessary to verify the obtained knowledge on multilevel: not only by comparing statistics with metadata in the records of other departments, but also by checking with documents that have narrative potential: doctors' opinions about the situation in the entrusted territory and other key figures in the history of the province. Thus, the researchers raise the question of expanding the range of historical sources to be compared with the report. The article reveals typical "notes" left by civil servants inside the text. They were, as a rule, notes in pencil, which were important because of the specific purpose of the person who read or checked the report. The importance of such verification lies in the fact that gubernatorial reports are documents of collective labor, a channel of communication between the region and the central government. The informational potential of governor's reports is much broader than a formulaic list and textual content. The integral image of the Yenisei province is formed by analyzing the hidden information inside the reports. This allowed researchers to identify the unique terminology for this locus, which has regional specifics.

Keywords: source study, governor's reports, Russian Empire, Yenisei province, governor, historical source, late XIX – early XX centuries.

1. Введение

Отчеты губернаторов – это комплексные документы властной вертикали. Уникальность этого исторического источника заключается в многоаспектности данных, которые подавали государственные служащие местного уровня власти на вышестоящих лиц. Отчеты имели четкую структуру, которая эволюционировала из года в год. Строго отведенный порядок составления документа дисциплинировал чиновников, обеспечивал определенную предсказуемость подачи данных. Это позволяет сопоставлять отчеты разных годов, так как отчет имел структурную целостность. Вместе с тем, такого рода документы предоставляют исследователю многоуровневую информацию относительно той исторической реальности и контекста пространства и времени, в которых они создавались.

Несмотря на бюрократическую составляющую документов, отчеты имеют значительный источниковедческий потенциал. Исторический источник невозможно рассматривать как

* Corresponding author

E-mail addresses: d.n.matveeva@mail.ru (D.N. Nesterenko)

изолированное свидетельство эпохи. Отчеты губернаторов Енисейской губернии содержат в себе уникальную информацию о золотых промыслах, инородцах и других аспектах социокультурной, экономической, политической реальности. В научно-историческом дискурсе губернаторские отчеты являются спорным источником с точки зрения достоверности предоставляемых данных в связи с тем, что они являлись продуктом коллективной деятельности многих волостных, уездных и других инстанций. В статье предпринята попытка источниковедческого анализа отчетов на нескольких уровнях: сравнения отчетов разных годов между собой, сравнения статистической информации с другими источниками делопроизводственного процесса в области учета, а также сопоставления отчета с точки зрения нарративного компонента, который являет исследователю возможности для рассмотрения опосредованного материала по истории Енисейской губернии.

2. Материалы и методы

В статье на основе документов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация), Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация) проанализирован потенциал губернаторских отчетов как исторического источника.

В основу исследования легла концепция О. В. Медушевской о когнитивной теории гуманитарного знания ([Медушевская, 2008](#)). Согласно этой научной парадигме при изучении губернаторских отчетов нужно учитывать необходимость методологических критериев, которые включают в себя понятие информационной сферы знания. Также – понятие информационной среды, так как губернаторский отчет является информационным продуктом целенаправленной человеческой деятельности. Такой подход позволяет поставить иную задачу в исследовании – анализ губернаторского отчета как самостоятельного акта истории, феномена человеческой коммуникации, отраженного в материализованной форме как акт созидательной деятельности.

В рамках данного исследования использовались общеисторические методы, такие как историко-генетический и историко-сравнительный методы, а также междисциплинарный лингвистический метод. Историко-генетический метод позволил выявить когнитивные связи элементов системы внутри губернаторского отчета, так как он являлся документом коллективной созидательной деятельности, а также феномена отчета как исторического источника, который обеспечивал связь в форме диалога через предоставление статистических сведений с вышестоящими инстанциями. Историко-сравнительный метод позволил выявить некоторые особенности написания текста, которые были изложены независимо от намерений автора документа. Лингвистический метод использовался для рассмотрения и анализа особых «помет» в тексте источника.

3. Обсуждение

И.Д. Ковальченко относил губернаторские отчеты к «массовым» источникам, полагая, что они демонстрируют динамику уровня развития земледелия отдельных районов. По его мнению, эти документы имели относительную достоверность, их особенностью была «одинаковая степень неточности» данных по разным губерниям, благодаря их «одинаковой технике сбора» ([Ковальченко, 2003](#)).

Б.Г. Литвак относил губернаторские отчеты к массовым источникам, так как им были присущи «ординарность обстоятельств происхождения», «однородность, аналогичность или повторяемость содержания», «однотипность формы, тяготеющая к стандартизации» и «наличие формуляра» ([Литвак, 1997](#)). В его понимании важен характер отражаемых в источниках явлений. Таким образом, губернаторские отчеты не существуют абстрагировано от общественно-политического контекста.

А.В. Ремнев считает, что губернаторские отчеты играли важную роль в организации управления Сибирью. Он показывает, что отчеты сибирских генерал-губернаторов и губернаторов были для правительства не только важным информационным каналом, но и реальным рабочим материалом, необходимым для формирования административной политики в Сибири ([Ремнев, 1997](#)).

На современном этапе важнейшим вопросом с точки зрения источниковедческого изучения губернаторских отчетов является проблема их объективности и достоверности. Так, например, А.Ю. Конев рассматривает губернаторские отчеты Тобольской губернии через призму предоставления подлинной информации, анализируя при этом каналы связи местных властей и чиновников губернской канцелярии ([Конев, 2021](#)).

Также генерал-губернаторские отчеты в сопоставлении с отчетами губернаторов с целью выявления достоверности подаваемых сведений, в том числе на примере сибирских административных чинов, изучает В.В. Гемирзеева ([Гемирзеева, 2021](#)).

Более того, современным исследователям характерно расширение проблематики изучения губернаторских отчетов. Наиболее дискуссионные вопросы историографического анализа всеподданнейших губернаторских отчетов в своих статьях рассматривает А.С. Минаков ([Минаков, 2016](#)). При актуализации вопроса об источниковедческом значении данных документов исследователь говорит о необходимости всестороннего анализа и расширения базы для представления источников.

Специфика репрезентации различных вопросов, их многоаспектности во Всеподданнейших отчетах сибирских губернаторов отражена в работе Н.П. Матхановой и Н.Н. Родигиной (Матханова, Родигина, 2019).

Важной работой для понимания облика института региональной власти, в том числе через призму отчетов генерал-губернаторов Восточной Сибири, является труд Н.П. Матхановой, в котором сделан вывод о роли личности в написании таких документов, мотивов и целей, которые можно выявить благодаря использованию данного типа источников (Матханова, 1998).

Особняком стоят работы И.Л. Дамешек и Л.М. Дамешек. Авторы говорят об особенностях губернаторской власти в Сибири, которая была в определенной степени ограничена, что имело отражение в губернаторских отчетах (Дамешек, 2009).

Содержательный аспект губернаторских отчетов за период 1860–1880-х гг. в Восточной Сибири был рассмотрен Т.А. Кискидосовой (Кискидосова, 2016).

Для понимания специфики коллективного написания губернаторских отчетов, а также уникальной связи региона и центральной власти с особыми функциональными обязанностями губернаторов, принципами «коллегиальности и ограниченности» важна работа Д.Н. Гергилева (Гергилев, 2017). В данной статье сделан вывод о важности расширения спектра исследуемых вопросов относительно специфики административной власти, в том числе с потенциальным исследованием губернаторских отчетов как исторических источников.

Вместе с тем актуальным и значимым является вопрос губернаторских отчетов Енисейской Сибири как уникального исторического источника с точки зрения его археографического потенциала для исследователей. В данной статье авторами предпринята попытка рассмотрения отчетов губернаторов Енисейской губернии с точки зрения их источниковедческого потенциала.

4. Результаты

Историческая эпоха возникновения губернаторских отчетов. XIX столетие было отмечено реформами в области государственного управления. 1802 г. ознаменовал переход к министерской системе центрального управления, а также к постановке новых качественных задач по отношению к местному уровню власти, а именно сбору сведений о состоянии дел вверенных губернаторам административно-территориальных образований. Долгое время рассмотрение отчетов губернаторов было, прежде всего, сферой ответственности генерал-губернаторов, а далее – Министерства Внутренних дел (далее – МВД). Формуляр губернаторского отчета четыре раза подвергался изменениям и усложнениям структуры (в 1836 г., 1842 г., 1853 г. и 1870 г.) именно по инициативе МВД. Этот факт можно объяснить в целом феноменом губернаторской власти. Являясь представителями высшей монархической власти, губернаторы несли ответственность за вверенную им территорию. Следовательно, обязаны были отчитываться о результатах года. Данный принцип полностью соответствует введенному принципу единоначалия в министерствах, и как следствие – применения этого принципа на местном уровне с последующей формой отчетности.

Енисейская губерния, образованная в 1822 г., представляла собой крупную территориальную единицу, оформившую в административную границу центральную Сибирь, в системе управления Российской империи.

В отчетах губернаторов систематизировались сведения о губернии в целом. Отчеты составлялись ежегодно и представляли собой общие сведения о вверенной губернии, а также ведомости о конкретных социально-экономических аспектах жизни региона в виде статистики.

Сотрудниками кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского Федерального университета было выявлено 49 отчетов губернаторов Енисейской губернии. Некоторые из них содержат в себе неполную информацию, как, например, отчет за 1864 год, где сохранилась только рукописная часть и данные о происшествиях за год. В связи с тем, что отчеты видоизменялись с течением времени, можно увидеть динамику этих изменений – от рапорта первого губернатора А. П. Степанова (в отчете за 1828 год содержалось всего 23 листа) до многостраничных отчетов середины XIX столетия (отчет за 1862 год уже насчитывал 338 листов).

Проблема авторства источника. Отчет губернатора – это документ, который состоял из сведений, собранных нижестоящими элементами государственной системы местного уровня управления (окружными, городскими, волостными). Эти сведения собирались в единый документ по определенному строгому формуляру. Несмотря на наличие строгости в основных частях отчета, губернатор мог расставлять акценты внутри текста. Это могло иметь различные цели – от описания ситуации с точки зрения изложения фактографической информации до стремления подчеркнуть деятельность определенных лиц или учреждений.

Несмотря на то что губернаторские отчеты – это продукт коллективного творчества, результат системы делопроизводства XIX – начала XX вв., они не являются безликими документами.

Характер написания вопросов спорного, эмоционально-окрашенного характера зависел от личности губернатора. Особенно ярко этот факт нашел отражение в оценке нравственного уровня населения губернии. С 1861 по 1868 гг. губернатором Енисейской губернии являлся П. Н. Замятнин.

В 1864 г. П. Н. Замятнин давал такое оценочное суждение относительно коренного населения: «Природные жители губернии не отличаются чистотою нравов и особенно не религиозны и суеверны; мужчины-склонны к пьянству, разврату, сутяжничеству и воровству, а женщины – ленивы и распутны» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 49. Л. 33). Диаметрально противоположную картину описывал губернатор А. Д. Лохвицкий, занимавший вышеуказанную должность с 1872 по 1876 гг.: «Преступления совершаются, главным образом, пришлым населением, а не коренным» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 696. Л. 32). Дискуссионность во времени между губернаторами могла быть обусловлена их личными качествами, жизненным и профессиональным опытом, происхождением, карьерными перспективами. Этот пример показывает скрытый информационный потенциал губернаторских отчетов как исторического источника.

Через губернаторские отчеты можно увидеть властную преемственность губернаторов. Например, А. Д. Лохвицкий, говоря о неудавшейся инициативе Д. Н. Замятнина «по улучшению быта поселенцев», отмечал перспективность этой идеи, а также он говорил о том, что готов реализовать данный проект в дальнейшей работе. При строгой форме и официальном стиле изложения губернаторский отчет невозможно назвать безликим документом.

Несмотря на то что на протяжении XIX столетия губернаторские отчеты как часть делопроизводственного процесса претерпевали изменения в формуляре в сторону более строгого структурирования внутри, личность составителя документов все равно полностью не утрачивалась.

Обстоятельства создания губернаторских отчетов. Отчеты губернаторов являлись результатом деятельности чиновников, которые они подавали на вышестоящее лицо. В связи с тем, что отчет – это продукт делопроизводственной системы, он представлял собой строгий формуляр, который по своей сути обязан был дисциплинировать государственных служащих. Документ в обязательном порядке датировался, визировался губернатором, так как он лично являлся ответственным за предоставляемые данные.

Отчет представлял собой результат деятельности за текущий год, поэтому важной частью отчета была статистика. Она помещалась во второй части отчета в табличном виде.

В отчете находили отражение различные стороны общественной жизни – результаты деятельности социальных институтов, взаимосвязи различных элементов большой разветвленной системы экономико-политической жизни и т.д. Это обстоятельство говорит об этом историческом источнике не только как о результате деятельности бюрократического аппарата, но и как о канале информации, который тем или иным образом отражает действительность локуса, в данном случае – Енисейской губернии.

Некоторая медлительность составления Всеподданнейших отчетов могла обуславливаться рядом причин, которые не всегда были зоной ответственности губернатора. Например, губернатор Енисейской губернии П. Н. Замятнин в 1865 г. пишет: «При этом должным считаю доложить Вашему Высокопревосходительству, что некоторое замедление в представлении годового отчета, не смотря на все заранее принятые меры, произошло от совершенно независимых от меня причин – а именно: от полнейшей неудовлетворительности полученных к отчету сведений, от разных мест и лиц – и в том числе от духовного начальства, которые исключительно потребовали пересоставлений и различных объяснений, а главные же от внезапной и сильной болезни лиц: составляющего и переписывающего набело отчет» (ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 687. Л. 2-3).

Источниковедческий потенциал губернаторских отчетов состоит в том, что обстоятельства создания отчета складывались из нужд региона, личной заинтересованности губернатора в «подсвечивании» слабых и сильных сторон реализуемых мероприятий. С помощью губернаторских отчетов можно проследить динамику развития региона или частных аспектов жизнедеятельности.

Нельзя обесценивать лингвистический потенциал источника. Обстоятельства создания губернаторских отчетов требовали сбора данных о золотых приисках, так как они являлись непосредственной частью экономики региона того времени. Характерной чертой отчетов губернаторов Енисейской губернии являлось наличие специализированных терминов, касающихся золотодобычи. Например, «бутара» – деревянное устройство в виде корыта с решетками для промывки золотосодержащих песков или «вашгерд» – простейший прибор для промывки золотоносных песков (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 124. Л. 12). Стоит отметить, что термины, употреблявшиеся в отчете, можно отнести к деловой письменности XIX столетия. Однако некоторые из них можно классифицировать как деловую письменность в системе Сибири или же как характерную сибирскую лексику в деловом письме. Например, «этапные и полуэтапные помещения». С 1823 г. в Западной и Восточной Сибири создаются этапные и полуэтапные сооружения или тюремные помещения для временного содержания ссыльных, передвигавшихся пешком от Перми и Екатеринбурга до Тюмени и Иркутска. Введены в Сибирь по указу 1822 г. «Об этапах в сибирских губерниях» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 124. Л. 84). Данные об «этапах» размещались в отчетах Енисейских губернаторов. Выявление лингвистических особенностей текста позволяет реконструировать социокультурный, экономический облик губернии.

Особенности текста губернаторского отчета. Проблемным вопросом при изучении губернаторских отчетов как исторических источников является выявление устойчивых содержательных конструкторов при постоянно изменяющихся фрагментах текста.

Помимо формуляра и текстовой информации внутри него, в губернаторских отчетах нередко встречаются особые «пометы», которые неразрывно связаны либо с автором документа, либо с адресатом. Рассмотрим пометы на примере отчета Енисейского губернатора П. Н. Замятнина за 1868 г.

По инструменту написания можно выделить пометы карандашом или чернилами. Например, карандашом на листе 4 в пункте «е. Промышленность» подчеркнуто: «на золотых промыслах, поставке на оных своих земледельческих произведений и разных тяжестей, а также в перевозках чаёв и товаров, составляющих предметы Кяхтинской торговли» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 124. Л. 4).

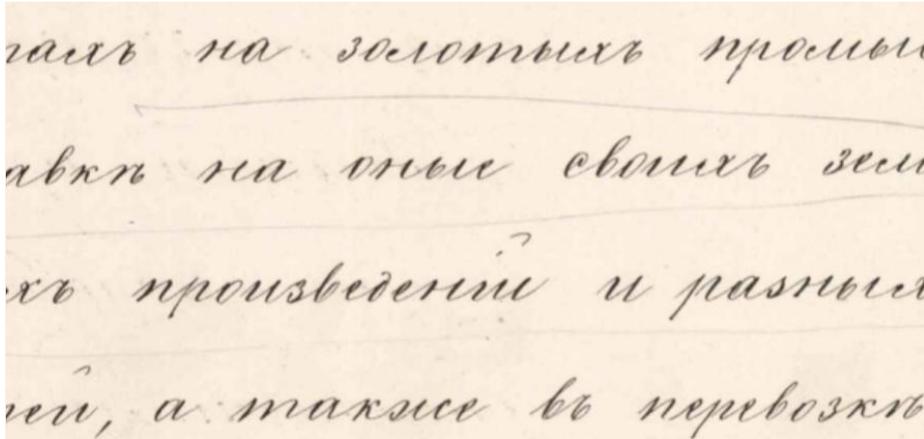

Рис. 1. Помета карандашом под основным текстом (1868 г.)

Пометы чернилами внутри губернаторских отчетов встречаются реже, чем карандашом. Среди таковых, например, внетекстовые подписи (Рисунок 2) (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 124. Л. 21).

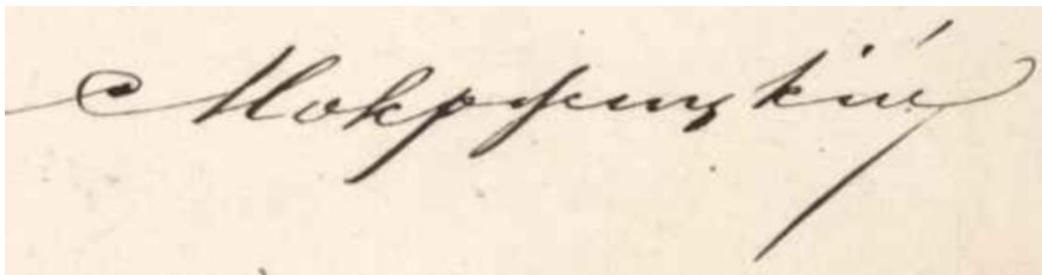

Рис. 2. Помета чернилами – подпись государственного служащего

По языковому выражению можно выделить следующие типы помет: «немые» и текстовые. «Немые» пометы – это пометы без языкового компонента, но при этом с числовым выражением. Среди таковых часто встречаются проверки значений «столбиком» карандашом (Рисунок 3). В смете подчеркнуто количество умерших на 1 прииске (39) и количество больных на 2 прииске (922). Ниже сметы в столбик к количеству выздоровевших приисковых рабочих прибавлены умершие (1891+90=1981) (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 124. Л. 17). Такие пометы можно отнести к категории знаковых, так как они имеют числовое выражение.

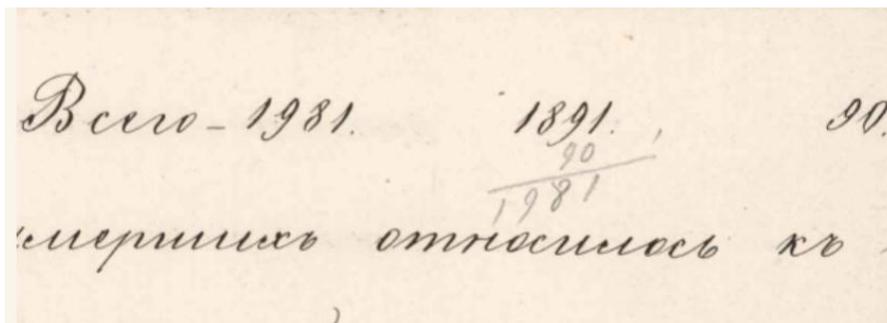

Рис. 3. Помета карандашом – подсчеты «столбиком»

В губернаторских отчетах нередко встречаются текстовые пометы, как правило, карандашом. Например, подчеркнута сумма недоимок по общему состоянию податей. Напротив списка распределения недоимок пометка: «обратить внимание» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 124. Л. 39).

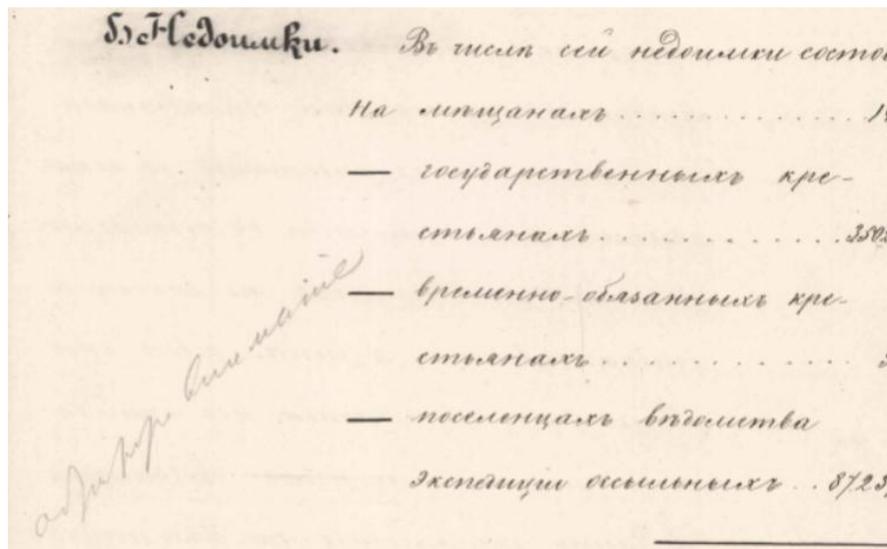

Рис. 4. Текстовая помета карандашом

Исследование этимологии помет в губернаторских отчетах представляется затруднительным. Однако при сопоставлении почерка, а также других текстовых помет это представляется возможным. Например, в случае с данной внетекстовой пометой в конце пункта «а) Казенных зданий» напротив текста пометка: «удобными?» и авторский знак. Авторский знак здесь сопоставляется с подписью государственного служащего, чиновника Особых поручений Е. Мокруцкого, соответственно, многие пометы внутри текста были сделаны им карандашом (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 124. Л. 40).

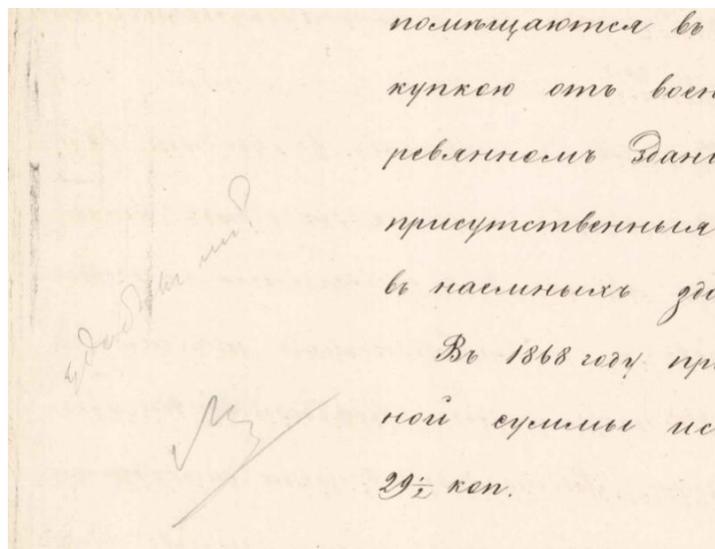

Рис. 5. Внетекстовая помета карандашом Е. Мокруцкого

В целом, пометы в губернаторских отчетах можно типологизировать следующим образом: в большинстве своем по инструменту нанесения – карандашные. По степени расположения на листах встречаются пристраничные и внестраничные. Внестраничные пометы дают возможность выявить личность, которая оставляла рукописный след на делопроизводственном документе, как правило, это государственные служащие, вычитывавшие сам отчет. Таким образом, можно говорить о характере самого источника как способа контроля высших органов власти над местными. Безусловна смысловая связь любых помет с текстом. Для помечавшего эти аспекты наиболее важны, так как их можно отнести к категории «пометы для себя». Интересно то, что среди подчеркиваний превалирующее число помет приходится на недоимки, а также различные региональные особенности губерний, например, золотые прииски. Графические пометы в тексте не встречаются, в отличие от

знаковых. Последние имеют целью проверку данных, предоставленных губернаторами. В целом наиболее часто встречаются такие пометы, как подчеркивания карандашом внутри текста, неразборчивые символы карандашом, словесные пометы, подчеркивания вертикальной линией, авторские знаки.

История публикации губернаторских отчетов. Скелет отчета – это его формуляр. Он претерпевал изменения на протяжении бытования этого делопроизводственного документа. Первые губернаторские отчеты не отличались строгостью расположения его реквизитов. Самый ранний обнаруженный отчет Енисейской губернии – отчет первого губернатора в истории Енисейской губернии А. П. Степанова от 1823 г. (ГАРФ. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 8. Л. 1-7). Интересно то, что первые отчеты о деятельности не именовались как «Всепоподданнейшие отчеты», они имели вольное наименование. Например, отчет за 1823 г. именовался «Сведения о числе жителей, распределенных по сословиям; о фабриках и заводах Енисейской губернии, и описание городов Канска и Красноярска той же губернии за 1823 г.» (ГАРФ. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 8. Л. 1-7). Отчет за 1829 г. уже носит название «Донесение Енисейского гражданского губернатора об обозрении им Енисейской губернии» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 226. Л. 1). Это связано с ориентацией губернаторов на формулировки вышестоящих органов и чинов ввиду отсутствия четких требований к оформлению и подготовке отчетов.

В 1820-е гг. прослеживается значительная роль полицейских чинов в сборе сведений по губернии. Отсюда можно сделать вывод о коллективном участии в составлении отчета.

В 1860–1870-е гг. отчеты Енисейских губернаторов представляются наиболее ценным источником, так как содержат более развернутые сведения о губернии, нежели в предыдущие и последующие года. К этому времени составление отчета – это регулярная процедура. Ряд отчетов енисейских губернаторов этого периода можно назвать образцово-показательными. До 1870-х гг. отчет содержал в себе следующие составляющие:

3. Естественные и производительные силы губернии (местность, народонаселение, дворянство, городские обыватели, торговля, промышленность, заводы, судоходство, ярмарки, сельские обыватели, инородцы, сельское хозяйство, посев и урожай, скотоводство, коннозаводство, народное продовольствие);

4. Подати и повинности (общее состояние податей, недоимки, рекрутский набор, земские повинности, городские доходы);

5. Общественное благоустройство (казенные здания, дороги, мосты и перевозки, почты, частные здания);

6. Народная нравственность (раскольники, иноверцы, бессрочно-отпускные, отставные нижние чины, иностранцы, происшествия, жалобы, беглые и бродяги, арестанты, тюремные замки, этапы, рабочие и смиренные дома, арестантская рота гражданского ведомства, состоящие под надзором полиции);

7. Народное здравие (врачи, аптеки, оспопрививание, заразные болезни, падежи);

8. Общественное призрение (больницы, богадельни);

9. Народное просвещение (учебные заведения, типографии, библиотеки);

10. Местная администрация и судопроизводство (общее движение делопроизводства, губернское правление, полиция, пожарная часть, квартирная повинность, земская полиция, опеки, думы, ратуши и словесные суды, казначейства, архивы);

11. Делопроизводство по всем ведомствам губернии (об улучшении состояния православных церквей, благонадежность лиц, награды на взыскания виды предположения);

12. Заключение.

С 1870-х гг. постраничное содержание с главами и параграфами отходит. Происходила постепенная смена рукописного текста печатным. Это обуславливалось общеимперскими тенденциями пореформенного периода.

Обязательные части формуляра отчета свидетельствовали об акцентах содержания, которые интересовали центральную и высшую власть. Деление на фактические «статьи» внутри документа позволяло быстро систематизировать информацию вышестоящим органам. Несмотря на постепенную унификацию формы отчета, на содержательность это фактически не влияло, поэтому отчет позволяет проследить контуры социально-экономической политики региона в означенный период.

Содержание губернаторских отчетов. Дискуссионность содержания губернаторских отчетов – проблема для исследователя-историка, которая решается благодаря критике источника путем сопоставления с другими документами. Например, в губернаторском отчете 1857 г. содержится следующая оценка деятельности по предотвращению заболеваний венерическими болезнями: «Исполнение мер, предписанных от Министерства Внутренних Дел к прекращению любострастной болезни, производилось как полициями, так и врачами с постоянною заботливостью» (ГАРФ. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 128. Л. 25-26). При сопоставлении с другими типами источников было выявлено несоответствие данной информации и действительности. Врачи были вынуждены работать по предупреждению распространения венерических болезней в условиях, которые были далеки от понятия «постоянной заботливости» (Матвеева, Хаит, 2021). Например, они сталкивались с такими проблемами, как нехватка медицинского персонала, отсутствие элементарных вещей, от занавесок до

необходимых медицинских приспособлений (ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 107. Л. 1). Несмотря на серьезные расхождения в оценке ситуации, особо ценным является вывод о том, что бытовые суждения работников медицинской сферы, их нужды входили в разрез с картиной, которую губернатор подавал на высочайшее имя. Это говорит о расстановке акцентов в самом отчете: губернаторы, как правило, выделяли приоритетные задачи, несмотря на формализованность текста и унифицированность структуры документа.

Интерпретация и смыслы губернаторских отчетов. Говоря об источниковедческом значении статистических данных в отчетах енисейских губернаторов, стоит отметить встречающуюся в них усредненность и повторяемость. Например, графа «Естественные и производительные силы губернии» имела место в каждом из отчетов без каких-либо качественных изменений. Она традиционно начиналась так: «Енисейская губерния занимает до 2062322 квадратных верст или 214825235 десятин 500 сажень. Из этого пространства положительно измеренной земли 3476509 десятин 1735 сажень; в том числе под лесами 710321 десятина 2158 сажень. Из всего пространства измеренной земли занимают: города – 65110 десятин 474 сажени и округа – 3411399 десятин 1261 сажень» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 49. Л. 5-6). Протяженность губернии, местность являлись не единственными пунктами, которые могли оставаться без существенных изменений, к ним могли относиться также сведения о пожарных частях, полиции и другие пункты отчета.

Отчеты имели несколько экземпляров, отправляемых в разные по уровню инстанции. Например, выявленный отчет за 1828 год был направлен министру внутренних дел, в свою очередь, отчет за 1859 год был отправлен в Главное управление Восточной Сибири (ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 45).

С одной стороны, это говорит о возможной недостоверности информации, а с другой, – о наличии возможности проверки сведений через сопоставление отчетов. Более того, перспективность изучения отчетов заключается в том, что при относительной достоверности они показывают общие показатели развития губернии при комплексном подходе к их анализу.

Отчеты енисейских губернаторов предоставляют скрытую информацию по многим аспектам, при этом данный источник не существовал вне историко-политического контекста. Примечателен тот факт, что в начале XX в. в отчетах губернаторов можно увидеть сведения о политических настроениях жителей. Таким образом, подготовка отчетов на местах тесно связана с ролью губернского административного аппарата в вертикали власти Российской империи.

Перспективность изучения губернаторских отчетов лежит именно в поисках интерпретаций текста и статистики. Большая, кропотливая работа по поиску черновых вариантов самих отчетов и дальнейшее сопоставление для выявления спорных данных, а также других делопроизводственных документов эпохи, раскрывают большой источниковедческий потенциал данного источника.

5. Заключение

Губернаторский отчет является структурно-фундаментальным информационным ресурсом в познании человеческой действительности XIX – начала XX вв. Для него характерны такие черты, как манипулирование информационным обменом, так как губернатор мог намеренно обращать внимание монарха или других вышестоящих органов власти на проблемы или перспективы региона. Агрессивность подачи информации в данном источнике исключена, однако присутствует лингвистический социокультурный аспект, который отражает характерные черты локуса – Енисейской губернии. Губернаторский отчет – это интегральный исторический источник, результат взаимодействия местных чинов и органов власти, по этой причине его нельзя назвать изолированным. Статистика, которая предоставлялась во второй части отчета, являлась средством для многостороннего диалога между разными уровнями власти. Являясь свидетельством своей эпохи, он дает опосредованную информацию о личностях внутри этого отчета. Для историка важной перспективой для изучения губернаторского отчета является выявление когнитивных связей с другими общественными институтами.

Литература

- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
 ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Гемирзеева, 2021 – Гемирзеева В. В. Годовые отчеты генерал-губернаторов и губернаторов конца XIX – начала XX в.: еще раз к вопросу о достоверности источника // *Новое прошлое*. 2021. №1. С. 236-245.
 Гergiлев, 2017 – Гergiлев Д. Н. Структура губернского и областного управления в Восточной Сибири в 1822 – 1917 гг.: принципы функционирования и региональные особенности // *Genesis: исторические исследования*. 2017. №6. С. 56-69.
 Дамешек, 2009 – Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822-1917 гг.) Иркутск, 2009. 389 с.
 Кискидосова, 2016 – Кискидосова Т. А. Губернаторский отчет как источник по изучению городов Восточной Сибири в 1850-1880е гг. // *Вестник ТГУ*. 2016. № 412. С. 50-53.

- [Ковальченко, 2003](#) – Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Москва, 2003. 486 с.
- [Конев, 2021](#) – Конев А.Ю. В поисках «ключа» к изучению губернаторских отчетов // *Новое прошлое*. 2021. №1. С. 218-225.
- [Литвак, 1997](#) – Литвак Б. Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. Москва, 1997. 144 с.
- [Матвеева, Хаит, 2021](#) – Матвеева Д. Н., Хаит Н. Л. К вопросу о медико-охранительной стороне проституции в XIX – начале XX вв. на примере материалов Енисейской губернии // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2021. №2. С. 127–132.
- [Матханова, 1998](#) – Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998. 428 с.
- [Матханова, Родигина, 2019](#) – Матханова Н. П., Родигина Н. Н. Образ Сибири в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. // *Quaestio Rossica*. 2019. №3. С. 835-850.
- [Медушевская, 2008](#) – Медушевская О. В. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 361 с.
- [Минаков, 2016](#) – Минаков А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. №2. С. 5-24.
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- [Ремнев, 1997](#) – Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997. 253 с.

References

- [Dameshek, 2009](#) – Dameshek, I.L., Dameshek, L.M. (2009). Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822-1917 gg.) [Siberia in the system of imperial regionalism (1822-1917)]. Irkutsk, 389 p. [in Russian]
- ГАИО – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].
- ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- ГАРФ – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- [Gemirzeeva, 2021](#) – Gemirzeeva, V.V. (2021). Godovye otchety general-gubernatorov i gubernatorov kontsa XIX – nachala XX v.: eshche raz k voprosu dostovernosti istochnika [Annual reports of governors-general and governors of the late XIX – early XX century: once again to the question of the reliability of the source]. *Novoe proshloe*. 1: 236-245. [in Russian]
- [Gergilev, 2017](#) – Gergilev, D.N. (2017). Struktura gubernskogo i oblastnogo upravleniia v Vostochnoi Sibiri v 1822 – 1917 gg.: printsipy funktsionirovaniia i regional'nye osobennosti [The structure of provincial and regional government in Eastern Siberia in 1822-1917: principles of functioning and regional peculiarities]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia*. 6: 56-69. [in Russian]
- [Kiskidosova, 2016](#) – Kiskidosova, T.A. (2016). Gubernatorskii otchet kak istochnik po izucheniiu gorodov Vostochnoi Sibiri v 1850-1880e gg. [Governor's Report as a Source for the Study of Eastern Siberian Cities in the 1850s-1880s.]. *Vestnik TGU*. 412: 50-53. [in Russian]
- [Konev, 2021](#) – Konev, A.Yu. (2021). V poiskakh “kliucha” k izucheniiu gubernatorskikh otchetov [In search of the “key” to studying gubernatorial reports]. *Novoe proshloe*. 1: 218-225. [in Russian]
- [Koval'chenko, 2003](#) – Koval'chenko, I.D. (2003). Metody istoricheskogo issledovaniia [Methods of historical research]. М., 486 p. [in Russian]
- [Litvak, 1997](#) – Litvak, B.G. (1997). O dostovernosti cvedenii gubernatorskikh otchetov XIX v. [On the reliability of information of the governor's reports of the XIX century]. М., 144 p. [in Russian]
- [Matkhanova, 1998](#) – Matkhanova, N.P. (1998). General-gubernatory Vostochnoi Sibiri serediny XIX veka: V. IA. Rupert, N. N. Murav'ev-Amurskii, M. S. Korsakov [Governors-General of Eastern Siberia in the mid-19th century: V. Y. Rupert, N. N. Muravyov-Amursky, M. S. Korsakov]. Novosibirsk. 428 p. [in Russian]
- [Matkhanova, Rodigina, 2019](#) – Matkhanova, N.P., Rodigina, N.N. (2019). Obraz Sibiri v otchetakh general-gubernatorov vtoroi poloviny XIX v. [The image of Siberia in the reports of governors-general of the second half of the 19th century]. *Quaestio Rossica*. 3: 835-850. [in Russian]
- [Matveeva, Khait, 2021](#) – Matveeva, D.N., Khait, N.L. (2021). K voprosu o mediko-okhranitel'noi storone prostitutsii v XIX – nachale XX vv. na primere materialov Eniseiskoi gubernii [To the question of medical and safety side of prostitution in the XIX – early XX centuries on the example of materials of the Yenisei province]. *Problemy sotsial'no ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*. 2: 127-132. [in Russian]
- [Medushevskaiia, 2008](#) – Medushevskaiia, O.V. (2008). Teoriia i metodologiia kognitivnoi istorii [Theory and methodology of cognitive history]. М., 361 p. [in Russian]
- [Minakov, 2016](#) – Minakov, A. S. (2016). Vsepoddaneishie otchety gubernatorov Rossiiskoi imperii: sovremennye problem istoriografii [All-subject reports of the governors of the Russian Empire: modern problems of historiography]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 2: 5-24. [in Russian]

Remnev, 1997 – Remnev, A.V. (1997). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaia politika vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [The autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX – early XX centuries]. Omsk. 253 p.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Всеподданнейшие отчеты губернаторов Енисейской губернии XIX – начала XX вв.: источниковедческий потенциал

Дарья Николаевна Нестеренко ^{а, *}, Денис Николаевич Гергилев ^а, Татьяна Владимировна Излученко ^а, Надежда Леонидовна Хаит ^а

^а Сибирский Федеральный университет, Гуманитарный институт, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье на основе архивных источников рассматриваются отчеты губернаторов Енисейской губернии в XIX – начале XX вв. Посредством когнитивной теории гуманитарного знания раскрывается значительный информационный потенциал данного исторического источника. Ввиду открытого дискуссионного вопроса в историческом научном обществе о потенциале губернаторских отчетов как исторического источника важно актуализировать вопрос об изучении губернаторских отчетов как специфического репрезентативного документа регионального характера с позиций его всестороннего анализа в зависимости от темы исследования. Специфика репрезентации образа региона, в данном случае Енисейской губернии, является предметом специального изучения. Ввиду многоаспектности губернаторских отчетов авторами сделан вывод о необходимости многоуровневой проверки полученных знаний не только через сопоставление статистики с метаданными в делопроизводственных документах других ведомств, но и через проверку с документами, которые имеют нарративный потенциал: мнения врачей о ситуации относительно вверенной территории и других ключевых фигур в истории губернии. Таким образом, исследователями ставится вопрос о расширении круга сопоставляемых с отчетом исторических источников. В статье выявлены типичные «пометы», оставленные государственными служащими внутри текста. Они представляли собой, как правило, заметки карандашом, которые были важны ввиду определенной цели читавшего или проверявшего отчет. Важность такой проверки заключается в том, что губернаторские отчеты – это документы коллективного труда, канал связи региона и центральной власти. Информационный потенциал губернаторских отчетов значительно шире, чем формулярный список и наполнение текстовой составляющей. Интегральный образ Енисейской губернии складывается ввиду анализа скрытой информации внутри отчетов. Это позволило выявить исследователям уникальную для этого локуса терминологию, имеющую региональную специфику.

Ключевые слова: источниковедение, губернаторские отчеты, Российская империя, Енисейская губерния, губернатор, исторический источник, конец XIX – начало XX вв.

* Корреспондирующий автор

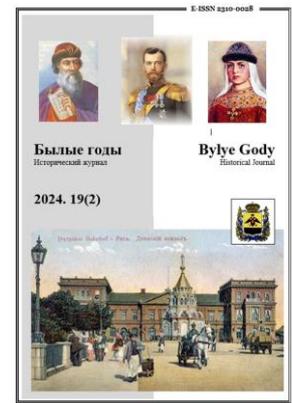
Адреса электронной почты: d.n.matveeva@mail.ru (Д.Н. Нестеренко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 623-631
DOI: 10.13187/bg.2024.2.623

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kharkiv Educational District (1803–1917): A Review of Modern Historiography

Timur A. Magsumov ^{a,b,c,*}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers an overview of modern historiography devoted to the Kharkiv Educational District (1803–1917). 43 English-language and Russian-language publications made in the period from 2006 to 2024 are analyzed.

The research methodology is based on the historical and genetic method, which allowed the authors to consider the evolution of the study of the public education system on the territory of the Kharkiv Educational District. The great importance is also given to the historical and systemic method, thanks to which the authors considered the studied problem comprehensively, taking into account the established traditions in historiography. At the same time, the authors applied a comparative historical method that allowed them to pay attention to the specifics of conducting scientific research on the Kharkiv Educational District.

The presented review of modern historiography shows that the system of public education in the territory of the Kharkiv Educational District is now actively engaged in the Cherkas Global University, which is implementing an ambitious project “The system of public education in the Russian Empire: a historical and statistical study”. As part of this project, the organization's staff comprehensively reviewed the public education systems of all six territories of the Kharkiv Educational District. Besides this, representatives of regional historical scientific schools are currently engaged in various aspects of public education, which, as a rule, touch on private issues and rarely return to the public education system in their publications.

Keywords: historiography, Kharkiv Educational District, Ministry of Public Education, Russian Empire.

1. Введение

В современной историографии система народного образования на территории Российской империи слабо изучена. Так уж исторически сложилось, что в советский период эта тема ввиду политизированности советской исторической науки не привлекала исследователей. Однако и сегодня, спустя более 30 лет, мы можем наблюдать лишь эпизодические обращения к этой теме специалистов. В поддержку нашего тезиса рассмотрим территорию Харьковского учебного округа, который был создан в 1803 г. (Cherkasov, 2023: 1686).

2. Материалы и методы

В качестве материалов в работе были использованы 43 англоязычные и русскоязычные публикации, опубликованные в российских и зарубежных научных журналах в период с 2006 по 2024 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

Методология нашего исследования базируется на историко-генетическом методе, который позволяет рассмотреть эволюцию изучения системы народного образования на территории Харьковского учебного округа. Большое значение уделено и историко-системному методу, благодаря которому мы рассмотрели изучаемую проблему комплексно с учетом сложившихся традиций в историографии. В тоже время мы применили и сравнительно-исторический метод, который позволил обратить внимание на специфику проведения научных исследований, посвященных Харьковскому учебному округу.

Обсуждение и результаты

Приступая к обзору современной историографии, мы должны оговориться, что рассматриваем здесь не всю историографию, а ее основные направления. Значительная часть работ по истории Харьковского учебного округа выполнена представителями местных региональных научных школ, тем не менее обращались к этой теме и специалисты из столичных российских вузов, в том числе и зарубежные специалисты.

Работы по истории Харьковского учебного округа можно разделить на две группы: работы, посвященные непосредственно Харьковскому учебному округу, и работы, посвященные входящим в состав округа губерниям и областям.

К первой группе работ мы хотели бы отнести труды, посвященные чиновническому составу Министерства народного просвещения на территории Харьковского учебного округа. Так, в 2020 г. С.И. Дегтярев и другие обращались к теме почетных попечителей Харьковского учебного округа и предпринимали комплексную попытку рассмотреть карьеру, социальное положение и образовательный уровень этих специалистов (Degtyarev, Polyakova, 2020; Degtyarev et al., 2020). Как известно, почетные попечители были введены в России гимназическим уставом 1828 г., и с этого времени, в первую очередь, представители дворянства занимали позиции почетных попечителей. Многие из них относились к своей общественной работе весьма формально, но были и такие, кто ревностно служил делам своих учебных заведений (Degtyarev et al., 2020: 675). В 2022 г. И.Т. Шатохин и С.Б. Шатохина обращались к теме старшего чиновнического состава народных училищ в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века. Авторы рассмотрели состав директоров и инспекторов (Шатохин, Шатохина, 2022). А.М. Мамадалиев и другие обращались к анализу педагогических журналов на территории Харьковского учебного округа в период 1860–1917 гг. (Mamadaliyev et al., 2023). Авторы обращали внимание на то, что на территории округа издавалось 11 педагогических журналов, среди которых наиболее известным был журнал «Филологические записки», просуществовавший весь рассматриваемый в публикации период (Mamadaliyev et al., 2023: 786).

В 2023 г. А.А. Черкасов рассматривал демографический и научный потенциал всех пятнадцати учебных округов Российской империи. В выборку автора были включены сведения о составе населения округа, его гендерном составе и численности лиц, живущих в городах. Уделено было внимание также наличию высших учебных заведений и педагогических журналов в регионе как важному маркеру научного потенциала (Cherkasov, 2023). Методическую деятельность Харьковского учебного округа в 2014 г. рассматривала Т.В. Шушара (Шушара, 2014). В свою очередь, в 2021 г. Ю.Е. Грачева обращалась к теме уездных училищ округа в контексте министерской политики (Грачева, 2021).

Переходя ко второй группе работ, мы должны отметить, что в состав Харьковского учебного округа входили следующие губернии: Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Курская, Пензенская и область войска Донского.

Рассмотрим эти регионы по отдельности.

Харьковская губерния. Пожалуй, менее всего исследователи обращались к системе народного образования на территории Харьковской губернии имперского периода. Так, в 2023–2024 гг. G. Rajović и S.N. Bratanovskii обращались к системе народного образования на территории Харьковской губернии. Уделили внимание эволюции системы вплоть до революции 1917 г. (Rajović, Bratanovskii, 2023; Rajović, Bratanovskii, 2024). Среди других исследователей в 2016 г. М.В. Карелин и Г.Р. Лях рассматривали тему трудового обучения в средних учебных заведениях губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (Карелин, Лях, 2016). Помимо этого, в 2013 г. М.Ю. Никитин обращался к роли земства Харьковской губернии в деле развития системы среднего образования на примере Харьковской губернии (Никитин, 2013).

Воронежская губерния. Система народного образования Воронежской губернии также становилась объектом пристального внимания исследователей. Так, в 2020 г. А.А. Черкасов и другие обращались к изучению становления и развития имперской модели народного образования на территории Воронежской губернии (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a). Авторы рассматривали не только учебные заведения Министерства народного просвещения, но и учебные заведения духовного ведомства.

В 2006 г. Е.В. Кривотулова изучала общественно-педагогическое и просветительское движение на территории Воронежской губернии на рубеже XIX–XX в. (Кривотулова, 2006). В 2018 г.

М.М. Савенкова анализировала частные инициативы в организации рукодельных школ на территории этой же губернии (Савенкова, 2018). И, наконец, в 2023 г. Н.Г. Георгиева и Н.Э. Самедова рассматривали распространение аграрных знаний в Воронежской губернии и учреждение первой сельскохозяйственной школы (Георгиева, Самедова, 2023).

Великое войско Донское. Гораздо большей разработанностью отличается историография территории Великого войска Донского. В 2023 г. G. Rajović и другие обращались к системе народного просвещения на территории этой казачьей области в период с 1790 по 1917 гг. Они смогли рассмотреть эволюцию этого дела в условиях региона (Rajović et al., 2023a; Rajović et al., 2023b).

Помимо этих авторов, активно изучением разных аспектов занимались А.У. Peretyatko и Т.Е. Zulfugarzade. Так, в 2017 г. авторы обращались к проекту реформы образования на Дону в 1860 г. (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017). В том же году авторы рассмотрели высшее и среднее образование на Дону в эпоху великих реформ (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a). В 2019 г. авторы обращались к проблеме низкого образования среди донских казаков в XIX веке (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019; Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a), а также к реформам образования на Дону в 1880-1890 гг. (Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b). В 2022 г. А.У. Peretyatko и V.A. Svechnikov обращались к теме обсуждения практики преподавания словесности в 1860-х гг. на примере Новочеркасской гимназии (Peretyatko, Svechnikov, 2022).

В 2015 г. Е.В. Манзунин и другие обращались к теме церковно-приходских школ на территории казачьих областей Российской империи в период конца XIX – начала XX века (Манзунин и др., 2015).

Тамбовская губерния. В 2007 г. В.Л. Колесникова предприняла попытку рассмотреть роль женщины духовного сословия в деле народного образования на территории Тамбовской губернии в имперский период (Колесникова, 2007). В свою очередь, такие авторы, как Д.В. Бурдаков в 2015 г. и А.С. Колотова в 2016 г. обращались к изучению учебных заведений гражданского и духовного ведомств на примере отдельных уездов Тамбовской губернии. Так, Д.В. Бурдаков рассмотрел эти процессы на территории Липецкого уезда (Бурдаков, 2015), а А.С. Колотова – на примере Козловского уезда (Колотова, 2016). В 2023 г. G. Rajović и другие обращались к комплексному анализу системы народного образования на территории Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. с выделением средней, низшей и начальной ступеней образования (Rajović et al., 2023c; Rajović et al., 2023d).

Курская губерния. В 2017 г. Н.В. Старосельцева, В.В. Попов делали попытку рассмотреть роль земства в деле народного образования во второй половине XIX в. на территории Курской губернии (Старосельцева, Попов, 2017). В 2021 г. В.О. Капнин обращался к теме становления и развития системы начального образования на территории этой же губернии в XIX веке (Капнин, 2021). В свою очередь, А.В. Третьяков и Т.А. Сорокина в том же 2021 г. рассматривали развитие низшего сельскохозяйственного образования на территории губернии в пореформенный период (Третьяков, Сорокина, 2021). Также в 2021 г. И.А. Мельникова и Н.П. Маслов обращались к развитию педагогических новаций в земский школах губернии во второй половине XIX – начале XX века (Мельникова, Маслов, 2021). В 2023 г. G. Rajović и другие комплексно рассмотрели эволюцию системы народного образования на территории Курской губернии в период с 1808 по 1917 гг. и сделали ряд принципиальных выводов (Rajović et al., 2023e; Rajović et al., 2023f).

Пензенская губерния. В 2015 г. О.А. Логинова обращалась к теме формирования социального заказа на гимназическое образование на территории Пензенской губернии (Логинова, 2015). В 2021 г. П.В. Колесников предпринял попытку рассмотреть процесс организации учебной и воспитательной работы на примере школ духовного ведомства региона (Колесников, 2021). В 2022 г. А.М. Мамадалиев и другие предприняли комплексную попытку рассмотреть всю систему народного образования Пензенской губернии в период со второй половины XIX – начала XX вв. Периодизация была авторами выбрана не случайно, так как за более ранний период опубликованных источников в имперский период не оказалось (Mamadaliev et al., 2022; Mamadaliev et al., 2022a; Mamadaliev et al., 2022b). В 2023 г. Г.В. Синцов и другие затрагивали вопросы становления юридической школы на территории Пензенской губернии в имперский период (Синцов и др., 2023). И наконец, в 2024 г. Л.А. Королева затрагивала вопросы становления женского образования на территории губернии в 1850–1880 гг. (Koroleva, 2024).

В настоящем историографическом обзоре нельзя не обратить внимание на одну важную деталь: все обобщающие работы по истории народного образования регионов Харьковского учебного округа выполнены такими авторами, как Г. Райович, А.М. Мамадалиев, А.А. Черкасов, А.Ю. Перетятко, С.И. Дегтярев и др., в рамках реализации проекта Cherkas Global University «Система народного образования в Российской империи: историко-статистическое исследование». Этим объясняется педантичное обращение авторов данной организации ко всем аспектам системы народного образования не только Харьковского учебного округа, но и других округов Российской империи. В данном историографическом обзоре этой организации принадлежит половина всех публикаций.

5. Заключение

Представленный обзор современной историографии наглядно демонстрирует, что системой народного образования на территории Харьковского учебного округа сегодня активно занимается Cherkas Global University, который реализует проект «Система народного образования в Российской империи: историко-статистическое исследование». В рамках этого проекта сотрудниками организации были комплексно рассмотрены системы народного образования всех шести регионов Харьковского учебного округа. Помимо этого, различными аспектами народного образования сегодня занимаются и представители региональных исторических научных школ, которые, как правило, затрагивают частные вопросы и редко возвращаются вновь в своих публикациях к системе народного образования.

Литература

Бурдаков, 2015 – Бурдаков Д.В. Развитие системы церковно-приходских школ во второй половине XIX в. (на примере Липецкого уезда Тамбовской губернии) // *История. Историка. Источники: электронный научный журнал*. 2015. № 1. С. 17-22.

Георгиева, Самедова, 2023 – Георгиева Н.Г., Самедова Н.Э. Распространение аграрных знаний в Воронежской губернии и учреждение первой сельскохозяйственной школы в последней четверти XIX века // *Казачество*. 2023. № 69 (4). С. 32-38.

Грачева, 2021 – Грачева Ю.Е. Гимназии и уездные училища Харьковского учебного округа в контексте министерской политики в начале XIX века // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 2-3 (104). С. 159-163.

Капнин, 2021 – Капнин В.О. Становление и развитие системы церковно-приходских и земских школ на территории Курской губернии в XIX веке // *Культурное наследие России*. 2021. № 2 (33). С. 63-66.

Карелин, Лях, 2016 – Карелин М.В., Лях Г.Р. Трудовое обучение в средних общеобразовательных учреждениях Харьковской губернии во второй половине XIX – в начале XX вв. // *Научный обзор*. 2016. № 1 (22). С. 91-98.

Колесников, 2021 – Колесников П.В. Организация учебно-воспитательной деятельности в церковно-приходских школах Пензенской губернии XIX-XX вв. // *Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии*. 2021. № 3 (21). С. 69-77.

Колесникова, 2007 – Колесникова В.Л. Женщина духовного сословия в системе народного образования России XIX – начала XX вв. (на примере Тамбовской губернии) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История, Политология. Экономика. 2007. № 1 (32). С. 67-71.

Колотова, 2016 – Колотова А.С. Церковно-приходские и земские школы Козловского уезда Тамбовской губернии // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 1-6. С. 60-63.

Кривотулова, 2006 – Кривотулова Е.В. Общественно-педагогическое и просветительское движение в Воронежской губернии конца XIX – начала XX в. // *Вестник Воронежского отделения Русского географического общества*. 2006. № 6. С. 109-112.

Логинова, 2015 – Логинова О.А. Формирование социального заказа на гимназическое образование в России XIX – начала XX веков: региональный аспект // *Наука. Общество. Государство*. 2015. № 1 (19). С. 44.-56.

Манузин и др., 2015 – Манузин Е.В., Письменная Т.Г., Рябиков А.Н., Гречишко Д.Н. Церковно-приходские школы в казачьих войсках в конце XIX – начале XX века // *Образование. Наука. Инновации: Южное измерение*. 2015. № 4 (42). С. 50-60.

Мельникова, Маслов, 2021 – Мельникова И.А., Маслов Н.П. Развитие педагогических новаций в земских школах Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Белгородского института развития образования*. 2021. № 1 (19). С. 6-16.

Никитин, 2013 – Никитин М.Ю. Роль земств Харьковской губернии в развитии системы среднего образования во второй половине XIX – начале XX столетия // *Наука Красноярья*. 2013. № 1 (2). С. 22-39.

Савенкова, 2018 – Савенкова М.М. Частные инициативы в организации рукодельных школ на территории Воронежской губернии в конце XIX – начале XX века // *Современное педагогическое образование*. 2018. № 6. С. 67-70.

Синцов и др., 2023 – Синцов Г.В., Грачев А.А., Степанов Д.Н., Дашкина Ю.Р., Храмов Д.С. К вопросу о становлении юридической школы дореволюционной России (на примере Пензенской губернии) // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 11 (227). С. 38-40.

Старосельцева, Попов, 2017 – Старосельцева Н.В., Попов В.В. К вопросу о роли земства в сфере образования и просвещения во второй половине XIX века (на примере Курской губернии) // *Государство и общество: вчера, сегодня, завтра*. Серия: Право. 2017. № 16 (3). С. 18-32.

Третьяков, Сорокина, 2021 – Третьяков А.В., Сорокина Т.А. Предприниматели Ребиндеры и развитие низшего сельскохозяйственного образования в пореформенной Курской губернии // *Рубежи истории*. 2021. № 2 (14). С. 37-45.

Шатохин, Шатохина, 2022 – Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. Директора и инспекторы народных училищ в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века // *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2022. № 4 (297). С. 163-169.

Шушара, 2014 – Шушара Т.В. Один из аспектов методической деятельности Харьковского учебного округа в XIX – начале XX века // *Проблемы современного педагогического образования*. 2014. № 43-1. С. 238-247.

Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917 // Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 202-211.

Cherkasov et al., 2020a – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428-436.

Cherkasov, 2023 – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.

Degtyarev et al., 2020 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Stepanova D.I. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 666-678.

Degtyarev, Polyakova, 2020 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 451-458.

Koroleva, 2024 – Koroleva L.A. The Development of the Female Education System in the Penza Province in the 1850–1880 // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 129-136.

Mamadaliev et al., 2022 – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(1): 275-285.

Mamadaliev et al., 2022a – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(2): 632-644.

Mamadaliev et al., 2022b – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 1021-1031.

Mamadaliev et al., 2023 – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 781-788.

Peretyatko, Svechnikov, 2022 – Peretyatko A.Y., Svechnikov V.A. A Discussion of the Practices for Teaching Language Arts Employed in the Kharkov Educational District in 1863: The Case of Novocherkassk Host Gymnasium // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 981-993.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. 6(4): 817-829.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367-377.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2019 – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 454-465.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2. // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 664-676.

Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. Education Reforms in the Don Region in 1880–1890 and Host Ataman Prince N.I. Svyatopolk-Mirsky // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 229-239.

Rajović et al., 2023a – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Bratanovskaya M.S. The System of Public Education in Don Host Oblast (1790–1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(3): 1031-1036.

[Rajović et al., 2023b](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Bratanovskaya M.S.* The System of Public Education in Don Host Oblast (1790–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(4): 1496-1501.

[Rajović et al., 2023c](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A.* The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 798-811.

[Rajović et al., 2023d](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A.* The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 2 // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1447-1454.

[Rajović et al., 2023e](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A.* The System of Public Education in Kursk Governorate (1808–1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(1): 259-266.

[Rajović et al., 2023f](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A.* The System of Public Education in Kursk Governorate (1808–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(2): 736-744.

[Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N.* The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1643-1651.

[Rajović, Bratanovskii, 2024](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N.* The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2 // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 325-331.

References

[Burdakov, 2015](#) – *Burdakov, D.V.* (2015). Razvitie sistemy tserkovno-prikhodskikh shkol vo vtoroi polovine XIX v. (na primere Lipetskogo uyezda Tambovskoi gubernii) [Development of the system of parochial schools in the second half of the 19th century. (using the example of the Lipetsk district of the Tambov province)]. *Istoriya. Istoriki. Istochniki: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 1: 17-22. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A.* (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1 *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 202-211.

[Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.

[Cherkasov, 2023](#) – *Cherkasov, A.A.* (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.

[Degtyarev et al., 2020](#) – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Stepanova, D.I.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 666-678.

[Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 451-458.

[Georgieva, Samedova, 2023](#) – *Georgieva, N.G., Samedova, N.E.* (2023). Rasprostranenie agrarnykh znaniy v Voronezhskoi gubernii i uchrezhdenie pervoi sel'skokhozyaistvennoi shkoly v poslednei chetverti XIX veka [Dissemination of agricultural knowledge in the Voronezh province and the establishment of the first agricultural school in the last quarter of the 19th century]. *Kazachestvo*. 69(4): 32-38. [in Russian]

[Gracheva, 2021](#) – *Gracheva, Yu.E.* (2021). Gimnazii i uездnye uchilishcha Khar'kovskogo uchebnogo okruga v kontekste ministerskoi politiki v nachale XIX veka [Gymnasiums and district schools of the Kharkov educational district in the context of ministerial policy at the beginning of the 19th century]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2-3 (104): 159-163. [in Russian]

[Kapnin, 2021](#) – *Kapnin, V.O.* (2021). Stanovlenie i razvitie sistemy tserkovno-prikhodskikh i zemskikh shkol na territorii Kurskoi gubernii v XIX veke [Formation and development of the system of parish and zemstvo schools on the territory of the Kursk province in the 19th century]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*. 2(33): 63-66. [in Russian]

[Karelin, Lyakh, 2016](#) – *Karelin, M.V., Lyakh, G.R.* (2016). Trudovoe obuchenie v srednikh obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Khar'kovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – v nachale XX vv. [Labor training in secondary educational institutions of the Kharkov province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Naukovii oglyad*. 1(22): 91-98. [in Russian]

[Kolesnikov, 2021](#) – *Kolesnikov, P.V.* (2021). Organizatsiya uchebno-vospitatel'noi deyatelnosti v tserkovno-prikhodskikh shkolakh Penzenskoi gubernii XIX-XX vv. [Organization of educational activities in parochial schools of the Penza province of the 19th-20th centuries]. *Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoi dukhovnoi seminarii*. 3(21): 69-77. [in Russian]

[Kolesnikova, 2007](#) – *Kolesnikova, V.L.* (2007). Zhenshchina dukhovnogo sosloviya v sisteme narodnogo obrazovaniya Rossii XIX – nachala XX vv. (na primere Tambovskoi gubernii) [A woman of the

clergy in the system of public education in Russia in the 19th – early 20th centuries. (using the example of Tambov province)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya, Politologiya. Ekonomika. 1(32): 67-71. [in Russian]

[Kolotova, 2016](#) – Kolotova, A.S. (2016). Tserkovno-prikhodskie i zemskie shkoly Kozlovskogo uyezda Tambovskoi gubernii [Church, parish and zemstvo schools of the Kozlovsky district of the Tambov province]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 1-6: 60-63. [in Russian]

[Koroleva, 2024](#) – Koroleva, L.A. (2024). The Development of the Female Education System in the Penza Province in the 1850–1880. *Bylye Gody*. 19(1): 129-136.

[Krivotulova, 2006](#) – Krivotulova, E.V. (2006). Obshchestvenno-pedagogicheskoe i prosvetitel'skoe dvizhenie v Voronezhskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX v. [Social, pedagogical and educational movement in the Voronezh province of the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Voronezhskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 6: 109-112. [in Russian]

[Loginova, 2015](#) – Loginova, O.A. (2015). Formirovanie sotsial'nogo zakaza na gimnazicheskoe obrazovanie v Rossii XIX – nachala XX vekov: regional'nyi aspekt [Formation of a social order for gymnasium education in Russia in the 19th – early 20th centuries: regional aspect]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 1(19): 44.-56. [in Russian]

[Mamadaliyev et al., 2022](#) – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 275-285.

[Mamadaliyev et al., 2022a](#) – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 632-644.

[Mamadaliyev et al., 2022b](#) – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1021-1031.

[Mamadaliyev et al., 2023](#) – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917. *Bylye Gody*. 18(2): 781-788.

[Manuzin i dr., 2015](#) – Manuzin, E.V., Pis'mennaya, T.G., Ryabikov, A.N., Grechishko, D.N. (2015). Tserkovno-prikhodskie shkoly v kazach'ikh voiskakh v kontse XIX – nachale XX veka [Parish schools in the Cossack troops at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Yuzhnoe izmerenie*. 4(42): 50-60. [in Russian]

[Mel'nikova, Maslov, 2021](#) – Mel'nikova, I.A., Maslov, N.P. (2021). Razvitie pedagogicheskikh novatsii v zemskikh shkolakh Kurskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Development of pedagogical innovations in zemstvo schools of the Kursk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Belgorodskogo instituta razvitiya obrazovaniya*. 1(19): 6-16. [in Russian]

[Nikitin, 2013](#) – Nikitin, M.Yu. (2013). Rol' zemstv Khar'kovskoi gubernii v razvitiu sistemy srednego obrazovaniya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX stoletiya [The role of zemstvos of the Kharkov province in the development of the secondary education system in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Nauka Krasnoyars'ya*. 1(2): 22-39. [in Russian]

[Peretyatko, Svechnikov, 2022](#) – Peretyatko, A.Yu., Svechnikov, V.A. (2022). A Discussion of the Practices for Teaching Language Arts Employed in the Kharkov Educational District in 1863: The Case of Novocherkassk Host Gymnasium. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 981-993.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2017). Project of reforms proposed for the don public education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. 6(4): 817-829.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017a](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education*. 6(2): 367-377.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 454-465.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019a](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2019). «66 % of Literacy among the Male Population of School Age Brings it Closer to Common Education» vs «in the Largest Villages, it was Difficult to Meet a Literate Person»: the Main Statistical indicators of Primary Education among Don Cossacks in the XIX c. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 664-676.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2019b](#) – Peretyatko, A.Yu., Zulfugarzade, T.E. (2019). Education Reforms in the Don Region in 1880–1890 and Host Ataman Prince N.I. Svyatopolk-Mirsky. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 229-239.

[Rajović et al., 2023a](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Bratanovskaya, M.S. (2023). The System of Public Education in Don Host Oblast (1790–1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 12(3): 1031-1036.

- Rajović et al., 2023b – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Bratanovskaya, M.S. (2023). The System of Public Education in Don Host Oblast (1790–1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 12(4): 1496-1501.
- Rajović et al., 2023c – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A. (2023). The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 18(2): 798-811.
- Rajović et al., 2023d – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A. (2023). The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 2. *Bylye Gody*. 18(3): 1447-1454.
- Rajović et al., 2023e – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A. (2023). The System of Public Education in Kursk Governorate (1808–1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 12(1): 259-266.
- Rajović et al., 2023f – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A. (2023). The System of Public Education in Kursk Governorate (1808–1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 736-744.
- Rajović, Bratanovskii, 2023 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2023). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1643-1651.
- Rajović, Bratanovskii, 2024 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2024). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2. *Bylye Gody*. 19(1): 325-331.
- Savenkova, 2018 – Savenkova, M.M. (2018). Chastnye initsiativy v organizatsii rukodel'nykh shkol na territorii Voronezhskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Private initiatives in the organization of handicraft schools on the territory of the Voronezh province at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 6: 67-70. [in Russian]
- Shatokhin, Shatokhina, 2022 – Shatokhin, I.T., Shatokhina, S.B. (2022). Direktora i inspektory narodnykh uchilishch v rossiiskoi provintsii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Directors and inspectors of public schools in the Russian province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4(297): 163-169. [in Russian]
- Shushara, 2014 – Shushara, T.V. (2014). Odin iz aspektov metodicheskoi deyatel'nosti Khar'kovskogo uchebnogo okruga v XIX – nachale XX veka [One of the aspects of the methodological activities of the Kharkov educational district in the 19th – early 20th centuries]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 43-1: 238-247. [in Russian]
- Sintsov i dr., 2023 – Sintsov, G.V., Grachev, A.A., Stepanov, D.N., Dashkina, Yu.R., Khranov, D.S. (2023). K voprosu o stanovlenii yuridicheskoi shkoly dorevolutsionnoi Rossii (na primere Penzenskoi gubernii) [To the issue of the formation of the legal school of pre-revolutionary Russia (using the example of the Penza province)]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 11(227): 38-40. [in Russian]
- Starosel'tseva, Popov, 2017 – Starosel'tseva, N.V., Popov, V.V. (2017). K voprosu o roli zemstva v sfere obrazovaniya i prosveshcheniya vo vtoroi polovine XIX veka (na primere Kurskoi gubernii) [To the question of the role of zemstvo in the sphere of education and enlightenment in the second half of the 19th century (using the example of Kursk province)]. *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra*. Seriya: Pravo. 16(3): 18-32. [in Russian]
- Tret'yakov, Sorokina, 2021 – Tret'yakov, A.V., Sorokina, T.A. (2021). Predprinimateli Rebindery i razvitie nizshego sel'skokhozyaistvennogo obrazovaniya v poreformennoi Kurskoi gubernii [Entrepreneurs Rebinders and the development of lower agricultural education in the post-reform Kursk province]. *Rubezhi istorii*. 2(14): 37-45. [in Russian]

Харьковский учебный округ (1803–1917 гг.): обзор современной историографии:

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
 Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Аннотация. В работе рассматривается обзор современной историографии, посвященный Харьковскому учебному округу (1803–1917 гг.). Анализируются 43 англоязычные и русскоязычные публикации, сделанные в период с 2006 по 2024 гг.

Методология исследования базируется на историко-генетическом методе, который позволил авторам рассмотреть эволюцию изучения системы народного образования на территории Харьковского учебного округа. Большое значение уделено и историко-системному методу, благодаря которому авторы рассмотрели изучаемую проблему комплексно с учетом сложившихся традиций в историографии. В тоже время авторы применили сравнительно-исторический метод, который позволил обратить внимание на специфику проведения научных исследований, посвященных Харьковскому учебному округу.

Представленный обзор современной историографии показывает, что системой народного образования на территории Харьковского учебного округа сегодня активно занимается Cherkas Global University, который реализует амбициозный проект «Система народного образования в Российской империи: историко-статистическое исследование». В рамках этого проекта сотрудниками организации были комплексно рассмотрены системы народного образования всех шести территорий Харьковского учебного округа. Кроме того, различными аспектами народного образования сегодня занимаются и представители региональных исторических научных школ, которые, как правило, затрагивают частные вопросы и редко возвращаются вновь в своих публикациях к системе народного образования.

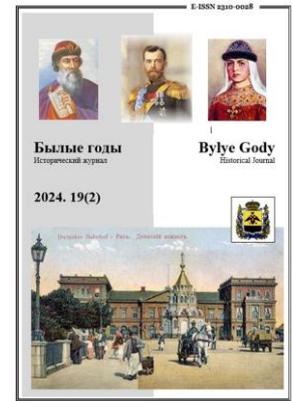
Ключевые слова: историография, Харьковский учебный округ, Министерство народного просвещения, Российская империя.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 632-639
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.632

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Moscow Educational District (1804–1917)

Irina Yu. Cherkasova ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Valentina S. Nikitina ^d, Natalia V. Svechnikova ^e

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers the pedagogical periodical press on the territory of the Moscow Educational District in the period of 1804–1917.

The source base of our research is represented by various reference books, as well as directly by pre-revolutionary pedagogical journals. Methodologically, the work is based on the method of content analysis, which is conditioned by the search among the array of periodicals of the Russian Empire for pedagogical journals that were published only on the territory of the Moscow Educational District. A systematic method was also used in the work, thanks to which we examined periodical printing in its system (journal, time of publication, frequency/number of issues issued, information about the publisher and editor, notes). In turn, the retrospective method made it possible to consider the evolution of the periodical press on the territory of the Moscow Educational District in its historical sequence.

The authors conclude that 44 pedagogical periodicals were published on the territory of the Moscow Educational District in the period from 1804 to 1917 (41 in Moscow, 2 in Yaroslavl and 1 in Nizhny Novgorod). The oldest of these publications was the Moscow journal “Patriot”. Among the journals with a long period of publication were both state-owned (“Tsirkulyar po Moskovskomu uchebnomu okragu”) and private (“Estestvoznaniye i geografiya”) journals. A significant part of the journals with a long period of publication appeared at the end of the XIX century and existed until the revolution of 1917. Among the Moscow journals there were highly specialized publications that began to appear in Russia at the beginning of the XX century. Among such publications are the journals “Ekskursionnyi vestnik”, “Matematicheskii vestnik”, “Novosti detskoi literatury”, “Estestvoznaniye i naglyadnoye obuchenie” and others. All this in general clearly demonstrates that an active pedagogical life existed and developed on the territory of the Moscow Educational District in the pre-revolutionary period.

Keywords: Moscow Educational District, pedagogical journal, periodical press, Russian Empire, 1804–1917.

1. Введение

Московский учебный округ являлся одним из старейших учебных округов Российской империи, который был учрежден в 1803 г. К концу XIX века в состав Московского учебного округа входили территории Московской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Калужской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской и Тульской губерний. К 1897 г. здесь проживало почти 18 млн человек (Cherkasov, 2023: 1685).

* Corresponding author

E-mail addresses: Cherkasovairina42@gmail.com (I.Yu. Cherkasova)

2. Материалы и методы

Источниковая база нашего исследования представлена разнообразными справочниками, а также непосредственно дореволюционными педагогическими журналами. Среди первой группы источников необходимо назвать «Библиографию русской периодической печати 1703–1900 гг.» (Библиография..., 1915), аналогичную работу Л.Н. Беляевой, в которой рассматривается периодическая печать начала XX века (Беляева, 1958; Беляева, 1959; Беляева, 1960), а также труд Н.Н. Аблова о педагогической периодической печати (Аблов, 1937). Среди второй группы источников мы можем назвать московские журналы «Патриот», «Для народного учителя» и др. (Патриот, 1804; Для народного учителя, 1907).

Методологически работа опирается на метод контент-анализа, что обуславливается поиском среди массива периодических изданий Российской империи педагогических журналов, которые издавались только на территории Московского учебного округа. В работе применялся также системный метод, благодаря которому мы рассмотрели периодическую печать в ее системе (журнал, время издания, периодичность/количество выпущенных номеров, сведения об издателе и редакторе, примечания). В свою очередь, ретроспективный метод позволил рассмотреть эволюцию периодической печати на территории Московского учебного округа в ее исторической последовательности.

3. Обсуждение

Среди современных работ по истории педагогических журналов Московского учебного округа мы хотели бы назвать труд К.А. Маховой об истории детских журналов «Библиотека для воспитания» и «Новая библиотека для воспитания» (Махова, 2014). Журналу «Вестник воспитания» как источнику по истории частного образования в России уделил внимание автор К.В. Романенчук (Романенчук, 2013). Ф.С. Авдеев и Т.К. Авдеева обращались к роли Московского математического кружка в развитии методики преподавания математики (Авдеев, Авдеева, 2012).

В тоже время авторы обращались и к персоналиям редакторов московских педагогических журналов. Так, например, О.А. Саввина и И.С. Солосина рассматривали методические взгляды Н.А. Извольского – редактора журнала «Математический вестник». М.П. Киселева обращалась к воспоминаниям современников о Д.И. Тихомирове – редакторе журнала «Педагогический листок» (Киселева, 2013). Е.Н. Астафьева обращалась к оценке Н.Г. Чернышевского журнала Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Астафьева, 2013).

Тема педагогических журналов учебных округов уже неоднократно поднималась научно-педагогической общественностью. Так, например, В.Л. Музыкант и др. рассматривали педагогические журналы Казанского учебного округа (Muzykant et al., 2022), А.М. Мамадалиев рассматривал аналогичную тему на примерах Кавказского (Mamadaliyev et al., 2022), Киевского (Mamadaliyev et al., 2023), Харьковского (Mamadaliyev et al., 2023a) и Рижского (Mamadaliyev et al., 2023b) учебных округов. В свою очередь, И.Ю. Черкасова обращалась к периодической печати Оренбургского и Варшавского учебных округов (Cherkasova et al., 2023; Cherkasova et al., 2024).

4. Результаты

Периодическая педагогическая печать на территории Московского учебного округа в дореволюционный период выходила только в трех городах: Москве, Ярославле и Нижнем Новгороде (Cherkasov, 2023: 1685). При этом в Ярославле выходило два журнала, а в Нижнем Новгороде – один. Все три журнала появились в начале XX века и имели незначительные периоды издания, поэтому мы хотели обратиться к наиболее известным московским журналам. Всего в рассматриваемое нами время в Москве издавался 41 журнал, специализирующийся на педагогике. Среди московских журналов старейшим был журнал «Патриот» (Рисунок 1). Этот журнал издавался в 1804 г., выходил ежемесячно. Его издателем был Владимир Владимирович Измайлов (1773–1830 гг.), известный сторонник Ж.Ж. Руссо и его взглядов на воспитание. В журнале публиковались переводные и оригинальные работы по вопросам воспитания, литературные произведения, игры, приспособленные для обучения грамматике и другим предметам (Патриот, 1804). Однако первый московский педагогический журнал издавался недолго и в том же 1804 г. прекратил существование.

До 1850 г. в Москве выходили еще два педагогических журнала: «Библиотека для воспитания» (1843–1846 гг.) и «Новая библиотека для воспитания» (1847–1849 гг.). В обоих случаях издателем был А. Семен, а редактированием занимался известный московский педагог П.Г. Редкин (Махова, 2014: 37–47). Ввиду незначительности периода издания мы не будем подробно останавливаться на этих журналах.

В 1861–1862 гг. в Москве графом Л.Н. Толстым издавался ежемесячный журнал «Ясная Поляна». В это время вышло всего 12 номеров. Журнал издавался в двух видах: «Книжки Ясная Поляна» (для чтения) и «Ясная Поляна. Школа» (собственно педагогический журнал). Л.Н. Толстой опубликовал в этом журнале почти все свои работы, посвященные вопросам воспитания. Журнал подвергся критике со стороны Н.Г. Чернышевского (Астафьева, 2013: 124).

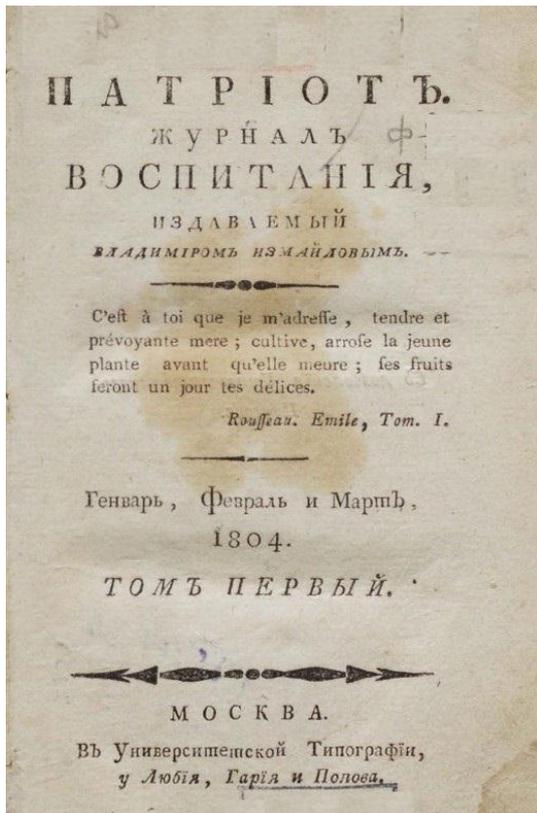

Рис. 1. Титульная страница журнала «Патриот». 1804

Традиционно самые длинные периоды издания имели журналы Министерства народного просвещения. Среди таких журналов на территории округа был «Циркуляр по Московскому учебному округу», который издавался ежемесячно в Москве в период с 1862 по 1909 гг. «Циркуляр» являлся официальным органом округа и имел, в том числе, неофициальную часть, где публиковались педагогические статьи ([Циркуляр по Московскому учебному округу, 1882: 369](#)). С января 1910 г. издание было прекращено, а с 1911 и до 1917 гг. выходил журнал «Педагогический вестник Московского учебного округа» под редакцией А.А. Флорова.

В 1881–1885 гг. в Москве выходили «Записки учителя» – журнал для всех, интересующихся воспитанием детей. Редактором-издателем являлся Хр. Цинк. Журнал издавался ежемесячно, хотя и с перерывами. Он специализировался на вопросах средней школы, имел существенные трудности, и с 1882 г. участие в финансировании этого проекта приняла коммерческая организация «Педагогическое бюро» ([Аблов, 1937: 46](#)).

В 1890–1893 гг. предпринималась попытка выпуска «Педагогического календаря», издателем которого была А.М. Калмыкова, а составителем – В.А. Воскресенский. Помимо календарных сведений, касающихся педагогики, в календаре публиковались данные о состоянии народного образования в России, библиографические перечни педагогических статей, опубликованных в журналах, а также педагогические работы по наиболее актуальным вопросам педагогической жизни.

Настоящим событием в педагогической жизни Москвы стало издание «Вестника воспитания». Этот журнал являлся научно-популярным изданием и адресовался родителям и воспитателям. До 1901 г. выходило по 8 номеров в год, а с 1901 по 1917 гг. – 9 номеров. В 1890–1895 гг. редактировал «Вестник воспитания» врач-педиатр Е.А. Покровский, в 1895–1917 гг. – Н.Ф. Михайлов. В рубрикации журнала входили оригинальные и переводные статьи педагогической направленности, краткие исторические статьи, небольшие сообщения и рефераты, хроника, библиография, а также литературно-педагогические статьи, очерки и воспоминания ([Романенчук, 2013: 109–112](#)). В журнале публиковались А.Д. Алферов, В.М. Бехтерев, А.Е. Грузинский, А.П. Нечаев и другие.

В 1891–1902 гг. в Москве издавался журнал филологии и педагогики «Филологическое образование». Издателями-редакторами этого проекта были А. Адольф и В. Аппельрот, однако с 1894 по 1902 гг. единственным издателем-редактором стал А. Адольф. В год выходило по 4 номера, а основное внимание уделялось вопросам классической педагогики.

Практически одновременно с «Вестником воспитания», с 1894 по 1917 гг., в Москве издавался журнал «Педагогический листок». Собственно, это был последний московский период ранее созданного журнала. С 1895 по 1915 гг. редактором журнала был Д.И. Тихомиров ([Киселева, 2013: 11](#)), а в 1915–1917 гг. – Е.И. Тихомирова. В год выходило по 4 номера. В 1899 г. журнал стал изданием для

воспитателей и народных учителей. В нем затрагивались разнообразные педагогические вопросы. С журналом сотрудничали Б.А. Зеленко, В. Гольцев, Д. Кробчевский и др.

Среди московских журналов-долгожителей был и проект «Естествознание и география». Журнал возник в 1896 г. и просуществовал до 1917 г. Его издателем-редактором был ботаник М.П. Варрава (Аблов, 1937: 58). Журнал специализировался на вопросах преподавания естественных наук и географии, методики естествознания и на других смежных вопросах.

Среди других интересных московских журналов мы не можем не отметить «Природу в школе». Этот журнал издавался только в 1907 г., вышло 12 номеров. Журнал был посвящен вопросам преподавания физики, химии и естествознания в начальной школе. Редактором-издателем являлся приват-доцент Б.Н. Вейнберг (Аблов, 1937: 69). В рубрику журнала входили работы, посвященные вопросам преподавания физико-химических и естественных наук, педагогические статьи, статьи, относящиеся к практическим занятиям ученика, работы об учебно-вспомогательных пособиях, кабинетах, лабораториях и т.д., обзоры педагогической печати, хроника, примерные программы лекций, курсов и прочего, а также библиография. Среди известных специалистов в журнале принимали участие В.А. Герд, И.И. Горбунов-Посадов, Е.А. Звягинцев и другие.

Краткий период издания имел и «Вестник высших женских юридических курсов в Москве», который издавался в 1907–1908 гг. княгиней С.К. Голицыной и В.А. Полторацкой. Редактировали издание приват-доцент В.А. Краснокутский и Ю.К. Айхенвальд (Вестник высших..., 1907). Журнал издавался два раза в месяц. В нем публиковались конспекты, планы практических занятий, программы курсов, проверочные вопросы и специальная библиография, а также материалы по истории курсов.

В это же время в Москве издавался журнал «Наглядное обучение». Издавал его И.Н. Кнебель, а редактировал Н.В. Чехов. В 1907–1908 гг. вышли всего 4 номера журнала. Журнал публиковал оригинальные и переводные работы по теории и практике наглядного обучения, а также критико-библиографические обзоры существующих наглядных пособий (Беляева, 1959).

В период 1907–1917 гг. в Москве издавался журнал «Для народного учителя» (Рисунок 2). Его издателем был И.Д. Сытин, а редакторами – Н.В. Тулупов и П.М. Шестаков. Журнал издавался по 20 номеров в год. В рубрикации журнала были следующие разделы: из школьной жизни за границей, школьная практика, библиотечная практика, библиография, развитие новых педагогических идей в России и на Западе, хроника просветительских организаций (Для народного учителя, 1907: 1-2).

Рис. 2. Титульная страница журнала «Для народного учителя». 1910

С журналом сотрудничали такие специалисты, как И.П. Белоконский, А.Ф. Гартвин, Н.И. Иорданский и другие.

В это же время (с 1907 по 1917 гг.) в Москве издавались «Известия общества преподавателей графических искусств». Журнал являлся официальным органом указанного в названии общества, а ответственными редакторами были И. Евсеев, П.И. Пашков, Н.Н. Ивакин и др. Журнал издавался по 10 номеров в год (Беляева, 1959). Наряду с докладами, протоколами и отчетными материалами по обществу в журнале публиковались статьи по вопросам преподавания графических искусств в школе, а также по методике обучения рисованию и другим проблемам.

В 1909–1910 гг. в Москве издавался журнал «Естествознание и наглядное обучение». Журнал являлся печатным органом естественно-научной комиссии общества распространения технических знаний. Издателем журнала был И.Н. Кнебель, а редакторами – А.Н. Брюханенко и В.Ю. Ульянинский. Периодичность составляла 8 номеров в год. Журнал состоял из двух разделов. В первом печатались материалы по общим вопросам естествознания, по педагогике, по постановке преподавания естественных наук с разбором учебников и пособий, а во втором разделе печатались работы по методике наглядного обучения, критико-библиографические обзоры наглядных пособий и т.д. (Аблов, 1937: 78). В 1910 г. редакция объявила о прекращении работы журнала ввиду отказа издателя продолжать издание.

Интересным проектом был и журнал «Самообразование». Он был открыт в 1909 г. и просуществовал до 1917 г. Этот проект был нацелен на самостоятельную подготовку учащихся к разным экзаменам. Издателем журнала была М. Гурьянова. В журнале публиковались конспекты уроков, примерные задачи к экзаменам как для окончания средних учебных заведений, так и для поступления в университеты.

В 1910 г. в Москве начал издаваться журнал «Народный учитель», который просуществовал до 1917 г. Журнал позиционировался редакцией как профессиональный и общественно-педагогический. Издателем журнала была Л.П. Смирнова, а редактором – О.Н. Смирнов. Всего выходило по 20 номеров в год (Беляева, 1958). В рубрикации журнала входили вопросы народного образования, хроника народного образования, из жизни заграничных школ, народное образование в земствах и городах, сообщения с мест, вопросы самообразования.

В 1911 г. в Москве появился журнал «Народное образование». Это издание выходило ежемесячно вплоть до 1917 г. В журнале уделялось внимание общим педагогическим вопросам, а сотрудничали с ним такие специалисты, как П. Блонский, А. Лозовский, С. Серополко и др.

В этом же году в Москве был открыт журнал «Новости детской литературы». Это был ежемесячный журнал, который издавался детской библиотекой М.В. Бередниковой. Редактором был А.И. Колмогоров. Журнал также просуществовал до 1917 г. Соучредителями издания был отдел детского чтения комиссии по организации детского чтения при учебном отделе Московского общества распространения технических знаний. Основное внимание в журнале уделялось критико-библиографическим обзорам детской литературы, но вместе с тем значительное внимание отводилось педагогическим работам, посвященным теоретической разработке вопросов, связанных с постановкой детского чтения и воспитания (Беляева, 1960).

В 1912–1914 гг. была предпринята попытка издания журнала «Педагогическое образование». Этот журнал предназначался учителям средней и начальной школы, а также родителям и воспитателям. Всего выходило по 10 номеров в год. Редактором-издателем в 1912–1913 гг. являлся А.Е. Флеров, а в 1914 г. – Н.В. Васильев.

В том же 1912 г. начали издаваться «Известия педагогического института имени П.Г. Шелапутина». Редактором журнала был директор института А.Н. Ясинский. Журнал издавался эпизодически до 1916 г. Наряду с официальными материалами в нем печатались педагогические статьи, а также работы по общим вопросам народного образования. Среди авторов в журнале были педагоги из этого педагогического института (Беляева, 1960).

В 1912 г. начал издаваться и журнал «Математическое образование». Он являлся органом Московского математического кружка. Ответственным редактором был И.И. Чистяков. Периодичность составляла 8 номеров в год, а сам журнал издавался до 1917 г. (Авдеев, Авдеева, 2012: 207-208).

Уже в период Первой мировой войны в сентябре 1914 г. в Москве открылся еще один математический журнал – «Математический вестник». Он посвящался вопросам преподавания арифметики, геометрии и алгебры. Редактором-издателем являлся Н.А. Извольский (Саввина, Солосина, 2010: 114). Периодичность составляла 8 номеров в год. Прекратил он издаваться в 1916 г.

И, наконец, последним журналом, изданным в предреволюционный период, был также созданный в 1914 г. «Экскурсионный вестник» – культурно-исторический журнал для семьи и школы. Издавался А.А. Левенсоном, а редакторами были С.И. Гинтовт и И.Н. Бороздин. Периодичность издания была 4 раза в год. Журнал издавался до 1916 г. (Аблов, 1937: 102).

5. Заключение

Таким образом, на территории Московского учебного округа в период с 1804 по 1917 гг. издавалось 44 педагогических периодических издания (41 – в Москве, 2 – в Ярославле и 1 – в Нижнем Новгороде). Старейшим среди этих изданий был московский журнал «Патриот». Среди журналов с

длительным периодом издания были как государственные («Циркуляр по Московскому учебному округу»), так и частные («Естествознание и география») журналы. Значительная часть журналов с длительным периодом издания возникла в конце XIX века и просуществовала до революции 1917 г. Среди московских журналов были и узкоспециализированные издания, которые начали появляться в России в начале XX века. Среди таких изданий можно назвать журналы «Экскурсионный вестник», «Математический вестник», «Новости детской литературы», «Естествознание и наглядное обучение» и другие. Все это в целом наглядно демонстрирует, что на территории Московского учебного округа в дореволюционный период существовала и развивалась активная педагогическая жизнь.

Литература

- [Аблов, 1937](#) – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать (1803-1916 гг.). Москва, 1937.
- [Авдеев, Авдеева, 2012](#) – Авдеев Ф.С., Авдеева Т.К. Роль Московского математического кружка в развитии методики преподавания математики: исторический экскурс // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2012. № 2(46). С. 204-208.
- [Астафьева, 2013](#) – Астафьева Е.Н. Об образовании народа и педагогике свободы (рецензия Н.Г. Чернышевского на журнал «Ясная Поляна») // *Историко-педагогический журнал*. 2013. № 3. С. 118-125.
- [Беляева, 1958](#) – Беляева Л.Н. Библиография периодических изданий России. 1901-1916 гг. В 4 т. Т. 1. М., 1958.
- [Беляева, 1959](#) – Беляева Л.Н. Библиография периодических изданий России. 1901-1916 гг. В 4 т. Т. 2. М., 1959.
- [Беляева, 1960](#) – Беляева Л.Н. Библиография периодических изданий России. 1901-1916 гг. В 4 т. Т. 3. М., 1960.
- [Библиография..., 1915](#) – Библиография русской периодической печати 1703-1900 гг. (материалы для истории русской журналистики) / Сост. и изд. Н.М. Лисовский. Петроград, 1915.
- [Вестник высших..., 1907](#) – Вестник высших женских юридических курсов в Москве. 1907. № 1.
- [Для народного учителя, 1907](#) – Для народного учителя. 1907. № 1. С. 1-2.
- [Киселева, 2013](#) – Киселева М.П. Дмитрий Иванович Тихомиров: из воспоминаний современников // *Начальная школа*. 2013. № 9. С. 9-11.
- [Махова, 2014](#) – Махова К.А. К истории журналов для детей: «Библиотека для воспитания» и «Новая библиотека для воспитания» // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2014. № 12(134). С. 37-47.
- [Патриот, 1804](#) – *Патриот*. 1804. № 1.
- [Романенчук, 2013](#) – Романенчук К.В. Журнал «Вестник воспитания» как источник по истории частного образования в России // *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*. 2013. № 4(33). С. 109-115.
- [Саввина, Солосина, 2010](#) – Саввина О.А., Солосина И.С. Николай Александрович Извольский и его методические взгляды (к 140-летию со дня рождения) // *Психология образования в поликультурном пространстве*. 2010. № 3(3). С. 108-117.
- [Циркуляр по Московскому учебному округу, 1882](#) – *Циркуляр по Московскому учебному округу*. 1882. № 12.
- [Cherkasov, 2023](#) – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.
- [Cherkasov, 2023](#) – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.
- [Cherkasova et al., 2023](#) – Cherkasova I.Yu., Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V. To the Issue of Pedagogical Periodicals of the Orenburg Educational District (1875–1917) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1881-1888.
- [Cherkasova et al., 2024](#) – Cherkasova I.Yu., Koroleva L.A., Nikitina V.S., Svechnikova N.V. To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Warsaw School District (1867–1916) // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 232-237.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1207-1213.
- [Mamadaliev et al., 2023](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 251-257.
- [Mamadaliev et al., 2023a](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 781-788.
- [Mamadaliev et al., 2023b](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(2): 699-704.

Muzykant et al., 2022 – Muzykant V.L., Burdovskaya E.Yu., Yurova Yu.V., Zyukina Z.S. The Pedagogical Periodical Press in the Kazan Educational District, the Russian Empire (1865–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1339-1344.

References

- Ablov, 1937 – Ablov, N.N. (1937). Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' (1803-1916 gg.) [Pedagogical periodicals (1803-1916)]. Moskva. [in Russian]
- Astaf'eva, 2013 – Astaf'eva, E.N. (2013). Ob obrazovanii naroda i pedagogike svobody (retsenziya N.G. Chernyshevskogo na zhurnal «Yasnaya Polyana») [About the education of the people and the pedagogy of freedom (review of N.G. Chernyshevsky on the journal “Yasnaya Polyana”)]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*. 3: 118-125. [in Russian]
- Avdeev, Avdeeva, 2012 – Avdeev, F.S., Avdeeva, T.K. (2012). Rol' Moskovskogo matematicheskogo krugha v razvitiy metodiki prepodavaniya matematiki: istoricheskii ekskurs [The role of the Moscow Mathematical Circle in the development of methods of teaching mathematics: a historical excursion]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2(46): 204-208. [in Russian]
- Belyaeva, 1958 – Belyaeva, L.N. (1958). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901-1916 gg. [Bibliography of Russian periodicals. 1901-1916]. V 4 t. T. 1. M. [in Russian]
- Belyaeva, 1959 – Belyaeva, L.N. (1959). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901-1916 gg. [Bibliography of Russian periodicals. 1901-1916]. V 4 t. T. 2. M. [in Russian]
- Belyaeva, 1960 – Belyaeva, L.N. (1960). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901-1916 gg. [Bibliography of Russian periodicals. 1901-1916]. V 4 t. T. 3. M. [in Russian]
- Bibliografiya..., 1915 – Bibliografiya russkoi periodicheskoi pechati 1703-1900 gg. (materialy dlya istorii russkoi zhurnalistiki) [Bibliography of Russian periodicals 1703-1900. (materials for the history of Russian journalism)]. Sost. i izd. N.M. Lisovskii. Petrograd, 1915. [in Russian]
- Cherkasov, 2023 – Cherkasov, A.A. (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.
- Cherkasov, 2023 – Cherkasov, A.A. (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.
- Cherkasova et al., 2023 – Cherkasova, I.Yu., Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V. (2023). To the Issue of Pedagogical Periodicals of the Orenburg Educational District (1875–1917). *Bylye Gody*. 18(4): 1881-1888.
- Cherkasova et al., 2024 – Cherkasova, I.Yu., Koroleva, L.A., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V. (2024). To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Warsaw School District (1867–1916). *Bylye Gody*. 19(1): 232-237.
- Dlya narodnogo uchitelya, 1907 – Dlya narodnogo uchitelya. 1907. 1: 1-2. [in Russian]
- Kiseleva, 2013 – Kiseleva, M.P. (2013). Dmitrii Ivanovich Tikhomirov: iz vospominanii sovremennikov [Dmitry Ivanovich Tikhomirov: from the memoirs of contemporaries]. *Nachal'naya shkola*. 9: 9-11. [in Russian]
- Makhova, 2014 – Makhova, K.A. (2014). K istorii zhurnalov dlya detei: «Biblioteka dlya vospitaniya» i «Novaya biblioteka dlya vospitaniya» [To the history of journals for children: “Biblioteka dlya vospitaniya” and “Novaya biblioteka dlya vospitaniya”]. *Vestnik RGGU*. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 12(134): 37-47. [in Russian]
- Mamadaliev et al., 2022 – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916. *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.
- Mamadaliev et al., 2023 – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917. *Bylye Gody*. 18(1): 251-257.
- Mamadaliev et al., 2023a – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917. *Bylye Gody*. 18(2): 781-788.
- Mamadaliev et al., 2023b – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915). *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 699-704.
- Muzykant et al., 2022 – Muzykant, V.L., Burdovskaya, E.Yu., Yurova, Yu.V., Zyukina, Z.S. (2022). The Pedagogical Periodical Press in the Kazan Educational District, the Russian Empire (1865–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1339-1344.
- Patriot, 1804 – Patriot. 1804. № 1.
- Romanenchuk, 2013 – Romanenchuk, K.V. (2013). Zhurnal «Vestnik vospitaniya» kak istochnik po istorii chastnogo obrazovaniya v Rossii [Journal “Vestnik vospitaniya” as a source on the history of private education in Russia]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya. 4(33): 109-115. [in Russian]

[Savvina, Solosina, 2010](#) – *Savvina, O.A., Solosina, I.S.* (2010). Nikolai Aleksandrovich Izvol'skii i ego metodicheskie vzglyady (k 140-letiyu so dnya rozhdeniya) [Nikolai Aleksandrovich Izvol'sky and his methodological views (on the 140th anniversary of his birth)]. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve*. 3(3): 108-117. [in Russian]

[Tsirkulyar po Moskovskomu uchebnomu okrugu, 1882](#) – *Tsirkulyar po Moskovskomu uchebnomu okrugu*. 1882. № 12. [in Russian]

[Vestnik vysshikh..., 1907](#) – *Vestnik vysshikh zhenskikh yuridicheskikh kursov v Moskve*. 1907. № 1. [in Russian]

К вопросу о педагогической периодической печати Московского учебного округа (1804–1917 гг.)

Ирина Юрьевна Черкасова ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c,
Валентина Сергеевна Никитина ^d, Наталья Викторовна Свечникова ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается педагогическая периодическая печать на территории Московского учебного округа в период 1804–1917 гг.

Источниковая база нашего исследования представлена разнообразными справочниками, а также непосредственно дореволюционными педагогическими журналами. Методологически работа опирается на метод контент-анализа, что обуславливается поиском среди массива периодических изданий Российской империи педагогических журналов, которые издавались только на территории Московского учебного округа. В работе применялся также системный метод, благодаря которому мы рассмотрели периодическую печать в ее системе (журнал, время издания, периодичность/количество выпущенных номеров, сведения об издателе и редакторе, примечания). В свою очередь, ретроспективный метод позволил рассмотреть эволюцию периодической печати на территории Московского учебного округа в ее исторической последовательности.

В заключении авторы отмечают, что на территории Московского учебного округа в период с 1804 по 1917 гг. издавалось 44 педагогических периодических издания (41 – в Москве, 2 – в Ярославле и 1 – в Нижнем Новгороде). Старейшим среди этих изданий был московский журнал «Патриот». Среди журналов с длительным периодом издания были как государственные («Циркуляр по Московскому учебному округу»), так и частные («Естествознание и география») журналы. Значительная часть журналов с длительным периодом издания возникла в конце XIX века и просуществовала до революции 1917 г. Среди московских журналов были и узкоспециализированные издания, которые начали появляться в России в начале XX века. Среди таких изданий можно назвать журналы «Экскурсионный вестник», «Математический вестник», «Новости детской литературы», «Естествознание и наглядное обучение» и другие. Все это в целом наглядно демонстрирует, что на территории Московского учебного округа в дореволюционный период существовала и развивалась активная педагогическая жизнь.

Ключевые слова: Московский учебный округ, педагогический журнал, периодическая печать, Российская империя, 1804–1917 гг.

* Корреспондирующий автор

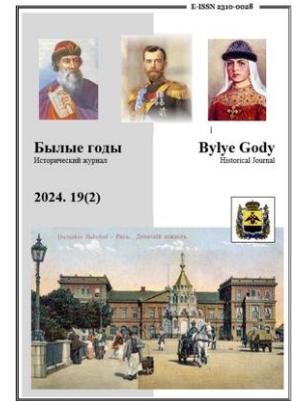
Адреса электронной почты: Cherkasovairina42@gmail.com (И.Ю. Черкасова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 640-651
DOI: 10.13187/bg.2024.2.640

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Everyday Life of Invalid Companies and Military Invalids in the 19th century (Based on Materials from the Tomsk Province)

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Dmitry V. Rakhinsky ^{a,b,c}, Ella V. Savina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

The article examines the main characteristics of the everyday life of military invalids and members of invalid companies in the Tomsk Province in the 19th century. Based on a comprehensive methodology that includes the principles of historical-anthropological approach, history of everyday life, and microhistory, the authors analyzed the features of material support for military invalids, living environment, household arrangement, consumption specifics, development of personal and social connections and communication among members of invalid companies, as well as their types of employment. The research was based on previously unpublished archival materials from the State Archive of the Tomsk Region.

According to the authors, throughout the entire period of existence of invalid companies in the 19th century, the state and society accumulated significant experience in solving the social problems faced by military invalids. The issues of providing for the members of invalid companies were successfully resolved: assistance in food supply, housing solutions, providing suitable employment, monetary support including pensions, providing a place in a religious institution, and so on. At the same time, all these measures were half-hearted, often incomplete, and not entrenched as rights and guarantees for military invalids. The state initiated numerous forms of social support for incapacitated military personnel, but it lacked real mechanisms for public oversight of their implementation.

Keywords: military invalids, invalid companies, history of everyday life, Siberia, social assistance.

1. Введение

Одним из последствий участия государства в военных действиях в любую историческую эпоху является инвалидность солдат, призванных на службу. Возвращение в мирную жизнь всегда связано с длительным процессом адаптации, в который включаются и инвалид, и окружение, и общество, в котором он живет. Применительно к XIX в., когда вплоть до реформ Александра II существовала практика рекрутских наборов, после получения увечья в период прохождения регулярной службы, независимо от того, было оно получено в боевых условиях или нет, солдат оставался нести службу до истечения положенного срока и переводился в так называемую «инвалидную команду», которая дислоцировалась в отдельных губернских и уездных городах. Ее служащие становились частью городского общества и несли определенные повинности, с одной стороны, вписываясь в уже существовавшую будничную жизнь городского пространства, а с другой – создавая свою повседневность, наполненную разными действиями и смыслами. Изучение обеих «повседневностей» является актуальным направлением исследования, позволяющего оценить качество «реабилитации» военных инвалидов в XIX в. и определить, возможно ли использование исторического опыта

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), squirrel-o@yandex.ru (E.V. Savina)

социальной помощи нетрудоспособным в условиях инвалидной команды, находящейся в типичной городской среде, при решении современных задач. Цель исследования – на примере Томской губернии реконструировать и выявить особенности повседневности инвалидных команд и служивших в них инвалидов в XIX в.

2. Материалы и методы

Историческими источниками, на которые опирается исследование, стали ранее не публиковавшиеся и не вводимые в научный оборот материалы Государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация), обнаруженные в фондах Томского губернского правительства (материалы о направлении членов инвалидной команды в богадельню); Томского губернского управления (дела об обеспечении нижних чинов инвалидной команды продовольствием, назначении пенсий и казенного содержания престарелым военным инвалидам); Томского городского магистрата (материалы о привлечении инвалидов к городским повинностям); Томского городского суда (дела об избииении горожанами членов инвалидной команды); Томского городского полицейского управления (личное дело бывшего члена инвалидной команды А. И. Иванова); Томской городской думы и Чертежной Томского губернского управления, представленные материалами об отводе помещений инвалидной команде; Томского духовного правления, где обнаружили списки членов Томской инвалидной команды.

Преобладающим подходом к изучению проблем общественной помощи инвалидам войны в исследуемый период является этатистский подход с его гипертрофированным вниманием к государству при том, что само оно не являлось ведущим субъектом помощи, отдавая благотворительность «на откуп обществу». В настоящей статье методология исследования представлена сочетанием трех подходов: 1) историко-антропологического (Dulmen, 1993; Орлов, 2012; Танатова, 2004), изучающего человека во всей его многомерности, включая тех, кто его окружает (семья, родственники, соседи, представители общественности, профессиональные группы и т.п.), и апеллирующего к эмоциональному восприятию прошлого через понимание опыта человека; 2) истории повседневности (Орлов, 2010; Розенберг, 2010; Бродель, 1977; Гудков, 1988), анализирующей человеческое существование в историческом измерении через изучение всех сфер, в которых человек себя реализует – от интимной жизни и организации обыденных экономических отношений до религиозных практик, включающих интерпретацию как объективной реальности, так и субъективное осмысление установок, ценностей человека, переживание им происходящих событий; 3) микроисторического подхода (Cherutti, 2004; Репина, Селунская, 2020), декларирующего анализ прошлого, основанный на изучении истории отдельных индивидов, и предполагающего реконструкцию индивидуальных моделей поведения отдельных людей, их социальных отношений и жизненных стратегий, когда микросюжеты помогают отвечать на «общие вопросы» крупных исторических процессов.

В основе исследования также лежит методика комплексного анализа истории повседневной жизни одного из авторов статьи А. С. Ковалева, которая призвана учитывать «структурные» аспекты повседневности и анализировать их отражение в поведении и сознании человека и социальной группы. Она включает в себя следующие элементы: материальное положение военных инвалидов; пространство их обитания и его обустройство; особенности бытовой повседневности инвалидной команды; практики потребления и снабжения продовольствием и обмундированием; специфика межличностных отношений и поведения членов инвалидных команд в микросоциальных группах; лично и социально значимые моменты в жизни инвалида, развитие его семейных отношений, проблемы семейной жизни, профессиональная и экономически активная деятельность нетрудоспособных солдат в инвалидных командах (Ковалев, 2024).

3. Обсуждение

Историографический обзор темы уже был представлен в статье авторов настоящей работы, опубликованной в «Былых годах», где рассматривался вопрос о расквартировании инвалидной команды в Красноярске в 1820-х гг. (Kovalev et al., 2023). В этом обзоре были выделены четыре группы научных работ: 1) публикации, изучающие историю внутренней стражи, обязанности которой несли в том числе члены инвалидных команд, и раскрывающие отдельные элементы повседневной жизни инвалидных рот (Колпаков, 2021; Харченко, 2015; Белоусов, 2022; Постников, Постникова, 2022; Ташпекова, 2019); 2) работы, анализирующие особенности процесса генезиса инвалидных команд и их организационное обустройство (Хаяров, 2020; Барина, 2015); 3) конкретно-исторические исследования деятельности инвалидных команд в XIX веке (Орехова, 2021; Игонькин, 2020), в которых были сделаны выводы о специфике «инвалидной службы» и ее слабой результативности; 4) работы, освещающие деятельность инвалидных команд в Енисейской, Иркутской и Тобольской губерниях (Кузнецов, 2003; Кузнецов, 2018).

К вышеизложенному следует добавить еще одну группу публикаций, раскрывающих особенности социальной помощи в исследуемый период. К ней относятся работы того же С.А. Игонькина (Игонькин, 2010), изучающего общие принципы государственной помощи отставным

инвалидам во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., а также П.П. Щербинина и Ю.В. Щербининой, рассматривающих особенности призрения «военных инвалидов» в XIX в. (Щербинин, 2005; Щербинин, 2007; Щербинина, Щербинин, 2011; Щербинина, 2012). В их работах анализируются особенности взаимоотношений власти, общества, социальной среды и инвалидов, исследуются семейные отношения, отдельные аспекты психологической адаптации военных ветеранов с инвалидностью, экономические связи, в которые были включены военные инвалиды. Авторы делают вывод, что значительная часть инвалидов и их семей не получали поддержки со стороны государства и общества, пополняя ряды нищенствующих.

По результатам анализа степени изученности научных публикаций был сделан вывод о том, что вопросы деятельности инвалидных команд широко представлены в отечественной историографии, но в большей части они касаются Центральной части Российской империи, при этом вопросы жизнедеятельности и повседневности военных инвалидов и членов инвалидных команд в сибирском регионе освещены недостаточно.

4. Результаты

Прежде всего следует охарактеризовать количественный, половозрастной состав членов инвалидной команды, семейный статус ее служащих. Так, в 1806 г. в Томской инвалидной команде (ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 114. Л. 172–173) служили 9 офицеров: майор (51 год) с женой (29 лет); поручик (75 лет) с женой (64 лет) и дочерью (23 года); поручик (74 лет) с женой (54 лет) и дочерью (14 лет); подпоручик (69 лет) с женой (56 лет) и дочерью (31 лет) и служанкой (43 года) с сыном (9 лет); 3 прапорщика (55, 75 и 85 лет) с женами (55, 58 и 59 лет соответственно), у одного из них были дети (18 и 21 год); унтер-офицер (47 лет) с женой (42 года) и тремя детьми (3, 10 и 12 лет); унтер-офицер (26 лет) с женой (25 лет).

Рядовой состав инвалидной команды составляли:

- холостые – 45 чел., из них: до 30 лет – 2 чел., от 31 до 40 лет – 7 чел.; от 41 до 50 лет – 12 чел.; от 51 до 60 лет – 15 чел.; от 61 до 70 лет – 4 чел.; от 71 до 80 лет – 3 чел.; старше 80 лет – 2 чел.;
- женатые, без детей – 11 чел., из них мужчины в возрасте от 45 до 50 лет – 3 чел.; от 51 до 60 лет – 3 чел.; от 61 до 70 лет – 4 чел., старше 70 лет – 1 чел.; женщины: до 30 лет – 2 чел.; от 31 до 40 лет – 1 чел.; от 41 до 50 лет – 6 чел., старше 50 лет – 2 чел.;
- семейные – 3 пары с двумя детьми (мужчинам 39, 40 и 55 лет, их женам – 32, 37 и 45 лет, детям 5 и 11, 6 и 8, 6 и 11 лет соответственно) и 4 пары с одним ребенком (мужчинам 37, 40, 48, 60 лет, их женам – 33, 40, 46 и 54 года, детям 3, 6, 7, 5 и 16 лет соответственно);
- вдовцы с детьми – мужчины 53 лет с дочерью 25 лет, 63 лет с дочерью 9 лет и 59 лет с двумя дочерьми 9 и 12 лет.

Таким образом, при Томской инвалидной команде постоянно находились 75 солдат и офицеров, в том числе 30 человек имели семьи, у 17 человек были дети, в том числе у 6 человек были два ребенка и еще у одного офицера – три. Кроме того, подпоручик имел возможность содержать служанку и ее сына. Офицерский состав был представлен в основном лицами в возрасте от 51 до 85 лет, а также более молодыми унтер-офицерами. Все состояли в браке и имели детей.

В рядовой состав входили большей частью холостые инвалиды, основную массу (60 %) составляли лица от 40 до 60 лет, немного меньше приходится на возрастную группу от 30 до 40 лет (15 %), в остальные возрастные группы входило по 2-4 чел. Около 17 % рядовых инвалидов состояли в браке, но не имели детей, причем большая часть из них, будучи в возрасте от 45 лет и старше, имела молодых жен, что при отсутствии детей может говорить о том, что они недавно вступили в брак. Семейные инвалиды и их супруги были лицами среднего возраста, воспитывавшими преимущественно маленьких детей. Наконец, трое мужчин в возрасте от 53 до 63 лет уже овдовели и также имели на попечении детей.

Все члены инвалидной команды были обеспечены «обмундированием». Список вещевого довольствия Томской инвалидной роты за 1805 г. сообщает, что одному человеку полагалось: сукно серое, кожаная шинель и холст для подклада; пальто с воротниками и обшлагами и «сукна всякого на них», «кафтаны и холст для кафтанов», «панталоны и подклад для оных»; холст рубашечный, полотно на летние панталоны с подкладом, сукно для галстуков, сапоги «с подошвами и колодками», портянки шерстяные и носки, а также «шапка бессрочно» (ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2780. Л. 4).

Что касается медицинского обслуживания, то в Томске поблизости от батальонного лазарета инвалидной команде выделили квартиру «под лазарет... в годичное пользование с выдачею дров мещанином». Также Томская Городская дума решила принимать больных военных инвалидов в городском госпитале «при наличии покоев, где излечиться могут» (ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 330. Л. 1).

В целях обеспечения (точнее – самообеспечения) членов инвалидных команд продовольствием с 1834 г. им стали выдавать землю под огороды и сенные покосы. В 1833 г. военный министр представил императору заключение Томского губернатора относительно отвода огородов нижним инвалидным чинам, квартирующим в уездных городах Сибири. В. И. Де Сент-Лоран, исполнявший должность начальника Омской области и работавший над текстом заключения, включил в него положение о том, чтобы «в пособие нижним чинам, имеющим собственные дома, для заведения

огородов и в общее хозяйство отвести на городских выгонах или других ближних местах удобные покосы 50-100 десятин для каждой инвалидной команды, и раз женатые солдаты, имеющие собственные дома, освобождают жителей от постоя и ничего от города не требуют, то справедливость требует освободить их от платежа в городской доход поземельного сбора и других городских повинностей по уважению к тому, что они не могут участвовать в тех промыслах, будучи всегда на службе, которые предоставлены мещанам и вообще торговому сословию» (ГАТО. Ф. 144. Оп. 2. Д. 49. Л. 1-5-об.). Огороды предоставлялись за счет земель, предназначенных под городские кварталы, но никем не занятых, а сенные покосы – за счет свободных земель прилегающих деревень к городскому выгону. С 1839 г. вопрос о наделении инвалидов землей находился в ведении главного местного землемера. Алтайское же горное правление командировало для отвода инвалидным командам в городах Кольвани, Кузнецке, Бийске и Барнауле «удобных земель под огороды» представителей Барнаульской чертежной конторы (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 263. Л. 1-10б.).

Помимо самообеспечения военных инвалидов за счет собственного города и посева, также с 17 июля 1839 г. нижним чинам инвалидных команд выделялись на общем основании мясные порции за счет местного сбора (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 263. Л. 1-10б.). Все началось с того, что генерал-губернатор Западной Сибири предписал наделять инвалидные команды огородами, однако император повелел для улучшения продовольственного обеспечения нижних чинов инвалидных команд в Западной и Восточной Сибири не только отводить им огороды, но и «производить... мясные порции на счет местного земского сбора». Командующий линейным Сибирским батальоном, к которому относилась Томская инвалидная команда, предоставил ведомости о состоящих в инвалидной команде нижних чинах и указал потребность в мясной порции, которая составила 1 пуд 38 фунтов в год (ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 58. Л. 1-3, 4-5, 170б.).

Жилищные условия военных инвалидов предусматривали разные варианты. Чаще всего члены инвалидной команды жили в специально отведенных казарменных помещениях. Также они могли проживать у родственников, если таковые находились на территории, где располагался гарнизон. Так, согласно Указу императора и распоряжению Томского губернского правительства от 16 июня 1820 г., был проведен учет членов местной инвалидной команды с целью выяснить, кто из инвалидов может проживать у своих родственников. Земским судам надлежало отобрать «на гербовой бумаге» подписки у родственников в том, «желают ли последние отпущенных к ним на жительство инвалидов пропитывать и содержать собственным своим коштом без всякого казенного содержания». В случае их письменного согласия инвалиды, «засвидетельствованные в присутственном месте», могли остаться в месте проживания (и даже остаться в том случае, если инвалидную команду переводили в другое место). В случае несогласия инвалидов отправляли для проживания в казармах инвалидной команды (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1201. Л. 1, 6).

Как уже указывали А. С. Ковалев с соавторами, «военнослужащих инвалидной команды могли устраивать на содержание и постой на срок до 6 месяцев: нижние чины селились в квартирах мещан, начальник инвалидной команды – на квартире у представителей купеческого сословия, причем начальника размещали на постой вместе с имеющейся при нем канцелярией, то есть он занимал 2-3 комнаты» (Kovalev et al., 2023: 151-152).

Согласно циркулярному предписанию управляющего Министерством внутренних дел от 23 июня 1824 г., состоявшие в штате отдельного корпуса внутренней стражи офицеры, прикомандированные к служащим инвалидным командам, не получали обывательских квартир для постоя из-за недостатка средств. Вследствие этого некоторые из них изъявили желание обзавестись собственными домами в тех уездах, где находилась инвалидная команда, а некоторые проживали при заведениях, принадлежащих частным лицам, и не хотели возвращаться в казармы. Александр I, ознакомившись с вопросом, дозволил «иметь жительство в уездах тех городов, где находятся служащие инвалидной команды, к коим они прикомандированы» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3. Л. 2).

Кроме того, военные инвалиды имели право на приобретение собственного жилья. К примеру, в 1846 г. служащие Киреевской заводской инвалидной команды – два унтер-офицера и двое рядовых, имевших жен, – просили выделить им из казны по 50 руб. ассигнациями каждому для постройки деревянных домов на отведенной начальством инвалидной команды местах. На основании ст. 1633 статьи V тома «Свода военных постановлений» и предписания Томского гражданского губернатора от 5 июня 1844 г. под расписку батальонного казначея им должны были выдать по 50 руб., однако на руки каждому получилось 14 руб. 28 коп. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394. Л. 1-10б, 15).

Формулярные списки кандидатов на получение средств для постройки деревянных домов являются отличным источником для изучения сведений о самих военных инвалидах. Так, из материалов Киреевской заводской инвалидной команды за 1846 г. известно, что просителями были:

1) Унтер-офицер А. Д. Мелкозеров, 37 лет, православный, неграмотный. Служил с 1831 г., в инвалидную команду перешел в 1835 г., в 1840 г. стал унтер-офицером, в боях не бывал, но имел одну серебряную нашивку на левом рукаве за беспорочную службу, добровольно остался на службе. В отпуске за всю свою военную карьеру был 6 месяцев, под судом не бывал, штрафов не платил, был женат на вдове, воспитывал дочь (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394. Л. 30б., 8).

2) Унтер-офицер И. А. Юферов, 36 лет, православный, неграмотный, служил с 1827 г., унтер-офицером стал в 1833 г., в инвалидной команде – с 1840 г., в боях не бывал, имел две нашивки на рукавах мундира, в отпуске был 6 месяцев, «в штрафах и под судом не был», женат, имел трех детей (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394. Л. 40б., 7).

3) Рядовой А. К. Ануфриев, 34 года, православный, грамотный, женат, детей нет. Служил с 1840 г., через 4 года был направлен в инвалидную команду, в боях не бывал, в отпуске находился 6 месяцев, в штрафах и под судом не был (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394. Л. 20б., 9).

4) Рядовой М. В. Ядрышников, 45 лет, православный, неграмотный, служил с 1830 г., в инвалидной команде – с 1845 г., в боях не был, имел две нашивки, в отпуске не бывал, под судом не состоял, женат, детей нет (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394. Л. 50б.–6).

Впрочем, и в сфере обеспечения собственным жильем инвалиды военных команд были бесправными. Вот показательный случай. В 1840-х гг. в Томской губернии в течение семи лет разбиралось дело о приобретении жилья рядовым Томской инвалидной команды Кошкарова (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100)¹. В 1833 г. он купил за 66 рублей у омского мещанина Бориса Тугоякова половину дома с землей и огородом, которые тому оставил в наследство отец. Инвалид прожил в этой части дома 7 лет, пользовался огородом, «имел на квартирании в доме том... разных людей, на постой приезжающих, с разными съестными припасами из разных мест крестьян и ясашных, получая с них за пристанище деньги и употребляя их в свою пользу» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100). Он заводил новые пристройки, улучшал внешний вид дома, за свой счет облагораживал улицу: «К разрушенному двору пристроил новый, заплатил дважды плотнику, улицу высаривал и возвышал на собственный капитал» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100).

Однако в 1840 г. объявилась племянница Маремьяна, которая предъявила свои права на дом, объявив, что сделка была совершена неправильно, поскольку дядя не имел права продавать дом, который ее покойный отец оставил ей и матери. Тугояков объяснил, что имел право на продажу дома, поскольку его брат Лаврентий и жена его Елена «имели участие в доме, но написали отпорное письмо» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100). По его словам, жена умершего брата Лаврентия была не в состоянии поддерживать дом и работать городскую повинность. Он же «видел, как Кошкаров уже 13 лет на тот момент скитался, и, видя его неустройство, решил продать ему дом» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100). Племянница в ответ на это предоставила завещание деда, из которого следовало, что тот в свое время оставил дом ее отцу.

В ходе разбирательства инвалид Кошкаров «усмотрел подчистки в документах» и потребовал оставить все, как есть. Была назначена очная ставка со свидетелями. Один из них, мещанин С.А. Попадейников, сообщил, что видел, как Тугояков-дед в Томском гражданском и уголовном суде оставил дом на имя отца Бориса, а если и была «подчистка», то со стороны его брата Лаврентия. Шесть других свидетелей это подтвердили, указав, что ничего не знают ни о каких «поправках». Нашелся всего один свидетель – А. Сеченов, который утверждал, что «подчистка была», но в пользу Бориса. Этого оказалось достаточно, чтобы продолжить разбирательство до 1847 г. В результате следствия оказалось, что никаких доказательств Борис Тугояков предоставить не может, а запись действительно была исправлена им же самим. Томский городской суд постановил, что Борис, «пользуясь неопытностью» вдовы брата и его малолетних дочерей, «всех их обманул... чем заставил спрашивать себе дневное пропитание» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100).

Инвалида Кошкарова суд постановил «из дома выслать вон, предоставить ему право заплаченные им Тугоякову деньги взыскать с него, а дом передать настоящим владельницам» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100). Кошкаров потребовал с Тугоякова возмещения убытков на сумму 315 руб., ему дали право на апелляцию, но и губернский суд оставил приговор в силе. В пользу Кошкарова присудили вернуть еще 55 руб. 32 коп. и право взыскать их с Тугоякова, а 193 руб. 68 коп. были признаны несправедливо оспариваемыми. Свидетелей «хотя бы и следовало предать уголовному суду за лживое под присягой показание», но оставили от суда и следствия свободными. Тугояков же уплатил только штраф в пользу суда, но, поскольку он был признан банкротом, по причине несостоятельности возместить требуемую инвалидом по суду сумму не смог.

Таким образом, единственным по-настоящему пострадавшим в этой истории оказался инвалид Кошкаров, который все свои сбережения потратил на то, чтобы приобрести собственный дом, в течение семи лет превращал его в уютное жилище, затем еще семь лет наблюдал за тем, в чью пользу разрешится спор о наследстве, чтобы в конечном счете снова оказаться на улице без жилья и денег.

К сожалению, еще одной печальной частью повседневной жизни членов инвалидной команды нередко было насилие со стороны горожан. Так, в 1803 г. в Томске рассматривалось дело по обвинению мещанина Г. Копейщикова в избиении рядового городской инвалидной команды Т. Карпова. Из прошения инвалида следует, что он шел на квартиру к своему майору, а навстречу ему вышел Копейщиков, который «сбил с ног, давил за горло и пинал ногами и сдавил коленями грудь», и что его спасли только проходившие мимо унтер-офицер и рядовой той же команды. Однако Копейщиков дал показания, что инвалида он не бил и что это тот «производил ругательства стоящим

¹ Здесь и далее использованы все листы дела.

против дома его Копейщикова» (ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2250. Л. 1). За обвиняемого поручились мещане, и дело, как говорят сегодня, за отсутствием состава преступления было закрыто.

В другой раз, согласно материалам Кольванского полицейского управления (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 896), рядовой С. И. Кобелев, 50 лет, находился в карауле при денежной кладовой окружного казначейства. Мимо него шел человек, которого он окликнул, но ответа не получил, тогда сторож окликнул во второй раз, но тот снова не отозвался. Инвалид подошел ближе и получил удар, от которого он упал, а имевшееся у него ружье выпало из рук. Он вспоминал, что приблизившийся «...начал меня топтать ногами. Я начал кричать... услышал стоящий на часах рядовой... дал знать стоящему в карауле на гауптвахте вице-унтер-офицеру Некрасову, который... сам пошел на крик мой. А неизвестный человек, видя идущих к нам людей, бросил меня и сбежал в питейный дом и заперся в оном» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 896. Л. 9-90б). Служащие инвалидной команды вместе с офицером дожидались до утра, когда двери питейного дома открылись и подозреваемый покинул заведение. Им оказался местный мещанин Ф. Логинов. Но и в этом случае за подозреваемого вступилось общество, мещанский суд дело рассматривать отказался и передал его в городской суд, где мещанина Логинова, «как не признавшегося в обстоятельствах дела и в том не обличившегося» признали невиновным, а дело об избиении переформулировали в дело о «якобы битии» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 896. Л. 15).

В 1830-х гг. в Томске рассматривалось дело по обвинению сразу двух поселенцев в нанесении побоев рядовому инвалидной команды и его жене. Суть дела была такова. Военный инвалид А.Ф. Широковский с супругой явились домой на постой к мещанской жене Кирсановой, у которой жили в подвале. Через какое-то время она спустилась к ним, чтобы взять деньги за проживание. Когда инвалид отказался платить, она позвала своего зятя Карпенко, и они вместе избили инвалида и его супругу. В ходе следствия Кирсанова и Карпенко свою вину отрицали, заявив, что сам инвалид был пьян и нецензурно ругался, а потом решил донести в полицию, будто его избили (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 837. Л. 3-15). Кто на самом деле был прав в этой ситуации, неизвестно, однако следствие показало, что закон был на стороне мещан и никак не защищал инвалидов, версия которых была подвергнута сомнению с самого начала.

Интересно следственное дело, произведенное Томским полицейским управлением над томским мещанином А. Бердиным «о неизвестно куда отлучившемся» стоявшем у него на постое рядовом Томской инвалидной команды Якове Меркулове. Инвалид Меркулов находился в карауле у винных магазинов, после чего явился на квартиру, ушел из нее на базар, по возвращении отобедал с женой Анной и, отдохнувши, ушел обратно в караул, откуда не вернулся домой. Городская полиция через частных приставов и поручика, под началом которого состоял Меркулов, инвалида не нашла.

Следствие велось с 1824 по 1829 гг. Первым предположением было то, что Меркулов напился в винных магазинах на заимке, куда был командирован, после чего сбежал, но при проверке оказалось, что на службе его не было. В ходе дальнейшего расследования жена Меркулова показала, что он взял у нее 60 руб. и ушел в караул. Но оказалось, что ни в какой караул он не приходил – поручик инвалидной роты сообщил, что караула и не могло быть – пропавший ни на какой наряд командирован не был, при этом добавил: «Тот рядовой поведения хорошего, невозможно предположить, чтобы он учинил побег. Не покусился ли кто на жизнь его?».

Подозрение пало на жену инвалида и мещанина Бердина. Другие постояльцы, на квартирах которых прежде жил Меркулов с женой, показали, что «не только ссор каких, но и даже и противного слова друг другу не чинили», о каких-либо ссорах они не слышали. Однако супруга Меркулова и хозяин квартиры в покушении на жизнь инвалида не сознались, поэтому было принято решение: «Обвиняемые в том не доказаны, а потому оных... оставить свободными и потерю солдата Меркулова до открытия предать воле Божьей» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 138. Л. 47-56).

При всей детективности вышеизложенного сюжета следует отметить, что этот документ дает довольно много сведений о повседневной жизни военного инвалида в первой половине XIX века. Во-первых, он еще раз подтверждает, что рядовому члену инвалидной команды вовсе не нужно было жить в казарме, он мог быть размещен на условиях постоянной повинности у одного из горожан. Во-вторых, военный инвалид мог быть женат. В-третьих, он нес службу в качестве сторожа при винных магазинах, что было довольно частым явлением в те годы. Кроме того, он был заподозрен в том, что нес службу спустя рукава и напился, после чего якобы исчез. Подобные случаи часто имели место в описываемый период, поскольку предположения следователей основывались на убеждениях горожан, которые спешили ими поделиться с приставами. Впрочем, этот вариант оставляет открытым вопрос о том, мог ли член инвалидной команды дезертировать из нее со всеми вытекающими отсюда последствиями, тем более в пользу инвалида говорил его непосредственный начальник: «...поведения хорошего, невозможно предположить, чтобы он учинил побег».

Также дискуссионным можно считать обвинение супруги инвалида и его квартирного хозяина. Понятно, что следственные органы испокон веков считают главным виновником в случае пропажи одного из супругов его «вторую половину». Однако именно вслед за оправданием жены инвалида за недоказанностью ее участия в деле наступает поворотный момент, и объявляется о прекращении розысков и следствия. По правовой традиции того времени при недоказанности вины единственным

аргументом против супруги инвалида и домовладельца могло быть только их чистосердечное признание, но поскольку оно не последовало, оба были оправданы, а судьба инвалида перестала интересовать общество.

От бесправия не были защищены даже высшие чины инвалидной команды. Так, в 1836 г. капитан Томской инвалидной команды Толмачев обратился в полицейскую управу с заявлением, что он отдал под присмотр табунщику мещанину Г. Быстрову лошадь стоимостью 100 руб. для пастьбы, а тот эту лошадь потерял. Он обещал ее найти, но прошло полтора года, а Быстров по-прежнему кормил капитана «завтраками». Капитан посчитал, что Быстров не может отыскать лошадь по той причине, что на самом деле продал ее, и потребовал взыскать с табунщика за лошадь 100 руб. Быстров, который в свои 70 лет сам не сильно отличался от инвалида, отвечал на предварительном дознании, что он не причастен к тому, что лошадь пропала, и что он ее безрезультатно ищет, а «сам той лошади не воровал, никому не передавал, почему и платить взыскиваемых... денег не обязываюсь» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1055. Л. 5–7). Прошло два года, и по этому делу состоялось заседание Томского городского суда с присутствием депутата от воинской стороны. Суд определил, что «поскольку Быстров признания не учинил, а Толмачев никаких доказательств не предоставил», дело решить в пользу Быстрова, а за офицером инвалидной команды оставили право требовать возвращения лошади гражданским порядком (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1055. Л. 26).

Очень хорошо о правах члена инвалидной команды (а заодно – о его повседневной жизни) могут рассказать материалы дела о краже у Лазаря Аронова в г. Томске в 1856 г. (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1673. Л. 1-161). Этот Аронов был рядовым местной инвалидной команды, однако не служил, а занимался в городе часовым мастерством. Он удачно выдал дочь замуж за цирюльника, вместе с семьей которого поселился на частной купеческой квартире. В услужении у них находился еще один отставной солдат-инвалид П. Ушаков, также у Аронова было несколько подмастерьев.

Однажды один из посетителей украл «купеческие золотые часы с цепочкой 35 рублей серебром», которые находились в ремонте у Аронова. Поскольку часовщик был обязан возместить потерю своему клиенту, он заставил своего зятя, слугу-инвалида Ушакова и подмастерьев вести собственное расследование. Помощники Аронова отыскивали всех, кто в тот день приходил к старому инвалиду, несколько человек были доставлены в полицию, где один из них был опознан как бывший преступник Мартынов, уже судимый за кражу и сосланный в Сибирь.

Дело рассматривалось три года, однако закончилось безрезультатно. Городовой суд в мае 1859 г. постановил Мартынова «оставить в сильном подозрении», а Аронову отказать, предоставив ему право «искать более явные доказательства» и из своего кошелька оплатить клиенту стоимость украденных часов. Так в очередной раз были ущемлены права инвалида.

Несмотря на описанные случаи бесправия военных инвалидов, может сложиться впечатление, что в остальном их повседневность была вполне сносной – они были обеспечены одеждой, питанием, жильем (пусть даже ко всему этому усилия прикладывали сами инвалиды). Но о том, как на самом деле служилось в инвалидной команде, может рассказать биография одного из ее рядовых.

В сентябре 1868 г. в г. Томске казаками полкового округа был «пойман бродяга, который назвался рядовым внутреннего гарнизонного батальона Антоном Ивановым». У него отобрали показания и до выяснения всех обстоятельств оставили под стражей. Полученные сведения позволили выяснить, что Иванов был беглым членом инвалидной команды. Полицейский доклад о нем, его собственные показания и представленный формулярный список позволяют проследить его жизненный путь.

А. Иванову в 1868 г. было 40 лет. О себе он говорил: «Веры православной, грамоты не знаю». Хотя позже выяснилось, что «российской грамотою читать и писать умеет, портняжное мастерство знает». Был сыном умершего рядового инвалидной роты, «в службу вступил из военных кантонистов» в 1842 г. и числился рядовым Рижского внутреннего гарнизонного батальона. В походах и боях не был, но получил инвалидность на службе, поэтому был причислен к инвалидной команде. В возрасте 21 года был осужден за отлучку из казармы, за что был «наказан чрез 500 человек, и в 1855 г. тоже за побег был сужден и наказан шпицрутенами чрез 100 человек два раза». Он сменил девять инвалидных команд, два раза бежал, снова и снова наказывался за побег, и в 1859 г. был назначен к отправке на Амур в очередную инвалидную команду, но уже «в числе порочных нижних чинов», в 1860 г. бежал с пути следования в Казани и восемь лет «шатался по разным местам» (ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2, 20–21).

Пока шло расследование, инвалид Иванов содержался в Томском тюремном замке. Когда дело прояснилось, ему присудили «наказание плетью до 80 ударов», но тюремный врач определил, что Иванов «по медицинскому свидетельству перенести наказание не сможет». Было решено «наказать его публично розгами пятью ударами и обратить в каторжную работу в течение 10 лет» (ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 36. Л. 46–47об). Несмотря на то что инвалидные команды уже четыре года как перестали существовать, наказание за побег все же последовало.

Конечно, можно предположить, что инвалид Иванов просто страдал дромоманией, но в этом случае он был бы одержим психическим заболеванием, вероятно, вследствие физической и душевной травм в результате потери здоровья в период службы в армии и инвалидной команде. Можно

предположить, что его дезертирство каждый раз было реакцией на любые, самые незначительные, неблагоприятные ситуации во время его службы. Также возможно, что его побег носили импульсивный характер и не имели мотивов, но это тоже свидетельствует о серьезном психическом заболевании, однако никто не собирался лечить инвалида ни от телесных, ни от душевных травм.

О его дальнейшей судьбе ничего неизвестно, да и после отбытия наказания вряд ли он снова был бы возвращен на службу в силу того, что инвалидные команды с 1864 г. перестали существовать. Но вот если бы эта история случилась на несколько лет раньше, то через 10 лет инвалида снова перевели бы на службу в инвалидную команду, которую он продолжал бы нести вплоть до старости.

Впрочем, по достижении престарелого возраста члены инвалидной команды могли быть направлены из нее в богадельню (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 477. Л. 1-106). Так, в 1800-х гг. при Томской богадельне жили бывшие отставные солдаты-инвалиды – всего 10 человек, из них 6 унтер-офицеров в возрасте 69, 74, 75, 79, 85 и 100 лет, один с женой 66 лет, еще один солдатский сын, инвалид-сирота 23 лет, который жил вместе с 72-летней матерью. Вместе с ними проживали гражданские поселенцы – 11 человек, из них 8 мужчин (один с женой), 3 женщины (две из них – вдовы). Возраст мужчин составлял 54, 55, 69, 71, 76, 77, 76, 91 год, женщин – 52, 74, 96 лет. В другой богадельне проживало 6 женщин, все вдовы, в возрасте от 60 до 70 лет (ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 114. Л. 39–39об., 109–109об.).

В случае перевода в богадельню производилось особое освидетельствование и определение на казенное содержание. Процедура была следующей. Например, в 1837 г. к командующему Сибирским линейным батальоном в г. Томске явился отставной барабанщик Ф. Кузнецов с выданным ему паспортом и попросил «по преклонным летам его и болезненному состоянию определить к Томской инвалидной команде на казенное содержание». Командующий обратился в Томское губернское правление с просьбой «упомянутому барабанщику в присутствии своем со мною и медицинскими чиновниками учинить свидетельство» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 256. Л. 1–106.). Правление постановило «Кузнецова освидетельствовать через члена Томской врачебной управы и военного медика» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 256. Л. 2–206.). В «комиссию» вошли сам командующий Сибирским линейным батальоном, инспектор врачебной управы и штабс-лекарь. По результатам осмотра было выдано свидетельство, в котором сообщалось, что отставной барабанщик Кузнецов 50 лет, «слабого телосложения от природы», вследствие раны, нанесенной ему в 1813 г. в сражении под Лейпцигом пулей в левую ногу, ниже колена, чувствует непрерывную боль в ноге, препятствующую ему заниматься работами. На основании указа от 28 октября 1829 г. Кузнецов был помещен «на инвалидное содержание без понесения службы» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 256. Л. 4–6).

То есть в этом случае отставной солдат сразу был переведен из действующей армии в инвалидную команду, но только с тем, чтобы фактически получать «пенсионное содержание». А вот другая ситуация, когда за освидетельствованием обращается человек, который ранее нес службу в рядах инвалидной команды. Командир Кузнецкой инвалидной команды доставил командиру Сибирского линейного батальона отставного унтер-офицера М. Крюкова, просившегося «по болезненному состоянию на казенное довольствие» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 216. Л. 1). После того как было проведено медицинское освидетельствование, которое показало, что Крюков «от роду имеет 54 года, правую рукою и ногами худо владеет вследствие старости и дряхлости, при том страдает тугостью зрения» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 216. Л. 4), его также направили на инвалидное содержание без несения службы.

В 1835 г. отставной военнослужащий Я. А. Корчуганов прошел освидетельствование для зачисления в Кузнецкую инвалидную команду и назначения пенсии. Выяснилось, что ему 63 года, «одержим тупостью зрения и вообще слаб и дряхл здоровьем от старости». Как и прочих, его зачислили на содержание без несения инвалидной службы (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 213. Л. 2).

Инвалиды из числа рядового состава также могли получать пенсию. Для этого они должны были получить специальный билет, который предъявляли в Казначейство. Инвалиды должны были предоставить формулярный список или паспорт, выданный при увольнении от службы, с указанием возраста, подробным описанием примет (рост, лицо, глаза и волосы), а также свидетельство медицинского начальства совместно с военным или гражданским об актуальном влиянии на здоровье ран, полученных в сражениях, и удостоверение о поведении, выданное местным обществом, к которому был приписан инвалид (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 203. Л. 206.–506.).

Из материалов Комитета о выдачи пенсий военным инвалидам за 1835 г. следует, что среди таковых выделялись две равнозначные, но все же разные категории: «нижние чины, находящиеся в инвалидных командах», а также «отставные за ранами». В Томской губернии в 1835 г. пенсию получали 16 человек, из них 7 рядовых, пенсия составляла от 70 до 80 руб., 7 унтер-офицеров с пенсией 80, 100, 120, 135 и 150 руб., 1 бомбардир (пенсия 70 руб.), 1 фейерверкер (пенсия 75 руб.) (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 203. Л. 206.–506.).

5. Заключение

Антропологическое и микроисторическое изучение повседневности военных инвалидов и инвалидных команд позволило сделать значимые для «большой» социальной истории XIX в. выводы. Военные инвалиды были неотъемлемой частью общества, и поэтому вопросы их адаптации и

сосуществования с городским населением находились в центре внимания как государственной, так и местной власти, которая, впрочем, выполняла в большей степени организаторские функции, выступая с инициативой социальной помощи, но перекладывая различные варианты ее осуществления на общество.

Сибирский регион в этом отношении ничем не отличался от других территорий империи. Можно частично согласиться с П. П. и Ю. В. Щербиниными, что государство и общество поддержки военным инвалидам не оказывали – скорее всего, поддержка существовала, и она была представлена самыми разными видами и направлениями, но она не была системной и не контролировалась государством, призванным позаботиться о своих подданных.

С одной стороны, военным инвалидам были предоставлены широкие возможности для полноценного существования: они могли продолжать службу в армии и находиться на попечении государства, имели право заводить семью, воспитывать детей. Члены инвалидных команд получали вещевое довольствие, услуги медицинского характера, им выдавалась земля под огороды и санные посылки для продовольственного самообеспечения, дополнительно к этому выдавались мясные порции, предоставлялась жилая площадь и помощь в строительстве собственного жилья. Наконец, при наступлении старости им выдавали пенсию или устраивали в богадельню с содержанием за счет средств армии.

С другой стороны – общество не хотело в полной мере участвовать в реализации мер социальной помощи, занимая позицию неприятия и социального исключения, что проявлялось в насилии, в несоблюдении прав, в приоритетной защите интересов неинвалидов. При этом государственные институты никак не защищали инвалидов и не отслеживали степень реализованности своих инициатив. Перефразируя И. Гете, государство занимало в отношении нуждающихся позицию своеобразного «Мефистофеля наоборот»: оно вечно желало населению блага, но оно нередко оборачивалось для последнего «злом».

Литература

Барина, 2015 – Барина Г.В. Должны служить пожизненным и тихим для раненых воинов пристанищем // *Военно-исторический журнал*. 2015. № 9. С. 55-60.

Белоусов, 2022 – Белоусов С.В. Формирование Пензенского внутреннего губернского батальона // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2022. № 3(63). С. 83-98.

Бродель, 1977 – Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 115-142.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Гудков, 1988 – Гудков Л.Д. «Культура повседневности» в новейших социологических теориях. М., 1988. 31 с.

Игонькин, 2010 – Игонькин С.А. Государственная помощь отставным военным-инвалидам в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. (на примере Арзамасского и Ардатовского уездов / *Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе*. Арзамас, 2010. С. 62-66.

Игонькин, 2020 – Игонькин С.А. Арзамасская инвалидная команда в первой трети XIX века / *Вопросы исторического и экологического регионоведения*. Арзамас, 2020. С. 65-68.

Ковалев, 2024 – Ковалев А.С. Методика комплексного анализа истории повседневной жизни населения // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2024. № 1. С. 255-270.

Колпаков, 2021 – Колпаков П.А. Внутренняя стража Российской империи: причины создания и развитие полицейских войск в структуре военного ведомства 1811–1864 гг. // *Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии*. Уфа, 2021. С. 156-159.

Кузнецов, 2003 – Кузнецов Н.А. Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII-XIX вв. // *Кузнецкая старина*. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 108-139.

Кузнецов, 2018 – Кузнецов М.Ю. Внутренняя стража в Восточной Сибири в 1816-1864 годах // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2018. № 4 (34). С. 156-162.

Орехова, 2021 – Орехова Е.А. Состав Кольской инвалидной команды накануне и в период Крымской войны (по материалам духовных росписей Кольского Воскресенского собора 1850-1854 годов) / *Россия в войнах: слава российского оружия в памяти поколений*. Стерлитамак, 2021. С. 178-185.

Орлов, 2010 – Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010. 316 с.

Орлов, 2012 – Орлов И.Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания М.: ВШЭ, 2012. 191 с.

Постников, **Постникова**, 2022 – Постников С.В., Постникова О.А. «Никто больше признания не заслуживает, как болящей солдат». Социальное обеспечение ветеранов в Российской армии до 1917 года // *Военно-исторический журнал*. 2022. № 8. С. 100-119.

- Репина, Селунская, 2020 – Репина Л.П., Селунская Н.А. «Общие вопросы» и «частные ответы»: непрочитанные страницы Джованни Леви // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 73. С. 323-342.
- Розенберг, 2010 – Розенберг Н.В. Структурирование культуры повседневности: методологические подходы // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2010. № 2 (14). С. 50-57.
- Танатова, 2004 – Танатова Д.К. Антропологический подход в социологии М.: Дашков и К°, 2004. 264 с.
- Ташпекова, 2019 – Ташпекова А.Т. Из истории Саратовской инвалидной команды // Первый командир Отдельного корпуса внутренней стражи России – генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский (к 250-летию со дня рождения Е.Ф. Комаровского): сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. С. 67-71.
- Харченко, 2015 – Харченко О.В. О роли военного министерства в создании внутренней стражи как органа охраны правопорядка в России в начале XIX века // *Мир юридической науки*. 2015. № 1-2. С. 9-14.
- Хаяров, 2020 – Хаяров Д.Г. Инвалиды в Российской империи в XVIII веке – военно-исторический аспект // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2020. № 5. С. 104-111.
- Щербинин, 2005 – Щербинин П.П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX в. // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 222-233.
- Щербинин, 2007 – Щербинин П.П. Особенности социальной защиты ветеранов военной службы в Российской империи в XVIII – начале XX в. // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2007. № 6-7. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/973> (дата обращения: 31.03.2024).
- Щербинина, 2012 – Щербинина Ю.В. Социальные практики и призрение военных инвалидов в российской империи в XIX в. // *Социально-экономические явления и процессы*. 2012. № 7-8 (41-42). С. 200-204.
- Щербинина, Щербинин, 2011 – Щербинина Ю.В., Щербинин П.П. Социально-экономические последствия интеграции военных инвалидов в гражданское общество в XIX в. // *Социально-экономические явления и процессы*. 2011. № 9 (31). С. 186-189.
- Cherutti, 2004 – Cherutti S. Microhistory: Social Relations versus Cultural Models? / Between Sociology and History. Essays on Microhistory, Collective Action, and Nation-Building / Ed. by A.-M. Castrén, M. Lonkila, M. Peltonen. Helsinki, 2004. Pp. 17-40.
- Dulmen, 1993 – Dulmen van R. Historische Anthropologie in der deutschen Sozialgeschichtsschreibung // *THESIS*. 1993. №3. Pp. 208-226.
- Kovalev et al., 2023 – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. Quartering of the Disabled Team in Krasnoyarsk in the 1820s: Microhistorical Analysis // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 149-158.

References

- Barinova, 2015 – Barinova, G.V. (2015). Dolzhny sluzhit' pozhiznennym i tihim dlja ranenyyh voynov pristanishhem [Should serve as a lifelong and quiet haven for wounded soldiers]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 9: 55-60. [in Russian]
- Belousov, 2022 – Belousov, S.V. (2022). Formirovanie Penzenskogo vnutrennego gubernskogo batal'ona [Formation of the Penza Inner provincial battalion]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 3(63): 83-98. [in Russian]
- Braudel, 1977 – Braudel, F. (1977). Istorija i obshhestvennye nauki. Istoricheskaja dlitel'nost' [History and social sciences. Historical duration]. *Filosofija i metodologija istorii*. Moscow. Pp. 115-142. [in Russian]
- ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Region].
- Gudkov, 1988 – Gudkov, L.D. (1988). «Kul'tura povsednevnosti» v novejsih sociologicheskijh teorijah [“Culture of everyday life” in the latest sociological theories]. Moscow. 31 p. [in Russian]
- Igonkin, 2010 – Igonkin, S.A. (2010). Gosudarstvennaja pomoshh' otstavnym voennym-invalidam v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX vv. (na primere Arzamasskogo i Ardatovskogo uezdov [State assistance to retired military invalids in the Russian Empire in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries (on the example of Arzamas and Ardatov counties)]. *Voprosy arhivovedenija i istochnikovedenija v vysshej shkole*. Arzamas. Pp. 62-66. [in Russian]
- Igonkin, 2020 – Igonkin, S.A. (2020). Arzamasskaja invalidnaja komanda v pervoj treti XIX veka [Arzamas disabled team in the first third of the XIX century]. *Voprosy istoricheskogo i jekologicheskogo regionovedenija*. Arzamas, pp. 65-68. [in Russian]
- Kolpakov, 2021 – Kolpakov, P.A. (2021). Vnutrennjaja strazha Rossijskoj imperii: prichiny sozdanija i razvitie policejskijh vojsk v strukture voennogo vedomstva 1811–1864 gg. [The Internal Guard of the Russian Empire: the reasons for the creation and development of police troops in the structure of the military

leadership of 1811-1864]. *Gosudarstvennyj apparat upravlenija v imperii Romano-vyh: jeffektivnost' dejatel'nosti vlastnyh struktur i bjurokratii*. Ufa, pp. 156-159. [in Russian]

Kovalev et al., 2023 – Kovalev, A.S., Novosel'tsev, N.R., Rakhinsky, D.V., Ravochkin, N.N. (2023). Quartering of the Disabled Team in Krasnoyarsk in the 1820s: Microhistorical Analysis. *Bylye Gody*. 18(1): 149-158.

Kovalev, 2024 – Kovalev, A.S. (2024). Metodika kompleksnogo analiza istorii povsednevnoj zhizni naselenija [Methodology of complex analysis of the history of everyday life of the population]. *Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal*. 1: 255-270. [in Russian]

Kuznetsov, 2003 – Kuznetsov, N.A. (2003). Vojskovye chasti, kvartirovavshie v Kuz-necke v XVII-XIX vv. [Military units quartered in Kuznetsk in the XVII-XIX centuries]. *Kuzneckaja starina*. Novokuznetsk. Is. 5. Pp. 108-139. [in Russian]

Kuznetsov, 2018 – Kuznetsov, M.Yu. (2018). Vnutrennjaja strazha v Vostochnoj Sibiri v1816-1864 godah [Internal guards in Eastern Siberia in 1816-1864]. *Problemy social'no-jekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 4(34): 156-162. [in Russian]

Orekhova, 2021 – Orekhova, E.A. (2021). Sostav Kol'skoj invalidnoj komandy nakanune i v period Krymskoj vojny (po materialam duhovnyh respisej Kol'skogo Voskresenskogo sobora 1850-1854 godov) [The composition of the Kola disabled team on the eve and during the Crimean War (based on the materials of the spiritual murals of the Kola Resurrection Cathedral of 1850-1854)]. *Rossija v vojnah: slava rossijskogo oruzhija v pamjati pokolenij*. Sterlitamak, pp. 178-185. [in Russian]

Orlov, 2010 – Orlov, I.B. (2010). Sovetskaja povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovlenija [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow. 316 p. [in Russian]

Orlov, 2012 – Orlov, I.B. (2012). «Chelovek istoricheskij» v sisteme gumanitarnogo znaniya [“Historical man” in the system of humanitarian knowledge]. Moscow. 191 p. [in Russian]

Postnikov, Postnikova, 2022 – Postnikov, S.V., Postnikova, O.A. (2022). «Nikto bol'she prizrenija ne zasluzhivaet, kak boljashhej soldat». Social'noe obespechenie veteranov v Rossijskoj armii do 1917 goda [“No one deserves more charity than a sick soldier”. Social security of veterans in the Russian Army before 1917]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 8: 100-119. [in Russian]

Repina, Selunskaya, 2020 – Repina, L.P., Selunskaya, N.A. (2020). «Obshhie voprosy» i «chastnye otvety»: neprochitannye stranicy Dzhovanni Levi [“General questions” and “private answers”: unread pages by Giovanni Levi]. *Dialog so vremenem*. 7: 323-342. [in Russian]

Rosenberg, 2010 – Rosenberg, N.V. (2010). Strukturirovanie kul'tury povsednevnosti: metodologicheskie podhody [Structuring the culture of everyday life: methodological approaches]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 2(14): 50-57. [in Russian]

Shcherbinin, 2005 – Shcherbinin P.P. (2005) Osobennosti prizrenija voennyh invalidov i chlenov ih semej v Rossii v XVIII – nachale XX v. [Features of the care of military invalids and their family members in Russia in the XVIII – early XX century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Gumanitarnye nauki. 2: 222-233. [in Russian]

Shcherbinin, 2007 – Shcherbinin P.P. (2007) Osobennosti social'noj zashhity veteranov voennoj sluzhby v Rossijskoj imperii v XVIII - nachale XX v. [Features of social protection of veterans of military service in the Russian Empire in the XVIII - early XX centuries]. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 6-7. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/973> (date of access: 31.03.2024). [in Russian]

Shcherbinina, 2012 – Shcherbinina, Yu.V. (2012). Social'nye praktiki i prizrenie voennyh invalidov v rossijskoj imperii v XIX v. [Social practices and the vision of military invalids in the Russian Empire in the XIX century]. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*. 7-8 (41-42): 200-204. [in Russian]

Shcherbinina, Shcherbinin, 2011 – Shcherbinina, Yu.V., Shcherbinin, P.P. (2011). Social'no-jekonomicheskie posledstviya integracii voennyh invalidov v grazhdanskoe obshhestvo v XIX v. [Socio-economic consequences of the integration of military disabled people into civil society in the XIX century]. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*. 9(31): 186-189. [in Russian]

Tashpekova, 2019 – Tashpekova, A.T. (2019). Iz istorii Saratovskoj invalidnoj komandy [From the history of the Saratov disabled team]. *Pervyj komandir Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi Rossii – general ot infanterii E.F. Komarovskij (k 250-letiju so dnja rozhdenija E.F. Komarovskogo): sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj kon-ferencii*. St. Petersburg, pp. 67-71. [in Russian]

**Повседневность инвалидов команд и военных инвалидов в XIX в.
(на материалах Томской губернии)**

Александр Сергеевич Ковалев ^{a,*}, Николай Рзавич Новосельцев ^a,
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a,b,c}, Элла Владимировна Савина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора
В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики повседневной жизни военных инвалидов и членов инвалидных команд Томской губернии в XIX в. Авторами на основе комплексной методологии, включающей принципы историко-антропологического подхода, истории повседневности и микроистории, проанализированы особенности материального обеспечения военных инвалидов, среда обитания, устройство быта, специфика потребления, развитие личностных и социальных связей и коммуникации членов инвалидных команд, виды их занятости. Источниковую базу исследования составили ранее не публиковавшиеся архивные материалы Государственного архива Томской области.

По мнению авторов, в XIX в. в течение всего периода существования инвалидных команд государством и обществом был накоплен значительный опыт решения социальных проблем, с которыми сталкивались военные инвалиды. Успешно решались вопросы обеспечения служащих инвалидных команд: помощь в продовольственном снабжении, решение жилищного вопроса, предоставление посильной работы, денежные, в том числе пенсионные выплаты, предоставление места в богоугодном заведении и т.п. В то же время все эти меры были половинчатыми, часто незаконченными, не закрепленными в виде прав и гарантий за военными инвалидами. Государство инициировало многочисленные варианты социальной поддержки нетрудоспособных военнослужащих, но у него не было реальных механизмов контроля за их исполнением со стороны общественности.

Ключевые слова: военные инвалиды, инвалидные команды, история повседневности, Сибирь, социальная помощь.

* Корреспондирующий автор

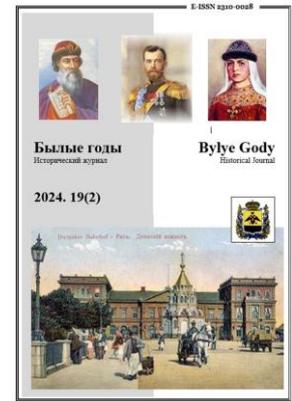
Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.Р. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),
squirrel-o@yandex.ru (Э.В. Савина)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 652-657
DOI: 10.13187/bg.2024.2.652

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the 200th Anniversary of the Birth of Russian Archaeologist Aleksei Sergeevich Uvarov (1824–1884): Some Biographical Aspects

Igor A. Gordeev ^{a,*}, Mikhail G. Smirnov ^b, Vladimir A. Svechnikov ^c, Oksana N. Golovchenko ^d

^a Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^b Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the 200th anniversary of Aleksei Sergeevich Uvarov (1824–1884), a Russian archaeologist, philanthropist, collector, creator and first head of the Moscow Historical Museum and founder of the Moscow Archaeological Society. The material of our manuscript was the works of A.S. Uvarov himself, as well as biographical studies about him. Such methods of historical research as content analysis, biographical method, method of classification and synthesis are applied.

Uvarov financed and organized field archaeological trips and excavations in the northern and eastern Black Sea region, in the Crimea, on the territory of Yaroslavl province. According to the burials, he described the life of Meryan, studied ancient Russian numismatics, the history of battles, and tactics. Most of Uvarov's works were published in St. Petersburg.

He founded the Moscow Archaeological Society, the First Society of Railways, and the Moscow Historical Museum. He was engaged in philanthropy, founded and financed the foundation named after his father, giving out prizes for research achievements. He was successfully engaged in collecting, having founded a rich museum on his estate.

Keywords: Aleksei Sergeevich Uvarov, Russian archaeology, Moscow historical museum, Moscow archaeological society.

1. Введение

Алексей Сергеевич Уваров (1824–1884 гг.) родился в знатной аристократической семье министра народного просвещения эпохи императора Николая I, графа С.С. Уварова, создателя «идеологии официальной народности». Крестным отцом его стал прославившийся в период наполеоновских войн князь, губернатор Украины, генерал Н.Г. Репнин-Волконский, а крестной матерью – графиня М.Г. Разумовская.

Рождение в этой семье предопределило для Алексея Сергеевича карьеру ученого. Сферой его интересов стала историческая наука, а именно археология.

В данной рукописи, посвященной 200-летию со дня его рождения, мы осветим некоторые аспекты биографии А.С. Уварова.

2. Материалы и методы

Материалами нашего исследования стали работы самого А.С. Уварова (в частности, Уваров, 1851; Уваров, 1856; Уваров, 1854; Уваров, 1862 и др.), его супруги П.С. Уваровой (в частности, Уварова, 1908), а также некоторые биографические исследования (в частности, Анучин, 1886; Лучинский,

* Corresponding author

E-mail addresses: gordeev_ia@mail.ru (I.A. Gordeev)

1885; Сперанский, 1894; Фролов, 2003; Полякова, Фролов, 1995; Формозов, 1993; Лучинский, 1901; Уваров, 1911; Кузьминых, 2017 и др.).

Методология исследования базируется на комплексе исторических методов, среди которых историографический метод применялся для исследования творческого наследия А.С. Уварова. Важное значение для нас имел и биографический метод, который был применен для анализа личного и профессионального жизненного пути А.С. Уварова. В свою очередь, метод классификации был применен для систематизирования биографических исследований по личности А.С. Уварова.

3. Обсуждение

Трудов, посвященных биографическому исследованию деятельности А.С. Уварова, достаточно много, и вопрос исследован весьма полно. Труды представляется целесообразным классифицировать по времени опубликования на три раздела: дореволюционные, советского периода и современные, а также статьи в энциклопедических изданиях, которые значительно отличаются по своей форме от монографий и статей.

Из трудов, изданных до революций 1917 года, отметим монографии Д.Н. Анучина «Граф Алексей Сергеевич Уваров: Биографический очерк» (Анучин, 1886), Г. Лучинского «Незабвенной памяти графа А.С. Уварова» (Лучинский, 1885), а также труд его супруги Прасковьи Сергеевны Уваровой «Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова» (Уварова, 1908), посвященный коллекции и находкам русского археолога.

Интерес также представляет и 16-страничный очерк М.Н. Сперанского «Собрание рукописей графа А.С. Уварова: критический очерк», изданный в виде отдельной монографии (Сперанский, 1894).

Из современных исследований выделим фундаментальный 3-томный труд А.И. Фролова «Алексей и Прасковья Уваровы. Защитники московской старины», в котором делается анализ научных достижений четы Уваровых, а также имеются отдельные страницы биографии из их личной жизни (Фролов, 2003)

Из статей в различных изданиях отметим работы М.А. Поляковой и А.И. Фролова «Ревнителю московских древностей: Алексей Сергеевич Уваров. 1825–1884. Прасковья Сергеевна Уварова. 1840–1924» (Полякова, Фролов, 1995), А.А. Формозова «Уваров и его место в истории русской археологии» (Формозов, 1993).

Из энциклопедических статей особо выделим работу Г. Лучинского (Лучинский, 1901) в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, статью в «Словаре членов Общества любителей российской словесности при Московском университете», посвященную А.С. Уварову (Уваров, 1911), статью С.В. Кузьминых (Кузьминых, 2017) в «Большой российской энциклопедии» и др.

В масштабах данной рукописи, посвященной 200-летию юбилею со дня рождения ученого, считаем нецелесообразным анализировать все биографические источники, посвященные А.С. Уварову. Мы указали лишь те исследования, на которые мы опирались в написании данной работы.

4. Результаты

Будучи дворянином, А.С. Уваров (Рисунок 1) получил домашнее образование, а в 1845 году окончил столичный университет. Начал службу в Министерстве иностранных дел, причем службу совмещал с обучением, слушая лекции в престижных европейских университетах.

Уваров обладал природным обаянием, прекрасными аристократическими манерами и риторикой, а также врожденным артистизмом и проницательностью. Ему прочили прекрасную карьеру дипломата, однако в 1853 году, совершенно неожиданно для своих близких, он переводится на службу вначале в Министерство внутренних дел, а потом и в Кабинет Его Величества. Параллельно и весьма плотно занимается археологией. В период Крымской войны 1853–1856 гг., будучи дворянином, возглавляет в 1855 году в звании капитана ополчение из родной Владимирской области. В 1857 году он увольняется со службы и до самой смерти связывает свою жизнь с исторической наукой.

В 1864 году основал Московское археологическое общество. За свой счет Уваров организовывает выезды на раскопки в Крым, Северное и Восточное Причерноморье, Ярославскую губернию. Данным обществом Алексей Сергеевич руководит вплоть до 1984 года.

Самоотверженность и самоотдача в научной и общественной жизни принесла свои плоды: имя Уварова стало весьма известным в России, и в научной среде, в частности, и уже не ассоциировалось с его суровым и влиятельным предком. Помимо участия в археологических изысканиях, Уваров являлся членом Общества любителей Российской словесности, заместителем председателя Исторического музея, а впоследствии стал и его директором. Также он был основателем Первого общества железно-конных дорог. Будучи страстным коллекционером, в фамильной усадьбе основал ценнейший частный музей Уваровых, который после революции 1917 года был национализирован и расформирован.

Нельзя не упомянуть о том, что не забыл Алексей Сергеевич и своего прославленного отца, основав в 1857 году Уваровскую премию при Академии наук, фонд которой также финансировал за свой счет.

Рис. 1. Алексей Сергеевич Уваров (1824–1884 гг.)

Близким другом и соратником, а также помощником в научной работе и хранительницей его достижений, как в части науки, так и в части коллекционирования, стала супруга Уварова, Прасковья Сергеевна (Рисунок 2). Также, будучи аристократкой, княжна П.С. Щербакова, по замужеству ставшая Уваровой (и отказавшись от «девичьей» приставки к «замужней» фамилии), полностью посвятила себя мужу и его делам, также сделав себе громкое имя в археологической науке. После смерти Алексея Сергеевича она издает его записки и труды, в том числе и с фотографиями экспонатов из коллекции, атласы, каталоги и пр. (см., напр., [Уварова, 1908](#); [Уваров, 1908](#)).

Рис. 2. Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924 гг.)

Вкратце освятим основное научное наследие А.С. Уварова. Ученый отличался весьма высокой творческой активностью, оставив после себя значительное количество весьма ценных с научной точки зрения трудов. Наиболее продуктивным стал период с 1851 по 1884 гг. В 1851 году он издает труд «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» ([Уваров, 1851](#)), посвященный анализу раскопок и находок на скифских и аланских территориях северного и восточного Причерноморья. В 1856 году выходит 2-й выпуск «Исследований о древностях Южной России и берегов Черного моря» с дополнениями и уточнениями ([Уваров, 1856](#)).

В 1854 году выходит монография «Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя», в которой описываются археологические находки в Крыму, а также обосновывается научный интерес территории полуострова с археологической точки зрения ([Уваров, 1854](#)).

В 60-х годах XIX века выходят два весьма известных труда: «Разыскания о славяно-византийских монетах» (Уваров, 1862) – опубликованное письмо Уварова о некоторых археологических аспектах нумизматики периода правления Владимира I Святого и Ярослава I Мудрого и «Церковный диптих V века» по проблемам христианской церковной иконописи середины I тысячелетия н.э. (Уваров, 1865).

В 70-х годах XIX века А.С. Уваров издает историографическую и историко-археологическую монографию «Две битвы 1177 и 1216 годов по летописям и по археологическим изысканиям: публицистика» (Уваров, 1870). В 1872 году выходит в свет книга – «Меряне¹ и их быт по курганным раскопкам» (Уваров, 1872).

В сборнике «Древности. Труды Московского археологического общества» в 1973 году издается статья, исследующая различие захоронений разных народностей на территории Северного Поволжья («О существенных и второстепенных признаках народности могильных насыпей»; Уваров, 1873).

После смерти ученого изданием его трудов занимается супруга. В частности, в свет выходят несколько каталогов с различными археологическими экспонатами, найденными на территории Российской империи, с приведенным автором описанием и соответствующим историко-археологическим анализом: «Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Выпуск I: Каменный период и др.» (Уваров, 1887a), «Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Выпуск VII: Монеты Воспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России» (Уваров, 1887b); «Византийский альбом графа А.С. Уварова» (Уваров, 1890), «Христианская символика. Ч. 1: Символика древнехристианского периода» (Уваров, 1908) и др.

Большинство трудов Уварова было издано в Санкт-Петербурге.

5. Заключение

Граф А.С. Уваров, имея все шансы стать высококлассным дипломатом, решил сделать научную карьеру, так как страсть к исторической науке, а именно к археологии, взяла верх.

Уваров финансировал и организовывал полевые археологические выезды и раскопки в северном и восточном Причерноморье, в Крыму, на территории Ярославской губернии. По захоронениям описал быт мерян, исследовал древнерусскую нумизматику, историю сражений, тактику. Большинство трудов Уварова было издано в Санкт-Петербурге.

Основал Московское археологическое общество, Первое общество железно-конных дорог, Московский исторический музей. Занимался меценатством, основал и финансировал фонд имени своего отца, выдавая премии за исследовательские достижения. Успешно занимался коллекционированием, основав у себя в имении богатейший музей. Его супруга, П.С. Уварова, стала помощницей Алексея Сергеевича в научных делах и издала после смерти археолога многие его труды.

Литература

Анучин, 1886 – Анучин Д.Н. Граф Алексей Сергеевич Уваров: Биографический очерк. Одесса: тип. А. Шульце, 1886.

Кузьминых, 2017 – Кузьминых С.В. Уваров Алексей Сергеевич / Большая российская энциклопедия / Гл. ред. Ю.С. Осипов. В 35 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.

Лучинский, 1885 – Лучинский Г. Незабвенной памяти графа А.С. Уварова. Казань, 1885.

Лучинский, 1901 – Лучинский Г. Уваров Алексей Сергеевич / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. XXXIV. СПб., 1901.

Полякова, Фролов, 1995 – Полякова М.А., Фролов А.И. Ревнителю московских древностей: Алексей Сергеевич Уваров. 1825-1884. Прасковья Сергеевна Уварова. 1840-1924 / Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы): Сборник статей. В 3-х книгах. Кн. 2. / Сост. Л.В. Иванов, С.О. Шмидт. М.: Книжный сад, 1995.

Сперанский, 1894 – Сперанский М.Н. Собрание рукописей графа А.С. Уварова: критический очерк. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1894.

Уваров, 1851 – Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. 1. СПб.: Тип. эксп. загот. гос. бумаг, 1851.

Уваров, 1854 – Уваров А.С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя. М., 1854.

Уваров, 1856 – Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. 2. СПб.: Тип. эксп. загот. гос. бумаг, 1856.

Уваров, 1862 – Уваров А.С. Разыскания о славяно-византийских монетах: Письмо гр. А. С. Уварова к А. А. Кузнику о монетах Владимира и Ярослава. СПб., 1862.

¹ Меря (или «меряне») – народность финно-угорской языковой группы, жившие в I – середине II тысячелетия в районе Верхнего Поволжья на территориях современной Ивановской, Костромской, Ярославской, Владимирской областях Российской Федерации.

- Уваров, 1865** – Уваров А.С. Церковный диптих V века // *Древности. Труды Московского археологического общества*. Т. 1. Вып. 1. М.: тип. Грачева и К°, 1865.
- Уваров, 1870** – Уваров А.С. Две битвы 1177 и 1216 годов по летописям и по археологическим изысканиям: публицистика. М.: Синод. тип., 1870.
- Уваров, 1872** – Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам: Исслед. гр. А. С. Уварова. М.: Синод. тип., 1872.
- Уваров, 1873** – Уваров А.С. О существенных и второстепенных признаках народности могильных насыпей // *Древности. Труды Московского археологического общества*. Т. III. М., 1873.
- Уваров, 1887a** – Уваров А.С. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Выпуск I: Каменный период и др. М.: Синод. тип., 1887.
- Уваров, 1887b** – Уваров А.С. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Выпуск VII: Монеты Воспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России. М.: Синод. тип., 1887.
- Уваров, 1890** – Уваров А.С. Византийский альбом графа А.С. Уварова: Посмертное изд. Т. 1. Вып. 1. М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1890.
- Уваров, 1908** – Уваров А.С. Христианская символика. Ч.1: Символика древнехристианского периода. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1908.
- Уваров, 1911** – Уваров А.С. Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М.: Печатня А. Снегиревой, 1911.
- Уварова, 1908** – Уварова П.С. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М.: тип. О-ва распространения полез. кн., 1908.
- Формозов, 1993** – Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // *Российская археология*. 1993. № 3.
- Фролов, 2003** – Фролов А.И. Алексей и Прасковья Уваровы. Защитники московской старины. М.: Московские учебники, 2003.

References

- Anuchin, 1886** – Anuchin, D.N. (1886). Graf Aleksei Sergeevich Uvarov: Biograficheskii ocherk [Count Alexey Sergeevich Uvarov: Biographical sketch]. Odessa: tip. A. Shul'tse. [in Russian]
- Formozov, 1993** – Formozov, A.A. (1993). A.S. Uvarov i ego mesto v istorii russkoi arkheologii [Uvarov and his place in the history of Russian archeology]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 3. [in Russian]
- Frolov, 2003** – Frolov, A.I. (2003). Aleksei i Praskov'ya Uvarovy. Zashchitniki moskovskoi stariny [Alexey and Praskovya Uvarov. Defenders of Moscow antiquity]. М.: Московские учебники. [in Russian]
- Kuz'minykh, 2017** – Kuz'minykh, S.V. (2017). Uvarov Aleksei Sergeevich [Uvarov Alexey Sergeevich]. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Gl. red. Yu.S. Osipov. V 35 t. М.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2004–2017. [in Russian]
- Luchinskii, 1885** – Luchinskii, G. (1885). Nezabvennoi pamyati grafa A.S. Uvarova [To the unforgettable memory of Count A.S.]. Kazan'. [in Russian]
- Luchinskii, 1901** – Luchinskii, G. (1901). Uvarov Aleksei Sergeevich [Uvarov Alexey Sergeevich]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). Т. XXXIV. SPb. [in Russian]
- Polyakova, Frolov, 1995** – Polyakova, M.A., Frolov, A.I. (1995). Revniteli moskovskikh drevnostei: Aleksei Sergeevich Uvarov. 1825-1884. Praskov'ya Sergeevna Uvarova. 1840-1924 [Devotees of Moscow antiquities: Alexey Sergeevich Uvarov. 1825-1884. Praskovya Sergeevna Uvarova. 1840-1924]. Kraevedy Moskvyy (Istoriki i znatoki Moskvyy): Sbornik statei. V 3-kh knigakh. Kn. 2. Sost. L.V. Ivanov, S.O. Shmidt. М.: Knizhnyi sad. [in Russian]
- Speranskii, 1894** – Speranskii, M.N. (1894). Sobranie rukopisei grafa A.S. Uvarova: kriticheskii ocherk [Collection of manuscripts of Count A.S. Uvarova: a critical essay]. М.: T-vo tip. A.I. Mamontova. [in Russian]
- Uvarov, 1851** – Uvarov, A.S. (1851). Issledovaniya o drevnostyakh Yuzhnoi Rossii i beregov Chernogo moray [Research on the antiquities of Southern Russia and the Black Sea coast]. Vyp. 1. SPb.: Tip. eksp. zagot. gos. bumag. [in Russian]
- Uvarov, 1854** – Uvarov, A.S. (1854). Neskol'ko slov ob arkheologicheskikh razyskaniyakh bliz Simferopolya i Sevastopolya [A few words about archaeological research near Simferopol and Sevastopol]. М. [in Russian]
- Uvarov, 1856** – Uvarov, A.S. (1856). Issledovaniya o drevnostyakh Yuzhnoi Rossii i beregov Chernogo moray [Research on the antiquities of Southern Russia and the Black Sea coast]. Vyp. 2. SPb.: Tip. eksp. zagot. gos. bumag. [in Russian]
- Uvarov, 1862** – Uvarov, A.S. (1862). Razyskaniya o slavyano-vizantiiskikh monetakh: Pis'mo gr. A. S. Uvarova k A. A. Kuzniku o monetakh Vladimira i Yaroslava [Research on Slavic-Byzantine coins: Letter from gr. A. S. Uvarov to A. A. Kuznik about the coins of Vladimir and Yaroslav]. SPb. [in Russian]
- Uvarov, 1865** – Uvarov, A.S. (1865). Tserkovnyi diptikh V veka [Church diptych of the 5th century]. *Drevnosti. Tруды Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. Т. 1. Vyp. 1. М.: тип. Грачева и К°. [in Russian]

Uvarov, 1870 – *Uvarov, A.S.* (1870). Dve bitvy 1177 i 1216 godov po letopisyam i po arkheologicheskim izyskaniyam: publitsistika [Two battles of 1177 and 1216 according to chronicles and archaeological research: journalism.]. M.: Sinod. tip. [in Russian]

Uvarov, 1872 – *Uvarov, A.S.* (1872). Meryane i ikh byt po kurgannym raskopkam: Issled. gr. A. S. Uvarova [Meryans and their life according to burial mound excavations: Research. gr. A. S. Uvarova]. M.: Sinod. tip. [in Russian]

Uvarov, 1873 – *Uvarov, A.S.* (1873). O sushchestvennykh i vtorostepennykh priznakakh narodnosti mogil'nykh nasypei [On the essential and secondary features of the nationality of grave mounds]. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. T. III. M. [in Russian]

Uvarov, 1887a – *Uvarov, A.S.* (1887). Katalog sobraniya drevnostei grafa Alekseya Sergeevicha Uvarova. Vypusk I: Kamennyi period i dr. [Catalog of the collection of antiquities of Count Alexei Sergeevich Uvarov. Issue I: Stone period, etc.]. M.: Sinod. tip. [in Russian]

Uvarov, 1887b – *Uvarov, A.S.* (1887). Katalog sobraniya drevnostei grafa Alekseya Sergeevicha Uvarova. Vypusk VII: Monety Vosporskogo tsarstva i drevnegrecheskikh gorodov, nakhodivshikhsya v predelakh nyneshnei Rossii [Catalog of the collection of antiquities of Count Alexei Sergeevich Uvarov. Issue VII: Coins of the Vosporan kingdom and ancient Greek cities located within present-day Russia]. M.: Sinod. tip. [in Russian]

Uvarov, 1890 – *Uvarov, A.S.* (1890). Vizantiiskii al'bom grafa A.S. Uvarova: Posmertnoe izd. [Byzantine album of Count A.S. Uvarov: Posthumous edition]. T. 1. Vyp. 1. M.: tip. E. Lissnera i Yu. Romana. [in Russian]

Uvarov, 1908 – *Uvarov, A.S.* (1908). Khristianskaya simbolika. Ch.1: Simbolika drevnekhristsianskogo perioda. M.: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. [in Russian]

Uvarov, 1911 – *Uvarov, A.S.* (1911). Slovar' chlenov Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete [Dictionary of members of the Society of Lovers of Russian Literature at Moscow University]. M.: Pechatnya A. Snegirevoi. [in Russian]

Uvarova, 1908 – *Uvarova, P.S.* (1908). Katalog sobraniya drevnostei grafa Alekseya Sergeevicha Uvarova [Catalog of the collection of antiquities of Count Alexei Sergeevich Uvarov]. M.: tip. O-va rasprostraneniya polez. kn. [in Russian]

К 200-летию со дня рождения русского археолога Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884 гг.): некоторые биографические аспекты

Игорь Анатольевич Гордеев ^{a, *}, Михаил Гурамович Смирнов ^b, Владимир Александрович Свечников ^c, Оксана Николаевна Головченко ^d

^a Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^b Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящается 200-летию юбилею Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884 гг.) – русского ученого-археолога, мецената, коллекционера, создателя и первого руководителя московского Исторического музея и основателя Московского археологического общества. Материалом нашей рукописи послужили труды самого А.С. Уварова, а также биографические исследования о нем. Применены такие методы исторического исследования, как контент-анализ, биографический метод, метод классификации и синтеза.

Уваров финансировал и организовывал полевые археологические выезды и раскопки в северном и восточном Причерноморье, в Крыму, на территории Ярославской губернии. По захоронениям описал быт мерян, исследовал древнерусскую нумизматику, историю сражений, тактику. Большинство трудов Уварова было издано в Санкт-Петербурге.

Основал Московское археологическое общество, Первое общество железно-конных дорог, Московский исторический музей. Занимался меценатством, основал и финансировал фонд имени своего отца, выдавая премии за исследовательские достижения. Успешно занимался коллекционированием, основав у себя в имении богатейший музей.

Ключевые слова: Алексей Сергеевич Уваров, русская археология, Московский исторический музей, Московское археологическое общество.

* Корреспондирующий автор

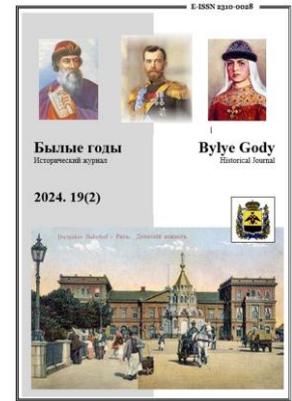
Адреса электронной почты: gordeev_ia@mail.ru (И.А. Гордеев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 658-669
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.658

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Creative Laboratory of the Historian: I.E. Zabelin as a Bibliophile (based on the Archival Materials)

Yulia G. Kokorina ^{a, *}, Machach M. Vagabov ^a, Mamlakat T. Jumaniyozova ^b

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Urgench State University, Republic of Uzbekistan

Abstract

The outstanding Russian historian I.E. Zabelin (1825–1908) owes his achievements to self-education, which he received thanks to books. The future historian loved books since childhood, and with the last money he manages to collect a small library of books. The article introduces a new historical source into scientific circulation – the handwritten catalogues of his book collection compiled by I.E. Zabelin, which are stored in the archive of the scientist. The authors consider the role of the book in the scientific search for a scientist. As a humble employee of the Armory, I.E. Zabelin could not use the commercial libraries of Moscow, there were no large public book collections in Moscow. I.E. Zabelin bought used books and magazines in the markets, and when funds allowed, from the leading booksellers of the capital and would carefully record the funds spent. The examination of the catalogues of I.E. Zabelin's book collection shows not only its use for scientific purposes, but also reveals his interest in social and philosophical problems, spiritual search. The study allows us to dispel the historiographical myths that have developed in science, in particular, that I.E. Zabelin did not understand the importance of learning foreign languages and was a mediocre archaeologist. The catalog of the scientist's library contains hundreds of volumes on archaeology and hundreds of titles in foreign languages. I.E. Zabelin used an advanced information search system for that time, developing his principles of organizing a card catalog along with traditional book catalogs, while he conducted a thematic grouping of information. As the owner of a valuable collection of books and manuscripts, I.E. Zabelin shared them with colleagues, kept a detailed record of the literature issued. Studying the catalogues of I.E. Zabelin's book collection expands the understanding of him as a scientist and a person.

Keywords: history of Russia in the second half of the XIX century, I.E. Zabelin, bibliophilia, book, catalogues, library.

1. Введение

Иван Егорович Забелин (1825–1908) известен как выдающийся историк Москвы (Забелин, 1852; Забелин, 1865; Забелин, 1873), исследователь быта русских царей и цариц (Забелин, 1862; Забелин, 1869), прославленный археолог (Древности..., 1866-1872; Забелин, 1865-1867; Забелин, 2009; Забелин, 2015), талантливый преподаватель (Забелин, 1856; Kokorina et al., 2023a; Kokorina et al., 2023b). Всю свою сознательную жизнь он любил книги и собирал их. Ученому принадлежат проникновенные слова о пользе чтения: «Чтение же единственное средство, которое и пробуждает, и постоянно вызывает мысль, следовательно, действует путем органическим, путем созидания мысли, чего никакой теперешний учебник не может дать и ввиду, он, наоборот, действует лишь механически, загромождая память множеством ничем не связанных фактов. Вообще чтение есть правая рука

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov), jumaniyozova.m.t@mail.ru (M.T. Jumaniyozova)

всякого преподавания» (ОПИ ГИМ/ Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 299). Историк принадлежит библиотека объемом в 1560 томов, хранящаяся сейчас в Государственной Публичной Исторической библиотеке.

И.Е. Репин и В.А. Серов изобразили И.Е. Забелина на фоне собрания книг, и это представляется закономерным. Огромный вклад ученого в российскую науку возможен только как результат тщательной обработки большого количества информации, внимательного и профессионального отношения к историческим источникам и литературе. Целью нашей статьи является анализ материалов из архива историка, хранящихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 440). В ходе данного анализа раскрывается отношение И.Е. Забелина к книге, уясняются критерии составления им своего книжного собрания, выявляется методика работы с книгой. Нашей целью также является, по возможности, развеять некоторые научные мифы, сложившиеся вокруг личности ученого в отечественной историографии. Данный ракурс исследования деятельности выдающегося российского историка на основе архивных материалов является принципиально новым, он позволяет раскрыть личность И.Е. Забелина и проследить путь его научного поиска в ином аспекте. Этот ракурс определяет новизну исследования. Поиск ученого, его научная «кухня» всегда являются школой для последующих поколений историков, и современные представители исторической науки учатся на примере корифеев прошлого, к которым, безусловно, относится и И.Е. Забелин. В этом видится актуальность данной работы.

2. Материалы и методы

Источником для нашего исследования стали материалы архива И.Е. Забелина, хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва, Российская Федерация), в частности, картотека библиотеки ученого, созданная им самим и насчитывающая 953 карточки (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а, 286б), рукописные каталоги библиотеки ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281, 284). Д.И. Забелин вел тщательный учет закупаемым книгам. Хранил счета от книготорговых фирм, которые позволяют не только определить спектр научных интересов ученого, но и выявить круг лиц, способствовавших формированию его библиотеки. Нами использованы также дневники ученого (Забелин, 2001) и его «Автобиография» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11), а также программа его курса российской словесности (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 267).

В нашей работе мы применили дескриптивный метод, позволивший описать принципы создания И.Е. Забелиным своей библиотеки и отражение в ней научных интересов и духовных запросов ученого. Сравнительно-исторический метод позволил нам сравнить методы организации учета книг И.Е. Забелиным в разные периоды его жизни и указать на использование передовых для того времени технологий обработки информации. Мы применили методы библиометрического исследования, позволяющие количественно подтвердить наши выводы.

Наша работа является не библиографическим, а историческим исследованием, вводящим в научный оборот новые источники. Поэтому мы активно приводим примеры из каталогов библиотеки И.Е. Забелина, написанных его рукой или составленных по его поручению.

3. Обсуждение

Роль книги в жизни И.Е. Забелина реконструирована А. Соловьевым в небольшой заметке по монографии А.А. Формозова, посвященной биографии исследователя. А. Соловьев отметил, что «Забелин был увлеченным собирателем книг и предметов старинного быта <...> И вот парадокс собирательства: рядовые вещи и книги в коллекции И.Е. Забелина приобрели со временем высокую культурную ценность. Тщательное изучение библиотеки И.Е. Забелина, как и его архива, еще предстоит» (Соловьев, 1986:315).

Ряд замечаний о том, как ученый собирал свою библиотеку, содержит единственная дошедшая до наших дней монография об И.Е. Забелине (Формозов, 1984), а также обширное предисловие к публикации его дневника (Забелин, 2001).

В остальном можно заметить, что рассмотрение личности И.Е. Забелина как библиофила ускользало от внимания исследователей. Работы, посвященные биографии ученого, позволяют рассмотреть исторический контекст формирования И.Е. Забелиным своего книжного собрания (Забелин, 1992; Сахаров, 1990; Сахаров, 1996).

4. Результаты

Формирование книжного собрания И.Е. Забелина

Несмотря на то что И.Е. Забелин не получил специального исторического образования, именно любовь к книге, зародившаяся еще в детстве, способствовала формированию его как великого ученого. Сын мелкого чиновника, рано оставшись без отца, он, еще будучи ребенком, с трудом скопив гривенник, купил детскую книжку «Булат-молодец». «Дрожащими руками я ухватил дорогую книжечку и побежал домой. Сказка доставила мне величайшее удовольствие и картинками, и чтением» (Забелин, 2009: 8). При жизни отца прочитал повесть Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм» (Формозов, 1984: 118).

Образование И.Е. Забелин получил в Преображенском сиротском училище, по окончании которого благодаря протекции директора Д.М. Львова получил место в канцелярии Оружейной палаты. В училище, где, как впоследствии напишет ученый в «Автобиографии», воспитание было «старозаветное, спартанское, суровое и жесткое» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д.11. Л. 6), сформировался интерес будущего историка к книгам: «чтение в начале Плутарховых биографий в переводе Дестуниса, а потом «Истории» Карамзина, именно первого тома, и параллельно с тем романов Вальтера Скотта и русские археологические романы Вольтмана «Кощей бессмертный» и «Святославич» заманчиво направили его любопытство к исторической древности вообще» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11. Л. 23), напишет И.Е. Забелин в «Автобиографии», сделав карандашную запись: «книг покупать было не на что» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11. Л. 23).

Из-за недостатка средств путь к высшему образованию для И.Е. Забелина был закрыт. Оставалось самообразование. Хотя Министерство народного просвещения издало «Основания, на коих вообще учреждаются в губернских и уездных городах России публичные библиотеки для чтения» в 1834 году, пользование абонементом было платным и достигало сумм от 10 до 20 рублей, бесплатно было пользование читальными залами (Абрамов, 2001: 57,59). В начале 1850-х годов в России работало всего 12 публичных библиотек (Ванеев, 2003: 86), Румянцевская библиотека в Москве откроется только в 1862 году (Горбачевский, 1963: 101). У И.Е. Забелина не было финансовых возможностей пользоваться коммерческими публичными библиотеками, а общедоступных библиотек в Москве не было. Поддержанными книгами торговали на Смоленском рынке и Сухаревке, где молодой служащий Оружейной палаты покупает старые номера журналов «Вестник Европы», «Северный архив», «Сын отечества» со статьями исторического характера (Формозов, 1984: 34).

Формируя «Автобиографию», И.Е. Забелин в 1855 году запишет: «изложить подробно весь процесс моего развития как органическое существование. Указать, как оно шло-вырастало из каких предметов. Старые книги. Студенческие беседы» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д.7. Л. 321).

И.Е. Забелин до конца своих дней будет вести строгий учет купленным книгам и потраченным на них средствам. Его архив хранит тетрадь из толстой серой бумаги под заглавием: «Каталог русских книг, принадлежащих Ивану Егорову Забелину, составлен 1843 года сентября 1 дня» в виде таблицы (№, название, том, цена по которой продает (отдельные столбцы – цена в рублях и копейках), куплено (рубли и копейки) (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281. Л. 1). И.Е. Забелин тратит на покупку книг значительные по тем временам суммы:

1. Библия. 1816. СПб. – 4 р 50 к.
2. Словарь Академии Российской в 7.т 1789-1794. СПб. – 10 р.
3. Церковный словарь Петра Алексея. 1817. СПб. 5 ч(астей) – 10 р.
4. Родословная книга князей и дворян. М. 1787. 2 ч (асти). – 1р. 50 к.
5. Летописец (Архангелогородский) от 852 до 1598. М. 1781. – 3 р.» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281. Л. 1).

Его тетрадь рассчитана и для научной работы, в ней дан тщательный учет приобретаемым журналам: «Библиотека для чтения» (1834–1839, с указанием имеющихся номеров), «Отечественные записки» (1839-1845), «Вестник Московского университета» (1833-1835) (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281. Л. 10-12). Всего «Каталог» включает 434 наименования.

Впоследствии И.Е. Забелин организует свою систему учета книг. Это картотека из самостоятельно сделанных карточек. Все карточки разложены по разделам, пронумерованным римскими цифрами. Каждая карточка имеет и свой индивидуальный номер. Они указываются в верхнем левом углу карточки. Справа указан регион, к которому относится книга, или автор. Далее следует библиографическое описание и дополнительные пометки. Например: «XVIII. №1557. Москва. Кунцово и Влахернское. Из М.В. («Московских Ведомостей» – Авт.) 1849. №79, 80, 1850 г. № 67. М. 1850. На зеленой бумаге. Ив. Дмитриева» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 1), «XVIII. № 1455. Ярославль. История Губ. Гор. Ярославль. Ярославль, 1853. Сост. Л. Троицким» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 2). XVIII. № 1536. Новгород. Описание Новгородского Софийского Собора арх. Аполлоса. Москвитянин 1846. № 11 и 12. М., 1847. Перепл.» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 24). XVIII. № 1526 Псков. Описание Псково-Печерского Монастыря. Дерпт. 11821. Перепл.15» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 34).

Каждый раздел отражает круг интересов ученого. Так, раздел VI представляет круг философской и социальной литературы. В частности, следующие издания: «VI №1227 Фляровский Н. Положение рабочего класса в России. СПб., 1869 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 525); VI № 1224. Азбука социальных наук. В 3-х частях. СПб. 1871. (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 528). VI № 1223. К. Маркс. Капитал. Т.1. Кн.1-я. СПб., 1872» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 529). И.Е. Забелин не был сторонником революционных демократов, но тот факт, что он изучает произведения передовой социальной мысли, показателен. Ученый следил за новейшими течениями в философской литературе, стремился составить собственное представление о ее основных направлениях. Так, он покупает у А.С. Суворина работу Д.Ф. Щеглова «История социальных систем» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л.133).

В 1898 году в разговоре с М.О. Гершензоном И.Е. Забелин вспоминал, как «в 30-х годах ходил на смоленский рынок, где продавались старинные книги с четвертаком в кармане, и покупал все больше альманахи, книжки маленькие, копеек 20-30 дашь. Я все свое образование получил на Смоленском; придешь и начнешь рассматривать <....> вот и знаешь, что есть такая книга. В библиотеке книги стоят на полках – ничего не увидишь, а здесь лежат рядышком, ну и смотришь. Я своими знаниями Евгения Федоровича Корша поражал, а тот собаку съел в библиографии» (Формозов, 1984: 78).

А.А. Формозов отмечал: «старым москвичам Е.В. Барсову, П.И. Шукину, В.А. Гиляровскому запомнилось, что каждое воскресенье И.Е. Забелина можно было видеть на Сухаревском рынке, куда он приходил смотреть привезенные на продажу книги и рукописи» (Формозов, 1984: 78). Если в молодости И.Е. Забелину приходилось выкраивать из своего жалования копейки на покупку книг, то, став известным ученым, он пользуется услугами книготорговцев, в частности, К.Н. Николаева, державшего свой магазин на Сретенке, близ Сухаревой башни. В 1903 году И.Е. Забелин приобрел у него альбом «Живописная Россия» за значительную по тем временам сумму – 5 руб. (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 1). Ученый пользовался также услугами магазина А.С. Суворина, находившегося в Москве на Неглинной, где приобретал журналы «Новое время», «Нива» «Новый мир», «Новый журнал иностранной литературы», «Искусство и художественные памятники» на общую сумму 53 руб. 15 коп. (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 3). Действительно, И.Е. Забелин «покупал книги с разбором. Его привлекали «лицевые» – иллюстрированные рукописи как один из видов занимавшего его древнерусского искусства. Жемчужиной этого раздела библиотеки был список «Александрии» XVII века, еще в 1861 году по достоинству оцененный в одной из работ академика Ф.И. Буслаева» (Формозов, 1984: 79).

Собрание книг И.Е. Забелина поражало современников. Классик украинской литературы Т.Г. Шевченко (1814–1861) записал в своем дневнике от 21 марта 1858 года: «Это молодой еще человек самой симпатичной простой физиономии, обитающий не в квартире, а в библиотеке» (Формозов, 1984: 81).

И.Е. Забелин внимательно следил за периодическими изданиями. В 1859 году он получает журнал «Летописи русской литературы и древности» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 55), «Университетские известия», «Русская старина», «Вестник Европы» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 60-65), «Русское слово» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 104).

В 1889-1903 годах И.Е. Забелин оформляет подписку на год «Русские ведомости» и «Московские ведомости», «Москвитянин», «Словцо», «Русский архив» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 4, 5, 6, 10, 24), газету «День» в книжном магазине А.И. Глазунова на Кузнецком мосту. И.Е. Забелин собирает журналы, в которых неоднократно печатается. Кроме вышеперечисленных, он выписывает «Журнал охоты», в котором выступил в 1858 году со статьей об охотничьем дневнике царя Алексея Михайловича, и «Журнал садоводства», в котором публикует архивные материалы о подмосковных садах XVII–XIX веков (Формозов, 1984: 85–86). Будучи председателем Императорского Московского общества истории и древностей российских, И.Е. Забелин получал периодический орган общества – «Чтения» в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 46, 47).

Организация библиотеки И.Е. Забелина как отражение творческой лаборатории ученого

Наибольшую известность И.Е. Забелину принесли его работы по истории домашнего быта русских царей (Забелин, 1862) и цариц (Забелин, 1869), которые были начальными этапами обширного замысла ученого по исследованию быта русского народа. При этом И.Е. Забелин интересуется собственно этнографическими сведениями: картотека его книжного собрания содержит подборку «VI №1193. Журнальные статьи по этнографии и быту» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 559). VI №1154 Этнографический сборник Русск (ого) Геогр(афического) Общества. Вып.1 СПб. 1853. Вып. II. СПб. 1854. Вып. III. Вып. IV Вып. V СПб. 1862» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 598). «VI №1153. Ламанский В. Записки Р (усского) Геогр(афического) Общ(ест)ва по этнографии. Т.1 В. Ламанского. СПб. 1867» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 599). Примечательно, что историка интересовали не только бытовые подробности, но и новейшие исследования духовного мира народа. Его библиотека включает классические произведения А. Афанасьева, которого историк знал лично: «VI №1143. Афанасьев А. Ведун и Ведьма. М., 1851. (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 604). VI №1130. Афанасьев А. народные русские сказки. Вып. 1 и 2. Изд. 3. М. 1863. Вып. 5. М. 1861. Вып. 6. М. 1862. Вып. 7. М. 1863. Вып. 8. М., 1863. (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 622). VI №1101 Афанасьев А. народные русские сказки. М. Вып. 1 1855. 2. 1856. 3 1857 4 1858 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 651). VI №1100 Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 652). VI №1148. Афанасьев А. Народные поэтические представления радуги. Воронеж, 1865» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 604). Кроме работ А.В. Афанасьева, библиотека И.Е. Забелина включает и труды теоретического характера по древним мифологическим системам: «VI №1135. Ушаков С. Начертания Мифологии. соч. Лионне, перев. С Ушакова. 4 части Изд. 2 СПб 1834. С рисунками (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 617). VI №1127. Эккерман. Jtnburch dtr

Religions geshichte und Mythologie. Halle 1848 (славяне-финны). Славяне – пруссы Halle 1849 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 625), а также работы обобщающего характера по славянской мифологии: «VI №1143. VI №1146 Косторский М. Начертания Славянской мифологии. СПб., 1841 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 606) VI №1173. Кайсаров Г. Славянская мифология. М., 1807. Авторграф Калайдовича» (не ясно – Авт.) (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 579). Интерес к идеологическим представлениям древних народов сформировался у историка довольно рано. В картотеке его книжного собрания есть карточка со следующим описанием: «VI. №1174. Мифология на рос. и франц. языках. М., 1820. За прилежание и успехи И. Забелину. Инспектор классов Иван Снегирев» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 578). То есть это издание, полученное Иваном Егоровичем еще во время обучения в Преображенском сиротском училище.

Анализ картотеки книжного собрания И.Е. Забелина открывает новые грани научных интересов ученого. Так, становится понятно, что И.Е. Забелин интересовался историей и этнографией, поэтическим творчеством разных народов. Об этом говорят следующие карточки: «VI №1221. Пыпин А., Опалович В. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 531). «VI. №1220. Левенстам. Истор. Очерк Древней Скандинавской поэзии скальдов. Варшава, 1872» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 532). «VI. №1131. Сборник памятников народного творчества в Северо-западном крае. Вып.1. Вильна, 1866» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 621). «VI №1192 Кеппен П. Хрон. Указатель материалов для истории инородцев Европейской Росс. СПб., 1861» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 560).

Педагогическая деятельность И.Е. Забелина и формирование библиотеки

И.Е. Забелин преподавал историю, археологию, палеографию, российскую словесность в Константиновском Межевом институте и Школе топографов. Архив ученого содержит не только тексты лекций, но и подготовительные материалы к ним (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267). В частности, ученый указывает на необходимость знакомить студентов с произведениями не только литературной классики, но и современных авторов, используя передовые для того времени учебные пособия (Kokorina et al., 2023a). Поэтому картотека книжного собрания И.Е. Забелина доносит до нас информацию о круге его литературно-педагогических интересов: «VI. 1207. Лермонтов. Сочинения. Изд. А.И. Глазунова. Т. 1 и 2 СПб., 1873 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 545), VI №1206 Ефремов П. Материалы для истории русской литературы, изд. Ефрем. СПб., 1867 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 546) VI №1205 Кантемир. Сочинения и письма. Изд Глазунова И.И., ред. Ефремова. СПб., 1867 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 547) VI №1204. ФонВизин Д.И. Сочинения и письма. Изд. Глазунова И.И. Ред. Ефремова. СПб., 1866» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 548). Преподавая в Константиновском Межевом институте, ученый приобретает в 1864 году «Всеобщую историю для учителей» и «Указатель» к И.Г. Горюнову, а также исторические карты и атласы (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 35).

Как преподаватель истории и русской словесности в Константиновском Межевом институте И.Е. Забелин использовал литературные и исторические журналы в своей деятельности. Его тетрадь содержит записи о них, хотя неясно, когда И.Е. Забелин их приобрел: во время преподавательской деятельности или во время собственной учебы в Преображенском сиротском училище, так как номера разрознены и датируются началом XIX века: «64. Новости Р(усской). Литературы. М., 1802. 1802. Часть IV. 65. Новости литературы А. Воейкова. СПб., 1825. КН XI. 66. Невский Зритель. 1820. СПб. Четыре части. 67. Труды Общества Любителей словесности при М. Унив. Части 1-2я. М. 1812–1828» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 281. Л. 306-307).

Духовный поиск И.Е. Забелина и библиотека

Раздел XXIV библиотечной картотеки отражает интерес ученого к литературе богословского содержания, в частности, посвященной расколу на Руси. Приведем некоторые из карточек: «XXIV. №1047. Ответ Истор. словаря о всех Греко-Росс. Св. Мужах. М. 1784» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 333). «XXIV №1044. О началах идолопоклонства. С фр. М., 1792» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 336). «XXIV №1032 Рассказы из истории Старообрядчества. Р Максимова. СПб., 1861» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 348). «XXIV №1030. Земство и раскол А. Шапова. Вып. 1-й. СПб., 1862» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 350).

В подборе книг прослеживается не только научный интерес к русской церковной истории, но и духовные запросы И.Е. Забелина: «XXIV №1025. Что есть Папа? Без выхода. Что есть епископ? 1782» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 355). «XXIV №1024. Географический словарь Нового Завета. СПб., 1790» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 356). XXIV №1013. «Часослов-Часовник. М. 1838» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 367).

Картотека отражает научную лабораторию ученого. Так, в своей книге о домашнем быте русских цариц он подробно характеризует «Домострой», и карточку на эту книгу мы находим в картотеке библиотеки И.Е. Забелина: «546 Домострой В. Яковлева. СПб. 1864» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 282. Л. 87).

Ученый всегда уделял значительное внимание источникам как в своей научной, так и в педагогической работе (Kokorina, 2023a; Kokorina, 2023b). Каталог его библиотеки содержит карточку на многотомное издание «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собр(анные) и

изд(анные) археографической комиссией» с тщательной росписью томов по годам с 1865 по 1888 годы (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 2866. Л. 173) и «Полное собрание русских летописей, изданных по высочайшему повелению археографической комиссией», тоже с росписью по годам и томам (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д.2866. Л. 174), «Полное собрание законов Российской Империи» с росписью по томам (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2866. Л. 187).

Каталог библиотеки ученого хранит ссылку на публикацию документов, выполненную Н.И. Костомаровым, вместе с трудом исследователя, о котором И.Е. Забелин отзывался положительно, несмотря на развернувшуюся впоследствии полемику между ним и Н.И. Костомаровым: «(Костомаров) Архив историко-юридических сведений, относящихся к России. Книга III (вместе с: Костомаров, очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях)» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 2866. Л. 255), «(Костомаров) Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях (вместе с: Костомаров, очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях)» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д.2866. Л. 2).

И.Е. Забелин стремился оптимизировать свою работу: картотека его книжного собрания хранит десятки карточек, посвященных указателям к серийным и многотомным изданиям (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д.2866. Л.59-69) и журналам «Русская Беседа» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д.2866. Л.66) и «Современник» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2866. Л. 69). И.Е. Забелин не был замкнут на исследовании прошлого, активно интересовался современной жизнью, ее разными сторонами. И.Е. Забелин в 1855 году составил список газет своего собрания (15 изданий). Это «Коммерческая газета» (56 номеров), «Газета лесоводства и охоты», «Мануфактурные и горнозаводские известия», «Хозяйственная газета. Экономические записки» (11 номеров), Журнал общества полезных сведений (один номер), Журнал военно-учебных заведений (два номера), Журнал сельского хозяйства (4 номера), Горный журнал (два номера), Журнал коннозаводства и охоты (один номер), Труды Вольного экономического общества (4 номера), Журнал мануфактуры и торговли (1854, июнь-август), Кавказский вестник (один номер) (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 282. Л.120-122).

Интерес И.Е. Забелина к истории Украины и его отражение в книжном собрании

И.Е. Забелин интересовался историей Украины. Он заезжал в Киев по дороге на раскопки в Северном Причерноморье и знакомился с древностями города при подготовке своей работы «История Русской жизни» (Формозов, 1984: 145). В ходе археологических экспедиций И.Е. Забелин записывает легенды местного населения о курганах и изваяниях на них, которые тогда называли «каменными бабами». Не случайно выдающийся историк украинского народного быта и археолог, младший современник И.Е. Забелина Д.И. Яворницкий в своем исследовании о древних изваяниях страницами цитирует записи И.Е. Забелина (Зварницкий, 1890: 192-193).

Интерес к фольклору и быту украинцев отразился и в подборе книг И.Е. Забелиным. Он приобрел в 1859 году «Историю новой сечи» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 167). Картотека его книжного собрания содержит важные исторические источники по истории Украины: «Украина. Описание Украйны Боплана. СПб. 1832. Рисунки переплет» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 105). Верный своему интересу к народному фольклору и быту, ученый собирает книги по этой тематике, касающиеся и Украины: «VI. №1183. Шейковский. Быт подолян. Т.1. вып.1. Киев, 1860» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 564), «VI. №1152. Сментовский. Малороссийские и галицкие загадки. Киев, 1851» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 600), «VI. №1142. Метлинский А. народные южнорусские песни. Киев 1854» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 610), «VI. №1141. Мордовцев Д. Малорусский литературный сборник Мордовцева и Костомарова. Саратов 1859» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 611), «VI. №1137 Маркевич Н. Украинские мелодии. М., 1831» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 615). И.Е. Забелин включает в свое книжное собрание работы обобщающего характера известных в то время авторов (в наши дни оцениваемых неоднозначно): «Кулиш П. Записки о Южной Руси. Т. 1. СПб. 1856. Т. 2. СПб. 1854 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 286а. Л. 602).

Его картотека содержит 10 карточек только по истории города Киева с соответствующей пометой в правом верхнем углу. Ученый собирает работы по истории и археологии Киева, как, например, «Описание киево-софийского собора и Киевской епархии с присовокуплением разных грамот и выписок объясняющих оные также планов и фасадов константинопольской и Киевской софийской церкви и Ярославова надгробия. Киев, 1825» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2866. Л. 155), «Киев его святыня, древности, достопримечательности и сведения необходимые для почитателей и путешественников Сочинение украшено 55-ю политипажами изображающими виды Киева и его древние и замечательные храмы, монастыри, чудотворные (см об) иконы гробницы св угодников внутренности пещер, памятники здания мозаику фрески и другие предметы с планами пещер и г Киева Николая Сементовского. Киев, 1864» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2866. Л. 199). Киевский университет присвоил И.Е. Забелину в 1871 году докторскую степень (Формозов, 1984: 146).

Историографические мифы и библиотека И.Е. Забелина

В историографии сложилось мнение о том, что И.Е. Забелин не знал иностранных языков и не интересовался ими. Но в 1864 году он приобретает книгу Милля на французском языке и польско-русский словарь Шмидта (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 35), «Путешествие Гуливера» на французском языке, французские и немецкие календари (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 283. Л. 35).

О понимании И.Е. Забелиным важности изучения иностранных языков говорит наличие в его библиотеке издания «Русский энциклопедический словарь. Руководство как научиться говорить на иностранном языке в две-три недели, составленное для языков: французского, немецкого, английского, итальянского и испанского. С приложением словарей: 1) с русского языка на все эти языки 2) с каждого из этих языков на русский. Каждый словарь заключает 3000 самых употребительных в разговоре слов. издание 2-е испр. и дополн. Составил А.В. Старческий» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2866. Л. 9) и итальянско-французского и франко-итальянского словаря И. Мартинелли: «Dictionnaire de poche françois-italien et italien-françois, Abrege de celui d'Alberti par Joseep Martinttlli. Troisieme edition Fraaaansois-Itaaalieen Itaaliano-francese» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2866. Л. 7).

Архив И.Е. Забелина содержит рукописный список книг в виде таблицы, озаглавленной «История искусства, памятники художественные, эстетика», которая содержит столбцы: номер, название, число томов, цена в рублях и копейках. Список содержит наименования книг на иностранных языках с №710 по 827 с указанием цен. Всего список включает, таким образом, 117 названий. О том, что перед нами не список того, что надо прочитать, а каталог библиотеки, говорят проставленные справа против названий цены – от 100 рублей до 2-х рублей (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 282. Л. 61-63).

Еще одним мифом является утверждение о том, что, долгие годы работая в Археологической комиссии и сделав замечательные открытия на Юге России, И.Е. Забелин археологию не любил и ею не интересовался (Формозов, 1984: 114; Клейн, 2014: 442). Библиотека ученого хранит издание «Inscriptionis regni Bosporani graeciae et Latinae. Iss et impensis societatis archaeologicae emparie russici edidit Basilius Latyschev Aecedunt Tabulae duce geographicae. Petropoli 1890» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2866. Л. 141). И.Е. Забелин приобрел и хранил все выпуски издания «Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских». На рукописной библиотечной карточке перечислены все книги (выпуски) издания с 1-й по 17-ю, с 1849 по 1853 годы (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2866. Л. 144). В практической работе археолога ученому помогало «Краткое пособие к чтению топографических планов и карт. Составил С. Беликов. С чертежами. М. 1885» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2866. Л. 147). Знание топографии позволило И.Е. Забелину, в частности, составить уникальный план раскопанного под его руководством Чертомлыкского кургана. По мнению И.В. Яценко, чертеж «представляет новое явление для археологии России второй половины XIX в., потребовавшее поиска новых приемов в ведении раскопок и их фиксации. Вероятно, слишком большая новизна такого подхода не позволила современникам оценить сделанные исследователем наблюдения и чертеж, их фиксирующий» (Яценко, 2002: 142). План был составлен настолько грамотно, что его данные полностью совпали с разрезами памятника, выполненными в XX веке при доисследовании кургана (Яценко, 2002: 142). Будучи тщательным, внимательным исследователем, И.Е. Забелин изучает древних авторов, писавших о населении Северного Причерноморья, курганы которого он раскапывал: «Геродот. Скифия и поход Дария на Скифов. (Кн. IV. Гл. 1-144) с введением, приложениями 24 рисунками и географическим картами. Объяснил П. Фон-Гаазе. Часть 2. Комментарий. Часть 1. Текст» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 2866. Л. 99).

В российской историографии сложился научный миф о том, что И.Е. Забелин не любил археологию, не занимался интерпретацией найденных комплексов (Клейн, 2014: 442). Как показывает каталог его библиотеки, целый шкаф номер XII, опись содержания которого включает номера с 776 по 874 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 282. Л. 97-99), то есть почти сто наименований, содержал археологическую литературу. Причем не только непосредственно связанную с практической деятельностью И.Е. Забелина по раскопкам скифских и античных памятников («798. Записки СПб археологического общества (по годам – Авт.), 799. Memoires de la Societe d'archaeologie. СПб, 1851; 844. описание медалей Ольвии Баламберга. М., 1828; 845 Древности Северного берега Понта Кепена. М. 1828») (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 282. Л. 39), но и труды теоретического характера, как, например, «840. Северные древности Копенгагенского музея, Ворсо. СПб. 1861» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 282. Л. 39). Труд Й.А. Ворсо содержал новую для того времени «систему трех веков» в распределении археологического материала. Археологию во времена И.Е. Забелина понимали иначе, чем в современной науке, рассматривая ее как разностороннее изучение быта, названную Г.С. Лебедевым «бытоописательной» (Лебедев, 1992). Как писал сам И.Е. Забелин, «в область археологии теперь относится все, что остается от прожитой жизни человека, начиная с обломков его домашней утвари и восходя до обломков его мирозерцания» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 88). Поэтому раздел археологической литературы включает семь работ по нумизматике, каталоги Оружейной Палаты, Царскосельского музея, опись кабинета Петра Великого, книгу «805. О Металлическом производстве Забелина» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 282. Л. 40).

Использование современниками библиотеки И.Е. Забелина

При этом «он не был «скупым рыцарем», не таил накопленных богатств от товарищей по работе, а делился с ними всем, что его интересовало. Не каждый коллекционер на это способен» (Формозов, 1984: 80). Его архив хранит самодельные записные книжки и просто листы бумаги, в которых отмечено, кому и какое издание дано в пользование. Например: «1853. (далее – в столбец – Авт.) Давыдову: От(ечественные) зап(иски) 1852 1-4, Современник 1852 – 12, Москвитянин 1852 –

23, (Зачеркнуто – Авт.): Афанасьев: Живописцы 1 изд(ание), Полезное с приятным, Соловьев, И то и се, Кошелек, Вечера, (тут же – чернилами – Авт.): У Быляева архивная опись писцовых книг» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 284. Л. 1), или запись на отдельном листе в столбец: «У П.С Тихонравова: Две рукописи Соломона (карандашом – Авт.): возвращены, Лубочный Эзоп 1856 16 ноября, Букварь Истомина, Грамматика Смотрицкого, (не ясно – Авт.) Сумарокова 1856 10 Сентябрь, Обычай нынешнего века Салуванова, Илиада Яковлева, Прокламация французов 1812 г, Молонских пять речей, Сотв архив 1822 №21 1823 №4, Отеч(ественные) зап(иски) 1841 №2, Сборник писаний Даниила Заточника, Комета-Щепкина, Рукопись дело о Кульмане, Эконом (ические) Записки Чумакова, Похождения Ивана (не ясно) сына, Сборник рукописных повестей, Златоуст Еванг(елиста) Никадима» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 284. Л. 11). Таким образом, И.Е. Забелин мог дать одному из своих коллег не только порядка полутора десятков печатных изданий, но и рукописи. Архив ученого содержит каталог книг, переданных Историческому музею, из 2021 номеров (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 282. Л. 64-90).

Организация информационного поиска И.Е. Забелиным

Выше мы говорили о созданной И.Е. Забелиным системе учета своей библиотеки на самодельных карточках, распределяемых по тематическим разделам с номерами, указанными римскими цифрами. В 1850-е годы он сам ведет свою картотеку. Карточки написаны его почерком, каждая из них имеет номер, указанный арабскими цифрами, в правом верхнем углу написан город, памятникам которого посвящена книга. Римские цифры могли обозначать не просто раздел, а номер шкафа, в котором стояла книга. Об этом свидетельствует каталог в виде переплетенных тетрадей, составленных А. Орешниковым (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 282. Л. 64-90) и дочерью историка М.И. Забелиной (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 282. Л. 147-159). О том, что римскими цифрами указан номер шкафа, говорят записи в самом каталоге «87. Описание старопечатных книг царского из. П. Строевым. М, 1836. При сем тетрадь шрифтов. В XVII шкапу» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 282. Л. 67).

Примечательно, что шкафы содержали литературу по определенным темам.

Шкаф XIV содержал литературу религиозного характера с 885 по 1092 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 282. Л. 100-111), всего 207 изданий. Шкаф VI – литературу по фольклору, народным сказкам и песням, этнографии с №1110 до №1125 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 282. Л. 112-119). Шкаф XVIII – любимую и любовно собираемую И.Е. Забелиным литературу о Москве с №1276 -1673 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 282. Л. 119-136), самую обширную часть собрания – 397 наименований. Шкаф XVI – литературу по зарубежной истории с №1906 по 2021 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 282. Л. 143-146), 115 наименований.

Каталог 1890-1900 годов выполнен на картонных карточках, написанных почерком кого-то из секретарей И.Е. Забелина, на обратной стороне с печатью «Библиотека Ивана Егоровича Забелина» или экслибрисом «И.Е.З.».

Карточный каталог был передовой для того времени системой информационного поиска. Впервые был предложен карточный каталог как основа для составления книжного каталога в Библиотеке Российской Академии Наук в начале XIX века. Карточную систему библиотечных каталогов предложил русский библиотекарь В.Г. Анастасевич за восемь лет до американца П. Рейсса. Но П. Рейссу удалось реализовать свою идею, тогда как предложение русского ученого не было внедрено (Балкова, 2013: 139). В 1850-х годах карточные каталоги были у библиотек Петербургского, Московского, Казанского университетов, некоторых библиотек за рубежом (Балкова, 2013: 141). В 1859 году В. Соболюшкин рекомендовал «сгруппировать по предметам одни только карточки и расположить их все группы в порядке избранной системы, каждую в особой обертке с надписью» (Соболюшкин, 1859: 52). Именно так была организована картотека книг И.Е. Забелина. В конце XIX века в России появляются первые промышленно изготовленные картотеки и каталожные сейфы для предприятий и частных лиц. При этом карточная система названа «совершенно не известной в России американской» (Залог успеха, Б.и.: 3) системой. И.Е. Забелин, общаясь с современными ему учеными, мог перенять от них опыт составления передового для того времени карточного каталога. Например, картотека библиотеки академика А.А. Куника была куплена Академией Наук в 1899 году (Бэр, 1926: 30), а картотека собрания И.Е. Забелина составлялась в 1850-е и 1890-е годы. Но, видимо, традиционная система книжных каталогов использовалась И.Е. Забелиным наряду с карточной и давала возможность учитывать потраченные средства.

При этом книжные каталоги были приспособлены И.Е. Забелиным для научной работы. Отдельную тетрадь вел ученый для регистрации периодических изданий. Несколько страниц тетради отведено каждому из них. Название написано вверху страницы, далее на каждой строке – год и имевшиеся в библиотеке И.Е. Забелина номера. Каждой тематической подборке присвоен собственный номер. Так, «Вестник Европы» за 1802-1830 годы значится под №72 (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281. Л. 309-310), а под №73 объединены издания Русского географического общества. Под литерой «а» – «Географические известия 1848. Выпуски 1.2.3.4.5.6» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281. Л. 312). Под литерой «б» – «Вестник М(осковского) Геогр(афического) Общества» за 1851-1860 годы с указанием имеющихся номеров (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281. Л. 312). Поскольку каталог

составлялся для научной работы, в нем указаны важные для И.Е. Забелина места в журналах: «№74. Московский вестник. 1827. Шесть частей. Ч. 5я. Стр. 454. Страбона о Азовск (ом море?). 1828 Часть 7-12-я. 1829. Часть 1-6. Портрет Жуковского ч. 1я. Мицкевич. Ч. 2я 1830. Часть 11-6. Часть 1я. История физиолог(ий)» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281. Л. 314). «№77. Журнал новостей» на 1805 года. Издание фон Роха. №11 и 2. В №2 стр 47 Zugezueinem Gemahlde von Moskva. 1805. Висельгаузуена. Берлин. Описание Москвы 1775 г В ч.1. №1. Романс» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп.1. Д. 281. Л. 316).

Для издания «Журнал Министерства народного просвещения» расчерчена таблица, по вертикали – годы (с 1849 до 1878) по горизонтали – номера месяцев с 1 по 12. На пересечении четко вписаны названия месяцев, за которые имеются журналы (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 281. Л. 327-328).

5. Заключение

И.Е. Забелин стал выдающимся историком путем самообразования. И ведущая роль в этом процессе формирования талантливого российского самородка принадлежала книгам. Любовь к чтению была свойственна историку с детства, и в Преображенском сиротском училище ему удается собрать небольшую библиотечку книг. Будучи скромным служащим Оружейной палаты, И.Е. Забелин не мог пользоваться коммерческими библиотеками Москвы, да и не было в столице того времени крупных книжных собраний. Поэтому молодой историк покупает подержанные книги и отдельные номера журналов на рынках, тратя на них последние деньги. Он до старости будет фиксировать потраченные средства.

Книжное собрание И.Е. Забелина отражает спектр его научных интересов, который не исчерпывается опубликованными работами. Так, ученого интересовали социальные и философские проблемы, вопросы духовного поиска, в частности, история старообрядчества.

Подробный анализ каталогов книжного собрания И.Е. Забелина позволяет развеять историографические мифы, сложившиеся в науке, в частности, что ученый не знал иностранных языков и не хотел их изучать, что был посредственным археологом. На самом деле книжное собрание историка содержит сотни томов по археологии и сотни изданий на иностранных языках, среди которых, наряду с монографиями, самоучители и словари.

И.Е. Забелин применял передовую для того времени систему информационного поиска, разрабатывая свои принципы организации карточного каталога в соответствии с лучшими методиками. Ученый составлял подробные библиографические описания каждой книги, что, безусловно, помогало ему в работе. Использовал историк и традиционные для того времени книжные каталоги, осуществляя тематическую группировку информации (по шкафам). Обладая уникальным собранием книг и рукописей, Д.И. Забелин делился сокровищами своей библиотеки с коллегами, ведя тщательный учет выдаваемой литературы. В этом по-своему выражалась любовь И.Е. Забелина к книге и чтению, которую он пронес через всю жизнь.

Литература

- Абрамов, 2001 – Абрамов К.И. Городские публичные библиотеки в России – история становления (1830-1860). М.: Пашков дом, 2001. 128 с.
- Балкова, 2013 – Балкова И.В. История библиотечного дела. М.: Пашков дом, 2013. 415 с.
- Бэр, 1926 – Бэр К.Э. Система классификации книг II Отделения Библиотеки Российской Академии Наук, составленная в 1841 году. Л., 1926. 63 с.
- Ванеев, 2003 – Ванеев А.Н. Развитие библиотечной мысли в России. XI-начало XX веков. М.: Пашков дом, 2003. 304 с.
- Горбачевский, 1963 – Горбачевский Б. Люди, книги, библиотеки. М.: Издание Всесоюзной книжной палаты, 1963. 198 с.
- Древности..., 1866–1872 – Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях с атласом / издание Императорской Археологической комиссии. СПб: В типографии Императорской академии наук, 1866-1872.
- Забелин, 1852 – Забелин И.Е. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия. СПб: Б.и., 1852. 41 с.
- Забелин, 1862 – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1862. 530 с.
- Забелин, 1865 – Забелин И.Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1865. 160 с.
- Забелин, 1865–1867 – Забелин И.Е. Скифские могилы. Чертомлыкский курган // Древности. Труды Московского Археологического общества. 1865-1867. Т. 1. С. 56-93.
- Забелин, 1869 – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1869. 670 с.
- Забелин, 1873 – Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан: исторические воспоминания. М.: К.Т. Солдатенков, 1873. 258 с.

- Забелин, 1856** – *Забелин И.Е.* Характер древнего народного образования в России. Несколько записок о «Заметке для истории просвещения в России» г. Купириянова // *Отечественные записки*. 1856. Т. 105. Кн.1. От.2. С. 1-20
- Забелин, 2001** – *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки: (1837-1908) / предисловие Н.А. Каргаполова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 383 с.
- Забелин, 2009** – *Забелин И.Е.* Русская история: курс лекций; Русские древности, или археология: курс лекций / составители И. И. Широкоград, Е. В. Рыжкова. М.: Государственный университет по землеустройству, 2009. 387 с.
- Забелин, 2015** – *Забелин И.Е.* Скифия и сарматия. Москва: Вече, 2015. 352 с.
- Залог успеха, Б.и.** – Залог успеха – карточная система. Товарищество Ж. Блок. Б.и. 20 с.
- И.Е. Забелин, 1992** – И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения: В 2 ч. / отв. ред. А. Д. Яновский // *Труды Государственного исторического музея*. 1992. Выпуск 81. Ч. 1-2.
- Клейн, 2014** – *Клейн Л.С.* История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.
- Лебедев, 1992** – *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии (1700–1917 гг). СПб.: СПбГУ, 1992. 463 с.
- Собольщиков, 1859** – *Собольщиков В.* Об устройстве общественных библиотек и составлении их каталогов. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1859. 56 с.
- Соловьев, 1986** – *Соловьев А.* Книжный мир историка Забелина / Альманах библиофила. М.: Книга, 1986. Вып. 20. С. 312-315.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- Сахаров, 1990** – *Сахаров А.Н.* И.Е. Забелин: новая оценка творчества // *Вопросы истории*. 1990. №7. Вып. 3-1. [Электронный ресурс]. URL: https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 03.04. 2023).
- Сахаров, 1996** – *Сахаров А.Н.* Народ – разгадка всего. Иван Егорович Забелин / *Историки России XVII – начало XIX века*. М.: Скрипторий, 1996. С. 315-333.
- Формозов, 1984** – *Формозов А.И.* Историк Москвы И.Е. Забелин. Москва: Московский рабочий, 1984. 239 с.
- Эварницкий, 1890а** – *Эварницкий Д.И.* Каменные бабы // *Исторический вестник*. 1890. Т. XLI. С. 184-194.
- Яценко, 2002** – *Яценко И.В.* Представления И.Е. Забелина о строении насыпи кургана Чертомлык // *Российская археология*. 2002. №4. С. 131-142.
- Kokorina et al., 2023a** – *Kokorina Y.G., Chernov V.A., Vagabov M.M., Moroz N.A.* I.E. Zabelin as a Teacher of Russian Literature (Based on Archival Materials) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4). Pp. 1706-1716.
- Kokorina et al., 2023b** – *Kokorina Y.G., Khanbalaeva S.N., Abdullayev U.I., Vagabov M.M.* The Concept of Teaching Archaeology by I.E. Zabelin // *Bylye Gody*. 2023. 18(2). Pp. 650-661.

References

- Abramov, 2001** – *Abramov, K.I.* (2001). Gorodskie publichny`e biblioteki v Rossii – istoriya stanovleniya (1830-1860) [Urban public libraries in Russia – the history of formation (1830-1860)]. М.: Pashkov dom, 128 p. [in Russian]
- Balkova, 2013** – *Balkova, I.V.* (2013). Istoriya bibliotechnogo dela [History of librarianship]. М.: Pashkov dom. 415 p. [in Russian]
- Be'r, 1926** – *Be'r, K.E* (1926). Sistema klassifikacii knig II Otdeleniya Biblioteki Rossijskoj Akademii Nauk, sostavlennaya v 1841 godu [The classification system of books of the II Branch of the Library of the Russian Academy of Sciences, compiled in 1841]. L., 63 p. [in Russian]
- Drevnosti..., 1866–1872** – *Drevnosti Gerodotovoi Skifii (1866-1872)*. [Antiquities of Herodotus Scythia]. Sankt-Peterburg: V tipografii Imperatorskoj akademii nauk, 2 Vol. [in Russian]
- Evarnickij, 1890a** – *Evarnickij, D.I.* (1890). Kamennye baby [Stone women] *Istoricheskij vestnik*. XLI: 184-194. [in Russian]
- Formozov, 1984** – *Formozov, A.I.* (1984). Istorik Moskvyy I.E. Zabelin [Moscow Historian I.E. Zabelin]. М.: Moskovskii rabochii. 239 p. [in Russian]
- Gorbachevskij, 1963** – *Gorbachevskij, B.* (1963). Lyudi, knigi, biblioteki [People, books, libraries]. М.: Izdanie Vsesoyuznoj knizhnoj palaty. 198 p. [in Russian]
- Klein, 2014** – *Klein, L.S.* (2014). Istoriya Rossijskoj arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. Т. 1. Obshchii obzor i dorevoljutsionnoe vremya [History of Russian Archeology: Teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. SPb, EVRAZIYa. 704 p. [in Russian]
- Kokorina et al., 2023a** – *Kokorina, Y.G., Chernov, V.A., Vagabov, M.M., Moroz, N.A.* (2023). I.E. Zabelin as a Teacher of Russian Literature (Based on Archival Materials). *Bylye Gody*. 18(4): 1706-1716.
- Kokorina et al., 2023b** – *Kokorina, Y.G., Khanbalaeva, S.N., Abdullayev, U.I., Vagabov, M.M.* (2023). The Concept of Teaching Archaeology by I.E. Zabelin. *Bylye Gody*. 18(2): 650-661.
- Sakharov, 1990** – *Sakharov, A.N.* (1990). I. E. Zabelin: novaya otsenka tvorchestva [I. E. Zabelin: a new assessment of creativity]. *Voprosy istorii*. 7. 3-1 [Electronic resource]. URL: <https://portalus.ru/>

modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=& (date of access: 03.04. 2023). [in Russian]

Sakharov, 1996 – *Sakharov A.N.* (1996). *Narod – razgadka vsego*. Ivan Egorovich Zabelin [People – the answer to everything. Ivan Egorovich Zabelin]. *Istoriki Rossii XVII – nachalo XIX veka*. M.: Skriptorii. Pp. 315-333. [in Russian]

Vaneev, 2003 – *Vaneev, A.N.* (2003). *Razvitie bibliotekovedcheskoj my`сли v Rossii. XI-nachalo XX vekov* [The development of library science thought in Russia. XI-the beginning of the twentieth centuries]. M.: Pashkov dom, 304 p. [in Russian]

Yatsenko, 2002 – *Yatsenko, I.V.* (2002). *Predstavleniya I.E. Zabelina o stroenii nasypi kurgana Chertomlyk* [Zabelin's ideas about the structure of the embankment of the Chertomlyk mound]. *Rossiiskaya arkhologiiya*. 4: 131-142. [in Russian]

Zabelin, 1852 – *Zabelin, I.E.* (1852). *Khronika obshchestvennoi zhizni v Moskve s poloviny XVIII stoletiya* [Chronicle of public life in Moscow since the half of the XVIII century]. St. Petersburg. 41 p. [in Russian]

Zabelin, 1856 – *Zabelin, I.E.* (1856). *Kharakter drevnego narodnogo obrazovaniya v Rossii. Neskol'ko zapisok o «Zametke dlya istorii prosveshcheniya v Rossii» g. Kupiriyanova* [The nature of ancient public education in Russia. A few notes about the "Note for the history of Enlightenment in Russia" by G. Kupiriyanov]. *Otechestvennye zapiski*. Vol. 105. Book 1. From.2. pp. 1-20. [in Russian]

Zabelin, 1862 – *Zabelin, I.E.* (1862). *Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii. V 2 t. T. 1. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletii* [The home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries. In 2 vols. Vol. 1. The home life of the Russian tsars in the XVI and XVII centuries]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii. 530 p. [in Russian]

Zabelin, 1865 – *Zabelin, I.E.* (1865). *Istoricheskoe opisanie moskovskogo stavropigial'nogo Donskogo monastyrya* [Historical description of the Moscow Stavropol Donskoy Monastery]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii. 160 p. [in Russian]

Zabelin, 1865–1867 – *Zabelin, I.E.* (1865–1867). *Skifskie mogily. Chertomlykskii kurgan* [Scythian graves. Chertomlyk kurgan]. *Drevnosti*. 1: 56-93. [in Russian]

Zabelin, 1869 – *Zabelin, I.E.* (1869). *Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii. V 2 t. T. 2. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletii* [The home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries. In 2 vols. 2. The home life of the Russian tsars in the XVI and XVII centuries]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii. 670 p. [in Russian]

Zabelin, 1873 – *Zabelin, I.E.* (1873). *Kuntsevo i drevnii Setunskii stan: istoricheskie vospominaniya* [Kuntsevo and the ancient Setun Camp: historical memories]. M.: K.T. Soldatenkov. 258 p. [in Russian]

Zabelin, 2001 – *Zabelin, I.E.* (2001). *Dnevnik. Zapisnye knizhki: (1837-1908)* [Diaries. Notebooks: (1837-1908)]. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx. 383 p. [in Russian]

Zabelin, 2009 – *Zabelin, I.E.* (2009). *Russkaya istoriya: kurs lektsii; Russkie drevnosti, ili arkhologiiya: kurs lektsii* [Russian history: a course of lectures; Russian antiquities, or archeology: a course of lectures]. M.: Gosudarstvennyi universitet po zemleustroistvu. 387 p. [in Russian]

Zabelin, 2015 – *Zabelin, I.E.* (2015). *Skifiya i sarmatiya* [Scythia and Sarmatia]. M.: Veche. 352 p. [in Russian]

Zalog uspeha, B.i. – *Zalog uspeha – kartochnaya Sistema* [Zalog uspeha – kartochnaya sistema]. *Tovarishhestvo Zh. Blok. B.i.* 20 p. [in Russian]

Творческая лаборатория историка: И.Е. Забелин как библиофил (на основе архивных материалов)

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Мамлакат Таджиевна Жуманиезова ^b

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан

Аннотация. Выдающийся российский историк И.Е. Забелин (1825–1908) обязан своим достижениям самообразованию, которое он получил благодаря книгам. Будущий историк любил книги с детства, и на последние деньги ему удается собрать небольшую библиотечку книг. В статье вводится в научный оборот новый исторический источник – составленные И.Е. Забелиным рукописные каталоги его книжного собрания, которые хранятся в архиве ученого. Авторы рассматривают роль книги в научном поиске ученого. Как скромный служащий Оружейной палаты И.Е. Забелин не мог пользоваться коммерческими библиотеками Москвы, а крупных публичных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов), jumaniyozova.m.t@mail.ru (М.Т. Жуманиезова)

книжных собраний в Москве не было. И.Е. Забелин покупал подержанные книги и журналы на рынках, а когда позволят средства – у ведущих книготорговцев столицы. Далее он будет тщательно фиксировать потраченные средства. Рассмотрение каталогов книжного собрания И.Е. Забелина показывает не только использование его в научных целях, но и выявляет его интерес к социальным и философским проблемам, духовному поиску. Исследование позволяет развеять историографические мифы, сложившиеся в науке, в частности, что И.Е. Забелин не понимал значимости изучения иностранных языков и был посредственным археологом. Каталог библиотеки ученого содержит сотни томов по археологии и сотни наименований на иностранных языках. И.Е. Забелин применял передовую для того времени систему информационного поиска, разрабатывая свои принципы организации карточного каталога наряду с традиционными книжными каталогами, при этом он проводил тематическую группировку информации. Как обладатель ценного собрания книг и рукописей Д.И. Забелин делился ими с коллегами, вел подробный учет выданной литературы. Изучение каталогов книжного собрания И.Е. Забелина расширяет представления о нем как ученом и человеке.

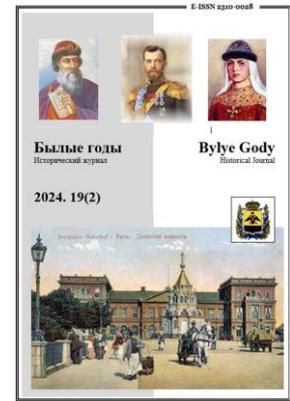
Ключевые слова: история России второй половины XIX века, И.Е. Забелин, библиофильство, книга, каталоги, библиотека.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 670-679
DOI: 10.13187/bg.2024.2.670

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Social Aspect of the “Gold Rush” Phenomenon in Yenisei Siberia in Period 1830–1990s

Anna S. Zhulaeva ^{a,*}, Ekaterina A. Grigoryeva ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^a, Galina M. Lushchaeva ^a

^a Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

This paper examines the social aspect of the phenomenon of the “gold rush” that unfolded in the vast expanses of Yenisei Siberia in the 1830–1890s. The authors consider the unique features of the “gold rush” process in the Yenisei taiga, analyze the socio-professional groups engaged in labor activities in the gold fields. Based on extensive factual material, the working and living conditions of workers – the main participants in gold mining at all stages of the “gold rush” unfolding in the region from unprecedented rise to extinction – have been studied. A separate description of the state of medical care for workers in the mines is given. The analysis of pre-revolutionary materials revealed the presence of a systemic logistical problem in the region and its negative impact on both the quality of life of gold workers and the system of interactions between all participants in the gold mining process in Yenisei Siberia. The authors attempted to create a conditional social portrait of a gold merchant as a broad, strong, risky person, very prominent in the public life of the region. The scientific article draws conclusions about the impact that the phenomenon of the “gold rush” had on the previously quiet course of life in the taiga hinterland on the outskirts of a huge empire. In general, it is difficult to overestimate the social significance of this phenomenon, which has stirred up the wild taiga region.

Keywords: Yenisei Siberia, the phenomenon of the “gold rush”, the social and personnel composition of the participants, the social aspect, gold workers, gold merchants, social mobility.

1. Введение

Главная задача данного исследования – изучение социального аспекта феномена «золотой лихорадки» в Енисейской Сибири в 1830–1890-е гг. Авторы на широком архивном материале рассмотрели условия труда и быта рабочих-старателей на золотых приисках, состояние медицинской помощи и качество питания данной трудящейся категории.

Как писал 6 января 1892 г. проживавший в Красноярске ученый-исследователь феномена енисейской «золотой лихорадки» В. Крутовский, «на одной чаше весов лежат интересы материальные золотопромышленников, на другой – здоровье и смерть приисковых рабочих. До сих пор все внимание было обращено на первую чашу, она перевешивала вторую, и судьба рабочих всецело зависела от нрава, человечности и щедрости золотопромышленников или их управляющих. Пора обратить внимание на это первенство и центр тяжести привести к достождному центру. Мы были бы крайне счастливы, если бы наш слабый голос в защиту приисковых рабочих не остался гласом вопиющего в пустыне и если бы хотя бы частица наших desiderata нашла себе практическое применение в приисковых порядках и тем уменьшила хотя бы на каплю чашу горечи приисковых тружеников-рабочих» (Крутовский, 1892: 42-43).

Данное исследование продолжает «дело» нашего земляка, акцентируя внимание на изучении положения главной, по нашему мнению, категории сибирских тружеников – рабочих-золотарей.

* Corresponding author

E-mail addresses: annzhul@mail.ru (A.S. Zhulaeva)

В работе дана характеристика таежных дорог, многие из которых находились не только в плохом, непроходимом состоянии, но и просто отсутствовали в регионе.

Многочисленные вопросы взаимоотношений между енисейскими купцами-золотопромышленниками и их наемными рабочими в данной статье затронуты косвенно. Также выходит за рамки данного исследования и подробное изучение социальных девиаций, происходивших массово в енисейской тайге и на самих золотых приисках. Данной группой авторов оно подготовлено к следующей научной публикации.

2. Материалы и методы

В данной публикации авторами рассмотрены особенности процесса «золотой лихорадки» в Енисейской Сибири в 1830–1890-е гг. в социальном аспекте. Данный подход выдвигает на первый план исследование таких вопросов, как условия труда и быта первооткрывателей сибирских недр, а также изучение взаимодействия между собой всех «игроков» на новом открываемом направлении.

В исследовании хронологическим методом определены спорные в современной историографии этапы продвижения «золотой лихорадки» на восток.

Статистический метод позволил выяснить влияние условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих.

В работе применен конкретно-исторический подход, дающий возможность изучить социальные особенности общего процесса «золотой лихорадки» на неопубликованных архивных материалах Енисейской Сибири.

Важнейшие события истории золотопромышленности Енисейской Сибири по хронологическому принципу изложены и систематизированы в историко-фактологическом источнике – «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 год». Данный труд был составлен выдающимся сибирским краеведом, общественным деятелем и основателем Енисейского краеведческого музея Александром Игнатьевичем Кытмановым (Кытманов, 2016).

К документам личного происхождения относятся дневники и воспоминания самих енисейских купцов-золотопромышленников и общественных деятелей, близко с ними знакомых. Так, неопубликованным источником по теме нашего исследования является рукописный дневник молодого купца-золотопромышленника Алексея Николаевича Тарасова. Документ хранится в МКУ Архив г. Енисейска (Енисейск, Российская Федерация) в фонде 6 «Енисейский естественно-исторический и культурно-бытовой музей. 1880–1916 гг.». Автору в то время было немногим более 20 лет. Юноша делился с дневником сокровенными переживаниями, описывал свой досуг и упоминал о работе. Дневник включает в себя записи за 1848–1851 гг. Данные материалы только частично были введены в исторический оборот и до этого момента были использованы исследователями фрагментарно (Смирнова, 2014). Данные из «Дневника» дополняют материалы и других дел, раскрывающих разные стороны золотопромышленной деятельности Алексея Николаевича. В свидетельствах очевидцев, хранящихся в архивах Сибири, сложно не заметить массовые социальные противоречия вплоть до роста уголовных преступлений в регионе, с чем было связано увеличение объемов золотодобычи в Енисейской тайге. Феномен «золотой лихорадки» изучен в данном подходе как один из факторов социокультурной динамики.

3. Обсуждение

Еще в дореволюционный период в специальных работах были выработаны методологические подходы к изучению истории развития золотодобывающей отрасли в Енисейской Сибири. В комплексных работах исследователей Енисейской Сибири, живших в XIX веке (Н.В. Латкина (Латкин, 1890; Латкин, 1892), С.Л. Чудновского (Чудновский, 1885), М. Кривошапкина (Кривошапкин, 1865) раскрыта проблема специфики генезиса золотодобычи в регионе. Хочется выделить труды Николая Васильевича Латкина. Серия его статей по динамике становления золотодобывающей отрасли в Енисейской губернии была опубликована в 1866-1868 гг. в «Вестнике золотопромышленности и горного дела». Он не только смог стать крупнейшим золотопромышленником Енисейской Сибири, но и опубликовал ряд передовых для своего времени работ (Латкин, 1869; Латкин, 1892).

В научном историческом сообществе нет единого мнения о точной датировке начала процесса «золотой лихорадки» в Енисейской тайге. Также споры ведутся об этапах всего процесса и его перехода на другой, более технологический уровень.

Актуальные сегодня задачи изучения исторической географии России рассматривались еще в дореволюционных трудах историка-архивиста М.К. Любавского, исследовавшего историю русской колонизации (Любавский, 2021). Наряду с принудительной колонизацией Сибири стали развиваться и переселения в Сибирский край добровольных «засельщиков», которые, столкнувшись с условиями «рискованного земледелия», вынуждены были искать заработки на промыслах и становиться золотодобытчиками (Колонизация..., 1900: 2).

Частично особенности протекания процесса «золотой лихорадки» в Енисейской губернии в социальном аспекте были изложены в работе современника событий А. Уманьского (Уманьский, 1888).

Значимыми для нашего исследования стали труды таких дореволюционных авторов, как В.М. Крутовский (Крутовский, 1892) и И. Боголюбский (Боголюбский, 1892–1893).

Сибирский исследователь В.М. Крутовский размышляет о том, что начиная с Кривошапкина Гр. П – А – ва, Малиева и заканчивая последними заметками сибирских газет, мы находим, что главное внимание всеми исследователями по вопросу золотопромышленности уделено социальному положению рабочих, их заработками, постановкой промышленного дела, и лишь мимоходом, кратко указывается на заболеваемость, формы болезненности, никем не обращено внимание на те физические изменения, которые необходимо ожидать в организме золотопромышленных рабочих, если они занимаются этим делом профессионально, из года в год подвергаясь всем неблагоприятным факторам промысловой работы (Крутовский, 1892: 1).

Вопрос особенностей процессов «золотой лихорадки» в сибирской тайге вызывал интерес исследователей уже в дореволюционный период (Семевский, 1898: XXX).

Фундаментальный труд Семевского, созданный по инициативе И.М. Сибирякова, в 1885 г. обратившегося с просьбой написать историю быта рабочих на сибирских промыслах, был создан на материалах Сибирского Комитета, хранящихся в архивах Комитета Министров и Государственного Совета России (Семевский, 1898). Семевский написал историческую библиографию темы, часть которой была издана позднее И.М. Сибиряковым. Убедившись, что архивы центральных учреждений дают достаточное количество данных для истории законодательства о приисковых рабочих, но не для истории их быта, Семевский в 1891 г. предпринял поездку в Сибирь. Своими глазами исследователь увидел тяжелейшие условия труда и быта рабочих на приисках, а найденные в местных и частных архивах Красноярска и Енисейска материалы позволили ему создать целостную картину процесса золотодобычи в сибирской тайге (Семевский, 1898).

Не потеряла свое значение монография советских историков Л.М. Горюшкина и Н.А. Миненко, раскрывающих историографию и методологические подходы в изучении основных вопросов истории Сибири эпохи феодализма и капитализма, в том числе и особенности генезиса золотодобывающей отрасли (Горюшкин, Миненко, 1984).

В советской историографии историк А.А. Мухин, изучая положение рабочих Сибири в эпоху капитализма в период с 1861 по 1917 гг., частично раскрыл условия труда и быта на золотодобывающих приисках в Енисейской тайге (Мухин, 1975).

Однако наиболее изученной категорией являются сибирские купцы-золотопромышленники, жизненный путь которых вызывает неподдельный интерес у историков до сегодняшнего дня. Одной из самых значимых работ стал труд профессионального историка А.И. Погребняк «Купцы-предприниматели Енисейской губернии» (Погребняк, 2002). В последующий период данная тематика нашла свое продолжение в коллективной работе выдающихся красноярских историков под руководством Геннадия Федоровича Быкони. В монографии «Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.)» раскрываются особенности процесса золотопромышленности в изучаемом нами регионе (Быконя и др., 2012).

Проблема становления сибирской золотопромышленности через характеристику социальной мобильности сибирского купечества изучена в монографии Веры Ивановны Федоровой «Енисейская губерния 1861–1917 гг.: Экономика. Общество. Культура». Автором не только подробно изучены процессы социальной и профессиональной мобильности из центра огромной империи на ее окраины, но и предложены инновационные методологические подходы к изучению сибирской тематики в контексте социально-экономического развития (Федорова, 2016).

Коллективный труд ведущих новосибирских историков Д.А. Ананьева, Е.В. Комлевой, Д.Я. Раева, Д.Я. Резуна и др. на основе анализа широкого круга как отечественных, так и зарубежных источников раскрывает особенности и тенденции в сравнении протекания процессов освоения американского и сибирского фронтиров. В исторический оборот вводятся и малоизученные сюжеты социально-экономического развития Сибири (Ананьев, 2006).

Подробно исследованы в историографии социально-экономические вопросы (особенно данные об объемах добычи). На массовом статистическом материале было доказано, что «взрыв добычи», который пережила Енисейская тайга в 40-е гг. XIX века, будет сокращаться в объемах каждое последующее десятилетие. Так, в 60-х гг. на приисках Енисейской губернии добывали еще в среднем по 561 пуду золота, в 70-х гг. район давал по 409 пудов, а в 80-х гг. среднегодовая добыча понизилась до 281 пуда и в 90-х до 226, то есть в эпоху промышленного капитализма, добыча золота здесь сократилась более чем в 2 раза, а по сравнению с дореформенным периодом – более чем в 6 раз (Хроленок, 1990: 66). «Золотая лихорадка» переместилась на Дальний Восток, а методы разработки золотых месторождений и эксплуатации рабочих так и останутся хищническими (Хроленок, 1990: 67).

4. Результаты

Развитие золотопромышленности на Енисее происходило очень бурно и достигло наибольшего расцвета к середине 1840-х гг. Из пяти уездов Енисейской губернии наибольшее количество золота с начала его открытия по 1917 г. дал Енисейский уезд (85,6 %), затем по значимости следуют Минусинский, Ачинский, Канский и Красноярский. Только к 1860 г. с приисков Енисейского уезда поступило 67 % всей добычи золота России (ГАКК. Ф. Р-2701. Оп. 1. Д. 76. Л. 3).

В нашем исследовании мы будем опираться на архивные источники, сообщающие о начале истории масштабной золотодобычи и геологических открытиях в Енисейской тайге с 1837 г., когда поисковая партия купца Рязанова открывает богатейшее россыпное золото по речке Малому Шааргану (система реки Удырея). Весть о богатом золоте, найденном в Енисейской тайге, быстро распространилась среди золотопромышленников, и в короткое время Енисейская тайга становится объектом для энергичной деятельности поисковых партий, организованных сибирскими золотопромышленниками (ГАКК. Ф. Р-2701. Оп. 1. Д. 39. Л. 10).

Но мы знаем и более ранние примеры удачных поисковых экспедиций, например, Цыбульского, Кузнецова и других пионеров золотодобычи на восточных склонах Кузнецкого Алатау по системам рек Белый и Черный Июс в 1832 г., когда ими были обнаружены крупные золотоносные россыпи (О-Ун-Дар, 2008). В 1835 г. были открыты и начали эксплуатироваться россыпи по рекам Казыр, Кизир, Чибижек, Бегья и Сисим (ГАКК. Ф. Р-2701. Оп. 1. Д. 76. Л. 2).

В 1836 г. поисковые партии под руководством Г. Мошарова, прозванного «таежным Наполеоном», обнаружили россыпь по р. Хорма, притоку Бирюсы. В 1838 г., следуя указаниям эвенков, партия Мошарова перешла за Ангару и открыла россыпи по р. Талая, притоку реки Рыбной. И уже это событие зафиксировано как первое серьезное открытие золота в Енисейском уезде (ГАКК. Ф. Р-2701. Оп. 1. Д. 76. Л. 2).

В 1839 г. поисковая партия купца Зотова во главе с уральским рудознатцем Егором Жмаевым, киргизом по национальности, обнаруживает россыпное золото в северной тайге на территории современного Северо-Енисейского района. В следующем году начинается лихорадочный захват приисков. В 1840 г. застолблены почти все россыпи ангарской тайги в пределах Енисейской губернии (ГАКК. Ф. Р-2701. Оп. 1. Д. 76. Л. 2).

В северной тайге в 1841 г. на первых семи приисках было добыто несколько десятков пудов золота. В 1848 г. один только Платоновский прииск дал 218 пудов (3,5 т.), а такие «сундуки с золотом», как Севагликон и Актোলик, дали до 1917 г. соответственно 65 и 51 тонн драгоценного металла. И это на речках протяженностью всего 12-16 верст! Отдельные прииски добывали здесь до 600-970 пудов, в то время как первооткрыватель этих богатств Егор Жмаев умер в нищете (ГАКК. Ф. Р-2701. Оп. 1. Д. 76. Л. 2).

В «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии за 1594–1893 годы» Александром Игнатьевичем Кытмановым дана оригинальная типологизация состава людей, имеющих то или другое отношение к золотому промыслу: «владельцы приисков, разрабатывающие их сами; владельцы, не разрабатывающие их, а отдающие в аренду из полудной платы или золотника; арендаторы, разрабатывающие прииски общими работами или сдающие в свою очередь весь прииск и часть его на золотничные работы артелям золотничников; арендаторы, фиктивно разрабатывающие прииски, а в сущности скупщики краденого золота или утаенного арендаторами от владельцев, подрядчики для доставки припасов, «обстановщики», снабжающие арендаторов деньгами и припасами, возчики, ремесленники, рабочие общеконтрактные и золотничники, собирающиеся в артели в различном числе. Артели состоят исключительно из одних равноправных членов или из артельщиков и окладных рабочих, отрядные рабочие» (Кытманов, 2016: 614). Из всех этих категорий А.И. Кытманов выделяет категорию «арендаторов», дав им определение – «язва тайги» (Кытманов, 2016: 613). Не имея достаточного капитала, они получают за громадные проценты обстановку в виде денег и главным образом припасов и товаров; самые прииска получают они большею частью на тяжелых условиях с платой от владельцев с золотника и на короткий срок аренды (Кытманов, 2016: 613).

Также важно понимать, что макрорегион Сибирь для империи являлся не только кладовой несметных богатств, а в условиях затяжной Крымской войны, в первую очередь, именно золота, но в социальном плане это место каторги и ссылки. Во всей Восточной Сибири к историческому 1861 г. находилось 80 тыс. ссыльных (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 2096. Т. 2. Л. 24). Положение данной группы в сибирских реалиях было катастрофическим. Как сообщают архивные источники, обрести оседлость, «водворившись», удавалось в среднем 0,7 % ссыльных в год (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 2096. Т. 2. Л. 24). Поэтому данная категория закономерно стала активом, быстро влившись в лавинообразный процесс «золотой лихорадки» со скоростью пожара, распространившегося по Енисейской тайге.

Несмотря на успехи данного направления, рабочие-золотари трудились в исключительно тяжелых условиях. Приисковый рабочий преимущественно работал мышцами ежедневно в течение 12 часов, все время стоя на ногах, производил огромную мышечную работу (Крутовский, 1892: 38).

Архивные источники содержат свидетельства и о 14-18 часовом рабочем дне на золотых енисейских приисках. Кайло, лом, лопата, тачка, бутара – вот техника дореволюционного рабочего.

Если промывка песков с 40-х гг. XIX века начала механизироваться с помощью чаш и бочек, а доставляли пески на промывальные приборы в основном лошадьми в таратайках, то разработка до конца XIX столетия производилась вручную (ГАКК. Ф. Р-2701. Оп. 1. Д. 76. Л. 3).

Особо важный в нашем исследовании социальный вопрос – это состояние медицинской помощи на приисках. Тяжелейшие условия труда оказывали разрушающее воздействие на здоровье рабочих, а качество медицинской помощи было крайне низким.

Сибирские архивы содержат огромное количество информации, свидетельствующей о неудовлетворительном состоянии приисковых больниц, об отсутствии в них лекаря и фельдшера (ГАКК. Ф. 595. Оп. Д. 5. Л. 30б.). На Александрово-Владимировском прииске рабочие помещаются в старых и ветхих избушках (ГАКК. Ф. 595. Оп. Д. 5. Л. 3).

Источники свидетельствуют, что в исследуемый период с приисков регулярно сообщалось в Иркутск на адрес военного губернатора Красноярска и Иркутска об отсутствии медиков в больницах на некоторых приисках Енисейской губернии. Промыслы разбросаны. Врачи посещают промысловые больницы по 3-4 раза в год. Каждый золотопромышленник или компания, разрабатывающие прииски в отдаленных от других промыслов и разрабатывающие прииски в одной системе, должны иметь отдельных медиков (ГАКК. Ф. 595. Оп. Д. 5. Л. 16). В Нерчинском округе на двух приисках присмотр за больницами осуществляют лекарские ученики под главным наблюдением Нерчинского городского врача Михайловского. Врач не может часто посещать прииски. Нужен приисковый медик, который будет там находиться постоянно. Команда рабочих – до 1500 человек. Медик нужен также для судебно-медицинского освидетельствования умерших (ГАКК. Ф. 595. Оп. Д. 5. Л. 160б.). Нередко фельдшерами в тайге состоят самозванцы из мелких служащих, умеющие только пускать кровь и ставить банки (Уманский, 1888: 88).

Однако в официальной отчетной документации типичным являлось сообщение об удовлетворительном состоянии медицинской помощи приисковым рабочим. В хранящемся в государственном архиве Красноярского края отчете горного исправника Канского о приисках в 1886 году читаем, что приисков – 30, мужчин – 1302 человека, женщин – 109, детей – 9 (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2368. Л. 2-20б.); для больных устроено 8 больниц, в которых есть вентиляция. При больницах есть аптеки со всеми необходимыми медикаментами. Заведует больницами фельдшер. Раз в лето посещает прииски Нижнеудинский окружной врач (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2368. Л. 6); больницы устроены удовлетворительно и содержатся в опрятности (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2368. Л. 60б.).

Сибирский ученый В.М. Крутовский по результатам обследования влияния условий жизни и работы на золотых приисках на физическое состояние рабочих сообщал, что в заседании Общества врачей Енисейской губернии 12-го марта 1890 года была предпринята попытка возбудить интерес почтенного общества к изучению положения золотопромышленных рабочих, стоящих совершенно в исключительных условиях физического труда (Крутовский, 1892: 1).

Рабочие на золотых промыслах представляют многочисленную группу около 24803 человек местных профессиональных тружеников, поставленных совершенно в обособленные условия труда, жизни, питания. «Мне казалось, что золотопромышленные рабочие должны быть выделены в особую группу чернорабочих землекопов, группу крайне интересную и вполне не исследованную строго научно» (Крутовский, 1892: 20).

По данным обследования Крутовского (Таблица 1), ясно видно, насколько в изучаемый период заболеваемость рабочих на золотых приисках Енисейской Сибири сильна, а смертность значительна.

Таблица 1. Количественные показатели состояния здоровья рабочих-золотарей на Енисейских золотых приисках в период с 1887 по 1889 гг. (Крутовский, 1892: 20).

Годы	Число рабоч.	Заболело	Выздоровело	Умерло
1887	9853	5335	5269	66
1888	11713	3164	3103	66
1889	12005	4402	4349	44

«Не нужно забывать, что приводимые цифры заболеваемости относятся главным образом к летнему времени года, когда преимущественно скопляется на приисках значительное количество рабочих. Общий состав рабочих исключает совершенно детский и старческий возраст, между тем как первый, так и другой главным образом повышают нашу общую цифру смертности. Преобладающими болезнями все наблюдатели считают цингу, ревматизм, перемежную лихорадку и разного рода травмы. Значительное число заболеваний желудка и кишок, а также явлений частного и общего переутомления. Все превалирующие заболевания находятся в прямой зависимости от тех недостатков, условий промысловой жизни, на которые я указал выше, то есть на плохие жилища, плохую пищу» (Крутовский, 1892: 20). Так современник изучаемых событий, исследователь условий быта рабочих на золотых приисках в южноенисейской тайге Семевский свидетельствует: «мы ночевали на Разгадном или Татьянинском прииске или разведке, в одной избе с тремя рабочими.

Им дали на ужин такую гнилую солонину, что невыносимый запах заставил меня сначала выйти на улицу, а потом всю ночь держать дверь открытой» (Семевский, 1898: XIII).

Полвека «золотой лихорадки» не изменили и не улучшили положение рабочих и условия их труда и быта. В сибирской газете «Енисей» 1898 г. в №150 публикуется доклад о деятельности распорядительного бюро золотопромышленников южно-енисейского горного округа за 1898 г. Результаты были доложены на Втором заседании 2-го очередного съезда золотопромышленников южно-енисейского горного округа, которое состоялось при количестве 18 золотопромышленников, горного исправника южных приисков, приискового священника, врача и горного отводчика. Докладчик констатирует, что ходатайства о нуждах золотопромышленников остались без ответа и даже «не вызвали никакого запроса». Данный факт свидетельствует о недостаточной внимательности к нуждам золотопромышленности. Из доклада распорядителя мы узнали, что назначенные по смете на этот год 400 р. на акушерку и 150 р. на лечение посторонних рабочих остались неизрасходованными по той причине, что первая цифра слишком незначительна, и желающих принять это жалование не оказалось; во втором случае больных рабочих, т.е. тех, которые ничем не заняты, в нынешнее лето не встречалось (АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 7).

Процессы социальной мобильности, исследованные в монографии В.И. Федоровой (Федорова, 2016), в Енисейской губернии осложнялись чудовищным состоянием дорог, а подчас и полным их отсутствием. В.И. Семевский так описывал свой маршрут по енисейской тайге в 1898 г.: «1-го августа я тронулся в путь верхом из Эльдорадо в южно-енисейскую тайгу...Предстояло проехать 220 верст. Первые два дня мы ехали по прежней заброшенной Старо-нифантьевской дороге, более ровной, чем та, которою я ехал из Енисейска, но с разрушенными мостами, – их приходилось объезжать по речкам и болотам... Самый трудный переход мы сделали на следующий день. Пришлось ехать уже не проезжею некогда дорогой, а прежнею верховою тропою, в том числе несколько верст по таким топам и болотам, что здесь, как мне сказали, уже целый год никто не проезжал. К счастью, мне попался превосходный конюх, знавший этот путь в прежние годы, и только благодаря этому я не переломал себе шею, ноги и не выколол глаз» (Семевский, 1898: XIII).

Нельзя сказать, что вопрос о состоянии дорог в регионе не волновал самих золотопромышленников. На Съездах енисейских золотопромышленников данный вопрос регулярно попадал в повестку дискуссии. Источники сообщают содержание данных обсуждений: «золотые промыслы существуют, как известно несколько десятков лет, и масса денег потрачена на дороги, ведущие к ним. Вопрос об их жалком положении не сходит со сцены и до сих пор» (АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. Л. 8).

Для объективности анализа и полноты картины процессов протекания «золотой лихорадки» в Енисейской тайге важно отметить вклад и самих купцов-золотопромышленников в дело становления отрасли. Особенной личностью являлся Николай Васильевич Латкин – представитель династии сибирских купцов-золотопромышленников, на долю которой выпало не только богатство, но и банкротство. Николаю Васильевичу пришлось, бросив учебу, выводить дело из кризиса. Для того чтобы не повторить ошибок отца, молодой человек подошел к организации золотодобычи на своих приисках с научным подходом (Латкин, 1869; Латкин, 1892).

А.И. Кытманов в «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594-1893 гг.» пишет: «Латкин осторожно продолжает разработку приисков американским способом... Рабочие к «американке» привыкли и кончали работы к 4-5 часам дня, а иногда и к трем, очень редко работали до 6 часов вечера. Забойщик зарабатывал по 1 р. 20 к. в день» (Кытманов, 2016: 389-390).

Красноярский мещанин, чиновник и поверенный енисейских купцов-золотопромышленников Иван Федорович Парфентьев свидетельствовал о редких человеческих качествах представителя одной из самых успешных купеческих династий в регионе Петре Ивановиче Кузнецове, который «был доверчив и кого полюбит, того готов, что называется, озолотить» (Воспоминания..., 2016: 266). Отличался золотопромышленник широкой благотворительностью (Воспоминания..., 2016: 11). Отдельно им отмечалась скромность в быту, привычка к грубой пище, выработанная у Петра Ивановича с детства как следствие его частых разъездов по отцовским золотым приискам. Отец же, Иван Кириллович Кузнецов, создатель миллионного состояния, поймавший свою удачу благодаря «золотой лихорадке», начинал свой трудовой путь с малолетства «мальчиком на побегушках» у откупщика Шестакова. Хозяин, видя его исполнительность и сметливость, обучил его грамоте и стал приобщать к «купецкому» делу (Воспоминания..., 2016: 10).

Однако непростая экономическая ситуация в регионе, жесткий бюрократический контроль со стороны власти приводили к массовому разорению вчера еще преуспевающих купеческих династий. Из 20 красноярских купеческих фамилий, из «Воспоминаний» И.Ф. Парфентьева, разорились в течении 19 в. 13 (Воспоминания..., 2016: 11).

Многочисленные дневниковые записи – «Журналы Алексея Николаевича Тарасова с 11 сентября 1851 года по 1 ноября 1861 года» – источники, хранящиеся в фондах Краеведческого музея г. Енисейска, свидетельствуют о не легком жизненном пути молодого енисейского купца-золотопромышленника Алексея Николаевича Тарасова (АГЕ. Ф. Р-6. Оп. 1 Д. 16). Архивные фонды

хранят дела, раскрывающие сложные финансовые ситуации: решение Сената на жалобы енисейских золотопромышленников купцов Тарасова и Некрасова (АГЕ. Ф.Р-6. Оп. 1 Д. 28), жалоба енисейского золотопромышленника купца Тарасова на решение 4-го Департамента правительствующего Сената, изъявшего у него из Сибирского банка банковские билеты (АГЕ. Ф. Р-6 Оп. 1 Д. 29), протоколы допроса купца Тарасова А.И. полицейским приставом о возникших спорах на его прииске (АГЕ. Ф. Р-6. Оп. 1 Д. 43).

Постепенное снижение содержания золота в россыпях заставило золотопромышленников применять новые технические средства, и в 1901 г. на Ангаре начинает действовать первая драга. В 1903 г. строится первая драга в северной тайге Енисейского уезда, а к 1905 г. число их значительно увеличивается. Всего до революции в Енисейской Сибири было построено несколько десятков драг. Удельный вес дражного золота возрос с 2 % в 1901 г. до 93 % в 1909 г. В начале Первой мировой войны Енисейская губерния давала более половины дражного золота России (ГАКК. Ф.Р-2701. Оп. 1 Д. 76. Л. 3).

Важно отметить, что почти все операции по разработке рудных месторождений золота продолжали на большинстве приисков производиться вручную, и лишь с 1906 г. начинается постепенная замена ручного бурения механическим. На обогатительных фабриках было примитивное оборудование – толчеи и бегуны. Извлечение золота из руд не превышало 50-70 %. Такова была немудреная техника на дореволюционных рудниках губернии, но и она была прогрессивной для России, так как в других районах не было и этого (ГАКК. Ф. Р-2701. Оп. 1 Д. 76. Л. 3).

Потребность в специалистах в золоторудном деле не была очень высокой. Но это, несомненно, своеобразная элита сибирского общества. Более квалифицированный труд спецов возвышал их над каторжно работающим людом. Интересен пример служащего Богом дарованной группы рудников Российского Золотопромышленного общества Логвина, который женился на девушке, хоть крестьянского происхождения, но окончившей курс Минусинской женской прогимназии, а позже, уже в браке, выдержавшей испытание на звание народной учительницы в 1907 г. Архивные источники сообщают, что после того, как она стала женой данного служащего, ее приняли учительницей рудничной школы, что может свидетельствовать о невысоких доходах супруга, вынуждавших Логвину (Барташеву в девичестве) Серафиму Нафаиловну преподавать (Zhulaeva et al., 2023: 1379).

Завершая наше исследование, согласимся с мнением уважаемого петербургского историка В.И. Семевского, очевидца изучаемых нами процессов, с тем, что артели старателей-золотничников спасли золотопромышленность в Енисейской тайге (Семевский, 1898: VI). Однако, понимая невыносимую тяжесть старательского труда, чувствуем даже сегодня радость, с какой ее покинул в 1888 г. другой исследователь истории золотопромышленности в Енисейской губернии А. Уманьский, воскликнувший напоследок: «Прощай тайга, прощай навсегда!» (Уманьский, 1888: 167).

5. Заключение

Лавинообразное продвижение «золотой лихорадки» по Енисейской тайге с запада на восток имело большое социальное значение. Данный процесс способствовал освоению не обжитых ранее территорий Сибири.

К сожалению, деньги, которые принесла в регион «золотая лихорадка», за десятилетия не изменили и не улучшили положение енисейских рабочих, а также условия их труда и быта.

Крайне низкой на приисках была организация медицинской помощи, что усугублялось плохими условиями проживания и некачественным питанием рабочих-золотарей. Последствием стали массовые профессиональные заболевания и ранний износ организма у данной тяжело эксплуатируемой категории населения. Такой труд по своей невыносимости можно сравнить с каторжным трудом ссыльных в Сибирь.

Почти все операции на разработке рудных месторождений золота до конца изучаемого периода производились вручную. Только постоянное снижение содержания золота в россыпях вынудило золотопромышленников применять новые технические средства.

Важнейший и вечный как для России, так и для бескрайней Сибири, вопрос о состоянии дорог не потерял свою остроту даже к концу XIX в. Плохое снабжение продовольствием и недоступность квалифицированной медицинской помощи стали следствием невозможности в распутицу добраться к разбросанным по тайге приискам золотарей.

Литература

АГЕ – Архив города Енисейска.

Ананьева, 2006 – Ананьева Д.А., Комлева Е.В., Раева Д.Я., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII-XIX вв.: очерки истории и историографии. Новосибирск: Сова, 2006. 227 с.

Боголюбский, 1892–1893 – Боголюбский И. Краткий очерк состояния горного промысла в Енисейской губернии // *Вестник золотопромышленности*. 1892–1893. № 11, 13, 15, 16, 18.

Быконя и др., 2012 – Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Красноярск, 2012. 316 с.

Воспоминания..., 2016 – Воспоминания Парфентьева Ивана Федоровича (1777–1898): рукопись из фондов Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ о/ф 7886/231) / под ред. Комаровой Т.С.: предисл. Федоровой В.И., Красноярск: «Изд-во Поликор», 2016. 360 с.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Горюшкин, Миненко, 1984 – *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984.

Колонизация..., 2009 – Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Издание Канцелярии комитета министров. Репринтное издание 1900 г. Спб.: Альфарет, 2009. 396 с. 3 л. диагр., карт.

Кривошапкин, 1865 – *Кривошапкин, М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь: с 2 табл. и картою золотоносн. обл. Енис. окр. / соч. М. Ф. Кривошапкина; изд. Имп. рус. геогр. о-ва; на иждивении В.А. Кокорева, 1865. [4], V, [5], 378, [2], 188, 68 с.; II табл., 1 к. с.

Крутовский, 1892 – *Крутовский В. М.* Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих: доклад почетного члена Общества В. М. Крутовского, сделанный им на заседании 11 января 1892 г., 1892. 44 с.

Кытманов, 2016 – Кытманов Александр Игнатьевич (1858–1910). Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год [Текст] / А. И. Кытманов; М-во образования и науки Российской Федерации, Сибирский федеральный ун-т, Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова. Красноярск: СФУ, 2016. 850, [1] с.

Латкин, 1869 – *Латкин Н. В.* Очерк северной и южной систем золотых промыслов Енисейского округа и описание американского способа промывки золота: с картой, планом золотопромывальной машины и видом работ американским способом / составлено Н. В. Латкиным, 1869. 174 с., 3 л. ил., карт. с.

Латкин, 1892 – *Латкин, Н.В.* Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. Б. м., 1892.

Любавский, 2021 – *Любавский М.К.* История русской колонизации, или как возникла империя. М.: Вече, 2021. 288 с.

Мухин, 1972 – *Мухин А.А.* Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). Барнаул, 1972. 334, [1] с.

О-Ун-Дар, 2008 – *О-Ун-Дар К. У.* Золотопромышленность Енисейской губернии с 1832 по 1917 год. Красноярск, 2008. 222 с.

Погребняк, 2002 – *Погребняк А.И.* Купцы-предприниматели Енисейской губернии: учебное пособие. Краснояр. Гос. торг.-экон. Ин-т Красноярск, 2002.

Семевский, 1898 – *Семевский В.И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах: историческое исследование: [в 2 т.]. Т. 1: От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 года. СПб. 1898. LXXXIV, 577, [1] с.

Смирнова, 2014 – *Смирнова М.А.* А все лучше записать прошедшее, чтобы читать в будущее время от скуки»: Дневник купеческого сына А. Н. Тарасова. 1848–1851 гг. // *Исторический архив.* 2014. №5. С. 138-164.

Уманьский, 1888 – *Уманьский А.* Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. С-Петербург, 1888. 167, [1] с.

Федорова, 2016 – *Федорова В. И.* Енисейская губерния 1861–1917 гг.: Экономика. Общество. Культура: монография. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2016. 344 с.

Хроленок, 1990 – *Хроленок С. Ф.* Золотопромышленность Сибири (1832-1917). Иркутск, 1990. 308 с.

Чудновский, 1885 – *Чудновский С.Л.* Енисейская губерния. К 300-летию юбилею Сибири. Томск, 1885.

Шитова, 2006 – *Шитова Т.В.* Полиция в административной правоохранительной системе Сибири в XIX – начале XX вв. Красноярск, 2006. 222 с.

Zhulaeva et al., 2023 – *Zhulaeva A.S., Dvoretzkaya A.P., Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* Formation of Female Professional Personnel in Eastern Siberia in the last quarter of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2023. 18: 1374-1383.

References

AGE – Arkhiv goroda Eniseiska [Archive of the city of Yeniseisk].

Anan'eva, 2006 – *Anan'eva, D.A., Komleva, E.V., Raeva, D.Ya., Rezun, D.Ya., Sokolovskii, I.R., Tumanik, E.N.* (2006). «Novye zemli» i osvoenie Sibiri v XVII-XIX vv.: ocherki istorii i istoriografii. [“New Lands” and the development of Siberia in the XVII-XIX centuries: essays on history and historiography]. Novosibirsk: Sova, 227 p. [in Russian]

Bogolyubskii, 1892–1893 – *Bogolyubskii, I.* (1892–1893). Kratkii ocherk sostoyaniya gornogo promysla v Eniseiskoi gubernii [A brief outline of the state of mining in the Yenisei province]. *Vestnik zolotopromyshlennosti.* 11, 13, 15, 16, 18. [in Russian]

- Bykonya i dr., 2012** – *Bykonya, G.F., Komleva, E.V., Pogrebnyak, A.I.* (2012). Eniseiskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX v.) [The Yenisei merchant class in persons (XVIII – early XX centuries)] Krasnoyarsk, 316 p. [in Russian]
- Chudnovskii, 1885** – *Chudnovskii, S.L.* (1885). Eniseiskaya guberniya. K 300-letnemu yubileyu Sibiri. [Yenisei province. To the 300th anniversary of Siberia] Tomsk. [in Russian]
- Fedorova, 2016** – *Fedorova, V.I.* (2016). Eniseiskaya guberniya 1861–1917 gg.: Ekonomika. Obshchestvo. Kul'tura: monografiya. [Yenisei province 1861-1917: Economics. Society. Culture]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. 344 p. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk region].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Territory].
- Goryushkin, Minenko, 1984** – *Goryushkin, L.M., Minenko, N.A.* (1984). Istoriografiya Sibiri dooktyabr'skogo perioda (konets XVI – nachalo XX v.). [Historiography of Siberia in the pre-October period (late XVI – early XX centuries)] Novosibirsk: Nauka. [in Russian]
- Khrolenok, 1990** – *Khrolenok, S.F.* (1990). Zolotopromyshlennost' Sibiri (1832-1917). [The gold industry of Siberia (1832-1917): ist.-ekon. essay]. Irkutsk, 308 p. [in Russian]
- Kolonizatsiya..., 2009** – Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselencheskim voprosom [Colonization of Siberia in connection with the general resettlement issue. Publication of the Office of the Committee of Ministers. Reprint edition 1900]. Izdanie Kantselyarii komiteta ministrov. Reprintnoe izdanie 1900 g. Spb.: Al'faret, 2009. 396 p. 3 l. diagr., kart. [in Russian]
- Krivoshapkin, 1865** – *Krivoshapkin, M.F.* (1865). Eniseiskii okrug i ego zhizn': s 2 tabl. i kartoyu zolotonosn. obl. Enis. Okr [The Yenisei district and its life: from 2 tables. and the map of the gold-bearing region. Enis. okr.]. Soch. M. F. Krivoshapkina; izd. Imp. rus. geogr. o-va; na izhdivenii V. A. Kokoreva, [4], V, [5], 378, [2], 188, 68 p.; II tabl., 1 k. p. [in Russian]
- Krutovskii, 1892** – *Krutovskii, V.M.* (1892). Predvaritel'nye dannye k voprosu o vliyaniy uslovii zhizni i raboty na zolotykh promyslakh na fizicheskoe zdorov'e rabochikh: doklad pochetnogo chlena Obshchestva V. M. Krutovskogo, sdelannyi im na zasedanii 11 yanvarya 1892 g. [Preliminary data on the influence of living and working conditions on gold trades on the physical health of workers: a report by an honorary member of the Society V. M. Krutovsky, made by him at a meeting on January 11, 1892]. 44 p. [in Russian]
- Kytmanov, 2016** – *Kytmanov Aleksandr Ignat'evich* (1858–1910). Kratkaya letopis' Eniseiskago uезда i Turukhanskago kraja Eniseiskoi gubernii, 1594–1893 god [A brief chronicle of the Yenisei district and Turukhansk territory of the Yenisei province, 1594-1893]. M-vo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Sibirskii federal'nyi un-t, Eniseiskii kraevedcheskii muzei im. A. I. Kytmanova. Krasnoyarsk: SFU, 2016. 850, [1] s. [in Russian]
- Latkin, 1869** – *Latkin, N.V.* (1869). Ocherk severnoi i yuzhnoi sistem zolotykh promyslov Eniseiskogo okruga i opisanie amerikanskogo sposoba promyvki zolota: s kartoi, planom zolotopromyval'noi mashiny i vidom rabot amerikanskim sposobom [An outline of the northern and southern gold mining systems of the Yenisei district and a description of the American method of gold washing: with a map, a plan of a gold mining machine and a type of work in the American way] 174 p., 3 l. il., kart. s. [in Russian]
- Latkin, 1892** – *Latkin, N.V.* (1892). Eniseiskaya guberniya, ee proshloe i nastoyashchee [Yenisei province, its past and present]. B. m. [in Russian]
- Lyubavskii, 2021** – *Lyubavskii, M.K.* (2021). Istoriya russkoi kolonizatsii, ili kak vznikla imperiya [The history of Russian colonization, or how the Empire arose]. M.: Veche, 288 p. [in Russian]
- Mukhin, 1972** – *Mukhin, A.A.* (1972). Rabochie Sibiri v epokhu kapitalizma (1861-1917 gg.) [Workers of Siberia in the era of capitalism (1861-1917)]. M., 334, [1] p. [in Russian]
- O-Un-Dar, 2008** – *O-Un-Dar, K.U.* (2008). Zolotopromyshlennost' Eniseiskoi gubernii s 1832 po 1917 god [The gold industry of the Yenisei province from 1832 to 1917]. Krasnoyarsk, 222 p. [in Russian]
- Pogrebnyak, 2002** – *Pogrebnyak, A.I.* (2002). Kuptsy-predprinimateli Eniseiskoi gubernii: uchebnoe posobie [Merchants and entrepreneurs of the Yenisei province: a textbook]. Krasnoyarsk. Gos. torg.-ekon. In-t Krasnoyarsk. [in Russian]
- Semevskii, 1898** – *Semevskii, V.I.* (1898). Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh: istoricheskoe issledovanie: [Workers in the Siberian gold fields: a historical study: [in 2 volumes]. Vol. 1: From the beginning of the gold industry in Siberia to 1870] [v 2 t.]. T. 1: Ot nachala zolotopromyshlennosti v Sibiri do 1870 goda, SPb. LXXXIV, 577, [1] p. [in Russian]
- Shitova, 2006** – *Shitova, T.V.* (2006). Politsiya v administrativnoi pravookhranitel'noi sisteme Sibiri v XIX – nachale XX vv. [Police in the administrative law enforcement system of Siberia in the XIX – early XX centuries]. Krasnoyarsk, 222 p. [in Russian]
- Smirnova, 2014** – *Smirnova, M.A.* (2014). A vse luchshe zapisat' proshedshee, chtoby chitat' v budushchee vremya ot skuki»: Dnevnik kupecheskogo syna A. N. Tarasova. 1848-1851 gg. [And it's better to write down the past in order to read in the future out of boredom": The diary of the merchant's son A. N. Tarasov. 1848–1851]. *Istoricheskii arkhiv*. 5: 138-164. [in Russian]
- Uman'skii, 1888** – *Uman'skii, A.* (1888). Ocherki zolotopromyshlennosti v Eniseiskoi taige [Essays on the gold industry in the Yenisei taiga]. St. Peterburg, 167, [1] p. [in Russian]

Vospominaniya..., 2016 – Vospominaniya Parfent'eva Ivana Fedorovicha (1777–1898): rukopis' iz fondov Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya [Memoirs of Ivan Fedorovich Parfentiev (1777–1898)]. (KKKM o/f 7886/231). Pod red. Komarovoï T.S.: predisl. Fedorovoï V.I., Krasnoyarsk: “Izd-vo Polikor”, 2016. 360 p. [in Russian]

Zhulaeva et al., 2023 – Zhulaeva, A.S., Dvoret'skaya, A.P., Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2023). Formation of Female Professional Personnel in Eastern Siberia in the last quarter of the XIX – early XX centuries [Formation of Female Professional Personnel in Eastern Siberia in the last quarter of the XIX – early XX centuries]. *Bylye Gody*. 18: 1374-1383.

Социальный аспект феномена «золотой лихорадки» в Енисейской Сибири в период 1830–1890-х гг.

Анна Сергеевна Жулаева ^{a, *}, Екатерина Александровна Григорьева ^a,
Александр Григорьевич Грязнухин ^a, Галина Михайловна Луцаева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе исследован социальный аспект феномена «золотой лихорадки», развернувшейся на бескрайних просторах Енисейской Сибири в период 1830–1890-е гг. Авторами рассмотрены уникальные особенности протекания процесса «золотой лихорадки» в енисейской тайге, проанализированы социопрофессиональные группы, занятые трудовой деятельностью на золотых промыслах. На обширном фактическом материале изучены условия труда и быта рабочих – главных участников золотодобычи на всех этапах развернувшейся в регионе «золотой лихорадки» от невиданного подъема до угасания. Отдельно дана характеристика состояния медицинской помощи рабочим на приисках. Анализ дореволюционных материалов выявил наличие в регионе системной логистической проблемы и ее негативное влияние как на качество жизни рабочих-золотарей, так и на систему взаимодействий между всеми участниками процесса золотодобычи в Енисейской Сибири. Авторы предприняли попытку создания условного социального портрета купца-золотопромышленника как человека широкого, сильного, очень видного в общественной жизни региона. В научной статье сделаны выводы о том влиянии, которое оказал феномен «золотой лихорадки» на тихое до этого течение жизни в таежной глубинке на окраине огромной империи. В целом сложно переоценить социальную значимость данного явления, всколыхнувшего дикий таежный край.

Ключевые слова: Енисейская Сибирь, феномен «золотой лихорадки», социальный и профессиональный состав участников, социальный аспект, рабочие-золотари, купцы-золотопромышленники, социальная мобильность.

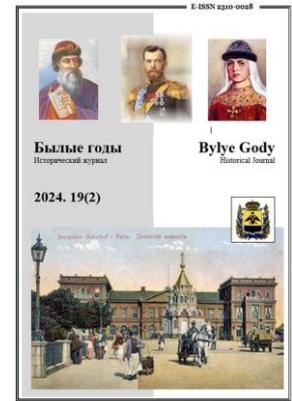
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: annzhul@mail.ru (А.С. Жулаева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 680-689
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.680

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Organization of Educational and Extracurricular Activities of Students of Imperial Universities in the mid-19th century

Andrii E. Lebid ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The article considers the organizational features of academic and extracurricular work of students of imperial Russian universities on the example of the Imperial Kharkov University and the Imperial University of St. Vladimir in Kiev. We note that the peculiarities of academic work were differentiated not only at the level of faculties, but also at the level of courses and heads of study. The greatest academic load fell on the students of the Faculty of History and Philology. This fact led to the fact that students of this faculty often moved to other faculties, or even left the university.

We also noted that the organization of the educational process in higher educational institutions was under both internal university control and external control - from the trustee of the educational district and ministerial officials.

The peculiarity of the educational activity of university students in the mentioned period was the so-called "tradition of dialogical communication". Lectures, which remained the main form of the educational process, were everywhere supplemented by other types and forms of work. These included work with texts (both independent and under the guidance of a teacher); scientific conversations on topical issues; discussions and debates as forms of practical classes; analysis of scientific literature and others.

Independent student research work was encouraged from the first year of study. Such research student works helped them to reveal the essence of scientific problems more deeply, as well as their own understanding of them.

Keywords: education, higher education, educational policy, education reform, educational governance

1. Введение

Учебная и внеучебная работа студентов в учебном процессе высших учебных заведений определялась действующим Уставом императорских университетов 1835 г., министерскими, а также университетскими инструкциями и правилами. Важнейшими документами по организации самостоятельной работы были т.н. «изложения наук» (курсы лекций) и учебные программы к ним. Императорские университеты перед началом учебного года подавали отчет по предыдущему учебному году, согласовывали в Министерстве народного просвещения курсы лекций и учебные программы.

Анализ исторических источников и документов свидетельствует о нормированном порядке утверждения преподавания курсов лекций и практических упражнений в университетах. В обзоре лекций отмечались фамилия профессора, название учебной дисциплины, название учебников, определялись дни и часы преподавания. Обзоры лекций рассылались в другие университеты и Министерство народного просвещения.

Важно отметить, что с программами учебных дисциплин могли ознакомиться студенты и свободные слушатели. Лекции к курсам позволяли студентам ознакомиться с содержанием науки и

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

записаться на слушание соответствующей дисциплины, а для этого нужно было получить соответствующее разрешение профессора.

2. Материалы и методы

Основой для подготовки данной рукописи стали исторические источники и документы, регламентировавшие учебную и внеучебную деятельность студентов императорских университетов Российской империи на территории Украины в середине XIX века.

Важную составляющую научного исследования представляет нормативная документация, регулировавшая основы обеспечения учебной и внеучебной деятельности студентов, профессоров и преподавателей российских императорских университетов на украинских землях ([Инструкция, 1835a](#); [Инструкция, 1835b](#); [О замене..., 1912](#); [О значении привычки..., 1866](#); [Об изменении срока..., 1867](#); [Правила для студентов..., 1878](#); [Правила и программа..., 1888](#); [Правила о зачете..., 1906](#); [Правила..., 1877](#)).

При подготовке данной рукописи и решении основных научных задач были использованы общенаучные методы, в частности, методы анализа и синтеза, метод обобщений, общелогические методы индуктивного и дедуктивного построения аргументации, метод аналогии свойств и отношений.

Общенаучные методы анализа и синтеза сделали возможным понимание основных тенденций и взаимосвязей в процессе становления и развития системы университетского образования на украинских землях Российской империи, в частности, вопросы мотивации, поощрения и контроля студенческой научной и учебной деятельности в императорских университетах Киева и Харькова.

Общелогические методы индуктивного и дедуктивного построения аргументации позволили на основании выявления и проработки необходимого эмпирического материала выделить определенные закономерности развития сферы образования Российской империи, провести некоторые аналогии на уровне общеимперской политики в сфере образования на примере различных университетов.

Кроме того, в рукописи были использованы и специально исторические методы. Так, использование историко-генетического метода позволило показать определенную преемственность и своего рода унификацию инструкций, программ и правил для императорских университетов как на общегосударственном, так и на национальном (региональном) уровнях.

Использование сравнительно-исторического метода при подготовке данной рукописи сделало возможным сравнительно-интерпретативный анализ условий и последствий реализации государственной политики в сфере образования в контексте имплементации положений и норм общеуниверситетских уставов.

Проблемно-хронологический метод позволил нам сформировать общее представление о специфике учебной и внеучебной деятельности студентов императорских университетов в свете нововведений и правительственных инициатив, предусмотренных общеуниверситетскими уставами, правительственными постановлениями и министерскими инструкциями.

Использование данной методологии позволило достичь поставленных в данной рукописи научных целей и задач.

3. Обсуждение

Проблема развития системы высшего образования на украинских землях Российской империи представляет собой достаточно обширное поле для междисциплинарных исследований историков, культурологов, правоведов, филологов и других специалистов. В этой проблематике можно выделить серию тематических блоков, касающихся сферы нормативного обеспечения образовательного процесса российских императорских университетов; организационных аспектов их функционирования ([Degtyarev, 2012](#); [Degtyarev, Polyakova, 2020](#); [Degtyarev et al., 2020](#); [Lebid, Tulyakov, 2024](#); [Lebid, 2022b](#); [Lebid, Lobko, 2022](#)); обеспечения учебного процесса, кадрового потенциала и влияния университетов на региональную и национальную политику государства и многие другие вопросы ([Бунге, 1858](#); [Жарова, 2018](#); [Иванов, 2010](#); [Обозрение..., 1852–1857](#); [Обозрение..., 1850–1862](#); [Lebid, 2022a](#); [Lebid, Stepanov, 2023](#)).

Немаловажную роль для понимания процессов, событий и явлений университетской жизни в описываемый период играют научные исследования общ исторического характера, описывающие общие тенденции развития системы образования ([Багалея, 1893](#); [Владимирский-Буданов, 1884](#); [Сірополко, 2001](#); [Эймонтова, 1993](#)) и науки ([Онопрієнко, 1998](#)) в указанный период.

4. Результаты

Организационные особенности учебной и внеучебной деятельности студентов и профессоров российских императорских университетов представляют собой важный элемент в понимании процесса становления и развития системы высшего образования в Российской империи в контексте действия норм и правил, обозначенных общеуниверситетскими уставами и другими правительственными предписаниями. В этом случае отмечаем определенные отличия по форме и факту организации учебной и внеучебной деятельности на уровне университетского и факультетского функционирования.

Если проанализировать аудиторные занятия студентов историко-филологического факультета по сравнению с занятиями студентов других факультетов, можем отметить определенную перегруженность –

более 40 часов на двух курсах (I – 41, IV – 43), на II и III курсах – более 30 часов, тогда как недельная нагрузка студентов физико-математического факультета обоих отделений составляет до 20 часов в неделю. Отметим, что нагрузка студентов медицинского факультета тоже отмечается информированностью до 30 часов, за исключением IV курса – 32 часа в неделю в первом полугодии.

Анализ расписаний учебных занятий позволяет утверждать о чрезмерной перегрузке студентов-филологов лекциями. Нужно отметить, что одним из путей решения данной проблемы было разделение историко-филологического факультета в Харьковском императорском университете (основан в 1805 г. [Cherkasov, 2023: 1687](#)) на отделения. Рассматривая распределение лекций на 1845–1846 учебный год, отметим, что на каждого студента курса приходится по 5 и более лекций в день. Студенты должны были проводить большое количество времени на слушании лекций, не имея достаточного времени для самостоятельной работы и переводов с древних и новых языков ([Сумцов, 1905: 10](#)). Это было одной из причин перевода студентов историко-филологического факультета на другие факультеты или же уход из университета ([Сумцов, 1905: 11](#)). Распределение недельной нагрузки за 1858–1859 учебный год в Императорском Харьковском университете отражено ниже (Таблица 1).

Таблица 1. Учебная недельная нагрузка в Императорском Харьковском университете (Обозрение..., 1850–1862)

Факультет	I курс	II курс	III курс	IV курс	V курс
Историко-филологический	32/32	29/29	31/31	31/31	-
Физико-математический (отделение математических наук)	23/23	15/15	21/17	17/17	-
Физико-математический (отделение естественных наук)	22/22	18/19	24/18	24/25	-
Юридический	16/16	7/7	28/28	12/18	-
Медицинский	21/18	26/24	18/29	33/38	20/20

Через некоторое время ситуация изменилась в лучшую сторону. В частности, недельная нагрузка на историко-филологическом факультете не превышала 32 часа, что частично освободило время для занятий студентов внеаудиторной самостоятельной работой, для выполнения домашних заданий.

Посещать университетские лекции в ранге слушателя имели право чиновники при наличии классного чина. Слушателям разрешалось посещать лекции только при условии получения личного письменного согласия попечителя. Указанная норма распространялась только на мужчин. Женщины получили право слушать лекции в университете только в 1861 г. Кроме чиновников, посещать лекции на основе слушателя получили болгары, сербы и другие славяне, прибывшие в Российскую империю для получения образования. Указанная категория лиц даже освобождалась от платы за слушание лекций. Следует отметить, что в основе обучения вольных слушателей университетов была и самостоятельная работа в изучении наук в библиотеках, во время консультаций у профессора и тому подобное.

В указанный период самостоятельная работа студентов Императорского университета Святого Владимира в Киеве в зависимости от отделения имела свою специфику. В частности, обзоры преподавания наук свидетельствуют, что самостоятельную работу со студентами и слушателями университета проводили профессора, учитывая специфику наук первого отделения: философии, греческой словесности и древности, римской словесности и древности, русской словесности и истории русской литературы, истории и литературы славянских языков.

Особенностью самостоятельной работы со студентами на втором отделении были консультации преподавателей в подготовке к лабораторным занятиям по чистой и прикладной математике, астрономии, физике, физической географии, химии, минералогии и геогнозии, ботанике, зоологии и др.

Указом Императора в 1850 г. оба отделения философского факультета были переименованы в историко-филологический и физико-математический факультеты. Решением совета университета в 1856 г. историко-филологический факультет был разделен еще на два разряда: исторических и филологических наук. При этом заметим, что педагогику предполагалось отнести к числу главных учебных дисциплин, поскольку одной из главных задач деятельности историко-филологического факультета являлось осуществление педагогической подготовки.

На юридическом факультете Императорского университета Святого Владимира самостоятельная работа студентов и слушателей проводилась в подготовке к преподаванию «Энциклопедии законодательства с историей законодательства», «Римского законодательства» и др.

Проводились индивидуальные самостоятельные работы студентов по чтению и комментированию произведений философов, нормативных документов и проч.

На медицинском факультете профессорами и преподавателями главное внимание было направлено на практическую самостоятельную работу студентов. На кафедре физиологической анатомии практиковалась анатомия; на кафедре физиологии здорового человека – общая физиология, частичная физиология, физиология рождения и развития плода; на кафедре патологической физиологии и анатомии – патология, патологическая анатомия и др.

Для догматического и нравственного богословия, церковной истории и церковного законодательства студенты, помимо прочего, овладевали различными видами искусств: рисованием (6 часов в неделю), музыкой (4 часа в неделю), хореографией (6 часов в неделю), верховой ездой (1,5 часа в неделю).

Кроме всего прочего, профессора и преподаватели историко-филологического факультета Императорского Университета Святого Владимира помогали студентам осваивать иностранный язык и литературу посредством предоставления задач, самостоятельных практических письменных упражнений по словесности, произведений и переводов с английского, французского, немецкого, итальянского.

На физико-математическом факультете на кафедре чистой математики практиковались индивидуальные консультации для решения задач, выполнения чертежей, проведения самостоятельных наблюдений в обсерватории.

Необходимо отметить, что изменения в расписании учебных занятий в обязательном порядке согласовывались на советах факультетов университета. В частности, были рассмотрены поданные просьбы деканов факультетов о проведении упражнений и чтении лекций преподавателями в другое время, чем утвержденное в расписании. Соответствующие изменения, предложенные деканами, после рассмотрения утверждались приказом ректора.

Отметим, что расписания учебных занятий анализировались в учебных округах и по их результатам высказывались замечания и предложения. Таким образом, организация учебного процесса была под внутренним (университетским) и внешним (со стороны попечителя учебного округа и Министерства народного просвещения) контролем.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. Министерством народного просвещения еще не были разработаны единые инструкции по объему и методам преподавания в университетах, по унификации учебных программ, а также программ вступительных экзаменов. Самостоятельная работа не была определена формой организации учебного процесса. Именно поэтому самостоятельно разработанные правила для студентов на основе уставов университетов были ориентиром для организации самостоятельной работы и преподавателя, и студента.

Так, «Правила для студентов и слушателей императорского университета Святого Владимира», включавшие 7 пунктов, регулировали посещение студентами лекций и определяли их обязанности. Так, выбрав один из факультетов университета, студенты должны посещать лекции без «малейшего опущения», а в свободное от этого время они могли посещать лекции других факультетов. Во время начала лекции профессором никто из слушателей не имел права входить «на оную» (§2). Об уважительной причине отсутствия на лекции необходимо было сообщать Инспектору (§4). Отдельный аспект определял правила поведения вне учебного процесса. Посещение театра и других собраний разрешалось только с разрешения Инспектора. Вход в трактиры и публичные дома запрещался (§7).

Важно отметить контроль за моральной и учебной составляющей образовательной деятельности, которую осуществлял инспектор, назначавшийся министром. Инспектору разрешалось присутствовать во время экзаменов студентов. Ежемесячно инспектор отчитывался перед попечителем учебного округа о состоянии поведенческой, учебной деятельности студентов университета. Обращалось внимание, чтобы все студенты в университете обязательно приходили на лекции, слушание которых входило в их обязанности.

Важно отметить, что домашние задания как вид самостоятельной внеаудиторной работы студента считались не только его обязанностью, но указывались конкретные виды работы и место их выполнения. В частности, отмечалось, что «обязанностями всех обучающихся является повторение дома того, что было изложено на лекциях, и расширять свои познания чтением хороших произведений в Академической библиотеке или дома» (§28).

Отдельными параграфами определялся порядок для студентов относительно пользования библиотечными и профессорскими книгами. Так, старательные и успешные в учебе студенты имели возможность с разрешения президента брать книги домой из Академической библиотеки (§29) (*Инструкция...*, 1835b:10). Вместе с тем было указано, что студент обязан перед каникулами вернуть профессору все данные им учебные пособия (§55) (*Инструкция...*, 1835b:16). Итак, применялись рычаги контроля внеаудиторной работы студента во время выполнения домашних заданий и работ с книгой в библиотеке и дома.

Изучение документальных данных подтверждает наличие двух форм получения образования: государственной (казенной) и контрактной (за свой счет). Также были особые категории студентов, а именно стипендиат, пансионер и студент на содержании профессоров.

Анализ данных свидетельствует о постепенном увеличении представителей своекоштных студентов из общего студенческого состава. Данные доказывают положительную динамику распространения университетского классического образования на примере Киевского императорского университета Святого Владимира во второй половине XIX в.

Согласно Указу Императора 1858 г., институт казеннокоштных студентов в Харьковском, Московском, Казанском и университете Святого Владимира вообще был закрыт. Всех казеннокоштных студентов и пансионеров различных ведомств с нового 1858-1859 г. предполагалось разместить на квартирах с выплатой стипендии в размере 183 рублей серебром в год.

Соответственно, Картина распределения казеннокоштных студентов и пансионеров на факультетах Киевского университета выглядела следующим образом (Таблица 2).

Таблица 2. Распределение казеннокоштных студентов и пансионеров в Императорском университете Святого Владимира (Обозрение, 1852-1857)

Факультет	1850–1851 уч. год		1860–1861 уч. год	
	Казённокоштный	Пансионер	Казённокоштный	Пансионер
Историко-филологический	19	2	8	3
Физико-математический	4	3	6	5
Юридический	16	6	6	2
Медицинский	70	3	40	15
Всего	109	14	60	25

Стоит отметить, что важным условием, дабы попасть на казенное содержание, была самодостаточная подготовка претендентов, что усиливало значимость самообразовательной подготовки к поступлению в университет. Принимать студентов на казенное содержание не с первого, а со второго курса было нормой. Это было продиктовано тем, что никто не мог гарантировать высокий уровень благонадежности и нравственности студентов, поступающих в университет только на первый курс.

Это положение касается штатных казенных студентов и стипендиатов и не противоречит распоряжению о приеме в университет за казенные средства воспитанников, рекомендованных к поступлению другими учебными заведениями для получения специальной подготовки по соответствующему направлению.

Важным стимулом зачисления на первый курс Императорского университета Святого Владимира, согласно представлению управляющего Министерством народного просвещения, было зачисление своекоштных воспитанников гимназий, которые при выпуске были награждены золотыми или серебряными медалями, а также аттестатами с правом на чин.

Относительно контроля за выполнением самостоятельных работ определялись конкретные меры. Так, студенты, которые не посещали лекции, репетиции или экзамены без известных начальству причин или же во время их проведения вели себя не должным образом, будут строго экзаменованы на годовых или полугодовых экзаменах. Студенты, не сдавшие полугодовые экзамены, к годовым не будут допускаться (§27) (Инструкция..., 1835: 9).

В отечественной педагогике придерживались традиции диалогового общения со студентами. В «Правилах» Императорского университета Святого Владимира, Уставе Харьковского императорского университета было отмечено обязательное написание с первого года обучения самостоятельных студенческих научных работ. Ознакомление студентов с классическими языками, текстами произведений русской, греческой, латинской литератур, особенностями истории и быта происходило через «элементы научной беседы», «короткие диспуты», «диалоги на лекциях», «копание в научных книгах», «рассуждения», а также грамматический разбор древних текстов. Такие исследовательские студенческие работы помогали им глубже раскрыть суть художественного слова.

Так, профессора и преподаватели Императорского Харьковского университета использовали написание студентами самостоятельных творческих работ как форму периодического контроля, требовали от студентов не только предварительной подготовки материала для написания научной работы, но и добровольного научного поиска, осуществляемого ими по собственному выбору темы и плана выполнения (О замене..., 1912; О значении привычки..., 1866; Об изменении срока..., 1867). Так, профессор Н. Костирь во время преподавания в университете (1850-1853 гг.) требовал от студентов ежегодного представления на кафедру не менее двух самостоятельно написанных ими сочинений. Тех студентов, которые не выполнили данного вида работы в определенное время, не переводили на другой курс обучения (Сумцов, 1905: 10).

В Харьковском императорском университете количество таких творческих работ по различным дисциплинам доходило до ста. В связи с этим на некоторых факультетах организовывались особые заседания, во время которых зачитывались лучшие студенческие работы. Среди них были и произведения будущих выдающихся ученых: А. Потебни, И. Мечникова и др. Лучшие студенты университета также участвовали в подготовке учебных пособий. Так, по воспоминаниям студента Ф. Буслаева, конспекты лекций, составленные им под руководством преподавателя, были изданы в 3-х томах.

Прогрессивные университетские ученые уделяли значительное внимание поискам форм и методов самостоятельной деятельности, которые способствовали бы повышению эффективности обучения студентов, выработке у них познавательного интереса, активизации их учебной деятельности. Следует отметить, что среди форм организации учебного процесса основной, постоянно применяемой в учебном процессе, была лекция. Изучение планов-конспектов лекций преподавателей, методических указаний к ним показывает, что, разрабатывая педагогические требования к лекции, ученые актуализировали вопросы целесообразной организации самостоятельной умственной деятельности студентов и активизации их мышления дидактическими средствами развития внимания и преодоления пассивности слушателей, структурой и формой материала лекций, его новейшим характером.

Уже в первой половине XIX в. они разрабатывали и внедряли в процесс обучения и такие формы учебной работы, как практические, семинарские занятия, коллоквиумы, спецсеминары и спецкурсы, репетиции, собеседования и др.

Наиболее распространенными формами организации самостоятельной работы студентов в Харьковском императорском университете были самостоятельное чтение и критический анализ научных трудов; самостоятельное написание сочинений с последующим их чтением в аудитории или на заседаниях научного кружка; заучивание отрывков произведений как образцов «правильности, приличия, естественности и выразительности языка»; организация и проведение диспутов и др.

В Императорском университете Святого Владимира, например, практиковалось написание студентами рефератов с последующим их обсуждением на семинарских занятиях. Студенты историко-филологического и юридического факультетов привлекались к самостоятельной работе над документами в Центральном архиве древних актов, созданном при университете в 1852 г.

Практические и лабораторные занятия студентов как основная форма учебной и научной работы в середине XIX века получили свое дальнейшее развитие. Практические занятия проводились по различным дисциплинам. В частности, профессор А. Федотов-Чеховский в Императорском университете Святого Владимира предложил проведение практических занятий для студентов-юристов, используя дела, которые уже получили одобрение в сенате. Такое предложение нашло поддержку в Министерстве народного просвещения, которое отдало распоряжение «доставлять в университеты согласно требованиям руководства дела пятилетней давности». Сам профессор А. Федотов-Чеховский занимался со студентами на практических занятиях анализом таких дел. Такого рода занятия как в профессиональном, так и научном плане ценились выше простой «игры в суд», которая проводилась в некоторых высших училищах.

Отметим, что выполнение практических заданий требовало, с одной стороны, наличия научно-исследовательских умений и навыков, с другой, – способствовало формированию творческих умений и навыков. Например, от студента на практических занятиях требовалось умение самостоятельно продумать цель, определить объем запланированных исследований, сформулировать гипотезу. Несмотря на то что самостоятельная работа студента не декларировалась формой организации учебных занятий, можем отметить дидактически правильно отработанную модель содержания самостоятельной работы студента во время практики.

Самостоятельная работа студентов императорских университетов активно использовалась в подготовке к видам контроля за их учебно-познавательной деятельностью: квалификационное испытание, итоговое испытание и общее испытание по всем предметам в конце года. Повсеместно осуществлялось внедрение единых требований к студентам всех факультетов университета относительно экзаменационных испытаний. Вместе с тем необходимо отметить, что студенты медицинского факультета допускались к испытаниям на других основаниях.

Следует также отметить факты морального и материального стимулирования студентов, что, безусловно, положительно влияло на результативность их обучения и развитие внутренней мотивации к самостоятельной работе. Так, решение о присуждении соискателю награды принималось профессором соответствующей дисциплины и членами факультетского собрания большинством голосов (Сірополко, 2001: 212).

С 50-х годов исследуемого периода распоряжением Министерства народного образования этот вид стимулирования был предложен почти на всех факультетах университетов. В 1856 году был увеличен срок написания сочинения с одного года до двух. Если же произведение не отвечало высоким требованиям и было выполнено на недостаточном научном уровне, то награды не присуждались, а произведения, в которых был замечен «особый талант и основательные знания» печатались на средства университета, а их авторы получали особое свидетельство (Об изменении срока..., 1867). За самостоятельную научную работу студентов университетов предоставлялись

именные стипендии и пособия. Так, в Императорском университете Святого Владимира были назначены стипендии имени святых Кирилла и Мефодия отдельным студентам.

5. Заключение

Таким образом, самостоятельная учебно-научная деятельность студентов императорских университетов в середине XIX века характеризуется дальнейшим организационно-содержательным расширением: введением новых учебных дисциплин и их специализации, внедрением профессионально ориентированных форм подготовки специалистов (педагогическая практика студентов, практические упражнения, лабораторные работы и т.д.), совершенствованием форм и методов самостоятельной работы студентов в научной среде, созданной ведущими профессорами в процессе изучения конкретных наук.

В учебном процессе высших учебных заведений Украины указанного периода самостоятельная работа студентов выступала средством подготовки к периодическому контролю знаний, который проводился в форме репетиций и осуществлялся «путем опроса студентов по каждой из прочитанных статей науки». Одной из разновидностей периодического контроля были коллоквиумы, которые проводились в форме беседы преподавателя со студентом по разделам изученного материала. Использование указанных форм контроля значительно улучшало результаты усвоения знаний студентами. Однако такой вид контроля не был общепринятым.

Литература

- Багале́й, 1893** – *Багале́й Д.И.* Опыт истории Харьковского университета. Т. 1-2. Харьков, 1893-1898-1904.
- Бунге, 1858** – *Бунге Н.Х.* Об устройстве учебной части в наших университетах // *Русский вестник*. 1858. Т. 17.
- Владимирский-Буданов, 1884** – *Владимирский-Буданов М.Ф.* История Императорского университета святого Владимира. Университет св. Владимира в царствование Императора Николая Павловича. Киев, 1884.
- Жарова, 2018** – *Жарова Е.Ю.* Контроль над занятиями студентов в университетах Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // *Исторический журнал: научные исследования*. 2018. №1. С. 92-105.
- Иванов, 2010** – *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века: очерки. Москва: Новый хронограф, 2010. 331 с.
- Инструкция..., 1835a** – Инструкция для обучающихся в Виленской академии. 1835. 11/812. 19 с.
- Инструкция..., 1835b** – Инструкция инспектору студентов Императорского университета св. Владимира. Киев, 1835. 11/811. 14 с.
- О замене..., 1912** – О замене переводных экзаменов в учительских семинариях репетициями // *Педагогический вестник*. 1912. №2. С. 86-89
- О значении привычки..., 1866** – О значении привычки в воспитании внимания и прилежания // *Учитель*. 1866. Т. VI. №15-16. С. 534-542
- Об изменении срока..., 1867** – Об изменении срока представления сочинений для соискания медали по разряду естественных наук физико-математического факультета Харьковского университета // *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения*. СПб., 1867. Т. III. С. 225-227
- Обозрение, 1852–1857** – Обзор преподавания наук в Императорском университете св. Владимира: 1852-1857. Киев, 1852–1857.
- Обозрение, 1850–1862** – Обзор преподавания наук в императорском Харьковском университете: 1850-1862. Харьков, 1850–1862.
- Онопрієнко, 1998** – *Онопрієнко В.* Історія української науки XIX-XX століть. Київ: Либідь, 1998. 304 с.
- Правила для студентов..., 1878** – Правила для студентов и посторонних слушателей лекций в Императорском Харьковском университете. Харьков, 1878
- Правила и программа..., 1888** – Правила и программа испытаний в физико-математической комиссии по отделению естественных наук. СПб., 1888.
- Правила о зачете..., 1906** – Правила о зачете полугодий для получения выпускного свидетельства на факультетах: историко-филологическом, физико-математическом, юридическом и восточных языков // *Журнал Министерства народного просвещения*, 1906, ч. IV, с. 71.
- Правила..., 1877** – Правила Императорского университета св. Владимира. Киев, 1877.
- Сірополко, 2001** – *Сірополко, С.* (2001). Історія освіти на Україні. Київ: Наукова думка, 2001. 912 с.
- Сумцов, 1905** – *Сумцов Н.Ф.* Кафедра истории русского языка и словесности в императорском Харьковском университете с 1805 по 1905 год. СПб., 1905. 21 с.
- Эймонтова, 1993** – *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. Москва: Наука, 1993. 272 с.

[Cherkasov, 2023](#) – *Cherkasov A.A.* Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.

[Degtyarev, 2012](#) – *Dyagtyarev S.I.* Civil officers' educational level in the first half of XVIII century. *Bylye Gody*. 2012. 23(1). pp.11-18.

[Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G.* The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. №9(2). Pp. 451-458.

[Degtyarev et al., 2020](#) – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Stepanova D.I.* The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. №9(3). Pp. 666-678.

[Lebid, 2022a](#) – *Lebid A.E.* The Social Composition of Students at Kharkov Imperial University in the Second Half of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. №11(1). Pp. 266-274.

[Lebid, Tulyakov, 2024](#) – *Lebid A., Tulyakov O.* Some Issues of Organization of the Educational Process in Russian Imperial Universities in Accordance with the University Statutes of 1863 and 1884 // *Bylye Gody*. 2024. №19(1). Pp. 199-209.

[Lebid, Stepanov, 2023](#) – *Lebid A.E., Stepanov V.V.* Social Portrait of Honorary Members and Doctors of the Kharkiv Imperial University (1804–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. №12(2). Pp. 692-698.

[Lebid, 2022b](#) – *Lebid A.E.* The Institution of the Rectorship in the Higher Education System of the Russian Empire in the 19th and Early 20th centuries: The Case of Imperial Kharkov University // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. №11(4). Pp. 1309-1319.

[Lebid, Lobko, 2022](#) – *Lebid A.E., Lobko N.* Rectorship in the System of Higher Education in the 19th and early 20th centuries: The Case of the Imperial University of St. Vladimir // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. №11(3). Pp. 972-980.

References

[Bagalej, 1893](#) – *Bagalej, D.I.* (1893). Opyt istorii Harkovskogo universiteta [Experience of the History of Kharkiv University]. T. 1-2. Harkov, 1893-1898-1904. [in Russian]

[Bunge, 1858](#) – *Bunge, N.H.* (1858). Ob ustrojstve uchebnoj chasti v nashih universitetah [On the organization of the academic department in our universities]. *Russkij vestnik*. T. 17. [in Russian]

[Cherkasov, 2023](#) – *Cherkasov A.A.* (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.

[Degtyarev, 2012](#) – *Dyagtyarev, S.I.* (2012). Civil officers' educational level in the first half of XVIII century. *Bylye Gody*. 23(1): 11-18.

[Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 451-458.

[Degtyarev et al., 2020](#) – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Stepanova, D.I.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 666-678.

[Ejmontova, 1993](#) – *Ejmontova, R.G.* (1993). Russkie universitety na putyah reformy: shestidesyatye gody XIX veka [Russian Universities on the Paths of Reform: the Sixties of the XIX Century]. Moskva: Nauka, 272 p. [in Russian]

[Instrukciya..., 1835a](#) – Instrukciya dlya obuchayushihhsya v Vilenskoj akademii [Instruction for students at the Vilna Academy]. 1835. 11/812. 19 p. [in Russian]

[Instruktsiya..., 1835b](#) – Instruktsiya inspektoru studentov Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira [Instruction to the Inspector of Students of the St. Vladimir's Imperial University]. Kiev, 1835. 11/811. 14 p. [in Russian]

[Ivanov, 2010](#) – *Ivanov, A.E.* (2010). Mir rossijskogo studenchestva. Konec XIX – nachalo XX veka: ocherki [The World of Russian Students. The end of the XIX - beginning of the XX century: essays]. Moskva: Novyj hronograf, 331 p. [in Russian]

[Lebid, 2022a](#) – *Lebid, A.E.* (2022). The Social Composition of Students at Kharkov Imperial University in the Second Half of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 266-274.

[Lebid, 2022b](#) – *Lebid, A.E.* (2022). The Institution of the Rectorship in the Higher Education System of the Russian Empire in the 19th and Early 20th centuries: The Case of Imperial Kharkov University. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1309-1319.

[Lebid, Lobko, 2022](#) – *Lebid, A.E., Lobko, N.* (2022). Rectorship in the System of Higher Education in the 19th and early 20th centuries: The Case of the Imperial University of St. Vladimir. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 972-980.

Lebid, Stepanov, 2023 – *Lebid, A.E., Stepanov, V.V.* (2023). Social Portrait of Honorary Members and Doctors of the Kharkiv Imperial University (1804–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 692-698.

Lebid, Tulyakov, 2024 – *Lebid, A., Tulyakov, O.* (2024). Some Issues of Organization of the Educational Process in Russian Imperial Universities in Accordance with the University Statutes of 1863 and 1884. *Bylye Gody*. 19(1): 199-209.

O zamene..., 1912 – O zamene perevodnyh ekzamenov v uchitelskikh seminarayah repetitsiyami [On replacing transfer examinations in teachers' seminaries with rehearsals]. *Pedagogicheskij vestnik*. 1912. №2. Pp. 86-89. [in Russian]

O znachenii privychki..., 1866 – O znachenii privychki v vospitanii vnimaniya i prilozhaniya [On the importance of habit in the cultivation of attention and diligence]. *Uchitel*. 1866. T.VI. 15-16: 534-542. [in Russian]

Ob izmenenii sroka..., 1867 – Ob izmenenii sroka predstavleniya sochinenij dlya soiskaniya medali po razryadu estestvennyh nauk fiziko-matematicheskogo fakulteta Harkovskogo universiteta [About the change of the term of submission of essays for the medal competition in the category of natural science of the Faculty of Physics and Mathematics of Kharkov University]. *Sbornik rasporyazhenij po Ministerstvu narodnogo prosvesheniya*. SPb., 1867. T.III. Pp. 225-227. [in Russian]

Obozrenie..., 1850–1862 – Obozrenie prepodavaniya nauk v imperatorskom Harkovskom universitete: 1850-1862 [Review of the Teaching of Sciences at the Imperial Kharkov University]. Harkov, 1850–1862. [in Russian]

Obozrenie..., 1852–1857 – Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom universitete sv. Vladimira [in Russian]

Onopriyenko, 1998 – *Onopriyenko, V.I.* (1998). Istoriya ukrayinskoy nauki XIX-XX stolit [History of Ukrainian science in the nineteenth and twentieth centuries]. Kiyiv: Libid, 304 p. [in Russian]

Pravila dlya studentov..., 1878 – Pravila dlya studentov i postoronnih slushatelej lekcij v Imperatorskom Harkovskom universitete [Rules for students and outsiders attending lectures at the Imperial Kharkov University]. Harkov, 1878. [in Russian]

Pravila i programma..., 1888 – Pravila i programma ispytanij v fiziko-matematicheskoy komissii po otdeleniyu estestvennyh nauk [Rules and program of tests in the Physical and Mathematical Commission for the Department of Natural Sciences]. SPb., 1888. [in Russian]

Pravila o zachete..., 1906 – Pravila o zachete polugodij dlya polucheniya vypusknogo svidetelstva na fakultetah: istoriko-filologicheskome, fiziko-matematicheskome, yuridicheskome i vostochnykh yazykov [Rules on semester credits for graduation at the Faculties of History and Philology, Physics and Mathematics, Law and Oriental Languages]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesheniya*, 1906. Ch. IV, p. 71. [in Russian]

Pravila..., 1877 – Pravila Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira [Rules of the St. Vladimir's Imperial University]. Kiev, 1877. [in Russian]

Siropolko, 2001 – *Siropolko, S.* (2001). Istoriya osviti na Ukrayini [History of education in Ukraine]. Kiyiv: Naukova dumka, 912 p. [in Russian]

Sumcov, 1905 – *Sumcov, N.F.* (1905). Kafedra istorii russkogo yazyka i slovesnosti v imperatorskom Harkovskom universitete s 1805 po 1905 god [Chair of the History of Russian Language and Literature at the Imperial Kharkov University]. SPb., 21 p. [in Russian]

Vladimirskij-Budanov, 1884 – *Vladimirskij-Budanov, M.F.* (1884). Istoriya Imperatorskogo universiteta svyatogo Vladimira. Universitet sv. Vladimira v carstvovanie Imperatora Nikolaya Pavlovicha [History of the Imperial University of St. Vladimir. St. Vladimir's University during the reign of Emperor Nicholas Pavlovich]. Kiev. [in Russian]

Zharova, 2018 – *Zharova, E.Yu.* (2018). Kontrol nad zanyatiyami studentov v universitetah Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Control over students' classes in the universities of the Russian Empire in the second half of the XIX - beginning of the XX century]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 1: 92-105. [in Russian]

Организация учебной и внеучебной деятельности студентов императорских университетов в середине XIX века

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В статье рассмотрены организационные особенности учебной и внеучебной работы студентов императорских российских университетов на примере императорского

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

Харьковского университета и Императорского университета Святого Владимира в Киеве. Нами отмечается, что особенности учебной работы дифференцировались не только на уровне факультетов, но и на уровне курсов, годов обучения. Наибольшая учебная нагрузка приходилась на студентов историко-филологического факультета. Данный факт приводил к тому, что студенты этого факультета зачастую переходили на другие факультеты, а то и вовсе покидали стены университетов.

Также нами было отмечено, что организация учебного процесса в высших учебных заведениях была как под внутренним университетским контролем, так и под внешним контролем – со стороны попечителя учебного округа и министерских чиновников.

Особенностью учебной деятельности студентов в указанный период была так называемая «традиция диалогового общения». Лекции, которые оставались основной формой образовательного процесса, повсеместно дополнялись другими видами и формами работы. К таковым следует отнести работу с текстами (как самостоятельную, так и под наставничеством преподавателя); научные беседы на актуальные темы; дискуссии и диспуты как формы проведения практических занятий; анализ научной литературы и проч.

С первого года обучения поощрялась самостоятельная студенческая научная работа. Такие исследовательские работы помогали глубже раскрыть суть научных проблем.

Ключевые слова: образование, высшее образование, образовательная политика, реформа образования, управление образованием.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 690-695
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.690

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ivan Logginovich Goremykin (1839–1917): to the 185th Anniversary of the Birth of the Russian Statesman

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

This biographical article is dedicated to the 185th anniversary of the birth of the Chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire, Minister of Internal Affairs and the last real privy Councilor of the 1st class in pre-revolutionary Russia, Ivan Logginovich Goremykin (1839–1917). The historical and biographical works, as well as reports by Goremykin himself, are used as materials; the methodological complex consists of such research methods as content analysis, biographical method and synthesis method.

I.L. Goremykin first of all became famous as a great connoisseur of peasant law, a humanist and an opponent of bureaucratic arbitrariness. Ivan Logginovich's name is associated with many good beginnings in the Russian Empire, and his tragic fate only emphasizes the importance of his personality in history.

Despite the circumstances, Ivan Logginovich remained an adherent of democratic and humanistic ideas until the last days, an honest man and not just a highly qualified specialist in the field of law, but also possessing a very high level of legal culture.

Keywords: Ivan Logginovich Goremykin, biography, personality in history, Prime Minister, Chairman of the Council of Ministers, the Russian Empire.

1. Введение

Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917) родился в Великом Новгороде 27 октября¹ 1839 года и принадлежал к древнему и знатному русскому дворянскому роду, корни которого восходят к началу 90-х годов XVI века, в период, когда Россией фактически правил Борис Годунов.

В 1652 году в царствование Алексея Михайловича Тишайшего поместье в Бежецкой пятине², располагавшейся в Новгородской земле, получил Никита Афанасьевич Горемыкин, который и является прямым предком Ивана Логгиновича. Род имел поместья в Новгородской и Казанской губерниях, сам И.Л. Горемыкин относится к «новгородской» ветви Горемыкиных.

Иван Логгинович, безусловно, стал самым ярким представителем своего рода, за свою карьеру сменивший несколько важнейших государственных должностей, таких как министр внутренних дел, член Государственного совета, сенатор и статс-секретарь, а также премьер-министр (председатель Совета министров). Причем второй его срок на посту премьера (1914–1916) пришелся на тяжелые военные годы и формирование революционного движения в стране, которое выплеснулось в начале 1917 года и привело к падению империи. В данной рукописи, которая посвящена 185-летию со дня

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

² Административная единица Российского государства, существовавшая до введения губерний реформой Петра I Великого в начале XVIII века.

рождения премьер-министра, рассмотрим основные биографические эпизоды деятельности И. Л. Горемыкина.

2. Материалы и методы

Материалами для данной рукописи послужил комплекс источников и биографических исследований.

В качестве источников использовались произведения (Горемыкин, 1869) и рабочая документация – доклады, рапорты, циркуляры – составленные непосредственно И. Л. Горемыкиным (в частности, Доклад..., 1916; Особые журналы..., 1914; Письмо председателя..., 1914; Секретный циркуляр..., 1897 и др.), мемуары его современников (Граф, 2006; Витте, 1994), а также некоторых статистических и биографических документов (напр., Альманах..., 1897; Список..., 1914).

Из биографических работ были использованы дореволюционные (Руммель, 1905; Руммель, 1886), советские (БСЭ, 1972) и современные (Соловьева, 2004; Антонов, 2014; Гурко, 2000; Куликов, 2004; Труфанова, 2016; Костинников, 2015 и др.) исследования.

Методологическую основу составляют следующие исторические методы исследования:

- историографический метод или контент-анализ: применялся для исследования жизненного, творческого и личного пути И.Л. Горемыкина;
- биографический метод: применен для исследования отдельных биографических аспектов личности И.Л. Горемыкина;
- метод синтеза: применен для резюмирования результатов данной рукописи.

3. Обсуждение

Работ, посвященных жизнедеятельности Ивана Горемыкина, достаточно много; с полным правом можно утверждать, что его биография отличается полнотой исследования, за исключением некоторых вопросов (например, убийство семьи и его самого), истинные ответы на которые будут даны с исключительно малой долей вероятности.

Учитывая знатность рода и высокие посты Ивана Логгиновича, биографические исследования его личности начали проводить еще при жизни. Наиболее известным и широко распространенным дореволюционным исследованием является биографическая статья В. В. Руммеля в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Руммель, 1905); на тот момент Горемыкин успел побыть министром внутренних дел, благодаря чему, вероятно, и попал в энциклопедию. В целом, русский историк польского происхождения Витольд Владиславович Руммель (1855–1902) сделал в свое время весьма тщательный анализ всех российских дворянских родов (см., напр., Руммель, 1886), включая и Горемыкиных.

Из советских и современных исследований особо отметим энциклопедические издания, в частности, статью в «Большой советской энциклопедии» (БСЭ, 1972) и статью А. Г. Соловьевой в «Большой российской энциклопедии» (Соловьева, 2004)

Из современных работ следует выделить монографии Б.И. Антонова «Петербург – 1914 – Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни» (Антонов, 2014), В.И. Гурко «Черты и силуэты прошлого» (Гурко, 2000) и С.В. Куликова «Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917)» (Куликов, 2004), в которых, в числе прочих политических деятелей Российской империи, делает весьма глубокий анализ личности И.Л. Горемыкина.

Большое количество современных ученых и публицистов посвятили свои статьи как изучению биографии, так и отдельных аспектов жизни премьер-министра, в частности, так и оставшееся нераскрытым убийство чиновника у себя на даче в г. Сочи вместе с семьей (Труфанова, 2016; Костинников, 2015 и др.) и др.

И, наконец, отметим мемуары современников, в которых так или иначе затрагивается деятельность Горемыкина: С.Ю. Витте (Витте, 1994), Г.К. Графа (Граф, 2006) и др.

Обратим внимание, что в данной работе, посвященной юбилею Горемыкина, мы не ставим задачу сделать полный историографический обзор, поэтому выделяем лишь те работы, которые были непосредственно исследованы при написании рукописи.

4. Результаты

Как уже указывалось, одним из первых биографов Горемыкина (Рисунок 1) был В.В. Руммель, который пишет о нем предельно лаконично, соблюдая энциклопедический стиль. Однако исследователь не только перечисляет его должности и регалии, но и дает аккуратную оценку его деятельности: «В 1891 г. им издан весьма полезный «Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждениях по крестьянским делам, с последовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего Сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений» (Руммель, 1905: 390).

Рис. 1. Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917)

Юношеская страсть к юриспруденции во многом определила будущую профессиональную деятельность русского министра. Иван поступает в Императорское училище правоведения и по его окончанию начинает служить на гражданской службе; знатность фамилии и родственные связи предопределили работу сразу в Сенате. Деловые качества Горемыкина – дисциплинированность и честность, педантичность, скрупулезность, доходящая порой до придирчивости, и в юном еще возрасте – неуступчивость оказались «неудобны» высоким питерским чиновникам: через короткое время его высылают подальше от столицы в весьма беспокойный регион России – Царство польское, где он служит в должности комиссара по крестьянским делам. В этой должности проявилась еще одна черта характера, которая поможет достичь Ивану Логгиновичу самой высокой должности в империи: он обладал способностью прекрасно улаживать конфликты противоборствующих сторон, в одной ситуации идя на компромисс, а в другой занимая «глухую оборону» со свойственным ему упрямством. Генерал-лейтенант В.Е. Врангель, губернатор Лифляндии и Плоцкой губернии, под чьим началом некогда служил Горемыкин, достаточно лестно отзывался о нем как об администраторе, со свойственной себе иронией называя молодого Ивана «чиновником в квадрате» (см., напр., [БСЭ, 1972](#)). В Польше Горемыкин показал себя и как писатель, отлично владеющий русским языком, логикой и пониманием крестьянских нужд; его труд «Очерки истории крестьян в Польше», изданный в столице в 1896 году на основе его докладов, рапортов и собственных наблюдений, всецело подтверждает этот тезис ([Горемыкин, 1869](#)).

Страсть к юриспруденции в 1873 году приводит Ивана Логгиновича, уже весьма опытного чиновника с хорошим образованием, в министерство внутренних дел, однако и здесь ему приходится заниматься крестьянским вопросом.

Глубокий аналитический ум, хитрость и несвойственная его молодым годам мудрость, а также умение вести закулисную борьбу позволили через 9 лет получить должность заместителя прокурора, а через два года – и обер-прокурора.

Горемыкин был активным сторонником гуманизации общественной жизни, считая, что только «развитая и окрепшая к самостоятельности личность» способна к установлению «самоустройства и самоуправления» «в народе»; засилие же бюрократии лишь разрушает государство, вызывая народный гнев (по [Гурко, 2000](#)). Подобная позиция шла вразрез со взглядами императора Александра III и Николая II (в первые годы правления последнего), что, впрочем, не мешало Горемыкину вполне успешно продолжать свой карьерный рост; длительная и скрупулезная сенатская работа по крестьянским вопросам воспитали у него исключительно высокий уровень правовой культуры и ненависть к чиновничьему произволу.

Работоспособность Горемыкина в полной мере проявилась в издании «Свода узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния» в 1891 году, в котором автор сделал антологию имеющегося крестьянского законодательства и полностью упорядочил его, ликвидировав правовые лакуны и противоречия. В этом же году получил должность заместителя министра

юстиции, а в 1895 году – должность министра внутренних дел. Получив пост министра, Горемыкин начал аккуратные демократические преобразования в рамках возможностей своего ведомства, однако несвойственные ему неосторожные публичные заявления о коррумпированности его ближайших коллег, среди которых были весьма влиятельные и близкие к императору люди, привели к тому, что он вынужден был в 1899 году подать в отставку. Сам же Горемыкин, по воспоминаниям его современников, был человеком весьма честным.

Исследованные нами доклады Горемыкина (см., например, [Доклад..., 1916](#); [Особые журналы..., 1914](#); [Письмо председателя..., 1914](#); [Секретный циркуляр..., 1897](#)) и произведения (в частности, [Горемыкин, 1869](#)) говорят о хорошем владении русским языком, ясности мышления, четкости изложения мысли и глубокого и всестороннего знания сути проблем, которые ему приходилось решать.

Первая русская революция внесла свои коррективы в карьеру Ивана Логгиновича. Радикальные аграрные преобразования, предложенные крестьянскими депутатами, привели его к должности председателя Совета министров (по современной западной терминологии – премьер-министра или «первого» министра), который отвечал за деятельность правительства. Однако изворотливости Горемыкина не хватило для «усмирения» «трудовиков» – Дума первого созыва была распущена, а пост премьера получил П.А. Столыпин. После нескольких лет бездействия Иван Логгинович в 1910 году получает должность статс-секретаря. В 1914 году он вновь получает должность премьер-министра, а в 1916 году подает в отставку.

Экс-премьер был убит вместе с семьей в декабре 1917 года на своей даче в г. Сочи бандой разбойников во время ограбления. По показаниям впоследствии умершей в больнице дочери Горемыкина, преступников впустила служанка ([Костинников, 2015](#)). Преступление так и осталось нераскрытым и до сих пор вызывает множество споров; мотивы убийства разнятся от чисто «разбойничьих» до личной мести.

5. Заключение

С именем Ивана Логгиновича Горемыкина связано много хороших начинаний в Российской империи, а его трагическая судьба только подчеркивает значимость его личности в истории.

Выходец из древнего дворянского рода и подлинный аристократ, он умел ценить человеческую жизнь. Большую часть жизни занимаясь крестьянским вопросом, он глубоко знал аграрное право и понимал вредность административного произвола и его разрушающую силу для государства.

Несмотря на обстоятельства, Иван Логгинович до последних дней оставался приверженцем демократических и гуманистических идей, человеком честным и не просто высококлассным специалистом в области права, но и обладающим весьма высоким уровнем правовой культуры.

Литература

[Альманах..., 1897](#) – Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897.

[Антонов, 2014](#) – *Антонов Б.И.* Петербург – 1914 – Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. СПб.: Центрполиграф, 2014.

[БСЭ, 1972](#) – *Горемыкин Иван Логгинович* / Большая советская энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1972.

[Витте, 1994](#) – *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3-х томах. М., 1994.

[Горемыкин, 1869](#) – *Горемыкин И.Л.* Очерки истории крестьян в Польше. СПб., 1869.

[Граф, 2006](#) – *Граф Г.К.* Мемуары. Императорский Балтийский флот между двумя войнами 1906–1914 гг. СПб., 2006.

[Гурко, 2000](#) – *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого / под ред. А. И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

[Доклад..., 1916](#) – Доклад Председателя Совета министров И.Л. Горемыкина Николаю II о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав: [фотография текста доклада]. Пг., 1916. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/407667> (дата обращения: 07.05.2024).

[Костинников, 2015](#) – *Костинников В.* Кто убил премьер-министра? / Сочинские новости. 05.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20150524194013/http://www.sochinskie-novosti.com/2015/04/04/кто-убил-премьер-министра/> (дата обращения: 09.05.2024).

[Куликов, 2004](#) – *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

[Особые журналы..., 1914](#) – Особые журналы заседаний Совета министров: за март – июнь 1914 г.: журналы № 2916–2957. 1914. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/466202> (дата обращения: 07.05.2024).

[Письмо председателя..., 1914](#) – Письмо председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина военному министру В. А. Сухомлинову о разрешении сооружения железнодорожной линии Москва – Ревель: 23 июня 1914 г. Черновик. 1914 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/466226> (дата обращения: 08.05.2024).

- Руммель, 1886** – *Руммель В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. В 2-х томах. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1886-1887.
- Руммель, 1905** – *Руммель В.В.* Горемыкин [Иван Логгинович] / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 томах. СПб., 1890-1907. Доп. т. Iа. СПб., 1905.
- Секретный циркуляр..., 1897** – Секретный циркуляр министра внутренних дел от 12 августа 1897 года [о борьбе с революционным движением среди рабочих]. СПб., 1897. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/443905> (дата обращения: 08.05.2024).
- Соловьева, 2004** – *Соловьева А.Г.* Горемыкин, Иван Логгинович / Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / Гл. ред. Ю.С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004-2017.
- Список..., 1914** – Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлено по 1 сентября 1914 года. Пг.: Сенат. тип., 1914.
- Труфанова, 2016** – *Труфанова Е.* Горемычная история, или Нападение на дачу «Эйренэ» // *Народная газета Сочи*. 17 декабря 2016.

References

- Al'manakh..., 1897** – *Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deyatelei* [Almanac of modern Russian statesmen]. SPb.: Tip. Isidora Gol'dberga, 1897. [in Russian]
- Antonov, 2014** – *Antonov, B.I.* (2014). Peterburg – 1914 – Petrograd. Khronologicheskaya mozaika stolichnoi zhizni [St. Petersburg – 1914 – Petrograd. Chronological mosaic of metropolitan life]. SPb.: Tsentrpoligraf. [in Russian]
- BSE, 1972** – *Goremykin Ivan Logginovich* [Goremykin Ivan Logginovich]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. T. 7. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1972. [in Russian]
- Doklad..., 1916** – *Doklad Predsedatelya Soveta ministrov I.L. Goremykina Nikolayu II o zemlevladienii i zemlepol'zovanii poddannykh voyuyushchikh s Rossiei derzhav*: [fotografiya teksta doklada] [Report of the Chairman of the Council of Ministers I.L. Goremykin to Nicholas II on land ownership and land use of subjects of the powers at war with Russia: [photo of the text of the report]. Pg., 1916. [Electronic resource]. URL: <https://www.prlib.ru/item/407667> (date of access: 07.05.2024). [in Russian]
- Goremykin, 1869** – *Goremykin, I.L.* (1869). *Ocherki istorii krest'yan v Pol'she* [Essays on the history of peasants in Poland]. SPb. [in Russian]
- Graf, 2006** – *Graf, G.K.* (2006). *Memuary. Imperatorskii Baltiiskii flot mezhdv dvumya voynami 1906–1914 gg.* [Essays on the history of peasants in Poland]. SPb. [in Russian]
- Gurko, 2000** – *Gurko, V.I.* (2000). *Cherty i siluety proshlogo* [Features and silhouettes of the past]. Pod red. A. I. Reitblata. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]
- Kostinnikov, 2015** – *Kostinnikov, V.* (2015). *Kto ubil prem'er-ministra?* [Who killed the Prime Minister?]. *Sochinskie novosti*. 05.04.2015. [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20150524194013/http://www.sochinskie-novosti.com/2015/04/04/kto-ubil-prem'er-ministra/> (date of access: 09.05.2024). [in Russian]
- Kulikov, 2004** – *Kulikov, S.V.* (2004). *Byurokraticheskaya elita Rossiiskoi imperii nakanune padeniya starogo poryadka (1914–1917)* [The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)]. Ryazan'. [in Russian]
- Osobyе zhurnaly..., 1914** – *Osobyе zhurnaly zasedanii Soveta ministrov: za mart – iyun' 1914 g.*: zhurnaly № 2916-2957. 1914 [Special journals of meetings of the Council of Ministers: for March - June 1914: journals No. 2916-2957. 1914]. [Electronic resource]. URL: <https://www.prlib.ru/item/466202> (date of access: 07.05.2024). [in Russian]
- Pis'mo predsedatelya..., 1914** – *Pis'mo predsedatelya Soveta Ministrov I. L. Goremykina voennomu ministru V. A. Sukhomlinovu o razreshenii sooruzheniya zheleznodorozhnoi linii Moskva – Revel'*: 23 iyunya 1914 g. Chernovik. 1914 g. [Letter from the Chairman of the Council of Ministers I.L. Goremykin to the Minister of War V.A. Sukhomlinov about permission to build the Moscow-Revel railway line: June 23, 1914. Draft. 1914]. [Electronic resource]. URL: <https://www.prlib.ru/item/466226> (date of access: 08.05.2024). [in Russian]
- Rummel', 1886** – *Rummel', V.V.* (1886). *Rodoslovnyi sbornik russkikh dvoryanskikh familii* [Genealogical collection of Russian noble families]. V 2-kh tomakh. SPb.: Izd-vo A.S. Suvorina, 1886-1887. [in Russian]
- Rummel', 1905** – *Rummel', V.V.* (1905). *Goremykin* [Ivan Logginovich] [Goremykin [Ivan Logginovich]]. *Entsiklopedicheski slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 tomakh*. SPb., 1890-1907. Dop. t. Iа. SPb. [in Russian]
- Sekretnyi tsirkulyar..., 1897** – *Sekretnyi tsirkulyar ministra vnutrennikh del ot 12 avgusta 1897 goda* [o bor'be s revolyutsionnym dvizheniem sredi rabochikh] [Secret circular of the Minister of Internal Affairs of August 12, 1897 [on the fight against the revolutionary movement among workers]. SPb., 1897. [Electronic resource]. URL: <https://www.prlib.ru/item/443905> (date of access: 08.05.2024). [in Russian]
- Solov'eva, 2004** – *Solov'eva, A.G.* (2004). *Goremykin, Ivan Logginovich* [Goremykin, Ivan Logginovich]. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*: [v 35 t.]. Gl. red. Yu.S. Osipov. M.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2004-2017. [in Russian]

[Spisok..., 1914](#) – Spisok grazhdanskim chinam pervykh trekh klassov. Ispravleno po 1 sentyabrya 1914 goda [List of civil ranks of the first three classes. Corrected on September 1, 1914]. Pg.: Senat. tip., 1914. [in Russian]

[Trufanova, 2016](#) – *Trufanova, E.* (2016). Goremychnaya istoriya, ili Napadenie na dachu «Eirene» [Miserable story, or the attack on the dacha “Eirene”]. *Narodnaya gazeta Sochi*. 17 dekabrya. [in Russian]

[Vitte, 1994](#) – *Vitte, S.Yu.* (1994). Vospominaniya [Memories]. V 3-kh tomakh. M. [in Russian]

Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917 гг.): к 185-летию со дня рождения русского государственного деятеля

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная биографическая статья посвящена 185-летнему юбилею со дня рождения председателя Совета министров Российской империи, министра внутренних дел и последнего в дореволюционной России действительного тайного советника 1 класса Ивана Логгиновича Горемыкина (1839–1917). В качестве материалов использованы исторические и биографические труды, а также доклады самого Горемыкина; методологический комплекс составляют такие методы исследования, как контент-анализ, биографический метод и метод синтеза.

И.Л. Горемыкин прежде всего прославился как великолепный знаток крестьянского права, гуманист и противник чиновничьего произвола. С именем Ивана Логгиновича связано много хороших начинаний в Российской империи, а его трагическая судьба только подчеркивает значимость его личности в истории.

Несмотря на обстоятельства, Иван Логгинович до последних дней оставался приверженцем демократических и гуманистических идей, человеком честным и не просто высококлассным специалистом в области права, но и обладающим весьма высоким уровнем правовой культуры.

Ключевые слова: Иван Логгинович Горемыкин, биография, личность в истории, премьер-министр, председатель Совета министров, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

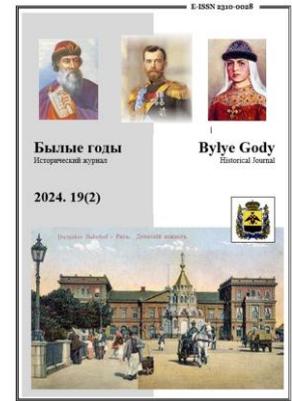
Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 696-704
DOI: 10.13187/bg.2024.2.696

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Fighting of Russian Troops during the Construction of Fort Golovinsky (May – July 1839)

Konstantin V. Taran ^{a, b, c, *}

^a Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^b Sochi City Archive, Sochi, Russian Federation

^c Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

This article examines the fighting between Russian troops and Caucasian tribes during the construction of the Golovinsky fortification at the mouth of the Shakhe River in May – July 1839.

As materials, the author used a complex of various sources – memoirs and epistolary heritage of contemporaries of the events described, as well as archival materials. A set of historical research methods was used in the work – historical-systemic, diachronic analysis, historical-genetic, etc.

The author came to the following conclusions that the fighting during the construction of the Golovinsky fortification was no less bloody than during the landing of the Russian troops. Casualties were suffered by both Russian troops and, to a greater extent, Caucasian tribes who tried to prevent the landing and construction of fortifications at the mouth of the Shah River.

Keywords: Fort Golovinsky, r. Shahe, Lieutenant General N. N. Rayevsky, Tenginsky and Navaginsky regiments, Caucasian tribes.

1. Введение

В первой половине XIX в. Российская империя осваивала территории, вошедшие в ее состав после успешной войны с Турцией 1828–1829 гг. – Закубанье и восточный берег Черного моря. Кавказские племена отказывались признавать над собой власть русского царя и продолжали вести торговлю невольниками в обмен на оружие с Османской империей.

В соответствии с решением императора Николая I на побережье Черного моря русские войска стали возводить укрепления в устьях рек с целью воспрепятствовать кавказским племенам и туркам торговле невольниками и незаконному провозу запрещенных товаров и вооружения. В 1839 г. было решено возвести силами русских войск укрепление в устье р. Шахе.

2. Материалы и методы

В качестве материалов в нашем исследовании использовались архивные источники, мемуары и эпистолярное наследие современников описываемых событий.

Из архивных источников в основном использованы материалы Архива города-курорта Сочи (Сочи, Российская Федерация).

Также был задействован сборник архивных документов «Акты Кавказской археографической комиссии» (АКАК, 1866–1904).

Из мемуарных источников мы ориентировались на воспоминания Д. Белла, изложенные в его дневниках в период пребывания на Кавказе в 1837–1839 гг. (Белл, 2007а; Белл, 2007б).

Из эпистолярных источников использовалась переписка генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского с должностными лицами (Архив Раевских, 1910).

* Corresponding author

E-mail addresses: baran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran)

Также применялись источники о деятельности адмирала Михаила Лазарева, изданные под редакцией А. А. Самарова в СССР в 1955 г. (М.П. Лазарев, 1955).

В работе применялся комплекс исторических методов исследования, а именно:

- историко-системный метод: боевые действия русских войск в период мая-июля 1839 г. на восточном Причерноморье рассматриваются в неотрывной связи с политической, экономической, социальной и военной обстановкой в Российской империи в указанный период;

- метод диахронического анализа: применялся для описания источников и материалов данного исследования;

- историко-генетический метод: боевые действия в период строительства Головинского укрепления исследуются в генетической связи с предыдущими историческими событиями, а также указывается влияние их на последующие события.

Данное исследование основано на принципе историзма, научной объективности, и применен нарративный метод изложения событий.

3. Обсуждение

Исследования по данной теме следует разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный (российский).

В дореволюционный период в первую очередь следует выделить публикации воспоминаний участников событий, участвовавших в высадке десанта и в ходе строительства укрепления в устье р. Шахе, таких как Г.И. Филипсон (Филипсон, 1883) и Н.И. Лорер (Лорер, 1874), а также «Очерк положения военных дел на Кавказе, с начала 1838 по конец 1842 года», составленный генералом от инфантерии Е.А. Головиным (Головин, 1847; Очерк положения..., 1877).

Также следует выделить историков, описавших боевые действия русских войск на Черноморском побережье Северного Кавказа: Е. Васильева (Васильев, 1874), М.Ф. Федорова (Федоров, 1879) и С. С. Эсадзе (Эсадзе, 1914).

Определенный интерес вызывает работа исследователя А. П. Берже, который дает подробную характеристику кавказским племенам, населявшим побережье Черного моря в первой половине XIX века. В нашем исследовании использован труд А. П. Берже, опубликованный в российский период (Берже, 1992).

Советские исследователи рассматривали историю становления российского присутствия на Кавказе с идеологической точки зрения, т.е. как борьбу горских народов с царизмом за свою независимость. Здесь необходимо отметить таких исследователей, как А. Фадеев (Фадеев, 1935), Л.И. Лавров и М.В. Покровский (Покровский, 1989). В данной статье мы ссылаемся на работу Л.И. Лаврова (Лавров, 2009), опубликованную в современный период.

В российский период историки В.В. Каратаев и А.А. Черкасов в изданных материалах исследования уделили внимание становлению русского военного присутствия на Черноморском побережье Северного Кавказа и, в частности, боевым действиям в устье р. Шахе в 1839 г. (Каратаев, Черкасов, 2009). Помимо этого, авторы обращались к потерям русской армии в период Кавказской войны (Cherkasov et al., 2017), к изучению христианского наследия на территории Большого Сочи и Черноморском побережье (Natolochnaya et al., 2015; Cherkasov et al., 2016). Активно изучались поведенческие модели местного населения в условиях Кавказской войны (Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2015a), рабство как явление на территории Черкессии (Cherkasov, 2020; Cherkasov et al., 2017a), предпринимались даже попытки сравнить рабство в Черкессии с рабством на территории США (Smigel, Cherkasov, 2016). Не обойдены были вниманием исследователей причины социальных конфликтов в горских обществах (Cherkasov et al., 2014) и подрывная деятельность иностранных эмиссаров (Karataev et al., 2015).

4. Результаты

В январе 1839 г. начальник 1-го отделения Черноморской прибрежной линии генерал-лейтенант Н. Н. Раевский в Санкт-Петербурге представил императору Николаю I план создания военных укреплений на берегу Черного моря. Император дал согласие на строительство трех укреплений в устьях рек Шахе (форт Головинский), Псезуапе (форт Лазарева) и в районе слияния рек Цемеса и Мескаги (форт Раевский) (Архив Раевских, 1910: 4).

Естественной границей между кавказскими племенами – шапсугами и убыхами – являлась р. Шахе. Первые проживали на берегу Черного моря и в горной местности от р. Шахе в северо-западном направлении, а последние от этой реки в юго-восточном направлении (Берже, 1992: 23-28). Основная масса этих племен составляла отряд, который противостоял высадке русского десанта 3 мая 1839 г. в устье р. Шахе на правом ее берегу.

Весной 1839 г. для занятия берега Черного моря в устье р. Шахе и строительства там форта был создан десантный отряд, насчитывающий около 6,5 тыс. человек. Отряд имел двухмесячный запас продовольствия, артиллерию, строительный материал. Для доставки русских войск адмирал Лазарев выделил пять линейных кораблей, четыре фрегата, два парохода, один бриг, одну яхту, один тендер и девять зафрахтованных купеческих судов (М.П. Лазарев, 1955: 29).

Десантный отряд, состоящий из батальонов Навагинского и Тенгинского полков и частей усиления возглавил начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Н.Н. Раевский (Тенгинский полк, 1900: 182).

Необходимо отметить, что в апреле 1839 г. по указанию императора Николая I вместо упраздненного 1-го отделения Черноморской прибрежной линии была создана Черноморская береговая линия (АКАК, 1866–1904: 460-461).

Корабли русской эскадры с десантом 2 мая 1839 г. прибыли к устью р. Шахе и выстроились в боевой порядок. Утром 3 мая русские войска, после артиллерийского обстрела, высадились на берег и в течение дня вели бой с многочисленными кавказскими племенами, в ходе которого русские войска потеряли убитыми и ранеными 9 офицеров и 128 человек нижних чинов. На поле боя кавказские племена оставили 48 тел, что говорит об их больших потерях, т.к. горцы всегда старались выносить тела своих убитых (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 11-14).

После боя к генерал-лейтенанту Раевскому обратились парламентареры-убыхи из авторитетных фамилий Биарслан, Берзек и Тюльпар (Тюлькар), которые хотели выкупить тела убитых соплеменников. Раевский объяснил убыхам, что мертвыми он не торгует, и они забрали с собой двух убитых собратьев (Лавров, 2009: 123).

Рис. 1. Карта восточного берега Черного моря. 1834.

На рассвете 4 мая началась сильная перестрелка против левого фаса русского лагеря, расположенного на горе, куда были выдвинуты сводный морской и 2-й батальон Навагинского полка. Под прикрытием двух батальонов рабочие вырубали лес на ружейный выстрел и создавали засеку – оборонительное сооружение из деревьев, поваленных рядами, вершинами в сторону противника, при этом засека была исправлена и усилена. Кавказские племена собирались на окрестных высотах в лесу и вели непрерывную перестрелку до самой ночи, но более ничего не предпринимали. Вечером оба батальона вступили в засеку. В этот день русские войска потеряли убитыми одного матроса, ранеными 8 нижних чинов морского ведомства и пять рядовых Тенгинского и Навагинского полков. Потери горцев были значительны. Вечером матросы и офицеры сводного морского батальона возвратились на эскадру. В полдень 4 мая горцы опять приезжали на арбах и забрали тела убитых соплеменников (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 14).

Местность, где предстояло выстроить укрепление, имела сложный ландшафт. Кроме того, что долина р. Шахе тесна и окружена со всех сторон утесистыми возвышениями, русские войска были практически лишены возможности действовать имеющимися орудиями. Местность перед русским лагерем была сильно пересеченной, и на всем этом пространстве произрастали большие деревья, при попадании в которые ядра врезались в ствол, не причинив потерь противнику. Однако благодаря многолетней опытности офицеров и солдат войск Кавказской линии в стрелковом деле русские войска избежали значительных потерь в личном составе (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 26).

В течение десяти дней русские войска обустроивали свой лагерь, расчищали территорию лагеря и вокруг него, продолжалась выгрузка тяжестей и провианта из зафрахтованных судов, и было назначено место для возведения крепости. Внутри территории лагеря было оставлено до сотни

огромных деревьев, перевитых виноградником и плющом. Сильный ветер с моря заставил эскадру сняться ночью с 6 на 7 мая 1839 г., и она больше не возвращалась (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 14-15).

С 9 по 13 мая систематически происходила перестрелка против левого фаса лагеря, где был густой лес, покрывающий гору между реками Субаши и Шахе. Он давал возможность горцам скрытно подходить на ружейный выстрел к русским засекам. Против левого фаса русских войск горцы собрались в большом количестве. Несколько раз горцы пытались атаковать русские войска, но, встреченные ружейным огнем и картечью, они быстро отступали, унося с собой тела своих убитых и раненых. В течение пяти последующих дней русские войска потеряли убитыми еще одного рядового, а ранеными – трех нижних чинов (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 15).

Тем временем от лазутчиков русское командование получило информацию, что горцы везут орудие и хотят поставить его на горе за р. Шахе, чтобы вести огонь по лагерю. Лазутчики также показали место, где горцы планировали установить орудие. И действительно, в течение 12 и 13 мая русское охранение видело, что в лесу за гребнем горы горцы приступили к расчистке места под огневую позицию. В направлении места установки орудия русские войска разместили четыре крепостные пушки и два единорога (Каратаев, Черкасов, 2009: 37).

Освящение места нового форта было совершено 12 мая, в торжествах участвовали четыре батальона пехоты, две сотни пеших казаков и саперная команда, а уже с 13 мая началось строительство крепости (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 16).

Помимо строительства форта русские войска продолжали вырубку деревьев, производили фуражировку, вязали туры, т.е. цилиндрические корзины без дна, сплетенные из хвороста. Эти корзины засыпались и утрамбовывались землей, а поставленные в ряд туры применялись в качестве укрытий. Также вязались фашины из прутьев, которые, будучи скрученными проволокой, применялись для укрепления насыпей (Тенгинский полк, 1900: 185).

Почти каждый день происходили перестрелки с горцами, и русские войска теряли убитыми или ранеными 2-3 человека в день, а иногда и более. В ночь с 25 на 26 мая горцы установили пушку на горе и стали стрелять ядрами по палаткам в лагере, целясь в штаб начальника отряда (Федоров, 1879: 164-165).

От стрельбы ядрами по русскому лагерю пострадала и походная церковь, т.к. палатка была зеленой цвета и выделялась на фоне остальных. Палатка священника и дьячка находилась рядом с походной церковью, поэтому они после начала обстрела укрывались в безопасном месте. Был даже зафиксирован случай, когда ядро попало в палатку одного из поваров в лагере и угодило в кастрюлю с супом (Лорер, 1874: 645-646).

Стрельба горцев из пушки не нанесла существенного вреда русскому гарнизону. За все время попаданием ядра была убита только одна артиллерийская лошадь. Однако и русский ответный артиллерийский огонь был безрезультатным (Филипсон, 1883: 314).

За все время артиллерийского обстрела горцы произвели около 30 выстрелов по русскому лагерю (Белл, 2007b: 238).

С правого фланга русские войска тревожила пушка горцев, с левого фланга, на лесистом гребне, разделяющем долины рек Субаши и Шахе, собирались в значительном количестве горцы и делали нападения на прикрытие русских и на команды фуражиров. Для предотвращения этих тревог генерал-лейтенант Раевский решил занять обе высоты и вырубить там лес (Филипсон, 1883: 314).

В 3 часа пополудни 27 мая отряд под командованием генерал-майора В. А. Кашутина вышел из лагеря с целью занятия горы против правого фаса и для прикрытия вырубке там леса. Для этого следовало форсировать р. Шахе. В состав отряда входили два батальона Навагинского полка (1-й и 3-й), а также сводный батальон, состоящий из четырех рот Тенгинского полка, т.е. по две роты от 1-го и 4-го батальонов. Отряд Кашутина был усилен двумя горными единорогами и четырьмя ручными мортирами (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 21-22).

Перейти р. Шахе было невозможно, т.к. из-за тающих в горах снегов вода в реке значительно поднялась. Поэтому отряд Кашутина был направлен к противоположному фасу лагеря на возвышенность, разделяющую долины рек Субаши и Шахе. Отряд быстро взобрался на гору, поросшую густым лесом. Майор Германс с 1-м батальоном Навагинского полка на вершине горы создали по гребню горы засеку. Пространство между 1-м батальоном и лагерной засекой было занято 3-м батальоном Навагинского полка и сводным батальоном Тенгинского полка. Эти батальоны также устроили засеку по гребню ската горы. Засеки были устроены своевременно, т.к. горцы выстрелами обозначили свое присутствие против фронта русских войск (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 22).

Горцы в большом количестве конными и пешими собирались на возвышенностях, против позиций русских войск, всюду вокруг русского лагеря был слышен крик и горели сигнальные огни. Полтораста горцев безуспешно атаковали позиции 1-й гренадерской роты Навагинского полка на правом фланге русских войск. Поэтому последние решили перенести свой удар на левый фланг русских войск, где оборонялся 1-й батальон Навагинского полка (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 22).

Западные скаты возвышенности над левым берегом р. Субаши были более крутыми, чем скаты противоположной горы правого берега р. Субаши, на которой находились горцы. Несколько глубоких ущелий, покрытых лесом, начинались от гребня горы, на которой была устроена русскими засека.

В 6 часов утра горцы в большом количестве, с обнаженными шашками, бросились на вершину горы, где находилась русская засека, которую обороняли солдаты 3-й мушкетерской роты Навагинского полка. При этом горцы не сразу обнаружили эту засеку. Перестрелка между противоборствующими сторонами происходила практически в упор. Командир 3-й мушкетерской роты поручик Михайловский для подкрепления со своей ротой бросился к засеке и опрокинул горцев под крутизну. В результате горцам был нанесен серьезный урон, из числа которых убитых три тела остались у русской засеки, и чтобы забрать эти тела, горцам необходимо было отгеснить русские войска. С этой целью в продолжение дня горцы делали постоянные и отчаянные атаки русской засеки на вершине горы, но безуспешно (Каратаев, Черкасов, 2009: 39).

Генерал-майор Кашутин получил ранение в ногу и вынужден был возвратиться в лагерь. Командование отрядом принял подполковник Тенгинского полка К.К. Данзас (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 23).

В это время горцы сконцентрировали большие силы против левого фланга 1-го и правого фланга 3-го батальонов Навагинского полка. Русские войска не могли применить артиллерию в полном объеме из-за близкого расстояния между противоборствующими силами. Невозможно было применить даже ручные мортиры. Русские артиллеристы легкой № 7 батареи юнкер Гречневский и легкой № 3 батареи фейерверкер 4-го класса Карчагин нашли выход из этого затруднительного положения. Они бросали зажженные 6-фунтовые ядра, как гранаты, в ряды наступающих горцев, которые со своей стороны бросали через засеку камни и палки (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 23).

Горцы с ожесточением бросались на русские засеки с обнаженными шашками в одной руке, а другой старались растащить деревья, чтобы ликвидировать засеки. При каждом натиске горцев русские войска штыковой контратакой опрокидывали наступающих. После каждого натиска кавказские племена уносили тела убитых горцев, но при этом оставляли тела вновь убитых на месте боя. Горцы несли большие потери, но, несмотря на это и на невыгодную для них местность, они продолжали атаковать позиции русских войск. В течение дня горцы 8 раз безуспешно атаковали засеку 1-го батальона Навагинского пехотного полка, которым командовал майор Германс. При отражении последнего натиска майор Германс был ранен двумя пулями в руку и живот навывлет, после чего оставил место боя, назначив вместо себя другого офицера. После этого сильная перестрелка продолжилась на участке обороны 2-й и 3-й мушкетерских рот Навагинского полка. Подполковник Данзас в 4 часа дня сменил эти роты двумя ротами Тенгинского полка, с которыми находился до конца боя. Горцы еще 5 раз предпринимали атаки, но безуспешно (Каратаев, Черкасов, 2009: 39).

Между тем большое количество пеших горцев пробралось ущельем между прикрытием и лагерной засекой левого фаса, и с этой стороны началась сильная перестрелка. Подполковник Данзас приказал втащить горный единорог на первый уступ горы, а со второго уступа направил легкое орудие, и артиллеристы картечным огнем обратили неприятеля в бегство. В этой перестрелке был ранен Тенгинского полка подпоручик Кузминский 2-й (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 24-25).

Вечером, перед сумерками, перестрелка начала ослабевать, и горцы стали расходиться. Вереницы горцев тянулись по горам в долине р. Шахе, они несли и везли своих убитых и раненых, а на открытой вершине видно было человек 30 конных со знаменем. Когда начало смеркаться, перестрелка прекратилась. Отряд подполковника Данзаса вернулся в лагерь. В бою с горцами русские войска понесли значительные потери. Было убито 14 нижних чинов, один казак, ранены один штаб-офицер, один обер-офицер, один артиллерист, нижних чинов 31 человек и 3 казака (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 25).

Генерал-лейтенант Раевский отметил особенно отличившихся в бою 27 мая майора Германса и подполковника Данзаса, а также командира 3-й мушкетерской роты Навагинского полка поручика Михайловского и сменивший его командира мушкетерской роты Тенгинского полка подпоручика Голынского. Кроме этого, Раевский выделил всех нижних чинов 3-й мушкетерской роты Навагинского полка, которые в течение 10 часов удерживали отчаянные атаки горцев. Из нижних чинов Раевский особо отметил Навагинского полка из дворян унтер-офицера Городецкого и рядового Важинского, Тенгинского полка 10-й мушкетерской роты фельдфебеля Михайла Игнатьева (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 25-26).

В течение 27 мая, когда шел бой с горцами, рабочие вырубили лес на пространстве, необходимым для обеспечения безопасности лагеря и нового укрепления (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 26).

С утра 28 мая было продолжено строительство крепости и сделано распоряжение, чтобы войска были готовы идти через р. Шахе, т.к. горцы в большом количестве скопились на левом берегу реки и установили там орудие. Горцы полагали, что т.к. попытка форсировать реку русскими войсками была безуспешной, значит, они могут безнаказанно действовать и обстреливать русский лагерь из пушки. После первого выстрела из установленной горцами пушки русские войска сформировали отряд, в состав которого вошли 1-й батальон Тенгинского и 3-й батальон Навагинского полков, сводный батальон, составленный из двух рот 2-го и двух рот 4-го батальонов Тенгинского полка. Отряд был усилен двумя легкими и двумя горными орудиями, возглавил отряд генерал-майор

М.М. Ольшевский. Этот отряд выдвинулся к месту переправы, находящейся в двухстах метрах от устья р. Шахе (Каратаев, Черкасов, 2009: 40).

Между тем, два крепостных орудия были установлены у устья р. Шахе, а из остальных составлена батарея в лагере, так чтобы перекрестными выстрелами способствовать переправе русских войск. Заблаговременно были заготовлены для устройства моста подмости (козлы), а для их фиксации – небольшие складные якоря, корабельные и якорные канаты. Также в этом деле были задействованы два азовских баркаса. Специальные команды с этими материалами двинулись вслед за батальонами (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 27).

Следует обратить внимание на то, что р. Шахе разделяется на три главных рукава, из которых самый глубокий и широкий был левый. От левого рукава до подошвы горы было приблизительно 150 метров, а перед местом переправы находилось отдельное возвышение, покрытое редким лесом (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 27-28).

Отряд Ольшевского, под перекрестным огнем русской артиллерии, быстро подошел к месту переправы и форсировал быстрый поток в реке следующим образом. Солдаты, взявшись за руки, находясь по пояс в воде, переправились на левый берег реки, заняли возвышение и обеспечили безопасность переправы всего отряда. В это время дежурный штаб-офицер по морской части капитан-лейтенант Панфилов ввел в реку два вооруженных баркаса и устроил через реку мост. Остальные войска, артиллерия и рабочие с топорами перешли вслед за авангардом и принялись делать засеку в виде мостового прикрытия. На случай разрушения моста от внезапного поднятия воды, солдаты и рабочие имели с собой на 4 дня провианта и полное число зарядов для орудий (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 28).

Горцы в это время спрятали пушку и попытались помешать переправе русских войск, но это было бесполезно, т.к. русские войска уже находились на левом берегу реки. При перестрелке на переправе у русских были незначительные потери (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 28).

1-м батальон Тенгинского полка сразу занял горный хребет за рекой, и рабочие начали вырубать лес. Тем временем перестрелка началась со всех сторон и особенно усилилась против позиций 1-го батальона Тенгинского полка, поэтому генерал-майор Ольшевский приказал установить там полевое орудие, чтобы картечью удерживать горцев на расстоянии (Каратаев, Черкасов, 2009: 41).

Отряду Ольшевского необходимо было занять крутую и лесистую гору, с которой неприятель стрелял из орудия в двух верстах выше по течению реки от места переправы. Для этого из лагеря прибыл еще один батальон под командой подполковника С. И. Хлюпина и занял мостовое прикрытие. С остальными тремя батальонами генерал-майор Ольшевский двинулся на гору. Уже смеркалось, и пошел дождь, а с моря был сильный прибой. Горцы при всей своей многочисленности не оказали сильного сопротивления. Несмотря на ночную темноту, крутизну горы и чашу леса, отряд Ольшевского после короткой перестрелки с горцами занял гору (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 29).

При осмотре позиции, где размещалось орудие горцев, оказалось, что место для ведения огня выбрано грамотно, т.к. орудийная позиция была расположена за острым гребнем, что уберегало орудийный расчет от попадания ядер русской артиллерии. Орудийная позиция была со всех сторон защищена массивными стволами деревьев. Чтобы попасть ядром в узкую бойницу, необходимо было вести в высшей степени точную стрельбу. Вдоль горного хребта имелись такие же удобные места для размещения орудий. Лазутчики сообщили русскому командованию, что работами по установке орудия руководил английский агент Белл, который со времени высадки русского десанта проживал в ауле убыхов, расположенном на р. Сюэпсе в районе Вардана (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 29).

За доставку в русский лагерь живого или мертвого английского агента Белла генерал-лейтенант Раевский предложил горцам 3 тыс. руб. серебром, а за его переводчика Луку Иоаннеса или кого-либо из англичан было предложено 2 тыс. руб. серебром (Белл, 2007b: 319).

За время боевых действий с 28 по 29 мая русские войска потеряли убитыми одного рядового и два казака, ранеными 4 рядовых и 3 казака. Из офицерского состава был ранен Тенгинского пехотного полка поручик Самойленко (Каратаев, Черкасов, 2009: 41).

Из-за сильного дождя 29 мая работы не производились, а 30 и 31 мая, в ходе проведения строительных работ, горцы опять привезли орудие и поставили его на другую огневую позицию. Все крепостные орудия открыли огонь по пушке горцев, но последние, сделав около 20 выстрелов, смогли убить одного рядового, двух ранили (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 31).

Для предотвращения активной деятельности горцев, которые систематически тревожили лагерь русских войск, на горе, примыкавшей к морю, где ранее была обнаружена и разрушена огневая позиция горцев, был размещен 4-й батальон Тенгинского полка и перестрелки с кавказскими племенами значительно уменьшились (Федоров, 1879: 167).

Генерал-лейтенант Раевский, на основании полученной информации от лазутчиков, полагал, что при высадке десанта и при занятии горы 27 мая горцы потеряли около 800 человек, что не замедлило отразиться на понижении их боевого духа. Поэтому в июне работы по строительству крепости продолжались без крупных боевых столкновений русских войск с горцами. В течение июня в ходе незначительных перестрелок с горцами русские войска потеряли убитыми два человека, а ранеными – шесть человек. Работы по строительству крепости не проводились в воскресные дни 4,

11, 18 и 25 июня и во время сильных дождей 5 и 6 июня. Кроме этого, работы не производились 24 июня по случаю праздника Иоанна Крестителя, а также 25 июня (по старому стилю) в день рождения императора. В этот день были проведены служения божественной литургии и молебствия о здравии и благоденствии императора Николая I (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 30, 34-37).

По воспоминанию Н.И. Лорера: «июнь 1838 г. был очень жарким, а проливные дожди и грозы не утоляли палящего солнца. Солдаты и офицеры по несколько раз в день ходили купаться в море, чтобы хоть как-то освежиться. Во время грозы один солдат, своевременно не опустивший ружье со штыком, был убит молнией» (Лорер, 1874: 649).

Все работы по строительству укрепления были завершены 3 июля 1839 г. Оставалось только достроить строения внутри крепости. Для этого генерал-лейтенант Раевский оставил в крепости 8-й пеший Черноморский казачий полк и сборную команду мастеровых под командой 2-го резервного саперного батальона капитана Ермолова (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 37).

Основной отряд русских войск был посажен на корабли, и 7 июля 1839 г. в устье р. Псезуапе был высажен десант, а 12 июля началось строительство нового укрепления (АГС. Ф. 348. Оп. 1. Д. 5. Л. 44, 54-55).

В ноябре 1839 г. император Николай I присвоил название укреплению на р. Шахе – форт Головинский, укреплению в устье р. Псезуапе – форт Лазарева (Архив Раевских. Т. III. СПб., 1910: 251).

5. Заключение

Таким образом, не только в день высадки десанта в устье р. Шахе русские войска несли потери убитыми и ранеными, но и в ходе строительства укрепления. В течение двух месяцев русский отряд систематически нес потери личного состава и только после занятия высот на флангах и расчистки от деревьев вокруг укрепления на расстоянии ружейного выстрела потери русских войск были снижены.

Горцы систематически безуспешно препятствовали строительству русского укрепления в устье р. Шахе, чему способствовала антирусская агитация английского агента Д. Белла, и при этом горцы несли большие потери.

Литература

- АКАК, 1866–1904 – Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 9. Тифлис, 1866–1904.
 Архив Раевских, 1910 – Архив Раевских. Т. III. СПб., 1910.
 Белл, 2007а – Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. Т. 1. Нальчик, 2007.
 Белл, 2007б – Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. Т. 2. Нальчик, 2007.
 Берже, 1992 – Берже А.П. Краткий обзор горских племен Кавказа. Нальчик, 1992.
 Васильев, 1874 – Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834-1855 гг. // Военный сборник. 1874. Т. 98. № 9.
 Головин, 1847 – Головин Е.А. Очерк положения военных дел на Кавказе, с начала 1838 по конец 1842 года. Рига, 1847.
 Каратаев, Черкасов, 2009 – Каратаев В.В., Черкасов А.А. Становление русского военного присутствия на Черноморье в 1837-1840 гг. (на примере территории Большого Сочи). Сочи, 2009.
 Лавров, 2009 – Лавров Л.И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. СПб., 2009.
 Лорер, 1874 – Лорер Н.И. Из записок Николая Ивановича Лорера // Русский архив, № 9-12. 1874.
 АГС – Архив города-курорта Сочи.
 М.П. Лазарев, 1955 – «М.П. Лазарев». Документы. Русские флотоводцы. Материалы по истории Русского флота / Под ред. полковника А.А. Самарова. Т. II. М., 1955.
 Очерк положения..., 1877 – Очерк положения военных дел на Кавказе, с начала 1838 по конец 1842 года // Кавказский сборник. Т. 2. Тифлис, 1877.
 Покровский, 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.
 Тенгинский полк, 1900 – Тенгинский полк на Кавказе (1819-1846 гг.) / Сост. Ракович Д.В. Тифлис, 1900.
 Фадеев, 1935 – Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. 1935. № 4.
 Федоров, 1879 – Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. 1879. Т. 3. Тифлис.
 Филиппсон, 1883 – Филипсон Г.И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. № 5-6.
 Эсадзе, 1914 – Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны / Тифлис, 1914.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68-85.

[Natolochnaya et al., 2015](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Kryukova N.I. Christianity on the Territory of the Russian Black Sea Region (in the VIII–XVth centuries): Historical and Archaeological Aspects // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 779-785.

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S. The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). // *ANNALES Ser. hist. sociol.* 2016. 26(1): 1-12.

[Cherkasov et al., 2015](#) – Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S. Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years) // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 888-893.

[Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.

[Cherkasov et al., 2014](#) – Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict // *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.* 2014. 8(3): 64-72.

[Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the early 19th Century. // *ANNALES. Ser. hist. sociol.* 2017. 27(4): 854-864.

[Smigel, Cherkasov, 2016](#) – Smigel M., Cherkasov A.A. The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1182-1197.

[Karataev et al., 2015](#) – Karataev V.B., Volvenko A.A., Varfolomeev A.G. The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years) // *Bylye Gody*. 2015. 37(3): 536-540.

[Cherkasov et al., 2015a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years // *Bylye Gody*. 2015. 37(3): 541-548.

References

[AGS](#) – Arkhiv goroda-kurorta Sochi [Archive of the resort city of Sochi]. [in Russian]

[AKAK, 1866–1904](#) – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. T. 9. Tiflis, 1866–1904. [in Russian]

[Arkhiv Raevskikh, 1910](#) – Arkhiv Raevskikh [The archive of Raevskikh]. T. III. SPb., 1910. [in Russian]

[Bell, 2007a](#) – Bell, D. (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837-1839 godov [Diary of his stay in Circassia during 1837-1839]. T. 1. Nal'chik. [in Russian]

[Bell, 2007b](#) – Bell, D. (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837-1839 godov [Diary of his stay in Circassia during 1837-1839]. T. 2. Nal'chik. [in Russian]

[Berzhe, 1992](#) – Berzhe, A.P. (1992). Kratkii obzor gorskikh plemen Kavkaza [A brief overview of the mountain tribes of the Caucasus.]. Nal'chik. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2014](#) – Cherkasov, A.A., Menkovsky, V.I., Ivantsov, V.G., Ryabtsev, A.A., Molchanova, V.S., Natolochnaya, O.V. (2014). The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. *Bull. Georg. Natl. Acad. Sci.* 8(3): 64-72.

[Cherkasov et al., 2015](#) – Cherkasov, A.A., Shmigel, M., Bratanovskii, S.N., Molchanova, V.S. (2015). Jikis and Jiketi in Conditions of War and Peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*. 38(4): 888-893.

[Cherkasov et al., 2015a](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Ustinovich, E.S., Kryukova, N.I., Molchanova, V.S. (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years. *Bylye Gody*. 37(3): 541-548.

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Metreveli, R.V., Molchanova, V.S. (2016). The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *ANNALES Ser. hist. sociol.* 26 (1): 1-12.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

[Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The List of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the early 19th Century. *ANNALES. Ser. hist. sociol.* 27(4): 854-864.

[Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.

[Esadze, 1914](#) – Esadze, S.S. (1914). Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voyny [Conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian War]. Tiflis. [in Russian]

[Fadeev, 1935](#) – Fadeev, A. (1935). Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the liberation movement in the Western Caucasus]. *Istoricheskii sbornik*. 4. [in Russian]

[Fedorov, 1879](#) – Fedorov, M.F. (1879). Pokhodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 god [Camping notes in the Caucasus from 1835 to 1842]. *Kavkazskii sbornik*. T. 3. Tiflis. [in Russian]

- [Filipson, 1883](#) – *Filipson, G.I.* (1883). Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona [Memoirs of Grigory Ivanovich Philipson]. *Russkii arkhiv*. № 5-6. [in Russian]
- [Golovin, 1847](#) – *Golovin, E.A.* (1847). Ocherk polozheniya voennykh del na Kavkaze, s nachala 1838 po konets 1842 goda [An outline of the state of military affairs in the Caucasus, from the beginning of 1838 to the end of 1842]. Riga. [in Russian]
- [Karataev et al., 2015](#) – *Karataev, V.B., Volvenko, A.A., Varfolomeev, A.G.* (2015). The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years). *Bylye Gody*. 37(3): 536-540.
- [Karataev, Cherkasov, 2009](#) – *Karataev, V.V., Cherkasov, A.A.* (2009). Stanovlenie russkogo voennogo prisutstviya na Chernomor'e v 1837-1840 gg. (na primere territorii Bol'shogo Sochi) [The formation of the Russian military presence in the Black Sea region in 1837-1840. (using the example of the Greater Sochi territory)]. Sochi. [in Russian]
- [Lavrov, 2009](#) – *Lavrov, L.I.* (2009). Ubykhi. Istoriko-etnograficheskaya monografiya [Historical and ethnographic monograph]. SPb. [in Russian]
- [Lorer, 1874](#) – *Lorer, N.I.* (1874). Iz zapisok Nikolaya Ivanovicha Lorera [From the notes of Nikolai Ivanovich Lorer]. *Russkii arkhiv*. 9-12. [in Russian]
- [M.P. Lazarev, 1955](#) – «M.P. Lazarev». Dokumenty. Russkie flotvodtsy. Materialy po istorii Russkogo flota [“M.P. Lazarev”. Documentation. Russian naval commanders. Materials on the history of the Russian fleet]. Pod red. polkovnika A.A. Samarova. T. II. M., 1955. [in Russian]
- [Natolochnaya et al., 2015](#) – *Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Kryukova, N.I.* (2015). Christianity on the Territory of the Russian Black Sea Region (in the VIII–XVth centuries): Historical and Archaeological Aspects. *Bylye Gody*. 38(4): 779-785.
- [Ocherk polozheniya..., 1877](#) – Ocherk polozheniya voennykh del na Kavkaze, s nachala 1838 po konets 1842 goda [Essay on the state of military affairs in the Caucasus, from the beginning of 1838 to the end of 1842]. *Kavkazskii sbornik*. T. 2. Tiflis, 1877. [in Russian]
- [Pokrovskii, 1989](#) – *Pokrovskii, M.V.* (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka. Sotsial'no-ekonomicheskie ocherki [From the history of the Circassians at the end of the 18th – first half of the 19th century. Socio-economic essays]. Krasnodar. [in Russian]
- [Smigel, Cherkasov, 2016](#) – *Smigel, M., Cherkasov, A.A.* (2016). The Slavery in Circassia and the United States (1850–1860-ies years): General and Special. *Bylye Gody*. 42(4): 1182-1197.
- [Tenginskii polk, 1900](#) – Tenginskii polk na Kavkaze (1819-1846 gg.) [Tenginsky regiment in the Caucasus (1819-1846)]. Sost. Rakovich D.V. Tiflis, 1900. [in Russian]
- [Vasil'ev, 1874](#) – *Vasil'ev, E.* (1874). Chernomorskaya beregovaya liniya 1834-1855 gg. [Black Sea coastline 1834-1855]. *Voennyi sbornik*. 98(9). [in Russian]

Боевые действия русских войск в ходе строительства форта Головинского (май – июль 1839 г.)

Константин Викторович Таран ^{a, b, c, *}

^a Сочинский Государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^b Сочинский городской архив, Сочи, Российская Федерация

^c Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В данной статье рассматриваются боевые действия между русскими войсками и кавказскими племенами в период строительства укрепления Головинского в устье р. Шахе в мае – июле 1839 г.

В качестве материалов автором использовался комплекс разнообразных источников – мемуары и эпистолярное наследие современников описываемых событий, а также архивные материалы. В работе был применен комплекс исторических методов исследования – историко-системный, диахронического анализа, историко-генетический и др.

В заключении автор пришел к следующим выводам, что боевые действия в ходе строительства Головинского укрепления являлись не менее кровопролитными, как и во время высадки десанта русских войск. Потери в живой силе несли как русские войска, так и в большей степени кавказские племена, пытавшиеся воспрепятствовать высадке десанта и строительству укрепления в устье р. Шахе.

Ключевые слова: форт Головинский, р. Шахе, генерал-лейтенант Н. Н. Раевский, Тенгинский и Навагинский полки, кавказские племена.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 705-715
DOI: 10.13187/bg.2024.2.705

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kazakh-Kyrgyz Ethnopolitical Relations in the Works of Russian Researchers

Manat B. Keldybekov ^{a, b, *}, Kairat K. Battalov ^b, Arman A. Akishev ^c, Madi I. Rakhimov ^c

^a Science fund, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Astana IT University, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Toraigyrov University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is devoted to the study of the works of researchers and travelers who left valuable information about Kazakh-Kyrgyz ethnopolitical relations.

The main objective of the article is to analyze the research of Russian scientists on the ethnopolitical relations of the Kazakh and Kyrgyz ethnic groups, to determine their significance and relevance in recreating the level of their consolidation and confrontation, the degree of interaction with each other, their reflection on the modern relations of the two peoples. The nature of their relationship is revealed from the period of the formation of a political union to the period of open confrontations. Historical information is provided about the causes of certain historical events that contributed to the nature of the development of Kazakh-Kyrgyz ethnopolitical relations.

The authors in this article, relying on historical, ethnographic, statistical information in the memoirs and works of researchers and travelers, determine the nature of the ethnopolitical relations of the Kazakh and Kyrgyz peoples by recreating a picture of historical events, from the time of the formation of the political union to joining the Russian Empire.

Keywords: Kazakhs, Kyrgyz, Russian Empire, Mogulistan, Dzungars, alliance, confrontation.

1. Введение

С развитием двусторонних отношений между республиками Центральной Азии возрос интерес осмыслению этнополитической истории данного региона. Особенно важным стало изучение взаимоотношений между казахским и кыргызским народами, учитывая их соседство и исторические корни. Множество аспектов их политических отношений требуют новых методологий и подходов для полного понимания проблемы.

Наша основная задача заключается в систематизации и тщательном анализе данных, содержащихся в работах исследователей и путешественников, которые освещали этнополитические взаимоотношения между казахским и кыргызским этносами в период с XVI по XIX вв. Мы стремимся внести эти данные в научный оборот, обогатив базу знаний о данном периоде и углубив наше понимание этнической и политической динамики Центральной Азии.

2. Материалы и методы

Большую научную ценность в изучении нашей темы представляют труды исследователей XIX – XX вв., таких, как А.И. Левшин, Ч.Ч. Валиханов и многих других, чьи исследования стали основой для изучения этнополитических процессов в регионе. Наряду с этим представляют интерес сборники документов, а также материалы статистических данных, собранные и разработанные экспедициями

* Corresponding author

E-mail addresses: keldybekov.manat@gmail.com (M.B. Keldybekov),
kairat.battalov@gmail.com (K.K. Battalov)

Российской империи по обследованию различных областей Казахстана и Кыргызстана, а именно материалы, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева ([Материалы по обследованию..., 1913](#)). Также важными источниками являются труды дореволюционных исследователей казахской степи: Н. Коншина, Д. Федорова, Я. Полферова, Н. Аристова, А. Чулошниковой и В. Бартольда. Эти исследователи собрали ценные данные о жизни, культуре и политической организации народов региона, которые остаются важным источником информации для современных ученых.

Методологической основой работы является системный подход, который позволяет рассматривать историю взаимодействия казахского и кыргызского этносов в рамках этнической истории. Основными принципами системного подхода являются целостность и иерархичность. Данные принципы позволяют рассматривать исторические события, связанные с взаимодействием казахского и кыргызского этносов, как часть единого процесса. Исследователи анализировали не только отдельные эпизоды и конфликты, но и их вклад в формирование общей картины этнополитических отношений между этими двумя народами. Иерархичность позволила рассмотреть элементы системы этнополитических отношений на различных уровнях структуры. Это включало анализ как глобальных исторических факторов, так и мелких этнических конфликтов и взаимодействий. В настоящем исследовании были учтены как широкомасштабные тенденции, так и нюансы взаимодействия между индивидами и малыми группами.

Также в работе над статьей применен цивилизационный метод. Он был использован для анализа развития общества через призму цивилизационных процессов. Этот подход позволил углубленно исследовать взаимосвязь времени, пространства и окружающей среды на формирование этнических и политических отношений между казахами и кыргызами.

В ходе научного исследования возникла потребность в применении методологических подходов, характерных для специально-исторических исследований, а именно проблемно-хронологического и историко-сравнительного методов.

Проблемно-хронологический метод был применен для анализа исторических событий и процессов. С его помощью удалось последовательно раскрыть логику развития этнополитических отношений между казахами и кыргызами. Этот подход помог выявить основные этапы этногенеза и этнокультурных взаимосвязей двух народов в хронологической последовательности.

Сравнительно-исторический метод необходим для выявления сходств и различий в развитии казахского и кыргызского этносов, а также для установления качественных изменений на разных этапах их жизни. Этот метод помог проанализировать сходные исторические процессы, а также определить влияние этих процессов на формирование этнополитических отношений между казахами и кыргызами.

Благодаря применению этих методологических подходов было установлено, какие исторические события и культурные факторы влияли на этнополитические отношения между казахами и кыргызами. Были выявлены ключевые моменты в их историческом взаимодействии, а также различия в этнических и политических стратегиях обеих народностей. Такое исследование позволяет лучше понять современное состояние отношений между этими этносами и предсказать их дальнейшее развитие.

3. Обсуждение

Большую научную ценность в изучении нашей темы представляют труды исследователей XIX в., в первую очередь, А.И. Левшина ([Левшин, 1996](#)). Наибольший интерес в рамках исследуемой проблематики вызывает вторая часть труда, где автор приводит материалы о происхождении казахского и кыргызского этносов, источники по истории казахского народа, а также обширные исторические данные, охватывающие период с древности до начала XIX века. Этот раздел также освещает казахско-кыргызские пограничные конфликты XVIII века.

Среди исследователей XIX века выделяется труд казахского ученого Ч.Ч. Валиханова ([Валиханов, 1984](#); [Валиханов, 1985](#)). Данный труд является своего рода энциклопедией этнической истории казахов и кыргызов. Он иллюстрирует этнополитические и этнокультурные отношения между ними. Вопросы казахско-кыргызских этнических и политических взаимоотношений являются преобладающими во всех работах Ч.Ч. Валиханова. Он подробно описывает казахско-кыргызские столкновения, их последствия, а также указывает даты наиболее значимых военных выступлений казахов под руководством Абылай хана.

Из дореволюционных исследователей, касавшихся отдельных аспектов казахско-кыргызских связей, можно выделить труды Н.Я. Коншина ([Коншин, 1902](#)), Д. Федорова ([Федоров, 1903](#)), Я. Полферова ([Полферов, 1904](#)), И.Г. Андреева ([Андреев, 1998](#)), Н.А. Аристова ([Аристов, 2001](#)). В них имеются исторические сведения, касающиеся казахско-кыргызских этнополитических отношений, однако сведения об их контактах приводятся отрывочно и попутно, лишь при освещении отдельных сторон истории казахов или кыргызов.

Работа А.П. Чулошникова ([Чулошников, 1924](#)) повествует об истории продвижения Русского государства на восток и интеграции башкир, казахов и других тюрко-мусульманских народов в состав

Российской империи. Данный труд важен при формировании источниковой базы для изучения истории Казахстана в контексте истории России XVIII-XIX вв.

В ряду академической плеяды ученых-востоковедов особое место занимает известный востоковед-тюрколог В. Бартольд (Бартольд, 1963), который на основе исследования арабских, персидских, византийских и других первоисточников, обобщив материалы по истории тюрко-монголов, исследовал происхождение отдельных племен, позднее вошедших в тот или иной этнический состав. Исследовательский интерес в работах В.В. Бартольда был сосредоточен на этнографическом изучении тюркских народов. Особый интерес представляла проблема этногенетических реконструкций. Исследователь дает исчерпывающие сведения об этногенетической истории как казахского, так и кыргызского народов, раскрывает роль тех или иных этнических компонентов в сложении этих двух этносов.

4. Результаты

Вследствие распада СССР и приобретения государственного суверенитета бывшими союзными республиками, включая страны Центральной Азии, возрос интерес к вопросам этногенеза и политических отношений в этом регионе.

В XVI-XVII веках завершился процесс формирования основных этнических групп в Центральной Азии. Он сопровождался интенсивными политическими событиями. В это время народы региона активно боролись за сохранение своих территорий и политической независимости. Казахский и кыргызские народы, несомненно, стали частью этого процесса, однако их этнополитическая история остается малоизученной в исторической науке. Сведения встречаются в основном фрагментарно лишь в контексте отношений Казахского ханства с крупными государствами Центральной Азии того времени.

Казахско-кыргызские этнополитические отношения начали складываться еще в XVI веке. Казахский хан Тахир считается первым ханом, установившим политический союз с кыргызами. В связи с неудачами на западных окраинах Казахского ханства Тахир-хан был вынужден отступить в Могулистан. Согласно источникам, неудачными были войны Казахского ханства не только с мангытами на западе, но и с Шибанидами на юге. Последствием неудачных войн явилась потеря части территории казахских степей (Кляшторный, Султанов, 1992: 278-279). Все это заставило казахов во главе с Тахир-ханом отступить в Могулистан.

Кыргызы, входившие в состав государства Могулистан, примкнули к Тахир-хану. Исследователь С.М. Абрамзон указывает, что в XVI веке кыргызы находились в политической зависимости от правившей в государстве Могулистан династии Чагатаидов. Также Чагатаиды были виновниками происходивших в Могулистане смут и, как следствие, большая их часть была перебита. Могульские правители разрешили оставшимся частям кыргызов кочевать в районе озера Иссык-Куль. Известно, что кыргыз Мухаммад в 1514 году оказал огромную услугу могольскому хану Султан Саиду в его походе и завоевании Кашгарии. В качестве награды он был отправлен в Могулистан, где ему подчинились все разрозненные племена кыргызов. В 1524 году в страну кыргызов пришел казахский хан Тахир, которому подчинилась большая часть кыргызов (Абрамзон, 1946: 18-19).

Примыкание части кыргызских племен к Тахир-хану не могло не вызвать недовольства могольских ханов. В 1533 году, после прихода к власти Абд ар-Рашида хана, были совершены неоднократные походы против проживающих на западе страны кыргызов и казахов. Академик В.В. Бартольд упоминает, что в 1537 году, в период правления Абд ар-Рашида хана, казахи во главе с Тутум ханом были разбиты, однако после сами потерпели поражение от казахского хана Хак-Назара, которого кыргызы также признавали своим ханом. Оставленный править (здесь – сын Абд ар-Рашида хана, Абд ал-Ляtif) был ранен и взят в плен, но вскоре умер от полученных ран (Бартольд, 1943: 516).

После данных исторических событий, казахи и кыргызы закрепились в Семиречье, что сигнализировало о начале процесса политической консолидации обеих народностей. Одним из доказательств этого объединения служит частое упоминание кыргызов в составе войск казахских ханов, особенно в контексте их противостояния с правителями Могулистана.

В XVII веке на политической арене Центральной Азии появилось Джунгарское ханство, которое соседствовало с восточными областями Казахского ханства. Политические изменения произошли и в Мавераннахре. Здесь на смену династии Шибанидов к власти пришла династия Аштарханидов (потомки Тукай-Тимура, сына Джучи).

На рубеже веков крупные города Ташкент, Туркестан, Сайрам, Андижан находились под политической властью казахских ханов и султанов. Первые ханы династии Аштарханидов не имели в государстве достаточной опоры на местные узбекские племена, власть их была незначительна, этому также способствовала борьба представителей данной династии между собой (Кляшторный, Султанов, 1992: 296).

В период XVII-XVIII вв. казахско-кыргызские этнополитические отношения развивались в контексте произошедших политических изменений в регионе.

В 1598 году Есим-султан стал ханом Казахского ханства. Он, воспользовавшись сменой династии в Мавераннахре, в 1605, 1611 и 1612 годах трижды вторгнулся в пределы Самарканда.

В 1611 году Бухарское ханство возглавил Имамкули-хан (1611–1642) из династии Аштарханидов. Он окончательно покончил с господством Шайбанидов в Мавераннахре. В противостоянии с Имамкули-ханом кыргызы всегда упоминаются рядом с казахами и выступают совместно. В военных походах против Абдаллах-хана II еще в 1580–1581 годах в составе войск Есим-султана встречаются упоминания об участии кыргызских племен (Абусейтова, Баранова, 2001: 260).

Известно, что в ходе междоусобных распр между Есим ханом и Турсун султаном в Казахском ханстве Есим хан покинул пределы Туркестана и осел в Семиречье, присоединившись к кочевым племенам кыргызов. Здесь он активно участвовал во внутренних конфликтах правителей Восточного Туркестана. В исторических источниках отмечается, что в это время Есим хан также возглавлял часть кыргызских племен (Кляшторный, Султанов, 1992: 298).

В течение нескольких лет Есим хан пытался укрепить влияние в Восточном Туркестане. В связи с уничтожением династии Чагатаидов в Восточном Туркестане он даже был приглашен как чингизид на трон Яркенда в смутный период. Однако затянувшаяся междоусобная война и переменчивость интересов местных кланов вынудили Есим хана вскоре покинуть пределы Восточного Туркестана и вернуться обратно, так и не добившись подчинения Аксу и других городов.

За время отсутствия Есим хана султан Турсун уже выпускал монеты со своим именем, собирал с населения различные налоги. О данной междоусобной войне между Есим ханом и Турсун султаном встречаются различные исторические сведения и рассказы. Так, Ч.Ч. Валиханов в своих трудах пересказывает легенду, согласно которой сподвижником Есим-хана в борьбе с мятежным Турсун султаном был один из родоначальников кыргызских племен Кукем би, и именно при его поддержке был низвергнут султан Турсун. В благодарность Кукем бию Есим хан в городе Ташкент воздвиг башню, существующую и поныне. Она носит название «Көкемнің көк күмбезі» – «Синий купол Кукема» (Абусейтова, 2001: 77). Этот поступок Есим-хана показывает высокий уровень их взаимоотношений и уважение к кыргызскому народу.

Кыргызы принимали Есим хана также и своим ханом. Необходимо отметить, что кыргызы не облагались какими-то налогами или повинностями, наоборот, выступали везде как независимые народы. В.В. Бартольд в своих трудах отмечает, что казахи и кыргызы до этого во взаимоотношениях друг с другом не имели политических связей, однако впоследствии между собой заключили союз и имели общую политическую жизнь (Бартольд, 1943: 515).

Совместные выступления казахов и кыргызов (при руководящей роли казахов) продолжаются на протяжении XVI, XVII и первой половины XVIII веков. Для этого периода становится обычным упоминание кыргызов и казахов рядом.

Характер взаимоотношений казахского и кыргызского народов ко второй четверти XVII в. ознаменовался жестким противостоянием с Джунгарским государством.

Есим хан еще в середине 20-х годов XVII века выступал на беспокоящих с востока джунгар, где наряду с казахами участвовали и многочисленные кыргызские племена. Джунгары были вынуждены откочевать от владений казахов. Однако противостояние казахов и джунгаров с целью контроля территории традиционных мест кочевания впоследствии переросло в многолетние и изнурительные войны, причем чаша весов все чаще склонялась в пользу джунгар. Казахским ханом после смерти Есим хана стал его сын Жангир, время правления которого можно охарактеризовать как период жесточайшего противостояния с Джунгарским ханством.

По поводу правления Жангир хана А. Левшин писал: «Богатырь вступил в войну с Ишимом в 1635 году, и что Джангир, начальствовавший тогда войском кыргыз-казацким, взят был в плен. Возвратив себе каким-то случаем свободу, он решился мстить джунгарам и непрерывно тревожил их набегами. Желая надолго усмирить, а если можно и совсем истребить столь вредных соседей» (Левшин, 1996: 57–58).

После возвращения из плена Жангир хан начинает строить и укреплять политический союз с кыргызами, Бухарским и Хивинским ханами, поддерживает отношения с правителями Восточного Туркестана. Во внутренней политике опирается на биев различных казахских племен и батыров из числа простого народа.

В источниках приводятся сведения о захвате 50-тысячного джунгарского войска алай-кыргызов и токмаков в 1643 году. Это были территории традиционных кочевий казахских и кыргызских родов (Чулошников, 1924: 154–155). Были известны подробности выхода джунгар к горным переходам. После договоренностей с предводителями тянь-шанских кыргызов, обещавших свою поддержку, а также с известным политическим деятелем Бухарского ханства Жалантосом, Жангир хан вышел к отрогам Джунгарского Алатау. А.И. Левшин, описывая данную битву Жангир хана с джунгарским войском, отмечает, что в силу малочисленности своего войска он не стал вступать в бой и прибегнул к хитрой тактике, используя географические особенности местности. Одну половину своего войска разместил между горами в узком ущелье, окопав глубоким рвом и обнеся высоким валом, а со второй частью войск скрылся по другую сторону горного ущелья. Джунгары, подойдя к узкому ущелью, ввязались в бой, где в силу ограниченного пространства начали терять огромное количество войска. В это время Жангир хан с другой частью подготовленных войск, снабженных ружьями, стремительно напал на них с тыла, тем самым нанеся непоправимый урон джунгарам (Левшин, 1996: 59).

Джунгары были вынуждены отступить назад и искать возможности проведения сражения в открытой местности. Решающее сражение в итоге произошло в районе Орбулака в Джунгарском Ала-Тау.

К этому моменту подошла помощь со стороны Жалантос батыра с Бухарского ханства, который привел с собой от Самарканда до Семиречья 20-тысячное войско. Подошли и кыргызские ополченцы. Известно, что рядом с казахскими воинами приняли участие и кыргызские батыры Котен и Табай. Джангир хан по итогам сражения получил прозвище Салкам («Внушительный»).

События тех лет в своих трудах освещает Ч.Ч. Валиханов. Он упоминает следующее: «во второй четверти XVII века, при том же хане Ишиме, загорелась борьба кыргыз-казахов с усилившимися калмыцкими (джунгарскими) властителями, война сына Ишимова Джангира с Батор-хун-тайцзием в 1643 году» (Валиханов, 1985с: 200).

В 1652 году произошло третье крупное вторжение джунгар на территорию Казахского ханства. В ходе этой битвы Жангир хан пал от рук семнадцатилетнего нойона Галдамы, а кыргызы потеряли свою политическую самостоятельность и стали данниками джунгар (Норбо, 1999: 72).

Подробно о роковом для казахского народа событии пишется в калмыцком памятнике литературы, посвященном хоршоутскому нойону Галдаме, где подробно описываются события этого сражения, в частности, о гибели Жангир хана от рук нойона Галдамы в 1652 году (Бадмаев, 1969: 81).

Систематические вторжения джунгар в течение всего XVII века на традиционные кочевья казахских и кыргызских племен не могли не повлиять на хозяйственный уклад, изменения маршрутов и мест кочевания, вынудив последних переселиться на запад и юг. В контексте интенсивных этнических контактов в этот период между казахами и кыргызами, а также в свете завершающего этапа сложения данных этносов, происходило фомирование, перераспределение и поляризация родов и племен.

Первая половина XVIII века для казахского и кыргызского народа была временем жесточайшего прессинга со стороны Джунгарского ханства. Казахи и кыргызы были изгнаны со своих территорий. А.И. Левшин пишет: «стесненные и преследуемые с трех сторон, они могли бы быть совсем истреблены, если бы не удалились на юг. Остатки Большой орды с малой частью Средней откочевали тогда – к Самарканду, Меньшая – к Хиве и Бухаре» (Левшин, 1996: 167). Большая часть кыргыз ушла в Фергану, Памир и Алтай, а также отчасти в Кашгар. Академик В.В. Бартольд также это подтверждает: «...еще до падения ойратской державы, увеличилось число кыргызов в Кашгарию; часть кыргызов, племена кипчак, через Кучу (очевидно, из Тянь-Шаня) пришла в Хотан» (Бартольд, 1943: 527).

В таких условиях оба этих народа, прежде всего, думали о самосохранении, изгнании завоевателей и о возврате своих земель. Контакты казахов и кыргызов начались после падения Джунгарского государства под ударами цинских армий.

Многовековое соседство родственных по происхождению казахского и кыргызского народов, близость социального устройства, сходство языков, элементов культуры, права, а также практически идентичный метод введения хозяйства, привели к разносторонним и широким связям между ними. Взаимоотношения двух народов в этот период характеризуется политической консолидацией против завоевателей, в частности, против династий Чагатаидов, Аштарханидов и Джунгарского ханства.

Однако с исчезновением внешней угрозы, начиная с XVIII века, между казахскими и кыргызскими правителями начался период приграничных столкновений за освобожденные территории. Впоследствии это переросло в полномасштабные конфликты.

После падения джунгарского государства китайцы не только не препятствовали казахам занимать опустошенные степи джунгар, но и привлекали их туда. Таким образом, казахи Старшего жуза, равно как и кыргызы, долго находившиеся в стеснении, вернулись в Семиречье, где номинально считались китайскими подданными (Федоров, 1903: 26).

Н.А. Аристов пишет: «покорив цзунгаров и соединив таким образом под своей властью почти всех монголов, маньчжурские императоры Китая отказались от дальнейшего распространения своих владений на запад, считая казаков и кыргызов неопасными и удобными соседями и надеясь обеспечить безопасность новоприобретенных земель с этой стороны и влияние над признавшими власть или, скорее, покровительство Китая казачьими и кыргызскими родами, преимущественно дипломатическими путями» (Аристов, 2001: 433).

С середины XVIII века начались эпизодические военные конфликты казахов с кыргызами. Основными причинами были отгон лошадей, препятствование торговле казахов с Цинской империей и со странами Центральной Азии. Но одной из главных причин столкновений казахов и кыргызов была, прежде всего, борьба за освобожденные от джунгар пастбища.

С.М. Абрамзон также указывает: «между казахами и кыргызами в этот период происходят частые столкновения из-за пастбищных территорий» (Абрамзон, 1946: 20).

Необходимо отметить, что мирное население было заинтересовано в добрососедских взаимоотношениях. В основе этих взаимоотношений лежали экономические интересы. Казахи, живущие на границе с кочевьями кыргызов, успешно выполняли роль посредников в русско-кыргызской торговле, были особенно заинтересованы в стабильном торговом обмене с городами Восточного Туркестана и Средней Азии, а кратчайшие пути к ним проходили через земли кыргызов.

В 1764-1765 гг. вновь отношения обострились. Как сообщал в Коллегию иностранных дел командующий сибирских линий И.И. Шпрингер 19 апреля 1765г., казахский султан Абулфеиз ходил с войском против Карабуты-бия, «откуда и прибыл благополучно и с собою завоеванного всего богатства и с пленными получил на двадцать тысяч» ([Казахско-русские отношения ..., 1963: 75](#)).

Однако главными причинами казахско-кыргызских конфликтов этого периода являлись попытки тех и других контролировать пограничные территории и установить свое политическое господство над ними.

Пограничные столкновения в середине 60-х гг. XVIII века переросли в полноценную войну. В октябре 1764 года, возвращаясь из ставки казахских ханов, башкирский старшина Шукур Абзанов сообщил: «в нынешнем году киргис-кайсаки Большой и Средней орды разных родов кочевья свои имели близ китайской границы, подле разоренной Калмыцкой земли, по речке Иле, и от троекратного киргисцами нападения..., разбитые были, отчего пришли в крайнее разорение» ([Казахско-русские отношения ..., 1963: 668](#)).

Хан Среднего жуза Абулмамбет предложил Абылаю совместно выступить на земли кыргызов. Об этом походе предварительно было извещено командование цинских войск в Синьцзяне, предложением же для военного похода стал ненадлежащий прием гонцов Абылая. В октябре 1765 г. Аблай в ответ на это выступил со своим войском. По итогам этого похода Абылай принудил ряд кыргызских родоправителей к миру и в качестве залога взял ближайших их родственников в аманаты. В августе 1766 года К. Казанбаев и У. Азлаев, вернувшись из Среднего жуза Казахского ханства, оставили донесение, что Абылай хан в данное время находится на территории Старшего жуза вместе со своей семьей, и бий кыргызского рода Карабута «ему, Аблай-солтану, дал в аманаты сына своего родного... и сем семей со всем экипажем и скотом... причем и захваченных оными кыргызами ево, Аблаева, владения киргисцов из плену возвратил» ([Сулейменов, Моисеев, 1988: 108](#)).

В 1770 году Абылай хан вновь выдвинулся со своим войском в сторону владений кыргызов. Состоявшаяся битва получила название в истории как «Джаилнын кыргыны» – «Джайлово побоище». Ч. Валиханов, описывая события этой битвы, отмечает, что она состоялась в долине реки Чу. Также он пишет, что Аблай хан разгромил кочевья кыргызских родов солту и саяк, при возвращении домой его встретило крупное объединенное войско кыргызов, в итоге «кайсаки остались победителями, хотя кыргызы дрались насмерть, чтобы освободить своих пленных... кыргызы понесли ужасный урон: из рода чонбагыш осталось только два аула, а из отделения чонтолкан только 40 человек» ([Валиханов, 1985а: 77-78](#)).

Об этом походе оставляет заметки и В.В. Бартольд: «Абылай нанес кара-киргизам жестокое поражение в открытой битве и сильно опустошил их страну» ([Бартольд, 1943: 529](#)).

В «Песне об Аблае» раскрываются события о военном столкновении кыргызского и казахского народов. В песне кыргызский батыр Садыр нападает на аулы казахов, за что Аблай-хан, собрав войско трех жузов, наносит ответное нашествие. Аблай-хан, прежде чем идти на кыргызов, посылает посла к Садыру со словами:

«Не буду враждовать с Садыром,
Пойду на мировую с Садыром...

Садыр отвергает мир, предложенный Аблай-ханом, мотивируя это обидой за причиненные ранее Аблаем разорения его народа; говорит о пленных, уведенных ханом ранее и отвечает ему:

– Коки! Не помирюсь я с ним,

Буду враждовать с этим рабом!» ([Валиханов, 1985а: 269](#)).

После смерти в 1771 году престарелого хана Среднего жуза Абулмамбета, на трон был избран султан Абылай. А.И. Левшин в своей характеристике Аблаю отмечает его превосходство над всеми другими султанами и претендентами на трон хана Среднего жуза, так как он обладал незаурядными качествами, умом и опытом. Также отмечает его дипломатические способности, умение ладить как с Российской империей, так и с Китаем ([Левшин, 1996: 154](#)).

После возвышения ханом Среднего жуза одной из ключевых целей во внешней политике Аблай хана было подчинение своему влиянию кыргызов. В своей записке властям Российской империи писарь муллы Ягуды Усманова в 1979 году отмечает, что Абылай хан планирует, собрав всех ему поданных людей, тронуться в поход на земли кыргызов с целью их усмирения и подчинения ([Казахско-русские отношения ..., 1964: 96](#)).

Собрав свое войско осенью 1779 г., Абылай выступил на территорию кочевий кыргызов. Угроза гибели заставила многих знатных кыргызских родоправителей (манапов) сложить оружие и признать зависимость от казахского хана Абылая.

А.И. Левшин, упоминая об этом походе Аблай хана, пишет, что в ходе этого конфликта он нанес кыргызам сокрушительное поражение и в качестве усмирения взял у них аманатов, заложников из числа влиятельных родоправителей, а сам остался кочевать в районе Туркестана. В эти годы построил сыну, султану Адилю, город на реке Талас, укрепив его. А аманатов, взятых у кыргызов, переселил на север Среднего жуза. Их потомки проживают там и поныне. Они известны как род Жана-кыргыз, то есть новые кыргызы ([Левшин, 1996: 256](#)).

Эти сведения дополняются Ч.Ч. Валихановым, внесшим огромный вклад в освещение казахско-кыргызских этнополитических отношений: «Аблай-хан в одном из своих чапу на кыргызов [1757] (для отделения от киргиз-кайсаков русские народу этому дают прилагательное дикокаменный, черный, а китайцы называют бурут) вывез в свою орду несколько сот джесырей (пленников); эти буруты, кочуя вместе с атыгаевским родом Средней орды от племени аргын, потепенно сливались и теперь составляют отделение этого рода под именем Яна-кыргыз и бай-кыргыз и, для получения генеалогического права братства родов, производят себя от одного из 12 сыновей Даута (родоначальника атыгаев)» (Валиханов, 1985а: 153).

В 1780 г. Абылай хан скончался после продолжительной болезни. На трон Среднего жуза был поднят его сын. В отличие от отца он дорожил покровительством Российской империи и обратился с просьбой его официального утверждения в качестве хана, что в итоге было торжественно выполнено властями в 1782 году.

Некоторые сыновья и ближайшие родственники Абылая, не желая признания власти Уали, признавали себя подданными Китая и вели независимую политику от хана. Так поступил султаны Чингиз и Тыз.

Тыз известен своими нападениями на южных соседей – кыргызов. В один из таких безрассудных походов на них с небольшим количеством воинов он был разбит кыргызами и попал в плен, из которого с позором выкупился (Левшин, 1996: 258).

Наиболее подробно описывает эти события капитан И.Г. Андреев. По его сведениям, Тыз султан со своими людьми в количестве трехсот человек с целью добычи напал на территорию кочевий кыргызского рода солто, однако сам попал к ним в плен. Кыргызы из уважения к происхождению султана не стали его убивать, но наложили позорный для казахов выкуп в размере восемь человек калмыков, а в залог оставили при себе 10 человек из его окружения. Тыз султан вернулся в ставку своего брата Чингиса, который отдал распоряжение отомстить кыргызам, отпустившим его брата на таких позорных условиях. Однако посланные его люди вернулись ни с чем, так и не достигнув своей цели (Андреев, 1998: 79).

Также от рук кыргызов пострадал казахский старейшина Берды-хожа, который был одним из известных батыров Абылай-хана. А.И. Левшин отмечает, что Берды-хожа в 1785 году одержал над кыргызами победу, но она оказалась последней, так как уже в следующем году он у реки Жидис потерпел сокрушительное поражение от кыргызов. В этом месте Берды-хожа ждал пополнения своих рядов, а кыргызы, воспользовавшись этим, напали и разбили их. Сам он был взят в плен, где впоследствии и умер (Левшин, 1996: 259).

Вторая половина XVIII – начало XIX вв. ознаменована в казахско-кыргызских этнополитических отношениях бесконечными пограничными спорами и столкновениями. Ч.Ч. Валиханов в своих трудах отмечает, что у кыргызов в лице казахского народа сложился образ врага, и приводит случай, когда он гостил в доме у одного кыргыза, тот в разговорах проклинал места захоронения наших предков (Валиханов, 1985b: 341).

Первая половина и середина XIX века в истории казахского народа характеризуется периодом волнений против царской России. Одним из крупных было восстание Кенесары хана. Оно продолжалось более 10 лет. Восстание охватывало в основном территории Младшего и Среднего жузов. Однако после долгих лет борьбы с царскими войсками в 1846 г. Кенесары был вынужден покинуть территории данных жузов и отступить на юг в сторону среднеазиатских ханств, где были наиболее благоприятные условия для последовавших за ним людей.

Благоприятствовала и политическая ситуация в данном регионе. Шла ожесточенная война между Хивинским и Бухарским ханствами. В связи с захватнической политикой Кокандского ханства Кенесары хан принимает решение двинуть свои войска против кокандской крепости Ак-Мечеть в районе Сыр-Дарьи, так как этот район был близок к южным кочевьям Младшего и Среднего жузов, а также к расположению родов Старшего жуза. Однако в связи с охватившей его войско холерой, а также в связи с заключением союза между Кокандским и Бухарским ханствами, Кенесары вначале 1846 г. откочевал на юго-восток, в район озера Балхаш и р. Или (Бекмаханов, 1992: 316).

Кенесары хан принял решение перезимовать на полуострове Камал на озере Балхаш. Войско Кенесары хана было измотано многочисленными переходами и перекочевками. Переход на земли кыргызов, с которыми до этого вели кровавые войны Абылай и его последователи, ему ничего хорошего не предвещал.

Необходимо отметить, что царская Россия неоднократно пыталась привлечь к себе Кенесары хана в качестве подданного, однако эти предложения им отклонялись.

Кыргызскими племенами руководили опытные военачальники, такие, как Ормон (1830–1854), а также влиятельные манапы Жантай, Боромбай, бий Калыгул и др. (Валиханов, 1984: 331). Лазутчики манапов неотступно следили за действиями Кенесары, информируя своих владельцев о каждом его шаге.

Известно, что один из активных манапов кыргызского народа Жанкараш послал к Кенесары хану делегацию с предложением дружбы и мира. Однако Кенесары вместо заключения мира пленил посла, что дало повод Ормон хану и другим манапам северо-кыргызских племен Сарыбагыш, Буту, Черик, Солто,

Саруу и Кушчу для подготовки ответных действий против него (Джамгерчинов, 1992: 120).

Впоследствии начались первые столкновения в приграничных территориях между казахами и кыргызами, где обе стороны несли немало потерь. Во второй половине 1846 года удалось договориться о перемирии, и начались переговоры о прекращении военных действий. Однако перемирие без конца нарушалось обеими сторонами, что в итоге привело в открытому противостоянию Кенесары хана с объединенным войском кыргызов.

Решающее и последнее сражение сторонников Кенесары хана с кыргызским войском произошло в местности Май Тобе. Туда стягивались многочисленные объединенные силы кыргызов. Начавшись со стычек между передовыми отрядами, битва длилась до 12 дней. Численный перевес был на стороне кыргызов, их было в десять раз больше войск Кенесары хана.

Исход сражения Кенесары с кыргызами был предрешен в пользу кыргызских манапов. Во-первых, казахский султан Рустем и бий Сыпатай, примкнувшие к движению Кенесары, в ночь перед сражением покинули поле боя. Во-вторых, кокандские правители передали часть своих войск в распоряжение манапа Ормона.

Одной из крупных ошибок Кенесары хана было применение захватнических методов борьбы. Его репрессии обрушились не столько на кыргызское политическое руководство, сколько на простой народ. В своих походах он сжигал целые аулы, не щадил ни стариков, ни женщин, ни детей. Эта жестокость Кенесары не могла не отразиться в методах борьбы восставших кыргызов (Валиханов, 1985d: 334).

П.П. Румянцев, описывая причины попадания в плен хана Кенесары и его дальнейшего убийства, говорит: «в самом начале своего появления в Семиречье Кенесары сделал несколько жестоких набегов на кыргыз рода Сары-багыш и взял от них богатую добычу. Теперь кыргызы воспользовались случаем отомстить обессиленному и загнанному султану» (Материалы по обследованию ..., 1913: 6). В источниках неоднократно встречаются свидетельства о жестокости Кенесары хана по отношению к пленным кыргызам, где они умирали под жестокими пытками (Полферов, 1904: 498).

Далее со второй половине XIX в. начался процесс вхождения казахского и кыргызского народов в состав Российской империи (Коншин, 1902: 55).

Таким образом, на основе систематизации ценных сведений в трудах российских исследователей мы определили степень казахско-кыргызских этнополитических взаимоотношений. В последующем стоит задача развития взаимоотношений между казахским и кыргызским народами на основе равноправия и добрососедства.

5. Заключение

В течение XVI-XIX веков регион Центральной Азии был свидетелем уникальных этногенетических процессов, а также формирования и развития новых государственных образований. Казахский и кыргызский этносы, имея общие территории расселения, поддерживали тесные отношения.

Установление и развитие этнополитических взаимоотношений между двумя этносами происходит в XVI веке. В этот период завершается сложение основных этнических групп в Центральной Азии, в частности, происходит выделение кыргызов из государства Моголистан и становление государства казахов как крупного и отдельного государства.

XVII в. является временем политической консолидации казахского и кыргызского народов. Наибольшей консолидации политической союз казахов и кыргызов достиг в период правления казахских ханов – Есим-хана, Жангир-хана, Тауке-хана.

Первая половина XVIII века для казахского и кыргызского народов была временем наибольшего прессинга со стороны Джунгарского ханства. Казахи Старшего, части Среднего жузов и кыргызы были изгнаны со своих территорий.

И только лишь после падения джунгарского государства в середине XVIII в. казахи и кыргызы начинают занимать свои исконные пастбища. Казахи Старшего жуза и кыргызы вернулись в Семиречье.

Этот период в истории казахско-кыргызских этнополитических отношений характеризуется как время частых стычек, военных столкновений. Отдельные столкновения в середине 60-х годов XVIII века переросли в настоящую войну.

В XIX веке в политической истории казахского народа был отмечен ряд восстаний против российской политики. В ходе этих событий восстание под руководством Кенесары вынуждено было продвигаться в южном направлении к кочевьям казахов Старшего жуза и кыргызов. Однако хан Кенесары не находит поддержки среди кыргызов для войны против России, а, наоборот, находит там свою трагическую смерть от рук кыргызских манапов. Эти события еще больше осложнили взаимоотношения между двумя тюркоязычными народами. После гибели Кенесары началось активное присоединение азиатских государств к Российской империи.

Литература

Абрамзон, 1946 – Абрамзон С.М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946. 123 с.

- Абусейтова, 2001 – *Абусейтова М.Х.* История Казахстана и Центральной Азии / сост. Абусейтова М. Х. и др. – Алматы, 2001. 620 с.
- Абусейтова, Баранова, 2001 – *Абусейтов М. Х., Баранова Ю. Г.* Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII-XVIII вв. Алматы, 2001. 426 с.
- Андреев, 1998 – *Андреев И.Г.* Описание Средней орды кыргыз-кайсаков Алматы, 1998. 204 с.
- Аристов, 2001 – *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы или кара-киргизы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001. 582 с.
- Бадмаев, 1969 – *Бадмаев А.В.* Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. Бадмаев А.В. Элиста, 1969. 203 с.
- Бартольд, 1943 – *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943. 304 с.
- Бекмаханов, 1992 – *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20-40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1992. 400 с.
- Валиханов, 1984 – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 1. 432 с.
- Валиханов, 1985a – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 2. 416 с.
- Валиханов, 1985b – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 3. 415 с.
- Валиханов, 1985c – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 4. 461 с.
- Валиханов, 1985d – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 5. 528 с.
- Джамгерчинов, 1992 – *Джамгерчинов Б.Д.* Кыргызы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн кыргызов в XIX веке) // Труды Института истории, языка и литературы Кыргызского филиала АН СССР. 1945. Вып. 1. С. 111-130.
- Казахско-русские отношения ..., 1963 – Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв. Сб. документов и материалов. Т. 1. Алма-Ата, 1963. 743 с.
- Казахско-русские отношения ..., 1964 – Казахско-русские отношения в XVIII - XIX вв. (1771-1867). Алма-Ата, 1964. 575 с.
- Кляшторный, Султанов, 1992 – *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. 382 с.
- Коншин, 1902 – *Коншин Н.Я.* Заметка о киргизских родах и султанах в Каркаралинском крае // Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г. Семипалатинск, 1902. Вып. 6. С. 25-61.
- Левшин, 1996 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.
- Материалы по обследованию..., 1913 – Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Т. 2. Родословная киргизских общин Копальского уезда. СПб., 1913. 895 с.
- Норбо, 1999 – *Норбо Ш.* Зая-Пандита (Материалы к биографии). Элиста, 1999. 335 с.
- Полферов, 1904 – *Полферов Я.* В горах Ала-Тау. К истории восстания Кенисары Касымова (1837-1847) // Исторический очерк. 1904. № 8. С. 498-502.
- Сулейменов, Моисеев, 1988 – *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата, 1988. 144 с.
- Федоров, 1903 – *Федоров Д.* Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент: Штаб Туркестанского военного округа, 1903. Ч.1. 299 с.
- Чулошников, 1924 – *Чулошников А.П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924. Ч. 1: Древнее время и средние века. XII, 291 с.

References

- Abramzon, 1946 – *Abramzon, S.M.* (1976). Oчерk kul'tury kirgizskogo naroda [Essay on the culture of the Kyrgyz people]. Frunze, 123 p. [in Russian]
- Abuseitova, 2001 – *Abuseitova, M.H.* (2001). Istoriya Kazahstana i Central'noj Azii [History of Kazakhstan and Central Asia]. Sost. Abuseitova M. H. i dr. Almaty, 620 p. [in Russian]
- Abuseitova, Baranova, 2001 – *Abuseitova, M.H., Baranova, Y.G.* (2001). Pis'mennye istochniki po istorii i kul'ture Kazahstana i Central'noj Azii v XIII-XVIII vv. [Written sources on the history and culture of Kazakhstan and Central Asia in the XIII-XVIII centuries]. Almaty, 426 p. [in Russian]
- Andreev, 1998 – *Andreev, I.G.* (1998). Opisanie Srednej ordy kyrgyz-kajsakov. [Description of the Middle Horde of Kyrgyz-Kaisaks]. Almaty, 204 p. [in Russian]
- Aristov, 2001 – *Aristov, N.A.* (2001). Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy: Oчерki istorii i byta naseleniya zapadnogo Tyan'-SHanya i issledovaniya po ego istoricheskoy geografii. [Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: Essays on the history and life of the population of the western Tien Shan and studies on its historical geography]. Bishkek. P. 426. [in Russian]
- Badmaev, 1969 – *Badmaev, A.V.* (1969). Kalmyckie istoriko-literaturnye pamyatniki v russkom perevode [Kalmyk historical and literary monuments in Russian translation]. Sost. Badmaev A.V. Elista, 203 p. [in Russian]
- Bartold, 1943 – *Bartold, V.V.* (1943). Oчерk istorii Semirech'ya [Essay on the history of Semirechye]. Frunze, 304 p. [in Russian]

- Bekmahanov, 1992** – *Bekmahanov, E.* (1992). Kazakhstan v 20-40-e gody XIX veka. [Kazakhstan in the 20-40s of the 19th century]. Alma-Ata, 400 p. [in Russian]
- Chuloshnikov, 1924** – *Chuloshnikov, A.P.* (1924). Ocherki po istorii kazak-kirgizskogo naroda v svyazi s obshchimi istoricheskimi sud'bami drugih tyurkskih plemen. [Essays on the history of the Cossack-Kyrgyz people in connection with the general historical destinies of other Turkic tribes]. Orenburg. Ch. 1: Drevnee vremya i srednie veka. XII, 291 pp. [in Russian]
- Dzhamgerchinov, 1992** – *Dzhamgerchinov, B.D.* (1992). Kyrgyzy v epohu Ormon-hana (Iz istorii feodal'no-rodovoyh vojn kyrgyzov v XIX veke). [Kyrgyz in the era of Ormon Khan (From the history of the feudal-tribal wars of the Kyrgyz in the 19th century)]. Trudy Instituta istorii, yazyka i literatury Kyrgyzskogo filiala AN SSSR. 1945. Is. 1. pp. 111-130. [in Russian]
- Fedorov, 1903** – *Fedorov, D.* (1903). Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya Ilijskogo kraja. [Experience in military-statistical description of the Ili region]. Tashkent: Shtab Turkestanskogo voennogo okruga. Part 1. 299 p. [in Russian]
- Kazahsko-russkie otnosheniya..., 1963** – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vekah (sb. dok. i materialov) [Kazakh-Russian relations in the 16th-18th centuries (collection of documents and materials)]. Alma-Ata, 1963. 743 p. [in Russian]
- Kazahsko-russkie otnosheniya..., 1964** – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI-XVIII vekah (sb. dok. i materialov) [Kazakh-Russian relations in the 16th-18th centuries (collection of documents and materials)]. Alma-Ata, 1964. 575 p. [in Russian]
- Klyashtorny, Sultanov, 1992** – *Klyashtorny, S.G., Sultanov, T.I.* (1992). Kazakhstan. Letopis' trekh tysyacheletij [Kazakhstan. Chronicle of three thousand years]. Alma-Ata, 382 p. [in Russian]
- Konshin, 1902** – *Konshin, N.Y.* (1902). Zametka o kirgizskikh rodah i sultanah v Karkaralinskoy krae. [Note about Kyrgyz clans and sultans in the Karkaraly region]. Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoy oblasti na 1902 g. Semipalatinsk. Vyp. 6. Pp. 25-61. [in Russian]
- Levshin, 1996** – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih ili kirgiz-kajsackih ord i stepej. [Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty, 656 p. [in Russian]
- Materialy po obsledovaniyu..., 1913** – Materialy po obsledovaniyu tuzemnogo i russkogo starozhil'cheskogo hozyajstva i zemlepol'zovaniya v Semirechenskoj oblasti, sobrannye i razrabotannye pod rukovodstvom P. P. Rumyantseva. [Materials on the survey of native and Russian old-timers and land use in the Semirechensk region, collected and developed under the leadership of P. P. Rumyantsev]. T. 2. Rodoslovnaya kirgizskikh obshchin Kopal'skogo uezda. SPb., 1913. 895 p. [in Russian]
- Norbo, 1999** – *Norbo, S.* (1999). Zaya-Pandita (Materials for the biography). [Zaya-Pandita (Materialy k biografii)]. Elista, 335 p. [in Russian]
- Polferov, 1904** – *Polferov, Y.V.* (1904). In the Ala-Tau mountains. On the history of the uprising of Kenisary Kasymov (1837-1847). [V gorah Ala-Tau. K istorii vosstaniya Kenisary Kasymova (1837-1847)]. Istoricheskii ocherk. 8: 498-502. [in Russian]
- Suleimenov, Moiseev, 1988** – *Suleimenov, R.B., Moiseev, V.A.* (1988). Iz istorii Kazahstana XVIII veka (o vneshnej i vnutrennej politike Ablaya). [From the history of Kazakhstan in the 18th century (about the foreign and domestic policies of Ablai)]. Alma-Ata, 144 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1984** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1984). Sobranie sochinenij v pyati tomah [Collected works in five volumes]. Alma-Ata, 1985. T. 1. 432 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1985a** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenij v pyati tomah [Collected works in five volumes]. Alma-Ata. T. 2. 416 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1985b** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenij v pyati tomah [Collected works in five volumes]. Alma-Ata. T. 3. 415 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1985c** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenij v pyati tomah [Collected works in five volumes]. Alma-Ata. T. 4. 461 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1985d** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenij v pyati tomah [Collected works in five volumes]. Alma-Ata. T. 4. 528 p. [in Russian]

Казахско-кыргызские этнополитические отношения в трудах российских исследователей

Манат Б. Кельдыбеков ^{a, b, *}, Кайрат К. Батталов ^b, Арман А. Акишев ^c, Мади И. Рахимов ^c

^a Фонд науки, Астана, Республика Казахстан

^b Астана IT университет, Астана, Республика Казахстан

^c Торайгыров университет, Павлодар, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: keldybekov.manat@gmail.com (М.Б. Кельдыбеков),

kairat.battalov@gmail.com (К.К. Батталов)

Аннотация. Данная статья посвящена изучению трудов исследователей и путешественников, оставивших ценные сведения о казахско-кыргызских этнополитических отношениях.

Основная задача статьи – проанализировать исследования российских ученых, посвященных этнополитическим отношениям казахского и кыргызского этносов, определить их значимость и актуальность в воссоздании уровня их консолидации и конфронтации, степени взаимодействия друг с другом. Раскрывается характер их взаимоотношений от периода складывания политического союза до периода открытых противостояний. Приводятся исторические сведения о причинах тех или иных исторических событий, способствовавших характеру развития казахско-кыргызских этнополитических отношений.

Авторы в данной статье, опираясь на исторические, этнографические, статистические сведения в воспоминаниях и трудах исследователей и путешественников, определяют характер этнополитических отношений казахского и кыргызского народов путем воссоздания картины исторических событий, начиная со времени сложения политического союза до вхождения в состав Российской империи.

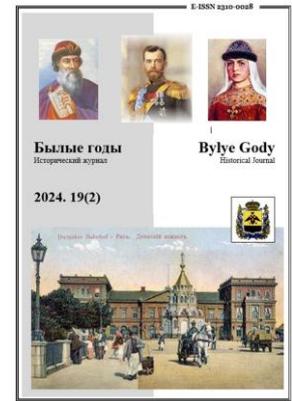
Ключевые слова: казахи, кыргызы, Российская империя, Могулистан, джунгары, союз, противостояние.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 716-725
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.716

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century

Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Anna S. Zhulaeva ^a, Semen V. Kozhevnikov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The problem of relationship between the Russian intelligentsia and the people in the XIX century was addressed, and their dichotomous character was noted. The notion of "the people" was defined and its structural and social composition was determined. The relationship between the intelligentsia and the people was described as conflictual. Views of the representatives of the noble intelligentsia, belonging to different social classes, on the causes of its conflict with the people were analyzed based on primary sources. The feeling of guilt for their dependency existence was marked as a common factor of mental motivation for the intelligentsia to contribute to the destiny of the people. The intelligentsia's assessments of various qualities of the people's character were diverse and depended on its genesis and socio-political status. The matters of faith of the people, the nature of their education, and their attitude towards the peasant community remained the most controversial ones. Active part of the noble intelligentsia in the destiny of the people involved gratuitous distribution of land, relief of duties, and provision of various benefits, which could not resolve the general social conflict situation due to the local nature of this activity. Silver Age creative intellectuals had diametrically opposed vision of the people. Someone's belief in the devout religiosity of the people was not consistent with the conviction of others in the sober mind, saving from superstitious delusions. Views on the role of the community in the life of the peasantry ranged from complete idealization to the need for its destruction. The intellectuals recognized ignorance of the people as the cause of all troubles, but had no general idea of the methods of its enlightenment. The intelligentsia noted combined contradictory qualities in the people, and attributed existence of the negative temperamental attributes to the living conditions of the people, poverty and ignorance. Long-suffering and submissiveness, inherent in the people, left open their subconscious desire for freedom in the eyes of the intelligentsia, which had to be implemented in real life. Duality of mentality, mutual misunderstanding and rejection of the Russian people and the intelligentsia worsened the split of the society and contributed to accumulation of the mass limit of the revolutionary outbreak.

Keywords: dichotomy, Russia, intelligentsia, people, enlightenment, nobility, diversity, mentality.

1. Введение

Многомерность понятия «народ» обусловлена широким диапазоном включаемых в него различных социальных слоев. К представителям народа по праву можно отнести крестьянство, составлявшее девяносто процентов населения России XIX века, мещан, купцов, вышедших в массе своей из крестьянской среды, приходских священников, во многом разделявших образ жизни своих прихожан, «трущобных людей» Гиляровского, прототипов героев пьесы Горького «На дне». Все эти слои объединяет общее понятие «народ», представители которого имели свои особенности как в образе жизни, так и в специфическом восприятии окружающей действительности. Сам народ каких-либо печатных трудов о себе не создавал, поэтому о его мировоззрении можно судить, изучая фольклор, к которому, однако,

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), [tag-kras@mail.ru](mailto>tag-kras@mail.ru) (T.V. Gryaznukhina), annzhul@mail.ru (A.S. Zhulaeva)

интеллигенция XIX века особого интереса не проявляла. Соответственно, взаимоотношения интеллигенции с народом строились исключительно на основе ее восприятия и понимания этого народа. Пишущая творческая и научная интеллигенция, исходя из своего понимания, создавала образ народа, который укоренялся в сознании последующих поколений. Встает вопрос, насколько правдивым и объективным было это представление. В. Ключевский писал, что интеллигенция может дать повод сказать о ней: «Эти люди были слишком философы и эстеты, чтобы стать деловыми устроителями народного хозяйства; они так много занимались познанием сущности вещей, что для их абстрактной мысли исчезли конкретные различия между камнем и куском хлеба, и, когда у них просили последнего, они в философской рассеянности взяли за первый» (Ключевский, 1990: 49). Знаменитый историк, таким образом, отмечал дихотомический уровень взаимопонимания интеллигенции и народа. Характер взаимоотношений между внутрироссийскими социумами менялся в разные исторические эпохи, он во многом зависел от происхождения самой интеллигенции. Так, мировоззрение дворянской интеллигенции диктовало ей одну модель поведения, убеждения разночинцев-народников – другую, творческая интеллигенция Серебряного века имела свое представление о народе. Общим для представителей всей интеллигенции было ее горячее сочувствие народу, стремление помочь ему своим деятельным участием, облегчить по возможности его участь, обратить внимание общества на его нужды. Основным путем решения многих проблем народа интеллигенция считала просвещение, к которому власть относилась двояко: с одной стороны, ею понималась необходимость просвещения народа, с другой – она опасалась, что образование будет проводником революционных идей. Проблема восприятия народом сгенерированных интеллигенцией знаний и достижений культуры оставалась актуальной в течение всего XIX века.

2. Материалы и методы

Опубликованные и неопубликованные архивные материалы, воспоминания современников, публицистические и научные труды интеллигенции исследуемой эпохи положены в основу анализа источниковой базы работы. В исследовании использованы документы Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация).

Важным источником в выявлении характера взаимодействия интеллигенции с народом являются труды и воспоминания представителей дворянской интеллигенции (Сухотина-Толстая, 1980; Тургенев, 1985), разночинцев (Степняк, 1987), неофитов-интеллигентов, выходцев из народной среды (Горький, 1922; Гиляровский, 1985; Гиляровский, 1986). Проанализировать особенности менталитета русского народа и интеллигенции помогли вторичные исторические источники (Лосский, 1957; Орлов, 1980; Тишков, 2013). Провести сравнительный анализ взглядов российских и зарубежных авторов на проблему дихотомии внутрироссийской ментальности удалось с помощью использования работ иностранных путешественников по России в XIX в. (Кюстин, 1990; Бальзак, 2002; Кеннан, 1999).

Теоретико-методологический конструкт исследования базируется на фундаменте общенаучных и специально-исторических методов. Принцип историзма позволил рассмотреть взгляды дворянской и разночинной интеллигенции в конкретно-исторические периоды и выявить причины взаимного ментального непонимания с русским народом. Проблемно-хронологический метод дал возможность выявить наиболее важные проблемы в интеллигентском дискурсе по вопросам веры народа, характера его просвещения, отношения к крестьянской общине. Историко-генетический метод помог определить обусловленность формирования негативных черт характера русского народа условиями жизни, нехваткой материальных и духовных ценностей.

3. Обсуждение

Вопрос взаимоотношений с народом для русской интеллигенции XIX века был одним из приоритетных. Воспоминания, публицистика, научные и литературные труды, созданные интеллигенцией исследуемой эпохи, помогают выявить характер ее взаимодействий с народом и понимание ею особенностей его мировоззрения. В своей совокупности эти труды являются ценными источниками, которые использованы и проанализированы в данной статье. Воспоминания Т. Сухотиной-Толстой, дочери писателя Л. Н. Толстого, позволяют составить представление не только о ее личном отношении к крестьянам, но также и о взглядах ее великого отца, которые она полностью разделяла (Сухотина-Толстая, 1980). Статья А. Блока, опубликованная в журнале «Золотое руно», позволяет судить об отношении автора к М. Горькому как выходцу из социальных низов (Блок, 1909). Мнение самого Горького о крестьянстве нашло свое отражение в его труде «О русском крестьянстве» (Горький, 1922). Другой социальный срез народа, представленный купечеством, рабочими, городской беднотой, показан в рассказах и очерках Гиляровского (Гиляровский, 1985; Гиляровский, 1985, 1986). Характеристика мещан, городского населения дана в дневнике К. Чуковского (Чуковский, 1991). Позиция революционно настроенной интеллигенции, ее понимание нужд и проблем народа нашла отражение в сочинениях С. Степняка-Кравчинского (Степняк, 1987). Не оставалась в стороне от решения данного вопроса также и научная интеллигенция. Примеры взаимоотношений интеллигенции дворянского происхождения с крестьянством приводит в своих трудах историк В. Ключевский (Ключевский, 1990). Общую характеристику положения народа в Российской империи

дает С. Платонов (Платонов, 1993). Сборник «Вехи» объединил группу философов, которые опубликовали в нем ряд статей, посвященных русской интеллигенции, и авторы не могли обойти своим вниманием вопросы взаимоотношений её с народом (Вехи, 1990). Труд Н. Лосского посвящен чертам характера русского народа и анализу их удельного веса в его ментальности (Лосский, 1957). Анализ мировоззрения интеллигенции XIX столетия на примерах отечественной литературы проделан в совместном труде С. Никольского и В. Филимонова (Никольский, Филимонов, 2008). Об образе жизни и особенностях мировосприятия русской интеллигенции рубежа веков можно составить представление, ознакомившись с работой В. Орлова (Орлов, 1980). Национальное самосознание российского народа с использованием исторических фактов исследуется в труде В. Тишкова (Тишков, 2013). Монография профессора Ю. Лебедева, посвященная И. Тургеневу, позволяет проследить характер взаимоотношений дворянской интеллигенции с народом в период творчества писателя (Лебедев, 1990). О личном восприятии писателем крестьянского жизненного уклада можно судить по его «Запискам охотника» (Тургенев, 1985). В качестве исторических источников для более полного освещения темы, исследуемой в статье, использованы свидетельства иностранных путешественников, посетивших Россию в XIX веке, Кюстина, Бальзака, Кеннана (Кюстин, 1990; Бальзак, 2002; Кеннан, 1999).

Об интересе к исследуемой теме свидетельствуют публикации в научных журналах. Попытки сближения интеллигенции и народа рассматриваются в статьях С. Никольского (Никольский, 2018; Никольский, 20182019). Причины конфликта интеллигенции с народом анализируются в статье Ю. Узлова (Узлов, 2012). Историографический обзор генезиса русской интеллигенции представлен в статье И. Купцовой (Купцова, 2021). Нравственному самосознанию интеллигенции посвящена статья О. Жуковой (Жукова, 2023). В аспекте традиций народознания рассмотрены социальные очерки Гиляровского в статье О. Рощиной (Рощина, 2012). Ряд авторов данного исследования подвергли научному анализу вопросы формирования российской и сибирской интеллигенции, ее взаимоотношений с народом и влияния на менталитет российского социума (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2017; Gryaznukhin et al., 2020; Gryaznukhina et al., 2021; Gryaznukhin et al., 2021).

4. Результаты

Образ русского народа в стереотипном его восприятии российской общественностью создавался, как правило, русской интеллигенцией дворянского происхождения, которая, владея именьями, самым непосредственным или опосредованным образом постоянно вступала в различные формы взаимоотношений со своими крестьянами. Определяя характер этих взаимоотношений, С. Платонов отмечал, «что еще со времен императрицы Екатерины II владение душами составляло тяжелую моральную проблему для чутких людей из русской интеллигенции» (Платонов, 1993: 692). Именно чувством вины перед народом и сочувствием ему было продиктовано стремление интеллигенции разобраться в его проблемах и бедах и хоть как-то ему помочь. Философ С. Булгаков отмечал, что русской интеллигенции присуще «чувство виновности перед народом, это своего рода «социальное покаяние», конечно, не перед Богом, но перед народом» (Булгаков, 1990: 30).

На фоне обостренного внимания общественности к судьбе российского крестьянства «Записки охотника» И. Тургенева, опубликованные отдельным изданием в 1852 г., явились для читающей публики настоящим откровением. Образы русских мужиков, мещан предстали перед читателями, на страницах произведения воскресли народные предания и поверья. «Записки» имели вполне определенный резонанс в обществе. Проникнутые сочувствием к крестьянству, они проводили мысль о противоестественности крепостного уклада. Сам Тургенев, выросший в богатом имении матери, постоянно общаясь с дворовыми и крестьянами, был уверен, что знает характер русского мужика. После смерти матери в 1850 г. он дал свободу дворовым, перевел крестьян с барщины на оброк, освободив их от платы за усадебную землю (Лебедев, 1990: 234). Вопрос о предстоящих реформах сильно волновал писателя, он искренне переживал, как отмена крепостного права скажется на судьбе крестьянства в целом. Во что реально выливались заботы о крестьянах либерального барина можно судить по рассказу А. Фета, который вместе с Тургеневым ездил в одно из его имений Топки. В ответ на жалобу крестьян о недостатке у них земли Тургенев раздал им всю землю. Но дело в таком положении оставалось до тех пор, пока в Топки не приехал управляющий имением дядя писателя Н. Тургенев, который все вернул на свои места. Фет рассказывал, как дядя смеялся над племянником, когда тот просил его продать Топки: «Неужели, господа писатели, все вы такие бестолковые?». Ведь без земли, якобы розданной крестьянам, имение продать было нельзя (Лебедев, 1990: 360). Мужикам поведение барина было непонятно, и смотрели они на его действия, как на очередную причуду во время его кратких приездов. Видимо, подобные случаи давали основания Чернышевскому и Добролюбову обвинять дворянскую интеллигенцию в лице Аксаковых, Киреевского, Хомякова и многих других в незнании народной жизни и психологии мужика.

Лучшие представители интеллигенции пытались принимать деятельное участие в улучшении жизни народа. Воспитанная на идеях отца, который был убежден в необходимости перестать грабить народ, Татьяна Толстая считала, что «иметь собственность – это дурно» (Сухотина-Толстая, 1980: 195).

Свой долг она видела в том, чтобы помогать окрестным крестьянам. Уныние и отчаяние из-за невозможности помочь всем охватило ее, когда она обходила деревенские избы во время голода 1891 г. Усилиями семьи Толстых было открыто 17 столовых для голодающих. Сама Татьяна Толстая решила полученную в наследство пахотную и покосную землю отдать крестьянским общинам. Доходы крестьяне брали себе, обязуясь уплачивать в общественную кассу по шесть рублей с десятины, унавоживать землю, сторожить лес и платить повинности. Мужики приняли условия и выполняли их, опасаясь, что однажды с них потребуют деньги за все годы аренды. Но как только они убедились, что над ними нет контроля, то сразу перестали платить арендную плату и даже стали спекулировать землей, сдавая ее в аренду соседям. Это вызвало досаду у Толстой, и она решила продать крестьянам землю через Крестьянский банк (Сухотина-Толстая, 1980: 208, 350). И хотя летом Толстые всей семьей работали вместе с крестьянами на сенокосе, и крестьяне с барского луга получали половину сена, они продолжали не доверять господам и, не желая быть обманутыми, обманывали сами. В сознании русского народа укоренилась глубокая вера в то, что земля Божья и не может быть предметом частной собственности. Это убеждение, видимо, снимало какие-либо нравственные ограничения с крестьян.

На недоверие, существовавшее между народом и помещиками, указывает множество фактов. Ключевский на страницах своего труда приводит пример, как прогрессивно настроенный помещик решил «поставить крестьян в независимое положение от помещиков» (Ключевский, 1990: 43). Он предложил отдать бесплатно крестьянам их дворы со скотом и всем имуществом, а половину остальной земли отдавать им внаем. Крестьяне отказались от этого предложения. Бескорыстие барина они оценить не смогли. Недоверие и подозрительность – так можно охарактеризовать отношения, сложившиеся между мужиками и помещиками, и они оставались таковыми, несмотря на попытки дворянской интеллигенции изменить их.

И. Тургенев постепенно утрачивал надежду на единство интеллигенции и народа, он все больше сомневался в его нравственных качествах. С горечью писатель замечал, что мужики воруют у господ всё, что возможно. «Честности, простоты, свободы и силы нет в народе...» – констатировал он (Лебедев, 1990: 431). Крестьяне не доверяли барину-писателю, несмотря на то что он открыл для них в Спасском школу и богадельню, раздавал землю и увеличивал наделы. Напротив, они сознательно вредили ему, испытывая чувство злобы и ненависти. Тургенев искренне не понимал такого отношения к себе и недовольства мужиков реформой. Глубинная обида народа за социальную несправедливость крепостнического периода не могла быть нивелирована частными уступками и послаблениями и требовала радикальных преобразований.

Великие реформы, дав личную свободу крестьянству, в экономическом плане мало чем улучшали его жизнь. Стремление хоть как-то облегчить участь народа привело либеральную интеллигенцию к мысли о необходимости его просвещения. По ее мнению, только когда народ поймет истинные причины своего нищенского положения, осознает, кто его настоящий враг, он сможет освободиться от векового гнета властей. Убеждение это способствовало развитию движения «хождения в народ». Оставив институт, переодевшись пиджачиком, «в народ» пошел С. Степняк-Кравчинский, будущий писатель, профессиональный революционер. Как и его соратники, он верил в революционную силу народа. Эта вера была основана на принципах низовой демократии, существовавшей в общине и заключавшейся в возможности общинников выбирать старосту, распределять повинности, обязанности, земли, пользоваться свободой слова. По мнению революционно настроенной интеллигенции, это «гораздо более соответствует политическим устремлениям русского народа, чем самодержавие» (Степняк, 1987: 29). Обращаясь к вечевой традиции, Кравчинский утверждал, что демократия для русского народа традиционна, так как «сходство между миром и вече не подлежит сомнению» (Степняк, 1987: 37), а самоуправление общин свидетельствует об их политической и экономической жизнеспособности. Разночинцы обучались крестьянским профессиям, оказывали медицинскую помощь крестьянам, но на селе к ним относились настороженно. Разночинная интеллигенция, вышедшая из народа, казалось бы, должна была понимать его проблемы и нужды, но на практике глухая стена непонимания между ней и народом привела к трагической развязке всего движения «хождения в народ». Разночинная интеллигенция, как и дворянская, в народной среде своей не стала.

Художественная интеллигенция эпохи Серебряного века также была озабочена вопросом взаимоотношений с народом, который в ее сознании ассоциировался с понятием родины и находился в центре ее творчества (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 976-977). Однако на практике она имела о народе весьма смутное представление. Впрочем, многие ее представители понимали всю трагичность создавшегося положения, осознавая, что две культуры фактически не имели точек соприкосновения. Е. Кузьмина-Караваева, которая была членом кружка В. Иванова на «Башне» и увлекалась декадансом, писала: «Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове... Мы были последним актом трагедии – разрыва народа и интеллигенции» (Орлов, 1980: 247). Проблемы взаимоотношения интеллигенции и народа волновали М. Горького. Он писал, что «тревожное ощущение духовной оторванности интеллигенции – как разумного начала – от народной стихии всю жизнь более или менее настойчиво преследовало меня... Постепенно это ощущение перерождалось в предчувствие катастрофы» (Горький, 1965: 81).

Представители дворянской интеллигенции связующим звеном между народом и интеллигенцией считали представителей народа, которые, получив образование и обладая талантом, пополняли ее ряды. А. Блок в качестве примера приводил М. Горького. Однако при этом он указывал, что «Горький по духу – не интеллигент. Мы любим одно, но разной любовью» (Блок, 1909: 82), и поэтому такие люди были непонятны для интеллигенции. Действительно, представители народа зачастую пополняли ряды интеллигенции. «Страстное влечение к искусству» давало силы детям крестьян и мещан поступить в Училище живописи и, влача полуголодное существование, закончить его. Многие из них были действительно талантливы» (Гиляровский, 1986: 125) – отмечал В. Гиляровский, который сам происходил из народа. Он был бурлаком, военным, рабочим на белильном заводе, истопником, пожарным, табунщиком, наездником в цирке, трудился на рыбных промыслах, выступал на сцене. Пройдя почти всю Россию, жизнь народа он знал не понаслышке. Занявшись литературой, Гиляровский стал репортером и как неопит интеллигенции описывал быт социально нижестоящих слоев со знанием дела.

Свое понимание народа пытался выразить М. Нестеров, создавая в 1902 г. картину «Святая Русь». Русь у него олицетворяли странники, дети, убогие, крестьяне. Первоначально по замыслу автора на картине должны были быть изображены Горький и Шаляпин, как выходцы из народа. Но впоследствии он отказался от этого замысла, так как понял, что приобщение к другой культуре привело к утрате их органической связи с народом. «Жизнь всей массы народа и жизнь его высших классов лилась двумя близкими, но отдельными потоками», – констатировал С. Степняк-Кравчинский (Степняк, 1987: 28). Народ и интеллигенция представляли собой разные культуры с разными ценностными ориентирами. Интеллигенцию привлекал мир, где «хорошие картины, цивилизованные и культурные люди» и музыка. Весь этот «мир заманчив, и, если бы навсегда отказаться от него, было бы тяжело и скучно, безнадежно скучно жить» (Сухотина-Толстая, 1980: 200). Непонимание между народом и интеллигенцией С. Кравчинский объяснял так: «Наша интеллигенция и либералы – большей частью те же бывшие дворяне и мелкопоместные помещики, которым народ не простил зла, причиненного их отцами и дедами» (Степняк, 1987: 67).

Конфликтная ситуация в отношениях между интеллигенцией и народом усугублялась тем, что в рядах самой интеллигенции не было единого понимания особенностей мировоззрения и характера народа, его отношения к вере, земле, роли общины в его жизни. Самые противоречивые высказывания о чертах характера народа встречаются у представителей интеллигенции. Славянофилы, как правило, идеализировали народ. К. Аксаков, например, преувеличивал его нравственные качества. М. Горький утверждал, что русская литература XIX века создала идеалистический образ народа. Сам он давал народу не совсем лестную характеристику: «В сущности своей всякий народ – стихия анархическая; народ хочет как можно больше есть и возможно меньше работать, хочет иметь все права и не иметь никаких обязанностей» (Горький, 1922: 5).

В сознании российской общественности утвердилось мнение о глубокой религиозности народа. Однако, на наш взгляд, этот вопрос не столь однозначен. Философ Н. Лосский считал «наиболее глубокой чертой характера русского народа его религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра» (Лосский, 1957: 9). Поиски идеала и целей существования мира, по мнению ученого, заключались в опыте странников, паломников, православного монашества. М. Горький, напротив, считал «убеждение в глубокой религиозности крестьянства» ошибочным (Горький, 1922: 29). Мотивировал он это враждебным отношением крестьян к священникам, их равнодушием к разрушению храмов и осквернению мощей в первые советские годы. Российский историк В. Тишков, напротив, считает, что «в России исторически религиозность населения была высокой. Только в Москве до революции 1917 г. было «сорок сороков» церквей, т. е. 40 раз по 40». «Религия играла важную роль в жизни народа» (Тишков, 2013: 384). Различное отношение к религии народа и интеллигенции, по мнению С. Булгакова, проложило между ними глубокую пропасть. Идеалом народа, несмотря на его невежество и темноту, оставался Христос и его учение. Интеллигенция, заменяя веру знанием, разрушает «народную религию, разрушает и народную душу» (Булгаков, 1990: 63). Философ приводит мнение Достоевского, который полагал, что живущий в постоянном грехе народ «никогда не примет и не захочет принять своего греха за правду», но в критической ситуации общее, народное дело всегда решает по-христиански (Булгаков, 1990: 62). Здесь же Булгаков цитирует письмо Белинского к Гоголю: «Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко-атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... у него слишком много для этого здравого смысла» (Булгаков, 1990: 62).

Л. Толстой, заботясь о просвещении народа, вместе с И. Сытиным занялся изданием для народа дешевой литературы, организовав в 1884 г. издательство «Посредник». Но насколько действенным был такой способ просвещения народа в глазах философов-веховцев? М. Гершензон был убежден, что «масса интеллигенции... с тупой косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью» «учреждала для него (народа) библиотеки и читальни, издавала для него дешевые журналы, – и все без толку, потому что она не заботилась о том, чтобы приноровить весь этот материал к его уже готовым понятиям» (Гершензон, 1990: 84-85). Непонимание народной души привело к тому, что «народ не чувствует в нас людей, не понимает и ненавидит нас», – заключает философ (Гершензон,

1990: 86). Горький отмечал, что глухим к учению народ делает ничтожность результатов крестьянского труда, которая углубляет у него инстинкт собственности (Горький, 1922: 10).

Неоднозначно интеллигенцией оценивалось такое свойство характера русского народа, как доброта. Н. Лосский доброту русского народа считал выдающейся и относил к его «первичным основным свойствам» (Лосский, 1957: 68). По его мнению, доброта проявлялась в отсутствии злопамятности, в жалостливости, основой чего была религиозность народа. Философ не мог не признавать присутствие жестокости в жизни народа, но использовалась она «как средство устрашения преступников», «чтобы другим неповадно было» (Лосский, 1957: 76). Лосский как бы оправдывает жестокость, вызванную сложившимися условиями жизни народа, объясняя ее нищетой, обидами, которые ведут к озлоблению. Более суровую оценку народной жестокости давал Горький, который сам много пострадал от ее проявлений в детстве. Он считал, что русскому народу «свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровной» (Горький, 1922: 17), в проявлении которой он доходит до крайности, которая выражалась, в частности, в характере еврейских погромов.

Городская беднота, обыватели, мещане, представители преступного мира, скупщики краденного, содержатели притонов, мелкие чиновники и торговцы являлись объектами внимания В. Гиляровского. Мир, наполненный насилием, убийствами, развратом, предстает перед читателями его репортажей. Цинизм и жестокость, воровство и обман – таким рисует он образ жизни людей, однажды попавших в трущобы и у которых не было дороги назад, поскольку они навсегда отвергнуты социумом. И при всем этом трущобный народ был способен на милосердие и сострадание. У москвичей был обычай перед большими праздниками посылать в тюрьмы подавание «несчастеньким». Городская беднота прорывалась сквозь оцепление на пути следования партии заключенных и «совала в руки арестантам свой трудовой кусок» (Гиляровский, 1986: 187-189). За заставой, на Владимирке, партию ждали крестьяне из окрестных деревень, которые также раздавали арестантам подавание.

Способность к состраданию проявлялась в благотворительной деятельности народа. Особенно активными жертвователями были купцы и старообрядцы (Gryaznukhin et al., 2020: 1135-1136). Заниматься благотворительностью было почетно, и поэтому число благотворительных обществ постоянно росло. Так, в Енисейской губернии в 1913 г. было 27 благотворительных обществ, а в 1915 г. их было уже 34 (ГАИО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 116. Л. 21). Купцы Щеголевы раздавали муку погорельцам в Енисейске во время пожара 1869 года. Они также содержали богадельню, женскую гимназию, ремесленное училище, открыли Сиропитательный дом (ГАИО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 116. Л. 40). Противоречивость как свойство русского характера проявлялась в поведении купцов. Делая большие пожертвования в пользу бедных, они еще более крупные суммы проигрывали за карточным столом, устраивая при этом пьяные кутежи (ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 231. Л. 106). «Высокое чувство человечности, составляющее столь замечательную особенность наших деревенских нравов – взаимная помощь в полевых работах, содействие беднякам, больным, сиротам», – отмечал Кравчинский, объясняя эти качества народа общинным самоуправлением (Степняк, 1987: 26). Однако великодушие русского народа носило сегментарный характер: если зла он обычно не помнил, то и добро, сделанное для него, часто забывал. Княгиня М. Тенишева, желая повысить культурный уровень народа, сохранить народное искусство, организовала в Талашкино художественно-ремесленные мастерские. А в 1905 г. эти же мужики грозили княгине поджогом, отказывались работать, рубили лес. В 1917 г. мужики сожгли Шахматово, родовое имение А. Блока. Отвлеченная лирика поэта была вне доступа их сознания. Вопрос, заданный им, ответа не требовал: «И, бросаясь навстречу народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройки, на верную гибель?» (Блок, 1909: 84).

Не были чужды русскому народу ум и предприимчивость. М. Горький утверждал, что в деревне он «встретил сурового реалиста и хитреца, который, когда это выгодно ему, прекрасно умеет показать себя простаком. По природе своей он не глуп и сам хорошо знает это» (Горький, 1922: 23). Гоголь во втором томе «Мертвых душ» рассказывал о помещике, который стал замечать, что на господской земле все родится как-то хуже, чем у мужиков. «Словом, стал замечать барин, что мужик просто плутует, несмотря на все льготы...» (Никольский, 2008, 181). Если хитрость рассматривать как проявление ума, то деревенские мужики им явно обладали. Русский народ выдвигал из своей среды самородков типа Ломоносова, много было просто умных и смекалистых людей среди его представителей. Но имела и огромная масса примитивно устроенных, ограниченных от природы, не склонных к какому-либо развитию людей. Необходимость борьбы за выживание и существование в условиях ограниченных ресурсов и сверхэксплуатации приводила к укреплению традиционности уклада, косности быта и невосприимчивости к новым идеям и просвещению.

Причину многих проблем народа интеллигенция видела в его невежестве. Любя царя, народ ненавидел чиновников, а в своем невежестве связи между ними не видел. Повиновение царю было традиционным. Народу была свойственна бездумная вера в обычаи, следование создававшемуся стереотипу, который являлся гарантом жизнеспособности общины, вне которой крестьянин не мыслил своего существования. О консерватизме крестьян писал И. Тургенев, описывая в «Записках охотника» жизнь Хоря, образ жизни которого сельчане не одобряли, и он вынужден был поселиться отдельно. М. Горький отмечал, что тех, кто решался как-то изменить свою жизнь, чтобы улучшить ее, община встречала недоверием, враждой и выживала из своей среды (Горький, 1922: 7).

Как отличительную особенность принято выделять терпение русского народа и его покорность силе. Власть народом воспринималась как стихия, которой бессмысленно сопротивляться, поэтому покорность вошла в привычку. А. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал, что русский народ «очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничего не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость» (Никольский, 2008: 43). Говоря о пассивности народа, который надеется на правительство, обязанное его прокормить, Т. Толстая восклицала: «Жалкий, жалкий народ. Меня пугает его покорность, но и ей, я думаю, придет конец» (Сухотина-Толстая, 1980: 209). Революционно настроенная интеллигенция также верила, что долготерпению народа придет конец, так как в душе его живет стремление к свободе, проявляемое в традициях общинной демократии (Степняк, 1987: 39).

Иностранцы, которым приходилось путешествовать по России XIX века, также отмечали долготерпение и покорность русского народа в качестве основных его характеристик. Маркиз де Кюстин в своей знаменитой книге отмечал, что народ влюблен в свое рабство, не оказывает никакого сопротивления насилию, совершаемому над ним. В результате своих наблюдений он пришел к заключению, что терпение народа не может быть вечным, «не пройдет и 50 лет», как «в России вспыхнет революция, гораздо более страшная, чем та, последствия коей Западная Европа чувствует еще до сих пор». И «мечь народа будет тем более ужасна, что он невежествен и исключительно долготерпелив» (Кюстин, 1990: 72, 93, 253). О. де Бальзак, который неоднократно бывал в России, также выделял эту черту русского народа: «Покорность, покорность, несмотря ни на что, покорность с опаской для жизни, покорность даже тогда, когда покорность бессмысленна и противоестественна» (Бальзак, 2002: 16). Дж. Кеннан, посетивший Сибирь в 1885–1886 гг., отмечал, что образ жизни сибирской деревни «говорит об отсутствии инициативы и предприимчивости у ее жителей». Всеобщее невежество народа поражало его (Кеннан, 1999: 121). Характеристики, данные иностранцами русскому народу, не всегда и не во всем справедливые, в основных своих моментах совпадали с мнением русской интеллигенции о своем народе, что может свидетельствовать о ее стремлении быть объективной в своих оценках. Интеллигенции было сложно понять противоречивую, двойственную душу русского народа. По мнению Н. Бердяева, в ней самым непостижимым образом сочетались антагонистические свойства: вольность и деспотизм; доброта и насилие; коллективизм и индивидуализм; «национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» (Бердяев, 2016: 11).

5. Заключение

Важность вопроса о характере взаимоотношений интеллигенции с народом определялась ее ролью в качестве выразительницы национального самосознания. Это был главный вопрос, терзавший русскую интеллигенцию XIX века. Попытка его решения нашла свое отражение в спорах славянофилов и западников, трудах историков и философов, творчестве поэтов и писателей. Нравственные качества самой интеллигенции, выразившиеся в чувстве вины, которое она испытывала перед народом за свое иждивенческое положение, заставляли ее принимать в его судьбе деятельное участие, выражавшееся в предоставлении крестьянам различных льгот, раздаче земли, оказании материальной помощи, просвещении. Но все эти меры среди народа не находили ожидаемого отклика. Суть конфликта между интеллигенцией и народом заключалась в отсутствии взаимопонимания, которое было невозможно в силу дихотомии мировоззрений. Различными были взгляды народа и интеллигенции на землю. В сознании крестьянина земля была Божьей, принадлежала миру и выдавалась во временное пользование, институт частной собственности был ему непонятен. Чужды народу были и атеистические устремления интеллигенции. Многие проблемы народа интеллигенция видела в его невежестве, что приводило к усилению просветительской деятельности. Но для крестьянина важны были знания, имевшие практическое значение, а политическая грамота, предлагаемая ему разночинской интеллигенцией, была чужда и непонятна. По мнению крестьян, дети должны были помогать по хозяйству, а не тратить время на постижение грамотности, от которой виделось мало проку. Смекалка и практический ум в глазах интеллигенции были присущи народу столь же, как и вопиющая его интеллектуальная неразвитость.

Российская интеллигенция не была единой в оценивании различных качеств характера народа. Точка зрения на этот вопрос зависела от происхождения самой интеллигенции. Неофиты интеллигенции, получившие образование, выходцы из народа, имели более достоверные представления о его характерных чертах, хотя со временем, при утрате непосредственной связи с народом, и они становились для него чужими. Незапрещенным оставался вопрос о религиозности русского народа. Различные представители интеллигенции давали на него диаметрально противоположные ответы, либо приписывая народу глубокую веру, либо отрицая ее совсем. Множество фактов свидетельствуют о наличии в характере народа таких качеств, как доброта и милосердие. Они, в частности, проявлялись в благотворительной деятельности, заниматься которой было почетно. Но жестокость, насилие, цинизм также были постоянными спутниками народной жизни. Эти явления не оспаривались интеллигенцией, однако им давались разные оценки: более жесткая, как у М. Горького, беспристрастная, как у В. Гиляровского, либо снисходительная, как у Н. Лосского.

Но, в любом случае, объяснялись эти явления тяжелыми условиями жизни, нищетой, невежеством. Долготерпение и покорность народа интеллигенция связывала с имманентным консерватизмом, его верностью традициям, которые способствовали сохранению общинного землепользования. Большинство представителей интеллигенции сходились во мнении, что внутреннее стремление к свободе, живущее в народной душе, неизбежно должно прорваться во внешний контур и реализоваться в формировании либерально однородного общественного устройства. Неоднозначное понимание русской интеллигенцией XIX века народного мировоззрения во многом предопределило ход исторического развития России. Дихотомия менталитета народа и интеллигенции во многом способствовала формированию революционного разлома в России начала XX века.

Литература

- Бальзак, 2002 – Бальзак О. Письмо о Киеве // *Пинакотекa*. 2002. № 13/14. С 1-53.
- Бердяев, 2016 – Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М., 2016. 512 с.
- Блок, 1909 – Блок А. А. Россия и интеллигенция // *Золотое руно*. 1909. № 1. 78-85.
- Булгаков, 1990 – Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество / *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. М., 1909. С. 33-69.
- Вехи, 1990 – Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. 211 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Гершензон, 1990 – Гершензон М.О. Творческое самосознание / *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. М., 1909. С. 70-96.
- Гиляровский, 1985 – Гиляровский В.А. Трущобные люди. Рассказы и очерки. М., 1985. 320 с.
- Гиляровский, 1986 – Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Иркутск, 1986. 352 с.
- Горький, 1922 – Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. 45 с.
- Горький, 1965 – Горький М. Собр. соч. Т. 15. М., 1965.
- Жукова, 2023 – Жукова О.А. Русская интеллигенция перед лицом философской истины: исторический и моральный выбор // *История философии*. 2023. Т.28. № 1. С. 29-40.
- Кеннан, 1999 – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). Т.1. СПб., 1999. 391 с.
- Ключевский, 1990 – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. VIII. Статьи. М., 1990. 445 с.
- Купцова, 2021 – Купцова И. В. Проблема генезиса интеллигенции в современной отечественной историографии / *Интеллигенция и интеллектуалы: генезис, формирование, развитие, деятельность: матлы XXXI Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 23-24 сентября 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. 312 с.*
- Кюстин, 1990 – Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. 352 с.
- Лебедев, 1990 – Лебедев Ю. В. Тургенев. М., 1990. 608 с.
- Лосский, 1957 – Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт, 1957. 152 с.
- Никольский, 2018 – Никольский С. А. Интеллигенция, народ и власть // *Политическая концептология*. 2018. № 3. С. 113-133.
- Никольский, 2019 – Никольский С. А. Интеллигенция и народ: попытки сближения и просвещения // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 5 (110). С. 141-146.
- Никольский, Филимонов, 2008 – Никольский С. А., Филимонов В. П. Русское мировоззрение. Смысл и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. М., 2008. 416 с.
- Орлов, 1980 – Орлов В. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 725 с.
- Платонов, 1993 – Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. 736 с.
- Рощина, 2012 – Рощина О.В. Социальная очеркистика В.А. Гиляровского и В.М. Дорошевича в аспекте традиций народознания // *Rhema. Рема*. 2012. № 3. С. 49-54.
- Степняк, 1987 – Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия. М., 1987. 575 с.
- Сухотина-Толстая, 1980 – Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1980. 527 с.
- Тишков, 2013 – Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. 649 с.
- Тургенев, 1985 – Тургенев И.С. Записки охотника. М., 1985. 254 с.
- Узлов, 2012 – Узлов Ю.А. Российская интеллигенция и национальная идея // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 6. С. 31-34.
- Чуковский, 1991 – Чуковский К. И. Дневник (1901 – 1929). М., 1991. 544 с.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A. The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 811-820.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Maljutina L.F. et al. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Belgorodskaya L.V. et al. Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1132-1141.

Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.

References

- Bal'zak, 2002 – Bal'zak, O. (2002). Pis'mo o Kieve [A letter of Kiev]. *Pinakoteka*. 13/14: 1-53. [in Russian]
- Berdyayev, 2016 – Berdyayev, N.A. (2016). Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Russian idea. Dostoevsky's Worldview]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- Blok, 1909 – Blok, A.A. (1909). Rossiya i intelligentsiya [Russia and the Intelligentsia]. *Zolotoe runo*. 1: 78-85. [in Russian]
- Bulgakov, 1990 – Bulgakov, S.N. (1909). Geroizm i podvizhnichestvo [Heroism and asceticism]. *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii*. Moscow, pp. 33-69. [in Russian]
- Chukovskii, 1991 – Chukovskii, K. I. (1991). Dnevnik (1901 – 1929) [Diary (1901-1929)]. Moscow. 544 p.
- GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Territory].
- Gershenson, 1990 – Gershenson, M.O. (1909). Tvorcheskoe samosoznanie [Creative self-awareness]. *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii*. Moscow, pp. 70-96. [in Russian]
- Gilyarovskii, 1985 – Gilyarovskii, V.A. (1985). Trushchobnye lyudi. Rasskazy i ocherki [Slum people. Short stories and essays]. Moscow. 320 p. [in Russian]
- Gilyarovskii, 1986 – Gilyarovskii, V.A. (1986). Moskva i moskvichi [Moscow and Muscovites]. Irkutsk. 352 p. [in Russian]
- Gor'kii, 1922 – Gor'kii, M. (1922). O russkom krest'yanstve [About the Russian peasantry]. Berlin. 45 p. [in Russian]
- Gor'kii, 1965 – Gor'kii, M. (1965). Sobr. soch. [Collected works]. T. 15. Moscow. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2020 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V. et al. (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T., Reut G.A. (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. 45(3): 811-820.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Maljutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- Kennan, 1999 – Kennan, Dzh. (1999). Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885-1886 gg.) [Siberia and exile. Travel notes. (1885-1886)]. T.1. Saint-Petersburg. 391 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1990 – Klyuchevskii, V.O. (1990). Sochineniya. V 9 t. [Essays in 9 volumes]. T. VIII. Moscow. 445 p. [in Russian]
- Kuptsova, 2021 – Kuptsova, I.V. (2021). Problema genezisa intelligentsii v sovremennoi otechestvennoi istoriografii. *Intelligentsiya i intellektualy6 genezis, formirovanie, razvitie, deyatel'nost'*: mat-ly XXXI Mezhdunar. nauch.-teoret. konf. Ivanovo, 23-24 sentyabrya 2021 g. [The problem of the genesis of the Intelligentsia in modern Russian Historiography. Intelligentsia and intellectuals: genesis, formation, development, activity: materials of the XXXI International Scientific Theory Conference. September 23-24. Ivanovo: Ivanovo state University]. Ivanovo. 312 p. [in Russian]
- Kyustin, 1990 – Kyustin, A. (1990). Nikolaevskaya Rossiya [Russia of Nicholas]. Moscow. 352 p. [in Russian]
- Lebedev, 1990 – Lebedev, Yu.V. (1990). Turgenev [Turgenev]. Moscow. 608 p. [in Russian]
- Losskii, 1957 – Losskii, N.O. (1957). Kharakter russkogo naroda [the character of the Russian people]. Frankfurt. 152 p. [in Russian]
- Nikol'skii, 2018 – Nikol'skii, S.A. (2018). Intelligentsiya, narod i vlast' [The intelligentsia, the people and the government]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 3: 113-133. [in Russian]
- Nikol'skii, 2019 – Nikol'skii, S.A. (2019). Intelligentsiya i narod: popytki sblizheniya i prosveshcheniya [Intelligentsia and the people: attempts at rapprochement and enlightenment]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 5(110): 141-146. [in Russian]
- Nikol'skii, Filimonov, 2008 – Nikol'skii, S.A., Filimonov, V.P. (2008). Russkoe mirovozzrenie. Smysl i tsennosti rossiiskoi zhizni v otechestvennoi literature i filosofii XVIII – serediny XIX stoletiya [The Russian worldview. The meaning and values of Russian life in Russian literature and philosophy of the XVIII – mid-XIX century]. Moscow. 416 p. [in Russian]

- Orlov, 1980 – Orlov, V. (1980). Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka [Gamayun. The life of Alexander Blok]. Leningrad. 725 p. [in Russian]
- Platonov, 1993 – Platonov, S.F. (1993). Lektsii po russkoi istorii [Lectures on Russian history]. Moscow. 736 p. [in Russian]
- Roshchina, 2012 – Roshchina, O.V. (2012). Sotsial'naya ocherkistika V.A. Gilyarovskogo i V.M. Doroshevicha v aspekte traditsii narodoznaniya [The social essays of V.A. Gilyarovskiy and V.M. Doroshevich in the aspect of the traditions of folk studies]. *Rhema. Rema*. 3: 49-54. [in Russian]
- Stepnyak, 1987 – Stepnyak-Kravchinskii, S.M. (1987). Sochineniya. V 2 t. T. 1. Rossiya pod vlast'yu tsarei. Podpol'naya Rossiya [Essays in 2 vols. 1. Russia under the rule of the tsars. Underground Russia]. Moscow. 575 p. [in Russian]
- Sukhotina-Tolstaya, 1980 – Sukhotina-Tolstaya, T.L. (1980). Vospominaniya [Memories]. Moscow. 527 p. [in Russian]
- Tishkov, 2013 – Tishkov, V.A. (2013). Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya [The Russian People: the history and meaning of National Identity]. Moscow. 649 p. [in Russian]
- Turgenev, 1985 – Turgenev, I.S. (1985). Zapiski okhotnika [Hunter's Notes]. Moscow. 254 p. [in Russian]
- Uzlov, 2012 – Uzlov, Yu.A. (2012). Rossiiskaya intelligentsiya i natsional'naya ideya [The Russian intelligentsia and the national idea]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 6: 31-34. [in Russian]
- Vekhi, 1990 – Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii (1909). [Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia]. Moscow. 211 p. [in Russian]
- Zhukova, 2023 – Zhukova, O.A. (2023). Russkaya intelligentsiya pered litsom filosofskoi istiny: istoricheski i moral'nyi vybor [The Russian Intelligentsia in the Face of Philosophical Truth: Historical and Moral Choice]. *Istoriya filosofii*. 28(1): 29-40. [in Russian]

Дихотомия ментальности русского народа и интеллигенции XIX века

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a,
 Анна Сергеевна Жулаева ^a, Семен Валерьевич Кожевников ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрена проблема взаимоотношений русской интеллигенции и народа в XIX веке, отмечен их дихотомический характер. Дана дефиниция понятия «народ» и его структурно-социальный состав. Взаимоотношения между интеллигенцией и народом характеризуются как конфликтные. На основе первоисточников проанализированы взгляды представителей дворянской, разночинной интеллигенции на причины ее конфликта с народом. Чувство вины за свое иждивенческое существование отмечено как общий для интеллигенции фактор ментальной мотивации участия в судьбе народа. Оценки интеллигенцией различных качеств характера народа отличались многообразием и зависели от ее генезиса и социально-политического статуса. Наиболее дискуссионными оставались вопросы веры народа, характера его просвещения, отношения к крестьянской общине. Деятельное участие дворянской интеллигенции в судьбе народа заключалось в безвозмездной раздаче земли, облегчении повинностей, предоставлении различных льгот, что не смогло разрешить общесоциальную конфликтную ситуацию в силу локального характера этой деятельности. Творческая интеллигенция Серебряного века о народе имела диаметрально противоположные представления. Мнение о глубокой религиозности народа одних расходилось с убеждением других в трезвости рассудка, спасающего от суеверных заблуждений. Взгляды на роль общины в жизни крестьянства варьировались от полной идеализации до необходимости ее разрушения. Признавая в качестве причины всех бед народа его невежество, интеллигенция не имела общего представления о методах его просвещения. Отмечая сочетание в народе противоречивых качеств, интеллигенция объясняла наличие негативных свойств характера условиями жизни народа, нищетой и невежеством. Долготерпение и покорность, свойственные народу, не исключали в глазах интеллигенции его подсознательного стремления к свободе, которое должно было реализоваться в реальной жизни. Дихотомия ментальности, взаимное непонимание и неприятие русского народа и интеллигенции усугубляли раскол общества и способствовали накоплению критической массы революционного взрыва.

Ключевые слова: дихотомия, Россия, интеллигенция, народ, просвещение, дворянство, разночинство, ментальность.

* Корреспондирующий автор

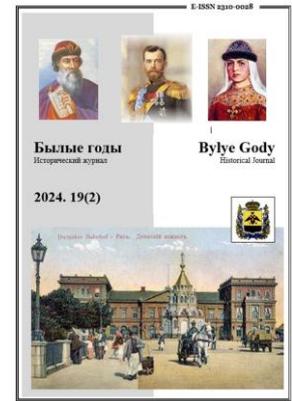
Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), annzhul@mail.ru (А.С. Жулаева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 726-737
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.726

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

D.I. Yavornitsky as an Archaeologist (Pre-Revolutionary Period of Activity)

Yulia G. Kokorina ^{a,*}, Makhach M. Vagabov ^a, Lyailya G. Khusnutdinova ^a, Utkir I. Abdullaev ^b

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Urgench State University, Republic of Uzbekistan

Abstract

Russian historiography traditionally connects the activities of the outstanding Russian historian D.I. Yavornitsky (1855–1940) with the study of the history of the Zaporozhye Cossacks, folklore and ethnography of the population of the Southern Dnieper region. At the same time, the study of the scientist's scientific heritage allows us to talk about him as one of the pioneers of Russian archaeological science. The novelty of this study is due to the choice of this little-known Russian science perspective of the historian's scientific work. The relevance of the work is related to the appeal to the origins of Russian archaeological knowledge, which opens up the possibility of an adequate assessment of its development and the high humanistic message of archaeology as a science. The material for the study of D.I. Yavornitsky's archaeological heritage was his publications in the Russian press before 1917. Their analysis showed that D.I. Yavornitsky made a significant contribution to the methodology of field archaeological research, put forward as a mandatory requirement the maintenance of field documentation, careful layer-by-layer opening of the monument and fixation of the place of discovery. The scientist used not only physical, but also osteological material, was one of the pioneers of the certification of finds. D.I. Yavornitsky was a master of subtle observations and carried out correct historical reconstructions, including on the material of monuments of Central Asia, which was not part of his immediate scientific interests. The scientist considered his archaeological activity as a way of serving the Motherland, which reflected the democratic nature of his beliefs. D.I.'s Yavornitsky's contribution to the development of Russian archaeology as permanent director of the Yekaterinoslav Regional Historical and Archaeological Museum may be a continuation of the topic of this study.

Keywords: history of archaeology, history of Russia, field archaeology, archaeological reconstructions, XIII Archaeological Congress, D.I. Yavornitsky.

1. Введение

Развитие науки невозможно без изучения ее истории. Это в полной мере относится и к археологии. Рассмотрение деятельности пионеров российской археологии позволяет адекватно оценить уровень развития этой науки в прошлом и выявить преемственность в достижениях российских археологов. В наши дни археология определяется не только как наука о древних вещах, но и наука о человеке, его материальном, духовном и социальном производстве (Щапова, 2011: 11). В этом видится актуальность обращения к истории археологии.

Целью данной работы является рассмотрение деятельности выдающегося деятеля российской науки и культуры Дмитрия Ивановича Яворницкого (1855–1940) как археолога. Как будет показано далее, Д.И. Яворницкий известен российской науке как исследователь истории запорожского казачества. Однако внимательное изучение биографии ученого показывает, что он был выдающимся археологом, мастером как полевых исследований, так и научных интерпретаций. Д.И. Яворницкий

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov), Lavanda-55@mail.ru (L.G. Khusnutdinova), abdullayev.u.i@mail.ru (U.I. Abdullaev)

осознавал высокий гуманистический посыл изучения памятников прошлого. Он писал: «Увлечение стариной не есть увлечение праздного ума, а есть необходимая потребность всякого просвещенного человека, ревниво относящегося к деяниям своих предков и заботливо воздвигающего здание для своих потомков» (Эварницкий, 1898: 264). Изучение археологического наследия выдающегося российского историка составляет новизну данной работы.

2. Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужили научные публикации ученого, вышедшие в России до 1917 года (Эварницкий, 1895; Эварницкий, 1895; Эварницкий, 1895а; Эварницкий, 1895b; Эварницкий, 1895с; Эварницкий, 1889; Эварницкий, 1890; Эварницкий, 1890а; Эварницкий, 1890b; Эварницкий, 1893). Отчеты исследователя о раскопках хранятся в фондах Днепропетровского (Днепровского) исторического музея им. Д.И. Яворницкого и по независимым от авторов причинам недоступны. Часть отчетов хранится в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, и нами использован их обзор (Длужневская, 2014: 30). Так, в архиве хранятся отчет о раскопках кургана в д. Богодар Екатеринославской губернии 1891 года (НА ИИМК РАН: РО. Ф. 1. 1891. Д. 179; ФО, нег. IV 282) и отчет о раскопках курганов в с. Михайлово-Апостоловом Херсонского уезда (НА ИИМК РАН: РО. Ф. 1. 1897. Д. 221; 1898. Д. 283; ФО, отп. О. 726, Q 385. F 116, F 127; нег. I 20656, II 26082, II 26098, II 26099, III 7245, III 13423).

Изучение деятельности Д.И. Яворницкого как археолога невозможно без учета научного контекста развития науки конца XIX – начала XX веков. Как будет показано далее, современные историки археологии зачастую склонны высказывать обвинения предшественников в несоблюдении полевой методики, в частности, в применении практики раскопок курганов «траншеей» или «колодцем», а не «под снос», как это делается в XXI веке (Клейн, 2014: 445). Рассмотрение научного наследия археологов прошлого показывает, что они прекрасно осознавали необходимость раскопок курганов «под снос», но были ограничены во времени и средствах. Для подтверждения данного вывода нами привлечена рукописная инструкция по раскопкам курганов, составленная старшим современником Д.И. Яворницкого, выдающимся российским историком и археологом И.Е. Забелиным (1825–1908) (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 227).

Мы применили такой метод исторической науки, как дескриптивный. Данный метод позволил нам описать методику полевых исследований ученого, его научный метод, познакомить читателя с произведенными Д.И. Яворницким описаниями древних памятников. Дескриптивный метод применен для описания «археологической биографии» ученого. Мы использовали также сравнительно-исторический (сопоставление событий и явлений) метод. Он позволил нам рассмотреть достижения Д.И. Яворницкого в археологии в общем контексте развития археологического знания конца XIX – начала XX веков. Принцип историзма важен для определения места работ Д.И. Яворницкого в контексте развития археологического знания XIX века. Принцип объективности является ключевым в данном исследовании, как и в любой работе по историографии археологии (Формозов, 2004: 65). Поскольку деятельность Д.И. Яворницкого как археолога является новой темой в историографии российской науки, в нашей статье много цитат из научного наследия ученого. На наш взгляд, они позволят читателю не только осознать, но и прочувствовать эмоциональное отношение Дмитрия Ивановича к древностям.

3. Обсуждение

Упоминания об археологической деятельности Д.И. Яворницкого рассыпаны по страницам работ, посвященных биографии ученого. Так, в 1913 году вышла брошюра А.Г. Авчинникова (Авчинников, 2013) с обширным предисловием самого Д.И. Яворницкого, в котором он пишет о стремлении дополнить археографические исследования археологическими (Авчинников, 2013: 5). В 1929 году опубликована библиография трудов Д.И. Яворницкого с откликами на них, в том числе и археологические работы ученого (Бібліографічний показчик..., 1929). Она легла в основу библиографии историка, вышедшей под редакцией К.Г. Гуслистого в 1969 году (Дмитро Іванович Яворницький, 1969) с указаниями и на археологические публикации. Книга рассказов о Д.И. Яворницком на украинском языке «В поєсках сокровищ» (Шаповал, 1966) иллюстрирует его умение найти общий язык с местными крестьянами, которые работали на раскопках, но является популярным произведением с неразработанным научным аппаратом.

Первым чисто научным трудом, посвященным деятельности Д.И. Яворницкого, является монография М. М. Шубравской (Шубравська, 1972). В ней на основе как опубликованных материалов, так и эпистолярного наследия ученого реконструирована биография исследователя и прослежена его фольклорно-этнографическая деятельность. Исследовательница отмечает: «сохраняют свое научное значение и труды Яворницкого по археологии и истории края, написанные, как правило, на основе непосредственно свежих данных, добытых в ходе археологических раскопок (за свою жизнь Яворницкий раскопал более 1000 могил)» (Шубравська, 1972: 5).

На археологических конференциях, проходивших в Днепропетровске и Запорожье в 1994 году, были заслушаны доклады об археологическом наследии Д.И. Яворницкого (Ковалев, Яременко, 1994; Яременко, 1994).

В 2014 году в Мемориальном музее ученого в Днепропетровске прошла выставка «Искатель древностей: археолог Дмитрий Яворницкий» (Шукач старожитностей..., 2014), по материалам которой создан учебный фильм. На выставке представлены находки из раскопок ученого, зарисовки и фотографии добытых исследователем материалов.

Работа Московского Археологического общества (МАО) по организации XIII Археологического Съезда в Екатеринославе, в том числе и вклад в подготовку и проведение форума Д.И. Яворницкого, освещена в статье Н.В. Кармазиной (Кармазина, 2014). Специально деятельность ученого в связи со Съездом рассмотрена в статье С.И. Свитленко (Світленко, 2005).

Подводя итог изучению историографии археологического наследия Д.И. Яворницкого, необходимо отметить, что ученые только начинают обращаться к этой стороне деятельности выдающегося российского историка.

4. Результаты

4.1. Д.И. Яворницкий: краткая биографическая справка

Свои работы, в том числе и археологические, Д.И. Яворницкий до 1917 года подписывал как «Эварницкий». Сам ученый писал: «моя фамилия происходит от «явора» или «яворника» <...> мне же лично в школе вместо буквы «Е» записали букву «Э», и с этой буквой я так и остался гулять» (Эварницкий, 1898: 199).

Родился Д.И. Яворницкий в 1855 году в селе Сонцевка Харьковской губернии. Учился в Харьковской духовной семинарии, но оставил ее и в 1877 году поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. Свои научные интересы молодой ученый связал с познанием истории запорожского казачества, которую изучал не только по архивным и опубликованным материалам, но и на практике, проходя сотни верст по запорожскому краю, собирая народные легенды, документы, памятники старины, относящиеся к истории Запорожской Сечи. Он консультирует И.Е. Репина при написании картины «Запорожцы». Живя в Петербурге, каждое лето ученый выезжает на Украину, где проводит не только сбор материалов по истории казачества, но и организует археологические раскопки, пишет научные статьи на археологические темы. В 1891 году Д.И. Яворницкому запрещают преподавательскую деятельность, и он в 1892 году вынужден поехать в Среднюю Азию в качестве чиновника по особым поручениям при туркестанском генерал-губернаторе. Итогом трехлетней командировки стал «Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении». Все это время ученый работает над историей Запорожского края и с радостью принимает предложение возглавить, а по сути организовать в 1902 году Екатеринославский краевой историко-археологический музей. Вся дальнейшая жизнь Д.И. Яворницкого будет связана с музеем, с борьбой за сохранность коллекции в годы Гражданской войны, с раскопками в советское время на территории строительства Днепрогэса. Академик АН УССР, Д.И. Яворницкий, умер в 1940 году, издав многочисленные труды по истории Запорожского края (Эварницкий, 1892–1897; Эварницкий, 1888; Эварницкий, 1903; Яворницкий, 1888; Яворницкий, 1894; Яворницкий, 1889; Яворницкий, 1898, Яворницкий, 1898а и др.).

4.2. Вклад Д.И. Яворницкого в развитие российской археологии

Профессор Харьковского университета Н.Ф. Сумцов писал о Д.И. Яворницком, что смог еще на студенческой скамье «убедиться в его склонности к этнографии, истории и археологии при виде той любознательности и пытливости, с которыми он относился к остаткам украинской старины и к народной поэзии» (Сумцов, 1913: 2).

Понимание задач археологии в период работы Д.И. Яворницкого отличалось от современного. В 1864 году их определяли как «все древности, существующие в России, с самых древнейших времен до XVIII» (Доклад..., 1864: 10). Археология тогда была, по выражению Г.С. Лебедева, «бытовой», что отличает ее от восприятия археологии как синтетической, комплексной науки в наши дни (Лебедев 1992: 48).

Д.И. Яворницкий был членом Московского археологического общества (МАО), участником проводимых Обществом Археологических съездов, начиная с VI Археологического съезда в Одессе. Анализ публикаций раскопок Д.И. Яворницкого позволяет оценить его мастерство как полевого археолога.

4.3. Д.И. Яворницкий как археолог-практик

Примером работы Д.И. Яворницкого как полевого исследователя является описание результатов раскопок кургана Мухина Гора. Данное описание ученый начинает с точного указания географических координат памятника, приводит происхождение названия «Мухина Гора» (по фамилии помещика Мухина, владельца земель до А.Е. Снегиревой). Д.И. Яворницкий производит точные обмеры кургана: «в окружности курган имеет 115 сажен, а через вершину, от одного края основания до другого, 25 сажен» (Эварницкий, 1885а: 707). Как отмечает ученый, «при раскопке был веден мною подробный дневник с рисунками всех пластов земли и с точным указанием места каждой

вещи, открываемой в пластах, при чем измерение производилось от южного конца траншеи по направлению к центру и восточной и западной стене траншеи, смотря по положению вещи до местонахождения ее» (Эварницкий, 1885а: 708-709). Ведение дневника было новым и передовым методом российской археологии, не все исследователи курганов занимались описанием и тщательной фиксацией найденного (Клейн, 2014: 444). Далее следует послойное описание раскопок с указанием толщины слоя и обнаруженных находок (Эварницкий, 1885а: 709). Примечательно, что автор раскопок уделяет внимание и костным остаткам, проводя их замеры (Эварницкий, 1885а: 714). Д.И. Яворницкий не ограничивается только лишь описанием памятника, но и дает его историческую интерпретацию, считая его принадлежностью половецкого населения степей. Ученый производит реконструкцию погребального обряда, отличающуюся тщательностью наблюдений: он трактует находку обожженного обломка человеческого черепа «на углях» как результат акта жертвоприношения. Д.И. Яворницкий во впускных (в современной терминологии) погребениях кургана видит казаков или чумаков, в доказательство чему приводит народные песни (Эварницкий, 1885а: 222).

В 1884 году ученый раскопал 25 курганов у д. Вороной в районе порогов Лаханецкого и Звонецкого и опубликовал исследования одного из них (Эварницкий, 1885b: 722). Раскопки проводились колодцем, послойно, фиксация находок осуществлялась от центра колодца по сторонам света. Из-за их малого числа исследователь воздерживается от исторической интерпретации, предполагая принадлежность памятника древним русичам со ссылкой на Ибн-Фадлана (Эварницкий, 1885b: 727).

В том же году Д.И. Яворницкий раскопал курган Рыжановка в Киевской губернии, о чем оставил очень краткую заметку. Примечательно, что археолога не останавливают трудности: курган был раскопан до материка и «куча красной глины, столь твердой, что разбивать ее пришлось топорами», все же была разобрана, но под ней ничего не оказалось (Эварницкий, 1885с: 728). Впоследствии публикации раскопок Д.И. Яворницкого были изданы отдельно (Эварницкий, 1885).

Д.И. Яворницкий проводил раскопки курганов близ села Красногригорьевки в Екатеринославской губернии с целью найти остатки третьей Запорожской Сечи, где ученый вскрыл три небольших кургана и обнаружил «следы татарских похорон» (Эварницкий, 1889: 720). Историк интерпретировал скифский бронзовый котел, найденный крестьянами помещицы Е.М. Очеретьковой, как «жертвенную чашу», произвел его тщательный обмер, опубликовал изображение и привел цитату из Геродота с описанием ритуала поклонения богу войны Аресу. Видно знакомство с коллекциями Эрмитажа в словах о том, что немногие «жертвенные чаши» хранятся в отделе скифских древностей музея (Эварницкий, 1889: 721). Интерпретация подобных сосудов как котлов стала возможна только с расширением раскопок скифских курганов современными археологами (Демиденко, 2008). Небольшая заметка о раскопках ученого в Екатеринославской губернии в м. Котовке содержит информацию, явно почерпнутую из дневников ученого: указание на обмеры кургана – «95 сажен кругом и 25 через вершину» (Находки..., 1889: 326) и на послойное снятие грунта до материка.

4.3. Д.И. Яворницкий как автор обобщающих работ по археологии

Разделить описание археологических исследований и исторические выводы затруднительно даже в работах современных археологов. Это обусловлено спецификой археологического знания и высокой ролью научного наблюдения. Поэтому труды Д.И. Яворницкого обобщающего характера выделены нами с определенной долей условности.

Перу Д.И. Яворницкого принадлежит обзорная статья «Каменные бабы» (Эварницкий, 1890а), в которой он демонстрирует широкую эрудицию и прекрасное знание источников и историографии. Исследователь описывает «тип» каменных изваяний, сравнивая изображение сидящей фигуры с этнографическими данными об обычаях хоронить покойников в сидячем положении у восточных народов (Эварницкий, 1890а: 188). В чисто археологическом, говоря современным языком, исследовании виден интерес Д.И. Яворницкого к народным поверьям и преданиям, связанным с изваяниями. Так, он приводит почти страницу рассказа И.Е. Забелина, раскапывавшего Чертомлыкский курган, о поверьях, связанных у местного населения с каменным изваянием, стоявшим на вершине этого кургана (Эварницкий, 1890а: 192-193). Д.И. Яворницкий, поддерживая мнение о том, что изваяния представляют собой «умерших, может быть, главных начальников улусов, их жен и детей» (Эварницкий, 1890а: 194), уточняет и расширяет его: «умерших, которым живые воздавали особенные почести, преклонялись перед ними» (Эварницкий, 1890а: 194).

В наибольшей степени мастерство Д.И. Яворницкого как археолога раскрылось в его «Публичных лекциях по археологии России», которые ученый начинает с обзора того, что в современной науке называется «народной археологией» (Клейн, 2011: 48), называя имена тех европейских и российских ученых, которые восставали против суеверий, связанных с древностями каменного века. Начало научной археологии Д.И. Яворницкий связывает с именем Буше де Перта, яркими красками рисуя самоотверженность французского исследователя в стремлении доказать рукотворный характер первых каменных орудий (Эварницкий, 1890b: 194). Археологию в России Дмитрий Иванович начинает рассматривать с эпохи Петра I, высоко оценивает «Инструкцию»

В.Н. Татищева, перечисляет выдающихся российских археологов XVIII века и указывает на значимость создания Императорского Эрмитажа. При этом исследователь замечает следующее: «в продолжение XVIII века деятельность ревнителей собирания старины в России проявлялась, так сказать, спорадически и временно; последовательно и основательно это дело поставлено было только с первой половины текущего столетия» (Эварницкий, 1890b: 10). Успехи российской археологии Д.И. Яворницкий связывает с деятельностью научных археологических обществ и Императорской Археологической комиссии. Ученый называет достижения конкретных российских археологов и подытоживает мысль следующим образом: «чем дальше, тем больше археология приобретает гражданских прав как наука, весьма необходимая для историка» (Эварницкий, 1890b: 11).

Всю археологическую эпоху Д.И. Яворницкий, ссылаясь на А.С. Уварова, делит на палеолитическую, переходную и неолитическую эпохи, бронзовый и железный века (Эварницкий, 1890b: 11). Исследователь осведомлен о новых для того времени открытиях свайных построек неолитического времени в Швейцарии, дает определения мегалитов с их классификацией на менгиры, дольмены и кромлехи, приводя этимологию каждого термина (Эварницкий, 1890b: 16). В характеристиках археологических периодов ученый широко использует материалы Археологических съездов и новейшие по тому времени публикации российских археологов, что свидетельствует о внимании к научной литературе (Эварницкий, 1890b: 20–26).

Д.И. Яворницкий дает обобщенную характеристику приемам полевой археологии: «копают курганы канавами крест-накрест, копают подходом, крепя своды его лесами, подобно приему горнозаводскому, копают колодцем, вынимая только средину, копают глухою и сквозною траншеей, т.е. широкой канавой, или от половины кургана, или чрез весь курган от одного конца к другому, копают и весь курган, до самого основания. Предпоследний способ раскопок считается обыкновенный, а последний самым надежным, но зато дорогим и мало практичным» (Эварницкий, 1890b: 22–23). Как видим, Д.И. Яворницкий был сведущ во всех существовавших тогда приемах раскопок курганов и, как и в свое время И.Е. Забелин, осознавал необходимость копать курганы, говоря языком современной археологии, «под снос», но был стеснен средствами. Так, И.Е. Забелин пишет: «Должно, идя по горизонтали как бы (не ясное слово) снимать ровный пласт земли от 4 до 6 вершков (сколько возьмет лопатка или заступ) вообще так, как поднимают слой дерна. Когда будет поднят таким способом первый пласт, начинают снимать второй, третий и т.д. всегда ровно по всему пространству. <...> Можно так копать весь курган, но для сокращения времени и издержек лучше вынимать только его средину на третью долю его подошвенного диаметра по линии точно восток-запад» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 227).

Д.И. Яворницкий приводит свою методику раскопок кургана, настаивая на тщательной фиксации географических ориентиров и обязательном ведении полевой документации: «без дневника раскопка кургана считается погибшею» (Эварницкий, 1890b: 23). Описывая методику раскопок кургана по слоям, ученый настаивает на использовании «музейной этикетки» каждой вещи, в которой Д.И. Яворницкий рекомендует указывать курган, слой и место находки (Эварницкий, 1890b: 24). Несомненным вкладом в полевую археологию того времени является требование Д.И. Яворницкого не только тщательно раскапывать «черное пятно» (погребение в материке), но и зачищать его, сохраняя вещи на месте, зарисовывать и фотографировать скелет и находящиеся при нем вещи, производить тщательные замеры костей и вещей, после чего брать на хранение не только вещи, но и кости, покрыв череп лаком во избежание разрушения (Эварницкий, 1890b: 24). Понимание необходимости сбора не только археологического, но и остеологического материала было передовым для тогдашней археологии (Клейн, 2014: 445).

Обобщая свой археологический опыт, Д.И. Яворницкий выделяет следующие типы курганов Новороссии: «1) курганы каменного периода, 2) курганы бронзового периода, 3) курганы скифские, 4) курганы тюркско-татарские, 5) курганы славянские, 6) курганы памяти, 7) курганы границ, 8) курганы сторожевые, 9) курганы боевые, 10) курганы путевые и 11) курганы телеграфные» (Эварницкий, 1890b: 26). Хотя классификация построена, говоря современным языком, «по разным основаниям». Исследователь далее приводит подробные описания раскопок в Екатеринбургской губернии как своих, так и современных ему археологов. Широкая эрудиция ученого видна в его характеристике серебряной чертомлыкской вазы как «лучшее произведение греческого искусства времен после Фидия» (Эварницкий, 1890b: 38). Д.И. Яворницкий высоко оценивает личные качества российских археологов, в частности Поля Дюбрюкса, характеризует его как «неутомимого и бесстрашного адепта науки» (Эварницкий, 1890b: 43).

Говоря о «тюркско-татарских» курганах, Д.И. Яворницкий приводит свое исследование о «каменных бабах», опубликованное в том же 1890 году в «Историческом вестнике» (Эварницкий, 1890a).

Д.И. Яворницкий отмечает: «для археологии имеют значение только курганы погребальные, т.е. из одиннадцати насчитанных нами видов курганов, лишь первые шесть – курганы каменного, бронзового века, курганы скифские, тюркско-татарские, славянские и курганы памяти» (Эварницкий, 1890b: 73).

Труд Д.И. Яворницкого получил широкий отклик у археологической общественности. «Изложение у автора очень живое. Вот почему его труд с интересом может быть прочитан всяким

читателем», – отмечала «Киевская старина» (Арк. Л-нко, 1890: 184-185). На необходимость популяризации археологического знания в России, примером чего является труд Д.И. Яворницкого, указывал в своей рецензии А.С. Лаппо-Данилевский (Лаппо-Данилевский, 1890). Рецензент называет ряд неточностей в ряду фамилий первых европейских археологов, в логике выделения археологических периодов, в неверном прочтении Геродота, а также в том, что «данные, сообщаемые автором, не всегда точны, его заключения иногда скороспелы и неверны». Но А.И. Лаппо-Данилевский замечает, что «первые опыты редко удаются. Популяризация археологических знаний путем более или менее самостоятельных работ русских археологов у нас почти не начиналась» (Лаппо-Данилевский, 1890: 151). Д. Анучин на основе остеологического материала и археологических находок из кургана Мухина Гора ставит под сомнение отнесение кургана к половецким, указывая на доликефалию как антропологический признак более ранних народов (Анучин, 1887: 92).

4.4. Д.И. Яворницкий и его отношение к археологическим памятникам

Д.И. Яворницкий при всем своем обостренном интересе к изучению Запорожской Сечи преодолевал и физические трудности, и материальную неустроенность, когда речь шла об археологии. Он писал другу Новицкому: «Везде хотелось бы побывать; нужно было бы поехать и на Сечи, благо, время удобное для археологов, но, откровенно говоря, грошей на то нет» (Шубравська, 1972: 24). В 1885 году во время археологических раскопок Д.И. Яворницкий чуть не погиб (был засыпан землей и получил тяжелые травмы) (Шубравська, 1972: 27). Занятия археологией для Дмитрия Ивановича не были скучной обязанностью: он всегда видел связь науки о древностях с современной жизнью.

Он активно помогал И.Е. Репину представить быт Запорожской Сечи, в том числе и по археологическим находкам. Дмитрий Иванович писал в своих воспоминаниях: «К услугам Репина была вся моя коллекция, которую я перевез из Харькова в Петербург <...> графин, выкопанный з «горилкою» в могиле на кладбище, близ места бывшей Запорожской Сечи, даже череп запорожца, с молодыми, крепкими зубами, выкопанный там же» (Шубравська, 1972: 31).

Д.И. Яворницкий осознает гуманистический посыл археологии, отмечая, что «быт каждого народа описан не во всех подробностях, да и далеко не все народы имели своих бытописателей; сама история является гораздо позже появления народов; для истории остается громадный пробел исторических времен, который дополняет наука о древностях – археология» (Эварницкий, 1890b: 74).

В 1893 году в Ташкенте выходит «Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях», написанный по поручению генерал-губернатора. Ее цель Д.И. Яворницкий видит в том, чтобы «дать в руки образованному человеку книгу, в которой он мог бы найти краткие археологические, исторические и отчасти этнографические сведения по пути из Узун-ада до Ташкента» (Эварницкий, 1893: 1).

Д.И. Яворницкий ссылается на древних авторов (Флавия, Геродота, Диодора, Страбона, Арриана, Птолемея), арабских географов (Ибн-Хаупала, Абуль-феди) и на многих других путешественников по Средней Азии и писавших о крае ученых. Д.И. Яворницкий описывает встреченные им памятники археологии, указывая этимологию названия, точные размеры, приводя тщательные описания. Так, описывая руины крепости Денгил-кала, ученый приводит ее размеры: «окружность ее имеет более 4 верст; внутренняя площадь около одной четвертью квадратной версты длины и около половины квадратной версты ширины; вокруг крепости вырыт ров около 4 сажень ширины и до 3 сажень глубины; и выведены глинобитные стены до 2 сажень высоты; до 5 сажень снизу и до 3 сажень сверху толщины» (Эварницкий, 1893: 14). Д.И. Яворницкий эмоционально относился к изучаемым им памятникам, с душой проводя свою работу, хотя она, на первый взгляд, далека от его научных интересов. Доказательством сказанному является описание им мечети в Аннау: «Она как-то особенно величаво возвышается над развалинами города и особенно в ночное время, при мягких переливах света луны, производит эффект поразительный» (Эварницкий, 1893: 20). Многостраничное описание посвящено истории города Мерва. Д.И. Яворницкий производит настоящую археологическую реконструкцию, отмечая, что «различить его городище от других городищ, с ним смежных, пока, без основательных раскопок, едва ли возможно» (Эварницкий, 1893: 35). Приводя описание развалин крепости Абдуллы-хана, Д.И. Яворницкий проводит археологическую реконструкцию на основе смены материалов построек, которые «суть отпечатки нескольких периодов времени, нескольких народностей и нескольких цивилизаций» (Эварницкий, 1893: 39). Д.И. Яворницкий восхищается памятниками самаркандской архитектуры, демонстрируя знание культуры народов Востока: «Мечеть Шах-зинда есть действительно великое архитектурное произведение восточного гения, и для точного описания его, говоря арабской пословицей, языку не достает слова, а воображению – красок» (Эварницкий, 1893: 92). Осмотрев нефритовое надгробие могилы Тимура, Д.И. Яворницкий делает самостоятельное наблюдение о том, что надгробие состоит из двух частей, и камни для него поставлены не из китайского Хотана, а из Бухары. В этом ученый дискутирует с профессором И.В. Мушкетовым, указывая, что «на улице, ведущей к Гур-эмиру, найдено было руководителем работ З.Э. Жижемским целое гнездо нефритовых осколков, однородных с камнем Сиотопом» (Эварницкий, 1893: 105). Украинская поэтесса Леся Украинка, с которой Д.И. Яворницкий встретился в Египте, писала об энтузиазме ученого: «Теперь он поехал в верхний

Египет осмотреть тамошние руины, а на обратном пути проживет здесь с неделю на нашей вилле для отдыха. Он упорный дед – лазил и на пирамиды, и в пирамиды, и где его только не носило!» (Леся Українка, 1956: 573).

4.5. Д.И. Яворницкий как директор Екатеринославского историко-археологического музея

Деятельность Д.И. Яворницкого на этом посту может стать темой специального исследования. Мы остановимся на специфике работы ученого на этом посту как археолога. В 1902 году Яворницкого приглашают в Екатеринослав на работу в краевом историко-археологическом музее, который был только что организован в память умершего в 1890 году Александра Поля, известного коллекционера и археолога, жившего в Екатеринославе (Шубравська, 1972: 88). А.Н. Поля, первооткрывателя криворожских руд, Д.И. Яворницкий знал лично и высоко оценивал научный уровень его коллекции (Эварницкий, 1890: 797). После смерти коллекционера его собрание, которое насчитывало 5000 экспонатов и оценивалось специалистами в 200 тысяч рублей серебром, могло быть продано за границу. Д.И. Яворницкий обращается к общественности с проникновенными словами: «печально, даже оскорбительно для чести русских людей, интересующихся прошлым своего отечества и своих предков, если это сокровище попадет в руки иностранцев или даже в руки недостойных невежд, видящих в древностях не предметы для изучения прошлого во всех видах и родах его, а предметы мены на деньги и богатой наживы» (Эварницкий, 1890: 797).

В 1902 году музей в Екатеринославе решено было открыть, и его создателем и организатором, а также первым директором был Д.И. Яворницкий. В 1904 году журнал «Киевская старина» писал: «профессор Д.И. Эварницкий возвратился из Полтавской губернии в Екатеринослав и привез с собой ряд чрезвычайно ценных в археологическом отношении предметов, частью найденных им в раскопках, частью подаренных ему разными лицами» (О раскопках..., 1904: 19). Среди привезенных Дмитрием Ивановичем предметов были старинная запорожская курительная трубка, десять печатей, принадлежавших куренным атаманам запорожского войска, железное копьё, коллекция малороссийских писанок и другие предметы (О раскопках..., 1904: 20).

По инициативе Д.И. Яворницкого XIII Археологический Съезд был проведен в Екатеринославе. Деятельность ученого в связи со съездом подробно проанализирована С.И. Свитленко. К этой работе мы отсылаем заинтересованного читателя (Світленко, 2005). На заседании Предварительного комитета по организации съезда Д.И. Яворницкий «назвал возможными раскопки более чем в десяти местах на средства местных помещиков, а во время работы съезда организацию экскурсий для ознакомления с местными древностями преимущественно казацких времен» (Кармазина, 2014: 30). Тот факт, что раскопки оказались возможными «на средства местных помещиков», является результатом также активной деятельности самого Д.И. Яворницкого. «В течение трех лет, предшествовавших съезду, Д. И. Яворницкий проводил раскопки курганов и городищ, обследовал территорию всей Екатеринославской губернии, собирая достопримечательности запорожской старины, этнографические материалы, которые составили основу вновь созданного музея имени А.Н. Поля» (Кармазина, 2014: 31). Сам Д.И. Яворницкий возглавил работу секции Запорожской старины. «С целью обследования местности он объехал более 500 верст, осмотрел множество курганов, городищ, валов, установил три типа курганов, раскопал курганы первых двух типов и городище. Исходя из характера предметов в курганах, он относил первый тип к эпохе между неолитом и началом металла, а курганы второго типа – к захоронениям кочевников» (Кармазина, 2014: 33). Д.И. Яворницкий выступил на съезде с докладом «Запорожская старина». В нем он рассказал об археологических находках на местах бывших запорожских сечей, Чертомлыцкой и Подпольненской, среди которых были надмогильные запорожские кресты и надгробие кошевого атамана И. Сирко. После XIII Археологического съезда «огромный и самый разнообразный материал сразу наполнил все обширное помещение музея и сделал его едва ли не самым богатым в настоящее время хранилищем древностей из многих провинциальных хранилищ» (Эварницкий, 1907: 13).

5. Заключение

Мы рассмотрели деятельность Д.И. Яворницкого как археолога в дореволюционный период. Анализ публикаций ученого показывает, что Дмитрий Иванович был не только увлеченным исследователем запорожского казачества, но и внимательным, тщательным, вдумчивым и эрудированным археологом. Он внес значительный вклад в полевую археологию, вводя передовые для тогдашнего уровня развития археологии в России методики. Это обязательное ведение полевой документации, послойное исследование памятника, фиксация каждой находки по отношению к краям раскопа и тщательное ее описание. Д.И. Яворницкий считал обязательным обмеры всех находок, сохранение не только вещественного, но и остеологического материала, что делали в ту эпоху далеко не все археологи. Он выступал за обязательную полевую реставрацию найденных скелетов, их тщательный обмер и анализ. Д.И. Яворницкий одним из первых в российской археологии ввел паспортизацию находок, требуя прикреплять к каждому найденному предмету музейную этикетку с указанием места находки и глубины залегания. Тот факт, что Д.И. Яворницкий копал курганы «колодцем» или «траншеей», а не «под снос», как это принято в современной

археологии, обусловлено не отсутствием необходимой методической подготовки, а стесненностью в средствах, о которой писали и другие археологи того периода, в частности И.Е. Забелин.

Д.И. Яворницкий делал тщательные наблюдения и верные исторические реконструкции на основе своих наблюдений, не боясь противоречить установившемуся в науке мнению. Он одним из первых рассмотрел группу вещей одинакового назначения, как называют современные археологи археологическую категорию «каменные бабы», выделил их типологические инварианты и провел обширное источниковедческое исследование.

Для Д.И. Яворницкого как для археолога была характерна широкая эрудиция, обязательное рассмотрение максимально возможного круга письменных источников для проведения исторических интерпретаций археологического материала. При этом ученого отличает увлеченность предметом и эмоциональное отношение к остаткам быта древних народов, даже если речь идет о далеких от его непосредственных научных интересов среднеазиатских памятниках. Авторы работ о Д.И. Яворницком указывают на отсутствие у него явно выраженных политических пристрастий. По нашему мнению, можно говорить о демократических убеждениях ученого, что выразилось в его самоотверженном сборе археологических материалов, умении убедить собственников земли финансировать раскопки в преддверии XIII Археологического съезда в Екатеринославе, а коллекционеров – безвозмездно пополнять фонды музея. В этом плане Д.И. Яворницкий является вдохновляющим образцом для археологов нашего времени. Актуально для наших дней звучат слова ученого: «Моим правилом в жизни было – работай; работай, не глядя вперед и не озираясь назад; не ожидая ниоткуда и ни от кого ни награды, ни похвалы; работай до тех пор, пока служат тебе руки и пока бьется живое сердце в твоей груди; работай на пользу твоего народа и на благо родины, дорогой тебе» (Авчинников, 1913: 10).

Литература

Авчинников, 1914 – Авчинников А.Г. Профессор Дмитрий Иванович Эварницкий: К 30-летию литературно-ученой деятельности. Екатеринослав: типография Губернского правления, 1914. 16 с.

Анучин, 1887 – Анучин Д. О костях, доставленных Д.И. Эварницким из кургана «Мухина Гора» // *Древности*. 1887. Т. 11. Вып. 3. С. 90-92.

Арк. Л-нко, 1890 – Арк. Л-нко. Д.И. Эварницкий. Публичные лекции по археологии // *Киевская старина*. 1890. Т. 29. С. 184-185.

Бібліографічний показник..., 1929 – Бібліографічний показник праць професора Дмитра Івановича Яворницького / *Збірник Дніпропетровського краєвого історично-археологічного музею*. Дніпропетровськ, 1929. Т. 1. С. 261-272.

Демиденко, 2008 – Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э.-III в н.э.). М.: Издательство ЛКИ, 2008. 328 с.

Длужневская, 2014 – Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб: ЛЕМА, 2014. 218 с

Дмитро Іванович Яворницький, 1969 – Дмитро Іванович Яворницький. Серія «Бібліографія вчених Української РСР». Відповід. ред. К.Г. Гуслистий. Київ: Наукова думка, 1969.

Доклад..., 1864 – Доклад комиссии по составлению археологического словаря // *Древности*. Труды Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 1. М.: Синодальная типография, 1864. С. 10-11.

Кармазина, 2014 – Кармазина Н.В. XIII Археологический Съезд в Екатеринославе: разработка комплексной программы исследования культурного наследия юга России // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского*. Серия «Исторические науки». 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 29-37.

Клейн, 2011 – Клейн Л.С. История археологической мысли. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. Т. 1. 628 с.

Клейн, 2014 – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.

Ковалев, Яременко, 1994 – Ковалев И.В., Яременко И.И. Вклад Д.И. Яворницкого в исследование скифских памятников юга Украины / *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тезисы докладов Международной конференции*. Вып. 2. Запорожье, 1994. С. 82-85.

Лаппо-Данилевский, 1890 – Лаппо-Данилевский А.С. Рецензия на книгу Д.И. Яворницкого «Публичные лекции по археологии России». СПб. 1890 // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1890. Часть 270. С. 142-151.

Лебедев, 1992 – Лебедев Г.С. История отечественной археологии (1700–1917 гг.). СПб.: СПбГУ, 1992. 463 с.

НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры РАН.

Находки..., 1889 – Находки в Екатеринославской губернии // *Исторический вестник*. 1889. Т. XXXVIII.

- О раскопках..., 1904** – О раскопках и приобретениях для областного музея в Екатеринославе, сделанных профессором Д.И. Эварницким // *Киевская старина*. 1904. Январь. С.19-20.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Світленко, 2005** – *Світленко С. І. Д. І. Яворницький і XIII Археологічний з'їзд в Катеринославі: особистість і подія на тлі епохи* // *Наддніпрянська Україна : історичні процеси, події, постаті*. 2005. Вип. 3. С. 21-34.
- Сумцов, 1913** – *Сумцов Н.Ф.* Д.И. Эварницкий // *Южный край*. 1913. 24 ноября. С. 2.
- Формозов, 2004** – *Формозов А.И.* Историография русской археологии на рубеже XX-XXI веков: (обзор кн., вышедших в 1997-2003 гг.). Курск: Издательство Курского государственного университета, 2004. 67 с.
- Шаповал, 1966** – *Шаповал І.* В пошуках скарбів. Київ: Радянський письменник, 1966. [Электронный ресурс]. URL: <https://coollib.com/b/233958/read?ysclid=lr2mt76zn6349829695>
- Шубравська, 1972** – *Шубравська М.М.* Д.І. Яворницький. Київ: Наукова думка, 1972. 254 с.
- Шукач старожитностей..., 2014** – Шукач старожитностей: археолог Дмитро Яворницький (информация о выставке). 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://prostir.museum/ua/post/33658>
- Щапова, 2011** – *Щапова Ю.Л.* Материальное производство в археологическую эпоху. СПб.: Алейтейя, 2011. 236 с.
- Эварницкий, 1903** – *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков: Т. 1-2. Владимир: типография Губернского правления, 1903.
- Эварницкий, 1890** – *Эварницкий Д.* Музей А.Н. Поля // *Исторический вестник*. 1890. Т. XLII. С. 794-798.
- Эварницкий, 1889** – *Эварницкий Д.* Скифская жертвенная чаша // *Исторический вестник*. 1889. Т. XXXV. С. 720-722.
- Эварницкий, 1885** – *Эварницкий Д.И.* Археологические раскопки [в Екатеринославской и Киевской губернии]. Киев: типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1885. 23 с.
- Эварницкий, 1885a** – *Эварницкий Д.И.* Археологические раскопки. Раскопка кургана «Мухина гора» // *Киевская старина*. 1885. Август. Т. 12. С. 707-722.
- Эварницкий, 1885b** – *Эварницкий Д.И.* Археологические раскопки. Раскопка кургана в д. Вороной // *Киевская старина*. 1885. Август. Т. 12. С. 722-727.
- Эварницкий, 1885c** – *Эварницкий Д.И.* Археологические раскопки. Раскопка кургана Рыжановка // *Киевская старина*. 1885. Август. Т. 12. С. 727-728
- Эварницкий, 1892-1897** – *Эварницкий Д.И.* История запорожских козаков: Т. 1-3. СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1892-1897.
- Эварницкий, 1890a** – *Эварницкий Д.И.* Каменные бабы // *Исторический вестник*. 1890. Т. XLI. С. 184-194.
- Эварницкий, 1907** – *Эварницкий Д.И.* Отчет Екатеринославского областного музея имени А.Н. Поля за гг. 1905-1906. Екатеринослав: Типография Губернского земства, 1907. 192 с.
- Эварницкий, 1890b** – *Эварницкий Д.И.* Публичные лекции по археологии России. Типография И.Н. Скороходова. СПб. 1890. 74 с.
- Эварницкий, 1893** – *Эварницкий Д.И.* Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и этнографическом отношении. Ташкент, Типография наследников С.И. Лахтина, 1893. 196 с.
- Эварницкий, 1888** – *Эварницкий Д.И.* Запорожье в остатках старины и преданиях народа. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1888. 2 т.
- Яворницкий, 1898** – *Яворницкий Д.И.* Вольности запорожских козаков. СПб.: типография П.И. Бабкина, 1898. 406 с.
- Яворницкий, 1894** – *Яворницкий Д.И.* Иван Дмитриевич Сирко, славный кошевой атаман войска запорожских низовых козаков. СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1894. 164 с.
- Яворницкий, 1889** – *Яворницкий Д.И.* Очерки по истории запорожских козаков и Новороссийского края. СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1889. 195 с.
- Яворницкий, 1898a** – *Яворницкий Д.И.* По следам запорожцев. СПб.: типография П.И. Бабкина, 1898. 324 с.
- Яворницкий, 1888** – *Яворницкий Д.И.* Сборник материалов для истории запорожских козаков. СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1888. 248 с.
- Яременко, 1994** – *Яременко И.И.* Археологические периодизации в трудах Д.И. Яворницкого / *Проблемы археологии культур неолита-бронзового века Украины и Юга Восточной Европы: Тезисы докладов Международной конференции*. Днепропетровск, 1994. С.76-78.

References

- Anuchin, 1887** – *Anuchin, D.* (1887). O kostyah, dostavlenykh D.I. Evarnickim iz kurgana «Muhina Gora» [About the bones delivered by D.I. Evarnitsky from the mound "Mukhina Gora"]. *Drevnosti*. 11(3): 90-92. [in Russian]

- Ark. L-nko, 1890** – *Ark. L-nko* (1890). D.I. Evarnickij. Publichnye lekcii po arheologii. SPb, 1890 [Evarnitsky. Public lectures on archaeology. St. Petersburg, 1890] *Kievskaya starina*. 29: 184-185. [in Russian]
- Avchinnikov, 1914** – *Avchinnikov, A.G.* (1914). Professor Dmitriy Ivanovich Evarnickij: K 30-letiyu literaturno-uchenoj deyatel'nosti [Professor Dmitry Ivanovich Evarnitsky: On the 30th anniversary of literary and scientific activity]. Ekaterinoslav: tipografiya Gubernskogo pravleniya, 16 p. [in Russian]
- Bibliografichnij pokazchik..., 1929** – Bibliografichnij pokazchik prac' professora Dmitra Ivanovicha Yavornic'kogo [Bibliographic display of the father of Professor Dmitry Ivanovich Yavornitsky]. *Zbirnik Dnipropetrovs'kogo kraevogo istorichno-arheologichnogo muzeyu*. Dnipropetrovsk. Vol. 1. Pp. 261-272. [in Ukrainian]
- Demidenko, 2008** – *Demidenko, S.V.* (2008). Bronzovye kotly drevnih plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n.e.-III v n.e.) [Bronze cauldrons of ancient tribes of the Lower Volga region and the Southern Urals (V century BC-III century AD)]. M.: Izdatel'stvo LKI, 328 p. [in Russian]
- Dluzhnevskaya, 2014** – *Dluzhnevskaya, G.V.* (2014). Arheologicheskie issledovaniya v Evropejskoj chasti Rossii i na Kavkaze v 1859–1919 gg. (po dokumentam Nauchnogo arhiva Instituta istorii material'noj kul'tury RAN) [Archaeological research in the European part of Russia and the Caucasus in 1859–1919 (according to the documents of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)]. SPb: LEMA. 218 p. [in Russian]
- Dmitro Ivanovich Yavornic'kij, 1969** – Dmitro Ivanoich Yavornic'kij. Seriya «Bibliografiya vchenih Ukraïns'koi RSR» [Dmitro Ivanovich Yavornitsky. Series "Bibliography of the Ukrainian RSR"]. Vidpovid. red. K.G. Guslistij. Kii'v: Naukova dumka, 22 p. [in Ukrainian]
- Doklad..., 1864** – Doklad komissii po sostavleniyu arheologicheskogo slovarya [Report of the Commission on the compilation of the archaeological dictionary]. *Drevnosti*. Trudy Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva. Vol. 1. No. 1. M.: Sinodal'naya tipografiya. Pp. 10-11. [in Russian]
- Evarnickij, 1885b** – *Evarnickij, D.I.* (1885). Arheologicheskie raskopki. Raskopka kurgana v d. Voronoi [Archaeological excavations. Excavation of a mound in the village Voronoi]. *Kievskaya starina*. Avgust. 12: 722-727. [in Russian]
- Evarnickij, 1885c** – *Evarnickij, D.I.* (1885). Arheologicheskie raskopki. Raskopka kurgana Ryzhanovka [Archaeological excavations. Excavation of the Ryzhanovka mound]. *Kievskaya starina*. 1885. Avgust. 12: 727-728. [in Russian]
- Evarnickij, 1885** – *Evarnickij, D.I.* (1895). Arheologicheskie raskopki [v Ekaterinoslavskoj i Kievskoj gubernii] [Archaeological excavations [in Yekaterinoslav and Kiev provinces]]. Kiev: tipografiya G.T. Korchak-Novickogo. 23 p. [in Russian]
- Evarnickij, 1885a** – *Evarnickij, D.I.* (1885). Arheologicheskie raskopki. Raskopka kurgana «Muhina gora» [Archaeological excavations. Excavation of the mound "Mukhina Gora"]. *Kievskaya starina*. Avgust. Vol. 12. Pp. 707-722. [in Russian]
- Evarnickij, 1888** – *Evarnickij, D.I.* (1888). Zaporozh'e v ostatkah stariny i predaniyah Naroda [Zaporozhye in the remnants of antiquity and the traditions of the people]. SPb.: L.F. Panteleev. 2 t. [in Russian]
- Evarnickij, 1889** – *Evarnickij, D.* (1889) Skifskaya zhertvennaya chasha [Scythian sacrificial bowl]. *Istoricheskij vestnik*. Vol. XXXV. Mart. Pp. 720-722. [in Russian]
- Evarnickij, 1890** – *Evarnickij, D.* (1890). Muzej A.N. Polya [A.N. Polya Museum]. *Istoricheskij vestnik*. Vol. XLII. Pp. 794-798. [in Russian]
- Evarnickij, 1890a** – *Evarnickij, D.I.* (1890). Kamennye baby [Stone women]. *Istoricheskij vestnik*. XLI: 184-194. [in Russian]
- Evarnickij, 1890b** – *Evarnickij, D.I.* (1890). Publichnye lekcii po arheologii Rossii [Public lectures on the archaeology of Russia]. Tipografiya I.N. Skorohodova. SPb. 74 p. [in Russian]
- Evarnickij, 1892-1897** – *Evarnickij, D.I.* (1892-1897). Istoriya zaporozhskih kozakov [The history of the Zaporozhye Cossacks]. SPb.: tipografiya I.N. Skorohodova. Vol. 1-3. [in Russian]
- Evarnickij, 1893** – *Evarnickij, D.I.* (1893). Putevoditel' po Srednej Azii ot Baku do Tashkenta v arheologicheskij i etnograficheskij otnosheniyah [A guide to Central Asia from Baku to Tashkent in archaeological and ethnographic relations]. Tashkent, Tipografiya naslednikov S.I. Lahtina, 196 p. [in Russian]
- Evarnickij, 1903** – *Evarnickij, D.I.* (1903). Istochniki dlya istorii zaporozhskih kozakov [Sources for the history of the Zaporozhian Cossacks]. Vladimir: tipografiya Gubernskogo pravleniya. T. 1-2. [in Russian]
- Evarnickij, 1907** – *Evarnickij, D.I.* (1907). Otchet Ekaterinoslavskogo oblastnogo muzeya imeni A.N. Polya za gg. 1905-1906 [Report of the Yekaterinoslav Regional Museum named after A.N. Pol for the years 1905-1906]. Ekaterinoslav: Tipografiya Gubernskogo zemstva. 192 p. [in Russian]
- Formozov, 2004** – *Formozov, A.I.* (2004). Istoriografiya russkoj arheologii na rubezhe XX-XXI vekov: (obzor kn., vyshedshih v 1997-2003 gg.) [Historiography of Russian archaeology at the turn of the XX-XXI centuries: (review of books published in 1997-2003)]. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 67 p. [in Russian]

- Karmazina, 2014** – *Karmazina, N.V.* (2014). XIII Arheologicheskij S'ezd V Ekaterinoslave: razrabotka kompleksnoj programmy issledovaniya kul'turnogo naslediya yuga Rossii [XIII Archaeological Congress In Yekaterinoslav: development of a comprehensive program for the study of the cultural heritage of the South of Russia]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 27 (66). 1: 29-37. [in Russian]
- Klejn, 2011** – *Klejn, L.S.* (2011). Istoriya arheologicheskoy mysli [The history of archaeological thought]. SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. Vol. 1. 628 p. [in Russian]
- Klejn, 2014** – *Klejn, L.S.* (2014). Istoriya Rossijskoj arheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. T. 1. Obshchij obzor i dorevolucionnoe vremya [History of Russian Archaeology: teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. SPb.: EVRAZIYA, 704 p. [in Russian]
- Kovalev, Yaremenko, 1994** – *Kovalev, I.V., Yaremenko, I.I.* (1994). Vklad D.I. Yavornickogo v issledovanie skifskih pamyatnikov yuga Ukrainy [D.I. Yavornitsky's contribution to the study of Scythian monuments in the south of Ukraine]. *Problemy skifo-sarmatskoj arheologii Severnogo Prichernomor'ya: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoj konferentsii*. Vyp. 2. Zaporozh'e. Pp. 82-85. [in Russian]
- Lappo-Danilevskij, 1890** – *Lappo-Danilevskij, A.S.* (1890). Recenziya na knigu D.I. Yavornickogo «Publichnye lekcii po arheologii Rossii». Spb, 1890 [Review of the book by D.I. Yavornitsky "Public lectures on the archaeology of Russia". St. Petersburg, 1890]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part 270. Pp. 142-151. [in Russian]
- Lebedev, 1992** – *Lebedev, G.S.* (1992). Istoriya otechestvennoj arheologii (1700–1917 gg) [The history of Russian archaeology (1700-1917)]. SPb: SPbGU, 463 p. [in Russian]
- Nahodki..., 1889** – Nahodki v Ekaterinoslavskoj gubernii [Finds in Yekaterinoslav province]. *Istoricheskij vestnik*. 1889. T. XXXVIII. P. 326. [in Russian]
- O raskopkah..., 1904** – O raskopkah i priobreteniyah dlya oblastnogo muzeya v Ekaterinoslave, sdelannyh professorom D.I. Evarnickim [About excavations and acquisitions for the regional museum in Yekaterinoslav, made by Professor D.I. Evarnitsky]. *Kievskaya starina*. January. Pp. 19-20. [in Russian]
- Shapoval, 1966** – *Shapoval, I.* (1966). V poshukah skarbiv [In search of treasures]. Kiiv: Radyans'kij pis'mennik [Electronic resource]. URL: <https://coollib.com/b/233958/read?ysclid=lr2mt76zn6349829695> [in Ukrainian]
- Shchapova, 2011** – *Shchapova, Y.L.* (2011). Material'noe proizvodstvo v arheologicheskuyu epohu [Material production in the archaeological era]. SPb.: Alejteya, 236 p. [in Russian]
- Shubrav's'ka, 1972** – *Shubrav's'ka, M.M.* (1972). D.I. Yavornic'kij. Kiiv: Naukova dumka, 254 p. [in Ukrainian]
- Shukach starozhitnostej..., 2014** – Shukach starozhitnostej: arheolog Dmytro Yavornic'kij (informaciya o vystavke) [Shukach of ancient times: archaeologist Dmytro Yavornitsky (information about the exhibition)]. [Electronic resource]. URL: <http://prostir.museum.ua/post/33658> [in Ukraine]
- Sumcov, 1913** – *Sumcov, N.F.* (1913). D.I. Evarnickij [D.I. Evarnitsky]. *Yuzhnyj kraj*. 24 noyabrya. P. 2. [in Russian]
- Svitlenko, 2005** – *Svitlenko, S.I.* (2005). D. I. Yavornic'kij i XIII Arheologichnij z'їzd v Katerinoslavi: osobistist' i podiia na tli epohi [D. I. Yavornic'kij and XIII Archaeological congress in Yekaterinoslav: personality and event against the background of the epoch]. *Naddniprovs'ka Ukraїna : istorichni procesi, podii, postati*. 3: 21-34. [in Ukrainian]
- Yaremenko, 1994** – *Yaremenko, I.I.* (1994). Arheologicheskie periodizacii v trudah D.I. Yavornickogo [Archaeological periodizations in the works of D.I. Yavornitsky]. *Problemy arheologii kul'tur neolita-bronzovogo veka Ukrainy i Yuga Vostochnoj Evropy: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoj konferencii*. Dnepropetrovsk. Pp. 76-78. [in Russian]
- Yavornickij, 1888** – *Yavornickij, D.I.* (1888). Sbornik materialov dlya istorii zaporozhskih kozakov [Collection of materials for the history of the Zaporozhye Cossacks]. SPb.: tipografiya I.N. Skorohodova, 248 p. [in Russian]
- Yavornickij, 1889** – *Yavornickij, D.I.* (1889). Ocherki po istorii zaporozhskih kozakov i Novorossijskogo kraja [Essays on the history of the Zaporozhian Cossacks and the Novorossiysk territory]. SPb.: tipografiya I.N. Skorohodova, 195 p. [in Russian]
- Yavornickij, 1894** – *Yavornickij, D.I.* (1894). Ivan Dmitrievich Sirko, slavyj koshevoj ataman vojska zaporozhskih nizovyh kozakov [Ivan Dmitrievich Sirko, the glorious koshevoi ataman of the army of the Zaporozhye grassroots Cossacks]. SPb.: tipografiya I.N. Skorohodova, 164 p. [in Russian]
- Yavornickij, 1898a** – *Yavornickij, D.I.* (1898). Po sledam zaporozhcev [In the footsteps of the Cossacks]. SPb: tipografiya P.I. Babkina, 324 p. [in Russian]
- Yavornickij, 1898** – *Yavornickij, D.I.* (1898). Vol'nosti zaporozhskih kozakov [Liberties of the Zaporozhian Cossacks]. SPb.: tipografiya P.I. Babkina. 406 p. [in Russian]

Д.И. Яворницкий как археолог (дореволюционный период деятельности)

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Ляйля Гельсовна Хуснутдинова ^a,
Уткир Исмаилович Абдуллаев ^b

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Ургенчский государственный университет, Республика Узбекистан

Аннотация. Отечественная историография традиционно связывает деятельность выдающегося русского историка Д.И. Яворницкого (1855–1940) с изучением истории запорожского казачества, фольклора и этнографии населения Южного Поднепровья. В то же время исследование научного наследия ученого позволяет говорить о нем и как об одном из пионеров российской археологической науки. Новизна данного исследования обусловлена выбором этого малоизвестного русского науки ракурса научного творчества историка. Актуальность работы связана с обращением к истокам русского археологического знания, что открывает возможности адекватной оценки его развития. Материалом для исследования археологического наследия Д.И. Яворницкого послужили его публикации в российской печати до 1917 года. Их анализ показал, что Д.И. Яворницкий внес значительный вклад в методику полевых археологических исследований, выдвигал как обязательное требование ведение полевой документации, тщательное послойное вскрытие памятника и фиксацию места находки. Ученый использовал не только вещественный, но и остеологический материал, был одним из пионеров паспортизации находок. Д.И. Яворницкий был мастером тонких наблюдений и проводил верные исторические реконструкции, в том числе и на материале памятников Средней Азии, что не входило в его непосредственные научные интересы. Ученый рассматривал свою археологическую деятельность как способ служения Родине, в чем нашел отражение демократический характер его убеждений. Вклад Д.И. Яворницкого в развитие российской археологии на посту бессменного директора Екатеринославского краевого историко-археологического музея может стать продолжением темы данного исследования.

Ключевые слова: история археологии, история России, полевая археология, археологические реконструкции, XIII Археологический съезд, Д.И. Яворницкий.

* Корреспондирующий автор

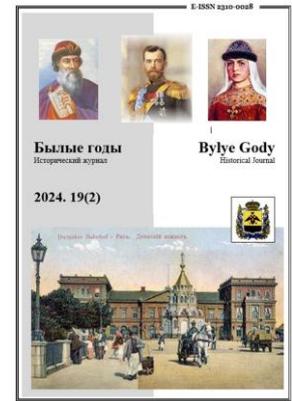
Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов), Lavanda-55@mail.ru (Л.Г. Хуснутдинова), abdullayev.u.i@mail.ru (У.И. Абдуллаев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 738-749
DOI: 10.13187/bg.2024.2.738

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Imperial Policy of Resettlement in the North Caucasus and Muhajirism of the Highlanders in the second half of the 19th century: Main Stages and Consequences for the Region

Evgenii A. Avdeev^{a,*}, Sergej M. Vorobev^a, Sergej N. Bredikhin^a

^a North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

Resettlement of North Caucasian highlanders in the second half of the 19th century still remains one of the conflict-generating narratives of historical memory. The policy of the Russian Empire during this period was determined by geopolitical processes, the continued colonization of the region, opposition to the influence of the Ottoman Empire, as well as the desire of North Caucasian Muslims to move to Dar al-Islam. Its inconsistency is due to the difficult task of sociocultural integration of the highlanders in the conditions of colonization and resettlement of Russian peasants and Cossacks to their original places of residence. Administrative, territorial, legal, national and religious issues were often resolved using methods that forced resettlement. Since the 1830s, processes have been observed in the movement of highlanders from their original places of residence, either to the internal lowland regions of the Caucasus, or to the Ottoman Empire. Cossacks and colonists settled on the lands liberated in this way, who were supposed to help ensure border security and reduce the possibility of resistance of part of the mountain population to the colonization of the region. At the last stage of the Caucasian War, the Russian authorities encouraged the departure of mountaineers abroad. The policy of the Ottoman Empire, aimed at supporting and agitating anti-Russian and resettlement sentiments, significantly increased the scale of muhajirism. At the end of the Caucasian War and the pacification of the North Caucasus, the emigration of highlanders begins to be limited, and later prohibited. At the end of the 1850s – beginning of the 1860s, accounts for the most massive stage of resettlement and emigration of highlanders. The second significant stage of mountain emigration occurred in the second half of the 60s – early 70s. XIX century. At this time, three waves of resettlement of highlanders can be distinguished. The third stage of active external and internal migration occurred in the 1880s – 1890s. By the end of the 19th century, the emigration of highlanders basically stopped. The resettlement process at all stages was accompanied by disasters and hardships and led to negative demographic dynamics. It changed the ethnic areas and ethnic composition of the population of the North Caucasus.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, highlanders, resettlement policy, Muhajirism, Caucasian War.

1. Введение

Имперская политика переселения горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. отражала сложнейшие геополитические, экономические, этнокультурные и религиозные реалии. Это было вызвано колонизацией региона и местами продолжающимся, несмотря на завершение Кавказской войны, сопротивлением горцев, а также нелояльностью определенной части горской элиты царскому правительству, которая находилась, в том числе, под влиянием внешних факторов, их желанием жить с мусульманами Османской империи – братьями по вере. Освещение и осмысление этих событий носит дискуссионный характер. За период с конца XIX в. по настоящее время выходит большое количество работ по миграции и переселению горских народов как внутри региона,

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

так и за его пределы, а также по эмиграции и адаптации северокавказских переселенцев (мухаджиров) в Турции. Мухаджиры (от арабск. – переселенцы) – горцы, покинувшие Кавказ в последний период Кавказской войны и в последующие за ее окончанием десятилетия. До сих пор нет и не может быть однозначной оценки и интерпретации этих процессов. Масштабы, динамика и последствия переселений являются предметом обсуждения в современном историческом дискурсе. Только подсчеты численности горцев, покинувших Северный Кавказ, разнятся от 400 тыс. до 3,1 млн человек. Путь переселенцев на всех этапах был сопряжен с лишениями и высокой смертностью в результате бытовой неустроенности, голода и болезней. Для характеристики мухаджирства по-прежнему используются различные определения, такие как «исход», «миграция», «депортация», «изгнание» и даже «геноцид». Наличие субъективных оценочных характеристик подчеркивает сохраняющееся значение этого явления для исторической памяти горских народов. Имперская политика переселения горцев порой выступает поводом для этнополитических спекуляций и тенденциозных трактовок. Это обусловлено ее вынужденным, жестким и зачастую принудительным характером. На землях Северо-Западного Кавказа (Причерноморье) администрация проводила политику поощрения к переселению. Наибольшая доля мухаджиров приходится на этот регион. На Центральном и Северо-Восточном Кавказе (Чечня, Ингушетия и Дагестан) горские народы были вынуждены переселяться также под давлением потока колонистов и вызванного этим дефицита сельскохозяйственных земель. При этом меры жесткого принуждения со стороны имперской администрации применялись и к русским переселенцам, и к казакам. В целом имперская политика по отношению к горским народам была, с одной стороны, политикой принуждения к безусловной лояльности, с другой, направлена на «выдавливание» нелояльных с территорий их исторического проживания.

Миграция горцев была тяжелой и болезненной, она обернулась серьезными демографическими потерями среди этих народов, а также стала одним из основных конфликтогенных нарративов исторической памяти в регионе. Драматические, а порой и трагические события этого периода живут в памяти людей и могут послужить конфликтогенами, а также привести к всплескам межнациональной напряженности и выступить аргументами при обосновании этносепаратизма. В настоящее время актуальность данной проблемы значительно усилилась в связи с резким обострением геополитической ситуации, конфронтацией России и Запада, стремлением внешних акторов расколоть Северный Кавказ по этническому и конфессиональному признаку, вызвать всплеск недовольства со стороны населения, воскрешая в памяти трагические события имперского прошлого.

2. Материалы и методы

В статье был проведен анализ специфики основных этапов реализации политики переселения, ряда государственных решений имперской власти и методов их реализации кавказской администрацией. Статья основывается на широком круге как дореволюционных, так и современных источников, исследований по истории, демографии и свидетельств очевидцев эмиграции и переселений горцев. Источниковую базу составили архивы: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), г. Москва, Россия; Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), г. Махачкала, Россия; Научный архив и Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (НАРФИ ИАЭ ДНЦ РАН), г. Махачкала, Россия. Документы: Сб. документов, освещающий движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е годы XIX в., Махачкала, СССР; Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией (АКАК), г. Тифлис, Российская империя; Кавказский сборник, г. Тифлис, Российская империя; Сборник сведений о кавказских горцах, г. Тифлис, Российская империя. Материалы дореволюционной периодической печати: Русский архив. Историко-литературный сборник.

Данное исследование основывалось на принципе историзма, который предполагает изучение исторических процессов через призму раскрытия основных проблем, причин тех или иных событий и учет конкретных условий, в которых происходит их реализация. Основываясь на историографическом и историко-системном методе была рассмотрена политика Российской империи по переселению горских народов и их миграция, раскрыты основные причины, этапы и последствия этих процессов в регионе. Немаловажное значение имеет раскрытие контекста сложной динамики взаимодействия российской имперской администрации и горских народов. Методологически обоснованным является рассмотрение Северного Кавказа как фронтальной зоны, специфика которой во многом определяется миграционными процессами, перемещениями больших масс людей, формировавшими облик региона в различные исторические периоды. Не стала исключением и вторая половина XIX в. Волны миграции изменили этнический ландшафт и привели к образованию пестрой мозаики локальных сообществ северокавказского региона (Барретт, 2000: 165). Значимым является рассмотрение «частных историй» участников и очевидцев в рамках большого исторического нарратива Кавказской войны и имперской политики переселения. Комплексный подход к исследованию позволил использовать не только историко-описательный, но и историко-архивный метод.

3. Обсуждение

Специфика имперской политики переселения горцев во второй половине XIX в. была во многом обусловлена географическими особенностями и геостратегическим значением земель Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа. Характерной чертой миграционных процессов на Северо-Западном Кавказе, особенно на землях, прилегающих к Черному морю, было массовое переселение черкесского населения в Османскую империю. Эта миграция определялась в отечественной историографии и общественном дискурсе как мухаджирство. Данные процессы были запущены окончанием Кавказской войны и административными решениями, направленными на переселение нелояльных российской администрации горцев. Переселенческая политика носила в основном вынужденный и во многих случаях откровенно принудительный и насильственный характер (Дзидзария, 1982). Осмысление имперской переселенческой политики и ее последствий для региона начинается в конце XIX в. и активно продолжается по настоящее время. Изучение массовых переселений горцев и в советский период было затруднено как идеологическими установками, так и объективными сложностями, связанными с недоступностью зарубежных исторических материалов. В 1990-х гг. мухаджирство становится проблемой многих исторических, этнологических и этнополитических исследований (Кушхабиев, 1993; Кумыков, 1998; Магомедханов, 1997; Ганич, 2007). Научный интерес к этим процессам сохраняется и сегодня.

Стремление к переселению в Османскую империю связано с наличием давних государственно-политических, социально-экономических, религиозных и этнокультурных связей кавказских народов и принимающей стороны. Эти связи имели исторический характер. Северокавказская (преимущественно черкесская) диаспора начинает складываться в османской Турции еще в XVI в. Султан Оттоманской Порты считался и духовным лидером всех мусульман – халифом, который нес моральную ответственность за единоверцев, страдающих от притеснений. Переселение горских народов активно поддерживалось Османской империей. Эмиграция на турецкие земли воспринимался переселенцами, еще не столкнувшимися с трудностями и лишениями, как благо, переход из дар аль-харб (область войны) в дар аль-ислам (область ислама). Турецкими эмиссарами распространялись среди горского населения слухи о прелестях жизни после переселения, что создавало специфическую область позитивизации исходно дерогативного нарратива «исхода». Территории Северо-Западного Кавказа, подверженные значительному османскому влиянию, стали основным источником мухаджиров. Значительную роль при этом сыграла и российская администрация, поддерживающая и зачастую поощряющая переселенческие настроения. При сопоставимой численности населения адыго-черкесского субрегиона (Причерноморье и Кубань) с другими районами Северного Кавказа, он дал 87–88 % всех переселенцев. Тогда как на долю чеченцев, осетин и остальных горских народов пришлось только 12–13 % эмигрантов (Шеуджен и др., 2004: 222). В связи с таким потоком переселенцев имперская администрация на Кавказе уже начиная с 1865 г. вместо поощрения эмиграции стала вводить ограничительные меры, а в последствии и запрещать ее. Это позволило стабилизировать численность черкесского населения и привело к его последующему росту. Так за период 1897–1926 гг. их количество на Юге России выросло с 43 тыс. до 64,2 тыс. человек (Денисова, Суций, 2017: 20).

Влияние переселения горских народов в Османскую империю на динамику численности северокавказского населения по-прежнему является предметом научных дискуссий. Недостаток документальных данных приводит к различным оценкам и интерпретациям. Например, подсчеты А.П. Берже были основаны на докладе Кавказской комиссии. Он приводит следующие цифры: через восточные порты Черного моря было отправлено с 1858 по 1865 гг. 494 633 человек, в том числе шапсугов – 196 тыс., натухайцев – 67 тыс., абадзехов – 43 тыс., убыхов – 74 567, джигетов – 11 873, бжедугов – 10 500, абазин – 30 тыс., бесланеевцев – 4 тыс., темиргоевцев, егерукаевцев и махошевцев – 15 тыс. и чеченцев – 22 193 человека (Кумыков, 1994: 24). Генерал, историк и публицист, участник Кавказской войны Р. А. Фадеев оценивал численность ушедших в 1863–1864 гг. горцев в районе 250 тыс. человек (Фадеев, 2003: 195–197). Однако большая часть исследователей полагает, что общая численность переселившихся (адыгов, абхазов, убыхов, абазин, чеченцев, ингушей, аварцев, лезгин, осетин, карачаевцев, балкарцев и др.) была гораздо большей. В. А. Аболтин приводит цифру переселенцев от 1 800 000 до 3 097 949 человек (Аболтин, 1925: 21).

Переселение из Северо-Восточного Кавказа имело гораздо меньшие масштабы, его оценки также рознятся в связи с недостаточностью документальных подтверждений. Очень мало данных, позволяющих определить численность переселенцев среди чеченцев и ингушей. В. М. Кабузан отмечает, что с 1858 по 1867 гг. численность чеченцев снизилась со 190 тыс. до 144 тыс. человек. При этом нужно учитывать, что это уменьшение связано не только с эмиграцией, но и с естественными причинами (Кабузан, 1996: 98; Лайпанов, 1966: 111–113). Согласно подсчетам З.Х. Ибрагимовой Терскую область покинуло около 90 тыс. горцев, большинство из которых чеченцы (Ибрагимов, 2000: 43). По оценкам ряда исследователей в османскую империю переселилось порядка 7 тыс. карачаевцев и 3 тыс. балкарцев (Борлакова, Батчаева, 2017: 51). Эти данные коррелируют с оценками, которые приводит Й. Невруз. Он считает, что с 1828 по 1907 гг. в Турцию переселилось порядка 1200 карачаевских и балкарских семей (всего около 10 тыс. человек) (Nevruz, n.d).

Нет однозначных оценок и масштабов переселения в Османскую империю в целом по Северному Кавказу. Так А. П. Берже, опирающийся на документы и материалы Кавказской археографической комиссии, полагал, что только с 1858 по 1865 гг. переселенцев было 493 194 человека (около 1/11 части всего населения Кавказа) (Берже, 1882: 163). Однако остались неучтенными те паломники в Мекку, которые не вернулись, а также горцы, незаконно пересекшие границу Российской империи. П.Х. Акиева проведя сравнительный анализ различных документальных данных, исторических источников и рассказов самих переселенцев, полагает, что число мухаджиров составляло порядка 1,7 млн. человек за период с 1857 по 1910 гг. (Акиева, 2017: 8). Численность мухаджиров, умерших в процессе переселения от голода, лишений и болезней, а также погибших на новом месте от тяжелых условий жизни и бытовой неустроенности, также точно не определена. По некоторым оценкам человеческие потери составляли от 1/3 до 1/4 всех переселенцев (Денисова, Суций, 2017: 20). О масштабах переселения горцев Северного Кавказа свидетельствует широкая палитра этнического состава мухаджиров. Берже выделяет среди мухаджиров представителей 16 северокавказских этносов и субэтнических групп. Среди них шапсуги, убыхи, натухайцы, прикубанские ногойцы, абазинцы, абадзехи, чеченцы, кабардинцы и др. (Берже, 1882: 163-164).

Таким образом, завершение вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи сопровождалось массовым переселением горцев как внутри региона, так и за его пределы. Наиболее активная миграция горского населения была в 1860-е гг., в дальнейшем она стала затухать и практически завершилась в начале XX в. Основными причинами этих процессов стали результаты Кавказской войны, политика имперской администрации в регионе, активное влияние Османской империи, нежелание части горского населения принимать российское подданство, а также религиозные мотивы.

4. Результаты

Целью данной статьи является раскрытие основного содержания и этапов имперской политики переселения горских народов как внутри региона, так и за его пределы (мухаджирство) во второй половине XIX в. Имперская политика переселения на Северном Кавказе носила двойственный характер. С одной стороны, российская администрация активно способствовала привлечению русского населения в регион, расширению ареала его проживания, что способствовало развитию экономических и культурных связей в приграничных районах Российской империи. Строились оборонительные линии, основывались новые поселения. С другой стороны, проводилась политика, способствовавшая выселению части горского населения с территорий, имеющих военно-стратегическое значение (Причерноморье), а также равнинных земель, пригодных для сельского хозяйства. Планы принудительных переселений начинают разрабатываться в начале 1830-х гг. в разгар Кавказской войны. Настроения, характерные для того периода, передает письмо Николая I И.Ф. Паскевичу об усмирении горских народов от 25 сентября 1829 г. Генерал-фельдмаршалу вменяется «...усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» (Движение горцев..., 1959: 58). Проект переселения неблагонадежных, с точки зрения царской администрации горцев и заселения Закубанья русскими, разрабатывается начиная с 1830-х гг. Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал А.А. Вельяминов предлагал строить военные укрепления и создавать казачьи поселения на занятых российскими войсками землях, лишая таким образом нелояльное местное население аулов и пастбищ, а также возможности разводить скот и лошадей, необходимых для совершения набегов (Зиссерман, 1884: 53). В пояснениях к записке генерала Милютин на имя военного министра о средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе говорится: «Завоевание края производится одним из двух способов 1) покорение местных жителей с оставлением их на занимаемых землях, или 2) отнятием у жителей земель и водворением на них победителей. В покорении Кавказа Россия действует тем и другим способом» (АКАК, 1904: 763).

На конец 1850-х – начало 1860-х гг. приходится первый, наиболее массовый этап переселения и эмиграции горцев. В это время военные действия на Северном Кавказе начинают затухать, однако продолжается сопротивление горцев установлению над ними российской власти, осуществляются набеги и нападения на российские форпосты и поселения. Сопротивление активно поддерживалось внешними игроками: Турцией, Великобританией и Францией. Ими поставлялось оружие, отправлялись агенты влияния и добровольцы для поддержки вооруженного сопротивления. Эти процессы были наиболее характерны для Причерноморских земель. В связи с этим российской администрацией на Кавказе инициируется переселение горцев из прибрежных районов во внутренние области Северного Кавказа, и начинается заселение освободившихся земель казаками и колонистами. Основной опорой России на Кавказе были казаки. Это было военное сословие, которое защищало границы, дороги и поселения. Казачество использовалось властями как средство колонизации региона и реализации геополитических интересов Российской империи (Erohin et al., 2022: 415).

Одним из проводников политики, направленной на переселение горцев на равнинные территории Прикубанья или в Османскую империю, стал генерал Н.И. Евдокимов. В 1860 г. был утвержден его план, предполагавший занятие русскими войсками непокорных районов Закубанской

Черкесии и выселение «опасных», с его точки зрения, «племен» либо на заболоченные земли, либо в Турцию. На их землях предполагалось создание казачьих станиц ([Проблемы Кавказской войны..., 2001: 106](#)). Евдокимовым в письме к начальнику Главного Штаба Кавказской армии генералу Карцову подчеркивается: «Переселение непокорных горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок» ([АКАК, 1904: 1010](#)). В этот же период генералом Д.А. Милотиным были сформулированы предложения о переселении горцев из мест их исконного проживания и о дальнейшем расселении колонистов из других регионов Российской империи. В пояснениях к записке военному министру от 1857 г. о средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе и к переселению части кавказских народов он писал, что последовательное проведение переселенческой политики приведет к тому, что горцы, доведенные «до крайнего стеснения... покорятся целыми племенами и будут следовать туда, куда мы им укажем», а также предписывал «покорившихся горцев направлять туда, куда мы им укажем... Не обращая горцев в казаки, нужно устроить из них на Дону особенные поселения вроде колоний» ([АКАК, 1904: 763](#)). Главкомандующий Кавказской армией, наместник на Кавказе А.И. Барятинский обосновывал политику переселения горцев тем, что «закубанских черкесов трудно привести к покорности» ([РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6696. Ч. 2. Л. 272](#)). В 1862 г. принимается постановление межведомственного Кавказского комитета «О переселении горцев». Основой постановления стали планы Барятинского и Евдокимова, предполагавшие переселение непокорных горцев в Турцию. В этот период заключается соглашение с Османской империей, определявшее условия эмиграции. Переселенцев предполагалось направлять, начиная с 1864 г., небольшими партиями не более 5 тыс. семейств в год в течение 10 лет ([Болохина, 2010: 55](#)). Генерал Орбелиани в письме командующему войсками Кубанской области генералу Евдокимову указывал на необходимость следить за расселением мухаджиров в удаленные от границ Закавказского края районы Османской империи, т.к. были опасения, «что Турецкое правительство никогда не будет иметь достаточно сил для удержания их от грабежей». Он обращал внимание, что Порта «постоянно жаловалась на затруднения, в которые ставит ее прибытие их большими массами» ([АКАК, 1904: 7011](#)). Турецкие власти в свою очередь были заинтересованы в укреплении за счет эмигрировавших горцев, имевших значительный военный опыт своих рубежей на Балканах, в Малой Азии и на Ближнем Востоке ([Северный Кавказ в составе..., 2007: 165](#)).

В результате устройства укрепленной Азово-Моздокской линии и основания поселений состояние кабардинцев было «приведено в горестное положение», они лишились «лучших своих лесных, пастбищных, пашенных и сенокосных угодий» ([Дзамихов, 2008: 68-69](#)). Черкесское население, проживавшее вдоль черноморского побережья, вынуждено было переселяться с гор на равнинные земли с казачьими станицами либо принуждалось к отъезду в Турцию. За период с 1858 по 1865 гг. документально подтверждено прохождение через порты Черного моря порядка 500 тыс. человек, среди которых шапсуги, нотухайцы, убыхи, кабардинцы и другие ([Кумыков, 1994: 17](#)). На освобожденных территориях в 1861-1865 гг. была основана 81 казачья станица ([История народов..., 1988: 215](#)). В качестве одной из задач политики переселения горцев начальник Терской области генерал М.Т. Лорис-Меликов указывал: «...Основательное водворение наше на Северном Кавказе будет закончено тогда, когда терской казачий элемент численностью своею будет, по крайней мере, равносильным туземскому, живущему на плоскости» ([ЦГА РГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 95. Л. 96](#)). Основные пути переселения горцев проходили как по Черному морю через Тамань и Керчь, а позже и через порты Новороссийск, Поти и Батум (Батуми), так и по суше через Закавказье (см. [Рисунок 1](#)).

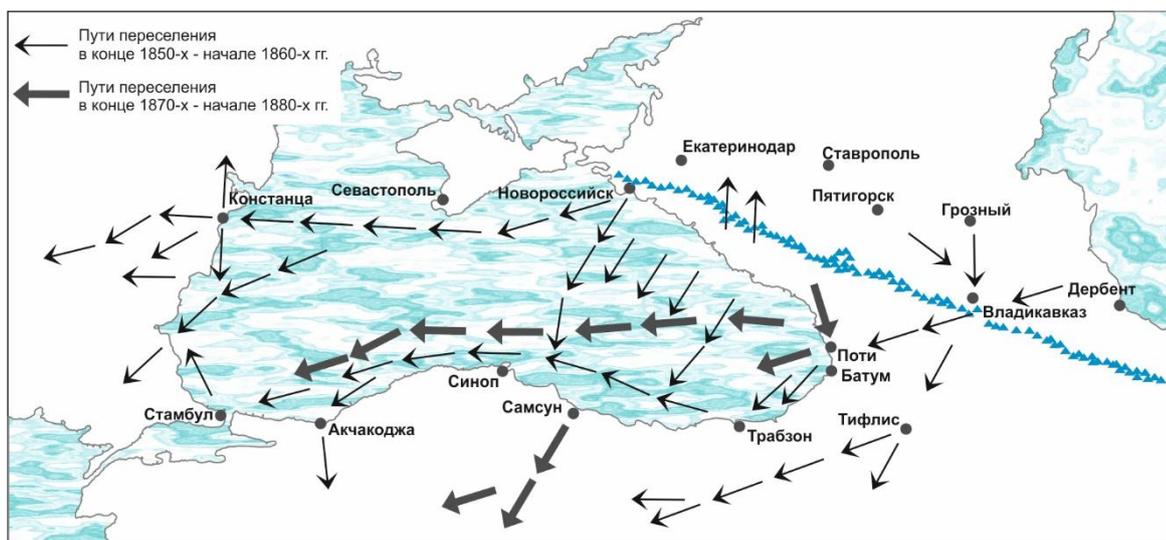

Рис. 1. Основные пути переселения горцев Северного Кавказа во второй половине XIX в.

В 1860-х гг. имперская политика способствовала переселению местного населения в других формах. Например, поощрялось желание мусульман совершить поездку на Хадж, при этом у паломников бралось обязательство о невозвращении обратно. Согласно Шариату, мусульмане должны были принять своих единоверцев. В целом политика Турции по отношению к переселенцам в этот период поощряла переселенческие настроения. В 1857 г. принимается специальный закон о мухаджирстве, который обеспечивал комплекс мер по принятию переселенцев, их размещению и дальнейшему проживанию, они освобождались от всех налогов и военной службы (Болохина, 2010: 55).

Турецкие эмиссары и местные власти активно распространяли недостоверную информацию о достойной жизни в Османской империи. Российский генерал, осетин-мусульманин Муса Кундухов не только предложил организовать переселение осетин-мусульман, чеченцев и карабулаков в османскую империю, но и возглавил его (Ибрагимова, 2000: 17). Авторитет и влияние Кундухова способствовали активизации мухаджирства. Он вкладывал значительные средства в его организацию. Только в 1865 г. в результате организованного Кундуховым переселения в Турцию эмигрировали 22 тыс. чеченцев и ингушей. Это облегчало российским властям формирование казачьей линии между Чечней и Дагестаном в предгорной полосе от Владикавказа до Кумыкской плоскости. Кундухов запросил вознаграждение в 10 тыс. рублей для горских лидеров, активно агитирующих за переселение (ЦГА РФ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 64. Л. 25). За свое имущество и земли, оставшиеся на Кавказе, Кундухов получил от российских властей компенсацию в размере 45 тыс. рублей (Северный Кавказ в составе..., 2007: 166). В результате организованного Евдокимовым выселения с гор на плоскость чеченцы, лишившись части земель, оказались в бедственном положении. Так, на каждое семейство в аулах приходилось «от 5 до 10-ти десятин, то есть не более двух десятин на душу. При такой тесноте не только развитие хозяйств, но даже существование народа не может считаться обеспеченным» (Берже, 1882а: 10). Карабулаки, некоторые чеченцы и часть дагестанцев, желавших переселиться, уезжали в Турцию за счет казны. Карабулаки переселились практически полностью (порядка 1500 семей), также эмигрировали 3502 чеченские семьи (всего 22 491 человек) (Магомеддадаев, 2001: 72).

Наряду с карабулаками выехало порядка 3623 семей чеченцев и ингушей (Базоркин, 2002: 156). Для ускорения переезда генерал Евдокимов издал распоряжение выдавать «беднейшим многодетным натухайцам» по 10 рублей, чтобы не останавливать процесс переселения в Турцию. На это государством было потрачено порядка 300 тыс. рублей (Кумыков, 1991: 23). На основании турецких архивных документов с 18 ноября 1858 по 28 ноября 1859 г. в Османскую империю с территории Северо-Западного Кавказа переселилось 17 003 человека, из них 11 309 ногайцев, 5 694 адыга и абазина. К концу 1859 г. численность переселенцев уже составляла порядка 26 тыс. человек (Чочиев, 2022: 38).

Эмигрировавшие в Османскую империю шейхи, муллы и другие представители знати при поддержке турецких властей распространяли через своих эмиссаров прокламации и воззвания к переселению. По словам османского офицера Осман-бея, «англичане... ничего не щадили, чтобы внушить черкесам недоброжелательство к России и вовлечь их в войну с русскими» (Воспоминания 1855 года..., 1877: 206). Горская элита, склонявшая соплеменников к переезду, апеллировала к этнической и религиозной принадлежности и пугала мрачными перспективами пребывания в составе Российской империи, опираясь при этом на общинную солидарность и угрожая нежелающим переселяться наказанием. Наряду с этим для усиления мотивации активно распространялись слухи о высоких налоговых обложениях и всевозможных новых повинностях, принуждении к службе в российской армии на условиях, якобы несовместимых с требованиями мусульманской религии. При этом подчеркивалось, что в Турции для горцев уже подготовлены благодатные и плодородные земли, построены дома и мечети. Подобная агитация велась во всех северокавказских мусульманских общинах (Матвеев, 2017: 104). По свидетельствам известного осетинского писателя и просветителя, в детстве вместе семьей переселившегося в Турцию, позже вернувшегося в Осетию, Инала Канукова, его дядя, имевший влияние и авторитет среди земляков, агитировал их переселиться к единоверцам в Турцию. Он говорил отцу Канукова: «Что будешь делать здесь, когда один останешься среди русских?», «что ты будешь делать, когда лучшие нашей фамилии собираются в Стамбул, – а разве ты не из лучших?» (Кануков, 1876: 86). В этот период переселение горцев Северо-Западного Кавказа в Османскую империю носило массовый характер. Прикубанские приставства покинуло до 2/3 мирного населения (История народов..., 1988: 215).

Сам процесс переселения, несмотря на предоставление земель для проживания, налоговые льготы и денежные пособия, был тяжелым, сопровождался голодом, лишениями и смертью переселенцев. Только с ноября 1863 г. по сентябрь 1864 г., согласно турецким данным, из 220 тыс. переселенцев порядка 100 тыс. умерли от голода и болезней. Лишь в Трапезунде и Самсуне умирало 180-250 человек в день (Чеучева, 2007). В.А. Матвеев приводит данные о том, что к 1871 г. в Турции погибло около 40 тыс. горцев из Северо-Восточного Кавказа (Матвеев, 2006: 50). Столь высокая смертность была связана с болезнями, бытовой неустроенностью и разворовыванием денег, выделяемых властями на нужды переселенцев, вспышками недовольства со стороны местного населения, приводящими к дальнейшему перемещению ослабевших и измученных людей. При этом существуют свидетельства и воспоминания потомков мухаджиров, говорящие о том, что российскими

властями принимались меры, призванные убедить мирных горцев отказаться от переселения. Так, согласно свидетельствам, собранным З.Б. Кипкеевой, даже после посадки на корабли к горцам присылались чиновники, предлагавшие «еще раз все обдумать и остаться» (Кипкеева, 2002: 37). Александр II на встрече с представителями горских обществ Северо-Западного Кавказа 18 сентября 1861 г. заявил, что желает, «чтобы ваши народы сохранились, чтобы они не бросали родных мест» (Скибицкая, 2004: 53).

Второй значимый этап переселения и горской эмиграции приходится на вторую половину 60-х – начало 70-х гг. XIX в. В это время можно выделить три волны переселения горцев. В 1865 г. в Османскую империю прибывает порядка 5 тыс. чеченских, в 1867 г. 4 тыс. абхазских, в 1873 г. 3,5 тыс. адыгских семейств. Были и более мелкие группы переселенцев, особенно с территории современного Дагестана. Начиная с 1874 г. число мухаджиров значительно уменьшается. Это связано в основном с изменением политики Российской империи, которая диаметрально изменила свою направленность. Теперь принимались меры, ограничивающие и препятствующие переселению. После окончания Кавказской войны, начиная с 1865 г., меняется направленность имперской политики переселения с поощрительной и принудительной до ограничивающей и удерживающей горское население на территории Северного Кавказа. Во второй половине 1860-х гг. российская администрация принимает ряд мер, направленных на препятствование отъезду горцев. Отчасти это было связано с необходимостью сохранить традиционное для горных районов террасное земледелие, виноградарство и шелководство. Покинувшим Российскую империю с 1872 г. ограничиваются возможности возвращения обратно. Несмотря на ограничения и запреты, горцы малыми группами пытались вернуться обратно, в том числе и нелегально. В своем отчете от 15 апреля 1865 г. начальник Терской области Лорис-Меликов отмечал: «в трех округах Кумыкском, Кабардинском и Осетинском приняты меры к удержанию этого стремления... в случае переселения полагаю ограничиться выпуском из каждого округа не более как по 100 семейств, лиц, преимущественно отличающихся фанатическим направлением» (Дзагуров, 1925: 68). Начальник Дагестанской области, генерал Л.И. Меликов доводил до сведения наместника Кавказа, что земли аварцев, переселяющихся в Турцию, отличались суровым климатом и были непригодными для земледелия. Поселить на них казаков и колонистов не представлялось возможным. Другой причиной ограничения миграции стало желание сохранить воинственных и готовых защищать свою землю от всех врагов горцев и создать своеобразную буферную зону между Россией и Турцией.

После введения ряда ограничений со стороны Османской империи, препятствующих переселению горцев, российская кавказская администрация принимает меры, направленные на снижение потока мухаджиров, вводит ежегодные квоты переселения. Экономической мерой, ограничивающей возможность отъезда, стал запрет горцам свободно продавать свою землю. Это объяснялось тем, что она принадлежит государству. Также принимается решение о внесении переселенцем перед своим отъездом единовременной выплаты в размере податей на 10 лет вперед (История Дагестана..., 2004: 518). Для горцев Дагестанской области была установлена квота на переселение – не более 150 семей в год. Сельские общества должны были выдавать согласованный всеми мужчинами приговор (разрешение на выезд). С самих переселенцев бралась подписка о невозвращении обратно, а позже стали требовать и согласие от турецких властей принять их в свое подданство (ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 5. Л. 2). Российская администрация, ранее поддерживающая призывы к переселению, теперь стала принимать решительные меры против такой агитации. Пресекались слухи о том, что лучшие участки земли власти отдадут русским, будет распространяться православие, ускорится строительство церквей, а девушек-мусульманок будут выдавать замуж за православных переселенцев (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2. Д. 36). С начала 1860-х гг. начинается и обратный процесс – реэмиграция горцев из Турции на Северный Кавказ. Многие мухаджиры, полностью разочаровавшись в Османской империи, стремились вернуться на родные земли. Российские власти не отказывались их принимать, однако устанавливали ряд ограничений, призванных исключить возможные негативные последствия, проникновение религиозных фанатиков и подсылаемых эмиссаров. Во многом по этой причине разрешение на возвращение в 1872 г. было отменено (Матвеев, 2017: 129-130).

Третий этап активной внешней и внутренней миграции второй половины XIX в. приходится на 1880-е – 1890-е гг. Миграционные процессы были связаны со стремлением части горцев к переселению на равнину, а также с продолжающейся русской колонизацией региона. Значительное влияние на переселение горцев оказали события, связанные с восстанием чеченцев и дагестанцев 1877 г. и его подавлением. Многие восставшие либо бежали за границу, либо были высланы властями во внутренние области России. В 1882 г. турецкими источниками зафиксировано прибытие 1,2 тыс. адыгов, в 1890 г. – 9 тыс. кубанских адыгов, в 1895 г. – 4,5 тыс. адыгов, в 1899 г. – 5 тыс. горцев различных национальностей, в 1901 г. – 3 тыс. переселенцев с территории Дагестана. В начале XX в. мухаджирство практически полностью останавливается (Чочиев, 2022: 39). В 1885 г. меняется политика по отношению к переселенцам. В новых «Правилах переселения горцев» (Проблемы Кавказской войны..., 2001: 277-313) снимается ограничение на добровольный выезд за пределы России. Однако сохраняются меры, реально ограничивающие возможности для переселения, такие,

как согласие на переселение со стороны сельской общины и османской стороны. Земельные владения эмигрантов навсегда переходили в собственность Кубанского казачьего войска. Со второй половины 1880-х гг. миграция на Северном Кавказе носит преимущественно внутренний характер. Отъезд за пределы Российской империи был незначительным и обусловлен религиозными мотивами.

5. Заключение

Имперская политика переселения горцев на Северном Кавказе во второй половине XIX в. в основном связана с окончанием Кавказской войны и включением этого региона в состав Российского государства. Она была связана с необходимостью укрепления границ, носила фронтальный характер, была направлена на обеспечение казачьей и крестьянской колонизации, расширение ареала проживания русских поселенцев и казаков, формирование разделительных линий, состоящих из казачьих поселений, препятствующих объединению горцев. Проводилась вынужденная линия по принудительному выселению части горского населения с территорий, имеющих военно-стратегическое значение (Причерноморье), а также равнинных земель, пригодных для сельского хозяйства. На последнем этапе Кавказской войны российскими властями поддерживалось стремление горских народов к переселению в Османскую империю с использованием экономических методов. Внутренние переселения, проводимые для обеспечения безопасности границ, освобождения равнинных, благоприятных для сельского хозяйства земель, носили разнонаправленный характер и реализовывались за счет прибытия казаков и русских переселенцев и перемещением горцев вглубь российской империи. По окончании Кавказской войны начинает проводиться политика, открыто препятствующая эмиграции горцев, способствующих включению их в экономические и культурные связи.

Масштабы и размах мухаджирства были связаны не только с целенаправленной переселенческой политикой российской империи, но и со стремлением части горских народов соединиться с единоверцами в Турции, переселиться в область ислама, что активно поддерживалось и поощрялось Османской империей, а также рядом европейских держав. Наиболее массовым было переселение первой половины 1860-х гг. Далее поток переселенцев значительно сокращается и в основном прекращается к концу XIX в. Путь переселенцев сопровождался бедствиями и лишениями, высокой смертностью мухаджиров от голода и болезней в местах переселения, в том числе, по вине властей Османской империи и администраций других исламских территорий, не принимавших необходимых мер по поддержке прибывших переселенцев. Следствием массовых переселений стало изменение этнических ареалов и этнического состава населения Северного Кавказа. Эти события живут в исторической памяти горских народов. Их обсуждение зачастую носит болезненный характер и является предметом не только научных, но и общественных дискуссий.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. № 23-28-00237 «Risks of Conflict in the Transformation of the Socio-Cultural Foundations of the North Caucasus Young People's Identity».

Литература

- Аболтин, 1925** – Аболтин В.А. Национальный состав Турции // *Новый Восток*. 1925. №1(7).
АКАК – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. Тифлис, 1904.
Акиева, 2017 – Акиева П.Х. К вопросу о роли Османской и Российской империй в истории кавказского мухаджирства (середина – конец XIX века) // *Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева*. 2017. № 2. С. 5-10.
Базоркин, 2002 – Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик. 2002.
Барретт, 2000 – Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // *Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период*. Самара, 2000. С. 163-193.
Берже, 1882 – Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа в 1858-1866 гг. // *Русская старина*. 1882. Т. XXXIII. Вып. 1-3. С. 161-176.
Берже, 1882а – Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа. Главы 5-9 (Окончание) // *Русская старина*. 1882. Т. XXXVI. С. 1-32.
Болохина, 2010 – Болохина Н.И. Политика царизма по переселению горцев Северо-Восточного Кавказа в Турцию (вторая половина XIX - начало XX века) // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2010. № 5(159). С. 54-58.
Борлакова, Батчаева, 2017 – Борлакова Ф.А., Батчаева М.К. Мухаджирство в карачаево-балкарской среде в конце XIX — начале XX в.: причины и последствия // *Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 2(94). С. 49-52.

- Воспоминания 1855 года..., 1877** – Воспоминания 1855 года майора Осман-бея // *Кавказский сборник*. Т.2. Тифлис, 1877. С. 143-215.
- Ганич, 2007** – *Ганич А.Л.* Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М., 2007. 272 с.
- Движение горцев..., 1959** – Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е годы XIX века. Сб. документов. Сост.: В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала. 1959.
- Денисова, Суций, 2017** – *Денисова Г.С., Суций С.Я.* Демографические реалии Кавказской войны и динамика численности черкесов в XIX в. // *Историческая демография*. 2017. №1(19). С. 17-21.
- Дзагуров, 1925** – *Дзагуров Г.А.* Переселение горцев. Ростов н/Д, 1925., 202 с.
- Дзамихов, 2008** – *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008. 816 с.
- Дзидзария, 1982** – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 532 с.
- Зиссерман, 1884** – *Зиссерман А.Л.* По поводу кавказских воспоминаний М. И. Венюкова // *Русский архив. Историко-литературный сборник*. 1884. Вып. 5. С. 43-43.
- Ибрагимова, 2000** – *Ибрагимова З.Х.* Эмиграция чеченцев в Турцию (60-70 гг. XIX в.). М., 2000. 69 с.
- Ибрагимова, 2000** – *Ибрагимова З.Х.* Эмиграция чеченцев в Турцию (60 – 70 гг. XIX в.). М., 2000. 69 с.
- История Дагестана..., 2004** – История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, Т. 1. 2004. 627 с.
- История народов..., 1988** – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. 659 с.
- Кабузан, 1996** – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX-XX вв. Этностатистические исследования. СПб., 1996. 224 с.
- Кануков, 1876** – *Кануков И.* Горцы-переселенцы // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 84-112.
- Кипкеева, 2002** – *Кипкеева З.Б.* Российский фактор в миграциях и расселении закубанских аулов XIX в. Армавир; Ставрополь, 2002.
- Кумыков, 1991** – *Кумыков Т.Х.* Мухаджирство в истории горских народов Северного Кавказа // *Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения*. Черкесск, 1991. С. 15–26.
- Кумыков, 1994** – *Кумыков Т.Х.* Мухаджирство в истории горских народов Северного Кавказа / *Всероссийская научно-практическая конференция (24-26 окт. 1990 г.)*. Нальчик, 1994.
- Кумыков, 1994а** – *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. 112 с.
- Кумыков, 1998** – *Кумыков З.Т.* Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х годах XIX в. в Историческом кавказоведении. Нальчик, 1998.
- Кушхабиев, 1993** – *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. Нальчик: Возрождение, 1993. 168 с.
- Лайпанов, 1966** – *Лайпанов О.К.* Истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // *Труды Карачаево-Черкесского НИИ*. Вып. 5. Ставрополь, 1966.
- Магомеддадаев, 2001** – *Магомеддадаев А.* Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. (История и современность). Махачкала, 2001. 212 с.
- Магомедханов, 1997** – *Магомедханов М.М.* Дагестанцы в Турции. Этнические последствия Кавказской войны. Махачкала: ДНЦ РАН, 1997. 135 с.
- Матвеев, 2006** – *Матвеев В.А.* Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ростов-на-Дону, 2006.
- Матвеев, 2017** – *Матвеев В.А.* Кавказская война дискуссионные аспекты и реалии эпохи. Таганрог, 2017. 164 с.
- НАРФИ ИАЭ ДНЦ РАН** – Научный архив и Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.
- Проблемы Кавказской войны..., 2001** – Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XX в.): Сб. арх. док. Нальчик, 2001. 496 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Северный Кавказ в составе..., 2007** – Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Скибицкая, 2004** – *Скибицкая И.М.* «Рад видеть своими подданными...» (Еще раз о встрече Императора Александра II с горцами осенью 1861 г.) // *Александровские чтения*. Краснодар, 2004.
- Фадеев, 2003** – *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2003. 640 с.
- ЦГА РД** – Центральный государственный архив Республики Дагестан.
- Чеучева, 2007** – *Чеучева А.К.* Политика Османской империи на Северо-Западном Кавказе // *Вопросы истории*. 2007. № 9. С. 126-136.
- Чочиев, 2022** – *Чочиев Г.В.* Иммиграция, поселение и адаптация северокавказцев в османской империи во 2-й половине XIX - начале XX в. // *Известия СОИГСИ*. 2022. № 46(85). С. 37-49.

- [Шеуджен и др., 2004](#) – *Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К.* Земля адыгов. Майкоп, 2004. 1000 с.
- [Erohin et al., 2022](#) – *Erohin A.M., Avdeev E.A., Vorob'ev S.M.* Russians in the North Caucasus in the 19th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes // *Bylye gody*. 2022. 17(1): 412-421.
- [Nevruz, n.d](#) – *Nevruz Y.* Turkiyede Yaşayan Karaçay-Malkarlılarda Demografik durum ve Nüfus Hareketleri. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kamatur.org/index.php/makaleler/tarih/404-turkiyede-yasayan-karacay-malkarlılarda-demografik-durum-ve-nufus-hareketleri>

References

- [Aboltin, 1925](#) – *Aboltin, V.A.* (1925). Nacional'nyj sostav Turcii [National composition of Turkey]. *Novyj Vostok*. 1(7). [in Russian]
- [AKAK](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoju komissieju [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. 1904. Vol. XII. Tiflis. [in Russian]
- [Akieva, 2017](#) – *Akieva, P.Kh.* (2017). K voprosu o roli Osmanskoj i Rossijskoj imperij v istorii kavkazskogo muhadzhirstva (seredina – konec XIX veka) [On the question of the role of the Ottoman and Russian empires in the history of the Caucasian muhajirdom (mid-end of the 19th century)]. *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk im. Ch.E. Ahrieva*. 2: 5-10. [in Russian]
- [Barrett, 2000](#) – *Barrett, T.M.* (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of uncertainty: Russia's North Caucasus "frontier"]. *Amerikanskaja rusistika: vehi istoriografii poslednih let. Imperatorskij period*. Samara. Pp. 163-193. [in Russian]
- [Bazorkin, 2002](#) – *Bazorkin, M.M.* (2002). Istorija proishozhdenija ingushej [History of the origin of the Ingush]. Nalchik. [in Russian]
- [Berzhe, 1882](#) – *Berzhe, A.P.* (1882). Vyselenie gorcev s Kavkaza v 1858-1866 gg. [Eviction of highlanders from the Caucasus in 1858-1866]. *Russkaja starina*. XXXIII (1-3): 161-176. [in Russian]
- [Berzhe, 1882a](#) – *Berzhe, A.P.* (1882). Vyselenie gorcev s Kavkaza. Glavy 5-9 (Okonchanie) [Eviction of highlanders from the Caucasus. Chapters 5-9 (End)]. *Russkaja starina*. Vol. XXXVI. Pp. 1-32. [in Russian]
- [Bolohina, 2010](#) – *Bolohina, N.I.* (2010). Politika carizma po pereseleniju gorcev Severo-Vostochnogo Kavkaza v Turciju (vtoraja polovina XIX - nachalo XX veka) [The policy of tsarism on the resettlement of the highlanders of the North-Eastern Caucasus to Turkey (second half of the 19th century - beginning of the 20th century)]. *Izvestija vyssihh uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region*. Obshhestvennye nauki. 5(159): 54-58. [in Russian]
- [Borlakova, Batchaeva, 2017](#) – *Borlakova, F.A., Batchaeva, M.K.* (2017). Muhadzirstvo v karachaevo-balkarskoj srede v konce XIX – nachale XX v.: prichiny i posledstviya [Muhajirism in the Karachay-Balkarian environment at the end of the 19th - beginning of the 20th century: causes and consequences]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(94): 49-52. [in Russian]
- [CGA RD](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan [Central State Archive of the Republic of Dagestan].
- [Cheucheva, 2007](#) – *Cheucheva, A.K.* (2007). Politika Osmanskoj imperii na Severo-Zapadnom Kavkaze [Policy of the Ottoman Empire in the North-West Caucasus]. *Voprosy istorii*. 9: 126-136. [in Russian]
- [Chochiev, 2022](#) – *Chochiev, G.V.* (2022). Immigracija, poselenie i adaptacija severokavkazcev v osmanskoj imperii vo 2-j polovine XIX - nachale XX v. [Immigration, settlement and adaptation of North Caucasians in the Ottoman Empire in the 2nd half of the 19th - early 20th centuries]. *Izvestija SOIGSI*. 46(85): 37-49. [in Russian]
- [Denisova, Sushhij, 2017](#) – *Denisova, G.S., Sushhij, S.Ja.* (2017). Demograficheskie realii Kavkazskoj vojny i dinamika chislennosti cherkesov v XIX v. [Demographic realities of the Caucasian War and the dynamics of the Circassian population in the 19th century]. *Istoricheskaja demografija*. 1(19): 17-21. [in Russian]
- [Dvizhenie gorcev..., 1959](#) – Dvizhenie gorcev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20-50-e gody XIX veka. Sb. dokumentov. [Movement of the highlanders of the North-Eastern Caucasus in the 20-50s of the 19th century. Sat. documents]. Makhachkala. 1959. [in Russian]
- [Dzagurov, 1925](#) – *Dzagurov, G.A.* (1925). Pereselenie gorcev [Resettlement of the Highlanders]. Rostov-on-Don. 202 p. [in Russian]
- [Dzamikhov, 2008](#) – *Dzamikhov, K.F.* (2008). Adygi: vehi istorii [Adygs: milestones of history]. Nalchik. 816 p. [in Russian]
- [Dzidzarija, 1982](#) – *Dzidzarija, G.A.* (1982). Mahadzirstvo i problemy istorii Abhazii XIX stoletija [Mahajirism and problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. Sukhumi. 532 p. [in Russian]
- [Erohin et al., 2022](#) – *Erohin, A.M., Avdeev, E.A., Vorob'ev, S.M.* (2022). Russians in the North Caucasus in the 19th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes. *Bylye gody*. 17(1): 412-421.
- [Fadeev, 2003](#) – *Fadeev, R.A.* (2003). Kavkazskaja vojna [Caucasian War]. Moscow. 640 p. [in Russian]

- Ganich, 2007** – *Ganich, A.L.* (2007). Cherkesy v Iordanii: osobennosti istoricheskogo i jetnokul'turnogo razvitiya [Circassians in Jordan: features of historical and ethnocultural development]. Moscow. 272 p. [in Russian]
- Ibragimova, 2000** – *Ibragimova, Z.H.* (2000). Emigracija chechencev v Turciju (60-70 gg. XIX v.) [Emigration of Chechens to Turkey (60-70s of the 19th century)]. Moscow. 69 p. [in Russian]
- Ibragimova, 2000** – *Ibragimova, Z.H.* (2000). Emigratsija chechencev v Turciju (60 – 70 gg. XIX v.) [Emigration of Chechens to Turkey (60s – 70s of the 19th century)]. Moscow. 69 p. [in Russian]
- Istorija Dagestana..., 2004** – *Istorija Dagestana s drevnejshih vremen do nashih dnei* (2004). [Istorija Dagestana s drevnejshih vremen do nashih dnei]. Moscow, Vol. 1. 627 p. [in Russian]
- Istorija narodov..., 1988** – *Istorija narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.)*. [History of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century – 1917)]. Moscow. 1988. 659 p.
- Kabuzan, 1996** – *Kabuzan, V.M.* (1996). Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX-XX vv. Jetnostatisticheskie issledovanija [Population of the North Caucasus in the 19th-20th centuries. Ethnostatistical studies]. Saint Petersburg. 224 p. [in Russian]
- Kanukov, 1876** – *Kanukov, I.* (1876). Gorcy-pereselency [Highlander settlers]. *Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah*. Vol. IX. Tiflis. Pp. 84-112. [in Russian]
- Kipkeeva, 2002** – *Kipkeeva, Z.B.* (2002). Rossijskij faktor v migracijah i rasselenii zakubanskih aulov XIX v. [The Russian factor in the migrations and settlement of Trans-Kuban villages in the 19th century]. Armavir; Stavropol. [in Russian]
- Kumykov, 1991** – *Kumykov, T.H.* (1991). Muhadzirstvo v istorii gorskih narodov Severnogo Kavkaza [Muhajirism in the history of the mountain peoples of the North Caucasus]. *Kul'turnaja diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izuchenija*. Cherkessk. Pp. 15-26. [in Russian]
- Kumykov, 1994** – *Kumykov, T.H.* (1994). Muhadzirstvo v istorii gorskih narodov Severnogo Kavkaza [Muhajirism in the history of the mountain peoples of the North Caucasus]. *Vsesojuznaja nauchno-praktičeskaja konferencija (24-26 okt. 1990 g.)*. Nalchik. [in Russian]
- Kumykov, 1994a** – *Kumykov, T.H.* (1994). Vyselenie adygov v Turciju – posledstvie Kavkazskoj vojny [The eviction of the Circassians to Turkey is a consequence of the Caucasian War]. Nalchik. 112 p. [in Russian]
- Kumykov, 1998** – *Kumykov, Z.T.* (1998). Vopros o vyselenii adygov v Turciju v 50-60-h godah XIX v. v Istoricheskom kavkazovedenii [The question of the eviction of Circassians to Turkey in the 50-60s of the 19th century. in Historical Caucasus Studies]. Nalchik. [in Russian]
- Kushhabiev, 1993** – *Kushhabiev, A.V.* (1993). Cherkesy v Sirii [Circassians in Syria]. Nalchik. 168 p. [in Russian]
- Lajpanov, 1966** – *Lajpanov, O.K.* I (1966). Istorii pereselenija gorcev Severnogo Kavkaza v Turciju [Stories of the resettlement of the highlanders of the North Caucasus to Turkey]. *Trudy Karachaevo-Cherkesskogo NII*. Vol. 5. Stavropol. [in Russian]
- Magomeddadaev, 2001** – *Magomeddadaev, A.* (2001). Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire. (History and modernity) [Emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire. (History and modernity)]. Makhachkala. 212 p. [in Russian]
- Magomedhanov, 1997** – *Magomedhanov, M.M.* (1997). Dagestancy v Turcii. Jetnicheskie posledstviya Kavkazskoj vojny [Dagestanis in Turkey. Ethnic consequences of the Caucasian War]. Makhachkala. 135 p. [in Russian]
- Matveev, 2006** – *Matveev, V.A.* (2006). Rossija i Severnyj Kavkaz: istoricheskie osobennosti formirovanija gosudarstvennogo edinstva (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.) [Russia and the North Caucasus: historical features of the formation of state unity (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Rostov-on-Don, 2006. [in Russian]
- Matveev, 2017** – *Matveev, V.A.* (2017). Kavkazskaja vojna diskussionnye aspekty i realii jepohi [The Caucasian War: controversial aspects and realities of the era]. Taganrog. 164 p. [in Russian]
- NARFI IAJ DNC RAN** – Nauchnyj arhiv i Rukopisnyj fond Instituta istorii, arheologii i jetnografii Dagestanskogo nauchnogo centra RAN [Scientific Archive and Manuscript Fund of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].
- Nevruz, n.d** – *Nevruz Y.* Turkiyede Yaşayan Karacay-Malkarlılarda Demografik durum ve Nüfus Hareketleri [Demographic Situation and Population Movements in Karachay-Balkar People Living in Turkey]. [Electronic resource]. URL: <https://www.kamatur.org/index.php/makaleler/tarih/404-turkiyede-yasayan-karacay-malkarlılarda-demografik-durum-ve-nufus-hareketleri> [in Turkish]
- Problemy Kavkazskoj vojny..., 2001** – *Problemy Kavkazskoj vojny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoj imperii (20-70-e gg. XX v.): Sb. arh. dok.* [Problems of the Caucasian War and the eviction of Circassians within the Ottoman Empire (20-70s of the twentieth century): Collection. arch. doc.]. Nalchik. 2001. 496 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Severnyj Kavkaz v sostave..., 2007** – *Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii* (2007). [Northern Caucasus as part of the Russian Empire]. Moscow. 460 p. [in Russian]

Sheudzhen i dr., 2004 – Sheudzhen, A.H., Galkin, G.A., Thakushinov, A.K. (2004). Zemlja adygov [Land of the Circassians]. Maykop. 1000 p. [in Russian]

Skibickaja, 2004 – Skibickaja, I.M. (2004). «Rad videt' svoimi poddannymi...» (Eshhe raz o vstreche Imperatora Aleksandra II s gorcami osen'ju 1861 g.) [“I’m glad to see my subjects...” (Once again about the meeting of Emperor Alexander II with the highlanders in the fall of 1861)]. *Aleksandrovskie chtenija*. Krasnodar. [in Russian]

Vospominanija 1855 goda..., 1877 – Vospominanija 1855 goda majora Osman-beja (1877). [Memoirs of 1855 by Major Osman Bey]. *Kavkazskij sbornik*. Vol. 2. Tiflis. Pp. 143-215. [in Russian]

Zisserman, 1884 – Zisserman, A.L. (1884). Po povodu kavkazskih vospominanij M. I. Venjukova [Po povodu kavkazskih vospominanij M. I. Venjukova]. *Russkij arhiv. Istoriko-literaturnyj sbornik*. 5: 43-43. [in Russian]

Имперская политика переселения на Северном Кавказе и мухаджирство горцев во второй половине XIX в.: основные этапы и последствия для региона

Евгений Александрович Авдеев ^{a,*}, Сергей Михайлович Воробьев ^a, Сергей Николаевич Бредихин ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Переселения северокавказских горцев во второй половине XIX в. по-прежнему остаются одним из конфликтогенных нарративов исторической памяти. Политика Российской империи в этот период была обусловлена геополитическими процессами, продолжением колонизации региона, противостоянием влиянию Османской империи, а также желанием северокавказских мусульман переселиться в дар ал-ислам (мир ислама). Ее противоречивость обусловлена непростой задачей социокультурной интеграции горцев в условиях колонизации и переселения в места их исконного проживания. Решение административных, территориальных, правовых, национальных и религиозных вопросов зачастую осуществлялось методами, принуждающими к переселению. Начиная с 1830-х гг. наблюдаются процессы перемещения горцев из мест их исконного проживания либо во внутренние равнинные районы Кавказа, либо в Османскую империю. На освобождаемых таким образом землях расселялись казаки и колонисты, которые должны были способствовать обеспечению безопасности границ, снижению сопротивления горского населения колонизации региона. На последнем этапе Кавказской войны российскими властями поощрялся отъезд горцев за границу. Политика Османской империи, направленная на поддержку и агитацию антироссийских и переселенческих настроений, значительно увеличивала масштабы мухаджирства. По окончании Кавказской войны эмиграция горцев начинает ограничиваться, а позже запрещается. На конец 1850-х – начало 1860-х гг. приходится наиболее массовый этап переселения и эмиграции горцев. Второй значимый этап горской эмиграции приходится на вторую половину 60-х – начало 70-х гг. XIX в. В это время можно выделить три волны переселения горцев. Третий этап активной внешней и внутренней миграции приходится на 1880-е – 1890-е гг. К концу XIX в. эмиграция горцев в основном прекращается. Процесс переселения на всех этапах сопровождался бедствиями и лишениями, что привело к отрицательной демографической динамике. Он изменил этнические ареалы и этнический состав населения Северного Кавказа.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, горцы, политика переселения, мухаджирство, Кавказская война.

* Корреспондирующий автор

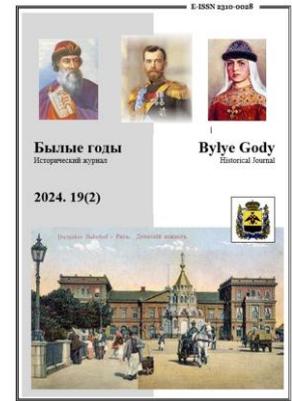
Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 750-762
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.750

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century

Dilshodbek J. Urakov ^a, Sofya I. Gabrielyan ^{a,*}, Bakhromjon B. Khaynazarov ^a

^aNUUz – National university of Uzbekistan, Uzbekistan

Abstract

This article is devoted to the role of the Turkestan Governor-General in the foreign policy of the Russian Empire and its activities in the second half of the 60s of the XIX century. Relying mainly on sources from archival collections, the authors came to the conclusion that the Governor-General, acting beyond the powers granted by the Russian emperor, conducted an independent policy in relations with neighboring countries in the region. Initially, this situation manifested itself in the fact that the Emirate of Bukhara was turned into a dependent state by him and forced to conclude treaties that meet the interests of the empire. At the same time, it was argued that the active intervention of the Governor-General in the internal affairs of the Kokand Khanate, which was considered an independent state at that time, was not within its powers. The administration of the Turkestan Governor-General, in particular K.P. Kaufman, tried to solve these problems independently, without waiting for instructions from the Center on solving border issues with neighboring countries. This situation was especially evident in relations with Iran and Afghanistan. Especially in the context of the growing Anglo-Russian rivalry in the Afghan issue and the growing tension between them, the Turkestan administration advocated more active actions in this region. The article says that as a result of the Governor-General's intervention in the political events taking place in the Chinese border territories, especially in East Turkestan, martial law arose in the region.

This was one of the factors that allowed the Russians to take advantage of the situation in the early 1870s and conquer the Ili region. As a result of the study, the authors proved that the foreign policy of the Russian Empire in the Turkestan region pursued its own interests and absolutely did not take into account the will and interests of the local population. This, in turn, left a negative mark on the future of the indigenous peoples of the region.

Keywords: Turkestan, Turkestan Governor-General, Russian Empire, Governor-General, foreign policy, East Turkestan, China, Iran, Afghanistan, Ottoman Empire.

1. Введение

Роль Туркестанского генерал-губернаторства во внешней политике Российской империи и его деятельность в этой системе до сих пор широко не изучена, и в настоящее время целесообразно провести об этом отдельное исследование. Следует отметить, что наделение российским императором неограниченными полномочиями Туркестанского генерал-губернатора давало ему возможность вести абсолютно самостоятельную политику в регионе. В работах, проведенных исследователями до настоящего времени, в основном отражалось влияние экономических изменений в стране на общественную жизнь населения и его печальные последствия. Необходимо также подчеркнуть, что особое внимание уделялось происходившим в регионе народным восстаниям и национально-освободительному движению. Однако такие актуальные проблемы, как экономические и

* Corresponding author

E-mail addresses: sofagabrielyan4@gmail.com (S.I. Gabrielyan), urakov.d.nuuz@gmail.com (D.J. Urakov), beshkurgan@gmail.com (B.B. Khaynazarov)

политические отношения с соседними странами, геополитическая ситуация в регионе, противоречия между генерал-губернаторством и центральным правительством, в особенности в отношении позиций по пограничным вопросам с соседними странами, а также стремление к завоеванию новых земель до сих пор не нашли своего решения. Ее актуальность заключается еще и в том, что в результате осуществления соглашений с крупными империями ради достижения собственных интересов интересы местных народов совершенно не учитывались, и поэтому важное значение обретает исторический анализ причин, которые к сегодняшнему дню привели к возникновению территориальных, этнических, экономических и экологических проблем.

2. Материалы и методы

Источниковая база данной статьи обширна, основные исторические документы собраны в фондах Национального архива Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан). Первичные материалы об отношениях Туркестанского генерал-губернатора с соседними странами хранятся в фонде И.1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), фонде И-715 («Материалы для истории завоевания Туркестанского края, собранные в разных архивах полковником Серебренниковым») и других фондах этого учреждения. Важное значение в освещении темы имеют рапорты и доклады губернаторов, договоры, посольские связи и циркулярные письма.

Методологическую основу данного исследования составляет цивилизационный подход. В ней развитие исторических процессов освещается в органичной взаимосвязи. При анализе поставленной проблемы было использовано несколько исторических методов. Они помогают глубже изучить выбранную тему и прийти к логичным и достоверным выводам.

Диахронический метод, как правило, используется при изучении различных изменений и событий в определенном регионе и проведении точной периодизации. При помощи этого метода раскрывается роль Туркестанского генерал-губернаторства в исторических процессах истории нашей Родины.

Посредством идеографического (нарративного) метода с критической точки зрения раскрывается внешнеполитическая деятельность генерал-губернаторов, работавших в Туркестане, влияние их личности на политику, их самоуправство в решении проблем.

С помощью сравнительно-исторического метода было установлено, что полномочия и права Туркестанского генерал-губернаторства во внешней политике отличались от других губерний.

Применение метода актуализации позволило определить последствия деятельности Туркестанского генерал-губернаторства во внешней политике и раскрыть, что такое положение оказало негативное влияние и на последующее развитие местных народов.

С помощью типологического метода проведен анализ подходов, используемых для решения проблем центрального правительства Российской империи, администрации Туркестанского генерал-губернаторства, военных губернаторов областей.

Методом контент-анализа было проведено сопоставление официальных документов о деятельности губернаторства с мемуарами и материалами периодической печати и определен уровень их достоверности.

3. Обсуждение

Еще во времена Российской империи проводились определенные исследования, посвященные внешнеполитической деятельности Туркестанского генерал-губернаторства. Большинство авторов сами были участниками тех событий и подходили к теме с точки зрения имперских интересов: А.П. Хорошхин ([Хорошхин, 1876](#)), А.Н. Куропаткин ([Куропаткин, 1913](#)), Семенов ([Семенов, 1910](#)). В частности, А.Н. Куропаткин в своих воспоминаниях сообщает, что в 1876 году, будучи послом Российской империи, он встретился с Якуббеком и достиг взаимного соглашения по пограничным и торговым вопросам ([Куропаткин, 1913: 23](#)).

В произведениях, созданных в советский период, в которых превалирует коммунистическая идеология, уделяется внимание превосходству советской власти по сравнению с эпохой Российской империи. Но их достижения на самом деле заключались в обилии информации. Ряд авторов уделяли внимание англо-русскому соперничеству в Средней Азии. В частности, Г.А. Хидояттов ([Хидояттов, 1969](#)) освещал тему на основе документов английских архивов. Автор исследовал геополитическую ситуацию в Средней Азии в 30-40-годах XIX века, деятельность британских миссий, а также обострение англо-русских отношений. Участие Туркестанской администрации в отношениях Афганистана и России подробно изучено Н.А. Халфиным ([Халфин, 1957](#)). Он сосредоточил свое внимание на изучении истории интересов и взаимной борьбы крупнейших империй в Средней Азии и Восточном Туркестане. Автор, опираясь на документы архивов России и Узбекистана, предоставил богатейшую фактическую информацию. Ряд историков обращали внимание также на экономическое положение Туркестана в регионе, взаимные торговые связи и характер заключаемых в этом процессе договоров. В частности, Б. Маннанов исследовал роль Туркестана в торговых отношениях между Россией и Ираном. Политические процессы в Восточном Туркестане, торговые отношения с государством Якуббека, китайским правительством, народные восстания в Кашгаре и пограничные вопросы анализировались А. Ходжаевым ([Ходжаев, 1979](#)) и Д.А. Исиевым ([Исиев, 1981](#)).

В современную эпоху в историографии Узбекистана и зарубежной историографии осуществлен ряд работ по представленной теме. Д. Зиева (Зиева, 2000) занималась историографией национально-освободительного движения 1916 года против Российской империи в Туркестане, а Н.А. Абдурахимова (Абдурахимова, Рустимова, 1999) – историей системы управления Туркестанского генерал-губернаторства. Докторская диссертация автора посвящена политическим и экономическим связям Туркестанского генерал-губернаторства с соседними странами. В ней уделяется внимание историческому анализу взаимных отношений с Ираном, Афганистаном и Китаем. Б. Хайназаров (Khaynazarov et al., 2019) изучил отношения Туркестанского генерал-губернаторства с Восточным Туркестаном и влияние миграции уйгуров в Средней Азии. Российский историк А.Д. Васильев (Васильев, 2014) изучил дипломатические отношения среднеазиатских ханств с турками-османами и ввел в научный оборот документы османских архивов. В исследовании В.А. Моисеева (Моисеев, 2003) анализируются интересы России и Китая в Центральной Азии. В работах таких зарубежных специалистов, как С. Горшенина (Горшенина, 2019), А. Моррисон (Morrison, 2020), П. Сартори (Sartori, 2009), А. Халид (Khalid, 2021) излагаются сущность и последствия политики Российской империи с соседними с Центральной Азией регионами. Тем не менее именно активное участие Туркестанского генерал-губернаторства во внешней политике империи в 60-е годы XIX века и ее последствия до сих пор полностью не исследованы.

4. Результаты

После серьезной подготовки Российская империя в 1860 году приступила к военным действиям на территории Кокандского ханства. В результате завоевания за короткое время расположенных до Ташкента земель в 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. В действительности созданный субъект не являлся очередной обычной губернией империи. Конечно, было естественным, что эта администрация, образовав границу с соседними странами, в ближайшее время и в будущем будет иметь важное значение в реализации стратегических целей. Предполагалось, что большие привилегии и полномочия, которыми было наделено Кавказское наместничество, будут представлены и новому генерал-губернаторству. В связи с этим 14 августа 1867 года от имени директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел П.Н. Стремоухова были направлены К.П. Кауфману специальная депеша и царская грамота. Царская грамота предоставляла генерал-губернатору неограниченные полномочия «к решению всех политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и подписания трактатов, условий или постановлений, касающихся взаимоотношений России с этими странами» и самостоятельно вести дипломатические сношения с ханствами и соседними странами от имени Российской империи (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 4. Л. 1). К.П. Кауфман, прибывший в Ташкент в ноябре этого года, приступил к выполнению первоочередных задач, которые диктовались внешней политикой империи. Следует сказать, что во внешней политике перед ним стояли важные проблемы. Прежде всего необходимо было успешно завершить продолжающиеся захватнические войны и разрешить ситуацию с ханствами в свою пользу, а с другой стороны, требовалось быть готовым к дипломатическим войнам с Англией и Китаем в вопросах, касающихся соседнего Восточного Туркестана и Афганистана. Выступая за агрессивную политику, царская Россия, не ограничиваясь достигнутыми до 1867 года успехами, форсировала свою деятельность. Позже генерал напишет в своем отчете: «Успехи завоеваний 1863–1867 годов... поколебав всю политическую систему этой неподвижной и замкнутой в своей неподвижности застое страны, не мог их приурочить к выполнению программ... привнесённой в край интересами русского государства» (Проект всеподданнейшего отчета, 1885: 5). Еще до приезда генерала в Ташкент исполнявшему его обязанности Оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому было поручено подготовить трактат, регулирующий дальнейшие отношения с эмиром Бухары. Посоветовшись с фон Кауфманом, Н.А. Крыжановский первоначально готовит трактат, состоящий из 10 статей. Однако по требованию К.П. Кауфмана были включены еще две статьи. В этих статьях оговаривалось, что русским купцам будет обеспечено свободное передвижение по всем городам эмирата и что впредь сношения между двумя странами будут осуществляться только через Туркестанского генерал-губернатора. Трактат был подписан генералом Н.А. Крыжановским и отправлен через посла бухарского эмира. Помимо трактата с послом было отправлено письмо, написанное К.П. Кауфманом эмиру, а также грамота о полномочиях, данных ему царем (Тереньев, 1875: 16-17). Разумеется, требования, содержащиеся в соглашении, не были приняты Бухарским эмиратом, и обе стороны стали серьезно готовиться к предстоящей войне. Фон Кауфман, прибывший в Ташкент 7 ноября 1867 года, на основании своих полномочий принял ряд мер для того, чтобы разрешить в свою пользу отношения с независимым в то время Кокандским ханством. На основании этого 14 и 19 ноября 1867 года генерал-губернатор направил два письма кокандскому Худаяр-хану. 19 декабря того же года через ханского посла Саримсок-ходжу он направил договор о торговых отношениях. В нем предусматривалось развитие двусторонней свободной торговли, создание необходимых условий для русских купцов и их товаров в караван-сараях на территории Кокандского ханства, а также установление для них торговой пошлины в размере 2,5 % (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 9.

Л. 13). Вместе с ним в Коканд были отправлены послы под руководством полковника А.В. Шауфуса. Наряду с изучением ситуации в ханстве в их задачу входило добиться подписания ханом приемлемого для них договора (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 9. Л. 14). Такое же письмо 19 ноября того же года от имени фон Кауфмана наряду с кокандским ханом было отправлено и хивинскому хану. В нем подчеркивалось, что Российская империя всегда была сторонницей мира и дружбы, а Коканд и Бухара потеряли свои земли, потому что не придерживались таких принципов. Генерал, претендуя на то, что имперские войска пришли в Центральную Азию не воевать, а в мирных целях, объясняет поход русских войск из Казалинска на Сырдарью тем, что они были переброшены туда для защиты принявших российское подданство и проживавших там киргизов от набегов грабителей (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 13. Л. 3). Естественно, что договор, предложенный русскими послами кокандскому хану, поставил бы ханство в зависимость от империи. Однако в январе 1868 года хан снова отправил Саримсок-ходжу в Ташкент с условием сокращения двух статей договора. Также хан просил разрешения отправить своих послов к царю (НАУз. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 44. Л. 75). Кауфман отказывается выполнять требования хана и заявляет, что будет придерживаться своей позиции. Губернатор также отвергает предложение отправить послов в Петербург и подчеркивает, что император предоставил ему полномочия решать любые вопросы, связанные с соседними странами (НАУз. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 44. Л. 78). После этого, понимая, что другого пути у него нет, в феврале 1868 года Худаяр-хан подписывает договор и отправляет его в Ташкент. В письме к К.П. Кауфману Худаяр-хан заявил, что он полностью принимает все условия договора и выполнит его без колебаний, а генерал-губернатора Кауфмана он признает назначенным царем представителем, и даже для торговцев, которые направляются в города Кокандского ханства и через них – в азиатские страны, он будет испрашивать разрешения у генерала (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 9. Л. 15). Следует отметить, что с этого года послом Кокандского ханства в Ташкенте работал купец Мирза Хаким. В октябре 1868 года Мирза Хаким в качестве посла хана был отправлен с дарами к императору. Посол прибыл в Петербург в ноябре (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 39. Л. 10). Послы были хорошо приняты царем. Видно, что кокандский хан путем установления подобных контактов не принял мер для укрепления своей страны.

Главная задача Туркестанского генерал-губернаторства во внешней политике 1868 года заключалась в решении проблем с Бухарским эмиратом в свою пользу, потому что к этому времени действовавшая в разных регионах разведка губернатора успела собрать необходимую информацию. В частности, резиденты из Восточного Туркестана сообщали, что государство Якуббека намерено сформировать большой союз с мусульманами Афганистана под эгидой Англии и Турции. В целом, эмир Бухары, зная о неизбежности войны между ними, искал себе союзника. Как уже отмечалось выше, переговоры об утверждении договора, предложенного Кауфманом бухарскому эмиру, продолжались до апреля 1868 года и не принесли никаких результатов для обеих сторон. Без сомнения, такое положение было на руку Российской империи. В этой ситуации эмир Музаффар обратился к хивинскому и кокандскому ханствам за помощью в борьбе против царской России. Не дождавшись от них ответа, эмир даже направил посла к лорду Лоуренсу, вице-королю Англии в Индии, с просьбой об оказании помощи против российской агрессии. Эта просьба также завершилась безрезультатно (Зиёева, 2000: 65).

Итог войны известен всем. Самое главное заключается в том, что генерал-губернатор, выйдя за рамки своих полномочий и не считаясь с мнением международного сообщества, добился заключения выгодного для себя мирного договора. С 28 июня 1868 года группа под руководством офицера Главного штаба Шауфуса приступила к работам по определению и установлению пограничной линии между эмиратом и Зарафшанским округом (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 36. Л. 6). Таким образом, Бухарский эмират превратился в зависимое от России вассальное государство.

В 1869 году генерал-губернаторство активно вмешивалось в конфликты между Бухарским эмиратом и Кокандом. Причиной этого вмешательства стал захват Бухарским эмиратом временно независимого Кулябского бекства и поддержавшего его Каратегинского бекства. В то время Каратегин находился под властью Кокандского ханства. Бек Каратегина Шералибий бежит к Худаяр-хану. В свою очередь, Худаяр-хан обращается к генерал-губернатору с жалобой на эмира. К.П. Кауфман в своем письме эмиру Бухары пишет, что Кокандское ханство вот уже три года находится с ними в дружественных отношениях и соблюдает условия договора. В связи с этим он выставил требование, в котором рекомендовал вернуть Каратегин владельцу (Тереньев, 1875: 25). Эмир Бухары также направил губернатору ответное письмо, в котором говорилось, что возвращение Каратегина приведет к утере авторитета в глазах народа. Он также сообщал, что Каратегин был собственностью Бухары даже в то время, когда Худаяр-хан вновь был возведен на престол (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 44. Л. 74). Не дожидаясь этого, находившийся в Коканде Шералибий вместе со своими сторонниками отправляется в поход. Однако они терпят поражение и попадают в плен. Чтобы смягчить ситуацию и привести к соглашению этих двух ханов, наместником был назначен Музаффар-шах, один из бывших исконных правителей этих земель, некогда попавший в плен к кокандцам и находившийся у них (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 44. Л. 85). Позднее К.П. Кауфман направил отдельное донесение директору Азиатского департамента П. Стремухову по поводу Каратегинского конфликта.

После постепенного подчинения территории ханств Российской империей территория губернов обрела общие границы с Ираном, Китаем, Афганистаном и государством Якуббека в Восточном Туркестане. Это привело к зарождению конфликтов, которые в последующем приведут к длительным разногласиям. В связи с тем, что территория Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства граничила с Китаем, в начале 60-х годов XIX века в Илийской долине также возникла беспокойная ситуация. Недовольное политикой маньчжуров мусульманское население начинает всеобщую борьбу против китайцев. В июле 1864 года против династии Цинь в Урумчи восстали дунгане, в Кульдже в сентябре – уйгуры. В результате в Урумчи образовалось Дунганское ханство под предводительством Даут-халфа. Это ханство было независимым до 1870 года, то есть до тех пор, пока оно не было завоевано Якуббеком. В мае 1867 года с возникновением у уйгуров Таранчинского султаната в Илийской долине на границах империи возникла новая опасность (Исиев, 1981: 16). В особенности это было связано с тем, что таранчинский (уйгурский) султан Алихан тура (сын Абиля) полностью захватил Кульджу и пытался стать союзником Якуббека. В связи с этим К.П. Кауфман, посетивший в октябре 1867 года Семиреченскую область, приступил к углубленному изучению ситуации. До этого также было много сторонников скорейшего ввода русских солдат в эти регионы, которые обосновывали такую ситуацию ухудшением обстановки на границе и снижением торговли с Китаем (Моисеев, 2003: 95). В свою очередь, новый губернатор пришел к выводу, что если империя Цинь не будет принимать надлежащие меры и следует взять инициативу в свои руки (Моисеев, 2003: 101). В мае 1868 года в городе Верном распространились слухи о том, что якобы Якуббек из Кашгара настроен враждебно по отношению к Илийской долине. Администрации Семиреченской области из различных источников стало известно, что между султаном уйгуров и Якуббеком на различном уровне осуществлялся взаимный обмен информацией, и несколько раз проводились переговоры (Моисеев, 2003: 102). В то же время в результате того, что власти на территориях, принадлежащих Китаю, не смогли выполнить свои обязанности, появилось много сил, не подчинявшихся правительству. Усиливалось их вторжение на земли Туркестанского генерал-губернаторства. В частности, в рапорте, направленном военным губернатором Семиреченской области Г.А. Колпаковским К.П. Кауфману, сообщалось, что в ночь с 18 на 19 июля 1869 года представители племени барантаги вторглись из Китая в Борахузирскую волость и угнали 800 голов лошадей (НАУз. Ф. 1. Оп. 32. Д. 434. Л. 1). В одном из последующих рапортов генерала говорится: «взаимное сближение правителя Еттишахар Якуббека с таранчинским султаном Абил-углы (правителем Кульджи в 1865-1871 годах) представляет серьезную угрозу границам Семиречья. Каждый день происходит нарушение границ с их стороны... Безразличие российского правительства к подобным беспорядкам приведет к резкому падению его политической репутации в регионе» (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 53. Л. 85-87).

В начале XIX века в результате борьбы между империей Цинь и Кокандским ханством также ухудшилась ситуация в Кашгаре. Угнетение китайцами местного населения часто приводило к восстаниям и различным политическим выступлениям. Во второй половине XIX века в связи с ослаблением империи Цинь обострилась борьба за независимость Кашгара. Первое крупное восстание началось в 1864 году в городе Куча. В скором времени оно охватило такие крупные города Восточного Туркестана, как Аксу, Кашгар, Яркенд, Хотан. Предводитель киргизов Садыкбек, захвативший власть в Кашгаре, просит у Кокандского ханства прислать человека из рода хаджи, выходца из Восточного Туркестана. В декабре 1864 года Бузрукходжа со своими приближенными отправляется из Ташкента в Кашгар. Среди них был полководец Якуббек, который по своему происхождению был сыном купца из Пскента (Исиев, 1981: 19). Вскоре Бузрукходжа начнет свою военную деятельность по захвату этого региона и созданию независимого государства. Однако, поскольку он не обладал такими способностями, борьбой стал руководить сам Якуббек. К лету 1867 года территория Кашгара была освобождена от китайцев (Исиев, 1981: 25). Новообразованное государство первоначально называлось Алтишахар (Алтишар), а позднее, с присоединением города Турфан, оно стало именоваться Йеттишахар или Йеттишар. Мухаммад Якуббек был известным военачальником, а также опытным политиком и искусным дипломатом. Он смог установить мир и порядок в регионе. В свою очередь, с одной стороны, Англия и Турция, а с другой, Российская империя пытались включить эту страну в сферу своего влияния. К.П. Кауфман, глубоко проанализировавший геополитическое положение Восточного Туркестана, в своем отчете царю представил об этом точные и конкретные сведения. В частности, он объясняет интерес Англии к этой территории следующим образом: «...Дорога через Кашгар является единственной, которая ведет их к нашим границам. Они преследуют не торговые, а политические цели» (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 58. Л. 128). Следует отметить, что агенты генерал-губернатора поставляли массу информации о Якуббеке, его государственном управлении и ситуации на границе. В связи с этим К.П. Кауфман, направляя письма главам соседних стран, в том числе руководителю государства Йеттишахар, заявлял, что выступает за установление дипломатических отношений. Однако, предполагая об установлении отношений Якуббека с Бухарским эмиратом, К.П. Кауфман распоряжается укрепить пограничный пост Нарын. Летом 1867 года полковник В. Полторацкий принимает представителя Якуббека и поддерживает предложение об установлении торговых отношений между двумя странами. В скором

времени Якуббек отправляет в город Верный своего личного мунши Тура Ахуна (Исиев, 1981: 35). Как отмечается в рапорте В. Полторацкого об этой встрече, Якуббек брал на себя обязанность открыть для русских в Кашгаре караван-сарай и даже в целях обеспечения безопасности со своими всадниками сопровождать русские караваны до места назначения (Исиев, 1981: 35). Однако Якуббека не удовлетворил ответ российской стороны. Тем не менее в 1868 году он направляет посла Шади Мирзу в Ташкент к самому генерал-губернатору. Его целью было добиться признания Россией государства Йеттишар в качестве независимого государства (Исиев, 1981: 35). Как отмечается в источниках, в конце 1860-годов отношения между двумя сторонами были не очень хорошими. Поскольку не было четкого согласия, всегда возникали разногласия в торговле и других сферах. Например, в 1868 году русский купец Хлудов, отправляя письма и подарки Якуббеку, просил у него разрешения прибыть в Кашгар с торговым караваном. Бадаulet (Якуббек) не принимает подарки и не разрешает купцу вступить на свою территорию (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 37. Л. 171). В своем рапорте генерал-губернатору полковник Раевский, бывший в то время начальником пограничной заставы Нарын, задает вопрос о действиях, которые он должен предпринять в случае нападения войск Якуббека. Ему было указано, прежде всего, на укрепление с ними дружеских отношений. В случае вооруженного нападения следовало с помощью оружия выставить их за пределы границ. Однако им было приказано не вторгаться на их территорию (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 37. Л. 169). Согласно архивным сведениям, в 1869 году Якуббек направил письмо генерал-губернатору Туркестана и предложил уточнить взаимные границы. В свою очередь, Кауфман отвечает, что этот вопрос был решен на основе Пекинского трактата 1860 года, и дает отрицательный ответ (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 26). Разумеется, об этом инциденте были предупреждены руководители Азиатского департамента. Следовательно, растущее положение Якуббека в Кашгаре начинало беспокоить генерала. В своем письме в Петербург он заявил: «...если Якуббек двинется в сторону Илийской долины, опасность для нас еще более возрастет» (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 26). Действительно, фон Кауфман, встревоженный возникновением такой угрозы, 12 сентября 1869 года лично отправил Якуббеку очередное письмо. Под предлогом налаживания торговли между двумя сторонами генерал спрашивает о причинах его недовольства пограничными вопросами. В письме говорится, что если Якуббек интересуется линией, по которой проходят границы России, то он готов направить ему точные сведения, и вместе с этим высказывает мнение, что развитие торговли идет не во благо стран, а для блага граждан их государств (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 39. Л. 32-33). Такая ситуация является одним из редких случаев, встречающихся в системе международных отношений. Ведь единоличное принятие решений во внешних сношениях исполнительными субъектами на местах и ведение ими дипломатических отношений в этот период в других губерниях Российской империи (кроме Кавказского наместничества) не встречалось.

Власти Российской империи были в курсе каждого движения Англии и Турции в Восточном Туркестане. Еще в 1867 году, когда здесь еще шла борьба за власть, русский консул в Кульдже направил письмо директору Азиатского департамента, в котором говорилось: «...в этом году англичане в составе 600 человек прибыли в Кашгар и встретившись с Якуббеком пообещали ему помочь в борьбе с Бурханиддином. Вместе с этим англичане планируют провести сюда железную дорогу через Кашмир и развивать торговлю» (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 36. Л. 58). В действительности, под предлогом развития торговых отношений между Индией и Кашгаром британцы намеревались сформировать в западном Китае коалицию против русских во главе с Якуббеком (Халфин, 1957: 35). В связи с этим для всестороннего анализа обстановки на Памире и Кашгаре в конце 1868 года в Яркенд и Кашгар прибывает Гейворд. Выполняя задание британского правительства в Индии, ему удалось лично встретиться с Якуббеком (Халфин, 1957: 37). Под давлением Великобритании махараджа Кашмира снизил пошлину на товары из Кашгара до 5 процентов. С другой стороны, если Якуббеку понадобится оружие, они планировали помочь ему и в этом вопросе. Хорошо это понимая, фон Кауфман, посчитав, что пришло время вступить в отношения с Йеттишаром, отправил Якуббеку еще одно письмо. В нем генерал отмечал: «...Людям необходимо обменивать то, что они выращивают на продукцию, которая имеет в других землях. Хлопок, выращиваемый вашими гражданами, в Йеттишаре приносит мало пользы. А для нас хлопок очень важен. Также российские материалы из древесины и изделия из металла являются необходимой продукцией для вашей страны. Если кашгарцы и русские смогут установить свободные торговые отношения, то казна вашего государства станет еще богаче» (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 34. Л. 65). Хотя Якуббек поначалу не принимал серьезных решений о начале активных торговых отношений, он твердо придерживался добрососедских отношений с русскими. В частности, в конце 1868 года несколько киргизов под предводительством Усмона и Куйчи в Токмакском уезде отбирают у русских их имущество и уносят с собой. Генерал Колпаковский требует у Бадаулета наказать их и вернуть награбленное. Разумеется, киргизов поймали и передали добычу русским властям (Исиев, 1981: 37).

Необходимо подчеркнуть, что в условиях своего становления государство Йеттишар не установило активных отношений с Османским государством. Этот процесс активизировался в начале 1870-годов в связи с интересом турецкого султана к Якуббеку. На деле Якуббек хотел, чтобы его государство было признано граничащим с крупными империями, потому что большинство

мусульман Туркестана по-прежнему считали эти земли составной частью китайского государства. С другой стороны, многих беспокоило, насколько сильна эта страна и как долго она продержится на арене истории. В-третьих, Якуббеку удалось на равных вступить во взаимоотношения с крупными империями и сформировать активную дипломатическую этику, а это указывало на то, что он обретает свое место в геополитических процессах в Средней Азии в конце 60-х годов XIX века. По мере усиления позиций государства Якуббека накалялась обстановка в Илийской долине. В этот период в результате прочного закрепления российских войск в Илийской долине военные стали выступать с инициативой по расширению своих границ. В частности, одним из таких людей являлся генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущев. В 1869 году в своем письме к русскому послу в Китае Е. Бюцову, касаясь центральноазиатского вопроса, он писал о необходимости изменения русско-китайских границ, настаивал на включении части или всей долины Черного Иртыша в состав России (Моисеев, 2003: 125). В донесениях, отправленных военным губернатором Семиреченской области, неоднократно отмечалось, что численность грабителей с территории независимого Уйгурского султаната возросло, а проживающие там люди, в свою очередь, бегут на земли российского правительства. Со своей стороны, российские правящие круги были обеспокоены тем, что уровень торговли в целом снижается из-за волнений в западном Китае. На самом деле ситуация, волновавшая Туркестанское генерал-губернаторство, заключалась в другом. Укрепившись в Кашгаре, Якуббек теперь планировал военные походы в Илийскую долину. Если бы этот план осуществился, то на границах империи неизбежно возникло бы сочувствовавшее Англии и Турции мусульманское государство, и такое развитие событий могло бы нанести сильный удар по будущим стратегическим планам Российской империи. Учитывая это, в мае 1870 года фон Кауфман снова посетил Семиречье. Он выехал в Копальский и Борахузирский уезды области и попытался изучить обстановку на месте. Изучив положение дел, он сделал вывод о том, что земли в Илийской долине, принадлежавшие империи Цинь, должны быть захвачены как можно скорее, и русская армия начинает готовиться к этому процессу.

Следует отметить, что в это время интересы крупных империй столкнулись не только в Илийском крае, но и в Афганистане. Русское правительство, которое к этому времени значительно усилилось в процессе успешных завоеваний, не приняло во внимание возражения Англии, поскольку сама Англия проводила агрессивную политику в Индии и Афганистане. Возможно, поэтому министр иностранных дел России А.М. Горчаков счел необходимым напомнить англичанам, что события в Туркестане были осуществлены по решению военного руководства и не имеют никакого отношения к Англии. Тем не менее Россия не могла допустить обострения ситуации с Англией. В 1869 году Великобритания предложила России обсудить отношения между владениями англичан в Индии и принадлежащими русским территориями Средней Азии, чтобы иметь «нейтральную зону». Министр иностранных дел Великобритании Дж.В. Кларендон в беседе с российским послом в Лондоне Ф.И. Бруновым выдвигает мнение, что между двумя странами должна быть создана буферная зона, и обе стороны должны строго ее придерживаться (Юлдашбаева, 1963: 56). В ответ министр иностранных дел России А.М. Горчаков в письме, направленном через своего посла, сообщает, что русское правительство «рассматривает Афганистан, как находящийся всецело вне сферы русского влияния. В наши планы не входит вмешательство во внутренние дела этой страны или организация интервенции в нее», выражая таким образом интересы правящих кругов своей страны (Хидоятов, 1969: 68). Как видно из этого письма, Россия подчеркивала, что строго придерживается принципа невмешательства во внутренние дела афганцев, и в договоре, который будет заключен, приоритетным является установка, что между землями, принадлежащими этим двум странам, должна существовать независимая территория. Во взаимных спорах российская сторона подчеркивала необходимость предоставления независимости в Афганистане Кабулу, Кандагару и Герату, а британцы требовали признания независимыми и ханств Средней Азии. В 1869 году в письме главы Азиатского департамента фон Кауфману сообщалось, что предложенные англичанами границы приблизят их к Центральной Азии (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 39. Л. 40). По сути, требования двух сторон на пути к достижению своих целей не удовлетворяли друг друга, поэтому переговоры на некоторое время были приостановлены. С другой стороны, из-за напряженности в отношениях с Францией по вопросу Ближнего Востока британцы были вынуждены отложить достижение соглашения по этому вопросу. В этом процессе британское правительство в Индии также было осведомлено о ситуации в Туркестанском генерал-губернаторстве и предоставляло в Лондон информацию о существующем положении. В частности, как свидетельствуют архивные данные, начальник Зарафшанского округа Абрамов в письме к Туркестанскому генерал-губернатору от 1 июня 1869 года, сообщал, что бухарский купец Якуб Хаймов побывал в Индии, где встречался с главой британских военных. Английский офицер расспрашивал его о русской армии и бухарско-русских отношениях. Также купец сообщает, что к афганскому эмиру Шерали-хану прибыли 60 тысяч солдат и 4 английских военных (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 42. Л. 5-6). Позже, осенью этого года, в российскую столицу прибывает представитель англо-индийского правительства Дуглас Форсайт. 20 октября 1869 года на встрече в Петербурге военного министра Д.А. Милютина и Д. Форсайта, а также директора Азиатского департамента обе стороны пришли к следующему решению: «1) Территории, которыми в настоящее

время управляет Шерали-хан, будут признаны в качестве границ Афганистана. Англия примет все меры, чтобы не допустить расширения своих границ на север. 2) В свою очередь, Россия будет использовать свое влияние, чтобы не допустить расширения границ Бухарского эмирата за счет территории соседнего Афганистана. 3) Если впоследствии Россия будет вынуждена предпринять враждебные действия против Бухары и независимо от ее желания занять всю территорию или часть ханства, она не будет осуществлять захватнические действия против Афганистана. Англия же, в свою очередь, не позволит афганскому шаху беспокоить своих северных соседей» (Искандаров, 1962: 162).

Англия предложила России уточнить северные границы Афганистана в качестве линии, разделяющей сферы влияния обеих империй. Россия согласилась на это предложение. Вновь возобновляются переговоры о создании буферной зоны между правительствами Великобритании и России. Граница эмира Кабула проходит на севере от переправы Ходжа Салиха через Амударью и верхнего течения Пянджа, затем от этой точки граница вдоль восточной границы Бадахшана и северной границы Кафиристана и Читрала направляется на юго-запад и поворачивает на юг. Видно, что ни Шугнан, ни Вохан не входили в состав территории эмира Кабула.

Вопрос о том, будут ли включены земли Бадахшана и Вохана в состав Афганистана или же объединение Окса и Кукчи станет его северной границей, стал предметом разногласий во вновь начатых переговорах. Итоги этой встречи были доведены до сведения российского посла в Лондоне и генерал-губернатора Туркестана. Так, среди архивных документов имеются два письма от директора Азиатского отдела, в которых описывается беседа с Д. Форсайтом (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 11-18). В первом письме детально изложены подробности беседы с Форсайтом в Петербурге по вопросу Центральной Азии. Следует отметить, что, помимо Афганистана, на встрече поднималась и проблема Кашгара. Во втором письме описываются споры, которые касались в основном вопросов торговли. То есть на повестке дня стоял вопрос о разрешении или запрете на ввоз английских товаров в Среднюю Азию (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 19-20). Форсайт выражает недовольство на запрет ввоза английских товаров и при отсутствии таможенных тарифов предлагает ввести временные тарифы, а позднее наладить свободную торговлю. Можно сказать, что переговоры с Д. Форсайтом были первым этапом дискуссии об Афганистане, который продолжился до 1869-1873 годов. Завершив свою миссию в Петербурге, Д. Форсайт в 1870 году направляется в Кашгар. По словам Мирза Ахмада, одного из приближенных людей Якуббека, его целью было открытие британского представительства в Кашгаре. Однако, поскольку Якуббек находился в походе против хана Урумчи, он вернулся, не встретившись с ним (Веселовский, 1898: 101). Эти границы сохранились в качестве границ стран Центральной Азии с Афганистаном даже после распада Советского Союза. Преследуя свои интересы, империи разделили единое в историческом отношении этническое пространство на две части. Это привело к вовлечению родственных этнических групп, проживавших в этом регионе, в различные политические игры.

В действительности Туркестанское генерал-губернаторство непрерывно следило за событиями в Афганистане. В августе 1869 года генерал А.К. Абрамов в своем рапорте на имя фон Кауфмана приводит сведения об Исак-хане, одном из потомков афганских ханов. По утверждению генерала, Исак-хан находился под защитой эмира Бухары. Исак-хан с разрешения эмира и с его помощью двинулся на Балх вместе с 500 афганцами и 2000 туркменами. Но войска в Тахтапуле вынудили его отступить в Керки (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 42. Л. 35-36). В донесении, полученном 5 сентября 1869 года, говорится о покушении на Шерали-хана, которое было организовано одним из афганских принцев Мухаммад Амин-ханом. Узнав о подготовке покушения, Шерали-хан приказал казнить Мухаммеда Амина и отправил его племянника в Пешавар к англичанам (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 42. Л. 37-38). В донесении, отправленном в 1870 году военным губернатором Баку, сообщается, что 9 августа один из претендентов на афганский престол вождь племени Мухаммад-Сарвар и его дяди Абдулазиз, Мамад Акрот после поражения от Шерали-хана попросили убежища сначала у Ирана, а затем у России и прибыли в Баку (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 45). До этого с просьбой о предоставлении убежища обращался к России Навизхан. Азиатский департамент информирует об этом посольскую миссию в Иране. Миссия должна была провести соответствующую разъяснительную работу по этому вопросу и не оставить места для сомнений Англии и Ирана в этом вопросе (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 51). Фон Кауфману удалось собрать много информации о географических и природных условиях Северного Афганистана и происходящих там событиях. С другой стороны, губернатор также внимательно следил за внутренней борьбой за престол в Афганистане. Победа Шерали в борьбе за престол и поражение его племянника Абдурахмана не остались без внимания фон Кауфмана. Абдурахман бежал от преследований и первоначально нашел прибежище у бухарского эмира. Однако, узнав об отношениях эмира Бухары и Шерали, он просит помощи у Кауфмана. Губернатор, не ответивший на несколько его просьб, 7 февраля 1870 года написал Абдурахману письмо, в котором говорилось, что он примет его по-дружески, но отклонит предложение по поводу его восшествия на престол. Он объяснил это следующим образом: «Нынешний правитель Афганистана признан нами и Англией в качестве друга. Поэтому, если афганский правитель сохранит с нами мир и не будет угрожать границам Бухары, у нас с ним будут дружеские отношения» (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 313). Следует подчеркнуть, что Туркестанский генерал-губернатор поступил весьма хитро. С одной

стороны, он отказывался от действий против англичан и «дружественного государства Афганистан», а с другой, он не был безразличен к Абдурахману и намеревался использовать его в будущем. Находившийся в Бухаре Абдурахман 13 февраля 1870 года со своей свитой в 221 человек прибывает в Самарканд. В том же году он был принят в Ташкенте самим губернатором. В ходе встречи принц изложил генералу свои предложения, состоящие из 5 пунктов. В них говорилось о том, чтобы русские предоставили им оружие, позволили собрать афганцев и сформировать войско, а также оказали им финансовую помощь. Однако К.П. Кауфман был непреклонен в своем решении и согласился лишь предоставить ему пособие для проживания в Самарканде вместе со своей свитой (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 313). Тем не менее 10 марта этого года генерал-губернатор также отправляет Шерали официальное письмо, в котором излагаются события, связанные с Абдурахманом, и еще раз подчеркивается, что российское правительство не будет вмешиваться во внутренние дела Афганистана, и как генерал-губернатор Туркестана он всегда будет поддерживать с ним дружеские отношения (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 314). Тем самым фон Кауфман, проявляя свою позицию, защищает интересы империи не только в отношениях с Афганистаном, но и с Англией. С другой стороны, в это время в британской прессе стали часто публиковаться статьи о возможности военных столкновений с русскими по вопросу Центральной Азии, и в таких условиях для предотвращения инцидентов Азиатским департаментом было рекомендовано проведение такой политики. Разумеется, подобные действия фон Кауфмана удовлетворяли и Шералихана. Он успокоился в отношении вопроса об Абдурахмане, предполагая, что Англия и Россия согласовывают свои действия. Он также принял меры, чтобы не подвергать опасности границы Бухарского эмирата. В связи с этим в письме, направленном Туркестанскому генерал-губернатору 28 марта 1870 года, он заявил, что поддерживает дружественную политику, которую проводит Кауфман с соседними странами и что он будет поступать таким же образом (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 7). В целом можно считать, что политика Российской империи в конце 1860-х годов по отношению к Афганистану проводилась успешно и отвечала ее интересам. Поэтому есть основание утверждать, что, когда на повестке дня стоял вопрос о полном завоевании Средней Азии, политика компромисса с Англией в известном смысле была необходима для будущих завоеваний. К сожалению, такая ситуация привела к разрыву давних отношений с тюркскими народами, проживавшими на севере Афганистана. При этом были установлены нынешние границы между странами Центральной Азии и Афганистаном. Это стало одним из факторов, которые привели к ограничению отношений жителей Афганистана с населением соседних стран и падению политической и экономической роли страны в регионе.

Активное проникновение Российской империи в Среднюю Азию со второй половины XIX века привело к обострению российско-иранских отношений. Хотя возникшая напряженность не привела к такой сложной ситуации, как в отношениях между Россией и Англией, основные разногласия были связаны с решением пограничных вопросов. Завоевание империей значительных территорий трех среднеазиатских ханств в 1865–1873 годах привело в замешательство иранского шаха Насераддина (1848–1896). Захват русскими восточных берегов Каспийского моря еще в 1865 году вызвал недовольство иранского шаха. Правительство Ирана выступило с необоснованными в юридическом отношении претензиями о том, что Иран якобы имеет какие-то права на территорию туркмен и поэтому выражает свой протест против действий России на этих землях. Эти претензии были необоснованными. Напротив, в этот период из-за непрерывных набегов туркменских племен на Иран стало обычным явлением пленение тысяч людей в северных районах Хорасана и их продажа на невольничьих рынках Центральной Азии. «Название “Этрек”, – писал А. Вамбери, – самое страшное слово и ужасающее проклятие для несчастных жителей Мазендерана и Табаристана» (Вамбери, 1867: 57), потому что шах считал землю туркмен якобы неотъемлемой частью Ирана. В свою очередь, Россия же не желала, чтобы Англия вмешивалась в отношения двух стран, и мобилизовала все политические и дипломатические силы, чтобы обеспечить нейтралитет Ирана. С другой стороны, она не хотела идти на какие-либо уступки иранской администрации. В письме Туркестанского генерал-губернатора директору Азиатского департамента подчеркивается, что полный контроль над восточными берегами Каспийского моря, то есть Красноводском, позволит обеспечить связь со Средней Азией водным путем, и сообщается, что он отправляет в те места экспедицию во главе со Н.Г. Столетовым (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 12. Л. 29). Однако в 1869 году по итогам встреч представителей России и Ирана было подписано специальное соглашение. Согласно этому документу, российское правительство в целях умиротворения Ирана признает, что сфера влияния России будет распространяться до реки Этрек и обязуется не строить никаких военных укреплений на другом берегу реки. Решив воспользоваться уступками России, шах Ирана предлагает вместе бороться против диких туркмен в Закаспии. Это предложение было тщательно обсуждено правящими кругами России, и его отклонили (Маннанов, 1964: 47). Генерал-губернатор Туркестана внимательно следил также за отношениями с Ираном, потому что в это время сохранялось враждебное настроение с Хивинским ханством. Генерал опасался установления близких отношений между Ираном и Хивинским ханством. Кроме того, обеспокоенность вызывал тот факт, что некоторые туркменские племена, не имевшие единой политической власти, в связи с усилением разбойничьих набегов могли найти убежище в ханстве. В связи с этим 12 августа 1869 года Кауфман в своем письме хивинскому хану указывал на то,

что граждане ханства и туркмены вторгаются в пределы губернаторства и занимаются грабежами, что многие повстанцы находят убежище в Хиве, и настоятельно требовал их наказания (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 13. Л. 36). Как бы скрытно и осторожно не проводились отношения ханств с Ираном, Англия и Турция предпринимали определенные действия, чтобы противостоять их планам. Так, в 1870 году по указанию англичан в Бухару прибывают послы из Афганистана. Для того чтобы выяснить цель их визита и удержать бухарского эмира от каких-либо действий, Кауфман отправляет в Бухару миссию во главе с полковником Носовичем. Амир хорошо принял полковника. Какие вопросы они обсуждали, осталось неизвестным. Однако из рапорта Носовича губернатору известно, что эмир обещал ни с кем не общаться самостоятельно без разрешения генерал-губернатора и оставаться верным Российской империи (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 43. Л. 40). В качестве доказательства 11 сентября 1870 года эмир Бухары направил к фон Кауфману Насирхана туксобе и сообщил, что в эмират прибыл посол султана Турции и привез с собой письма от англичан и султана Египта. Отметив, что содержание писем известно туксобе, эмир подчеркнул, что, какой ответ будет дан на эти письма, будет зависеть от решения К.П. Кауфмана (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 50. Л. 40). Получив сведения о послах, генерал-губернатор заинтересовался ими. Как оказалось, эмир Бухары, потерпев поражение в битве при Ирджаре, отправил Порсо Ходжу послом в Турцию с просьбой о помощи. Посол умирает на обратном пути. Ехавший с ним представитель Турции прибыл в Бухару только в 1870 году (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 50. Л. 48).

Политика генерал-губернатора в интересах Российской империи положила конец существовавшим связям среднеазиатских ханств с турками-османами. На самом деле трудно сказать, что предыдущие дипломатические отношения с турками были очень активными. В начале XIX века хорошо налаженные дипломатические отношения не выходили за рамки обмена подарками и письмами различного содержания между главами двух стран. Когда возросла опасность вторжения со стороны России и ханства обратились с просьбой о помощи, Османское правительство оставило без внимания это обращение, потому что, кроме разделявшего их большого расстояния, Турция не хотела быть втянутой в еще одну войну с Россией. В свою очередь, Туркестанское генерал-губернаторство смогло сделать конкретные шаги по ликвидации влияния Османского государства в регионе.

5. Заключение

В результате усиления интереса крупнейших империй к Средней Азии в начале XIX века этот регион приобретает геополитическое значение. Столкновение интересов Англии, России, Турции, Китая и Ирана в борьбе за Туркестанский край привело к возникновению острой ситуации.

Во взаимной борьбе за регион ведущее место занимали Великобритания и Российская империя. Проникновение британских агентов на территории ханств в 30-40-х годах XIX века и попытки переманить их на свою сторону не оставили равнодушными правящие круги царской России.

Конфликты между ханствами в Центральной Азии, политическая разобщенность не позволили им объединиться, в результате чего российской армии удалось в короткие сроки захватить большую территорию и в составе метрополии создать новую губернию.

Генерал-губернатору Туркестана были предоставлены большие полномочия в управлении и установлении связей с соседними странами. Основываясь на своих полномочиях, генерал-губернатор с первых же дней начал войну с Бухарским эмиратом и, захватив определенные территории, вынудил его подписать неравноправный мирный договор. С другой стороны, он стал активно вмешиваться во взаимные отношения между ханами. Этот аспект явно проявился в конфликтах между Кокандским ханством и Бухарским эмиратом в вопросе обладания Каратегином.

В отношениях с соседними странами администрация губернаторства с точки зрения интересов империи осуществляла агрессивные действия, выступая за рамки предоставленных полномочий. В частности, губернаторство захватывает перевал Музорт на границе с государством Йеттишахар. С целью расширения территории Семиреченской области были разработаны планы по захвату Илийской долины. Кроме того, в отношениях с Ираном, не считаясь с вышестоящими органами, генерал-губернатор отправляет военную экспедицию к берегам Каспийского моря, что становится причиной дальнейшей эскалации обстановки.

В соглашениях между Россией и Англией по Афганистану администрация Туркестана играет особую роль. Собранная по этому вопросу необходимая информация, размышления, твердая позиция фон Кауфмана играют важную роль в решении проблемы. Однако предпринятые действия осуществлялись исходя из интересов высших правящих кругов, а интересы местного населения совершенно не учитывались. В заключение следует отметить, что с момента своего учреждения Туркестанское генерал-губернаторство в своей деятельности в отношениях с соседними странами в интересах империи часто выходило за рамки установленных полномочий и это привело к тому, что в начале 1870-х годов в регионе возникла напряженная обстановка.

Литература

Абдурахимова, Рустамова, 1999 – Абдурахимова Н., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX-первой четверти XX в. Ташкент, 1999. 163 с.

- Вамбери, 1867** – *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Москва, 1867. 383 с.
- Васильев, 2014** – *Васильев А.Д.* «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI -XIX вв.). М., 2014. 356 с.
- Веселовский, 1898** – *Веселовский Н.* Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том одиннадцатый. 1897–1898. Санкт-Петербург, 1899. С.87-103.
- Горшенина, 2019** – *Горшенина С.* Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Перевод с французского М. Р. Майзульса. Вашингтон, 2019. 119 с.
- Зиёева, 2000** – *Зиёева Д.Х.* Туркистон миллий озодлиқ ҳаракати. Тошкент, 2000. 174 б.
- Искандаров, 1962** – *Искандаров Б.И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Душанбе, 1962. 176.
- Маннанов, 1964** – *Маннанов Б.* Из истории русско-иранских отношений в конце XIX - начале XX века. Ташкент, 1964. 156 с.
- Исиев, 1981** – *Исиев Д.А.* Уйгурское государство Йэтишар (1864-1877). М., 1981. 94 с.
- Куропаткин, 1913** – *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. Санкт-Петербург, 1913. 435 с.
- Моисеев, 2003** – *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 гг.). Барнаул, 2003. 346 с.
- НУУз** – Национальный университет Узбекистана.
- Проект всеподданейшего отчета..., 1885** – Проект всеподданейшего отчета генерал-адъютанта К.П.Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867-25 марта 1881 гг. Санкт-Петербург, 1885. 503 с.
- Семенов, 1910** – *Семенов А.А.* “Бегство” Абдур-Рахман-хана из Ташкента в Афганистан // “Кауфманский сборник”. М., 1910. С.100-117.
- Тереньев, 1875** – *Тереньев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. Санкт-Петербург, 1875. 361 с.
- Халфин, 1957** – *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке. Ташкент, 1957. 250 с.
- Хидоятов, 1969** – *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70-х гг.). Ташкент, 1969. 455 с.
- Ходжаев, 1979** – *Ходжаев А.* Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. М., 1979. 128 с.
- Хорошихин, 1876** – *Хорошихин А.П.* Сборник статей касающихся до Туркестанского края. Санкт-Петербург, 1876. 583 с.
- Юлдашбаева, 1963** – *Юлдашбаева Ф.* Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70-80 годы XIX в.). Ташкент, 1963. 191 с.
- Khalid, 2011** – *Khalid Adeeb.* Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton University Press, 2021. 576 p.
- Eileen, 1970** – *Eileen M.C.* The Governor-Generalship of Turkestan Under K. P. Von Kaufmann, 1867-1882. Yale University, 1970. 568 p.
- Khaynazarov et al., 2019** – *Khaynazarov B., Tursunov R., Urakov D.* Theoretical-methodological basis of studying of the history of uighurs in uzbekistan according to diasporas // *International Journal of Scientific and Technology Research.* 2019. Vol. 8. Is. 12. Pp. 3338-3343.
- Morrison, 2020** – *Morrison A.* The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge University Press, 2020. 640 p.
- Mackenzie, 1967** – *Mackenzie D.* Kaufman of Turkestan: An Assessment of His Administration 1867-1881 // *Slavic Review.* 1967. № 26(2). Pp. 265-285.
- Sartori, 2009** – *Sartori Paolo.* An Overview of Tsarist Policy on Islamic Courts in Turkestan: Its Genealogy and its Effects // *Cahiers d'Asie centrale.* 2009. № 17/18. Pp. 477-507.
- Uraikov, 2020** – *Uraikov D.J.* Conflict of interests of major empires in central asia in the middle of the XIX century // *International Journal of Scientific and Technology Research.* 2020. № 9(5). Pp. 18-22.

References

- Abdurakhimova, Rustamova, 1999** – *Abdurakhimova, N., Rustamova, G.* (1999). Kolonial'naya sistema vlasti v Turkestane vo vtoroi polovine XIX-pervoi chetverti XX v. [Colonial system of power in Turkestan in the second half of the 19th - first quarter of the 20th centuries]. Tashkent, 163 p. [in Russian]
- Eileen, 1970** – *Eileen, M.C.* (1970). The Governor-Generalship of Turkestan Under K. P. Von Kaufmann, 1867-1882. Yale University, 568 p.
- Gorshenina, 2019** – *Gorshenina, S.* (2019). Izobretenie kontseptov Srednei [Invention of the concept of Central]. Tsentral'noi Azii: mezhdru naukoj i geopolitikoj. Perevod s frantsuzskogo M. R. Maizul'sa. Vashington, 119 p. [in Russian]
- Isiev, 1981** – *Isiev, D.A.* (1981). Uigurskoe gosudarstvo Iettishar (1864-1877) [Uyghur state of Yettishar (1864-1877)]. М., 94 p. [in Russian]

- Iskandarov, 1962** – *Iskandarov, B.I.* (1962). Vostochnaya Bukhara i Pamir vo vtoroi polovine XIX v. [Eastern Bukhara and Pamir in the second half of the 19th century]. Dushanbe, 176 p. [in Russian]
- Khalfin, 1957** – *Khalfin, N.A.* (1957). Angliiskaya kolonial'naya politika na Srednem Vostoke [British colonial policy in the Middle East.]. Tashkent, 250 p. [in Russian]
- Khalid, 2011** – *Khalid Adeb* (2011). Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton University Press, 576 p.
- Khaynazarov et al., 2019** – *Khaynazarov, B., Tursunov, R., Urakov, D.* (2019). Theoretical-methodological basis of studying of the history of uighurs in uzbekistan according to diasporas. *International Journal of Scientific and Technology Research*. 8(12): 3338-3343.
- Khidoyatov, 1969** – *Khidoyatov, G.A.* (1969). Iz istorii anglo-russkikh otnoshenii v Srednei Azii v kontse XIX v. (60-70-kh gg.) [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the 19th century. (60-70s)]. Tashkent, 455 p. [in Russian]
- Khodzhaev, 1979** – *Khodzhaev, A.* (1979). Tsinskaya imperiya, Dzhungariya i Vostochnyi Turkestan [Qing Empire, Dzungaria and East Turkestan]. Moskva, 128 p. [in Russian]
- Khoroshkhin, 1876** – *Khoroshkhin, A.P.* (1876). Sbornik statei kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraya [Collection of articles relating to the Turkestan region]. Sankt-Peterburg, 583 p. [in Russian]
- Kuropatkin, 1913** – *Kuropatkin, A.N.* (1913). Kashgariya. Istoriko-geograficheskii ocherk strany, ee voennye sily, promyshlennost' i torgovlya [Kashgariya. Historical and geographical outline of the country, its military forces, industry and trade]. Sankt-Peterburg, 435 p. [in Russian]
- Mackenzie, 1967** – *Mackenzie, D.* (1967). Kaufman of Turkestan: An Assessment of His Administration 1867-1881. *Slavic Review*. 26(2): 265-285.
- Mannanov, 1964** – *Mannanov, B.* (1964). Iz istorii rusko-iranskikh otnoshenii v kontse XIX - nachale XX veka [From the history of Russian-Iranian relations at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries]. Tashkent, 156 p. [in Russian]
- Moiseev, 2003** – *Moiseev, V.A.* (2003). Rossiya i Kitai v Tsentral'noi Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 gg.) [Russia and China in Central Asia (second half of the 19th century – 1917)]. Barnaul, 346 p. [in Russian]
- Morrison, 2020** – *Morrison, A.* (2020). The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge University Press, 640 p.
- NAUz** – Natsional'nyi universitet Uzbekistana [National University of Uzbekistan].
- Proekt vsepoddaneishego otcheta..., 1885** – Proekt vsepoddaneishego otcheta general-ad"yutanta K.P.Kaufmana po grazhdanskomu upravleniyu i ustroistvu v oblastiakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. 7 noyabrya 1867-25 marta 1881 gg. [Draft of the most submissive report of Adjutant General K.P. Kaufman on civil administration and organization in the regions of the Turkestan General Government. November 7, 1867 – March 25, 1881]. Sankt-Peterburg, 1885. 503 p. [in Russian]
- Sartori, 2009** – *Sartori, P.* (2009). An Overview of Tsarist Policy on Islamic Courts in Turkestan: Its Genealogy and its Effects. *Cahiers d'Asie centrale*. 17/18: 477-507.
- Semenov, 1910** – *Semenov, A.A.* (1910). “Begstvo” Abdur-Rakhman-khana iz Tashkenta v Afganistan [“The Flight” of Abdur-Rahman Khan from Tashkent to Afghanistan]. *Kaufmanskii sbornik*. M. Pp. 100-117. [in Russian]
- Teren'ev, 1875** – *Teren'ev, M.A.* (1875). Rossiya i Angliya v Srednei Azii [Russia and England in Central Asia]. Sankt-Peterburg, 361 p. [in Russian]
- Uraikov, 2020** – *Uraikov, D.J.* (2020). Conflict of interests of major empires in central asia in the middle of the XIX century. *International Journal of Scientific and Technology Research*. 9(5): 18-22.
- Vamberi, 1867** – *Vamberi, A.* (1867). Puteshestvie po Srednei Azii [Travel through Central Asia]. M., 383 p. [in Russian]
- Vasil'ev, 2014** – *Vasil'ev, A.D.* (2014). “Znamya i mech ot padishakha”. Politicheskie i kul'turnye kontakty khanstv Tsentral'noi Azii i Osmanskoi imperii (seredina XVI - XIX vv.) [“The banner and sword from the padishah”. Political and cultural contacts between the khanates of Central Asia and the Ottoman Empire (mid-16th -19th centuries)]. Moskva, 356 p. [in Russian]
- Veselovskii, 1898** – *Veselovskii, N.* (1898). Badaulet Yakub-Bek, atalyk Kashgarskii [Badaulet Yakub-Bek, atalyk of Kashgar]. Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva. Tom odinnadsatyi. 1897–1898. Sankt-Peterburg. Pp. 87-103. [in Russian]
- Yuldashbaeva, 1963** – *Yuldashbaeva, F.* (1963). Iz istorii angliiskoi kolonial'noi politiki v Afganistane i Srednei Azii (70-80 gody XIX v.) [From the history of English colonial policy in Afghanistan and Central Asia (70-80s of the 19th century)]. Tashkent, 191 p. [in Russian]
- Zieeva, 2000** – *Zieeva, D.X.* (2000). Turkiston millii ozodlik xarakati [Turkestan national freedom movement]. Toshkent, 174 b. [in Uzbek]

Роль Туркестанского генерал-губернаторства во внешней политике Российской империи во второй половине 60-х гг. XIX века

Дильшодбек Жамоллиддинович Ураков ^а, Софья Ивановна Габриэльян ^{а, *},
Бахромжон Бахтиерович Хайназаров ^а

^а НУУз – Национальный университет Узбекистана, Узбекистан

Аннотация. Данная статья посвящена роли Туркестанского генерал-губернаторства во внешней политике Российской империи и ее деятельности во второй половине 60-х годов XIX века. Опираясь главным образом на источники из архивных фондов, авторы пришли к выводу, что генерал-губернаторство, выступая за рамки предоставленных российским императором полномочий, в отношениях с соседними странами вело в регионе самостоятельную политику. Первоначально такое положение проявилось в том, что Бухарский эмират был превращен в зависимое государство и принужден заключать отвечающие интересам империи договоры. Вместе с этим было аргументировано, что активное вмешательство генерал-губернаторства во внутренние дела Кокандского ханства, считавшегося в то время независимым государством, не входило в его полномочия. Администрация Туркестанского генерал-губернаторства, в частности К.П. Кауфман, пыталась решать эти проблемы самостоятельно, не дожидаясь указаний Центра о решении пограничных вопросов с соседними странами. Такое положение особенно явно проявлялось в отношениях с Ираном и Афганистаном. В особенности в условиях усиления англо-русского соперничества в афганском вопросе, а также в условиях роста напряженности между ними администрация Туркестана выступала за более активные действия в этом регионе. В статье говорится, что в результате вмешательства генерал-губернатора в политические события, происходившие в приграничных китайских территориях, в особенности в Восточном Туркестане, в регионе возникло военное положение. Это было одним из факторов, позволивших русским воспользоваться ситуацией начала 1870-годов и завоевать Илийский край. В результате исследования авторами доказано, что внешняя политика Российской империи в Туркестанском крае преследовала собственные интересы и абсолютно не учитывала волю и интересы местного населения. Это, в свою очередь, оставило негативный след на дальнейшей судьбе коренных народов края.

Ключевые слова: Туркестан, Туркестанское генерал-губернаторство, Российская империя, генерал-губернатор, внешняя политика, Восточный Туркестан, Китай, Иран, Афганистан, Османская империя.

* Корреспондирующий автор

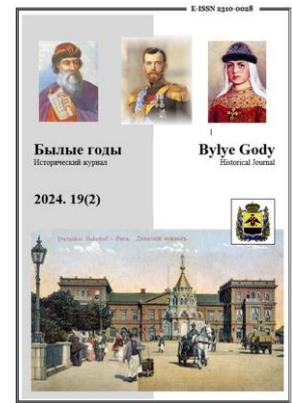
Адреса электронной почты: sofagabrielyan4@gmail.com (С.И. Габриэльян),
urakov.d.nuuz@gmail.com (Д.Ж. Ураков), beshkurgan@gmail.com (Б.Б. Хайназаров)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 763-770
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.763

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Main Stages of the Preparation of the Reform on the Abolition of Serfdom in the Russian Empire, Causes and Contradictions

Anton V. Gurko ^{a, *}, Ainuru T. Altybaeva ^b, Krystsina D. Savitskaya ^c

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Academy of Science of Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Republic of Belarus

Abstract

This article is devoted to the study of the reform of the abolition of serfdom in the context of its main causes and stages. The study includes not only the theme of Alexander II's Manifesto on the liberation of peasants from 1861, but also an analysis of a number of normative acts adopted since the end of the XVIII century, the subject of which were preliminary steps aimed at the subsequent acquisition of personal rights and freedoms by serfs. In particular, this article examines such documents as: The Manifesto of Paul I "On three-day serfdom", the Decree of Alexander I "On free farmers", the Regulations on the peasants of Estonia and Livonia, as well as the Decree of Nicholas I "On obliged peasants". The authors of the article pay sufficient attention to external and internal factors that served as the reasons and prerequisites for the adoption of the reform on the abolition of serfdom, such as the defeat in the Crimean War, the industrial and technical revolution, the social crisis, the increased peasant riots, the development of higher education and, at the same time, changes in the worldview of the enlightened segment of the population of the Russian Empire. In addition, the article examines in detail the internal political processes for organizing activities aimed at preparing and implementing the reform of serfdom. The authors analyzed the course of preparation of the draft peasant reform and formulated the key contradictions that represented a number of obstacles to the implementation of the reform.

Keywords: The Russian Empire, the abolition of serfdom, Alexander II, the Secret Committee for the Abolition of Serfdom, Nikolai Milyutin.

1. Введение

История крепостничества Российской империи насчитывает несколько сотен лет. Традиционно датой отмены крепостного права в Российской империи принято считать 1861 год. Однако первые попытки и эксперименты, направленные либо на отмену крепостного права, либо на послабления в пользу крестьянского населения, были проведены несколькими десятилетиями раньше.

К середине XIX века в стране назревал глубокий социальный кризис, вызванный разгромным поражением в Крымской войне 1853–1856 гг., когда войска Российской империи были не в состоянии оказать должного сопротивления более модернизированным войскам противников. Данный социальный кризис служил основанием, в том числе, для широкого роста крестьянских волнений, вызванных недовольством социальным положением крепостных.

Кроме этого, в период глобального промышленного развития имела место нехватка рабочей силы по причине дефицита трудовых ресурсов, которые были необходимы для создания и развития новых фабрик и заводов в целях модернизации страны.

* Corresponding author

E-mail addresses: gurkoantonwork@gmail.com (A.V. Gurko)

Многие исследователи-историки сходятся во мнении, что отмена крепостного права в 1861 году была основана не на добровольном желании императора Александра II, а скорее представляла собой вынужденную меру: «По натуре новый царь не был реформатором, а выступал активным сторонником николаевского режима» (Муравьева, 2012: 42). Однако именно в период его правления страна вышла на совершенно новый виток своего развития.

2. Материалы и методы

Основу источниковых сведений составляют архивные материалы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также Государственного архива Воронежской области (Воронеж, Российская Федерация), материалы периодической печати (*Земледельческая газета*, 1861), нормативные источники в виде ряда законодательных актов Российской империи, источники личного происхождения, в частности мемуары одного из теоретиков реформы по отмене крепостного права А.И. Левшина (Левшин, 1994), а также сборник мемуаров и воспоминаний под редакцией В.А. Федорова (Федоров, 1994).

В качестве методологической основы исследования выступают такие методы научного познания, как хронологический, сравнительно-правовой, а также метод научной индукции.

Хронологический метод научного исследования был применен при рассмотрении хода реализации крестьянской реформы, включая ее подготовительные мероприятия.

Применяя сравнительно-правовой метод, авторы сопоставили и проанализировали ключевые нормативно-правовые акты, регулировавшие вопросы отмены крепостного права, а также прав и свобод крестьян в Российской империи, начиная с периода правления императора Павла I.

С помощью метода научной индукции был произведен анализ причинно-следственных связей отмены крепостного права в 1861 году, а также сформулированы мотивы своевременности данной реформы.

3. Обсуждение

Дореволюционные авторы, являясь современниками крестьянской реформы, осознавая необходимость отмены крепостного права, в то же время уделяли значительное внимание противоречивости реформы в контексте ущемления интересов дворян: «Таким образом, вопрос об отмене крепостного права при первом своем появлении на свет Божий, встретил энергичный протест в затронутых им материальных интересах дворянства, которое учило своих людей «брить, волосы убирать кушанье варить и пр.», и в отмене крепостного права, прежде всего, увидело лишение себя бробреев, парикмахеров, поваров и пр. Но вопрос был поставлен, и целое столетие продолжалось его обсуждение» (Романович-Славатинский, 1870: 373).

Советская историография, особенно в период после 1945 года, насчитывает немало работ, посвященных вопросу отмены крепостного права. Основное внимание советские авторы уделяли анализу экономического состояния крестьянских домохозяйств и сравнению данных показателей в периоды до и после реформы 1861 года. В вопросе изучения хода реализации крестьянской реформы стоит выделить научную статью В.К. Яцунского, так как именно данная работа стала своеобразным толчком для исследования историками уставных грамот каждого конкретного региона Российской империи в целях изучения вопроса показателей размеров крестьянских наделов (Яцунский, 1949: 74). В частности, А.Г. Каревская провела анализ площади земельных наделов в Самарской губернии, бывших в пользовании крестьян до и после реформы, и пришла к выводу о том, что в результате реформирования 1861 года крестьяне лишились 20,72 % земли (Каревская, 1959: 360).

Современные исследователи также уделяют немало внимания, вопросу отмены крестьянской реформы и ее значению: «Реформа была величайшим прогрессивным событием в русской истории. Она дала начало ускоренной модернизации страны – переходу от традиционного к индустриальному обществу, пошатнула основные устои как крепостнического, так и натурального укладов» (Приходько и др., 2016: 184).

4. Результаты

Одним из первых нормативно-правовых актов, направленных на снижение трудового давления в адрес крепостных крестьян, является Манифест императора Павла I «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о непринуждении к работе в дни воскресные» от 5 апреля 1797 года (Полное собрание..., 1830а). Безусловно, данный документ не носил освобождающего характера, но в то же время ввел новые требования касательно трудового порядка, нормирования крестьянских работ. Согласно данному документу, крестьяне были освобождены от работ в воскресные дни. Кроме этого, были установлены ограничения на крестьянский труд в пользу помещиков – не более трех дней в неделю.

Позднее сыном Павла I, императором Александром I, был предпринят ряд попыток по началу отмены крепостного права. В частности, Именной, данный Правительствующему сенату Указ об отпуске помещиками своих крестьян на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных, более известный как Указ о вольных хлебопашцах от 20 февраля 1803 года (Полное

собрание..., 1830b), давал возможность помещикам осуществлять освобождение своих крепостных крестьян согласно собственному добровольному желанию. То есть по логическому замыслу данного Указа освобождение крестьян представляло собой право дворян, а не обязанность. Сведения о количественных показателях освобожденных крестьян в соответствии с данным Указом существенно разнятся. Существует немало научных работ, посвященных исследованию данного вопроса, но в целом эксперты, в частности, доктор исторических наук Д.В. Тимофеев, приходят к выводу о низкой востребованности применения помещиками положений данного Указа (Тимофеев, 2019: 1191).

Кроме этого, в период между 1816 и 1819 годами императором Александром I был проведен эксперимент по отмене крепостного права в Прибалтийских губерниях Российской империи: Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. В данный период времени были приняты такие документы, как Положения об эстляндских крестьянах от 23 мая 1816 года (Полное собрание..., 1830с), Учреждение о курляндских крестьянах от 25 августа 1817 года (Полное собрание..., 1830d), а также Высочайше утвержденное Положение о лифляндских крестьянах от 26 марта 1819 года (Полное собрание..., 1830e). В результате крестьяне указанных губерний получили личную свободу, однако им не были предоставлены земельные наделы.

Период правления младшего брата Александра I, императора Николая I, принято считать реакционным. Однако, несмотря на консервативную политику самодержца, все же предпринимались некоторые несмелые шаги в сфере изменения режима крепостничества в стране. Речь идет об Именном Указе «О предоставлении помещикам заключать с крестьянами договоры на отдачу им участников земли в пользование за установленные повинности, с принятием крестьянами, заключившими договор, названия обязанных крестьян» (Указ об обязанных крестьянах) от 2 апреля 1842 года (Полное собрание..., 1843). Вышеназванный указ наделял помещиков правом отпускать крестьян на волю при условии, если отпущенный крестьянин выполнит ряд требований: либо осуществит отработки в пользу помещика, либо выплатит помещику оброк в натуральном или денежном виде.

Необходимо отметить, что середина XIX века характеризуется значительным социальным кризисом для Российской империи. Социальная напряженность связана, в том числе, с ростом крестьянских бунтов. В начале правления императора-освободителя Александра II были зафиксированы следующие статистические показатели: доля крестьянского населения по отношению ко всему населению Российской империи согласно переписи 1858 года составляла 82,6 % (Миронов, 2003: 130). В свою очередь, доля крепостных крестьян в заданный период времени составляла около 34 %. (Тройницкий, 1861: 25-50). Таким образом, число крепостных крестьян составляло значительную часть от общего населения страны. Характеристика массовости крестьянских бунтов представляла собой нарастающую угрозу безопасности самодержавия и государства в целом. Ряд исследователей называет показатели количества крестьянских бунтов к заданному периоду времени критическим. «Состояние критичности подразумевает, что любое, даже самое незначительное, на первой взгляд, событие имеет не только локальные, но и всеобщие для системы последствия» (Жуков и др., 2017: 39). Министр внутренних дел С.С. Ланской в беседе с Губернским предводителем дворянства князем И.В. Гагариным выражал следующие опасения: «Но правительство и дворяне многих губерний имеют основания опасаться, что подобные беспорядки произойдут при настойчивом стремлении к сохранению прежнего устройства сельского сословия» (ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 597. Л. 12).

Вступление на престол Александра II стало значительной вехой в истории Российской империи. Одними из основополагающих принципов управления государством в данную эпоху можно назвать гласность и либерализм. Применение данных принципов считалось немислимим в консервативную эпоху его предшественника, Николая I. Укреплению данных принципов способствовали открытие заграничного туризма, а также появление новых периодических изданий. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что принцип гласности, применяемый в период правления Александра II, произвел особое влияние на внутриполитические процессы государства, в том числе, по причине его восприятия просвещенным обществом.

Для Российской империи период со второй половины XVIII по первую половину XIX веков характеризуется таким значительным явлением, как становление университетского образования. Исследователи данной темы, в том числе, отмечают весомый вклад предшественника Александра I, его отца императора Николая I: «Николай Павлович во многом способствовал широкому развитию юридического образования в России. В качестве примера деятельности, направленной на решение данной задачи, можно назвать учреждение Императорского училища правоведения в Петербурге в 1835 году, которое впоследствии стало одним из самых престижных высших учебных заведений Российской империи» (Denisov et al., 2022: 1193).

К периоду правления Александра II в университетах России была сформирована система подготовки квалифицированных кадров, которые в последующем занимали должности в системе управления государством. Важным условием отечественного университетского образования того времени является то, что образовательный процесс, как правило, осуществляли западноевропейские профессора, которые, помимо профессиональных знаний и компетенций, прививали обучающимся и западноевропейские культурные взгляды и ценности. Логичным результатом развития системы

высшего образования стало появление среди населения Российской империи просвещенных людей, в том числе среди просвещенной бюрократии. Позднее, а именно в 30–40-е годы XIX века, стали формироваться новые организации, объединяющие данные слои населения. В качестве примеров можно назвать Императорское русское географическое общество, а также великокняжеские салоны. Таким образом, появились первые ячейки просвещенного общества, а также кадры, способные успешно подготовить и реализовать такую масштабную задачу, как реформа по отмене крепостного права.

Кроме того, появившаяся возможность открытого высказывания о накопившихся острых вопросах социальной жизни государства в полной мере раскрыла и выделила ряд проблем, требующих незамедлительного решения. Именно данное явление стало одной из важнейших предпосылок не только освобождения крепостных крестьян, но и проведения целого ряда мероприятий по реформированию государства.

Необходимость принятия мер для отмены крепостного права была уже давно очевидна. Александр Николаевич на своей коронации произнес знаменитую речь, обращенную к московскому дворянству, которая впоследствии стала хрестоматийной: «Слухи носят, что я хочу сделать освобождение крестьянского состояния. Это несправедливо, и от этого было несколько случаев неповиновения крестьян к помещикам. Вы можете сказать это всем направо и налево; я говорил то же самое предводителям, бывшим у меня в Петербурге; я не скажу вам, чтобы я был совершенно против оного, мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» (Левшин, 1994: 73-74). Анализируя все вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что государственная власть в лице императора прекрасно понимала, что в случае отсутствия инициативных действий, направленных на освобождение крепостных, крестьянские бунты достигнут своего апогея, что может привести к удручающим событиям, выраженным как в гибели значительного числа людей, так и в угрозе гибели самой империи. В то же время Александр II по причине стремления соблюдения либеральных идей, а также опасения в адрес реакции дворянства не решался произвести отмену крепостного права путем принятия единоличного императорского решения. Под соблюдением либеральных идей в данном контексте авторы статьи понимают следование принципу нерушимого права частной собственности. Так как крепостные крестьяне в дореформенный период представляли собой частную собственность помещиков, то самовольное решение императора о лишении помещиков их личной собственности противоречило не только интересам дворян, но и идеалам действующей императорской власти.

В целях реализации деятельности, направленной на масштабное изменение политического курса государства и на подготовку к отмене крепостного права, император решает произвести смену бюрократического состава управления. К осуществлению запланированного курса были привлечены такие государственные деятели, как Валуев, Милютин, Головнин, Ковалевский, Рейтерн.

Вопрос об отмене крепостного права выглядел весьма сложным и противоречивым. Несмотря на все вышеперечисленные существенные основания для необходимости решения данного вопроса, неоспоримой преградой выступали личные интересы помещиков, которые благодаря крепостному праву имели ряд выгод в виде бесплатной рабочей силы. По этой причине основная масса дворян выступала категорически против освобождения крестьян: «Противником реформы выступала и значительная часть среднепоместного дворянства, хозяйство которого носило натуральный характер и было слабо вовлечено в орбиту рыночных отношений» (Зайончковский, 1888: 94).

Несмотря на то что стремления государства не совпадали с интересами помещиков, практически сразу после вступления на престол императора-реформатора началась активная работа по подготовке реформы. В числе одного из первых проектов по отмене крепостного права можно назвать проект русского правоведа и публициста К.Д. Кавелина, который был разработан в 1855 году. Он получил название «Записка об освобождении крестьян в России» (Кавелин, 1897). Основными идеями данного проекта является отмена крепостного права, наделение крестьян личной свободой, выкуп государством земель помещиков, а также передача земельных территорий крестьянам на условии их выкупа.

Позднее, 3 января 1857 года, был основан Секретный комитет «Для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян» (Зайончковский, 1888: 68). Данный комитет функционировал под председательством самого императора Александра II. Формат секретности был обусловлен нежеланием того, чтобы факт его существования стал общеизвестен среди дворянского сословия. В задачи данного комитета входила разработка принципов грядущей реформы по отмене крепостного права.

20 ноября 1857 года императором Александром II был издан Высочайший рескрипт на имя Виленского губернатора В.И. Назимова (Федоров, 1994: 85). Указанное личное письменное распоряжение содержало настоятельное предложение о привлечении дворян к разработке крестьянской реформы. Для этих целей нужно было сформировать дворянские комитеты в Виленской губернии, в задачи которых должно было войти формулирование предложений, направленных на отмену крепостного права. Позднее аналогичные письменные распоряжения императора были адресованы и другим административным руководителям регионов Российской

империи. В результате данной деятельности подготовка реформы об отмене крепостного права приобрела статус гласности. Позднее, а именно 16 февраля 1858 года, Секретный комитет «Для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян» был преобразован в Главный комитет по крестьянскому делу (Зайончковский, 1888: 94).

В течение 1858 года создавались губернские дворянские комитеты в целях подготовки грядущей реформы по отмене крепостного права. Однако подходы к решению данной задачи в отдельных губерниях государства существенно различались. В качестве первопричины этих противоречий следует назвать огромную площадь территории Российской империи и разницу природно-климатических условий и плодородных качеств земельных ресурсов в различных регионах страны. Для дворян, населявших регионы, богатые черноземом, именно земли и их ресурсы представляли собой первостепенную ценность. А для помещиков, проживающих в иных регионах, наибольшей ценностью представлял собой труд крепостных крестьян.

В целях разрешения данных противоречий и поиска наиболее оптимального пути реформирования в феврале 1859 года было принято решение об учреждении в качестве органов по формированию единого законопроекта так называемых «Редакционных комиссий». Изначально предполагалось, что этих комиссий будет несколько, однако фактически была учреждена только одна редакционная комиссия, которую возглавил генерал Я.И. Ростовцев. Под его руководством велась работа по подготовке проекта реформы об отмене крепостного права.

Говоря о ведущих разработчиках данного проекта, кроме Я.И. Ростовцева, необходимо упомянуть заместителя министра внутренних дел Н.А. Милютину, а также члена Редакционной комиссии, публициста Ю.Ф. Самарина. Необходимо отметить, что подготовка реформы проводилась под оказанием существенного давления критически настроенных дворян, придерживавшихся консервативных взглядов (Зайончковский, 1888: 112). Составители проекта реформы должны были соблюсти баланс между выполнением государственной задачи и максимально возможным сохранением интересов дворянства. В свою очередь, сохранение интересов дворян было невозможно при полном удовлетворении требований и ожиданий крепостных крестьян.

В результате масштабной работы были подготовлены и подписаны такие документы, как Манифест императора Александра II от 19 февраля 1861 г. «О всемирнейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 730. Л. 27-410б.) и Высочайше утвержденное 19 февраля 1861 г. «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 73. Л. 53). Важным замечанием является то, что подписание данных документов было осуществлено при соблюдении формата секретности, а датой опубликования стало только 5 марта 1861 года. Суть необходимости паузы между подписанием и опубликованием заключалась в понимании того, что принятые решения не могли удовлетворить в надлежащей мере ожидания крестьян. В связи с этим велась деятельность, направленная на усиление мер по обеспечению безопасности государства.

В результате реформы освобожденные крестьяне получили личную свободу и гражданские права. Однако земли не были переданы в личную крестьянскую собственность. Собственником земельных наделов стала крестьянская община (мир), а крестьяне получали землю в пользование.

Реакция периодической печати на отмену крепостного права выражалась в большей степени в позитивном ключе: «Наконец крестьянский вопрос решен. Крепостное право навсегда изгнано с лица Русской земли и взамен его водворено право свободного труда» (Земледельческая газета. 1861. № 11. 18 марта).

Несколькими годами позднее были приняты такие документы, как Высочайше утвержденное положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных от 26 июня 1863 года (Полное собрание..., 1866), а также Закон «О поземельном устройстве государственных крестьян в 96 губерниях» от 24 ноября 1866 года (Полное собрание..., 1888). Указанные нормативные акты регламентировали освобождение государственных крестьян.

5. Заключение

Цель отмены крепостного права заключалась в решении сразу нескольких задач: преодоление международной изоляции, успешное проведение промышленного переворота, а также в целом реформирование самого государства в условиях усиления европеизации жизни в Российской империи.

Можно выделить несколько основных причин отмены крепостного права, а именно: поражение Российской империи в Крымской войне по причине отечественной военно-экономической отсталости, кризис дворянства, сокращение экспорта хлеба за границу, отсутствие свободной рабочей силы для промышленности. Еще один комплекс причин для отмены крепостного права связан с духовно-нравственными аспектами, что выражалось в неприятии крепостничества общественным мнением как формы рабства.

В дальнейшем отмена крепостного права стала основополагающим событием для истории Российской империи. Анализируя значение данного события, можно прийти к выводу о влиянии отмены крепостного права и на последующие революционные события в стране.

Литература

ГАВО – Государственный архив Воронежской области.

Жуков и др., 2017 – Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Исследование интенсивности крестьянских волнений в Европейской России во второй половине XIX в. средствами теории самоорганизованной критичности // *Историческая информатика*. 2017. № 1(19). С. 38-51.

Зайончковский, 1888 – Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.

Земледельческая газета, 1861 – *Еженедельная газета «Земледельческая газета»*. 1861. № 11. 11 марта.

Кавелин, 1897 – Кавелин К.Д. Записка об освобождении крестьян в России (1855). Ч. I и II. Собр. соч. В 4-х тт. Т. II. СПб., 1897. С. 9-87. 1258 с.

Каревская, 1959 – Каревская А.Г. Реализация реформы 19 февраля 1861 года у помещичьих крестьян Самарской губернии / *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР*. М., 1959. Сб. 3. С. 325-367.

Левшин, 1994 – Левшин А.И. Конец крепостничества в России : документы, письма, мемуары, статьи / сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова. М.: издательство Московского университета, 1994. С. 73-85.

Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003. Т. 1. 549 с.

Муравьева, 2012 – Муравьева Л.А. Отмена крепостного права в России: причины, механизм реализации, значение // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2012. № 2(6). С. 42-53.

Полное собрание..., 1830a – Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17.909. С. 587.

Полное собрание..., 1830b – Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20.625. С. 462-463.

Полное собрание..., 1830c – Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXIII. № 26.279. С. 725-845.

Полное собрание..., 1830d – Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXIV. № 27.024. С. 529-743.

Полное собрание..., 1830e – Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXVI. № 27.735. С. 114.

Полное собрание..., 1843 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1843. Т. 17, отд. 1. № 15462. С. 261-262.

Полное собрание..., 1866 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1866. – Т. 38, отд. 1. – № 39792. С. 678-702.

Полное собрание..., 1888 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Санкт-Петербург, 1888. Т. 41, отд. 2. № 43888. С. 280-283.

Приходько и др., 2016 – Приходько В. В., Сарибашева М. В., Ершов Б. А. Историческое значение отмены крепостного права в России // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 12-1. С. 182-185.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Романович-Славатинский, 1870 – Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права: свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. [Сочинение]. А. Романович-Славатинского, профессора государственного права в Университете св. Владимира. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1870. [4], XXVI, 564 с.

Семевский, 1888 – Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX вв. СПб., 1888. Т. 2. 367 с.

Тимофеев, 2019 – Тимофеев Д.В. Практика освобождения крестьян в вольные хлебопашцы в царствование Александра I // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1177-1194.

Тройницкий, 1861 – Тройницкий А.Г. Крепостное население в России по 10-й народной переписи: статистическое исследование / [соч.] А. Тройницкого. Санкт-Петербург: в тип. Карла Вульфа, 1861. [2], VIII, 93 с.

Федоров, 1994 – Федоров В.А. Конец крепостничества в России : документы, письма, мемуары, статьи. М.: Издательство Московского университета, 1994. 526 с.

Яцунский, 1949 – Яцунский В.К. Изучение местной истории в СССР // *Вопросы истории*. 1949. № 8. С. 74-112.

Denisov et al., 2022 – Denisov I.S., Allalyev R.M., Katsarskiy M.I., Smirnov M.G. Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 1 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1189-1196.

References

- [Denisov et al., 2022](#) – Denisov, I.S., Allalyev, R.M., Katsarskiy, M.I., Smirnov, M.G. (2022) Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 1. *Bylye Gody*. 17(3): 1189-1196. [in Russian]
- [Fedorov, 1994](#) – Fedorov, V.A. (1994). Konets krepostnichestva v Rossii : dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i. [The end of serfdom in Russia : documents, letters, memoirs, articles]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 526 p. [in Russian]
- [GAVO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti [State Archives of the Voronezh Region].
- [Karevskaya, 1959](#) – Karevskaya, A.G. (1959). Realizaciya reformy 19 fevralya 1861 goda u pomeschich'ih krest'yan Samarskoj gubernii [The implementation of the reform on February 19, 1861 among the landowner peasants of the Samara province]. Materialy po istorii sel'skogo hoz'yajstva i krest'yanstva SSSR. M.. Sb. 3. Pp. 325-367. [in Russian]
- [Kavelin, 1897](#) – Kavelin, K.D. (1897). Zapiska ob osvobozhdenii krest'yan v Rossii (1855). CH. I i II. [A note on the liberation of peasants in Russia (1855). Parts I and II] — Sobr. soch. V 4-h tt. T. II. SPb. Pp. 9-87. 1258 p. [in Russian]
- [Levshin, 1994](#) – Levshin, A.I. (1994). Konets krepostnichestva v Rossii : dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i [The end of serfdom in Russia : documents, letters, memoirs, articles]. Sost., obshch. red., vstup. st. i komment. V. A. Fedorova. M.: izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Pp. 73-85. [in Russian]
- [Mironov, 2003](#) – Mironov, B.N. (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Empire Period [XVIII – early XX centuries]. V 2 T. 3-e izd., ispr., dop. SPb. V.1. 549 p. [in Russian]
- [Murav'eva, 2012](#) – Murav'eva, L.A. (2012). Otmena krepostnogo prava v Rossii: prichiny, mekhanizm realizacii, znachenie [Abolition of serfdom in Russia: reasons, mechanism of implementation, meaning]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2(6): 42-53. [in Russian].
- [Polnoe sobranie..., 1830a](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii, s 1649 goda. [The Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. SPb., 1830. T. XXIV. № 17.909. P. 587. [in Russian]
- [Polnoe sobranie..., 1830b](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii, s 1649 goda. [The Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649] SPb., 1830. T. XXVII. № 20.625. Pp. 462-463. [in Russian]
- [Polnoe sobranie..., 1830c](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii, s 1649 goda. [The Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649] SPb., 1830. T. XXXIII. № 26.279. Pp. 725-845. [in Russian]
- [Polnoe sobranie..., 1830d](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii, s 1649 goda. [The Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. SPb., 1830. T. XXXIV. № 27.024. Pp. 529-743. [in Russian]
- [Polnoe sobranie..., 1830e](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii, s 1649 goda. [The Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. SPb., 1830. T. XXXVI. № 27.735. P. 114. [in Russian]
- [Polnoe sobranie..., 1843](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [The Complete collection of laws of the Russian Empire] Sobranie 2-e. Sankt-Peterburg, 1843. T. 17, otd. 1. № 15462. Pp. 261-262. [in Russian]
- [Polnoe sobranie..., 1866](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [The Complete collection of laws of the Russian Empire] Sobranie 2-e. – Sankt-Peterburg, 1866. T. 38, otd. 1. № 39792. Pp. 678-702. [in Russian]
- [Polnoe sobranie..., 1888](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. [The Complete collection of laws of the Russian Empire] Sobranie 2-e. Sankt-Peterburg, 1866. T. 41, otd. 2. № 43888. Pp. 280-283. [in Russian]
- [Prihod'ko i dr., 2016](#) – Prihod'ko, V.V., Saribasheva, M.V., Ershov, B.A. (2016). Istoricheskoe znachenie otmeny krepostnogo prava v Rossii [The historical significance of the abolition of serfdom in Russia]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 12-1: 182-185. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- [Romanovich-Slavatinskij, 1870](#) – Romanovich-Slavatinskij, A.V. (1870). Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava: svod materiala i priugotovitel'nye etyudy dlya istoricheskogo issledovaniya [The nobility in Russia from the beginning of the XVIII century to the abolition of serfdom: a set of materials and preparatory studies for historical research]. [Sochinenie]. A. Romanovich-Slavatinskogo, professora gosudarstvennogo prava v Universitete sv. Vladimira. Sankt-Peterburg: tipografiya Ministerstva vnutrennih del. [4], XXVI, 564 p. [in Russian]
- [Semevskij, 1888](#) – Semevskij, V.I. (1888). Krest'yanskij vopros v Rossii v XVIII i pervoj polovine XIX vv. SPb. T. 2. 367 p. [in Russian]
- [Timofeev, 2019](#) – Timofeev, D.V. (2019). Praktika osvobozhdeniya krest'yan v vol'nye hlebopashcy v carstvovanie Aleksandra I [The practice of emancipating peasants into free farmers in the reign of Alexander I]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Istoriya. 64(4): 1177-1194. [in Russian]

Trojnickij, 1861 – *Trojnickij, A.G.* (1861). Krepostnoe naselenie v Rossii po 10-j narodnoj perepisi: statisticheskoe issledovanie [The serf population in Russia according to the 10th national census: statistical research]. [soch.] A. Trojnickogo. Sankt-Peterburg: v tip. Karla Vul'fa. [2], VIII, 93 p. [in Russian]

Yacunskij, 1949 – *Yacunskij, V.K.* (1949). Izuchenie mestnoj istorii v SSSR [The study of local history in the USSR]. *Voprosy istorii*. 8: 74-112. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1888 – *Zajonchkovskij, P.A.* (1888). Otmena krepostnogo prava v Rossii. [Abolition of serfdom in Russia]. M., 1968. . [in Russian]

Zemledel'cheskaya gazeta, 1861 – *Ezhenedel'naya gazeta «Zemledel'cheskaya gazeta»*. 1861. № 11. March, 11. [in Russian]

Zhukov i dr., 2017 – *Zhukov, D.S., Kanishchev, V.V., Lyamin, S.K.* (2017) Issledovanie intensivnosti krest'yanskikh volnenij v Evropejskoj Rossii vo vtoroj polovine XIX v. sredstvami teorii samoorganizovannoj kritichnosti [The study of the intensity of peasant unrest in European Russia in the second half of the 19th century by means of the theory of self-organized criticality]. *Istoricheskaya informatika*. 1(19): 38-51. [in Russian]

Основные этапы подготовки реформы по отмене крепостного права в Российской империи: причины и противоречия

Антон Владимирович Гурко ^{a, *}, Айнуру Тойчиевна Алтыбаева ^b, Кристина Дмитриевна Савицкая ^c

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Академия Наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика

^c Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию реформы по отмене крепостного права в контексте ее основных причин и этапов. Исследование включает в себя не только тему Манифеста Александра II об освобождении крестьян от 1861 года, но и анализ ряда нормативных актов, принятых в период с конца XVIII века, предметом которых стали предварительные шаги, направленные на последующее приобретение крепостными крестьянами личных прав и свобод. В частности, в данной статье рассмотрены такие документы, как Манифест Павла I «О трехдневной барщине», Указ Александра I «О вольных хлебопашцах», Положения об эстляндских и лифляндских крестьянах, а также Указ Николая I «Об обязанных крестьянах». Авторы статьи уделяют достаточное внимание внешним и внутренним факторам, послужившим причинами и предпосылками для принятия реформы об отмене крепостного права. Это поражение в Крымской войне, производственно-техническая революция, социальный кризис, участвовавшие крестьянские бунты, развитие высшего образования и вместе с этим изменения мировоззрения просвещенного слоя населения Российской империи. Кроме того, в статье подробно рассмотрены внутренние политические процессы по организации деятельности, направленной на подготовку и осуществление реформирования крепостничества. Авторами был проанализирован ход подготовки проекта крестьянской реформы и сформулированы ключевые противоречия, которые представляли собой ряд препятствий для осуществления реформирования.

Ключевые слова: Российская империя, отмена крепостного права, Александр II, Секретный комитет по отмене крепостного права, Николай Милютин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gurkoantonwork@gmail.com (А.В. Гурко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 771-782
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.771

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Socio-Economic Development of the Territories of Nomadic Peoples of the Stavropol Province in the 19th – early 20th centuries

Irina V. Lidzhieva ^{a, b, *}, Aigul T. Dzhumagulova ^{b, c}, Yulia S. Shurguchieva ^b, Baina A. Erdneeva ^b

^a Federal Research Center Southern Research Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

^c Pyatigorsk State University, Russian Federation

Abstract

Nomadic peoples: Kalmyks, Nogais and Turkmens in the 19th – early 20th centuries occupied the southern peripheral territories of the Russian Empire. In natural and climatic terms, the lands of the steppe Ciscaucasia were distinguished by diversity, both in soil composition and in the presence of water sources. The purpose of this study is to study, based on the analysis of documents identified in the funds of the State Archives of the Stavropol Territory, the problems of economic development of the territory of the nomadic peoples of the Stavropol province in the context of the geographical location of their nomads and climatic conditions. The integration policy of the imperial authorities in relation to nomads was focused on transferring them to a sedentary lifestyle. A number of activities aimed at spreading and supporting agriculture in their environment have had positive achievements. However, further practical experience in the development of virgin lands, both by newly minted farmers and during peasant colonization, had not entirely positive consequences, in the form of the spread of sand. As a result, in the course of the study, the authors focus on changing the course of imperial policy regarding the economic development of the territory of nomadic peoples. In conclusion, it was concluded that from the second half of the 19th century. The imperial authorities tried to neutralize the consequences of the invasion into the traditional environment of the nomads by organizing measures aimed at increasing the efficiency of cattle breeding, which gave some positive results. Attempts are being made to address the issue of water supply, organize exhibition events in the field of agriculture, with the active involvement of foreigners. By attracting professional help, at the expense of public capital, non-Russian communities are gradually becoming involved in selective cattle breeding, gardening, melon growing and vegetable gardening.

Keywords: Kalmyks, Nogais, Turkmens, nomadic foreigners, economic development, cattle breeding, agriculture, water supply, livestock exhibitions.

1. Введение

Периферийные территории южной части Российской империи, выступавшие кочевьями калмыков, ногайцев и туркмен, в административно-территориальном отношении входили в состав двух субъектов. Калмыки Большедербетовского улуса находились в ведении астраханского губернатора до 1861 г., а затем были переведены под юрисдикцию ставропольских губернских властей, в ведении которых состояли ногайцы и туркмены (до 1847 г. — Кавказской области).

Имперские власти, реализовывая политику по инкорпорированию автохтонного населения степи в общеимперское пространство, основывались на знаниях о регионе, полученных по результатам губернаторских отчетов и рапортов, представляемых чиновниками Управления

* Corresponding author

E-mail addresses: irina-lg@yandex.ru (I.V. Lidzhieva)

кочующих народов Ставропольской губернии по запросам столичной и губернской администрации. Так, например, для составления годового отчета министерства 22 августа 1809 г. канцелярия министра внутренних дел затребовала у главного пристава при калмыках, кумыках и мирных чеченцах А. И. Ахвердова «сведения о скотоводстве и конных заводах, в каком виде сия ветвь хозяйства в здешней губернии существует» (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 14. Л. 58). Ежегодные отчетные сведения по губернии требовали не только статистических данных, но и анализа, как в следующем случае. 27 октября 1864 г. канцелярия ставропольского губернатора направила главному приставу кочующих народов отношение с требованием к 1 января представить сведения для подготовки всеподданнейшего отчета его императорскому величеству, «с объяснением причин, препятствующих развитию между ними благосостояния» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 179. Л. 1). Собираемые сведения расширяли представление о регионе, его климатических условиях и автохтонном населении. В зависимости от меры их накопления менялись и представления о хозяйственно-экономическом развитии nomads.

2. Материалы и методы

2.1. На основе анализа делопроизводственной документации Управления кочующих магометан (народов) предпринята попытка рассмотреть проблемы хозяйственного развития территории кочевых народов Ставропольской губернии в контексте географического положения их кочевий и климатических условий. Поставленная цель обусловила формирование источниковой базы, состоящей как из опубликованных документов, так и впервые выявленных. К первой группе относится описание социально-экономического положения народов (караногайцев, джемойлуковцев и едисанцев), подготовленное главным приставом А. И. Ахвердовым и изданное Кавказской археографической комиссией (Акты..., 1873: 877). Во вторую группу включены документы, выявленные в фондах Государственного архива Ставропольского края (Ставрополь, Российская Федерация) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В своем абсолютном большинстве материалы из фондов ГАСК относятся к делопроизводственной документации как на губернаторском уровне, так и на уровне главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии. В последней трети XIX в. появляются рапорты, экспертные оценки и рекомендации от племенных рассадников, а также приглашения от различных обществ в области сельского хозяйства для участия в выставочных мероприятиях и положения об их проведении. Документ, выявленный в Центральном архиве Санкт-Петербурга, представляет собой выпускное квалификационное сочинение студента Императорского Санкт-Петербургского университета С. И. Магжос-Белого. Сведения, представленные в работе, собраны им в ходе полевой практики, проведенной на территории кочующих народов Ставропольской губернии.

2.2. Исследование подготовлено с использованием инструментария классических общенаучных методов познания. С целью раскрытия поставленной проблемы исследования был использован генетический метод, позволивший рассмотреть на протяжении XIX в. имперскую политику на территории кочевых народов Ставропольской губернии по хозяйственному ее развитию в фокусе природно-климатических факторов. Обращение к сравнительно-историческому методу научного исследования дало возможность проследить изменение курса интеграционной политики имперских властей в отношении инородческих окраин от абсолютного приобщения кочевых населения к пашенному земледелию и оседлости к повышению эффективности скотоводческого хозяйства с учетом географических и климатических особенностей территории. В свою очередь, применение системного метода — выявить основные результаты хозяйственно-экономического развития к началу XX в.

3. Обсуждение

Основной вклад в развитие знаний о кочевых народах степного Предкавказья внесли исследователи XIX в. Именно им удалось, зачастую интегрируясь в общества кочевников, наладить коммуникативные связи, способствовавшие сбору полевых материалов, которые, подкрепленные официальными сведениями, позволили дать полное представление не только об историко-правовом развитии народа, но и его бытовом и хозяйственном состоянии. Результаты этих изысканий в современное время служат эмпирической основой для последующего анализа. Это работы чиновников (Ланко, 1868; Бентковский, 1879, 1883; Самойлов, 1881; Капельгородский, 1914; Дуброва, 1998), миссионеров (Львовский, 2022) и профессиональных историков (Фарфоровский, 1908; Фарфоровский, 1909; Фарфоровский, 1911; Лебединский, 1925). Основной акцент в научных изысканиях современных исследователей уделяется административно-правовым аспектам имперской политики (Урушадзе, 2011; Избасарова, Любичанковский, 2018; Абазов, Нахушева, 2020; Сеницын, 2021; Клычников, 2023). Рассмотрение хозяйственно-экономической сферы кочевого общества происходит, как правило, через призму этнографических описаний (Эрдниев, 1985; Калмыков и др., 1988; Курбанов, 1995).

Однако, несмотря на сложившуюся обширную историографическую базу, проблема поиска путей развития в контексте природно-климатических условий региона кочевых инородцев осталась вне пределов исследовательского внимания.

4. Результаты

Географическое положение и основное занятие кочевников. Одним из главных условий благоприятного хозяйственного развития любого народа служит их географическое месторасположение. Основным занятием кочевых народов являлось экстенсивное кочевое скотоводство. Обширные степные территории на южной периферии Российской империи как нельзя кстати благоприятствовали ногайцам, калмыкам и турхменам. Однако для благоприятного хозяйствования, кроме обширности пространств, необходимо наличие ряда условий в виде водных источников, плодородности почв и т. п. Рассмотрим географическое положение кочевий ногайцев, калмыков и турхмен.

По данным, приведенным И. В. Бентковским, ногайцы Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставства проживали у «подшвы Бештовых гор и по рр. Куме, Сабле, Калаусу, а частью на Больших и Малых Енкулях. ...все без исключения вели жизнь оседлую, располагаясь в домах, выстроенных из плетней (т. е. их хвороста), обмазанных и выбеленных известкою, называемых саклями. У некоторых дома были построены из сырцового кирпича, тоже выбеленные» (Бентковский, 1883: 78, 74). Хлебопашество у них было развито по рр. Мокрому Карамыку, Сабле, Суркуле, Куме, Джумухе и Кишу, т. е. там, где почва более благоприятствовала условиям земледелия. Сверх того, бештово-кумские ногайцы занимались садоводством и пчеловодством.

Калаусо-Джембулуковское приставство на севере граничило с Большедербетовским улусом, с юго-востока — землями Ставропольского и Хоперского казачьих полков, а с запада — рядом крестьянских селений. Общая площадь в 1845 г. составляла 88 977 десятин 443 сажень (Бентковский, 1883: 86). Население этого приставства отличалось переходной формой хозяйствования, с успехом занимаясь, по оценке Ахвердова, «небольшим хлебопашеством» (Акты..., 1873: 877) и скотоводством, соответственно, одновременно имея дома из глинобитного кирпича и кибитку.

Места и расположения кочевок ногайцев едишкульского и джембойлуковского народов зависят от урожая трав, и они на одном месте стоят дней 15, а иногда более, смотря по количеству имеющегося корма для скота. Зимой большая часть ногайцев кочует на землях казаков и крестьян. Только едисанцы, взявшие надел, живут в своих домах, в зимнее время они переходят с места на место, не выходя из-за границ своей земли (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 618. Л. 68). Только в западной и восточной частях в небольших размерах возможно занятие земледелием.

Кочевья караногайцев расположились между рекой Кумой, землями ачикулак-джембойлуковских ногайцев. По данным на 1832 г., площадь занимаемых ими земель составляла 926 679 десятин, в том числе удобной — 684 276, и находилась в пользовании совместно с едишкульцами. Согласно описаниям заведующего караногайским нормальным училищем Г. Б. Ананьева, «в караногайской степи нет ни рек, ни ручейков, ни больших постоянных озер, и только изредка встречаются небольшие озера. Под влиянием летней жары озера высыхают и распространяют болотный запах, а зимой бывают страшные холода с метелями и буранами» (Ананьев, 1894: 35-36). Тип почвы, преимущественно солонцеватый и песчаный, обусловил основное занятие населения — скотоводство. По утверждению местного чиновника, помощника караногайского пристава Дудникова, разведение скота является «исключительным занятием более или менее достаточных караногайцев». Беднейшее население (байгуши) находит заработки путем найма в работы пастухами или табунщиками к состоятельным однородцам, начиная с весны и до ноября месяца (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 179. Л. 22).

Относительно плодородности земель, занимаемых турхменами, следует отметить разительное их отличие друг от друга в зависимости от расположения относительно Кумы. Так, по левую сторону земля представляет легкий глинистый чернозем, способный производить по целине и пшеницу, и рожь, а по залежи до трех лет — рожь, овес, ячмень и лен. Однако после этого земля до восьми лет становится совершенно непригодной для посева. Территория по правую сторону Кумы состоит из сплошных солончаков и песков.

Главное занятие турхмен заключается в скотоводстве, а именно в разведении овец, количество которых достигает «довольно значительной цифры». Преимущественно это курдючная порода, «и вообще очень хороши» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 179. Л. 37). Верблюды используются только как транспортное средство. Крупный рогатый скот разводится в небольшом количестве, только лишь для получения молока, небольшие излишки продаются на ярмарках и, по замечанию турхменского пристава, капитана Манучарова, «далеко уступают по численности и по качеству доброты противу калмыцкому» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 179. Л. 37). Все собственники скота активно практикуют заготовку сена на зимний период, которое используется для прокорма только заболевшей скотины, ценных пород лошадей и дойных коров.

Границами Большедербетовского улуса служат: на севере — озеро Маныч и земли области Войска Донского, на западе — река Большой Егорлык, на юге — правый приток Большого Егорлыка Большой Го или Гок, на востоке — реки Яшалтинская балка и Заха-Джалга. Относительно почвенного состава, следует отметить его разнообразие от солончаков до черноземов (Львовский, 2022: 43, 46), что и предопределило развитие хозяйства калмыков по двум направлениям: традиционное скотоводство и земледелие. По данным, представленным улусным попечителем Десятовым, основным занятием населения являлось скотоводство. В 1864 г. в улусе земледелием никто не занимался. Часть скотоводческой продукции сбывалась на ярмарках в Ставропольской губернии. Изделия собственного ремесленного производства, как например, выделка овчин, посредством кислого молока с солью и т. п., калмыки использовали для личного потребления (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 179. Л. 93-93об.). Большедербетовский улус, по утверждению С. И. Манжос-Белого, «еще задолго до перечисления его к Ставропольской губернии подвергся хищническому заселению выходцами из России...» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1020. Л. 10). Крестьянская колонизация происходила на самых удобных землях улуса, отгесняя местное население.

Географическое положение административно-территориальных единиц Ставропольской губернии, находившихся под управлением Главного пристава кочующих народов, показывает его влияние на основные направления хозяйствования. Указанная корреляция является результатом адаптационной стратегии кочевников к природным условиям, т. е. там, где, возможно, население приобщается к земледельческому труду и заготовке корма для скота. На песчаных землях преимущественно сохраняется традиционное пастбищное скотоводство.

Оседлые поселения как следствие благоприятных географических условий. Имеющее место в историографической науке утверждение с точки зрения теории крайнего ориентализма «о крайней лени и праздности» кочевников, как пишет Н.В. Львовский (Заблоцкий-Десятовский, 1838: 4; Львовский, 2022: 85) в отношении калмыков, не выдерживает никакой критики. Доказательством этому выступает процесс приобщения номадов к земледельческому труду. Причем не революционный, т. е. организованный со стороны государства, а эволюционный — путем постепенного развития. Единичные факты хлебопашества имели место в среде всех рассматриваемых народов. Или это происходило по примеру соседних народов, или в силу стремления и знаний отдельных акторов, но только при наличии благоприятных природно-климатических условий. Безусловно, факт имперской политики по переводу на оседлость в среде кочевников невозможно отрицать (Лиджиева 2023: 11-20). Тем более, как отмечает Ф.Л. Сеницын, «закономерно, что в России как «оседлом» государстве превалировало положительное восприятие перехода кочевников на оседлость». Оседание могло решить проблемы контроля за мобильным кочевым населением, усилить процессы его интеграции, улучшить налогообложение, сделать экономику «кочевых» регионов интенсивной» (Сеницын, 2021: 171). Так, по утверждению неизвестного автора, работа которого была опубликована в 1869 г. в официальном издании ставропольского губернского статистического комитета, из кочевых народов Ставропольской губернии трухмены более всего были «склонны к принятию оседлой жизни» (Трухмене, 1869: 181). Активные действия со стороны властей по переводу кочевников на оседлость привели к тому, что в среде трухменского народа, который по преимуществу кочевой, переход к оседлости отмечается с 1862 г. и к 1865 г. Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что в течение трех лет трухмены на Летней Ставке постепенно переходили к стационарному образу жизни.

Таблица 1. Количество оседлых поселений в Трухменском приставстве (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 179. Л. 36)

№	Название аулов	Количество домов	Численность населения	
			Мужчин	Женщин
1.	Казанский аул	49	135	108
2.	Бараханчукский	118	544	394
3.	На Куликовых копанях	48	117	116
4.	На Маштак Кулаке	70	258	199
5.	На Чур	55	161	117
6.	На Кучерли	89	414	286
7.	Итого:	429	1 689	1 220

Из описания пристава Манучарова следовало, что дома были построены из композиционного кирпича и накрыты соломой и землей, но какие-либо хозяйственные постройки отсутствовали и были далеки от дворов русских крестьян. По мнению чиновника, это объяснялось тем, что, во-первых,

образовались они в результате перехода на оседлость беднейшего туркменского населения; во-вторых, неурожай хлеба на протяжении трех лет подряд (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 179. Л. 36).

В ачикулак-джембойлуковском, едисанском и едишкульском народах, по данным на 1864 г., численность кочевого населения составила 17 969 человек, тогда как перешедших на оседлый образ жизни — 3 139 человек, проживавших в 683 домах (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 179. Л. 7).

Основная причина отсутствия оседлых поселений в Караногайской степи — это безводие. Основным ее источником являются копани, но и здесь она горько-соленая и едва пригодна к употреблению. И даже при таких условиях, по сведениям, представленным помощником караногайского пристава, появлялись стационарные постройки. Так, в 1864 г. на территории караногайской степи кочевало 3 250 кибиток, в которых проживало 6 045 семейств. В отчетном году караногайцы выстроили 50 саклей. Кроме того, с весны будущего года планировалось еще 190 семействами построить для себя стационарное жилье.

Виды хозяйствования в условиях адаптации к окружающей среде. При отсутствии возможностей к занятию хлебопашеством или каким-либо другим земледельческим трудом кочевники, стремясь обеспечить пропитание себе и своей семье, находили разные виды занятий, исходя не только из существующих потребностей, но и имеющихся навыков. Одной из популярных среди трухмен форм заработка являлся уход за овцами на основании договора с их хозяином. Стороны оговаривали количество овец и время, на которое заключался договор, по истечении которого хозяин, выручив деньги после продажи шерсти и приплода, старых, бракованных и яловых маток, делит с работником оставшихся овец в зависимости от условий. Например, хозяин берет 2/3, а работник — 1/3. По замечанию пристава Манучарова, «операция эта при добросовестности с обеих сторон и при счастливых обстоятельствах небезвыгодна как для хозяина, так и для трухменца» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 179. Л. 37об.). Еще одним видом дохода трухмен являлся перевоз за условную плату товаров из Моздока в Тифлис на верблюдах, где они сбывали последних по выгодным ценам. Наем на полевые работы в крестьянские села оставался основным видом работы трухмен-бедняков. Но именно в это время происходило приобщение кочевника к земледельческому труду.

Перевозка казенного провианта из Шандрюковской пристани в магазины левого крыла Северного Кавказа на условиях, заключенных с подрядчиками, и купеческих товаров из Кизляра в Астрахань, Владикавказ, Моздок, Темирхан Шуру, Пятигорск и Ставрополь и обратно в Кизляр. Закрывание Серебряковской пристани, как и существующих на ней провиантских складов, имело негативное влияние на благосостояние караногайцев.

В летний период караногайцы отправляются в казачьи станицы и поселения государственных крестьян для полевых работ по найму. В конце лета, когда созревает виноград и наступает время его сборки и выжимки вина, все беднейшее население ногайцев, численность которых доходит до шести тысяч, отправляется в Кизляр для работы в садах, которая продолжается до ноября месяца. С этого момента ногайцы возвращаются домой, запасаясь на зимний период мукой, калмыцким чаем и другими продуктами. При отсутствии навыков в каком-либо ремесле они остаются практически без заработка.

Некоторые ногайцы занимаются еще и рыбной ловлей во владельческих дачах, ястребиной и соколиной охотой. Последние два вида промысла, дающие ногайцу средства к существованию, представляют собой разновидность охоты с использованием прирученных птиц, стоимость которых составляет от 50 до 100 руб. серебром.

Уровень развития ремесла в обществах всех рассматриваемых кочевников не имеет товарного характера. Так, из отчета пристава следует, что ногайцы «делают чашки и другую домашнюю утварь, кровати; шьют сапоги и чевяки, ткнут серебряную тесемку, выделывают из серебра и меди украшения и женские принадлежности, как то: пряжки для пояса и для конской сбруи, серьги, кольца, делают кибитки и войлоки, женщины прядут шерсть и ткнут из нея домашнее белое сукно, чулки и проч.» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 179. Л. 24-24об.). Производство осуществляется для собственного потребления и для удовлетворения потребностей нужд соплеменников. Ремесленное производство, как утверждают чиновники, являлось в основной массе прерогативой людей, «неспособных по какому-либо увечью», т. е. имевших ограниченные возможности. Так, в обществе имели место мастера седельного дела, сапожного, серебряного и т. п. Наибольшим спросом как среди трухмен, так и калмыков и ногайцев, пользовалось производство кибиточных решеток.

Торговля на территории кочевых народов. Кочевой быт автохтонного населения обусловил отсутствие постоянных торговых лавок на их территории. Потребность в мануфактурных товарах, как и продуктах питания, например, чай, удовлетворялась посредством сначала заезжих купцов, потом открываемых ими же стационарных лавок. Скотоводческая продукция также пользовалась спросом, и ее сбывали в основном на ярмарках. Однако, по справедливому замечанию А. М. Хазанова, традиционная экономика не была ориентирована на получение прибыли (Хазанов, 2022: 26). Но такой способ был очень затратным, при отдаленности места ее проведения, и, как следствие, недоступным для большинства кочевников.

Вовлечение трухмен в торговый оборот, как и у соседних кочевых народов, имеет весьма незначительный характер. По этому поводу в одном из своих отчетных рапортов пристав

трухменского народа, по данным на 1 января 1857 г., докладывал о том, что каких-либо торговых заведений «никогда не было, и теперь нет» (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1633. Л. 40).

В 1864 г. на Летней Ставке в урочище Маштак Кулак был открыт еженедельный базар по пятницам, что стало результатом ходатайства чиновников инородческого управления, выдвинутого на основе решения общественного схода трухмен и казыларских татар, отметив, что они «при настоящем оседлом поселении очень нуждаются» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 79. Л. 3). С его открытием торговцы привозят калмыцкий чай, табак, а крестьяне — муку. В свою очередь трухменцы имеют возможность продать или обменять на продукты овчину, курпей, в малых объемах шерсть. Решениями общественных сходов на этом базаре были выстроены постоянные торговые лавочки и переданы в аренду, что само по себе расценивалось как развитие товарно-денежных отношений среди трухмен и как способ перехода их к оседлости. Последующий факт относительно торговых лавок, уже свершившийся спустя три десятилетия, характеризует общество трухмен как рационального собственника. Так, на общественном сходе трухменских трех родов, состоявшемся 26 февраля 1895 г. на Летней Ставке, был рассмотрен вопрос о расторжении договора аренды торговых лавок с моздокским армянином Залеевым (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1331. Л. 23 об-240б.).

31 августа 1894 г. канцелярия ставропольского губернатора направила трухменскому приставу уведомление «об учреждении при Летней Ставке по четвергам скотских базаров» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 79. Л. 5). На ярмарках трухмены продавали продукты скотоводческого хозяйства, пользующиеся спросом у иногородних промышленников (Гранкин, 2016: 140-141).

Первые торговые лавки, открытые караногайцами, появились только в 1864 г., тогда как ранее торговлей в степи занимались армяне. Торговля караногайцев заключалась в сбыте разного рода скота в окружных станицах и селениях, а также продаже курпьев, кож и шерсти. Взамен они покупали муку, калмыцкий чай (в год они потребляют свыше 40 тыс. кирпичей на сумму 80 тыс. руб. серебром), перец, бязь, ситец, курительный табак и прочие бытовые мелочи.

В начале XX в. расширение торговой деятельности в среде кочевых народов обуславливалось растущими его потребностями и в связи с переходом их на оседлый образ жизни, и с развитием земледельческого направления хозяйствования.

Государственные меры по повышению эффективности хозяйствования. В начале XIX в. моделирование системы управления инородческими территориями на южных окраинах государства сопровождалось внедрением ориентира на перевод кочевников на оседлость. И только спустя более полувека на основе сведений, представляемых из региона, этот курс несколько меняется. По этому поводу исследователь имперской истории России А.И. Миллер писал: «Практически всегда взаимодействие и взаимовлияние направлено не только из центра на периферию, но и наоборот» (Миллер, 2010: 114).

Исходя из географического положения, основной проблемой, характерной для большинства кочевников губернии, являлся дефицит воды при солончаковой и песчаной почве. Но если изменить тип почвы было практически невозможно, то решить вопрос водоснабжения было под силу губернским властям. Так, проблема обеспечения кочевников доброкачественной водой озаботила ставропольского губернатора Г.К. Властова, который в ноябре 1869 г. предложил главному приставу кочующих народов Я.А. Тимофееву разрешить ее путем создания абиссинских колодцев. С этой целью в степи были направлен специалист в этой области, младший чиновник особых поручений Макаровский «для изыскания посредством имеющегося у него бура и других инструментов, годной для употребления воды» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 406. Л. 7-8, 15). Этот путь не стал эффективным решением вопроса, при том что сами кочевники владели навыками поиска подземных вод и устройством копаней и колодцев.

Наверняка более действенным способом могло стать отведение вод из крупных рек каналами. Из рапорта попечителя Большедербетовского улуса, направленного в ноябре 1872 г. главному приставу Я.А. Тимофееву, следует, что для решения проблемы водоснабжения был разработан проект строительства канала, соединяющего речку Кубань с рекою Егорлыком. Этот проект был направлен на «улучшение скотопромышленности жителей сел, прилегающих к р. Большому Егорлыку, и чтобы избавить их от убытка, которому они подвергаются через ежегодный падеж скота от дурного водопоя через обмеление и ежегодное пересыхание в летнее время р. Егорлыка» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 406. Л. 40). К сожалению, проект не получил одобрения.

Еще одной попыткой решения проблемы водоснабжения стало принятие обществом туркменского народа двух приговоров, сначала в 1902 г., а затем в 1904 г., об ассигновании 34 тыс. руб. на постройку водопровода на Летней Трухменской Ставке. По первому проекту предполагалось привести воду из аула маштак Кулак, а по второму из аула Чур. Впоследствии эти проекты были признаны не «рискованными», ввиду признания воды непригодной к употреблению. Средства были перенаправлены на строительство артезианских колодцев (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1673. Л. 7). В результате и в начале XX в. традиционные способы добычи воды, используемые кочевниками, сохраняли свою актуальность.

Следующим направлением деятельности губернских и столичных властей по повышению эффективности хозяйства кочевых народов стало скотоводство. Экстенсивный способ удовлетворял

потребности номадов при прежних обширных пастбищных угодьях. Крестьянская колонизация, активизировавшаяся после 60-х гг. XIX в., заметно сократила территорию кочевания и повлияла на качество скотоводческой продукции. Так, в начале XX в. упадок скотоводческого хозяйства трухмен обратил на себя внимание ветеринарных врачей Управления кочующих народов. Ими были изучены условия его содержания и сделаны выводы о причинах упадка, заключавшегося «в ухудшении кормовых условий вследствие сильного сокращения пастбищных и сенокосных угодий в пользу распашки» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2091. Л. 104). Однако констатация подобного заключения была сделана только в начале XX в., а во второй половине XIX в. местная администрация попыталась наладить научное сопровождение скотоводческому направлению хозяйства, в рамках которого, прежде всего, проводились выставочные мероприятия, не только экспонирующие отдельные виды скота, но имевшие практическую составляющую. По поручению наместника Кавказского, великого князя Михаила Николаевича, в Тифлисе, при Кавказском обществе сельского хозяйства, планировалось 15 октября 1863 г. открыть выставку «всякого рода сельских и городских произведений Кавказа и Закавказья» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 114. Л. 3). В связи с предстоящим мероприятием 20 сентября 1863 г. гражданский губернатор, действительный статский советник К.Л. Пащенко, направил предписание главному приставу кочующих народов, полковнику В.П. Мевесу, с поручением «озаботиться составлением коллекций замечательных произведений и изделий кочующих народов». В положении о проведении выставки прописывалось обязательным требованием на указание стоимости каждого представленного на выставку предмета и их производимое в год количество. Так, впервые скотоводческая продукция, сопровождаемая приставом ачикулак-джембойлуковского, едисанского и едишкульского народов П. О. Рудановским, приняла участие в выставочном мероприятии (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 114. Л. 16).

Общество туркменского народа 10-14 ноября 1910 г. направило на рассмотрение приговор об устройстве ежегодных выставок животноводства на Летней Ставке. По мнению управляющего туркменским племенным рассадником, животноводческие выставки, «устраиваемые ежегодно в определенных местах и в одно и то же время», имеют «громадное образовательное значение для народа» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2060. Л. 1). Новость об учреждении выставки стала знаменательным событием для всех заинтересованных сторон. По этому поводу ветеринарное отделение Ставропольского губернского правления поспешило поздравить инородческое управление. В письме отмечалось, что «устройство выставок, как целесообразная поощрительная мера в деле прогрессивного улучшения животноводства, может быть только приветствуемо» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2060. Л. 35). В Положении о ежегодных районных выставках животноводства, устраиваемых обществом туркменского народа на Летней Туркменской ставке Туркменского приставства Ставропольской губернии, ее задачами были определены: 1) привлечение внимания населения к методам улучшения животноводства и 2) ознакомление его с результатами мер по улучшению производительности домашних животных. Временем ее устройства определялся трехдневный период во время конных скачек. Кроме того, в положении были определены правила выставки и проведения экспертизы, размер премий и программа мероприятия (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2060. Л. 6).

25 мая 1911 г. на Летней Трухменской ставке была уже открыта трехдневная выставка животноводства. По оценке ставропольского губернского ветеринарного инспектора, «несмотря на свои скромные размеры, выставка эта, тем не менее, представляет собой выдающееся событие для местной экономической жизни, как первая в губернии выставка всех отделов животноводства» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2078. Л. 2). Летом того же года общество едисанских ногайцев приняло решение о принятии участия на выставке в г. Екатеринославле «с несколькими экземплярами скота местного племенного рассадника» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2078. Л. 190б.).

Практическое значение выставочных мероприятий для улучшения хозяйства, подведомственного Управлению кочевых народов, осознавалось губернскими властями, которые стремились донести и до кочевников их суть и экономические последствия. Например, в апреле 1911 г. управляющий Туркменским племенным рассадником, в своем письме к главному приставу кочующих народов, настоятельно прося содействия для организации участия в ставропольской выставке животноводства «экспонатов из инородческих племенных рассадников», отмечал, что «это крайне желательно и необходимо» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2088. Л. 30). Далее автор письма, хорошо владевший сведениями о состоянии скотоводческой отрасли хозяйства на инородческой территории, указывал на необходимость командировать голову турхменского народа Ису Беркетиева, переводчика Эреджепа Ниязикева и старшину аула Маштак Кулак Бекей Караева. За время выставочных дней эти представители не только будут осуществлять надзор за скотом, но и «ознакомятся со многими полезными для себя материалами» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2088. Л. 31).

Для участия в мероприятиях подобного рода направлялись не только профильные специалисты, как ветеринарные врачи, но и чиновники инородческого управления. Так, гражданский губернатор Б. М. Янушевич, направляя предписание на имя главного пристава кочующих народов А. А. Польского для участия в I Всероссийской выставке по овцеводству, состоявшейся в Москве с 23 по 29 сентября 1912 г., отмечал ее значимость «для ознакомления с мероприятиями по улучшению

овцеводства, являющегося основной отраслью хозяйства вверенных Вам инородцев» (Ф. 249. Оп. 2. Д. 2137. Л. 16).

Утилитарная цель поездки скотоводов заключалась именно в получении знаний, основанных не на многолетних наблюдениях и традиционном способе разведения скота, что также немаловажно, но и на актуальных достижениях ветеринарной медицины. Закономерным следствием такой политики стало повышение продуктивности скотоводческого направления хозяйствования кочевых инородцев, о чем свидетельствует заинтересованность крупных торговцев мясной продукцией в поставках скота инородцами. В октябре 1909 г. Контора имени генерала от артиллерии Леонида Ефимовича Адамовича, проектируя строительство холодильного склада американского типа, скотобойни и утилизационных заводов в Новороссийске, обратилась в инородческое управление с просьбой предоставить сведения о масштабах скотоводческого хозяйства. Ответ, подготовленный ветеринарным врачом Управления, содержал весьма не позитивный прогноз развития отрасли, обусловленный, по его утверждению, «естественным и неизбежным следствием переходного состояния экономической жизни населения от скотоводческой формы хозяйствования к земледельческой, ежегодно захватывающей под культуру хлебных растений все большую площадь целинных земель» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1933. Л. 32).

Запущенная властями мера по приобщению кочевников к земледельческому труду и, как следствие, переход на оседлый образ жизни имел целый комплекс задач, которые необходимо было преодолеть: начиная от воспитания умений и навыков работы с землей у кочевников, до обеспечения необходимыми средствами и условиями. Последнее требовало решения вопроса с природными факторами, прежде всего, водоснабжения, а также никто не отменял опустынивания, как результат антропогенного фактора. Так, например, Главный пристав кочующих народов А. А. Польский в 1906 г., оценив степень перехода калмыков на оседлость, отметил одно из препятствий данного процесса. Так, он писал: «Калмыки вверенного мне Большедербетовского улуса, начавшие покидать кочевую жизнь еще в 70-х гг. прошлого столетия, достаточно уже укрепились к земле и обоседалились, но они еще далеко не все приучились к правильному хозяйству и земледелию. Развитию и упрочению в них сельского хозяйства отчасти препятствует отсутствие у большинства из них многих поименованных выше надворных построек» (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1760. Л. 58).

Становление научного подхода к изучению климатических условий в степях Ставропольской губернии в конце XIX — начале XX в. осуществлялось за счет средств кочевых народов. Осознавая необходимость исследования восточной части Ставропольской губернии, Тифлисская физическая обсерватория предложила устроить в этом районе несколько метеорологических станций. В свою очередь губернский статистический комитет обратился в инородческое управление с просьбой о содействии в этом вопросе. И уже первые общественные приговоры об устройстве их на Ачикулаке поступили 1 июня 1898 г. главному приставу кочующих народов, капитану М. Е. Коневскому, от едишкульско-джембойлуковского и едисанского народов (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1455. Л. 14).

Положительный опыт деятельности метеорологических станций обусловил повторное обращение со стороны обсерватории к Губернскому статистическому комитету. В свою очередь последний 22 августа 1907 г. направил главному приставу кочующих народов, надворному советнику А. А. Польскому, просьбу изыскать средства для устройства на территории Туркменского приставства метеорологических станций (ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1455. Л. 55).

5. Заключение

Таким образом, ставшее аксимой требование столичных властей о переводе кочевников на оседлость стало пересматриваться по мере узнавания региона, а главное, его природно-климатических условий. Однако распространившееся утверждение о необходимости приобщения кочевников к земледельческому труду на протяжении всего XIX столетия привело к своим не только позитивным, но и негативным последствиям. Традиционная система пастбищного скотоводства, сложившаяся в результате многолетней адаптационной стратегии поведения кочевых инородцев к природным условиям территории кочевания, минимизировала антропогенное воздействие. Распространение пашенного земледелия среди кочевников являлось в своем большинстве результатом приспособления, но уже к политике властей. Со второй половины XIX в. происходит изменение приоритетов в политике властей в отношении кочевых инородцев. Сущность нового направления заключалась в попытке повышения эффективности скотоводческого хозяйства, что дало определенные позитивные результаты. Привлекая профессиональную помощь за счет средств общественного капитала, общества инородцев постепенно приобщаются к селекционному скотоводству, садоводству, бахчеводству и огородничеству.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00313, <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Литература

- Абазов, Нахушева, 2020** — Абазов А.Х., Нахушева И.Р. Приставские управления на Северном Кавказе в последней трети XVIII — первой половине XIX века: эволюция деятельности // *Научный диалог*. 2020. № 8. С. 287-300.
- Акты..., 1873** — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Главного управления Наместника Кавказского. Т. V. № 1001. Под ред. д. с. с. А. Д Берже. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1873. С. 877-880.
- Ананьев, 1894** — Ананьев Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни / *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Издание Управления Кавказского Учебного округа*. Вып. 20. Тифлис: тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и Козловского, 1894. С. 35-36.
- Бентковский, 1879** — Бентковский И.В. Наши кочевники и их экономическое состояние // *Ставропольские губернские ведомости*. 1879. № 32. С. 34-35.
- Бентковский, 1883** — Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1. Ставрополь: тип. Губернского правления, 1883. 134 с.
- Брусина, 2023** — Брусина О. И. Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркмен в XIX-XX вв. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023. № 2(75). С. 62-71.
- ГАСК** — Государственный архив Ставропольского края.
- Гранкин, 2016** — Гранкин Ю.Ю. Роль хозяйственно-торговых связей в процессе вхождения Северного Кавказа в экономическую систему России (первая половина XIX в.) / *Университетские чтения — 2016: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ, Пятигорск, 14–15 января 2016 года*. Том Часть X. — Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. С. 138-146.
- Джумагулова, 2022** — Джумагулова А.Т. Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков // *Научный диалог*. 2022. № 11(7). С. 377-397.
- Дуброва, 1998** — Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Заблоцкий-Десятовский, 1838** — Заблоцкий-Десятовский П.П. Путевые записки из Астрахани, чрез Кизляр, в Баку, в 1835-1836 годах // *Журнал Министерства Внутренних Дел*. 1838. № 7. С. 1-64.
- Избасарова, Любичанковский, 2018** — Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В. Приставства на окраине Российской империи в XVIII — первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // *Российская история*. 2018. № 2. С. 13-21.
- Калмыков и др., 1988** — Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во Карачаево-Черкесское отделение, 1988. 232 с.
- Капельгородский, 1914** — Капельгородский Ф.О. Караногай // *Записки Терского общества любителей казачьей старины*. 1914. № 10. С. 43-53.
- Кидирнязов, 2018** — Кидирнязов Д.С. Торгово-экономические и культурные взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа (XVIII-XIX вв.). Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2018. 168 с.
- Клычников, 2023** — Клычников Ю.Ю. Интеграционные процессы на Северном Кавказе: потребности, возможности, практика // *Новое прошлое*. 2023. № 1. С. 234-246.
- Команджаев, 1999** — Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX — начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
- Курбанов, 1995** — Курбанов А.В. Ставропольские туркмены: историко-этнографические очерки. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 237 с.
- Ланко, 1868** — Ланко П.З. Отрывки из записок о калмыках Большедербетовского улуса // *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии*. Ставрополь: тип. Губернского правления, 1868. Вып. 1. С. 73-81.
- Лебединский, 1925** — Лебединский А.А. Большедербетовский улус во второй половине XIX века: социально-экономический очерк // *Калмыцкая область*. 1925. № 2. С. 99-123.
- Лиджиева, 2023** — Лиджиева И.В. «Приохочивать к оседлости»: имперская политика на инородческих территориях // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023. № 2(75). С. 11-20.
- Львовский, 2022** — Львовский Н.В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. 2-е изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 156 с.
- Миллер, 2010** — Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.
- Очиров, 2023** — Очиров Б.В. Население Большедербетовского улуса в условиях перехода к оседлости во второй половине XIX в. // *Научный диалог*. 2023. Т. 12. № 8. С. 455-471.
- Петухов, 1911** — Петухов П. Описание части Кавказской области между реками Егорлык, Калаусом и Манычем, составленное капитаном Петуховым в 1843 году // *Труды Ставропольской ученой архивной комиссии*. 1911. Вып. 1. С. 1-14.

Самойлов, 1881 — *Самойлов А.А.* Сведения об инородцах-магометанах Ставропольской губернии, собранные Главным приставом подполковником Самойловым. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1881. 56 с.

Синицын, 2021 — *Синицын Ф.Л.* Россия и кочевники. От древности до революции М.: Вече, 2021. 288 с.

Урушадзе, 2011 — *Урушадзе А.Т.* Кабарда в политике А. П. Ермолова на Кавказе: значение и особенности // *Былые годы.* 2011. № 4 (22). С. 12-16.

Фарфоровский, 1909 — *Фарфоровский С.В.* Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис: тип. К. П. Козловского, 1909. 34 с.

Фарфоровский, 1911 — *Фарфоровский С.В.* Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии. Казань: типо-лит. Император. Ун-та, 1911. 42 с.

Фарфоровский, 1908 — *Фарфоровский С.В.* Полукочевые народы Северного Кавказа (опыт историко-культурной монографии). Калмыки Ставропольской губернии. Ставрополь: Б.и., 42 с.

Хазанов, 2022 — *Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе / *Кочевая альтернатива социальной эволюции.* М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, 2022. С. 25-42.

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Эрдниев, 1985 — *Эрдниев У.Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1985. 282 с.

References

Abazov, Nakhushева, 2020 — *Abazov, A.Kh., Nakhushева, I.R.* (2020). Pristavskie upravleniya na Severnom Kavkaze v poslednei treti XVIII — pervoi polovine XIX veka: evolyutsiya deyatelnosti [Bailiffs' Offices in the North Caucasus in the Last Third of the 18th — First Half of the 19th Centuries: Evolution of Activity]. *Nauchnyi dialog.* 8: 287-300. [in Russian]

Akty..., 1873 — Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei. Arkhiv Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus]. T. V. № 1001. Pod red. d. s. s. A. D Berzhe. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo. Pp. 877-880. [in Russian]

Anan'ev, 1894 — *Anan'ev, A. G.* (1894). Karanogaitsy, ikh byt i obraz zhizni [Karanogais, their way of life and way of life]. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnoitei i plemen Kavkaza. Izdanie Upravleniya Kavkazskogo Uchebnogo okruga. Vyp. 20. Tiflis: tip. kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze i Kozlovskogo. Pp. 35-36. [in Russian]

Bentkovskii, 1879 — *Bentkovskii, I.V.* (1879). Nashi kochevniki i ikh ekonomicheskoe sostoyanie [Our nomads and their economic condition]. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti.* 32: 34-35. [in Russian]

Bentkovskii, 1883 — *Bentkovskii, I.V.* (1883). Istoriko-Statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoi gubernii. Nogaitsy. Ch. 1. [Historical and Statistical Review of Mohammedan Foreigners Wandering in the Stavropol Province. Nogais. Part 1.]. Stavropol': tip. Gubernskogo pravleniya. 134 p. [in Russian]

Brusina, 2023 — *Brusina, O.I.* (2023). Transformatsiya kochevogo obraza zhizni stavropol'skikh turkmenov v XIX-XX vv. [The Transformation of the Nomadic Lifestyle of the Stavropol Turkmens in the 19–20 Centuries]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura.* 2(75): 62-71. [in Russian]

Dubrova, 1998 — *Dubrova, Ya. P.* (1998). Byt kalmykov Stavropol'skoi gubernii [Life of the Kalmyks of the Stavropol province]. Elista: Kalm. kn. izd-vo. 181 p. [in Russian]

Dzhumagulova, 2022 — *Dzhumagulova, A. T.* (2022). Osobennosti sostoyaniya ekonomiki nogaiskikh obshchestv Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vekov [Features of State of Economy of Nogai Societies of North Caucasus in 19th – Early 20th Centuries]. *Nauchnyi dialog.* 11(7): 377-397. [in Russian]

Erdniev, 1985 — *Erdniev, U. E.* (1985). Kalmyki: istoriko-etnograficheskie ocherki [Kalmyks: historical and ethnographic essays]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izd-vo. 282 p. [in Russian]

Farforovskii, 1908 — *Farforovskii, S.V.* (1908). Polukochevye narody Severnogo Kavkaza (opyt istoriko-kul'turnoi monografii). Kalmyki Stavropol'skoi gubernii [Semi-nomadic peoples of the North Caucasus (experience of a historical and cultural monograph). Kalmyks of the Stavropol province]. Kalmyki Stavropol'skoi gubernii. Stavropol': B.i. 42 p. [in Russian]

Farforovskii, 1909 — *Farforovskii, S.V.* (1909). Nogaitsy Stavropol'skoi gubernii. Istoriko-etnograficheskii ocherk [Nogais of the Stavropol province. Historical and ethnographic essay Tiflis: tip. K. P. Kozlovskogo. 34 p. [in Russian]

Farforovskii, 1911 — *Farforovskii, S.V.* (1911). Trukhmeny (turkmeny) Stavropol'skoi gubernii [Trukhmeny (Turkmens) of the Stavropol province]. Kazan': tipo-lit. Imperator. Un-ta. 42 p. [in Russian]

GASK — Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja [State Archive of the Stavropol Territory].

Grankin, 2016 — *Grankin, Yu.Yu.* (2016). Rol' khozyaistvenno-torgovykh svyazei v protsesse vkhozhdeniya Severnogo Kavkaza v ekonomicheskuyu sistemu Rossii (pervaya polovina XIX v.) [The role of economic and trade relations in the process of the North Caucasus's entry into the Russian economic system (the first half of the XIXth century)]. *Universitetskie chteniya – 2016: Materialy nauchno-metodicheskikh*

- chtenii PGLU, Pyatigorsk, 14–15 yanvarya 2016 goda. Tom Chast' X. – Pyatigorsk: Pyatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, pp. 138-146. [in Russian]
- Izbasarova, Lyubichankovskii, 2018** — *Izbasarova, G.B., Lyubichankovskii, S.V.* (2018). Pristavstva na okraine Rossiiskoi imperii v XVIII — pervoi polovine XIX v.: ot administrativnogo litsa k sisteme upravleniya [Pristavstva on the Outskirts of the Russian Empire in the 18th - First Half of the 19th Century: From a Personal Position to a Management System]. *Rossiiskaia istoriia*. 2: 13-21. [in Russian]
- Kalmykov i dr., 1988** — *Kalmykov, I.Kh., Kereitov, R.Kh., Sikaliyev, A.I.* (1998). Nogaittsy [Nogaittsy]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie. 232 p. [in Russian]
- Kapel'gorodskii, 1914** — *Kapel'gorodskii, F.O.* (1914). Karanogai [Karanogay]. *Zapiski Terskogo obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny*. 10: 43-53. [in Russian]
- Khazanov, 2022** — *Khazanov, A.M.* (2022). Kochevniki evraziiskikh stepei v istoricheskoi retrospektive [Nomads of the Eurasian steppes in historical retrospect]. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noi evolyutsii*. M.: Tsentr tsivilizatsionnykh i regional'nykh issledovaniy, Institut Afriki RAN. Pp. 25-42. [in Russian]
- Kidirniyazov, 2018** — *Kidirniyazov, D.S.* (2018). Torgovo-ekonomicheskie i kul'turnye vzaimootnosheniya narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza (XVIII-XIX vv.) [Trade, economic and cultural relations between the peoples of Dagestan and the North Caucasus (18-19th centuries)]. Makhachkala: Dagestanskoe kn. izd-vo. 168 p. [in Russian]
- Klychnikov, 2023** — *Klychnikov, Yu.Yu.* (2023). Integratsionnye protsessy na Severnom Kavkaze: potrebnosti, vozmozhnosti, praktika [Integration processes in the North Caucasus: needs, opportunities, practice]. *Novoe proshloe*. 1: 234-246. [in Russian]
- Komandzhaev, 1999** — *Komandzhaev, A.N.* (1999). Khozyaistvo i sotsial'nye otnosheniya v Kalmykii v kontse XIX – nachale XX veka: istoricheskii opyt i sovremennost' [Economy and social relations in Kalmykia in the late XIX – early XX century: historical experience and modernity]. Elista: APP "Dzhangar", 262 p. [in Russian]
- Kurbanov, 1995** — *Kurbanov, A.V.* (1995). Stavropol'skie turkmeny: istoriko-etnograficheskie ocherki [Stavropol Turkmen: historical and ethnographic essays]. SPb.: Yazykovoi tsentr SPbGU. 237 p. [in Russian]
- Lanko, 1868** — *Lanko, P.Z.* (1868). Otryvki iz zapisok o kalmykakh Bol'shederbetovskogo ulusa [Excerpts from notes on the Kalmyks of Bolshederbetovskiy ulus]. Sbornik statisticheskikh svedenii o Stavropol'skoi gubernii. Stavropol': tip. Gubernskogo pravleniya. 1: 73-81. [in Russian]
- Lebedinskii, 1925** — *Lebedinskii, A.A.* (1925). Bol'shederbetovskii ulus vo vtoroi polovine XIX veka: sotsial'no-ekonomicheskii ocherk [Bolshederbetovskiy ulus in the second half of the 19th century: socio-economic essay]. *Kalmytskaya oblast'*. 2: 99-123. [in Russian]
- Lidzhieva, 2023** — *Lidzhieva, I.V.* (2023). «Priokhochivat' k osedlosti»: imperskaya politika na inorodcheskikh territoriyakh [“To Look Forward To Settlement”: Imperial Policy In Foreign Territories]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2(75): 11-20. [in Russian]
- L'vovskii, 2022** — *L'vovskii, N.V.* (2022). Kalmyki Bol'shederbetovskogo ulusa Stavropol'skoi gubernii. 2-e izd. [Kalmyks of the Bolshederbetovskiy ulus of the Stavropol province. 2nd ed.]. Elista: KalmSC RAS. 156 p. [in Russian]
- Miller, 2010** — *Miller, A.I.* (2010). Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov Empire and nationalism. An essay on the methodology of historical research]. M.: Novee literaturnoe obozrenie, 320 p. [in Russian]
- Ochirov, 2023** — *Ochirov, B.V.* (2023). Naselenie Bol'shederbetovskogo ulusa v usloviyakh perekhoda k osedlosti vo vtoroi polovine XIX v. [Population of Bolshederbetovskii Ulus of Kalmykia during Transition to Settled Life in Second Half of 19th Century]. *Nauchnyi dialog*. 8: 455-471. [in Russian]
- Petukhov, 1911** — *Petukhov, P.* (1911). Opisanie chasti Kavkazskoi oblasti mezhdru rekami Egorlykom, Kalausom i Manychem, sostavlennoi kapitanom Petukhovym v 1843 godu [Description of the part of the Caucasus region between the rivers Egorlyk, Kalaus and Manych, compiled by Captain Petukhov in 1843]. *Trudy Stavropol'skoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 1: 1-14. [in Russian]
- Samoilov, 1881** — *Samoilov, A. A.* (1881). Svedeniya ob inorodtsakh-magometanakh Stavropol'skoi gubernii, sobrannyye Glavnym pristavom podpolkovnikom Samoilovym [Information about the Muslim foreigners of the Stavropol province, collected by the Chief Bailiff, Lieutenant Colonel Samoilov]. Stavropol': Tipografiya Stavropol'skogo gubernskogo pravleniya. 56 p. [in Russian]
- Sinitsyn, 2021** — *Sinitsyn, F.L.* (2021). Rossiya i kochevniki. Ot drevnosti do revolyutsii [Russia and nomads. From antiquity to the revolution]. M.: Veche. 288 p. [in Russian]
- TsGIA SPb** — Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg].
- Urushadze, 2011** — *Urushadze, A.T.* (2011). Kabarda v politike A. P. Ermolova na kavkaze: znachenie i osobennosti [Kabarda in A. P. Ermolov's Policy in the Caucasus: Importance and Features]. *Bylye gody*. 4(22): 12-16. [in Russian]
- Zablotskii-Desyatovskii, 1838** — *Zablotskii-Desyatovskii, P.P.* (1838). Putevye zapiski iz Astrakhani, chrez Kizlyar, v Baku, v 1835-1836 godakh [Travel notes from Astrakhan, through Kizlyar, to Baku, in 1835-1836]. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del*. 7: 1-64. [in Russian]

Социально-экономическое развитие территории кочевых народов Ставропольской губернии в XIX – начале XX вв.

Ирина Владимировна Лиджиева ^{a, b, *}, Айгуль Темерхановна Джумагулова ^{b, c},
Юлия Сергеевна Шургучиева ^b, Баина Анатольевна Эрднеева ^b

^a Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация

^c Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация. Кочевые народы — калмыки, ногайцы и туркмены — в XIX – начале XX в. занимали южные периферийные территории Российской империи. В природно-климатическом отношении земли степного Предкавказья отличались разнообразием как почвенного состава, так и наличием водных источников. Целью данного исследования выступает изучение на основе анализа документов, выявленных в фондах Государственного архива Ставропольского края, проблемы хозяйственного развития территории кочевых народов Ставропольской губернии в контексте географического положения их кочевий и климатических условий. Интеграционная политика имперских властей в отношении кочевников ориентировалась на перевод их к оседлому образу жизни. Ряд мероприятий, направленных на распространение и поддержку земледелия в их среде, имел положительные достижения. Однако дальнейший практический опыт освоения целинных земель как новоявленными хлебопашцами, так и в ходе крестьянской колонизации имел не совсем позитивные последствия в виде распространения песков. В результате в ходе исследования авторы акцентируют внимание на изменение курса имперской политики в отношении хозяйственного развития территории кочевых народов. В заключении сделан вывод, что со второй половины XIX в. имперские власти пытались нивелировать последствия вторжения в традиционную среду кочевника путем организации мероприятий, направленных на повышение эффективности скотоводческого хозяйства, что дало определенные позитивные результаты. Предпринимаются попытки вопроса водоснабжения, организация выставочных мероприятий в области сельского хозяйства с активным привлечением инородцев. Привлекая профессиональную помощь за счет средств общественного капитала, общества инородцев постепенно приобщаются к селекционному скотоводству, садоводству, бахчеводству и огородничеству.

Ключевые слова: калмыки, ногайцы, туркмены, кочевые инородцы, хозяйственное развитие, скотоводство, земледелие, водоснабжение, животноводческие выставки.

* Корреспондирующий автор

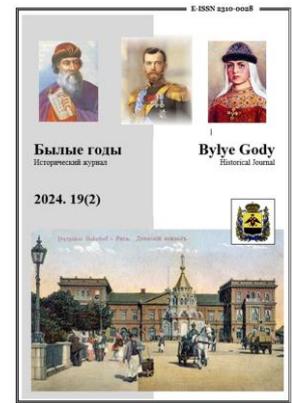
Адреса электронной почты: irina-lg@yandex.ru (И.В. Лиджиева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 783-791
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.783

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of the Field Breeding of the Landed Estates of the Russian Empire in the Post-Reform Period

Ruslan M. Zhitin ^{a, *}, Alexey G. Topilsky ^a

^a Derzhavin Tambov State University, Russian Federation

Abstract

After the abolition of serfdom and the deprivation of a number of privileges to the nobility, the main of which was free labor, landowners were forced to adapt to the realities of capitalist reality. No matter how painful the transitional forms of integration into the new management system (mining, use, introduction of a fallow system), the final result of the restructuring of private estates that had begun was to attract serfdom to developed economies. At the same time, all components of the landlord economy had to change on the way to progress – from the introduction of free hiring of workers and technical modernization of the economy to changing the land use system and rationalization of field cultivation. A systematic study of the administrative aspects of the estate's development in the second half of the 19th century is missing in historiography. Some aspects of this process can be traced back to pre-revolutionary writings. At the same time, a significant amount of source data, general statistical notes on the personnel of a number of estates were contained in zemstvo collections, which have not lost their significance so far. The success of the landlords' development of new forms of economic activity was significantly influenced by the global market situation. The reform of 1861 fell on a general decline in prices on the grain market. The influx of overseas grain into European ports (the main factor in the decline in trade) has ruined the Russian producer. In 1882–1890 export prices for Russian rye decreased by 35 %, wheat depreciated by 17 %. A feature of the post-reform modernization of the agrarian system of Russia was the gradual transition of ownership economies from old serf fiefdoms to capitalist competitive farms. To increase the efficiency of different types of estates, the owners had to modernize land use, carry out sectoral specialization of field farming, and attract new capital into production.

Keywords: Russian Empire, Novo-Pokrovskoye estate, Tambov province, nobility, modernization.

1. Введение

После отмены крепостного права и лишения дворянства целого ряда привилегий, главной из которых была бесплатная рабочая сила, землевладельцы были вынуждены приспосабливаться к реалиям капиталистической действительности. Какими бы ни были мучительными переходные формы интеграции в новую систему хозяйствования (отработки, исполщина, введение залежной системы), конечным итогом начавшейся перестройки частных имений должно было стать привлечение крепостнических вотчин в развитые экономики (Житин, 2018). При этом на пути к прогрессу должны были измениться все компоненты помещичьего хозяйства – от внедрения свободного найма работников и технико-технической модернизации хозяйства до изменения системы землепользования и рационализации полеводства. В условиях, когда пашня продолжала оставаться главным капиталом любого поместья, от успеха трансформации земледелия помещиков зависела результативность всей капиталистической модернизации поместий.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), VVZubov@fa.ru (V.V. Zubov)

2. Материалы и методы

Основными источниками исследования послужили материалы отдельного фонда документов Ново-Покровского имения, хранящиеся в Государственном архиве Тамбовской области (Тамбов, Российская Федерация). Важное значение для исследуемой темы имеют материалы поуздной сельскохозяйственной статистики в Тамбовской губернии, содержащие сведения о характере землепользования как помещиков, так и крестьян (*Сборник...*, 1890а; *Сборник...*, 1890b; *Сборник...*, 1880; *Сборник...*, 1891; *Сборник...*, 1894; *Сельскохозяйственные...*, 1890; *Справочные...*, 1916; *Стоимость...*, 1916). Материалы прессы отражают распространенные представления землевладельцев об опасениях использования новых методов севооборота (*Сельскохозяйственная жизнь*, 1914; *Южное хозяйство*, 1912). Метод контент-анализа материалов статистики позволил установить динамику распространения новых способов полеводства.

3. Обсуждение

Систематическое изучение полеводства в имениях второй половины XIX века недостаточно широко представлено в историографии. Отдельные аспекты данных процессов прослеживаются еще в дореволюционных трудах. Одновременно значительный объем источниковых данных, общие статистические заметки о ряде имений содержался в земских сборниках, не утративших своего значения до сих пор (*Сборник...*, 1891).

В советской историографии изучение полеводства имений было фрагментарно представлено в общих трудах по истории сельского хозяйства. Исследователи отмечали отсутствие систематической статистики по имениям в изучаемый период закрытостью части статистики помещиков для официальных правительственных обследований (*Анфимов*, 1969: 289). Частично этот пробел решался благодаря работе над микроуровневыми исследованиями имений, позволяющими детально изучить особенности экономической и социальной модернизации поместий. В монографических описаниях поместий дворянской элиты конца XIX – начала XX вв., выполненных Л.П. Минарик, показана высокая роль управляющих в успешном развитии экономий (*Минарик*, 1971).

На современном этапе развития историографии изучением землепользования помещиков занимаются в рамках общих трудов по истории имений (*Мезенина*, 2007).

4. Результаты

Нельзя сказать, что российские помещики не были готовы к внедрению новых систем землепользования, применению интенсивных севооборотов и продуктивных посадочных культур. Еще до реформы 1861 года многие владельцы-рационализаторы пытались трансформировать свое земледелие на западный манер: в имение завозился новый посадочный материал, закупался усовершенствованный инвентарь, модернизировалась классическая трехполка (*Сельскохозяйственная жизнь*, 1914: 751). Достаточно современное сельское хозяйство еще в крепостной России смогли создать в своей Усольской вотчине Орловы-Давыдовы. В качестве основы они использовали опыт вольнонаемного труда и аренды, широкое вовлечение поместья в товарные, рыночные отношения. В их хозяйстве работал крупный заводской комплекс, состоящий из нескольких мукомольных предприятий, а также активно применялись технологии травосеяния и плодосмена. Не в последнюю очередь высокий экономический эффект объяснялся грамотным администрированием собственностью. Вотчина управлялась вольнонаемым управляющим, наделенным обширными полномочиями в хозяйственных вопросах. Для повышения эффективности его работы владельцы устраивали периодические ревизии, однако значительных изъянов в деятельности местной конторы обнаружено не были (*Кремер*, 2004: 16-17). Описывая перемены в имениях, подобных Усольской вотчине, граф Ф.В. Ростопчин писал: «Теперь появилась скороспелая мода на английское земледелие, и английский фермер столь же начинает быть нужным многим русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские в домах окна и скаковые лошади в запряжке» (*Ростопчин*, 1806: 41). И хотя рационализация дореформенных хозяйств была скорее исключительным явлением и не охватывала всего комплекса аграрных отношений до 1861 г. (*Козлов*, 2002: 43), организация образцовых вотчин, основанная на новаторских способах производственной деятельности, выказывала возможности успешной предпринимательской деятельности даже в условиях крепостнической России (*Козлов*, 2002: 384).

Современники ожидали, что сразу после отмены крепостного права помещики быстро перейдут на новые системы аграрного производства и активно начнут обустривать свои имения. Однако даже спустя 30 лет после реформы разительных перемен в хозяйственной деятельности владельцев не произошло (*Советов*, 1950: 381). В 1899 году помещик П.И. Левицкий с сожалением констатировал, что травосеяние было совсем «забыто, и притом именно хозяевами, от которых как бы отлетело всякое творчество в их области» (*Левицкий*, 1899: 43). При этом, по его наблюдению, «лет 20-25 тому назад в нашей было заметно сильное движение к развитию травосеяния, но затем, лет 10-15 тому назад, отчасти от сельскохозяйственных невзгод вообще, отчасти оттого, что именно в области травосеяния произошли некоторые неблагоприятия, к нему охладели, и редкое хозяйство теперь не

оставило многополья и не представляет собой реакции назад, т. е. не вернулось к прежнему трехполью или, реже, к четырехполью» (Левицкий, 1899: 44).

На успешность освоения помещиками новых форм хозяйственной деятельности существенно влияла мировая рыночная конъюнктура. Реформа 1861 года пришлась на общее понижение цен на хлебном рынке (Анненский, 1898). Начавшийся приток в европейские порты заокеанского зерна (главный фактор падения торговли) разорил российского производителя. В 1882–1890 гг. экспортные цены на российскую рожь снизились на 35 %, пшеница обесценилась на 17 % (РГИА. Ф. 268. Оп 2. Д. 1424. Л. 77). При этом уменьшение стоимости зерна отражалось в основном на высшем сословии, являвшемся в те годы основным производителем и поставщиком аграрной продукции (Бекетов, 1890: 43). Кризис не только разорял «массы собственников» но и проводил к «крупной ломке устоявшихся отношений собственности ... вел к техническому регрессу» (Минарик, 1971: 11). По данным центрального статистического комитета, в конце XIX века посевы ржи (основной культуры помещичьих имений) только в южных губерниях страны могли давать незначительную прибыль (4-6 руб. на десятину). На Левобережной Украине ее производство приносили убытки в 2-8 руб. на десятину, в черноземных губерниях – в 1-10 руб. на десятину. Аналогичная картина наблюдалась в отношении овса и даже озимой пшеницы (Сельскохозяйственные..., 1890: 13).

Общеизвестно, что в пореформенное время севообороты территории Европейской части России устанавливались в зависимости от возможностей арендных раздач помещиков. Как правило, на своей запашке владелец располагал развитым многопольем, включающим как травосеяние, так и возделывание технических культур. На землях, отданных в аренду, продолжало господствовать трехполье. В классическом варианте такой способ полеводства применялся в экономии Е.Н. Тевяшовой (Острогожский уезд Воронежской губернии). Оставив в собственном пользовании 1635 десятин пашни (12-польный севооборот), хозяйка выделила окрестным крестьянам 1700 десятин, обрабатываемых по трехпольной технологии (Тевяшов, 1907: 96). Журнал «Южное хозяйство» писал: «Теперь, когда в хозяйствах в большинстве случаев никакого чередования растений почти нет, хозяевам аренда земли с определенным чередованием полей кажется трудной и даже непонятной...» (Южное хозяйство, 1912: 4-6).

Сам факт огромной разницы урожаев на экономической запашке и на тех площадях, которые отдавались в аренду, широко известен из земской статистической литературы. Возьмем, к примеру, поместье Озеры В.И. Канкрина (Волынская губерния). На местной экономической запашке средняя урожайность ржи оценивалась в 65 пуд. на десятину, овса – в 70 пуд. с десятины. В это же время волынские крестьяне собирали со взятой у помещика земли соответственно 21 и 24 пуда с одной десятины. Таким образом, продуктивность полеводства владельца оказывалась в три раза выше общинников (Минарик, 1971: 128).

В конце XIX века установка на возделывание арендной пашни по трехпольной системе оказывалась чрезвычайно популярной и в Тамбовской губернии. В этом случае обработка земли оставалась на совести крестьян, вольных использовать здесь любые технико-технические средства и сеять любые культуры (кроме масленичных) (Сборник..., 1894: 19). Посевы данных растений были достаточно выгодными для арендаторов, но тамбовские землевладельцы запрещали их возделывание из-за сильного воздействия на почву. Сдавая свои десятины в аренду, местные собственники разрешали посевы технических культур только на части арендованной земли. Например, подсолнух разрешали сеять на одной трети выделенной площади. Другие помещики допускали возделывание масленичных «на одну половину ярового поля, или на какой-нибудь незначительной части» (Сборник..., 1894: 42). Были и другие условия. Так, помещики Тамбовской губернии позволяли засеивать четвертую часть ярового поля подсолнечником, однако после уборки урожая головки растений должны были быть запаханы в почву.

Такие ограничения имели под собой ряд рациональных оснований. Учитывая, что крестьяне, берущие землю в аренду, стремились «сколько возможно вынуть из чужой земли, вложив туда как можно меньше», помещики стремились в первую очередь сохранить плодородие своих почв. Особенно сильно прогорали те владельцы, которые заключали контракты с крестьянами на один год. «Понятное дело, – отмечали земские корреспонденты, – что крестьянин не улучшит чужую землю, которую держит одно только лето; не его дело сохранить в ней урожайность; напротив, его прямая выгода требует истощить ее как можно больше. Но если она истощается, если чистейшие свойства ее ухудшаются при таком порядке, чего мы, конечно, оспаривать не можем, то естественно, ценность ее падает, несмотря на то, что арендный доход увеличивается» (Сборник..., 1880: 59).

Однако не об одном только плодородии почвы думали помещики. Как правило, арендаторами частных земель на один посев были малоземельные крестьяне соседних селений, для которых владельческие десятины служили средством прокормления семьи. В этом случае бедные общинники вынуждены были заключать договор по максимально высоким (по сравнению с крупной долгосрочной арендой) ценам. По официальным данным, в 1901 г. за один одногодичный договор крестьяне платили 7,1-7,9 руб. (за десятину), за трехгодичный – 5,7-7,3 руб., за шестигодичный – 4,8-6,6 руб. (Минарик, 1971: 95).

Анализ арендных отношений на микроуровне отдельных имений показывает еще большую разницу в оплате помещичьих десятин. В 1900 г. в Эртильской экономии В.Н. Орлова (Воронежской губернии) местные крестьяне, арендующие участки имения сроком на 6-7 лет, платили по 8 руб. за десятину. В случае однолетней аренды ее стоимость возрастала до 30 руб. Сформировавшиеся условия аграрного капитализма в России были таковы, что данными преимуществами пользовались в основном крупные владельцы (РГИА. Ф. 593. оп. 6. Д. 178. Л. 63). По свидетельству Л.П. Минарик, чем больше было собственное хозяйство, тем мельче были арендуемые участки. В Ракитянском имении Юсуповых (Курская губерния) в начале XX в. на каждого арендатора приходилось по 0,3 дес. пахотной земли, в Карловском поместье Мекленбург-Стрелицких (Полтавская губерния) – по 0,1-1 дес, в Мошногородиченском владении Балашовых – по 1 дес. (Минарик, 1971: 95). В обширном хозяйстве А.В. Орлова-Давыдова 75 % арендных контрактов также заключалось на один посев. Таким образом, высокая стоимость краткосрочной аренды перекрывала для владельцев все минусы таких раздач (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-5).

С нормализацией мировой сельскохозяйственной конъюнктуры модернизация владельческого полеводства пошла быстрее. Наибольшую популярность получили практики улучшения классического трехполья путем включения в севооборот ярового клина. В ряде богатых имений, развивавших техническое направление производства (свекла, картофель, табак и т.д.), началось активное внедрение плодосмена. При этом даже в начале XX века все помещичьи хозяйства Европейской России характеризовались одним правилом: пока одна часть владельцев пытается рационализировать свои поместья, другая упорно держалась старых привычек. В 1914 году были опубликованы сведения о землевладении 4561 сельского хозяйства разных регионов страны (Анфимов, 1969: 193). Согласно полученным данным, 40 % помещиков перед началом Первой мировой войны продолжали эксплуатировать классическое трехполье, остальные перешли на зерновое и травяное многополье (Стоимость..., 1916: 442). Площадь под разными видами хозяйственной деятельности распределилась следующим образом: под трехполем – 117 тыс. дес. (1,8 %), под многополем – 270,5 тыс. дес. (50,5 %), под залежью – 8,4 тыс. дес. (27,7 %). Всего было обследовано более 500 тыс. дес. (Минарик, 1971: 84).

Многие помещики, воспользовавшись повышением хлебных цен, смогли значительно расширить собственное производство. Значительных успехов в деле модернизации достиг П.И. Харитоненко. В начале XX века в его 10 латифундиях, преимущественно расположенных в Черноземных и Южноукраинских губерниях России, насчитывалось 89 тыс. дес. земли. В 1912 году объем собственной запашки достиг 66 тыс. дес., а общий расход владельца на единицу озимой пшеницы составил 64 руб. (один из самых высоких показателей в стране) (Стоимость..., 1916: 370). Аналогичным образом развивалось и владельческое хозяйство рода Терещенко. Площадь землевладения их 10 имений в начале XX века объединила 122 тыс. дес., из которых не менее 75 тыс. дес. было отдано под посевы. Собственное капиталистическое хозяйство велось на 95 % пашни, в аренду крестьянам сдавалось только 5 % пахотных угодий (3882 дес.). Характерно и то, что более 66 тыс. дес. местного комплекса обрабатывались собственными средствами, и только 4983 дес. – крестьянским инвентарем (сдельно или в виде отработок) (РГИА. Ф. 830. Оп. 1. Д. 834. Л. 5-6). В целом капиталистическая система имений семьи Терещенко объединяла 93 % их экономической запашки.

Экономическая модернизация крупнейших экономий страны стимулировала развитие всего аграрного комплекса помещиков. В 1900-1913 гг. на территории Европейской России площадь яровых посевов пшеницы увеличилась с 4 млн. до 5,5 млн. дес. Из 50 губерний заметный рост был замечен в 25. Аналогичные процессы наблюдались в других посевных компонентах полеводческой деятельности. В начале XX века производство озимой пшеницы возросло с 1,8 до 2 млн дес., при этом основной прирост давали южные регионы страны, включая Центральное Черноземье. Расширение совокупных посевов ячменя было еще более впечатляющим. Если в 1900 г. было засеяно почти 2 млн дес., то в 1913 гг. – 3,2 млн дес. (Анфимов, 1969: 204).

Признаком интенсификации частного полеводства стало увеличение посевов технических культур, в частности, картофеля. Если в 1900 году российские владельцы засевали 641,5 тыс. десятин картофелем, то в 1913 году они посадили уже более 840 тыс. дес. (Анфимов, 1969: 204). Наиболее активными в этом смысле были помещики черноземных регионов страны, особенно сильно вовлеченные в винокурение. Ради загрузки своих заводов необходимым сырьем они увеличивали картофельное производство и выводили из оборота другие культуры, в том числе технические. Так, в угоду расширения при заводских плантаций были уменьшены черноземные льняные посева (сокращение с 363 до 274 тыс. дес.) (Анфимов, 1969: 204).

Интересным явлением в условиях кризиса роста хлебных цен стали процессы специализации ряда российских имений по основным хлебам. Микроуровневые характеристики Ново-Покровского владения семьи Орловых-Давыдовых и Ракитянской экономии Юсуповых позволяют детализировать эти процессы.

Модернизация полеводческой системы Ново-Покровского имения началась в начале XX века. При А.В. Орлове-Давыдове была сокращена арендная раздача, заведен шестнадцатипольный севооборот (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 583. Д. 241). Покупка новой сельскохозяйственной техники и активное применение химических удобрений позволили увеличить производительность зерновых посевов с 69 до 77,1 пуда на 1 дес. При этом стратегия владельца была связана не с активизацией всех компонентов полеводства, а с выбором наиболее прибыльного из них. Результаты полеводческой деятельности владельца Ново-Покровки представлены в диаграмме 1 (ГАТО Ф. 195. Оп. 1. Д. 102).

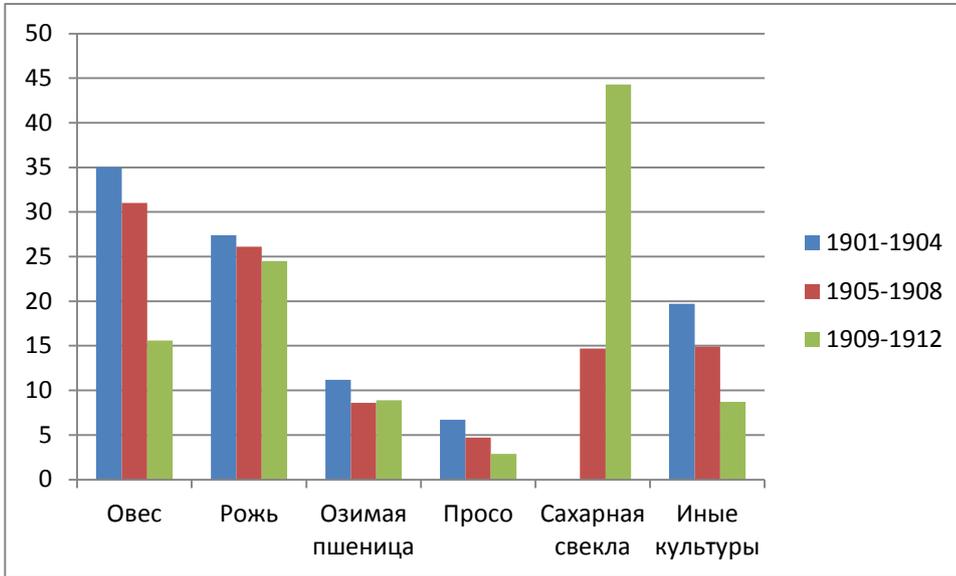

Рис. 1. Полеводческая специализация Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых в 1901–1912 гг. (%)

В 1901–1912 году в Ново-Покровском имении отчетливо прослеживаются два противоположных процесса: расширение свекловичных плантаций и сокращение производства всех остальных культур. За 12 лет площадь под зерновыми сократилась на 50 %, ее место заняли посевы свекловицы для нужд местного сахарного и рафинадного завода. При этом полностью извести все зерновое полеводство в имении не спешили. Несмотря на общее сокращение площади под всеми хлебами, сборы ржи уменьшились в наименьшей степени (на 3 %). В 1913 году она превращается во вторую по значимости ново-покровскую культуру. По всей видимости, высокая доходность от реализации ржаного зерна в Тамбовской губернии заставила владельца сохранить ее посевы в общей структуре местного хозяйства. Таким образом, характерной особенностью развития Ново-Покровской экономики в начале XX века стала специализация по наиболее экономически выгодным культурам (свекла, рожь).

В начале XX века процессы отраслевой специализации полеводства наблюдались в Ракитянском имении Юсуповых. Как и другие состоятельные помещики России начала XX века, в качестве драйвера местной экономики они выбрали сахарное производство. В 1895 г. здесь строится крупнейший в Курской губернии сахарный завод, расширяются местные свекловичные плантации. Для комплексной обработки посевов владелец приобретает сеялки типа «Универсал», активизирует насыщение земли фосфатными добавками (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ч. 2. Д. 1483. Л. 78). Стратегии владельца оказались оправданны. В 1900 г. только один Ракитянский завод принес ему 311 тыс. рублей. Доходность остальных 12 экономий помещика составила только 313 тыс. руб. (РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ч. 2. Д. 1483. Л. 78).

Как в Ново-Покровской, так и в Ракитянской экономике успех отраслевой специализации был тесно связан с интенсивностью применения различных типов удобрений. В начале XX века владельцы крупных поместий стали основными потребителями искусственных подпиток. По данным А.М. Анфимова, в 1912 г. в аграрной экономике России использовалось 35 млн. пудов туков, поставляемых на российский рынок из-за рубежа. При этом ежегодно в нашей стране производилось еще более 32 млн. пудов минеральных удобрений (Анфимов, 1969: 212). В распоряжении исследователей нет обобщенной статистики по потреблению разных видов добавок в помещичьем землепользовании. Однако отдельные дошедшие до нас примеры указывают на важность их применения в отдельных отраслях полеводства. Так, в 1900 г. в Карловском имении Мекленбург-Стрелецких на удобрения выделялось 17 тыс. руб. В 1913 г. владелец тратил уже 77,1 тыс. руб. (РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 915. Л. 1130б.). В 1900–1912 гг. расход Смеловского поместья Бобринских (Киевская

губерния) объем минерализации 1 десятины свекловицы возрос с 7 руб. 17 коп. до 13 руб. 24 коп. (Головня, 1913: 82).

В начале XX века крупнейшие экономия страны стали настоящими полигонами для испытания новых технологий в аграрном производстве. Например, в Земетчинском имении семьи Долгоруких (Тамбовская губерния) с целью выяснения влияния органических и неорганических подпиток на урожайность сахарной свеклы были заведены опытные поля (РГИА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 445. Л. 4). Значительных успехов достигло полеводство в тамбовской экономии Л.А. Астрыганьева (Сборник..., 1890а). Здесь практиковалось использование «случайно купленной» костяной муки. В имении Сосновка графа А.К. Бенкендорфа экспериментировали с использованием томас-шлака и 30 % калийной соли (Справочные..., 1916). В это же время в крупном поместье Таракса экспериментировали с выращиванием зеленого удобрения на выбракованных владельцем песчаных участках. В качестве основы травяной смеси применялись люпины, клевер, гречиха, сурепица (Сборник..., 1890б).

Активная модернизация помещичьей собственности в начале XX века способствовала повышению урожайности владельческих посевов. С 1861 по 1910 гг. производительность хлеба в частных имениях России выросла с 33 до 54 пудов (увеличение на 64 %). Некоторые поместья превратились в настоящие фабрики по производству зерна. Так, Каловское поместье ежегодно отгружало на внутренний рынок до 500 тыс. пудов зерновых. В десяти имениях Харитоненко валовые сборы хлеба достигали 3,5 млн пудов, 7 экономий Терещенко давали не менее 10 млн пудов (Минарик, 1971: 109-110). При этом следует учесть, что во всех перечисленных хозяйствах главной отраслью владельческого полеводства являлось выращивание свекловицы.

5. Заключение

Таким образом, особенностью пореформенной модернизации аграрного строя России стал постепенный переход владельческих экономий от старых крепостных вотчин к капиталистическим конкурентным хозяйствам. Для повышения эффективности разных типов имений владельцы должны были модернизировать землепользование, провести отраслевую специализацию полеводства, привлечь в производство новые капиталы. Однако известные успехи образцовых экономий на пути модернизации аграрного сектора не стали по-настоящему массовым явлением. Внедрению новаций долгое время мешал мировой сельскохозяйственный кризис, разоряющий помещичью экономику. Из-за низких цен на хлебном рынке владельцы предпочли не арендные раздачи земли, а расширение и улучшение собственной запашки. Эти процессы тормозили внедрение новых севооборотов, снижали технику аграрного производства. Только с восстановлением хлебной конъюнктуры начался качественно-количественный рост частного хозяйства. Помещики стали активно внедрять травосеяние, использовать новые орудия труда, повышать плодородие почвы с помощью удобрений. Рост производительности крупных имений в начале XX века свидетельствует о прогрессе частновладельческого сектора России, постепенно превращавшегося в локомотив аграрного развития страны.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 23-28-01782).

Литература

Анненский, 1898 – Анненский Н.Ф. Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства: / Под ред. проф. А.И. Чупрова. Т. 1. Санкт-Петербург, 1898. 532 с.

Анфимов, 1969 – Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство европейской России. (Конец XIX – начало XX в.). М., 1969. 394 с.

Бекетов, 1890 – Бекетов А.Н. Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Вольного экономического общества с 1865 до 1890 года: Сост. по поручению О-ва секр. его А.Н. Бекетовым. Санкт-Петербург, 1890. 200 с.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

Головня, 1913 – Головня В.Я. Смела: Краткое статистико-экономическое описание имений и заводов гр. Льва Алексеевича, Алексея, Андрея и Георгия Александровичей Бобринских в Киев. губ., для Всероссийской выставки 1913 г. в Киеве. Киев, 1913. 197 с.

Житин, 2018 – Житин Р.М. Модели хозяйственного развития помещичьих имений Центрально-Черноземного региона в конце XIX - начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 176. С. 146-153.

Козлов, 2002 – Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002. 557 с.

Кремер, 2004 – Кремер Н.Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых: 1768-1861 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Сам. гос. ун-т. Самара, 2004. 20 с.

- Левицкий, 1899** – Левицкий П.И. Письма из села Алексеевского (Чернского у.). Письмо XLVII // *Хозяин*. 1899. № 2. С. 42-48.
- Мезенина, 2007** – Мезенина Т.Г. Динамика и состав населения строгановских владений на Урале в XVIII – первой половине XIX века // *Вестник Челябинского государственного университета*. Серия 1: История, №. 3(81). 2007. С. 41-46.
- Минарик, 1971** – Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. Москва, 1971. 145 с.
- Растопчин, 1806** – Растопчин Ф.В. Плуг и соха: писанное степным дворянином. Москва, 1806. 45 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сборник..., 1890а** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 15: частное землевладение Моршанского уезда. Тамбов, 1890. 270 с.
- Сборник..., 1890б** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 14. Краткий свод данных о крестьянском населении, землевладении и хозяйстве по всей губернии. Тамбов, 1890. 244 с.
- Сборник..., 1880** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: отдел хозяйственной статистики. В 24 т. Т. 1. Борисоглебский уезд. Тамбов, 1880. 448 с.
- Сборник..., 1891** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. / Издание Тамбовского губернского земства. Т. 16. Частное землевладение Кирсановского уезда. Тамбов, 1891. 673 с.
- Сборник..., 1894** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Т. 19. Частное землевладение Тамбовского уезда. Тамбов, 1894. 370 с.
- Сельскохозяйственная..., 1914** – *Сельскохозяйственная жизнь*. 1914. № 3.
- Сельскохозяйственные..., 1890** – *Сельскохозяйственные* и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев: Вып. 3: Стоимость производства главнейших хлебов в Европейской России. Санкт-Петербург, 1890. 496 с.
- Советов, 1950** – Советов А.В. Избранные сочинения. Москва, 1950. 447 с.
- Справочные..., 1916** – Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах / МЗ. Деп. земледелия. Вып. 1. Петроград: тип. В.Ф. Киршбаума, 1916. 375 с.
- Стоимость..., 1916** – Стоимость производства главнейших хлебов: статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. 2: Итоги издержек производства ржи, пшеницы, овса, ячменя и некоторых других растений. Себестоимость. Петроград, 1916. 497 с.
- Тевяшов, 1907** – Тевяшов В.Н. Описание хозяйства Колыбельской экономии Е.Н. Тевяшова и наследников Н.Н. Тевяшова. Царское Село, 1907. 172 с.
- Южное хозяйство, 1912** – *Южное хозяйство*. 1912. № 22.

References

- Anfimov, 1969** – *Anfimov, A.M.* (1969). *Kрупное pomeshchich'e hozyajstvo evropejskoj Rossii.* (Konets XIX – nachalo XX v.) [Large landlord economy of European Russia. (Late XIX – early XX century)]. Moscow, 394 p. [in Russian]
- Annensky, 1898** – *Annensky, N.F.* (1898). *Stoimost' proizvodstva hleba v chastnovladel'cheskih hozyajstvah* [The cost of bread production in private farms]. *Vliyanie urozhaev i hlebnih cen na nekotorye storony russkogo narodnogo hozyajstva*. Pod red. prof. A.I. Chuprova. T. 1. Sankt-Peterburg, 532 p. [in Russian]
- Beketov, 1890** – *Beketov, A.N.* (1890). *Istoricheskij ocherk dvadcatipyatiletnej deyatel'nosti Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva s 1865 do 1890 goda: Sost. po porucheniyu O-va sekr. ego A.N. Beketovym* [Historical sketch of the twenty-five-year activity of the Free Economic Society from 1865 to 1890: Comp. on behalf of the Secr. his A.N. Beketov]. Sankt-Peterburg, 200 p. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [State Archive of the Tambov region].
- Golovnya, 1913** – *Golovnya, V.Y.* (1916). *Smela: Krat. stat.-ekon. opisanie imenij i zavodov gr. L'va Alekseevicha, Alekseya, Andreya i Georgiya Aleksandrovičej Bobrinskih v Kiev. gub., dlya Vseros. vyst. 1913 g. v Kieve* [Smela: Krat. stat.- econ. description of the estates and factories of gr. Lev Alekseevich, Alexey, Andrey and George Alexandrovich Bobrinsky in Kiev. gub., for All. vyst. 1913 in Kiev]. Kiev. 197 p. [in Russian]
- Kozlov, 2002** – *Kozlov, S.A.* (2002). *Agrarnye tradicii i novacii v doreformennoj Rossii (central'no-nechernozemnye gubernii)* [Agrarian traditions and innovations in pre-Reform Russia (Central non-Chernozem provinces)]. M., 557 p. [in Russian]
- Kremer, 2004** – *Kremer, N.B.* (2004). *Social'nye otnosheniya i organizaciya upravleniya v krepstnoj Usol'skoj votchine Orlovyh, Orlovyh-Davydovyh: 1768-1861 gg.: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Sam. gos. un-t* [Social relations and management organization in the serfdom of the Usolsky patrimony of the Orlov, Orlov-Davydovs: 1768-1861: abstract of the dissertation of the candidate of Historical Sciences: 07.00.02. Sam. state University]. Samara, 20 p. [in Russian]

- Levitsky, 1899** – *Levitsky, P.I.* (1899). Pis'ma iz sela Alekseevskogo (Chernskogo u.). Pis'mo XLVII [Letters from the village of Alekseevsky (Chernsky district). Letter XLVII]. *Hozyain.* 2: 42-48. [in Russian]
- Mezenina, 2007** – *Mezenina, T.G.* (2007). Dinamika i sostav naseleniya stroganovskih vladenij na Urale v XVIII – pervoj polovine XIX veka [Dynamics and composition of the population of Stroganov possessions in the Urals in the XVIII – first half of the XIX century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Istorija.* 3(81): 41-46. [in Russian]
- Minarik, 1971** – *Minarik, L.P.* (1971). Ekonomicheskaya karakteristika krupnejshih zemel'nyh sobstvennikov Rossii konca XIX – nachala XX v.: zemlevladienie, zemlepol'zovanie, sistema hozyajstva [Economic characteristics of the largest land owners of Russia in the late XIX – early XX centuries: land ownership, land use, economic system]. M., 145 p. [in Russian]
- RGAD** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Rostopchin, 1806** – *Rostopchin, F.V.* (1806). Plug i soha: pisannoe stepnym dvoryaninom [Plow and plow: written by a steppe nobleman]. M., 45 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1890a** – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii. Tom pyatnadcatyj: chastnoe zemlevladienie Morshanskogo uezda [Collection of statistical information on the Tambov province. Volume fifteen: private land ownership of the Morshansky district]. Tambov, 270 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1891** – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: v 24 t. Izdanie Tambovskogo gubernskogo zemstva. T. 16. Chastnoe zemlevladienie Kirsanovskogo uezda [Collection of statistical information on the Tambov province: in 24 volumes. Edition of the Tambov provincial zemstvo. Vol. 16. Private land ownership of the Kirsanovsky district]. Tambov, 673 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1880** – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: otdel hozyajstvennoj statistiki. V 24 t. T. 1. Borisoglebskij uezd [Collection of statistical information on the Tambov province: department of economic statistics. In 24 t. t. 1. Borisoglebsky district]. Tambov, 448 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1890b** – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii. T. 14. Kratkij svod dannyh o krest'yanskom naselenii, zemlevladienii i hozyajstve po vsej gubernii [Collection of statistical information on the Tambov province. Vol. 14. A brief summary of data on the peasant population, land ownership and economy throughout the province]. Tambov, 244 p. [in Russian]
- Sbornik..., 1894** – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii: v 24 t. T. 19. Chastnoe zemlevladienie Tambovskogo uezda [Collection of statistical information on the Tambov province: in 24 vols. t. 19. Private land ownership of the Tambov district]. Tambov, 370 p. [in Russian]
- Sel'skohozyajstvennaya zhizn', 1914** – *Sel'skohozyajstvennaya zhizn'.* 3. [in Russian]
- Sel'skohozyajstvennye..., 1890** – *Sel'skohozyajstvennye i statisticheskie svedeniya po materialam, poluchennym ot hozyaev: Vyp. 3: Stoimost' proizvodstva glavnejshih hlebov v Evropejskoj Rossii* [Agricultural and statistical information on materials received from the owners: Vol. 3: The cost of producing the most important loaves in European Russia]. Sankt-Peterburg, 496 p. [in Russian]
- Sovetov, 1950** – *Sovetov, A.V.* (1950). Izbrannye sochineniya [Selected works]. M., 447 p.
- Spravochnye..., 1916** – *Spravochnye svedeniya o nekotoryh russkikh hozyajstvah. MZ. Dep. zemledeliya. Vyp. 1* [Reference information about some Russian farms. Ministry of Agriculture. Issue 1]. Petrograd, 375 p. [in Russian]
- Stoimost'..., 1916** – *Stoimost' proizvodstva glavnejshih hlebov: statisticheskie svedeniya po materialam, poluchennym ot hozyaev. Vyp. 2: Itogi izderzhkek proizvodstva rzhi, pshenicy, ovsy, yachmenya i nekotoryh drugih rastenij. Sebestoimost'* [The cost of production of the most important loaves: statistical information on materials received from the owners. Vol. 2: Totals of the production costs of rye, wheat, oats, barley and some other plants. Cost price]. Petrograd: V. F. Kirshbaum Publ., 1916. 497 p. [Electronic resource]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008563489> [in Russian]
- Tevyashov, 1907** – *Tevyashov, V.N.* (1907). Opisaniye hozyajstva Kolybel'skoj ekonomii E.N. Tevyashova i naslednikov N.N. Tevyashova [Description of the economy of the Cradle economy of E.N. Tevyashov and the heirs of N.N. Tevyashov]. Tsarskoye Selo, 172 p. [in Russian]
- Yuzhnoe..., 1912** – *Yuzhnoe hozyajstvo.* 22. [in Russian]
- Zhitin, 2018** – *Zhitin, R.M.* (2018). Modeli hozyajstvennogo razvitiya pomeschich'ih imenij Central'no-Chernozemnogo regiona v konce XIX – nachale XX veka [Models of economic development of landed estates of the Central Chernozem region in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 23(176): 146-153. [in Russian]

Развитие полеводства помещичьих имений Российской империи в пореформенное время

Руслан Магомедович Житин ^{а, *}, Алексей Геннадьевич Топильский ^а

^а Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. После отмены крепостного права и лишения дворянства целого ряда привилегий, главной из которых была бесплатная рабочая сила, землевладельцы были вынуждены приспосабливаться к реалиям капиталистической действительности. Какими бы ни были мучительными переходные формы интеграции в новую систему хозяйствования (отработки, испольщина, введение залежной системы), конечным итогом начавшейся перестройки частных имений должно было стать привлечение крепостнических вотчин в развитые экономии. При этом на пути к прогрессу должны были измениться все компоненты помещичьего хозяйства – от внедрения свободного найма работников и технико-технической модернизации хозяйства до изменения системы землепользования и рационализации полеводства. Систематическое изучение административных аспектов развития имения второй половины XIX века отсутствует в историографии. Отдельные аспекты данных процессов прослеживаются еще в дореволюционных трудах. Значительный объем источниковых данных содержался в земских сборниках, не потерявших своего значения до сих пор. На успешность освоения помещиками новых форм хозяйственной деятельности существенное влияние оказывала мировая рыночная конъюнктура. Реформа 1861 года пришлась на общее понижение цен на хлебном рынке. Начавшийся приток в европейские порты заокеанского зерна (главный фактор падения торговли) разорил российского производителя. В 1882–1890 гг. экспортные цены на российскую рожь снизились на 35 %, пшеница обесценилась на 17 %. Особенностью пореформенной модернизации аграрного строя России стал постепенный переход владельческих экономий от старых крепостных вотчин к капиталистическим конкурентным хозяйствам. Для повышения эффективности разных типов имений владельцы должны были модернизировать землепользование, провести отраслевую специализацию полеводства, привлечь в производство новые капиталы.

Ключевые слова: Российская империя, Ново-Покровское имение, Тамбовская губерния, дворянство, модернизация.

* Корреспондирующий автор

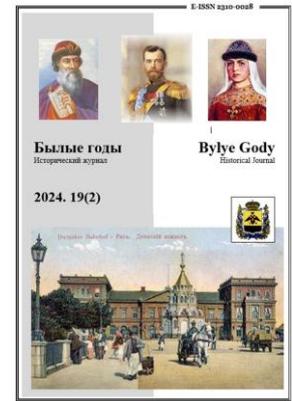
Адреса электронной почты: istoriko8@mail.ru (Р.М. Житин), a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 792-802
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.792

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Social Policy in the Russian Empire in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries: on the Example of Healthcare System Function

Dmitrii N. Khristenko ^{a, *}, Aleksandr B. Orishev ^a, Azer A. Mamedov ^a

^a Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Russian Federation

Abstract

The article researches the evolution of healthcare system in the Russian Empire, from its foundation and until the twentieth century. The fact is emphasized that the state concentrated the main financial and industrial resources on strengthening the army and an active foreign policy, while the social sphere, primarily medicine, was practically not funded. This caused fair criticism of contemporaries, including the great Russian scientist M.V. Lomonosov and other scholars and public figures. The zemstvo reform of 1864 gave a certain impetus to the transformations, but in the absence of a sufficient number of qualified medical personnel and stable funding, the changes were mostly not real, but formal, which led to the fact that medicine in the countryside existed essentially only on paper. Considering that, in terms of social structure, the country was predominantly an agrarian society, this meant a critical situation with medical care for the main part of the inhabitants of the state. Archival data testify to unusually high mortality, the spread of infectious and venereal diseases. The situation with medical care for the working population concentrated in large cities was a little better. It can be characterized as clearly insufficient and limited. As a result, not only the patients suffered, but also the doctors themselves, who physically and morally could not cope with such an incredible burden.

Keywords: healthcare, diseases, medicine, social history, Russian empire, peasants, physician, obstetrics, epidemics.

1. Введение

На протяжении истории человечества многочисленные эпидемии, включая «Черную смерть» XIV века, от которой погибло до 1/5 жителей тогдашней Европы, не раз наглядно демонстрировали, что важнейшей задачей государства является обеспечение медицинской помощью своих граждан, а состояние системы здравоохранения может выступать в качестве ключевого маркера, характеризующего успешность развития страны.

В связи с этим интересно обратиться к историческому опыту, чтобы постараться понять, насколько уверенно развивалась Российская империя в социальном отношении в период своего расцвета.

Это особенно важно на фоне быстрых экономических темпов развития нашей страны во времена, когда пост министра финансов занимал Витте, добившийся за счет умелой денежно-кредитной политики небывалых темпов роста российского индустриального комплекса. По оценкам исследователей, меньше чем за десятилетие, с 1892 г. по 1899 гг., увеличение выпуска промышленной продукции возросло почти на три четверти (Максимов, 2015: 92). На этом фоне главной заботой правительства и прогрессивного общества стало состояние социальной сферы, которая практически не охватывала собой основную массу населения страны, проживавшего в сельской местности (Статистический ежегодник России, 1915: 61).

* Corresponding author

E-mail addresses: khristenko1983@mail.ru (D.N. Khristenko)

Это была застарелая проблема, связанная с тем, что еще со времен правления Петра Великого российское государство, позиционировавшее себя как великая европейская империя, сосредотачивало основные финансово-промышленные ресурсы на укреплении армии и позиций страны на мировой арене, что естественным образом вызвало «перекося» в бюджетном обеспечении социальных нужд, которые регулярно недофинансировались. Согласно исследованию выдающего историка и политического деятеля П.Н. Милюкова, во времена Петра I на военные нужды приходилось почти 80 % всех расходов государства, а на здравоохранение страны – лишь 1,1 % общих трат бюджета (Милюков, 1905: 120). Разрыв просто колоссальный и говорит сам за себя!

В середине XVIII века знаменитый русский ученый М.В. Ломоносов был вынужден обращаться к великодержавным сановникам, пытаясь привлечь их внимание к незавидному положению дел. Он с горечью отмечал: «весьма еще мало порядочных есть учреждений... и только по большей мере простые, безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслят, с вороженьем и шептаниями, и тем не только не придают никакой силы своим лекарствам, но еще в людях укрепляют суеверие, больных приводят в страх унылыми видами и умножают болезнь, приближая их скорее к смерти....» (Ломоносов, 1950: 609).

Однако никаких радикальных мер правительством на протяжении всего XVIII века принято не было, и даже к середине следующего XIX века ситуацию в российской системе здравоохранения можно охарактеризовать как крайне напряженную.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи были использованы материалы Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), по которым можно проследить ситуацию с развитием здравоохранения в Российской империи на общенациональном уровне, а также документы Государственного архива Костромской области РФ (Кострома, Российская Федерация и Филиала Государственного архива Ярославской области в г. Рыбинске (Рыбинск, Российская Федерация), позволяющие проанализировать положение дел в сфере медицинского обеспечения на местах. Среди изученных документов необходимо выделить статистические отчеты органов государственной власти о наличии медицинского персонала в губерниях, справки об открытии больниц, финансовые документы земств, отчеты губернаторов о крестьянских волнениях в связи с эпидемиями холеры (примеры отказов крестьян от лечения, нападения на врачей, уничтожения лекарств и т.д.), доклады жандармских управлений о политической благонадежности медицинского персонала и др.

Также нужно отметить сборники опубликованных документов Костромского и Ярославского земств, где содержатся статистические отчеты и наблюдения земских врачей о состоянии здравоохранения на местах, данные о количестве и социальном составе больных, приводятся сведения о демографической и эпидемиологической ситуации в губерниях.

Изданный Управлением главного врачебного инспектора отчет о состоянии народного здоровья (1913) позволил проследить динамику больных венерическими заболеваниями (сифилисом), вызывавшего значительное беспокойство врачей (Отчет..., 1915: 47).

Среди материалов личного происхождения необходимо отметить труды выдающихся ученых (Ломоносов), медиков (Максимович-Амбодик) и общественных деятелей (Энгельгардт), посвященные вопросам здравоохранения в Российской империи (Ломоносов, 1950; Максимович-Амбодик, 1784; Энгельгардт, 1999).

В основу статьи был положен историко-генетический метод, давший возможность последовательно раскрыть исследуемую тему в процессе ее исторического развития. Кроме того, в работе с архивным материалом применялся историко-сравнительный метод, что позволило упорядочить и сравнить информацию из различных источников, четко сформулировав логику развития социальной политики в Российской империи. При этом основополагающим принципом выступал принцип научной объективности, требующий отказа от конъюнктурных оценок тех или иных событий или исторических процессов.

3. Обсуждение

Нужно отметить, что работ по теме медицинского обеспечения населения Российской империи и системы здравоохранения явно недостаточно. Многие из них страдают фрагментарностью и отсутствием выводов теоретического плана. Так, подробно описывая экономические и социальные изменения в деревне на протяжении XVIII-XX веков, где жило 85% населения страны, авторы, как правило, обходят стороной вопросы здравоохранения. Это тем более странно, что медицинское обслуживание составляет важнейшую часть понятия «качество жизни», и его динамика определяет уровень развития человеческого потенциала общества в целом. Тем не менее можно выделить ряд работ, которые касаются данного вопроса. Прежде всего это уникальное в своем роде исследование состояния медицины на селе в начале XX века (Шингарев, 1907), общие работы советских историков (Каневский и др., 1956) и специализированные исследования Страшуна о русской общественной медицине (Страшун, 1964). Отдельно нужно выделить работы по изучению состояния здравоохранения на региональном уровне: в Ярославской и Уфимской губерниях (Волкова, 2001;

Смирнова, 2013; Ахметшина, 2014). Нельзя не упомянуть и появившиеся в последние годы работы по анализу взглядов иностранцев на эволюцию медицинской помощи жителям России в период от царского к советскому времени (Христенко, 2022).

4. Результаты

Документальные свидетельства о ситуации с медицинским обеспечением населения нашей страны в XIX веке являются весьма красноречивыми и говорят сами за себя, особенно на местном уровне. Так, согласно архивным документам, в Костромской губернии в 1862 году насчитывалось всего 7 квалифицированных докторов, два ветеринара и один дантист (ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 639. Л. 3). Спустя два года, в 1864 году, после проведения земской реформы, количество медицинского персонала в Костромской губернии выросло почти 2,5 раза, но в абсолютных цифрах составило всего 17 человек, что, безусловно, являлось крайне недостаточным (ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 673. Л. 2-5). Подобная же ситуация наблюдалась и в соседней густозаселенной Ярославской губернии, где в середине 1860-х годов проживало более миллиона человек, преимущественно крестьян. Тем не менее количество квалифицированных докторов, занимавшихся врачебной деятельностью, в 1864 году составляло всего 30 человек (Смирнова, 2013: 13-14).

В масштабах всей Российской империи ситуация была несколько не лучше. По данным на 1870 год, на всей территории страны насчитывалось всего чуть более пятисот земских врачебных участков. Это означало, что в сельской местности один врач был вынужден обслуживать огромную территорию участка в десятки километров, на которых проживало почти сто тысяч человек (Каневский и др., 1956: 129). В силу объективных обстоятельств данные условия фактически оставляли деревенское население в медицинском отношении на произвол судьбы.

Общественные деятели того времени оставили красноречивые описания сложившейся ситуации. Знаменитый ученый-народник А.Н. Энгельгардт отмечал, что на селе врачей попросту нет, и крестьяне вынуждены прибегать к самолечению или местным самоучкам-знахарям, чей профессионализм оставлял желать лучшего. «Остаются еще случайные доктора: какой-нибудь лекарь или медицинский студент, приехавший на побывку к родным, и т.п. Заболеет мужик – ходит, перемогается, пока есть сила. Свалился – лежит... Иные вылеживаются, выздоравливают. Другие умирают. Лежит, лежит до тех пор, пока не умрет» (Энгельгардт, 1999: 40).

Отдельные примеры благотворительности имели место. Так, в 1862 году богатейший костромской помещик Г. Карцов открыл больницу для бесплатного лечения крестьян, включая наблюдение доктора и обеспечение лекарствами (ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 639. Л. 3). Но это было крайне редкое исключение, практически не имевшее подражания и не оказывавшее какого-либо серьезного влияния на общую ситуацию.

При этом наиболее острой была ситуация в сфере родовспоможения. В российской деревне акушерка была редким явлением, вместо нее приемом родов традиционно занимались бабки-повитухи, наносившие громадный вред как роженицам, так и новорожденным. Еще в XVIII веке знаменитый российский врач Максимович-Амбодик писал: «одна из главнейших причин есть крайнее в повивальном деле незнание многих неученых русских бабок, кои повсюду в России, а особливо между простым народом, свободно исправляют повивальное дело, к собственному их стыду, общей гибели, и явному вреду всего государства» (Максимович-Амбодик, 1784: XIV–XVI).

К XIX веку ситуация с акушерской помощью практически не изменилась. Систематической подготовки медицинских кадров в сфере практического родовспоможения не велось. Особенно острая ситуация наблюдалась в сельской местности. «Было не редкостью, не диковинкой услышать, – отмечал земский врач М.Ф. Боровик, работавший в Ярославском уезде, – что там-то повитуха оторвала ручку, переломила ножки, выворотила матку, довела рождающегося до полного наложения, со всеми его дурными последствиями» (Смирнова, 2013: 69-70).

Отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводило к необычайно высокой младенческой смертности. Данные Ярославского земства рисуют удручающую картину, которая не менялась на протяжении десятилетий. В 1864 г. из 45 524 родившихся детей 24 358 (53,5 %) умерли в возрасте до 5 лет, в 1866 г. из 39 933 родившихся умерло 24 246 (60,7 %), в 1872 г. 43 071 умерло 23 593 (54,7 %) (Таблица 1).

Врач Никольский в отчете для Ярославского земства, комментируя эти данные, напрямую связывал их со сложной социально-экономической ситуацией, отмечая среди главных причин недоедание детей и матерей, непригодные для нормального развития ребенка жилища, отсутствие акушерской помощи и др. (Протоколы заседаний..., 1873: 17-18).

С течением времени ситуация менялась, но очень медленно. В Ярославском уезде первые акушерки появились только в 1874 г. в селах Курба, Диево-Городище и Великое. Помимо организационных сложностей им пришлось столкнуться с консерватизмом населения, которое зачастую просто не доверяло врачам. В результате по итогам медико-статистического отчета по Ярославской губернии за 1899 г., подготовленного доктором И.Н. Буховцевым, оказалось, что земские акушерки приняли на селе только 2 736 родов из 45 279, что составило всего 6 % от общего количества рождений за этот год (Буховцев, 1900: 83).

Таблица 1. Таблица рождаемости по полу, смертности детей до года и до 5-ти лет по полу, общей смертности за девять последних лет: от 1864 г. по 1873 год ([Протоколы заседаний..., 1873: 9](#)).

Годы	Родилось			Умерло до года		Умерло от 1-5 лет		Всех детей до 5 лет умерло	Общая смертность по губернии	За выч. умерш. детей смертность остальных	Общая прибыль
	мал.	дев.	всего родилось	мал.	дев.	мал.	дев.				
1864	23,270	22,254	45,524	9,456	8,280	3,332	3,290	24,358	40,992	16,634	+4532
1865	21,784	21,070	42,854	7,058	6,025	2,450	2,432	17,965	34,847	16,882	+8007
1866	20,510	19,432	39,933	9,072	8,123	3,542	3,509	24,246	43,999	19,753	-4066
1867	21,873	21,111	42,984	7,987	6,034	2,306	2,114	18,441	35,518	17,077	+7466
1869	20,981	20,014	40,995	8,285	7,060	2,491	2,684	20,520	38,768	18,248	+2187
1870	20,752	19,500	40,252	6,696	5,623	2,300	2,212	16,831	34,730	17,899	+5522
1871	20,901	19,882	40,783	9,072	7,900	3,678	3,636	24,246	48,724	24,498	-7941
1872	21,855	21,216	43,071	8,519	7,407	3,780	3,887	23,593	39,394	15,801	+3677

Конечно, не все было плохо, и положение дел все-таки менялось к лучшему. Наиболее красноречивым свидетельством этого стало общее увеличение доходных бюджетов земств, что, в свою очередь, вызывало рост объемов ассигнований на народное здравоохранение ([Таблица 2](#)).

Таблица 2. Рост земских расходов на здравоохранение в Ярославской губернии (1866–1915 годы) ([Волкова, 2001: 23](#))

Годы	Расходы на здравоохранение	
	в рублях	в %
1866	13.231	6.5
1876	95.795	16.6
1886	201.584	24.4
1896	224.213	24.2
1906	482.891	29.3
1909	680.797	30.5
1915	1.308.200	30.5

Анализируя финансовые показатели в таблице, нетрудно заметить, что имеет место возрастание расходов на медицину как в абсолютном, так и в процентном отношении. Наиболее стремительный рост приходится на первое десятилетие существования земских органов, когда фактически с нуля создавалась сеть земских медицинских структур, шел процесс формирования медицинского персонала. В дальнейший период наблюдается рост денежных отчислений на здравоохранение в абсолютных цифрах, но в процентном отношении их доля в общем объеме расходов Ярославской губернии практически не меняется.

В целом финансовый аспект деятельности земств в сфере медицинской помощи, особенно в контексте бедности крестьянского населения, оставался весьма непростым. Можно привести следующий пример. В сентябре 1886 г. Солигаличская уездная земская управа направила обращение в Солигаличское уездное полицейское управление с просьбой взыскать с крестьянина Михаила Ильина, проведенного в больнице десять дней, долг в размере 1 руб. 62 коп. серебром. В случае невозможности расплаты крестьянина лично управа просила полицейское управление наложить этот долг на сельскую общину (ГАКО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 175. Л. 6).

Примечательны и другие данные. Из отчета старшего врача Костромских губернских земских заведений общественного призрения доктора медицины Пулло следует, что с 1 января по 1876 года по 1 января 1877 года губернской земской больницей воспользовались 1260 человек, из которых только 226 человека получили бесплатное лечение (Медицинский отчет, 1877: 1-2), что составляет всего 18 %. Таким образом, абсолютное число больных (82 %) были вынуждены оплачивать свое лечение самостоятельно. Этим обстоятельством, видимо, объясняется и низкая доля крестьян, воспользовавшихся медицинской помощью в больнице – всего 348 человек за год.

С другой стороны, в случае сложных и неординарных заболеваний земство брало значительную часть расходов на себя. В архивах Костромской земской управы значится специальный билет от 30 января 1893 г., выданный чухломскому земскому фельдшеру З. Иванову для сопровождения умалишенного в Костромскую губернскую земскую больницу. Фельдшер имел право получить бесплатно две лошади с проводником для проезда, а в случае надобности – квартиру для ночлега и иную помощь (ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 504. Л. 11).

Но все-таки в целом по стране ситуация оставалась сложной. В начале XX века выдающийся врач, земский деятель, член партии кадетов А.И. Шингарев, анализируя социально-экономическое положение двух деревней Воронежского уезда (Ново-Животинного и Моховатки с числом жителей свыше 1000 человек), удручающе констатировал, что ни больниц, ни амбулаторий, ни врачебных пунктов в них не было (Шингарев, 1907: 132).

Отсутствие медицинского персонала усугублялось невежеством и суевериями, которые царили в крестьянской среде. В российской литературе конца XIX века описаны случаи, когда врачи сами гибли от рук «обезумевший» толпы (Вересаев, 1990: 141-144), что было наиболее типично для случаев массовых эпидемий, вызывавших гибель сотен и тысяч человек (Ахметшина, 2014: 17).

Невежество и безграмотность крестьян нередко приводили к трагическим последствиям. Вполне типичным было происшествие в одном из сел Усольской волости в 1897 г., когда в период разгула брюшного тифа несколько сотен деревенских жителей скончались после отказа, несмотря на настояния медиков, делать профилактические прививки (Шаламов, 2013: 122).

Показателен и случай, произошедший в Астраханской губернии весной 1905 г., когда возникла угроза распространения холеры в местности, где проживало земледельческое татарское население (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 103. Д. 678. Л. 1-3). Власти за счет сельских обществ заготовили на случай появления эпидемии небольшие аптечки с противохолерными средствами и постельные принадлежности на случай появления тяжелобольных. Но это вызвало взрыв крестьянского возмущения.

В начале апреля в селе Башмаковка, собралась толпа местных крестьян, числом более 100 человек, и стала требовать от сельского писаря и старосты, чтобы они уничтожили или отослали в волостное правление заготовленные на случай появления холеры лекарства и постели для больных (тюфяки, одеяла и подушки). При этом крестьяне принесли с собой розданные им накануне напечатанные на татарском и русском языках медицинские инструкции о том, как уберечь себя от холеры и побросали их, говоря, что им присланных лекарств не надо и что лечиться они не будут. Затем сельский сход принял «приговор об уничтожении заготовленного лекарства, об уничтожении постелей для больных, об увольнении сельского старосты и сельского писаря».

На другой день, 7 апреля, в Башмаковку прибыли учитель татарской школы Искандеров и инспектор народных училищ статский советник Соколов для осмотра местных школ. Это стало причиной нового возмущения. Толпа крестьян числом 60-70 человек, приняв инспектора Соколова за врача, стала требовать у Искандерова разъяснения, кто с ним. После того как Искандеров убедил крестьян, что г. Соколов не врач, а инспектор народных училищ, они стали выражать угрозы по отношению к врачам, говоря: «Не надо нам докторов, а если приедут, то мы их кончаем» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 103. Д. 678. Л. 2). Одновременно начались волнения в соседних селах, где население выражало недовольствие раздачей медицинских инструкций и заготовлением лекарственных средств.

Дело дошло до того, что астраханскому губернатору пришлось пригласить к себе мулл и наиболее уважаемых старейшин из татарских сел и просить их «принять со своей стороны меры к успокоению населения и разъяснения, что меры предпринимаемые к предупреждению распространения могущей появиться эпидемии направлены исключительно к благу населения». Благодаря этому шагу, а также личному посещению губернатором нескольких сельских сходов, волнения улеглись, и крестьяне заверили его в своей готовности соблюдать все меры предосторожности, предписанные администрацией ввиду ожидаемого появления холеры (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 103. Д. 678. Л. 3).

Похожие события произошли в это время и в Воронежской губернии. Проживающий в слободе Калач земский врач 7 июня 1905 г. явился в местное волостное правление для обсуждения противохолерных мер в связи со значительной угрозой эпидемии. Во время беседы в помещение волостного правления вошло значительное количество крестьян и раздались крики о том, чтобы врач разъяснил ситуацию всем собравшимся.

Объяснения доктора не убедили недовольных. Дальнейшие события ярко описаны в архивных документах: «Выслушав врача, крестьяне решительно высказались против временно приглашенного медицинского персонала, командированного Воронежской земской управой в пределы губернии, который, по их мнению, привез с собою холеру и потому стали требовать от врача выдачи временного персонала, предполагая, что они при содействии постоянного медицинского персонала отравили воду в реке и колодцах. Далее крестьяне высказались против учреждения какого-либо санитарного попечительства.... Крайнее же озлобление крестьян вызвало то обстоятельство, что в настоящее время народного бедствия в виде холеры нет, которое может быть и совсем не появится не только в Воронежской губернии, но вообще в России, а между тем земство производит громадный расход денег на организацию и содержание лечебных и продовольственных пунктов и, что весь расход этот ляжет тяжелым бременем на них же, крестьян, которых земство не спрашивает... Дальнейшая беседа врача, вследствие возбужденного состояния крестьян, а также и потому, что из толпы раздались угрожающие в отношении врача крики о том, что он вместе с приглашенным медицинским персоналом сговорился устраивать холеру для своей выгоды и что самое лучшее средство против холеры – это прогнать всех врачей. После этого толпа бросилась на врача, причем были прогнаны с побоями стражники, побит волостной старшина, а бежавший от толпы врач получил несколько ударов кулаком по голове и успел спастись от преследовавшей его с угрозами толпы, только благодаря защите некоторых из почтенных и влиятельных крестьян. Затем толпа отправилась к земскому продовольственному пункту и уничтожила имущество такового» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 103. Д. 678. Л. 12-13).

В таких обстоятельствах неудивительно, что не только борьба с холерой и организация профилактических мер сталкивалась со значительными трудностями, но и в целом эпидемиологическая заболеваемость в государстве росла по экспоненте. В 1907 г. сыпным тифом заболела 51 тысяча, в 1908 г. – 103 тысячи, а в 1909 г. – 180 тысяч человек. Еще более сложной была ситуация с брюшным тифом, которым в 1907 г. заболело 400 тысяч, в 1908 г. – 419 тысяч, а в 1909 г. – 500 тысяч человек (Страшун, 1964: 64-65).

Широко распространились венерические заболевания, что было вызвано массовым отходом крестьян в города на заработки в условиях «агарного перенаселения» в деревне (Нефедов, 2009: 86-91). Оторванные от своих семей и жен, крестьяне оказывались втянутыми в беспорядочные внебрачные отношения, что вызывало всплеск венерических заболеваний.

В «Памятной книжке Ярославской губернии на 1862 г.», изданной местным статистическим комитетом, отмечалось: «Близкое расстояние Ярославской губернии от столиц, промышленное направление жителей ее, при котором большая часть из них живут в Петербурге и Москве, оставляя на целые годы своих жен и навещая их только на самое короткое время, работы на фабриках, где скучивается масса народа, дают обширное поле разврату и неразлучному спутнику его, венерической болезни (Памятная книжка..., 1863: 440).

Похожая ситуация была и в Костромской губернии. Согласно отчету губернской земской больницы, за год с 1 января 1875 г. по 1 января 1876 г. из общего числа больных (1225) в сифилитическом отделении находилось 110 человек, из которых 60 человек были больны сифилисом, а 41 – другими венерическими заболеваниями (Медицинский отчет..., 1876: 1, 4). По мере нарастания темпов индустриального развития Российской империи ситуация только ухудшалась, о чем беспристрастно свидетельствует статистика (Таблица 3).

Таблица 3. Рост количества заболевших сифилисом в Российской империи с конца XIX по начало XX века (Отчет..., 1915: 47)

Зарегистрировано больных сифилисом					
Годы	Абсолютные числа	На 10 000 жителей	Годы	Абсолютные числа	На 10 000 жителей
1897	941 958	74,3	1907	1 100 944	73,6
1898	939 020	72,9	1908	1 181 647	77,6
1900	936 985	70,4	1909	1 199 148	76,9
1902	1 007 429	73,2	1910	1 214 915	76,7
1904	999 869	70,2	1911	1 264 435	78,6
1905	988 965	74,4	1912	1 241 822	75,7
1906	1 098 366	74,7	1913	1 248 002 т	76,8

Из приведенной [Таблицы 3](#) отчетливо следует, что количество заболевших сифилисом вплоть до начала Первой мировой войны росло как в абсолютном, так и относительном значении. Фактически речь шла о настоящей эпидемии.

Не лучше обстояло дело и с плановой медицинской помощью. Даже в Санкт-Петербурге, где были сосредоточены лучшие врачебные кадры, оборудование и финансовые ресурсы, положение оставляло желать лучшего ([Страшун, 1964: 105](#)). Особенно сложной была ситуация на производстве. В 1913 г. журнал «Вопросы страхования» обобщил данные результатов прошедшей ранее фабричной инспекции. Так, в Петербургской губернии только 26 % фабрик и заводов имели более или менее удовлетворительную медицинскую помощь. На остальных (около 74 %) предприятиях медицинская помощь не оказывалась в принципе (51 %), ибо носила номинальный характер. Свои больницы имели только 5 фабричных заведений из 171 ([Страшун, 1964: 104](#)).

В результате общее положение с медицинской помощью в Российской империи было одним из худших среди развитых стран Европы и мира. К 1912 г. в деревне один врач приходился примерно на двадцать две тысячи крестьян ([Borders, 1927: 163](#)), а в целом по стране с учетом городских центров, где было сосредоточено более 70 % всего медицинского персонала, на одного доктора приходилось двенадцать тысяч жителей ([Haines, 1928: 94](#)). Так, в Рыбинском уезде Ярославской губернии к 1914 г. более чем на 900 деревень и сел приходилось всего 5 врачебных и 6 фельдшерских пунктов, расположенных в наиболее крупных населенных пунктах ([РБФ ГАЯО. Ф. 10. Оп. 1-2. Д. 2027. Л. 15-18](#)).

В соседней Костромской губернии ситуация была не лучше. На 1915 год на всю территорию огромной губернии с миллионным населением приходилось всего 198 врачей, из них 118 земских докторов, и 217 акушерок и повивальных бабок ([ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1046. Л. 5](#)). Элементарная математическая логика подсказывает нам, что при таком соотношении количества больных и медицинских кадров на долю одного медика приходились десятки тысяч пациентов.

В результате страдали не только больные, но и сами врачи, которым и физически и морально было крайне тяжело справляться с подобной невероятной нагрузкой. Часть из них в этой связи начинала требовать решительных изменений. Так, участники X Пироговского съезда врачей, обсуждая проблему медицинской помощи голодающим крестьянам, приняли резолюцию с весьма радикальной формулировкой. В ней говорилось: «вековой хронический русский голод», приводящий к многочисленным болезням и росту смертности населения «есть прямое следствие векового бесправия народа» ([X съезд..., 1907: 246](#)).

Медики настоятельно требовали коренной перестройки всей системы здравоохранения в Российской империи. Так, выдающий земский врач и депутат Государственной думы А.И. Шингарев предлагал, во-первых, ввести принцип совместной общественной работы и довести величину земского врачебного участка до 5 верст в радиусе; во-вторых, опираться на рациональность медицинской помощи, бороться с фельдшеризмом, с суррогатами медицинской помощи; в-третьих, исходить из необходимости введения бесплатной медицинской помощи, подчеркивая, что болезнь – большое несчастье. «Личная оплата медицинской помощи человеком, которого постигло несчастье, есть величайшая несправедливость, налог на несчастье», – утверждал он. В-четвертых, необходимо развивать профилактическую медицину и стройную санитарную организацию. Все это, по словам Шингарева, требует от врачей быть не только специалистами, но и политиками, выступающими за реформу общественного состояния государства и работающими на благо собственного народа ([X съезд..., 1907: 242-244](#)).

Со своей стороны, правительство все чаще стало обращать внимание на политические взгляды медицинских работников, прямо связывая их с разрешением вести свою профессиональную деятельность. Например, в 1908 г. начальник канцелярии вице-губернатора Костромской губернии обратился с секретным запросом к начальнику Костромского губернского жандармского управления, прося «сообщить сведения о политической благонадежности проживающего в г. Галиче дантиста Абель-Симха Мовшовича Черняка на предмет разрешения открытия в г. Галиче зубоврачебного кабинета». Ответ от охранного отделения был положительный: «неблагоприятных в политическом отношении сведений» за время проживания дантиста в Костромской области в делах жандармского управления «не имеется» ([ГАКО. Ф. 133. Оп. 33. Д. 3628. Л. 19](#)). Однако сам пример запроса является более чем красноречивым и показательным. Причем это был не единичный случай, а сложившаяся практика. Так, в 1904 г. канцелярия харьковского губернатора запрашивала начальника губернского жандармского управления о том, «имеются ли в делах Харьковского губернского жандармского управления неблагоприятные в политическом отношении сведения о проживающем в г. Харькове с 1899 г. студенте Харьковского университета А.Н. Струнникове, 24 г., предложенном к назначению в состав эпидемического персонала для борьбы с эпидемиями в Богодуховский уезд» ([ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1904. Д. 327. Л. 1](#)). Схожим образом в декабре 1908 г. ветеринарное управление запрашивало у департамента полиции следующее: «полагая командировать ветеринарного врача Е.А. Алексинского, проживающего в г. Хотин Бессарабская губерния, на окраины Империи для мероприятий против эпизоотии», управление «просит департамент полиции уведомить, не встречается ли со стороны сего департамента к осуществлению настоящего предположения какого-либо препятствия» ([ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1908. Д. 1015. Л. 4](#)). В обоих случаях разрешения были получены, хотя в отношении студента было

замечено, что он участвовал в студенческой демонстрации в 1901 г. Тем не менее и ему было позволено принять участие в командировке. По всей видимости, такое внимание полицейского ведомства к данному вопросу было вызвано мнением о возможности революционной пропаганды. В частности, Воронежское жандармское управление докладывало в 1905 г.: «лица, командированных Воронежской губернской земской управой для усиления медицинского персонала в случае появления холеры» (врачи, студенты и курсистки высших учебных заведений), оказались «преимущественно из числа скомпрометированных в политическом отношении» и вели «противоправительственную пропаганду среди крестьянского населения» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 103. Д. 678. Л. 13).

5. Заключение

Таким образом, можно с полным основанием сделать вывод, что на протяжении всей своей истории в Российской империи прослеживается четкая тенденция недофинансирования социальных расходов, прежде всего сферы здравоохранения. Особенно характерно это было для сельского населения страны, где ощущалась острая нехватка докторов и лекарств. Отсутствие доступной и качественной медицинской помощи привело к тому, что крестьяне оказались лишены одной из основных частей, составляющих понятие «качество жизни», что было очевидным проявлением неравномерности социально-экономического развития российского государства.

Интеллигенция, из числа которой происходила большая часть врачей, прекрасно понимала всю сложность и противоречивость сложившейся ситуации, однако разрешить ее без серьезного реформирования всей системы общественного здравоохранения не представлялось возможным. Невысокий уровень грамотности населения, труднодоступность больниц, отсутствие достаточного финансирования и нехватка вспомогательного медицинского персонала делали труд врачей по-настоящему подвижным. Они подавали положительный пример гражданской активности и высокой нравственности.

Литература

- Ахметшина, 2014** – Ахметшина А.В. Земская медицина и ее влияние на демографические процессы в Уфимской губернии в последней четверти XIX – начале XX века / *Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение: сборник статей IX Международной научно-практической конференции* / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. С. 15–20.
- Буховцев, 1900** – Буховцев И.Н. Медико-статистический отчет по Ярославской губернии за 1899 год // *Вестник ярославского земства*. 1900. № 333–336. Отд. III. С. 24–83.
- Вересаев, 1990** – Вересаев В.В. Без дороги (1895) / Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 67–144.
- Волкова, 2001** – Волкова Т.И. Становление и развитие земского здравоохранения в Ярославской губернии (1865–1917 гг.). Ярославль, ООО «Лия», 2001. 128 с.
- ГАКО** – Государственный архив Костромской области.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Каневский и др., 1956** – Каневский Л.О., Лотова Е.И., Идельчик Х.И. Основные черты развития медицины в России в период капитализма (1861–1917). М.: Медгиз, 1956. 194 с.
- Ломоносов, 1950** – Ломоносов М.В. О размножении и сохранении русского народа (1761) / Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1950. С. 598–614.
- Максимов, 2015** – Максимов А.М. Российские трансформации в свете модернизационной и мир-системной теорий: сравнительный анализ на примере индустриализации конца XIX века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2015. № 6. С. 89–98.
- Максимович-Амбодик, 1784** – Максимович-Амбодик Н.М. Искусство повивания или Наука о бабичьем деле. СПб.: Имп. тип., 1784. 176 с.
- Медицинский отчет..., 1876** – Медицинский отчет старшего врача Костромских земских губернских заведений общественного призрения доктора медицины Пулло с 1 января 1875 по 1 января 1876. Кострома: Губ. типография, 1876. 31 с.
- Медицинский отчет..., 1877** – Медицинский отчет по Костромских заведениям общественного призрения за 1876 год старшего врача доктора медицины и акушера И.М. Пулло. Кострома: Губ. типография, 1877. 15 с.
- Милюков, 1905** – Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого. СПб.: тип. Стасюлевича, 1905. 678 с.
- Нефедов, 2009** – Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2009. 209 с.
- Отчет..., 1915** – Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913 г. СПб.: Управление главного врачебного инспектора МВД, 1915. 333 с.
- Памятная книжка..., 1863** – Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 г. Ярославль, 1863. 476 с.

- [Протоколы заседаний..., 1873](#) – Протоколы заседаний первого съезда земских врачей Ярославской губернии в 1873 г. // *Вестник Ярославского земства*. 1873. № 15–16. С. 1–121.
- [РБФ ГАЯО](#) – Филиал Государственного архива Ярославской области в г. Рыбинске.
- [Смирнова, 2013](#) – *Смирнова Е.М.* От общественного призрения к общественной медицине. Здравоохранение Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Ярославль: Аверс-плюс, 2013. 272 с.
- [Статистический ежегодник России, 1915](#) – Статистический ежегодник России. 1914 г. Петроград: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1915. 702 с.
- [Страшун, 1964](#) – *Страшун И.Д.* Русская общественная медицина в период между двумя революциями. 1907–1917. М.: Медицина, 1964. 206 с.
- [X съезд..., 1907](#) – X съезд русских врачей в память Н.И. Пирогова. 25 апреля – 2 мая 1907 г. СПб.: Журнал Практической медицины, 1907. 252 с.
- [Христенко, 2022](#) – *Христенко Д.Н.* Советская сельская медицина довоенного периода в оценках отечественных и иностранных очевидцев // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 629–645.
- [Шаламов, 2013](#) – *Шаламов В.А.* Санитарное просвещение Сибири в 1920–1930-е годы // *Сибирский медицинский журнал*. 2013. № 2. С. 120–122.
- [Шингарев, 1907](#) – *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. 2-е изд. СПб.: Обществ. польза, 1907. 223 с.
- [Энгельградт, 1999](#) – *Энгельградт А.Н.* Письма из деревни: 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. 714 с.
- [Borders, 1927](#) – *Borders K.* Village Life Under the Soviets. New York: Vanguard Press, 1927. 191 p.
- [Haines, 1928](#) – *Haines A.* Health Work in Soviet Russia. New York: Vanguard Press, 1928. 177 p.

References

- [Akhmetshina, 2014](#) – *Akhmetshina, A.V.* (2014). Zemskaya meditsina i ee vliyanie na demograficheskie protsessy v Ufimskoi gubernii v poslednei chetverti XIX – nachale XX veka [Zemstvo medicine and its influence on demographic processes in the Ufa province in the last quarter of the 19th – early 20th centuries]. *Rossiyskaya derevnya v XVIII–XXI vekakh: sotsiokul'turnoe izmerenie in sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchnoy -prakticheskoy konferentsii* Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU. Pp. 15–20. [in Russian]
- [Borders, 1927](#) – *Borders K.* (1927). Village Life Under the Soviets, Vanguard Press, New York, 191 p.
- [Buhovcev, 1900](#) – *Buhovcev, I.* (1900). Mediko-statisticheskiy otchet po Yaroslavskoi gubernii za 1899 god [Medical and statistical report on the Yaroslavl province for 1899]. *Vestnik yaroslavskogo zemstva*. 333–336: 24–38. [in Russian]
- [Engelhardt, 1999](#) – *Engelhardt, A.N.* (1999). Pis'ma iz derevni: 12 pisem. 1872–1887 [Letters from the village: 12 letters. 1872–1887]. SPb.: Nauka, 714 p. [in Russian]
- [GAKO](#) – Gosudarstvennyy arhiv Kostromskoy oblasti [State Archive of the Kostroma Region].
- [GARF](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- [Haines, 1928](#) – *Haines, A.* (1928). Health Work in Soviet Russia. Vanguard Press, New York, 177 p.
- [Kanevskiy i dr., 1956](#) – *Kanevskiy, L.O., Lotova, E.I., Idel'chik, Kh.I.* (1956). Osnovnye cherty razvitiya meditsiny v Rossii v period kapitalizma (1861–1917) [The main features of the development of medicine in Russia during the period of capitalism (1861–1917)]. М., 194 p. [in Russian]
- [Khristenko, 2022](#) – *Khristenko, D.* (2022). Sovetskaya sel'skaya medicina dovoennogo perioda v ochenkah otechestvennykh i inostrannykh ochevidcev [Pre-war Soviet Rural Medicine as Assessed by National and Non-National Observers]. *Quaestio Rossica*. 10(2): 629–645. [in Russian]
- [Lomonosov, 1950](#) – *Lomonosov, M.V.* (1761). O razmnozhenii i sohranении rossijskogo naroda [On the reproduction and preservation of the Russian people]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya*. М.: Gospolitizdat. Pp. 598–614. [in Russian]
- [Maksimov, 2015](#) – *Maksimov, A.M.* (2015). Rossiiskie transformatsii v svete modernizatsionnoi i mir-sistemnoi teorii: sravnitel'nyi analiz na primere industrializatsii kontsa XIX veka [Russian transformations in the light of modernization and peace-systems theories: a comparative analysis on the example of industrialization at the end of the 19th century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 6: 89–98. [in Russian]
- [Maksimovich-Ambodik, 1784](#) – *Maksimovich-Ambodik, N.M.* (1784). Iskusstvo povivaniya ili Nauka o babich'em dele [The Art of Weaving or the Science of Womanhood]. SPb, Imperatorskaya tipografiya. 176 p. [in Russian]
- [Meditsinskiy otchet..., 1876](#) – Meditsinskiy otchet starshego vracha Kostromskikh zemskikh gubernskikh zavedenii obshchestvennogo prizreniya doktora meditsiny Pullo s 1 yanvarya 1875 po 1 yanvarya 1876 [Medical report of the senior doctor of the Kostroma zemstvo provincial institutions of public charity, Doctor of Medicine Pullo, from January 1, 1875 to January 1, 1876]. Kostroma: Gub. tipografiya, 1876. 31 p.
- [Meditsinskiy otchet..., 1877](#) – Meditsinskiy otchet po Kostromskikh zavedeniyam obshchestvennogo prizreniya za 1876 god starshego vracha doktora meditsiny i akushera I.M. Pullo [Medical report on

Kostroma public charity institutions for 1876 by senior physician, doctor of medicine and obstetrician I.M. Pullo]. Kostroma: Gub. tipografiya, 1877. 15 p. [in Russian]

Milyukov, 1905 – *Milyukov, P.N.* (1905). Gosudarstvennoe khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII veka i reforma Petra Velikogo [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. Sankt-Peterburg, Tipografiya Stasyulevicha, 678 p. [in Russian]

Nefedov, 2009 – *Nefedov, S.A.* (2009). Agrarnye i demograficheskie itogi russkoi revolyutsii [Agrarian and demographic results of the Russian revolution]. Ekaterinburg, Izd-vo UGGU. 209 p. [in Russian]

Otchet..., 1915 – Otchet o sostoyanii narodnogo zdравиya i organizatsii vrachebnoi pomoshchi v Rossii za 1913 g. [Report on the state of public health and the organization of medical care in Russia for 1913]. SPb: Upravlenie glavnogo vrachebnogo inspektora MVD, 1915. 333 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka..., 1863 – Pamyatnaya knizhka Yaroslavskoi gubernii na 1862 g. [Memorial book of the Yaroslavl province for 1862]. Yaroslavl', 1863. 476 p. [in Russian]

Protokoly zasedanii..., 1873 – Protokoly zasedanii pervogo syezda zemskikh vrachei Yaroslavskoi gubernii v 1873 g. [Proceedings of the meetings of the first congress of zemstvo doctors of the Yaroslavl province in 1873]. *Vestnik Yaroslavskogo zemstvo.* 1873. 15–16: 1-121. [in Russian]

RbF GAJaO – Filial Gosudarstvennogo arhiva Jaroslavskoj oblasti v g. Rybinske [Branch of the State Archives of the Yaroslavl Region in Rybinsk].

Shalamov, 2013 – *Shalamov, V.A.* (2013). Sanitarnoe prosveshchenie Sibiri v 1920–1930-e gody [Health Education in Siberia in the 1920s–1930s]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal.* 2: 120-122. [in Russian]

Shingarev, 1907 – *Shingarev, A.I.* (1907). Vymirajushhaja derevnja. Opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniya dvuh selenij [Dying village. Experience of sanitary and economic research of two villages of Voronezh. county 2nd ed.]. Voronezh. uezda. 2-e izd. SPb.: Obshhestv. pol'za, 223 p. [in Russian]

Smirnova, 2013 – *Smirnova, E.M.* (2013). Ot obshchestvennogo prizreniya k obshchestvennoy meditsine. Zdravookhranenie Yaroslavskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [From public charity to public medicine. Health care of the Yaroslavl province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Avers-plyus, Yaroslavl', 272 p. [in Russian]

Statisticheskii ezhegodnik Rossii, 1915 – Statisticheskij ezhegodnik Rossii. 1914 g. [Statistical Yearbook of Russia. 1914]. Petrograd: Izdanie Central'nogo statisticheskogo komitete MVD, 1915. 702 p. [in Russian]

Strashun, 1964 – *Strashun, I.D.* (1964). Russkaya obshchestvennaya meditsina v period mezhdvu dvumya revolyutsiyami. 1907–1917 [Russian public medicine in the period between two revolutions. 1907–1917]. Meditsina, M., 206 p. [in Russian]

Veresaeu, 1990 – *Veresaeu, V.V.* (1990). Bez dorogi (1895). [Without a road (1895)]. Sochineniya v chetyreh tomah. T. 1. Moskva: Izd-vo Pravda. Pp. 67-144. [in Russian]

Volkova, 2001 – *Volkova, T.I.* (2001). Stanovlenie i razvitie zemskogo zdравookhraneniya v Yaroslavskoy gubernii (1865-1917 gg.) [Formation and development of zemstvo healthcare in the Yaroslavl province (1865–1917)]. Liya, Yaroslavl', 128 p. [in Russian]

X syezd..., 1907 – X syezd russkikh vrachei v pamiat' N.I. Pirogova. 25 apreliya – 2 maia 1907 g. [X Congress of Russian Doctors in Memory of N.I. Pirogov. April 25 – May 2, 1907]. SPb., 1907. 252 p. [in Russian]

Социальная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (на примере функционирования системы здравоохранения)

Дмитрий Николаевич Христенко ^{a, *}, Александр Борисович Оришев ^a, Азер Агабалаевич Мамедов ^a

^a Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается состояние здравоохранения в Российской империи с момента ее основания и вплоть до начала XX века. Подчеркивается тот факт, что государство сосредотачивало основные финансово-промышленные ресурсы на укреплении армии и позиций страны на мировой арене, что естественным образом вызвало «перекося» в бюджетном обеспечении социальных нужд, которые регулярно недофинансировались. Это вызывало справедливую критику современников, включая знаменитого русского ученого М.В. Ломоносова, и других исследователей и общественных деятелей. Земская реформа 1864 г. дала определенный толчок преобразованиям, но в условиях отсутствия достаточного количества квалифицированных врачебных кадров и стабильного финансирования изменения носили по большей части не реальный, а формальный характер. Это приводило к тому, что медицина в деревне существовала фактически лишь на бумаге. С точки зрения социальной структуры, страна была преимущественно аграрной, с врачебной помощью для

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khristenko1983@mail.ru (Д.Н. Христенко)

основной части жителей государства были серьезные проблемы. Архивные данные свидетельствуют о необычной высокой смертности, распространении инфекционных и венерических заболеваний. Немногим лучше обстояла ситуация и с медицинской помощью для рабочего населения, сосредоточенного в крупных городах. Ее можно охарактеризовать как явно недостаточную и ограниченную. В результате страдали не только больные, но и сами врачи, которые физически и морально не могли справиться с подобной невероятной нагрузкой.

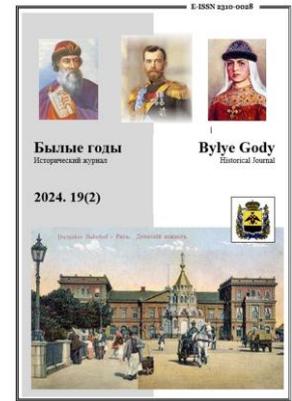
Ключевые слова: здравоохранение, болезни, социальная история, медицина, Российская империя, крестьяне, доктор, акушерство, эпидемии.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 803-813
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.803

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Orenburg Men's Gymnasium and Representatives of the Kazakh Intelligentsia

Orazgul Kh. Mukhatova ^a, Zhumaziya Zhumabayeva ^b, Shamek B. Tleubayev ^a, Arailym N. Konkabayeva ^{a, *}

^a Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Atyrau University named after H. Dosmukhamedov, Atyrau, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the XIX – early XX centuries in Russia there were gymnasiums for secondary education, the completion of which gave the right to enter higher educational institutions (universities) and serve in various institutions. Such educational institutions were famous not only for their teaching methods, but also for the organization of the educational process. One of these educational institutions in the Kazakh steppe was the Orenburg Men's Gymnasium, which opened in 1868. In order to open a gymnasium and construct an educational building, a charitable foundation was organized among the residents. Scholarships were awarded to Kazakh children studying from the charity fund. Among the graduates of this gymnasium were representatives of the Kazakh intelligentsia such as: Abubakir Aldiyarov, Salimgerey Nuralykhanov, Kali Ibragimov, Gali-Akhmet Aryngaziev, etc. The documents of Fund 79 of the United State Archives of the Orenburg Region contain information about the activities of the civil men's gymnasium, the names of graduates, information about their academic performance, the daily life of Kazakh children who studied at the beginning of the XX century. Sources indicate that at the gymnasium, Kazakh children lived in a boarding house and received a scholarship assigned to the children of Kazakhs in the Orenburg region and surrounding regions. As part of the curriculum, the following languages were studied: Russian, Greek, Latin, French, German, as well as logic, algebra, geometry, history, and geography. Children were aimed at acquiring knowledge, diligently mastering the educational process in order to achieve good results. After graduating from the Orenburg men's gymnasium, Kazakh young men were able to continue their studies at higher educational institutions in Russia.

Keywords: Orenburg, gymnasium, educational district, pupil, boarding school, class, academic performance, certificate, matriculation certificate, intelligentsia.

1. Введение

Открытие в 1868 г. мужской гимназии в Оренбурге создало благоприятные условия для развития просвещения в крае и получения светского образования коренными жителями. Соподчиненность гимназии Оренбургскому учебному округу облегчало решение проблем ее финансирования, обеспеченности кадрами, учебными пособиями и т.д. Создание жителями Оренбургской области благотворительного фонда для обучения подростков существенно облегчило доступ казахским детям к светскому образованию. Архивные документы подтверждают, что в конце XIX – начале XX вв. в гимназии обучались дети казахов, часто за счет благотворительности. Учеба влияла на личностный рост, поскольку учащиеся, находясь в городском пространстве, стремились понять происходящие события и процессы. После окончания гимназии выпускники могли поступить в высшие учебные заведения, осознанно участвовать в общественно-политической, социально-

* Corresponding author

E-mail addresses: konkabayeva.arailym@mail.ru (A.N. Konkabayeva),

Orazgul7@rambler.ru (O.Kh. Mukhatova), zia_88@mail.ru (Zh. Zhumabayeva),

Shamek_09@mail.ru (Sh.B. Tleubayev)

экономической, культурной жизни родного народа. В связи с этим представляется немаловажным изучение биографий представителей казахской интеллигенции. Значимость исследования учебного процесса и специфики обучения мальчиков в Оренбургской мужской гимназии и роль учреждения в совершенствовании действовавшей системы образования неоспоримы. Отсутствие специальных исследований по данной проблеме в казахстанской исторической науке повышает актуальность данной темы.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования рассматриваемого вопроса являются в основном документы 79 фонда, хранящиеся в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (далее – Оренбург, Российская Федерация), и 977 фонда Национального архива Республики Татарстан (далее – Казань, Российская Федерация). В 79 фонде собраны документы детей, в том числе казахов, получивших образование в Оренбургской мужской гимназии. Они содержат сведения о деятельности гимназии и жизни воспитанников. В документах отражены год и место рождения, учебные заведения, в которых учились дети до гимназии, время пребывания в пансионе, изучаемые дисциплины, успеваемость, поведение, причины ухода из гимназии, аттестаты и т.д.

Образовательный процесс и повседневную жизнь казахских детей, обучавшихся в Оренбургской мужской гимназии, целесообразно изучать в рамках концепции цивилизационного подхода (Сорокин, 1992). Рассмотрение образования как главной духовной ценности человека в рамках цивилизационного подхода считается безальтернативным. Феноменологический вектор (Гуссерль, 2008) указывает на формирование личностных ориентиров в стенах гимназии. При описании повседневной жизни обучающихся детей-казахов в пансионе значимую роль играет теория повседневности М. Блока (Блок, 1986), Л. Февра (Февр, 1991), Ф. Броделя (Brodell, 1986).

Теоретические концепции Артура Онкена Лавджоя (Лавджой, 2001) по изучению эпистемологии и истории идей эффективно при изучении социально-политических взглядов будущих представителей движения Алаш. Теории развития личности Эриксона (Эриксон, 1996) и Эриха Фромма (Фромм, 2008) помогают систематизировать жизненные вехи рассматриваемых персоналий. Использование предложенных научных направлений в сочетании с принципами исторического исследования позволило изучить проблему в ее многогранности, хронологической последовательности и преемственности. Принципы исследования применялись в тесной связи с набором общенаучных методов.

3. Обсуждение

Глубокое изучение истории движения «Алаш», деятельность которого десятилетиями находилась в числе «закрытых» тем, указывает на то, что многие ее аспекты еще не раскрыты. К числу таких проблем относится история детства представителей казахской интеллигенции, получивших образование в Оренбургской мужской гимназии. К сожалению, вопрос практически не освещен в публикациях. В российской историографии представлены работы по истории первых учебных заведений в Оренбургской губернии, развитию системы учебных заведений в XIX в., истории первых средних школ. В монографии В.С. Болодурина (Болодурин, 2001) кратко характеризуется Оренбургская мужская гимназия, но специальных исследований Оренбургской мужской гимназии не проводилось.

В работе К. Нурпейиса (Нурпейис, 1995), посвященной движению «Алаш», упоминаются имена воспитанников Оренбургской гимназии. М. Койгелдиев в своем фундаментальном исследовании (Койгелдиев, 1995: 264) уделяет внимание выпускнику Абубакиру Алдиярову. В статье (Койгелдиев, 2016) автор раскрывает судьбу и гражданскую позицию А. Алдиярова, повествует о его отце. Опубликованы труды исследователей в области медицины, дающие сведения о первых казахских врачах. Среди них можно выделить исследования, посвященные первым врачам-казахам, которые учились в Оренбургской мужской гимназии, а после окончили медицинские факультеты Казанского императорского университета, Москвы, Киева и др. В первом томе двухтомного труда А.Х. Досаханова под названием «Первые: врачи Алаш» (Досаханов, 2020) представлены жизнь и медицинская деятельность А. Алдиярова, Гали-Ахмета Арынгазиева. В совместной работе А. Алжанова, А. Шокина, А. Досаханова (Алжанов, 1984) характеризуется жизнь и деятельность первых казахских врачей, их вклад в здравоохранение. В статье С. Ордабекова (Ордабеков, 2020) упоминаются первые казахские врачи. Н.К. Оташева кратко останавливается на деятельности оренбургских алашевцев. В национальной энциклопедии (Национальная энциклопедия, 1998: 264), а также в энциклопедии «Алаш. Алашорда» (Анес, 2009) даны краткие сведения об А. Алдиярове. Кроме того, в сборнике документов и материалов «Суровый 1916 г.» (Қаһарлы 1916 г., 1998) имеются сведения о том, что А. Алдияров служил врачом на передовой во время Первой мировой войны, а в собраниях сочинений Ибрая Алтынсарина (Алтынсарин, 1978) о том, что он был учеником знаменитого просветителя.

Вместе с тем история Оренбургской мужской гимназии и судьбы ее выпускников из числа казахских детей на сегодняшний день слабо освещены в историографии.

4. Результаты

С первой половины XVIII в. в России функционировали губернские гимназии, в которых дети могли получить полное среднее образование. Целью правительства было, с одной стороны, подготовить из многонационального населения специалистов, необходимых для местных властей, сформировав определенную социальную категорию лиц из числа лояльных инородцев, а с другой, учеба в гимназии давала для выпускников возможность и право на поступление в высшие учебные заведения. К началу XX века среди казахов процент образованных лиц был относительно невелик. Заинтересованные в будущем своих детей родители стремились обучать сыновей в русско-казахских школах или гимназиях. Следует отметить, что мусульманские школы (мектебы, медресе) занимали немаловажное место в обучении детей казахов. Тем не менее в начале XX столетия часть казахов стала отдавать предпочтение светским учебным заведениям как более перспективным в плане дальнейшей реализации молодежи.

В XIX в. в казахской степи действовало несколько таких гимназий. Одна из них – Оренбургская мужская гимназия (**Рисунок 1**), которая открылась в 1868 г. Вопрос об открытии мужской гимназии был поднят генерал-губернатором Н.А. Крыжановским и попечителем Казанского учебного округа Шестаковым (**Оренбургский исторический календарь, 1903: 83**) еще в 1865 г., когда Оренбург получил статус губернского города. Среди населения губернии был организован благотворительный фонд для сбора средств на открытие гимназии и строительство учебного корпуса.

Рис.1. Внешний вид Оренбургской мужской гимназии

До 1874 г. она находилась в ведении попечителя Казанского учебного округа, с мая 1874 года по 1918 год – Оренбургского учебного округа (**ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. Л. 1**). 5 ноября 1804 г. территория Российской империи была разделена на шесть учебных округов в соответствии с новым «Уставом об университетских учебных заведениях», утвержденным императором Александром I. Каждый из них возглавлял попечитель округа и университета. Территория Оренбургской губернии была отнесена к Казанскому учебному округу. Округ был открыт в городе Казани грамотой и Указом Александра I об открытии университета.

18 мая 1874 г. был создан Оренбургский учебный округ. В состав округа вошли все учебные заведения, подведомственные Министерству народного просвещения, располагавшиеся в пределах Пермской, Оренбургской, Уфимской губерний и Уральской и Тургайской областей. Округ выпускал свои периодические издания: «Вестник Оренбургского учебного округа», «Циркуляр по Оренбургскому учебному округу», «Памятные книжки по Оренбургскому учебному округу» (**Cherkasov, 2023: 1686**), которые регулярно выходили со второй половины XIX до начала XX века. На их страницах печатались материалы, объявления по вопросам образования и деятельности учебного округа.

В 1874 году уездные и народные низшие училища губернии поступили в ведение инспектора народных училищ Оренбургско-Орского района Оренбургской губернии. С 1875 года по инициативе министра народного просвещения графа Д.А. Толстого и согласно утвержденному «Положению о городских училищах» от 31 мая 1872 г. в Российской империи началось преобразование уездных училищ в одноклассные, двух-, трех- и четырехклассные (в зависимости от количества населения) городские училища (**ОГАОО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 381. Л. 3**). Согласно пункту 10 «Положения о городских училищах» в трехклассных училищах устанавливался двухгодичный курс каждого класса. Таким образом, в 1-ом Оренбургском трехклассном училище срок обучения составлял 6 лет (**ОГАОО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 381. Л. 4**). В срок обучения детей казахов входило также время учебы в подготовительном классе.

Правила проживания в пансионе. Именно такой была продолжительность обучения в 1-й трехклассной мужской гимназии в Оренбурге. В 1877 году был открыт пансион для казахских детей, принятых в подготовительный класс. Отец каждого поступившего в интернат ученика подписывал обязательство, состоявшее из десяти пунктов, в которых было сказано о правилах проживания в

пансионе (Рисунок 2), плате за учебу, надзоре во время каникул и посещения публичных мест (собрания, концерты, театр, цирк и др.). Отцов детей обязали писать заявление на отпуск своих детей. Например, Мухамеджан Ибрагимов, житель аула №2 Буртинской волости Актюбинского уезда, 15 февраля 1898 г. написал прошение директору гимназии с просьбой отпустить сыновей Сулеймена и Гали Ибрагимовых на отдых в связи с праздником Курбан-Байрам (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 31. Л. 5). О необходимости немедленного сообщения руководству гимназии в случае болезни или иных ситуаций говорилось в пункте четвертом (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 31. Л. 246). Все это свидетельствует о том, что ответственность за детей в период их обучения несли не столько родители, сколько руководство гимназии. Строгие правила проживания в пансионе способствовали выработке у мальчиков навыков поведения в общественных местах, ответственности, нравственности и порядочности.

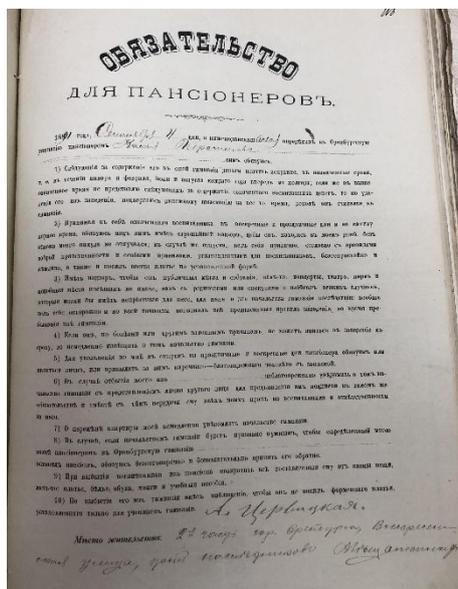

Рис. 2. Обязательство для пансионеров (ОГАОО. Ф.79. Оп.1. Д.54. Л. 118)

Согласно вновь утвержденному «Положению о высших начальных училищах» от 25 июня 1912 г. городские училища Российской империи были преобразованы в высшие начальные училища. В соответствии с данным положением гимназии для мальчиков в городах Верный и Оренбург успешно продолжали свою работу. Оренбургская мужская гимназия отличалась квалифицированным преподавательским составом: в 1894 г. в гимназии работало 13 учителей, окончивших университеты и филологические институты, 2 – средние училища, 1 – духовную семинарию и 1 – зарубежное учебное заведение. По сравнению с Верненской мужской гимназией учебное заведение отличалось лучшей материально-технической базой и имело свои традиции. Помимо фундаментальной и трех ученических библиотек, гимназия располагала физическим и естественно-историческим кабинетами, которые способствовали качественному образованию. Ежегодно оформлялась подписка на 46 периодических изданий, что также указывает на богатый библиотечный фонд и уровень обеспеченности учебного процесса необходимой литературой. В систему управления гимназии входило несколько общественных объединений: попечительский и педагогический советы, а также экономический комитет. В период второй половины XIX – начала XX вв. Оренбургская мужская гимназия прославилась в регионе как передовое учебное заведение, дающее гражданское среднее образование (Научно-справочное издание, 2019: 397-398). Образование здесь носило классический характер, поэтому в учебную программу входили древние языки (греческий, латынь и др.), Закон Божий, словесность и математика.

Преподаватели Оренбургской мужской гимназии в течение года организовывали внеклассные образовательные мероприятия. Популярность учебного заведения возросла благодаря проводимым здесь литературно-музыкальным вечерам. Воспитаники активно участвовали в городских событиях. Выступления артистов, организация встреч с известными людьми стали традицией. В 1891 году, возвращаясь из поездки в Японию, гимназию посетил будущий император Николай II.

Социальное происхождение и религиозные убеждения учеников были неоднородными. Наряду с мусульманами и последователями православной религии здесь получали образование и дети представителей других конфессий. Рядом с учебным заведением действовала православная церковь. Гимназия и пансион финансировались за счет казны, студенческих взносов и частных пожертвований. Гимназия имела собственный счет в коммерческом банке (Болодури, 2001: 20). Однако у учебного заведения были свои особенности. Успеваемость в гимназии была средней, иногда ниже средней, поскольку в гимназии учились дети из разных социальных групп, и уровень их

подготовки был разным. Некоторые дети имели удовлетворительное догимназическое образование, другие имели низкий уровень начального образования. При поступлении проверялось знание русского языка, так как не все дети, особенно мальчики из казахских аулов, владели русским языком, что вызывало сложности в обучении. Также варьировались способности обучающихся, потому повторное усвоение программы на подготовительном курсе и получение неудовлетворительных оценок на испытаниях считалось нормальным явлением.

Казахи в гимназии. Если в Верненской мужской гимназии обучалось более ста казахских детей, то в учебном заведении в Оренбурге их было немного. Архивные документы свидетельствуют, что в конце XIX – начале XX вв. в гимназии учились Абубакир Алдияров, Салимгерей Нуралыханов, Гали (Кали) Ибрагимов, Есмурат Айшуаков, Сулеймен Ибрагимов, Абубакир Сейдалин, Гали-Ахмет Арынгазиев, Оспан Болтириков, Карасай Койайдаров, Нурмухамед Калменов, Отеген Болебаев (ОГАОО. Ф.79. Оп.1. Д.31, 37, 39, 54, 156, 195, 198, 207).

Одним из первых казахов, принятых в Оренбургскую мужскую гимназию, был Абубакир Алдияров. Однако документы, касающиеся его повседневной жизни, дисциплины, успеваемости в гимназии, т.е. его кондуитный лист, в архиве не сохранились. Сведения об Абубакире встречаются в документе, содержащем список учеников VIII класса, «изъявивших желание подвергнуться испытанию зрелости в 1899 году» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 38-50). В архиве сохранилось его прошение, написанное 5 апреля 1899 года на имя директора гимназии, где он просил допустить его к экзаменам (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 11). Из списка видно, что А. Алдияров был одним из двух казахов среди 22 учеников 8 класса. Чтобы выпускник получил разрешение для сдачи экзаменов, руководство гимназии детально проверяло его успеваемость, дисциплину и материальное положение. В гимназии основное внимание уделялось посещению занятий учащимися, для чего определялось общее количество часов посещений занятий и пропусков. Например, в 1898-1899 учебном году минимальное количество часов участия в занятиях для ученика 8-го класса составляло 708, а максимальное – 844 часа. Значительная разница в количестве часов являлась следствием того, что не все ученики изучали древние и иностранные языки и дополнительные предметы. Количество посещений Абубакира составило 675 часов, он пропустил 33 часа из-за болезни, однако процент его успеваемости, несмотря на пропуски, составил 4,8 % из 5,0 %. Были дети, которые из-за болезни пропустили много занятий. Например, Иван Лебедев, заболев, пропустил 107 часов занятий: в конце XIX – начале XX вв. среди детей были распространены разные инфекционные болезни (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 37).

В одном классе с Абубакиром учился Салимгерей Нуралыханов. Салимгерей, с юности собранный, целеустремленный и умный, пропустил всего 7 часов уроков (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 37). В гимназии высоко ценилось регулярное посещение занятий учеником, поэтому мальчики старались не пропускать ни одного урока без причины.

В списке учеников VIII класса, «изъявивших желание подвергнуться испытанию зрелости в 1899 году» указаны год рождения, место, вероисповедание выпускника, а также образование, посещение занятий, подготовка, выполнение письменных работ, интерес к образованию, полученные оценки по предметам. Написано, что «Абубакиру 20 лет, место рождения – аул № 6 Сарыойской волости (Сарай) Николаевского уезда Тургайской области, вероисповедание – мусульманин, из семьи почетного гражданина, поведение хорошее, прилежно готовится к занятиям по всем предметам» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 39). Салимгерей был 21 год, когда он закончил гимназию. Он – сын хорунжего, родился в Астрахани, поведение очень хорошее, одинаково интересовался всеми предметами (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 47).

Успеваемость Абубакира по курсам гимназии была следующей: Закон Божий, география – 5, история – 4, русский, немецкий, французский, латынь, греческий языки, логика, математика, физика, математическая география – 3, общая успеваемость – 3,5 (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 39). Согласно архивным документам в Оренбургской мужской гимназии, помимо русского языка, ученики изучали четыре иностранных и древних языка, это свидетельствует о том, что требования к уровню среднего образования в конце XIX – начале XX вв. были очень высоки. Салимгерей получил по Закону Божьему 5, по латыни, французскому языку, истории, географии – 4, по русскому языку, логике, математике, физике, математической географии – 3, общий балл составил 3,6. Он не изучал немецкий и греческий языки.

Вопросы экзаменов по предметам также были сложными. Например, Абубакир по предмету словесности отвечал на следующие вопросы (20 билет): «Понятие о драме. Требования по отношению к драме. Содержание драмы «Скупой рыцарь» А. Пушкина». Ответы аттестованы отметкой 3 (три) (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 188). С. Нуралыханов показал теоретическое и историческое изучение, общую и отдельные части теории словесности. По решению экзаменационной комиссии ему поставили удовлетворительную оценку (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 188об.).

Абубакир на экзамене по математике дал полный ответ (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 192). Ответ С. Нуралыханова был оценен «хорошо» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 190об.). Поскольку билет состоял из двух вопросов, итоговая оценка выставлялась как общий балл за оба ответа. Как видно из вопросов, испытания для выпускников были сложными и трудными. Продолжительность

письменных экзаменов составляла полтора часа. Письменные работы проверялись учителем-предметником, а другой преподаватель давал рецензию. Это показывает, что проверка письменных работ носила объективный характер.

Салимгерей и Абубакир посещали занятия по военной гимнастике и получили оценку «хорошо». Удивительно, но ни один из 22 учеников по этому предмету не получил оценку «отлично», 15 учеников получили оценку «хорошо» и 7 – «удовлетворительно» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 58).

А. Алдиярову (Рисунок 3) и С. Нуралыханову были вручены аттестаты зрелости. Аттестаты такого образца выдались всем учащимся, окончившим гимназию.

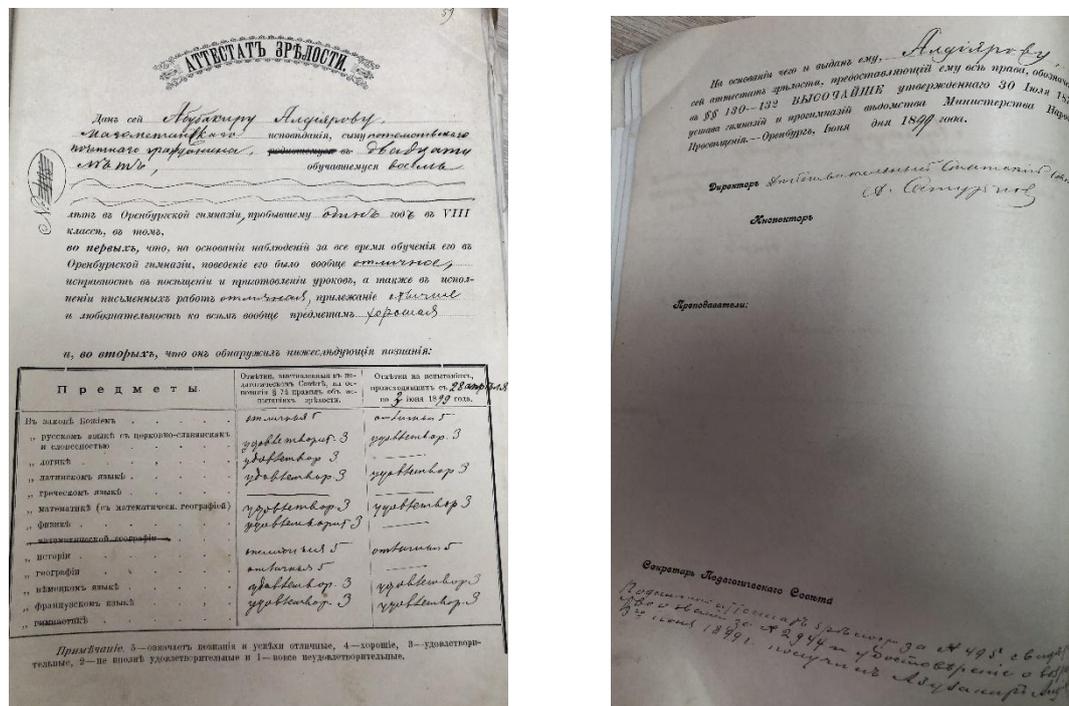

Рис. 3. Аттестат зрелости, выданный А. Алдиярову (НА РТ. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 33565. Л. 13-130б.)

Выпускник Абубакир Алдияров с целью получения высшего образования выбрал медицинский факультет императорского Казанского университета (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 59, 170-171). По правилам гимназии директор писал письмо ректору выбранного выпускником вуза и давал характеристику воспитаннику. В письме ректору императорского Казанского университета от 2 июня 1899 года, зарегистрированном под №644, была дана характеристика А. Алдиярову. В ней было сказано, что он – сын потомственного почетного гражданина, занимающего должность правителя Сарыойской волости Тургайской области, казах, магометанского исповедания, 20 лет, в гимназии обучался 8 лет. Абубакир обладает хорошими способностями, вырос в довольно состоятельной и культурной семье, при поступлении показал довольно хорошее знание русского языка, за годы учебы в гимназии жил в пансионе, получал стипендию для казахов Тургайской области. «Абубакир очень вежлив, в отношениях с товарищами и другими людьми никогда не проявляет грубости, поведение его всегда превосходное, в образе мысли нет ничего предосудительного» (НА РТ. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 33565. Л. 12). Это дает нам представление о характере будущего деятеля Алаш. А Салимгерей Нуралыханов выбрал юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В письме на имя ректора этого учебного заведения согласно циркулярному указу Министерства народного просвещения от 7 июня 1887 года содержатся характеристики Германа Галкина, Салимгерей Нуралыханова, Владимира Иванова, Михаила Бычкова, Александра Конопасевича, Владимира Конопасевича, Николая Павлова, Анатолия Говорят, Тимашева (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 243). В характеристике Салимгерей изложено следующее: «Он из казахов Букеевской орды, сын умершего хорунжего султана, получивший образование в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, магометанского исповедания, 20 лет, в гимназии пробыл 9 лет. Выросший в интеллигентной семье Нуралыханов уже дома довольно хорошо знал русский язык, благодаря этому обстоятельству, а также способностям, довольно успешно окончил курсы в гимназии. Во все время пребывания в гимназии Нуралыханов жил в пансионе, получал стипендию для казахов Букеевской орды. В обращении с товарищами был ровен и приветлив. Характер мягкий, обнаруживает склонность к развлечениям. Поведение был всегда отличным» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 39. Л. 245). Из этой краткой характеристики видна личность Салимгерей, в отличие от других детей, происходивших из знатного рода.

В 1899 году шестой класс гимназии закончил Абубакир Сейдалин. В это время директором учебного заведения был А.Н. Сатурнов. Архивные документы подтверждают, что ему был выдан аттестат об окончании шестого класса. Из содержания свидетельства видно, что А. Сейдалин показывал следующие образовательные достижения: Закон Божий – 5, история, география – 4, русский язык, латынь, немецкий, французский языки и математика – 3 балла (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 37. Л. 116). Он родился в 1881 году в Аракарагайской волости Николаевского уезда Тургайской области. В 1891 году он был принят на стипендию в первый класс подготовительного курса Оренбургской мужской гимназии. После окончания гимназии он намеревался продолжить обучение в Казанском ветеринарном институте. 7 июля 1899 года директор Казанского ветеринарного института в письме директору Оренбургской мужской гимназии писал, что Абубакир Сейдалин и Сулеймен Ибрагимов обратились с просьбой принять их в институт, в связи с этим он просил указанное высшее учебное заведение прислать подробные сведения об их моральных, нравственных, этических качествах и политических убеждениях (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 37. Л. 216).

В гимназии учился и Кали (Гали) Ибрагимов. На поступление Кали Ибрагимова в гимназию повлиял его отец, Мухамеджан. Отец написал заявление военному губернатору Тургайской области с просьбой принять сына на обучение и выделить стипендию. В 1891 году в письме, написанном губернатором директору Оренбургской мужской гимназии, он просил принять в гимназию на стипендию Кали Ибрагимова, уроженца Буртинской волости Илецкого уезда, вместе с сыном Болтирика Турлыбаева, казаха Сарыкопинской волости Тургайского уезда (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 54. Л. 116). После этого по просьбе Мухамеджана Ибрагимова Кали 11 сентября 1891 года был принят в первый класс. Его отец подписал обязательство для проживания в пансионе (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 54. Л. 117).

Из документов, хранящихся в архивном фонде, можно получить сведения о том, что Кали родился в 1881 году в Тургайской области, никогда не пропускал занятия, домашние задания готовил хорошо, тщательно выполнял письменные работы, в классе уделял внимание урокам. Кали подал прошение в апреле 1901 года с просьбой разрешить ему сдать экзамены на аттестат зрелости (Рисунок 4) (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 54. Л. 29). Во время учебы в гимназии по Закону Божьему, русскому языку, логике, латыни, алгебре, физике, географии, истории, немецкому и французскому языкам он получал удовлетворительные оценки. Успешно сдавшемуся экзамены Кали был вручен аттестат зрелости общего образца (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 54. Л. 115-п). Педагогический совет дал характеристику Г. Ибрагимову. Следует отметить, что если другим казахам была дана краткая характеристика, то у Г. Ибрагимова она полная и подробная. В ней отмечено, что он поступил в гимназию без подготовительного класса, в 20 лет окончил ее. Совет подчеркнул его характер и способности: «К. Ибрагимов спокойный, неразговорчив, малообщителен. Способностей он посредственных, поэтому должен был всего добиваться путем усиленного и настойчивого труда и старания. Только этим качествам, да еще неуклонному и аккуратному посещению уроков он обязан тем, что дошел до полного окончания гимназического курса, что инородцам далеко не многим удается» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 54. Л. 137).

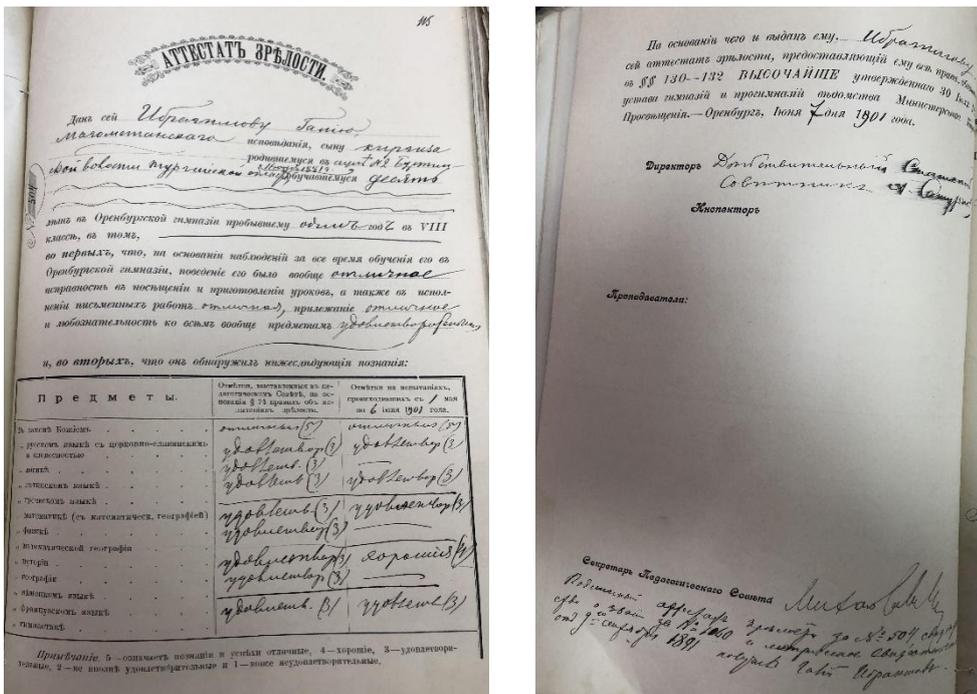

Рис. 4. Аттестат зрелости К. Ибрагимова (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 54. Л. 115, 115об.)

Действительно, не все поступившие в мужские гимназии в городе Оренбурге или Верном заканчивали их полный курс. Были различные причины ухода из гимназии. Одни уходили из-за болезни, другие, чтобы работать и обеспечить себя и родителей. Но основная причина заключалась в социальном статусе родителей. Некоторые, ссылаясь на семейное положение, забирали детей из учебного заведения, так как не были заинтересованы в том, чтобы их дети окончили гимназию. Главным для них было то, что сыновья окончили 3 или 4 класса, владели русским языком, что считалось достаточным для их трудоустройства.

Далее в характеристике отмечено: «К. Ибрагимов все время находился в пансионе, состоял казахским стипендиатом. Как здесь, так в стенах учебного заведения он вел себя всегда безукоризненно: был тих, скромен, к воспитателям пансиона, к начальству гимназии всегда относился с должным почтением и уважением. Все это дает полное основание рассчитывать на его благонадежность в будущем» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 54. Л. 1370б.). Из описания видно, что Гали был трудолюбивым молодым человеком, жаждущим образования, умеющим ставить перед собой цели. В списке выпускников и учебных заведений для дальнейшего продолжения образования указано, что Кали Ибрагимов, как и Абубакир Алдияров, выбрал медицинский факультет Казанского университета (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 54. Л. 850б.). К сожалению, других сведений о Г. Ибрагимове нет.

Среди выпускников Оренбургской мужской гимназии в 1900-1901 годах был Гали-Ахмет Арынгазиев. В документе, содержащем список учеников VIII класса, даются следующие сведения: «родился в Тургайской области в августе 1879 года, отец его казах, мусульманин, в гимназию поступил в десятилетнем возрасте, поведение хорошее» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 38. Л. 28).

1 апреля 1900 года он написал прошение на имя директора и просил разрешить ему сдать испытания на аттестат зрелости (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 38. Л. 2). Он с 15 мая по 2 июня 1900 года сдавал экзамены и получил «удовлетворительную» оценку по французскому, латыни, русскому языку, математике, алгебре, истории, логике, географии, математической географии, физике, «очень хорошо» – по Закону Божьему и «хорошо» – по словесности. Хотя по некоторым предметам он показал «удовлетворительный» уровень знаний, на промежуточных испытаниях этих курсов он получил оценку «хорошо». Общее количество посещений занятий составило 587 часов, 26 часов было пропущено по уважительной причине, т.е. по болезни. Наряду с другими выпускниками Гали-Ахмету дана характеристика, где указано, что он все время нахождения в гимназии жил в пансионе, получал стипендию для тургайских казахов. Далее указано следующее: «Г. Арынгазиев обладает довольно хорошими способностями, благодаря хорошим посещениям постепенно накопил курсы учения. В обращении с товарищами был всегда вежлив и довольно общителен, ровный, тихий, скромный. Поведение всегда было отличное. Материально недостаточно обеспечен» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 38. Л. 79). Данное описание почти не отличается от других характеристик, тем не менее раскрывает черты характера Гали-Ахмета.

Происхождение Гали-Ахмета – аристократическое, его прадеды – хан Есим, хан Кайип, а дед – хан Арынгазы. Отец Гали-Ахмета, Сафа, работал старшим конно-полицейским стражником Илецкого уездного управления Тургайской области (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 38. Л. 79). Сведения об этом содержатся в удостоверении, выданном Сафе Арынгазиеву Илецким уездным начальником 8 августа 1890 года. Там сказано, что удостоверение дано «на предмет предъявления такового в Оренбургскую гражданскую гимназию в том, что он находился по делам службы на выборах в Хобдинской волости с 23 июля по 7 августа, вследствие чего и не мог представить к сроку сына своего Гали-Ахмета в гимназию» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 38. Л. 103). До гимназии Гали-Ахмет окончил местную русско-казахскую школу.

Становление гимназистов как специалистов. Окончив гимназию, Абубакир поступил на медицинский факультет императорского Казанского университета и учился на стипендию имени генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского. В дореволюционный период стипендия имени Н.А. Крыжановского сыграла значительную роль в подготовке казахских врачей в стенах Казанского университета. Это также было примером для других регионов Казахстана (Альжанов, 1984: 23). По указу императора от 21 мая 1888 года для молодежи, обучающейся в Казанском университете, были учреждены из казны 28 Сибирских стипендий. 10 из них были выделены высшим учебным заведениям Западной Сибири. До 1899–1900 гг. по решению правления Казанского университета стипендия назначалась только обучающимся на юридическом факультете. С 1900 года 10 стипендий были присуждены студентам медицинского факультета. Таким образом, первые врачи Степного края благодаря этим стипендиям получали высшее образование. Те, кто использовал стипендию, по окончании высшего учебного заведения должны были служить полтора года в Степном крае (Альжанов, 1984: 24).

Обучение в университете молодому, способному, умному, знающему русский и иностранные языки, особенно латынь, А. Алдиярову не составляло большого труда. Абубакир получил высокие оценки по всем медицинским предметам, особенно по фармакологии, медицинской диагностике, хирургической патологии и терапии (НА РТ. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 33565. Л. 21). Именно поэтому он окончил университет в 1904 году с серебряной медалью. До 1916 года работал врачом в Актюбинском и Костанайском регионе и городе Троицке. В 1908 году провел успешную операцию на глаза известному поэту Султанмахмуту Торайгырову.

Отзывы людей, которые у него лечились, доказывают, что Абубакир был квалифицированным врачом, преданным своей профессии. Например, Г. Шокаева в статье, опубликованной в восьмом номере журнала «Айкап» за 1913 год, указывает, что врач Троицкой больницы А. Алдияров вылечил тяжелобольного человека, и к нему люди охотно приходят за медицинской помощью (Алжанов, 1984: 54). В начале Первой мировой войны Абубакир, последовав обращению А. Бокейханова к казахской молодежи, в том числе к врачам, добровольно поехал в Белоруссию и в среде казахов, призванных на тыловую работу, служил врачом. Работал в Международном обществе Красного Креста. За короткий период он оказал медицинскую помощь многим казахам, попавшим на фронт. Об этом от имени рабочих 9-й дружины под Минском писал Ныгметолла Кайымекеулы: «Доктор Абубакир Алдияров хорошо ухаживает за казахами и приносит огромную пользу. Мы говорим: Божье благословение за служение, которое он оказал своим братьям» (Койгелдиев, 1995: 203).

Вернувшись на родину после Февральской революции, Абубакир активно участвовал в работе казахских комитетов, I и II Всеказахских съездов. На II Всеказахском съезде он был избран членом правительства Алаш-Орды. Был членом комитета Алаш-Орды Костанайского уезда и Тургайской области. Он выступил с докладом об автономии Алаш на внеочередном съезде казахов Костанайского уезда.

После окончания гимназии Г. Арынгазиев сдает вступительные экзамены в сельскохозяйственный институт в Москве. Однако из-за болезни его перевели на медицинский факультет императорского Казанского университета. Он, также как А. Алдияров, получал стипендию имени Н.А. Крыжановского.

Начиная с 1904 года в его жизни произошли судьбоносные события. 26 сентября в связи с женитьбой на дочери Н.В. Простосердова он принял православие и сменил имя. Его стали звать Георгием Леонидовичем. В 1905 году Гали-Ахмета исключили из университета за участие в студенческом революционном движении и отправили на Русско-японскую войну врачом. После окончания войны он был вновь принят в университет, окончил его в сентябре 1907 года и был временно сослан в город Нижний Тагил. Вернуться на родину ему мешал страх перед своими родичами из-за обращения в православную религию, поэтому после ссылки он остался в этом городе. Его жизнь была похожа на судьбу его деда, хана Арынгазы. Царская власть держала его деда под домашним арестом в городе Калуге и не позволяла ему вернуться домой, а возвращению Гали-Ахмета в родные земли мешало его крещение. Однако, несмотря на то что служил далеко от родины, Гали-Ахмет не остался в стороне от казахского национально-освободительного движения в бурный 1917 год. В декабре 1917 года в Оренбурге был открыт Тургайский областной комитет партии «Алаш», членами которого стали 14 человек. В состав комитета, наряду с А. Байтурсиновым, А. Букейхановым, Е. Омаровым и др., вошел Г. Арынгазиев (Койгелдиев, 1995: 308) и активно включился в дело организации Всеказахского съезда 1917 года (Койгелдиев, 1995: 326).

5. Заключение

Оренбургская мужская гимназия имела важное значение для профессионализации детей инородцев, в том числе казахов. Из ее стен вышла целая плеяда образованных казахов, часть выпускников стала движущей силой Алаш. Они пополнили ряды национальной интеллигенции, впоследствии ставшей фактором культурного роста и самореализации инородцев-казахов на государственной службе, в редакциях периодических изданий, различных ведомствах, учреждениях системы имперского здравоохранения и образования. Выпускники гимназия получили классическое светское образование, возможность самостоятельно ориентироваться в окружающем мире и адаптироваться в обществе. Благодаря этому они могли продолжить образование в высших учебных заведениях. Окончив университеты и институты, казахи становились квалифицированными специалистами. Например, после Февральской революции 1917 года в России представители казахской интеллигенции активно участвовали в работе Тургайского областного и уездного казахских комитетов, Всеказахских съездов, стали членами и кандидатами в составе правительства Алаш-Орды.

В ходе исследования удалось установить имена воспитанников, получивших образование в Оренбургской мужской гимназии. Однако известны судьбы не всех деятелей, в связи с этим на сегодняшний день есть необходимость последовательного изучения биографий и культурного наследия деятелей движения Алаш.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Жетысуские деятели движения Алаш: судьбы и наследие» (регистрационный номер: АР 14872226).

Литература

Алжанов, 1984 – Алжанов А., Шокин Ә., Досаханов Ә. Алғашқы казак дәрігерлері. Алматы: Қазақстан, 1984. 88 б.

Алаш. Алашорда, 2009 – Алаш. Алашорда: энциклопедия / құраст. Ф. Әнес, С. Смағұлова. Алматы: Арыс, 2009. 544 б.

- Алтынсарин, 1978** – *Алтынсарин И.* Собрание сочинений. В трех томах. Т. 3. Ответ. ред. Б. Сулейменов. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1978. 352 с.
- Блок, 1986** – *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. Изд. 2-е, доп., пер. Е.М. Лысенко. М.: Наука, 1986. 255 с.
- Болодури, 2001** – *Болодури В.С.* Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735-1940 годы). Оренбургское книжное издательство, 2001. 320 с.
- Бродель – Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. (В 3-х томах). Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 623 с.
- Гуссерль, 2008** – *Гуссерль Э.* Идея феноменологии. М.: ИЦ Гуманитарная академия, 2008. 224 с.
- Досаханов, 2020** – *Досаханов А.Х.* Первые: врачи Алаш. 1-т. Алматы: Сөздік-Словарь, 2020. 320 с.
- Казахстан. Ұлттық энциклопедиясы, 2005** – *Казахстан. Ұлттық энциклопедиясы.* Бас ред. Б. Аяған. Алматы: «Қазақ энциклопедиясының Бас редакциясы», 2005. 728 б.
- Қаһарлы 1916 жыл – Қаһарлы 1916 жыл.** Құжаттар мен материалдар жинағы – Грозный 1916 год. Сб. док. и матер. 2 т. Составители: Асанова С.А., Ижанов З. и др. Алматы: Қазақстан, 1998. 247 с.
- Қойгелдиев, 1995** – *Қойгелдиев М.* Алаш қозғалысы. Алматы, 1995. 368 б.
- Қойгелдиев, 2016** – *Қойгелдиев М.* Ұстанымы биік зиялы // *Қазақ әдебиеті.* 26 тамыз 2016.
- Лавджой, 2001** – *Лавджой А.О.* Великая цепь бытия. A Study of The History of An Idea / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
- НА РТ** – Национальный архив Республики Татарстан.
- Нұрпейіс, 1995** – *Нұрпейіс К.* Алаш һәм Алашорда. Алматы, 1995. 256 б.
- ОГАОО** – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Оренбургский исторический календарь, 1903** – *Оренбургский исторический календарь.* Открытие в Оренбурге мужской гимназии // *Оренбургский исторический календарь на 1904 год / составитель П.Н. Столпянский.* Оренбург: Типография Н.Г. Волкова, 1903. 96 с.
- Оташева, 2022** – *Оташева Н.Қ.* Алаш қайраткерлері халық жадында / *Алаш мұрасы: өткеннен болашаққа: Алаш ұлттық-демократиялық қозғалысының 105 жылдығына арналған республикалық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары.* Қостанай, 2022. 51-56-б.
- Ордабеков, 2020** – *Ордабеков С.* Қазақтан шыққан тұңғыш дәрігерлер // *Ақиқат.* 2020. № 12. 69-74-б.
- Сорокин, 1992** – *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Соколова; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
- Февр, 1991** – *Февр Л.* Бой за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.
- Фромм, 2008** – *Фромм Э.* Человек для самого себя / Пер. с англ. Э. Спировой. М.: АСТ, 2008. 349 с.
- Эрикссон, 1996** – *Эрикссон Э. Г.* Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд Университетская книга, 1996. 592 с.
- Cherkasov, 2023** – *Cherkasov A.A.* Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody.* 2023. 18(4): 1683-1694.

References

- Alzhanov, 1984** – *Alzhanov, A., Shokin, A., Dosahanov, A.* (1984). Algashky kazakh darigerleri [The first Kazakh doctors]. *Almaty: Kazakhstan*, 88 b. [in Kazakh]
- Alash. Alashorda, 2009** – *Alash. Alashorda: enciklopediya [Alash. Alashorda: encyclopedia].* Kyrast. G. Anes, S. Smagulova. *Almaty: Arys*, 2009. 544 b. [in Kazakh]
- Altynsarin, 1978** – *Altynsarin, I.* (1978). Sobranie sochineni [Collected works. In three volumes]. V trekh tomah. T. 3. Otvet. red. B. Suleymenov. *Alma-Ata: «Nauka» KazSSR*, 352 p. [in Russian]
- Blok, 1986** – *Blok, M.* (1986). Apology of history or the craft of a historian. [The apology of history or the craft of the historian]. Ed. 2nd, additional, trans. EAT. Lysenko. *M.: Nauka*, 255 p. [in Russian]
- Bolodurin, 2001** – *Bolodurin, V.S.* (2001). Obrazovanie i pedagogicheskaya mysl v Orenburzhe. Stranicy istorii (1735-1940 gody). [Education and pedagogical thought in Orenburg region. Pages of history (1735-1940)]. *Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo*, 320p. [in Russian]
- Braudel – Braudel, F.** (1986). Material civilization, economics and capitalism XV-XVIII centuries (In 3 volumes). [Material civilization, economics and capitalism of the XV-XVIII centuries (In 3 volumes)]. Volume 1. Structures of everyday life: possible and impossible. *M.: Progress*, 623 p. [in Russian]
- Cherkasov, 2023** – *Cherkasov, A.A.* (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody.* 18(4): 1683-1694.
- Dosahanov, 2020** – *Dosahanov, A.H.* (2020). Pervye: vrachi Alash. [First: doctors of Alash]. 1-t. *Almaty: Sozdik-Slovar*, 320 p. [in Russian]
- Erickson, 1996** – *Erickson, E.G.* (1996). Childhood and Society. [Childhood and society]. 2nd edition, reprint. *St. Petersburg: Lenato, ACT, University Book Foundation*, 592 p.
- Febr, 1991** – *Febr, L.* (1991). Fights for history. [Fighting for history]. *M.: Nauka*, 632 p. [in Russian]
- Fromm, 2008** – *Fromm, E.* (2008). A man for himself [A man for himself]. Translated from English by E. Spirova. *M.: AST*, 349 p.

- Husserl, 2008 – Husserl, E. (2008). Ideya fenomenologii [The idea of phenomenology]. M.: ITs Gumanitarnaya akademiya, 224 p. [in Russian]
- Kaharly 1916 zhyl – Kaharly 1916 zhyl. Kyjattar men materialdar zhinagy – Groznyi 1916 god. Sb. dok. i mater. [The terrible year of 1916. Collection of documents and materials]. 2 t. Sostaviteli: Asanova S.A., Izhanov Z. i dr. Almaty: Kazakhstan, 1998. 247 p. [in Kazakh, in Russian]
- Kazakhstan. Ul'ttyk enciklopediyasy, 2005 – Kazakhstan. Ul'ttyk enciklopediyasy [Kazakhstan. The National Encyclopedia]. Bas red. B. Ayagan. Almaty: «Qazaq enciklopediyasynyn Bas redakciyasyn», 2005. 728 b. [in Kazakh]
- Kogeldiev, 2016 – Koigeldiev, M. (2016). Ustanymy biik ziyaly [Intelligent with a high position]. Kazak adebiyeti. 26 tamyz 2016. [in Kazakh]
- Koigeldiev, 1995 – Koigeldiev, M. (1995). Alash kozgalysy [Alash movement]. Almaty, 1995. 368 b. [in Kazakh]
- Lovejoy, 2001 – Lovejoy, A.O. (2001). The Great Chain of Being – The Great Chain of Being: A Study of The History of An Idea. Translated from English by V. Sofronova-Anthony. M.: House of Intellectual Books, 376 p.
- NA RT – Nacional'nyi arhiv Respubliki Tatarstan [The National Archive of the Republic of Tatarstan].
- Nurpeiis, 1995 – Nurpeiis, K. (1995). Alaş ham Alaşorda [Alash and AlashOrda]. Almaty, 256 b. [in Kazakh]
- OGA00 – Obedinennyi gosudarstvennyi arhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg region].
- Ordabekov, 2020 – Ordabekov, S. (2020). Kazakhtan shykkan tungysh darigerler [The first doctors of Kazakh origin]. *Akikat*. 12: 69-74-b. [in Kazakh]
- Orenburgskii istoricheskii kalendar, 1903 – Orenburgskii istoricheskii kalendar [Orenburg Historical Calendar]. Otkrytie v Orenburge muzhskoj gimnazii. Orenburgskii istoricheskii kalendar na 1904 god. Sostavitel P.N. Stolpyanskii. Orenburg: Tipografiya N.G. Volkova, 1903. 96 p. [in Russian]
- Otasheva, 2022 – Otasheva, N.K. (2022). Alash kairatkerleri halyk zhadynda [Alash figures in the memory of the people]. Alash myrasy: otkennen bolashaqqa: Alash yl'ttyq-demokratiyalyyqozgalysynyn 105 jyldygyna arnalgan respublikalyqgylymi-tajiribelik konferenciya materialdary. Kostanai. Pp. 51-56-b. [in Kazakh]
- Sorokin, 1992 – Sorokin, P.A. (1992). Schelom. Civilization. Society [Human. Civilization. Society]. Obshch. red., sost. i predisl. A.Yu. Sogomonov; Per. s angl. M.: Politizdat, 543 p. [in Russian]

Оренбургская мужская гимназия и представители казахской интеллигенции

Оразгуль Хасеновна Мухатова ^a, Жумазия Жумабаева ^b, Шамек Баянович Тлеубаев ^a, Арайлым Нурболатовна Конкабаева ^{a, *}

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Атырауский университета им. Х. Досмухамедова, Атырау, Республика Казахстан

Аннотация. В XIX – начале XX вв. в России функционировали гимназии для получения среднего образования, окончание которых давало право поступать в высшие учебные заведения (университеты), служить в различных учреждениях. Такие учебные заведения славились не только методикой обучения, но и организацией воспитательного процесса. Одним из таких учебных заведений в казахской степи была Оренбургская мужская гимназия, открывшаяся в 1868 году. В целях открытия гимназии и строительства учебного здания среди жителей был организован благотворительный фонд. Из благотворительного фонда назначались стипендии обучающимся казахским детям. Среди выпускников этой гимназии были представители казахской интеллигенции такие, как Абубакир Алдияров, Салимгерей Нуралыханов, Кали Ибрагимов, Гали-Ахмет Арынгазиев и др. В документах Фонда 79 Объединенного государственного архива Оренбургской области содержатся сведения о деятельности гражданской мужской гимназии, именах выпускников, об их успеваемости, повседневной жизни детей-казахов, которые обучались в начале XX в. Источники свидетельствуют, что в гимназии дети-казахи жили в пансионе, получали стипендию, назначавшуюся для детей казахов Оренбургского края и близлежащих регионов. В рамках учебной программы изучались русский, греческий, латынь, французский, немецкий языки, а также такие дисциплины, как логика, алгебра, геометрия, история, география. Детей нацеливали на получение знаний, усердное усвоение учебного процесса, чтобы достичь хороших результатов. Окончив Оренбургскую мужскую гимназию, казахские юноши смогли продолжить обучение в высших учебных заведениях России.

Ключевые слова: Оренбург, гимназия, учебный округ, воспитанник, пансион, класс, успеваемость, свидетельство, аттестат зрелости, интеллигенция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: konkabayeva.arailym@mail.ru (А.Н. Конкабаева),

Orazgul7@rambler.ru (О.Х. Мухатова), zia_88@mail.ru (Ж. Жумабаева),

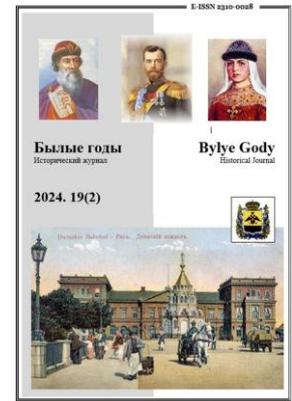
Shamek_09@mail.ru (Ш.Б. Тлеубаев)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 814-822
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.814

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of “People's Houses” in the Fight against Alcoholization of the Population of the Russian Empire at the turn of the XIX – early XX centuries

Oksana V. Klevtsova ^{a, *}, Nikolay A. Zhirov ^a

^a Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to an important social problem – the fight against alcoholism among the population of the Russian Empire at the turn of the XIX - early XX centuries. The study pays attention to the position of public authorities in relation to the production and sale of alcoholic beverages and the prevention of mass alcoholization of the population. Special attention is paid to the role of the Russian Orthodox Church in the prevention of the fight against drunkenness, as well as the activities of Folk houses, tea houses, reading rooms in promoting a healthy lifestyle. The People's House became the center of public life, where various cultural and educational institutions could find shelter. The government proposed to organize a People's House in every large village, while all questions of organization and management were assigned to local authorities. The leading role in organizing the fight against excessive alcohol-containing products was played by the public with the support of the Church and the zemstvo councils. The result of the activity of the People's Houses was the active involvement of various strata of society, primarily the peasantry and urban workers, in introducing them to a healthy lifestyle and raising the cultural level. This experience spread from large cities to rural areas. The sober movement covered significant segments of the population of different ages. Realizing the depth of the problem, the state began to make attempts to organize a fight against drinking establishments and the unhindered sale of vodka. The introduction of administrative and prohibitive measures at the beginning of the twentieth century did not lead to mass popular unrest, as society was already aware of the need to jointly combat drunkenness.

Keywords: the People's House, temperance society, fight against drunkenness, state, Church, people, the Russian Empire.

1. Введение

Данная статья является попыткой осмысления процесса и форм борьбы с алкоголизмом и пьянством в Российской империи пореформенного периода. Этим аморальным проявлениям российской действительности противостояли православная церковь, широкие слои общества. При этом государственные институты власти долгое время не поддерживали общественные начинания.

Употребление крепких алкогольных напитков стало актуальной проблемой лишь в XIX в., так как до этого периода население предпочитало слабоалкогольные – вино, пиво и т.д. С началом столетия на фабриках стали производить чистый спирт, и, как следствие, началась популяризация в быту крепких напитков, например, водки. Исследователь И. Г. Сикорский в своем труде «Алкоголизм и питейное дело» подчеркивал, что о вреде алкоголя для здоровья медики заговорили лишь в 70-е гг. XIX в. (Сикорский, 1897: 38). По подсчетам исследователей, средняя статистическая семья в стране (включая женщин и детей) в конце XIX в. тратила на алкоголь около 15-20 руб. в год, при этом расходы на производство самого продукта достигали 5-6 руб., а остальную сумму составляли государственные акцизы.

* Corresponding author

E-mail addresses: ksenijmel@yandex.ru (O.V. Klevtsova), zhirov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhirov)

Акцизные сборы предусматривали обложение спиртных напитков косвенными налогами непосредственно на производстве. Понятие «акцизные сборы» появилось 1 января 1863 г., а ранее существовал так называемый винный откуп. Он был ликвидирован 4 июля 1861 г. с принятием «Положения о питейном деле». Откуп предоставлял право торговли вином и водкой, полученное с торгов от государства, владеющего винной монополией.

Введение акцизных сборов способствовало росту числа питейных заведений, обогащению их владельцев и производителей, а также увеличению объема потребления алкоголя.

Таким образом, в стране после изменения правил торговли спиртными напитками наблюдался повсеместный рост объема потребления алкоголя. Поэтому в 1865 г. правительство пересмотрело правила о торговле крепкими спиртными напитками, с целью ограничения пьянства. От продавцов требовали «полной благонадежности», питейные заведения удаляли на значительное расстояние от церквей, а также вводили обязательную продажу холодных закусок. Городские думы обложили питейные заведения новым акцизом в пользу городской казны, а в Санкт-Петербурге даже учредили особый комитет по наблюдению за кабаками.

По стране применялись три типа мер по борьбе с алкоголем – народные, государственные и церковные. К середине XIX в. в борьбу с пьянством активно включился сам народ, и первые стихийные общества трезвости возникли в стране в 1858 г. Их появление ознаменовало начало первого движения за трезвость (1858–1859 гг.). Такие движения возникли в Ковенской, Виленской, Саратовской, Курской, Тульской, Пензенской, Владимирской, Екатеринославской и Тверской губерниях.

В 1859 г. Священный Синод благословил духовенство к призыву о воздержании граждан от употребления алкоголя. Клятвы (обеты) благословлялись Православной церковью. Первые общества существовали на собственные средства и не имели связи с подобными организациями по стране.

Инициативу церкви государство не поддержало, так как это грозило снижением доходов в казну от продаж алкоголя. Обер-прокурор Священного Синода, а потом и Министерство финансов обеспокоились столь рьяной позицией Церкви, и в адрес духовенства поступило распоряжение о недопущении сельских и городских сходок и о запрете распространения требований о воздержании (Сикорский, 1897: 33). Постепенно первые трезвенные движения угасти.

Правительство обратило внимание на проблему пьянства в 1864 г. В этот год в свет вышло Высочайшее утверждение, содержащее мнение Государственного совета о повышении патентного сбора. В 1865 г. была собрана комиссия по пересмотру правил о торговле крепкими напитками. Но представители комиссии не были заинтересованы в активной и плодотворной борьбе. На заседаниях озвучивались письма чиновников питейно-акцизного управления, в которых отвергался сам факт распространения пьянства в стране.

Только к концу XIX в. проблема алкоголизма среди трудового населения империи стала приобретать угрожающие формы, что вынудило государство начать активную борьбу с алкогольной зависимостью граждан.

2. Материалы и методы

Методика исследования построена на комплексном изучении опубликованных материалов и научной литературы по данному вопросу, а также архивных материалов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

Применение историко-сравнительного метода позволило рассмотреть изменения в политике России в борьбе с пьянством среди населения в предреформенный период и более позднюю эпоху начала XX в. Данный метод позволил выявить закономерности процесса формирования органов борьбы с алкоголизмом, а также условия работы попечительств о народной трезвости, как одного из инициаторов борьбы за здоровье граждан страны.

Ретроспективный метод предоставил возможность в условиях поставленной цели реконструировать комплексную картину развития системы антиалкогольной политики на разных уровнях и в рамках отдельных государственных учреждений страны.

Принцип системности способствовал выявлению специфического развития подходов по борьбе с пьянством в разных регионах Российской империи, а также предоставил информацию о роли народного движения в добровольном отказе от спиртных напитков и создании народных домов трезвости.

Исследование ориентировалось на сложившиеся историографические традиции, которые предоставили возможность изучить опыт борьбы с пьянством в Российской империи в исследованиях дореволюционных, советских и современных историков.

3. Обсуждение

Изучение вопроса борьбы с чрезмерным употреблением алкогольных напитков в Российской империи впервые широко обсуждалось еще в дореволюционной отечественной литературе, а именно в трудах И. Г. Прыжова (Прыжов, 1914: 5-16). Несмотря на некоторую тенденциозность его работ, он дает наиболее подробную картину истории борьбы с пьянством в России. Особенно ценно замечание, что против спаивания населения со стороны государства выступало само русское

общество, поддерживаемое русской Православной Церковью. Также стоит отметить исследования Д.Г. Булгаковского (Булгаковский, 1910: 36-47), В.Ф. Невзорова (Невзоров, 1916: 4-15) и многих других авторов, писавших о проблеме чрезмерного употребления населением России крепких алкогольных напитков. Вопросам борьбы за трезвость в империи были посвящены работы целого ряда авторов, в которых уделялось особое внимание деятельности обществ трезвости и их эффективности в вопросе просвещения населения о вреде алкоголя (Мордвинов, 1910: 8-13; Сажин, 1910: 3-24).

В советской историографии данная тема освещалась в меньшей степени, в основном рассматривалась проблема алкоголизма в дореволюционный период как пережиток эпохи крепостничества и «дурное влияние капитализма». В этом ключе выпущены труды И.И. Ковалева, Г.В. Зеневича и др. (Ковалев, 1925: 2-5; Зеневич, 1954: 26-65). Новый виток в изучении проблемы пришелся на годы антиалкогольной кампании в СССР в середине 1980-х гг. (Шевердин, 1987: 25-36).

В современной отечественной историографии возрастает интерес к проблеме борьбы за трезвость в дореволюционной России. В этой связи появляются новые труды, как посвященные антиалкогольной политике Российской империи, так и деятельности попечительств народной трезвости и народных домов в интересующий период времени (Афанасьев, 2007: 5-7; Земцов, Шевченко, 2018: 58-64; 12-34; Карпачев, 2010: 85-96; Шевченко, 2022: 29-37). Также стоит отметить работы, посвященные роли спиртного в общественном укладе и традициях русского села в начале XX в. (Безгин, 2014: 40-45; Шевченко, Черных 2021: 61-70).

4. Результаты

Первая волна трезвенных движений, зародившаяся накануне отмены крепостного права и проведения последующих либеральных реформ в начале 1860-х гг., быстро сошла на нет, так как государство не было заинтересовано в снижении потребления населением империи крепких алкогольных напитков. Доходы от продаж спиртного составляли значительную часть бюджета страны, и именно это обстоятельство отрицательно сказывалось на деле борьбы с пьянством. В начале 1890-х гг. последовала вторая волна трезвенных движений в России, которая в итоге привела к положительным результатам. Одну из главных ролей в этой деятельности сыграли общества трезвости, открывавшиеся на всей территории страны (Тарасов, 2024: 39).

Церковь активно поддержала борьбу за трезвость. В 1889 г. Священный Синод издал распоряжение, призывающее духовенство активнее включаться в работу, посредством создания обществ трезвости при православных приходах. Итогом работы стало открытие 140 церковно-приходских трезвенных обществ, а к 1911 г. их число достигло 1782. При этом всего в стране в этот год было зафиксировано 1873 общества, из которых 95 % открылись в лоне Православной Церкви (Шевченко, 2018: 172).

К 1893 г., по данным Министерства внутренних дел, в стране уже насчитывалось 15 городских и сельских обществ трезвости, 92 церковно-приходских, 11 частных обществ трезвости и чайных кружков трезвости (Григорьев, 1894: 3-7, 11-31). Бюджет обществ трезвости формировался из пожертвованных денежных средств или из членских взносов. Членские взносы варьировались от 25 коп. до 5 руб. (Быкова, 2005: 25).

Для открытия обществ трезвости необходимо было подготовить устав организации или воспользоваться уже готовым, разработанным и утвержденным правительством. Устав подписывали учредители общества, затем документ подавался начальнику губернии вместе с ходатайством от местного населения. Все документы передавались на утверждение Министерству внутренних дел, как это было, например, в Орловской губернии (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76в. Д. 57).

Для открытия церковно-приходского общества было необходимо передавать местному Епархиальному начальству подписанный попечителем устав (Григорьев, 1894: 3-7).

С принятием закона о «казенной продаже питей» в 1895 г. на законодательном уровне были закреплены полномочия «Попечительств о народной трезвости». Деятельность Попечительств регламентировалась Уставом от 20 декабря 1894 г., согласно которому надлежало в каждой из губерний и областей учредить Попечительства о народной трезвости. Попечительства находились в ведении Министерства финансов по главному управлению Неокладных сборов и казенной продажи питей.

После учреждения Попечительств правительство через Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей поручило им сформировать губернские и уездные комитеты Попечительств народной трезвости. Членами губернских и уездных попечительств были представители от административных, судебных, сословных, общественных учреждений и духовенства.

Попечительства о народной трезвости не ставили перед собой утопических идей. Основной их задачей было создание условий для отвращения населения от желания чрезмерного употребления алкоголя. Государство ежегодно субсидировало по 50000 руб. на содержание попечительств в губерниях (Алферов, Блохин, 2019: 14).

Попечительства о народной трезвости к 1903 г. появились в 63 губерниях и 8 областях Российской империи, и в их состав входило 15964 человека (Букреева, 2014: 82).

Анализируя данные о Попечительствах народной трезвости по губерниям и областям, стоит заметить, что из всех учреждений, организованных Попечительством, чайные занимали первое место

по востребованности и популярности среди населения. Здесь не только пили чай, но и проводили беседы. Народ называл их «своими», они становились для крестьян народными клубами. Чай отпускался порциями по различной цене. В одних чайных цена за порцию (2 куса сахара, ½ золотника чая) достигала стоимости от 2 до 5 копеек (Булгаковский, 1910: 176). Со временем в помещениях, выделенных под чайные, организовывали склады для продажи книг и канцелярских принадлежностей. Таким образом, чайная выполняла не только свое прямое назначение, но и предлагала повысить грамотность своих посетителей, о чем свидетельствуют данные по ряду губерний Центральной России (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76в. Д. 57; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 76в. Д. 152; Д. 170). Здесь можно было почитать газеты и книги, послушать музыку, поиграть в настольные игры, посетить танцевальные вечера и театральные представления. На стенах таких чайных располагались картинки бытового, религиозного или исторического содержания.

При чайных действовали столовые. Здесь можно было получить: суп, щи, кашу, жареный картофель, черный хлеб, холодные закуски, папиросы, табак. Столовые привлекали не только ассортиментом, но и ценообразованием. Так, тарелка щей с говядиной предлагалась за 6 коп., а фунт черного хлеба – за 2 коп. (Будгаковский, 1910: 180).

Новобранцев также приобщали к посещению чайных. Им выдавали марки на получение чая с булкой, табака, папирос и других предметов, которые можно было отоварить в «комитетских закусовых». Они существовали на базе чайных на время призыва. Таким образом, кормовые деньги заменялись марками, которые новобранец мог отоварить только в чайной. Этим правительство способствовало снижению уровня пьянства в среде новобранцев. С целью приобщения крестьян к трезвому образу жизни, некоторые попечительства организовывали свадьбы в чайных, при этом оплачивали расходы в размере 20 руб. за свадьбу (Булгаковский, 1910: 178).

В целом чайные приносили большой убыток из-за низкой стоимости продуктов, которые реализовывались через них. В 1914 г. в стране насчитывалось 55 Народных домов, при которых были открыты чайные (34 дома) и чайные со столовыми (21 дом). Из них на собственные средства содержались 43 народные чайные и столовые и лишь 6 домов сдавались в аренду как помещения для организации чайных. Из 46 Народных домов убыточными являлись 16 чайных. В среднем их задолженность составляла 520 руб. в год (Народный дом..., 1918: 398). Рост убытков откладывал отрицательный отпечаток на темпы развития просветительских учреждений.

Библиотеки-читальни, организованные попечительством о народной трезвости, активно развивались с 1902 по 1910 гг. Наибольшее их количество наблюдалось в период с 1906 по 1909 гг. В последующие годы, вплоть до их закрытия в 1917, число библиотек-читален значительно сокращается (Борисова, Меренкова, 2015: 96-97).

Правительство стремилось сделать работу обществ более плодотворной, внедряло просветительскую антиалкогольную политику. Для решения вопроса просвещения граждан предлагались разнообразные формы организации внешкольного просвещения, в том числе в сельской местности (Клевцова, Жиров, 2017: 1879).

Внешкольное образование во второй половине XIX в. было направлено на взрослое население. Среди наиболее востребованных форм можно выделить: школы для взрослых, библиотеки, «Народные университеты», курсы, лекции и чтения, общественные развлечения (театры, увеселения), спорт, музеи и картинные галереи, а также посещение народных домов (Klevtsova, Zhiron, 2021: 59).

Народные дома как новый тип многофункциональных центров появились на рубеже XIX – начала XX вв. Общества открывались по инициативе неравнодушного населения и предоставляли доступ к получению начального, внешкольного и профессионального образования, способствовали повышению культурного уровня. Народные дома объединяли в себе образовательные и досуговые функции. Данная организация по своей сути является уникальным явлением. Повсеместное появление попечительств о народной трезвости свидетельствовало об активной позиции неравнодушного населения по проблеме алкоголизма.

Инициативу открытия Народного дома брали на себя общественность, городское самоуправление и попечительства о народной трезвости. Например, по общественной инициативе были открыты Лиговский народный дом графини С. В. Паниной в Санкт-Петербурге и Харьковский народный дом (Народный дом..., 1918: 1).

Впервые о необходимости создания Народных домов в земской среде заговорили в 1911 г. Инициаторами выступили земские управы Пермской, Уфимской и Нижегородской губерний. На данные учреждения возлагалась обязанность исправить коренные недостатки в народном образовании. Здесь сформировалась образовательно-воспитательная система, охватывающая дошкольное, школьное и внешкольное образование (Народный дом..., 1918: 25).

Народный дом планировался как центр общественной жизни, где могли найти себе приют различные культурно-просветительские учреждения. В них открывались библиотеки, устраивались курсы, лекции и чтения, спектакли, экскурсии и различные выставки. Здесь могли организовывать чайные и столовые. Все предоставляемые услуги в плане просвещения народа были бесплатными (Чарнолуский, 1909: 74).

Народные дома пользовались большой популярностью среди населения. По данным «Краткого очерка деятельности Санкт-Петербургского городского попечительства о народной трезвости за период с 1898–1909 гг.», за 8 лет в этом учреждении побывало 13855170 человек (Краткий очерк..., 1909: 8).

По данным Московского столичного попечительства, за 10 лет деятельности общества о народной трезвости организована работа 13 народных домов, которые посетило около 44568247 человек (Краткий очерк..., 1911: 13-14).

Правительство предлагало организовывать Народные дома в каждом крупном селении. Все вопросы по организации и заведению возлагались на представителей органов местной власти, которая брала на себя финансирование (это может быть земская управа или представитель из местного просветительского общества). В крупных городах, помимо Народных домов, необходимо было организовывать строительство отдельных театральных зданий (Чарнолуский, 1909: 76-77).

В соответствии с данными Нижегородского земства требовались значительные материальные затраты для строительства здания под Народный дом. В докладе «Об уездной сети по внешкольному образованию», принятом на местном земском собрании в 1909 г., есть информация о том, что «каждая волость, центральным пунктом которой является большей частью селение с волостным правлением, должна иметь Народный дом для устройства общественных и публичных собраний, для народных чтений, развлечений и спектаклей, с библиотекой и читальней при нем» (Чарнолуский, 1909: 75). Проект устройства таких домов исчислялся в 8000 руб., а ежегодное его содержание обходилось не менее 600-700 руб. (Чарнолуский, 1909: 77).

В 1913 г. было принято решение о проведении обследования данных учреждений. С этой целью были разработаны бланки, включавшие в себя 32 параграфа. В них содержались индивидуальные сведения по каждому дому. Анкеты были выпущены за счет средств графини С.В. Паниной, заведовал работой В. И. Чарнолуский (Народный дом..., 1918: 375).

Выделялись следующие основные группы Народных домов:

1. Содержавшиеся на средства земств, городов, волостей и сельских обществ;
2. Содержавшиеся кооперативными и профессиональными организациями;
3. Содержавшиеся просветительскими и благотворительными обществами;
4. Содержавшиеся попечительствами о народной трезвости;
5. Прочие Народные дома (Народный дом..., 1918: 376).

Сведения были предоставлены из 499 уездов России. Таким образом, было охвачено 65 % всех уездов. По данным анкет, в сельской местности располагалось 88 Народных домов, 2 были признаны закрытыми, и 61 учреждение находилось на стадии строительства (Народный дом..., 1918: 377).

В городской среде функционировало 134 Народных дома, 6 признаны закрытыми и 23 находились в стадии строительства. Таким образом, к 1914 г. в 499 уездах и 672 городах Российской империи функционировало 222 Народных дома и 84 находились в стадии стройки.

Сохранились данные об источниках финансирования Народных домов. Земскими, городскими, волостными и сельскими обществами содержалось лишь 14 заведений подобного типа, а кооперативными и профсоюзными организациями – 28. Постепенно дома, существующие за счет данных источников финансирования, стали доминировать и располагались исключительно в сельской местности. На средства благотворителей был создан 41 Народный дом. Кроме того, существовали 15 Народных домов старого типа, существовавших за счет благотворителей.

Наибольшее число Народных домов создавалось по инициативе и на средства попечительств о народной трезвости. Эти дома носили статус благотворительных учреждений, и в 1914 г. их насчитывалось 124 (Народный дом..., 1918: 377).

Касательно вопроса организации образовательной и воспитательной работы в анкетах есть данные о том, что в 97 Народных домах устраивались спектакли, в 92 проводились чтения и лекции для взрослых, в 71 устраивались концерты, а при 58 работали чайные. В 27 домах работали детские читальни и 19 детских библиотек, в 17 успешно работали хоры, а в 14 ставилось кино.

Часть Народных домов организовали продажу книг, имели площадки для игр и занятий спортом. Народный дом стал центром помощи матерям в воспитании малолетних детей. В данных зданиях работали 5 детских садов и 4 яслей (Народный дом..., 1918: 386).

По данным за 1914 г., на содержание Народных домов попечительства трезвости выделили 69506 руб., частные пожертвования составили 67510 руб., губернские и уездные земства передали 6233 руб., фабрики и заводы – 4320 руб. Таким образом, на нужды Народных домов было собрано порядка 481226 руб. (Народный дом..., 1918: 387-388). В среднем расходы на содержание одного Народного дома составляли около 6042 руб.

В Народных домах, по данным за 1914 г., трудилось 748 человек из числа лекторов, заведующих, помощников, библиотекарей и других сотрудников. Из них около 46 % трудилось бесплатно. За один год стены данных заведений посетили 80868 человек (Народный дом..., 1918: 393).

Таким образом, государство в деле просвещения взрослого населения делало большую ставку на частную инициативу. Исследователь народного образования В. И. Чарнолуский делился своим мнением о Народных домах: «Задачи, организация и деятельность Народных домов принадлежит пока к числу вопросов совершенно новых, едва намечающихся. Для ближайшего будущего развития у

нас Народных домов должно... идти пока на основе тесного взаимодействия земства с частной инициативой» (Чарнолуский, 1911: 206).

5. Заключение

Анализируя полученную информацию, стоит отметить, что в период перехода от традиционного аграрного общества к урбанизированному, занятому в промышленной сфере производства, наблюдался резкий всплеск увеличения объемов употребления алкоголя. Необходимо сказать, что крепкие алкогольные напитки не имели популярности в народе вплоть до начала XIX в. Только промышленный масштаб изготовления водки и массовое внедрение ее в общественную жизнь, через открытие питейных заведений, товарооборот в которых был направлен на продажу дешевого алкоголя, способствовали росту объемов потребления данного продукта.

Беспокойство государства о снижении окладных сборов, а также торговцев за свои доходы способствовало тому, что проблеме алкоголизма долгое время не уделяли должного внимания. Позиция Церкви через осуждение, попытки сформировать чувство неприязни к спиртному в среде духовенства способствовала зарождению трезвенных движений среди православного населения.

Лишь осознав всю глубину проблемы, государство стало предпринимать попытки организации борьбы с питейными заведениями и беспрепятственной продажей водки. Введение административно-запретительных мер в начале XX в. не привело к массовым народным волнениям, так как общество уже осознавало необходимость совместной борьбы с пьянством.

Народные дома стали центрами притяжения большого количества взрослого населения. Данные организации способствовали приобщению простого крестьянского люда к элементарным знаниям, знакомили с медицинскими данными о вреде чрезмерного употребления алкоголя, а также являлись местом, где человек мог получить эмоциональную и религиозную поддержку в решении своих проблем.

Стоит заметить и то, что репрессивные силовые методы не приносили положительных результатов. Общество быстро приспосабливалось к производству и употреблению суррогатов, занималось самогонварением, нанося вред не только экономике страны, но и своему здоровью. В этой связи просветительская деятельность, лечебно-профилактическая работа, а также забота со стороны имущего класса к людям, находящимся в сложной жизненной ситуации, приносили положительные результаты, нежели насаждение «сверху». Несмотря на активную работу, в первые десятилетия XX в. не удалось полностью искоренить проблему, но наблюдалось снижение объемов потребления алкоголя.

6. Благодарности

Авторы благодарят ЕГУ им. И. А. Бунина за финансовую поддержку публикации статьи.

Литература

Алферова, Блохин, 2019 – Алферова И.В., Блохин В.Ф. Процесс модернизации конца XIX в. в Орловской губернии: эпизоды повседневности // *Вестник Брянского государственного университета*. 2019. № 1. С. 9-18.

Афанасьев, 2007 – Афанасьев Л.Ф. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907 – 1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: ТУСУР, 2007. 195 с.

Безгин, 2014 – Безгин В.Б. Магарыч: спиртное в общественном укладе и традициях русского села // *История в подробностях*. 2014. №4 (46). С. 40-45.

Борисова, Меренкова, 2015 – Борисова О.О., Меренкова Н.А. Библиотечно-просветительская деятельность попечительств о народной трезвости в Орловской губернии в конце XIX – начале XX века // *Библиотекослов*. 2015. № 2. С. 94-102. DOI: <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2015-0-2-94-102> (94-102).

Быкова, 2005 – Быкова А.Г. Общества трезвости в истории трезвенного движения в России в XIX – начале XX вв. // *Омский научный вестник*. 2005. № 4 (33). С. 22-26.

Буркеева, 2014 – Буркеева О.Г. Культурно-просветительная деятельность попечительства о народной трезвости в России в конце XIX – начале XX вв. // *Технологии социально-культурного воспитания*. 2014. № 1. С. 79-83.

Булгаковский, 1910 – Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909 гг.): В 2 ч. Ч.1. Санкт-Петербург, 1910. 240 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Григорьев, 1894 – Григорьев Н.И. Русские общества трезвости, их организация и деятельность в 1892-93 г. Список иностранных обществ трезвости. Санкт-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1894. 79 с.

Земцов, Шевченко, 2018 – Земцов Л.И., Шевченко И.А. Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне на рубеже XIX–XX веков. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. 171 с.

- Зеневич, 1954** – *Зеневич Г.В.* Алкоголизм – вреднейший пережиток капитализма. М.: Знание, 1954. 23 с.
- Карпачев, 2010** – *Карпачев М.Д.* Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX в. // *Вопросы истории.* 2010. № 9. С. 85-96.
- Клевцова, Жиров, 2017** – *Клевцова О.В., Жиров Н.А.* Становление и развитие сельского образования в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Елецкого уезда). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2017. 160 с.
- Ковалев, 1925** – *Ковалев И.И.* Алкоголизм и борьба с ним. М.: Изд-во Наркомздрава, 1925. 88 с.
- Краткий очерк..., 1909** – Краткий очерк деятельности С.-Петербургского городского попечительства о народной трезвости: 1898-1909. Санкт-Петербург: Типо-литография К. Л. Пентковского, 1909. 33 с.
- Краткий обзор..., 1911** – Краткий обзор деятельности Московского столичного попечительства о народной трезвости за 10 лет. 1901–1911. М.: Типография Штаба Московского военного округа, 1911. С. 13-14.
- Мордвинов, 1910** – *Мордвинов И.И.* Общество трезвости, жизнь и работа в нем. Санкт-Петербург: Типография Александро-Невского общества трезвости, 1910. 227 с.
- Народный дом..., 1918** – Народный дом: сост. С. В. Паниной [и др.]. Петроград: тип. Б. М. Вольфа, 1918. 424 с.
- Невзоров, 1916** – *Невзоров В.Ф.* Происхождение обрядового алкоголизма. Опыт в области этнографии и истории права. Пенза, 1916. 49 с.
- Прыжов, 1914** – *Прыжов И.Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань: Молодые силы, 1914. 282 с.
- Сажин, 1910** – *Сажин И.В.* Алкоголь и нервная система. Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1910. 27 с.
- Сикорский, 1897** – *Сикорский И.А.* Алкоголизм и питейное дело. Киев. 1897. 35 с.
- Тарасов, 2024** – *Тарасов М.О.* Система социальной поддержки незащищенных слоев населения в Калужской губернии, 1860–1914 гг.: региональные особенности, перспективные направления и источниковая база исследования. // *История: факты и символы.* 2024. № 1(38). С. 36-46. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-36-46>
- Чарнолуцкий, 1909** – *Чарнолуцкий В.И.* Основные вопросы организации внешкольного образования в России. Санкт-Петербург: Знание, 1909. 90 с.
- Чарнолуцкий, 1911** – *Чарнолуцкий В.И.* Земство и народное образование: очерки из прошлого и настоящего земской деятельности в различных отраслях общественного образования: формы, типы, результаты и очередные задачи земского хозяйства и земских учреждений в этой области. Санкт-Петербург: Знание, 1910–1911. Ч. 1. 1911. 186 с.
- Шевердин, 1987** – *Шевердин С.* Было ли уничтожено «второе рабство»? // *Трезвость и культура.* 1987. № 9-10. С. 25-36.
- Шевченко, 2022** – *Шевченко И.А.* Алкогольная политика Советского государства 1920-х годов в оценках крестьян // *История: факты и символы.* 2022. № 2(31). С. 29-37. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2022-31-2-29-37>
- Шевченко, Черных 2021** – *Шевченко И.А., Черных Е.В.* К вопросу потребления алкоголя представителями советской власти в российской деревне 1920-х годов // *Filo Ariadne.* 2021. № 4. С. 61-70.
- Klevtsova, Zhirov, 2021** – *Klevtsova O.V., Zhirov N.A.* Folk Readings as one of the Forms of Organization of Rural Extracurricular Education in the Orel Province in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody.* 2021. 16(4): 1877-1885. DOI: [10.13187/bg.2021.4.1877](https://doi.org/10.13187/bg.2021.4.1877)

References

- Afanas'ev, 2007** – *Afanas'ev, L.F.* (2007). Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiya. 1907 – 1914 gody: opyt ozdorovleniya obshchestva [Temperance movement in Russia during the period of peaceful development. 1907 – 1914: experience of improving society]. Tomsk: TUSUR, 195 p. [in Russian]
- Alferova, Blohin, 2019** – *Alferova, I.V., Blohin, V.F.* (2019). Process modernizatsii konca XIX v. v Orlovskoj gubernii: epizody povsednevnosti [The process of modernization at the end of the 19th century in the Oryol province: episodes of everyday life]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1: 9-18. [in Russian]
- Bezgin, 2014** – *Bezgin, V.B.* (2014). Magarych: spirtnoe v obshchestvennom uklade i traditsiyah russkogo sela [Magarych: alcohol in the social structure and traditions of the Russian village]. *Istoriya v podrobnostyakh.* 4 (46): 40-45. [in Russian]
- Borisova, Merenkova, 2015** – *Borisova, O.O., Merenkova, N.A.* (2015). Bibliotечно-prosvetitel'skaya deyatel'nost' popechitel'stv o narodnoj trezvosti v Orlov-skoy gubernii v konce XIX - nachale XX veka [Library and educational activities of trustees for public sobriety in the Oryol province at the end of the 19th - beginning of the 20th century]. *Bibliotekovedenie.* 2: 94-102. DOI: <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2015-0-2-94-102> (94-102) [in Russian]

Bulgakovskij, 1910 – *Bulgakovskij, D.G.* (1910). Oчерk deyatel'nosti popechitel'stv o narodnoj trezvosti za vse vremya ih sushchestvovaniya (1895 - 1909 gg.): V 2 ch. CH.1. [An outline of the activities of trustees for national sobriety for the entire period of their existence (1895 - 1909)]: V 2 ch. Ch.1. Sankt-Peterburg, 240 p. [in Russian]

Burkeeva, 2014 – *Burkeeva, O.G.* (2014). Kul'turno-prosvetitel'naya deyatel'nost' popechitel'stva o narodnoj trezvosti v Rossii v konce XIX - nachale XX vv. [Cultural and educational activities of the guardianship of public sobriety in Russia at the end of the 19th - beginning of the 20th centuries]. *Tekhnologii sotsial'no-kul'turnogo vospitaniya*. 1: 79-83. [in Russian]

Bykova, 2005 – *Bykova, A.G.* (2005). Obshchestva trezvosti v istorii trezvennogo dvizheniya v Rossii v XIX – nachale XX vv. [Temperance societies in the history of the temperance movement in Russia in the 19th – early 20th centuries]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 4 (33): 22-26. [in Russian]

Charnoluskij, 1909 – *Charnoluskij, V.I.* (1909). Osnovnye voprosy organizacii vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossii [Basic issues of organizing out-of-school education in Russia]. Sankt-Peterburg: Znanie, 90 p. [in Russian]

Charnoluskij, 1911 – *Charnoluskij, V.I.* (1911). Zemstvo i narodnoe obrazovanie oчерki iz proshlogo i nastoyashchego zemskoj deyatel'nosti v razlichnyh otraslyah obshchestvennogo obrazovaniya: formy, tipy, rezul'taty i oчерednye zadachi zemskogo hozyajstva i zemskih uchrezhdenij v etoj oblasti. [Zemstvo and public education: essays on the past and present of zemstvo activity in various branches of public education: forms, types, results and immediate tasks of the zemstvo economy and zemstvo institutions in this area]. Sankt-Peterburg: Znanie, 1910–1911. Ch. 1. 186 p. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].

Grigor'ev, 1894 – *Grigor'ev, N.I.* (1894). Russkie obshchestva trezvosti, ih organizaciya i deyatel'nost' v 1892-93 g. Spisok inostrannyh obshchestv trezvosti [Russian temperance societies, their organization and activities in 1892-93. List of foreign temperance societies]. Spisok inostrannykh obshchestv trezvosti. Sankt-Peterburg: Tipografiya P.P. Soikina, 79 p. [in Russian]

Karpachev, 2010 – *Karpachev, M.D.* (2010). Dvizhenie za narodnyu trezvosť v Voro-nezhskoj gubernii v nachale XX v. [Movement for popular sobriety in the Voronezh province at the beginning of the 20th century]. *Voprosy istorii*. 9: 85-96. [in Russian]

Klevtsova, Zhirov, 2017 – *Klevtsova, O.V., Zhirov N.A.* (2017). Stanovlenie i razvi-tie sel'skogo obrazovaniya v Orlovskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX-nachale XX vv. (po materialam Eleckogo uезда) [The formation and development of rural education in the Oryol province in the second half of the 19th and early 20th centuries. (based on materials from Yelets district)]. Elets: EGU im. I.A. Bunina, 160 p. [in Russian]

Klevtsova, Zhirov, 2021 – *Klevtsova, O.V., Zhirov, N.A.* (2021). Folk Readings as one of the Forms of Organization of Rural Extracurricular Education in the Orel Province in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1877-1885. DOI: 10.13187/bg.2021.4.1877

Kovalev, 1925 – *Kovalev, I.I.* (1925). Alkogolizm i bor'ba s nim [Alcoholism and the fight against it]. Moskva: Izd-vo Narkomzdrava, 88 p. [in Russian]

Kratkij obzor..., 1911 – Kratkij obzor deyatel'nosti Moskovskogo stolichnogo popechitel'stva o narodnoj trezvosti za 10 let. 1901-1911. [A brief overview of the activities of the Moscow Metropolitan Trusteeship of People's Sobriety for 10 years. 1901-1911]. M.: Tipografiya Shtaba Moskovskogo voennogo okruga. 1911. Pp. 13-14. [in Russian]

Kratkij oчерk... – Kratkij oчерk deyatel'nosti S.-Peterburgskogo gorodskogo popechitel'stva o narodnoj trezvosti: 1898-1909. (1909). [A brief outline of the activities of the St. Petersburg city guardianship of people's sobriety: 1898-1909]. Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya K. L. Pentkovskogo, 33 p. [in Russian]

Mordvinov, 1910 – *Mordvinov, I.I.* (1910). Obshchestvo trezvosti, zhizn' i rabota v nem [Temperance society, life and work in it]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Aleksandro-Nevskogo obshchestva trezvosti, 227 p. [in Russian]

Narodnyy dom..., 1918 – Narodnyy dom: sost. S. V. Paninoy [i dr.]. People's House: comp. S. V. Panina [and others]. Petrograd: tip. B. M. Vol'fa, 1918. 424 p. [in Russian]

Nevezorov, 1916 – *Nevezorov, V.F.* (1916). Proiskhozhdenie obryadovogo alkogolizma. Opyt v oblasti etnografii i istorii prava [The origin of ritual alcoholism. Experience in ethnography and legal history]. Penza. 49 p. [in Russian]

Pryzhov, 1914 – *Pryzhov, I.G.* (1914). Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriej russkogo naroda [The history of taverns in Russia in connection with the history of the Russian people]. Kazan': Molodye sily, 282 p. [in Russian]

Sazhin, 1910 – *Sazhin, I.V.* (1910). Alkogol' i nervnaya Sistema [Alcohol and the nervous system]. Sankt-Peterburg: tip. P.P. Soikina, 27 p. [in Russian]

Shevchenko, 2022 – *Shevchenko, I.A.* (2022). Alkogol'naya politika Sovetskogo gosudarstva 1920-h godov v ocenках krest'yan. [Alcohol policy of the Soviet state of the 1920s in the assessments of peasants]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 2(31): 29-37. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2022-31-2-29-37> [in Russian]

Shevchenko, Chernyh 2021 – Shevchenko, I.A., Chernyh, E.V. (2021). K voprosu potrebleniya alkogolya predstavitel'yami sovetskoj vlasti v rossijskoj derevne 1920-h godov [To the issue of alcohol consumption by representatives of the Soviet government in a Russian village in the 1920]. *Filo Ariadne*. 4: 61-70. [in Russian]

Sheverdin, 1987 – Sheverdin, S. (1987). Bylo li unichtozheno «vtoroje rabstvo»? [Was the “second slavery” abolished?] *Sobriety and culture*. №9-10. pp. 25-36. [in Russian]

Sikorskij, 1897 – Sikorskij, I.A. (1897). Alkogolizm i pitejnoe delo [Alcoholism and drinking]. Kyiv. 35 p. [in Russian]

Tarasov, 2024 – Tarasov, M.O. (2024). Sistema social'noj podderzhki nezashchishchen-nyh sloev naseleniya v Kaluzhskoj gubernii, 1860 – 1914 gg.: regional'nye osobennosti, perspektivnye napravleniya i istochnikovaya baza issledovaniya. [System of social support for unprotected and poor people in the Kaluga province, 1860s – 1914: regional features, promising directions and source base of research]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 1: 36-46. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-36-46> [in Russian]

Zemcov, Shevchenko, 2018 – Zemcov, L.I., Shevchenko, I.A. (2018). Potreblenie alkogolya i bor'ba za trezvosť v velikorusskoj derevne na rubezhe XIX–XX vekov [Alcohol consumption and the struggle for sobriety in a Great Russian village at the turn of the 19th–20th centuries]. Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyi pedagogičeskii universitet im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 171 p. [in Russian]

Zenevich, 1954 – Zenevich, G.V. (1954). Alkogolizm – vrednejšij perezhitok kapitalizma [Alcoholism is the most harmful relic of capitalism]. M.: Znaniye, 23 p. [in Russian]

Роль «Народных домов» в борьбе с алкоголизацией населения Российской империи на рубеже XIX – начала XX вв.

Оксана Владимировна Клевцова ^{a, *}, Николай Анатольевич Жиров ^a

^a Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена важной социальной проблеме – борьбе с алкоголизмом среди населения Российской империи на рубеже XIX – начала XX вв. В исследовании уделяется внимание позиции органов государственной власти в отношении производства и реализации спиртной продукции и недопущения при этом массовой алкоголизации населения. Особое внимание уделяется роли Русской Православной Церкви в профилактике борьбы с пьянством, а также деятельности Народных домов, чайных и читален в популяризации здорового образа жизни. Народный дом стал центром общественной жизни, где могли найти себе приют различные культурно-просветительские учреждения. Правительство предлагало организовывать Народный дом в каждом крупном селении, при этом все вопросы по организации и заведению возлагались на местные органы власти. Главенствующую роль в деле организации борьбы с чрезмерным употреблением спиртосодержащей продукции сыграла народная общественность при поддержке Церкви и земские управы. Итогом деятельности Народных домов стало активное приобщение различных слоев общества, в первую очередь крестьянства и городских рабочих, к здоровому образу жизни, повышению культурного уровня. Данный опыт распространялся из крупных городов в сельскую местность. Трезвенным движением были охвачены значительные слои населения разных возрастов. Осознав всю глубину проблем, государство стало предпринимать попытки организации борьбы с питейными заведениями и беспрепятственной продажей водки. Введение административно-запретительных мер в начале XX в. не привели к массовым народным волнениям, так как общество уже осознавало необходимость совместной борьбы с пьянством.

Ключевые слова: Народный дом, общество трезвости, борьба с пьянством, государство, Церковь, народ, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ksenijmel@yandex.ru (О.В. Клевцова), zhirov-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 823-830
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.823

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“...Wishing to Go to Worship the Holy Places”: a Social Portrait of a Pilgrim in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Penza Province)

Natalia A. Koblova ^{a,*}, Olga V. Kolpakova ^a, Olga A. Sukhova ^a

^a Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the social portrait of a pilgrim who traveled from Penza province to worship Orthodox Shrines in the East in the 1870s – 1900s.

The study is based on the Penza governor's office correspondence (which regulated the receipt of a foreign passport), articles from diocesan periodicals about the popularization of the pilgrimage movement, including travel notes by Penza priest P. Arkhangelsky, who visited Palestine in 1895. The motives, meaning, terms and conditions of the organization, and the cost of a trip to Palestine from the Penza province are investigated.

The analysis of the pilgrims' petitions allows to reconstruct the system of ideas of the provincial society about the geography of the location, the name, and the content of the image of the Holy Land, to identify the relationship between the level of socio-cultural development of the territory and the awakening of the desire for spiritual and moral improvement. The desire to gain immortality encouraged deeply religious representatives of the lower strata of society, as a rule, rural residents in adulthood to travel to Holy Places, despite all the hardships and dangers of the way.

It has been established that by the end of the XIX century, as a result of the activity of the IPPO (Imperial orthodox Palestinian society), increased transport accessibility, and the development of hospitality infrastructure in Jerusalem, the pilgrimage movement was democratized, and the socio-demographic characteristics of the classical pilgrim became more flexible. In addition to gaining personal experience through the pilgrimage movement, the memorial culture of the provincial society, the common basis of religious and national identity, was formed.

Keywords: spiritual and moral ministry practices, the second half of the XIX – early XX centuries, M.M. Kiseleva, support of Orthodoxy in the Holy Land, Russian Palestine, charity, social partnership and charity.

1. Введение

Популярность темы паломничества в современной отечественной историографии отражает процесс интеллектуальных поисков начального учредительного мифа, облаченного в практику духовного служения, следования эталонным образцам жизнеустройства и мировосприятия. В основе этого движения лежит более чем девятисотлетняя историческая традиция описания хождений к святым местам, начиная с уникального произведения древнерусской письменности «Житие и хоженье Даниила Русьския Земли игумена» 1106–1107 гг. По подсчетам Н.А. Кочеляевой, на протяжении XII–XVII столетий русскими путешественниками было создано 17 хождений, а о популярности подобных сочинений свидетельствуют более 100 списков хождения игумена Даниила, более 400 списков хождения Трифона Коробейникова (1582–1583 гг.) (Кочеляева, 2008: 39).

* Corresponding author

E-mail addresses: nata_koblova@mail.ru (N.A. Koblova), al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova), savtemp@yandex.ru (O.A. Sukhova)

Не менее значимым этапом формирования этой духовной и письменной традиции выступает XVIII и особенно XIX в. Так, одним из ярких памятников подобного рода стали заметки архимандрита Леонида (Кавелина) о Святой земле: «Вифлеем», «Пустыня Св. града» и др., опубликованные в 1870–1873 гг. в журнале «Душеполезное чтение», а затем отдельным произведением, и переизданные в 2007–2008 г. (Кавелин, 2008). Публикация наследия архимандрита Леонида, в 1857–1858 гг. проходившего служение, а в 1864–1865 гг. возглавлявшего Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, совпадает по времени с памятными мероприятиями по случаю 900-летия хождения игумена Даниила и отражает общую тенденцию к восстановлению исторической преемственности в поисках национальной идентичности. Не ослабевает интерес к изучению путевой литературы и сегодня (Исаченко, 2023).

Самостоятельным ресурсом в деле поддержания и популяризации идеи паломничества в Святую землю выступает епархиальная периодика. Стоит отметить, что распространение свидетельств и практик пребывания в местах нахождения христианских святых изначально определялось в числе задач издания, и паломнические отделы были представлены в структуре изданий с момента их возникновения. Так, в 1862 г. в Калужских епархиальных ведомостях были опубликованы записки инока, уроженца г. Калуги о его странствиях в святой град Иерусалим из Москвы через Молдавию, Турцию и Египет в 1700–1702 гг. (Записки..., 1862). Описание Афонской обители св. Пантелеймона во время прибытия русского военного парохода «Тамань», изложенное в записной книжке русского святогорца монаха Азария, встречаем в Херсонских епархиальных ведомостях в июле 1866 г. (Три дня..., 1866). «Палестинский опыт» купца А.А. Вендеревского, вступившего в ходе паломнической поездки в ряды Императорского Православного Палестинского Общества, был запечатлен в форме путевых заметок и опубликован в Астраханских епархиальных ведомостях в 1887 г. (Вендеревский, 1887).

Пика своего развития паломническое движение в Святую Землю достигает на рубеже XIX–XX вв., что отражает феномен религиозного ренессанса в истории национального самосознания. Отдельным аспектом изучения этого явления выступает реконструкция социального портрета паломника, отправлявшегося в пределы Турецкой империи поклониться Православным Святыням.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют комплексы документальных свидетельств, представленные в Государственном архиве Пензенской области (Пенза, Российская Федерация) и сформированные в несколько дел фонда Канцелярии пензенского губернатора за 1874 и 1900 гг. Перечень сопроводительных паломнических документов, содержащих сведения «об увольнении за границу для поклонения Святым местам», в 1874 г. включал: приговор крестьянского общества, удостоверение уездного полицейского управления, подписку родственников на отсутствие препятствий к увольнению, заграничный паспорт, выданный в Одессе градоначальником (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5210, 5211, 5212, 5213). В материалах за 1900 г. представлены: прошение на выдачу билета «на следование до г. Одессы», плакатный паспорт, удостоверяющий личность и место жительства, свидетельство полицейского управления (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7241).

Обозрением паломнического путешествия стала публикация в газете «Пензенские епархиальные ведомости» за 1898 г. статьи священника Петра Архангельского (Архангельский, 1898). Путевые заметки были выполнены в жанре проповеди-обращения к местному духовенству с целью активизации паломнической деятельности и укрепления связей Русской Православной Церкви с Православными Святынями Востока.

Методологическую основу исследования сформировал комплекс методов, выработанных локальной историей и историей повседневности, а также изучения практик коммеморации и мемориальной культуры. В центре внимания – обусловленность мотивации индивида условиями его исторического бытия в определенном локусе, что определяет необходимость конструирования предметной области в методологическом «пограничье» с использованием принципов междисциплинарного синтеза. Все это формирует новые возможности для разработки социологического и историко-культурно-антропологического исследования проблемы.

3. Обсуждение

Восприятие русского православного паломничества как специфического феномена и системной проблемы социокультурного развития признавалось уже современниками, причем не всегда в контексте разработки мер поддержки и сопровождения. Так, в оценках тайного советника А.И. Темницкого паломничество служило скорее разрушению сложившихся политических, социальных и культурных традиций и устоев: «результатом паломничества на Восток нашего русского крестьянина являются: потеря нескольких месяцев рабочего времени, отсталость от семьи, порядка и работы, болезни и разврат, пьянство, обнищание, страшное озлобление и потеря веры в справедливость» (Шаповалов, Шевелев, 2020: 420). Автор ни много ни мало предлагал затягивать бюрократические процедуры и всячески препятствовать «бесцельному шатанию» простого народа за

границу, используя тягу «крестьян-богомольцев посещать Святые места» в целях утверждения имперского присутствия на окраинах, скажем, на Кавказе (Шаповалов, Шевелёв, 2020: 421-422).

Актуализация изучения паломнического движения на Святую Землю в современной отечественной историографии приходится на два последних десятилетия. Сформирована предметная область исследований. Так, концептуальное решение проблемы предложено С.Ю. Житеневым. Автор анализирует правовые и организационные условия свободного посещения Палестины православными жителями Российской империи, маршруты паломников, динамику изменения численности и направленности паломнических потоков (в частности, появление интереса к святыням вселенского православия в Европе), роль ИППО в развитии православного паломничества в Святую Землю, особенно в обеспечении снижения стоимости паломнических поездок (Житенев, 2021).

Совпадение по времени масштабирования паломнических практик и возникновения епархиальных отделов ИППО формирует самостоятельное региональное направление исследований. В частности, проанализировав данные В.Н. Хитрово о численности, местах проживания и социальном статусе паломников (Хитрово, 1900), М.Ю. Нечаева приходит к выводу об ограниченном практическом присутствии региональных отделов ИППО в вопросах стимулирования паломничества. По ее мнению, речь следует вести лишь о влиянии на ментальное восприятие христианского ландшафта (Нечаева, 2014: 177). Даже в Ставропольской губернии как территории, формировавшей наибольший поток паломников, один поклонник приходился на 2247 жителей (Нечаева, 2014: 176). Интересующая нас Пензенская губерния в число 22 губерний средней полосы России, откуда отправлялось свыше 80 % всех паломников, и вовсе не входила. Черноземный центр был представлен Воронежской и Тамбовской, Поволжье – Самарской и Саратовской губерниями (Нечаева, 2014: 176).

Более того, как отмечают исследователи, появление епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского общества первоначально не было связано с организацией паломнических поездок, а рассматривалось как средство увеличения пожертвований, «приготовления прихожан к Вербному сбору» (Цысь, Цысь, 2023: 515-516). И все же организация Палестинских чтений и популяризация паломнических поездок активно наполняют пространство повседневности православных приходов в 1890–1900-е гг. Тем самым очевидна потребность определить положение, статус феномена паломничества в системе практик духовно-нравственного служения в российской провинции.

4. Результаты

До середины XIX в. присутствие православных паломников на Святой Земле было минимальным (Якушев, 2018). Ситуация меняется в результате деятельности Русской Духовной Миссии, в том числе и по созданию приемных пунктов для русских паломников. Их численность особенно стремительно возрастает после окончания Русско-турецкой войны 1878–1877 гг. сначала до 2 тыс., а затем и до 3 тыс. человек (Shkvarya et al., 2022: 698).

Значимым фактором тиражирования практик поклонения Святым местам необходимо рассматривать процессы эмансипации, охватившие российское общество в период Великих реформ. Учитывая специфику социально-демографического развития империи, можно предположить формирование специфики символического отражения этого процесса в сознании «тела» нации – крестьянства. Естественным результатом утверждения представлений о воле становится демократизация эталонных практик благочестия, служения Богу и поклонения Святыням. Поэтому в числе искателей заграничного паспорта встречаем и временнообязанного крестьянина, и крестьянина-собственника.

Непосредственному увольнению за границу в 1870-е гг. предшествовала длительная процедура, начиная с организации сельского схода, принятия приговора общины, санкционировавшего возможность отлучки, получения билета от волостного правления и свидетельства о благонадежности в уездном полицейском управлении и заканчивая санкцией губернатора на прошение о выдаче заграничного паспорта сроком на один, в редких случаях – два года (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5209. Л. 1). Отметим и тот факт, что подавляющее большинство паломников грамотой не владело.

Структура прошения на имя губернатора включала в себя описание мотива увольнявшегося, констатацию неимения препятствий, резолютивную и заключительную (указание, что вместо неграмотного крестьянина, и т.д. «по его личной просьбе» руку приложил...) части. Особый интерес представляют формулировки причин участия в паломническом движении, позволяющие реконструировать индивидуальные представления о культурно-историческом ландшафте и локализации православных Святынь. Так, 7 июня 1874 г. свое обращение к местным властям Данила Николаев, крестьянин д. Чуфаровой Саранского уезда Пензенской губернии, начинает словами: «Желая отправиться для поклонения Святым местам в г. Иерусалим» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5209. Л. 1).

Прошению предшествовало получение билета, разрешавшего отлучку из общества и проживание в разных губерниях, от волостного правления (25 мая) и рассмотрение обращения Николаева на сельском сходе 30 мая того же года. В приговоре Полянского общества д. Чуфаровой констатировалось, что Николаев «увольняется по общему нашему согласию» и что «средств имеет достаточно на приход в Иерусалим и обратно». Волостное правление фиксировало приметы

увольнявшихся. Николаев, будучи 48 лет от роду, имел рост 2 аршина и 6 вершков, темно-русые волосы и серые глаза (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5209. Л. 3, 5).

В комплекте документов также представлено удостоверение священника Пензенской Покровской церкви об исповедовании Николаева и приобщении Св. Тайн от 15 июня 1874 г. В этот же день Николаев получил свидетельство на следование до г. Одессы (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5209. Л. 4, 6).

Образом исключительного значения, обеспечивавшим локализацию мест поклонения, выступал «Город Иерусалим Турецкой империи», объединявший в документах Святые места, включая как Гроб Господень, так и «обитель Святой Афонской Горы» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5212. Л. 2).

Для увольнения за границу женщин требовалась еще и подписка родственников (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5211. Л. 6). Так, 5 июля 1874 г. на сельском сходе в д. Аткиной Керенского уезда государственные крестьяне «слушали словесную просьбу» вдовы Дарьи Аверьяновой 43 лет и девицы Марфы Степановой 41 года Медведевых «о дозволении им отлучиться за границу для поклонения Гробу Господню и Святым местам в Городе Иерусалиме сроком на один год». Следует обратить внимание на финансовую состоятельность паломников. В приговоре общества д. Аткиной констатировалось, что родителей и детей на обеспечении просителей не состоит, поведения они хорошего, под судом и следствием не состояли, недвижимого имущества, кроме одной жилой избы, никакого не имеют и для содержания себя в пути предъявили по сто рублей. Тем самым все основания для вынесения решения были соблюдены и увольнение получено с той лишь оговоркой, что обязательства возместить дополнительные расходы в деле организации поездки общество на себя не принимает (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5211. Л. 3-5). Оплата гербового сбора на подачу прошения губернатору составляла 70 коп., билета волостного правления – 20 коп. Заграничный паспорт паломники получали в г. Одессе за подписью и печатью Одесского градоначальника. Так, паспорт Марфе Степановой Медведевой был оформлен 10 декабря 1874 г., стало быть, путь от Пензы до Одессы и время, требуемое на оформление документов, заняли не менее 5 месяцев. Печать Российского Императорского консульства в Иерусалиме поставлена в заграничном паспорте Медведевой 23 апреля 1875 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5211. Л. 10).

Обращались за получением документов на выезд за границу и молодые люди. Так, 10 июля 1874 г. волостное правление удостоверило личность временнообязанного крестьянина с. Крыловки Чембарского уезда Василия Николаева Фололеева, 24 лет от роду, имеющего собственные средства в размере 150 рублей для организации паломнической поездки. В оценках сельского схода Фололеев предстает как «человек постоянно трезвой жизни, поведения хорошего», под судом и следствием не состоявший и уплативший сполна все повинности за следующий год до 9 июня 1875 г. (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5212. Л. 2-4). Уездный исправник дополнил эту характеристику указанием, что проситель «к вредным сектам не принадлежит» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5212. Л. 6).

Динамику развития паломнического движения во взаимосвязи с деятельностью епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского Общества позволяют рассмотреть документы рубежа веков. Прежде всего, следует констатировать существенный рост численности паломников. Так, по данным 1896 г., у православных Святынь на Востоке побывало 6532 человека (Shkvarya et al., 2022: 698). Тому находим подтверждение и на страницах местной епархиальной печати: «ежегодное число наших богомольцев, посещающих Св. Землю, простирается почти до 10 000 человек»; «теперь русские богомольцы составляют там подавляющее большинство» (Архангельский, 1898: 621). Десятилетие спустя А.И. Темницкий писал о 8-15 тыс. «душ, православных крестьян», отправлявшихся в Палестину ежегодно (Шаповалов, Шевелев, 2020: 418).

Пензенский священник П. Архангельский побывал в Палестине в сентябре 1895 г. (Архангельский, 1898: 622). В своем обзоре он постарался развенчать большинство мифов о тяготах путешествия в Палестину. Прежде всего, Архангельский остановился на существенном снижении стоимости путешествия из-за введения паломнических книжек, что было призвано выступить немаловажным стимулом для организации тура: автор назвал сумму в 100-120 руб. достаточной для совершения поездки (Архангельский, 1898).

Снижение стоимости паломнических книжек, по мнению автора статьи, существенно облегчало жизнь путешественникам. Так, при отправлении из Пензы проезд до Яффы и обратно по паломнической книжке стоил 55 рублей. Стоимость паломнической книжки с отправлением из Санкт-Петербурга (через Москву, Курск и Киев) до Иерусалима и обратно с перевозкою в Яффе с парохода на берег и обратно составляла 62 руб. 50 коп., от Самары через Рязск и Росток – 59 руб. 50 коп. (По поводу..., 1894: 601).

Напомним, что в к. 1880-х гг. паломническая книжка обходилась путешественникам в 100 и более рублей (Вендеревский, 1887: 38). Кроме того, еще 20 рублей паломники тратили на питание и проживание («интеллигентные богомольцы», по мнению Архангельского, квартировали исключительно в Новорусском подворье), и еще до 20 рублей шли на «приклады» к святым местам и покупки (Архангельский, 1898: 631).

С введением Положения о видах на жительство в России 8 июня 1894 г. русским подданным, отправлявшимся на поклонение Святым местам, было необходимо оформить заграничный паспорт сроком на один год с уплатой сбора в 50 коп. (Житенев, 2021: 15).

В материалах ГАПО в числе просителей 1900 г. встречаем вдову пензенского мещанина Марию Петровну Безяеву-Тюмаеву. Отметим, что стоимость гербового сбора на обращение к губернатору возросла до 80 коп. К прошению о выдаче билета на следование до г. Одессы прилагался плакатный паспорт и свидетельство Пензенского городского полицейского управления (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7241. Л. 1). Паспорт для увольнения в разные города империи был выдан Безяевой-Тюмаевой в Пензенской мещанской управе бесплатно. В документе указаны возраст (61 год), род занятий (домашнее хозяйство), семейное положение (вдова) и, по неграмотности владельца, – приметы (рост 2 аршина 5 вершков, цвет волос – темно-русые) (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7241. Л. 3). К паспорту (на основании 222 ст. Устава о паспортах 1890 г.) полагался билет на следование до г. Одессы и представления сведений Одесскому градоначальнику об отсутствии препятствий для получения заграничного паспорта уже с уплатой гербового сбора (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7241. Л. 4).

Определение цели паломнической поездки – поклонения Святым местам – территориально по-прежнему соотносилось с посещением Иерусалима и Святой горы Афон в пределах Турецкой империи (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7241. Л. 7, 10).

Документы паломника отражают заметные тренды социокультурной динамики: меняется социальный статус просителя и уровень его образования. Так, крестьяне Иван Захаров Лысяков, 24 лет, по роду занятий лесопромышленник, Кондратий Иванов Жалнин, 33 лет, чернорабочий, самостоятельно расписались в паспорте, а, следовательно, получили образование и имели возможность лично знакомиться с паломнической литературой.

Военнообязанные при получении билета на следование до г. Одессы давали подписку об обязательстве вернуться на Родину и прибыть в Управление воинского начальника в случае объявления призыва на военную службу (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7241. Л. 76-79).

Особый интерес представляют прошения крестьянок Конной слободы и с. Терновки Пензенского уезда, указавших, что желают отправиться в Палестину «с помощью Российского Палестинского Общества для поклонения Святым местам» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7241. Л. 63, 67). В частности, на это обстоятельство указала Александра Ивановна Бульгина, она же Владимирова, вдова, происходившая из государственных крестьян Конной слободы, имевшая 65 лет от роду, рост 2 аршина 3 вершка, волосы темно-русые, занимавшаяся хлебопашеством, неграмотная (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7241. Л. 63).

В возрасте 64 лет отправился в 1901 г. в Иерусалим мещанин г. Пензы Степан Михайлов Кулыгин. Проситель был холост, вел домашнее хозяйство, в армии не служил, в получении паспорта расписался самостоятельно. Он также ходатайствовал о получении заграничного паспорта для поездки в Палестину (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7241. Л. 32-34). Тем самым необходимо учесть некоторые изменения в представлениях о культурном ландшафте Православных Святынь: исподволь складывается образ Палестины как духовного центра поклонения, фиксируется и присутствие ИППО в жизни локального сообщества как одного из действенных инструментов формирования национальной идентичности.

Действительно, как отмечает С.Ю. Житенев, с момента основания ИППО одним из ведущих направлений деятельности становится содействие развитию паломнического движения. Снижение стоимости паломнических книжек, территориальная доступность их приобретения (распространялись посредством региональных Отделов и уполномоченных представителей Общества), компенсация стоимости железнодорожных билетов становятся стимулами роста числа паломнических поездок (Житенев, 2021: 17). Поддержка паломничества была названа в качестве одной из функций Пензенского епархиального отдела ИППО непосредственно на момент его образования (По поводу..., 1894: 598).

Кроме того, следует отметить, что большая часть дохода Палестинского общества направлялась на содержание паломнических подворий на Святой земле. Так, в 1896 г. на обеспечение социальной инфраструктуры в Иерусалиме было выделено 532 тыс. из 594 тыс. рублей дохода общества (Shkvarya et al., 2022: 698).

Отметим и качественное улучшение условий проживания русских богомольцев. Так, в 1890 г. в Иерусалиме было открыто новое подворье из 44 отдельных комнат и 80 общих палат, в которых могли разместиться до 1200 человек. Построено подворье в Назарете с несколькими отдельными комнатами и общими палатами для паломников, ограниченных в средствах. Весьма доступными были и обеды, на которые мог рассчитывать русский паломник, от 8 коп. до 1 рубля (По поводу..., 1894: 601). Первые две недели паломники, путешествовавшие по паломническим книжкам, проживали в подворьях Общества бесплатно, более значительный срок пребывания предполагал минимальную оплату (три копейки в день с человека). На всех подворьях действовали бани, прачечные, больницы (Житенев, 2021: 17-18).

5. Заключение

Таким образом, социальный портрет пензенского паломника в 1870-1900-х гг. претерпел существенные изменения. Длительность отлучки, сложность оформления документов ограничивали масштабирование практик. В 1870-х гг. в паломнические поездки отправлялись крестьяне обычно

уже в преклонных годах, не обремененные семьей и хозяйством, как мужчины, так и женщины. Да и общество давало согласие только в случае отсутствия обременений и гарантий выполнения обязательств перед общиной. Ввиду почти тотальной неграмотности этой социальной категории распространение информации о Палестинских святынях происходило исключительно традиционными способами.

К концу XIX в. ситуация заметно изменилась: в результате деятельности ИППО и повышения транспортной доступности, развития социальной инфраструктуры непосредственно в Иерусалиме, прежние жесткие рамки социального облика размываются, становятся менее четкими. Возрастные границы смещаются и в ту, и в другую стороны. И вот в числе паломников встречаем молодых людей активного трудоспособного возраста обоего пола, имевших семью и холостых («девица»), и лиц преклонного по меркам того времени возраста: старше 60 и даже 70 лет. Варьируется и социальное положение: крестьяне, мещане, ратники ополчения, вдовы отставных рядовых и солдат. Указание на род занятий в паспорте лишь добавляет нестабильности: хлебопашество, домашнее хозяйство, чернорабочий, лесопромышленник, заштатный псаломщик и пр.

Примечательно, что, побывав в Палестине в 1895 г., пензенский священник П. Архангельский был поражен, как мало среди паломников было лиц духовного звания. При обращении к записям богомольцев, проживавших на Иерихонском подворье, он обнаружил, что за предшествующие восемь месяцев здесь были отмечены лишь три представителя белого духовенства, включая и самого Архангельского.

Анализ географии проживания просителей позволяет сделать вывод о доступности информации об успешном опыте паломнических поездок, а, следовательно, косвенно об эффективности деятельности епархиального отдела ИППО применительно к поселениям с относительно высокой миграционной активностью. Еще одним условием выступала близость к губернскому центру и транспортной инфраструктуре региона, обеспечивающая распространение информации о Святынях Ближнего Востока.

Вместе с тем массовое вовлечение православного населения в паломническое движение не следует рассматривать в качестве основного предназначения епархиальных отделов, так как доступность практик духовно-нравственного служения размывала ценностную основу и эталонный характер паломнической инициативы. Гораздо более значимым выступало создание общей основы для формирования православной идентичности, объединявшей провинциальный, имперский и вселенский уровни, что было призвано выступить фактором, стабилизовавшим цивилизационное развитие.

6. Благодарности

Исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ: «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI вв.: на примере деятельности М.М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2024 г.».

Литература

- Архангельский, 1898 – Архангельский П. О паломничестве духовенства к св. местам Востока // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1898. № 17. 621-634.
- Вендеревский, 1887 – Вендеревский А.А. Путевые заметки о св. горе Афонской и Палестине // *Астраханские епархиальные ведомости*. 1887. № 14. С. 561-581; № 15. С. 597-615; № 16. С. 633-646.
- ГАПО – Государственный архив Пензенской области
- Житенев, 2021 – Житенев С.Ю. Русское православное паломничество в Святую Землю и деятельность ИППО // *Христианство на Ближнем Востоке*. 2021. Т. 5. № 2. С. 5-21.
- Записки..., 1862 – Записки инока уроженца г. Калуги о его странствиях в святой град Иерусалим из Москвы через Молдавию, Турцию и Египет в самом начале прошлого столетия // *Калужские епархиальные ведомости*. 1862. № 20. С. 344-357.
- Исаченко, 2023 – Исаченко Т.А. Святая Гора Афон в сказаниях, воспоминаниях и зарисовках русских паломников XVI–XIX веков. М.: Пашков дом, 2023. 443 с.
- Кавелин, 2008 – Леонид (Кавелин Лев Александрович; архимандрит Троице-Сергиевой лавры). Старый Иерусалим и его окрестности: из записок инока-паломника. М.: Индрик, 2008. 383 с.
- Кочеляева, 2008 – Кочеляева Н.А. Паломничество в контексте русской культуры XII – XVII вв. // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2008. № 6. С. 34-42.
- Нечаева, 2014 – Нечаева М.Ю. Епархиальные отделы Императорского Православного Палестинского Общества и организация паломничества в Святую землю // *Церковь. Богословие. История. Материалы II Всероссийской научно-богословской конференции. Екатеринбургская духовная семинария Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина*. 2014. С. 170-177.

По поводу..., 1894 – По поводу открытия Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1894. № 13. С. 598–607.

Три дня..., 1866 – Три дня в русской Афонской обители св. Пантелеймона 27, 28 и 29 июля 1866 года (Из записной книжки русского святогорца) // *Херсонские епархиальные ведомости*. 1866. № 19. С. 148–157.

Хитрово, 1900 – *Хитрово В.* Откуда идут в Святую Землю Русские паломники. (Опыт статистического исследования) // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. СПб., 1900. Т. 11. С. 128–155.

Цысь, Цысь, 2023 – *Цысь В.В., Цысь О.П.* Палестинские чтения как форма просветительской работы Императорского Православного Палестинского общества на рубеже XIX–XX веков // *Научный диалог*. 2023. Т. 12. № 4. С. 509–526.

Шаповалов, Шевелёв, 2020 – *Шаповалов М.С., Шевелёв Д.Л.* «Не позволять простому народу... ежегодное и беспечное шатание за границу». Записка тайного советника А. И. Темницкого о русских паломниках на Восток. 1910 г. // *Вестник архивиста*. 2020. № 2. С. 414–426.

Якушев, 2018 – *Якушев М.М.* Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османно-русских отношений (1774–1847). М.: Индрик, 2018. 512 с.

Shkvarya et al., 2022 – *Shkvarya, L.V., Aidrus, I. A.Z., Asmyatullin, R.R., Glavina, S.G.* On the issue of the establishment and activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society: some cultural, organizational and geopolitical aspects // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 695–702.

References

Arkhangel'skii, 1898 – *Arkhangel'skii, P.* (1898). O palomnichestve dukhovenstva k sv. mestam Vostoka [On the pilgrimage of the clergy to the holy places of the East]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1898. 17: 621–634. [in Russian]

GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [The State Archive of the Penza region].

Isachenko, 2023 – *Isachenko, T.A.* (2023). Svyataya Gora Afon v skazaniyakh, vospominaniyakh i zarisovkakh russkikh palomnikov XVI–XIX vekov [Holy Mount Athos in the legends, memoirs and sketches of Russian pilgrims of the XVI–XIX centuries]. М.: Pashkov dom, 443 p. [in Russian]

Kavelin, 2008 – *Leonid (Kavelin Lev Aleksandrovich; arhimandrit Troitse-Sergievoi lavry)* (2008). Staryi Ierusalim i ego okrestnosti: iz zapisok inoka-palomnika [Old Jerusalem and its surroundings: from the notes of a monk-pilgrim]. М.: Indrik, 383 p. [in Russian]

Khitrovo, 1900 – *Khitrovo, V.* (1900). Otkuda idut v Svyatuyu Zemlyu Russkie palomniki. (Opyt statisticheskogo issledovaniya) [Where Russian pilgrims come from to the Holy Land. (Statistical research experience)]. *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva*. 11: 128–155. [in Russian]

Nechaeva, 2014 – *Nechaeva, M.Yu.* (2014). Eparkhial'nye otdely Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva i organizatsiya palomnichestva v Svyatuyu zemlyu [Diocesan departments of the Imperial Orthodox Palestine Society and the organization of pilgrimage to the Holy Land]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii. Ekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya Ural'skii federal'nyi universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina*. Pp. 170–177. [in Russian]

По поводу..., 1894 – По поводу открытия Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества [On the occasion of the opening of the Penza Department of the Imperial Orthodox Palestinian Society]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1894. 13: 598–607. [in Russian]

Shapovalov, Shevelev, 2020 – *Shapovalov, M.S., Shevelev, D.L.* (2020). «Не позволять простому народу... ежегодное и беспечное шатание за границу». Записка тайного советника А. И. Темницкого о русских паломниках на Восток. 1910 г. ["Not to allow the common people... to wander abroad every year and aimlessly." A note by Privy Councillor A. I. Temnitsky about Russian pilgrims to the East. 1910]. *Vestnik arkhivista*. 2: 414–426. [in Russian]

Shkvarya et al., 2022 – *Shkvarya, L.V., Aidrus, I. A.Z., Asmyatullin, R.R., Glavina, S.G.* (2022). On the issue of the establishment and activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society: some cultural, organizational and geopolitical aspects. *Bylye Gody*. 17(2): 695–702.

Три дня..., 1866 – Три дня в русской Афонской обители св. Пантелеимона 27, 28 и 29 июля 1866 года (Из записной книжки русского святогорца) [Three days in the Russian Monastery of St. Athos. Panteleimon on July 27, 28 and 29, 1866 (From the notebook of the Russian Svyatogorets)]. *Khersonskie eparkhial'nye vedomosti*. 1866. 19: 148–157. [in Russian]

Tsys', Tsys', 2023 – *Tsys', V.V., Tsys', O.P.* (2023) Palestinskie chteniya kak forma prosvetitel'skoi raboty Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva na rubezhe XIX–XX vekov [Palestinian readings as a form of educational work of the Imperial Orthodox Palestinian Society at the turn of the XIX–XX centuries]. *Nauchnyi dialog*. 12(4): 509–526. [in Russian]

Venderevskii, 1887 – *Venderevskii, A.A.* (1887). Putevye zametki o sv. gore Afonskoi i Palestine [Travel notes about St. Mount Athos and Palestine]. *Astrakhanskije eparkhial'nye vedomosti*. 14: 561–581; 15: 597–615; 16: 633–646. [in Russian]

Yakushev, 2018 – *Yakushev, M.M.* (2018). Russkoe pravoslavnoe palomnichestvo na Blizhnii Vostok v kontekste osmano-rossiiskikh otnoshenii (1774–1847) [Russian Orthodox Pilgrimage to the Middle East in the context of Ottoman-Russian relations (1774-1847)]. M.: Indrik, 512 p. [in Russian]

Zapiski..., 1862 – *Zapiski inoka urozhentsa g. Kalugi o ego stranstviyakh v svyatoi grad Ierusalim iz Moskvy cherez Moldaviyu, Turtsiyu i Egipet v samom nachale proshlogo stoletiya* [Notes of a monk born in Kaluga about his travels to the holy city of Jerusalem from Moscow through Moldova, Turkey and Egypt at the very beginning of the last century]. *Kaluzhskie eparkhial'nye vedomosti*. 1862. 20: 344-357. [in Russian]

Zhitenev, 2021 – *Zhitenev, S.Yu.* (2021). Russkoe pravoslavnoe palomnichestvo v Svyatuyu Zemlyu i deyatel'nost' IPPO [Russian Orthodox Pilgrimage to the Holy Land and the activities of the IPPO]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*. 5(2): 5-21. [in Russian]

«...Желая отправиться на поклонение Святым местам»: социальный портрет паломника второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам Пензенской губернии)

Наталья Андреевна Коблова ^{а,*}, Ольга Васильевна Колпакова ^а, Ольга Александровна Сухова ^а

^а Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается социальный портрет паломника, отправлявшегося из Пензенской губернии для поклонения Православным Святыням на Востоке в 1870–1900-е гг.

Источниковую базу исследования составили материалы делопроизводственной документации канцелярии пензенского губернатора, регламентировавшие получение заграничного паспорта, а также статьи епархиальной периодики на тему популяризации паломнического движения, в том числе, путевые заметки пензенского священника П. Архангельского, побывавшего в Палестине в 1895 г. Исследуются мотивы, значение, условия и сроки организации, стоимость путешествия в Палестину из Пензенской губернии.

Анализ прошений паломников позволяет реконструировать систему представлений провинциального общества о географии размещения, наименовании, содержании образа Святой Земли, выявить зависимость между уровнем социокультурного развития территории и пробуждением стремления к духовно-нравственному совершенствованию. Желание обрести бессмертие побуждало глубоко верующих представителей низших слоев общества, как правило, сельских жителей, в зрелом возрасте совершать путешествия к Святым местам, невзирая на все тяготы и опасности пути.

Установлено, что к концу XIX в. в результате активной деятельности ИППО, повышения транспортной доступности, развития инфраструктуры гостеприимства в Иерусалиме происходит демократизация паломнического движения, становятся более гибкими социально-демографические характеристики классического пилигрима. Помимо приобретения личного опыта посредством паломнического движения происходило формирование мемориальной культуры провинциального социума, общей основы религиозной и национальной идентичности.

Ключевые слова: паломничество, Пензенская губерния, вторая половина XIX – начало XX вв., практики духовно-нравственного служения, социальный портрет, Императорское Православное Палестинское Общество.

* Корреспондирующий автор

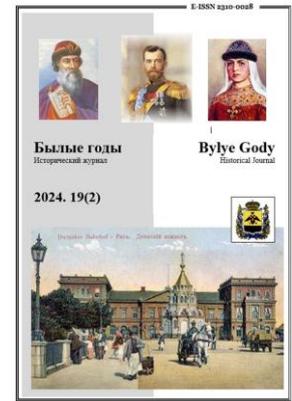
Адреса электронной почты: nata_koblova@mail.ru (Н.А. Коблова),
al.olga3443@yandex.ru (О. В. Колпакова), savtemp@yandex.ru (О. А. Сухова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 831-840
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.831

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Private Charity as a Factor in the Quality of Life of Moscow University Students in the second half of the 19th century

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Vadim V. Zubov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the daily life of students at Moscow University in the context of analyzing the phenomenon of private charity, which was actively developing in the second half of the 19th century in order to support students and education in general.

Various ways of earning money for students are shown, which, although they do not give a complete picture of the student's standard of living, can be indicators with the help of which it becomes possible to reconstruct the daily life of Moscow students, which was formed differently due to the different social and geographical origin of students, as well as directly dependent on their academic performance, receipt of scholarships and loyalty to the existing government.

It is concluded that state inertia in Russia in the second half of the 19th century created an opportunity for the development of private charity and thereby contributed to the construction of Russian civil society. Charities provided a public "space" where concerned Russians could meet and discuss ways to distribute their charitable donations.

Based on an in-depth analysis of historical sources and literature, the author comes to the conclusion that private charitable activities made it possible to actively participate in the development of an autonomous civil society, which indirectly challenged the monopoly of the Russian autocracy and determined the future of the country. An attempt is made to explore the concept of "quality of life" by focusing on various factors, including basic human needs, subjective well-being, hopes for the future, as well as other phenomenological considerations.

As part of the study of the everyday life of students, the author focused on considering the financial and legal status, living and working conditions, and professional opportunities provided to students. In addition, the reasons for frequent expulsions from Moscow University were studied.

Keywords: private charity, quality of life, Moscow University, history of students, social activism, history of everyday life, Russian history.

1. Введение

Вторая половина XIX века стала свидетелем трансформационной эпохи, которая привела к значительным изменениям в различных сферах жизни общества от технологических достижений до социальных реформ. Этот период стал поворотным моментом в истории. Одним из ключевых факторов, способствующих этой трансформации, была быстрая индустриализация, охватившая страны.

Попытки царского правительства регулировать городскую жизнь посредством уставов, размещения административных единиц и сил порядка (полиции и армейских гарнизонов) обеспечили повсеместное присутствие государства в губернских городах, в промышленных поселках и уездных городах. Развитие региональных, национальных и международных рынков, которые обслуживались водными путями и железнодорожными линиями, ведущими к городским центрам,

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), VVZubov@fa.ru (V.V. Zubov)

привело к экономическому и демографическому расширению этих городов. Культура печати, включавшая коммерческие газеты, охватила растущее читающее население городов и помогла придать новый смысл городской жизни.

На базовом уровне интеллектуального дискурса идея города захватила воображение влиятельных горожан, интеллектуалов и чиновников. Активно росло число желающих получить высшее образование, расцвет студенчества ознаменовал новый этап развития общества того времени.

Актуальность исследования о положении студентов Московского университета во второй половине XIX в. можно подчеркнуть тем, что современные российские университеты на сегодняшний день по-разному определяют положение нынешних студентов. Научная актуальность статьи обуславливается тщательным разбором связи студенчества и государства в контексте механизма государственной политики. Данный разбор направлен на анализ возможных стратегий поведения, доступных студентам в рамках ограничений (Яблоков, 2006).

Реконструкция повседневности студенчества дает представление об уровне жизни того времени в целом. Изучение истории студенчества как социального феномена представляет собой исследование большого количества аспектов его существования, в том числе с точки зрения истории формирования будущих революционеров.

Нужно отметить, что большая часть студентов была лишена экономической и эмоциональной поддержки со стороны семьи. В этой связи Москва стала местом сосредоточения попечительства нуждающихся, санкционировав развитие частной благотворительности. Однако идея общественной ответственности за смягчение последствий бедности встретила открытую враждебность со стороны некоторых гражданских лидеров, которые утверждали, что такие усилия способствуют бесконечному потоку бедных мигрантов.

Формальные и неформальные кампании по распространению образования в городах отражали как практические потребности населения, так и надежды образованных россиян. Надежды и разочарования россиян, участвовавших в добровольных объединениях, послужили обильным источником вдохновения для литературной сатиры. Сочинения А.П. Чехова остаются ярким напоминанием об огромном разрыве, существовавшем между реальным и идеальным взглядом на общество.

История российского урбанизма была построена на основе популярных повседневных практик в городах. Рассказы о том, как город был включен в жизнь жителей, отражают историю столь же важную, как и прокламации и постановления чиновников. На этом уровне интерпретации историки-исследователи сталкиваются с двумя основными трудностями. Во-первых, свидетельства повседневности студенчества и молодежи в значительной степени фильтруются через взгляды и философию чиновников и интеллектуалов, составивших письменные источники, во-вторых, многое в городской истории России просто не зафиксировано (ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1212. Л. 11–110б.; Отчет комитета общества, 1904: 37).

Из-за острых нужд российского студенчества и моральных императивов оказания им помощи на протяжении всего девятнадцатого века росло число филантропических обществ. Первые вызовы идеалам частной благотворительности исходили от Петра Великого, он попытался применить систематический подход к искоренению бедности и нищеты в России.

Нужно отметить, что запретов на участие женщин в благотворительных объединениях не существовало, поэтому женщины, желавшие участвовать в общественной жизни своей страны, охотно вступали во вновь образованные благотворительные общества.

В этой истории российского урбанизма традиции и современность выступают точками отсчета, благодаря которым студенты придавали особый смысл городу. Эти два термина представляют собой временные маркеры, с помощью которых можно понять события в быстро меняющемся городском мире. Будущее в форме мечтаний и идеалов вселяло надежды на обучение, видение технологических чудес и мечты о личных достижениях и социальной справедливости.

Безусловно, стимулов для жителей российских городов получить высшее образование было предостаточно. Кроме того, и государству, и земствам, и частному сектору требовались квалифицированные кадры, в особенности медицинские.

Диплом о среднем образовании сам по себе (либо классической гимназии, либо реального училища) давал относительно мало возможностей для успешной будущей жизни, если только студент не продолжил обучение в высшем учебном заведении. Высшее образование позволяло молодым людям из так называемых подвластных сословий (крестьянства и мещанства) получить «почетное гражданство», улучшить свое юридическое положение и войти в «Табели о рангах» (Ярошевская, 1984). Студенты получали отсрочку от военной службы, и сам срок службы для них был сокращен.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют архивные источники, сборники опубликованных документов и отчеты, а также источники личного происхождения.

К первой группе источников мы отнесли архивные материалы из Центрального государственного архива Москвы (Москва, Российская Федерация), часть из них впервые вводится в научный оборот. Сведения о студентах, отметки об отчислениях и поступлении на учебу, назначенные

стипендии и другие делопроизводственные документы были взяты из материалов фондов 418 (Императорский Московский университет) и 459 (Канцелярия попечителя московского учебного округа, Москва) (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 500. Д. 1-117; ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Т. 2. Д. 3875. Л. 1-6).

Ко второй группе источников относились сборники опубликованных документов и отчеты. Среди таких материалов использовались «Отчет комитета общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета» (1904 г.) и «Половая переписка московского студенчества» (Отчет комитета общества, 1904; Членов, 1909).

К третьей группе мы отнесли источники личного происхождения студентов Императорского Московского университета А.А. Иванцова и Н.А. Каблукова (Иванцов, 1899; Каблуков, 1908).

Методологическую основу данного исследования составили методы и подходы, разработанные в рамках истории повседневности. Также для сравнительного анализа проанализированы исторические аспекты вопроса повседневности студенчества во второй половине XIX века.

С помощью историко-генетического метода удалось проследить качество жизни студенчества в динамике, в истории и развитии. Также использовался сравнительно-сопоставительный анализ, позволивший проанализировать исторические источники в контексте исследуемой тематики. Благодаря контент-анализу архивных источников удалось изучить повседневность студентов исследуемого периода времени.

3. Обсуждение

Повседневность студенчества второй половины XIX века ученые и публицисты начали анализировать еще в XIX в. На протяжении XX в. мы видим большое количество работ, анализирующих материальное положение студентов, социальную структуру, политическую деятельность, то есть основные составляющие качества их жизни.

В рамках дореволюционной историографии понятие студенчества, студенческого сословия со своим собственным кодексом поведения, организацией, традициями возникло благодаря ряду изменений в российских университетах (Иванцов, 1899; Каблуков, 1908; Членов, 1909; Янжул, 1909).

В советском периоде рассмотрение дореволюционной историографии студенчества в России освещено в виде монографий, диссертаций, научных статей. В начале 1900-х гг. появилось множество работ о студенчестве, носящих обобщающий характер. В них анализировался весь спектр студенческих вопросов от учебной деятельности до их личной жизни. Студенческие переписи, проведенные в различных университетах и технических институтах в 1872–1914 годах, хотя методологически и далеки от совершенства, но дают ценные сведения об экономическом положении студенческого общества. Нужно отметить, что авторы того периода в основном критикуют студентов, пытаясь призвать к порядку. В это же время на фоне активизации студенческого движения появляются статьи, рассказывающие об истории возникновения студенческих кружков и групп по интересам (Слюзберг, 1934).

В основном проблема студенчества в России рассматривалась советскими историками в связи с революционным движением. В своих работах они опирались на статистические материалы, показывающие сословный состав студенчества, материальные нужды университетов и студентов.

Одним из основных источников по изучению повседневной жизни студенчества являются воспоминания. Мемуарная литература наиболее полно раскрывает все аспекты проблемы, оценки становятся более объективными. При этом нужно отметить, что они дают представление лишь, как правило, об отдельном учебном заведении или группе студентов, не рассматривая студенчество в целом (Янжул, 1909).

В рамках постсоветской историографии проанализированы многочисленные работы последних лет, посвященные исследованию реформ высшей школы, а также различным аспектам жизни и политической активности российского студенчества второй половины XIX века. Современная историография проблем дореволюционного студенчества описывает расцвет частной благотворительности с разных аспектов, опираясь на историю отдельных университетов. Большое внимание уделено студенчеству как самостоятельной социальной группе, а не в связи с радикальными настроениями студентов того периода. Актуальными становятся исследования повседневных аспектов студенческой и университетской жизни рассматриваемого периода (Багдасарян, 2004; Белова, 2003; Галахов, 1999; Гасангусейнова, 2016; Иноземцева, Дербин, 2017; Кочубей, 2019; Раттур, 2020; Терехов, 2005; Фруменкова, 2003; Цыганков, 2009; Чиненный, Стоян, 1999; Яблоков, 2006).

4. Результаты

Во второй половине XIX века система образования в России бурно развивалась. В то время как в Германской империи в начале XX века по программам естественных и инженерных наук в университетах, высших школах и академиях обучалось около 25 000 студентов, в Российской империи в то время на этих специальностях обучалось от 40 000 до 45 000 студентов. По уровню образования российские университеты конкурировали с европейскими (Иванцов, 1899: 12-14; Терехов, 2005: 142-144).

Вскоре после смерти Николая I правительство начало отмену введенного им жесткого режима в университетах. Отмена правил 1850 года, ограничивавших рост студенческого контингента, привела к резкому увеличению набора студентов. В 1855 г. в Петербургском университете было 476 студентов. Три года спустя это число увеличилось более чем вдвое, до 1026. Правительство возобновило практику отправки молодых людей за границу для подготовки к профессорской работе в университетах и восстановило преподавание философии и конституционного права.

Безусловно, первые годы студенческой жизни являются одним из наиболее важных этапов человеческого развития. В эти периоды физического, психологического, социального развития подростки и молодые люди постепенно берут на себя большую ответственность и автономию в своей жизни. Аналогичным образом у них развиваются новые взгляды и убеждения относительно своего здоровья и рисков для него. В этой связи важно выделить факторы, связанные с более высоким качеством жизни среди студентов университетов: удовлетворенность учебой, жизнью, финансовым благополучием (Иноземцева, Дербин, 2017: 69).

Важным источником для изучения университетской жизни того времени являются мемуары академика И.И. Янжула, обучение которого началось в 1864 году. Он пишет о том, что учеба на историко-филологическом или естественно-математическом факультете чаще всего приводила к карьере преподавателя средней школы или для студентов, осваивающих естественные и математические науки, к дальнейшему обучению в техническом институте. Преподавание в средней школе, конечно, давало некоторую финансовую безопасность: начинающие учителя гимназий Министерства образования зарабатывали 900 рублей в год, а после двадцати лет службы эта зарплата могла вырасти до 2500 рублей. Пенсии выплачивались по 1800 рублей в год. Поскольку нарастала нехватка учителей средней школы, единственным серьезным препятствием для получения должности было одобрение куратора учебного округа. Но были в этой профессии и недостатки. Не все ученики с теплотой вспоминали собственный опыт учебы в гимназии, где многие учителя напоминали г-на Беликова из чеховского «Человека в футляре» (Янжул, 1909: 112).

Янжул подчеркивает, что социальное происхождение студентов выходило в основном из средних чинов государственной службы и городских слоев российского общества. Сыновья крестьян и рабочих составляли лишь ничтожный процент студенчества.

При Николае I был введен строгий кодекс военной дисциплины. Инспекторы выезжали контролировать то, как студентов сурово наказывают за неправильное ношение униформы или длинные волосы. Например, одного студента Киевского университета, пришедшего на обязательное богослужение в неполной форме, инспектор вытолкнул из церкви и на следующий день исключил из университета. Писатель П.А. Боборыкин, вспоминая свой первый год обучения в Казанском университете в начале 1850-х годов, подчеркивал всеобщую политическую апатию студентов (Членов, 1909: 41). Основным источником студенческого дохода было репетиторство, в среднем оплата составляла всего около 25 копеек в час, а 121 из 171 студента, заявившего о репетиторстве, зарабатывал менее 15 рублей в месяц. Из студентов чуть более трети получали ту или иную стипендию.

Жилищная перепись 1907 года, проведенная Н.А. Каблуковым (Каблуков, 1908: 23), показала, что более половины студентов Московского университета и две трети студентов близлежащего коммерческого института проживали в помещениях, не соответствующих гигиеническому минимуму, рассчитанному профессором Ф.Ф. Эрисманом, а четверть из них жили в зданиях без водопровода.

Генрих Слиозберг в сборнике воспоминаний о дореволюционном русском студенчестве упоминает материальную необеспеченность значительной части учащейся молодежи и полицейско-бюрократические стеснения, которыми самодержавие обставило преподавание и изучение наук в университетах, толкая студенчество на путь оппозиции и протеста. В 1861 году, когда правительство попыталось ввести специальные правила для университетов, студенчество протестовало против них, устраивая сходки, забастовки, организуя подачу петиций. В следующие годы студенческие волнения возобновились с новой силой (Слиозберг, 1934: 87).

О финансовом благополучии студентов можно судить по отрывкам из воспоминаний. Например, Алексей Галахов (сын крепостного владельца и студент Московского университета в 1820-е годы) обычно проходил 3,3 мили до дома его тети и обратно, потому что у него не было денег на извозчика (Галахов, 1999: 314). Нужно отметить, что в основном студенты испытывали острую нехватку денег, в особенности те, кто был лишен финансовой помощи из дома.

Вероятно, по этой причине популярным в то время становится юридический факультет Московского университета, так как у некоторых студентов были конкретные причины изучать право, например, желание заработать много денег или мечта стать «защитником угнетенных». Некоторым радикально настроенным студентам полюбился этот факультет потому, что он давал единственную в университете возможность изучать политическую экономию.

Сергей Яблоков в своей статье «Юридический факультет Московского университета после введения университетского устава 1884 г.» пишет о том, что министерства финансов и внутренних дел также требовали юридически подготовленных кадров и оказывали давление на университеты, требуя, чтобы они выпускали сильных и грамотных специалистов с юридическим образованием. Очевидно, что государственная служба в то время была надежной и хорошо оплачиваемой. Но в гораздо

большей степени государственная служба для выпускников юридических факультетов предполагала принятие существующей системы и готовность защищать ее политику. Это также несло клеймо «карьеризма». Хотя частная юридическая практика оказалась финансово выгодной для многих юристов, различные правительственные ограничения привели к растущей поляризации между юридической профессией и государством (Яблоков, 2006: 113).

После 1890 года конкуренция за государственные посты, обеспечивавшие большую безопасность, усилилась. Лишь немногие преуспели в частной практике, в то время как земские врачи часто терпели непростые отношения со своим начальством. Врачи не только страдали от безработицы и неполной занятости, но им также приходилось бороться за социальный престиж и признание государством профессиональных прав. По сравнению с зарплатами представителей других профессий зарплата врачей были низкими.

По мнению В.Э. Багдасаряна, такое бедственное материальное положение большинства студентов стало причиной их политической активности. В 1880 г. на одного студента полагалось в среднем 62 рубля стипендии. Эта цифра снизилась до 23 рублей в 1891 году и чуть менее 16 рублей к 1912 году. В 1880 г. 19,6 % всех студентов университетов получили освобождение от платы за обучение. Это число упало до 16,5 процентов в 1891 году и до чуть более 12 процентов к 1912 году. В результате сокращения помощи большое количество студентов вынужденно бросили учебу в университете, потому что они не могли платить за обучение. В первом семестре 1899-го учебного года, например, 12 процентов студенческого состава было отстранено от обучения в Московском университете за неуплату (Багдасарян, 2004: 91).

Даже те, кто получил помощь, были встревожены таким положением дел. Лишь немногим стипендии выплачивали более 25 рублей в месяц — сумму, достаточную лишь для самого необходимого. Большая часть финансовой помощи поступала в виде освобождения от платы за обучение, в результате чего студентам приходилось сталкиваться с проблемами поиска жилья и питания в течение учебного года. Лишь немногие студенты могли рассчитывать на то, что родители полностью профинансируют их университетское образование. Опрос студентов Московского университета, проведенный в 1893 году, показал, что только 20 процентов респондентов получали от родителей более 35 рублей в месяц; 25,4 % получали менее 25 рублей в месяц; а 25 % ничего не получали из дома (Багдасарян, 2004: 91, 92).

Таким образом, для многих студентов нахождение в университете напрямую зависело от найденной подработки или благотворительности со стороны частных меценатов. Поскольку количество студентов в Москве неуклонно росло, конкуренция за рабочие места становилась все более интенсивной, почасовая оплата падала, репетиторство оставалось основным источником трудоустройства студентов.

В 1900 г. среднемесячный заработок студентов Московского университета за репетиторство составлял 18 рублей в месяц. Поиск жилья также был серьезной проблемой. Студенты старались жить рядом с университетом, и со временем сформировались четко определенные студенческие кварталы, например, район Никитского-Тверского бульвара Москвы. В Пресне-Ямской части города проживало 70 процентов студентов Московского университета.

Дмитрий Цыганков в своей статье упоминает православное богословие, превозносившее личные благотворительные пожертвования, совершаемые как мужчинами, так и женщинами. Он пишет о том, что благотворительная деятельность позволила женщинам сыграть важную роль в развитии гражданского общества в имперской России. Ряд уникальных правовых и социальных условий способствовал их участию в благотворительной деятельности, в то время как глубоко укоренившиеся культурные идеи о женском благочестии и добродетели способствовали выходу женщин в общественную жизнь посредством благотворительности (Цыганков, 2009: 387).

В Москве было широко известно Общество помощи нуждающимся студентам, учрежденное в 1874 г. Оно открыло столовые, которые в период с 1892 по 1902 год предоставляли в среднем 100 тыс. бесплатных обедов в год студентам, имеющим финансовые трудности (Иванцов, 1899: 34).

Такого рода благотворительность соседствовала с контролем над студентами за соблюдением официальных правил поведения. Например, студенты должны были всегда появляться в форме, даже за пределами университета. Они не могли жениться или даже ходить на лекции на другие факультеты без разрешения. Для поступления в университет они должны были предъявить справку из местной полиции, подтверждающую их хорошее поведение (свидетельство о благонадежности).

Наказания могли налагаться инспекторами, ректором или администрацией университета. Они включали в себя выговоры, содержание в карцере (университетской тюрьме) на срок до четырех недель, отстранение и исключение. При этом отстраненные студенты могли при определенных обстоятельствах поступить в другие университеты, а в случае приговора к карцеру студент мог уйти на занятия (Кочубей, 2019: 293).

Можно сделать вывод о том, что некоторые из них являлись студентами только номинально, на самом деле не могли учиться полноценно, потому что тратили много времени на репетиторство и другие подработки. Другие покидали университет, чтобы заработать деньги на дальнейшее обучение.

Наиболее обеспеченные в финансовом отношении студенты, как правило, были выходцами из купечества и мещанства, а не из дворянства.

После 1899 года началось строительство общежитий. В московском общежитии Николая II были библиотека и медицинский корпус, доступное питание, а также просторные комнаты с хорошим освещением. Проживание и питание в одноместной комнате стоили всего 260 рублей за учебный год, но в общежитии могли разместиться всего 150 студентов (Цыганков, 2009: 400, 401).

Тем не менее, хотя ограничения, наложенные автократией на значимое гражданское участие, затрагивали как мужчин, так и женщин, преобладающие представления о гендерных ролях удерживали женщин от воплощения своего опыта благотворительной деятельности в более широких сферах гражданской и политической жизни. В то же время частные благотворительные организации, которых к 1900 году насчитывалось несколько тысяч, во многом полагались на время и усилия, пожертвованные женщинами (Слюзберг, 1934: 82). Некоторые из таких женщин добились известности и стали олицетворением идеала женского благочестия и милосердия. Примером стандарта женского благочестия и добрых дел может служить княгиня Мария Дондукова-Корсакова, родом из богатой аристократической семьи, ставившая благотворительность на первое место в жизни.

Землячества, ставшие популярными в то время, в какой-то мере можно отнести к организациям, помогающим студентам финансово. Некоторые землячества были хорошо организованы и смогли собрать достаточно средств, чтобы помочь своим более бедным членам, многие едва сводили концы с концами. Поскольку у большинства студентов было мало денег на членские взносы, основной целью землячества оказалось общение, а не материальная помощь. Вступив в запрещенную законом организацию «землячество», студент совершал противоправное деяние. Тем не менее большинство землячеств решительно избегало любого намека на политическую причастность (Фруменкова, 2003: 26-28).

Еще одним признаком новой эры в университетах стало появление новых студенческих организаций. В Императорском Санкт-Петербургском университете студенты начали издавать литературный журнал в 1856 году. Его редакция вскоре основала общество самопомощи (касса), чтобы помочь большому числу нуждающихся студентов, поступивших в университет после 1855 года. Для сбора денег редакция начала организовывать концерты. К 1859 году касса фактически выплатила больше денег (9000 рублей), чем администрация университета. Когда студенты заподозрили казначея кассы Бутчика в растрате, они обратились к своим преподавателям права за помощью в организации суда чести (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 461. Д. 172. Л. 13).

Такие эпизоды, как дело Бутчика, подняли вопрос о том, как студенты должны коммуницировать между собой. Так возникла традиция сходки – собрания студенческого сообщества для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес (Хефнер, 2007: 53).

В начале 1890-х годов несколько Московских университетских землячеств возродили Единый совет. К 1894 г. в состав совета входили 43 землячества, представляющие 1,7 тыс. членов. Совет заявил, что его главными целями являются «повышение интеллектуального и нравственного уровня студенчества», «подготовка его членов к общественной деятельности», улучшение материальных условий студенческой жизни (Гасангусейнова, 2016: 110-112; Белова, 2003: 122).

Созданный государством Императорский Московский университет был основан для подготовки государственных служащих, учителей и врачей. До самого конца династии Романовых правовое положение университетов опиралось на весьма нестабильную основу Статута 1884 года, внесшего существенные изменения в университетское устройство. Государственные экзамены были заменены на университетские испытания, проходившие в стенах самих университетов, появились собственные типографии и книжные лавки.

В канцелярии по студенческим делам за 1872 год можно увидеть опись студентов, получивших свидетельства о поведении и успехах для получения стипендий, пособий, освобождений от рекрутской повинности (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 393. Д. 99. Л. 40-41). Также мы видим записи о выдаче свидетельств на право преподавания частных уроков. Все это позволяет говорить о том, что достаточно большое количество студентов нуждалось в дополнительном заработке и различных стипендиях. Также можно сделать вывод о том, что большая доля студентов (около двух третей) происходила из провинциальных семей среднего класса (Раттур, 2020: 46).

Таким образом, становится понятно, почему российское студенческое движение шло под радикальным, а не либеральным знаменем. Учеба в университетах, коллективная студенческая солидарность давала отдельным студентам возможность протестовать «полузащищенным» и социально санкционированным образом. В этой связи частная благотворительность в какой-то степени сдерживала негативные настроения студентов, оказывая весомую поддержку во всех сферах жизни российского студенчества.

Нужно отметить, что частной благотворительностью в России в то время занимались не только мужчины, женщины также были вовлечены в этот процесс. Российское законодательство во многом ограничивало личную свободу женщин, но, с другой стороны, свобода женщин распоряжаться своим имуществом имела очевидное значение для их участия в благотворительной деятельности.

Большая часть благотворительности после второй половины XIX века была наполнена иной повесткой из-за новых проблем, которые выходили на первый план после поражения России в Крымской войне: отмена крепостного права, улучшение образования и общественного здравоохранения, а также «женская благотворительность». Благотворительные организации, основанные Анной Философовой, Надеждой Стасовой и Марией Трубниковой, включали образцовое жилье для бедных семей, воскресные школы для рабочих и университетские курсы для женщин. Все эти меры были направлены на образование и самосовершенствование (Чиненный, Стоян, 1999: 143-145).

Большинство мемуаристов акцентирует внимание на том, что состоятельных студентов в молодежной среде было достаточно небольшое количество. Студентов со «средним достатком» было чуть больше. Бедные студенты, которых было большинство, вынуждены были зарабатывать и учиться. Таким образом, российское студенчество испытывало в большей своей части финансовые затруднения и, не имея материальной поддержки, было вынуждено полагаться на помощь со стороны государства и частных благотворительных организаций в виде освобождения от уплаты за учебу или стипендий, назначенных частными меценатами.

Можно утверждать, что материальное положение молодых людей влияло на мировоззрение, отношение к жизни, а также на моральные искания, стремление соизмерять свою жизнь с нуждами государства, народа (Галахов, 1999: 124).

На основе изученных исторических источников мы можем проследить, как менялась повседневная жизнь студенчества, выделить ее основные компоненты. К примеру, студенты 1850–1860-х гг. в основном стремились к получению знаний от университета, к самообразованию, не стремясь к заработкам и достатку (Багдасарян, 2004: 84-86).

Студенты 1870–1880-х гг. стали относиться к учебе потребительски, т. е. с целью получить диплом. В это же время стали создаваться кружки по интересам, возрос революционный романтизм, студентов стало больше волновать их материальное благосостояние. Учащихся 1890-х гг. можно охарактеризовать как более деловых, практичных, в меру политизированных.

Безусловно, студенчество второй половины XIX века моментально реагировало на изменения в жизни общества, что может напоминать о сегодняшних процессах, которые происходят в повседневной жизни и мировоззрении современных студентов.

5. Заключение

Работа написана в рамках методологии повседневной жизни и освещает влияние различных идеологических и материальных факторов на формирование внутреннего мира студентов. На внутренний мир и духовное развитие молодежи повлияли различные аспекты: материальные проблемы, особенности системы обучения и воспитания в университете, а также формы досуга студентов. Формирование воззрений будущей интеллигенции происходило во многом через осмысление политических верований и догматов. В основу исследования положены такие понятия, как «повседневная жизнь», «качество жизни».

Исследования, подобные этому, позволяют обозначить подробные представления повседневной жизни студенчества второй половины XIX века в контексте распространения частной благотворительности и наметить курс будущих исследований данной проблематики.

На основе научных работ можно проследить философию россиян второй половины XIX века. Многие придерживались традиционного убеждения, что «бедность – не порок», и личная щедрость по отношению к бедным, в том числе к нищим, приносит духовное спасение. Акцентировалось внимание на том, что образование является важным показателем уровня развития любого общества.

С середины XIX века благотворительные организации добавили новый акцент на образование и самостоятельность к своей традиционной заботе о бедных вдовах, пожилых женщинах и детях-сиротах. Высшее образование для женщин также появилось в России только благодаря добровольным пожертвованиям и усилиям со стороны частных меценатов. Женский идеал самопожертвования и смирения формировал роль женщин в русской благотворительности до конца имперского периода, увековечивая тем самым типологию мужской и женской благотворительной деятельности.

Важно упомянуть о том, что российское студенчество второй половины XIX века было группой переходного периода. По социальному происхождению студенты были так же далеки от народа, как и от своих корней в провинциальном среднем классе или от политической элиты. Их опыт в вузах помог разорвать связь с домом, но при взгляде в будущее они столкнулись с проблемами определения своей идентичности.

Литература

Багдасарян, 2004 – Багдасарян В.Э. Мотивы девиантного поведения студенчества в конце XIX – начале XX вв. // *Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века): сб. науч. ст.* М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та (МГОУ), 2004. С. 82-95.

Белова, 2003 – Белова М.Ю. Почетное гражданство одно как из форм признания консервативной благотворительной деятельности горожан (на примере почетных граждан города

Ярославля конца XIX – начала XX вв.) / *Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования*. СПб.: Лики России, 2003. С. 122-132.

Галахов, 1999 – *Галахов А.Д.* Записки человека / М.: Новое литературное обозрение, 1999.

Гасангусейнова, 2016 – *Гасангусейнова П.А.* Общественная и частная благотворительность в России во второй половине XIX – начале XX вв. // *Педагогика и психология: проблемы и перспективы: Материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 25 февраля 2016 года* / Под редакцией Р.М. Рамазановой, Э.М. Пицхелаури, Б.А. Шихамировой. Вып. 3. Махачкала: АЛЕФ, 2016. С. 107-114.

Иванцов, 1899 – *Иванцов А.А.* Историческая записка о деятельности Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета за 25 лет его существования. (1874-1898) / сост. член Комитета А. Иванцов. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1899.

Иноземцева, Дербин, 2017 – *Иноземцева Е.А., Дербин П.Е.* Эволюция понятия "качество жизни" во второй половине XX века / *Актуальные вопросы повышения качества жизни населения России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 15 июня 2017 года*. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2017. С. 67-73.

Кочубей, 2019 – *Кочубей Л.В.* Благотворительность в России во второй половине XIX века // *Россия и мир в новое и новейшее время - из прошлого в будущее: материалы XXV юбилейной ежегодной международной научной конференции: в 4 т., Санкт-Петербург, 22 марта 2019 года. Т. 3.* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2019. С. 293-295.

Отчет комитета общества, 1905 – Отчет комитета общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета. 1904 г. М., 1905. С. 37-53.

Раттур, 2020 – *Раттур М.В.* Правовые основы благотворительности как гражданской деятельности в Российской империи во второй половине XIX в // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2020. Т. 15. № 3. С. 30-46.

Слиозберг, 1934 – *Слиозберг Г.Б.* Дореволюционное русское студенчество / Памяти русского студенчества. Париж: Свеча, 1934. С. 82-95.

Каблуков, 1908 – Студенческий квартирный вопрос в Москве: (Студ. квартир. перепись в Москве 1907 г.) / Сост. и обраб. студентами – участниками Семинария; под ред. и с предисл. Н.А. Каблукова. М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1908.

Терехов, 2005 – *Терехов Е.Е.* Численность студентов Московского Университета, их сословный и национальный состав в 1890-1914 гг. / Вторые открытые исторические чтения "Молодая наука" / сост. Н.А. Александрова, В.М. Муханов, А.П. Пятников. М.: Б.и., 2005. С. 138-144.

Фруменкова, 2003 – *Фруменкова Т.Г.* Из истории частной благотворительности в России во второй половине XVIII века / Вторые петровские чтения (история, социология, экономика, образование, культура и право): сборник научных трудов / Петровская академия наук и искусств, Отделение исторических наук. Санкт-Петербург: Петровская академия наук и искусств, 2003. С. 25-30.

Хефнер, 2007 – *Хефнер Л.* В поисках общества в самодержавной России. 1861-1914 гг. Результаты международных исследований и методологические подходы // *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX в.* / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 53-54.

ЦГАМ – Центральный государственный архив г. Москвы.

Цыганков, 2009 – *Цыганков Д.* Московский университет в городском пространстве начала XX века / *Университет и город в России (начало XX века)* / под ред. Т. Маэур, А. Дмитриева. М.: НЛЮ, 2009. С. 371-460.

Чиненный, Стоян, 1999 – *Чиненный А., Стоян Т.* Студенчество российских университетов (XIX в.) // *Высшее образование в России*. Научно-педагогический журнал Министерства общего и профессионального образования РФ. 1999. № 5. С. 141-148.

Членов, 1909 – *Членов М.А.* Половая перепись московского студенчества и её общественное значение. М.: Студенческая мед. изд. комиссия, 1909.

Яблоков, 2006 – *Яблоков С.А.* Юридический факультет Московского университета после введения университетского устава 1884 г. // *Вестник Московского университета*. Сер. 11. Право. 2006. № 5. С. 113-127.

Ярошевская, 1984 – *Ярошевская Е.М.* Государственный Совет и принятие университетского устава 1884 года / *Из истории культуры и общественной мысли народов СССР* / под ред. С.С. Дмитриева. М.: Изд-во МГУ, 1984. 133 с. С. 74-88.

Янжул, 1909 – *Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864-1909 гг. М.: 2006.

References

Bagdasaryan, 2004 – *Bagdasaryan, V.E.* (2004). Motivy deviantnogo povedeniya studenchestva v kontse XIX – nachale KhKh vv.. Rossiiskoe studenchestvo: usloviya zhizni i byta (XVIII–XXI veka) [Motives for deviant behavior of students at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Sb. nauch. st.* М.: Izd-vo Mosk. gos. obl. un-ta (MGOU). Pp. 82-95. [in Russian]

Belova, 2003 – Belova, M.Yu. (2003). Pochetnoe grazhdanstvo odno kak iz form priznaniya konservativnoi blagotvoritel'noi deyatel'nosti gorozhan (na primere pochetnykh grazhdan goroda Yaroslavl kontsa XIX – nachala XX vv.) [Honorary citizenship is one of the forms of recognition of conservative charitable activities of citizens (using the example of honorary citizens of the city of Yaroslavl at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya*. SPb.: Liki Rossii. Pp. 122-132. [in Russian]

Chinennyi, Stoyan, 1999 – *Chinennyi, A., Stoyan, T.* (1999). Studenchestvo rossiiskikh universitetov (XIX v.) [Students of Russian universities (XIX century)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. Nauchno-pedagogicheskii zhurnal Ministerstva obshchego i professional'nogo obrazovaniya RF. 5: 141-148. [in Russian]

Chlenov, 1909 – *Chlenov, M.A.* (1909). Polovaya perepis' moskovskogo studenchestva i ee obshchestvennoe znachenie [Sex census of Moscow students and its social significance]. M.: Studencheskaya med. izd. komissiya. [in Russian]

Frumenkova, 2003 – Frumenkova, T.G. (2003). Iz istorii chastnoi blagotvoritel'nosti v Rossii vo vtoroi polovine XVIII veka [From the history of private charity in Russia in the second half of the 18th century. Second Peter's Readings (history, sociology, economics, education, culture and law): collection of scientific works]. *Vtorye petrovskie chteniya (istoriya, sotsiologiya, ekonomika, obrazovanie, kul'tura i pravo): sbornik nauchnykh trudov*. Petrovskaya akademiya nauk i iskusstv, Otdelenie istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg: Petrovskaya akademiya nauk i iskusstv. Pp. 25-30. [in Russian]

Galakhov, 1999 – Galakhov, A.D. (1999). Zapiski cheloveka [Notes of a Man]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]

Gasanguseinova, 2016 – Gasanguseinova, P.A. (2016). Obshchestvennaya i chastnaya blagotvoritel'nost' v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Public and private charity in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Pedagogika i psikhologiya: problemy i perspektivy: Materialy tret'ei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Makhachkala, 25 fevralya 2016 goda*. Pod redaktsiei R.M. Ramazanovoi, E.M. Pitskhelauri, B.A. Shikhamirovoi. Vyp. 3. Makhachkala: ALEF. Pp. 107-114. [in Russian]

Inozemtseva, Derbin, 2017 – Inozemtseva, E.A., Derbin, P.E. (2017). Evolyutsiya ponyatiya "kachestvo zhizni" vo vtoroi polovine KhKh veka. Aktual'nye voprosy povysheniya kachestva zhizni naseleniya Rossii [Evolution of the concept of "quality of life" in the second half of the twentieth century]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Voronezh, 15 iyunya 2017 goda*. – Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. Pp. 67-73. [in Russian]

Ivantsov, 1899 – Ivantsov, A.A. (1899). Istoricheskaya zapiska o deyatel'nosti Obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya studentam Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za 25 let ego sushchestvovaniya. (1874-1898) [Historical note on the activities of the Society to benefit needy students of the Imperial Moscow University over the 25 years of its existence]. Post. chlen Komiteta A. Ivantsov. M.: Tipo-lit. V. Rikhter. [in Russian]

Kablukov, 1908 – Studencheskii kvartirnyi vopros v Moskve: (Stud. kvartir. perepis' v Moskve 1907 g.) [Student housing issue in Moscow: (Student housing census in Moscow 1907)]. Sost. i obrab. studentami – uchastnikami Seminariya; pod red. i s predisl. N.A. Kablukova. M.: O-vo vzaimopomoshchi studentov-yuristov Mosk. un-ta, 1908. [in Russian]

Khefner, 2007 – *Khefner, L.* (2007). V poiskakh obshchestva v samodержavnoi Rossii. 1861-1914 gg. [In search of society in autocratic Russia. 1861-1914 Results of international research and methodological approaches] *Rezultaty mezhdunarodnykh issledovaniy i metodologicheskie podkhody. Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi imperii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* Otv. red. B. Pietrov-Enker, G.N. Ul'yanova. M.: ROSSPEN. Pp. 53-54. [in Russian]

Kochubei, 2019 – *Kochubei, L.V.* (2019). Blagotvoritel'nost' v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Charity in Russia in the second half of the 19th century]. *Rossiya i mir v novoe i noveishee vremya – iz proshlogo v budushchee Materialy XXV yubileinoi ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 4 t., Sankt-Peterburg, 22 marta 2019 goda*. T. 3. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina. Pp. 293-295. [in Russian]

Otchet komiteta obshchestva, 1905 – Otchet komiteta obshchestva dlya posobiya nuzhdayushchimsya studentam Imperatorskogo Moskovskogo universiteta [Report of the society committee for benefits to needy students of the Imperial Moscow University]. 1904 g. M., 1905. Pp. 37-53. [in Russian]

Rattur, 2020 – *Rattur, M.V.* (2020). Pravovye osnovy blagotvoritel'nosti kak grazhdanskoi deyatel'nosti v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX v. [Legal foundations of charity as a civil activity in the Russian Empire in the second half of the 19th century]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk*. 15(3): 30-46. [in Russian]

Slizberg, 1934 – *Slizberg, G.B.* (1934). Dorevolyutsionnoe russkoe studenchestvo [Pre-revolutionary Russian students]. *Pamyati russkogo studenchestva*. Parizh: Svecha. Pp. 82-95. [in Russian]

Terekhov, 2005 – *Terekhov, E.E.* (2005). Chislennost' studentov Moskovskogo Universiteta, ikh soslovnyi i natsional'nyi sostav v 1890-1914 gg. [The number of students at Moscow University, their class and national composition in 1890-1914]. *Vtorye otkrytye istoricheskie chteniya "Molodaya nauka"*. Sost. N.A. Aleksandrova, V.M. Mukhanov, A.P. Pyatnikov. M.: B.i. 196 p. Pp. 138-144. [in Russian]

TsGAM – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv g. Moskvy [Central State Archives of Moscow].

Tsygankov, 2009 – *Tsygankov, D.* (2009). Moskovskii universitet v gorodskom prostranstve nachala XX veka [Moscow University in the urban space of the early twentieth century] / D. Tsygankov. Universitet i gorod v Rossii (nachalo KhKh veka). Pod red. T. Mauer, A. Dmitrieva. M.: NLO. Pp. 371-460. [in Russian]

Yablokov, 2006 – *Yablokov, S.A.* (2006). Yuridicheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta posle vvedeniya universitetskogo ustava 1884 g. [Faculty of Law of Moscow University after the introduction of the university charter of 1884]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 11. Pravo. 5: 113-127. [in Russian]

Yanzhul, 1909 – *Yanzhul, I.I.* (1909). Vospominaniya o perezhitom i vidennom v 1864-1909 gg. [Memories of what was experienced and seen in 1864-1909]. M.: 2006. [in Russian]

Yaroshevskaya, 1984 – *Yaroshevskaya, E.M.* (1984). Gosudarstvennyi Sovet i prinyatie universitetskogo ustava 1884 goda. Iz istorii kul'tury i obshchestvennoi mysli narodov SSSR [State Council and the adoption of the university charter of 188]. Pod red. S.S. Dmitrieva. M.: Izd-vo MGU. 133 p. Pp. 74-88. [in Russian]

Частная благотворительность как фактор качества жизни студентов Московского университета во второй половине XIX в.

Павел Сергеевич Селезнев ^{a,*}, Вадим Владиславович Зубов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена исследованию повседневной жизни студентов Московского университета в контексте анализа феномена частной благотворительности, активно развивающейся во второй половине XIX века с целью поддержки студенчества и образования в целом.

Показаны различные способы заработка студентов, которые, хотя и не дают полного представления о студенческом уровне жизни, но могут являться показателями, при помощи которых становится возможным реконструировать повседневную жизнь московского студенчества, формировавшуюся в силу разного социального и географического происхождения студентов, а также напрямую зависевшую от их успеваемости, получения стипендии и лояльности по отношению к существующей власти.

Сделан вывод о том, что государственная инерция в России во второй половине XIX века создала возможность для развития частной благотворительности и тем самым способствовала построению российского гражданского общества. Благотворительные организации предоставили общественное пространство, где неравнодушные россияне могли встретиться и обсудить способы распространения своих благотворительных пожертвований.

На основе глубокого анализа исторических источников и литературы автор приходит к выводу, что частная благотворительная деятельность позволила активно участвовать в развитии автономного гражданского общества, которое косвенно бросило вызов монополии российского самодержавия и определило будущее страны. Сделана попытка исследовать понятие «качество жизни», включая основные потребности человека, субъективное благополучие, надежды на будущее, а также другие феноменологические соображения.

В рамках исследования повседневной жизни студентов автор сосредоточил внимание на рассмотрении материального, правового положения, на условиях жизни и труда, профессиональных возможностях, предоставляемых учащимся. Кроме того, были изучены причины частых отчислений из Московского университета.

Ключевые слова: частная благотворительность, качество жизни, Московский университет, история студенчества, общественная активность, история повседневности, российская история.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), VVZubov@fa.ru (В.В. Зубов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 841-848
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.841

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Rural Priest in the System of Social Representations of the Russian Peasantry in the XIX – early XX centuries (on the Example of Penza Province)

Sergei V. Belousov ^{a,*}, Olga V. Kolpakova ^a, Anastasia R. Mere ^a

^a Penza state University, Russian Federation

Abstract

The authors analyze the social ideas of peasants about the priest, his functions and importance in the village world. On the one hand, the peasants treated their spiritual mentor with respect, making certain demands on his spiritual and moral appearance. On the other hand, the peasantry condemned manifestations of uncanonical behavior on the part of clerics, such as drunkenness, profanity, and excessive extortion from peasants. An important aspect in the issue of interaction between the priest and the peasants was the material side – the collection of fees for trebs. Despite the fact that the level of well-being of the rural clergy was very low, it was the very way of receiving remuneration for performing their duties that distanced the priest from the peasant. Many of the peasants opposed payment in monetary terms. The fact that the priest was a representative of the church and state authorities also played a significant role.

The general attitude of the peasants towards the clergy was formed taking into account both the personal qualities of the priest and stable ideas about the correspondence of the activities of the church and Christian preaching to the idea of justice – the basis of the ideological principles of the Russian peasantry.

Keywords: rural priest, peasantry, Penza province, XIX – early XX centuries, social concepts.

1. Введение

В дореволюционной России священник имел значительное влияние на жизнь крестьян. Он выполнял важные религиозные обряды, такие как крещение, причастие и венчание, принимал участие в ключевых событиях жизни крестьян. Духовная составляющая отношений духовенства и крестьянства включала не только вопросы, связанные с богослужебной практикой, но и проблемы духовно-нравственного и социального характера.

Являясь не только духовным наставником, проводившим богослужения и обряды, но и своеобразным социальным лидером, священник влиял на повседневные практики жизни крестьян, выступая в качестве посредника между крестьянами и государственными органами. Такое положение священника предъявляло определенные требования к духовному лицу и его образу жизни со стороны крестьянского населения.

В определенном смысле сельский приход представлял собой некое локальное сообщество, поскольку причт и паства сосуществовали в рамках замкнутого социокультурного пространства. Изучение социальных представлений крестьян Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX в. представляет определенный интерес в контексте изучения региональной специфики социокультурной трансформации российского общества, связанный, в том числе, с негативными тенденциями бытования народной религиозности.

* Corresponding author

E-mail addresses: sergbel_1812@mail.ru (S.V. Belousov), al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova), anamere@mail.ru (A.R. Mere)

2. Материалы и методы

Для рассмотрения положения сельского духовенства в системе социальных представлений российского крестьянства в XIX – начале XX вв. (на примере Пензенской губернии) привлечены материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Пензенской области.

В «Программе для суждения сельского священника к своей приходской пастве со стороны внешнего быта паствы и со стороны религиозно-нравственной» один из пунктов отражает ответы сельских священников на вопрос об отношении прихожан к местному причту (ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2141). В отчетах епископов Пензенской епархии превалировала положительная оценка работы священника со своей паствой, но в то же время указываются и случаи возникновения недопонимания между причтом и прихожанами (РГИА. Ф. 796. Оп. 442).

Свидетельства о взаимоотношениях крестьян со своим духовным наставником хранит епархиальная периодическая печать – «Пензенские епархиальные ведомости», издававшиеся с 1866 г. В статье «Чего желает простой народ от сельского священника?» помещены размышления о том, каким должен быть достойный пастырь в представлении крестьян. Вопрос отношения прихожан к своему пастырю нашел отражение и в историко-статистических описаниях населенных пунктов Пензенской губернии, составляемых духовенством прихода, в котором они проходили службу.

Для написания данной статьи использовался комплекс исторических методов: проблемно-хронологический, историко-системный, идеографический. Идеографический метод исследования предполагает анализ и интерпретацию идей, убеждений, ценностей и символов, которые присутствуют в социокультурном контексте. В рамках данного исследования идеографический метод использовался для выявления и анализа ключевых идей и ценностей, которые формировали представления крестьян о священнике. Проблемно-хронологический метод позволил изучить определенные проблемы, с которыми сталкивался священник, взаимодействуя с крестьянами, а также рассмотреть события, повлиявшие на статус и роль священника в крестьянской среде.

3. Обсуждение

В дореволюционный период многие современники отмечали негативный характер взаимоотношений между причтом и прихожанами. Так, И.С. Аксаков отмечал насильственный и механический характер объединения клира и мирян. И.Н. Мухин высказывался о падении авторитета приходского духовенства, не поддерживавшего стремление прихожан к осмыслению злободневных социальных и политических проблем. В то же время А.В. Камкин не разделял мнение о взаимном отчуждении священников и паствы, отмечая интеграционную функцию духовенства в рамках сельского прихода как локального сообщества (Миронов, 2014: 375). Священник А. Розанов в «Записках сельского священника» обращает внимание на множество требований прихожан к своему духовному наставнику, а также на их противоречивость, отмечая, что священник в данном контексте воспринимался как «раб общества»: «Каждый член общества на селе считает духовенство зависимым от него... и требует... нужного себе» (Розанов, 1882).

В рамках советской историографии проблема осмысления специфики социальных представлений российского крестьянства в отношении духовенства не находила специального освещения. Взаимоотношения клира и паствы рассматривались в рамках господствующего марксистского подхода, акцентировавшего внимание исследователей на изучении антиклерикальных настроений в среде крестьянства (Трекулов, 1969; Емелях, 1965). В 80-е гг. XX в. обозначился определенный исследовательский интерес к разностороннему и свободному от привычных идеологических штампов изучению специфики народной религиозности (Зырянов, 1984; Кабытов и др., 1988).

На современном этапе проблема отношения крестьянского сословия к священнослужителям продолжает оставаться дискуссионной и привлекает внимание многих авторов. Так, О.А. Сухова рассматривает отношение крестьян к пастырям в рамках изучения проблем социальной психологии и менталитета русского крестьянства Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. (Сухова, 2008). На материалах этого региона базируются также работы М.Ю. Садыровой (Садырова, 2010), И.И. Масловой (Садырова, Маслова, 2014), обратившихся к изучению социальных ожиданий крестьян в отношении приходского духовенства в контексте социокультурной трансформации российского общества данной эпохи. По мнению исследователей, внешнее почтение к духовенству, выказываемое крестьянами, сосуществовало с критическим отношением, вызванным несоответствием личностных качеств пастыря существующим в конкретной крестьянской общности представлениями о носителе сана (Садырова, Маслова, 2014).

Т.А. Бернштам, рассматривая проблему взаимоотношений «пастыря и пасомых» в конце синодального периода Русской православной церкви, указывает на бытование в среде крестьянства тенденции к стремлению «уподобить священника себе, возвысить себя до него». Противоречие между ожиданиями и фактическим социальным неравенством порождало фоновое недовольство крестьян в отношении духовенства. Автор отмечает, что представление сельских прихожан в отношении пастыря

формировалось с учетом определенной двойственности: уважения к сану и противоречивого отношения к личности (Бернштам, 2005: 380).

Оригинальный подход к изучению социальных представлений российского крестьянства в отношении приходского духовенства содержится в работах Т.Г. Леонтьевой. Исследователь отмечает наличие определенной гендерной специфики крестьянской религиозности и, как следствие, отношения к священнику. Если для мужского населения в конце XIX – начале XX вв. был характерен регресс веры, то женский крестьянский мир в этом вопросе был более консервативен: «Женская вера» компенсировала нарастание «мужского безверия». Как следствие, женщины-крестьянки в подавляющем большинстве отличались лояльностью и неким «пиететом» по отношению к священнику, особенно со стороны женщин старшей возрастной группы, что не мешало им, однако, в случае необходимости выступить против своего пастыря. Отношение к священнику крестьян-мужчин носило более вариативный характер и зависело от уровня материального достатка (автор отмечает «особый стиль» отношения к духовенству со стороны богатых крестьян), политических предпочтений, а также восприятия отличий быта лиц духовного сословия от привычного крестьянского. В целом, Т.Г. Леонтьева высказывает мнение о том, что специфика отношения крестьян к своему духовному пастырю зависела от специфики сложившейся локальной общности, поскольку и священник, и паства сосуществовали в замкнутом социокультурном пространстве (Леонтьева, 2002).

Таким образом, для современного научного дискурса по проблеме отношения крестьянства к духовенству характерно признание определенной двойственности, связанной со специфическим статусом священника. Исследователи отмечают, что его образ зависел от соотношения двух уровней восприятия: пастыря как носителя духовного сана и как личности.

4. Результаты

Современники фиксировали противоречивый характер взаимоотношений сельского мира и духовенства. С одной стороны, в среде крестьянства присутствовало почтительное отношение к духовенству. Как отмечал Н. Смирнов, у населения присутствуют «некоторые добрые черты», такие, как уважение к пастырям, а у некоторых и внимание к их нуждам. Например, в с. Николаевка прихожане обрабатывали землю священника (Смирнов, 1876: 6). В отчетной документации приходских священников за 1877 г. указывалось, что 33 % почтительно относятся к духовенству, в то же время среди 6,6 % бытовало мнение, что встреча со священником сулит несчастье (Сухова, 2008: 638).

Различные источники свидетельствуют о примерах проявления уважения и признательности к своему духовному наставнику. В историко-статистическом описании с. Архангельское-Куракино в отношении прихожан отмечалось: «Таинства церкви в большинстве исполняют в свое время и в общем понимают их цель и значение; число исполняющих долг исповеди и св. причастия год от году увеличивается; с славлением и праздничными молебнами принимают положительно все. К своему пастырю прихожане глубоко почтительны, слово пастыря имеет для них важное значение, а потому обращаются к нему, как в своих болезнях душевных и телесных, так и в семейных, общественных неурядицах и в делах хозяйственных» (Село..., 1899: 622).

Священник с. Петровки Городищенского уезда свидетельствовал: «все от мала до велика, при встрече со священником на дороге всегда принимают от него благословение, а за требоисправление всегда остаются признательны к своим причтам, и стараются вознаградить добровольным материальным приношением» (ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2141. Л. 7).

Согласно «крестьянской» программе, составленной В.Н. Тенишевым, в разделе анкеты «Священники и причт» сельские корреспонденты Пензенской губернии отмечали, что отношение к священнику было почтительным «в глаза», из чего можно сделать вывод о проявлении внешнего почтения к пастырю (Бернштам, 2005: 383).

Значительную роль играли личные качества священника. Некоторые пастыри становились истинными наставниками для пасомых, которые обращались за советом при важных событиях в жизни и предлагали рассудить семейные недоразумения. Так, священник Алгебров приобрел такой авторитет, «что в случае домашних распрей одна угроза жалобой священнику была большим предупреждением для ссорящихся». Священник Шуструйский, прослуживший 30 лет в одном приходе, пользовался доверием и послушанием прихожан (Памяти пастырей, 1897: 1008).

Прихожане с. Чернышево в благодарность священнику Добросмыслову в 1881 г. единогласным приговором решили ежегодно выдавать из общественных сумм около 260 руб. В 1891 г. по случаю исполнившегося 25-летия служения Добросмылова в священническом сане прихожане поднесли пастырю икону св. благоверного Князя, Царевича Дмитрия. Священнику Диатроптову, прослужившему в сане священника 53 года в одном приходе с. Огарево, в день его 50-летнего юбилея прихожане поднесли икону св. Александра Невского (Смирнов, 1898: 962).

С другой стороны, определенные действия со стороны сельского духовенства вызывали осуждение крестьянства, что было связано с их несоответствием идеалу нравственного облика служителя церкви, сложившемуся среди сельских обывателей. Осуждались различные проявления неканонического поведения духовных лиц: пьянство, сквернословие, рукоприкладство. В фондах

Пензенской духовной консистории фиксировались различные проступки духовенства. Со стороны вышестоящих инстанций принимались меры для борьбы с недостойным поведением священников. В 1868 г. в Пензенской епархии было рассмотрено 120 «дел о предосудительных поступках» духовенства, признано виновными и подвергнуто наказанию 39 лиц (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 285).

Важным аспектом взаимодействия клира с крестьянством, оказывавшим влияние на формирование социальных представлений о представителях духовенства, являлась материальная сторона – взимание платы за требы. Значительная часть крестьян расценивала труд священника как паразитирование, а не служение на благо их спасения (Бернштам, 2005: 381).

Сельское духовенство имело трудности в плане материального обеспечения, прилагая значительные усилия для того, чтобы добыть средства к жизни. Последствием стало превалирование материальных вопросов над нравственными (Миронов, 2014: 374). Несмотря на то что уровень благосостояния сельского духовенства был весьма невысок, дистанцировал священника от крестьянина именно сам способ получения вознаграждения за выполнение своих обязанностей (Сухова, 2008: 188). Не случайно в тенишевской анкете жители отмечали тот факт, что большее уважение проявляется к тем священникам, которые более уступчивы в отношении платы за требы (Бернштам, 2005: 383).

С другой стороны, в крестьянской среде авторитет сословий в определенной степени зависел от материального достатка, и бедственное материальное положение священников не способствовало укреплению их общественного положения (Леонтьева, 2002).

Представители сельского духовенства обращали внимание на то, что «народ не только не сочувствует духовенству, но, напротив, везде и всюду только и кричит, что духовенство ничего не делает для пользы своих прихожан, а заботится лишь о своих материальных выгодах, как бы побольше получить и получше пожить. Подобный взгляд проводится в некоторых газетных статьях, касающихся жизни нашего духовенства, а так же поддерживается и большинством сельских обывателей, считающих труды духовенства легкими, а потому и отказывающих в последнее время духовенству в должном вознаграждении за его труды по требоисправлению» (Никольский, 1906).

Подобный способ получения вознаграждения создавал определенный разрыв между священником и крестьянами, многие из которых выступали против оплаты в денежном выражении. Благочинный Н. Любимов, отмечая «уважительное отношение к пастырю», тем не менее писал: «взимание платы за требы является «камнем преткновения» и крестьянин при обращении к священнику «любит заводить торговлю» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 972. Л. 15).

Кроме того, не способствовали укреплению авторитета приходского духовенства чрезмерные сборы, а также необходимость «выбивать» оплату за свой труд. При вымогательстве духовенства прихожане или обращались с жалобами к епархиальному начальству, или целым обществом пытались устанавливать в приходе свою плату за каждую потребу отдельно, что приводило к подрыву авторитета священника среди крестьянского населения.

Для решения конфликтных ситуаций и наказания духовных лиц крестьяне обращались к церковной и светской власти. Так, 4 июля 1840 г. Городищенскому окружному начальнику было подано прошение от поверенного казенных крестьян Ефремова, который жаловался на священника с. Мывал И. Иванова, обвиняя его в «излишнем требовании за исправление треб платы». Поступала жалоба на данного священника и со стороны казенных крестьян с. Пичилейка (ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1491. Л. 13-13об.).

4 января 1878 г. на собрании Пензенской духовной консистории слушали прошение поверенного от общества с. Керенский Майдан Наровчатского уезда крестьянина Д.А. Колесова о вымогательстве платы за требы священником А. Маворонковым (ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2264. Л. 35).

На территории некоторых поселений Пензенской губернии получила распространение практика приношений священнику в виде продуктов или сбор с прихожан членами причта. Священник И. Добронравов описывал процесс сбора как «хождение по домам с палочкой и с просьбой у каждого дома: «новинки» (Добронравов, 1906: 363).

Среда сельского духовенства была близка крестьянской, в силу чего у крестьян в отношении духовенства складывалось представление, что священник должен быть «мужиком» (Садырова, Маслова, 2014). Реалии повседневной жизни духовенства и крестьян в определенной степени были схожи. Недостаточная материальная обеспеченность приводила к тому, что сельскому духовенству приходилось заниматься земледелием. Православное духовенство с точки зрения законодательства представляло собой особое наследственное сословие, имеющее зачастую низкий социальный статус.

Определенным фактором, влиявшим на престиж пастыря, стало изменение порядка назначения на должность священнослужителя. Если при Петре I священник избирался прихожанами, которые свидетельствовали о добропорядочности выбранного лица, то с конца XVIII в. практика выбора священника была ликвидирована. Указ Павла I определил наследственную передачу данной должности, что привело к сокращению влияния церкви на жизнь прихожан (Сухова, 2008: 179).

В эпоху «Великих реформ» государством была предпринята попытка повысить статус приходского духовенства. Указы 1860-х гг. ликвидировали наследственный способ передачи

священнических мест, что в конечном итоге не привело к значительному изменению статуса духовенства в массовом сознании (Сухова, 2008: 179). Проведенные мероприятия в определенной степени способствовали бюрократизации и регламентации отношений прихожан и причта.

Жизненные реалии показывали, что ни для дворян и чиновников, ни для крестьян и мещан духовенство не было «своим» (Римский, С. 178). В представлении крестьян вызывал недоверие и тот факт, что священник являлся представителем церковной и государственной власти. Л.И. Земцов отмечал, что отношение крестьян к приходскому священству определялось двумя началами: личным и мировоззренческим. Личное начало, в свою очередь, тесно связано с материальными взаимоотношениями причта и прихожан. Мировоззренческое начало отражает мироощущение крестьянского населения и его представления о справедливости (Земцов, 2008: 79).

Свидетельствуют о различных примерах отношений крестьян со священником ответы на один из пунктов «Программы для суждения сельского священника к своей приходской пастве со стороны внешнего быта паствы и со стороны религиозно-нравственной». Духовное лицо отмечало «уважительны и признательны ли прихожане к своим местным причтам, чем они доказывают свою признательность и уважение к причтам, или напротив, грубы, наглы и беспризнательны и от чего это зависит».

Священник с. Забалуйка Городищенского уезда М. Тибров указывал на обстоятельство, что к местному причту более уважительны «средние и бедные из прихожан», чем «из достаточных»: «Признательность и уважительность первых обнаруживается в ласковом и радушном приеме и в готовности услужить в нуждах причта». Неуважительное отношение последних священник объясняет их взглядом на причт как на работника, который должен служить «до унижения», так как зависит от них в материальном плане (ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2141. Л. 150б.).

Некоторые критерии оценки священника в крестьянской среде описаны в «Записках сельского священника», где отмечается простота быта пастыря, «как и у мужика», возможность зайти к нему в любое время и обсудить важные вопросы об урожае, хозяйстве (Розанов, 1882: 9). Т.А. Бернштам приводит следующий факт отношения сельских обывателей Пензенской губернии к пастырям: «Любят, если священник на праздник выпьет вместе с крестьянами: “Благодарны, кормилец, что не побрезгал нами”» (Бернштам, 2005: 383).

Вопрос об ожиданиях крестьян по отношению к своему духовному наставнику нашел отражение в материалах периодической печати. В статье «Чего желает простой народ от сельского священника?» важными аспектами автор отмечает долговременное пребывание священника в одном приходе, его всестороннее знание прихожан. Обращается внимание и на такой аспект, как отношение священника к крестьянину: «Крестьянин желал бы, чтобы священник не ставил себя в приходе так, как начальник среди подчиненных, а относился бы к народу запросто, чтобы не гордился своим преимущественным положением пред прихожанами, а был бы доступен для каждого человека...» (Епархиальные ведомости, 1899: 607).

В качестве основного пожелания крестьян указывается снисходительность при вознаграждении за требы. Кроме того, делается акцент на быт членов клира, который представляется крестьянину скромным и умеренным (Епархиальные ведомости, 1899: 605-610). Автор статьи акцентирует внимание на том, что священники, довольствующиеся добровольными и посильными вознаграждениями за требы, пользуются вниманием и уважением у прихожан, которые оказывают помощь священнику в хозяйстве.

5. Заключение

Таким образом, социальные представления крестьян Пензенской губернии в XIX – начале XX вв. в отношении сельского приходского духовенства имели двойственный характер. С одной стороны, крестьянами выказывалось внешнее уважение к священнику как лицу духовного звания, с другой, формировались противоречивые представления, базирующиеся на несоответствии его личностных качеств идеальному образу пастыря, сложившемуся в среде сельских обывателей. Обозначенные установки обуславливали определенную двойственность восприятия священника со стороны прихожан.

Важным фактором, оказывавшим влияние на ожидания крестьян в отношении священника, являлась материальная сторона отношений клира и паствы, в частности взимание священником платы за требы. В связи с этим в числе черт «идеального священника» крестьяне называли соблюдение принципа добровольности оплаты треб. Вторым аспектом данной проблемы выступало несоответствие быта представителей духовенства привычному для паствы быту крестьянскому. Как следствие, от священника ожидали уподобление «мужику» – умеренности и скромности в быту, а также доступности для обсуждения злободневных вопросов, в том числе хозяйственного плана. Отношение к крестьянам как равным себе выступало еще одним элементом социального портрета «идеального пастыря».

Однако, несмотря на противоречивый характер отношения крестьян к духовенству, а также вопреки специфике социокультурной трансформации российского общества XIX – начала XX вв., проявившейся, в том числе, в кризисе народной религиозности и самой православной церкви, следует отметить, что священник играл важную социальную роль в сельском обществе, поскольку посещение храма и участие в церковных обрядах были неотъемлемой частью повседневной жизни крестьянства. Священник был не

только духовным наставником, но и неким общественным лидером, который помогал решать конфликты, разрешать споры и поддерживать морально-нравственные принципы в обществе.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015. <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>. Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>.

Литература

Бернштам, 2005 – Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Петербургское Востоковедение, 2005. 416 с.

ГАПО – Государственный архив Пензенской области.

Трекулов, 1969 – Трекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX-начало XX в.). М.: Наука, 1969. 184 с.

Добронравов, 1906 – Добронравов И. Материальная необеспеченность православного духовенства // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1906. №7. С. 359-370.

Емелях, 1965 – Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.-Ленинград: Наука, 1965. 203 с.

Епархиальные ведомости, 1899 – Чего желает простой народ от сельского священника // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1899. №15. С. 605-610.

Земцов, 2008 – Земцов Л.И. Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология. 2008. № 1(41). С. 73-79.

Зырянов, 1984 – Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1984. 226 с.

Кабытов и др., 1988 – Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 237 с.

Леонтьева, 2002 – Леонтьева Т.Г. Вера в прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX-начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.

Миронов, 2014 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.

Никольский, 1906 – Никольский С. Несколько слов к положению сельского духовенства // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1906. №9. С. 470-475.

Памяти пастырей, 1897 – Памяти пастырей Пензенской епархии, скончавшихся в 1896 году // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1897. №24. С. 989-1009.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Римский, 1996 – Римский С.В. Церковные реформы Александра II // *Вопросы истории*. 1996. №4. С. 32-48.

Розанов, 1882 – Розанов А.И. Записки сельского священника. СПб.: историч. журн. «Рус. старина», 1882. 324 с.

Садырова, 2010 – Садырова М.Ю. Церковь и духовенство в представлениях русского крестьянства в начале XX века (По материалам Среднего Поволжья) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2010. № 120.

Садырова, Маслова, 2014 – Садырова М.Ю., Маслова И.И. Православное духовенство в системе социальных представлений российского крестьянства в XIX – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья) // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 2.

Село..., 1899 – Село Архангельское Куракино, Городищенского уезда. Историко-статистическое описание // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1899. №15. С. 610-630.

Скутнев, 2012 – Скутнев А.В. Православие в жизни русских крестьян в пореформенную эпоху // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 4-1(18). С. 177-179.

Смирнов, 1876 – Смирнов Н. Нравственное состояние русского народонаселения в пределах Пензенской епархии // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1876. №20. С. 1-7.

Смирнов, 1898 – Смирнов Н. Памяти священнослужителей Пензенской епархии, умерших в 1897-м году // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1898. №24. С. 948-964.

Сухова, 2008 – Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.

References

Bernshtam, 2005 – Bernshtam, T.A. (2005). Prikhodskaya zhizn' russkoi derevni: Ocherki po tserkovnoi etnografii [Parish life of the Russian village: Essays on church ethnography]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Peterburgskoe Vostokovedenie, 416 p. [in Russian]

- Dobronravov, 1906** – *Dobronravov, I.* (1906). Material'naya neobespechennost' pravoslavnogo dukhovenstva [Material insecurity of the Orthodox clergy]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 7:359-370. [in Russian]
- Emelyakh, 1965** – *Emelyakh, L.I.* (1965). Antiklerikal'noe dvizhenie krest'yan v period pervoi russkoi revolyutsii [The anticlerical movement of peasants during the First Russian Revolution]. M.-Leningrad: Nauka, 203 p. [in Russian]
- Eparkhial'nye vedomosti, 1899** – Chego zhelaet prostoi narod ot sel'skogo svyashchennika [What does the common people want from a village priest]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1899. 15: 605-610. [in Russian]
- GAPO** – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [The State Archive of the Penza region].
- Grekulov, 1969** – *Grekulov, E.F.* (1969). Tserkov', samoderzhavie, narod (2-ya polovina XIX-nachalo XX v.) [The Church, the autocracy, the people (the 2nd half of the XIX-the beginning of the XX century)]. M.: Nauka, 184 p. [in Russian]
- Kabytov i dr., 1988** – *Kabytov, P.S., Kozlov, V.A., Litvak, B.G.* (1988). Russkoe krest'yanstvo: etapy dukhovnogo osvobozhdeniya [Russian peasantry: stages of spiritual liberation]. M.: Mysl', 237 p. [in Russian]
- Leont'eva, 2022** – *Leont'eva, T.G.* (2002). Vera v progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX-nachale XX vv. [Faith in progress: the Orthodox Rural clergy of Russia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries] M.: Novyi khronograf, 253 p. [in Russian]
- Mironov, 2014** – *Mironov, B.N.* (2014). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern [The Russian Empire: from Tradition to Modernity]. SPb.: Dmitrii Bulanin. T. 1. 896 p. [in Russian]
- Nikol'skii, 1906** – *Nikol'skii, S.* (1906). Neskol'ko slov k polozeniyu sel'skogo dukhovenstva [A few words about the situation of the rural clergy]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 9: 470-475. [in Russian]
- Pamyati pastyrei, 1897** – Pamyati pastyrei Penzenskoi eparkhii, skonchavshikhsya v 1896 godu [In memory of the pastors of the Penza diocese who died in 1896]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1897. 24: 989-1009. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].
- Rimskii, 1996** – *Rimskii, S.V.* (1996). Tserkovnye reformy Aleksandra II [The Church Reforms of Alexander II]. *Voprosy istorii*. 4: 32-48. [in Russian]
- Rozanov, 1882** – *Rozanov, A.I.* (1882). Zapiski sel'skogo svyashchennika [Notes of a village priest]. SPb.: istorich. zhurn. «Rus. starina», 324 p. [in Russian]
- Sadyrova, 2010** – *Sadyrova, M.Yu.* (2010). Tserkov' i dukhovenstvo v predstavleniyakh russkogo krest'yanstva v nachale XX veka (Po materialam Srednego Povolzh'ya) [The Church and the clergy in the views of the Russian peasantry at the beginning of the XX century (Based on the materials of the Middle Volga region)]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 120. [in Russian]
- Sadyrova, Maslova, 2014** – *Sadyrova, M.Yu., Maslova, I.I.* (2014). Pravoslavnoe dukhovenstvo v sisteme sotsial'nykh predstavlenii rossiiskogo krest'yanstva v XIX – nachale XX vv. (po materialam Srednego Povolzh'ya) [The Orthodox Clergy in the system of social representations of the Russian peasantry in the nineteenth and early twentieth centuries. (based on the materials of the Middle Volga region)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2. [in Russian]
- Selo..., 1899** – Selo Arkhangel'skoe Kurakino, Gorodishchenskogo uезда. Istoriko-statisticheskoe opisanie [The village of Arkhangel'skoye Kurakino, Gorodishchensky district. Historical and statistical description]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1899. 15: 610-630. [in Russian]
- Skutnev, 2012** – *Skutnev, A.V.* (2012). Pravoslavie v zhizni russkikh krest'yan v poreformennuyu epokhu [Orthodoxy in the life of Russian peasants in the post-reform era]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 4-1(18): 177-179. [in Russian]
- Smirnov, 1876** – *Smirnov, N.* (1876). Nravstvennoe sostoyanie russkogo narodonaseleniya v predelakh Penzenskoi eparkhii [The moral state of the Russian population within the Penza Diocese]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 20: 1-7. [in Russian]
- Smirnov, 1898** – *Smirnov, N.* (1898). Pamyati svyashchennosluzhitelei Penzenskoi eparkhii, umershikh v 1897-m godu [In memory of the clergy of the Penza Diocese who died in 1897]. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti*. 24: 948-964. [in Russian]
- Sukhova, 2008** – *Sukhova, O.A.* (2008). Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya. Ocherki istorii sotsial'noi psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya [Ten myths of peasant consciousness. Essays on the history of social psychology and the mentality of the Russian peasantry (late XIX – early XX centuries) based on the materials of the Middle Volga region]. M.: ROSSPEN, 679 p. [in Russian]
- Zemtsov, 2008** – *Zemtsov, L.I.* (2008). Krest'yanstvo i prikhodskoe dukhovenstvo v nachale XX veka [The peasantry and the parish clergy at the beginning of the twentieth century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 1(41):73 –79.
- Zyryanov, 1984** – *Zyryanov, P.N.* (1984). Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsiei 1905-1907 gg. [The Orthodox Church in the struggle against the Revolution of 1905-1907.]. M.: Nauka, 226 p. [in Russian]

Сельский священник в системе социальных представлений российского крестьянства в XIX – начале XX вв. (на примере Пензенской губернии)

Сергей Владиславович Белоусов ^{а,*}, Ольга Васильевна Колпакова ^а, Анастасия Романовна Мере ^а

^а Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Авторы анализируют социальные представления крестьян о священнике, его функциях и значении в деревенском мире. С одной стороны, крестьяне почтительно относились к своему духовному наставнику, предъявляя определенные требования к его духовно-нравственному облику. С другой стороны, крестьянством осуждались проявления неканонического поведения со стороны духовных лиц, такие как пьянство, сквернословие, излишние поборы с крестьян. Важным аспектом в вопросе взаимодействия священника и крестьян являлась материальная сторона – взимание платы за требы. Несмотря на то, что уровень благосостояния сельского духовенства был весьма невысок, дистанцировал священника от крестьянина именно сам способ получения вознаграждения за выполнение своих обязанностей. Многие из крестьян выступали против оплаты в денежном выражении. Немалую роль играл и тот факт, что священник являлся представителем церковной и государственной власти.

Общее отношение крестьян к причту формировалось с учетом как личных качеств священника, так и устойчивых представлений о соответствии деятельности церкви и христианской идеи справедливости.

Ключевые слова: сельский священник, крестьянство, Пензенская губерния, XIX – начало XX вв., социальные представления.

* Корреспондирующий автор

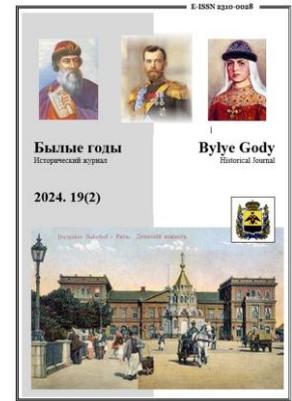
Адреса электронной почты: sergbel_1812@mail.ru (С.В. Белоусов),
al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова), anamere@mail.ru (А.П. Мере)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 849-856
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.849

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Scientific Contribution of N.M. Yadrintsev into National and World Turkology

Alexander V. Golovinov ^{a,*}, Vyacheslav A. Dolzhikov ^a, Maigul Matayeva ^b

^aAltai State University, Barnaul, Russian Federation

^bAlikhan Bokeikhan University, Semey, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes factual material about a little-studied aspect of N.M.'s research activities. Yadrintsev, who is better known in modern Russia as a geographer and ethnologist. The purpose of the study is to, by summarizing available data, clarify its role in the history of national and world Turkology in the second half of the 19th century.

What mattered were the paradigms of the “new intellectual and cultural history”. The toolkit allows us to identify the contribution of a certain historical figure to the desired scientific field in the context of the mental achievements of the historical period. Therefore, this methodology is aimed as objectively as possible at demonstrating the contribution of N.M. Yadrintsev into national and world Turkology.

The material notes that for world Turkology the joint scientific triumph of Yadrintsev, Radlov and Thomsen was of key historical significance. After them, researchers in Russia and other countries could freely decipher the newly discovered ancient Turkic written sources.

Thanks to the major research achievements of 1889 N.M. Yadrintsev acquired well-deserved world fame as an archaeologist and ethnologist. During the winter months of 1890, after returning to St. Petersburg from Mongolia, he made several reports in scientific societies and published materials about his discoveries in the press.

The authors of the article emphasize the connection between the Altai complex expeditions of 1878 and 1880 and subsequent archaeological research by Yadrintsev in the Mongolian part of Greater Altai. In particular, the author highlights, firstly, his discovery of the famous Orkhon inscriptions in Mongolia in 1889, and, secondly, the establishment of the historical and geographical locus of the metropolis of the ancient Turkic and ancient Mongolian nomadic empires - Karakorum. Attention is drawn to the indisputable achievements of the discoverer of monuments of ancient Turkic writing. The final conclusions noted the worldwide scale of N.M.'s personal contribution. Yadrintseva in Turkology.

Keywords: N.M. Yadrintsev, Altaic studies, Turkology, Central Asia, Orkhon inscriptions, Karakorum, Siberian regionalism.

1. Введение

Мировая тюркология как комплексное и междисциплинарное направление знания о бытии тюркоязычных народов продолжает развиваться и приобретать еще большую актуальность. Интеллектуальный потенциал тюркологической науки находится в состоянии непрерывного развития. В рамках данного исследовательского направления познаются не только культура, язык, лексика быт и этнические особенности народов тюркского мира, но разворачиваются научные поиски в области определения роли и значения отдельных исследователей этой эндемичной национально-языковой группы. Так, среди дореволюционных ученых и общественных деятелей, посвятивших свои

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.V. Golovinov)

работы вопросам своеобразия и уникальности тюркского мира, определенное место занимает Николай Михайлович Ядринцев.

Чаще всего в контексте современной историографии мыслитель фигурирует как общественный деятель, издатель, публицист и один из идеологов сибирского областничества. Что же касается его конкретного места в отечественной науке, то в основном за ним закрепилось узкое амплу этнографа, исследователя культуры и хозяйственной жизни сибирских инородцев. Тем не менее реальный круг исследовательских интересов и, главное, научных достижений путешественника-публициста намного шире, чем принято считать. Все-таки он был настоящим ученым, хотя действительно в молодости ему не удалось завершить классическое университетское образование. Впоследствии он являлся членом-сотрудником Археологического, Географического, Юридического и других научных обществ Российской империи.

Потому обращение к проблематике вклада идеолога сибирского областничества в тюркологическую науку является актуальным и научно значимым. Цель настоящего исследования – реконструировать и попытаться определить вклад известного сибиряка в мировую тюркологию, показав его как истинного защитника народов Центральной Азии, которые и сегодня мирно и благополучно сосуществуют на территории современного Казахстана, Кыргызстана, Азербайджана, российских регионов – Алтая, Хакасии, Крыма, Татарстана, Тувы, Якутии и многих др.

2. Материалы и методы

Основу исследования составляют письменные источники: сведения об экспедициях Николая Михайловича Ядринцева. Также важное значение имели публикации сибирского областника о памятниках древнетюркской письменности. Анализу подвергались многолетние экспедиционные поиски Н.М. Ядринцева в области точного выявления исторического местонахождения Каракорума.

В методологическом отношении работа опирается на историко-текстологический анализ письменных источников, позволяющий последовательно реконструировать и определить роль достижений и открытий, которые удалось сибирскому публицисту в области изучения народов Центральной Азии. Также важно отметить, что сам Николай Михайлович Ядринцев часто обращался к текстологической дешифровке древнетюркских письменных памятников.

Значение имели парадигмы «новой интеллектуальной и культурной истории». Инструментарий позволяет выявить вклад определенной исторической личности в искомую научную область в контексте умственных достижений исторического периода. Потому данная методология максимально объективно направлена на демонстрацию вклада Н.М. Ядринцева в отечественную и мировую тюркологию.

3. Обсуждение

Реальный вклад Николая Михайловича в мировую и отечественную тюркологию советские ученые считали поистине выдающимся. «Конец прошлого, т.е. XIX столетия в истории тюркологии, – отмечал А.Н. Кононов в 1972 г., – ознаменовался событием эпохального значения: в 1889 г. В Монголии, в 400 км западнее Улан-Батора, на берегу р. Кокошни Орхон, в урочище Кошо-Цайдам, Н.М. Ядринцев открыл два больших рунических памятника: в честь Кюль-Тегина и в честь Бильге-кагана (Могилан-хана)» (Кононов, 1972: 407).

По признанию многих историков отечественной науки советского времени, находка его экспедицией древних рунических надписей в окрестностях реки Орхон в Монголии стала наиболее крупным событием в российской археологии последних десятилетий XIX в. Экспедиция Н.М. Ядринцева, направленная в 1889 г. Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества для определения места древней столицы монгольского государства Каракорума, как отмечают советские востоковеды-тюркологи Б.Г. Гафуров и Л.И. Мирошников, обнаружила в долине р. Орхон памятники с двуязычными надписями» (Гафуров, Мирошников, 1976: 25).

Говоря о новейшей историографии, отметим, что, по оценке Дэмбэрэл Колягийн, памятники Бильге-кагану и Кюль-тегину, открытые Н.М. Ядринцевым, занимают особо важное место как во всемирной тюркологии, так и в археологическом исследовании Центральной Азии (Колягийн, 2021: 62). На выявленных непосредственно Ядринцевым каменных памятниках древней письменности были высечены надписи на двух языках, один из которых оказался китайским и, к счастью исследователей, дублировал другой текст. Позже данное обстоятельство способствовало успешному декодированию лексического смысла найденных текстов. Это открытие, как поясняют авторитетные специалисты в области орхонских находок, послужило толчком к целой серии русских и иностранных экспедиций в Центральную Азию и положило начало новому направлению тюркологических исследований.

В целом современная гуманитарная наука относится к наследию сибирского просветителя как актуальному и значимому. Среди современных ученых, занятых познанием работ сибирского областника, можно выделить исследования В.А. Должикова (Должиков, 2023), М.В. Шиловского (Шиловский, 2021), И.Л. Дамешек (Дамешек, 2019), Б.С. Токмурзаева и М.К. Чуркина (Tokmurzaev et al., 2022), В.Н. Яранцева (Яранцев, 2023), А.В. Головинова (Golovinov et al., 2023) и др.

4. Результаты

Итак, в 1890-м году на Орхон из Финляндии отправилась экспедиция, которой руководили И. Аспелин и А. Гейкель. Они настаивали на финно-угорском происхождении этих надписей. В научном обороте до Ядринцева они первоначально именовались «руническими», так как внешне похожи на письмена (руны) германских и угро-финских народов древней Скандинавии. Последующие исследования показали, что это древнетюркские надписи. Старший коллега Ядринцева по II-й Орхонской экспедиции 1891 г., академик В.В. Радлов, расшифровал 11 знаков из таинственных надписей, обнаруженных и доставленных в столицу их первооткрывателем. Уже через два года приглашенный в Петербург датский лингвист Вильгельм Томсен подобрал ключ ко всему неизвестному ранее алфавиту. 25 декабря 1893 г. он представил в российскую Академию наук свой отчет о дешифровке. Первыми словами, которые Томсен смог прочесть, были «Тюрк» и «Тенгри» (Попов, 1894: 8).

Для мировой тюркологии совместный научный триумф Ядринцева, Радлова и Томсена имел ключевое историческое значение. После них исследователи в России и других странах могли уже беспрепятственно заниматься дешифровкой вновь выявляемых аналогичных древнетюркских письменных источников.

В.В. Радлов и Н.М. Ядринцев начинали свой путь в мировую тюркологию с локального комплексного изучения Алтая. Обоих по праву можно считать основателями отечественной алтаистики в широком ее смысле как науки, тесно связанной с тюркологией. Позднее, в самом начале XX века, когда Ядринцева уже не было в живых, академик Радлов стал инициатором создания в Петербурге первого в нашей стране «кружка алтаистов» (Резван, 2012: 9). Что же касается конкретного научного вклада Н.М. Ядринцева в алтаистику, то, на наш взгляд, тема эта заслуживает отдельного специального исследования.

Вышеназванному эпохальному открытию в конце XIX века одновременно и Каракорума, и памятников древнетюркской письменности предшествовал многолетний поиск Ядринцевым археологических, документальных, литературных и иных источников, которые помогли приблизиться к реализации желанной цели. Существенную роль в этом поиске сыграла его поездка летом 1886 г. в Восточную Сибирь для изучения коллекций, имеющихся в местных музеях. «Приступая к докладу моему в Императорском Археологическом Обществе о летней поездке своей на Восток до Иркутска..., – пояснял ученый в экспедиционном отчете, – я должен сказать, что поручение Императорской археологической комиссии совпало с моим собственным планом и намерением осмотреть древности, памятники и курганы в Западной и Восточной Сибири, для той этнографической и археологической работы по истории древней и новой культуры сибирских инородцев, которую я веду уже несколько лет» (Ядринцев, 1886: 28). По завершении поездки Н.М. Ядринцев возвратился в Иркутск.

В целом он собрал и обобщил сведения об открытиях русских археологов на территории Западной и Восточной Сибири за последние 25 лет. «Поездку, – сообщает исследователь в докладе, – я совершал на свой счет... Само собой я не мог делать раскопок и даже у меня не было средств приобретать научные ценности». Обратный путь до Петербурга занимал для него «около месяца» (Ядринцев, 1887: II–III). Тем не менее за летние месяцы 1886 г. Н.М. Ядринцев накопил довольно большой объем научных данных, в том числе археологических материалов, анализ которых позволял ему сделать определенные предварительные выводы.

Именно тогда публицист стал внимательно изучать имевшуюся к тому времени литературу на европейских и восточных языках, в которой содержалась хоть какая-то информация о Каракоруме (Ядринцев, 1886). По свидетельству И.И. Попова, одного из ближайших его иркутских сотрудников, Николай Михайлович, после своей поездки в Минусинский край и ознакомления с тамошними древностями, серьезно занялся изучением вопроса о [место]положении Каракорума. Он собрал обширную литературу по этому вопросу, перевел исследования Абеля Ремюза, изучил труды Марко Поло, Плано Карпини, Рубрукиса, Кремона, Гастона Гаригона, посетивших Каракорум в XIII в. и оставивших описание его (Попов, 1894: 104). Подтверждаются эти факты и самим областником в научном докладе, с которым он выступил на большом собрании Русского географического общества в Петербурге 21 февраля 1890 г. О положении Каракорума нами собрана обширная литература и переведены исследования Абель-Ремюза. Рассмотрены карты. Причем мы изучили старинные карты иезуитов в национальной библиотеке Парижа. Привлекались для предварительного изучения вопроса также и китайские карты.

Однако главным образом Н.М. Ядринцев опирался на материалы и сведения, полученные непосредственно от своих друзей и коллег. «Русские исследователи Монголии – Н.М. Пржевальский, Г.Н. Потанин, М.Н. Певцов – много сделали, – признавал он заслуги предшественников, – но немало местностей в ней еще требуют детального исследования. К таким местностям принадлежит. Между прочим, долина Орхона, относительно верхней части которого являлось немало недоразумений, противоречий и неточностей» (Ядринцев, 1890: 258).

К исследованиям в самой Монголии Н.М. Ядринцев приступил «в лето 1889 г.», когда при поддержке Восточно-Сибирского отдела ИРГО была отправлена к верховьям Орхона небольшая

группа под его начальством в составе 5-ти человек. Следует иметь в виду, что до 1889 г. в самой Монголии Ядринцев не бывал. По воспоминаниям И.И. Попова, экспедиция «выступила из Кяхты, наметивши маршрут по левому берегу Орхона в долину Далахин-Тола, где должны были находиться развалины Хара-Балгасуна – от Кяхты на расстоянии в 450 верст» (Попов, 1894: 107).

Интересно отметить фактическую сторону этого мероприятия. «Кроме того, – вспоминает Ядринцев, – нас снабдил припасами и удешевил сборы кяхтинский купец И.Д. Синицын. При таких ничтожных средствах трудно было много сделать» (Ядринцев, 1890: 259). Действительно, это была кратковременная и недорогая, но самая, вероятно, результативная экспедиция за всю историю тогдашних исследований на севере Центральной Азии. Писатель отмечал, что они уподобились маленькому судну, отошедшему от берега и очутившемуся на темных волнах океана на произвол случайностям. Но он верил, однако, в свою звезду... (Лемке, 1904: 161).

На пути к искомой цели были найдены развалины дворца Ирхе Мергень-хана (XVI в.) и многие другие артефакты. Самые интересные из них группа обнаружила в 50-ти верстах к югу от озера Угей-Нор вблизи буддийского монастыря Эрдени-Цзо (Ядринцев, 1890: 266). В конце концов, этим небольшим коллективом были обнаружены развалины средневекового Хара-Балгасуна (Карабалгасуна, в современной транскрипции) и установлено местоположение древней столицы тюркских каганов, монгольских и уйгурских ханов. Найденные экспедицией Ядринцева в верховьях реки Орхон развалины стали действительно в последующие годы отождествляться с Каракорумом.

Как отмечал путешественник Г.Н. Потанин, прошлым летом, то есть в 1890 г., Восточно-Сибирский Отдел И.Р. Геогр. Общества снарядил под руководством Н.М. Ядринцева экспедицию в долину Орхона к предполагаемым развалинам города Каракорум. Экспедицией были открыты следы двух больших городов, и, кроме того, несколько развалин отдельно стоящих дворцовых или монастырских построек и большое кладбище... (Потанин, 1890: 10).

Участники экспедиции перерисовали скрупулезно вручную обнаруженные рунические знаки, а два больших обломка от памятника сначала привезли в Иркутск, а затем доставили и в столицу России, где они вызвали огромный интерес русских и зарубежных ученых. Г.Н. Потанин искренне радовался триумфальному возвращению экспедиционного отряда своего друга. «Но во всяком случае отлично кончилось дело! Открытие Ваше, – предвидел он, – наделает шума, особенно надписи в Каракоруме» (Потанин, 1980: 112). Похожим образом реагировал на успех старшего товарища И.И. Попов, сменивший Ядринцева на посту издателя-редактора «Восточного обозрения». «Руноподобные знаки, открытые в Каракоруме и Минусинском крае, – отмечал он, – принадлежат тюркским народам и [на]много отличаются от настоящих рун, найденных в Скандинавии и Германии. Потому-то финляндские ученые Аспелин, Гейкель и другие меняют название рунических знаков, открытых в Монголии, Минусинском крае и южной Сибири; в настоящее время они их называют по первому местонахождению «енисейскими надписями» (Попов, 1894: 113). Сам Ядринцев хорошо понимал историческое и научное значение совершенных им открытий. В письме к своему другу и сподвижнику Г.Н. Потанину, рассказывая об итогах этой экспедиции, он поделился пониманием актуальности своих достижений.

После завершения всей этой большой работы, Ядринцев принял решение весной 1890 года о поездке во Францию. «Еду, наконец, в Париж, – сообщал он В.И. Семидалову в письме от 29 апреля 1890 г., – и, может, проеду до Лондона. Представьте мой восторг!». В Париже и других европейских городах Ядринцев находился примерно месяц. Об орхонских открытиях Ядринцев сделал доклад в Парижском географическом обществе. «На 3-й день я был в парижском географическом обществе, – рассказывал Ядринцев о теплом приеме, – и сделал знакомства; меня посадили на трибуну, на почетное место». Спустя две недели русский исследователь успешно выступил перед академиками и профессорами с докладом, причем на французском языке (Отчет..., 1892).

В 1891 году в Монголию была направлена Вторая Орхонская экспедиция Российской Академии наук под руководством академика-ориенталиста В.В. Радлова и опять-таки с участием Н.М. Ядринцева. Вследствии к ней присоединился также отряд финских и шведских исследователей во главе с Геккелем. Во время экспедиции 1891 г. на обширном поле древнего города были произведены более тщательные археологические раскопки. Позже академик В.В. Радлов со своей группой перешел на исследование могильников Кото-Цайдама в 25 верстах от Хара-Балгасуна, открытого в 1889 г. Ядринцевым (Ядринцев, 1892: 17).

Опубликованные научные результаты двух археологических сезонов Орхонской экспедиции сразу приобрели широкую известность. Имя Николая Ядринцева как выдающегося русского археолога было навсегда запечатлено в анналах мировой исторической науки. В отечественной историографии масштабная значимость главных его научных достижений впервые была подчеркнута И.И. Поповым в опубликованном докладе «Открытия на Орхоне» 1894 г., с которым он выступал на собрании сотрудников и членов Географического общества в Иркутске. Об орхонских открытиях уже существует целая литература, как отмечал областник, и судьбами их заинтересован весь ученый мир, ожидающий от этих открытий разъяснения многих темных вопросов, касающихся истории живших в древнее время в Северной Монголии народов (Попов, 1894: 102).

На работы тюркологического содержания, подготовленные Николаем Михайловичем, опирался другой областник – Н.Н. Козьмин. Это выдающийся общественный деятель, ученый этнограф и талантливый историк. В начале XX века именно в трудах этого исследователя можно обнаружить многогранный нарратив об этнической истории Востока и автохтонных народностях Центральной Азии.

В целом ученый приходит к выводу о том, что Алтай, Минусинский край и рянхай были исконным местом обитания тюрков. По данным орхонских памятников, они распространялись на восток за Орхон. Орхонские голубые турки были самым восточным турецким народом. К северу от них жили огузы, западнее – отуз-татары, такус-татары, уйгуры, далее – кыргысы, кенгересы, тургеши, карлуки и т.д. (Козьмин, 1918: 35).

Не только этнографический разбор автохтонных народов занимал ученого, но и серьезные теории этнического происхождения. Наполняя теорию практическими исследованиями, Н.Н. Козьмин отмечал, что тюркские корни ведут к Алтаю. Ученый конституировал, что в связи с алтайской гипотезой надо поставить самоедскую гипотезу. Поскольку все народы северной Азии вышли из Алтая и прилегающих к ним Саян, то было естественно мыслить известное чередование, историческую смену у одной народности другой.

Основываясь на выводах, полученных лидером движения областников, Н.Н. Козьмин провел большую этнографическую работу по выявлению тесной этнологической связи тюркских народностей с племенами сибирского региона. Определяя Алтай и Саяны местом своеобразного этногенеза и национальной родины тюркских этносов, он подчеркивал значение не только Сибири для тюркского мира, но и всей России, которая сыграла положительную интегрирующую роль в этом многонациональном пространстве. Таким образом, ученый этнограф и представитель «поздних областников» Н.Н. Козьмин придавал Востоку в этнокультурной истории России и всего мира важное интегрирующее значение.

Также как и Н.М. Ядринцев, помимо миграционных процессов и этногенеза, поздний областник рассматривал проблемы хозяйственно-бытовой жизни. Акцентируя реальное положение коренного населения Сибири, ученый приходил к выводу о том, что инородческое и скотоводческое хозяйство заслуживает помощи для его развития. Так как инородцы представляют крепкий этнически тип, то они обнаруживают большую жизнеспособность и приспособляемость к новым условиям жизни. Исследователь надеялся на то, что когда местная хозяйственная жизнь получит надлежащую организованность с введением земских учреждений, инородческое скотоводство займет еще более видное место в экономике родного края.

5. Заключение

Таким образом, личный вклад Н.М. Ядринцева в общероссийскую и мировую науку является весьма существенным. Заслуги его как археолога и востоковеда, как исследователя северной части Центральной Азии получили высокую оценку в академической историографии. Открытия на Орхоне 1889-1891 гг., к которым непосредственно причастен Николай Михайлович, стали своеобразным прологом к последующему детальному изучению древних исторических памятников культуры народов Центральной Азии. Сначала В.В. Радлов, затем В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам, А.Н. Кононов, С.Г. Кляшторный, И.В. Стеблева и другие российские востоковеды продолжили разрабатывать именно это направление тюркологии.

Также можно констатировать, что, во-первых, с его именем стали прочно ассоциироваться и сама находка, и первоначальное описание орхонских памятников древнетюркской письменности. Во-вторых, благодаря многолетнему настойчивому экспедиционному поиску Н.М. Ядринцевым было точно установлено историческое местонахождение Каракорума – старинной метрополии тюркских и монгольских великих кочевых держав. В-третьих, публицист акцентировал процесс формирования этнической эндемики Сибири в фокусе колыбели древнетюркской этнографии. В этом видится актуальность его наследия для выстраивания в нашем отечестве концептуальных основ позиционирования России как государства, исторически не только примерившего, но и объединившего в одну большую семью тюркский и славянский миры.

Литература

Гафуров, Мирошников, 1976 – Гафуров Б.Г., Мирошников Л.И. Изучение цивилизаций Центральной Азии (опыт международного сотрудничества по проекту ЮНЕСКО). М.: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1976. 127 с.

Должиков, Головинов, 2023 – Головинов, А.В., Должиков В.А. Проблема гуманизации отечественной пенитенциарной системы в политико-правовом идейном наследии сибирских областников // *Вестник Томского государственного университета. История*, 83. 2023. 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1

Дамешек, 2019 – Дамешек И.Л. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» // *Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX - начала XX веков: Коллективная монография /*

Научный редактор Л.М. Дамешек. Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью. Издательство Отгиск, 2019. С. 98-120.

Колягийн, 2021 – Колягийн Д. К вопросу о культурном наследии тюрков в Монголии и его защите // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2021. № 1. С. 54-65.

Кононов, 1972 – Кононов А.Н. Тюркология // Азиатский Музей-Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Изд-во «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 400-427.

Козьмин, 1918 – Козьмин Н.Н. Туба: [ист.-этногр. очерк] // *Сибирские записки*. 1918. № 4. С. 23-49.

Лемке, 1904 – Лемке М.К. Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк. К десятилетию со дня кончины (1894-1904). СПб.: Изд. Ред. «Восточного обозрения», 1904. 219 с.

Отчет..., 1892 – Отчет Императорского Русского географического общества за 1891 год. СПб., 1892.

Попов, 1894 – Попов И.И. Открытия на Орхоне и дешифрование древних надписей. Иркутск, 1894 // *Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества*. Т. XXIV. № 2–3. Иркутск: тип. К.И. Витковской, 1894. С. 90-192.

Потанин, 1890 – Потанин Г.Н. Заметка по поводу открытий Ядринцева // *Восточное обозрение*. 1890. № 2. 7 января.

Потанин, 1980 – Потанин Г.Н. Письма. В четырех томах. Т. 4. Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1980.

Резван, 2012 – Резван Е.А. Monumentum aere perennius (вводная статья к сборнику памяти Н.П. Дыренковой) // Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: «Наука», 2012. С. 6-11.

Шиловский, 2021 – Шиловский М.В. Публицистическое осмысление Н. М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870–1880-е гг. // *Ядринцевские чтения*. 2021. Вып. 9. Омск. ОмГУ. С. 22-26.

Яранцев, 2023 – Яранцев В.Н. Роль, функции и значение жанра фельетона в развитии сибирской литературы последней четверти XIX века в связи с деятельностью Н. М. Ядринцева, писателя и редактора // *Сюжетология и сюжетография*. 2023. № 4. С. 5-23. DOI: 10.25205/2713-3133-2023-4-5-23

Ядринцев, 1887 – Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ (отдельный оттиск из «Записок Императорского Русского Археологического общества»). Т. III. СПб., 1887. С. II-XXVI.

Ядринцев, 1886 – Ядринцев Н.М. Каракорум, столица Монгольского царства (извлечение из статьи Ф.М. Шмидта Ueber Rubruk das Reise von 1253–1255) // *Восточное обозрение*. 1886. № 15-16. С. 13-14.

Ядринцев, 1890 – Ядринцев Н.М. Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума // *Известия императорского Русского Географического Общества*. Т. XXVI. Вып. IV. 1890. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1890. С. 257-271.

Ядринцев, 1892 – Ядринцев Н.М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. действительным членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Географического общества Н.М. Ядринцевым по поручению Отдела (географический дневник) / Радлов В.В. Предварительный отчет о результатах снаряженной Академиею наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона (Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. I. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1892. С. 51-113.

Ядринцев, 1901 – Ядринцев Н.М. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в южный Хангай в 1891 г. СПб.: Типогр. Имп. Акад. Наук, 1901. 30 с.

Golovin et al., 2023 – Golovin A.V., Vasiliev A.A., Dolzhikov V.A. Synthesis of Political-Legal and Socio-Cultural Narratives of the Ideological and Journalistic Heritage of N.M. Yadrinsev in the 1870s // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1324-1332.

Tokmurzaev et al., 2022 – Tokmurzaev B.S., Churkin M.K., Apasheva S.N. Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 338-348.

References

Dameshek, 2019 – Dameshek, I.L. (2019). Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazheniye sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoye obshchestvo i «sibirskiye voprosy» [Regional concept as an expression of Siberian identity. Irkutsk society and "Siberian issues"]. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX - nachala XX vekov: Kollektivnaya monografiya. Nauchnyi redaktor L.M. Dameshek. Irkutsk: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu. Izdatel'stvo Ottisk. Pp. 98-120. [in Russian]

Dolzhikov, Golovin, 2023 – Golovin, A.V., Dolzhikov V.A. (2023). Problema gumanizatsii otechestvennoy penitentsiarnoy sistemy v politiko-pravovom ideynom nasledii sibirskikh oblastnikov [The problem of humanization of the national penitentiary system in the political and legal ideological

- heritage of Siberian regionalists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 83: 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1 [in Russian]
- Gafurov, Miroshnikov, 1976** – *Gafurov, B.G., Miroshnikov, L.I.* (1976). Tsentral'noy Azii (opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva po proyektu YUNESKO) [Study of the civilizations of Central Asia (experience of international cooperation under the UNESCO project)]. M.: Izd-vo «Nauka» Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 127 p. [in Russian]
- Golovinov et al., 2023** – *Golovinov, A.V., Vasiliev, A.A., Dolzhikov, V.A.* (2023). Synthesis of Political-Legal and Socio-Cultural Narratives of the Ideological and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev in the 1870s. *Bylye Gody*. 18(3): 1324-1332.
- Kolyagiin, 2021** – *Kolyagiin, D.* (2021). K voprosu o kul'turnom nasledii tyurkov v Mongolii i yego zashchite [To the issue of the cultural heritage of the Turks in Mongolia and its protection]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*. 1: 54-65. [in Russian]
- Kononov, 1972** – *Kononov, A.N.* (1972). Tyurkologiya [Turkology]. Aziatskii Muzei-Leningradskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya AN SSSR. M.: Izd-vo «Nauka» Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. Pp. 400-427. [in Russian]
- Kozmin, 1918** – *Kozmin, N.N.* (1918). Tuba: [ist.-etnogr. ocherk] [Tuba: [historical-ethnogr. essay]. *Sibirskie zapiski*. 4: 23-49. [in Russian]
- Lemke, 1904** – *Lemke, M.K.* (1904). Nikolay Mikhaylovich Yadrintsev: Biograficheskiy ocherk. K desyatiletiyu so dnya konchiny (1894-1904). [Nikolai Mikhailovich Yadrintsev: Biographical sketch. To the tenth anniversary of his death (1894-1904)]. SPb.: Izd. Red. «Vostochnogo obozreniya», 219 p. [in Russian]
- Otchet..., 1892** – Otchet Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1891 god [Report of the Imperial Russian Geographical Society for 1891]. SPb, 1892. [in Russian]
- Popov, 1894** – *Popov, I.I.* (1894). Otkrytiya na Orkhone i deshifrovaniye drevnikh nadpisey. Irkutsk, 1894 [Discoveries on Orkhon and decipherment of ancient inscriptions. Irkutsk, 1894]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. T. XXIV. № 2–3. Irkutsk: tip. K.I. Vitkovskoi. Pp. 90-192. [in Russian]
- Potantin, 1890** – *Potantin, G.N.* (1890). Potantin G.N. Zametka po povodu otkrytiy Yadrintseva [A note on Yadrintsev's discoveries]. *Vostochnoe obozrenie*. № 2. 7 yanvarya. [in Russian]
- Potantin, 1980** – *Potantin, G.N.* (1980). Pis'ma. [Letters]. V chetyrekh tomakh. T. 4. Irkutsk: Vost.-sib. kn. izd-vo. [in Russian]
- Rezvan, 2012** – *Rezvan, E.A.* (2012). Monumentum aere perennius (vvodnaya stat'ya k sborniku pamyati N.P. Dyrenkovoy) [Monumentum aere perennius (introductory article to the collection in memory of N.P. Dyrenkova)]. Dyrenkova N.P. Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy. SPb.: «Nauka». Pp. 6-11. [in Russian]
- Shilovskiy, 2021** – *Shilovskiy, M.V.* (2021). Publitsisticheskoye osmysleniye N. M. Yadrintsevym perspektiv razvitiya Sibiri v 1870 – 1880-ye gg. [N.M. Yadrintsev's publicistic comprehension of the prospects for the development of Siberia in the 1870s – 1880s]. *Yadrintsevskie chteniya*. Is. 9. Omsk. OmGU. Pp. 22-26. [in Russian]
- Tokmurzaev et al., 2022** – *Tokmurzaev, B.S., Churkin, M.K., Apasheva, S.N.* (2022). Representations of Asian Russia as a Colony in the Epistolary Discourse of the Leaders of the Siberian Regionalism. *Bylye Gody*. 17(1): 338-348.
- Yadrintsev, 1886** – *Yadrintsev, N.M.* (1886). Karakorum, stolitsa Mongol'skogo tsarstva (izvlecheniye iz stat'i F.M. Schmidta Ueber Rubruk das Reise von 1253–1255) [Karakorum, the capital of the Mongolian kingdom (extract from the article by F.M. Schmidt Ueber Rubruk das Reise von 1253–1255)]. *Vostochnoe obozrenie*. 15-16: 13-14. [in Russian]
- Yadrintsev, 1887** – *Yadrintsev, N.M.* (1887). Otchet o poyezdke v Vostochnuyu Sibir' v 1886 g. dlya obozreniya mestnykh muzeyev i arkheologicheskikh rabot (otdel'nyy ottisk iz «Zapisok Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva» [Report on a trip to Eastern Siberia in 1886 to view local museums and archaeological works (separate reprint from the “Notes of the Imperial Russian Archaeological Society”)]. T. III. St. Petersburg, pp. II-XXVI. [in Russian]
- Yadrintsev, 1890** – *Yadrintsev, N.M.* (1890). Puteshestviye na verkhov'ya Orkhona, k razvalinam Karakoruma [Journey to the upper reaches of the Orkhon, to the ruins of the Karakorum]. *Izvestiya imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. T. XXVI. Vol. IV. 1890. SPb.: Tip. A.S. Suvorina. Pp. 257-271. [in Russian]
- Yadrintsev, 1892** – *Yadrintsev, N.M.* (1892). Otchet ekspeditsii na Orkhon, sovershennoy v 1889 g. deystvitel'nym chlenom Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Geograficheskogo obshchestva N.M. Yadrintsevym po porucheniyu Otdela (geograficheskiy dnevnik) [Report of the expedition to Orkhon, carried out in 1889 by a full member of the East Siberian Department of the Imperial Geographical Society N.M. Yadrintsev on behalf of the Department (geographical diary)]. Radlov V.V. Predvaritel'nyi otchet o rezul'tatakh snaryazhennoi Akademiiy nauk ekspeditsii dlya arkheologicheskogo issledovaniya basseina reki Orkhona (Sbornik trudov Orkhonskoi ekspeditsii. Vyp. I. SPb.: Tipogr. Imp. Akademii nauk. Pp. 51-113. [in Russian]

Yadrintsev, 1901 – *Yadrintsev, N.M.* (1901). Otchet i dnevnik o puteshestvii po Orkhonu i v yuzhnyy Khangay v 1891 g. [Report and diary about a trip to the Orkhon and southern Khangai in 1891]. SPb.: Tipogr. Imp. Akad. Nauk, 30 p. [in Russian]

Yarantsev, 2023 – *Yarantsev, V.N.* (2023). Rol', funktsii i znacheniye zhanra fel'yetona v razvitiy sibirskoy literatury posledney chetverti XIX veka v svyazi s deyatelnost'yu N. M. Yadrintseva, pisatelya i redaktora [The role, functions and significance of the feuilleton genre in the development of Siberian literature in the last quarter of the 19th century in connection with the activities of N. M. Yadrintsev, writer and editor]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 4: 5-23. DOI: 10.25205/2713-3133-2023-4-5-23 [in Russian]

Научный вклад Н.М. Ядринцева в отечественную и мировую тюркологию

Александр Викторович Головинов ^{a,*}, Вячеслав Александрович Должиков ^a,
Майгуль Хафизовна Матаева ^b

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется фактический материал о малоизученном аспекте научно-исследовательской деятельности Н.М. Ядринцева, который больше известен в современной России как географ и этнолог. Цель исследования состоит в том, чтобы путем обобщения наличных данных уточнить его роль в истории отечественной и мировой тюркологии второй половины XIX в.

Значение имели парадигмы «новой интеллектуальной и культурной истории». Инструментарий позволяет выявить вклад определенной исторической личности в искомую научную область в контексте умственных достижений исторического периода. Потому данная методология максимально объективно направлена на демонстрацию вклада Н.М. Ядринцева в отечественную и мировую тюркологию.

В материале отмечается, что для мировой тюркологии совместный научный триумф Ядринцева, Радлова и Томсена имел ключевое историческое значение. После них исследователи в России и других странах могли уже беспрепятственно заниматься дешифровкой вновь выявляемых древнетюркских письменных источников.

Благодаря крупным исследовательским достижениям 1889 года Н.М. Ядринцев приобрел заслуженную мировую известность. В течение зимних месяцев 1890 года после возвращения в Петербург из Монголии он выступил с несколькими докладами в ученых обществах и опубликовал в печати материалы о своих открытиях.

Авторы статьи акцентируют связь алтайских комплексных экспедиций 1878 и 1880 гг. и последующих археологических исследований Ядринцева в монгольской части Большого Алтая. В частности, выделены, во-первых, его открытие в Монголии знаменитых орхонских надписей, а, во-вторых, установление историко-географического локуса метрополии древнетюркских и древнемонгольских кочевых империй – Каракорума. Обращается внимание на бесспорные достижения первооткрывателя памятников древнетюркской письменности. В заключительных выводах отмечен всемирный масштаб персонального вклада Н.М. Ядринцева в тюркологию.

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев, алтаистика, тюркология, Центральная Азия, орхонские надписи, Каракорум, сибирское областничество.

* Корреспондирующий автор

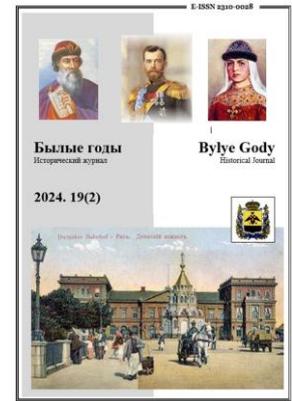
Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.В. Головинов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 857-864
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.857

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Broadcasting Reproductive Culture as a Way to Preserve Domestic Intangible Cultural Heritage (based on Materials from the Perm Province of the second half of the 19th – early 20th centuries)

Elizaveta S. Lakhtionova ^{a, *}, Irina G. Polyakova ^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russian Federation

Abstract

The article examines the problem of preserving Russian intangible cultural heritage through the formation and consistent implementation of that part of family rituals that was associated with the reproductive culture of the peasant community, which made up the majority of the population of the Russian Empire. In a similar way, the transmission of value and behavioral attitudes of the reproductive strategy took place from generation to generation.

The study is based on materials from the Perm province, chronologically dating back to the second half of the 19th – early 20th centuries. The main sources were descriptions of various rituals and records of folklore, preserved both in published form and in archival materials. Using various methods of historical science, including microhistory, the author managed to extract from descriptive source material the meaning that the peasants invested in each ritual element.

It was found that the main mechanisms for transmitting the value and behavioral attitudes of Russian reproductive culture – the family and the Russian Orthodox Church – were aimed at one goal that was vitally important for the peasant community – the conception and birth of as many children as possible, preferably healthy ones. For this purpose, knowledge, traditions, customs and rituals have been passed on for centuries among the people, information about which was recorded by local historians, observers and scientists. All this entered the treasury of Russian culture, forming a fund of domestic intangible cultural heritage.

Keywords: reproductive culture, broadcast, peasantry, family rituals, cultural heritage, Perm province.

1. Введение

Под репродуктивной культурой понимается «совокупный культурный опыт регулирования способности продолжения рода, складывавшийся в ходе эволюционного развития человечества» (Беляева, 2014: 97).

В традиционном крестьянском обществе пореформенной России механизмами трансляции репродуктивной культуры выступали семья и Русская православная церковь через традиции, обычаи, обряды, представляющие «то нематериальное наследие, которое уходит вместе с эпохой и носителями культуры» (Мышегреб, 2009: 204). В связи с этим научным сообществом начиная с середины XIX в. была поставлена задача – зафиксировать сохранившиеся элементы семейного быта и обрядов русских крестьян (Кузнецов, 2006: 9), что позволило не только осуществить множество исследований по теме традиционной семейной обрядности, но и способствовало сохранению нематериального культурного наследия.

Нематериальное культурное наследие представляет собой «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и

* Corresponding author

E-mail addresses: elza1982@yandex.ru (E.S. Lakhtionova), irinapolykova@yandex.ru (I.G. Polyakova)

культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» (Житенев, 2022: 10).

Цель статьи – изучить, каким образом процесс передачи (трансляция) репродуктивной культуры в Российской империи способствовал сохранению отечественного нематериального культурного наследия. Для этого нужно решить следующие задачи: во-первых, определиться с тем, какие механизмы трансляции были главными в традиционном крестьянском обществе в пореформенной России; во-вторых, выявить, как эти механизмы реализовывались в обрядовой части повседневной жизни русских крестьян; в-третьих, рассмотреть, почему трансляция обычаев, обрядов и традиций, направленных именно на воспроизводство, наиболее эффективно способствовала сначала формированию, а потом и сохранению нематериального культурного наследия.

Актуальность предлагаемой темы состоит в том, что 2024 г. был объявлен в России Годом семьи, главной задачей намеченных мероприятий которого, по словам Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Татьяны Голиковой, является «возродить уважительное отношение к большой семье, способствовать укреплению семейных традиций» (Правительство..., 2024). В этом плане весьма полезным становится обращение к изучению семейных обычаев, традиций и обрядов русского народа, бытовавших в предыдущие эпохи. Особенно это касается дореволюционного периода в истории России. Тем более что в настоящее время в России фиксируется кризис семьи, что обуславливает множество мер поддержки, осуществляемых государством в этом направлении.

Обращение к теме сохранения нематериального культурного наследия в нашей стране также является достаточно своевременным по той причине, что ушедший уже 2022 г. был объявлен в Российской Федерации Годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России, что свидетельствует о назревшей потребности российского государства в усилении мер по сохранению собственного культурного наследия. Действительно, наилучшие образцы нематериального культурного наследия необходимо не просто фиксировать, но и сохранять и популяризировать в условиях неуклонного изменения образа жизни и менталитета российского общества, определяющего трансформацию жизненного уклада.

Теоретическая ценность статьи связана с практически полным отсутствием научных работ, направленных на осмысление семейной обрядности в подобных взаимосвязанных ключах. С одной стороны, это один из механизмов трансляции репродуктивной культуры, направленный на стойкое воспроизводство русского крестьянства; с другой стороны, передача социального опыта из поколения в поколение через обряды – это способ сохранения отечественного нематериального наследия. Практическая значимость исследования заключается в том, что, изучая обрядовую сторону семейной жизни, можно попытаться популяризировать некоторые ее наиболее интересные и важные элементы среди молодежи, способствуя, таким образом, формированию правильных репродуктивных ценностей и установок в современном российском обществе.

2. Материалы и методы

Для проведения данного исследования были привлечены архивные материалы, находящиеся в Государственном архиве Свердловской области (Екатеринбург). Это фонд Уральского общества любителей естествознания – научной организации, которая занималась сбором информации о народном быте, обрядах, устном творчестве на территории Пермской губернии. Нами были использованы описания свадебных обрядов, выполненные в 1880–1890-е гг. двумя грамотными местными жителями: Поликарпом Ивановичем Чудиновым (с. Вознесенское, Оханский уезд) (ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 718) и Егором Петровичем Фоминых (с. Ключевское, Шадринский уезд) (ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 714).

Также были использованы опубликованные материалы, размещенные в «Пермских губернских ведомостях» (Калмыков, 1862; Назукин, 1875; Удинцев, 1862), «Пермском краеведческом сборнике» (Богословский, 1926), «Живой старине» (Ритуал..., 1893). Это записи, сделанные краеведами относительно того, что они наблюдали в той или иной местности Пермской губернии. Данные материалы носят описательный и подробный характер, но это как раз необходимо и полезно в проведении настоящего исследования, так как позволяет провести полноценный анализ описанных обрядов на предмет выявления их значимости и смысла.

Среди опубликованных материалов нужно назвать статистические очерки и описания, в которых врачами того времени даются материалы относительно медицинских и санитарно-гигиенических условий, в которых жили крестьяне Пермской губернии (Андриеевский, 1880; Предтеченский, 1901).

Данное исследование лежит в рамках такого направления исторической науки, как микроистория, когда от изучения свершений государственных деятелей, великих героев, ученые обращаются к истории жизни и быта простого народа, рассмотрению малых территорий, изучению повседневности и ментальности отдельного человека. Данный подход определяет методологию исследования: микроисторический анализ и метод «насыщенного описания», позволяющие не просто фиксировать факты, а анализировать и интерпретировать их с целью поиска смысла, заключенного в обрядовых действиях человека. Этому способствует также использование историко-антропологического

метода, который как раз помогает восстановить утраченный сейчас смысл тех или иных обрядов, бытовавших в предыдущие эпохи, через детальное изучение повседневности человека.

Среди традиционных методов исторического исследования, использованных в данной статье, нужно назвать следующие: историко-сравнительный (позволяет выявить локальные особенности в бытовании различных обрядов); историко-генеалогический метод (помогает понять, как через семейные обряды происходила трансляция репродуктивной культуры в среде русского крестьянства); социально-исторический метод (способствует выявлению особенностей передачи поведенческих и ментальных установок репродуктивной стратегии в среде крестьянства).

Применение указанных методов для анализа обозначенных выше источников позволило достичь поставленных в данном исследовании целей и задач.

3. Обсуждение

Механизмы передачи ценностных и поведенческих установок репродуктивной культуры в российском обществе на современном этапе исследовала доктор культурологии М. А. Беляева (Беляева, 2014). Представляя в своих статьях развернутую авторскую классификацию различных механизмов трансляции, она отмечает среди них два традиционных, характерных для пореформенной России: семья и Русская православная церковь (Беляева, 2015: 2, 4). Соотнося выводы М. А. Беляевой с конкретно-историческим материалом, мы соглашаемся с ученым в этом плане.

Исследований, касающихся изучения свадебной и родильно-крестильной обрядности крестьян различных регионов Российской империи, существует достаточно большое количество. Здесь признанными экспертами являются историки-краеведы, этнографы М.М. Громыко (Громыко, Буганов, 2000), Т.А. Листова (Листова, 2001а; Листова, 2001б), Т.С. Макашина (Макашина, 1999). Касательно Уральского региона нужно отметить ряд серьезных работ, построенных на локальном материале: исследования С.В. Голиковой (Голикова, 1995; Голикова, 2001), Н.А. Миненко (Миненко, 1995), В.М. Кузнецова (Кузнецов, 2011), Г.Н. Чагина (Чагин, 1993; Чагин, 2015). В них уральские ученые не столько описывают те или иные обряды, сколько пытаются восстановить смысл, заложенный в обрядовые элементы. Однако исследователи не останавливаются специально на осмыслении семейной обрядности как способе трансляции репродуктивных установок российского общества.

По проблеме сохранения историко-культурного, в том числе нематериального, наследия через обрядовую часть повседневной жизни народа научных работ практически нет. Здесь все же нужно выделить важную теоретическую статью О.Л. Сытых, в которой автор приходит к выводу о том, что основой сохранения традиционной культуры является передача знаний и опыта через «мифы, сказания, былины, наполненные символами, орудия труда и предметы быта, ритуалы и стереотипы», которые, в свою очередь, формируют культурное наследие, способствуя одновременно его сбережению для будущих поколений (Сытых, 2023: 250-251).

Таким образом, проблема, обозначенная в статье, является недостаточно изученной в научной литературе и требует дальнейшего исследования как на общероссийском, так и на региональном материалах.

4. Результаты

Семейные традиции русского народа были обставлены множеством обрядов, которые сохранялись на протяжении веков, формируя механизм стойкой трансляции культуры, под которой понимается «процесс, обеспечивающий социокультурное воспроизводство человека за счет передачи от поколения к поколению накопленного социального опыта в его внутреннем (ценностно-нормативном, знаково-символическом и т.д., и внешнем (ритуально-обрядовом, предметном и т.д.) содержании» (Беляева, 2014: 97).

Передача (трансляция) поведенческих и ценностных репродуктивных установок осуществлялась в пореформенной России двумя главными, по сути единственными, способами: посредством семьи (через обычаи, традиции, обряды) и Русской православной церкви (через обряды).

В семейной обрядности можно выделить два блока, содержащих обряды и обычаи, наиболее способствовавшие, с точки зрения крестьянского сообщества, постоянному самовоспроизводству. Во-первых, это свадебные обряды, ведущие к заключению супружеского союза (официального брака), в котором и должны были рождаться дети. Все отклонения от нормы (девиации) осуждались и преследовались вплоть до вынесения уголовного наказания (Лахтионова, Полякова, 2023). Во-вторых, это родильно-крестильные обряды, от успешного осуществления которых напрямую зависела жизнь не только рождавшихся в браке детей, но и роженицы.

Традиционный свадебный ритуал – важнейшее событие на жизненном пути человека, яркий и запоминающийся обряд, оформляющий переход девушки и парня в группу взрослых мужчин и женщин. Русская народная свадьба представляет собой сложнейший сплав различных элементов традиционной культуры: брачных норм и правил этикета, приемов магии и музыкального творчества, песен и приговоров, материальных компонентов.

Забота о будущем потомстве начиналась уже с выбора достойных, с точки зрения старшего поколения, невесты и жениха. Для этого существовал предсвадебный этап, который назывался

сватовство. Записей сватовства сохранилось великое множество, причем этот обряд имел свои локальные особенности даже в рамках одной Пермской губернии (ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 714, 718). Задача этого этапа – выбрать такого будущего спутника жизни, который бы не только воспроизвел достаточное количество здоровых детей, но и смог бы их обеспечить. Причем это относилось не только к жениху, но и к невесте, так как ее благосостояние и способность вынашивать и рожать детей также внимательно оценивались сватами с обеих сторон (Бальжанова, 2001: 141).

При выборе будущих супругов крестьянская молодежь старалась ориентироваться на согласие родителей, которые должны были обязательно дать на этот союз свое благословение (Листова, 2001а: 8). Например, в Пермском уезде молодые сначала обращались за благословением к отцу, а потом к матери (Богословский, 1926: 141). Таким образом, признавалась нравственная правота задуманного, и обеспечивался залог успешной семейной жизни.

Свое благословение на брачный союз, а значит, и на рождение детей, должен был дать также священник. Так происходило, например, в Пожевском заводе (Соликамский уезд), где жених и невеста просили благословения у представителя церкви с помощью песни (Калмыков, 1862: 24). Здесь явно прослеживается наличие и влияние такого механизма трансляции репродуктивной культуры, как Русская православная церковь.

Через обряды благословения и венчания молодые люди получали напутствие старших членов семьи и церкви на чадородие, которое начинало осуществляться уже с первой брачной ночи. Согласно подсчетам исследователей, подавляющая часть зачатий приходилась как раз на то время, когда в основном игрались крестьянские свадьбы (Андрежеевский, 1880: 47; Предтеченский, 1901: 29). Это значит, что установка крестьянского сообщества на скорое зачатие детей в рамках только что заключенных брачных союзов выполнялась. Исключения составляли физиологическая неспособность одного из молодых к зачатию или исполнению интимного долга, которую называли «слабым естеством» (Голикова, 2001: 41).

Своеобразный ритуал представлял собой обряд дарения девичьей красоты, который должен был продемонстрировать честность (целомудрие) невесты, что считалось в крестьянской среде залогом успешной семейной жизни и рождения детей. Вариантов этого обряда существовало великое множество, их записи также сохранились в виде источников (Калмыков, 1862: 27; Назукин, 1875: 396; Ритуал, 1893: 109). Так, во многих местностях Пермской губернии признаком девичьей целомудренности была ленточка, которую в Соликамском уезде сначала прикалывали к платку невесты, а потом располагали на божнице (Калмыков, 1862: 27). В Красноуфимском и Оханском уездах невеста такую ленточку во время венчания держала при себе, а по окончании данного ритуала вкладывала в Евангелие (Калмыков, 1862: 36-37). Считалось, что если девушка всех вела в заблуждение, будучи «нечестной», то она осквернит таким образом священные предметы: божницу и Евангелие. В этом обряде достаточно хорошо видно влияние церковного учения о нравственности: девушка и парень должны были вступать в брак целомудренными. Особенно это касалось девушки, т.к. добрачные интимные отношения влекли за собой, как правило, беременность, которая считалась нежелательной (Голикова, 2001: 63; Мухина, Пушкарева, 2012: 46).

Крестьянская свадьба обязательно сопровождалась церковным обрядом венчания, соединявшим в себе две важнейшие функции: юридическую регистрацию и религиозное освящение (Листова, 2001а: 26). В рамках таинства венчания священником совершалось моление о чадородии, что означало распространение Божьего благословения на все будущее потомство. Отсюда глубоко укоренившаяся в народе мысль о том, что дети, рожденные до брака или вне брака, этого благословения не имеют.

Родильно-крестильный обрядовый цикл также был наполнен множеством различных элементов традиционной культуры, строгое соблюдение которых было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, важность деторождения в крестьянской среде предопределяла особо бережное отношение к беременности и родам, благополучный исход которых никто не мог гарантировать. О последнем свидетельствовали высокие показатели детской и женской смертности в русской деревне (Голикова, 2001: 61-62). Во-вторых, в условиях недостаточной развитой медицины в пореформенной России, неграмотности подавляющего большинства крестьян и их недоверия к имеющимся врачам результат успешного родоразрешения также зависел, с точки зрения самих крестьян, от правильного и последовательного выполнения обрядов. Сохранилось множество описаний этих обрядовых действий касательно Пермской губернии, материалы которых легли в основу исследований таких уральских ученых, как С.В. Голикова (Голикова, 1995; Голикова, 2001: 53-85) и Г. Н. Чагин (Чагин, 1993: 40-48).

Участие Русской православной церкви в родильных обрядах начиналось уже с «молитвы роженице», которую совершал священник. Она имела значение «очистительной» для матери и младенца, охраняя их от злых духов (Удинцев, 1862: 398). Последующий крестильный цикл также включал в себя ряд обрядов, главным назначением которых было ограждение ребенка от нечистых сил (вызывавших, с точки зрения крестьян, разные болезни). Для этого новорожденного нужно было как можно скорее окрестить, дать имя, что означало еще и духовное рождение ребенка. А заботиться о его дальнейшем воспитании в духе православия, в том числе передавая ценностные установки

репродуктивного характера, должны были крестные отец и мать, которые являлись одними из важнейших участников Таинства Крещения. Церковь очень внимательно следила за своевременностью выполнения данного обряда с целью избежать смерти младенца, особенно до его крещения. В условиях высокой детской смертности в русской деревне все эти действия приобретали для крестьян особый смысл (Голикова, 2001: 77, 79).

В силу того, что крестьяне важное внимание уделяли задаче собственного воспроизводства, то названные выше обрядовые циклы получили достаточно широкое распространение и закрепление. Несмотря на региональную специфику тех или иных обрядов, бытовавших в Пермской губернии, и подчас специфические локальные различия отдельных их элементов, все же они являлись частью общерусской культуры.

Зафиксированные краеведами и учеными, начиная со второй половины XIX в., описания обрядов и записи фольклора попали в сокровищницу русской культуры и составили фонд нематериального культурного наследия, важнейшей функцией которого, в свою очередь, выступает «сохранение традиции и памяти о прошлом, что имеет смысложизненный, экзистенциальный характер» (Баева, 2012: 116).

5. Заключение

Таким образом, главными способами передачи поведенческих и ценностных установок репродуктивной стратегии, господствовавших в крестьянской среде, были семья и Русская православная церковь. Реализовывалось это на практике в выполнении крестьянами множества обрядов, ритуалов, наполнявших всю их жизнь. Особенное внимание уделялось тем обычаям, традициям и обрядам, которые были связаны с наиболее важными сторонами семейной жизни: создание нового супружеского союза (через юридическое его оформление), а также зачатие и рождение детей, забота об их здоровье. Отсюда исследователями выделяется два обрядовых цикла: свадебный и родильно-крестильный.

Оба они были пронизаны множеством отдельных элементов традиционной культуры, в совокупности составляющих отечественное нематериальное культурное наследие. И в каждом элементе присутствует особый смысл, имеющий определенное значение для человека того времени. Например, обряд благословения в свадьбе – это выражение согласия родителей, священника на союз двух молодых людей, передача им пожеланий успешной семейной жизни, которая виделась, в первую очередь, в большом количестве здоровых детей. Церковный обряд крещения и имянаречения должен был способствовать защите новорожденного от болезней.

Забота крестьянского сообщества о непрерывном самовоспроизводстве, о репродуктивном здоровье женщин, о жизни и здоровье новорожденных выражалась не только в постепенном создании целой системы обрядовых действий, но и в неукоснительном и последовательном их выполнении. Это способствовало стойкому закреплению традиций, обычаев, обрядов в поведении и мировоззрении многих поколений крестьян, а значит, формированию и сохранению отечественного нематериального культурного наследия.

К сожалению, определенная часть этого наследия с течением времени утрачивается, но даже сохранившиеся остатки знаний позволяют не только проводить полноценные исследования, но и сделать соответствующие выводы о том, что самое ценное в жизни отдельного человека, сообщества или государства – это здоровое потомство. К счастью, в настоящее время бурное развитие медицины и других научных технологий позволяет избежать многих проблем, с которыми сталкивались русские крестьяне Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Литература

Андржеевский, 1880 – Андржеевский И.И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. 104 с.

Баева, 2012 – Баева Л.В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // *Философия и общество*. 2012. № 1. С. 109-118.

Бальжанова, 2001 – Бальжанова Е.С. Обряд сватовства у русских крестьян Пермской губернии во второй половине XIX в. (по материалам с. Вознесенского – Оханский уезд и с. Ключевского – Шадринский уезд) // *Традиционная культура Урала. Альманах. Выпуск I*. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2001. С. 141-144.

Беляева, 2015 – Беляева М.А. Роль семьи и церкви в формировании репродуктивной культуры // *Мир науки*. 2015. № 1. С. 1-8.

Беляева, 2014 – Беляева М.А. Трансляция репродуктивной культуры в современном российском обществе // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 4. С. 97-104.

Богословский, 1926 – Богословский П.С. Крестьянская свадьба в лесах Вильвы, Пермского округа // *Пермский краеведческий сборник*. Вып. II. Пермь, 1926. С. 136-146.

ГАСО – Государственный архив Свердловской области.

Голикова, 1995 – Голикова С.В. Рождение ребенка в крестьянской семье / *Традиционная культура русских крестьян Сибири и Урала*. Тюмень, 1995. С. 33-45.

- Голикова, 2001** – Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII-XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 196 с.
- Громыко, Буганов, 2000** – Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. 544 с.
- Житенев, 2022** – Житенев С.Ю. Феномен нематериального культурного наследия России: вопросы сохранения и освоения / Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. М.: Институт Наследия, 2022. С. 9-22.
- Калмыков, 1862** – Калмыков А. Описание свадебных обрядов жителей Соликамского уезда, Пожевского завода с окрестностями // *Пермские губернские ведомости*. 1862. № 2. С. 24-28.
- Кузнецов, 2006** – Кузнецов В.М. Основные этапы изучения русского свадебного ритуала на Южном Урале и перспективы фольклорно-этнографических исследований // *Этнография и фольклор народов Южного Урала: Русская свадьба*. Сб. науч. статей. Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006. С. 8-26.
- Кузнецов, 2011** – Кузнецов В.М. Православная церковная и русская народная традиции крестин на Южном Урале в конце XIX – начале XX вв. / *Славянский мир: общность и многообразие. Сборник трудов конференции. Златоуст*: Златоустовский городской краеведческий музей, 2011. С. 4-8.
- Листова, 2001a** – Листова Т.А. Народный православный обряд создания семьи / *Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков: Итоги этнографических исследований*. М.: Наука, 2001. С. 7-35.
- Листова, 2001b** – Листова Т.А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье / *Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков: Итоги этнографических исследований*. М.: Наука, 2001. С. 36-52.
- Макашина, 1999** – Макашина Т.С. Свадебный обряд / *Русские*. М.: Наука, 1999. С. 465-477.
- Миненко, 1995** – Миненко Н.А. Идеал суженого у русских крестьян Урала и Сибири (XVIII-XIX вв.) // *Традиционная культура русских крестьян Сибири и Урала*. Тюмень: Рутра, 1995. С. 3-18.
- Мухина, Пушкарева, 2012** – Мухина З.З., Пушкарева Н.Л. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после великих реформ XIX века) // *Вестник Пермского университета. История*. 2012. № 3 (20). С. 43-55.
- Мышегреб, 2009** – Мышегреб А.М. Некоторые формы представления нематериального наследия в современных российских музеях (на примере этнографических экспозиций) // *Известия Оренбургского государственного историко-краеведческого музея*. 2009. № 15. С. 204. С. 204-208.
- Назукин, 1875** – Назукин И. Свадебные обряды у обвинских крестьян (Пермской губернии Соликамского и Оханского уездов) // *Пермские губернские ведомости*. 1875. № 79. С. 393-396.
- Правительство..., 2024** – Правительство утвердило план основных мероприятий по проведению Года семьи // Сайт Правительства России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/50603/> (дата обращения: 19.02.2024).
- Предтеченский, 1901** – Предтеченский В.Ф. Камбарский завод: Санитарно-статистический очерк. Пермь: Типография губернской земской управы, 1901. 74 с.
- Ритуал..., 1893** – Ритуал сибирской свадьбы // *Живая старина*. 1893. Вып. 1. С. 104-109.
- Сытых, 2023** – Сытых О.Л. Трансляция знания и опыта как фактор сохранения традиционных культур // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2023. Т. 1. № 12. С. 250. С. 241-252.
- Удинцев, 1862** – Удинцев И. Ирбитский завод // *Пермские губернские ведомости*. 1862. № 28. С. 397-399.
- Чагин, 1993** – Чагин Г.Н. Мироззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XVIII – начале XX века. Пермь: Издательство Пермского университета, 1993. 184 с.
- Чагин, 2015** – Чагин Г.Н. Народы и культуры Урала. XIX-XXI вв. Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2015. 320 с.
- Lakhtionova, Polyakova, 2023** – Lakhtionova E.S., Polyakova I.G. Deviations in Reproductive Behaviour of Russian Peasant Women in the Middle Ural (19th – early 20th centuries) // *Bylye gody*. 2023. 18(1): 167-175. DOI: 10.13187/bg.2023.1.167

References

- Andrzheevsky, 1880** – Andrzheevsky, I.I. (1880). Bolotnye bolezni na Severe: Mediko-topograficheskoe opisanie Izhevskogo oruzheinogo zavoda [Swamp diseases in the North: Medical and topographical description of the Izhevsk arms plant]. St. Petersburg, 104 p. [in Russian]
- Baeva, 2012** – Baeva, L.V. (2012). Sokhranenie kul'turnogo naslediya kak voploshchenie tsennosti traditsii [Preservation of cultural heritage as the embodiment of the value of tradition]. *Filosofiya i obshchestvo*. 1: 109-118. [in Russian]
- Bal'zhanova, 2001** – Bal'zhanova, E.S. (2001). Obryad svatovstva u russkikh krest'yan Permskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam s. Voznesenskogo – Okhanskii uezd i s. Klyuchevskogo – Shadrinskii uezd) [Rite of matchmaking among Russian peasants of the Perm province in the second half of the 19th century. (based on materials from the village of Voznesensky – Okhansky district and the village of

- Klyuchevsky – Shadrinsky district)]. *Traditsionnaya kul'tura Urala*. Al'manakh. Vyp. I. Ekaterinburg: Sverdlovskii oblastnoi Dom fol'klora. Pp. 141-144. [in Russian]
- Belyaeva, 2014** – *Belyaeva, M.A.* (2014). Translyatsiya reproduktivnoi kul'tury v sovremennom rossiiskom obshchestve [Translation of reproductive culture in modern Russian society]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 4: 97-104. [in Russian]
- Belyaeva, 2015** – *Belyaeva, M.A.* (2015). Rol' sem'i i tserkvi v formirovanii reproduktivnoi kul'tury [The role of family and church in the formation of reproductive culture]. *Mir nauki*. 1: 1-8. [in Russian]
- Bogoslovskii, 1926** – *Bogoslovskii, P.S.* (1926). Krest'yanskaya svad'ba v lesakh Vil'vy, Permskogo okruga [Peasant wedding in the forests of Vilva, Perm district]. *Permskii kraevedcheskii sbornik*. II: 136-146. [in Russian]
- Chagin, 1993** – *Chagin, G.N.* (1993). Mirovozzrenie i traditsionnaya obryadnost' russkikh krest'yan Srednego Urala v seredine XVIII – nachale XX veka [Worldview and traditional rituals of Russian peasants of the Middle Urals in the mid-18th – early 20th centuries]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 184 p. [in Russian]
- Chagin, 2015** – *Chagin, G.N.* (2015). Narody i kul'tury Urala. XIX-XXI vv. [Peoples and cultures of the Urals. XIX-XXI centuries]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Sokrat», 320 p. [in Russian]
- GASO** – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State archive of the Sverdlovsk region].
- Golikova, 1995** – *Golikova, S.V.* (1995) Rozhdenie rebenka v krest'yanskoi sem'e [The birth of a child in a peasant family]. *Traditsionnaya kul'tura russkikh krest'yan Sibiri i Urala*. Tyumen', pp. 33-45. [in Russian]
- Golikova, 2001** – *Golikova, S.V.* (2001). Sem'ya gornozavodskogo naseleniya Urala XVIII-XIX vv: demograficheskie protsessy i traditsii [The Family of the mining population of the Urals in the 18th-19th centuries: demographic processes and traditions]. Yekaterinburg, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences. 195 p. [in Russian]
- Gromyko, Buganov, 2000** – *Gromyko, M.M., Buganov, A.V.* (2000). O vozzreniyakh russkogo naroda [About the views of the Russian people]. M.: Palomnik, 544 p. [in Russian]
- Kalmykov, 1862** – *Kalmykov, A.* (1862). Opisaniye svadebnykh obryadov zhitelei Solikamskogo uezda, Pozhevskogo zavoda s okrestnostyami [Description of wedding ceremonies of residents of Solikamsk district, Pozhevsky plant with the surrounding area]. *Permskie gubernskie vedomosti*. 2: 24-28. [in Russian]
- Kuznetsov, 2006** – *Kuznetsov V.M.* (2006). Osnovnyye etapy izucheniya russkogo svadebnogo rituala na Yuzhnom Urale i perspektivy fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniy [The main stages of studying the Russian wedding ritual in the Southern Urals and the prospects for folklore and ethnographic research]. *Etnografiya i fol'klor narodov Yuzhnogo Urala: Russkaya svad'ba*. Sb. nauch. statei. Chelyabinsk: Izdatel'stvo OOO «Poligraf-Master», pp. 8-26. [in Russian]
- Kuznetsov, 2011** – *Kuznetsov, V.M.* (2011). Pravoslavnaya tserkovnaya i russkaya narodnaya traditsii krestin na Yuzhnom Urale v kontse XIX – nachale XX vv. [Orthodox church and Russian folk traditions of christenings in the Southern Urals at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Slavyanskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie*. Sbornik trudov konferentsii. Zlatoust: Zlatoustovskii gorodskoi kraevedcheskii muzei. Pp. 4-8. [in Russian]
- Lakhtionova, Polyakova, 2023** – *Lakhtionova, E.S., Polyakova, I.G.* (2023). Deviations in Reproductive Behaviour of Russian Peasant Women in the Middle Ural (19th – early 20th centuries). *Bylye gody*. 18(1): 167-175. DOI: 10.13187/bg.2023.1.167
- Listova, 2001a** – *Listova, T.A.* (2001). Narodnyi pravoslavnyi obryad sozdaniya sem'i [Folk Orthodox ritual of creating a family]. *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX-XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy*. M.: Nauka. Pp. 7-35. [in Russian]
- Listova, 2001b** – *Listova, T.A.* (2001). Religiozno-nravstvennoe otnoshenie k detorozhdeniyu v russkoi sem'e [Religious and moral attitude towards childbearing in the Russian family]. *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX-XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy*. M.: Nauka, pp. 36-52. [in Russian]
- Makashina, 1999** – *Makashina, T.S.* (1999). Svadebnyi obryad [Wedding ceremony]. *Russkie*. M.: Nauka. Pp. 465-477. [in Russian]
- Minenko, 1995** – *Minenko N.A.* (1995). Ideal suzhenogo u russkikh krest'yan Urala i Sibiri (XVIII-XIX vv.) [The ideal of a betrothed among Russian peasants of the Urals and Siberia (XVIII-XIX centuries)]. *Traditsionnaya kul'tura russkikh krest'yan Sibiri i Urala*. Tyumen': Rutra, pp. 3-18. [in Russian]
- Mukhina, Pushkareva, 2012** – *Mukhina, Z.Z., Pushkareva, N.L.* (2012). Zhenshchina i zhenskoe v traditsionnoi russkoi seksual'noi kul'ture (do i posle velikikh reform XIX veka) [Woman and feminine in traditional Russian sexual culture (before and after the great reforms of the 19th century)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 3(20): 43-55. [in Russian]
- Myshegreb, 2009** – *Myshegreb, A.M.* (2009). Nekotorye formy predstavleniya nematerial'nogo naslediya v sovremennykh rossiiskikh muzeyakh (na primere etnograficheskikh ekspozitsii) [Some forms of presentation of intangible heritage in modern Russian museums (using the example of ethnographic exhibitions)]. *Izvestiya Orenburgskogo gubernatorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 15: 204-208. [in Russian]

Nazukin, 1875 – *Nazukin, I.* (1875). Svadebnye obryady u obvinskikh krest'yan (Permskoi gubernii Solikamskogo i Okhanskogo uezdov) [Wedding ceremonies among the provincial peasants (Perm province of Solikamsk and Okhansky districts)]. *Permskie gubernskie vedomost.* 79: 393-396. [in Russian]

Pravitel'stvo..., 2024 – Pravitel'stvo utverdilo plan osnovnykh meropriyatii po provedeniyu Goda sem'i [The Government has approved a plan of main activities to celebrate the Year of the family]. Sait Pravitel'stva Rossii. [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/news/50603/> (date of access: 19.02.2024). [in Russian]

Predtechenskii, 1901 – *Predtechenskii, V.F.* (1901). Kambar'skii zavod: Sanitar'no-statisticheskii ocherk [Kambar'sky plant: Sanitary and statistical essay]. Perm': Tipografiya gubernskoi zemskoi upravy, 74 p. [in Russian]

Ritual..., 1893 – Ritual sibirskoi svad'by [Ritual of a Siberian wedding]. *Zhivaya starina.* 1: 104-109. [in Russian]

Sytykh, 2023 – *Sytykh, O.L.* (2023). Translyatsiya znaniya i opyta kak faktor sokhraneniya traditsionnykh kul'tur [Translation of knowledge and experience as a factor in the preservation of traditional cultures]. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve.* 1(12): 241-252. [in Russian]

Udintsev, 1862 – *Udintsev, I.* (1862). Irbit'skii zavod [Irbit Plant]. *Permskie gubernskie vedomosti.* 28: 397-399. [in Russian]

Zhitenev, 2022 – *Zhitenev, S.Yu.* (2022). Fenomen nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Rossii: voprosy sokhraneniya i osvoeniya [The phenomenon of intangible cultural heritage of Russia: issues of preservation and development]. *Entsiklopediya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Rossii. Posvyashchaetsya Godu kul'turnogo naslediya narodov Rossii.* М.: Institut Naslediya. Pp. 9-22. [in Russian]

Трансляция репродуктивной культуры как способ сохранения отечественного нематериального культурного наследия (на материалах Пермской губернии второй половины XIX – начала XX вв.)

Елизавета Сергеевна Лахтионова ^{а, *}, Ирина Геннадьевна Полякова ^а

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – выяснить, каким образом трансляция репродуктивной культуры способствовала формированию и сохранению российского нематериального культурного наследия. Это осуществлялось благодаря регулярному и последовательному выполнению семейной обрядности, образцы которой впоследствии будут зафиксированы, изучены и станут достоянием российской и мировой культуры.

Исследование базируется на материалах Пермской губернии, хронологически относящихся ко второй половине XIX – началу XX вв. Основными источниками послужили описания различных обрядов, сохранившихся как в опубликованном виде, так и в архивных материалах. Применяя различные методы исторической науки, в том числе микроистории, автору удалось из описательного источникового материала извлечь смысл, который вкладывался крестьянами в каждый обрядовый элемент.

Было выяснено, что единственными механизмами трансляции репродуктивной культуры в крестьянском сообществе были семья и Русская православная церковь. Автор пришел к выводу, что главными в семейной обрядности были свадебный и родильно-крестильные обряды. Именно посредством этих обрядовых циклов происходила передача ценностных и поведенческих установок русской репродуктивной культуры. Все элементы этих действий были наполнены важным смыслом и направлены на достижение одной, жизненно важной для крестьянского сообщества цели – зачатие и рождение как можно большего количества детей, желательно здоровых. Для этого веками в народной среде передавались знания, традиции, обычаи и обряды, информация о которых была записана краеведами, наблюдателями и учеными. Все это вошло в сокровищницу российской культуры, формируя фонд отечественного нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: репродуктивная культура, трансляция, крестьянство, семейная обрядность, культурное наследие, Пермская губерния.

* Корреспондирующий автор

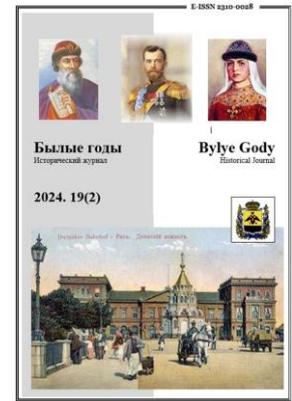
Адреса электронной почты: elza1982@yandex.ru (Е. С. Лахтионова), irinapolykova@yandex.ru (И. Г. Полякова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 865-872
DOI: 10.13187/bg.2024.2.865

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Reflection of Russian History in Literature Course (Based on Example of Ust-Medveditskaya Women's Gymnasium)

Andrey A. Solovyev ^{a, *}, Alexander V. Zakharov ^a, Nadezhda L. Vinogradova ^a, Lyubov S. Solovyeva ^b

^a Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The paper focuses on the search of specific characteristics of gymnasium education in the Russian empire in the last quarter of the 19th century. It also depicts a historical picture of Russian education of the time based on scientific research and archival records covering the subject. The latter are documents reflecting the functioning of Ust-Medvedickaya women's gymnasium during the above mentioned historical period. The authors of the paper compare state curricula on literature and their implementation in the course of real studies. As a result, they suggest a hypothesis according to which a large part of the state curricula corresponded to the events of Russian history, including not only the main studying programmed but also chrestomathies and so-called "books for reading". Employing various archival records and other scientific sources the authors argue that the study of the content of history curricula is more scientifically meaningful when it is compared with a literature curriculum as well. Besides that, the paper maintains that the study of the relations between history related elements of Russian literature curriculum on the one hand and Russian history curriculum on the other facilitates further research in the field of Russian education of the second part of the 19th century studies and development of educational system and Russian culture as a whole.

Keywords: Public education, D.A. Tolstoy's reform, Ust-Medvedickaya women's gymnasium, literature education, history education, the canon of literature, N. M. Karamzin, Reading Anthologie, history of the education, program of the education.

1. Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью поиска ценностных оснований образовательного процесса, заложенных в предыдущие периоды российской истории, но оказывающих влияние на современную культуру. В этом смысле соотнесение исторического и литературного содержания учебной деятельности предстает в виде метода выявления взаимосвязи указанных областей знания и распространения их наследия среди населения. Исходя из того, что различные учебные заведения второй половины XIX века в России решали и специфические социальные задачи, можно предположить, что не только официальное содержание учебного процесса могло различаться, но и фактическое его воплощение. Общие для государства цели учебно-воспитательной работы зачастую достигались разными способами, то есть имело место разнообразие форм образовательной деятельности даже при одинаковых программах и схожих уставах учебных заведений. При этом основные типы и методы реализации как учебных, так и воспитательных задач в разных учреждениях сохранялись. Если считать данную посылку истинной, то представляется возможным на основании анализа реализации курса словесности в отдельно взятых учебных заведениях проиллюстрировать специфику учебно-воспитательной деятельности в России

* Corresponding author

E-mail addresses: lokotigr@mail.ru (A.A. Solovyev), ulysses1@yandex.ru (A.V. Zakharov), NVinogradova@yandex.ru (N.L. Vinogradova), solovieva_ls@volsu.ru (L.S. Solovyeva)

рассматриваемого периода времени. Данная работа предполагает сравнение содержания курса словесности, включающего исторические аспекты, с действительными событиями российской истории, а также рассмотрение вариантов их практической реализации. Поэтому задача статьи – исследовать программы курсов истории и литературы, а также некоторые аспекты их воплощения в Усть-Медведицкой женской гимназии.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования опирается на архивные документы Государственного архива Волгоградской области (Волгоград, Российская Федерация) и прежде всего на программы обучения по разным предметам, темы и задачи для письменных испытаний, экзаменационные ведомости, аттестаты за 08.05.1885–14.06.1885 (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51).

В работе был использован генеалогический метод, направленный на объяснение того, почему содержание учебной деятельности сформировалось именно таким образом. Применительно к рассматриваемому типу образовательного учреждения допущены умозаключения на уровне неполной индукции или аналогии. Последние приводят к теоретическому моделированию с «дистраиванием» исторической картины образования в той части, которая не полностью обеспечена источниками. Теоретические методы опираются на фонды и документы Государственного архива Волгоградской области, включающие программы разных дисциплин, изучаемых в Усть-Медведицкой женской гимназии.

3. Обсуждение

Особенности образовательной деятельности в России второй половины XIX века освещены в ряде работ как в общем виде, так и в контексте отражения событий истории в курсе словесности. Назовем таких исследователей, как С.Н. Братановский, С.Ю. Гречко, В.В. Мельникова, Г. Райович, А.А. Черкасов, А.В. Шадрина, которые касались важных фактов из истории образования в российской провинции (Гречко, 2015; Мельникова, 2001; Шадрина, 2014; Райович, Братановский, 2023; Cherkasov, 2023). Отдельно укажем авторов, работы которых касаются женского образования в России: С.П. Васильеву, Н.А. Дмитриеву, Е.Ю. Захарову, О.Д. Попову, Л.А. Порш (Васильева, 2010; Дмитриева, 2008; Захарова, Порш, 2016; Попова, 2008). Внимание использованию «литературного канона» в содержании образования уделяли О.С. Абрамкин, А.В. Вдовин, А.И. Любжин, В.Ю. Троицкий (Абрамкин, 2015; Вдовин, 2020; Любжин, 2018; Троицкий, 2019). Среди исследователей, изучавших историю России в свете рассматриваемых нами вопросов, назовем С.И. Беленцова, Ш.И. Ганелина, Н.П. Копцеву, Л.А. Краснову, О.Н. Малыхину, Ф.А. Насуцеву, В.З. Смирнова, Е.К. Сысоеву (Беленцов, Малыхина, 2016; Ганелин, 1950; Koptseva, Seredkina, 2021; Краснова, 2014; Смирнов, 1954; Насуцева, 2014; Сысоева, 2015).

4. Результаты

Часть образовательной программы по объективным причинам изменяема и вариативна. Условно выделим среди изучаемых дисциплин три группы:

- предметы, связанные с естествознанием, изменения в которых вызваны, прежде всего, появлением нового знания в основном за счет новых эмпирических возможностей;
- школьный курс истории, содержательно трансформируемый в связи с историческими событиями, которые необходимо закрепить в программах;
- курс литературы, вариативность которого обусловлена появлением новых значимых произведений, постепенно включаемых в так называемый «литературный канон».

Коснемся частично второго и более подробно третьего из представленных примеров.

Историческому содержанию школьного образования присуща некоторая предсказуемость: как правило, описываются самые значимые события в истории мира и государства. Единственным фактором, способным придать истории как учебному предмету вариативность, становится установление того, что будет считаться значимым событием. Однако если говорить об истории России, то ее содержание преимущественно разделено на периоды, внутри которых возможно уделение большего внимания одним событиям по сравнению с другими. Кроме того, не исключаются разные трактовки объяснения различных социальных явлений.

Для 60-х гг. XIX столетия характерно изменение отношения к истории как учебному предмету и прежде всего это связано с обсуждением возможности применения к этой дисциплине критерия научности. При этом отдельно взятым ученым и мыслителям приходилось защищать саму необходимость преподавания истории в гимназиях. В середине позапрошлого века была распространена идея о нецелесообразности ее изучения в среднем звене как науки, поэтому предлагалось ограничиваться эпизодическими рассказами. Во многом эта точка зрения способствовала тому, что само содержание программы начинало ориентироваться на практические перспективы. И. В. Кузьмина отмечает, что в историю образованности начинают включать историю экономического быта, историю нравов и права, научных теорий (Кузьмина, 2018: 64-65).

При этом многими историками необходимость истории как учебного предмета считалась очевидной. Основным аксиологическим постулатом такого отношения становилось формирование мотивации подрастающего поколения в отношении понимания того, что было до них. С.М. Соловьев писал: «Странно было бы в наше время поднимать вопрос о пользе и необходимости истории. Человек, не отрекаясь от своего ученичества, от мыслей, не может отречься от решения вопроса: как произошло то, что есть» (ОР РГБ. Ф. 285. К. 9. Ед. хр. 6. Л. 1-4). И сам он принимал непосредственное участие в обсуждении проблем, о чем свидетельствует Докладная записка в совет Московского университета о преподавании истории в гимназии. В целом же обращение к работам российских историков второй половины XIX века демонстрирует факт участия многих из них в обсуждении всего того, что связано с содержанием школьного исторического образования (Кузьмина, 2018: 69).

Рассматривая конкретнее программу, укажем, что в V классе изучались события российского Средневековья, в VI – российская новая история до царствования Елизаветы Петровны, а в VII – события российской истории от времени царствования Елизаветы Петровны до времени царствования Александра II (Ганелин, 1950: 121). Если подходить к истории с точки зрения научности, то связь ее с литературными произведениями может иметь сугубо описательное значение. Однако если рассматривать общеобразовательный курс истории как имеющий воспитательные смыслы, то очевидны его корреляции с гимназическим курсом словесности и с той его частью, которая касается различных исторических событий. Здесь нужно указать на некоторые хронологические расхождения между разделами истории и литературы. Последняя касалась самых разных этапов становления России, тогда как программа по истории включала незначительную часть от всех периодов.

Но, несмотря на такие расхождения, важно рассмотреть структурные особенности программы по словесности. В качестве примера представим содержание дисциплины VI класса, условно разделив его на историю литературы вообще; древнерусскую литературу, описывающую в значительной степени и исторические события; более поздние литературные произведения, учитывающие исторический контекст (Solov'ev et al., 2020: 1181). Общее количество учебного времени, выделяемое русской словесности, в процентном отношении было не так велико (как в женских учебных заведениях, так и в мужских), о чем свидетельствуют данные, полученные при рассмотрении источников, повествующих об Усть-Медведицкой мужской гимназии за 1874-1875 уч. год (ГАВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-6), а также при рассмотрении требовательной ведомости жалованья чинам Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища за 1890 год (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-5). Однако это не отменяет значимости данного курса для учебно-воспитательной работы.

Укажем произведения, входившие в программу и реально предлагавшиеся учащимся, в том числе воспитанницам Усть-Медведицкой женской гимназии: «Слово о полку Игореве»; работы митрополита Иллариона, Кирилла Туровского, Владимира Мономаха, летописца Нестора, Стоглав, «Домострой», переписка Иоанна Грозного и Андрея Курбского; труды Феофана Прокоповича и А.Д. Кантемира (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 26). Программы обучения по разным предметам, темы и задачи для письменных испытаний, экзаменационные ведомости, аттестаты. 08.05.1885–14.06.1885.

Начинается программа с рассуждения о произведении «Слово о полку Игореве», которое и рассказывает о вполне конкретных исторических событиях: поход русских князей на половцев в конце XII века (Никитин, 2004: 647-648). Это памятник культуры, в котором переплетаются исторические факты и вымысел (Федотов, 2023). Нужно отметить, что такой синтез предполагает особое мировоззренческое значение, в значительной степени определяющее воспитательный смысл образования. Сами по себе памятники древнерусской литературы становятся основанием для понимания ментальных черт народа. Для «Слова» характерно метафорическое описание происшедших событий. Количество конкретных исторических фактов по современным меркам незначительно, поэтому людям, не знакомым детально с историей периода, трудно воспринять его специфику. Указывается немало имен князей и их родственных связей (сам Игорь Святославович, князь Новгород-Северский; Владимир Святой; Ярослав Мудрый; Мстислав Владимирович; Всеволод Буй-тур, брат Игоря; Ярослав Осмомысл Галицкий и другие), однако проследить хронологию не просто (Слово о полку Игореве, 1984). При этом мировоззренческие основы отношения автора к происшедшим событиям и их влиянию на развитие страны прослеживаются, тем самым создавая понимание общей атмосферы. Применительно же к Усть-Медведицкой гимназии особое значение данное произведение могло иметь в силу территориальной близости учебного заведения к местам описываемых событий – верхнему течению Дона: «...а всядемь, братие, на свои бръзья комони, да позримь синего Дону»; «...рци, лебеди распужены. Игорь къ Дону вои ведеть!»; «Быти грому великому, ийти дождю стрѣдами съ Дону великаго!» (Слово о полку Игореве: 37, 39, 40).

От древнерусской литературы перенесемся к творчеству А. Д. Кантемира. В качестве задания по словесности предлагалось написать сочинение на тему отношения его сатиры (прежде всего, работы «На хулящих учение к уму своему») к реформам Петра I (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 22). Предположим, что для успешного написания работы необходимо владеть не только знанием произведений Кантемира, но также разбираться в реформах первого российского императора, но также понимать специфику исторического этапа, в условиях которого эти реформы проводились. Кантемир оценивал петровские реформы положительно и был ориентирован на их защиту. Сочинение, связанное с

апологией научного знания, напрямую не касается деятельности первого российского императора (Кантемир, 1956). Но поскольку данная эпоха ознаменована и развитием научного познания в стране, то, вероятно, именно эта взаимосвязь определяет целесообразность представленной темы.

Среди включенных в программу произведений А. С. Пушкина отметим драму «Борис Годунов» и повесть «Капитанская дочка» (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 26). История Годунова изучается в контексте истории России и касается одной из самых противоречивых страниц в становлении российской государственности (Чун Чжи Юн, 2005). Не менее противоречиво в ментальном отношении и содержание произведения Пушкина, связанного с событиями Пугачевского восстания. Проводя параллели между «Борисом Годуновым» и «Капитанской дочкой», отметим, что социальные проблемы всегда интересовали отечественных литераторов. Как они могут соотноситься с воспитательными целями среднего образования в России второй половины XIX столетия, тем более в женской гимназии? Именно здесь, возможно, и кроются ответы на многие заинтересовавшие нас вопросы: что движет обычными российскими людьми, как все устроено в глубинке?

Отдельно представим наследие Н. М. Карамзина, который, как известно, был не только выдающимся историком-ученым, но и значительным литератором. Его произведения можно рассматривать не только как научный источник, но и как часть отечественного литературного наследия (ГАВО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 26), поскольку он является автором не только сугубо литературных произведений, но и произведений, имеющих историко-культурное содержание. Кроме того, произведения Карамзина стали основанием для составления «исторических» книг Пушкина, интерес которого к событиям прошлого во многом определен работами историков (Петухова, 2016: 474).

Пример соотношения творчества Пушкина и Карамзина иллюстрирует взаимосвязь двух определяющих факторов национальной культуры – истории народа и его словесности. Один выступает, в первую очередь, как создатель русского литературного языка, второй – как один из основоположников научной истории. Причем деятельность поэта (и прозаика) Пушкина сложно представить без знаний в области истории и интереса к ней, обнаруживающегося во многих его произведениях. Деятельность же ученого Карамзина, на наш взгляд, в значительной степени определена интересом последнего к художественной литературе.

В этом отношении педагогическая деятельность гимназий опирается на взаимосвязь близких по цели, но все-таки разных областей знания. Основой образованности становится тогда не только знание конкретных фактов истории и содержания литературных произведений, но и понимание межпредметных связей, способствующих активизации интеллектуальной деятельности. Подобная форма обучения предполагает некоторую либерализацию процесса, которая вступает в неявные противоречия с совокупной образовательной программой последней четверти XIX века, обусловленной консервативными рамками 1842 г., поэтому тексты, которые были опубликованы после «Мертвых душ» Гоголя, в программу не попадали. Вероятно, организованная «архаизация» литературы привела к «сакрализации» отечественной словесности. В целом период, предшествовавший рассматриваемому нами и во многом повлиявший на последний, был этапом своего рода «консервации» программ в целом. Реформа гимназического образования 1871 г. («реформа Д. А. Толстого») в основном и понимается как консервативная, закрепляющая существующее положение вещей (Вдовин, 2020: 87).

Естественно, официальная программа не могла исключить ряд произведений, проливавших свет на происходившее в стране в XVI-XVIII веках. Между этими событиями прошло около двух столетий, но, вероятно, они переплелись в сознании народа. При этом нельзя сказать, что в каком-то случае выдается однозначное решение социальных вопросов. Скорее, изучение произведений литературы как раз позволяет учащимся задаваться теми вопросами, которые их волнуют, и постепенно самостоятельно получать на них ответы. В этом и проявляется значимость литературного дополнения курса истории.

Интересно в этом контексте рассмотреть хрестоматии, включавшие произведения литературы, не входившие в основные гимназические программы. Подобные сборники допускали значительную часть свободы как учебной, так и воспитательной деятельности и были не столько рекомендованы, сколько допускаемы. Если говорить о периоде, который нас интересует в первую очередь (с начала 1860-х гг. и по 1890 год), то здесь не наблюдается особых расхождений не только между периодами, но и между курсом «новейшей литературы» и содержанием современного школьного литературного образования. Труды авторов XIX века, изучаемые в современных общеобразовательных учреждениях, в основном и представляют собой наследие таких хрестоматий и книг для чтения.

В то же время важно указать, что среди наиболее представленных в хрестоматиях и книгах для чтения работ почти не наблюдается книг, прямо связанных с историей России (Вдовин, 2020: 96). Это, на наш взгляд, вызвано тем, что такие произведения входили преимущественно в основную программу гимназического образования, что свидетельствует о понимании ее составителями значимости историко-культурного содержания курса словесности.

Ответ на этот вопрос неоднозначен. С одной стороны, дополнительная литературная программа, включающая работы современных авторов, позволяет учащимся лучше понять общественную жизнь. Сами попечители предлагали «держаться наготове» статьи Белинского, Писарева и Добролюбова (Георгиевский, 1902: 37), а педагоги выступали за пополнение списков для чтения

современным содержанием (Петров, 1862: 175). С другой стороны, эти произведения еще не прошли проверку временем, поэтому их использование может приводить к неверному, чрезмерно ситуативному пониманию социальных явлений.

5. Заключение

Вопрос о содержании образования (как литературного, так и исторического) соотносится с ценностями и, прежде всего, с этическими установлениями. Соотношение официального содержания программ по литературе и истории, с одной стороны, и их реального воплощения, с другой, показывают границы реализации ментальных оснований в учебно-воспитательном процессе. Исходя из своих личностных воззрений, учитель может выбирать дополнительные источники обучения и воспитания, но личные установки во многом детерминируются специфической «атмосферой», царящей в социуме, по крайней мере, среди образованной его части.

Содержание исторического образования во многом связано с самими историческими фактами, но также с ними связано, как мы выяснили, и содержание образования литературного. Другое дело, что выражены они в курсе словесности не напрямую в виде указания на конкретные факты и события, а представлены через субъективное отношение писателя, через критические работы, в конце концов, через личностное отношение учителя.

Мы обнаружили еще одну деталь: литературное содержание образования незначительно изменилось за последние 150 лет, по меньшей мере, классический канон остался почти неизменным: А. Пушкин, Н. Некрасов, Л. Толстой, Ф. Достоевский, Ф. Тютчев. При этом события XX века в истории России едва ли менее значимы, нежели события предыдущих эпох. Поэтому трудно говорить о возможности полного соответствия содержания программы по литературе программам по истории. Последняя является наукой (как область знания), литература же предстает художественной формой познания мира. Даже если рассматривать школу как механизм расширения знания, то и в этом случае историко-литературное содержание имеет вполне определенное значение. Это содержание актуализирует уже имеющиеся у обучающегося сведения в области истории страны. Кроме того, художественная форма делает эти знания более живыми, что позволяет человеку задаваться новыми вопросами. Необходимость получения ответа на них повышает учебную мотивацию, интерес к учению.

В заключение по поводу Усть-Медведицкой женской гимназии остается сказать, что, несмотря на непродолжительный срок своего существования, в течение которого не успело еще выработаться и установиться определенное течение учебного процесса, гимназия сделала значительные успехи в учебно-воспитательной сфере и, если еще не имеет достойной оценки в науке, то с достаточным основанием можно ожидать дальнейших исторических и педагогических исследований этого учебного заведения.

Литература

- Абрамкин, 2015 – Абрамкин О.С. Проблемы отечественной истории в школьной литературе XVIII – начала XX вв. // *Liberal Arts in Russia*. 2015. V. 4. № 6. С. 496-509.
- Беленцов, Малыхина, 2016 – Беленцов С.И., Малыхина О.Н. Читательская активность как социально-педагогический феномен // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. 3(20). С.115-125.
- Васильева, 2012 – Васильева С.П. Женское начальное народное образование в системе народного просвещения во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Тамбовского университета*. 2010. № 2. С. 229-233.
- Вдовин, 2020 – Вдовин А.В. Современная русская литература в хрестоматиях 1843-1904 годов и литературный канон // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 1. С. 85–101.
- ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.
- Ганелин, 1950 – Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М., 1950. 276 с.
- Георгиевский, 1902 – Георгиевский А.И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб. : Сенат. тип., 1902. 202 с.
- Гречко, 2015 – Гречко С.Ю. Церковно-приходские школы в Усть-Медведицком округе области Войска Донского в конце XIX – начале XX века // *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2015. Серия 9. № 13. С. 44-49.
- Дмитриева, 2008 – Дмитриева Н.А. Процесс формирования системы женского образования в России в XIX веке как объект исторического исследования // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 65. С. 107-110.
- Захарова, Порш, 2016 – Захарова Е.Ю., Порш Л.А. Феминизация российского образования: этапы становления // *Гуманитарный вектор*. 2016. Т. 11. № 1. С. 58-62.
- Кантемир, 1956 – Кантемир А.Д. Сатира I. На хулящих учения. К уму своему / Собрание стихотворений. Л., Советский писатель, 1956. С. 57-67.
- Карамзин, 2021 – Карамзин Н.М. История государства российского. М., 2021. 1024 с.
- Краснова, 2014 – Краснова Л.А. Содержание образования: традиции и перспективы развития // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2014. № 4. С. 35-44.

Кузьмина, 2018 – Кузьмина Е. В. Проблемы содержания школьного исторического образования в трудах отечественных историков в 60-е годы XIX века // *Гуманитарные исследования центральной России*. 2018. № 3 (8). С. 63–71.

Куликова и др., 2019 – Куликова С. В. Акентьева Е. Н. и др. Путь длиною в 100 лет: историко-педагогическое наследие волгоградской системы образования: практико-ориентированная монография. Волгоград, 2019. 448 с.

Любжин, 2018 – Любжин А.И. Народная филология и средняя школа рецензия на книгу: Троицкий В. Ю. «Судьбы русской школы. Проблемы наследия русской словесности» // *Вопросы образования*. 2018. № 2. С. 283-294.

Мельникова, 2001 – Мельникова В.В. Народное образование края в XIX – начале XX вв. Волгоград, 2001. 286 с.

Насуцева, 2014 – Насуцева Ф.А. Реформы образования в России начала XX века: трудный путь от идеи к воплощению // *Гуманитарные науки и образование*. 2014. № 2. С. 40-44.

Никитин, 2004 – Никитин А.Л. «Слово о полку Игореве» в контексте изучения древнерусской истории и литературы // *Герменевтика древнерусской литературы*. 2004. № 11. С. 647-668.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Петров, 1862 – Петров К. Практический взгляд на программу русского языка и словесности // *Журн. Министерства народного просвещения*. 1862. Т. 113. № 2. Отд. 1. С. 168-190.

Петухова, 2016 – Петухова Е.Н. «История государства российского» Н. М. Карамзина как источник литературных сюжетов: драма Л. А. Мея «Псковитянка» / *Н. М. Карамзин: русская и национальные литературы Материалы Международной научно-практической конференции*. 2016. С. 473-480.

Попова, 2008 – Попова О. Д. Высшее женское образование и русская православная церковь // *Высшее образование в России*. 2008. № 7. С. 155-160.

Слово о полку Игореве, 1984 – Слово о полку Игореве: древнерус. текст. М., 1984. 207 с.

Смирнов, 1954 – Смирнов В.З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. М., 1954. 310 с.

Сысоева, 2015 – Сысоева Е.К. Общеобразовательная школа и земство в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2015. № 4. С. 472-474.

Троицкий, 2016 – Троицкий В.Ю. «История государства Российского» Н. М. Карамзина как источник самобытного творчества русских романтиков // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII – первой трети XIX вв. 2016. С. 114-140.

Федотов, 2023 – Федотов О. И. Троян в «Слове о полку Игореве» и в сонетах Александра Кондратьева // *Герменевтика древнерусской литературы*. 2023. № 22. С. 563-580.

Чун Чжи Юн, 2005 – Чун Чжи Юн. «Борис Годунов» и творчество Пушкина 1830-х годов: Эволюция мотивов и образов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. 2005. 151 с.

Шадрина, 2018 – Шадрина А.В. Духовное образование на Дону в первой половине XIX века // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2018. № 4. С. 99-106.

Cherkasov, 2023 – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18 (4): 1683-1694.

Koptseva, Serechkina, 2021 – Koptseva N.P., Serechkina N.N. The Journal «North» (1903) as a historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16 (1): 343-356.

Rajović, Bratanovskii, 2023 – Rajović G., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1643-1651.

Solov'ev et al., 2020 – Solov'ev, A.A., Zakharov, A.V., Vinogradova, N.L., Solovyeva, L.S. (2020). Literary Enlightenment in the Russian Province in the second half of the 19th century (the Examples of the Don Cossack Host and the Kamishin Region). *Bylye Gody*. 2020. 57 (3): 1179-1185.

References

Abramkin, 2015 – Abramkin, O.S. (2015). Problemy otechestvennoj istorii v shkol'noj literature XVIII – nachala XX vv. [The Problems of national history in the school literature of the 18th – beginning of the 20th centuries]. *Liberal Arts in Russia*. 4(6): 496-509. [in Russian]

Belentsov, Malykhina, 2016 – Belentsov, S.I., Malykhina, O.N. (2016). Chitatel'skaya aktivnost' kak sotsial'no-pedagogicheskii fenomen [Readers' activity as social-pedagogical phenomenon]. *Izvestiya Yugnogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 3(20): 115-125. [in Russian]

Cherkasov, 2023 – Cherkasov, A.A. (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.

Chun Chzhi Yun, 2005 – Chun Chzhi Yun (2005). «Boris Godunov» i tvorchestvo Pushkina 1830-h godov: Evolyuciya motivov i obrazov [«Boris Godunov» and Pushkin's works in the 1830s: The evolution of motifs and images]. Diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand. filologicheskikh nauk. 151 p. [in Russian]

- Dmitrieva, 2008** – *Dmitrieva, N.A.* (2008). Protsess formirovaniya sistemy zhenskogo obrazovaniya v Rossii v XIX veke kak ob"ekt istoricheskogo issledovaniya [The process of formation of the system of female education in Russia at the end of 19th century as the object of historical research]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 65: 107-110. [in Russian]
- Fedotov, 2023** – *Fedotov, O.I.* (2023). Troyan v «Slove o polku Igoreve» i v sonetah Aleksandra Kondrat'eva [A Troyan in the Tale of Igor's campaign and the sonnets of Alexander Kondratiev] *Germenevika drevnerusskoj literatury*. 22: 563-580. [in Russian]
- Ganelin, 1950** – *Ganelin, Sh.I.* (1950). Ocherki po istorii srednei shkoly v Rossii vtoroi poloviny XIX veka [Remarks on the history of secondary school in the end second half of the 19th century] Moskva, 276 p. [in Russian]
- GAVO** – Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti [State archive of Volgograd region].
- Georgievskii, 1902** – *Georgievskii, A.I.* (1902). K istorii Uchenogo Komiteta Ministerstva narodnogo Prosveshcheniya [On the History of the Scientific Committee of the Ministry of Public Education]. St Petersburg, 202 p. [in Russian]
- Grechko, 2015** – *Grechko, S.Y.* (2015). Tserkovno-prikhodskie shkoly v Ust'-Medveditskom okruge Oblasti Voiska Donskogo v kontse XIX – nachale XX veka. [Parochial Schools in Ust-Medveditskaya Region of Don Host Province in the End of 19th and the Beginning of the 20th Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 9(13): 44-49. [in Russian]
- Kantemir, 1956** – *Kantemir, A.D.* (1956). Satira I. Na hulyashchih ucheniya. K umu svoemu [Satire 1. To my mind: On those Who Blame Education]. *Sobranie stihotvorenij*. Leningrad. Pp. 57-67. [in Russian]
- Karamzin, 2021** – *Karamzin, N.M.* (2021). Istoriya gosudarstva rossijskogo [History of the Russian State]. M., 1024 p. [in Russian]
- Koptseva, Seredkina, 2021** – *Koptseva, N.P., Seredkina, N.N.* (2021). The Journal «North» (1903) as a historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16 (1): 343-356.
- Krasnova, 2014** – *Krasnova, L.A.* (2014). Soderzhanie obrazovaniya: traditsii i perspektivy razvitiya. [The content of education. Traditions and perspectives]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 4: 35-44. [in Russian]
- Kulikova et al., 2019** – *Kulikova, S.V., Akent'eva, E.N. i dr.* (2019). Put' dlinoyu v 100 let: istoriko-pedagogicheskoe nasledie volgogradskoi sistemy obrazovaniya: praktiko-orientirovannaya monografiya [The way one hundred years long. Historico-pedagogical legacy of Volgogradian system of education: practically orientated research]. Volgograd, 448 p. [in Russian]
- Kuz'mina, 2018** – *Kuz'mina, E.V.* (2018). Problemy sodержaniya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v trudah otechestvennykh istorikov v 60-e gody XIX veka [The problems of the content of school historical education in the works of Russian historians in the 60-s of the XIX century]. *Gumanitarnye issledovaniya central'noj Rossii*. 3(8): 63-71. [in Russian]
- Lyubzhin, 2018** – *Lyubzhin, A.I.* (2018). Narodnaya filologiya i srednyaya shkola recenziya na knigu: Troickij V.Yu. «Sud'by russkoj shkoly. Problemy naslediya russkoj slovesnosti» [Popular philology and secondary school a review of the book: Troitsky V. Sudby russkoj shkoly. Problemy naslediya russkoj slovesnosti]. *Voprosy obrazovaniya*. 2: 283-294. [in Russian]
- Mel'nikova, 2001** – *Mel'nikova, V.V.* (2001). Narodnoe obrazovanie kraja v XIX – nachale XX vv. [People's education of the region at the end of 19th century and the beginning of the 20th century]. Volgograd, 286 p. [in Russian]
- Nasuceva, 2014** – *Nasuceva, F.A.* (2014). Reformy obrazovaniya v Rossii nachala XX veka: trudnyj put' ot idei k voploshcheniyu [Education reforms in Russia at the beginning of the XXth century: a difficult way from idea to the realization]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 2: 40-44. [in Russian]
- Nikitin, 2004** – *Nikitin, A.L.* (2004). «Slovo o polku Igoreve» v kontekste izucheniya drevnerusskoj istorii i literatury [The «Tale of Igor's campaign» in the context of the studying of old russian history and literature]. *Germenevika drevnerusskoj literatury*. 11: 647-668. [in Russian]
- OR RGB** – Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library].
- Petrov, 1862** – *Petrov, K.* (1862). Prakticheskij vzglyad na programmu russkogo yazyka i slovesnosti [A Practical View of the Russian Language and Literature Curriculum]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 113(2). Section 1. Pp. 168-190. [in Russian]
- Petuhova, 2016** – *Petuhova, E.N.* (2016). «Istoriya gosudarstva rossijskogo» N. M. Karamzina kak istochnik literaturnyh syuzhetov: drama L. A. Meya «Pskovityanka» [The Karamzin's «History of the Russian State» as a source of literary subjects: L. A. Mei's drama «Pskovityanka»]. *N. M. Karamzin: russkaya i nacional'nye literaturnye Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 473-480. [in Russian]
- Popova, 2008** – *Popova, O.D.* (2008). Vysshee zhenskoe obrazovanie I russkaya pravoslavnyaya tserkov' [Higher female education and Russian Orthodox Church]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 7: 155-160. [in Russian]
- Rajović, Bratanovskii, 2023** – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N.* (2023). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 18(4): 1643-1651.

- Shadrina, 2018** – Shadrina, A.V. (2018). Duhovnoe obrazovanie na Donu v pervoj polovine XIX veka [Religious education in the Don region in the first half of the 19th century]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. 4: 99-106. [in Russian]
- Slovo o polku Igoreve, 1984** – Slovo o polku Igoreve: drevnerus. tekst [Tale of Igor's campaign] Moskva, 1984. 207 p. [in Russian]
- Smirnov, 1954** – Smirnov, V.Z. (1954). Reforma nachal'noi I srednei shkoly v 60-kh godakh XIX v. [The reform of elementary and secondary school in 1860s]. M., 310 p. [in Russian]
- Solov'ev et al., 2020** – Solov'ev, A.A., Zakharov, A.V., Vinogradova, N.L., Solovyeva, L.S. (2020). Literary Enlightenment in the Russian Province in the second half of the 19th century (the Examples of the Don Cossack Host and the Kamishin Region). *Bylye Gody*. 57 (3): 1179-1185.
- Sysoeva, 2015** – Sysoeva, E.K. (2015). Obshcheobrazovatel'naya shkola i zemstvo v Rossii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. [Secondary school and zemstvo in Russia. The second half of 19th century and the beginning of the 20th century]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 4: 472-474. [in Russian]
- Troickij, 2016** – Troickij, V.Yu. (2016). «Istoriya gosudarstva Rossijskogo» N. M. Karamzina kak istochnik samobytnogo tvorchestva russkih romantikov [The Karamzin's «History of the Russian State» as a source of original creativity of Russian romantics]. A. P. Sumarokov i N. M. Karamzin v literaturnom processe Rossii XVIII – pervoj treti XIX vv. Pp. 114-140. [in Russian]
- Vasileva, 2010** – Vasileva, S.P. (2010). Zhenskoe nachal'noe narodnoe obrazovanie v sisteme narodnogo prosveshcheniya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Female primary education in the system of the public education in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 2: 229-233. [in Russian]
- Vdovin, 2020** – Vdovin, A. V. (2020). Sovremennaya russkaya literatura v hrestomatiyah 1843-1904 godov i literaturnyj kanon [Contemporary Russian Literature in Reading Anthologies (1843–1904) and the Literary Canon]. *Quaestio Rossica*. 8. 1: 85-101. [in Russian]
- Zakharova, Porsh, 2016** – Zakharova, E.Yu., Porsh, L.A. (2016). Feminizatsiya rossiiskogo obrazovaniya: etapy stanovleniya [Stages of the feminization of Russian education]. *Gumanitarnyi vektor*. 11(1): 58-62. [in Russian]

Отражение событий российской истории в курсе словесности (на примере Усть-Медведицкой женской гимназии)

Андрей Александрович Соловьев ^{a, *}, Александр Владимирович Захаров ^a,
Надежда Леонидовна Виноградова ^a, Любовь Сергеевна Соловьева ^b

^a Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья направлена на поиск специфических черт гимназического образования в России последней четверти XIX столетия. В работе проведено теоретическое моделирование, предполагающее выстраивание исторической картины образования на основании соответствующих теме научных работ, а также архивных данных. В качестве последних использованы документы, связанные с деятельностью Усть-Медведицкой женской гимназии рассматриваемого периода. Проведено частичное сравнение государственных программ по русской словесности и их фактического воплощения в учебно-воспитательном процессе. В результате такого сравнения была представлена гипотеза, согласно которой значительная часть содержания программы по русской литературе соотносится с фактами российской истории. Причем это касается не только основной программы, но и материалов, относящихся к допуске и фактически изучаемым на практике хрестоматиям и так называемым «книгам для чтения». В процессе обоснования целесообразности постановки сделанного предположения с помощью изучения архивных данных авторы статьи попытались сформулировать следующую проблему: изучение программ по истории может быть более содержательным в научном отношении, если одновременно с ними изучать и программы по литературе. Кроме того, авторы полагают, что постановка вопроса о взаимосвязи программ по отечественной истории, с одной стороны, и фрагментов программы по русской литературе, касающихся исторических событий, с другой, позволяет наметить пути исследования развития российского образования второй половины XIX века и влияния изменений, произошедших в этот период, на дальнейшее формирование российской культуры.

Ключевые слова: народное образование; реформа Д. А. Толстого, Усть-Медведицкая женская гимназия, литературное содержание образования, историческое содержание образования, литературный канон, Н.М. Карамзин, хрестоматия, история образования; учебная программа.

* Корреспондирующий автор

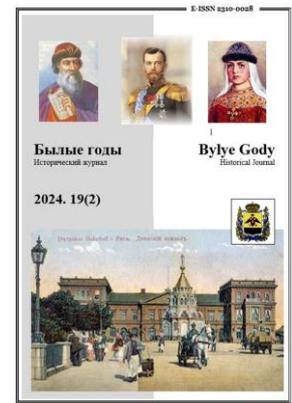
Адреса электронной почты: lokotigr@mail.ru (А.А. Соловьев), ulysses1@yandex.ru (А.В. Захаров), NVinogradova@yandex.ru (Н.Л. Виноградова), solovieva_ls@volsu.ru (Л.С. Соловьева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 873-885
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.873

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Teenage Suicides in the Orenburg Men's Gymnasium in the late 19th and early 20th centuries. The Phenomenon of Deviance among Children in the Perception of Society, Family and School

Elena V. Burlutskaya ^{a, *}, Ekaterina N. Abdrakhmanova ^a

^a Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Abstract

The article examines how Russian post-reform society, family and school conceptualized teenage suicides, the number of which began to increase rapidly at the turn of the 19th and 20th centuries. The phenomenon of such an extreme manifestation of children's deviant behavior is studied using data from Orenburg, a provincial center of a governorate, located away from the capital cities. As examples, the article examines the suicides of students at the Orenburg Men's Gymnasium, one of the best secondary schools in the region. The source base of the study is based on documents concentrated in the United State Archive of the Orenburg Region, as well as on materials from the Orenburg press.

Analysis of available sources allows us to state that society, families and schools of the post-reform era were baffled by youth suicides. Their motives were associated with the shortcomings of the existing school system, social vices, the crisis of family relationships, as well as with the individual psychological characteristics of children. The children and adolescents intentionally taking their own lives were seen as a disruption to the normal course of life, a sign of social instability and a threat to a predictable and sustainable future.

Microhistories of children recorded in suicide cases suggest that tragic situations were most often caused by a lack of parental attention to the problems of children or its complete absence. In addition, most adults (both parents and school administration) were absolutely convinced that a "normal" child is a malleable material from which a future full-fledged member of society can be easily "molded" with the help of lectures and disciplinary sanctions. Children were denied the natural experience of psychological crises and personal problems due to their perceived insignificance or unreality.

Keywords: children, teenagers, daily life, suicide, school, family, Orenburg Men's Gymnasium, turn of the 19th-20th centuries.

1. Введение

Проблема детских девиаций в последнее время продолжает оставаться одной из наиболее актуальных для исследователей тем, в том числе и для исследователей-историков. Для них обращение к различным вариантам социально неприемлемого поведения детей прошедших эпох, как правило, обусловлено попытками выяснить причины дурных поступков с позиций социальных условий и общего состояния социума того времени. Как отметил в своей работе Д.Ю. Пухов, актуальность изучения девиантного поведения детей и подростков в исторической ретроспективе объясняется укреплением статуса различных направлений исследований в рамках социальной истории, а также «сходными чертами постсоветской реальности и процессов пореформенной эпохи второй половины XIX – начала XX в.» (Пухов, 2022: 123). Кроме того, обращение к детскому поведению, выходящему за рамки так называемой «нормы», позволяет выявить характер и уровень притязаний взрослых в плане достижимых воспитательных целей и формирования прогнозируемого будущего.

* Corresponding author

E-mail addresses: ida777@yandex.ru (E.V. Burlutskaya), eknikol@ya.ru (E.N. Abdrakhmanova)

2. Материалы и методы

Попытка выяснить точные причины, которые вынуждали детей и подростков сводить счеты с жизнью, объективно обречена на неудачу. Невозможно со стопроцентной уверенностью определить мысли и чувства этих юных членов общества даже при наличии предсмертных записок, дневников и других документов, сопутствующих трагическим событиям. Поэтому в рамках данной статьи авторы попробуют лишь сравнить взгляды школы и городского обывательского сообщества на подобные происшествия. Авторов будет интересовать то, как воспринимали ребенка взрослые, какими методами и какие личностные качества предполагалось формировать у подрастающего поколения, что ожидали учителя и родители от детей, к какому будущему они старались их подготовить.

Источники, используемые при написании данной статьи, представлены как неопубликованными архивными материалами, так и сведениями, извлеченными из материалов региональной прессы конца XIX – начала XX в. В Объединенном государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация) сохранилась преимущественно официальная информация, зафиксированная школьной администрацией или полицейскими структурами при разбирательствах причин суицидов. В региональной прессе («Оренбургская газета», «Оренбургский листок») находила отражение позиция рядовых обывателей, рассматривающих случившиеся трагедии в рамках собственных, чаще всего шаблонных мировоззренческих установок.

Кроме того, были использованы материалы из формулярного списка преподавателя Оренбургской мужской гимназии Александра Онуфриевича Киселева (ОГАОО, фонд 82 – канцелярия директора Оренбургского реального училища), а также сведения, извлеченные из метрических книг оренбургских храмов (ОГАОО, фонд 173 – Оренбургская духовная консистория) и синагог (если речь шла о детях иудейского вероисповедания – ОГАОО, фонд 392 – Коллекция метрических книг инословных, иноверцев, старообрядцев Оренбургской губернии).

Помимо источников, непосредственно сообщавших о произошедших событиях, авторами привлекались к исследованию и другие материалы, позволяющие более широко взглянуть на проблему, ближе познакомиться с семьями погибших детей.

Статья представляет собой междисциплинарное исследование, построенное на основе истории повседневности, предполагающей анализ рефлексии субъектов по поводу своего взаимодействия с окружающей реальностью, и сочетающее в себе микроисторический и историко-антропологический подходы. В рамках решения исследовательских задач авторы обращаются к психологическим, культурологическим и прочим аспектам изучаемого явления.

Основным методом, используемым в работе, можно назвать «насыщенное» описание, нашедшее свое объяснение в исследованиях К. Гирца. Ключевыми категориями здесь выступают понятия «интерпретация», «понимание», «вчувствование» в контекст повествования, зафиксированного источником и зависящего от общей культуры социума, особенностей эпохи, намерений и целей автора (Гирц, 2004).

Кроме того, использовался кейс-метод (case-study), понимаемый как исследовательская стратегия, направленная на комплексный анализ такого социального феномена, как детские самоубийства, на примере отдельных случаев, описанных в источниках. Такой «микрподход» к масштабным явлениям, а также психологизация событий и ситуаций дают возможность осмыслить значение даже самых мелких деталей и осуществить более глубокий анализ проблемы.

3. Обсуждение

Научное сообщество, начиная уже со второй половины XIX – начала XX в., стало уделять серьезное внимание различным формам детско-подростковой девиантности, осознавая, что от степени изученности этой проблемы зависит будущее российского социума, степень его стабильности и благополучия. В досоветский период исследования преимущественно велись в рамках гуманистической научной традиции, отдающей приоритет социальным, социально-педагогическим обстоятельствам и психофизическим факторам отклоняющегося поведения детей (Хлопин, 1906; Хорошко, 1909; Дети..., 1912; Бехтерев, 2017 и др.).

В советской историографии сформировалась другая научная парадигма, объясняющая проблему недостатками царистской школьной системы и общим неблагополучием имперских социальных и экономических институтов. Так, например, в работе С.С. Остроумова преобладание среди осужденных неграмотных и лиц с низшим образованием объявлялось «прекрасной характеристикой обусловленности преступности царской России нетерпимыми социально-экономическими и политическими условиями, в которых находилось преобладающее большинство населения» (Остроумов, 1980: 45). Заметим, что ряд установок советской историографии был сохранен и современными исследователями. Так, например, в детских девиациях оказывались повинны «нужда, безработица, бедность и другие проблемы социально-экономического характера» (Синова, 2013: 121).

В постсоветский период появилась возможность переосмыслить оценки, данные имперскому прошлому страны советскими историками, а также обратиться к историческому опыту при решении уже современных проблем в детско-школьной (Егорова, 2008) и детско-родительской коммуникации

(Грицай, 2012). Исследования стали приобретать междисциплинарный характер, что позволило более глубоко и всесторонне изучить поставленный вопрос.

При этом под детскими девиациями современные исследователи могут понимать самый широкий спектр аморальных и противоправных действий (детскую преступность (Синова, 2013; Синова, 2019), детскую проституцию (Лебина, Шкаровский, 1994), попрошайничество, мелкое хулиганство (Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024: 184-202) и пр., в том числе и самоубийства детей (Лярский, 2010; Синова, 2014; Лярский, 2017), как деяния, противоречащие стандартным социальным нормам. Однако на материалах Оренбурга рубежа XIX-XX вв. исследований детских суицидов не проводилось, что определяет научную новизну данной работы.

Целью предлагаемого научного труда является анализ феномена детских самоубийств на примерах девиаций обучающихся Оренбургской мужской гимназии, зафиксированных в конце XIX – начале XX в. в контексте пореформенной трансформации общественных настроений и ценностных установок.

4. Результаты

Попытки детей расстаться с жизнью и в предшествующие эпохи, и сегодня воспринимаются как нечто ужасное, противоестественное и максимально трагичное. Однако на рубеже XIX-XX вв. Россию захлестнула волна подобных происшествий, вызвав бурное обсуждение в среде врачей, педагогов, психологов и не менее бурную реакцию в сообществе простых обывателей.

Согласно данным статистики, приведенным в работе Г.В. Хлопина, в Оренбургском учебном округе, включающем в себя Оренбургскую, Пермскую и Уфимскую губернии, а также Уральскую и Тургайскую области (Хлопин, 1906: 9), за 1888–1904 гг. среди учащихся средних учебных заведений произошло 53 самоубийства, 18 покушений на самоубийство и 178 несчастных случаев, под которыми также могли скрываться суициды (Хлопин, 1906: 10). Происшествия случались исключительно в мужских учебных заведениях. Число ежегодных трагедий на протяжении указанного периода имело тенденцию к росту (Хлопин, 1906: 23). Своего максимума число самоубийств достигало среди обучающихся VI-VII классов гимназий и реальных училищ (Хлопин, 1906: 27), т.е. приходилось на возраст 15-17 лет. Согласно общепринятому мнению, именно тогда у мальчиков начинался переход от отрочества к юношеству, т.н. «трудный возраст», ослабляющий нервную систему и нарушающий «равновесие душевных и телесных сил».

Одним из наиболее ранних самоубийств, о котором общественность известила оренбургская пресса, произошло в субботу, 29 мая 1891 г., в первом часу ночи. В доме уездного врача Шапиро застрелился его брат, 19-летний гимназист VI класса Оренбургской мужской гимназии Николай (Ноих) Шапиро (Происшествия..., 1891). Информация об этом трагическом событии попала и в официальные документы, а именно в Книгу записей умерших евреев по г. Оренбургу за 1891 г. была внесена запись о гибели юноши (ОГАОО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 13. Л. зоб.).

Газета «Оренбургский листок», вышедшая через четыре дня после трагедии, утверждала, что причиной трагедии послужило «разочарование». В предсмертном письме, оставленном Николаем, по словам журналиста, юноша извинялся «за причинение неприятностей семье брата» и объяснял, что главной причиной его поступка стало разочарование «в людях, в особенности тех, кого он считал ангелами». В записке якобы даже были перечислены фамилии этих мнимых ангелов. Николай благодарил брата и его жену за «родительские попечения» о нем» и заканчивал письмо «уверением, что «поступок его есть плод двухнедельного размышления». «Таким образом, – констатировала газета, – самоубийство юноши этого вовсе не связано с неудачными экзаменами по древним языкам, как толкуют об этом в городе» (Хроника..., 1891).

К сожалению, нам не удалось обнаружить в оренбургском архиве никакой информации об этом случае самоубийства. Поэтому выяснить позицию школьной администрации не представляется возможным. Однако даже из газетной заметки становится понятно, что причинами самоубийства, которые оренбургское городское сообщество изначально считало приоритетными, назывались школьные проблемы юноши. «Древние языки», к которым относились латынь и древнегреческий, с 1871 г. вновь стали изучаться в российских гимназиях. Николай Беккаревич, оставивший воспоминания о времени своего обучения в Оренбургской мужской гимназии, писал о преподавателях древних языков, что почти все они «были из немцев и чехов». Они одинаково сторонились и учащихся, и коллег, поскольку, во-первых, плохо знали русский язык, а, во-вторых, серьезно расходились с другими преподавателями во взглядах на воспитание. В итоге, как отмечал Беккаревич, они «были и сами так же мертвы и чужды нам, как и преподаваемые ими языки» (Беккаревич, 1903: 417).

Примерно то же самое констатировали и авторы книги «Преподавание древних языков в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии». По их словам, в обучении этому предмету приоритет отдавался грамматике и вообще сухой теории в ущерб чтению и объяснению (пониманию) текстов. В результате «многие ученики в гимназиях того времени чувствовали себя весьма скверно и от всей души ненавидели и древние языки, и их преподавателей», а общество критиковало «строгий формальный, угнетающий и притупляющий детей умственно и нравственно, школьный строй» (Преподавание..., 2017). Родители, не понимающие значения и роли данного предмета в общей

системе классического образования и вынужденные наблюдать за своими детьми, страдающими над книгами, проникались идеями несовершенства школьной программы и оказывались антагонистами учителей и школы, обвиняя их во всех детских бедах.

По мнению В.М. Бехтерева, школа, «особенно средняя, с ее схоластическим характером обучения, с сухим формализмом и бездушностью требовательностью при полном исключении индивидуализирования в занятиях, как известно, вводит в статистику особую рубрику в причинах самоубийств, называемых “школьными”» (Бехтерев, 2017: 26). Школа оказывалась виновной даже в ситуациях, которые она практически никак не могла контролировать. Челябинский акцизный чиновник К.Н. Теплоухов в своих мемуарах сообщал, что в 1908 году, узнав о том, что он болен сифилисом, застрелился родной брат Василия Петровича Туркина (сына бывшего городского головы, помощника присяжного поверенного), ученик VI класса Троицкой гимназии. «Туркины перевезли гроб в Челябинск, устроили торжественные похороны ... На кладбище В. П. Туркин сказал пышную — либеральную — речь, начинавшуюся словами: “Перед нами еще одна жертва нынешней школы, нынешнего режима...” и т.д., в том же духе...» (Теплоухов, 2011: 99). В такой ситуации школа должна была реагировать зеркально, автоматически снимая с себя любые обвинения в давлении на детей и доведении их до трагедии.

Очередной громкий фатальный трагический случай произошел в Оренбурге в 1908 г. Самоубийство совершил гимназист Владимир Белавин. Юноша родился 8 сентября 1893 г. в семье преподавателя Оренбургской мужской гимназии, коллежского советника Константина Александровича Белавина и его супруги Елены Николаевны (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 849. Л. 206.-3). Сам Константин Александрович Белавин происходил из семьи священника, что дает основание утверждать факт воспитания им детей в рамках религиозного мировоззрения, крайне негативно воспринимающего добровольный уход человека из жизни.

С 1884 до 1907 гг. К.А. Белавин, действительный статский советник, служил в Оренбургской мужской гимназии учителем истории и географии, сопрягая эту службу с аналогичной должностью в женской гимназии г. Оренбурга. В 1907 году он был назначен директором Ирбитской гимназии Пермской губернии.

Семья (жена и четверо детей: Константин (18.01.1890 г. рожд. (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 835. Л. 570б.), Ольга (01.11.1892 г. рожд. (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 12. Д. 835. Л. 750б.), Владимир (08.09.1893 г. рожд.), Елена), вероятно, какое-то время оставались в Оренбурге. Восприимчиками Константина, Ольги и Владимира были младший врач Оренбургской губернской больницы, надворный советник Константин Николаевич Архангельский и дочь священника Анна Александровна Белавина (очевидно, родная сестра Константина Александровича), что подтверждает сохранение тесных родственных связей в семье Белавиных и, как следствие, строгое следование нормам религиозной морали.

Однако в ноябре 1908 г. Владимир Белавин застрелился. В фонде Оренбургской мужской гимназии никаких документов об этом событии не отложилось. В нашем распоряжении имеется лишь объемная газетная публикация, посвященная этой трагедии (Киссоль-Загорянский, 1908).

Судя по содержанию статьи, причиной рокового выстрела стал конфликт Владимира с администрацией и учителями гимназии: « – Вспомните только его вопрос на крики г. Киселева – “Что же, по-вашему, я лгу?” И что же получил в ответ несчастный юноша “Да, ты лжешь!” – Безапелляционно заявляет педагог ... Что же оставалось делать В. Белавину, а в лице его и всей молодежи?.. Вы скажете: конечно, все, что угодно, но только не стреляться... Увы, вы этим лишь повторите почти слово в слово почти тот же ответ, который получила мать В. Белавина от одного из педагогов гимназии. – “Мы ставим двойки не одному вашему сыну и не стреляются же, однако!” Но разве же это ответ?» (Киссоль-Загорянский, 1908: 2).

Журналист таким образом упоминал и неудовлетворительные оценки, выставленные гимназисту, и какой-то межличностный конфликт между учеником и преподавателем, вызванный обвинениями юноши во лжи. Потомственный дворянин Александр Онуфриевич Киселев, о котором шла речь, с 1904 г. служил в Оренбургской мужской гимназии преподавателем математики. До того, как стать учителем в мужской гимназии Оренбурга, он успел поработать учителем математики и физики в мужских учебных заведениях Екатеринбург, Троицка и Красноярска, а также побыть в роли классного наставника учащихся. Киселев был женат вторым браком и являлся отцом шестерых детей: Георгия (1894 г.р.), Петра (1895 г.р.), Александра (1897 г.р.), Марии (1898 г.р.), Натальи (1899 г.р.) и Надежды (1900 г.р.) (ОГАОО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 183. Л. 106., 60б.-90б.). Таким образом, Владимир Белавин был почти ровесником старшего сына Киселева.

Судя по деятельности Александра Онуфриевича (он был инициатором открытия в Оренбурге высших курсов – своеобразного аналога вольного университета), человеком он был просвещенным. В 1906 г. он получил чин статского советника и был награжден орденом св. Станислава 3-й степени (Матвиевская, 2013: 115). Что именно могло подтолкнуть такого авторитетного педагога и родителя со стажем к столь эмоциональному общению с учеником, неизвестно. Но читателей должно было, в первую очередь, заинтересовать не это.

В целом публикация должна была подвести читателей к мысли о том, что поводом к трагедии могло стать какое угодно событие. Но нужно было искать не повод, а причину, которая крылась в

тотальном непонимании подростков родителями и учителями, а также в «холодном равнодушии» сверстников. По словам автора заметки, «о самоубийстве Белавина знал не только весь класс, но даже и некоторые преподаватели, и они молчали...» (Киссоль-Загорянский, 1908: 2). Нежелание говорить с детьми, слушать их, разделять их «детские» тревоги и заботы, по мнению журналиста, влекло за собой катастрофические последствия: «Мы заставляем ее [молодежь – авт.], доверчивую и подчас наивно откровенную, замыкаться в самой себе и жить как бы отдельной замкнутой жизнью. Но разве она готова к ней? Разве она может трезво, не преувеличивая факты, бороться с теми задачами, которые задает жизнь на каждом шагу?» (Киссоль-Загорянский, 1908: 2).

Автор приводил в качестве иллюстрации диалог из пьесы С.А. Найденова «Дети Ванюшина», написанной в 1901 г. и весьма популярной в начале XX в. Купец Александр Егорович Ванюшин, разговаривая с младшим 17-летним сыном-гимназистом Алексеем и пытаясь выяснить, почему в семье живут «все врозь», вопрошал: «...Откуда же вы такие?» Алексей же в ответ объяснял: «...Мы жили наверху, а вы внизу. [...] Вы знали, что мы чему-то учимся, что-то читаем, где-то бываем, но как мы воспринимаем, где бываем – вы этого не знали. [...] Вы рождали нас и отправляли наверх. [...] И вот мы выросли, ... и вы не узнаете нас...» (Найденов, 1902: 56-57).

Заботясь лишь о показной стороне домашнего очага, о внешнем его благополучии, родители забывали про внутренний мир своих детей. Задачи воспитания родители пытались возложить на школу. Школа, в свою очередь, позиционировала себя как заведение, прежде всего, образовательное. Педагоги даже не пытались вникнуть в индивидуальные особенности каждого ученика, воспринимая детей как безликую неоформленную массу, которую нужно приучить к дисциплине и порядку.

В фельетоне «Реформа неформенной формы (Разнокачественные сны)», размещенном в «Оренбургской газете», автор, скрывающийся под псевдонимом «Изгнанник», утверждал, что важным для школьной администрации (начальницы женской гимназии) казалось только одно: «Чтобы все ученицы походили одна на другую –

Как овцы...

Чтобы все были одинаковой внешности –

Как –

Стриженные под гребенку.

Как аракеевские военные поселения» (Изгнанник, 1913).

В итоге В. Киссоль-Загорянский призывает читателей не считать современную им молодежь виновницей общего упадка социального порядка, а «посмотреть, что сделано нами самими для той молодежи, к которой мы всегда готовы предъявить и предъявляем те требования, которые подчас немыслимы и для взрослого...» (Киссоль-Загорянский, 1908: 2). Если в случае Николая Шапиро в трагедии, скорее всего, была виновата школа, то в гибели Владимира Белавина вину со школой должно было разделить все общество.

В 1910 г. «Оренбургская газета» сообщила об очередном подростковом суициде. В воскресенье, 17 января, в квартире лесничего Ильи Никифоровича Завалишина, живущего на Оренбургском кордоне, в 7 верстах от Оренбурга, разыгралась драма: родной младший брат Завалишина, ученик IV класса Оренбургской мужской гимназии, 14-летний Федор Завалишин, выстрелом из револьвера покончил с собой (Местная хроника, 1910).

Федор родился 16 февраля 1896 г. в станице Городищенской Оренбургского уезда в семье казака. В Оренбурге мальчик, будучи круглым сиротой, проживал в пансионе гимназии (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 11). В 1906 г. именно его брат, И.Н. Завалишин, обратился с прошением к директору Оренбургской мужской гимназии о допущении Федора к приемным экзаменам в 1 класс (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 13). Опекун Федора, казак Городищенской станицы Иван Петрович Голев, тогда же просил о назначении Федору, как полному сироте, стипендии «имени есаула Конева» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 14), которая, вероятно, позволяла обучаться за казенный счет.

Веских причин для того, чтобы мальчик мог расстаться с жизнью, не видели ни школа, ни общество, поскольку Завалишин «прекрасно учился и по поведению был безукоризнен. Правда, на покойного очень сильно повлияла смерть его брата, гимназиста пятого класса, застрелившегося в прошлом году», – писали оренбургские газеты (Местная хроника, 1910). Действительно, в фондах ОГАОО была обнаружена информация о том, что 12 апреля 1909 г. (в субботу) покончил с собой «воспитанник V класса Оренбургской мужской гимназии, казак Михаил Никифоров Завалишин, 16 лет». Причиной смерти указывалось самоубийство «в припадке психического расстройства» (ОГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д. 1790. Л. 490б-50).

Федор очень переживал из-за смерти брата и «первое время все время плакал». Однако со временем мальчик вроде бы пришел в себя, продолжил учение и более ничем не тревожил окружающих. Некоторой разгадкой трагической смерти покойного, по мнению журналистов, могло послужить заявление товарища Федора, «гимназиста С.», который сообщил, что незадолго до своей смерти Ф. Завалишин как-то разговорился с ним и заявил, что даже «если он кончит гимназию, университет, – все равно он застрелится, так как он разочаровался в жизни ...» (Местная хроника, 1910).

Таким образом, в ассортименте предполагаемых причин подростковых самоубийств у журналистов появилось новое объяснение – «разочарование в жизни». Директор гимназии сообщал в

показаниях: документы об успеваемости Завалишина и его предсмертная записка доказывают, что «нет никаких причин в строе гимназической жизни, которые бы могли привести Федора Завалишина к столь печальному роковому концу» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 9). Учился мальчик на 4 и 5, поведения был прекрасного, «был мальчик скромный, тихий, прилежный, старательный; это была добрая, открытая, любящая душа; никогда ни с кем у него не выходило никаких недоразумений. ... Никаких замечаний ему делать не приходилось» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 9). А главная причина трагедии, по мнению директора, заключалась в том, что «Завалишины принадлежат к роду больному, вырождающемуся». Такой вывод подтверждался и показаниями ученика IV класса Семенюка [вероятно, того самого «гимназиста С.» – авт.], близкого товарища Федора Завалишина. Федор, по его словам, якобы «любил беседовать на тему о смерти “Смерти я не боюсь, – говорил Завалишин, – а жизнь мне не интересна”» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166. Л. 90б.).

Итак, семейство, в котором произошло второе подростковое самоубийство подряд, с позиций школьного начальства автоматически переходило в разряд «вырождающегося», поскольку обе трагедии объяснялись «психическими расстройствами» мальчиков. Никто даже не пытался выяснить обстоятельства и условия жизни семейства. Дети либо соответствовали установленным нормам, либо объявлялись «больными». Никаких исключений школа не для кого делать не собиралась.

Дело Федора Завалишина даже попало на страницы монографии А.Б. Лярского (Лярский, 2017: 125). По мнению исследователя, психическое заболевание, душевная болезнь, «ненормальность», умопомешательство в качестве основной причины самоубийства устраивало абсолютно всех (Лярский, 2017: 103-131). Такой диагноз позволял учебному заведению (или родственникам) отвести от себя любые обвинения в доведении ребенка до самоубийства. Родственникам самоубийц, если самоубийство было совершено в «безумии, сумасшествии и беспамятстве», разрешалось организовать их похороны по православному обряду (Лярский, 2017: 118). Полиция избавлялась в этом случае от необходимости проводить детальное и сложное расследование.

С «нормальным» ребенком, по мнению школьного начальства и большинства родителей, никогда и ни при каких обстоятельствах ничего страшного случиться просто не могло. Главным положительным качеством «нормального» ребенка было его удобство для взрослых, способность не доставлять хлопот, послушание. Любой же, кто создавал проблемы, был явно больным. Психологические особенности, детская индивидуальность, внутренний мир ребенка – это все было несущественно и неважно при выстраивании и объяснении детского поведения.

В то же время авторы рубежа XIX-XX вв. отмечали уже очевидные различия между поколением отцов и детей. Так, врач В.Н. Жук писал: «...уклонения от спокойной моральной жизни беременной матери таинственным путем создают то болезненное нервное предрасположение детей интеллигентных родителей, о котором теперь пишут и говорят везде» (Жук, 1906: 413). Рассуждения А.И. Тарнавского, в начале XX в. ставшего директором народных училищ Оренбургской губернии, приводили его к мыслям о причинах того, что «молодежь, учившаяся в последние два десятилетия, выросла какою-то хилою, нервной, надорванной» (Тарнавский, 1892: 2). Главную проблему Тарнавский видел в нервности родителей. Дети 1860-х гг. уже имели родителей, страдающих нервными расстройствами «либо от тех экономических потрясений (у дворян-помещиков), которые были вызваны освобождением крестьян, либо от нравственных причин, которые были порождены разнообразными учениями 60-х годов и их применением к жизни». В последующие десятилетия «начавшаяся распатанность нервной системы нашего общества увеличилась войной 1877–1878 года и последовавшими затем глубоко печальными и позорными событиями» (Тарнавский, 1892: 2).

Тарнавскому вторил В.М. Бехтерев, объясняющий в 1912 г. распространение общей возбужденности населения, неврастения и истерии тем, что «наше поколение есть продукт конца 70-х годов, с которым совпадает для России период военного времени, и начала 80-х годов – периода политических тревог и опасений» (Бехтерев, 2017: 32). Таким образом, к рубежу XIX-XX вв. ни «нормальных» родителей, ни «нормальных» детей уже невозможно было обнаружить ни в столицах, ни в провинции. Надо полагать, что социальные конфликты 1900-х гг. лишь усугубили существующие проблемы.

В итоге, судя по росту числа подростковых самоубийств, традиционный образ ребенка – светлого, легкого юного человека, полного сил и желаний – на рубеже XIX-XX вв. стал все больше расходиться с действительностью. Невозможность быстрых позитивных изменений ни в общих социально-экономических условиях жизни значительной массы населения, ни в школьной системе, ни во внутрисемейных отношениях приводили передовую общественность к мысли о том, что основным способом предотвращения самоубийств (в том числе детских) должно стать воспитание, заключающееся «в создании характеров, в развитии самостоятельности, в приучении к планомерному труду и переносливости различного рода испытаний, в развитии чувства долга и необходимости помощи другим во всех вообще случаях» (Бехтерев, 2017: 39). Призывы к преодолению изнеженности молодежи, к ее воспитанию в духе дисциплинированности, привычки к труду, стойкой готовности к жизненным неурядицам (Веремченко, 2022; Бурлуцкая, 2023) становились все настойчивее. Общество видело в детских суицидах не только трагедию семьи, кризис школьной системы, но, прежде всего, угрозу собственному существованию и благополучному развитию.

Наиболее подробно в архивных материалах были описаны обстоятельства самоубийства ученика VII класса Оренбургской мужской гимназии, 16-летнего Лазаря Альшенецкого, который покончил с собой выстрелом из револьвера в доме Леск по Инженерной ул., в квартире зубного врача Рубинштейна, в 1-й части города 2 апреля 1911 г. (в воскресенье) приблизительно в 22:30 (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 5, 6).

Мы обратили внимание на тот факт, что практически все упомянутые нами трагедии происходили либо в субботу, либо в воскресенье, т.е. или сразу после окончания учебной недели, или непосредственно перед ее началом. Можно предположить, что слишком сложная учебная неделя или ожидание очередного недельного периода школьной муштры вполне могли стать дополнительным раздражителем для ребенка, находящегося в состоянии сильнейшего нервного напряжения, и подвести его к мысли о суициде как к меньшему из возможных зол.

Лазарь родился 22 мая 1895 г. в Илеке (Илецкой станице) в семье фармацевта Льва Иосифовича Альшенецкого и его жены Татьяны Антоновны (Таубе Натановны), урожденной Леск. Запись в Книге записи родившихся, бракосочетавшихся, разведшихся и умерших евреев по городу Оренбургу была сделана на основании свидетельства атамана Илецкой станицы (ОГАОО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 18. Л. 9). На момент трагедии отец и мать Лазаря уже развелись, мать вступила во второй брак с мещанином г. Шклова Могилевской губ., дантистом Залманом Еселевичем (Соломоном Иосифовичем) Рубинштейном. Их бракосочетание состоялось в Оренбурге 17 января 1899 г. Рубинштейну, для которого брак был первым, было 30 лет, Альшенецкой – 28 (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 19). Лазарю на тот момент было 3,5 года. Рубинштейн признал его своим пасынком.

В 1903 г. З.Е. Рубинштейн определил Лазаря в Оренбургскую мужскую гимназию с полной оплатой обучения. Заработок Рубинштейна, составлявший от пяти до шестисот рублей в месяц, вполне позволял это осуществить. В прошении на имя директора гимназии Рубинштейн писал, что его пасынок Лазарь готовился к поступлению в «приготовительный» класс, а до этого обучался в школе А.М. Жоровович. Предполагалось, что жить Лазарь будет в доме Леск на Инженерной ул. (совр. ул. Володарского, дом не сохранился). Дом состоял из шести комнат, двух передних и кухни. Семью обслуживало три человека из прислуги (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 14-16).

К тому времени у супругов Рубинштейн родились общие дочери Фанни (24.07.1899 (ОГАОО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 27. Л. 50б.) и Рахиль (24.05.1901 (ОГАОО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 31. Л. 3)). Учитывая, что первая дочь родилась всего через 6 мес. после бракосочетания, свадьба явно случилась «по необходимости».

Помимо семейства Рубинштейн и старшего сына, Лазаря Альшенецкого, в доме также проживали родители Таубе – Натан Иоселевич (Антон Осипович) и Евгения Лазаревна Леск. Н.И. Леск был владельцем одного из самых крупных магазинов Оренбурга, своеобразного универмага, расположенного в Гостином дворе. То есть семья была весьма обеспеченной и входила в круг т.н. «городской верхушки».

В 1908-1909 гг. учеником V класса Лазарь был поселен отдельно от семьи, на квартире помощника начальника Оренбургской почтово-телеграфной конторы, коллежского советника Губанова. По словам Губанова, мать Лазаря объясняла принятое решение семейными обстоятельствами. Однако отношения между домочадцами, по-видимому, оставались неплохими, поскольку мальчик все праздники проводил дома, а мать и сестры часто его навещали. На отдельной квартире гимназист прожил с августа до марта, а затем из-за начавшихся проблем с обучением вынужден был вернуться домой, чтобы готовиться к переводным экзаменам с репетитором. Как сообщал Губанов, Лазарь был мальчик «вежливый, корректный, но в то же время скрытный, так что ясное понятие о его характере составить трудно» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 30б.).

То ли шести комнат дома перестало хватать для семейства Лесков-Рубинштейнов, то ли у Залмана Еселевича стремительно расширилась зубоврачебная практика, и потребовались дополнительные кабинеты для больных, доподлинно неизвестно. Но попытка отселить на квартиру 13-летнего мальчика кажется нам не слишком хорошей идеей даже при условии регулярного посещения его матерью и сестрами. Естественным результатом стало снижение успеваемости гимназиста и его возвращение домой. Дома Лазарю была выделена отдельная комната, правда, «маленькая и тесная» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 70б.).

Семейный конфликт в качестве основного повода к самоубийству Альшенецкого рассматривал и директор оренбургской гимназии Николай Афиногенович Сеницын. Согласно «циркулирующим слухам, у покойного за несколько минут перед самоубийством был какой-то крупный разговор со своей матерью во время ужина. Это может быть и повлекло за собою столь печальную развязку Лазаря Альшенецкого с жизнью», – утверждал Сеницын (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 40б.). Таким образом школа пыталась снять с себя любые обвинения в доведении юноши до трагической кончины.

В то же время семья и близкие к ней люди сообщали в своих показаниях совершенно об обратном. Прислуга, крестьянка Оренбургского уезда, Никольской волости, с. Гнездовка Ксения Петровна Константинова сообщала, что «при жизни гимназист Альшенецкий Лазарь поведения был хорошего», был «постоянно веселый», и нетрезвым она его никогда не видела. За семь месяцев своей службы в доме она ни разу не слышала каких-либо крупных ссор между домочадцами. Вечером

накануне самоубийства Альшенецкий прогуливался по Николаевской улице, но в 9 часов уже был дома и ужинал вместе со своей матерью (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 5).

Проживающий в доме Леск, в квартире Рубинштейна его ассистент, зубной техник, мещанин г. Каменец-Подольска Гдаль Мордкович Руд сообщал, что за те три месяца, пока он жил в доме Леск, он ни разу не видел Лазаря грустным (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 50б.). Дантист Лейб Беркович Рудзицкий, также проживающий в доме Леск, в квартире Рубинштейна рассказал, что в те четыре месяца, пока он проживал в данной квартире, Лазарь, как правило, находился «в веселом настроении духа» и никогда не высказывал какого-либо недовольства. Однако было заметно, что запрещение со стороны администрации гимназии посещать юноше танцевальные вечера, «которые при жизни он любил», все же «на него подействовало» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 50б.).

Отчим Лазаря, Соломон Рубинштейн, пытался быть максимально корректным в отношении школьной администрации, сообщая, что «при жизни ничего такого, что бы могло подействовать на Лазаря к лишению жизни, не было, да и не замечал, чтобы Лазарь когда-либо был сильно взволнован». Рубинштейн не придавал замечаниям со стороны администрации гимназии или запрету пасынку посещать танцевальные вечера решающего значения в трагедии, не решался их «ставить в прямую вину администрации поводом к самоубийству», однако все же констатировал, что «Лазарь со времени замечания имел какую-то перемену в расположении духа» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 6).

Мать Лазаря, Таубэ Натановна Рубинштейн, была более подробна в своих показаниях. Она утверждала, что первые годы обучения давались Лазарю легко, чего нельзя сказать о последнем классе. По ее словам, перед Рождеством администрация гимназии даже намеревалась исключить юношу из учебного заведения. На это Лазарь заявил: «если его исключат из гимназии, то он не перенесет, пустит пулю в лоб». В последнее же время мальчик «имел низкие баллы по учению и поведению, заметно было, что сын был расстроен...» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 60б.).

Дед застрелившегося, оренбургский купец 2-й гильдии Натан Иоселевич Леск и его жена Евгения Лазаревна сообщали, что раньше внук обычно пребывал в хорошем настроении, учился хорошо. Однако в последний год стал учиться «слабо». Кроме того, за грубое нарушение дисциплины ему с Рождества было запрещено «посещать танцевальные вечера, после чего заметно было, что был рассеянным, и, по-видимому, это его и заставило лишиться жизнь самоубийством». Бабушка добавила, «что она замечала за внуком тревожное настроение духа и в день самоубийства, тем более даже мало кушал» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 6). Таким образом, именно старшие родственники или в силу своего возраста и жизненного опыта, или из-за более тесной связи с внуком стали более явственно замечать изменения в его настроении и поведении, происходившие в течение нескольких последних месяцев. Для них запрет на посещение танцевальных вечеров был вполне реальным поводом к тому, чтобы ребенок-подросток мог свести счеты с жизнью.

Револьвер системы «Смит и Вессон», из которого застрелился Лазарь, принадлежал именно его деду. По словам Натана Иоселевича, оружие хранилось у него в письменном столе под замком без пуль. Когда и как револьвер мог попасть в руки внука, он не знал (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 6). То есть если Лазарь каким-то образом выкрал этот пистолет, вскрыв замок, и даже где-то раздобыл патроны к нему, то значит идея самоубийства возникла у него достаточно давно, и выстрел явно не был внезапным решением.

Школьная администрация и учителя при этом стояли на своем, полностью исключая взаимосвязь между принятыми ими решениями и трагическим происшествием. Директор гимназии Н.А. Синицын утверждал, что Лазарь Альшенецкий «был человек не без способностей, но к делу относился не с должным усердием» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 60б.). Например, по понедельникам практически постоянно пропускал первый урок по немецкому языку, что в итоге привело к двойке по этому предмету за вторую четверть. Неудовлетворительная четвертная оценка была выставлена и по алгебре.

Имелись и случаи нарушения Лазарем школьной дисциплины: перед Рождественскими каникулами на ученическом вечере в Общественном собрании юноша позволил себе выпить пива, «что и было замечено помощниками классных наставников. Правда, Альшенецкий утверждал, что он пил не пиво, а только из пивной бутылки лимонад». Этот поступок подробно обсуждался на заседании педагогического совета, и за первую четверть Альшенецкому была снижена оценка по поведению. «Ученик был лишен права посещать танцевальные вечера, получил выговор перед учениками своего класса и, кроме того, ему было объявлено, что если он позволит себе еще какое-нибудь крупное нарушение гимназических правил, то будет удален из гимназии» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 60б.-7).

Однако, по мнению директора, это никак не сказалось на общем состоянии юноши: «К выговору Альшенецкий отнесся хладнокровно, всегда был в гимназии в нормальном настроении и даже 13 марта 1911 года по собственному желанию принимал участие в очередном литературно-музыкальном вечере в гимназии, когда вместе с учениками Путоловым, Гурвичем и Стебельским участвовал в квартете». Поскольку больше за Альшенецким ничего предосудительного замечено не было, за вторую четверть по поведению он получил «полный балл». В итоге, как утверждал директор

гимназии, не было никаких «поводов и причин к самоубийству Альшенецкого в условиях его гимназической жизни. Поведение его исправилось, если же и были неудовлетворительные отметки по успехам, то все же они не свидетельствуют о безвыходном тяжелом положении ученика» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 7).

Директору гимназии вторил В. Реформатский, классный наставник VII класса, в котором учился Альшенецкий. По его мнению, «не замечалось никаких данных, на основании которых можно было бы предположить о трагическом конце. Покойный ученик Альшенецкий наоборот несколько поражал меня своим хладнокровием и слишком малою чувствительностью, с которой он реагировал на все события в гимназической жизни, касавшиеся даже его лично» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 7). Далее классный наставник утверждал, что неудовлетворительная отметка, «довольно обычная, по глубокому убеждению моему, нисколько не могла влиять на несчастный исход, так как покойный был к ним довольно равнодушен, о чем однажды и заявил мне, как преподавателю на уроке» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 7-7об.).

Можно ли было всерьез считать, что 16-летний юноша равнодушно относится к получаемым отметкам и замечаниям? Современная педагогика полагает, что демонстрируемое подростками «хладнокровие» и «равнодушие» являются скорее напускными, своеобразной защитной реакцией на внешние раздражители. Поэтому рассчитывать на реальное философское отношение гимназиста к школьным проблемам классному наставнику явно не следовало. Мальчик пытался демонстрировать школьному начальству безразличие, скорее всего пытаясь показать свою взрослость. Но тем самым он, вероятно, мог еще больше раздражать учителей и директора, увеличивавших в ответ свое административное давление.

Врач гимназии А. Новицкий, кстати, сообщал, что Альшенецкий в 1911 г. несколько раз обращался к нему за медицинской помощью по поводу «поясничной боли», связанной с поднятием тяжестей и «боли в мышцах грудной клетки и верхних конечностей (мышечный ревматизм)», что также могло быть вызвано тяжелым физическим трудом. В плане психического состояния, по мнению врача, «Альшенецкий производил впечатление вполне здорового в этом отношении молодого человека, но развитого, пожалуй, не по летам, по сравнению с его товарищами» (ОГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 188. Л. 13-13об.).

То есть юноша и выглядел старше своих лет, и психологический возраст его явно превышал физический, и вел он себя как взрослый (его проблемы со здоровьем вполне могли быть вызваны какой-то тяжелой домашней работой). Таким образом, обстоятельства домашней жизни вступали в сильнейший конфликт с условиями жизни гимназической, в которой от учеников требовали совершенно детского послушания. Общие и обязательные для всех гимназические правила возводились школьной администрацией в разряд догмы, без каких-либо исключений, а отметки по предметам и поведению использовались как единственный способ воздействия на обучающихся. Как и в случае с Белавиным, гимназическое начальство на все возникающие вопросы отвечало одно: «Мы ставим двойки не одному вашему сыну и не стреляются же, однако!». Детские самоубийства воспринимались как трагические случайности, никак не связанные с общим ходом школьной жизни, а вызванные, скорее, психологическим нездоровьем ребенка или проблемами в семье.

Запрет на посещение танцевальных вечеров мог стать дополнительным триггером, заставившим Альшенецкого совершить роковой выстрел. Популярность танцев в то время сложно переоценить. Даже воспитанники Киргизской учительской школы в октябре 1907 г. потребовали от руководства учебного заведения устройства в течение года одного бала (*Местная хроника, 1907а*)! А в ноябре того же года учащиеся даже разделились на «партии» по вопросу о том, быть ли на Святках в школе танцевальному вечеру или лучше на выделенные школой деньги сходить в театр. «Танцоры», прозубрив правила воспитания человека, отделились в особую кучку и начали, в предвкушении танцевального вечера, выделять мирные «па»; «театралы», проходя мимо, толкали их локтями и вообще мешали ... хореографии». В итоге началась драка, в ход пошли «ножи, скамьи, полетели стекла, лампы» (*Местная хроника, 1907б*).

Таким образом, в случае с Лазарем Альшенецким истоки трагедии большинство вовлеченных в нее взрослых склонно было видеть в личных проблемах юноши, его нереализованных желаниях или в семейных проблемах, но никак ни в ролевом конфликте взрослеющего отрока и не желающей принимать это взросление школы.

5. Заключение

Анализ изложенных в работе случаев позволяет констатировать, что в трагедии детских самоубийств, вопреки выводам, сделанным в советской историографии, не всегда были виноваты социально-экономические проблемы. Практически все упомянутые персонажи были детьми вполне обеспеченных родителей, которые отнюдь не вели «тяжелую борьбу за существование». По мнению авторов статьи, истоки роковых решений все же следует искать в ценностном кризисе российского социума, вызванном коренной пореформенной трансформацией практически всех общественных институтов. И родители, и школа почти одновременно засомневались в правильности своих прежних действий в отношении детей, не выбрав для себя никакой новой поведенческой стратегии. И семья,

и система образования метались между общественным и личным благом, между свободой и долгом, между безусловной любовью к ребенку и стремлением приучить его к будущим жизненным трудностям.

Требование от детей ответственности, воспитанности, усердия и прилежания в учении (т.е. взрослости и осознанности) должно было приучить их к самостоятельности и освободить родителей и педагогов от лишних забот. В то же время способы взаимодействия с детьми (наказания, угрозы, запрет на собственный выбор) должны были сформировать в ребенке абсолютное послушание, характерное для незрелой и инфантильной личности. Возникающие в результате такой педагогической неопределенности двойные стандарты и «двойные послания» приводили к тому, что любое проявление индивидуальности ребенка оказывалось неприемлемым и вызывало у него ощущение безысходности и хронической тревожности, которое в итоге могло привести подростка к мысли о самоубийстве.

Литература

Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024 – Абдрахманова Е.Н., Бурлуцкая Е.В. Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX – начала XX в. Оренбург, 2024. 496 с.

Беккаревич, 1903 – Беккаревич Н.Д. Оренбургская гимназия старого времени // *Русская старина*. 1903. Т. СХVI. Вып. 11. С. 401-417.

Бехтерев, 2017 – Бехтерев В.М. О причинах самоубийства и возможной борьбе с ним // Попов Ю. В., Пичиков А. А. Суицидальное поведение у подростков. СПб., 2017. С. 9-43.

Бурлуцкая, 2023 – Бурлуцкая Е.В. Воспитание через «равновесие духа и тела». Физическое развитие детей в пореформенном Оренбурге сквозь призму региональной прессы на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник архивиста*. 2023. № 2. С. 628-639.

Веремченко, 2022 – Веремченко В.А. «В здоровом теле - здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX - начале XX в. // *История повседневности*. 2022. № 3 (23). С. 82-102.

Гириц, 2004 – Гириц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М., 2004. 560 с. (Серия «Культурология. XX век»).

Грицай, 2012 – Грицай Л.А. Трансформация ценностных основ семейной жизни в России конца XIX - начала XX в. как предпосылка революционных событий 1917-1918 гг. // *История и современность*. 2012. № 1 (15). С. 180-191.

Дети..., 1912 – Дети - преступники. Сборник статей с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей / с предисл. и под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. 617 с.

Егорова, 2008 – Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX века. М., 2008. 216 с.

Жук, 1906 – Жук В.Н. Мать и дитя: Гигиена в общедоступном изложении. СПб., 1906. 1166 с.

Изгнанник, 1913 – Изгнанник. Реформа неформенной формы (Разнокачественные сны) // *Оренбургская газета*. 1913. № 187. 25 августа. С. 3.

Киссоль-Загорянский, 1908 – Киссоль-Загорянский В. Семья и школа // *Оренбургская газета*. 1908. № 254. 20 ноября. С. 2-3.

Лебина, Шкаровский, 1994 – Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге: 40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в. М., 1994. 221 с.

Лярский, 2017 – Лярский А.Б. «Простите, дорогие папа и мама»: родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала XX века. СПб., 2017. 600 с.

Лярский, 2010 – Лярский А.Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2010. 383 с.

Матвиевская, 2013 – Матвиевская Г.П. Оренбургский вольный университет начала XX века // *История математического образования в России XVIII–XX вв.: Сборник научных статей и очерков Оренбург*, 2013. С. 114-121.

Местная хроника, 1907a – Местная хроника // *Учительский вестник*. 1907. № 2 – ноябрь. С. 32.

Местная хроника, 1907b – Местная хроника // *Учительский вестник*. 1907. № 3 – декабрь. С. 31.

Местная хроника, 1910 – Местная хроника. Самоубийство гимназиста // *Оренбургская газета*. 1910. № 14. 19 января. С. 2.

Найденев, 1902 – Найденев С.А. Дети Ванюшина; Драма в четырех действиях. М., 1902. 76 с.

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО).

Остроумов, 1980 – Остроумов С.С. Преступность и её причины в дореволюционной России. М., 1980. 204 с.

Преподавание..., 2017 – Преподавание древних языков в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии / под ред. Т.Ю. Бровкиной [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/book/raznoe-4340152/prepodavanie-drevnih-yazykov-v-imperatorskoy-nikolaevskoy-c-22202117/chitat-onlayn/> (дата обращения 12.03.2024).

Происшествия..., 1891 – Происшествия (из дневника полиции) // *Листок объявлений. Приложение к газете «Оренбургский листок»*. 1891. № 46. 1 июня. С. 1.

Пухов, 2022 – Пухов Д.Ю. Девиантное поведение несовершеннолетних в России второй половины XIX - начала XX века в освещении постсоветской историографии // *Вестник Пермского университета*. Серия История. 2022. № 2 (57). С. 123-132.

Синова, 2013 – Синова И.В. Гендерный анализ девиантного поведения подростков на рубеже XIX–XX веков // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: История. 2013. Вып. 3. С. 116-125.

Синова, 2014 – Синова И.В. Современный взгляд на детские суициды в Российской империи второй половины XIX начала XX веков // *Суицидология*. 2014. №1 (14). С. 63-71.

Синова, 2019 – Синова И.В. Правовое положение, труд и повседневная жизнь детей во второй половине XIX – начале XX века. М., 2019. 280 с.

Тарнавский, 1892 – Тарнавский А. Из-за оренбургских детей (письмо к редактору). Письмо второе // *Оренбургский листок*. 1892. № 41. 4 октября. С. 2-3.

Теплоухов, 2011 – Теплоухов К.Н. Семья и время перемен. Век XIX–XX. М., 2011. Мемуары: 1899–1934. 720 с. С. 99.

Хлопин, 1906 – Хлопин Г.В. Самоубийства, покушения на самоубийства и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений. СПб., 1906. 95 с.

Хорошко, 1909 – Хорошко В.К. Самоубийство детей. М., 1909. 115 с.

Хроника..., 1891 – Хроника. Самоубийство гимназиста // *Оренбургский листок*. 1891. № 23. 2 июня. С. 2.

References

Abdrahmanova, Burlutskaya, 2024 – *Abdrahmanova, E.N., Burlutskaya, E.V.* (2024) Rebenok na rubezhe stoletij. Detskaya povsednevnost' v Orenburge vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [A child at the turn of the century. Children's daily life in Orenburg in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Orenburg. [in Russian]

Bekhterev, 2017 – *Bekhterev, V.M.* (2017). O prichinah samoubijstva i vozmozhnoj bor'be s nim [About the causes of suicide and the possible fight against it]. Popov Yu.V., Pichikov A.A. Suicidal'noe povedenie u podrostkov. St. Petersburg, pp. 9-43. [in Russian]

Bekkarevich, 1903 – *Bekkarevich, N.D.* (1903). Orenburgskaya gimnaziya starogo vremeni [Orenburg gymnasium of the old time]. *Russkaya starina*. Vol. CXVI. Iss. 11, pp. 401-417. [in Russian]

Burlutskaya, 2023 – *Burlutskaya, E.V.* (2023). Vospitanie cherez «ravnovesie duha i tela». Fizicheskoe razvitiye detej v poreformennom Orenburge skvoz' prizmu regional'noj pressy na rubezhe XIX–XX vv. [Education through "balance of mind and body". Physical development of children in post-reform Orenburg through the prism of the regional press at the turn of the 19th–20th centuries]. *Vestnik arhivista*. 2: 628-639. [in Russian]

Deti..., 1912 – *Deti – prestupniki: sbornik statej* [Child – criminals: collection of articles] (1912). Ed. M.N. Gernet. Moscow. [in Russian]

Egorova, 2008 – *Egorova, M.V.* (2008). Povsednevnyaya zhizn' uchashchihsya i uchitelej Urala v XIX – nachale XX veka [The daily life of students and teachers of the Urals in the 19th – early 20th centuries]. Moscow. [in Russian]

Girc, 2004 – *Girc, K.* (2004). Interpretaciya kul'tur [Interpretation of cultures]. Moscow. [in Russian]

Gricaj, 2012 – *Gricaj, L.A.* (2012) Transformaciya cennostnyh osnov semejnoy zhizni v Rossii kontsa XIX - nachala XX v. kak predposylka revolyucionnyh sobytij 1917-1918 gg. [Transformation of the value foundations of family life in Russia at the end of the XIX - beginning of the XX century. as a prerequisite for the revolutionary events of 1917-1918]. *Istoriya i sovremennost'*. 1(15): 180-191. [in Russian]

Hlopin, 1906 – *Hlopin, G.V.* (1906). Samoubijstva, pokusheniya na samoubijstva i neschastnye sluchai sredi uchashchihsya russkih uchebnyh zavedenij [Suicides, attempted suicides and accidents among schoolchild of Russian educational institutions]. St. Petersburg. [in Russian]

Horoshko, 1909 – *Horoshko, V.K.* (1909). Samoubijstvo detej [Suicide of children]. Moscow. [in Russian]

Hronika..., 1891 – *Hronika. Samoubijstvo gimnazista* [The chronicle. Suicide of a high school student]. *Orenburgskij listok*. 23: 2. [in Russian]

Izgnannik, 1913 – *Izgnannik. Reforma neformennoj formy (Raznokachestvennyye sny)* [Reform of the nonformal form (Mixed-quality dreams)]. *Orenburgskaya gazeta*. 1913. Nr. 187, p. 3. [in Russian]

Kissol'-Zagoryanskij, 1908 – *Kissol'-Zagoryanskij, V.* (1908). Sem'ya i shkola [Family and school]. *Orenburgskaya gazeta*. 254: 2-3. [in Russian]

Lebina, Shkarovskij, 1994 – *Lebina, N.B., Shkarovskij, M.V.* (1994). Prostituciya v Peterburge: 40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v. [Prostitution in St. Petersburg: 40th year 19th century - 40th year 20th centuries]. Moscow. [in Russian]

Lyarskij, 2010 – *Lyarskij, A.B.* (2010). Samoubijstva uchashchihsya kak fenomen sistemy socializacii v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [Schoolchild suicides as a phenomenon of the socialization system in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries]. St. Petersburg. [in Russian]

Lyarskij, 2017 – *Lyarskij, A.B.* (2017). «Prostitute, dorogie papa i mama»: roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubijstvami v Rossii konca XIX – nachala XX veka ["Sorry, dear dad and mom": parents, children and the fight against teenage suicide in Russia of the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg. [in Russian]

Matvievskaya, 2013 – *Matvievskaya, G.P.* (2013). Orenburgskij vol'nyj universitet nachala XX veka [Orenburg Free University of the 20th century] *Istoriya matematicheskogo obrazovaniya v Rossii XVIII-XX vv.*: Sbornik nauchnyh statej i ocherkov. Orenburg. Pp. 114-121. [in Russian]

Mestnaya hronika, 1907b – Mestnaya hronika [Local chronicle]. *Uchitel'skij vestnik*. 1907. Nr. 3. December, p. 31. [in Russian]

Mestnaya hronika, 1907a – Mestnaya hronika [Local chronicle]. *Uchitel'skij vestnik*. 1907. Nr. 2. November, p. 32. [in Russian]

Mestnaya hronika, 1910 – Mestnaya hronika. Samoubijstvo gimnazista [Local chronicle. Suicide of a high school student]. *Orenburgskaya gazeta*. 1910. Nr. 14, p. 2. [in Russian]

Najdenov, 1902 – *Najdenov, S.A.* (1902). Deti Vanyushina; Drama v chetyrekh dejstviyah [Vanyushin's Children; Drama in four acts]. Moscow. [in Russian]

OGA00 – Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [The United State Archive of the Orenburg region].

Ostroumov, 1980 – *Ostroumov, S.S.* (1980). Prestupnost' i eyo prichiny v dorevolucionnoj Rossii [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. Moscow. [in Russian]

Prepodavanie..., 2017 – Prepodavanie drevnih yazykov v Imperatorskoj Nikolaevskoj Carskosel'skoj gimnazii [Teaching of ancient languages at the Imperial Nikolaevskaya Gymnasium in Tsarskoye Selo]. Ed. T.Yu. Brovkina. 2017. [Electronic resource]. URL: <https://www.litres.ru/book/raznoe-4340152/prepodavanie-drevnih-yazykov-v-imperatorskoj-nikolaevskoj-c-22202117/chitat-onlayn/> [in Russian]

Proisshestiya..., 1891 – Proisshestiya (iz dnevnika policii) [Incidents (from the police diary)]. *Listok ob"yavlenij*. Prilozhenie k gazete «Orenburgskij listok». 1891. 46: 1. [in Russian]

Puhov, 2022 – *Puhov, D.Yu.* (2022). Deviantnoe povedenie nesovershennoletnih v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka v osveshchenii postsovetskoj istoriografii [Deviant behavior of minors in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries in the coverage of post-Soviet historiography]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*. 2(57): 123-132. [in Russian]

Sinova, 2013 – *Sinova, I.V.* (2013). Gendernyj analiz deviantnogo povedeniya podrostkov na rubezhe XIX–XX vekov [Gender analysis of deviant behavior of adolescents at the turn of the 19th - 20th centuries]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 3: 116-125. [in Russian]

Sinova, 2014 – *Sinova, I.V.* (2014). Sovremennyj vzglyad na detskie suicidy v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov [A modern view of child suicides in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Suicidologiya*. 5. 1(14): 63-71. [in Russian]

Sinova, 2019 – *Sinova, I.V.* (2019). Pravovoe polozhenie, trud i povsednevnyaya zhizn' detej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Legal status, work and daily life of children in the second half of the 19th - early 20th centuries]. Moscow. [in Russian]

Tarnavskij, 1892 – *Tarnavskij, A.* (1892) Iz-za orenburgskih detej (pis'mo k redaktoru). Pis'mo vtoroe [Because of the Orenburg children (letter to the editor). The second letter]. *Orenburgskij listok*. 41: 2-3. [in Russian]

Teplouhov, 2011 – *Teplouhov, K.N.* (2011). Sem'ya i vremya peremen. Vek XIX-XX. Memuary: 1899-1934 [Family and time for change. The 19th - 20th centuries]. *Memoirs:1899-1934*. Moscow. [in Russian]

Veremenko, 2022 – *Veremenko, V.A.* (2022). «V zdorovom tele - zdorovyj um»: fizicheskoe vospitanie i sport v stolichnoj dvoryansko-intelligentskoj srede Rossii vo vtoroj polovine XIX - nachale XX v. ["In a healthy body - a healthy mind": physical education and sports in the metropolitan noble and intellectual environment of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Istoriya povsednevnosti*. 3(23): 82-102. [in Russian]

Zhuk, 1906 – *Zhuk, V.N.* (1906). Mat' i ditya: Gigiena v obshchedostupnom izlozhenii [Mother and child: Hygiene in the public domain]. St. Petersburg. [in Russian]

Подростковые самоубийства в Оренбургской мужской гимназии в конце XIX – начале XX вв. Феномен детских девиаций в восприятии общественности, семьи и школы

Елена Вадимовна Бурлуцкая ^{a, *}, Екатерина Николаевна Абдрахманова ^a

^a Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ida777@yandex.ru (Е.В. Бурлуцкая), eknikol@ya.ru (Е.Н. Абдрахманова)

Аннотация. В работе рассматривается проблема осмысления российским пореформенным обществом, семьей и школой подростковых самоубийств, число которых стало быстро расти на рубеже XIX–XX вв. Феномен такого крайнего проявления детского девиантного поведения изучается на материалах Оренбурга, отдаленного от столиц провинциального губернского центра. В качестве примеров исследуются самоубийства учащихся Оренбургской мужской гимназии – одного из лучших средних учебных заведений региона. Источниковая база исследования опирается на документы, сосредоточенные в Объединенном государственном архиве Оренбургской области, а также на материалы оренбургской прессы.

Анализ имеющихся источников позволяет констатировать растерянность общества, семьи и школы пореформенной эпохи перед детскими суицидами. Их мотивы связывались с недостатками существующей школьной системы, общественными пороками, кризисом семейных отношений, а также с индивидуальными психологическими особенностями детей. Преднамеренный уход из жизни детей и подростков воспринимался как нарушение нормального хода жизни, проявление неустойчивости социума и угроза предсказуемому и устойчивому будущему.

Микроистории детей, зафиксированные в делах о самоубийствах, позволяют утверждать, что трагические ситуации чаще всего оказывались результатом недостаточного родительского внимания к детским проблемам или его полного отсутствия. Кроме того, взрослые (как родители, так и школьная администрация) были абсолютно убеждены в том, что «нормальный» ребенок представляет собой податливый материал, из которого можно с помощью нотаций и дисциплинарных взысканий легко «слепить» будущего полноценного члена общества. Детям было отказано в естественном переживании психологических кризисов и личностных проблем по причине их несущественности или ирреальности.

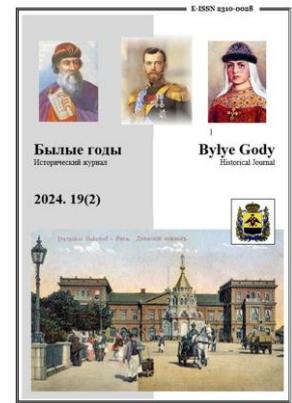
Ключевые слова: дети, подростки, повседневность, самоубийства, школа, семья, Оренбургская мужская гимназия, рубеж XIX–XX веков.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 885-895
DOI: 10.13187/bg.2024.2.885

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

St. Petersburg Mining Institute during the Reign of Emperor Nicholas II (1894–1917)

Irina V. Voloshinova ^{a, *}

^a Empress Catherine II Saint-Petersburg Mining University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

Since 1866, from an educational institution such as a military corps, the university has become an open mining engineering higher educational institution. The development of mining in the 1860s–90s and changes in the educational process after the adoption of the Charter of 1866 necessitated its significant revision. Industrial modernization of the XIX – early XX century was the most important catalyst for the socio-economic development of Russia. Since mining was the leading industry in the course of modernization, it accordingly pushed for the need to improve the educational process of educational institutions that trained mining engineers. Public and pedagogical opinion in the process of modernization served as an engine for democratic reforms in the field of education. But at the same time, some actions and decisions of the government had a populist and contradictory character and eventually became obsolete or changed. The revolutionary situation in the country, in which students took an active part, also served as a serious reason for changing the educational life of universities.

Keywords: Mining Institute of Empress Catherine II, revolution, educational reforms, World War I.

1. Введение

3 ноября 2023 г. Санкт-Петербургскому горному университету исполнилось 250 лет. До начала XX века он занимает особое место в истории развития отечественной горной науки и техники как первая и единственная высшая техническая школа в России. Трудом инженеров, выпущенных горным институтом, была построена почти вся русская горная промышленность.

Начиная с 1860-х гг. Российская империя переживала период модернизации и индустриализации, означавшей значительную трансформацию социального устройства. Противоречивость всего пореформенного социально-экономического и политического развития страны привела в России к революционной ситуации, что в значительной степени отразилось на такой части общества, как студенчество, которое принимало активное участие в революции. Реформы и революции – все это испытал на себе горный институт, в начале правления Николая II единственный вуз, готовивший кадры для горной промышленности.

2. Материалы и методы

В данной работе использовались архивные документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Архив Санкт-Петербургского горного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Использовались статистические материалы и отчеты, публиковавшиеся в юбилейных сборниках горного института.

На основе архивных документов удалось внести новые детали в историю горного института, конкретизировать некоторые особенности реформ в сфере образования (в частности, попытку

* Corresponding author

E-mail addresses: VIV10@yandex.ru (I.V. Voloshinova)

введения «предметной системы»), уточнить социальный состав студенчества на рубеже веков, показать научные достижения ученых института в годы Первой мировой войны и рассмотреть положение вуза в 1917 году.

Принцип историзма позволяет учитывать особенности времени правления Николая II, дает понимание причинно-следственных связей событий, определяющих политическую ситуацию в стране и необходимость реформирования высшего образования. Благодаря методологическим требованиям принципа историзма можно выделить важные аспекты развития и совершенствования системы подготовки инженеров горнозаводского профиля. В качестве специальных традиционных исторических методов применен сравнительно-исторический метод (проводилось сравнение изменений в Положении о горном институте разных лет) и историко-системный (исследовалась система высшего образования России в контексте особенностей правления Николая II).

Методы историзма, системного анализа и реконструкции позволили зафиксировать и воссоздать историческую ситуацию в сфере высшего образования на рубеже XIX – начала XX вв.

3. Обсуждение

Внимание к истории российского образования (Рождественский, 1912; Петров, 2002) как важной деятельности правительства (Иконников, 1876; Андреев, 2009; Литвиненко и др., 2023; Жданев, 2022; Пашкевич и др., 2023) объясняется актуальностью, касающейся всего населения страны во все времена, будет ли это история формирования системы образования или его реформирования. История горнозаводского дела тесно связана с историей учебных заведений (Шевкун, 2015; Тропов, Podolskiy, 2021), готовивших кадры для него и широко освещена в научной исторической литературе (Рудник и др., 2023). Можно выделить целый пласт советской монографической литературы по горному делу и горному институту (Ребрик, 1984; Горный институт..., 1948; Ленинградский горный институт. 1973). В юбилейных изданиях, посвященных единственному высшему учебному заведению в дореволюционной России, содержится подробная справочно-статистическая информация, характеристики социального состава студентов и преподавателей, история создания ряда кафедр (В память столетия юбилея, 1923; Юбилейный сборник, 1926). Современные работы дополняют и детализируют исследования предыдущего периода (Лейберов, 2022; Мокеев, 2023), а публикации справочно-биографического характера о выдающихся горных ученых содержат новые архивные данные (Подольский, Тропов, 2022; Лейберов, 2023).

4. Результаты

Правление последнего императора России было переломным и сложным для населения страны и для наиболее активной ее части студенчества. В условиях революционного кризиса, когда назревал конфликт между народом и властью, новые идеи способствовали политизации и радикализации настроений всех слоев общества. Проникновение революционных взглядов в разные социальные группы шло по-разному. Активное участие студентов горного института в политической жизни страны нарастало постепенно: от революционных выступлений отдельных студентов до массовых выступлений к концу 1890-х годов. Первым массовым выступлением студентов-горняков было участие в «ветровской» демонстрации протеста 1897 г. против издевательств жандармов над курсисткой Ветровой М.Ф., покончившей самоубийством в Петропавловской крепости. Тогда 53 студента-горняка были схвачены полицией (Горный институт, 1973: 65).

За революционную деятельность из горного института с формулировкой «по причине малоуспешности» был отчислен Г.В. Плеханов. Другой студент, Н.И. Рысаков, активный участник убийства Александра II 1 марта 1881 г., был повешен как государственный преступник. Д.В. Голубятников был арестован по делу о рассылке антиправительственных воззваний. В горном был организован марксистский кружок и активно распространялась нелегальная литература (Рудник, 2021: 104).

Устав 1866 г. преобразовал институт в открытое гражданское учебное заведение, что повлекло за собой крупные перемены как в организации учебного процесса, так и в вопросах быта и социального положения преподавателей и студентов. К концу XIX в. в горном институте значительно изменился социальный состав студентов. Из 269 человек первое место (61 %) занимали «дворяне и офицерские дети»; на втором месте (15 %) – мещане; на третьем (8 %) – «купеческие дети» и на четвертом месте (7 %) – контингент, которого раньше не было в горном: «крестьянские и солдатские дети». Затем 5 % – дети почетных граждан, 2 % – дети духовных лиц и 2 % – дети иностранных подданных (Юбилейный сборник, 1926: 29).

После убийства Александра II либеральная политика правительства подверглась значительной корректировке. Эта тенденция затронула и образовательные структуры, особенно высшие учебные заведения. Главным образом произошло резкое снижение уровня демократизма, усиление администрирования, что отразилось и на подготовке кадров. 24 августа 1881 г. Александр III снял с должности директора горного института, геолога, минералога с мировой известностью Кокшарова

при сохранении за ним «содержания 3000 и столовых денег 1200 и добавочного содержания по 1500 рублей в год» (РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 97. Л. 82-83).

25 сентября 1881 г. Александром III было утверждено положение Комитета Министров об изменении действующего Устава Горного института (ПСЗРИ. Т. 1. № 411). Уже в преамбуле этого документа отмечалось, что «ввиду необходимости усиления надзора и для согласования правил для учащихся в этом учебном заведении с постановлением Комиссии под председательством статс-секретаря Делянова по вопросу об усилении надзора за учащимися в высших учебных заведениях всех ведомств, Министр Государственных Имуществ входил с представителями в Комитет Министров об утверждении изменения некоторых параграфов действующего Устава Горного Института, касавшихся собственно дисциплинарных Правил для учащихся и недопускавших произвести требуемые ныне изменения этих Правил».

Студенты, как и все служащие института, были обязаны носить форменную одежду установленного образца и соблюдать в здании института порядок, который определялся министром Земледелия и Государственных Имуществ. За его нарушение студенты подвергались, в зависимости от степени и важности нарушения, замечанию, выговору, аресту (в карцере), лишению стипендии, временному (до одного года) удалению из института с правом обратного поступления или исключению из него. Замечания и выговоры назначались Советом, директором или инспектором учебного заведения. Арест, лишение стипендии, удаление или исключение производились по постановлениям Совета института. Вне стен института студенты подвергались надзору полиции, и это не освобождало их от ответственности перед институтским начальством.

Изменения в Положении и Уставе горного института произошли уже при императоре Николае II. 18 марта 1896 г. его указом были утверждены новое Положение и Устав горного института (ПСЗРИ. Т. 16. № 12662). Обучение теперь включало изучение 30 дисциплин в течение пятилетнего срока. Новым в реестре дисциплин стало преподавание электротехники, технологии металлов, обогащения и нефтяного дела. Особое значение имело включение в перечень обязательных предметов курса по механическому обогащению полезных ископаемых, что указывало на необходимость более широкой постановки преподавания этой важной отрасли горных знаний, на которую ранее не обращали достаточного внимания. Расширение курса строительного искусства от горнозаводских до гражданских сооружений свидетельствовало о расширении прав выпускников горного института по производству строительных работ. Итоговые проекты студенты готовили по горному искусству и по горнозаводской механике. Для подготовки к преподавательской деятельности Совет теперь имел право оставить при Институте перспективных выпускников.

Плата за обучение ранее составляла 60 рублей в год, а теперь по новому документу она возросла до ста рублей за каждое полугодие. Если учесть, что среднегодовой заработок в Северо-Западном районе промышленного рабочего по официальным данным в 1901 г. составлял 291 руб., а сельскохозяйственного – 65 руб. (Кирьянов, 1979: 115-116), то понятно, что существенное повышение платы за учебу являлось серьезным препятствием для поступления в институт детей не только из малообеспеченных семей, но и из семей со средним достатком.

Несмотря на ужесточение правил и серьезные последствия за их нарушение, студенты горного института участвовали в общественном протесте, который начался с конфликта студентов и ректора 8 февраля 1899 г. в Санкт-Петербургском университете накануне его юбилея. Противодействия администрации и студентов перешли в студенческие волнения, которые охватили почти все учебные заведения Петербурга, Москвы и ряда других городов. Студенты требовали «неприкосновенности личности; издания точных правил о полномочиях полиции при столкновении с толпой; судебной ответственности администрации за их нарушение и судебное расследование «избиения 8 февраля» (Морозов, 2011: 17).

«Начиная с 12 февраля до конца месяца к движению примкнули институты: горный, лесной, Женский медицинский институт, электротехнический, Институт инженеров путей сообщения, Технологический, гражданских инженеров, историко-филологический, медико-хирургическая военная академия, высшие женские курсы, курсы Лесгафта, Рождественские, зубоврачебные, Академия художеств и даже Духовная академия» (Студенческое движение, 1900: 64).

В последующие 1901–1902 гг. студенты горного института также участвовали в политических сходках и демонстрациях. В 1902 г. количество студентов горного института уже возросло до 663 человек (269 в 1892 г.). Количество дворянских детей и мещан уменьшалось: 51 % (вместо 61 % в 1892 г.) и 22 % (вместо 15 % в 1892 г.). А количество «крестьянских и солдатских детей» увеличивалось: 10 % (7 % в 1892 г.). Процент «купеческих детей», детей почетных граждан, духовных и иностранных подданных остался таким же (Юбилейный сборник, 1926: 30).

Только 1903 год был временем затишья, а 1904 ознаменовался «Коноваловским конфликтом», вынесенным на третейский суд чести, который провел по этому делу 25 заседаний (Из истории студенческих волнений, 1906). Небольшое вмешательство директора в дела студентов вызвали его осуждение и прекращение занятий с требованием увольнения Коновалова с поста директора. Часть членов Совета института поддержала студентов: В.И. Бауман, И.П. Долбня, Н.Н. Яковлев, В.В. Никитин, Л.И. Лутугин и К.И. Богданович подали прошение об увольнении. 33 студента были

отчислены, а 27 июня 1905 г. вследствие общественного резонанса Коновалов был уволен с должности директора горного института (*История горного дела в России, 2013: 143-144*).

Положение 1896 г. не подвергалось изменениям до 1904 г., когда министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов представил в Государственный совет проект постановления «Об изменениях учебных планов и штата Горного института императрицы Екатерины II» (*ПСЗРИ. Т. 24. № 24469*). Отсутствие деления предметов на разряды привело к признанию необходимости соответствующего изменения уже в конце первого учебного года (*Горный институт, 1973: 63-64*). Совет института выработал новый учебный план, который должен был вводиться, начиная с 1904/05 учебного года.

Но вся жизнь страны к этому времени резко изменилась. Обострение социально-экономических противоречий, приблизивших Россию к революции, было ускорено Русско-японской войной. Революция 1905-1907 гг. потрясла российское общество. Активное участие студенчества в протестах привело к закрытию правительством вузов с угрозой увольнения профессоров и студентов. В течение 1905 года учебных занятий в горном институте не было.

Летом 1905 г. началось совещание по пересмотру университетского устава под председательством нового министра народного просвещения В.Г. Глазова (*Два разговора, 1920: 212*), и 27 августа 1905 г. Николай II подписал именной указ Сенату «О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства Народного Просвещения». Указом вводилось право выбора ректора и деканов и расширение прав советов университетов (*ПСЗРИ. Т. 26. № 26692*). «Временные правила» значительно увеличили академическую свободу преподавания.

Проблема выбора первого ректора самостоятельно, без давления со стороны правительственных структур, встала и перед Ученым советом горного института. Посоветовавшись, его члены решили обратиться с просьбой на занятие этой должности к одному из авторитетнейших профессоров института Е.С. Федорову, который и стал первым выборным директором.

В учебных программах горного института появились такие дисциплины, как гигиена и оказание первой помощи, железные дороги и строительная механика. Курс химии был разделен на три самостоятельных предмета: химия общая и физическая, аналитическая химия, а также органическая химия и технология (учение о взрывчатых веществах и нефтяное дело). К металлургии была добавлена технология топлива. Отдельные изменения коснулись и других дисциплин, и все они в конечном итоге были направлены на повышение качества подготовки специалистов горного дела. Разряды теперь стали двумя факультетами: горным и заводским. На горном факультете было введено в 1907 г. геологоразведочное отделение. Эти нововведения стали результатом многочисленных обсуждений ведущих профессоров горного института, направленных в министерство земледелия и государственных имуществ.

Горный институт в полной мере испытал на себе реформу образования или введение так называемой «предметной системы прохождения курса» и «опыт западноевропейских университетов». Речь шла о введении предметной системы вместо курсовой. Было подготовлено два учебных плана, готовящих инженеров по горному и заводскому разрядам. В них входили те предметы, которые являлись основой технического образования и были необходимы для подготовки специалистов. Для горняков это высшая математика, теоретическая механика, физика и химия. От специализации зависел объем изучения дисциплин. Студенты были свободны в выборе основных и специальных предметов.

«Предметная система прохождения курса» в институте была выработана Советом в начале 1905 г., а старт реформы был дан опубликованием 12 июля 1906 г. решения о переходе на новую систему (*ЦГА СПб. Ф. 8811. Оп. 2. Д. 26. Л. 19*). Результаты реформы в горном были опубликованы в журнале «Техническое образование» под заголовком «Об изменении учебного строя в горном имени императрицы Екатерины Великой институте (к вопросу о введении предметной системы прохождения курсов в высших технических учебных заведениях)» (*Правительственное распоряжение..., 1906: 4-9*).

В своих воспоминаниях академик, палеонтолог Д.В. Наливкин писал: «Поступил я в Горный институт в 1906 г. Больше всего поразили меня здесь учебный обстановка требования на экзаменах. Необычны и инспектора, наблюдавшие за порядком. В институте курсовую систему только что отменили, и учебный план был построен по цикловой системе, или, как ее называли, предметной. По цикловой системе весь комплекс наук, обязательный для прохождения, делился на циклы: общий цикл, геологический, физический, химический, математический, механический и др. Например, механический цикл я сдал последним, на девятый год пребывания в институте, а начал с геологического, больше всего меня привлекавшего... Я лично из-за большой геологической практики проучился девять лет. Девять лет тоже не были пределом, отдельные студенты находились в институте по десять-двенадцать лет. Недаром их называли «вечными студентами».

Когда я и два моих приятеля, Мухин Владимир и Рабинович Борис, просидели в институте шесть лет и сдали только около трети всех предметов, дирекция института за нас взялась. Нас вызвали к инспектору, строго отчитали и дали два года для окончания. Уходить из института мы

не хотели, у каждого из нас уже был большой практический геологический стаж, и нам пришлось приналечь. По каждому предмету существовали вопросники: перечень вопросов, задаваемых на экзамене, и ответов на них, ожидаемых тем или иным преподавателем. Хорошие полные вопросники давали гарантию сдачи экзаменов не меньше, чем на четверку. После жесткой последовательности (класс за классом) Тенишевского училища цикловая система обучения в институте позволила мне почувствовать себя значительно свободнее. Эта свобода оказала на меня большое влияние, да и вся обстановка в Горном институте была не менее необыкновенной. Что касается необходимости посещать занятия, то посещение лекций и практических занятий было необязательно. Полный курс лекций по всем предметам, пожалуй, никем не прослушивался. По крайней мере, я таких студентов не знал. Даже по основным, трудным и важным предметам студентов, которые слушали бы лекции весь год, было мало. Еще меньше было полных конспектов лекций, за ними охотились, иногда за пользование ими платили деньги. В случаях крайней необходимости они размножались на гектографе и продавались. Студенты – народ любознательный и подвижный. На первые лекции нередко приходило много студентов, но в дальнейшем число их быстро сокращалось; если до конца года из группы оставалось 5-6 человек, то это было очень хорошо. Иногда профессора читали лекции одному-двум студентам, по, правда, это было редко. К этому следует только добавить, что ее важнейшей особенностью было полное отсутствие курсов, курсовых экзаменов и студенческих групп. Каждый студент учился по своему плану, который он сам вырабатывал и мог изменить в любой момент. При предметно-цикловом методе студенту никто не помогал, никто ничего с него не требовал. Года через четыре администрация анализировала работу студента и напоминала ему, что пора кончать институт. Таких, которые ничего или почти ничего не делали, просто исключали, но таких было очень мало, я лично их не помню. Основным достоинством предметно-циклового метода было отсутствие полугодовых годовых экзаменационных сессий, крайне вредных, по моему мнению, учебных мероприятий. Я для интереса несколько раз проверял у студентов, проходивших у меня историческую геологию, что у них осталось в голове после экзамена по палеонтологии. После экзамена проходило всего только около полугода, но, как много улетучивалось у них из головы за эти полгода, просто поразительно. При предметно-цикловой системе студент мог сдавать экзамены круглый год, последовательно, один за другим, не торопясь, как следует. Преподаватель имел возможность спрашивать строже ставить двойки в неограниченном количестве» (Наливкин, 1981: 31-33, 42, 60-61).

Из-за этой реформы в 1908-1909 гг. число окончивших курс значительно снизилось. Поэтому в 1910 г. Совет ограничил срок пребывания в институте 8 годами. Предметная система удлинит срок пребывания студентов в институте и в итоге была отменена (Аврус, 2001: 120).

В начале XX века Санкт-Петербургский горный институт продолжал играть ведущую роль в вопросах подготовки квалифицированных кадров и как общероссийский центр горной науки, но количество выпускаемых горных инженеров для растущей промышленности было недостаточным. На освоение и изучение огромной страны не хватало геодезистов, геологов и др. Поэтому Высшее горное училище было открыто в 1899 г. в Екатеринославле. Горные факультеты открылись в 1900 г. – в Варшавском, в 1901 г. – в Томском общетехнических учебных заведениях. Но, как и прежде, горный институт пользовался большой популярностью среди молодежи, так как продолжал оставаться одним из тех немногих высших технических учебных заведений России, в программах которого сочеталось изучение естественных и технических наук.

Первая мировая война предъявила свои требования к промышленности и науке. В годы Первой мировой войны в горном создавались средства защиты и оборонных технологий, интенсивно велась геологоразведка. Важное значение для работы фронта и тыла имела деятельность таких ученых, как И.Ф. Шредер, А.Н. Кузнецов, Н.С. Курнаков, П.И. Степанов, Д.И. Мушкетов и др.

В годы войны директором горного института был профессор Шредер Иван Федорович (1858–1918) – известный российский химик и промышленный эксперт, специалист по свойствам растворов, нефти, угля, соли и взрывчатых веществ (Подольский, 2013: 143-147). В июле 1915 г. для Петроградского трубного завода И.Ф. Шредер создал платины с иридием и радием (ЦГИА СПб. Ф. 9631. Оп. 1. Д. 5955. Л. 309).

Для борьбы с отравляющими веществами летом 1915 г. в горном институте А.А. Трусевичем был разработан «респиратор горного института» на основе конструкции противогазов, использовавшихся в горноспасательном деле. Этот противогаз в скором времени после мелких переделок был принят и заказан в количестве 3,5 млн. экземпляров (ЦГИА СПб. Ф. 9631. Оп. 1. Д. 5955. Л. 119). Одновременно с выпуском на фронт первых партий противогаза горного института велась дальнейшая работа по его усовершенствованию.

В течение одного месяца в химической лаборатории горного института были разработаны способы приготовления лекарственных препаратов: паранитрофенола, фенацетина, бензойной кислоты и других лекарственных соединений. На основании проведенных исследований преподаватель кафедры металлургии А.Н. Кузнецов спроектировал завод медицинских препаратов (Волошинова и др., 2018:11-19).

Также профессор горного института Николай Семенович Курнаков, выдающийся новатор в науке, сделавший исключительно много для теории химии, создавший метод физико-химического анализа, в 1916 г. становится председателем комиссии по удушливым газам при Главном артиллерийском управлении. Он возглавил работу по лабораторному исследованию газов и борьбе с ними, а также крупные опытные испытания на полигоне ([Выдающиеся ученые, 1951: 54, 57](#)).

Важный вклад в обеспечение фронта и тыла топливом внесли геологи горного института, например, выпускник института, геолог Леонид Иванович Лутугин (1865–1915), посвятивший больше 20 лет изучению Донецкого каменноугольного бассейна. В связи с дефицитом топлива в годы Первой мировой войны большое значение имела разведка новых месторождений нефти и ее качества.

В 1915 г. по инициативе академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) при Академии наук была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), членами которой было значительное число выпускников горного института. После прихода к власти большевиков, КЕПС не только не прекратила своей деятельности, но даже, несмотря на суровые условия гражданской войны, активизировала ее. Прежде всего, основные усилия ученых были направлены на организацию геологоразведочных экспедиций для поиска различных полезных ископаемых, в первую очередь, угля, нефти и рудных месторождений. Результаты экспедиций тщательно анализировались ([Во главе Горного института, 2021: 27](#)).

1917 год, ознаменованный в истории России великими революционными потрясениями, открывает и в жизни института новый период. Февральскую революцию 1917 г. подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава горного института восприняло с большим энтузиазмом.

В Совете института стали активно обсуждаться реформы горного образования. Руководство было готово к изменениям. Тормозом успешной работы института, по мнению членов совета, были несогласованность программ отдельных предметов и целых циклов; слабое развитие специализации; недостаточность оборудования кабинетов и лабораторий; недостаточный аудиторный фонд; отсутствие социального обеспечения студентов.

Требовалось развитие специализации, переоснащение учебной базы, улучшение быта студенчества. Препятствием для поступления в вуз была плата за обучение, а также ряд национальных и религиозных запретов ([Сизова, 2023: 17](#)). Профессор И.Ф. Шредер, будучи категорическим противником революции, ушел с поста директора в марте 1917 г. ([Во главе Горного института, 2017: 233](#)).

2 марта 1917 г. члены горного совета и Ученого комитета подписали резолюцию, в которой возложили надежды на Временное правительство в деле единения страны для победы в войне. Совет института 13 марта 1917 г. избрал профессора В.В. Никитина (1867–1942) директором на трехлетний срок ([АСПГУ. Д.1045. Л. 106](#)).

Временное правительство создало комиссию по вопросам реформы учебного дела в высших учебных заведениях. По результатам совещания 12-17 июня 1917 г. в министерстве народного просвещения, в котором принимали участие и представители горного института, университеты восстановили автономию. В состав Советов вузов входила не только профессура. К осени 1917 г. туда стали входить даже младшие преподаватели ([Сизова, 2023: 19](#)).

Совещание обсуждало также формы привлечения студентов к разработке вопросов, затрагивающих их бытовые интересы, а также формы участия их совместно с представителями Совета и факультетов в рассмотрении некоторых дел этой категории. Постановления Совещания были утверждены Временным Правительством и введены в действие вместе с некоторыми другими законопроектами, не требовавшими новых ассигнований. Эти постановления не оказали заметного влияния на жизнь института ([В память 150-летнего юбилея, 1932: 683](#)).

1917 год не был благоприятным для реформ учебного плана. Конец весеннего семестра после февральской революции в учебном отношении протекал тем же темпом, каким шел вообще весь учебный год, т.е. по тем же учебным планам, при тех же требованиях, при том же наличии студентов и преподавательского состава. Время летних каникул 1917 г. было посвящено, главным образом, переработке старого устава горного института ([Юбилейный сборник, 1926: 38, 44](#)).

В конце каникул, перед началом осеннего семестра, уже возникли осложнения общего характера, повлиявшие на учебную жизнь 1917-1918 гг. Незадолго до начала занятий была намечена эвакуация горного института без указания места самой эвакуации, и Совет института принужден был собираться для изыскания пунктов эвакуации, не имея при том никаких конкретных данных. Между прочими возможными пунктами были намечены Гагры, куда предполагалась эвакуация горного Департамента. Вопрос об эвакуации, фиксировавший некоторое время внимание Совета, затем отпал, так как прошла острота момента. Эвакуация не состоялась.

На смену эвакуации явилось правительственное распоряжение о закрытии высших учебных заведений на 1917-1918 гг., через некоторое время отмененное и принявшее более мягкую форму, которая сводилась к разрешению студентам ввиду тяжелых условий жизни в Петрограде не являться в институт для занятий и производить таковые в тех местах, где это представится удобнее с тем, что полученные в других учебных заведениях зачеты будут признаны горным институтом ([В память 150-летнего юбилея, 1932: 684](#)).

В 1917 г. студенты мобилизовались на сельскохозяйственные работы, в штабы народной милиции. Многие помещения высших учебных заведений были отданы на общественные нужды. В горном институте на Васильевском острове разместили арестованных чинов полиции (Фомин, 1997: 301). В качестве места, где могли происходить занятия студентов горного института, не прибывавших в Петроград, был намечен Донской Политехникум в Новочеркасске.

Таким образом, уже в начале 1917-1918 учебного года создались условия, ставившие занятия в институте в ненормальное положение. Надежды на позитивные изменения в стране при Временном правительстве не оправдали ожиданий. Дальнейшее течение учебной жизни было нарушено политическими событиями, а именно падением Временного Правительства 25 октября 1917 г. и установлением Власти Советов.

5. Заключение

На рубеже веков в России наиболее быстрыми темпами развиваются отрасли горного профиля: угле- и нефтедобыча, а также металлургия. Этот рост вызвал необходимость увеличения подготовленных инженерных кадров для ведущих отраслей экономики. В горном институте значительно увеличивается контингент студентов, однако платность образования, сословность, национальные ограничения не давали возможность обучения и выпуска специалистов в том количестве, в котором они были необходимы для промышленности.

Реформа образования и попытка внедрения предметной системы обучения удлинила сроки обучения, а революционные события в стране негативно воздействовали на учебный процесс: сокращали и отменяли занятия, студентов, замешанных в политических акциях, отчисляли. Первая мировая поставила уже другие задачи перед вузом: ученые горного института выполняли государственные военные заказы. В 1917 году необходимость образовательных реформ сознавалась всеми, но была отложена на несколько лет из-за тяжелой обстановки в России.

Литература

- Аврус, 2001 – Аврус А.И. История российских университетов. М., 2001.
- Андреев, 2009 – Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
- АСПГУ – Архив Санкт-Петербургского Горного университета императрицы Екатерины II.
- В память столетия Горного института, 1923 – В память столетия Горного института в Петрограде // *Горный журнал*. 1923. № 11. 766 с.
- Во главе Горного института, 2021 – Во главе Горного института. Директора учебного заведения (1918-1994) / В.Г. Афанасьев, И.В. Волошинова, А.И. Лейберов, А.Б. Мокеев, С.О. Никиташина, С.И. Подольский, С.Н. Рудник, В.Н. Шайдуров. Санкт-Петербургский горный университет. СПб, 2021. С.27.
- Волошинова и др., 2018 – Волошинова И.В., Подольский С.И., Мокеев А.Б. Горный институт Императрицы Екатерины II в годы Первой мировой войны / *Сборник научных трудов: ВУЗы Петрограда в годы Первой Мировой войны Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*. Санкт-Петербург, 2018. С.11-19.
- Выдающиеся ученые Горного института, 1951 – Выдающиеся ученые Горного института. 1773-1948 / Ред. – сост. И.И. Шафрановский / Сб. статей, посвященных 175-летию Горного института. Вып. второй. М., Металлургиздат, 1951. С. 54, 57.
- Горный институт, 1973 – Ленинградский ордена Ленина и ордена Красного знамени горный институт имени Г.В. Плеханова. 1773-1973. / Под ред. В.И. Усанова. Л., 1973. 320 с.
- Горный институт..., 1948 – Ленинградский ордена Ленина Горный институт за 30 лет Советской власти. 1917-1947. Л.: ЛГИ, 1948. 144 с.
- Два разговора, 1920 – Два разговора: Из дневников В.Г. Глазова // *Дела и дни*. 1920. № 1.
- Жданев, 2022 – Жданев О.В. Технологический суверенитет топливно-энергетического комплекса Российской Федерации // *Записки горного института*. 2022. Т. 258.
- Из истории студенческих волнений, 1906 – Из истории студенческих волнений. (Коноваловский конфликт). СПб, 1906. 857 с.
- Иконников, 1876 – Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // *Вестник Европы*. 1876. № 9. С. 78-187.
- История горного дела в России, 2013 – История горного дела в России: XVIII-XX вв.: Вып.3. История горного образования в XVIII-первой половине XIX в. / Под общей ред. В.Г. Афанасьева, В.Н. Шайдурова. СПб., 2013. С. 143-144.
- Кирьянов, 1979 – Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. С.115-116.
- Лейберов, 2022 – Лейберов А.И. Студенты Горного института в годы Первой мировой войны // *Вопросы Истории*. 2022. Вып. 1(1). С. 147-156.
- Лейберов, 2023 – Лейберов А.И. Жизнь, посвященная геологии (академик Д.С. Коржинский) // *Горный журнал*. 2023. № 3. С. 72-78.

Литвиненко и др., 2023 – Литвиненко В.С., Петров Е.И., Василевская Д.В. и др. Оценка роли государства в управлении минеральными ресурсами // *Записки Горного института*. 2023. Т. 259. С. 95-111.

Мокеев, 2023 – Мокеев А.Б. Вклад ученых Горного института в развитие металлургической промышленности Царства Польского во второй половине XIX в. – начале XX в.: новые технологии и автоматизация производства // *Цветные металлы*. 2023. № 4. С. 109-114.

Морозов, 2011 – Морозов А.Г. Разработка реформ образования в России в конце XIX – начале XX вв.: правительственная политика и общественно-педагогическое движение: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 Саратов, 2011.

Наливкин, 1981 – Наливкин Д.В. Из далекого прошлого. Л., 1981. С.31-33, 42, 60-61.

Пашкевич и др., 2023 – Пашкевич М.А., Данилов А.С. Экологическая безопасность и устойчивое развитие // *Записки горного института*. 2023. Том. 260. С.153-154.

Петров, 2002 – Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М., 1998–2002. Т. 1-4.

Подольский, 2013 – Подольский С.И. Иван Федорович Шредер – известный химик, педагог и администратор / Клио. Журнал для ученых. 2013. Т. 83. С. 143-147.

Подольский, Тропов, 2022 – Подольский С.И., Тропов И.А. Дмитрий Антонович Казаковский и развитие маркшейдерского дела в СССР // *Горный журнал*. 2022. №2. С. 97-101.

Правительственное распоряжение..., 1906 – Правительственное распоряжение об изменении учебного строя в Горном Институте Императрицы Екатерины II. // *Техническое образование Пед. журн.*, изд. Постоянной комис. по техн. образованию при Рус. техн. о-ве.1906. № 1. С.4-9.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ребрик, 1984 – Ребрик Б.М. У колыбели геологии и горного дела. М., Недра, 1984. 128 с.

Рождественский, 1912 – Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. СПб., 1912. 48 с.

Рудник и др., 2023 – Рудник С.Н., Афанасьев В.Г., Самыловская Е.А. 250 лет на службе Отечеству: Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II в цифрах и фактах // *Записки горного института*. 2023. Т. 263. С. 810-830.

Рудник, 2021 – Рудник С.Н. Георгий Валентинович Плеханов (к 165-летию со дня рождения) // *Горный журнал*. 2021. № 12. С. 100-104.

Сизова, 2023 – Сизова А.Ю. Российская высшая школа в 1917 году. Между самодержавием и большевизмом. М., 2023. С. 192.

Студенческое движение, 1900 – Студенческое движение 1899 года / Сборник под редакцией А. и В. Чертковых. Purleigh: Свободное слово, 1900. 64 с.

Фомин, 1997 – Фомин Б.В. Первые месяцы Февральской революции в запасном батальоне лейб-гвардии Измайловского полка. 1917 год в судьбах России и мира / *История России: Революция и Гражданская война 1917-1922*. М., 1997. С. 301.

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Шевкун, 2015 – Шевкун Е.Б. История горного дела. Хабаровск, 2015. 244 с.

Юбилейный сборник, 1926 – Юбилейный сборник 1773-1923. Л.: Ленинградский горный институт, 1926. 140 с.

Mokeyev, 2022 – Mokeyev A.B. A graduate of the Mining Institute – an outstanding scientist-geologist, academician Pavel Ivanovich Melnikov (1908–1994) // *Voprosy Istorii*. 2022. 2(2): 94–103.

Tropov, Podolskiy, 2021 – Tropov. I.A., Podolskiy S.I. Lubichakovskiy S.V. The Development of the Mineral and Raw Materials Base of Russia in the Works of Scientists of the Mining Institute (second half of the 19th and early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 281-287.

References

Andreev, 2009 – Andreev, A.Yu. (2009). Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy. [Russian universities of the XVIII – first half of the XIX century in the context of the university history of Europe]. М.: Znak. 640 p. [in Russian]

ASPGU – Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Gornogo universiteta imperatritsy Ekateriny II [Archive of the St. Petersburg Mining University of Empress Catherine II].

Avrus, 2001 – Avrus, A.I. (2001). Istoriya rossiiskikh universitetov [History of Russian universities]. М. Р. 40. [in Russian]

Dva razgovora, 1920 – Dva razgovora: Iz dnevnikov V.G. Glazova [Two conversations: From the diaries of V.G. Glazov]. *Dela i dni*. 1920. 1: 212. [in Russian]

Fomin, 1997 – Fomin, B.V. (1997). Pervye mesyatsy Fevral'skoi revolyutsii v zapasnom batal'one leib-gvardii Izmailovskogo polka. 1917 god v sud'bakh Rossii i mira. [The first months of the February Revolution in the reserve battalion of the Izmailovsky Life Guards regiment. The year 1917 is in the destinies of Russia and the world]. *Istoriya Rossii: Revolyutsiya i Grazhdanskaya voina 1917-1922*. М. Р. 301. [in Russian]

- Gornyi institute..., 1948** – Gornyi institut za 30 let Sovetskoj vlasti. 1917-1947. [Leningrad Order of Lenin Mining Institute for 30 years of Soviet power. 1917-1947]. Leningrad: LGI. 1948. 144 p. [in Russian]
- Gornyi institut, 1973** – Gornyi institut imeni G.V. Plekhanova [Leningrad Order of Lenin and Order of the Red Banner Mining Institute named after G.V. Plekhanov. 1773-1973]. Pod red. V.I. Usanova. Leningrad. 1973. 320 p. [in Russian]
- Ikonnikov, 1876** – *Ikonnikov, V.S.* (1876). Russkie universitety v svyazi s khodom obshchestvennogo obrazovaniya. [Russian universities in connection with the course of public education]. *Vestnik Evropy*. 9: 78-187. [in Russian]
- Istoriya gornogo dela v Rossii, 2013** – Istoriya gornogo dela v Rossii [History of mining in Russia: XVIII-XX centuries]. Pod obshchei red. V.G. Afanas'eva, V.N. Shaidurova. SPb. 2013. Pp. 143-144. [in Russian]
- Iz istorii studencheskikh volnenii, 1906** – Iz istorii studencheskikh volnenii. (Konovalovskii konflikt) [From the history of student unrest. (Konovalov conflict)]. SPb. 1906. 857 p. [in Russian]
- Kir'yanov, 1979** – *Kir'yanov, Yu.I.* (1979). Zhiznennyi uroven' rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX v.). [The living standard of the workers of Russia (late XIX – early XX centuries)]. M. Pp. 115-116. [in Russian]
- Leiberov, 2022** – *Leiberov, A.I.* (2022). Studenty Gornogo instituta v gody Pervoi mirovoi voiny. [Students of the Mining Institute during the First World War]. *Voprosy Istorii*. 1(1): 147-156. [in Russian]
- Leiberov, 2023** – *Leiberov, A.I.* (2023). Zhizn', posvyashchennaya geologii (akademik D.S. Korzhinskii) [Life dedicated to geology (academician D.S. Korzhinsky)]. *Gornyi zhurnal*. 3: 72-78. [in Russian]
- Litvinenko i dr., 2023** – *Litvinenko, V.S., Petrov, E.I., Vasilevskaya, D.V. i dr.* (2023). Otsenka roli gosudarstva v upravlenii mineral'nymi resursami. [Assessment of the role of the state in the management of mineral resources]. *Zapiski Gornogo instituta*. T. 259: 95-111. [in Russian]
- Mokeyev, 2022** – *Mokeyev, A.B.* (2022). A graduate of the Mining Institute – an outstanding scientist-geologist, academician Pavel Ivanovich Melnikov (1908-1994). *Voprosy Istorii*. 2(2): 94-103.
- Mokeyev, 2023** – *Mokeyev, A.B.* (2023). Vklad uchenykh Gornogo instituta v razvitie metallurgicheskoi promyshlennosti Tsarstva Pol'skogo vo vtoroi polovine XIXv. –nachale XX v.: novye tekhnologii i avtomatizatsiya proizvodstva. [Contribution of scientists of the Mining Institute to the development of the metallurgical industry of the Kingdom of Poland in the second half of the nineteenth century. –the beginning of the XX century: new technologies and automation of production]. *Tsvetnye metally*. 4: 109-114. [in Russian]
- Morozov, 2011** – *Morozov, A.G.* (2011). Razrabotka reform obrazovaniya v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.: pravitel'stvennaya politika i obshchestvenno-pedagogicheskoe dvizhenie. [Development of education reforms in Russia in the late XIX – early XX centuries: government policy and the socio-pedagogical movement]: avtoreferat dis....kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02 Saratov. [in Russian]
- Nalivkin, 1981** – *Nalivkin, D.V.* (1981). Iz dalekogo proshlogo [From the distant past]. Leningrad. Pp. 31-33, 42, 60-61. [in Russian]
- Pashkevich i dr., 2023** – *Pashkevich, M.A., Danilov, A.S.* (2023). Ekologicheskaya bezopasnost' i ustoichivoe razvitie [Ecological safety and sustainable development]. *Zapiski gornogo instituta*. T. 260: 153-154. [in Russian]
- Petrov, 2002** – *Petrov, F.A.* (2002). Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii [Formation of the university education system in Russia]. M., T.1-4. [in Russian]
- Podol'skii, 2013** – *Podol'skii, S.I.* (2013). Ivan Fedorovich Shreder - izvestnyi khimik, pedagog i administrator [Ivan Fedorovich Schroeder is a well-known chemist, teacher and administrator]. *Klio. Zhurnal dlya uchenykh*. T. 83: 143-147. [in Russian]
- Podol'skii, Tropov, 2022** – *Podol'skii, S.I., Tropov, I.A.* (2022). Dmitrii Antonovich Kazakovskii i razvitie marksheiderskogo dela v SSSR. [Dmitry Antonovich Kazakovskiy and the development of surveying in the USSR]. *Gornyi zhurnal*. 2: 97-101. [in Russian]
- Pravitel'stvennoe rasporyazhenie..., 1906** – Pravitel'stvennoe rasporyazhenie ob izmenenii uchebnogo stroya v Gornom Institute Imperatritsy Ekateriny II (1906). [Government decree on changing the educational system at the Mining Institute of Empress Catherine II]. *Tekhnicheskoe obrazovanie Ped. zhurn.*, izd. Postoyannoi komis. po tekhn. obrazovaniyu pri Rus. tekhn. o-ve. 1: 4-9. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- Rebrik, 1984** – *Rebrik, B.M.* (1912). U kolybeli geologii i gornogo dela. [At the cradle of geology and mining]. M. P. 128. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Rozhdestvenskii, 1912** – *Rozhdestvenskii, S.V.* (1912). Ocherki po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII–XIX vv. [Essays on the history of public education systems in Russia in the XVIII–XIX centuries]. SPb. P. 48. [in Russian]
- Rudnik i dr., 2023** – *Rudnik, S.N., Afanas'ev, V.G., Samylovskaya, E.A.* (2023). 250 let na sluzhbe Otechestvu: Sankt-Peterburgskii gornyi universitet imperatritsy Ekateriny II v tsifrakh i faktakh. [250 years in the service of the Fatherland: St. Petersburg Mining University of Empress Catherine II in figures and facts]. *Zapiski gornogo instituta*. T. 263: 810-830. [in Russian]

- Rudnik, 2021** – Rudnik, S.N. (2021). Georgii Valentinovich Plekhanov (k 165-letiyu so dnya rozhdeniya). [Georgy Valentinovich Plekhanov (to the 165th anniversary of his birth)]. *Gornyi zhurnal*. 12: 100-104. [in Russian]
- Shevkun, 2015** – Shevkun, E.B. (2015). Istoriya gornogo dela. [History of mining]. Khabarovsk. 244 p. [in Russian]
- Sizova, 2023** – Sizova, A.Yu. (2023). Rossiiskaya vysshaya shkola v 1917 godu. Mezhdru samoderzhaviem i bol'shevizmom. [Russian Higher School in 1917. Between autocracy and Bolshevism]. M. P. 192. [in Russian]
- Studencheskoe dvizhenie, 1900** – Studencheskoe dvizhenie 1899 goda [Student movement of 1899]. Sbornik pod redaktsiei A.V. Chertkovykh. Purleigh: Svobodnoe slovo. 1900. 64 p. [in Russian]
- Tropov, Podolskiy, 2021** – Tropov, I.A., Podolskiy, S.I. (2021). Lubichakovskiy S.V. The Development of the Mineral and Raw Materials Base of Russia in the Works of Scientists of the Mining Institute (second half of the 19th and early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 281-287.
- TsGA SPB** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Archive of St. Petersburg].
- TsGIA SPB** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [The Central State Historical Archive of St. Petersburg].
- V pamyat' stopyatidesyatiletnego yubileya, 1923** – V pamyat' stopyatidesyatiletnego yubileya Gornogo instituta v Petrograde [In memory of the fiftieth anniversary of the Mining Institute in Petrograd]. *Gornyi zhurnal*. 1923. 11. 766 p. [in Russian]
- Vo glave Gornogo instituta, 2021** – Vo glave Gornogo instituta [At the head of the Mining Institute. Directors of the educational institution (1918-1994)]. V.G. Afanasyev, I.V. Voloshinova, A.I. Leiberov, A.B. Mokeev, S.O. Nikitashina, S.I. Podolskiy, S.N. Rudnik, V.N. Shaidurov. SPb: Sankt-Peterburgskii gornyi universitet. 2021. P. 27. [in Russian]
- Voloshinova i dr., 2018** – Voloshinova, I.V., Podol'skii, S.I., Mokeev, A.B. (2018). Gornyi institut Imperatritsy Ekateriny II v gody Pervoi mirovoi voiny. [Mining Institute of Empress Catherine II during the First World War]. *Sbornik nauchnykh trudov: VUZy Petrograda v gody Pervoi Mirovoi voiny*. SPb: Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii universitet Petra Velikogo. Pp. 11-19. [in Russian]
- Vydayushchiesya uchenye Gornogo instituta, 1951** – Vydayushchiesya uchenye Gornogo instituta [Outstanding scientists of the Mining Institute. 1773-1948]. Red.-sost. I.I. Shafranovskii. Sb.statei, posvyashchennykh 175-letiyu Gornogo instituta. Vyp. vtoroi. M.: Metallurgizdat. 1951. Pp. 54, 57. [in Russian]
- Yubileinyi sbornik, 1926** – Yubileinyi sbornik 1773-1923. [Jubilee collection 1773-1923]. Leningrad: Leningradskii gornyi institut. 1926. 140 p. [in Russian]
- Zhdaneev, 2022** – Zhdaneev, O.V. (2022). Tekhnologicheskii suverenitet toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossiiskoi Federatsii [Technological sovereignty of the fuel and energy complex of the Russian Federation]. *Zapiski gornogo instituta*. T. 258: 1061-1078. [in Russian]

Санкт-Петербургский горный институт в период царствования императора Николая II (1894–1917 гг.)

Ирина Валерьевна Волошинова ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. С 1866 года из учебного заведения типа военного корпуса вуз стал открытым горнотехническим высшим учебным заведением. Развитие горного дела в 1860-90-е гг. и перемены в учебном процессе после принятия Устава 1866 г. вызвали необходимость его существенной переработки. Индустриальная модернизация XIX – начала XX в. была важнейшим катализатором социально-экономического развития России. Поскольку горное дело было ведущей отраслью в ходе модернизации, то она подталкивала к необходимости совершенствования учебного процесса в учебных заведениях, выпускавших горных инженеров. Общественно-педагогическое мнение в процессе модернизации служило двигателем для демократических реформ в сфере образования. Но в то же время некоторые действия и решения власти имели популистский и противоречивый характер и со временем себя изживали или отменялись. Серьезным поводом к изменению учебной жизни вузов послужила и революционная ситуация в стране, в которой студенты принимали активное участие.

Ключевые слова: горный институт императрицы Екатерины II, революция, образовательные реформы, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

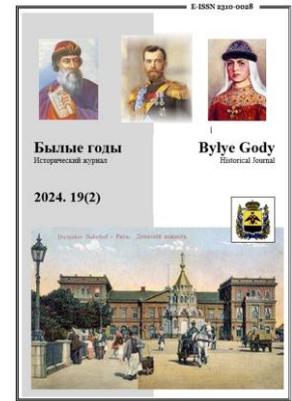
Адреса электронной почты: VIV10@yandex.ru (И.В. Волошинова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 896-907
DOI: 10.13187/bg.2024.2.896

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Picturesque Russia (Ghivopisnaya Rossia)” (volume 12, part 1) as a Source on the History of the East Siberian territory of the Russian Empire

Natalia P. Koptseva ^{a, *}, Veronica A. Razumovskaya ^a, Ivan Y. Makarchuk ^a, Yulia E. Valkova ^b

^a Siberian Federal university, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article carried out a textual analysis of Part 1 of Volume 12 of “Picturesque Russia. Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday meaning”, which has the subtitle “Eastern outskirts of Russia. Eastern Siberia”. Published in 1895, the encyclopedic publication is a valuable historical source, which reveals facts related to the development of East Siberian territories, the socio-economic status of indigenous Siberian peoples, as well as the features of visualization of these facts. The purpose of the study was to identify the peculiarities of the formation of the image of Eastern Siberia at the turn of the 19th–20th centuries in encyclopedic texts and in illustrations accompanying these texts. Part 1 of Volume 12 of “Picturesque Russia” presents a holistic and multifaceted image of the Eastern Siberian territories as long-developed by immigrants from Central Russia. The region is seen as promising, rich, inhabited by diverse peoples with special religious and everyday traits and habits. Representation of the image of Eastern Siberia is associated with the creation of a significant number of landscapes, large settlements, portraits of people in national clothes, as well as images of religious rites. The concept of integrating text and visual images was effectively implemented, making “Picturesque Russia” the most important historical source, revealing the particularities of the historical thinking of educated people in Russia at the turn of the 19th–20th centuries.

Keywords: Eastern Siberia, Russian Empire, “Picturesque Russia”, illustrated history.

1. Введение

«Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» – это энциклопедическое иллюстрированное издание в 12 иллюстрированных томах (19 книгах), которое было выполнено издательством «Товарищество М. О. Вольфа», основанным известным русским издателем, просветителем, человеком глубокой образованности и одаренности – Мавриkiem Осиповичем Вольфом (1825–1883). В настоящее время «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (далее – «Живописная Россия») выступает важнейшим источником как по истории Российской империи от древности до начала XX века, так и многоаспектным документом, раскрывающим особенности историософии (фундаментальной исторической концепции) России рубежа XIX–XX вв. Историософия, лежащая в основании планирования структуры, содержания, размещения иллюстраций в «Живописной России», проявлена в выборе исторического и актуального материала, системности его изложения, тщательного выбора иллюстраций, последовательности исторического, географического, антропологического, этнографического материала, а также в авторской позиции, которая просматривается в подходах и суждениях, в системе обоснования того или иного суждения, связанного с историческим и актуальным статусом Российской империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), veronica_raz@hotmail.com (V.A. Razumovskaya), faler2007@yandex.ru (I.Y. Makarchuk), julyvalkova@gmail.com (Y.E. Valkova)

Каждый том издания «Живописная Россия» посвящен определенной территории Российской империи, содержит описание ее истории, географии, этно-антропологического состава, особенностей экономического и культурного развития, а также раскрывает повседневные бытовые черты, характерные для населения этой территории. Так, первая часть 12 тома имеет подзаголовок «Восточные окраины России. Восточная Сибирь». Помимо 361 страницы текста этот том включает 189 рисунков, 2 географические карты, 19 гравюр на дереве. Перед нами солидный исторический источник, позволяющий не только более точно реконструировать определенные события, связанные с историей Восточно-Сибирских территорий Российской империи, но и получить представление о способах визуализации исторических событий, характерных для России рубежа XIX–XX вв. Рисунки и гравюры имеют самостоятельную историко-искусствоведческую ценность, а также являются ценными источниками по истории книжной иллюстрации данного периода.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для данного исследования являются тексты и иллюстрации 1 части 12 тома «Живописной России», год издания – 1895. Исследование сосредоточено на трех основных направлениях: анализ особенностей исторического описания Восточно-Сибирских территорий Российской империи; специфика описания территорий, климата, других географических характеристик Восточно-Сибирских территорий Российской империи и выявление особенностей иллюстраций, характеризующих Восточно-Сибирские территории России в данном издании.

2.2. Базовым методом исследования выступает источниковедческий анализ. Было выполнено предварительное изучение всего текстового и иллюстративного материала, что позволило выделить основные темы, представленные в 1 части 12 тома «Живописной России», связанные с историей, географией, этнографией, экономикой, бытом, культурой Восточной Сибири, а также выделить наиболее репрезентативные иллюстрации как яркие примеры визуализации территориальных особенностей Восточно-Сибирских территорий России.

Далее был выполнен детальный текстологический и источниковедческий анализ издания, позволяющий составить представление об образе Восточной Сибири в начале XX века в Российской империи, а также выявить репрезентативные особенности визуализации характерных особенностей Восточно-Сибирской территории в издании энциклопедического формата.

Методы анализа основаны на доказательном подходе, позволяющем использовать периодические издания (Кашинская, 2014; Koptseva et al., 2022; Замараева и др., 2023), энциклопедии (Koptseva et al., 2023; Koptseva et al., 2024) и другие иллюстративные издания определенного исторического периода (Сидорчук, 2017; Ткачев, 2024; Сергеева, 2023; Ситникова, 2023; Дегтяренко и др., 2022; Кистова и др., 2023; Шульгин, 2010) в качестве важнейших исторических источников как региональной истории (Недзелюк, 2011), так и истории России в ее целостности (Чеченков, 2012; Leshchinskaya et al., 2022).

3. Обсуждение

История публикации энциклопедического иллюстрированного издания «Живописная Россия» насчитывает 20 лет: первый том был напечатан в XIX веке (1881 год), а последний том, посвященный Среднему Поволжью и Приуральскому краю, вышел в первый год XX века (1901 год). Несмотря на известность и грандиозность издания, в том числе выражающуюся в его академической и художественной ценности, «Живописная Россия» не получила должного научно-исследовательского внимания и интереса.

В одной из последних работ (Копцева и др., 2024) отмечается значимость многотомного издания «Живописная Россия» для изучения историко-культурного наследия Российской империи конца XIX – начала XX вв. А. А. Богданов обращается к описанию города Касимова, представленного, в том числе в «Живописной России» (Богданов, 2023). Исследование Е.Л. Приставкиной посвящено рассмотрению «Живописной России» в контексте книгоиздательской деятельности М. О. Вольфа (Приставкина, 2023).

В. В. Абашев проанализировал очерк М. В. Малахова «Уральский хребет», который открывает посвященный Уралу том издания «Живописная Россия» (Абашев, 2018). В. А. Белозорович на основании двух очерков, размещенных в третьем томе «Живописной России», конструирует историческую концепцию белорусских земель, представленную в издании Адамом Киркором (Белозорович, 2018). В тематическом плане данной работе В. А. Белозорович близко исследование Л. Е. Горизонтова, раскрывающее содержание дискуссии конца XIX века о томе «Живописной России», посвященном литовским и белорусским губерниям (Горизонтов, 2017). А. И. Раздорский подготовил более чем на 50 страницах указатель, в котором отражены виды городов, сел, деревень, имений, станций, портов, замков, крепостей, представленных в издании «Живописная Россия» (Раздорский, 1996).

В контексте настоящего исследования 1 часть 12 тома издания «Живописная Россия» рассматривается в качестве источника по истории Восточно-Сибирской территории Российской империи.

4. Результаты

4.1. Историческое описание Восточно-Сибирских территорий Российской империи в 1 части 12 тома издания «Живописная Россия»

Интенсивное продвижение России на Восток, традиционно датируемое XVI–XIX веками, имело своим результатом многократное увеличение ее территории за счет присоединения Сибири. Территориальный, ресурсный и демографический рост обеспечили Российской империи статус огромного евроазиатского государства с особыми геополитическими характеристиками. История государства оказалась тесно связанной с историей сибирских территорий, вошедших в его состав, что кардинально отразилось на его исторической судьбе. Именно обретение азиатских территорий качественно изменило положение страны в мировом контексте, а также определило специфику ее культурной, социальной и экономической динамики на многие десятилетия вперед.

Устойчивый интерес к сибирским регионам и желание познакомиться с их историческими, культурными, лингвистическими и географическими особенностями нашли отражения в различных публикациях – от строго академических до популярных изданий, служащих источниками ценной и интересной информации не только для современников изданий, но и для последующих поколений исследователей и всех, кто интересуется историей страны во всем ее многообразии. «Живописная Россия» являет собой яркий пример научно-популярного издания, в котором с опорой на многочисленные научные источники подробно описываются российские регионы, что обеспечивает актуальность издания и в XXI веке. К участию в работе над изданием были приглашены лучшие научные и литературные авторы, создавшие оригинальные и информативные очерки-разделы. В историческом контексте ценность издания заключается в том, что в нем представлен уникальный материал и нашли отражение воззрения историков на исторические процессы, бытующие в гуманитарном дискурсе времени создания издательского проекта М.О. Вольфа ([Мининкова, 2019](#)). Истории Восточно-Сибирских территорий России посвящен 12 том (часть 1) издания.

Издание «Живописная Россия» организовано по географическому принципу. Историческое описание Восточно-Сибирских территорий предваряется во введении («Общий взгляд на Восточную Сибирь») словами выдающегося российского историка Н. М. Карамзина о том, что история не ведала о Сибири до нашествия гуннов и монголов на Европу. Историческая справка о каждой Восточно-Сибирской территории, представленная во всех разделах анализируемого издания, представляет ценнейшую информацию для историков, культурологов, регионоведов и исследователей из других академических областей.

В 1 очерке «Саянский хребет и Минусинский округ», автором которого был князь А.А. Кропоткин, представлена краткая история заселения Минусинского округа переселенцами из Европейской части России (малороссами, пермяками, финнами, эстонцами, латышами и т.д.). Отдельно отмечается значение музея в Минусинске, в котором представлены богатые ботаническая и минералогическая коллекции, а также экспонаты, принадлежащие к древней истории юга Красноярского края, Хакасии и Тувы и посвященные историко-культурному наследию народов, населяющих территорию Верхнего и Среднего Енисея с древних времен. История переселенцев остается одной из главных тем в научной работе музея и сегодня: изучаются вопросы переселенческого движения в Приенисейский край в период столыпинских аграрных реформ ([Ермолаева, 2017](#)). В разделе отдельно отмечаются памятники древности Минусинского округа – могильные камни и курганы (прежде всего, в степи на левом берегу Абакана). Данные историко-археологических раскопок являются ценным материалом для изучения прошлого аборигенов Сибири.

В 3 очерке «Енисейский округ и золотопромышленность» дана информация по истории заселения Енисейского округа, начало которого датируется 1598 г. ([Живописная Россия, 1895: 73](#)) – годом, когда Ф. Дьяконов и тобольские сборщики податей достигли Енисея. 1601 г. считается годом основания Мангазеи – первого русского заполярного города в Сибири и важнейшего торгового поселения. В очерке сообщается о значительных объемах торговли пушниной и золотом в поселении. Непродолжительный период существования Мангазеи был завершён основанием еще одного русского города в Сибири – Туруханска (Новой Мангазеи), в который после пожара 1642 г. в Мангазее было перенесено управление «Енисейской страной» ([Живописная Россия, 1895: 74](#)) и который оставался уездным городом до 1823 года. Важное значение для освоения Енисейской Сибири также имело основание в 1619 году Енисейского острога (сейчас г. Енисейск), ставшего административным и экономическим центром Восточной Сибири и отправной точкой движения русских землепроходцев на юг и восток обширных территорий Сибири. В очерке также представлен исторический обзор становления и развития золотопромышленности в округе.

В 4 очерке «Туруханский край» повествуется о трехсотлетней истории заселения края русскими (новоселами из европейских регионов страны) и покорения ими коренного населения (остяков, самоедов, тунгусов и т.д.).

5 очерк «Байкал» содержит упоминание об истории возникновения пароходства на Байкале ([Живописная Россия, 1895: 104](#)). Отдельное внимание уделено судам байкальского пароходства и их владельцам, а также особенностям грузоперевозок, их маршрутам, трудностям (прежде всего, погодным), а также стоимости перевозок.

6 очерк «Ангара» в историческом контексте повествует об истории заселения «всей сибирской страны», имевшей «великую важность» и ставшей «мировым событием» в последние годы царствования Ивана Грозного ([Живописная Россия, 1895: 117](#)), то есть в тот период, когда «Русь брела врозь». Дается исторический обзор становления вольного казачества в различных регионах страны (в Казани и Астрахани, на Волге и Тереке, Яике и Урале и т.д.), что стало прологом к появлению казаков в Сибири. Содержатся упоминания о татарском хане Кучуме и о столице его ханства Сибири на реке Иртыш, что считается отправной точкой исторического сибиреведения. Рассказывается о походе казаков под предводительством Ермака, их битве с ханским войском и взятии «города Сибирь» ([Живописная Россия, 1895: 119](#)). Также сообщается информация о последующем гражданском устройстве и основании (в 1586 г.) таких сибирских городов, как Тюмень и Тобольск. Далее следует история появления новых острогов. Подробно описывается продвижение казаков на восток новых территорий, что стало «великими сибирскими географическими открытиями» и тесно связало историю и географию региона: открытие реки Анадырь и пролива между Азией и Америкой (позднее названного Беринговым) Семеном Дежневым, а также начало освоения земель по течению реки Лена и Камчатки (появление Верхне- и Нижне-Камчатского острогов). Как отдельный исторический аспект можно выделить историю распространения православия в новых регионах государства и строительства церквей и монастырей (в Иркутске, Тобольске, Туруханске). Отмечается большое историческое значение Ангары как переселенческого моста в Сибири ([Живописная Россия, 1895: 127](#)). Проводятся аналогии между историей Иркутска и всей истории Сибири ([Живописная Россия, 1895: 141](#)), а также отмечается деятельность некоторых иркутских губернаторов ([Живописная Россия, 1895: 145](#)).

Очерк 7 «Буряты» обращается к истории буддизма, иерархии его религиозных деятелей, а также содержит информацию об истории миссионерства в Бурятии (при этом отмечаются особенности христианизации бурят).

В 8 очерке «Кяхта» содержится информация об истории российско-китайских торговых отношений, развития таможни, а также о российских посольствах в Китае, перед которыми стояли задачи определения и установления отношений между странами, оговаривались особенности и правила торговли и уточнялись границы, проходящие между Россией и Китаем.

В очерке 9 «Забайкальская область» содержатся упоминания о забайкальских казаках, предки которых добровольно участвовали вместе с Ермаком в завоевании Сибири. Также сообщается о раскольниках, которые в Забайкалье назывались «семейскими» и имели свою уникальную историю в контексте общей истории Сибири. Отмечается значение Нерчинска в истории становления российско-китайских торговых отношений.

Очерк 10 «Ссылка и ссыльные в Сибири» раскрывает особенные страницы истории Сибири, тесным образом связанные с пенитенциарной историей России. Сибирь стала местом ссылки с 1593 г. (при царе Федоре Иоанновиче). С начала XVIII века ссылка приобрела еще большее значение, поскольку в соответствии с новыми указами был расширен перечень наказаний, за которые полагалась ссылка в Сибирь. В большинстве случаев ссылка заменяла смертную казнь. Ссылка продолжает практиковаться (на момент выхода издания) как административная мера и как мера наказания по решению суда. В очерке приводятся данные о числе ссыльных, их этническом составе. Также приводятся ссылки на произведения протопопа Аввакума, на художественные произведения, в которых представлены описания сибирской каторги в сочинениях Ф.М. Достоевского и С.В. Максимова.

Очерк 11 «Северная часть Восточной Сибири» содержит исторические факты освоения заполярных территорий Сибири (начиная с трудов, карт и атласа энциклопедиста Сибири С. У. Ремезова и соответствующих указов Петра I) и выхода российских экспедиций, сопровождаемых проводниками-тунгусами, к Ледовитому океану. Описываются маршруты первопроходцев по рекам Нижняя Тунгуска и Оленек.

В 12 очерке «Тунгусы, Якуты и Чукчи» представлена история коренного населения Сибири – тунгусов, якутов, чукчей.

13 очерк «Полярная полоса Восточной Сибири» продолжает историю освоения заполярных территорий Сибири – Якутска, Верхоянска. Как и в предыдущих очерках, в данном разделе используются данные, полученные экспедицией академика А. Ф. Миддендорфа в 1842–1845 гг. Особенно отмечается составление карты полуострова Таймыр этим российским путешественником и географом. Подчеркивается значение Камчатских экспедиций В. И. Беринга, доказавшего, что азиатское и североамериканское побережья не соединяются. Дана информация и об исследовании территорий на восток от реки Лена (северо-восточного побережья Сибири) бароном Ф. П. Врангелем. Началом истории Северного морского пути стали экспедиции барона А. Н. Норденшельда, который в 1875–1876 гг. совершил плавание из Швеции в устье реки Енисей.

16 очерк «Новейшая экспедиция в Полярную Сибирь» продолжает историю исследования Арктики. Барон Э. В. Толль по приглашению учёного-полярника А. А. Бунге принял участие в 1885 г. в экспедиции на Новосибирские острова. В 1893 г. Э. В. Толль возглавил вторую арктическую

экспедицию Петербургской Академии Наук, которая проводила геологические исследования на берегу Восточно-Сибирского моря в районе мыса Святой Нос. Экспедиция обнаружила останки мамонтов.

17 очерк «Новейшие топографические исследования Сибири» посвящен истории топографических исследований Забайкалья (в районах Петровского завода, рек Хилок, Ингода, Шилка), предпринятых с целью установления направлений планируемой железной дороги.

Издание «Живописная Россия» (том 12, часть 1), являясь преимущественно географическим справочником по Восточной Сибири, тем не менее содержит важный исторический материал, позволяющий осмыслить исторические процессы региона, которые можно отнести к таким разделам, как история коренных этносов и новоселов, история географических открытий на территории Сибири, история региона как традиционного места ссылки и другим.

4.2. Описание территорий, климата, других географических и биологических характеристик Восточно-Сибирских территорий Российской империи в издании «Живописная Россия»

Поскольку издание «Живописная Россия» представляло собой первый и единственный для своего времени пример подробного и всестороннего описания России в научно-популярной форме, но со строгой опорой на научную литературу, сведения о географических характеристиках написаны без углубления в детали. В современных исследованиях упор делается на географическую составляющую издания (Аржакова, 2021: 21). В издании акцентируется имперский, патриотический посыл (Аржакова, 2021: 30). «Очерки строились с учетом существовавшего в тот период административного деления государства, поэтому описания давались по губерниям и областям. Но близлежащие административные единицы объединялись в более крупные территории... В целом в издании удалось достичь взвешенного соотношения между историческим, этнографическим и географическим материалом, в результате чего читатель получал общее представление о территории и ее природе, об обществе и людях, их истории и об основных чертах современного их положения. С учетом того, что в формировавшемся страноведении складывались два подхода, ставивших в центр своего внимания географический фактор как решающий в деятельности человека, и POSSИБИЛИСТСКИЙ, в котором признавалась самостоятельная и творческая роль человека на земле, было заметно, что в очерках «Живописной России» преобладает POSSИБИЛИСТСКИЙ ПОДХОД» (Мининкова, 2019: 72).

Рассмотрим подробнее описание географических характеристик в издании по его разделам, которые представляют собой литературную форму очерка.

В вступительном разделе «Общий взгляд на Восточную Сибирь» его автор Д. Стахеев ([Живописная Россия, 1895: 2-14](#)) приводит сведения о полезных ископаемых, полярном дне и ночи, флоре, фауне, климате, ландшафте, водных источниках Восточной Сибири. В тексте этого очерка присутствует художественная метафоричность, например, используются такие выражения, как «следы давно угасшей жизни», «природа в беспробудном усыплении, мертва и неизменна» ([Живописная Россия, 1895: 5](#)). Здесь же даны характеристики рек и горных массивов, объясняется, почему неверна народная этимология названия «Яблонный хребет». Если в тексте используется латинское название растений, то обязательно приводится и его русский аналог. Природа описывается восторженным стилем, например, автор пишет, что озеро Байкал производит на каждого путника «неизгладимое впечатление».

1 очерк «Саянский хребет и Минусинский округ» авторства князя К.А. Кропоткина ([Живописная Россия, 1895: 15-44](#)) начинается с общей характеристики географических зон, климата, описания тайги, степи, средней высоты ландшафта. Автор сожалеет, что птичий мир в Сибири «беден». Отмечается «великолепие пейзажа», сочетающееся с бездорожьем. Перечисляя богатства природных недр, он пишет, что не берется судить, насколько беднее или богаче в этом отношении Минусинская степь в соседних районах. Можно отметить, что во всей книге практически нет количественных (математических) данных. В этом очерке точные данные также даются только по отношению к высоте над уровнем моря. Приводится краткое описание охоты и сельского хозяйства и замечается, что подтаежные места состоят из степей, «негодных для земледелия» ([Живописная Россия, 1895: 20](#)).

2 очерк «Среднее течение Енисея» ([Живописная Россия, 1895: 45-66](#)), автором которого был князь Н. Костров, начинается с описания реки Енисей, ее притоков и других водных источников, здесь впервые упоминаются пещеры и горные породы (известняк, глина, мергель и другие). Административное деление на три округа (Ачинский, Канский, Красноярский) описано очень кратко. Более подробно охарактеризованы почвы и минеральные богатства территории. Наблюдения над климатом средней части Енисейской губернии производились до недавнего времени только в Красноярске, поэтому, как заключает автор, «они не могут служить основанием для точных выводов о всей этой местности. Климат здесь, разумеется, континентальный» ([Живописная Россия, 1895: 51](#)). Природа и погода раскрываются автором через описание вымышленного путешествия, которое как бы совершается самим читателем: «Вот уже совершенно стемнело; вы окоченели от холода; лошади едва передвигают ноги по сугробам снега; колокольчик ваш едва слышен в завывании ветра» ([Живописная Россия, 1895: 56](#)). Обращение к читателю-путнику характерно и для других очерков книги. В завершении приводятся проекты соединения рек Оби и Енисея, что и произойдет в конце XIX в.

В 3 очерке «Енисейский округ и золотопромышленность» его автором Николаем Латкиным ([Живописная Россия, 1895: 67-84](#)) приведены характеристики площади, границ округа; им наиболее подробно описано течение реки Енисей, ее пороги, острова, притоки, полезные ископаемые в бассейне реки и ее притоков, два ежегодных разлива. Даны сведения о климате, почве, границах растительности и ее характере. Из диких животных перечисляются только те, что приносят пользу местному населению. Виды птиц и рыб перечислены с указанием их вкусовых свойств. Дается информация о дорогах, полезных ископаемых, в особенности о золотосодержащем песке. Приводятся точные данные о ежегодных объемах добычи золота.

4 очерк «Туруханский край», автором которого был тоже Николай Латкин ([Живописная Россия, 1895: 85-98](#)), начинается с общих сведений о территории, орографии, геологическом составе гор, почве, течении реки Енисей, минеральных богатствах, климате, диких животных и птицах. Приводятся ссылки на других исследователей, признаются неточности более ранних представлений о рельефах и границах края. Описаны зимняя пурга и северное сияние, подчеркивается прежнее изобилие пушного зверя, характеризуются рыбный и пушной промыслы.

5 очерк «Байкал» авторства Д. Стахеева ([Живописная Россия, 1895: 99-116](#)) начинается с анализа этимологии названия озера, затем подробно рассказывается о самом Байкале и горном ландшафте вокруг него, дается описание острова Ольхон, подробно описаны передвижения по озеру. Из необычных моментов в очерке можно выделить названия 8 ветров, свойственных именно этой местности: «гора», «сиверко», «толкунцы», «култук» и др. ([Живописная Россия, 1895: 111](#)).

В 6 очерке «Ангара» автора С. Максимова ([Живописная Россия, 1895: 117-166](#)) подчеркивается роль реки Ангары. Для этого используются своеобразные текстовые художественные приемы, например: «Ангара завершила завоевание огромного косяка земли, у которого впереди несомненная, блестящая будущность» ([Живописная Россия, 1895: 117](#)). Делается экскурс в историю завоевания Сибири казаками. На стр. 122 издания дано описание климата, животного мира Сибири в текстовой стилизации XVII в.; указывается, что «край богатый», река Енисей «многоводна», остальные реки также «огромны и прекрасны», почва плодородна, здесь распространены «многообразные травяные цветы», щуки «великие» и т.д. Приводятся точные сведения о температуре, скорости, характере замерзания, разливах, островах на Ангаре. Подобные сведения энциклопедического характера нечасто встречаются в этом издании, ориентированном на широкий круг читателей. Сделаны интересные наблюдения, например, о том, что тараканы появились в этих местах вместе с переселенцами ([Живописная Россия, 1895: 134](#)). В отличие от других очерков для этого характерны своего рода регионализмы в названиях омулей или речных порогов. Кратко представлены геологические и метеорологические сведения.

7 очерк «Буряты» авторства Д. Стахеева ([Живописная Россия, 1895: 155-170](#)), 8 очерк «Кяхта» его же авторства ([Живописная Россия, 1895: 171-188](#)) и 18 очерк «Изучение Сибири» ([Живописная Россия, 1895: 315-324](#)) не добавляют каких-либо существенно новых сведений о географических и биологических характеристиках региона.

9 очерк «Забайкальская область», автором которого был Д. Стахеев ([Живописная Россия, 1895: 188-206](#)), начинается с общих характеристик области, описания ее границ, природных ландшафтов, лесов, диких зверей, флоры, рек, рыбы, особенностей рыбалки и охоты, характеристики озер и полезных ископаемых, зимней погоды. К отличительным особенностям этого очерка относится упоминание землетрясений, которые происходят практически ежегодно, хотя и не приводят к значительным бедствиям.

Автор 10 очерка «Ссылка и ссылки в Сибири» Н. М. Ядринцев ([Живописная Россия, 1895: 207-234](#)), характеризуя трудности проживания в Сибири, ссылается на подобные описания в сочинениях ссылочного старообрядца протопопа Аввакума. Новых географических и биологических сведений в данном очерке не приводится.

11 очерк «Северная часть Восточной Сибири» авторства Ф.Ф. Миллера ([Живописная Россия, 1895: 235-250](#)) отличается от других очерков тем, что представляет собой по сути художественное изложение результатов экспедиции самого автора, поэтому географические, биологические и другие сведения приводятся предельно конкретно с использованием субъективных авторских оценок (например, каким было лето в период экспедиции по температуре, преобладающим видам насекомых и т.д.).

В 12 очерке «Тунгусы, Якуты и Чукчи» его автор Ф.Ф. Миллер ([Живописная Россия, 1895: 251-266](#)) отмечает экстремальную температуру и урожайность земель Якутской области. Сообщается, что на дне древних озер, которые уже исчезли, появляются новые пастбища с сочной травой. Животный мир представлен только теми зверями, на которых охотятся местные жители, в том числе описываются олени.

Автором 13 очерка «Полярная полоса Восточной Сибири» также является Ф.Ф. Миллер ([Живописная Россия, 1895: 267-279](#)). Он подробно описывает климатические условия, в том числе характерные «безветрие и сухость», флору, границы распространения того или иного растительного вида, ареалы животных, не слишком разнообразных в зоне тундры. Птицы и рыбы описываются в аспекте добычи, большое внимание уделено домашним животным, в том числе оленям и собакам.

В 14 очерке «Сибирская соль» авторства С. Максимова (*Живописная Россия, 1895: 280-290*) перечисляются соляные ключи, которые сравниваются с источниками соли в западной части России.

У очерков с 15 по 18 автор не указан. 15 очерк «Сибирские леса и волокни» (*Живописная Россия, 1895: 291-298*) посвящен растительному миру, здесь дается описание трех типов леса (тайги или урмана, березового леса, горного леса) и перечисляются их особенности. Отмечается благоприятное расположение рек, их многоводность и вместе с тем «неустройство» местных водных путей, что является «большим местом России» (*Живописная Россия, 1895: 297*). Особое внимание уделено реке Амур и ее островам.

16 очерк «Новейшая экспедиция в Полярную Сибирь» (*Живописная Россия, 1895: 299-304*) посвящен описанию данной экспедиции и ее открытиям, сделаны характеристики территориальных горных пород. Описываются некоторые результаты экспедиции, но не подробно, так как небольшим размером очерка не позволяет это сделать.

17 очерк «Новейшие топографические исследования Сибири» (*Живописная Россия, 1895: 305-314*) посвящен результатам 5 топографических экспедиций. Здесь сообщаются сведения о ландшафтах, растительности, течении рек к востоку от озера Байкал, выветривании почвы на Селенге. Опубликованы наблюдения за изменением климата, например, на реке Хилке. Отдельная экспедиция состоялась на Яблоновый хребет, который охарактеризован более подробно, чем другие географические объекты, с данными по высоте перевалов и другими характеристиками.

Практически во всех очерках описывается уникальный ландшафт Сибири, включая ее тайгу, реки и озера, а также суровые климатические условия. Авторы подробно раскрывают масштабы и разнообразие природных явлений этого региона, отмечая его значимость для экономики империи. Тексты не перегружены научными описаниями, отсутствуют профессиональные академические термины. Напротив, язык очерков включает многочисленные художественные приемы, например, пороги Ангары называются «громкими и мучительными препятствиями», а сама река названа «взволнованной и рассерженной» (*Живописная Россия, 1895: 130-131*). Стилистически очерки существенно не отличаются друг от друга, поэтому нельзя выделить характерные особенности того или иного автора. Другие исследователи также отмечают, что в издании «Живописной России» язык «живой, ясный» (*Мининкова, 2019: 73*). «Редактор ориентировал уважаемых авторов статей на недопустимость в них сухого научного материала, на верные художественные понятия. Авторам предъявлялись требования, что представляемые материалы должны быть не только интересны, но что и весьма важно – читателям должны быть понятны «картины жизни нашего отечества настоящей и прошлой»» (*Попов, Попова, 2019: 87-88*).

Текстологический анализ показывает, что общее направление и форма очерков призваны привить любовь к Отечеству, воспитать у читателей патриотизм, поощрить путешествия на эти территории и способствовать их дальнейшему освоению.

4.3. Особенности иллюстраций, характеризующих Восточно-Сибирские территории Российской империи в издании «Живописная Россия» (часть 1, том 12)

Само название издания, делающее акцент на слове «живописная», указывает, что визуализация географических, исторических, этнографических и других особенностей разнообразных территорий Российской империи, является приоритетом данного издания. В предисловии к 1 части 1 тома М. О. Вольф кратко характеризует свои усилия по созданию великолепных иллюстраций, созданных специально для данного издания: «Для Живописной России потребовалось отыскать художественные силы, которыми так небогата Россия, – и мы призвали к участию в нашем труде лучших русских и иностранных художников» (*Живописная Россия, 1881: VI*). Известно также, что подавляющее большинство художников-иллюстраторов выполнили свои иллюстрации только для одного-единственного издания «Живописной России», что, собственно, и не позволило восстановить тираж этого издания, погибший в пожаре на складах типографии в 1900 г. В настоящее время отсутствуют большие монографические издания, посвященные как изданию в целом, так и его иллюстративной части, которая тем не менее является системой визуальных образов Российской империи в ее целостности. Именно визуализация территорий, их истории, природы, быта людей, образов представителей различных этнических групп способствует формированию устойчивой культурной идентичности, включая российскую и региональную культурные идентичности. В этом аспекте сложно переоценить значение иллюстраций в издании «Живописная Россия», общее число которых насчитывает 3815, в том числе 189 рисунков, 19 больших гравюр и 2 подробных географических карты в 1 части 12 тома «Восточные окраины России. Восточная Сибирь».

С одной стороны, издание имеет ярко выраженные черты роскошного, элитного издания, характерного для книгоиздания эпохи и стиля модерн. Это многочисленные и сложные виньетки, обрамляющие начало каждого очерка и завершающие текст очерка, это сложные по композиции и сюжету иллюстрации, подробное изображение многочисленных деталей и другие черты, присущие эстетике неоромантизма, проявленной в стиле модерн.

В издании «Живописная Россия» все изображения черно-белые, как правило, выполненные в технике цинковых металлических гравюр, а также гравюр на дереве. Ряд иллюстраций выполнен на

мелованной бумаге и защищен калькой. Все переплеты были выполнены вручную и имеют серийное оформление.

Объем научной статьи не позволяет выполнить детальный анализ всех иллюстраций даже одного тома издания. Поэтому остановимся на количественных параметрах иллюстрирования, а также на некоторых изображениях, выступающих репрезентантами визуализации территорий Восточной Сибири.

Вступительная статья Д. Стахеева проиллюстрирована изображениями гербов Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей, а также начальной и заключительной виньетками и двумя отдельными картинами. 1 очерк проиллюстрирован 17 рисунками, виньеткой и отдельной картиной-гравюрой. 2 очерк содержит начальную букву, 6 рисунков, заключительную виньетку и 2 отдельных картины-гравюры. 3 очерк включает начальную букву и 9 рисунков. В 4 очерке представлены 7 рисунков и заключительная виньетка. В 5 очерке – 12 рисунков и заключительная виньетка, для которой указана авторство художника Н. Каразина. В 6 очерке в качестве иллюстраций использованы начальная буква авторства художника Писемского, 19 рисунков и 2 отдельные картины-гравюры. В 7 очерке – 10 рисунков и 1 заключительная виньетка художника А. Писемского. В 8 очерке – 10 рисунков. В 9 очерке – 16 рисунков, 1 заключительная виньетка и 1 отдельная картина-гравюра. В 10 очерке – 22 рисунка и 2 отдельных картины-гравюры. В 11 очерке представлены 14 рисунков и 1 отдельная картина-гравюра. В 12 очерке содержатся начальная буква, 11 рисунков. 13 очерк проиллюстрирован начальной буквой, 16 рисунками, 2 отдельными картинами-гравюрами. 14 очерк содержит начальную букву, 1 рисунок и 1 заключительную виньетку. В 15 очерке в качестве иллюстраций только начальная буква и заключительная виньетка. В 16 очерке также начальная буква и заключительная виньетка. 17 очерк содержит начальную букву, 4 рисунка и 1 отдельную картину-гравюру. В 18 очерке иллюстрации представлены 2 отдельными картинами-гравюрами. Таким образом, общего плана иллюстрирования нет, разные очерки имеют различные формы и способы иллюстраций.

Визуальная модель 1 части 12 тома «Живописная Россия» включает в себя три основных элемента: документальные изображения (рисунки, картины), декоративные издательские элементы и тщательно проработанные географические карты. Репрезентантами второго вида элементов визуальной модели 1 части 12 тома издания «Живописная Россия» можно назвать заключительные виньетки, поскольку они либо являются дополнением к таким иллюстрациям, как начальная буква, рисунок, отдельная картина, либо выступают одной из двух иллюстраций там, где нет ни рисунков, ни отдельных картин. Всего в издании представлено 10 заключительных виньеток, для двух из которых указано авторство художников Н. Каразина (Рисунок 1) и А. Писемского (Рисунок 2). Эти авторские виньетки дополняют другие иллюстрации очерков.

Основной общий сюжет заключительных виньеток 5 и 7 очерков – стилизованные пейзажи. Художник Н. Каразин использует изображение уток на воде, художник А. Писемский – изображение бурелома с элементом окружности, которая может символизировать лупу исследователя или сферическую форму как единую форму для природных объектов. Эти изображения достаточно универсальны, не имеют явных локальных особенностей, они могли бы иллюстрировать большое количество очерков, где даны описания леса, водных источников, различных территорий (как безлюдных, так и обитаемых). Данные визуальные образы, скорее всего, создавались как обобщенные иллюстрации, которые могли иметь широкое издательское применение.

Рис. 1. Заключительная виньетка 5 очерка.
Художник Н. Каразин

Рис. 2. Заключительная виньетка 7 очерка.
Художник А. Писемский

Таким образом, визуализация исторических, географических, этнографических, бытовых, в том числе религиозных, особенностей Восточно-Сибирских территорий была выполнена достаточно обширно, она имела как иллюстрирующие, так и научно-познавательные функции. Для визуализации содержания 1 части 12 тома издания «Живописная Россия» в целом характерен

стиль книгоиздательского модерна рубежа XIX–XX веков. При этом в тексте издания крайне редко обозначены авторы иллюстраций, а также практически отсутствуют технические параметры как иллюстраций, так и способов их создания. Можно предположить, что основной целью издания было создание целостного образа Восточно-Сибирских территорий за счет интеграции текста, иллюстраций, декоративных издательских элементов. Могущество и территориальное богатство Российской империи было визуализировано достаточно репрезентативно как с помощью документальных изображений и карт, так и с помощью тщательно проработанных декоративных элементов, характерных для книжных изданий рубежа XIX–XX вв.

5. Заключение

Издание «Живописная Россия» (том 12, часть 1) стало значительным культурным событием в Российской империи к. XIX в. Книга, посвященная Восточно-Сибирским территориям России, была не только написана серьезными исследователями, но и проиллюстрирована замечательными художниками в стиле модерн, характерном для книгоиздания данного периода. Данное издание представляет собой репрезентант визуализации исторических, географических, этнографических, культурных особенностей Восточной Сибири, как ее представляли образованные люди России. В 18 очерках и 201 иллюстрации был создан целостный и разнообразный образ Восточно-Сибирских губерний и областей.

Комплексный подход, позволяющий объединить исторические, географические, этнографические и культурные сведения энциклопедического характера, который был реализован при подготовке издания «Живописная Россия» (том 12, часть 1), делает это издание ценным историческим источником, в том числе в аспекте визуализации региональной истории. Опубликованные в издании иллюстрации в настоящее время используются как зачастую единственный визуальный материал, раскрывающий исторические особенности территорий России.

Литература

- Абашев, 2018** – Абашев В.В. Урал в монументальной геопанораме (очерк М.В. Малахова в «Живописной России») // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 2(59). С. 59–67.
- Аржакова, 2021** – Аржакова Л. М. "Живописная Россия" (1878/1881–1901) как способ конструирования российской имперской идентичности (на примере поляков) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. № 16 (3–4). С. 17–36.
- Белозорович, 2018** – Белозорович В.А. Исторические воззрения Адама Киркора (на примере «Живописной России») // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории. 2018. № 2. С. 127–130.
- Богданов, 2023** – Богданов А.А. Город Касимов в научных трудах П.П. Семёнова-Тян-Шанского // Рязанская земля: история, культура, общество: материалы восьмой межрегиональной научно-практической конференции, Рязань, 25 августа 2022 года. Рязань: Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького, 2023. С. 45–55.
- Горизонтов, 2017** – Горизонтов Л.Е. Дискуссия конца XIX века о томе «Живописной России», посвященном литовским и белорусским губерниям // *Славяноведение*. 2017. № 1. С. 62–72.
- Дегтяренко и др., 2022** – Дегтяренко К.А., Менжуренко Ю.Н., Пчелкина Д.С., Шпак А.А. Древние художественные произведения Центральной Сибири // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. № 15 (6). С. 799–810
- Ермолаева, 2017** – Ермолаева Е.Н. Роль Минусинского музея в научном изучении региона // *Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств)*. 2017. С. 20–24.
- Живописная Россия, 1881** – Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 1, ч. 1. М. — СПб.: Тов. М. О. Вольф, 1881. 558 с.
- Живописная Россия, 1895** – Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12, ч. 1. М. — СПб.: Тов. М. О. Вольф, 1895. 361 с.
- Кашинская, 2014** – Кашинская О.А. Исторический источник и историческая наука: диалектика взаимодействия / Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2014. С. 180–184.
- Кистова и др., 2023** – Кистова А.В., Букова М.И., Пименова Н.Н., Замараева Ю.С. Культурные практики в социально-культурном пространстве Красноярского края: выставка к 175-летию Сурикова в Красноярске // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 16 (8). С. 1307–1322.
- Мининкова, 2019** – Мининкова Л. В. «Живописная Россия» как популярное географическое сочинение эпохи модерна и его читатель / *Актуальные проблемы источниковедения: материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г.* Отв. ред. А. Н. Дулов, М. Ф. Румянцева. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2019. С. 71–73.

Недзелюк, 2011 – Недзелюк Т.Г. Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2011. № 3 (15). С. 129-135.

Попов, Попова, 2019 – Попов А.С., Попова Т.И. Знакомство будущих педагогов с изданием "Живописная Россия" / *Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы: Материалы X Всероссийской научно-практической Internet-конференции (с международным участием), Тамбов, 11 ноября 2019 года*. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 85-89.

Приставкина, 2023 – Приставкина Е.Л. Прижизненные издания Маврикия Вольфа в Смоленской областной универсальной научной библиотеке им. А.Т. Твардовского / *Гротовские чтения – 2022: материалы Всероссийской научной конференции, Самара, 17–18 ноября 2022 года*. Самара: Самарская областная универсальная научная библиотека, 2023. С. 305-314.

Раздорский, 1996 – Раздорский А.И. Виды городов и других населенных пунктов в издании «Живописная Россия» // *Источники по истории населенных пунктов дореволюционной России*. Вып. 1. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 1996. С. 311-365.

Сергеева, 2023 – Сергеева Н.А. Понятие «визуальность» в современных теории и истории искусства // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. № 7 (2) С. 108-115.

Сидорчук, 2017 – Сидорчук О.Н. «Энциклопедия впечатлений»: источниковедческий потенциал путеводителей XIX–XX вв. // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2017. № 6 (1). С. 31-35.

Ситникова, 2023 – Ситникова А.А. Городская художественная культура: современные концептуальные основания и методологические подходы к изучению // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 16 (11). С. 1999-2009.

Ткачев, 2024 – Ткачев В.В. «Сбор материалов о восточных землях Сибири»: создание в рамках экспедиционной работы деятелями искусства живописных видов с подробным описанием Байкальской Сибири и Приамурья во второй половине XIX – начале XX вв. // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2024. № 8 (1). С. 38-46.

Чеченков, 2012 – Чеченков П.В. Документ и исторический источник: на перекрестке социально-гуманитарных наук // *Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии»*. 2012. № 4. С. 36-45.

Шульгин, 2010 – Шульгин П.М. Почтовые открытки 1941–1945 гг. как исторический источник // *Исторический архив*. 2010. № 2. С. 58-73.

Koptseva et al., 2022 – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Y.N. The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the 19th century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 867-875.

Koptseva et al., 2023 – Koptseva, N.P., Shpak, A.A., Menzhurenko, Y.N., Degtyarenko, K.A. "Industry and technology: Encyclopedia of industrial knowledge" (1901-1904) as a source on the history of Russian science and technology // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 378–389.

Koptseva et al., 2024 – Koptseva, N.P., Shpak, A.A., Menzhurenko, Y.N., Degtyarenko, K.A. The History Image of the Fatherland in the Essays of the First Part of the First Volume in Edition "Zhivopisnaya Rossiya ("Picturesque Russia")" (1881) // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 312-324.

Leshchinskaya et al., 2022 – Leshchinskaya, N.M., Sitnikova, A.A., Sertakova, E.A., Koptseva, N.P. The magazine "Zodchij" as a source on the history of Russian Art Nouveau at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1237–1249.

Zamaraeva et al., 2023 – Zamaraeva Y.S., Seredkina N.N., Pchelkina D.S., Pimenova N.N. Scientific and Technological Progress of the early XX century in the Periodicals of the Russian Empire (Journal "Zodchij", 1902) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 390-401.

References

Arzhakova, 2021 – Arzhakova, L.M. (2021). "Zhivopisnaya Rossiya" (1878/1881-1901) kak sposob konstruirovaniya rossijskoj imperskoj identichnosti (na primere polyakov) ["Picturesque Russia" (1878/1881-1901) as a way of constructing Russian imperial identity (using the example of the Poles) // Slavic world in the third millennium]. *Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii*. 16 (3-4): 17-36. [in Russian]

Chechenkov, 2012 – Chechenkov, P.V. (2012). Dokument i istoricheskij istochnik: na perekrestke sotsial'no-gumanitarnyh nauk [Document and historical source: at the crossroads of social sciences and humanities]. *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya "Upravlenie v sotsial'nyh sistemah. Kommunikativnye tekhnologii"*. 4: 36-45. [in Russian]

Degtyarenko i dr., 2022 – Degtyarenko, K.A., Menzhurenko Y.N., Pchelkina, D.S., Shpak A.A. (2022). Drevnie hudozhestvennye proizvedeniya Tsentral'noj Sibiri [Ancient works of art of Central Siberia]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 15 (6): 799-810. [in Russian]

Ermolaeva, 2017 – Ermolaeva, E.N. (2017). Rol' Minusinskogo muzeya v nauchnom izuchenii regiona [The role of the Minusinsk Museum in the scientific study of the region]. *Uchyonye zapiski (Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*. Pp. 20-24. [in Russian]

[Kashinskaya, 2014](#) – *Kashinskaya, O.A.* (2014). Istoricheskij istochnik i istoricheskaya nauka: dialektika vzaimodejstviya [Historical source and historical science: dialectics of interaction]. Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'. Ekaterinburg. Pp. 180-184. [in Russian]

[Kistova i dr., 2023](#) – *Kistova, A.V., Bukova, M.I., Pimenova, N.N., Zamaraeva, Y.S.* (2023). Kul'turnye praktiki v sotsial'no-kul'turnom prostranstve Krasnoyarskogo kraja: vystavka k 175-letiyu Surikova v Krasnoyarske [Cultural practices in the socio-cultural space of the Krasnoyarsk Territory: exhibition for the 175th anniversary of Surikov in Krasnoyarsk]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 16(8): 1307-1322. [in Russian]

[Koptseva et al., 2022](#) – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Y.N.* The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the 19th century. *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 867-875.

[Koptseva et al., 2023](#) – *Koptseva, N.P., Shpak, A.A., Menzhurenko, Y.N., Degtyarenko, K.A.* “Industry and technology: Encyclopedia of industrial knowledge” (1901-1904) as a source on the history of Russian science and technology. *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 378-389.

[Koptseva et al., 2024](#) – *Koptseva, N.P., Shpak, A.A., Menzhurenko, Y.N., Degtyarenko, K.A.* The History Image of the Fatherland in the Essays of the First Part of the First Volume in Edition “Zhivopisnaya Rossiya (“Picturesque Russia”)” (1881). *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 312-324.

[Leshchinskaya et al., 2022](#) – *Leshchinskaya, N.M., Sitnikova, A.A., Sertakova, E.A., Koptseva, N.P.* The magazine “Zodchij” as a source on the history of Russian Art Nouveau at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1237-1249.

[Mininkova, 2019](#) – *Mininkova, L.V.* (2019). “Zhivopisnaya Rossiya” kak populyarnoe geograficheskoe sochinenie epohi moderna i ego chitatel' [“Picturesque Russia” as a popular geographical work of the modern era and its reader]. Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii k 110-letiyu Vitebskoj uchenoj arhivnoj komissii, Vitebsk, 25–27 aprelya 2019 g. Otv. red. A. N. Dulov, M. F. Rumyantseva. Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P. M. Masherova. Pp. 71-73. [in Russian]

[Nedzelyuk, 2011](#) – *Nedzelyuk, T.G.* (2011). Metricheskie knigi sibirskih katolicheskikh prihodov kak reprezentativnyj istoricheskij istochnik Parish registers of Siberian Catholic parishes as a representative historical source]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Istorija*. 3 (15): 129-135. [in Russian]

[Popov, Popova, 2019](#) – *Popov, A.S., Popova, T.I.* (2019). Znakomstvo budushchih pedagogov s izdaniem “Zhivopisnaya Rossiya” [Introducing future teachers to the publication “Picturesque Russia”]. Prepodavatel' vysshej shkoly: traditsii, problemy, perspektivy: Materialy X Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy Internet-konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), Tambov, 11 noyabrya 2019 goda. Tambov: Izdatel'skij dom “Derzhavinskij”. Pp. 85-89. [in Russian]

[Sergeeva, 2023](#) – *Sergeeva, N.A.* (2023). Ponyatie “vizual'nost” v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of “visuality” in modern theory and history of art]. *Severnye Arhivy i Ekspeditsii*. 2023. 7 (2): 108-115. [in Russian]

[Shul'gin, 2010](#) – *Shul'gin, P.M.* (2010). Pochtovye otkrytki 1941–1945 gg. kak istoricheskij istochnik [Postcards 1941–1945 as a historical source]. *Istoricheskij arhiv*. 2: 58-73. [in Russian]

[Sidorchuk, 2017](#) – *Sidorchuk, O.N.* (2017). “Entsiklopediya vpechatlenij”: istochnikovedcheskij potentsial putevoditelej XIX–XX vv. [Encyclopedia of impressions”: source study potential of guidebooks of the 19th–20th centuries]. *Interesno Geo-Sibir*. 6 (1): 31-35. [in Russian]

[Sitnikova, 2023](#) – *Sitnikova, A.A.* (2023). Gorodskaya khudozhestvennaya kul'tura: sovremennye kontseptual'nye osnovaniya i metodologicheskie podhody k izucheniyu [Urban artistic culture: modern conceptual foundations and methodological approaches to study]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 16 (11): 1999-2009. [in Russian]

[Tkachev, 2024](#) – *Tkachev, V.V.* (2024). “Sbor materialov o vostochnyh zemlyah Sibiri”: sozdanie v ramkah ekspeditsionnoj raboty deyatel'nyami iskusstva zhivopisnyh vidov s podrobnym opisaniem Bajkal'skoj Sibiri i Priamur'ya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [“Collection of materials about the eastern lands of Siberia”: creation of picturesque views pictures, as part of expeditionary work, with a detailed description of Baikal Siberia and the Amur region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Severnye Arhivy i Ekspeditsii*. 8 (1): 38-46. [in Russian]

[Zamaraeva et al., 2023](#) – *Zamaraeva, Y.S., Sereckina, N.N., Pchelkina, D.S., Pimenova, N.N.* Scientific and Technological Progress of the early XX century in the Periodicals of the Russian Empire (Journal “Zodchij”, 1902). *Bylye Gody*. 18(1): 390-401.

[Zhivopisnaya Rossiya, 1881](#) – *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia: Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday meaning]. T. 1, ch. 1. M. SPb.: Tov. M. O. Vol'f, 1881. 558 p. [in Russian]

[Zhivopisnaya Rossiya, 1895](#) – *Zhivopisnaya Rossiya: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia: Our Fatherland in its land, historical, tribal, economic and everyday meaning]. T. 12, ch. 1. M. Spb.: Tov. M. O. Vol'f, 361 p. [in Russian]

**«Живописная Россия» (том 12, часть 1) как источник по истории
Восточно-Сибирской территории Российской империи**

Наталья Петровна Копцева ^{a, *}, Вероника Адольфовна Разумовская ^a, Иван Юрьевич Макарчук ^a,
Юлия Евгеньевна Валькова ^b

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье был выполнен текстологический анализ 1 части 12 тома издания «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», которое имеет подзаголовок «Восточные окраины России. Восточная Сибирь». Выпущенное в свет в 1895 г. энциклопедическое издание является ценным историческим источником, где раскрываются как факты, связанные с освоением Восточно-Сибирских территорий и с социально-экономическим статусом коренных сибирских народов, так и особенности визуализации этих фактов. Целью исследования было выявить особенности формирования образа Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. в текстах энциклопедического характера и иллюстрациях, сопровождающих данные тексты. В 1 части 12 тома «Живописной России» формируется целостный и многоаспектный образ Восточно-Сибирских территорий как издавна осваиваемых выходцами из Центральной России, перспективных, богатых, населенных разнообразными народами, имеющими особенные религиозные и бытовые качества. Визуализация образа Восточной Сибири связана с созданием значительного количества пейзажей, крупных населенных пунктов, портретов людей в национальной одежде, а также изображений религиозных обрядов. Концепция интеграции текста и визуальных изображений была эффективно реализована, сделав «Живописную Россию» важнейшим историческим источником, раскрывающим особенности исторического мышления образованных людей России на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Российская империя, «Живописная Россия», иллюстрированная история.

* Корреспондирующий автор

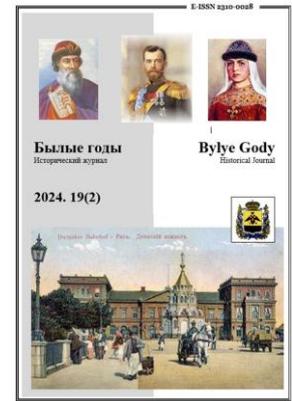
Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева),
veronica_raz@hotmail.com (В.А. Разумовская), faler2007@yandex.ru (И.Ю. Макарчук),
julyvalkova@gmail.com (Ю.Е. Валькова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(2): 908-917
DOI: 10.13187/bg.2024.2.908

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Attributes of the Steppe Civilization in the Scientific Legacy of Shokan Ualikhanov

Aurika T. Serubayeva ^{a,*}, Galia K. Myrzakhmet ^a, Dynara I. Danabekova ^a, Kamshat R. Abdurahmanova ^a

^a M.Kh. Dulaty Taraz Regional University, Taraz, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article presents an analysis of the views and assessments of Shokan Ualikhanov regarding the issues of nomadic societies. The researcher highlights the clan-tribal structure of nomads as a key characteristic of the socio-cultural environment under study. The special attention is given to the analysis of historical and cultural aspects of the life of nomadic peoples, on the basis of which Ualikhanov makes significant conclusions about the predominant forms of economy of the peoples of the Great Steppe, encompassing livestock breeding, agriculture, urban and rural settlement, as well as craftsmanship and more. It is important to note that Ualikhanov's scientific conclusions about the ethnonym "Kazakh", the ethnogenesis of the Kazakh people, and the formation of the Kazakh Khanate, formulated in the mid-19th century, are confirmed in the works of modern domestic researchers. The article also covers the political-ethnic, spiritual-cultural, and historical-geographical aspects of nomadic societies.

Sh.Ualikhanov, in his exploration of the history and culture of the Turkic peoples from eastern medieval sources, relied on manuscripts KadyrgaliJalair's "Collection of Chronicles," Abulgazy Bahadur's "Shezhire-i Turk," and Muhammad HaydarDulati's "Tarikh-i Rashidi," alongside manuscripts acquired from Kashgaria, including "History of Satuk-Bugra Khan," "History of Tuglyk-Timur Khan," "History of Khojas," and "AbumuslimMaurizi." In his works, he used the poems of the Kazakh and Kyrgyz people "Edige" and "Manas" as a primary source. Notably, he undertook the pioneering task of translating a section of the poem "Manas," "The Death of Koketai Khan and His Funeral" into Russian. Ualikhanov's engagement with educated individuals, his European education obtained at the Omsk Cadet Corps, and his participation in scientific expeditions collectively contributed to his ability to discern and comprehend the intricacies of nomadic society.

Keywords: Shokan Ualikhanov, Great Steppe, steppe civilization, 19th century, Middle Ages, clan-tribal structure, historical geography, genealogy, ethnic groups, medieval manuscripts.

1. Введение

Шокан Уалиханов – выдающаяся личность казахского народа. Он внес большой вклад в изучение истории и культуры не только казахского, но и других тюркских народов. Его творческое наследие является важным источником в изучении этногенеза, общественно-политических, духовно-культурных, историко-географических проблем кочевых народов. На сегодняшний день сформирована школа шокановедения, опубликованы специальные исследования и научные монографии. Жизненный путь, общественно-политическая деятельность, научные взгляды и научное наследие Ш. Уалиханова исследованы с разных аспектов и введены в научный оборот. При написании данной статьи мы убедились в том, что изучение каждого аспекта наследия ученого позволяет открывать новые горизонты, совершать научные открытия. Ш. Уалиханов мечтал изучить самобытную историю народа и представить многовековую Степную Цивилизацию русскому народу,

* Corresponding author

E-mail addresses: serubaeva_aurika@mail.ru (A.T. Serubayeva)

а затем и странам Европы. Целью статьи является выявление и оценка признаков цивилизации Великой степи в научном наследии Ш. Уалиханова.

2. Материалы и методы

В процессе написания статьи авторы руководствовались такими научно-методологическими принципами, как исторический, всесторонний сравнительный анализ и обобщение, системность и др. Особое внимание было уделено цивилизационному подходу по изучению научного наследия личности, распространенному во всем мире. При анализе и обсуждении научного наследия ученого проанализирован вклад Ш. Уалиханова в науку и культуру, в развитие цивилизации в целом.

Основу источниковедческой базы статьи составляют пятитомный сборник произведений Ш. Уалиханова, изданный академиком А. Маргуланом в 1984–1985 годах, и произведения ученого на казахском языке, изданные в 2010 году в рамках государственной программы «Культурное наследие».

Российские ученые-историки А.Г. Голиков и Т.А. Круглова так охарактеризовали теоретико-методологическую проблему использования исторических источников и их классификации: «Материалы личности всегда вызывали интерес со стороны историков. Они оценивают эти материалы как наиболее ценные, прежде всего, для биографических исследований. По мнению ученых, факт биографического материала отличается своей ценностью. В источниковедении сформирован ряд исследовательских принципов определения достоверности сведений о физических лицах. Например, дневники, письма и письма по своему содержанию помогают определить личностные качества личности, социальное положение, мировоззрение, связи с окружающими, способы, которыми она получает информацию и данные» (Голиков, Круглова, 2010: 47). У Шокана Уалиханова также были личные документы, дневники путешествий, рукописи. Поэтому следует отметить, что мы должны применить большое историческое наследие ученого к решению некоторых источниковедческих, историографических проблем, сосредоточив внимание на теоретико-методологических позициях в историческом изучении.

Академик М. Козыбаев размышляет о роли исторической личности в истории следующим образом: «Мы должны очень внимательно относиться к личностям в истории. Необходимо объективно рассмотреть вклад любой личности в развитие общества и культуры» (Козыбаев, 1998: 48).

3. Обсуждение

Изучение жизненного пути и деятельности, а также некоторых научных работ Ш. Уалиханова началось еще при жизни ученого. Историография шокановедения берет свое начало с 1904 года. Под руководством Н.И. Веселовского Русским географическим обществом в Петербурге отдельной книгой был издан 29-й том под названием «Сочинения Чокана Чингисовича Уалиханова». В предисловии к названному произведению Н.И. Веселовский писал: «...Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Уалиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд» (Веселовский, 1904: 5).

Известный советский археолог А.Н. Бернштам писал: «Суждения исторического и этнографического характера, сделанные Шоканом Уалихановым, по своей глубине и значимости сделанных им выводов стоят гораздо выше, чем работы Белля о Синьцзяне (1868–1969) и написанные миссией Форсайта (1870–1873)». Показал, насколько важным было путешествие Ш. Уалиханова в Кашгар (Бернштам, 1947: 52-71).

В формировании интереса Шокана к науке принимали участие академик А.И. Шренк, декабристы С.М. Семенов, В.И. Штейнгель, Н.В. Басаргин, студенты Казанского университета С. Сотников, Н.Ф. Костылецкий, Т. Сейфуллин и другие (Уалиханов, 2010: 194). Также в становлении и развитии общественно-политических взглядов Шокана приняли участие П.В. Гонсевский, П.В. Лободовский, В.Г. Белинский и А.И. Герцен.

При советской власти жизнь и деятельность, а также научное наследие Ш. Уалиханова интенсивно изучались в 1950-1970-х и до середины 1980-х гг. В исследованиях произведений ученого немало заслуг академика А. Маргулана. Под его руководством в 1961–1972 и 1984–1985 гг. были изданы пятитомные собрания сочинений.

Общественно-политические, экономические, философские, правовые и исторические взгляды Уалиханова были исследованы рядом ученых, таких как К. Бейсембиев, О. Сегизбаев, А. Исаков, Г. Исаков, А. Атишев, Д. Дулатова, О. Султаньяев, Г. Усенова, Ч. Турдалиева, С. Утениязов, Г. Уалиханова, И. Ишембетова, Р. Тлеукабылова, Ж. Бейсенбайулы.

Изданы были также произведения публицистического жанра. В 1986 году в издательстве «Наука» главной редакцией восточной литературы (г. Москва) были опубликованы избранные произведения Шокана Уалиханова. Составители данной книги – Б. Кумек, В. Моисеев и В. Настич (Уалиханов, 1986).

В изучении и введении в научный оборот научного наследия ученого большую роль сыграли академик Р.Б. Сулейменов и профессор В.А. Моисеев. Особо следует отметить произведение «Шокан Валиханов – востоковед», посвященное 150-летию ученого.

4. Результаты

Осенью 1847 года Шокан в возрасте 12 лет поступил в Омский кадетский корпус. На момент поступления в кадетский корпус он не знал русского языка, но за короткое время догнал своих сверстников в вопросах изучения русского языка. У него были хорошие отношения с преподавателем русской литературы и востоковедом Н.Ф. Костылецким. Н.Ф. Костылецкий руководил Шоканом, который в течение нескольких лет занимался изучением эпоса казахского народа, вместе они перевели на русский язык самую старую версию эпоса «Козы Корпеш – Баян Сулу».

В 1852 году Н.Ф. Костылецкий познакомил Шокана с широко известным востоковедом И.Н. Березиным, между которыми установились творческие дружеские отношения. В кадетском корпусе формируются просветительские идеи и созревают демократические взгляды Ш. Уалиханова. Он выходит из корпуса разносторонне образованным гражданином.

Проблемы формирования казахского народа, происхождения казахского этнонима и образования Казахского ханства на сегодняшний день являются одними из актуальных проблем в отечественной исторической науке. Большой вклад в изучение данных проблем внес Ш. Уалиханов. Своими исследованиями ученый стремился показать всему миру основные атрибуты Степной цивилизации.

Ш. Уалиханов уделял особое внимание семантике термина «казах» и его происхождению, проблемам этногенеза казахов. Он тщательно искал в русских летописях и трудах русских востоковедов, в рукописях средневековых ученых Востока, трудах западных ученых, китайских источниках сведения об истории казахов, происхождении слова «казах» (Серубаева, 2015: 154). Ученый так и не нашел значительных трудов по истории, происхождению и становлению казахского народа. Именно это обстоятельство послужило толчком к написанию труда «Киргизское родословие», который содержит важные сведения об истории казахского народа в средние века.

По мнению Ш. Уалиханова, слово «казах» существовало до эпохи Чингисхана, в тюркское время. Это понятие использовалось в значении «свободный и бродячий». Подобное утверждение подтверждается словами Шокана: «Киргизы называют себя казахами. В древности слово «казах» встречается в значении «свободный»; я в этом не сомневаюсь (Уалиханов, 2010: 241).

Мнение академика Б. Кумекова относительно этнонима «казах» сходится с выводами Ш. Уалиханова по данному вопросу. Б. Кумеков пишет: «Становление казахского народа было долгим и сложным. Оно произошло в результате этнических взаимосвязей коренных и перекочевавших народов, которые длились три тысячи лет... слово «казах» изначально имело социальный смысл. В то время тех, кто отделился от основного населения, называли «казахами»... Жанибек и Керей после отделения от кочевых узбеков стали узбеками-казахами» (Кумеков, 2015: 4). Таким образом, слово «казах» изначально имело социальный смысл, а уже потом приобрело этнополитическое значение. Некоторые ученые, опираясь на византийские источники, утверждают, что слово «казах» было известно в IX–X веках как «касахи», косохи». Под ним следует понимать просто фонетическое созвучие (Кумеков, 2011).

Данное мнение ученого, высказанное в середине XIX века, перекликается с достижениями современной исторической науки. По утверждению ряда тюркологов, распространение термина «казах» связано с Восточным Дешт-и кипчаком. Созвучие анализируемого термина в кипчакском языке было сформулировано А.Н. Самойловичем не ранее XI века. Более конкретно в письменных источниках впервые термин «казах» употребляется в 1245 году в среде кипчаков в Египетском государстве Мамлюк, то есть в словаре арап-кипчаков. В нем слово «казах» означает «свободный». В значении слова «казах» можно отметить социальное содержание.

С целью уточнения терминов «казах» и «алаш» ученый часто обращался к легендам, считаясь одним из образцов устного народного творчества. Он пишет, что среди казахов сохранились различные легенды об «Алаше» и «Алаша-Хане», и делает вывод, что легенда об Алаша-Хане могла появиться позже.

Ш. Уалиханов и В. Вельяминов-Зернов впервые обратились к труду М.Х. Дулати «Тарихи-Рашиди» и смогли дать научную интерпретацию завершающего этапа процесса этногенеза казахского народа. Конечно, ученый не смог дать полной информации об этнической истории казахского народа. Это было закономерно. В то время в его руках не было археологических, этнографических, письменных данных, в отличие от современных исследователей. Однако Уалиханов совершил немало научных открытий, тем самым внес весомый вклад в историографию того периода.

Шокан сопоставляет данные различных оригиналов рукописей и создает несколько таблиц генеалогических родов, в том числе казахских ханов и султанов. Ученый отмечает: «Вот родо подразделение киргизов дано в том строго неизменном порядке, как принято у них. Самый порядок разделения, обуславливая собою право старшинства и силу племени, что и, по понятию киргизов, выражается правом физического первородства предка, имеет большое значение в их родовом праве и принимается совершенно в генеалогическом смысле: посему форма отношений орд к ордам и родов

одной орды между собою соответствуют правам кровного братства, а отношения родов к своей орде — отношению сына к отцу, к старшему роду старшей орды — отношением племянника к дяде; всего более характеризуется этот патриархальный родовой быт отношением в диспутах степных импровизаторов из разных родов о превосходстве и старшинстве своего предка (Валиханов, 1985: 148).

Здесь особо следует отметить, что Уалиханов хорошо знал родоплеменное устройство, являющееся главной особенностью казахского народа. Впервые в своих исследованиях ученый обратил внимание на специфику Степной цивилизации, в которой, как он понимал, на первом месте стоит не территориальная структура (земля), как в оседлых странах, а родоплеменная система, являющаяся главным стержнем кочевого общества.

Изучая этногенез казахского народа, Шокан предоставил возможность исправить одну распространенную среди историков ошибку. До этого времени ученые понимали значение слова «Алтын Орда» как государственное устройство. По его трактовке, «Орда в широком смысле — место столицы хана, в узком — его ставка. Золотая Орда хана — золотая палатка (шатыр) или юрта; впоследствии она стала названием всех ставок в городах, где жил хан...». «Нетрудно почувствовать, что эти орды не имели общенародного названия, каждое племя сохранило свои названия, например: коньрат, найман, кыпчак и другие» (Сулейменов, Моисеев, 1985: 65). Это ценное замечание Шокана еще раз показывает, что он глубоко знает особенности внутреннего устройства кочевых обществ, которые многие европейские ученые не замечали.

Ш. Уалиханов с особым интересом собирал и изучал легенды и рассказы, являющиеся основой духовной культуры казахского и кыргызского народов. Большое значение имеют труды ученого о происхождении казахов и о составе и роли племен, составлявших казахский народ, которые являются одной из основных проблем в научном наследии. Интересен также труд Шокана о происхождении трех жузов, которые составляли основу казахского народа. Ученый разделяет мифы о происхождении казахского народа на две группы. Первый — это предания до принятия ислама; второй — предания после принятия ислама. Шокан не только ограничился сбором сказаний, пословиц и поговорок, но и сделал научные выводы об их содержании и значении. Опираясь на этнографические материалы казахского народа, он писал: «хотя мы не раскрываем истину напрямую, мы получаем возможность понять некоторые ценные стороны этой истины» (Оразбеков, 1985: 4).

Шокан Уалиханов в своих трудах изучает проблемы становления и развития Казахского ханства и проводит их глубокий анализ. Он пишет: «Казахский народ никогда не был объектом подлинного исследования» (Валиханов, 1985: 388). В исследованиях «Заметки к книге «Ханские указы» профессора Н.И. Березина», «Киргизское родословие», «Легенды и сказки казахов Старшего жуза», «Очерки Джунгарии», «Составные части киргиз-кайсацкого пороха», «О киргизско-кайсацкой могиле и древнем периоде», «Тенгри», «Из Тарих-и Рашиди», «Родовая генеалогия казахских ханов и султанов», «Отрывок из Жами-ат товариха» ученый поднимает вопросы, связанные с историей становления Казахского ханства.

Свои исследования о происхождении казахского народа и формировании Казахского ханства ученый начал еще во время учебы в кадетском корпусе. Известный востоковед И. Березин обращался к Шокану с просьбой объяснить значение некоторых устаревших терминов, встречающихся в «Ханских указах». Это обстоятельство свидетельствует о высоком авторитете Ш. Уалиханова среди известных ученых-востоковедов уже в то время. В 1852 году Шокан по просьбе профессора И. Березина написал критический очерк к названному труду (Валиханов, 1985: 171).

Он писал профессору И. Березину: «Казахский народ был сформирован в результате союза различных тюркских и монгольских племен после смерти Бердибека, еще во время междоусобицы, начавшейся в Орде, это не народ древних времен, о которых писал Фердоуси. На мой взгляд, таким образом возник союз крымских, казанских ханств, дворцовых орд, узбекских шейбаниев и казахов. В работе Кадыргали Жалаири из рода Тарак-Тамгалы Жалаир «Шейбани-наме» содержатся мифы о происхождении казахов» (Уалиханов, 2010: 143).

Позже ученый дополнил и углубил эту мысль в своем значительном теоретическом исследовании «Киргизское родословие». Шокан Уалиханов пишет: «В смутные времена, предшествовавшие основанию Казанского, Крымского и Астраханского ханств, первые племена (золотоордынские и джагатайские), раздробленные и разбросанные вследствие грабительских смут в разные стороны и страны, для обеспечения своих прав в местах своего кочевья составляли союзы и, пригласив какого-нибудь принца-чингизида, провозглашали его ханом. Таким образом, из разноплеменных родов сформировалась отдельная политическая община. Так основались и утвердились орды... Ногайская — в Сарыйчаке, Могул-улус — в Ташкенте и Казак (Казах) — в засейхунских степях» (Уалиханов, 2010: 165-166). Он составил таблицу распространения казахских ханов, начиная с Тукая Темира. На наш взгляд, подобные исследования содержатся в труде ученого Кадыргали Жалаири «Сборник летописей». По утверждению ученого, после смерти потомков Алаша хана, казахи считали свои ханом Жанибека (сына Барака). В период правления хана Жанибека два родственных племени, казахи и ногайцы, мигрировали вместе, и в казахских летописях этого времени данный период назывался «Золотой век» (Уалиханов, 2010: 180).

«Сборник летописей» ученого Кадыргали Жалаири Шокан высоко оценил как труд, в котором встречаются сведения о казахах. До настоящего времени нет источников, дающих полную информацию о Казахском ханстве, казахских ханах, кроме «Тарих-Рашиди» М.Х. Дулати и «Сборника летописей» Кадыргали Жалаири. Из-за отсутствия точных рукописей по этой проблеме до сегодняшнего дня высказывались различные мнения, не содержащие однозначного ответа.

Изучением истории образования Казахского ханства историки занимаются с 60-х годов XIX века. Обобщая выводы исследователей о становлении и развитии Казахского ханства, академик Б. Кумеков отметил: «Под руководством ханов Керей и Жанибека Казахское ханство было создано в 1465 году. Образование Казахского ханства прошло долгий исторический процесс. История нашей государственности берет свое начало от кочевого сакского общества, существовавшего 2,5 тысячи лет назад. В формировании государственности в степной зоне наряду с общими закономерностями исторического процесса нашли отражение черты, присущие только кочевому обществу. Специфика кочевого быта заключалась в том, что в любом кочевом обществе Великой степи от основной хозяйственной деятельности - скотоводства до земледелия, городов и поселений и т.д. существовало несколько видов культурно-хозяйственной деятельности» (Кумеков, 2015: 3).

Анализируя мнения и выводы ученых об образовании и становлении Казахского ханства, можно заметить, что взгляды Ш. Уалиханова на проблемы Казахского ханства в настоящее время созвучны выводам ученых, занимающихся этим вопросом. Конечно, в середине XIX века, когда жил Ш. Уалиханов, многие данные были недоступны, и тем не менее ученый старался сделать максимально объективные выводы, проанализировав эти материалы и имеющиеся сведения.

Шокан Уалиханов в исследовании «Очерки Джунгарии» писал: «киргизы и казахи – два народа, их нельзя спутать» (Уалиханов, 1984: 334). Историк Д. Дулатова отмечает: «Взгляды Ш. Уалиханова на проблему образования казахского и киргизского народов свидетельствуют о том, что его исследование проводилось диалектическим методом. Он разработал конструктивную теорию о формировании состава казахского и киргизского народов и родоплеменном составе».

Детство Шокана прошло в казахской среде, богатой историей и культурой. Он слышал и впитывал в себя широко распространенные в народе казахские сказания, поэмы, сказки, песни. Ш. Уалиханов с детства интересовался духовным наследием народа, был хорошо с ним знаком. Большое влияние на духовное совершенствование ребенка, приобщение к духовному наследию народа оказала его бабушка Айганым. Шокан Уалиханов, будучи выходцем из кочевого народа, хорошо знал его особенности. В своих исследованиях ученый не использует слово «цивилизация». Однако из его трудов видно, что Степная цивилизация существовала. Поэтому он уделял особое внимание устной литературе. Он прекрасно понимал, что прошлое находит свое воплощение в устной литературе. Также он понимал, что генеалогия имеет большое историческое значение в истории казахского народа. Ученый высоко ценил генеалогический вид устной литературы. Героические поэмы, эпические сказания насчитываются десятками в оседлом обществе, а в кочевом обществе – сотнями.

Эпос – это результат этнического сознания народа. Наши предки в Великой степи Евразии создали высочайшую культуру искусства слова. Если посмотреть на историю европейской литературы, то можно обнаружить, что сначала существовала устная литература, а затем – письменная. А у казахов при параллельном функционировании устной и письменной литературы существовала поэзия пяти веков жырау (Кайырханова, 2010: 49).

Академик Б. Кумеков высказал свое мнение об особенностях кочевого общества: «Преобладающее скотоводство народов и племен Великой степи и влияние географической среды привели к развитию Степной цивилизации, формированию самобытности кочевой государственности и созданию кочевых государств. На протяжении многих веков формировалась традиция кочевой государственности. Она нашла свое отражение в политическом управлении, хозяйственной и духовной культурной жизни, нравственности и нормах порядка. Главная особенность кочевой государственности во многом тесно связана с родоплеменной системой» (Кумеков, 2015: 3-4). Здесь можно сказать, что взглядам Б. Кумекова предшествуют воззрения Ш. Уалиханова. Шокан изучал историю кочевых народов в основном комплексно, уделяя большое внимание особенностям кочевого общества. В результате работы Шокана с их научной точностью актуальны и по сей день.

Шокан Уалиханов использовал новые методологические подходы в написании своих трудов, так как хорошо знал внутренние особенности, законы кочевого общества. Согласно его воззрениям, никогда не было чисто кочевого общества. Поэтому в трудах ученого четко прослеживается мысль, что в казахском и киргизском обществе существовало несколько культурно-хозяйственных типов, начиная от скотоводства и заканчивая земледелием, городом, искусством. Согласно историографии того периода, казахский и киргизский народы были чисто кочевыми народами.

В работах ученого четко указывается, что, в соответствии со Степной цивилизацией, в кочевом обществе существовали государство, город, поселение, письменность и высокая культурная духовность. Кроме того, родоплеменная система, как отличительная черта, является основным стержнем кочевого общества. Шокан Уалиханов хорошо знал специфику кочевых народов, всегда четко указывал, что кочевое общество имело свои исторические особенности развития, отличающие

его от оседлых народов. Он впервые в своих исследованиях показал особенности истории и культуры киргизов. В его исследованиях речь идет о том, что кочевые народы, по сравнению с оседлыми обществами, жили в гармоничных отношениях с окружающей средой.

Шокан Уалиханов впервые в своих трудах использовал образцы устной литературы как исторический источник, критически сопоставляя многочисленные письменные источники при изучении истории кочевых народов. Выводы и рассуждения Шокана об этногенезе, этнополитических и духовно-культурных проблемах казахского и кыргызского народов на сегодняшний день имеют высокую научную значимость.

Ученый в исследовании «Записки о киргизах» пишет, что у казахов и киргизов была письменная культура, которая сохранилась в недостаточной мере, но их прошлое доказывает, что в качестве основных источников они использовали сказания, поэмы, устные истории. По этому вопросу ученый писал: «Поскольку у кочевого народа не было письменности, то история народа в целом основана не на фактах, а, прежде всего, на их сказочных легендах. Для всех кочевых племен характерна героическая деятельность своих предков, свидетельствующая о важных событиях в народе, как памятная история семьи. Почитатели сказителей – это те, кто является носителями этой легенды (Валиханов, 2010: 50).

В устном духовном наследии Уалиханов впервые увидел национальный менталитет и впервые стремился представить его научному сообществу. В своих исследованиях ученый часто использовал словосочетания «Память народа» при анализе проблем, связанных с историческим сознанием. Это говорит о том, что исследователь знал, что, хотя устная духовность народа именуется по-разному, все вместе они составляют единое историческое сознание народа.

Ученый в исследовании «Киргизское родословие» также отметил следующее: «Несмотря на устную передачу из уст в уста в продолжение многих лет, все древние эпические сказания и предания, благодаря удивительным способностям и памяти импровизаторов и любви самого народа к песням, преданиям и сказам о подвигах своих предков, сохранились до сих пор в довольно хорошей степени, и все их списки, собранные на разных отдельных территориях обширной части степей, чрезвычайно сходны... Нет ни одного достоверного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминание о котором не осталось бы в народной памяти» (Сулейменов, Моисеев, 1985: 23-24).

Резюмируя выводы Шокана по данному вопросу, ученые давно заметили важность изучения образцов устного народного творчества для этнографии, в которой хорошо отразились быт и поведение народа. Ученый считал генеалогические легенды важными. В них хорошо сохранились данные о быте, обычаях, верованиях народа.

В европейской науке попытки научного анализа устной исторической традиции и ее использования в качестве источника написания истории народов, не имеющих письменных традиций, наблюдаются в начале XX века. Эти действия, в свою очередь, опирались на результаты предшествующего развития истории: история всегда основывалась на активном использовании легенд, эпических или лиро-эпических сказаний, мифов и различных историй как отдельной отрасли науки. Чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть «Историю девяти книг» Геродота или труды любого историка античной эпохи (Артыкбаев, 2012: 28). Уалиханов провел глубокие теоретические поиски в изучении устной истории казахского народа. Он отмечает удивительную схожесть и невероятную точность в сопоставлении исторических легенд и эпических преданий, собранных с разных уголков казахской степи (Артыкбаев, 2012: 32). Мнение ученого относительно этнической истории казахов и других народов Центральной Азии не вызывает сомнений в том, что они родились благодаря устной истории.

Что касается образцов устного народного творчества, собранных Уалихановым, то это поэмы «Козы-Корпеш и Баян Сулу», «Ер Кокше и Ер Косай», «Едиге», «Манас», «Орак батыр», «Абылай». Он систематически занимался сбором древнейших пословиц, поговорок, стихов, легенд казахского и киргизского народов. Ученый не только собирал их, но и исследовал, делая научные выводы и сравнивая языковые сходства и различия в произведениях двух народов. Важное место в его научном наследии занимают проблемы этногенеза казахского и киргизского народов, а также этнонимы «казах» и «алаш».

Среди образцов устного народного творчества ученый высоко оценил генеалогию, отражающую основное отличие кочевых народов от оседлых, и использовал ее в качестве основного источника. Образцы генеалогии были представлены исследователем как «исторический фольклор», «этногония народа», «генеалогия». Он использовал словосочетание «Степная устная историография» (Алпысбес, 2013: 14).

Уалиханов, считая генеалогическое наследие казахского народа целостной культурой, отметил: «вся генеалогия – это история, обычай народа, описывающая прошлую духовную жизнь казахского народа, является незаменимым историческим источником для написания казахской истории, определения ее происхождения» (Алпысбес, 2013: 17). В своих исследованиях он разделяет образцы устного народного творчества на две группы: первая – это сказания и легенды о происхождении народа и вторая – легенды об исторических личностях (ханах, родоначальниках, героях) и их генеалогия.

По мнению Шокана, одним из признаков, отражающих национальную культуру, менталитет народов, является богатство языка, искусство слова, ораторские качества этого народа. Искусство слова он считал признаком огромного таланта, невероятных способностей, поэтической энергии, которая проникла в народ. «Быт и обычаи народа, – писал он, – «больше всего выражаются в языке. Обилие эпических сказаний и преданий о прошлом – отличительная черта народов Центральной Азии» (Кайырханова, 2010: 51).

Большое значение имеют теоретические взгляды ученого на буддизм, зароастризм, язычество, шаманство, ислам, христианство. Ученый делает глубокие выводы, обращая внимание на следы различных поверий и понятий, обычаев в народных сказаниях и легендах. У него имеется несколько работ, посвященных религиозным верованиям казахского народа. Он излагает свои взгляды в трудах «След шаманства у казахов», «Мусульманский след в казахской степи», «Тенгрианство» и других.

Уалиханов занимал идеалистические позиции в объяснении общественных явлений, но по ряду вопросов придерживался материалистической позиции в понимании многих явлений того времени. Его интерпретация сущности религиозных познаний, особенно шаманства казахов, материалистически объясняет основную проблему философии – связь материи и сознания. Ученый приходит к выводу о том, что природа и окружающая среда существуют независимо от сознания человека. Он не признает ни начала, ни конца мира, считает мир вечным и бесконечным. Кроме того, Шокан считает, что возникновение религиозного понимания людей является результатом влияния сил природы на человека, пытающегося понять мир, объяснить его явления, и беспомощности человека перед силами природы (Уалиханов, 2010: 67).

Научная и просветительская деятельность Шокана Уалиханова активизировалась в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. Творческое наследие ученого – это результат неоднократных поездок и путешествий в Казахстан и Центральную Азию. В 1855 году Шокан совершил первое путешествие по этим местам, где молодой ученый посетил Центральный Казахстан, Семиречье, горы Тарбагатай. Во время этих путешествий он заложил основы для широкого научного исследования истории казахского народа, его быта, обычаев.

Сильное впечатление на Ш. Уалиханова произвели уникальные памятники древней культуры, увиденные им в Семиречье и на Тянь-Шане. Его особенно интересовали остатки древней городской культуры на озере Иссык-Куль, остатки древних оросительных систем, памятники архитектуры, эпиграфики и каменные изваяния. Изучение этих памятников позволило Ш. Уалиханову как можно полнее восстановить картину жизни народов, населявших бассейн Иссык-Куля и всю территорию Семиречья в прошлом. «Русская Джунгария», – пишет он – «при сильном господстве кочевого быта, имела небольшую оседлость; первые исторические известия об этом мы находим в китайской истории – именно известия о городе Чигу, который, надо полагать, был на восточном берегу озера Иссык-Куля и построен китайскими рабочими для усуньского кунми. В средние века оседлость здесь быстро распространилась, особенно в Заилийской долине. Города Алмалык (ныне Туркестанское селение), Ханакай и Кайнак (существующий и теперь) и Алматы (где находилось укрепление Верное) были известны в сфере торговли и служили станциями на большой дороге, по которой ходили генуэзские купцы в Китай и кипчакские послы к великому хану. Замечательно еще, что в этой части Азии было особенно много несторианских и монофизитских конгрегаций, а на озере Иссык-Куле сирийские яcobиты, по свидетельству католонской карты, имели монастырь... Христианство здесь так сильно распространилось, что подверглось гонениям; в XVI веке на Иссык-Куле было уже несколько мусульманских селений» (Уалиханов, 1984: 38-39). Главным доказательством этого является то, что археолог, академик К.М. Байпаков, проводя археологические научные исследования в указанном регионе, доказал существование городской культуры с раннего средневековья до середины средневековья (Жолдасбаев, 2010: 189-196). Ученый обратился к нескольким источникам, чтобы обобщить эту мысль. В частности, он обратил внимание на источники древнекитайской письменности и источники католонской карты средневековья (Еженханулы, 2013: 99-107). Изучение истории соседних народов помогло Уалиханову раскрыть смутные аспекты ранней и средневековой истории казахского народа. Глубоко проанализировав и сопоставив все источники, собранные во время экспедиций, он сделал свои выводы.

На обратном пути из Восточного Туркестана Шокан, двигаясь по рекам Атбас и Урген, на правом берегу реки Нарын, остановился возле Кокандской крепости Куртка. В этом месте Шокан больше всего интересовали обширные массивы Атбаса, Арпа и Нарына, представляющие собой оазис с гораздо большими возможностями для хозяйства, чем горная местность. Путешественник замечает, что эти долины занимают важное место в экономической жизни южных киргизов. Ученый обнаружил в этих местах следы прошлого, сохранившиеся в виде монументальных памятников архитектуры и богатой городской культуры. Он сказал: «На горных районах Атпас, Арпа и Нарын растут только пшеница и ячмень. Следует считать, что в ранние времена в этих местах селилось оседлое и полусоседное население, так как, по словам киргизов, внизу Атбаса виднелись руины большого города, а в Нарын, мы своими глазами видели следы раннего земледелия» (Уалиханов, 2010: 45). В научных трудах Ш. Уалиханова есть доказательство того, что у кочевых народов, таких, как казахи и киргизы, развивались и другие виды хозяйства.

В связи с географическими природными условиями в Великой степи совершенствовались и развивались несколько видов хозяйств. Наряду со скотоводством в этих местах развивались земледелие и ремесло, частично торговые формы обмена. Но главным видом хозяйства было скотоводство. О том, что земледелие также хорошо развито, свидетельствует сохранившаяся с давних времен система каналов. Видно, что производство и переработка ископаемых также хорошо налажены (Кумекон, 2015: 13). Шокан еще в середине XIX века доказывал в своих трудах, что казахи и киргизы никогда не занимались только кочевым хозяйством, в кочевом обществе частично развивались и другие виды хозяйства.

В своем исследовании «Казахские земледельцы» ученый также изложил доводы о том, что культура города на казахской земле, зимовки на склонах гор, оросительные системы доказывают полуседельный образ жизни казахов. Он писал: «...Два характерных камня, найденные в ущелье большого Алатау, где начинаются реки Алматы и Талгар, без сомнения, являются частицами древней мельницы» (Уалиханов, 2010: 161-162). В творческом наследии Уалиханова имеют важное значение сведения о погребальных обрядах казахов, принадлежащие к материальной культуре степного общества.

5. Заключение

Во время своей научной деятельности Шокан Уалиханов в качестве основных источников использовал труды русских исследователей, средневековых и восточных ученых и образцы устной литературы казахского и киргизского народов. Он критически относился к китайским источникам, сравнивал их с трудами западноевропейских и русских ученых, с образцами устного народного творчества. Это свидетельствует о том, что Ш. Уалиханов проводил свои исследования, параллельно используя различные научные подходы.

В его творческом наследии родоплеменная система является главным стержнем Степной цивилизации. По мнению ученого, никогда не было чисто кочевого общества. Поэтому в его трудах ярко выражена мысль о том, что в казахском и киргизском обществе существовало несколько культурно-хозяйственных видов.

В трудах ученого, наряду с общеисторическими закономерностями, выявлены особенности, характерные для Степной цивилизации. Эти особенности наблюдаются в политическом строе, этническом, хозяйственном укладе и культурном наследии. Ученые также признают Шокана Уалиханова основателем киргизской историографии. Взгляды ученого на проблему образования казахского и киргизского народов свидетельствуют о том, что его исследование проводилось диалектическим методом. Он сделал конкретные выводы по формированию состава казахского и киргизского народов и их родоплеменного состава. В творческом наследии ученого, посвященного казахскому и киргизскому народам, четко указывается, что в соответствии со Степной цивилизацией кочевое общество имело государство, города, поселения, духовную и материальную культуру. По утверждению Ш. Уалиханова, любой народ развивается, приспособляясь к окружающей среде. Как важнейший фактор он рассматривает влияние окружающей среды на развитие человеческого общества. Вся жизнь народа, хозяйство, культура формируются в соответствии с законами этой окружающей среды, то есть решающую роль играет природный фактор.

Ученый оставил ценные исследования о духовной и материальной культуре, хозяйстве, традициях, религиозных верованиях, науке и образовании, искусстве кочевых степных народов. Он впервые ввел в научный оборот образцы устного народного творчества как исторический источник. В его исследованиях утверждается, что устная литература веками развивалась как рациональная особенность кочевого общества. На основе фактических источников в его трудах излагаются мысли о том, что кочевые народы, такие, как казахи и киргизы, веками жили как самостоятельные народы и сформировали Степную цивилизацию. Изучая творческое наследие ученого, можно отметить, что проблемы Степной цивилизации составляли основное ядро его научных исследований.

Литература

- Артыкбаев, 2012 – Артыкбаев Ж.О. Казахская шежере: источник и концепция истории Великой степи. Астана: Алтын китап, 2012. 495 с.
- Алпысбес, 2013 – Алпысбес М.А. Казахская шежере: историографо-источниковедческое исследование: монография. Астана, 2013. 380 с.
- Бернштам, 1947 – Бернштам А.Н. Проблемы истории Восточного Туркестана // *Вестник древней истории*. 1947. № 2. С. 52-71.
- Уалиханов, 1904 – Уалиханов Ч.Ч. Сочинение / под ред. Н.И. Веселовского. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1904. 531 с.
- Уалиханов, 1986 – Уалиханов Ч. Избранные произведения. М.: Наука, 1986. 414 с.
- Уалиханов, 1984 – Уалиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1984. Т. 1. 432 с.
- Уалиханов, 1985 – Уалиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Том 2. 416 с.
- Голиков, Круглова, 2010 – Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. Изд. 4-е. Москва: Академия, 2010. 187 с.

- [Еженханулы, 2013](#) – *Еженханулы Б.* Древнекитайские историко-географические данные использованные Ш. Валихановым // *История Отечества.* 2013. №3(63). С. 99-107.
- [Жолдасбаев, 2010](#) – *Жолдасбаев С. Ш.* Уалиханов первый археолог нашего народа // *История Отечества.* 2010. №3. С. 189-196.
- [Кумеков, 2015](#) – *Кумеков Б.Е.* История казахской государственности и Казахского ханства. Алматы: Университет казах, 2015. 46 с.
- [Кумеков, 2011](#) – *Кумеков Б.Е.* Понятие «казах» первоначально имело социальный смысл // *Байтерек.* 2011. №12 (59). С. 1-5.
- [Козыбаев, 1998](#) – *Козыбаев М.К.* Проблемы изучения жанра автобиографии / *Интеллект истории.* Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.
- [Кайырханова, 2010](#) – *Кайырханова Ф.К.* Шокан Уалиханов о традиционной культуре казахского народа / *Наследие Ш.Ш. Уалиханова в контексте мировой истории.* Семей, 2010. С. 46-54.
- [Маргулан, 2011](#) – *Маргулан А.Х.* Сочинения Маргулан А.Х. / ред. Д.А. Маргулан, Д.А. Маргулан. Алматы, 2011. Т. 10. 592 с.
- [Оразбеков, 1985](#) – *Оразбеков А.* Шокан Уалиханов. Алматы, 1985. 15 с.
- [Сулейменов, Моисеев, 1985](#) – *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Шокан Уалиханов – востоковед. Алматы, 1985. 112 с.
- [Серубаева, 2015](#) – *Серубаева А.Т.* Источники по казахскому этногенезу и Казахскому ханству в исследованиях Ш. Уалиханова / *Изучение актуальных проблем истории Казахского ханства.* Астана, 2015. С. 152-157.
- [Уалиханов, 2010](#) – *Уалиханов Ш.Ш.* Многотомное собрание сочинений: 6 т. 2 переизд. Алматы: Толағай групп, 2010. Т. 1. 376 с.
- [Уалиханов, 2010](#) – *Уалиханов Ш.Ш.* Многотомное собрание сочинений: 6 т. 2 переизд. Алматы, 2010. Т. 2. 464 с.

References

- [Alpysbes, 2013](#) – *Alpysbes, M.A.* (2013). Kazakhskaya shezhire: istoriografo-istochnikovedcheskoye issledovaniye [Kazakh shezhire: historiographic and source study]. Astana. 380 p. [in Kazakh]
- [Artykbayev, 2012](#) – *Artykbayev, Zh.O.* (2012). Kazakhskaya shezhire: istochnik i kontseptsiya istorii velikoy stepi [Kazakh shezhire: source and concept of the history of the Great Steppe]. Astana. 495 p. [in Kazakh]
- [Bernstam, 1947](#) – *Bernstam, A.N.* (1947). Problemy istorii Vostochnogo Turkestana [The problem of the history of Eastern Turkestan]. *Vestnik drevney istorii.* 2: 52-71. [in Russian]
- [Golikov, Kruglova, 2010](#) – *Golikov, A.G., Kruglova, T.A.* (2010). Istochnikovedeniye otechestvennoy istorii [Source studies of Russian history]. Moskva. 187 p. [in Russian]
- [Kayyrkhanova, 2010](#) – *Kayyrkhanova F.K.* (2010). Shokan Ualikhanov o traditsionnoy kul'ture kazakhskogo naroda [Shokan Ualikhanov about the traditional culture of the Kazakh people]. Семей. Pp. 46-54. [in Kazakh]
- [Kozybayev, 1998](#) – *Kozybayev, M.K.* (1998). Problemy izucheniya zhanra avtobiografii [Problems of studying the genre of autobiography]. *Intellekt istorii.* 280 p. [in Russian]
- [Kumekov, 2011](#) – *Kumekov, B.E.* (2011). Ponyatiye «kazakh» pervonachal'no imelo sotsial'nyy smysl. [The concept of «Kazakh» originally had a social meaning]. A. Pp. 1-5. [in Russian]
- [Kumekov, 2015](#) – *Kumekov, B.E.* (2015). Istoriya kazakhskoy gosudarstvennosti i Kazakhskogo khanstva [History of the Kazakh statehood and the Kazakh Khanate]. Almaty. 46 p. [in Russian]
- [Margulan, 2011](#) – *Margulan, A.Kh.* (2011). Sochineniya Margulan A.Kh. [Works of Margulan A.Kh.]. A. 592 p. [In Kazakh].
- [Orazbekov, 1985](#) – *Orazbekov, A.* (1985). Shokan Ualikhanov [Shokan Ualikhanov]. Almaty. 15 p. [in Kazakh]
- [Serubayeva, 2015](#) – *Serubayevam A.T.* (2015). Istochniki po kazakhskomu etnogenezu i Kazakhskomu khanstvu v issledovaniyakh Sh. Ualikhanova [Sources on the Kazakh ethnogenesis and the Kazakh Khanate in the studies of Sh. Ualikhanov]. Astana. Pp. 152-157. [in Kazakh]
- [Suleimenov, Moiseev, 1985](#) – *Suleimenov, R.B., Moiseev, V.A.* (1985). Shokan Ualikhanov – vostokoved [Shokan Ualikhanov is an Orientalist]. Almaty. 112 p. [in Kazakh]
- [Ualikhanov, 2010](#) – *Ualikhanov, Sh.Sh.* (2010). Mnogotomnoye sobraniye sochineniy [Multi-volume collected works]. Almaty. T. 1. 376 p. [in Kazakh]
- [Ualikhanov, 2010](#) – *Ualikhanov, Sh.Sh.* (2010). Mnogotomnoye sobraniye sochineniy [Multi-volume collected works]. Almaty. T. 2. 464 p. [in Kazakh]
- [Valikhanov, 1904](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1904). Sochineniye [Essay]. Moskva. Otv. red. Veselovsky N.I. 531 p. [in Russian]
- [Valikhanov, 1984](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1984). Sochineniye v pyati tomakh [Composition in five volumes]. Almaty. T. 1. 432 p. [in Russian]
- [Valikhanov, 1985](#) – *Valikhanovm Ch.Ch.* (1985). Sobraniye sochineniy v pyati tomakh [Collected works in five volumes]. Almaty. T. 2. 416 p. [in Russian]

Valikhanov, 1986 – Valikhanov, Ch. (1986). Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. Moskva, 414 p. [in Russian]

Yezhenkhanuly, 2013 – Yezhenkhanuly, B. (2013). Drevnekitayskiye istoriko-geograficheskiye dannyye ispol'zovannyye Sh. Valikhanovym [Ancient Chinese historical and geographical data used by Sh. Valikhanov]. *Istoriya Otechestva*. 3(63): 99-107. [in Russian]

Zholdasbayev, 2010 – Zholdasbayev, S.Sh. (2010). Ualikhanov pervyy arkheolog nashego naroda [Ualikhanov is the first archaeologist of our people]. *Istoriya Otechestva*. 3: 189-196. [in Russian]

Атрибуты Степной цивилизации в творческом наследии Шокана Уалиханова

Аурика Темирхановна Серубаева^{a,*}, Галия Кенесбаевна Мырзахмет^a,
Динара Ибадильдаевна Данабекова^a, Камшат Рамазановна Абдурахманова^a

^aТаразский региональный университет имени М.Х. Дулати, Тараз, Республика Казахстан

Аннотация. В данной работе представлен анализ взглядов и оценок Шокана Уалиханова, относящихся к проблематике кочевых обществ. Исследователь выделяет родоплеменную структуру кочевников как ключевую характеристику изучаемой социокультурной среды. Особое внимание уделяется анализу исторических и культурных аспектов жизни кочевых народов, на основе чего Уалиханов выносит значимые заключения о преобладающих формах хозяйствования народов Великой степи, охватывающих животноводство, земледелие, городское и сельское поселение, а также ремесленничество и прочее. Важно отметить, что научные выводы Уалиханова об этнониме «казах», этногенезе казахского народа и формировании Казахского ханства, сформулированные в середине XIX века, находят подтверждение в работах современных отечественных исследователей. В статье также освещаются политико-этнические, духовно-культурные и историко-географические аспекты кочевых обществ.

Ш. Уалиханов в изучении истории и культуры тюркских народов из восточных средневековых источников использовал рукописи Кадыргали Джалаира «Сборник летописей», Абулгазы Бахадур «Шежире-и тюрк», Мухаммеда Хайдара Дулати «Тарих-и Рашиди», а также рукописи, привезенные с Кашгарии «История Сатук-Бугра-хана», «История Тутлык-Тимур-хана», «История ходжей», «Абумүслим Мауризи». В своих трудах в качестве первоисточника использовал поэмы казахского и кыргызского народа «Едиге» и «Манас». Впервые перевел на русский язык раздел поэмы «Манас» «Смерть Кокетаг хана и его поминки» и сделал ее научную интерпретацию. Общение Уалиханова с образованными людьми того периода, полученное европейское образование в Омском кадетском корпусе, научные экспедиции позволили ему различать и понять особенности кочевого общества.

Ключевые слова: Шокан Уалиханов, Великая Степь, степная цивилизация, XIX век, средневековье, родоплеменная структура, историческая география, генеалогия, этнические группы, средневековые рукописи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: serubaeva_aurika@mail.ru (А.Т. Серубаева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 918-926
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.918

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

State-Church Relations in the Russian State at the beginning of the XXth century (on the Issue of Restoring the Institution of the Patriarchate)

Dina V. Alontseva ^{a, *}, Olga N. Grishaeva ^a, Roman V. Tikhonov ^a

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the state-church relations in the Russian state at the turn of the epochs, analyzes the events related to the activities of the Local Council, the revival of the institution of the patriarchate, and the election of the patriarch of the Russian Orthodox Church. The authors note that the development of state-church relations in the history of Russia is characterized by significant changes in the socio-political sphere, including in relations between the state and the church, which have remained and remain important throughout the development of the state. The revival of the institution of the Patriarchate is one of the key topics of state-church relations in the Russian state, which is the subject of special interest in studying the deep historical roots and development of the Russian Orthodox Church, its interaction with the state. The restoration of the patriarchate has received a mixed assessment in Russian science. On the one hand, this is an important step in the development of the Church, its separation from the state, allows it to carry out its spiritual mission more freely, on the other hand, the return of the patriarchate may lead to an increase in the political influence of the Church, violating the principle of "secularism" of the state.

The authors consider the problem of restoring the institution of the patriarchate at the turn of the XIX and XX centuries, analyze the activities of the Local Council, characterize the procedure for electing the patriarch, determine and announce the results of the election. The conducted research allows us to know and evaluate the impact of the church on historical processes that influenced the formation of cultural and social values, contributing to a deep analysis and interpretation of past events, helping to form a more complete understanding of the role of the church in the history of Russia.

Keywords: the state, the church, the restoration of the patriarchate, the crisis of state-church relations.

1. Введение

Взаимоотношения церкви и государства в российском обществе всегда были предметом исследований, представляющих особый интерес. Одной из ключевых тем в этой области является вопрос о восстановлении патриаршества в 20-е гг. прошлого столетия, имеющий глубокие исторические корни, а также связанный с развитием Русской Православной церкви и ее взаимодействием с государством. Церковь в России имеет богатую многолетнюю историю. В Средние века она играла важнейшую роль в формировании и укреплении государства, чему, в частности, способствовало учреждение должности патриарха в 1589 г. Однако в результате реформ Петра I патриархальная система была упразднена, а церковь поставлена под контроль государства.

Вопрос о восстановлении патриаршества связан с исторической ролью Русской церкви и поворотным моментом в ее судьбе. Речь идет о попытке вернуть ее независимость, что, с одной стороны, может привести к усилению политического влияния церкви и противоречию принципам

* Corresponding author

E-mail addresses: dina.alontseva@mail.ru (D.V. Alontseva), olya.grishaeva.85@mail.ru (O.N. Grishaeva), 478042316789@mail.ru (R.V. Tikhonov)

светского государства, а с другой стороны, это важный шаг в развитии церкви, ее отделении от государства, позволяющий ей более свободно выполнять свое предназначение.

С древних времен власть в России имела тесные связи с Православной церковью. Именно эти взаимоотношения оказывали значительное влияние как на формирование российской идентичности, так и на социокультурное развитие нашей страны.

Отношения между церковью и государством в России всегда характеризовались особой динамикой взаимодействия. Вопрос о возрождении патриаршества и его роли по отношению к государству представляет интерес для изучения влияния религии на формирование важных политических решений.

Таким образом, данная тема продолжает сохранять свою значимость и актуальность для дискуссий и исследований, особенно в контексте российской истории, культуры, религии и политики.

2. Материалы и методы

Для изучения взаимоотношений государства и церкви в России на рубеже веков, а также для исследования вопроса о возрождении патриаршества доступны разнообразные источники и методы исследования. Изучение исторических источников (документов, летописей, переписок и других письменных материалов, связанных с этой темой) является ценным для анализа данной проблемы. К ним можно отнести указы и указы царских властей, письма церковных чиновников, записки представителей церкви, проповеди, речи и др. Особым источником являются документы Поместного Собора, в которых содержится информация о восстановлении института патриаршества и избрании патриарха, о решениях и постановлениях Собора, о его составе и работе. Данные материалы позволяют создать полную и объективную картину событий того времени ([Деяния. Книга I, 1918: 192](#); [Деяния. Книга III, 1918: 260](#); [Деяния. Книга IV, 1918: 184](#)).

Помимо этого, исторический анализ источников позволяет проанализировать взаимоотношения государства и церкви в рассматриваемый период и выявить основные события, причины и последствия возрождения патриаршества. При этом важно учитывать не только официальные документы, но и общественное мнение, политические и религиозные факторы, которые повлияли на это решение.

Для изучения проблем государственно-церковных отношений и восстановления патриаршества на рубеже веков могут быть использованы исторические источники, аналитические методы и анализ законодательства. Использование различных источников и методов поможет получить более полное и всестороннее представление об этом периоде российской истории.

3. Обсуждение

Исследование проблемы государственно-церковных отношений в Российском государстве на рубеже эпох является важной темой для отечественной науки, нашедшей свое отражение в трудах отечественных ученых, в частности, С.С. Бычкова ([Бычков, 1998](#)), А.А. Воеводиной ([Воеводина, 2016](#)), А.Н. Кашеварова ([Кашеваров, 2018](#)), В.Д. Кузнецова ([Кузнецов, 2019](#)), А.Ю. Михайлова ([Михайлов, 2023](#)), Н.И. Музафаровой ([Музафарова, 2015](#)), Н.В. Шингаревой ([Шингарева, 2014](#)), М.А. Яшина ([Яшина, 2018](#)) и др.

С.С. Бычков справедливо наделяет Русскую Православную Церковь статусом общественного института, находящегося во взаимодействии с обществом, в частности, в условиях духовно-нравственного кризиса ([Бычков, 1998: 5](#)). А.А. Воеводина рассуждает об идее сращивания Церкви с государством, их полной взаимной интеграции и превращении России в теократию, уточняя, что в начале XX в. возобладало мнение об освобождении церкви от государства и государства от церкви ([Воеводина, 2016: 454](#)). А.Н. Кашеваров дает оценку деятельности Поместного собора Русской православной Церкви и советской власти в период с ноября по декабрь 1917 г., отмечая, что первые декреты советской власти были направлены на разрыв государственно-церковных отношений и вытеснение церкви из жизни государства и общества ([Кашеваров, 2018: 18](#)). В.Д. Кузнецов говорит о противоречивости религиозной политики самодержавия в начале XX в., о требованиях освобождения Русской Православной Церкви от зависимости от самодержавия ([Кузнецов, 2019: 260](#)).

Обобщая позиции ученых, отметим, что развитие государственно-церковных отношений в истории России характеризуется значительными изменениями в социально-политической сфере, в том числе и в отношениях между государством и церковью, которые на всем протяжении развития государства оставались и остаются важными. Это объясняется влиянием церкви на государственную политику, на общество, общественные интересы. Проводимые исследования позволяют познать и оценить воздействие церкви на исторические процессы, оказавшие влияние на формирование культурных и социальных ценностей. Они способствуют глубокому анализу и интерпретации событий прошлого, помогают сформировать более полное представление о роли церкви в истории России.

Государственно-церковные отношения в Российском государстве на рубеже эпохи, когда рассматривалось восстановление института патриаршества, представляли собой сложную и напряженную ситуацию.

Одной из важных причин обсуждения вопроса о восстановлении патриархата был рост влияния «итконницкой волницы» — монастырской секты, которая выступала против единоличного правления и влияния церкви на государство. Волница противопоставляла власть царя и власть патриарха, призывая к уничтожению царского авторитета. Это создавало проблемы для государства, поскольку сам царь занимал иерархическую позицию в Русской православной церкви. Главным государственным органом, отвечавшим за регулирование отношений с церковью и ее управление, был Священный синод. Он был учрежден Петром I в 1721 году и заменил патриархат, который существовал в русской православной церкви до конца XVII века. Священный синод представлял собой центральный управляющий орган, в состав которого входили как представители православия, так и государственные деятели.

Обсуждение вопроса о восстановлении института патриархата началось на рубеже XIX и XX веков.

4. Результаты

К началу XX в. уже около двухсот лет Русская Православная Церковь как организация была включена в состав государственного аппарата под управлением Святейшего Синода с обер-прокурором во главе. Подчиненное положение церкви неоднозначно воспринималось мыслителями того времени. Дискуссии по вопросу такого сосуществования церкви и государства в конце XIX — начале XX вв. возникали как в светской, так и в духовной среде.

В конце XIX в. обер-прокурор К.П. Победоносцев проводил политику усиления государственной регламентации деятельности церкви, чем серьезно ограничивал ее возможности к самостоятельной активности (Кузнецов, 2019: 260). В среде духовенства сложилось мнение о необходимости церковной реформы. Основными направлениями реформирования должно было стать отделение церкви от государства, превращение ее в независимую организацию, в деятельность которой светская власть не должна была вмешиваться, а функции ее сводились бы к защите интересов церкви. Высказывались мысли о необходимости восстановления института патриаршества (Бычков, 1998: 37).

В то же время в светской среде появлялись идеи и о необходимости дальнейшего сращивания Церкви с государством, их полной взаимной интеграции и превращении России в теократию (Воеводина, 2016: 454). Однако в итоге в первые годы XX в. в либеральной среде возобладало мнение о том, что взаимное освобождение церкви от государства и государства от церкви является единственно верным решением назревшего кризиса церковно-государственного сосуществования, о котором говорили мыслители на рубеже столетий. Кризис, с их точки зрения, заключался в том, что, пока церковь подчинена государству и интегрирована в бюрократический аппарат, она не может полноценно выполнять свою главную функцию — спасение человеческих душ, поскольку любое государство в своей концепции содержит принцип обособления, в то время как истинной целью церкви на пути к спасению человечества является объединение.

Обсуждение этой проблемы проходило между 1901 и 1903 гг. в рамках разрешенных императором религиозно-философских собраний, проводившихся в Санкт-Петербурге (Alontseva et al., 2023: 2130). Уже сам факт разрешения проведения подобных мероприятий свидетельствовал о наметившихся сдвигах в политике государства по отношению к церкви. В правительстве идеи реформирования Церкви поддержал С.Ю. Витте, который обращался с ними к Николаю II, однако К.П. Победоносцев, видевший в этом угрозу самодержавной власти императора, решительно раскритиковал их.

Знаковым событием стало начало Первой русской революции в 1905 г. Народные волнения заставили правительство пересмотреть прежние консервативные взгляды в отношении религии в целом. Уже в апреле 1905 г. появился «Манифест о веротерпимости», который объявил свободу вероисповедания. Прекращались гонения на религиозной основе, в том числе для тех, кто исповедовал старообрядчество (Шингарева, 2014: 42-44).

Манифест 17 октября 1905 г. стал стимулом к продвижению идеи освобождения церкви от государственного контроля. Важным событием для церковно-государственных взаимоотношений стало последовавшее всего через несколько дней после опубликования Манифеста смещение с поста обер-прокурора консервативно настроенного К.П. Победоносцева. 21 октября 1905 г. его место занял А.Д. Оболенский, разделявший либеральные взгляды. В этих условиях сторонникам церковных реформ представилась возможность заявить открыто о своих идеях. Был поставлен вопрос о созыве церковного собора, чего не случалось с XVII в., и правительство Российской империи позволило начать подготовку к нему.

Учрежденное Предсоборное присутствие проработало около года и в декабре 1906 г. представило императору ряд предложений относительно предполагаемого собора и реформ, которые в целом сводились к полному отделению Церкви и восстановлению патриаршества. Однако, поскольку к тому моменту революционная обстановка в большей степени сошла на нет и правительство восстановило контроль над ситуацией, дальнейшая работа в направлении созыва собора и проведения реформ была остановлена личным решением Николая II (Alontseva et al., 2023:

2131). Церковь по-прежнему оставалась в подчинении императорскому правительству и в таком виде встретила февраль 1917 г.

К тому моменту должность обер-прокурора занимал В.Н. Львов, который поставил перед новой властью вопрос о созыве собора. Выказывая лояльность Временному правительству, церковь привела население Российской империи к присяге сменившейся власти. Этот период отношений между государством и Церковью характеризуется неоднозначностью, в рамках которой они, с одной стороны, стремились к отделению, а с другой, медлили с принятием мер к началу этого процесса. Тем не менее весной 1917 г. решение о созыве Поместного собора все-таки было принято. На июнь было назначено открытие Предсоборного Совета, который должен был подготовить регламент, материалы и повестку грядущего собора (Деяния. Книга I, 1918: 5).

15 августа в Москве состоялась торжественная служба в Успенском соборе Кремля, ознаменовавшая открытие первого с 1689 г. церковного собора Русской Православной Церкви. Ранее, 5 августа, Святейший Синод был упразднен, его место заняло Министерство исповеданий. Это событие завершило двухсотлетний синодальный период в истории Русской Православной Церкви (Кузнецов, 2019: 262).

В общей сложности Поместный собор продолжал свою работу чуть больше года. Заседания собора проходили в три сессии и были прерваны под давлением новой советской власти. Одним из важнейших решений, принятых на соборе, стало восстановление института патриаршества в рамках Русской Православной Церкви.

В 1700 г. умер патриарх Адриан. Петр I, видевший в церкви реакционно настроенную, консервативную силу, не поддерживавшую его реформы, не позволил избрать нового. Обезглавленная церковь просуществовала в таком состоянии более двадцати лет, после чего в 1721 г. были учреждены Святейший Синод и должность обер-прокурора, а во главе церкви встал сам Император Всероссийский (Михайлов, 2023: 233; Яшина, 2018: 55-58).

На первой же сессии собора на повестке заседаний встал вопрос о необходимости восстановления должности патриарха. Доклад профессора С.Н. Булгакова «Смысл патриаршества в России», представленный им на заседаниях летом-осенью 1917 г., отражает настроения среди участников собора в отношении этого института. Во вступительном слове докладчик отметил, что к моменту открытия собора среди собравшихся не было сколько-нибудь единого мнения по данному вопросу (Деяния. Книга III, 1918: 17). С.Н. Булгаков утверждал, что сам вопрос встал на повестке дня словно исподволь, сформировавшись в кулуарах и атмосфере заседаний, хотя, безусловно, идея эта была не нова и обсуждалась еще на собраниях 1901–1903 гг. и озвучивалась в предвоенные годы в 1912–1914 гг.

В докладе профессор представил свои рассуждения об исторической роли патриарха в период Московского царства, а также выступил с апологетикой необходимости учреждения патриаршества вновь. С его точки зрения, восстановление патриаршего сана стало бы окончательной манифестацией и закреплением неподконтрольного государственной власти статуса Русской Православной Церкви. Это должно было стать символом возвращения функций, которые были отобраны Петром у Церкви, и прекращением эпохи «цезарепапизма» (Деяния. Книга III, 1918: 19).

С апологетикой патриаршества как церковного института выступил и другой член собора, Н.И. Троицкий. Его доклад «В защиту патриаршества» содержит в себе рассуждение о развитии этого института в исторической ретроспективе. Особое внимание докладчик акцентировал на упразднении патриаршего сана при Петре, а также опале патриарха Никона при отце Петра, Алексее Михайловиче (Деяния. Книга III, 1918: 24). На этих примерах Н.И. Троицкий попытался проиллюстрировать, с одной стороны, важность патриарха для всей православной паствы, а с другой, продемонстрировать, что патриаршая власть не должна превращаться в автократию. Именно это последнее, по мнению Н.И. Троицкого, должно было быть основой деятельности новых патриархов: не авторитарное правление, но положение «первого среди равных».

Идею восстановления патриаршества поддержал также А.В. Васильев. В своем докладе «Патриаршество и соборность» он высказывался по поводу необходимости наличия в церкви патриарха подобно тому, как необходимо наличие свода между стенами, подразумевая, что патриарх является связующим звеном между различными церковными институтами (Деяния. Книга III, 1918: 32). Однако во главе всей церковной организации А.В. Васильев видел принцип соборности, то есть верховенство совещательного органа, а не авторитарного правителя.

В целом именно эта дихотомия характера патриаршей власти и стала краеугольным камнем всех дискуссий по этому вопросу. Одни участники обсуждений высказывались о необходимости возрождения чина патриарха, другие в ответ высказывали опасения о возможном установлении патриаршей автократии и отхода от принципа соборности, который был озвучен как ведущий еще в выводах Предсоборного присутствия 1906 г. Блок противников патриаршества был представлен такими учеными и клириками, как П.П. Кудрявцев, А.И. Бриллиантов, Н.В. Цветков, И.М. Грамогласов, Б.В. Титлинов и Н.Д. Кузнецов.

Дискуссия продолжалась до октября 1917 г. 11 октября этот вопрос наконец-то вышел из кулуарных обсуждений и был вынесен на повестку пленарных заседаний собора. На них

продолжились прения защитников патриаршества и их оппонентов, однако они были прерваны в конце месяца. 25 октября 1917 г. в Петрограде партией большевиков было свергнуто Временное правительство, о чем незамедлительно узнали и на заседаниях собора в Москве. 28 октября в конце очередного пленарного заседания председателю собора поступило заявление, в котором поставили свою подпись 79 его участников. Они требовали на ближайшем заседании провести избрание патриарха из трех кандидатов. Это требование было удовлетворено.

На повестке заседания 30 октября 1917 г. значился лишь один вопрос: избрание патриарха (Деяния. Книга III, 1918: 38). Председатель собора, митрополит Московский Тихон, огласил присутствующим предложение о порядке избрания. В записках участники собора должны были указать имена кандидатов, из которых по принципу большинства следовало бы выбрать троих. После этого должна была быть совершена литургия, а записки с именами трех выбранных претендентов помещены на Престол, после чего посредством жребия из кандидатов избирался патриарх.

Против избрания немедленно высказался А.И. Покровский, который, апеллируя к регламенту заседания, потребовал проведения прений между оратором со стороны инициаторов избрания и оратором от оппозиции. Со стороны противников высказался профессор Ф.И. Мищенко. Он упирал на то, что восстановление патриаршества будет прямым шагом к отделению Церкви от государства. По его словам, сторонников обособления во время обсуждения вопросов о правовом положении церкви в государстве не было. Кроме того, Ф.И. Мищенко отметил, что при учреждении патриаршества потребуется выделять новую епархию, что также требует обсуждения. Он настоятельно просил отложить выборы. Его речь поддержал А.А. Папков, напомнив, что историческое решение об избрании патриарха должно приниматься в присутствии большого количества участников, не говоря уже о самой процедуре избрания.

От 79 подателей прошения о немедленном избрании выступил П.П. Астров. В ответной речи он напомнил, что необходимый для голосования и принятия решений кворум, определенный Уставом собора, на заседании присутствует, и никаких препятствий немедленному избранию нет. Промедление же может привести к тому, что благоприятных условий для проведения голосования, как, например, наличие того же кворума, уже может не сложиться, учитывая сложную обстановку в стране после свершившейся Октябрьской революции. Он также заявил о необходимости в тот же день провести хотя бы первый этап голосования – избрание кандидатов, а также высказал мнение, что избрание патриарха сейчас, в условиях полной неопределенности в государстве, сплотит православную общину перед лицом возможных невзгод. Л.К. Артамонов, поддерживая П.П. Астрова, привел в пример процедуру избрания ближневосточных патриархов, на которых максимальным количеством голосующих за всю историю было 150 человек, в то время как на заседании 30 октября присутствовало уже 265 (Деяния. Книга III, 1918: 40).

После завершения дебатов митрополит Тихон вынес на голосование вопрос о немедленном начале процедуры избрания. По его результатам, 141 участник собора высказался за, 112 против, 12 воздержались. Большинством голосов было принято это историческое решение. Далее председатель объявил прения по вопросу процедуры избрания, в которых вновь было предложено двум ораторам с каждой из сторон высказать свои доводы в защиту или с критикой предложенного Советом собора порядка.

А.В. Васильев, высказываясь за предложение Совета, привел в пример схожую процедуру избрания патриарха Александрии. Ему возражал В.В. Богданович, отмечая, что нужно увеличить количество туров голосования, чтобы более тщательно отобрать кандидатов. Позицию В.В. Богдановича оспорил М.П. Арашкевич, напомнив о сложной обстановке в стране и нецелесообразности затягивания процедуры избрания. Епископ Черниговский Пахомий выступил с собственным предложением корректировки процедуры по образцу восточных патриархий – формирование круга кандидатов, из которых Советом отсеиваются не подходящие, после чего всем составом собора избираются трое, а из троих высшим епископатам – патриарх. По итогам этих прений на всеобщее голосование был поставлен вопрос о внесении изменений, предложенных В.В. Богдановичем и епископом Пахомием. В итоге приняты были поправки первого. Следующим голосованием была подтверждена вторая часть процедуры избрания – жеребьевка.

Таким образом, на заседании был выработан следующий порядок избрания патриарха: члены собора должны были подать записку с именем одного кандидата, затем из получившегося списка выбирали трех кандидатов, которые утверждались большинством голосов, при необходимости проводя дополнительные туры. После этого имена трех кандидатов помещались на Престол, а специально назначенный человек из числа духовенства (мирянин не мог касаться Престола) должен был вытянуть одну из записок, тем самым избрав патриарха. В этом участники собора видели Провидение Господне, которое должно было направить руку жеребьевщика. Ссылаясь на решение Двукратного собора 861 г., собор отверг предложение о возможности подавать в качестве кандидатуры имена мирян, хотя в постановлении и присутствовала оговорка «на сей раз» (Деяния. Книга III, 1918: 48-49). В то же время было принято решение допустить кандидатуры из числа белого духовенства.

В тот же день начался первый этап выборов патриарха. По результатам голосования было подано 25 кандидатур, в том числе и кандидатура самого председателя собора, митрополита Тихона. В этом туре голосования он занял третье место, набрав 23 голоса. Его обошел митрополит Тамбовский

Кирилл с 27 голосами, а на первом месте с большим отрывом оказался архиепископ Харьковский Антоний, за которого отдали 101 голос.

31 октября 1917 г. заседание продолжилось в присутствии большего числа участников – 304 человека против 265 накануне. После короткой дискуссии о правомочности принятых 30 октября решений начался второй тур голосования, на котором из предложенных кандидатов должны были большинством голосов выбрать трех претендентов на пост патриарха. Первое место в голосовании вновь занял архиепископ Антоний, набрав 159 голосов, и единственный набравший необходимый минимум. Второе место занял архиепископ Новгородский Арсений со 148 голосами, а на третьем, получив 125 голосов, вновь оказался митрополит Тихон.

Ввиду отсутствия кворума у абсолютного большинства кандидатов в этом туре утвердили только кандидатуру Антония. Для прочих голосование продолжилось, кворум снизили до 153 голосов за человека, но его преодолел только Арсений, набрав 199. Было объявлено о продолжении голосования, кворум снизился до 147 голосов, и на этот раз его преодолел митрополит Тихон, получив 162 голоса. Таким образом, по результатам второго тура выборов кандидатами на пост патриарха были избраны архиепископ Харьковский Антоний, архиепископ Новгородский Арсений и митрополит Московский Тихон. На этом заседании 31 октября закрылось.

Среди прочих вопросов на повестке заседания 2 ноября 1917 г. значилось принятие решения о времени и месте проведения финального тура выборов патриарха – жеребьевки. Совещание епископов при соборе объявило о проведении ее в ближайшее воскресенье и выдвинуло два вероятных места: Успенский собор в Кремле или Храм Христа Спасителя, в зависимости от обстоятельств. В Москве в эти дни шло вооруженное противостояние Московского военно-революционного комитета и приверженцев Временного правительства, верный которому гарнизон держал оборону в Кремле, что делало невозможным проведение выборов на его территории. В связи с этим ранее была сформирована делегация от собора, которая выступила посредниками в переговорах между комитетом и кремлевским гарнизоном, и представила свой доклад по результатам визита к противоборствующим сторонам на этом заседании (Alontseva et al., 2023: 2131). После доклада об обстановке в городе собор принял постановление о формировании проповеднических групп, которые должны были выйти на охваченные революцией улицы и по возможности препятствовать кровопролитию. Итогом заседания стало предварительное назначение проведения заключительного этапа выборов на ближайшее воскресенье после 5 ноября ввиду сложной обстановки в городе.

4 ноября 1917 г. собралось новое заседание, на котором вновь был вынесен на повестку дня вопрос о времени и месте выборов. Долгие прения завершились голосованием, на котором большинством голосов было принято решение о проведении церемонии жеребьевки в воскресенье 5 ноября в Храме Христа Спасителя. Успенский собор оставался по-прежнему недоступным из-за продолжающейся осады Кремля. Тем не менее иеромонах Алексей высказался с предложением провести в Храме только процедуру избрания, доставив туда икону Владимирской Божьей Матери и певчих из собора. Рукоположение же в сан избранного патриарха иеромонах предложил отложить до тех пор, пока не будет возможно совершить таинство в кремлевском храме. Эта инициатива была утверждена собором.

В тот же день было решено оповестить о предстоящем избрании патриарха население Москвы, а также опубликовать воззвание о прекращении братоубийственного кровопролития. Следующим был утвержден чин избрания патриарха Московского и Всея Руси, разработанный комиссией под руководством архиепископа Кишиневского Анастасия. Согласно выработанной церемонии, после совершения литургии Почетный председатель собора, митрополит Киевский Владимир, должен был в Престоле в присутствии трех клириков и трех мирян поместить записки с именами кандидатов в одинаковые кожаные тубусы, которые затем запечатывались печатью собора перед лицом иконы Владимирской Божьей Матери. Затем опечатанные тубусы он должен был вынести на солею и разместить на специально приготовленном столе. Далее вновь совершалась литургия, в конце которой первостоятель должен был взять один из тубусов и на амвоне вскрыть печать на глазах у шести епископов, клириков и мирян. Записку с именем избранного патриарха следовало передать через иеромонаха-затворника митрополиту, который и должен был огласить имя. Выбранному патриарху после проведения соответствующих обрядов предписывалось отправиться в Троице-Сергиеву лавру и пребывать там до момента, когда будет назначен чин великого наречения и настолования.

В качестве свидетелей предстоящего избрания от духовенства были выбраны протопресвитер Н.А. Любимов, протоирей Е.И. Бекаревич и священник В.А. Чернявский; из мирян – профессора П.Д. Лапин и И.И. Соколов, а также крестьянин И.И. Малов (Деяния. Книга III, 1918: 103).

5 ноября 1917 г. в соответствии с утвержденным церемониалом на правах предстоятеля митрополит Киевский Владимир в присутствии выбранных свидетелей огласил в Храме Христа Спасителя имя победившего кандидата: митрополит Московский и Коломенский Тихон. Присутствовавшие приветствовали новоизбранного патриарха восклицаниями «Аксиос».

Деятельность делегаций собора по урегулированию военного противостояния между Московским военно-революционным комитетом и юнкерами, державшими оборону в Кремле, дала результат к концу ноября. Юнкера согласились сдать крепость, открыв тем самым доступ к

Успенскому собору (Кашеваров, 2018: 16). 21 ноября 1917 г. там состоялась интронизация митрополита Тихона в сан патриарха Московского и Всея Руси. Церемония настолования была выработана на заседаниях 13-14 ноября (Деян. Книга IV, 1918: 119-122). Первая сессия, важнейшим из решений которой стало возрождение патриаршества в России, завершилась 9 декабря 1917 г.

Существование с советской властью уже в первые дни прихода революционного правительства в Москву было натянутым. Комитетчики, с которыми встречалась делегация собора, относились к ней враждебно, хотя и не позволяли себе никаких реальных действий в отношении духовенства. В декабре 1917 г. советское правительство начало поэтапно дистанцироваться от Церкви, лишая ее основных средств влияния на население. В январе 1918 г. был принят знаковый для истории Русской Православной Церкви декрет Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Этим декретом советская власть осуществила то, о чем сторонники реформации церкви говорили с начала XX в.: произошло обособление светской власти. Впрочем, сторонники реформ не предполагали отделения в том виде, в котором его реализовали большевики: своим декретом они низвели церковь до простой общественной организации, которая не обладала правами ни на какое имущество, а главное, отстранялась от процесса образования.

Параллельно с резким изменением статуса Церкви началась национализация церковного имущества. Этот процесс сопровождался порой насилием в отношении священнослужителей, встававших на пути революционеров. Все это обсуждалось на Поместном соборе, и патриарх Тихон расценил такой разворот в отношениях с новым государством как гонения на христиан. Тем не менее собор направлял делегации в Кремль, куда к тому времени уже перебралось правительство большевиков, в попытках начать диалог и найти компромисс. Собор, похоже, поначалу счел радикальные шаги советской власти временными решениями (Кашеваров, 2018: 19).

20 сентября 1918 г. патриарх Тихон вынужденно закрыл третью сессию собора, хотя работа была далека от завершения. Было принято решение о созыве нового собора через три года, в 1921 г. Надежды не оправдались, политика большевиков в отношении религии и Церкви не менялась. Патриарх Тихон выступал с жесткой критикой действий советов, осудил расстрел отрекшегося императора и его семьи в Екатеринбурге летом 1918 г., а всех причастных к антирелигиозным решениям и действиям предавал анафеме (Музафарова, 2015: 238). Таким образом, с точки зрения советского правительства, своими действиями патриарх настраивал население против новой власти. Негативное отношение к духовенству формировалось и под влиянием того факта, что многие священнослужители в годы гражданской войны выступали на стороне белогвардейских армий.

Параллельно с началом изъятия церковного имущества советское правительство приняло решение о формировании подконтрольного себе церковного управления из числа лояльного духовенства. Это положило начало обновленческому расколу. Движение обновленцев созвало собственный Поместный собор в 1923 г., на котором патриарха Тихона извергли из сана, приняли григорианский календарь, допустили возможность брака для высшего духовенства, а также приняли ряд других противоречивых решений. Обновленцы на местах в угоду советской власти перекрашивали церкви в красный цвет, а на могилах вместо крестов стали ставить звездочки (Музафарова, 2015: 237). После перевода патриарха Тихона из заключения под домашний арест многие из тех, кто поначалу поддержал движение обновленчества, принесли покаяние и вернулись в лоно традиционной церкви.

После смерти патриарха Тихона советская власть, как и Петр I в свое время, не допустила выборов нового. Однако на сей раз Церковь была готова к этому. Еще на закрытых заседаниях Поместного собора в 1918 г. было принято постановление о создании должности Патриаршего Местоблюстителя, а также утверждена кандидатура митрополита Крутицкого Петра (Alontseva et al., 2023: 2133).

5. Заключение

Либеральные мыслители начала XX в. стремились к разделению церковного и государственного начала, считая их взаимное сращивание препятствием к осуществлению функций и того, и другого. Собранные на Поместном соборе в 1917 г. видели место Церкви в государстве в качестве созидательной, государствообразующей силы, занимающей особое положение среди прочих конфессий. В этом они частично повторяли идеи мыслителей конца XIX в., ратовавших за установление теократии в Российской империи. Выделения в самостоятельную организацию, полностью сепарированную от государства, в решениях собора не предполагалось. Однако власть рабочих и крестьян рассудила иначе, лишив церковь какого-либо законного влияния, низведя ее до бесправной добровольной общественной организации.

Таким образом, не осуществились идеи ни либеральных реформаторов, ни соборян. Начавшийся в 1918 г. тяжелейший кризис отношений церкви и государства (годы воинствующего безбожия, бури и натиска, гонений и репрессий) был преодолен под руководством патриарха Сергия. Венцом его деятельности стало повторное после 1917 г. возрождение патриаршества и закрепление легального статуса Русской Православной Церкви, примирение государства и духовенства.

6. Благодарности

Авторский коллектив выражает благодарность ректорату Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина за финансовую поддержку настоящего исследования.

Литература

- Бычков, 1998** – Бычков С.С. Русская Церковь и императорская власть (очерки по истории Православной Российской Церкви. 1900–1917 гг.). М., 1998. 320 с.
- Воеводина, 2016** – Воеводина А.А. Государство и Церковь в христианско-либеральной мысли России начала XX в. / Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры. Самара, 2016. С. 452–467.
- Деяния. Книга I, 1918** – Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Книга I. М., 1918. 192 с.
- Деяния. Книга III, 1918** – Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Книга III. Петроград, 1918. 260 с.
- Деяния. Книга IV, 1918** – Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Книга IV. Петроград, 1918. 184 с.
- Кашеваров, 2018** – Кашеваров А.Н. Поместный собор Русской православной Церкви и советская власть в ноябре–декабре 1917 года // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 1. С. 14–21.
- Кузнецов, 2019** – Кузнецов В.Д. Русская Православная Церковь и Российское государство в начале XX в. / Россия и мир в Новое и Новейшее время – из прошлого в будущее. СПб, 2019. С. 260–263.
- Михайлов, 2023** – Михайлов А.Ю. Церковная реформа Петра Великого как административная реформация (постановка проблемы) / Реформы Петра I. Историческое наследие и современность. Пермь, 2023. С. 232–236.
- Музафарова, 2015** – Музафарова Н.И. Становление новых отношений РПЦ и советской власти (1917–1925 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв. Иваново, 2015. С. 235–241.
- Шингарева, 2014** – Шингарева Н.В. Проблема свободы совести и веротерпимости в России в начале XX в. // *Вестник Московского университета МВД*. 2014. № 11. С. 41–44.
- Яшина, 2018** – Яшина М.А. Церковная реформа Петра I как попытка «вестернизации» православия // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. № 2. С. 55–59.
- Alontseva et al., 2023** – Alontseva D.V., Grishaeva O.N., Litvinov V.P., Tikhonov R.V. Local Cathedral: Historical and Legal Significance // *Bylye Gody*. 2023. 4(18): 2128–2135.

References

- Alontseva et al., 2023** – Alontseva, D.V., Grishaeva, O.N., Litvinov, V.P., Tikhonov, R.V. (2023). Local Cathedral: Historical and Legal Significance. *Bylye Gody*. 4(18): 2128–2135.
- Bychkov, 1998** – Bychkov, S.S. (1998). Russkaya Tserkov' i imperatorskaya vlast' (ocherki po istorii Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. 1900–1917) [The Russian Church and Imperial Power (essays on the history of the Orthodox Russian Church. 1900–1917)]. М., 320 p. [in Russian]
- Deyaniya. Kniga I, 1918** – Deyaniya Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Kniga I [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church. Book I]. М., 1918. 192 p. [in Russian]
- Deyaniya. Kniga III, 1918** – Deyaniya Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Kniga III [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church. Book III]. Petrograd, 1918. 260 p. [in Russian]
- Deyaniya. Kniga IV, 1918** – Deyaniya Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Kniga IV [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church. Book IV]. Petrograd, 1918. 184 p. [in Russian]
- Kashevarov, 2018** – Kashevarov, A.N. (2018). Pomestnyi sobor Russkoi pravoslavnoi Tserkvi i sovetskaya vlast' v noyabre-dekabre 1917 goda [Local Council of the Russian Orthodox Church and Soviet power in November–December 1917]. *Nauchno-tekhnicheskie ведомости SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 1: 14–21. [in Russian]
- Kuznetsov, 2019** – Kuznetsov, V.D. (2019). Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Rossiiskoe gosudarstvo v nachale XX v. [Russian Orthodox Church and the Russian state at the beginning of the 20th century]. Rossiya i mir v Novoe i Noveishee vremya – iz proshlogo v budushchee. SPb. Pp. 260–263. [in Russian].
- Mikhailov, 2023** – Mikhailov, A.Y. (2023). Tserkovnaya reforma Petra Velikogo kak administrativnaya reformatsiya (postanovka problemy) [Church reform of Peter the Great as an administrative reformation (statement of the problem)]. *Reformy Petra I. Istoricheskoe nasledie i sovremennost'*. Perm', pp. 232–236. [in Russian]
- Muzafarova, 2015** – Muzafarova, N.I. (2015). Stanovlenie novykh otnoshenii RPTs i sovetskoi vlasti (1917–1925 gg.) [The formation of new relations between the Russian Orthodox Church and the Soviet government (1917–1925)]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vv. Ivanovo*. Pp. 235–241. [in Russian]
- Shingareva, 2014** – Shingareva, N.V. (2014). Problema svobody sovesti i veroterpimosti v Rossii v nachale XX v. [The problem of freedom of conscience and religious tolerance in Russia at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD*. 11: 41–44. [in Russian]

Voevodina, 2016 – Voevodina, A.A. (2016). Gosudarstvo i Tserkov' v khristiansko-liberal'noi mysli Rossii nachala XX v. [The state and the Church in the Christian liberal thought of Russia at the beginning of the 20th century]. Modernizatsiya kul'tury: ot kul'turnoi politiki k vlasti kul'tury. Samara. Pp. 452-467. [in Russian]

Yashina, 2018 – Yashina, M.A. (2018). Tserkovnaya reforma Petra I kak popytka «vesternizatsii» pravoslaviya [Church reform of Peter I as an attempt to «Westernization» Orthodoxy]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2: 55-59. [in Russian]

Государственно-церковные отношения в Российском государстве в начале XX века (к вопросу о восстановлении института патриаршества)

Дина Викторовна Алонцева ^{a,*}, Ольга Николаевна Гришаева ^a, Роман Владимирович Тихонов ^a

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены государственно-церковные отношения в Российском государстве на рубеже эпох, дан анализ событий, связанных с деятельностью Поместного Собора, возрождением института патриаршества, избранием патриарха Русской Православной Церкви. Авторы отмечают, что развитие государственно-церковных отношений в истории России характеризуется значительными изменениями в социально-политической сфере, в том числе и в отношениях между государством и церковью, которые на всем протяжении развития государства оставались и остаются важными. Возрождение института патриаршества – одна из ключевых тем государственно-церковных отношений в Российском государстве, являющаяся предметом особого интереса изучения, связанного с глубокими историческими корнями и развитием Русской православной церкви, ее взаимодействием с государством. Восстановление патриаршества получило неоднозначную оценку в отечественной науке. С одной стороны, этот важный шаг в развитии Церкви позволяет ей свободнее выполнять свою духовную миссию, с другой, возвращение патриаршества может привести к усилению политического влияния Церкви, нарушив принцип «светскости» государства.

Авторами рассмотрена проблема восстановления института патриаршества на рубеже XIX и XX веков, дан анализ деятельности Поместного Собора, охарактеризован порядок избрания патриарха. Проведенное исследование позволяет познать и оценить воздействие церкви на исторические процессы, оказавшие влияние на формирование культурных и социальных ценностей, что способствует глубокому анализу и интерпретации событий прошлого, а также помогает сформировать более полное представление о роли церкви в истории России.

Ключевые слова: государство, церковь, восстановление патриаршества, кризис государственно-церковных отношений.

* Корреспондирующий автор

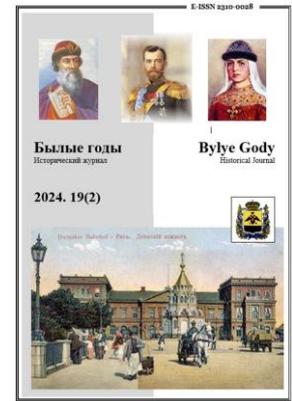
Адреса электронной почты: dina.alontseva@mail.ru (Д.В. Алонцева),
olya.grishaeva.85@mail.ru (О.Н. Гришаева), 478042316789@mail.ru (Р.В. Тихонов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 927-936
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.927

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

«So Far, No Charges Have Been Brought Against Him». Speech by the Russian Public in Defense of the Arrested Kazakh Poet A. Baitursynov in 1909

Dmitry M. Legkiy ^a, Yerden Ye. Ibrayev ^{a,*}, Alibek N. Tabuldenov ^a, Sofia A. Turezhanova ^a

^a A. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article introduces into scientific circulation archival materials of the police department of the Russian Empire, covering the wide support of the Russian public (represented by deputies of the III State Duma and a number of central and provincial newspapers) of one of the leaders of the Kazakh national intelligentsia, teacher and poet Akhmet Baitursynov, which received a wide public outcry. The main role in this story was played by appeals to representatives of the highest authorities by the deputy, well-known public figure Skalozubov Nikolai Lukich. In parallel with the appeal to various state bodies of a member of the State Duma, an article protesting against the arrest of Baitursynov was published in the central press organ of the Cadet Party, then reprinted in several Russian periodicals at once, which is subjected to scientific analysis using documents from the gendarme department. The authors come to the conclusion that the leaders of the local state apparatus tried to learn from the experience of the First Russian Revolution, when, on the one hand, they adhered to the provisions of the Tsar's Manifesto of October 17, 1905 and responded to the requests of the State Duma deputies, taking measures to eliminate the claims expressed, but on the other hand, the governors and the relevant bodies of political investigation closely monitored the intensification of the social and political activities of the Kazakh political elite, simultaneously monitoring publications in central and local periodicals that were undesirable for the authorities.

Keywords: Russian Empire, State Duma, governors, newspapers, gendarmerie, Kazakh steppe, public, national outskirts, parties, police.

1. Введение

В многонациональной Российской империи в начале XX в. благодаря взаимодействию интеллигенции национальных окраин и широкого круга общественности европейской части страны формируется единое социогуманитарное пространство. Казахстанские и российские историки справедливо указывают: «в условиях пореформенной модернизации Российской империи просвещенные национальные элиты были вовлечены в единое имперское пространство» (Absadyk et al., 2022: 1470). Причем это происходило в условиях, когда переход от традиционного общества к современному его состоянию происходил «с разной скоростью, имел региональную и этносоциальную специфику» (Аманжолова, 2021: 63).

Вместе с тем органы политического сыска Российской империи внимательно отслеживали настроения национальных политических элит, так как «интересы государства требовали усиления охранительных мер, что определяло пристальное внимание царских властей с присущим им подозрительным отношением к общественно-политической активности казахской национальной интеллигенции с определенным ограничением ее деятельности» (Absadyk et al., 2022: 1470).

* Corresponding author

E-mail addresses: erden-ibraev@mail.ru (Ye.Ye. Ibrayev), legk_d@mail.ru (D.M. Legkiy), nauryzi8@mail.ru (A.N. Tabuldenov), sofi-kz59@bk.ru (S.A. Turezhanova)

2. Материалы и методы

Авторами используются архивные фонды департамента полиции Российской империи, где содержатся сведения о широкой поддержке российской общественностью одного из лидеров казахской национальной интеллигенции, учителя и поэта Ахмета Байтурсынова, освещение чего стало целью данного исследования. Данные архивные фонды находятся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация). Среди архивных документов следует выделить «Дело департамента полиции 7 делопроизводства по наблюдению за производящеюся в порядке положения об охране перепискою об Ахмете Байтурсунове 1909 г.». На титульном листе стоит штамп, свидетельствующий, что следственное дело «закончено» (Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). (Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881). Среди них такие важные документы, как письмо члена Государственной Думы Н. Скалозубова товарищу министру внутренних дел, командиру отдельного корпуса жандармов П.Г. Курлову 17 ноября 1909 г. (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 12-13), «Справка» 10 декабря 1909 г. о поступлении в Семипалатинск письма члена Государственной Думы Н. Скалозубова министру внутренних дел П.А. Столыпину и стешному генерал-губернатору Е.О. Шмиту (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 21), статья под заголовком «Киргизский народный поэт в тюрьме» в газете «Речь» от 19 ноября 1909 г. в осведомительном бюро при Главном управлении по делам печати (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 10), справка департамента полиции от 6 марта 1910 г. о содержании обращения депутата Государственной Думы Н. Скалозубова от 17 ноября 1909 г. (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 38). Полное содержание данных документов впервые вводится в научный оборот. Данные материалы приводятся в качестве иллюстраций, что позволяет обратить внимание на процедуру рассмотрения и анализа в структурах политического сыска и цензуры (с датами, автографами высокопоставленных чиновников, членов Государственной Думы Российской империи).

Анализ темы проводился на традиционных для исторического исследования методах историзма, описания, компаративистского анализа и системности.

При работе с вышеуказанными архивными документами значительное внимание уделялось атрибутике документальных материалов, т.е. определение их видов и подлинности документов, дат написания, их авторов и адресатов. Поскольку некоторые использованные здесь архивные источники представляют собой рукописные документы с весьма неразборчивым почерком, цитирование текстов осуществлялось через выписки и свободный пересказ содержания.

3. Обсуждение

Казахстанские историки уделяют значительное внимание изучению методов полицейского надзора за распространением ислама в Туркестанском крае, связанного с тем, что в деловых бумагах, секретных инструкциях, а также циркулярных письмах департамента полиции имеются указания о сборе данных об умонастроении местного населения, его отношении к администрации края и выяснении позиции в международных конфликтах (Рустемов, Шашаева, 2021: 63-73). В Степном крае, как и в мусульманских районах Империи, была аналогичная ситуация. Одновременно исследователи справедливо констатируют тот факт, что стратегическая неопределенность была порождением самого российского имперского проекта, отличающегося от современных европейских заморских империй отсутствием однозначной физической и социальной границы между метрополией и колонией (Абдурасулов, Сартори, 2016: 159).

Российские историки замечают, что основные направления работы органов МВД на местах по «мусульманскому вопросу» были вполне типичными, строились с учетом общих задач, транслируемых столичными структурами, и соотносились с местными реалиями (Христофоров, 2018: 188). У местной администрации сформировалось стойкое убеждение в разрушающем влиянии свободы слова на общественные устои, но на высшем уровне представители царской бюрократии вынуждены были признать, что им не удалось взять под контроль свободу слова (Гарбуз, 2022: 364-366).

Казахстанские ученые ввели в научный оборот новые документы, освещающие учительский путь Ахмета Байтурсынова до его высылки в Оренбург в 1910 г., в том числе по истории ареста в 1909 г. (См.: Absadyk et al., 2022a: 890-901; Ибраев и др., 2022: 123-134), и Омско-Каркаралинский период в его просветительской и политической деятельности (Absadyk et al., 2023: 1462). При этом на сам факт широкой общественной поддержки видного казахского поэта А. Байтурсынова с протестом против его ареста исследователи обратили внимание только в настоящее время (Имаханбетова, 2010: 46, 54; Тугай, 2018: 120-121; Акбалаева, 2021; Absadyk et al., 2022a: 879; Absadyk et al., 2023: 1461-1462). Факт постоянного политического надзора над Ахметом Байтурсыновым как одного из видных руководителей движения Алаш, редактора газеты «Казах», в период Первой мировой войны и накануне Февральской революции 1917 г. нашел отражение в публикациях современных казахстанских авторов (Легкий и др., 2023: 23-34).

4. Результаты

В своем «Жизнеописании» (что было издано в первые годы советской власти, когда многие пытались особо выделить свои революционные заслуги) А. Байтурсынов весьма кратко описал факты

автобиографии, нисколько не афишируя своей антиправительственной деятельности: «В 1909 г., когда служил учителем-заведующим двухклассным училищем в городе Каркаралинске Семипалатинской области, по распоряжению Семипалатинского губернатора Тройницкого был арестован и отправлен в Семипалатинскую тюрьму, в которой под жандармским дознанием сидел с 1 июля по 21 февраля 1910 г.» (Байтурсынов, 2023). Тройницкий Александр Николаевич занимал должность военного губернатора Семипалатинской области с 1908 по 1914 гг.

В заточении Байтурсынов находился восемь месяцев, с 1 июля 1909 г. до 21 февраля 1910 г. В защиту казахского поэта выступила русская прогрессивная общественность в лице депутатов III Государственной Думы и редколлегий ряда центральных и провинциальных газет (Ибраев и др., 2022: 127).

Главную роль в этой истории имели обращения к представителям высшей власти со стороны депутата, известного общественного деятеля Скалозубова Николая Лукича. Он не случайно выступил в роли защитника арестованного Ахмета Байтурсынова, так как сам в период Первой русской революции оказался в аналогичной ситуации.

Российские историки обратили внимание на то, что в годы Первой русской революции Н.Л. Скалозубов как один из организаторов в 1905 г. крестьянского съезда в Тобольске был арестован и полгода находился в ссылке (март-август 1906 г.). Тем не менее он с 1906 г. по 1912 г. избирался депутатом II и III Государственной Думы, полагая, что «народные избранники должны добиваться в Думе такого порядка, при котором всем жилось бы лучше..., чтобы все были равны, без различий по сословиям, чтобы личность каждого человека была неприкосновенна» (Бубнов, 2015: 7).

Российские исследователи отмечают факты, с каким особым трепетом и сочувствием депутат относился к проблемам политических ссыльных. После роспуска II Государственной Думы он поддерживал сосланных членов социал-демократической фракции. В 1908 г. Н.Л. Скалозубов по просьбе родственников политкаторжанина, кандидата естественных наук Д.Д. Тахчогло написал личное письмо П.А. Столыпину о произволе в Тобольской каторжной тюрьме №1, что облегчило судьбу заключенного (Акбердеева, 2021: 68–82). Затем Н.Л. Скалозубов в 1909 г. спас от смертной казни М.В. Фрунзе, собрав необходимые 30 подписей в Государственной Думе для депутатского запроса министру внутренних дел, что было по существу протестом против казни известного революционера (Родионов, 1996: 57). Ни одно «письмо из губернии» Николай Лукич не оставлял без внимания, и это при том, что у него не было штатных помощников (Патранова, 2007: 9).

Однако вне поля зрения российских исследователей оказался тот факт, что именно настойчивые действия Н.Л. Скалозубова стали решающим фактором в освобождении из тюремных застенков известного казахского поэта.

Казахстанские историки выяснили, что Алихан Букейханов, являясь значимым деятелем кадетской партии, обратился к членам III Государственной Думы Скалозубову Николаю Лукичу и Некрасову Николаю Виссарионовичу с просьбой защитить Ахмета Байтурсынова. 17 ноября 1909 г. депутат Н.А. Скалозубов обратился к заместителю министра внутренних дел империи П.Г. Курлову с письменным запросом о судьбе А. Байтурсынова (Акбалаева, 2021; Имаханбетова, 2022: 41, 46, 54).

На этом официальном документе, который почтовым отправлением поступил по назначению 7 декабря 1909 г. в Таврический дворец (о чем свидетельствует штамп), стоит остановиться подробнее (см. Рисунок 1).

Член Государственной Думы Н.А. Скалозубов обратился к товарищу министру внутренних дел П.Г. Курлову (как обозначена эта должность в документах того времени) с официальным запросом. Депутат в самом начале письма выдвинул обвинения в адрес царских властей в Степном крае: «В Семипалатинской и Усть-Каменогорской тюрьмах томится без суда по многу месяцев ряд интеллигентных киргиз, просящих обратить внимание на безвыходное положение их и их семей» (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 12).

В письме, в противовес мнению Семипалатинского губернатора А.Н. Тройницкого, приводятся не только биографические данные, но и заслуги обвиняемого: «Байтурсунов – киргизский поэт, переводчик на киргизский язык басен Крылова, он был заведующим русско-киргизской школы в Каркаралах (Каркаралинск – авт.). Семипалатинским губернатором в вину ему ставилось, что он принимает участие в составлении петиций от Киргизского народа Государю Императору» (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 12).

В такой завуалированной форме член Государственной Думы признавал часть обвинений в адрес А. Байтурсынова. Одновременно Н.А. Скалозубов категорически был не согласен, что к этому добавили полицейские чины: «Затем, совершенно, по уверению моих корреспондентов, неосновательно - пропаганду среди киргиз идей сепаратизма и невыплаты податей» (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 13).

Завершил свое письмо «Член Государственной Думы Н. Скалозубов» (как он сам обозначил свой статус) обвинением царских властей в нарушении государственных законов по отношению к А. Байтурсынову, так как «арестован он 1 июля и до сих пор ему никакого обвинения не предъявлено». Ко времени запроса (письмо было написано 17 ноября 1909 г., а получено только 7 декабря 1909 г.) Байтурсынов более пяти месяцев находился в тюремных застенках. Весомым

аргументом в депутатском запросе был и тот факт, что «один из заключенных в Усть-Каменогорскую тюрьму (Семипалатинской области) в письмах от 11 октября сообщает, что их, заключенных, «бьют беспощадно» (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 13). Местным властям потом пришлось долго объясняться и оправдываться по этому поводу.

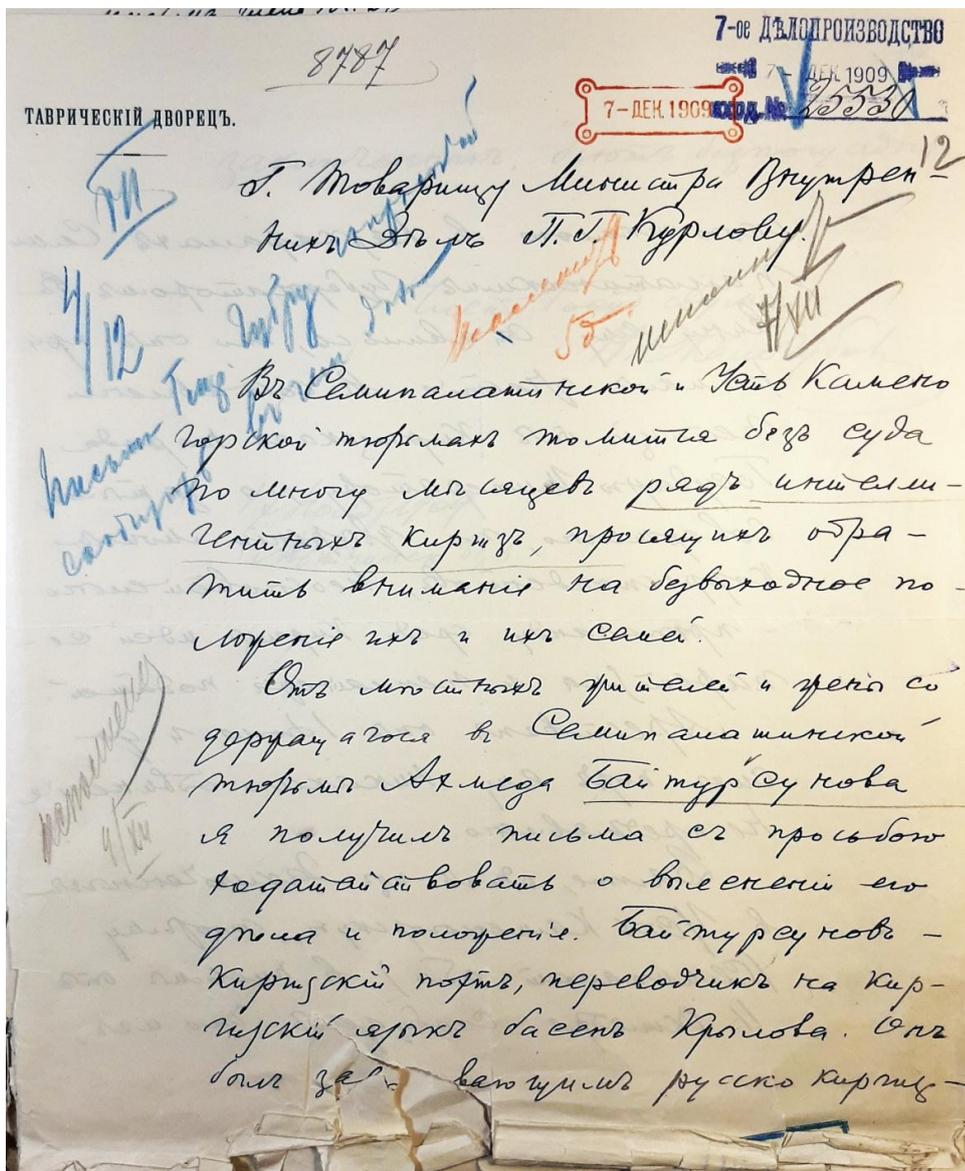

Рис. 1. Письмо члена Государственной Думы Н. Скалозубова товарищу министру внутренних дел, командиру отдельного корпуса жандармов П.Г. Курлову 17 ноября 1909 г. (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 12-13).

Через три недели, 10 декабря 1909 г. «Справка» о поступлении в город Семипалатинск письма члена Государственной Думы Н. Скалозубова была отправлена министру внутренних дел П.А. Столыпину и степному генерал-губернатору Е.О. Шмиту (см. Рисунок 2). В документе было напечатано: «О преследовании киргиз в Семипалатинской области и в частности об арестовании киргиза Байтурсунова поступило письмо члена Государственной Думы Скалозуба на имя Г./осподина/ Т. Министра внутренних дел генерал-майора Курлова, которое в копии отправляется Г. Степному генерал-губернатору с просьбой сообщить сведения по содержанию его. Ходатайства члена Государственной Думы Некрасова не поступало» (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 21).

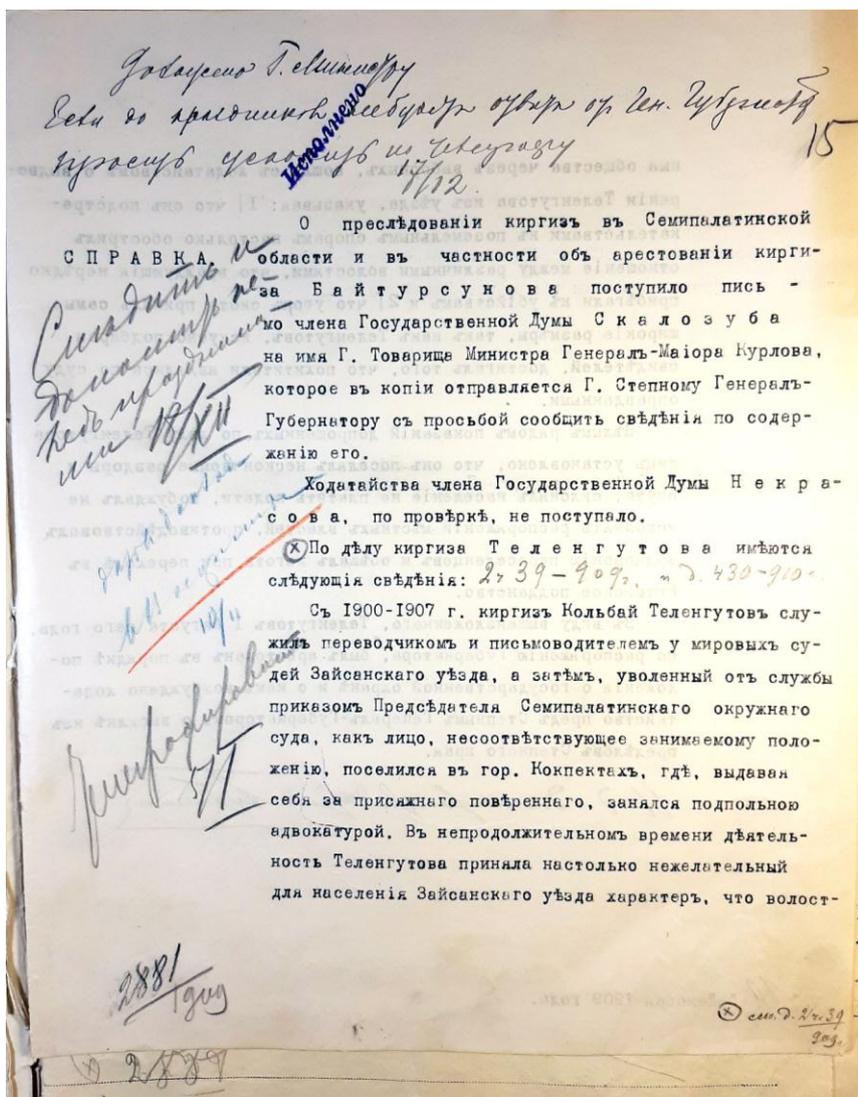

Рис. 2. «Справка» 10 декабря 1909 г. о поступлении в Семипалатинск письма члена Государственной Думы Н. Скалозубова министру внутренних дел П. А. Столыпину и степному генерал-губернатору Е.О. Шмиту (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 21).

В верхней части документа представителями местной власти на полях сделаны две рукописные записи, одна чернилами, другая карандашом: «Доложено Г. Министру. Если до праздников не будет ответа от Ген./ерала/ Губернатора просим ускорить по телеграфу 17/12... доложить перед праздниками 18/XVII» (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 21).

В 1910 г. депутат Государственной Думы Николай Леонидович Скалозубов помог возвращению домой раньше окончания срока шестерым осужденным казахам. Данный поступок с благодарностью отметил А. Букейханов в некрологе о Н.Л. Скалозубове в газете «Казах» в 1915 г.: «В 1910 г. друзья Л.Н. Толстого Михаил Александрович и Н. Л. Скалозубов способствовали скорейшему возвращению этих шестерых джигитов, предприняв неоднократные обращения на имя Столыпина, "уговаривая" его оказать помощь». Современные ученые считают, что упомянутый Михаил Александрович был известный в то время публицист, писатель М.А. Новоселов (Absadyk et al., 2023: 1462).

История с арестом Ахмета Байтурсынова получила широкий общественный резонанс. Параллельно обращению депутата Государственной Думы в центральном печатном органе кадетской партии в газете «Речь» 19 ноября 1909 г. была опубликована статья под громким заголовком «Киргизский народный поэт в тюрьме», на что обратили внимание казахстанские исследователи (Иманхабетова, 2022: 41; Тугай, 2018: 120-121; Absadyk et al., 2022a: 897; Акбалаева, 2021).

Из содержания статьи выясняется суть дела и подвергаются сомнению обвинения в адрес А. Байтурсынова со стороны Семипалатинского губернатора А.Н. Тройницкого. Содержание газетной публикации из архива департамента полиции с сопровождающими ее сопроводительными надписями лиц, причастных к рассмотрению дела, следует рассмотреть подробно (см. Рисунок 3).

Прочитируем. «В здешней тюрьме¹ томится пятый месяц Ахмет Байтурсунов талантливый киргизский поэт. В 1900 г. он издал книгу "Крыкъ-Мысал" сорок басен, перевод в стихах 40 басен Крылова. Книга отпечатана в Академии наук. Ахмет Байтурсунов состоял заведующим русско-киргизской школой в Каркаралах. Преступления, изложенные в отношении Семипалатинского губернатора на имя попечителя Западно-Сибирского округа, таковы: 1) Минувшей зимой ученики русско-казахской школы подрались с одним сартом - жителем города; 2) В школе нет русских учеников; 3) А. Байтурсунов в 1905 г. принимал участие в делах киргиз, когда они подавали петицию царю; 4) знакомство с членом I Государственной Думы А. Букейхановым и выборщиком Я. Акпаевым; 5) Во время русско-японской войны не обнаружил патриотизма. Уволенный от службы Байтурсунов поехал к попечителю. Выслушав объяснение, попечитель обещал ему возратить старую должность. Но когда это стало известно Семипалатинскому губернатору Байтурсунов был 1 июля арестован, причем его уже обвиняют в пропаганде среди киргиз и неплатежа податей! Байтурсунов сидит 5 месяц. Не предъявляют ему обвинений и не освобождают его. Прощения его на имя губернатора остаются без ответа» (ГАРФ. Ф. Д. 7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 10).

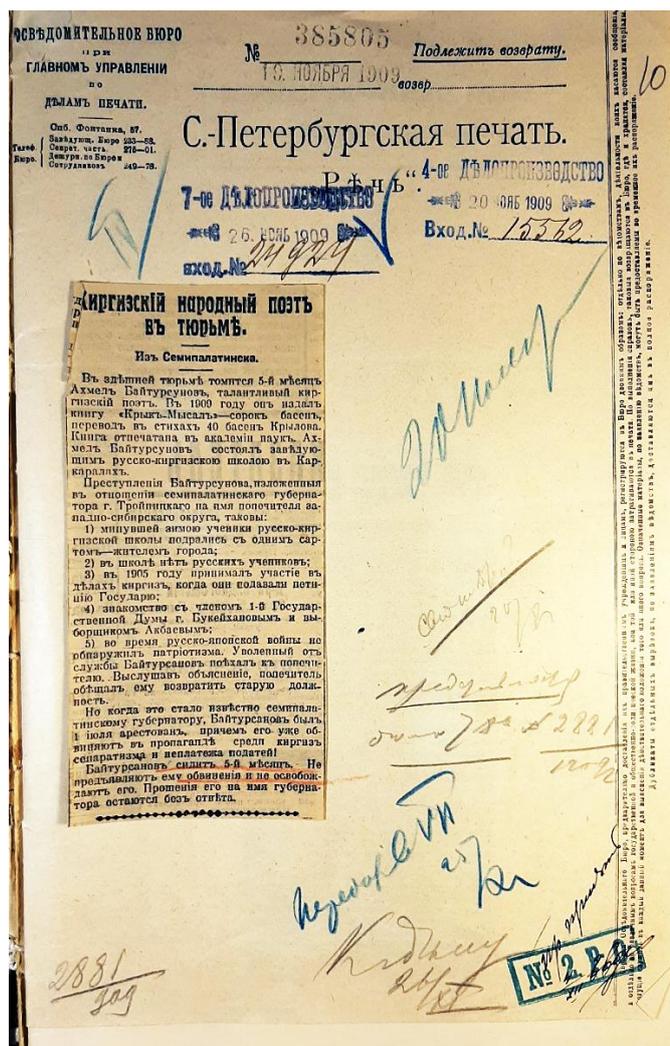

Рис. 3. Статья под заголовком «Киргизский народный поэт в тюрьме» в газете «Речь» от 19 ноября 1909 г. в Осведомительном бюро при Главном управлении по делам печати (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 10).

В Осведомительном бюро при Главном управлении по делам печати весьма внимательно отнеслись к этой публикации, о чем свидетельствуют несколько карандашных пометок на полях документа. Статья под заголовком «Киргизский народный поэт в тюрьме» была опубликована в газете «Речь» 19 ноября 1909 г., и уже на следующий день ее проанализировали в соответствующих структурах. Об этом свидетельствуют два штампа: «4-е делопроизводство 20 нояб./ря/ 1909 Вход. № 15562» и «7-е делопроизводство 26 нояб./ря/ 1909 Вход. № 24924» (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 10).

¹ Семипалатинской – авторы.

Современные историки отмечают, что сотрудники Осведомительного бюро при Главном управлении по делам печати, выявляя основные тенденции в газетной политике по отношению к органам государственной власти, подвергали обследованию 50 столичных и 137 провинциальных газет (Амбросьев, 2011: 30-35). Среди них оказались и газеты, в которых была напечатана (фактически продублирована) статья в защиту казахского поэта Ахмета Байтурсунова.

Анализ архивных документов департамента полиции показывает, что статья «Киргизский народный поэт в тюрьме» была напечатана не только в газете «Речь», а перепечатана в ноябре 1909 г. сразу в нескольких российских печатных изданиях. Об этом свидетельствует рапорт, составленный в ноябре-декабре 1909 г. помощником начальника Омского жандармского управления в Семипалатинске ротмистром С.П. Леваневским, который писал: «В заключении позволю себе доложить, что в некоторых газетах: “Русские ведомости” № 264, “Современное слово” № 682; “Волость” № 322 появились о Байтурсунове корреспонденции, озаглавленные “Киргизский народный поэт в тюрьме”» (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 31).

Современные российские ученые справедливо заметили, что на страницах оппозиционных газет характеристика правительственной политики часто сопровождалась эпитетами «насилие» и «произвол», которые нередко персонифицировались с действиями конкретных представителей царской администрации (Гарбуз, 2022: 361).

В секретном архиве жандармского ведомства сохранился документ от 6 марта 1910 г. со штампом «Директор Департамента полиции» (с пометками лиц, ознакомившихся с документом от 7 и 8 марта 1910 г.), где подводится общий итог «по исследованию противоправительственной деятельности бывшего заведующего русско-киргизским училищем в г. Каржаларах (Каркаралинске – авт.) Ахмета Байтурсунова» (см. Рисунок 4).

В начале документа в одном пространным предложении приводится краткое содержание обращения депутата Государственной Думы Н. Скалозубова от 17 ноября 1909 г. Прочитав: «Член Государственной Думы Н. Скалозубов письмом от 17 ноября 1909 г. сообщил Г. Товарищу Министра внутренних дел генерал-майору Курлову, что в Семипалатинской и Усть-Каменогорской тюрьмах томится без суда много месяцев ряд интеллигентных киргиз, что в Семипалатинской тюрьме содержится киргиз Ахмет Байтурсунов, арестованный по распоряжению генерал-губернатор 1 июля 1909 г. и что ему никакого обвинения не предъявлено и, наконец, что один из содержащихся в Усть-Каменогорской тюрьме сообщил письмом от 11 октября, что заключенных бьют беспощадно» (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 38).

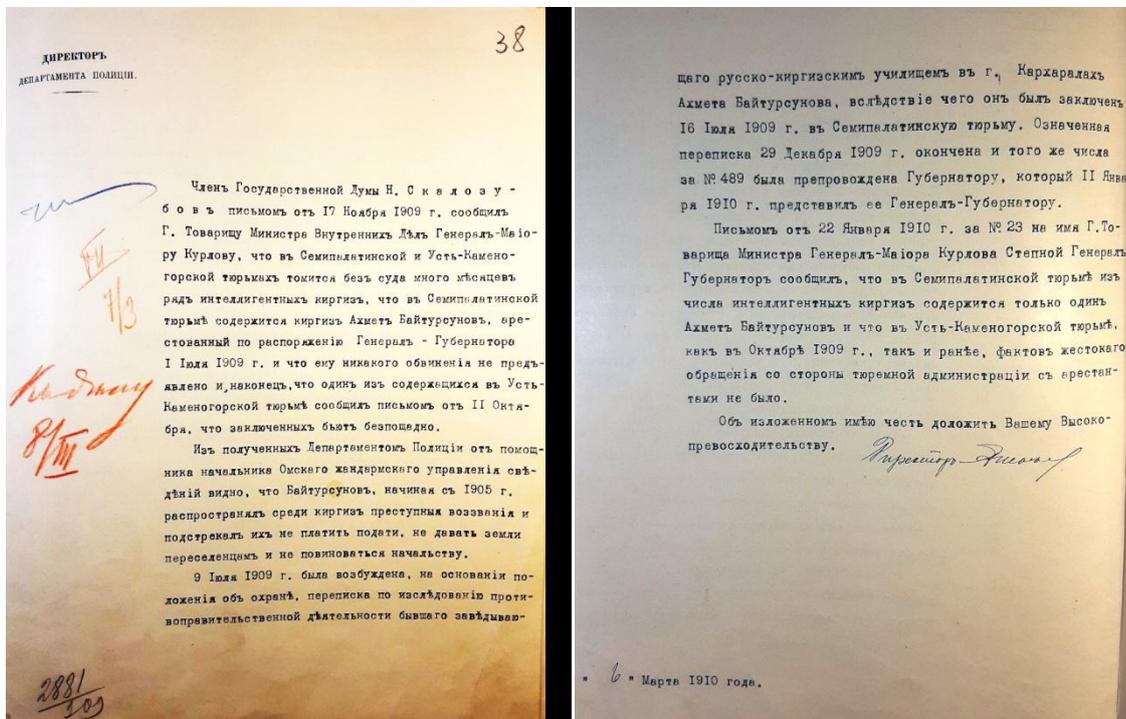

Рис. 4. Справка департамента полиции от 6 марта 1910 г. о содержании обращения депутата Государственной Думы Н. Скалозубова от 17 ноября 1909 г. (ГАРФ. Ф. Д-7. Оп. 1909. Д. 2881. Л. 38)

Кроме того, в стенах Государственной Думы прозвучал соответствующий запрос Н.В. Некрасова (казахстанские историки обнаружили документ в архивных фондах), где депутат обратил внимание на то, что «заключенные в тюрьме подвергаются насилию» и просил провести расследование

(Absadyk et al., 2023: 1462). В справке департамента полиции от 6 марта 1910 г. от имени ее директора со ссылкой на письмо степного генерал-губернатора категорически отвергаются обвинения двух депутатов Государственной Думы в адрес царских властей.

Письмом от 20 января 1910 г. за №23 на имя товарища министра генерал-майора Курлова степной генерал-губернатор сообщил, что в Семипалатинской тюрьме из числа интеллигентных киргиз содержится только один Ахмет Байтурсунов и что в Усть-Каменогорской тюрьме, как в октябре 1909 г., так и ранее, фактов жестокого обращения со стороны тюремной администрации с арестантами не было.

Таким образом, в течение четырех месяцев, с 17 ноября 1909 г. и вплоть до 8 марта 1910 г., сотрудникам департамента полиции и руководству Степного края приходилось отвечать на запросы депутатов Государственной Думы, опровергать обвинения в российских газетах в адрес царских властей.

5. Заключение

В итоге принимается решение о выселении в административном порядке Ахмета Байтурсынова с территории Степного края, когда по решению царских властей ему с февраля 1910 г. было запрещено нахождение в Степном крае, Тургайской и Семиреченской областях. Вплоть до Февральской революции 1917 г. он был вынужден проживать и работать в городе Оренбурге, находясь под пристальным полицейским надзором.

Руководители местного государственного аппарата старались извлечь уроки из опыта Первой русской революции. С одной стороны, придерживаясь положений царского Манифеста 17 октября 1905 г., они были вынуждены прислушиваться к независимой прессе, строго отвечать на запросы депутатов Государственной Думы, принимая меры к устранению высказанных претензий (как это произошло с обращением Н.Л. Скалозубова). С другой стороны, губернаторы и соответствующие органы политического сыска внимательно наблюдали за активизацией общественно-политической деятельности казахской интеллигенции и одновременно отслеживали нежелательные для властей публикации в центральных и местных периодических изданиях. Диалог власти и общества давался с огромным трудом. Губернаторы на местах с подозрением и непониманием относились к попыткам российской общественности выступать в защиту представителей казахской политической элиты, заподозренной в «противоправительственной деятельности». В конечном итоге все эти нерешенные проблемы воочию проявились в период Первой мировой войны и последующих революционных потрясений (от восстания 1916 г. в Казахской степи и Туркестане до российских революций 1917 г.).

6. Благодарности

Казахстанский ученый Султан Хан Аккулы любезно предоставил необходимые архивные документы, за что авторы весьма благодарны / The Kazakh scientist Sultan Khan Akkuly kindly provided the necessary archival documents, for which the authors are very grateful.

Литература

Абдурасулов, Сартори, 2016 – Абдурасулов У., Сартори Л. Неопределенность как политика: размышляя о природе российского протектората в Средней Азии // *Ab Imperio: исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве*. 2016. № 3. С. 118-164. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2016.0057>

Акбалаева, 2021 – Акбалаева Ш. Долгий и тернистый путь первой книги Ахмета Байтурсынулы [Электронный ресурс]. URL: <https://vechastana.kz/dolgij-i-ternistyj-put-pervoj-knigi-ahmeta-bajtursynova> (дата обращения 10.01.2021).

Акбердеева, 2021 – Акбердеева Д. И. Круг общения депутата Государственной Думы Н.Л. Скалозубова // *Genesis: исторические исследования*. 2021. № 3. С. 68-82. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.3.35365

Аманжолова, 2021 – Аманжолова Д.А. Казахский автономизм в 1918 году: конкуренция проектов и динамика альянсов // *Российская история*. 2021. № 1. С. 63-78. DOI: 10.31857/So86956870013445-0

Амбросьев, 2011 – Амбросьев А.В. Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской империи: структура и организация деятельности // *История государства и права*. 2011. № 17. С. 30-35.

Байтурсынов, 2023 – Байтурсынов А. Жизнеописание [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/6293/>

Бубнов, 2015 – Бубнов В.А. Скалозубов Николай Лукич - Правительственный агроном Тобольской губернии // *Вестник Курганского государственного университета*. 2015. № 4. С. 7.

Гарбуз, 2022 – Гарбуз Г.В. «Грязный период»: свобода слова в российской провинции в 1905-1913 годах глазами местной администрации // *Новейшая история России*. 2022. Т. 12. № 2. С. 358-371. [Электронный ресурс]. URL: <http://modernhistory.ru/f/garbuз.pdf>

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Ибраев и др., 2022 – Ибраев Е. Е., Легкий Д. М., Табулденов А.Н. «Дальнейшее наблюдение за ним установлено». Ахмет Байтурсынов под надзором царской охраны (1907-1910 годы) // *Отан тарихы*. 2022. № 2 (98). С. 123-134. DOI: 10.51943/1814-6961_2022_2_123

Имаханбетова, 2022 – *Имаханбетова Р.С.* Ғасыр саңлағы: Ахмет Байтұрсынұлының ғұмырбаяны (мұрағат деректері негізінде). Астана, 2010.

Легкий и др., 2023 – *Легкий Д.М., Ибраев Е.Е., Табулденов А.Н.* «Выяснить негласным путём». Оренбургское издательское товарищество «Азамат» под надзором полиции (1913-1917 гг.) // *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки». 2023. Т.10. № 2(38). С. 23-34. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(2).23-33

Легкий и др., 2023 – *Легкий Д.М., Ибраев Е.Е., Табулденов А.Н.* Ахмет Байтұрсынұлы и газета «Казакъ» накануне Февральской революции 1917 г. в России // *Вестник КазНПУ имени Абая*, серия «Исторические и социально-политические науки». 2023. № 1(76). С. 267-276.

Патранова, 2007 – *Патранова В.* Сибирский депутат в царской Госдуме // *Подорожник: краеведческий альманах*. Вып. 7. Ред.-сост. В. К. Белобородов. Екатеринбург: ООО «Баско», 2007. С. 7-16.

Родионов, 1996 – *Родионов Ю. П.* Сибирские депутаты во II Государственной Думе // По страницам российской истории. Омск, 1996. С. 55-68.

Рустемов, Шашаева, 2021 – *Рустемов С.К., Шашаева М.А.* Надзор за распространением мусульманства в Туркестанском крае // *Отан тарихы*. 2021. № 1. С. 63-73.

Тугай, 2018 – *Тугай Т. И.* Оренбургский путь Ахмета Байтұрсынова. Изд. 2-е, доп. Оренбург: Университет, 2018.

Христофоров, 2018 – *Христофоров В.С.* Политический сыск и «мусульманский вопрос» начала XX в.: сбор и оценка информации о мусульманах Степного края // *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 183-190.

Absadyk et al., 2022 – *Absadyk A.A., Boranbaeva S. B., Mukhitov K., Legkii D.M.* The Kazak newspaper and its opponents in the Kazakh society during the First World War // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1470-1481.

Absadyk et al., 2022a – *Absadyk A.A., Isenov O. I., Mukhitov K., Boranbaeva S.B.* The Path of the Teacher A. Baitursynov: from Bestamak to Karkaralinsk (1895-1910) // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 890-901.

Absadyk et al., 2023 – *Absadyk A.A., Isenov O. I., Boranbaeva B.S., Mukhitov K.S.* Omsk-Karkaraly Period: the Origins of A. Baitursynov's Educational and Political Activities // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1455-1466.

References

Abdurasulov, Sartori, 2016 – *Abdurasulov, U., Sartori, L.* (2016). Neopredelennost' kak politika: razmyshlyaya o prirode rossiiskogo protektorata v Srednei Azii [Uncertainty as Politics: Reflecting on the Nature of the Russian Protectorate in Central Asia]. *Ab Imperio: issledovaniya po novoi imperskoi istorii i natsionalizmu v postsovetskom prostranstve*. 3: 118-164. [in Russian]

Absadyk et al., 2022 – *Absadyk A.A., Boranbaeva S.B., Mukhitov K., Legkii D.M.* (2022). The Kazak newspaper and its opponents in the Kazakh society during the First World War. *Bylye Gody*. 17(3): 1470-1481.

Absadyk et al., 2022a – *Absadyk A.A., Isenov O.I., Mukhitov K., Boranbaeva S.B.* (2022). The Path of the Teacher A. Baitursynov: from Bestamak to Karkaralinsk (1895-1910). *Bylye Gody*. 17(2): 890-901.

Absadyk et al., 2023 – *Absadyk A.A., Isenov O.I., Boranbaeva B.S., Mukhitov K.S.* (2023). Omsk-Karkaraly Period: the Origins of A. Baitursynov's Educational and Political Activities. *Bylye Gody*. 18(3): 1455-1466.

Akbalaeva, 2021 – *Akbalaeva, Sh.* (2021). Dolgii i ternisty put' pervoi knigi Akhmeta Baitursynuly [The long and thorny path of the first book of Akhmet Baitursynuly]. [Electronic resource]. URL: <https://vechastana.kz/dolgij-i-ternistyj-put-pervoj-knigi-ahmeta-bajtursynova> (date of access: 10.01.2021). [in Russian]

Akberdeeva, 2021 – *Akberdeeva, D.I.* (2021). Krug obschcheniya deputata Gosudarstvennoi Dumy N.L. Skalozubova [Social circle of the deputy of the State Duma N.L. Skalozubov]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 3: 68-82. [in Russian]

Amanzholova, 2021 – *Amanzholova, D.A.* (2021). Kazakhskii avtonomizm v 1918 godu: konkurentsia proektov i dinamika al'yansov [Kazakh autonomism in 1918: competition of projects and dynamics of alliances]. *Rossiiskaya istoriya*. 1: 63-78. [in Russian]

Ambros'ev, 2011 – *Ambros'ev, A.V.* (2011). Osvedomitel'noe byuro pri Glavnom upravlenii po delam pechati MVD Rossiiskoi imperii: struktura i organizatsiya deyatel'nosti [Information Bureau at the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire: structure and organization of activity]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 17: 30-35. [in Russian]

Baitursynov, 2023 – *Baitursynov, A.* (2023). Zhizneopisanie [Biography]. [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/6293/> [in Russian]

Bubnov, 2015 – *Bubnov, V.A.* (2015). Skalozubov Nikolai Lukich - Pravitel'stvennyi agronom Tobol'skoi gubernii. [Skalozubov Nikolai Lukich - Government agronomist of the Tobolsk province]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4: 7. [in Russian]

Garbuz, 2022 – *Garbuz, G.V.* (2022). «Gryaznyi period»: svoboda slova v rossiiskoi provintsii v 1905-1913 godakh glazami mestnoi administratsii [“The Dirty Period”: Freedom of Speech in the Russian Province in 1905-1913 through the Eyes of the Local Administration]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 12(2): 358-371. [Electronic resource]. URL: <http://modernhistory.ru/f/garbuz.pdf> [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Ibrayev i dr., 2022 – Ibrayev, Ye.Ye., Legkij, D.M., Tabuldenov, A.N. (2022). «Dal'neishee nablyudenie za nim ustanovleno». Akhmet Baitursynov pod nadzorom tsarskoi okhranki (1907-1910 gody) [Further observation of him has been established. Akhmet Baitursynov under the supervision of the tsarist secret police (1907-1910)]. *Otan tarikhyy*. 2(98): 123-134. [in Russian]

Imakhanbetova, 2022 – Imakhanbetova, R.S. (2022). Fasyr sañlaғы: Akhmet Baitursynynyn qymyrbayany (myrarat derekteri negizinde) [Turn of the century: biography of Akhmet Baitursynuly (according to archival data)]. Astana. [in Kazakh]

Khristoforov, 2018 – Khristoforov, V.S. (2018). Politicheskii sysk i «musul'manskii vopros» nachala XX v.: sbor i otsenka informatsii o musul'manakh Stepnogo kraya [Political investigation and the “Muslim question” of the early 20th century: collection and evaluation of information about the Muslims of the Steppe Territory]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 3(19): 183-190. [in Russian]

Legkij i dr., 2023 – Legkij, D.M., Ibraev, E.E., Tabuldenov, A.N. (2023). Akhmet Baitursynov i gazeta «Kazak» nakanune Fevral'skoi revolyutsii 1917 g. v Rossii [Akhmet Baitursynov and the newspaper "Kazak" on the eve of the February revolution of 1917 in Russia]. *Vestnik KazNPU imeni Abaya, seriya «Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki»*. 1(76): 267-276. [in Russian]

Legkij i dr., 2023 – Legkij, D.M., Ibrayev, Ye. Ye., Tabuldenov, A.N. (2023). «Vyyasnit' neglasnym putem». Orenburgskoe izdatel'skoe tovarishchestvo «Azamat» pod nadzorom politsii (1913-1917 gg.) [Find Out in an Unspoken Way”. Orenburg Publishing Association “Azamat” under Police Supervision (1913-1917)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 10. 2(38): 23-34. [in Russian]

Patranova, 2007 – Patranova, V. (2007). Sibirskii deputat v tsarskoi Gosdume [Siberian deputy in the Tsarist State Duma]. *Podorozhnik: kraevedcheskii al'manakh*. 7. Red.-sost. V. K. Beloborodov. Ekaterinburg: OOO «Basko». Pp. 7-16. [in Russian]

Rodionov, 1996 – Rodionov Yu. P. (1996). Sibirskie deputaty vo II Gosudarstvennoi Dume [Siberian deputies in the II State Duma]. *Po stranitsam rossiiskoi istorii*. Omsk, Pp. 55-68. [in Russian]

Rustemov, Shashaeva, 2021 – Rustemov, S.K., Shashaeva, M.A. (2021). Nadzor za rasprostraneniem musul'manstva v Turkestanskom krae [Oversight of the spread of Islam in the Turkestan region]. *Otan tarikhyy*. 1: 63-73. [in Russian]

Tugai, 2018 – Tugai, T.I. (2018). Orenburgskii put' Akhmeta Baitursunova [Orenburg way of Akhmet Baitursunov]. *Izd. 2-e, dop.* Orenburg: Universitet. [in Russian]

«До сих пор ему никакого обвинения не предъявлено». Выступление русской общественности в защиту арестованного казахского поэта А. Байтурсунова в 1909 г.

Дмитрий Максимович Легкий^a, Ерден Ерназарович Ибраев^{a, *},
Алибек Нурмагамбетович Табулденов^a, София Абдугалиевна Турежанова^a

^a Костанайский региональный университет имени А. Байтурсунылы, Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот архивные материалы департамента полиции Российской империи, освещающие широкую поддержку российской общественностью (в лице депутатов III Государственной Думы и ряда центральных и провинциальных газет) одного из лидеров казахской национальной интеллигенции, учителя и поэта Ахмета Байтурсунова. Эта история получила широкий общественный резонанс, где главную роль имели обращения к представителям высшей власти со стороны депутата III Государственной Думы, известного общественного деятеля Н.Л. Скалзубова. Параллельно с этим обращением в различные государственные органы в центральном печатном органе кадетской партии была опубликована статья с протестом против ареста Байтурсунова, перепечатанная затем сразу в нескольких российских периодических изданиях, что подвергается научному анализу с использованием документов жандармского управления. Авторы приходят к выводу, что руководители местного государственного аппарата пытались извлечь уроки из опыта Первой русской революции, когда царские власти, с одной стороны, придерживались положений Манифеста 17 октября 1905 г. и отвечали на запросы депутатов Государственной Думы, принимая меры к устранению высказанных претензий, но с другой стороны, губернаторы и соответствующие органы политического сыска внимательно наблюдали за активизацией общественно-политической деятельности казахской политической элиты, одновременно отслеживая нежелательные для властей публикации в центральных и местных периодических изданиях.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная Дума, губернаторы, газеты, жандармерия, Казахская степь, общественность, национальные окраины, партии, полиция.

* Корреспондирующий автор

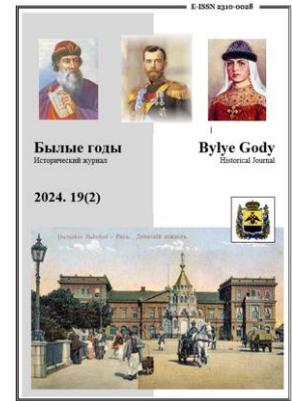
Адреса электронной почты: erden-ibraev@mail.ru (Е.Е. Ибраев), legk_d@mail.ru (Д.М. Легкий), nauryz18@mail.ru (А.Н. Табулденов), sofi-kz59@bk.ru (С.А. Турежанова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 937-945
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.937

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

F. Nansen and S.V. Vostrotin as Ideologists of the Development of Arctic Transport Routes of the Yenisei Siberia. The Beginning of the 20th century

Anna P. Dvoretzkaya ^{a,*}, Artem V. Shakhmatov ^a, Anton V. Surzhko ^a, Nikolai R. Novosel'tsev ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This study examines the theoretical and practical activities of Fridtjof Nansen (1861–1930) and Stepan Vasilyevich Vostrotin (1864–1943) on the development of Arctic transport routes in the Yenisei Siberia at the beginning of the 20th century. By a fortunate coincidence, the period of their intensive research activity occurred at the end of the 19th - beginning of the 20th centuries, when there was a need to study the northern territories and their economic and strategic prospects. Both researchers paid great attention to the logistics potential of the Northern Sea Route, which could ensure stable and regular trade of the Siberian region with European countries, including Great Britain and Scandinavia. Particular attention in the study is paid to F. Nansen's travels across Siberia in the summer and autumn of 1913, which he made in company with S.V. Vostrotin. As a part of the trip, the Norwegian visited Yeniseisk, Krasnoyarsk and a number of other settlements. The result was the publishing of the book «To the Land of the Future». The article analyzes the main stages of the life path of F. Nansen and V.S. Vostrotin, provides an analysis of their most progressive views on the development of Russian North, Yenisei Siberia, transport routes of this region and its potential in the evolution of international trade and intercultural communication. However, the further development of the creative union of F. Nansen and V.S. Vostrotin was prevented by the revolutionary events of 1917 in Russia. The authors used a wide range of personal sources and analyzed the main historiography of the issues under consideration. The methodological basis of the study was the historical-anthropological approach and the biographical method in historical science.

Keywords: F. Nansen, S.V. Vostrotin, Yenisei province, Yenisei Siberia, transport routes, Northern Sea Route, polar expeditions.

1. Введение

К началу XX века Российская империя представляла собой одно из крупнейших территориально-политических образований на территории Евразии. Благодаря расширению государства в северо-восточном направлении в его составе существовали и хозяйственно развивались значительные территории за Уральским хребтом, простирающиеся до самого Японского моря. Экономический рост отдаленных относительно Москвы территорий в значительной мере определялся наличием логистических возможностей по транспортировке добываемых и частично перерабатываемых ресурсов непосредственно по территории России, а в случае со стратегическими запасами (железные и цветные руды, древесина, пушнина, пенька и т.д.) – до зарубежных потребителей. В случае с Сибирью таким потребителем могла стать Северная Европа. В царской России ограничителем экономического развития продолжала оставаться неразвитая (по сравнению с Западной Европой) дорожная сеть, а также ограниченная пропускная способность железной дороги, связывающей западные и восточные регионы. Именно по этой причине возможность создания новых

* Corresponding author

E-mail addresses: advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzkaya)

логистических маршрутов, международные коллаборации, вывоз на внешние рынки товаров и услуг занимали умы исследователей и «государевых мужей» по обе стороны Северного Ледовитого океана.

В данной статье авторами проанализированы попытки совместной проработки внешнеэкономического и научного вектора со стороны двух наиболее талантливых в своих регионах исследователей: С.В. Востротина, сибирского золотопромышленника и государственного деятеля и Ф. Нансена, на тот момент наиболее известного и почитаемого во всем цивилизованном мире арктического исследователя, путешественника, писателя. Востротин и Нансен являлись самыми яркими представителями своих наций. В начале XX в. сформировались условия для тесного международного сотрудничества в рамках арктических исследований и освоения СМП, использования его для нужд экономики и транспортировки грузов. В это время формируются кросс-культурные связи не только в рамках отдельных проектов, но и на уровне личного взаимодействия людей.

2. Материалы и методы

Основным источником исследования стали опубликованные воспоминания активных участников исследования Севера, прежде всего С.В. Востротина и Ф. Нансена. Важную часть источниковой базы исследования составили неопубликованные воспоминания из фонда С.В. Востротина, хранящиеся в Архиве Российской академии наук (Москва, Российская Федерация), а также мемуарное наследие Ф. Нансена. Собственно, воспоминания Нансена непосредственно об экспедиции были несколько раз опубликованы (Нансен, 1915; Нансен, 2012). Однако, как показывает исследование, эвристический потенциал его книг по-прежнему не исчерпан. Также были использованы материалы местной периодической печати, включая журнал «Сибирские вопросы».

Настоящее исследование выполнено в рамках историко-антропологического подхода, для которого характерно особое внимание к роли личности в историческом процессе. Особенностью данного подхода является использование широкого круга источников личного происхождения. Использование биографического метода позволило проанализировать эволюцию личностей Ф. Нансена и С.В. Востротина как субъектов исследовательской деятельности и как объектов культурного влияния среды, в которой проходила их деятельность. Авторы данной статьи сконцентрировали свое внимание на конкретных периодах и отдельных эпизодах их жизни, сыгравших ключевую роль в развитии арктических транспортных маршрутов в начале XX в. Важными методами исследования являются также сравнительно-исторический и историко-ретроспективный методы изучения документов, благодаря которым стало возможным провести критическое осмысление и обобщение литературных и публицистических источников, анализ и систематизацию выявленных исторических фактов.

3. Обсуждение

Несмотря на большую востребованность научного изучения исторических проблем развития Арктики и Северного морского пути, значительной историографией как на региональном, так и на глобальном уровнях данная тема не отличается. Безусловно, упоминания о деятельности Ф. Нансена и других полярных исследователей встречаются в большинстве обобщающих исследований по истории Приенисейского региона, Енисейской губернии, а также в нескольких специальных исследованиях (Прядко, 2001; Быконя и др., 2012; Хромых, 2012; Еханина, 2018). Это обстоятельство позволяет говорить о некоей изученности данной темы, хоть и не на достаточно глубоком уровне.

Гораздо в меньшей степени изучена личность С.В. Востротина. Во многом это объясняется тем, что в советский период его имя прочно ассоциировалось с царским режимом и Белым движением, а идеологическое давление значительно снижало возможность объективных исследований. Тем не менее, в последние годы о нем был опубликован ряд биографических научных и краеведческих исследований (Гончаров, 2010; Быконя, 2012; Гонина, 2018). Были частично изданы его воспоминания о встречах с Ф. Нансеном и совместном путешествии на Таймыр (Загребаяева, 2008).

На сегодняшний день наиболее полным исследованием арктических проектов Ф. Нансена и С.В. Востротина можно назвать коллективную монографию «Взаимоотношения Норвегии и Приенисейской Сибири в ракурсе исторической памяти. Вторая половина XIX – начало XXI в.». Ядром авторского коллектива выступили исследователи из Сибирского федерального университета Е.А. Ахтамов, А.П. Дворецкая, В.Г. Седельников, А.В. Шахматов (Аксенова и др., 2023).

Из зарубежной историографии заслуживает упоминание трехтомное издание, опубликованное под редакцией норвежских исследователей Э. Дривенеса, Х. Йелле и К. Захариассена. В нем проанализирована роль экспедиций в развитии промыслов, разведки полезных ископаемых на исследуемых территориях, а также в развитии наук о Земле, океанских течениях, животном мире планеты. Достоинством работы является проведенный анализ отношений, складывавшихся между исследователями и правительствами (Дривенес и др., 2004).

В западной и отечественной историографии интерес к арктической проблематике не ослабевает. Можно прогнозировать, что изменение климата и увеличение транспортной доступности региона будут привлекать внимание государств и общественности, а, следовательно, и исследователей к проблемам изучения Арктики (Ахтамов и др., 2021: 148).

4. Результаты

Фигура норвежца Фритьофа Нансена является знаковой для Приенисейского региона. Проехав в 1913 г. Северным морским путем через Дудинку, Енисейск, Красноярск, он оставил воспоминания об этом. Воодушевленный перспективами развития северных транспортных путей, Ф. Нансен выступил горячим сторонником развития именно этого направления и отстаивал не раз его во время посещения столицы Российской империи, а также в Норвегии. Освещение ученым перспектив северного вектора развития Российской империи благоприятствовало и установлению международных контактов с Норвегией, в то время только недавно получившей независимость, как в масштабе всей страны, так и в масштабе Енисейской Сибири (Ахтамов и др., 2021: 148).

Большую известность и популярность в России Ф. Нансен получил еще в конце XIX в., когда он прошел на лыжах Гренландию и попытался покорить Северный полюс. В ходе последнего путешествия он посетил северные районы Российской империи, включая Таймыр. Русский ученый Д.Н. Анучин отмечал, что «имя Нансена пользуется теперь такой известностью, настолько проникло во все закоулки культурного, грамотного мира, что снова напоминать о связанных с этим именем подвигах и открытиях может быть сочтено за повторение давно известного. Отважный исследователь и неутомимый спортсмен, Нансен являл собой замечательный пример сочетания выдающейся силы духа и необыкновенной мощи тела, оригинальности идей, смелости замыслов, железной воли, но и железного здоровья и необычайной выносливости» (Анучин, 1896: 3-4). Необходимо отметить, что те первые экспедиции предвзялись значительным скепсисом большинства ученых, а скандинавское общество рассматривало его предприятие как своеобразную фантазию.

В контексте российской истории особый интерес представляет вторая полярная экспедиция Ф. Нансена, совершенная им в 1893–1896 гг. Дело в том, что в ее рамках были сделаны открытия, обогащающие, прежде всего, гидрографию и климатологию области, являющейся ближайшей к северной окраине Российской империи. Кроме того, часть снаряжения (ездовые собаки, провиант) была предоставлена путешественникам именно российской стороной (Анучин, 1896: 17).

Метеорологические наблюдения экспедиции Ф. Нансена, продолжавшиеся почти три года, внесли весьма важный вклад в науку о погоде и в климатологию. Экспедиция производила ежедневные магнитные наблюдения, данные которых составили ценный материал для расширения сведений о земном магнетизме и способствовали составлению карт магнитного склонения, в которых ощущалась большая потребность (Анучин, 1896: 29-30).

Экспедиция Ф. Нансена во многом предопределила всплеск интереса к российскому Северу и новый виток различных экспедиционных открытий в этом направлении. К их числу можно отнести Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана под руководством Б.А. Вилькицкого, когда в 1913 г. была открыта новая территория, получившая название Земля Императора Николая II (ныне – Северная Земля). Сделанное научно-географическое открытие нового архипелага было самым значительным за последние 40 лет, со времени появления сведений о Земле Франца-Иосифа (Дворецкая, 2021: 98).

Наметившаяся тенденция полностью соответствовала северному вектору развития российских территорий. Один из русских биографов Ф. Нансена, В. Станкевич, метафорически замечал, что «если Россию мыслить в виде здания, то фасад ее обращен к Ледовитому океану. Отсюда вывод: каждый шаг, каждое новое достижение на пути изучения полярных стран России должно рассматриваться, как свой собственный успех, и история полярных открытий, в сущности, могла бы составить главу в нашей отечественной истории» (Станкевич, 1923: 7).

Одна из ключевых черт характера Ф. Нансена, которую выделяли его современники, – умение находить спутников и единомышленников. Одним из них стал Степан Васильевич Востротин – общественно-политический деятель, член партии «кадетов», депутат III и IV Государственной думы от Енисейской губернии, полярный исследователь, предприниматель, просветитель и меценат (Аксенова и др., 2019: 90-94).

Будучи выходцем из семьи крупных енисейских золотопромышленников, С.В. Востротин получил достойное гимназическое и университетское образование, а после смерти отца в 1889 г. возглавил семейное дело, состоящее из 17 золотых приисков и обширной недвижимости в Красноярске, Енисейске и других городах губернии. Однако его интересы не ограничивались только коммерцией, заметную часть жизни С.В. Востротина составляли просветительская и благотворительная деятельность. Так, он активно участвовал в работе Общества попечения о начальном образовании Енисейска, входил в попечительский совет Енисейской женской гимназии, возглавлял Енисейской тюремное отделение, председательствовал в Енисейской окружной переписной комиссии, а в 1895–1899 гг. был городским головой Енисейска (Аксенова и др., 2019).

Еще в гимназические годы у С.В. Востротина зародился интерес к исследованиям севера. Сам он отмечал: «после того, как прибытие на Енисей и в Енисейск профессора Норденшельда в 1875 г. разбудило мой интерес к полярным плаваниям, я начал следить по газетным сообщениям за текущими арктическими экспедициями и читать полярную литературу» (АРАН. Ф. 529. Оп. 1. Д. 8. Л. 119а, 120). Огромное впечатление на С.В. Востротина произвел провоз через Томск, где он учился в гимназии, тел погибших участников полярной экспедиции Дж. Делонга зимой 1882–1883 гг. Позднее

он вспоминал: «немногочисленная публика, оповещена газетными заметами о провозе тел, группами и в одиночку, подходила и молчаливо останавливалась перед гробами жертв науки, пережившими одну из величайших драм, разыгравшихся на просторах Ледовитого океана недалеко от сибирских берегов».

В скором времени главным научным интересом промышленника стала организация регулярного торгового сообщения между Европой и Сибирью через Карское море. В своих научных работах начала XX в. он поднимал злободневные вопросы развития экономики Сибири и Севера, Северного морского пути, транспортной системы в Центральной Сибири. Наиболее перспективным, по его мнению, был путь через Ледовитый океан, однако он требовал больших российских и мировых денежных вливаний. Рассуждения такого типа так захватывали его, что он посвятил им отдельные страницы своих воспоминаний (АРАН. Ф. 529. Оп. 1. Д. 8. Л. 62-63).

По мнению промышленника, одна возможность достигнуть сплошным водным путем, сначала морским, а затем речным, от Англии до центра Сибири, Красноярска, где водный путь пересекается Великой Сибирской железной дорогой, сама по себе была настолько заманчива, что приковывала всецело внимание, и блестящие будущие перспективы становились ясными и несомненными (Востротин, 1911: 15). Сбыт леса, угля, рыбы и т.д. морским путем открывал новые перспективы для экономического развития страны, новые доходные статьи государства, не говоря уже об оживлении пустынных пространств севера Сибири.

За счет ввоза необходимых машин, орудий и разных товаров Сибирь получила бы могучий толчок к развитию фабрично-заводской промышленности. Этот фактор имел огромное значение, потому что выводил Сибирь из всегда невыгодного положения сырьевого рынка на путь обрабатывающей промышленности (Адрианов, 1912: 2-10).

Значительная часть его научных изысканий публиковалась в журнале «Сибирские вопросы», который горячо и своевременно откликался на все волнующие местное население нужды. Обращает на себя внимание статья С.В. Востротина «Одна из мер для спасения забытого края», напечатанная в феврале 1906 г., где он проводил сравнение Туруханского края и норвежского Финмаркена. Для развития этой территории норвежским правительством были организованы обширные гидрографические исследования, расставлены маяки, устроены порты, проведены дороги и телеграф, учреждены и субсидированы срочные не только магистральные, но и местные пароходные рейсы, поддерживающие сообщение в течение всего года, построены церкви, открыты школы и метеорологические станции. Началось активное развитие рыбных промыслов.

В заключение исследователь делал вывод, что Туруханский край своими богатствами мог превзойти Финмаркен, ведь кроме рыбных богатств в нем имелось множество полезных ископаемых и руд, которых не было в Норвегии. Наряду с правительственными мерами С.В. Востротин отмечал и инициативу самого местного населения как необходимую составляющую для развития окраин (Востротин, 1906: 43-47).

С.В. Востротин считал, что открытие и устройство морского пути к устьям сибирских рек наряду с введением в Сибирь земских учреждений – два капитальных вопроса, давно поставленных сибирской жизнью на очередь. Сибирь, по его мнению, располагала такими богатствами, как хлеб, лес, рыба, полезные ископаемые. Их необходимо было использовать и превратить в деньги, чтобы увеличить достаток населения и извлечь пользу для государства. Богатства эти лежали нетронутыми, потому что вывезти их на западноевропейские рынки было очень не просто.

Деятельность С.В. Востротина не ограничивалась только теоретическими изысканиями. Будучи сторонником новых путей развития экономики, создания крупных промышленных холдингов, применения передовых технических возможностей, он активно претворял в жизнь все свои начинания (Аксенова и др., 2019: 90-94). Так, наряду с А.И. Кытмановым и А.А. Баландиным он стал одним из основателей Товарищества пароходства по Енисею. В сентябре 1909 г. он принимал активное участие в первом съезде Туруханских промышленников и был делегирован на Всероссийский съезд рыбопромышленников, запланированный на 1910 г. Именно по инициативе С.В. Востротина в 1912 г. по Енисею были установлены радиотелеграфные станции, позволяющие передавать информацию о движении льдов (Аксенова и др., 2019: 368).

С.В. Востротин, будучи патриотом своего края и г. Енисейска, активно стремился к контактам и связям с иностранными предпринимателями. Будучи государственным человеком (членом Государственной Думы), он был включен в сферу российских политических решений по этому вопросу (Аксенова и др., 2019: 368-370). Норвежский предприниматель Й. Лид в своих мемуарах оценил его знания о Сибири и Енисее, дар рассказчика и любовь к путешествиям (Лид, 2019: 113). Пожалуй, именно эти обстоятельства предопределили дальнейший ход событий.

В 1913 г. состоялось знаменитое путешествие Ф. Нансена Северным морским путем в Сибирь. Сам норвежец вспоминал: «путешествие мое в Сибирь состоялось по почину Сибирского общества, директором которого состоял Й. Лид. Одновременно с этим я получил любезное приглашение от русского министра путей сообщения и инженера Вурцеля проехать с ним на Амур, чтобы посмотреть постройку новой железной дороги через этот край. Это был слишком хороший случай, чтобы им пренебречь. Первой целью было достигнуть Сибири через Ледовитый океан и попытаться установить регулярное торговое сообщение с Енисеем через Карское море. Подобная попытка была уже сделана

Сибирским обществом в предыдущем году, но успеха не имела. Судно не могло пройти через Карское море и в начале сентября вернулось обратно. В нынешнем году предстояло сделать новую попытку. Были сделаны еще лучшие приготовления и явилась надежда, что на это раз попытка увенчается успехом» (Нансен, 2012: 1-2).

Ф. Нансен отмечал, что приглашение совпало с его постоянным интересом к этой части света и стремлением познакомиться поближе с этой «необъятной окраиной» (Нансен, 2012: 26). Для экспедиции специально был снаряжен норвежский пароход «Коррект». Он имел стальной корпус и специальную дубовую обшивку, так называемый «ледовый пояс» высотой в шесть бревен в три фута над ватерлинией и в шесть под ней, длиной в семьдесят футов от форштевня. Кроме того, на судне установили беспроводный телеграф, для чего удлиннили две мачты и установили на них радиоантенны. На одной из мачт укрепили глубокую бочку, в которой находился впередсмотрящий для наблюдения за льдами (Нансен, 2012: 11; Аксенова и др., 2019: 495).

Путешествие стартовало 24 июля (6 августа, здесь и далее в скобках – даты по новому стилю) 1913 г. Общество состояло из директора Сибирского общества, снарядившего экспедицию Й. Лида, депутата Государственной Думы С.В. Востротина (так состоялось знакомство двух ярких личностей), секретаря русского посольства в Христиании И.Г. Лорис-Меликова. Капитаном парохода был Й. Самуэльсон, а важным членом экипажа – лоцман Г. Иогансен, принимавший участие в экспедиции А. Норденшельда 1878 г. вдоль Сибирского берега до устья реки Лены и вверх по этой реке.

Согласно описанию Ф. Нансена, экспедиция намеревалась найти проход через т.н. Югорский шар – узкий пролив между о. Вайгач и континентом в Карском море. Однако, когда утром 28 июля (10 августа) корабль очутился в густом тумане к западу от Карских ворот (между Вайгачем и архипелагом Новая Земля), с юго-востока была замечена сальная зыбь, указывающая на то, что в этом проходе льда не должно быть. Была предпринята успешная попытка пройти в тумане, хотя неглубокое место со скрытыми банками и стремительным течением причинило массу затруднений. Затем экспедиция прошла далее в Карское море, которое было совершенно свободным ото льдов (Нансен, 2012: 3).

29 июля (11 августа) путешественники столкнулись с серьезными трудностями: находившееся примерно посередине Карского моря судно вошло в большое ледяное пространство. По направлению к востоку лед становился плотнее, и появилось опасение, что пройти там окажется невозможно. Экспедиция сочла наиболее безопасным вернуться назад, чтобы попасть снова в свободное ото льда море. К северу льда оказалось еще больше, поэтому направились к югу в надежде, что там удастся найти проход. День за днем исследователям пришлось терпеливо пробиваться через лед, непрерывно отслеживая, в каком направлении появится открытие. Лишь 14 (27) августа была достигнута цель – Насоновский остров. Здесь участники экспедиции встретились с пароходом и тремя лихтерами из Красноярска, прибывшими накануне.

Ф. Нансен, С.В. Востротин и И.Г. Лорис-Меликов рассчитывали отправиться на прибывшем корабле в Красноярск, однако предложенное им буксирование к югу представлялось слишком медленным. Тогда исследователи продолжили свой путь на маленьком моторном судне «Омуль», построенном русским правительством для обследования рыбных промыслов и специально присланном за ними (Нансен, 2012: 9-10).

Так началось знакомство Ф. Нансена с Сибирью. За время путешествия на «Омуде» норвежец и его спутники получили возможность изучить замечательную природу пустынной северной тундры. Далее судно достигло огромных лесов сибирской тайги и несколько недель шло среди этих лесов к югу. Путь от устьев Енисея до Енисейска составляет почти 2 500 верст, и путешествие продолжалось почти три недели. В своем докладе Ф. Нансен упоминал встречи с «туземцами» в «юртах», а также русские поселки по берегам.

В своем повествовании Ф. Нансен подробно расписывает все, что произвело на него впечатление: покупку рыбы у «туземцев», свежую икру, красную и черную, обилие дичи (уток, гусей, тетеревов), ягоды и маленькие кедровые орешки (Нансен: 2012: 10). Стоит заметить, что написанные им путевые наблюдения носили точный характер, хоть и обладали значительной степенью субъективности. Таким образом, написанная им работа изначально не носила обобщающего научного характера.

Прибытие Ф. Нансена в Енисейск вызвала небывалый ажиотаж. Ему была устроена торжественная встреча, для приветствия гостя собрались не только уважаемые лица города (городской голова, исправник, директор гимназии и т.д.), но и простое население. Разместили гостя в доме А.А. Кытмановой, лучшем доме Енисейска. В этом радушном доме были открыты двери для гостей с утра до самого вечера и, вероятно, всегда был накрыт для них стол. Гости приходили и уходили, когда кому захочется. Они садились за стол, пили чай или что-то ели, все по желанию. Чаепитие как обязательный ритуал гостеприимства был отмечен и при посещении дома С.В. Востротина. Путешественника угощали собственным медом с пасеки, маслом и сливками из собственного хозяйства, в результате он отметил, что в Енисейске и окрестностях неплохо было бы заниматься животноводством (Аксенова и др., 2019: 224, 344, 385). Сам Ф. Нансен отмечал: «много было воодушевления и сердечной теплоты ... выходило, что мы как будто положили начало новой эры в истории Сибири» (Нансен, 1915: 258-260).

Затем Ф. Нансен со своими спутниками отправился в Красноярск. На правах хозяина С.В. Востротин организовал для норвежца посещение главных достопримечательностей города, конную прогулку в горы на запад от Красноярска совместно с сыном купца П.И. Гадалова (Нансен, 1915: 271). Немного позже состоялась встреча с корреспондентами местных газет (Плотников, 1983: 71-72).

28 сентября 1913 г. состоялось выступление Ф. Нансена на заседании в Географическом обществе (в качестве переводчика выступил С.В. Востротин), где он отметил огромное значение Северного морского пути для местного населения с точки зрения экономического развития региона и связанных с этим перспектив. Путешественник вспоминал: «сердечное участие в глубокий интерес, обнаруженные многолюдным собранием, дали мне понять, какое важное значение придают сибиряки возможности морского сообщения их страны с Европой. Да это и не удивительно: несмотря на железную дорогу, здешние промышленники чувствуют себя словно взаперти со своими продуктами, и надежда на сбыт их морским путем открывает им блестящие перспективы» (Нансен, 1915). В своем интервью корреспонденту газеты «Енисейская мысль» В. Вихрову он высказал следующее мнение: «Северный морской путь может быть использован ежегодно за исключением ... очень редких случаев» (Плотников, 1983: 72).

Уже на обратном пути в европейскую Россию Ф. Нансен принял активное участие в составлении плана и выработке целой программы по развитию судоходства по пройденному им пути. С.В. Востротин вспоминал неоднократные беседы во главе с Е.Д. Вурцелем на тему того, как наилучшим образом организовать регулярное судоходство между Европой и Енисеем. Были обсуждены разнообразные мероприятия, которые необходимо было осуществить для развития беспрепятственного плавания судов в морских и речных водах на этом пути (АРАН. Ф. 529. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

В число мероприятий входило устройство радиотелеграфа в разных пунктах и метеорологических станций при них, предварительные рекогносцировки на аэропланах и гидропланах или небольших моторных лодках для наблюдения за состоянием и расположением льдов в Карском море. Помимо указанных мер, особое значение Ф. Нансен придавал организации регулярных метеорологических наблюдений и систематическому изучению условий образования, таяния и движения ледяных масс в Карском море и Ледовитом океане и точному установлению причин количества льда, подвергавшегося часто резким колебаниям. Проходимость проливов Карского моря зависела, по его мнению, не только от одного количества льда, но и от его распространения и распределения в море, поэтому немалую роль при судоходстве играли и ветры, и морские течения. Он призывал к систематическому правильно организованному наблюдению над всеми этими многообразными явлениями (АРАН. Ф. 529. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-6).

Когда он вернулся в Петербург, Министерство торговли и промышленности устроило особое межведомственное совещание под председательством тогдашнего товарища министра П.Л. Барка. Приглашены были все участники плавания. На этом совещании Ф. Нансен ознакомил собравшихся с результатами экспедиции и теми мерами, которые необходимо было, по его мнению, осуществить для организации регулярного и безопасного судоходства между Европой и Сибирью. Было приглашено Санкт-Петербургское Императорское Географическое общество. Норвежцем была прочитана лекция о плавании «Корректа», собравшая многочисленную аудиторию.

Подводя итоги совместной экспедиции, С.В. Востротин отметил следующее: «наше долгое путешествие ... сблизило нас, и мы по-дружески расстались, когда Ф. Нансену пришлось время покинуть Петербург и возвратиться на родину. Мы имели возможность встретиться ещё несколько раз во время его наездов в нашу столицу за разными справками и материалом, нужным ему для составления его книги, а также и по поводу ее издания на русском языке». Книга, о которой шла речь, была выпущена в 1915 г. под названием «В страну будущего».

Наступившая революция и последовавшая за ней гражданская война перебросила С.В. Востротина на Дальний Восток, где он провел более десяти лет своей жизни. За это время отношения с Ф. Нансеном были прерваны (АРАН. Ф. 529. Оп. 1. Д. 2. Л. 11).

5. Заключение

Сложно не согласиться с восторженными оценками С.В. Востротина, как в течение относительно короткого времени, менее чем в три месяца, было сделано такое обильное количество наблюдений, собраны столь обширные материалы и на основании их произведены необходимые и справедливые выводы.

Так, одна экспедиция объединила усилия двух людей отличной судьбы – профессионального путешественника, писателя и филантропа и купца-промышленника, мецената и энтузиаста развития новых морских путей. Однако интерес к Северу, к поиску пути регионального процветания территорий, осваиваемых вопреки суровому климату, к небогатой флоре и фауне сблизил этих непохожих по направлению деятельности, но близких в желании улучшить положение своей малой родины людей. В то время и Россия, и Норвегия только начали понимать, что северность их территорий может определить вектор их дальнейшего экономического, а также социального и культурного развития.

Сейчас мы можем только предполагать, насколько большой толчок могло бы получить развитие северных транспортных маршрутов через Енисей и далее через Карское море, если бы исторический процесс пошел в другом направлении. Однако два путешественника, из которых только один был профессиональным, сделали все возможное как на исследовательском, так и на политическом уровне, чтобы активизация использования енисейско-карского маршрута стала возможной.

Не вызывает сомнения и актуальность тех вопросов, которые были подняты в ходе экспедиции, например, разделение акватории Северного Ледовитого океана и организация международного взаимодействия через механизмы северной морской торговли между разными странами, в том числе на высокотехнологичной основе.

Литература

Адрианов, 1912 – Адрианов А.В. Северный морской путь и московские промышленники. Томск, 1912. 14 с.

Аксенова и др., 2019 – Аксенова А.В., Гонина Н.В., Дворецкая А.П., Терскова А.А. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск, 2019. 538 с.

Аксенова и др., 2023 – Аксенова М.Н., Ахтамов Е.А., Дворецкая А.П. и др. Взаимоотношения Норвегии и Приенисейской Сибири в ракурсе исторической памяти. Вторая половина XIX – начало XXI в. Красноярск, 2023. 216 с.

Анучин, 1896 – Анучин Д.Н. Фритъоф Нансен, его подвиги и открытия. Москва, 1896. 31 с.

АРАН – Архив Российской академии наук.

Ахтамов и др., 2021 – Ахтамов Е.А., Дворецкая А.П., Меньщикова Д.А., Седелников В.Г. Арктика и Северный морской путь в трудах исследователей конца XX – начала XXI в. // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*. 2021. № 3. С. 140-153.

Быконя и др., 2012 – Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Безруких В.А. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века). Красноярск, 2012. 240 с.

Востротин, 1906 – Востротин С.В. Одна из мер для спасения забытого края // *Сибирские вопросы*. 1906. № 1. С. 43-47.

Востротин, 1911 – Востротин С.В. Непреодолимые заграждения Северного морского пути // *Сибирские вопросы*. 1911. № 42-44. С. 15.

Гонина, 2018 – Гонина Н.В. С.В. Востротин и Северный морской путь: периферийные аспекты модернизации // *Материалы международной научно-практической конференции «Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность»*. 2018. С. 97-105.

Гончаров, 2010 – Гончаров А.Е. Тема Северного морского пути в сибирской периодической печати (на примере «Сибирских вопросов») // *Актуальные проблемы журналистики: сб. трудов молодых ученых*. 2010. Вып. 5. С. 22-24.

Дворецкая, 2021 – Дворецкая А.П. К вопросу об актуальности переименования Северной Земли // *сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Енисейская Арктика»*. 2021. С. 98-100.

Дривенес и др., 2004 – Дривенес Э., Йелле Х., Захариассен К. Норвежская полярная история. Осло, 2004. 206 с.

Еханина, 2018 – Еханина Е. Истории Красного Яра. Стародавние истории из жизни сибирского города. Красноярск, 2018. 184 с.

Загребаева, 2008 – Загребаева В.Н. «Я приветствовал Нансена и других наших спутников». Воспоминания С.В. Востротина о морской экспедиции из Норвегии в устье Енисея в 1913 г. // *Исторический архив*. 2008. № 4. С. 104-146.

Лид, 2019 – Лид Й. Сибирская Арктика. Исследование и развитие Карского морского пути. История «Сибирской компании». Красноярск, 2019. 319 с.

Нансен, 1915 – Нансен Ф. В страну будущего: Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Петроград, 1915. 454 с.

Нансен, 2012 – Нансен Ф. Через Сибирь. Москва, 2012. 304 с.

Плотников, 1983 – Плотников Ю. Фритъоф Нансен в Красноярске // *Енисей*. 1983. № 6. С. 67-74.

Прядко, 2001 – Прядко И.А. Фритъоф Нансен на берегах Енисея // *Вестник КрасГАУ*. 2001. № 1. С. 39-44.

Станкевич, 1923 – Станкевич В. Нансен Фритъоф. Путешествие через Гренландию к Северному полюсу и в Сибирь. Берлин, 1923. 387 с.

Хромых, 2012 – Хромых А.С. Планы европейских предпринимателей по использованию Карского морского пути в первой четверти XX в. // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. 2012. № 3. С. 308-312.

References

- Adrianov, 1912** – *Adrianov, A.V.* (1912). Severnyj morskoy put' i moskovskie promyshlenniki [Northern Sea Route and Moscow industrialists]. Tomsk. 14 p. [in Russian]
- Aksenova i dr., 2019** – *Aksenova, A.V., Gonina, N.V., Dvoretzkaya, A.P., Terskova, A.A.* (2019). Mir kultury g. Enisejska vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: slovar osnovnyh karakteristik, ponyatij i personalij (k 400-letiyu Enisejska) [The world of culture of Yeniseisk in the second half of the 19th – early 20th centuries: a dictionary of main characteristics, concepts and personalities (for the 400th anniversary of Yeniseisk)]. Krasnoyarsk. 538 p. [in Russian]
- Aksenova i dr., 2023** – *Aksenova, M.N., Ahtamov, E.A., Dvoreckaya, A.P.* (2023). Vzaimootnosheniya Norvegii i Prienisejskoj Sibiri v rakurse istoricheskoy pamyati. Vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v. Krasnoyarsk [Relations between Norway and Yenisei Siberia from the perspective of historical memory. Second half of the 19th – beginning of the 21st century.]. 216 p. [in Russian]
- Anuchin, 1896** – *Anuchin, D.N.* (1896). Fritof Nansen, ego podvigi i otkrytiya [Fridtjof Nansen, his exploits and discoveries]. Moscow. 31 p. [in Russian]
- ARAN** – Arhiv Rossijskoj akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences].
- Ahtamov i dr., 2021** – *Ahtamov, E.A., Dvoretzkaya, A.P., Menshchikova, D.A., Sedelnikov, V.G.* (2021). Arktika i Severnyj morskoy put v trudah issledovatelej konca XX – nachala XXI v. [The Arctic and the Northern Sea Route in the works of researchers of the late 20th – early 21st centuries]. *Sotsialno-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 3: 140-153. [in Russian]
- Bykonya i dr., 2012** – *Bykonya, G.F., Fedorova, V.I., Bezrukih, V.A.* (2012). Illyustrirovannaya istoriya Krasnoyarska (XVI – nachalo XX veka) [Illustrated history of Krasnoyarsk (XVI – early XX centuries)]. Krasnoyarsk, 2012. 240 p. [in Russian]
- Vostrotin, 1906** – *Vostrotin, S.V.* (1906). Odnazh iz mer dlya spaseniya zabytogo kraja [One of the measures to save a forgotten region]. *Sibirskie voprosy*. 1: 43-47. [in Russian]
- Vostrotin, 1911** – *Vostrotin, S.V.* (1911). Nepreodolimnye zagrazhdeniya Severnogo morskogo puti [Insurmountable obstacles of the Northern Sea Route]. *Sibirskie voprosy*. 42-44: 15. [in Russian]
- Gonina, 2018** – *Gonina, N.V.* (2018). S.V. Vostrotin i Severnyj morskoy put: periferijnye aspekty modernizatsii [Vostrotin and the Northern Sea Route: peripheral aspects of modernization]. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Arktika 2018: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, ekologiya i bezopasnost, innovacionnye tekhnologii i logistika, pravovoe regulirovanie, istoriya i souremennost». Pp. 97-105. [in Russian]
- Goncharov, 2010** – *Goncharov, A.E.* (2010). Tema Severnogo morskogo puti v sibirskoj periodicheskoj pechati (na primere «Sibirskih voprosov») [The topic of the Northern Sea Route in the Siberian periodicals (using the example of «Siberian Questions»)]. *Aktualnye problemy zhurnalistiki: sb. trudov molodyh uchenyh*. 5: 22-24. [in Russian]
- Dvoretzkaya, 2021** – *Dvoretzkaya, A.P.* (2021). K voprosu ob aktual'nosti pereimenovaniya Severnoj Zemli [On the issue of the relevance of renaming Severnaya Zemlya]. *Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Enisejskaya Arktika»*. Pp. 98-100. [in Russian]
- Drivenes i dr., 2004** – *Drivenes, E., Jelle, H., Zahariassen, K.* (2004). Norvezhskaya polyarnaya istoriya [Norwegian polar history]. Oslo. 206 p. [in Russian]
- Ekhanina, 2018** – *Ekhanina, E.* (2018). Istorii Krasnogo Yara. Starodavnie istorii iz zhizni sibirskogo goroda [Stories of Krasny Yar. Ancient stories from the life of a Siberian city]. Krasnoyarsk. 184 p. [in Russian]
- Zagrebaeva, 2008** – *Zagrebaeva, V.N.* (2008). «Ya privetstvoval Nansena i drugih nashih sputnikov». Vospominaniya S.V. Vostrotina o morskoy ekspeditsii iz Norvegii v ust'e Eniseya v 1913 g. [«I greeted Nansen and our other companions». Memoirs of S.V. Vostrotin about the sea expedition from Norway to the mouth of the Yenisei in 1913]. *Istoricheskij arhiv*. 4: 104-146. [in Russian]
- Lid, 2019** – *Lid, J.* (2019). Sibirskaya Arktika. Issledovanie i razvitie Karskogo morskogo puti. Istoriya «Sibirskoy kompanii» [Siberian Arctic. Research and development of the Kara Sea Route. History of the Siberian Company]. Krasnoyarsk. 319 p. [in Russian]
- Nansen, 1915** – *Nansen, F.* (1915). V stranu budushchego: Velikij severnyj put iz Evropy v Sibir cherez Karskoe more [To the Land of the Future: The Great Northern Route from Europe to Siberia through the Kara Sea]. Petrograd. 454 p. [in Russian]
- Nansen, 2012** – *Nansen, F.* (2012). Cherez Sibir [Through Siberia]. Moscow. 304 p. [in Russian]
- Plotnikov, 1983** – *Plotnikov, Yu.* (1983). Fritof Nansen v Krasnoyarske [Fridtjof Nansen in Krasnoyarsk]. *Enisej*. 6: 67-74. [in Russian]
- Pryadko, 2001** – *Pryadko, I.A.* (2001). Fritof Nansen na beregah Eniseya [Fridtjof Nansen on the banks of the Yenisei]. *Vestnik KrasGAU*. 1: 39-44. [in Russian]
- Stankevich, 1923** – *Stankevich, V.* (1923). Nansen Fritof. Puteshestvie cherez Grenlandiyu k Severnomu polyusu i v Sibir [Nansen Fridtjof. Journey through Greenland to the North Pole and Siberia]. Berlin. 387 p. [in Russian]
- Hromyh, 2012** – *Hromyh, A.S.* (2012). Plany evropejskih predprinimatelej po ispol'zovaniyu Karskogo morskogo puti v pervoj chetverti XX v. [Plans of European entrepreneurs for the use of the Kara Sea Route in

the first quarter of the 20th century]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafeva*. 3: 308-312. [in Russian]

Ф. Нансен и С.В. Востротин как идеологи развития арктических транспортных маршрутов Приенисейской Сибири. Начало XX в.

Анна Павловна Дворецкая ^{а,*}, Артем Владимирович Шахматов ^а, Антон Валерьевич Суржко ^а, Николай Рзавович Новосельцев ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается теоретическая и практическая деятельность Фритьофа Нансена (1861–1930) и Степана Васильевича Востротина (1864–1943) по развитию арктических транспортных маршрутов в Приенисейской Сибири в начале XX в. По удачному стечению обстоятельств период их активной научно-исследовательской деятельности пришелся на конец XIX – начало XX вв., когда существовала потребность в изучении северных территорий и их экономических и стратегических перспектив. Оба исследователя уделяли большое внимание логистическому потенциалу Северного морского пути, который мог обеспечить стабильную и регулярную торговлю сибирского региона с европейскими странами, включая Великобританию и Скандинавию. Особое внимание в исследовании уделяется путешествию Ф. Нансена по Сибири летом-осенью 1913 г., которое он совершил в компании С.В. Востротина. В рамках путешествия норвежец посетил Енисейск, Красноярск и ряд других населенных пунктов. Его итогом стало написание книги «В страну будущего». В статье анализируются основные этапы жизненного пути Ф. Нансена и В.С. Востротина, приводится анализ их наиболее прогрессивных взглядов по развитию русского Севера, Приенисейской Сибири, транспортных путей данного региона и его потенциала в развитии международной торговли и межкультурной коммуникации. Однако дальнейшему развитию творческого союза Ф. Нансена и В.С. Востротина помешали революционные события 1917 г. в России. Авторами был использован широкий круг источников личного происхождения, проанализирована основная историография рассматриваемой проблематики. Методологическую основу исследования составили историко-антропологический подход и биографический метод в исторической науке.

Ключевые слова: Ф. Нансен, С.В. Востротин, Енисейская губерния, Приенисейская Сибирь, транспортные маршруты, Северный морской путь, полярные экспедиции.

* Корреспондирующий автор

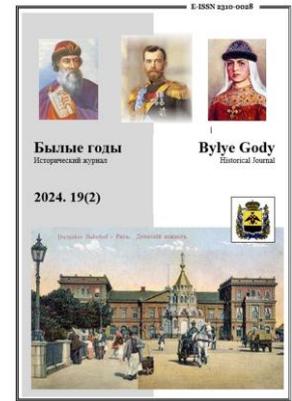
Адреса электронной почты: advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 945-958
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.945

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Pacifism and War: the Mission of the Mullahs Among the Requisitioned Kazakhs, 1916–1917

Gyulnar K. Mukanova ^{a, *}, Shamek B. Tleubayev ^a, Arailym N. Konkabayeva ^a

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

At the beginning of the twentieth century, the Kazakhs of the Russian Empire identified themselves as Muslims. In official documents, Kazakhs were recorded as “Kyrgyz of the Mohammedan faith”. The specifics of the nomadic society consisted in observing the norms of Sharia law, in the absence of stationary mosque buildings, and the way out of the situation was the presence of mullahs in one (more often – several) villages. That is, one of the sought-after social categories in Kazakh society were mullahs – people who organize five-fold collective prayers, recitation of ayats and surahs of the Koran on various occasions, as well as necessary rituals (weddings, funerals, etc.). The mullahs, characteristically, could participate in military campaigns, inspiring soldiers, calling them to prayer, performing burial rites if necessary. Of course, such activities of the “marching” mullahs rallied the ranks of the militia, set them up for stoic behavior and disciplined their moral foundations. In the face of external challenges, during the period of requisition of foreigners in 1916–1917, the Kazakhs of the Turkestan region were officially sent to the rear work accompanied by mullahs. There were special features in the mobilization of the Kazakhs of the Steppe Region: the intervention of Duma deputies and the Alash intelligentsia was required to direct the mullahs.

Keywords: World War I, Turkestan, Steppe region, requisition, Kazakhs, Mullahs, State Duma, deputies.

1. Введение

В начале XX века пацифистские настроения, особенно в годы Первой мировой войны, среди российских казахов были предпочтительными. Казахи не призывались в действующую армию, будучи освобожденными от таковой миссии как инородцы. Только лишь в соответствии с Указом от 25 июня 1916 года казахи оказались призванными на тыловые работы, и вместе с мобилизованными в прифронтовой полосе находились муллы. Между тем история исполнения казахскими муллами своего духовного долга не была освещена в советской историографии, поскольку атеистическая пропаганда вывела данную социальную категорию из научного оборота. Соответственно, тема остается одним из «белых пятен» историографии, тогда как в моменты напряжения и возможной паники именно муллы разряжали накал эмоций проповедями и разъяснениями. Вопреки опасениям российской военной верхушки, проповедей «джихада» среди казахских «тыловиков» не было замечено. Миссия мулл была пацифистской: как владевшие грамотой, они писали письма родным реквизируемых казахов и передавали информацию в редакцию казахской газеты («Казак»), выполняли обряды захоронения при необходимости. Исследование темы немаловажно для реконструкции и сравнительного анализа поликультурного состава служителей ислама в изучаемых локациях. Так, по этнической принадлежности «фронтовые» муллы из Степного края преимущественно были казахами. По месту призыва этнический состав мулл в Семиреченской

* Corresponding author

E-mail addresses: gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova),
Shamek_09@mail.ru (Sh.B. Tleubayev), konkabayeva.arailym@mail.ru (A.N. Konkabayeva)

области Туркестанского края был более разнообразен: большая часть – казахи, в меньшей степени – татары (ногаи), еще реже – из кавказских народностей (азербайджанцы и др.).

Собственно «муллы» в прифронтовой полосе являются объектом исследования, поскольку именно они создали прецедент своеобразного самоуправления в нетипичных для казахов условиях прифронтовой полосы. Иными словами, через призму восприятия мулл возможно реконструировать взаимоотношения повседневности в прифронтовой полосе. «Фронтовые» муллы в годы реквизиции (1916–1917) условно подразделялись на несколько категорий: а) официально назначенные администрацией Туркестанского края при формировании и отправке эшелонов; в) выбранные на месте дислокации (по месту прибытия на фронт) из состава реквизируемых казахов (данная категория сотрудничала с редакцией газеты «Казах» и постепенно стала разделять взгляды Алаша); с) муллы, находившиеся по месту жительства казахских джигитов и выполнявшие функции их проводов, а затем также информирования через газету «Казак» их родных о состоянии реквизируемых, их местонахождении и проч. Последняя категория мулл была подвержена штрафам и административным арестам.

Наконец, представляет интерес такая социальная миссия казахских мулл, как информативная, когда часть «фронтовых» мулл тесно сотрудничала с общественностью посредством газеты «Казак», сообщая в редакцию о поиске родными тех или иных казахов, отставших в пути от поездов, заболевших и госпитализированных либо погибших в результате несчастных случаев. Таковая миссия мулл оказывала существенную помощь в нормализации контактов с попавшими на тыловые работы казахами, систематизации сведений об их питании, условиях работы и т.п. То есть эмпатия казахских мулл распространялась на коммуникации со светскими средствами массовой информации, что само по себе факт любопытный и многозначный. Никогда до и после 1916–1917 гг. казахские муллы в таком объеме не контактировали со светской прессой. Для сравнения: исторических аналогов практики сотрудничества духовных лиц мусульманского вероисповедания (мулл, имамов, шейхов) к примеру Османской империи (Турции) со светской прессой во время Первой мировой войны не зафиксировано.

2. Материалы и методы

2.1 Материалами для исследования послужили собственно документы императивного и отчетного характера, инициированные Генштабом (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4544/1-5) и военными штабами Северного и других фронтов (РГВИА. Ф. 2031. Оп. 3. Д. 35), военно-колонииальной администрацией Туркестанского и Степного краев империи (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 5. Д. 72; Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546/1-9; Ф. 400. Оп. 1. Д. 4295; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 1. Ч. 9; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 108. Ч. 1; Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 130; Ч. 2), донесения консулов (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2.2 доп. Т. 2. Д. 2426) и материалы заседаний Государственной Думы о причинах волнений в Туркестане и Степном крае (РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 206; РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 268, 278, 283, 1234). Для характеристики общего внешнеполитического фона начала XX века и событий 1916 года в Туркестане использованы источники аналитического характера (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1258). Для реконструкции механизмов реквизиций инородцев Степного края и доставки рабочих партий на фронт привлечены материалы региональных архивов (ГИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 118; Ф. 272. Оп. 2. Д. 77; Ф. 366. Оп. 1. Д. 413 и др.). Вопросы цензуры в сфере инородческой печати в годы войны и деятельности Земгора (Комитет Всероссийских земского и городского союзов – созданная в 1915 году на базе земств и городских дум структура по распределению госзаказов на нужды обороны) раскрыты через призму материалов РГИА (Ф. 776. Оп. 21. Д. 73). Источники из фондов белорусского (НИАБ. Ф. 700. Минский губернский комитет ВЗС; Оп. 1. Д. 107, 135, 282-319), азербайджанского (ГААР. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 6), казахстанского (АП РК. Ф. 811. Оп. 20. Д. 752 и др.) и узбекского (НА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 1021 и др.) архивов привлечены для иллюстрации региональной специфики реквизиционной кампании. В качестве информационных материалов изучен контент дореволюционных периодических изданий: (Известия Комитета..., 1917) и газет «В мире мусульманства» за 1911 г., «Казак» за 1916–1918 гг. и др.

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы диалектической логики, анализа и синтеза, объективности и историзма, а также системный подход. Их применение на основе комплексного и всестороннего анализа архивных и опубликованных источников, историографии позволило выявить предметные связи вокруг объекта изучения, установить причинно-следственные связи и тенденции в поведении мулл на момент кризиса казахского социума на фоне острой социально-политической обстановки в годы Первой мировой войны. Применение методов верификации источников и критического анализа их контента, хронологического, историко-системного, а также сравнительно-исторического обусловлено как спецификой социальной атмосферы в Туркестане и Степном крае, так и особенностями происхождения источников и их авторства.

3. Обсуждение

Как выше отмечалось, оригинальных исследований, которые бы касались обозначенной темы, не имеется. Тем не менее в порядке обзора исследований, которые освещают историческую ситуацию вокруг реквизиции 1916 года в Туркестанском и Степном краях, отношения казахов к мобилизации и роли казахской интеллигенции, мы кратко остановимся на наиболее интересных тенденциях, трудах

зарубежных экспертов и различных оценках довольно сложной ситуации, связанной с событиями 1916 года и реквизицией казахов-инородцев.

Один из исследователей российского Туркестана, публикации которого во многом основаны на личных наблюдениях и доступных ему архивах, был выпускником отделения восточных языков Азиатского департамента МИД России. Это М.А. Терентьев. Он выделял особенность позиции колониальной администрации по отношению к исламу, когда, в частности, писал: «Устроитель» Туркестанского края К.П. фон Кауфман (1867–1882 гг.) ввел политику «игнорирования» ислама и отклонил все попытки организовать прочные мусульманские учреждения» (Терентьев, 1906: 271). Замысел губернатора заключался в постепенном отмирании без поддержки администрации, медресе и мектебов с естественной заменой их русско-туземными школами. Между тем, даже придерживаясь обозначенной выше практики, власти края не смогли умалить роли мусульманских институтов. Не будучи официально прикреплены к Духовным собраниям, казахи тем не менее придерживались обязательных обрядов ислама в случаях рождения ребенка, заключения брака и кончины сородичей (Раздыкова, 2007: 26-28). Соответственно, рядовые служители культа, аульные муллы, пользовались определенным авторитетом в обществе. Зачастую муллы, знавшие русский язык, выполняли коммуникационную роль в отношениях с волостной и уездной администрацией.

Тема присутствия служителей ислама в рядах казахов-тыловиков в годы Первой мировой войны долгое время не была предметом научного дискурса. Причины явления следует искать в атеистической пропаганде как инструменте советской идеологии. Предметом научного обсуждения в советский период не могли быть биографии и деятельность отдельных мусульманских миссионеров ни в мирное время, ни в годы мобилизации на тыловые работы в годы Первой мировой войны. Соответственно, о фактах использования авторитета мулл в период мобилизации в Туркестанском крае, об их роли в свертке данных о наборе в разных областях, а также их письменных информациях с мест дислокации тыловиков упоминать было не принято. Лишь отдельные факты могли мельком сообщаться в общем контексте проблемы изучения истории восстания 1916 года в Казахстане и Средней Азии в период «оттепели» (Ковалев, 1957).

Характерно, что к 10-летию и 15-летию событий 1916 года в Казахстане были сделаны доклады и изданы пропагандистского характера книги, в которых волнения казахов и киргизов подавались как проявление классовой борьбы (Некрасов-Клиодт, 1926). Некрасов-Клиодт утверждал: «около трех лет «выборные» (депутаты. – Авт.) старались использовать темноту и невежество киргизского народа, его национальные чувства в контрреволюционных целях, втягивая в организацию вrede Алаш-Орда» (Некрасов-Клиодт, 1926: 74). Им приводился следующий факт: «в пограничных уездах Зайсанском, Лепсинском и Бухтарминском крае начался массовый переход целыми аулами со всем имуществом и скотом за границу, в Монголию» (Некрасов-Клиодт, 1926: 66). Характерно, что в отношении участников событий 1916 года авторы 1920-х гг. использовали термин «реквизиция», но не «мобилизация». О роли мулл в той кампании и на тыловых работах в первые десятилетия советской власти не упоминалось. Любопытный штрих эпохи: в редакцию Общества изучения Казахстана, издавшего брошюру Некрасова-Клиодта, еще входили амнистированные советской властью экз-члены Алаш М. Есполов и Х. Досмухамедов, свидетели реквизиции и члены инспекционных миссий.

Любопытно, что в межвоенный период зародился пласт спецлитературы, в основном публикации военных инженеров (Васильев, 1939), представляющие собой критический анализ исторического опыта царской армии в Первой мировой войне. В специзданиях можно выявить детали обустройства инородцев в тылу армии. Так, И. Трутко критически изложил исторические аспекты подготовки тыла Юго-Западного фронта царской армии в годы Первой мировой (Трутко, 1939). Трутко пришел к выводу, что условия подвоза продовольствия не были продуманы, допускались серьезные недостатки в работе управления тылом (бюрократическая переписка и замедленный механизм принятия решений). Нарезка тыловых районов, произведенная с большим опозданием, имела огромные недочеты, не были намечены военно-полевые сообщения, что затрудняло работу ветеринарной и санитарной служб (Трутко, 1939: 109-110).

С отделением церкви от государства о служителях ислама в официальных советских изданиях сообщалось преимущественно в негативном ключе. С распадом Союза и концептуальным обновлением общественных наук стало возможным исследовать реальную картину, когда служители мусульманской церкви, как и православные священники, были задействованы в ходе реквизиции и тыловых работ.

Публикации зарубежных исследователей восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане, увидевшие свет во второй половине XX века (Sokol, 1954; Pierce, 1960), оценили само событие как следствие колониальной имперской практики, однако темы казахских (и не только) мулл в мобилизации тыловых рабочих не коснулись. Методы, которыми была осуществлена реквизиция инородцев в Казахстане и Средней Азии в 1916–1917 годах, считает D. Brower, были «результатом разработанных за многие годы до этого идей и концепций макростратегии политики населения и микротактики репрессий (карательных отрядов), призванных наилучшим образом обеспечить достижение ее целей» (Brower, 1996: 43). Из зарубежных исследователей можно выделить

П. Холквиста (1999). Его публикация посвящена теме мобилизаций в рамках обозначенного хронологического периода и настроениям граждан империи (Холквист, 1999).

Современные зарубежные издания по истории Первой мировой войны делают акцент на таком политическом явлении, как джихад, или священной войне против иноверцев. Профессор Лейденского университета (Нидерланды) Е.-Ж. Зүрчер (2016) пишет: «вступление Османской империи в Первую мировую войну также сопровождалось громким провозглашением джихада». Джихад, объявленный Османской империей, потенциально должен был оказать влияние на настроения правоверных за пределами халифата. Несомненно, сведения о «джихаде» в годы Первой мировой войны вызвали соответствующий резонанс в российской прессе и присутствуют в переписке военной администрации Туркестанского края, о чем указывается в разделе «Материалы» и «Результаты».

На постсоветском пространстве наметились тенденции вернуться к деталям мобилизации 1916 года тыловиков-инородцев. Экономические аспекты использования на тыловых работах труда народов империи, освобожденных от отбывания воинской повинности, изучал Н. Подпрятков (Подпрятков, 2013). В контексте темы нельзя обойти вниманием тематические публикации о православных сваященниках на фронтах Первой мировой войны. Данные публикации приурочены к столетней годовщине ее начала (Леонтьева, 2014). Это оставляет простор для изучения роли других конфессий в обозначенный хронологический период, оказавшийся значимым для всех народов империи. Публикация Шерстюкова освещает дискурс о джихаде как инструменте идеологической борьбы в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что «на практике джихадизм не имел места среди инородцев-тыловиков» (Шерстюков, 2015: 207-215).

Отдельные исследования позиций татарской конфессии в годы Первой мировой войны были сделаны Гатауллиной (Гатаулина, 2008: 133-139). Исследователи А. Хабутдинов и М. Имашева справедливо полагают, что в начале XX века «...никаких реальных шагов на пути расширения прав и российских мусульман и создания религиозной автономии, российское правительство не предприняло» (Хабутдинов, Имашева, 2020: 972).

В современных публикациях в Казахстане о Первой мировой войне не встречается анализ данных о категории мулл и их роли на фронте (Жусип, Маслов, 2021:104-116), в связи с чем изучение проблемных вопросов остается открытым.

4. Результаты

В деле информирования сородичей казахов-инородцев в ходе реквизиции 1916 года и на тыловых работах муллы сыграли исключительную роль при поддержке национальной интеллигенции. Последняя в лице редакции первой казахской газеты «Қазақ» привлекла грамотных «походных» мулл для информирования общественности о положении реквизируемых отцов, братьев, сыновей. Этот аспект разворачивает изнутри картину пребывания в прифронтовой полосе казахов, когда им было не до «джихада», напротив, перед ними стояла задача адаптироваться и отработать положенный срок. Общая атмосфера в Туркестане, сложная геополитическая обстановка накануне войны диктовала иные установки. Вопрос о панисламизме и борьбе с его возможным влиянием вменялся в задачи ответственности внешнеполитического ведомства империи (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1258. Панисламизм 1911–1917 гг.). Департаменты полиции Туркестанского края с третьей четверти XIX столетия до начала XX века отслеживали настроения мусульман, что было предопределено трендами внешней политики, в частности, русско-турецкими отношениями. На местах усердно выполняли установку на выявление носителей идеи панисламизма, о чем шла оживленная переписка департамента полиции Туркестанского края (НА РУз. Ф. И-1044. Оп. 1. Д. 1021. Л. 4-6; ГА ЮКО. Ф. 1129. Оп. 2. Д. 1. Л. 1-4). Для наблюдения за муллами использовались агентурные сведения (НА РУз. Ф. И.461. Оп. 1. Д. 1388а. Л. 1-69. О выяснении политической неблагонадежности муллы г. Верного Ильяса Изнабакиева, враждебно настроенного против русских властей 24 марта 1913 г. – 24 февраля 1914 г.).

Панисламизм вовсе не входил в программы политической деятельности российских депутатов-мусульман. Как инородцы в 1907 году согласно «Закону о выборах в Государственную Думу» казахи были лишены права выбора депутатов, как и ряд народов Сибири, Средней Азии (Выборы..., 2008: 99). Авторитетными деятелями, экс-депутатами Думы в тот период обсуждалась совместная позиция по отсутствию у казахов муфтията, в частности, в переписке А.М. Топчибашева с С.-Г. Джантюриным в апреле 1908 г. (ГААР. Ф. 3172. Оп. 1 Д. 6. Л. 10–110б.). Об этой же ситуации прозорливо писал в Петербургской газете «В мире мусульманства» в 1911 году казахский политический деятель Букейханов: «...одни мусульманские народности призваны к отбыванию воинской повинности при самых ненормальных условиях, другие вместо отбывания натурой, обязаны известным денежным налогом, третьи (Туркестанский край и мусульмане областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Закаспийской) вовсе находятся в забвении» (Алихан, 1911: 6).

Ситуация казалась достаточно напряженной, правительство видело в муллах ту прослойку, которая гипотетически могла использовать недовольство прихожан и спровоцировать острые моменты. Деятельность полиции Туркестанского края в отношении «неблагонадежных» мулл обрела конкретные очертания к осени 1916 года. Отдельные муллы даже находились «в разработке» за

подстрекательство против набора местного населения на окопные работы (НА РУз. Ф. И. 461. Оп. 1. Д. 2019. Л. 1-48). Волнения ожидалось, так как в октябре, после поездки Куропаткина в Семиречье, был утвержден «календарный план» отправки эшелонов тыловиков из Семиреченской области. Так, 20 октября 1916 года Семиреченскому губернатору вменялось отправить в течение ноября-декабря 1916 года не менее 10 тыс. рабочих-тыловиков в направлении на г. Черняев и Семипалатинск, а остальные партии готовить к отправке в феврале-марте 1917 года. В начале декабря 1916 года минимальный план первых трех месяцев (18 сентября – 18 декабря) приближался к выполнению (Ковалев, 1957: 63). И опасения Букейханова оправдались: отсутствие официальной «приписки» казахских верующих к духовному собранию стало одной из реальных причин волнений 1916 года. У казахов не было метрик о рождении, что привело к составлению списков по реквизированным согласно устным опросам. Ложные или неточные сведения привели к нарушению возрастного ценза мобилизуемых, когда встречались реквизированные 17-летние и даже 50-летние. Этот весомый фактор социальных волнений в Туркестанском и Степном краях империи (как следствие отсутствия муфтията) озвучили лидеры партии Алаш.

Соответственно, в летне-осенние месяцы 1916 года в военном ведомстве России шла оживленная переписка о перевозке к месту службы «и довольствии новобранцев нерусских народностей, следующих из Иркутского и Омского военных округов и Туркестанского края» (РГВИА. Ф. 1720. Ф. 224 Оп. 5. Д. 72. Л. 1-219). Близость границ со среднеазиатскими владениями могла усилить взрывоопасность ситуации, в связи с чем заслушивались рапорты о «волнениях среди туземного населения Туркестанского края, возникших на почве реквизиции согласно высочайшего повеления 25 июня 1916 г. и о настроении, в связи с этим, населения среднеазиатских ханств» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546/1-9. Л. 1-471). Власти отдавали себе отчет в том, что волнения могут перекинуться на соседний Кульджинский край в Синьцзяне. В этой связи внимательно изучались донесения русского консула в Кульдже, Илийском крае о ходе набора солдат-тыловиков из числа казахов, калмыков и народности сибо (РГВИА Ф. 1396. Оп. 2. 2 доп., Т. 2. Д. 2426. Л. 1-36). Параллельно с этим правительство запрашивало отчеты по Степному генерал-губернаторству (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 130. Ч. 2. Т. 2. Л. 1-265). В данных отчетах сообщалось «о беспорядках среди инородцев на почве призыва их на военные работы» за осенне-зимние месяцы 1916 года. Мониторинг настроений населения Акмолинской области осуществлялся начиная с февраля 1916 г. в течение года (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 108. Ч. 1. Л. 1-33). По Туркестанскому генерал-губернаторству отчеты о настроениях инородцев после объявления реквизиции поступили уже в июле 1916 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1916 г. Д. 130. Ч. 1. Л. 1-2360б.).

Начавшиеся в 1916 году волнения, погромы в Казахстане и Средней Азии были спровоцированы общей дезинформированностью, страхом погибнуть, паникой перед длительной отлучкой из аулов и проч. В ситуации кризиса муллы исполнили социальную роль духовных руководителей, при необходимости, «исповедников» (хотя в исламе нет такой функции). Ведь в прифронтовой полосе, вдали от отчих мест, находясь в стесненных пространствах казарм, степняки мысленно обращались к высшим силам, молясь о благополучном исходе за себя и близких. Муллы должны были сопровождать «тыловиков», как это происходило с православными солдатами, при которых непременно находился священнослужитель (Леонтьева, 2014: 104-119). Из Туркестанского и Степного краев в сторону фронта реквизированных доставляли по железной дороге. Учитывая расстояния от Ташкента, Пржевальска и Верного до ближайших станций (г. Черняев, Оренбург, Омск, Семипалатинск), воинские эшелоны формировались вновь, по мере их возвращения. На станциях эшелоны подолгу могли выстаивать в ожидании отправки. Состав эшелонов варьировался: в среднем их наполняемость составляла от 200 до 500 человек (ГИАОО. Ф. 272. Оп.2. Д. 77. Л. 151, 164, 242). Эшелоны по пути могли простаивать с учетом поломок и возможных авиа- и артобстрелов со стороны противника. К тому же с лета-осени 1916 года железнодорожное полотно в Семиреченской области было значительно повреждено участниками волнений (Васильев, 1939: 87).

Как удалось выяснить, на практике «реквизиция» мулл происходила специфически в разных областях. В Туркестанском генерал-губернаторстве она шла в штатном режиме, когда вместе с мобилизованными инородцами в эшелонах в сторону фронта отправили мулл. Во главе эшелона тыловиков ставилась специальная администрация в составе трех человек: тысяцкого (мингбаши), имама (мулла) и письменного переводчика. Эта «тройка» утверждалась уездным и областным начальством. Согласно инструкциям Генерального штаба, помимо «тройки», еще 10 сотских (командир сотни. – Авт.), 10 устных переводчиков и 10 поваров также получали повышенный суточный оклад в два рубля (Ковалев, 1957: 58). Данную практику подтверждает Н. Подпрятков, изучавший экономические мотивы комплектования инородческих партий. Он пишет: «...сами (инородческие) партии нередко были многонациональными, но отряды и особенно сотни стремились комплектовать и сохранять моноэтничными, – таким образом было проще обеспечить сотни управленческими кадрами, переводчиками и служителями культа» (Подпрятков, 2013: 164). В Степном же крае выборность мулл произошла как бы вслед, вдогонку, после жалоб и обращений (Котюкова, 2008: 49). Потребовалось вмешательство корпуса экс-депутатов от казахов, которые,

будучи ограниченными в полномочиях, действовали через своих коллег – депутатов-мусульман от Кавказа и Поволжья (Хабутдинов, Имашева, 2020: 970).

Численность казахских «фронтных» мулл нигде не фиксировалась. Их приблизительное количество приведено в таблице, сведения получены путем сравнительного анализа источников.

Таблица 1. Анализ количества казахских мулл при инородческих рабочих партиях из Туркестанского и Степного краев (Западный и Северный фронты), 1916–1917 гг.*

Регионы реквизиции	Расчетный модуль (по распоряжениям А. Куропаткина)	Плановое количество реквизируемых казахов	Количество официальных и выборных «фронтных» мулл
Степной край (Акмолинская и Семипалатинская области), Туркестанский край (Семиреченская и Сырдарьинская области)	1 имам на 1 эшелон (200-500 реквизируемых инородцев). (термин «эшелон» в применении к железнодорожным перевозкам в начале XX века обозначал отдельный воинский поезд с перевозимым им формированием, не менее 1 вагона.	План реквизиции казахов из Степного и Туркестанского края – 500 тысяч чел. В том числе: 1. Степной край? 2. Туркестанский край – 60 000 чел. (у Ковалева – 200 470), в том числе 10 000 чел. – за ноябрь-декабрь 1916 г./ Верненский уезд – 9688 чел. (Ковалев, 32).	1. Не менее 1000 имамов/мулл*. 2. Мулл «выборных» на каждую инородческую партию – около 150-200. 3. В том числе мулл-корреспондентов газеты «Қазақ» – не менее 17-20 (персоналии установлены).

* Вычислено нами по содержанию источников: Ковалев, 1957: 32-33, 88; Энциклопедический..., 1890; Восстание..., 1960: 25-26; Жусип, Маслов, 2021: 108 и др.

** Гипотетически, т.к. план набора не был выполнен полностью.

Обстановка, с которой производилась реквизиция казахов, приводила к неточностям в отчетности. К примеру, инспекция Еникеева была инициирована Куропаткиным для разбора жалоб на условия жизни и работы инородцев в прифронтной полосе. Этнический состав реквизируемых из Семиреченской и Сырдарьинской областей Еникеев указал так, как было принято в официальной переписке, то есть по месту жительства (призыва): «ошцы», то есть прибывшие из г. Ош, «ташкентцы» – из Ташкента, «черняевцы» – речь шла о казахах, кочевавших в окрестностях г. Черняев (см. Ковалев, 1957: 102).

Передовая казахская общественность для защиты интересов мобилизованных на тыловые работы земляков использовала цивилизованные методы. Поскольку «инородцы», как выше было отмечено, были лишены права избираться в Думу законом 3 июня 1907 г. (Котюкова, 2011: 29), экс-депутаты первых Дум использовали связи с действующими депутатами и через них выдвинули пакет предложений, принятие которого могло в какой-то мере уравнивать положение тыловых рабочих-инородцев с солдатами. В этом проявил активность депутат Кутлуг-Мухаммед Тевкелев, хорошо знавший А. Букейханова (Хабутдинов, 2001: 278). От Туркестанского края мнение инородцев представляли: от киргизов – генерал-майор С. Еникеев, от Ташкента – С. Мурджалилов, от Сыр-Дарьинской области – С. Лапин и А. Букейханов (Котюкова, 2011: 33). Свой голос за мусульман края при голосовании согласились отдать представители крымских татар – Мустафа Давидович, азербайджанцев – Али-Мардан Топчибашев (Хабутдинов, Имашева, 2020: 976-977).

Положение мобилизованных казахов, киргизов и других мусульман было поводом к тому, что их представителями был разработан ряд конструктивных предложений, суть которых заключалась в относительном уравнивании прав «инородцев» с остальными гражданами империи. Так, в Думе депутат Джафаров на заседании 13 декабря 1916 года огласил выдержки из писем тыловиков, в которых говорилось о жутких условиях труда и быта, избиваниях рабочих нагайками и даже розгами (Ковалев, 1957: 112). Также 15 декабря 1916 года на 5 сессии заседаний Госдумы рассматривался вопрос «О волнениях в Туркестане в связи с мобилизацией местного населения на оборонные работы» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 268, 278, 283. Сессия V. Заседания 3, 13, 17). Рассматривались многочисленные прошения, телеграммы, докладные записки «от киргизов, калмыков, китайцев и др. нерусских народов, населявших Россию», поступающие с лета 1916 года в адрес председателя Думы.

В них содержались просьбы об отсрочке мобилизации на оборонные тыловые работы «до окончания полевых работ» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1234. Л. 1-118). Сам факт, что вопрос о «походных» муллах был поднят на высоту Думы, можно расценить как акт большой политической значимости. За запросами депутатов мусульманской фракции Думы (в том числе после обращения к ним экс-депутата от Семипалатинской области Степного края Алихана Букейханова) провести инспекции в тылу российской армии и выяснить реальное положение тыловиков-мусульман (казахов, кыргызов, узбеков и др.) проступало требование равноправия всех народов империи.

Передовая казахская интеллигенция Алаш не стояла в стороне от мероприятий, связанных с призывом на тыловые работы соотечественников. Имевшие медицинское образование как, например, уроженец Семиреченской области Жакыпбаев Нусипбек (1890–1932), в 1916 году с отличием окончивший медицинский факультет Киевского университета, работали в составе областных комиссий в медпунктах, на медосмотрах реквизированных на тыловые работы, для отправки на фронт (*Жетысу энциклопедия, 2004: 29*). Был организован единственно возможный коммуникационный канал с тыловиками через периодическую печать. Беспрецедентно расширилась география распространения газеты «Қазақ». Ее отправляли на адреса полевой почты, в тыл русской армии. Ее читали на родном языке, через нее отправляли сообщения в редакцию, чтобы родные знали, где находятся их отцы, братья, мужья. В годы Первой мировой войны были прецеденты введения цензуры в плане пресечения панических настроений и всевозможных измышлений. Так, канцелярия Степного генерал-губернатора обратилась к населению Акмолинской и Семипалатинской областей с объявлением «о запрещении ложных слухов о военных неудачах» (*ГИАОО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 118. Л. 165*). В 1916 году были взяты под наблюдение периодические издания на русском и казахском языках, среди них петропавловская русскоязычная газета «Степная речь», ташкентская газета «Алаш» на казахском языке (*РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Д. 73. Л. 1-2*) и др. Редакция газеты «Қазақ» вынуждена была фильтровать поступающую информацию, но и эзоповым языком доносилось до читателей необходимое знание.

Большинство мулл Степного края были выпускниками джадидских (т.е. светских) медресе. В силу совместного проживания со славянским населением они понимали разговорный русский язык. Соответственно, муллы в условиях фронта стали служить своего рода проводниками (переводчиками и толкователями распоряжений) между войсковой администрацией и «тыловиками». Кроме того, муллам приходилось решать разные спорные вопросы, могшие возникать спонтанно в среде людей, измученных неизвестностью и обстановкой ограничения пространства и иного образа жизни. По собственной инициативе муллы вели мониторинг количества тыловиков, чтобы кто-либо не потерялся во время движения эшелонов и не отстал от поезда, составляли списки и могли иметь доступ к достоверным статистическим сведениям. Для правоверных мусульман имело значение, чтобы питание соответствовало нормам шариата (без свинины), и муллы доводили эту просьбу до организаторов быта. Были случаи, как выяснила инспекция Еникеева, когда тыловикам-мусульманам готовили пищу на кухне, где производилась одновременно еда для славянских солдат, и это вызывало недовольство (*Ковалев, 1957: 100-102*).

На страницах газеты «Қазақ» сведения о «походных» муллах регулярно печатались именно в период с осени 1916 по весну 1917 года. Сообщалось, к примеру, что казахи-тыловики в районе Крейцбурга Витебской губернии сами выбрали ответственных за кухню (аспазшы), переводчика (тилмаш), сотника (жузбасы), забойщика скота (мал союшы) и даже сапожников (етикшилер) в количестве 15 человек на тысячу (*Қазақ. 1917. № 221. 9 марта*). Информационным «мостом» с родными таким образом служила редакция газеты «Қазақ», куда поступали вести из первых уст, с мест дислокации тыловиков. Редакция имела преимущество в плане владения достоверной информацией об условиях содержания казахов в прифронтовых зонах, что в дальнейшем послужило поводом к обращению в Думу. Газета была практически единственным печатным органом, который заполнил информационную нишу. К тому же лидеры Алаш, просчитав плюсы и минусы реквизиционной кампании, рекомендовали своим читателям соглашаться с распоряжениями администрации. Издание «Қазақ», печатавшееся в Оренбурге арабской гарнитурой на казахском языке, отличалось пацифистской направленностью. Реквизированные вначале утрачивали связь с родными, не зная русского языка (даже терялись по ходу движения поездов, некоторые погибали под колесами по неосторожности), о некоторых из этих ситуаций известно благодаря газете «Қазақ». Из содержания номеров газеты «Қазақ» удалось реконструировать детали сложного процесса реквизиции казахов на тыловые работы и большой организационной работы, проводимой казахской учащейся молодежью джадидских учебных заведений и «походными» муллами.

Так, в «Қазақ» за 1917 год в №214 от 20 января напечатана серия информации о «походных» муллах, находившихся вместе с тыловиками в разных концах империи. Заметка «Жұмысшылар жайынан» (О положении рабочих) информировала о Темирских джигитах (Темир – место призыва в Актюбинской области). Они в количестве 157 человек работали в Казани. 107 человек из них отправили на городской вещевой склад раскладывать обмундирование для отправки на фронт воюющим солдатам. Параллельно с этим они гребли снег. Рабочий день длился с 8 утра до 6 вечера. Прибывшие из соседнего г. Саратова 10 казахов также работали на вещевом складе. Были выбраны из

их числа «елубасы» (командир полусотен). Повар также был выбран самими реквизируемыми. К сожалению, вследствие отсутствия метрик и неточных списков среди тыловиков обнаружилось и 16-летние, и 44-летние, заключал автор заметки Мукуш Поштаев (Қазақ. 1917. №214 от 20 января). Поштаев – дипломированный врач, выезжавший с инспекцией в Казань по поручению редакции.

Благодаря газете «Қазақ» нетрудно восстановить места призыва казахов и собственно географию тыловых работ. Так, в заметке «Павлодар (Кереку) жігіттері» речь идет о казахах, призванных в Павлодаре в действующую армию в составе «124-ой реквизируемой инородческой партии». Автором данной информации был «мулла партии павлодарских жигитов Баймухамед Габдулин» (Қазақ. 1917. № 214 от 20 января). Работы павлодарцев в Дубне заключались в подготовке окопов вокруг стекольного завода с 7 часов утра до 3 пополудни. Указанная инородческая партия выписала газеты, мулла Б. Габдулин пишет о желании приобрести еще книги, на что из жалованья собрано 20 рублей (Қазақ. 1917. № 214 от 20 января). В другой заметке, подписанной Жуматом Шаниным, сообщалось, что призванные в г. Омск казахские джигиты из Омска, Кургана, Теке (Уральск), Алаботы, Кызылгака доставлены на Северный фронт. Здесь они в составе «3-ей и 4-ой реквизируемой инородческой партии» заняты на рытье окопов. Ощутима дороговизна продуктов питания, многие болели. Работать приходилось в масках, заложив уши ватой (Қазақ. 1917. №214 от 20 января). Мулла Осман Жандаулетов находился в г. Риге вместе с призванными из г. Кустанай казахами-тыловиками. Рядом с ними работали 200 узбеков и таджиков (сарт), представители кавказских народностей, всего 800 человек. Рабочий день – с 7 утра до 6 вечера. Тысячником (командир тысячи) был казах Нурыш Алибаев. В сообщении указан адрес: Действующая армия, бетонный завод, 3-я инородческая рабочая партия, 5-я сотня (Қазақ. 1917. № 214 от 20 января). На указанные адреса тыловикам направлялись посылки с вяленным мясом, домашней выпечкой, теплой одеждой. Буквально с осени 1916 по весну 1918 гг. до закрытия газеты редакция регулярно информировала подписчиков о положении реквизируемых.

В декабре 1916 года под Минском 16-ю дружину 120-й партии, в составе которой находились 1200 казахов, посетили Алихан Букейханов, учитель Мырзагазы Есполов, студенты московских вузов Тел Жаманмурынов, Муса Сейдалин, Хасен Бекентаев, сообщалось в газете (Қазақ. 1917. №214 от 20 января). О призванных казахах-тыловиках из Семиречья говорится в заметке «Жалайыр жігіттері», что они отправлены через станцию Оренбург в г. Пенза во главе с тысячником Мырзаханом Толебаевым (Қазақ. 1917. №214 от 20 января). В заметке «Шымкент жігіттері» говорится о тыловиках из Шымкента в количестве 1074 человек, направленных на прифронтовую полосу через станцию Омск. Тысячник – Жандарбек Тазабеков. Часть тыловиков из Шымкента в количестве 50 человек работали на станции Ишим Тобольской губернии. Автор заметки – Мадияр (псевдоним Миржакыпа Дулатова) (Қазақ. 1917. №214 от 20 января). В районе Пскова в окрестностях станции Порхов на распилке дров работали казахи-тыловики из г. Уральск (Теке) в количестве 211 человек. В качестве «уполномоченных» данной партии в заметке указаны: Есмухамедов, Калжанов и Хасан Илкеев. Один из них был муллой партии (Қазақ. 1917. №214 от 20 января).

Коллективные пятикратные намазы не были нормой для казахов, во всяком случае, о них не сообщается ни в одной корреспонденции из инородческих партий действующей имперской армии. Муллы в казахских партиях реквизируемых инородцев выполняли миссию духовников при тяжелой болезни либо скоростижной кончине земляков. Так, в г. Сызрань работала партия казахов из Иргиза, реквизируемых из пяти волостей Иргизского уезда: Карасай, Шенгел, Кабырга, Ордаконган и Темирастау. Сообщалось, что из-за заболевших тифом и оспой нескольких человек партия находится на карантине (Қазақ. 1917. №214 от 20 января).

Как негласный координатор, газета взяла на себя еще и функцию размещать объявления о розыске пропавших без вести тыловиков, что было неудивительно в период общей неразберихи. Для этой цели привлекались волонтеры из числа учащейся молодежи. Так, направленные в район г. Саратов в октябре 1916 года 534 джигита из Алшынского уезда Соналинской волости были задействованы на рытье окопов. В связи с тем, что долго не было вестей от сопровождавшего еще 200 джигитов Конбаева, редакция обратилась к казахским студентам г. Саратов оказать содействие в его поисках (Қазақ. 1917. №214 от 20 января). Поиск был объявлен и по тыловику Есмырзе Ержанову, подпавшему под реквизицию в Кустанайском уезде Дамбарской волости и направленному 22 ноября 1916 года на работы. Однако Ержанов заболел в пути и был госпитализирован в г. Екатеринбург. Его разыскивал родственник Досмурза Нурпеисов, учащийся медресе «Расулия» в г. Троицк (Қазақ. 1917. №214 от 20 января).

Как выяснилось, ситуацией пользовались нечистые на руки лица, которые брали деньги за сопровождение тех, кто, отбыв срок на тыловых работах, возвращался домой. Однако, взяв сумму, мошенник исчезал либо, как в случае с 33 джигитами, работавшими в районе Северной железной дороги, не знавшими русского языка, переводчик Гумыр Тлемисов обманым путем увез их на Мурманскую железную дорогу, где определил (продал?) на другие работы. Об этом факте рассказал А. Букейханову сумевший сбежать из рабства Темиргали Тлеубаев (Қазақ. 1917. №214 от 20 января).

География маршрутов тыловых рабочих-инородцев широка. В рапорте царю в феврале 1917 года А. Куропаткин изложил предварительные итоги мобилизационной кампании и

отправления эшелонов тыловиков. «По 1 февраля, – докладывал генерал-губернатор, – отправлено уже 110 тысяч, из них 4163 человека проследовали через Семипалатинск на Омск, 4373 человека – по Среднеазиатской железной дороге на Красноводск и далее, остальные – по Ташкентской железной дороге на Оренбург (Ковалев, 1957: 79).

Публикации в «Казак», как выше отмечалось, дополняют географию реквизиционной кампании. Так, казахи из Лепсы работали в районе г. Пермь, где 50 человек заболели, затем число заболевших превысило 100 человек, умерли около десяти тыловиков. К 5 января больных было более 300 (!), сообщали Осман Шалгынтаев и Боранбай Тастанбеков (Казак. 1917 от 2 февраля). Корреспонденции поступали от петропавловского муллы Мухди Агысова о реквизируемых в Кызылжарском уезде более 700 джигитов, вместе с ним работавших в Витебской губернии (Казак. 1917 от 2 февраля). Были случаи, когда недобросовестные «муллы» не исполняли возложенных на них обязанностей. Так, Жумат Шанин из Павлодара побывал с инспекцией в районе г. Рига, где узнал о положении 500 земляков из Баянаула, Аккелинской, Акбейиттауской, Степной волостей и был удивлен, что среди тыловиков нет грамотных, могущих записать свой адрес, у них нет обратной связи, а выбранный ими «мулла» исчез. Шанин в своей заметке указал адреса инородческих партий, номера отрядов, куда родственники могли написать и отправить необходимые вещи (Казак. 1917 от 2 февраля). Мулла Акимали Каржауов сопровождал актюбинских мобилизованных до г. Вязьма, на месте помог найти дорогу домой отставшим от поезда (Казак. 1917. №209). Из 226-й инородческой партии по настоянию муллы был отправлен домой обессиленный и негодный к работам Шалабай Тасыбай (Казак. 1917. №211). В сопровождении тыловиков в 1-й армии в составе 51-й инородческой партии был преподаватель известной школы Мамания в Копале Семиреченской области Абубакир Мамбетбаев. Он сообщал в редакцию, что в местной больнице скончался Есенбай Канабаев, однако никто не знает, откуда он родом, возможно, из Семипалатинской области. Собрав деньги, казахи-тыловики совершили положенный ритуал похорон (Казак. №220. 1 марта 1917 г.)

К весне 1917 года мулла 8-й дружины Габит Сарыбаев информировал, что с 16 ноября приступили к окопным работам в районе Саратова, однако приезжают нередко лже-посредники, которые, хоть и привозят пачками письма, но еще и собирают деньги «за услугу» с их родных и зарятся на заработки самих тыловиков. Письма, отправленные почтовой связью, не доходят до дому (Казак. 9 февраля 1917 №217). В этом же письме Сарыбаев выразил благодарность представителям Алаш, которые оказали безвозмездную помощь и трудятся по открытию через Земгор, комитеты помощи в Минске и Москве. Другой мулла, Акимали Каржауов, сообщил о кончине казаха из аула №9 Карабайской волости Сады Танбаева на Западном фронте, его он проводил в последний путь по мусульманским обычаям (Казак. 9 февраля 1917 №217). Знакомые с положением тыловиков, А. Букейханов, М. Есполов и Т. Жаманмурунов в газете от 1 марта 1917 года подняли острый вопрос, что не всегда умерших из числа реквизируемых казахов хоронят по шариату или вообще хоронят без приглашения мулл. Это происходило из-за незнания лечащими врачами казахского языка. В результате родственникам не сообщалось своевременно о кончине тыловика, так как врачи не располагали сведениями, откуда родом данный пациент (Казак. №220. 1 марта, 1917). Это задевало чувства верующих, страдали родные умершего. Имели место случаи массового заражения, когда умершего от инфекции мулла разместил в мечети, где проживали 1200 здоровых джигитов. Было высказано требование, чтобы рядом с больными в лазаретах обязательно присутствовал кто-либо знающий русский язык (Казак. №220. 1 марта. 1917). Признаки самоуправления наблюдались в отдельных инородческих рабочих партиях, например, у отбывших 14 ноября 1916 года из г. Петропавловска Акмолинской области в район г. Крейцбург Витебской губернии. Из тысячной партии казахов они сами выбрали сотника, переводчика, муллу, повара и забойщика скота. Всех ежедневно осматривает доктор, писали в редакцию Т. Мазгунов, Х. Жалтыров, А. Тастемиров, А. Кудайбергенов (Казак. №221. 9 марта 1917).

Отправка реквизируемых казахов на тыловые работы продолжалась и весной 1917 года, когда из Агашакской и Акколтыкской волостей Аулие-Атинского уезда 1043 джигита через станцию Оренбург достигли Бузулука. Об их передвижении сообщал мулла Кайдар Туякбаев (Казак. 17 марта 1917).

Весть о свержении самодержавия была встречена на фронте восторженно. Из г. Казань в редакцию поступила телеграмма с приветствием от Поштаева (Боштаева), Кашкынбаева, Маметова и Моллагазина, инспектировавших положение тыловиков (Казак. №223. 24 марта 1917). Требования вернуть их домой в адрес Временного правительства выставили некоторые инородческие партии рабочих, отдельные тыловики и их родственники, местами наметилась самостийная демобилизация – самовольное возвращение тыловиков на родину (НА РУз. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 320). В феврале 1917 г. в письме имама муллы Зайнидина Ходжи, адресованном приставу Худоярханову, излагались подробности волнений среди тыловиков в Мозырском уезде Минской губернии: в результате столкновений с местными крестьянами голодным инородцам самим пришлось добывать пищу, многие вынуждены были продать одежду, некоторые умерли от переохлаждения, от голода, другие, как писал мулла эшелона, были съедены волками (НА РУз. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1174. Л. 381). Эшелоны с тыловиками теперь направились в обратную сторону, многие шли через Оренбург, чем

воспользовались алашевцы, сопровождавшие земляков. Так, в Семиречье вместе с джигитами вернулся Билал Сулеев, в Актобе – Тел Жаманмурынов (Қазак. №231. 27 мая 1917).

Начиналась мирная жизнь в обновленных условиях, в ожидании выборов в Учредительное собрание. Не остались в стороне от атмосферы реформ и муллы, которые ощущали потребность в самоорганизации. 23-25 мая 1917 года на станции Акбулак состоялось собрание казахских мулл Тургайской и Уральской областей. На совещании были рассмотрены вопросы религиозного содержания. Председателем был Габдолла Досжанов, докладчик – имам Абдрахман Муртазин. Было решено и впредь собираться и коллективно решать насущные вопросы, касающиеся вероисповедания (Қазак. №233. 11 июня 1917). Аналогичный съезд мулл прошел в августе 1917 года в г. Кокшетау с той разницей, что на съезде присутствовали учителя. Единогласно решили создать в городе «Білім серіктігі» («Товарищество знания»), от каждой волости избрать представителя, членский взнос – 15 рублей, в каждом ауле открыть 4-годичные школы, средства от благотворительности сосредоточить в уездном центре. Обязать с четырехлетнего возраста обучать мальчиков и девочек. К медресе и мечети г. Кокшетау назначить ответственного. Об этих новостях сообщил Абушахма Бокаев (Қазак. №243. 1917. 14 сентября). Источники сообщают о съезде мулл и в Уральской области, на ярмарке в Жымпиты в сентябре 1917 года. На ней присутствовало около 500 мулл (Қазак. №246. 21 октября 1917). Иными словами, после событий февраля-марта 1917 года в казахском сообществе проявилась тенденция к внутренней самоорганизации. Съезды мулл были одним из проявлений осмысленного подхода к самоуправлению. В условиях растерянности колониальной администрации «низы» уверовали в свои возможности.

Оба вектора («военно-полевые», «походные» казахские муллы, с одной стороны, и муллы, старшие по возрасту и статусу, которые отправляли свои обязанности на местах в Степном крае, Уральской области, с другой) в новых условиях отречения императора и временного безвластия активизировались. Прошедшие фронтовую закалку, «выборные» муллы почувствовали силу воздействия словом на растерянных прихожан. Давно ожидавшие определения своего статуса (в отсутствие подотчетности духовному собранию) муллы на местах приободрились и стали убеждать общество в своей компетентности и влиянии. Умение собирать форумы, съезды и принимать конкретные решения использовано было членами партии Алаш в декабре того же 1917 года в ходе выборов депутатов в Учредительное собрание.

5. Заключение

Таким образом, несмотря на то что официально казахи не принадлежали (на момент начала Первой мировой войны) к определенному муфтияту, общий шок от реквизиции в 1916 году вызвал у казахского населения Туркестанского и Степного краев острую потребность обращения к духовной поддержке. «Демонизация» роли панисламизма среди туркестанских мусульман, возбуждаемая в имперской прессе и высших кругах, фактами не подтверждается. Джихад как таковой отсутствовал в обозначенном социуме как инструмент решения споров и не был применен в ходе столкновений и волнений вследствие реквизиционной кампании 1916 года в Семиречье и Степном крае. Муллы, находившиеся при «тыловиках» из инородческих партий в действующей имперской армии, о джихаде не упоминали и его не пропагандировали. В рядах казахских инородцев-тыловиков и находившихся рядом с ними мулл преобладали пацифистские настроения. «Выборные» муллы, легитимность которых отстаивали мусульманские депутаты Думы, обозначили совершенно новую для себя функцию, а именно служить коммуникационным мостом между тыловиками и их родственниками посредством полевой почты и выходящей с 1913 года оренбургской газеты «Қазак». Данная миссия способствовала выработке механизма коллективного управления, точнее самоуправления и информирования в неординарных условиях, хотя цензура военного времени ограничивала их возможности донести правдивую информацию в полном объеме. Безусловно, наличие «выборных» мулл свидетельствовало о наличии потребности и навыков практического ислама у казахов. Из рядов «походных» мулл не вышел выдающийся лидер, который бы выдвинул программу действий по изменению положения вещей. Потенциальным мотиватором политических реформ стала партия Алаш, которая применили опыт духовной мотивации бойцов позднее, при формировании военизированных отрядов Алашской милиции и самообороны.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования РК «Жетысуйские деятели движения Алаш: деятельность, судьбы, наследие» (АР 14872226).

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Алихан, 1911 – Алихан. По поводу Устава воинской повинности // *В мире мусульманства*. 23 декабря 1911 г. № 36.

- Васильев, 1939** – *Васильев Н.* Транспорт России в войне 1914-1918 гг. Москва: Госвоениздат НКО, 1939. 250 с.
- Восстание..., 1960** – Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. Сост. А. Пястковский, Т. Елеуов, А. Зима. М.: Издательство АН СССР, 1960. 795 с.
- Выборы..., 2008** – Выборы в I-IV Государственные Думы Российской империи. Материалы и документы. Под ред. А.Иванченко. М., 2008. 860 с.
- ГААР** – Государственный архив Азербайджанской Республики, Баку.
- Гатауллина, 2008** – *Гатауллина Л.Р.* Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // *Ученые записки Казанского государственного университета.* 2008. № 150 (1). С. 133-139.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- ГА ЮКО** – Государственный архив Южно-Казахстанской области.
- ГИА ОО** – Государственный исторический архив Омской области.
- Жетысу энциклопедия, 2004** – Жетысу энциклопедия. Алматы: Арыс, 2004. 712 с.
- Жусип, Маслов, 2021** – *Жусип С.А., Маслов Х.Б.* Исторические аспекты участия казахов в Первой мировой войне // *Edu.e-history.* 2021. № 3 (27). С. 104-116.
- Известия Комитета..., 1917** – *Известия Комитета Западного фронта Всероссийского Земского Союза.* № 3-4. 1-31 мая 1917 г. Минск: Электротипография Гринבלата, 1917. 90 с.
- Казак, 1916–1918** – *Қазақ.* 1916–1918.
- Ковалев, 1957** – *Ковалев П. А.* Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны (1916 - май 1917 гг.). Ташкент: Госиздат УзбССР, 1957. 187 с.
- Котюкова, 2008** – *Котюкова Т.В.* Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М. [Б.и.] 2008. 202 с.
- Котюкова, 2011** – *Котюкова Т.* «Право», которого не стало: Политическая дискуссия о туркестанском представительстве в Государственной думе / Сб. «Центральная Азия. Традиция и современность». М., 2011. С. 20-42.
- Леонтьева, 2014** – *Леонтьева Т.Г.* Православное духовенство в годы Первой мировой войны // *Россия вчера, сегодня, завтра.* 2014. №2 (83). С. 104-119.
- Некрасов-Клиодт, 1926** – *Некрасов-Клиодт В.* Реквизиция киргиз на тыловые работы в 1916 году. Кызыл-Орда: Издание Общества изучения Казахстана, 1926. 74 с.
- НИАБ** – Национальный Исторический архив Беларуси, Минск.
- Подпрятков, 2013** – *Подпрятков Н.* Этнические строительные отряды русской армии на фронтах первой мировой войны // *Власть.* 2013. № 10. С. 160-164.
- Раздыкова, 2007** – *Раздыкова Г. М.* Народный ислам у казахов во второй половине XIX - начале XX веков // *Омский научный вестник.* 2007. №4 (58). С. 26-28.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Терентьев, 1906** – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб.: Типолитография В. Комарова, 1906. Т. III. 528 с.
- Трутко, 1939** – *Трутко И.* Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914 г.) // *Военно-исторический журнал.* 1939. № 3. С. 92-113.
- Хабутдинов, 2001** – *Хабутдинов А.Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII - начале XX вв. Казань, 2001. 383с.
- Хабутдинов, Имашева, 2020** – *Хабутдинов А., Имашева М.* Лидеры мусульманского движения российской империи об основных политических вопросах начала XX века // *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus.* 2020. Т. 16. № 4. С. 969-981.
- Холквист, 1999** – *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914-1921) в европейском контексте / *Россия и Первая мировая война.* СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 83-101.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Шерстюков, 2015** – *Шерстюков С. А.* Джихад «Made in Germany»: Первая мировая война и споры об исламе // *Вестник Томского государственного университета.* 2015. № 401. С. 207-215.
- Энциклопедический..., 1890** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890.
- Brower, 1996** – *Brower D.* Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916 // *Jahr-bücher für Geschichte Osteuropas.* 1996. Nr. 44 (1). P. 41-53.
- Sokol, 1954** – *Sokol E.* The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954.
- Pierce, 1960** – *Pierce R.* Russian Central Asia, 1867-1917. Berkeley, 1960.
- Zürcher, 2016** – *Zürcher, E.-J.* Jihad and Islam in World War I: Studies on the Ottoman Jihad. Leiden University Press, 2016. 489 p.

References

- Alikhan, 1911** – *Alikhan* (1911). Po povodu Ustava voinskoi povinnosti [About the Military service Regulations]. *V mire musul'manstva*. 23 Dec. Nr. 36. [in Russian]
- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].
- Brower, 1996** – *Brower, D.* (1996). Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916. *Jahr-bücher für Geschichte Osteuropas*. 44(1): 41-53.
- Entsiklopedicheskii slovar'..., 1890** – *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*: v 86 t. (82 t. i 4 dop.) [Brockhaus and Efron's encyclopedia: in 86 volumes (82 volumes and 4 appendices)]. SPb., 1890. [in Russian]
- GAAR** – Gosudarstvennyi arkhiv Azerbaidzhanskoi Respubliki, Baku [State Archive of the Republic of Azerbaijan].
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].
- Gataullina, 2008** – *Gataullina, L.R.* (2008). Tatarskaya pressa 1914–1915 gg. ob otnoshenii rossiiskikh musul'man k Pervoi mirovoi voine [The Tatar press of 1914-1915 on the attitude of Russian Muslims to the First World War]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 150(1): 133-139. [in Russian]
- GA YUKO** – Gosudarstvennyi arkhiv Yuzhno-Kazakhstanskoi oblasti [The State Archive of the South Kazakhstan region].
- GIA OO** – Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [The State Historical Archive of the Omsk region].
- Izvestiya..., 1917** – *Izvestiya Komiteta Zapadnogo fronta Vserossiiskogo Zemskogo Soyuza*. Nr. 3-4. 1-31 May 1917. [News of the Committee of the Western Front of the All-Russian Zemstvo Union]. Minsk, 1917. 90 p. [in Russian]
- Kazak, 1916–1918** – *Kazaq*. 1916–1918 [“Kazakh” newspaper]. [in Kazakh]
- Khabutdinov, 2001** – *Khabutdinov, A.Yu.* (2001). Formirovanie natsii i osnovnye napravleniya razvitiya tatarskogo obshchestva v kontse XVIII – nachale XX vv. [Formation of the nation and the main directions of development of the Tatar society in the late XVIII – early XX centuries]. Kazan, 383 p. [in Russian]
- Khabutdinov, Imasheva, 2020** – *Khabutdinov, A., Imasheva, M.* (2020). Leaders of the Muslim movement of the Russian Empire on the main political issues of the early twentieth century [The leaders of the Muslim movement of the Russian Empire on the main political issues of the early twentieth century]. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 16(4): 969-981. [in Russian]
- Kholkvist, 1999** – *Kholkvist, P.* (1999). Total'naya mobilizatsiya i politika naseleniya: rossiiskaya katastrofa (1914-1921) v evropeiskom kontekste [Total mobilization and population policy: the Russian Catastrophe (1914-1921) in a European context]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voina*. SPb.: Dmitrii Bulanin. Pp. 83-101. [in Russian]
- Kotyukova, 2008** – *Kotyukova, T.V.* (2008). Turkestanskoe napravlenie dumskoi politiki Rossii (1905–1917 gg.) [Turkestan direction of the Duma policy of Russia (1905-1917)] M., 202 p. [in Russian]
- Kotyukova, 2011** – *Kotyukova, T.* (2011). «Pravo», kotorogo ne stalo: Politicheskaya diskussiya o turkestanskom predstavitel'stve v Gosudarstvennoi dume [The "right" that has disappeared: Political discussion on the Turkestan representation in the State Duma]. Sb. «Tsentral'naya Aziya. Traditsiya i sovremennost'». Pp. 20 – 42. [in Russian]
- Kovalev, 1957** – *Kovalev, P.A.* (1957). Tylovyie rabochie Turkestana v gody Pervoi mirovoi voiny (1916-mai 1917 gg.) [Rear workers of Turkestan during the First World War (1916-May 1917)]. Tashkent, 187 p. [in Russian]
- Leont'eva, 2014** – *Leont'eva, T. G.* (2014). Pravoslavnoe dukhovenstvo v gody Pervoi mirovoi voiny [Orthodox clergy during the First World War]. *Rossiya vchera, segodnya, zavtra*. 2(83): 104-119. [in Russian]
- Nekrasov-Kliodt, 1926** – *Nekrasov-Kliodt, V.* (1926). Rekvizitsiya kirgiz na tylovyie raboty v 1916 godu [Requisition of Kirghiz for logistical work in 1916]. Kyzyl-Orda, 74 p. [in Russian]
- NIAB** – Natsional'nyi Istoricheskii arkhiv Belarusi [National Historical Archive of Belarus], Minsk.
- Pierce, 1960** – *Pierce, R.* (1960). Russian Central Asia, 1867-1917. Berkeley.
- Podpryatov, 2013** – *Podpryatov, N.* (2013). Etnicheskie stroitel'nye otryady russkoi armii na frontakh pervoi mirovoi voiny [Ethnic construction detachments of the Russian army on the fronts of the First World War]. *Power*. 10: 160-164. [in Russian]
- Razdykova, 2007** – *Razdykova, G.M.* (2007). Narodnyi islam u kazakhov vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Folk Islam among the Kazakhs in the second half of the XIX - early XX centuries]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 4(58): 26-28. [in Russian]
- RGASPI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [The Russian State Archive of Socio-Political History].
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [The Russian State Military Historical Archive].

- [Sherstyukov, 2015](#) – *Sherstyukov, S.A.* (2015). Dzhikhad «Made in Germany»: Pervaya mirovaya voina i spory ob islame [Jihad "Made in Germany": The First World War and the debate about Islam]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 401: 207-215 [in Russian]
- [Sokol, 1954](#) – *Sokol, E.* (1954). The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore.
- [Terent'ev, 1906](#) – *Terent'ev, M.A.* (1906). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [The history of the conquest of Central Asia]. St. Petersburg. Vol. III. 528 p. [in Russian]
- [Trutko, 1939](#) – *Trutko, I.* (1939). Podgotovka tyla Yugo-Zapadnogo fronta (1914 g.) [Preparation of the rear of the Southwestern Front (1914)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 3: 92-113. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Vasil'ev, 1939](#) – *Vasil'ev, N.* (1939). Transport Rossii v voine 1914-1918 gg. [Transport of Russia in the war of 1914-1918] М., 250 p. [in Russian]
- [Vosstanie..., 1960](#) – Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii i Kazakhstane: sbornik dokumentov [The Uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan: a collection of documents. Comp. A. Pyatkovsky, T. Eleuov, A. Winter. М., 1960. 795 p. [in Russian]
- [Vybory..., 2008](#) – Vybory v I-IV Gosudarstvennye Dumy Rossiiskoi imperii. Materialy i dokumenty [Elections to the I-IV State Duma of the Russian Empire]. Ed. A. Ivanchenko. М., 2008. 860 p. [in Russian]
- [Zhetysu entsiklopediya, 2004](#) – Zhetysu entsiklopediya [Zhetysu encyclopedia]. Almaty, 2004. 712 p. [in Kazakh]
- [Zhusip, Maslov, 2021](#) – *Zhusip, S.A., Maslov, Kh.B.* (2021). Istoricheskie aspekty uchastiya kazakhov v Pervoi mirovoi voine [Historical aspects of the Kazakhs' participation in the First World War]. *Edu.e-history*. 3(27): 104-116. [in Russian]
- [Zürcher, 2016](#) – *Zürcher, E.-J.* (2016). Jihad and Islam in World War I: Studies on the Ottoman Jihad. Leiden University Press, 489 p.

Пацифизм и война: миссия мулл среди реквизированных казахов, 1916–1917

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}, Шамек Баянович Тлеубаев ^a,
Арайлым Нурболатовна Конкабаева ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В начале XX века казахи Российской империи идентифицировали себя как мусульмане. В официальных документах казахи записывались как «киргизы магометанского вероисповедания». Специфика кочевого общества заключалась в соблюдении норм шариата при отсутствии стационарных зданий мечетей, и выходом из ситуации было наличие мулл при одном (чаще нескольких) аулах. То есть одной из востребованных социальных категорий в казахском социуме были муллы – лица, организующие пятикратные коллективные молитвы, чтение аятов и сур Корана по разным поводам, а также необходимые ритуалы (бракосочетаний, похорон и др.). Муллы могли участвовать в боевых походах, вдохновляя воинов, созывая их на намаз, при необходимости исполняя обряды захоронения. Безусловно, такая деятельность «походных» мулл сплачивала ряды ополчения, настраивала на стойкое поведение и дисциплинировала их моральные устои. В условиях внешних вызовов, в период реквизиции инородцев в 1916–1917 годах, казахи Туркестанского края официально направлялись на тыловые работы в сопровождении мулл. В мобилизации казахов Степного края имели место определенные особенности: для направления мулл потребовалось вмешательство депутатов Думы и интеллигенции Алаш. Миссия мулл была пацифистской. Как владевшие грамотой, они писали письма родным реквизированных казахов и передавали информацию в редакцию казахской газеты («Қазақ»), выполняли обряды захоронения при необходимости. Исследование темы немаловажно для реконструкции социальных аспектов реквизиционной кампании 1916 года и ее последствий, равно как и для выявления трендов самоуправления и идентичности казахов в условиях вызовов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Туркестан, Степной край, реквизиция, казахи, муллы, Государственная Дума, депутаты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gulnar_mukanova@mail.ru (Г.Л. Муканова),
Shamek_09@mail.ru (Ш.Б. Тлеубаев), konkabayeva.arailym@mail.ru (А.Н. Конкабаева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 959-964
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.959

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper "Soldatskii Vestnik" (May 22 – September 7, 1916). Part 3

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Alexander Y. Epifanov ^d, Ivan N. Kuksin ^e

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the coverage in the newspaper "Soldatsky Vestnik" of the last, final stage of the Brusilov's breakthrough (July 27 – September 7, 1916).

The newspaper Soldatsky Vestnik (issues 186-199) was used as materials. Methodologically, the work is based on the content analysis method, which made it possible to identify publications related to the Brusilov's breakthrough from several hundred newspaper publications of the "Soldatsky Vestnik" and analyze these materials. The chronological method was also used in the work, thanks to which we considered the events under study in the context of the historical situation and chronological sequence.

The authors conclude that in early September 1916, an unfavorable situation was developing for the troops of the Russian Southwestern Front. Due to the long successful offensive, the Russian troops suffered serious losses in manpower. The same offensive forced the enemy to transfer large reserves from the Western to the Eastern Front, which practically equalized the attackers and defenders in their numbers. If we consider that the effect of surprise was long lost, then the continuation of the Brusilov's breakthrough in these conditions became unpromising, and the Russian command decided to stop it.

Throughout the offensive operation of the Russian Southwestern Front under the command of General Brusilov, the main sources of official information for the newspaper "Soldatsky Vestnik" were reports "From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief". However, often additional sources were letters from soldiers to their homeland, as well as a variety of additional materials that were reprinted from other newspapers or compiled by the editorial board of the "Soldatsky Vestnik". Thus, a narrative was introduced aimed at increasing the military spirit of the Russian army during the Brusilov's breakthrough.

Keywords: World War I, Brusilov's breakthrough, Russian journalism, Southwestern Front, General Brusilov, 1916.

1. Введение

Начиная с Первой мировой войны, военная пропаганда была признана четвертым видом оружия, и сила ее могла распространяться не только на собственные воинские соединения с целью повышения морально-психологических качеств военнослужащих, но и непосредственно на противника с целью его деморализации. Роль военной пропаганды значительно возрастала в период активных боевых действий, например наступление как отдельных армий, так и целых фронтов. В данной работе мы хотели бы рассмотреть освещение Брусиловского прорыва на страницах газеты «Солдатский вестник». Ранее мы уже рассматривали первые два месяца этого наступления войск

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

Юго-Западного фронта: с 22 мая по 22 июня 1916 г. (Rajović et al., 2023), а также период с 23 июня по 26 июля (Rajović et al., 2024).

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы номера армейской газеты «Солдатский вестник» за период с 27 июля по 11 сентября 1916 г. Данная газета являлась ярким примером военной периодической печати периода Первой мировой войны. Как и большинство других газет этого периода, «Солдатский вестник» издавался на 4-х страницах, а его периодичность составляла 2-3 номера в неделю. В 1916 г. редактором газеты являлся полковник гвардии Петр Александрович Риттих (Рисунок 1).

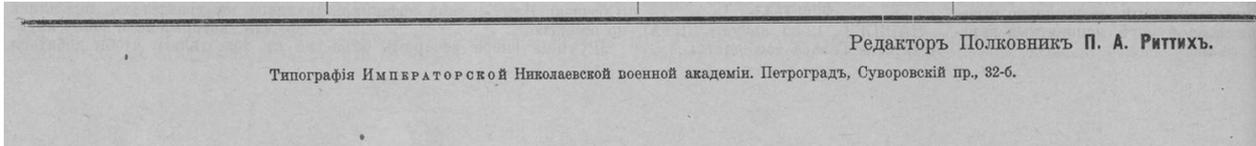

Рис. 1. Сведения о редакции газеты «Солдатский вестник». 1916 г.

Методологически работа опирается на метод контент-анализа, который позволил из нескольких сотен газетных публикаций «Солдатского вестника» выявить публикации, имеющие отношение к Брусиловскому прорыву, и провести анализ этих материалов. Также в работе применялся хронологический метод, благодаря которому мы рассмотрели изучаемые события в контексте исторической обстановки и хронологической последовательности.

3. Обсуждение и результаты

В предыдущих частях мы уже рассматривали историографию нашей темы исследования, поэтому дублирование этой информации нам представляется нелогичным.

В 186-м номере газеты за 27 июля 1916 г. штаб верховного главнокомандующего сообщал, что русские войска в районе Брод стремительным ударом овладели двумя деревнями и взяли до 1200 пленных (От штаба..., 1916: 1). На следующий день 24-го июля в этом же районе был взят еще ряд населенных пунктов ввиду удачного наступления русских войск. В этих боях было взято в плен 95 офицеров и более 3 000 нижних чинов (От штаба..., 1916: 1). Наступление русских войск продолжалось и в следующие дни. На реке Серете в атаке отличились Воронежские дружины ополчения (От штаба..., 1916: 2). Здесь в боях с 22 по 24 июля было захвачено 166 офицеров, 8415 нижних чинов противника, а также 4 орудия, 19 пулеметов, 11 бомбометов и минометов и много другого оружия (От штаба..., 1916: 2). Наступление развивалось и к югу от Днестра, где русские части перешли в наступление на фронте до 25 километров в направлении на Тесменицу.

В 187-м номере газеты за 30 июля 1916 г. сообщалось, что к югу от Днестра войска генерала Лечицкого продолжали преследование противника, последовательно выбивая его из ряда деревень и высот, и достигли реки Тлумач (приток Днестра). 26 июля этими войсками был занят город Тысменица. Всего войска генерала Лечицкого 26 июля захватили в плен 88 офицеров и 7,4 тыс. нижних чинов. В качестве трофеев было захвачено 5 орудий и 63 пулемета (От штаба..., 1916a: 1). 28 июля успешные бои велись и в районе реки Серета, где русскими войсками было взято 20 офицеров и 1,3 тыс. нижних чинов (От штаба..., 1916a: 2). В сводке от 29 июля от русского командования сообщалось, что войсками генерала Экка в боях с 22 по 28 июля было взято в плен 268 офицеров и 13 тыс. нижних чинов, кроме этого поступила 1 тыс. раненых австро-германцев (От штаба..., 1916a: 2). 28 июля русские войска взяли город Станиславов (От штаба..., 1916a: 2).

В этом же номере была опубликована заметка «Письмо на родину», которая являлась выдержкой из солдатского письма. Из этого письма читатель узнавал некоторые детали об обстоятельствах Брусиловского прорыва. Так, автор отмечал, что в первых числах июня русские войска выбили неприятеля с сильно укрепленной позиции, на которой он укреплялся 8 месяцев. Окопы и все укрепления были сделаны по новейшей технике и искусству. Глядя на их позиционные укрепления, выбить их не представлялось никакой возможности, так как окопы были залиты цементом, своды окопов были литые, из стали, из железа, а также из чугуна. На ряде направлений одних проволочных заграждений было 28 рядов... к позициям были проведены множество узкоколейных и обыкновенных железнодорожных линий для подвоза войск, снарядов и всякого воинского снаряжения... (Письмо на родину, 1916: 3).

В номере 188 «Солдатского вестника» за 3 августа 1916 г. в сообщении от штаба верховного главнокомандующего мы обнаруживаем, что наступление русских войск в районе Серета развивалось в направлении на Езерну (От штаба..., 1916b: 1). В этом районе 31 июля русские войска захватили три деревни (Звыжен, Олеюв, Бзовица-Бялковце). В этот же день войска захватили и город Езерну (От штаба..., 1916b: 1), помимо этого были взяты город Подгайцы и Мариамполь (От штаба..., 1916b:

2). 2 августа в районе реки Золотая Липа русскими войсками было захвачено 7 офицеров и 413 нижних чинов противника, а у местечка Ворохта в плен попало 32 офицера и 1 тыс. нижних чинов (От штаба..., 1916b: 2).

В 189-м номере «Солдатского вестника» за 6 августа 1916 г. были опубликованы обобщенные сведения о развитии Брусиловского прорыва в период с 22 мая по 30 июля. Согласно этим сведениям, русские войска овладели зимней укрепленной австро-германской линией от реки Припяти до румынской границы. За это время было захвачено: войсками генерала Каледина – 2384 офицера, 107 тыс. нижних чинов, 147 орудий, 459 пулеметов; войсками Лечицкого – 2139 офицеров, 100 тыс. нижних чинов, 127 орудий, 424 пулемета; войсками Сахарова – 1967 офицеров, 87 тыс. нижних чинов, 76 орудий, 232 пулемета; войсками Щербачева – 1267 офицеров, 55 тыс. нижних чинов, 55 орудий, 211 пулеметов. Итого 7757 офицеров, 350 тыс. нижних чинов, 405 орудий, 1236 пулеметов (От штаба..., 1916c: 1). 5 августа русские войска заняли Лисец-Старый (От штаба..., 1916c: 2). С этого же номера в разделе «От штаба верховного главнокомандующего» начинают публиковаться сведения с других фронтов, а именно с французского и итальянского (От штаба..., 1916c: 1).

10 августа 1916 г. в 190-м номере «Солдатского вестника» отмечалось, что в боях за 5 и 6 августа 1916 г. в районе реки Стохода русскими войсками захвачены в плен 16 офицеров и 1,3 тыс. нижних чинов противника (От штаба..., 1916d: 1). В остальные дни обстановка на фронте была без перемен (От штаба..., 1916d: 2).

13 августа в 191-м номере газеты сообщалось, что противник пытался вести контратаки против русских войск генерала Брусилова, но успеха не имел (От штаба..., 1916e: 1). Причем эти же контратаки продолжались и в последующие два дня (От штаба..., 1916e: 2). На фронте вновь произошла передышка. Редакция газеты, поддерживая наступательный порыв пехоты, публиковала материалы о блестящей работе русской артиллерии в рубрике «Письма на родину», а также перепечатала сообщение из газеты «Новое время» о гибели вольноопределяющегося сибирского стрелкового полка Леонида Шуцкого, который оказался Еленой Константиновной Шуцкой (Редкостное объявление, 1916: 4).

В номере за 18 августа 1916 г. мы совершенно не находим мало-мальски серьезных успехов русского наступления, более того, сводки «От штаба» малоинформативны. Тем не менее главной темой номера было вступление в войну на стороне Антанты Румынии (Румыния выступила, 1916: 1).

В 193-м номере за 20 августа сообщалось об упорных боях и что противник предпринимал попытки контратаковать русские войска (От штаба..., 1916f: 1). За 18 августа русские войска захватили 289 офицеров и 15 тыс. нижних чинов противника (От штаба..., 1916f: 1).

24 августа в сводках «От штаба» также сообщалось об упорных боях и попытках противника контратаковать русскую армию (От штаба..., 1916g: 1). Тем не менее в районе Золотой Липы русским войскам сопутствовал успех. Всего же за 18-21 августа войсками генерала Брусилова было взято в плен 385 офицеров и 19 тыс. нижних чинов. В качестве трофеев было захвачено 12 орудий и 76 пулеметов (От штаба..., 1916g: 1).

27 августа в «Солдатском вестнике» № 195 от штаба сообщалось, что на Галичском направлении русские войска овладели укрепленной позицией противника и отбросили его на северо-запад. Число пленных составляло около 4,5 тыс. человек (От штаба..., 1916h: 1). На этом направлении и в последующие дни русским войскам сопутствовал успех. Так, 25 августа в районе Галича русские войска заняли железнодорожную линию Галич – Семиковце – Водники. За бои 24 августа в этом районе было захвачено 45 офицеров и 5,6 тыс. нижних чинов противника (От штаба..., 1916h: 1). В районе Гнилой Липы продолжалось успешное русское наступление (От штаба..., 1916h: 2).

31 августа «От штаба» сообщалось, что на галичском направлении упорные бои продолжались (От штаба..., 1916i: 1). В сообщениях с Западного фронта стали встречаться формулировки – «Без перемен» (От штаба..., 1916i: 1). В этом же номере была опубликована заметка «Наши успехи в Буковине», в которой отмечалось, что в южной Буковине русские войска продолжают развивать свое наступление. При этом противник на разных участках в Галиции и Буковине пытался перейти в контрнаступление, но успеха не имел. Также сообщалось, что, по показаниям пленных, австрийцы начинали готовиться к зимовке в Карпатских горах (Наши успехи..., 1916: 2).

Очередной – 197-й номер «Солдатского вестника» вышел 3 сентября 1916 г. Особых перемен в обстановке на всем Западном фронте в это время не было (От штаба..., 1916j: 1). В этом же номере была опубликована заметка «Последние потери австро-немцев», в которой с ссылкой на голландские газеты сообщалось, что за время русского наступления австро-германцы потеряли на Восточном фронте 300 тыс. человек пленными, 321 тыс. человек ранеными и до 100 тыс. человек убитыми. Из этого количества на долю австрийцев приходилось 650 тыс. человек (Последние потери..., 1916: 2).

7 сентября в 198-м номере «Солдатского вестника» сообщалось, что 4 сентября русские войска в районе Золотой Липы сбили противника с позиций и захватили 14 офицеров и 500 солдат (От штаба..., 1916k: 1). 5 и 6 сентября существенных изменений в обстановке на Западном фронте не происходило (От штаба..., 1916k: 1).

11 сентября 1916 г. вышел 199-й номер газеты, и в нем в сводке «От штаба» за 7 сентября, то есть за последний день Брусиловского прорыва, сообщалось, что на Западном и Кавказском фронтах

«ничего существенного не произошло» (*От штаба..., 1916l: 1*). В этом же номере в рубрике «Последние известия» была переопубликована заметка «Успехи наших войск» из газеты «Matin» от 31 августа, в которой отмечалось колоссальное значение Брусиловского прорыва. Так, в заметке отмечалось, что австро-германский фронт был прорван русскими войсками на протяжении 300 км и на глубину от 60 до 100 км, при этом из строя было выведено 600 тыс. солдат и офицеров противника. Вместе с тем занятие русскими войсками Буковины дало Румынии возможность выступить против центральных держав (*Успехи наших войск, 1916: 2*). Таким образом, Брусиловский прорыв в качестве последствий имел не только военное, но международное значение.

4. Заключение

Таким образом, в начале сентября 1916 г. для войск русского Юго-Западного фронта складывалась неблагоприятная обстановка. Ввиду длительного успешного наступления русские войска понесли серьезные потери в живой силе. Это же наступление заставило противника перебросить крупные резервы с Западного на Восточный фронт, что практически уравнило наступающих и обороняющихся в их численности. Если учесть, что эффект неожиданности был давно утрачен, то продолжение Брусиловского прорыва в этих условиях становилось бесперспективным, и русское командование решило его прекратить.

На протяжении всей наступательной операции русского Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова главными источниками официальной информации для газеты «Солдатский вестник» были сводки «От штаба верховного главнокомандующего». Однако часто дополнительными источниками выступали письма солдат на родину, а также разнообразные дополнительные материалы, которые перепечатывались из других газет или составлялись редакцией «Солдатского вестника». Таким образом внедрялся нарратив, направленный на повышение военного духа русской армии в период Брусиловского прорыва.

Литература

- От штаба..., 1916* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 27 июля. № 186.
- От штаба..., 1916a* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 30 июля. № 187.
- Письмо на родину, 1916* – Письмо на родину // *Солдатский вестник*. 1916. 30 июля. № 187.
- От штаба..., 1916b* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 3 августа. № 188.
- От штаба..., 1916c* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 6 августа. № 189.
- От штаба..., 1916d* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 10 августа. № 190.
- От штаба..., 1916e* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 13 августа. № 191.
- Редкостное объявление, 1916* – Редкостное объявление // *Солдатский вестник*. 1916. 13 августа. № 191.
- Румыния выступила, 1916* – Румыния выступила // *Солдатский вестник*. 1916. 18 августа. № 192.
- От штаба..., 1916f* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 20 августа. № 193.
- От штаба..., 1916g* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 24 августа. № 194.
- От штаба..., 1916h* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 27 августа. № 195.
- От штаба..., 1916i* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 31 августа. № 196.
- Наши успехи..., 1916* – Наши успехи в Буковине // *Солдатский вестник*. 1916. 31 августа. № 196.
- От штаба..., 1916j* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 3 сентября. № 197.
- Последние потери..., 1916* – Последние потери австро-немцев // *Солдатский вестник*. 1916. 3 сентября. № 197.
- От штаба..., 1916k* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 7 сентября. № 198.
- От штаба..., 1916l* – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 11 сентября. № 199.
- Успехи наших войск, 1916* – Успехи наших войск // *Солдатский вестник*. 1916. 11 сентября. № 199.
- Rajović et al., 2023* – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Bratanovskaya M.S.* Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper "Soldatskii Vestnik" (May 22 – June 22, 1916). Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 2118-2127.

Rajović et al., 2024 – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Kuksin I.N. Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper "Soldatskii Vestnik" (May 22 – September 7, 1916). Part 2 // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 465-471.

References

- Nashi uspekhi...**, 1916 – Nashi uspekhi v Bukovine [Our successes in Bukovina]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 31 avgusta. № 196. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916 – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 27 iyulya. № 186. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916a – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 30 iyulya. № 187. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916b – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 3 avgusta. № 188. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916c – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 6 avgusta. № 189. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916d – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 10 avgusta. № 190. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916e – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 13 avgusta. № 191. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916f – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 20 avgusta. № 193. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916g – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 24 avgusta. № 194. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916h – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 27 avgusta. № 195. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916i – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 31 avgusta. № 196. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916j – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 3 sentyabrya. № 197. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916k – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 7 sentyabrya. № 198. [in Russian]
- Ot shtaba...**, 1916l – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 11 sentyabrya. № 199. [in Russian]
- Pis'mo na rodinu**, 1916 – Pis'mo na rodinu [Letter to the homeland]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 30 iyulya. № 187. [in Russian]
- Poslednie poteri...**, 1916 – Poslednie poteri avstro-nemtsev [The last losses of the Austro-Germans]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 3 sentyabrya. № 197. [in Russian]
- Rajović et al., 2023 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Bratanovskaya, M.S. (2023). Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper "Soldatskii Vestnik" (May 22 – June 22, 1916). Part 1. *Bylye Gody*. 18(4): 2118-2127.
- Rajović et al., 2024 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Kuksin, I.N. (2024). Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper "Soldatskii Vestnik" (May 22 – September 7, 1916). Part 2. *Bylye Gody*. 19(1): 465-471.
- Redkostnoe ob'yavlenie**, 1916 – Redkostnoe ob'yavlenie [Rare announcement]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 13 avgusta. № 191. [in Russian]
- Rumyniya vystupila**, 1916 – Rumyniya vystupila [Romania acted]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 18 avgusta. № 192. [in Russian]
- Uspekhi nashikh voisk**, 1916 – Uspekhi nashikh voisk [Successes of our troops]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 11 sentyabrya. № 199. [in Russian]

Освещение Брусиловского прорыва в русской армейской газете «Солдатский вестник» (22 мая – 7 сентября 1916 г.). Часть 3

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Епифанов ^d, Иван Николаевич Куksин ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

^d Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается освещение в газете «Солдатский вестник» последнего, заключительного этапа Брусиловского прорыва (27 июля – 7 сентября 1916 г.).

В качестве материалов была использована газета «Солдатский вестник» (номера 186-199). Методологически работа опирается на метод контент-анализа, который позволил из нескольких сотен газетных публикаций «Солдатского вестника» выявить публикации, имеющие отношение к Брусиловскому прорыву, и провести анализ этих материалов. Также в работе применялся хронологический метод, благодаря которому мы рассмотрели изучаемые события в контексте исторической обстановки и хронологической последовательности.

В заключении авторы отмечают, что в начале сентября 1916 г. для войск русского Юго-Западного фронта складывалась неблагоприятная обстановка. Ввиду длительного успешного наступления русские войска понесли серьезные потери в живой силе. Это же наступление заставило противника перебросить крупные резервы с Западного на Восточный фронт, что практически уравнило наступающих и обороняющихся в их численности. Если учесть, что эффект неожиданности был давно утрачен, то продолжение Брусиловского прорыва в этих условиях становилось бесперспективным, и русское командование решило его прекратить.

На протяжении всей наступательной операции русского Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова главными источниками официальной информации для газеты «Солдатский вестник» были сводки «От штаба верховного главнокомандующего». Однако часто дополнительными источниками выступали письма солдат на родину, а также разнообразные дополнительные материалы, которые перепечатывались из других газет или составлялись редакцией «Солдатского вестника». Таким образом внедрялся нарратив, направленный на повышение военного духа русской армии в период Брусиловского прорыва.

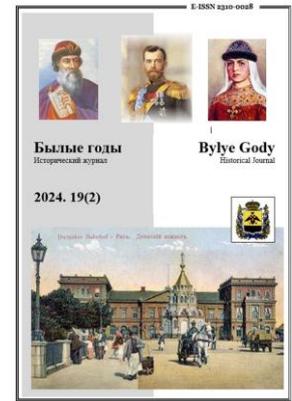
Ключевые слова: Первая мировая война, Брусиловский прорыв, русская журналистика, Юго-Западный фронт, генерал Брусилов, 1916 г.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 965-975
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.965

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the History of the Formation of Orphanages in Kazakhstan in the 1930s

Zauresh G. Saktaganova^a, Kymbat K. Abdrakhmanova^a, Zhanna S. Mazhitova^b, Saule K. Uderbayeva^{c,*}

^a Karaganda Buketov University, Republic of Kazakhstan

^b Astana Medical University, Republic of Kazakhstan

^c Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the history of Soviet orphanages in the 1930s based on the materials of Central Kazakhstan. The authors pay special attention to the source of children's admission to orphanages, their maintenance regime, forms of financing of children's institutions, and consider the degree of equipping children's institutions with food and household goods. The authors attempted to determine the number of orphanages and the number of foster children both in Kazakhstan as a whole and in the Karaganda region in the 1930s. Based on archival materials, a picture of the daily life of the orphanage was recreated. The authors conclude that the increase in the number of orphanages and homelessness in Kazakhstan in the early 1930s was associated with a sharp increase in the number of starving people, and since the mid-1930s – due to the flow of special settlers and victims of political repression. The difficult situation in orphanages led to the escape of their pupils, which only increased the growth of homelessness. The source base for the research was archival documents from the collections of the State Academy of Russian Federation, the Administrative Okrug of the Republic of Kazakhstan, and the State Agency for Accreditation for Accreditation, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, as well as materials from collections of documents and materials on the problem under study.

Keywords: orphanage, Children's Commission, Kompaneisky orphanage, Spasskaya labor colony, child homelessness, conditions of detention, infant mortality.

1. Введение

Изучение советского режима и его влияния на различные сферы жизни людей является одним из интересных аспектов отечественной исторической науки. История детей и хроника создания государственной системы детских учреждений первой половины XX века до сих пор имеет «белые пятна», которые требуют их научного анализа. В данной статье мы исследуем аспекты, отражающие историю советских детдомов в 30-е гг. XX в. на материалах российского и казахстанского архивов. Объектом нашего исследования являются детдома и дети/подростки, оставшиеся без семьи и оказавшиеся на государственном попечении по разным причинам (аресты, смерть родителей и др.). Они были принудительно включены в жесткую режимную систему воспитания, оказавшую особое влияние не только на их физическое развитие, но и на личностное формирование.

Социально-экономические и политические катаклизмы, происходившие в обществе, стали главными причинами роста количества детей, лишенных родительской опеки. Государство взяло на себя функции гаранта для детей, потерявших возможность жить с родителями, в семье. Воспитание и обучение таких детей осуществляли детские учреждения, главной задачей которых было вырастить из таких детей «homo soveticus», настоящего советского человека, «строителя коммунизма», преданного родине и партии, с навыками к общественно полезному труду. Однако прописанная в

* Corresponding author

E-mail addresses: saule-uderbaeva@mail.ru (S.K. Uderbayeva)

официальных документах установка не соответствовала действительности. Зачастую детям приходилось выживать в детских учреждениях, так как они сталкивались с такими проблемами, как голод, дефицит продуктов питания, отсутствие элементарных условий в жилых помещениях детских домов, антисанитария, нехватка средств гигиены, одежды, учебных принадлежностей и т.д.

2. Материалы и методы

Источниковой базой статьи послужили документы, находящиеся в фондах российских и казахстанских архивов: Государственный архив Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Архив президента Республики Казахстан (Астана, Казахстан), Государственного архива Карагандинской области (Караганда, Казахстан). Из ГАРФа были задействованы архивные документы из фонда Р-1235 – Всероссийский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК): сводки, отчеты, докладные записки и т.п. Из АП РК были привлечены для анализа материалы фонда 141 – Казкрайком ВКП(б), 1925–1937 гг. Одним из содержательных документов стал, в частности, доклад зам. председателя У. Кулумбетова о помощи беспризорным детям в Казахстане, где имеется материал о состоянии детдомов в республике и об их финансировании. Также в статье были использованы фонды областного архива (ГАКО): фонды 1п, 3п – областного и городского комитета компартии Казахстана; фонды 15, 18, 95 и др. – советов рабочих, казахских и др. депутатов и их исполкомы г. Караганды, Каркаралинска и др. Часть материала была использована из архивов фондов детских домов (Спасского, Компанейского и др.).

В частности, из фонда Карагандинского горкома ВКП(б) (фонд 3п, опись 1) мы получили информацию о состоянии борьбы с беспризорностью по Казахстану и области за 1932–1936 гг., об открытии детских домов и основных проблемах их функционирования. История Компанейского детского дома и Спасской трудовой колонии была отражена в фонде Карагандинского городского совета депутатов (фонд 15, опись 1). Состояние и положение детских домов в Казахстане было частично отражено в фонде отдела народного образования исполнительного совета Каркаралинского окружного совета (фонд 17, опись 1).

Для систематизации, сравнительного и компаративного анализа, а также для обобщения документальных и архивных материалов были применены вышеназванные общенаучные методы. Структурировать логически текст статьи способствовали системный и структурно-функциональный методы. Специально-исторический и количественный методы послужили для переработки нормативно-правовых, статистических, делопроизводственных и иных видов источников.

Многие архивные документы вводятся в научный оборот авторами работы впервые. На основе этих документов, применяя метод реконструкции, авторы стремились восстановить полную картину формирования детских домов в Казахстане. Сравнительно-исторический и историко-типологический методы помогли произвести сравнительный анализ положения детей в детдомах разных регионов. Ретроспективный метод способствовал выявлению схожих явлений изучаемого исторического периода.

3. Обсуждение

К проблеме советского детства, детдомовского детства активно обращались европейские исследователи. В 1990-х – начале 2000-х гг. интерес к советской детской проблематике возрастает (Ball, 1994; Kuhr, 1998 и др.). В западной историографии в 2000-х гг. следует выделить авторов, в чьих работах достаточно основательно исследовалась в разных контекстах и аспектах история детства в СССР: К. Келли (Келли, 2003; Kelly, 2008), К.А. Фриерсон (Frierson, 2015), Э.Б. Стоун (Stone, 2012), Э. Уайт (Уайт, 2020) и др. Некоторые европейские исследователи полагают, что сталинское правительство потерпело неудачу в своем советском эксперименте, направленном на превращение детдомовских детей в советских граждан (Wong, 2019). По мнению ряда авторов, процесс «осиротения» детей и, как следствие, рост беспризорности в СССР были связаны с государственной политикой (Фицпатрик, 2001). Интерес к советскому детству, беспризорности в СССР в 1920–1940-е гг. был проявлен в диссертационных исследованиях следующих российских авторов: В.М. Волохатовой (Волохатова, 2005), Н.В. Семиной (Семина, 2007), А.А. Славко (Славко, 2011), А.А. Карасевой (Карасева, 2015), и др. Активно изучаются проблемы российского детства в XX в. (Сальникова, 2007), вопросы государственной политики в СССР по отношению к детям (Смирнова, 2015), а также проблемы сиротства в советской России (Астоянц, 2007; Абельбейсов, Акимова, 2017 и др.). История российских детских домов и беспризорности изучается в региональном аспекте (Беспризорность на Урале, 2009; Ханипова, 2011; Тарасова, 2013 и др.).

В республиканской историографии значительная часть исследований заложена в пластах советских гуманитариев (педагогов, психологов, социологов и др.). В современной казахстанской историографии история советского детства в Казахской ССР историками начала разрабатываться в 2020-е гг. (Абдукаримова, 2022; Сактаганова, Шапагатова, 2023). Были опубликованы единичные работы по истории детских домов (Абильмаликов, Кутубаева, 2019; Кемелжанова, 2020; Тулбасиева, 2021).

4. Результаты

Созданная в 1921 г. Чрезвычайная комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИКе (Деткомиссия или ДТК ВЦИК) стала началом формирования системы детских учреждений в советской стране (Дети ГУЛАГа, 2002: 32-33). Проблемами детей (защита их прав, социальное обеспечение, устройство сирот и т.п.) занимались три Наркомата (Наркомат просвещения, Наркомат социального обеспечения, Наркомат здравоохранения) и Совет защиты детей. Данные структуры в своей деятельности зачастую дублировали функции друг друга (Смирнова, 2003: 486-528). К примеру, в докладе комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей сообщалось, что Совет защиты детей как особый и чрезвычайный орган, функционируя более двух лет, не дал результатов и превратился в придаток Наркомпроса (Дети ГУЛАГа, 2002: 37).

В результате состояние детского населения, оказавшегося без попечения родителей, было критическим. В отчетах ДТК в апреле 1921 г. были сделаны выводы по итогам проверок детских учреждений: помещения детучреждений не оборудованы, малы, грязны, уборные в некоторых из них не работают или отсутствуют. Процент заболеваемости громадный, уход за детьми ниже критики (Дети ГУЛАГа, 2002: 39).

Обозначенные проблемы не были решены и в 1930-е гг. Приведем ситуацию по Карагандинской области. Из протокола совещания работников детдома №1-2 с участием секретаря райкома и заведующим районо от 16 октября 1932 г. следовало, что состояние детдомов было в скверном положении. Детей не купали, пол никогда не мылся, дети спали на голых нарах. Зачастую взрослые дети избивали и отбирали кусок хлеба у менее слабых детей. Дети были вынуждены побираться на базарах и т.д. (ГАКО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1. Л. 232).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. была проведена реорганизация в финансировании детдомов: с государственного бюджета их передали местным бюджетам, в том числе, бюджетам предприятий (фабрикам, заводам, совхозам и др.). Из протокола заседания Карагандинского горкома ВКП (б) от 13 июня 1932 г. с вопросом «О ликвидации детской беспризорности»: решили произвести полный учет остающихся в Караганде детей и подготовить бывший заразный барак для приемки беспризорных (ГАКО. Ф. 3п. Оп. 1. Д. 26. Л. 57). Кроме того, согласно данному документу тресты «Карагандауголь» и «Казторг» обязаны были выделить для беспризорных белье и одежду. Работники всех областных организаций должны были произвести отчисления с заработной платы в помощь беспризорникам (ГАКО. Ф. 3п. Оп. 1. Д. 26. Л. 57). Таким образом, оказание помощи беспризорникам было возложено на местный бюджет и организации.

Несмотря на принимаемые меры со стороны государства, поток голодающих детей увеличился до такой степени, что детские учреждения не могли принимать сирот в силу их переполненности. Согласно материалам по деятельности ДТК ВЦИК только за два года (1931–1932 гг.) «контингент воспитанников в Уральской области возрос на 213 %, в Западно-Сибирском крае на 171%, на 63 % в Северо-Кавказском крае» (Карасева, 2015: 144).

Аналогичное положение было и в Казахской республике. 15 апреля 1933 г. на заседании бюро Карагандинского горкома ВКП(б) рассматривался вопрос «О положении откочевников», где отмечался большой наплыв откочевников и небывалый рост детской беспризорности. Бригады из комсомольцев собирали детей для распределения в детдома. Райкомендатура спецпоселков области организовала по городу и по шахтам облаву на бродячих детей спецпереселенцев (ГАКО. Ф. 3п. Оп. 1. Д. 45. Л.86-86об.).

Проследить количество детских домов и численность детей в Казахстане в начале 1930-х гг. можно по докладной записке представителя ДТК ВЦИК Президиуму о состоянии детдомов в КАССР от 3 апреля 1933 г. В ней сообщается: «положение беспризорных детей очень тяжелое. Приток до последнего времени не прекратился; он доходит до 60000 человек. На 1 апреля в детдомах было 57000–58000 детей и ориентировочно 2500–3500 нужно было подобрать детей с улицы» (ГАРФ. Ф.Р-1235. Оп. 141. Д. 1533. Л. 46).

Ситуацию в республиках с состоянием беспризорности на 1 июля 1933 г. отражают документы: «в связи с неурожаем... союзные республики (Казахская и УССР) 1933 г. характеризуются ростом детской беспризорности» (Беспризорность на Урале, 2009: 317). Анализ статистических данных показал, что в среднем контингент детей, охваченных детдомами в течение 8 месяцев (январь-август) 1933 г., в ряде регионов значительно возрос: в Северном крае – в 1,2 раза; в Северном Кавказе – в 3 раза; на Урале – в 1,3 раза; на Нижней Волге – в 2 раза; на Средней Волге – в 1,4 раза; в Западно-Сибирском крае – в 1,3 раза. К сожалению, здесь не приводятся полные сведения по численности детей и количеству детских домов, расположенных на территории Казахстана. Известно лишь только, что по состоянию на 1 августа 1933 г. контингент детей в детских домах насчитывал 61000 человек. Если учесть ранее приведенные данные от 1 апреля 1933 г. (57000-58000 детей) (Ашаршылык, 2021: 562), то и в Казахстане предположительно количество детдомовских детей значительно выросло.

В сравнении с другими регионами, краями и областями РСФСР Казахстан занимал первое место по количеству детдомовских детей. Данный факт не означал, что в Казахстане лучше была развита сеть детских учреждений. Это лишь подтверждает, что количество голодных и осиротевших детей в Казахстане было в разы больше, нежели чем в других вышеприведенных краях, регионах и областях.

Кроме того, необходимо учитывать, что большое количество голодных детей (нет точных данных) в силу отсутствия мест или переполненности учреждений по-прежнему оставалось на улице, а какая-то часть погибла от голода и холода. Уместно будет привести заявление политических ссыльных В.А. Иогансена, Ю.Н. Подбельского, О.В. Селиховой, П.А. Семенин-Ткаченко, А.Ф. Флегонтова в Президиум ВЦИК СССР от 1 февраля 1932 г., которое характеризует ситуацию в Павлодаре: «детские дома переполнены... По городу ежедневно встречаются десятками покинутые, замерзшие, истощенные, опухшие от голода дети всех возрастов. В «приюте» около 40 голодных детей валяются на полу и на печке в грязи и вони, в абсолютной темноте ходят под себя, плачут, а некоторые уже не в силах плакать, только стонут или хрипят» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5233. Л. 8).

Массовый наплыв голодающих детей был также зафиксирован и на территории Карагандинской области. Из заседания Президиума Карагандинского облисполкома от 7 апреля 1932 г.: «принято решение до 10 апреля организовать 16 новых детских домов и расширить контингент ныне существующих путем приема 1400 беспризорных детей. Их предполагалось распределить по городам и районам области: г. Петропавловск – 100 детей, г. Караганда – 140 детей, Кокчетавский – 100, Атбасарский – 90, Нуринский – 30, Тельманский – 60, Кургальджинский – 50, Жанааркинский – 40 детей и т.д.» (ГАКО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 22. Л. 60). По архивным документам только за три месяца (март-май) 1932 г. на территории Казахстана было открыто 79 детских домов (принято 9834 детей) и 1 приемник (50 мест). В частности, на территории Карагандинской области было организовано 18 детдомов с охватом 1617 детей; в Западно-Казахстанской области – 10 детдомов (837 детей); в Алма-Атинской области – 12 детдомов (2200 детей); в Актюбинской области – 2 детдома (330 детей); в Восточно-Казахстанской области – 37 детдомов (4850 детей) и 1 детприемник на 50 мест в Южно-Казахстанской области (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 149).

Из доклада члена ВЦИК, заместителя председателя СНК КАССР У. Кулумбетова от 1 октября 1933 г.: «контингент беспризорных детей по Казахстану в конце 1932 г. был 20700, резко увеличился к середине 1933 г., достигнув 71 тыс. учтенных детей. Охвачено детдомами 60 тыс. детей в 302 детдомах» (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1533. Л. 265). Таким образом, статистика свидетельствует, что только за шесть месяцев количество беспризорных детей (зарегистрированных) на территории Казахстана увеличилось в 3,5 раза (с 20 тыс. до 71 тыс.). Для содержания данного контингента функционировало 302 детдома с охватом более 60000 детей.

Материалы обследования в июле 1933 г. детдома в поселке Кокпектыв Восточно-Казахстанской области демонстрировали типичное состояние казахстанских детдомов. Дети спали на нарах и топчанах. Большинство детей не имело полотенец (48 из 327), один умывальник на всех, баков с кипяченой водой не было. Уборные загрязнены... (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1533. Л. 124). В документе с января 1933 г. зафиксирована заболеваемость – всего 423 случая болезни (129 %). На момент проверки было больных 240 детей (73,4 %): парша – 34, конъюнктивит – 31, туберкулезы разные – 24, поносы – 22, истощение – 66, резкое истощение с отеком – 13, гингивит (воспаление десен) – 38 детей и др. То есть в детдоме трое из четверых детей на момент обследования были больны. Умерло 72 ребенка (22 %). В детдоме в течение 5-6 месяцев в 1933 г. умер почти каждый четвертый ребенок. «Хлеба получали мало: дошкольники – 300 гр., школьники – 400 гр., подростки – 600 гр., мяса 80 гр., масла животного – 13 гр., крупы – 50 гр., сахару – 20 гр. ... Молоко давали только больным детям, только с чаем. Хищение продуктов сотрудниками Зелени дети не получают совсем, что способствует отдельным проявлениям цинги и пеллагры» (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1533. Л. 125-126). Сравнивая нормы питания детей в детдоме, заболеваемость и смертность, можно констатировать, что положение детей было ужасающим. В летний период (в июле) у детей в рационе не было растительной пищи («зелени»), трое из четверых были больными, и умер каждый четвертый ребенок в детском учреждении, находившемся на бюджетном финансировании в мирные годы. И это при том, что по решению СНК СССР в Казахскую АССР в мае 1933 г. было выделено 3 млн рублей на борьбу с беспризорностью и содержание детдомов (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 469. Л. 91).

Многие детские дома функционировали на балансе различных предприятий. К примеру, на счете Спасского завода числился Спасский детский дом. 24 марта 1934 г. на заседании Бюро Карагандинского горкома ВКП(б) выявилось, что на почве истощения, антисанитарного состояния жилищ и гигиены воспитанников, недостаточного медобслуживания с ноября 1933 г. умерло 155 детей. Из имевшихся 1995 воспитанников были здоровы только 365 (18,3 %). Были зафиксированы массовые заболевания кожными болезнями: чесотка – 553 (28 %) ребенка, трахома – 139 детей (7 %). Также зафиксировано отсутствие белья и полотенец, кроватей, тумбочек, умывальников, скамеек, посуды. В детдоме простыней всего у 30% детей, одеял хватает на 50%, один носовой платок на 40 детей. Воспитательная работа была заброшена (ГАКО. Ф. 3п. Оп. 1. Д. 53. Л. 137-138).

В тяжелых условиях находились воспитанники Компанейского детского дома. В 1935 г. на его балансе числилось 850 детей (429 мальчиков и 421 девочка). Количество детей дошкольного возраста составило 125 человек (15 %) (ГАКО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 145. Л. 62). В рационе питания детей Компанейского детдома отсутствовали хлеб, рыба, растительное масло, яйца, мука. Минимально дети получали крупы (2 %), мясо (23 %) и овощи (35 %), картофеля (87 %). Для нормального роста детей не хватало питательных веществ: белка, клетчатки, витаминов и минералов. Имея такой однообразный

и несбалансированный рацион питания, дети были обречены на истощение от голода и болезней. Весьма плачевной была ситуация с постельными принадлежностями. Из 850 детей теплым одеялом был снабжен только 521 ребенок (61 %); простынями были снабжены только 394 ребенка (23 %); подушками – 521 ребенок (61 %), наволочками – 425 детей (50 %), матрацами – 672 ребенка (79 %) (ГАКО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 145. Л. 63об.). Критическим была обеспеченность необходимыми вещами. Только 697 (или 82 %) детей были снабжены теплыми пальто; 78 % – шапками; 9 % – кепками; 44 % – ботинками; 51 % – валенками; 8 % – галошами; 39 % – костюмами, 15 % – нательным бельем, 18 % – носками и чулками. Перчаток, варежек, халатов, носовых платков не было. Дети дошкольного возраста не были обеспечены пальто, свитерами и нательным бельем (ГАКО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 145. Л. 63об.). Слабая обеспеченность необходимыми предметами быта и продовольствия списывалась в объяснительных документах на «неблагонадежных» бухгалтеров и сотрудников детдомов.

Компанийский детдом остро нуждался в опытных кадрах, был постоянный дефицит педагогов и воспитателей. Неоднократные обращения в городской отдел образования (гороно) предоставить людей заканчивались только обещаниями. Нехватка квалифицированных специалистов во всех инстанциях являлась общей тенденцией, гороно не мог предоставить сотрудников ввиду их отсутствия. Еще одной наболевшей проблемой Компанийского детдома было отсутствие квалифицированных медработников, что привело к всплеску детской заболеваемости. В отчетных материалах проверяющих комиссий делался вывод: «Небрежное отношение к обмундированию и имуществу является прямым следствием действий со стороны классово чуждых элементов, пробравшихся в детдома с целью подрыва их материально-производственной базы», а также «в связи с притуплением классовой бдительности со стороны руководителей районными организациями, в особенности, со стороны зав. детдомами» (ГАКО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 145. Л. 69-69об.).

В марте 1935 г. от Наркомздрава КазАССР Кулсартова была разослана телеграмма-инструкция во все облздравы. В ней сообщалось, что медицинское обслуживание детских домов продолжает находиться в неудовлетворительном состоянии. В большинстве случаев прикрепленные медкадры относятся к охране здоровья детей формально, лечебная работа не проводится. Результатом всего этого явился значительный рост заболеваний, особенно кожных и малярийных (ГАКО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 89).

Наркомздрав предлагал командировать врачебные бригады из городов с медикаментозными и перевязочными материалами. Предлагалось организовать профилактические прививки против оспы и брюшного тифа. За невнимательное отношение к детям руководители и медперсонал детдома должны были привлекаться к уголовной ответственности (ГАКО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 89). Несмотря на то что властями принимались меры по улучшению ситуации, они не давали результатов.

В 1934–1935 гг. была осуществлена работа по разгрузке детских домов путем передачи их воспитанников на учебу на предприятия, в колхозы и совхозы. К примеру, в 1934 г. в Казахстане в эти структуры было передано 13364 ребенка (ГАКО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 82). Большое количество детей-переростков наблюдалось по Южно-Казахстанской, Карагандинской и Восточно-Казахстанской областям. Из-за перегрузки детдомов и приемников подростков и «переростков» возвращали родителям или родственникам либо трудоустроивали на учебу на предприятия, в совхозы и колхозы. Данная работа правительством КазССР была возложена не только на деткомиссию, но и на органы НКВД и Наркомпроса.

В мае 1935 г. наблюдался наплыв беспризорных и безнадзорных детей в Казахстан из Западной Сибири, Куйбышевского края, Узбекистана и др. СНК КазАССР обязал облисполкомы в период с 20 мая по 5 июня 1935 г. изымать всех беспризорников по городам и железнодорожным станциям. Городским и районным отделам народного образования Южно-казахстанской, Восточно-Казахстанской и Алматинской областей было дано указание изымать беспризорников на станциях. Также было отправлено ходатайство СНК СССР обязать Узбекский СНК, Западносибирский и Куйбышевский райисполкомы, Оренбургский и Омский облисполкомы организовать заградительный пункты на пограничных с Казахстаном станциях и не допускать дальнейшего наплыва детей в Казахстан (ГАКО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 100). Как показала статистика по «отловленным» детям, в основном это были воспитанники из детских домов, которые не впервые проходили через приемник. К примеру, за IV квартал 1935 г. вагоном-приемником было зарегистрировано 853 ребенка. Из них 786 детей или 92 % ранее сбежали из детдомов. Причем среди них была зафиксирована повторность ухода: 151 случай – дважды бежавшие (17,7 %), 101 случай – трижды (12 %), 89 случаев – четырежды (10,4 %) и 261 случай – свыше пяти и более (30,6 %). Большинство побегов из детдомов было выявлено по Южно-Казахстанской (456 детей), по городу Алма-Ата (245 детей, 53,4 %) и Восточно-Казахстанской областям (85 детей, 10 %) (ГАКО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 101). Объясняли в отчетах бегство детей из детдомов государственные органы следствием некачественной воспитательной работой конкретных руководителей: «ребята не были окружены необходимыми заботой и уходом». Безусловно, такая причина имела место, но по факту не она была основной. Госорганы не считали эту проблему «системным сбоем». Из-за частых побегов воспитанников детдомов руководство Наркомпроса приняло решение применять репрессивные меры

вплоть до снятия с работы и привлечения к судебной ответственности в отношении завоблоно, завгороно и зав. детдомами (ГАКО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 102).

Положение в детдомах было безобразным по всей республике, это зафиксировано в докладных записках Президиуму ДТК ВЦИК о состоянии детдомов в КАССР. В отчетах писали: детдома в громадном своем большинстве не могут называться детдомами, ибо они ниже всякой критики. Помещения не приспособлены, переполнены выше всяких мер, а отдельные детдома просто ужасны. Постельные принадлежности являются редкостью в этих домах; одежда и обувь отсутствуют, на детей – по одной рубашонке, смены нет, спят на голом полу, «1 кошма является роскошью, перевозят детей в детдома или баню как дрова, покрытые кошмами, одеялами или другим тряпьем. Питание детей местами просто преступное» (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1533. Л. 46).

Фактически проблема носила системный, государственный характер. Это тоже зафиксировано в документах. Наряды на питание даны урезанные, поздно и часто необеспеченные фондами. Не было никакого контроля за отпуском продуктов и за их расходом в детдомах. «Финансирование детдомов просто издевательское, например, за 1932 г. детдома получили из причитающегося ассигнования от всех источников Казахстана вместо 4.579.000 руб., принятых Правительством Казахстана, только 1.545.000 руб. или 33,9 %. Вся тяжесть финансирования Казахское правительство переложило на средства Деткомиссии ВЦИК, которая перевела в 1932 г. вместе с миллионом фонда имени Ленина 3.524.000 р. и краевого ДТК 500.000 (с лишком) руб., что представляет сумму более четырех миллионов руб., которые КазНаркомфин вложил в Казбюджет и средствами центра покрывал бюджеты Казахстана, а средства Края отсутствовали, что и явилось колоссальным финансовым прорывом, а в отдельных детдомах – просто катастрофой». Детдома остались без оборудования, без топлива, а дети без одежды, белья, обуви и постели, а часто и без продуктов питания, так как даже те крохи, которые доходили до детского дома, нечем было выкупить, в результате чего «в громадном количестве детдомов большая смертность детей, а о воспитании уже и говорить не приходится. Кроме того, при той косности и бездушии КазНаркомпроса и его органов на местах к беспризорным детям, у меня нет никакой уверенности в том, что отпущенные Деткомиссией ВЦИК средства не пошли на другие цели и не расхищались» (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1533. Л. 46-460б.).

Попытку решить проблему с беспризорностью как массовым явлением в СССР и структурировать детские учреждения государство предприняло в середине 30-х гг. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» (31 мая 1935 г.), в котором были утверждены новые типы детучреждений (Дети ГУЛАГа, 2002: 184). Тогда же были разработаны инструкции с алгоритмом приема в детдома Наркомпроса через/из детприемников НКВД (ГАКО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 51. Л. 26). Согласно документу в детдома принимали нормальных и трудновоспитуемых детей, лишенных средств к существованию в возрасте 4-14 лет. В детские дома Наркомпроса не принимались дети-правонарушители и рецидивисты в возрасте старше 12 лет; больные дети, которым требовалось длительное лечение, и инвалиды; дети, имеющие родителей или родственников. Таким образом, закрепилась новая система, распределившая детучреждения между четырьмя наркоматами (Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомсобес и НКВД СССР). В детдомах и детских колониях был прописан трудовой режим. Подростки старше 14 лет направлялись в ФЗУ, совхозы, МТС, на сельхоз- и промышленные предприятия для овладения профессией и дальнейшей работы (Дети ГУЛАГа, 2002: 184). Но, с другой стороны, такое распределение детей между четырьмя наркоматами вносило определенную путаницу, так как каждое ведомство разрабатывало свои положения и правила в отношении детей и их содержания. Зачастую дети становились «разменной монетой», когда ведомства не могли между собой определить степень своей ответственности.

Несмотря на предпринятые новшества, положение в детдомах не изменилось. Рассмотрим ситуацию на примере Компанейского детдома. В письме от председателя Карагандинского горсовета Курпебаева, адресованном на имя секретаря обкома ВКП(б) Аммосова от 28 марта 1936 г., отмечалось, что в бараках грязно, большая скученность воспитанников в домах (на 1 ребенка 1 кв.м.), и дети спят по два человека на одной койке. Постельных принадлежностей недостаточно, а имеющиеся в большинстве своем пришли в негодность, требуется 1525 шт. простыней, 1364 шт. наволочек, 269 шт. матрацев, 179 шт. одеял, 731 полотенце (ГАКО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 149. Л. 251). Дети ходили в ветхой и изношенной одежде. Из документа следовало, что не хватало верхних и нижних рубашек – 1240 шт., брюк – 99 шт., кальсон – 951 шт., рубашек для девочек – 198 шт., панталон – 842 шт., платьев для девочек – 535, кофточек – 162, юбок – 99 шт., фуражек – 731 шт. (ГАКО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 149. Л. 251).

Ситуация по другим детдомам Казахстана была аналогичной. Из письма заместителя председателя Деткомиссии ВЦИК К. Савченко, адресованного председателю деткомиссии при КазЦИКе Кулумбетову от 20 марта 1936 г., следовало, что детский дом №3 в Кызыл-Орде недополучил финансирование. Вместо положенных за январь 16800 руб. детдом получил всего 4213 руб., что меньше в 4 раза. Детдом не имел других источников поступления, соответственно, его сотрудники остались без заработной платы, а дети – без еды. В Жана-Курганском детдоме дети жили в тяжелых условиях, не хватало постельных принадлежностей, белья, одежды, обуви, спали на кровати по два человека (Дети Гулага, 2002: 211).

На заседании СНК КазАССР от 19 мая 1936 г. рассматривался вопрос «О состоянии детдомов Казахской АССР» (ГАКО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 106. Л. 46-47), где Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомсобес, Наркомфин, облисполкомы и горсоветы были обвинены в халатности и безответственности. Из-за несвоевременного финансирования детские дома недополучали положенные средства: в 1935 г. – 6271 руб., в первом квартале 1936 г. – 3800 руб. Особенно плохо финансировались детдома в Южной и Карагандинской областях. Причем средства, направляемые из центра специально в детские дома, на местах частично расходовались не по прямому назначению. И, как следствие, материальное обеспечение детских домов было крайне низким. В детдомах отсутствовало должное количество одежды, обуви, кроватей и постельных принадлежностей (Карсакапайский, Жаныбекский, Туркестанский, Компанейский, Баян-Аульский и Семипалатинский детдома). Питание детей в ряде детдомов было скудным, недостаточным, ниже установленных норм и однообразным.

В детских домах нередко были случаи краж и растрат (детгородок №2 г. Алма-Ата, Кармакчинский детдом в Южно-Казахстанской области и др.). Катастрофическим был дефицит врачей и медицинского персонала, особенно в детдомах Южно-Казахстанской, Актюбинской и Карагандинской областей. Также в документе было отмечено: во многих детдомах дети жили в антисанитарных условиях, больных (заразных) детей содержали без надлежащей медицинской помощи, число болевших детей из месяца в месяц возрастало, а иногда поголовно заболевали все воспитанники детдомов (детдома Южно-Казахстанской области, детгородок №1 г. Алма-Ата). В детдомах была очень высокая скученность, а помещения нуждались в ремонте. Детям приходилось спать по двое, а в отдельных случаях и по трое на одной кровати (Арысский, Щучинский, Атабайский детдома и др.) (ГАКО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 106. Л. 46). По данному вопросу на заседании СНК КазССР было принято постановление, что если директора детдомов не ликвидируют свои проблемы, то будут привлечены к уголовной ответственности и отданы под суд.

Зафиксированы в архивных документах и благополучные факты детдомовской жизни, но их крайне мало. Это, скорее, исключение из правил. В докладной зампреда ДТК ВЦИК Савченко в качестве единичного примера дан «хороший образец работы в детдоме №4 г. Алма-Ата тов. Мартыновой Анны Филимоновны – заведующей детдомом (дошкольным) с 96-ю детьми здоровыми, радостными, одетыми и обутыми». И далее он отмечал, что дети в этом детдоме «давно забыли о вшах, чесотке, парше и т.п. прелести, живущей в детдомах» (ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1533. Л. 460б.).

Положение в детских домах находилось под прямым контролем республиканского правительства. Осенью 1936 г. директора детдомов, которым было сделано замечание, должны были отчитаться по решению своих проблем. В частности, 6 октября 1936 г. на заседании СНК КазССР был приглашен директор Компанейского детдома Архипов, который отчитывался по вопросу «О состоянии Компанейского детдома Карагандинской области». В целом СНК отметил, что за полгода положение детдома сравнительно улучшилось: был закончен ремонт жилого помещения, переоборудованы столовые, построена баня. Детей постарались обеспечить одеждой и обувью, постельными принадлежностями. Но также были отмечены и минусы: дети дошкольного возраста не были переданы в дошкольные детдома, а дети-переростки не трудоустроены; заразные больные дети (трахоматозные, лишайные) до 25 человек находились в детдоме; 280 детей ночью спали по 2-3 человека вместе, на одной койке; дети не были полноценно обеспечены умывальниками, тазиками, зубными щетками и т. д. (ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 52. Л. 15).

В апреле 1937 г. на заседании облисполкома был рассмотрен вопрос «О состоянии детдомов Карагандинской области», где президиум констатировал, что состояние детдомов области, как в отношении материального обеспечения воспитанников, так и в отношении постановки учебно-воспитательной работы осталось неудовлетворительным. В ряде детдомов по-прежнему имелись топчаны, соломенные подушки и матрацы, отсутствовали тумбочки и шкафы, некоторые детдома не были приведены в культурный вид (ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 43. Л. 220б.).

В отечественной истории 1937-1938 гг. это период «большого террора», который сопровождался проведением целых серий операций, направленных на выявление «врагов народа». Поиск и наказание «вражеских элементов» осуществлялся везде, в том числе и в системе детских учреждений. Любые просчеты и неудачи списывались на деятельность различных «вражеских организаций». Их членов арестовывали и внесудебными органами («двойки», «тройки») приговаривали к расстрелу без возможности обжалования приговора.

Приведем в качестве примера фрагмент архивного документа (из приложения к протоколу №26 заседания бюро обкома партии по вопросу «О Каркаралинском детдоме» от 16 августа 1937 г.): «Вредительская организация, орудовавшая в бывшем Каркаралинском округе, возглавляемая контрреволюционной бандой Нурсейтова-Асылбекова вела свою подрывную работу..., в частности, в детских учреждениях». Проверка Каркаралинского детского дома установила: «пролезшие в детдом классовые враги, длительный период безнаказанно проводили свою вредительскую работу. Были выявлены факты избияния детей директором, воспитателями и техперсоналом, заключения детей в холодный подвал, спуск их в реку со связанными руками и других издевательств. Широко практиковались угрозы и запугивания». В детдоме систематически разбазаривались большие средства, продукты и скот. «Вся эта преступная деятельность не была своевременна разоблачена,

представитель облоно Т[...] сознательно скрывал состояние детдома и сам участвовал в преступлениях» (ГАКО. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 20. Л. 124). Таким образом, причина всех проблем была обозначена – это «вражеская организация», которая «умышленно вредила» советскому строю. Условия в детдомах не изменились, но для власти было важнее и проще найти виновных и организовать над ними показательный судебный процесс. Что и было сделано по делу Каркаралинского детдома: зав.сектором детдомов облоно Т[...], директор детдома Ж[...], воспитатели Б[...] и К[...], завхоз А[...] были сняты с работы и преданы суду. Но положение детей, их снабжение, питание и др. в детдоме принципиально не изменилось.

Как следствие выполнения оперативного приказа НКВД СССР №00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины» резко выросло число арестов жен – ЧСИР и, соответственно, рост безнадзорного и беспризорного детского контингента из репрессированных семей (Дети ГУЛАГа, 2002: 234–238). «Социально опасные» дети из таких семей (по формулировкам сталинских 30-х гг.) отправлялись в различные детские учреждения в зависимости от возраста и других характеристик; передавались в исправительно-трудовые лагеря, трудовые детские колонии, детдома особого режима Наркомпросов республик. Значительная часть детей, выживших в детских учреждениях казахстанских лагерей ГУЛАГа, передавались после 4 лет в детские дома: Компанейский, Литвинский, Пионерский, Осакаровский и др. Записывать в личное дело ребенка, что он рожден, например, в Карлаге, запрещалось. В документах иногда были записаны матери, а данные по отцу нередко отсутствовали. В редких архивных книгах детдомов в сведениях о родителях указывалось «временно отсутствуют» либо ставился прочерк. Выяснить, сколько и какие дети прибыли в детдома из исправительно-трудовых лагерей, фактически невозможно. Поток детей, «членов семей изменников родины», ухудшил и без того сложное положение с условиями жизни в детдомах.

Из архивных документов конца 1930-х гг.: условия жизни воспитанников детских домов Осакаровского, Компанейского были неудовлетворительными... Нехватка ощущалась во всем: в питании, в одежде и обуви, в мягком и твердом инвентаре, учебниках и школьных принадлежностях, топливе, а также педагогах и воспитателях. При проверке одного из детских домов Карагандинской области поселка Осакаровка было выявлено: санитарное состояние неудовлетворительное. «В помещении, где находятся дети, холодно, душно, грязно, особенно в коридоре. Белья 1–1,5 смены и то ветхое, большинство детей спят без простыней, на одном матрасе. При проверке детей обнаружена завшивленность 10–15 %, единичные случаи чесотки». Питание детей было недостаточным. Овощи заготовлены, но все заморожены, не подготовлено своевременно овощехранилище. Изолятора не было, заболевшего воспитанника изолировали в комнату медсестры. Воспитательная работа велась слабо, комнаты для занятий с воспитанниками не было. «В кухне пар, сырость, темно. Обработка продуктов и приготовление пищи происходит в одной комнате. Раздевалка сотрудников помещается в кухне» (ГАКО. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1. Л. 221).

5. Заключение

Таким образом, резюмируя основные причины ужасающего состояния детских домов в КазАССР – КазССР, отметим, что они носили системный характер. В политике государства были проблемы решения вопросов о «государственных» детях, в том числе вопросов обеспечения детских домов. Отсутствовало достаточное бюджетное финансовое снабжение детдомов, отсутствовал надлежащий контроль за расходованием финансов и снабжением детских домов на всех уровнях. Проблема заключалась в некавалифицированном кадровом составе работников детдомов (за редким исключением), в низком уровне жизни в республике в целом, тотальном продуктовом и вещевом дефиците и т.п. Эти же проблемы в детских домах по Союзу в целом останутся нерешенными и в 1940–1950-е гг.

Из-за тяжелой социально-экономической ситуации в стране в 1930-е гг. (коллективизация, голод и его последствия) детские учреждения (детдома) крайне неудовлетворительно снабжались топливом, продуктами питания, одеждой, бытовым инвентарем, школьными принадлежностями. Педагоги, воспитатели, сотрудники, персонал детдомов получали мизерные зарплаты, шли работать в эти детучреждения нередко некавалифицированные сотрудники. Были зафиксированы в источниках случаи грубого обращения, рукоприкладства, физических наказаний по отношению к детям, в 1930-е гг. ни государственные структуры, ни республиканские/местные отделы образования, здравоохранения, ни сотрудники детских домов фактически не решали вопросы улучшения условий проживания детей в детских учреждениях. Катастрофическое состояние детских домов, условия проживания в них вызывали массовые случаи бегства подростков из детдомов, что увеличивало рост беспризорности. Беспризорные и безнадзорные дети/подростки объединялись/включались в преступные банды, занимались бродяжничеством, проституцией, попрошайничали на улицах. Меры государства по изменению ситуации в детдомах проблему не решили.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР14871138 «Дети ГУЛАГа: из истории казахстанских лагерей и спецпоселений» (ГФ МНВО РК) на 2022–2024 гг.

Литература

- Абдукаримова, 2022** – *Абдукаримова Ж.К.* Советское детство в годы войны (1941–1945 гг.): история и повседневность (на материалах Центрального Казахстана): дисс. докт. PhD. Караганда, 2022. 249 с.
- Абельбейсов, Акимов, 2017** – *Абельбейсов В.А., Акимов Л.В.* Проблемы сиротства в российском обществе: история и современность. М.: Библио-глобус, 2017. 158 с.
- Абильмаликов, Кутубаева, 2019** – *Абильмаликов К.К., Кутубаева А.К.* Костанайский областной детский дом: прошлое и настоящее (в 2-х частях). Исторический очерк. Костанай: Костанайский государственный педагогический институт, 2019. 201 с.
- АП РК** – Архив Президента Республики Казахстан.
- Астоянц, 2007** – *Астоянц М.С.* Мир сиротства в советской и постсоветской России. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2007. 204 с.
- Ашаршылык, 2021** – *Ашаршылык. Голод. 1928–1934.* Документальная хроника. Сб. док. А97 Т.3. 1932–1934 / Отв. редактор Б. Әбдіғалиұлы. Нур-Султан, 2021. 1027 с.
- Беспризорность на Урале, 2009** – *Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.:* Сборник документов и материалов / Сост. Г. Е. Корнилов, И. А. Лаврова. Екатеринбург: ИИиАУрО РАН; Изд-во АМБ, 2009. 737 с.
- Волохатова, 2005** – *Волохатова В.М.* Сиротские учреждения советской России: история становления и современность: дисс. канд. ист. наук. М., 2005. 171 с.
- ГАКО** – Государственного архива Карагандинской области.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Дети ГУЛАГа, 2002** – *Дети ГУЛАГа. 1918–1956.* Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. С.С. Виленский и др. М.: МФД, 2002. 631 с.
- Карасева, 2015** – *Карасева А.А.* История функционирования и развития систему детских домов РСФСР в 1929–1941 гг.: дис. канд. ист. наук. Москва, 2015. 424 с.
- Келли, 2003** – *Келли К.* «Маленькие граждане большой страны»: Интернационализм, дети и пропаганда // *Новое литературное обозрение.* 2003. № 60. С. 218-251.
- Кемелжанова, 2020** – *Кемелжанова Г.К.* Становление и развитие детских домов в 1920–1940-е годы в Казахстане // *Молодой ученый.* 2020. № 23 (313). С. 616-620.
- Сактаганова, Шапагатова, 2023** – *Сактаганова З.Г. Шапагатова Д.Д.* Детские дома в Центральном Казахстане в 1954–1964 гг.: организационная структура, функционирование, условия проживания // *Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение.* 2023. №2 (143). С. 86-107.
- Сальникова, 2007** – *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 225 с.
- Семина, 2007** – *Семина Н.В.* Борьба с детской беспризорностью в 1920 – 1940-е гг. в России (на примере Пензенского региона). дис. канд. ист. наук. Пенза, 2007. 248 с.
- Славко, 2011** – *Славко А.А.* Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы. дис. докт. ист. наук. Самара, 2011. 488 с.
- Смирнова, 2003** – *Смирнова Т.М.* Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1912–1924 гг.) // *Социальная история.* Ежегодник 2001–2002. М., 2003. С. 486-528.
- Смирнова, 2015** – *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни 1917–1940 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив. 2015. 401 с.
- Тарасова, 2013** – *Тарасова Л.Я.* Деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Алтайском крае (1941-1945 гг.): дисс. канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 165 с.
- Тулбасиева, 2021** – *Тулбасиева С.К.* Из истории детских домов и трудколоний: в советском Казахстане в 1920-1930-е гг. // *Вестник «Исторические и социально-политические науки».* 2021. №3. С. 78-82.
- Уайт, 2020** – *Уайт Э.* Современная история российского детства: от Позднего имперского периода до распада Советского Союза. Серия «История современной России в Блумсбери». Лондон: Издательство Блумсбери, 2020. 224 с.
- Фицпатрик, 2001** – *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОСПЭН, 2001. 336 с.
- Ханипова, 2011** – *Ханипова И.И.* Проблема беспризорности детей в ТАССР В 30-е годы XX века // *Ученые записки Казанского университета.* Гуманитарные науки. Т. 153, кн. 3. 2011. С. 172-182.
- Ball, 1994** – *Ball A.M.* And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918-1930. Berkeley: University of California Press, 1994.
- Frierson, 2015** – *Frierson C.A.* Silence Was Salvation: Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union. New Haven: Yale University Press, 2015. 267 p.
- Kelly, 2008** – *Kelly C.* Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991. Yale University Press, 2008. 736 p.

- Kuhr, 1998** – *Kuhr C.* Children of «enemies of the people» as victims of the Great Purges // *Cahiers du Monde Russe Année.* 1998. Pp. 209-220.
- Stone, 2012** – *Stone A.B.* Growing up Soviet? The Orphans of Stalin's Revolution and Understanding the Soviet Self. Phd diss, University of Washington, 2012.
- Wong, 2019** – *Wong S.* The Failure of Soviet Orphan Policies, 1918-1939 // *Armstrong Undergraduate Journal of History.* 2019. Is. 2. Article 5.

References

- Abdukarimova, 2022** – *Abdukarimova, Zh.K.* (2022). Sovetskoe detstvo v gody vojny (1941-1945 gg.): istoriya i povsednevnost' (na materialah Central'nogo Kazahstana) [Soviet childhood during the war years (1941-1945): history and everyday life (based on materials from Central Kazakhstan)]: diss. dokt. PhD. Karaganda, 249 p. [in Russian]
- Abel'bejsov, Akimova, 2017** – *Abel'bejsov, V.A., Akimova, L.V.* (2017). Problemy sirotstva v rossijskom obshchestve: istoriya i sovremennost' [Problems of orphanhood in Russian society: history and modernity.] M.: Biblio-globus, 158 p. [in Russian]
- Abil'malikov, Kutubaeva, 2019** – *Abil'malikov, K.K., Kutubaeva, A.K.* (2019). Kostanajskij oblastnoj detskij dom: proshloe i nastoyashchee (v 2-h chastyah). Istoricheskij ocherk. [Kostanay regional orphanage: past and present (in 2 parts). Historical sketch.] Kostanaj: Kostanajskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 201 p. [in Russian]
- AP RK** – Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan].
- Asharshylyk, 2021** – *Asharshylyk. Golod. 1928 – 1934. Dokumental'naya hronika.* [Asharshylyk. Hunger. 1928 – 1934. Documentary chronicle]. Sb. dok. A97 T.3. 1932-1934. Nur-Sultan, 2021. 1027 p. [in Russian]
- Astoyanc, 2007** – *Astoyanc, M.S.* (2007). Mir sirotstva v sovetskoj i postsovetskoj Rossii [The world of orphanhood in Soviet and post-Soviet Russia]. Rostov-na-Donu: IPO PI YUFU, 204 p. [in Russian]
- Ball, 1994** – *Ball, A.M.* (1994). And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918-1930 Berkeley: University of California Press.
- Besprizornost' na Urale, 2009** – *Besprizornost' na Urale v 1929-1941 gg.: Sbornik dokumentov i materialov* [Homelessness in the Urals in 1929-1941: Collection of documents and materials]. Sost. G.E. Kornilov, I.A. Lavrova. Ekaterinburg: IliAURO RAN; Izd-vo AMB, 2009. 736 p. [in Russian]
- Deti GULAGA, 2002** – *Deti GULAGA. 1918-1956* [Children of the Gulag. 1918-1956]. Pod red. akad. A.N. Yakovleva. Sost. S.S. Vilenskij i dr. M.: MFD, 631 p. [in Russian]
- Ficpatrik, 2001** – *Ficpatrik, Sh.* (2001). Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city]. M.: ROSSPEN, 336 p. [in Russian]
- Frierson, 2015** – *Frierson, C.A.* (2015). Silence Was Salvation: Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union. New Haven: Yale University Press, 267 p.
- GAKO** – Gosudarstvennogo arhiv Karagandinskoj oblasti. [State Archives of the Karaganda Region].
- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Hanipova, 2011** – *Hanipova, I.I.* (2011). Problema besprizornosti detej v TASSR V 30-e gody XX veka [The problem of homelessness of children in the TASSR in the 30s of the XX century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* T. 153, kn. 3. Pp. 172-182. [in Russian]
- Karaseva, 2015** – *Karaseva, A.A.* (2015). Istoriya funkcionirovaniya i razvitiya sistemy detskih domov RSFSR v 1929 – 1941 gg.) [History of the functioning and development of the system of orphanages of the RSFSR in 1929 – 1941]: dis. kand. ist. nauk. M., 424 p. [in Russian]
- Kelli, 2003** – *Kelli, K.* (2003). «Malen'kie grazhdane bol'shoj strany»: Internacionalizm, deti i propaganda. [“Little citizens of a big country”: Internationalism, children and propaganda]. *Novoe literaturnoe obozrenie.* 60: 218-251. [in Russian]
- Kelly, 2008** – *Kelly, C.* (2008). Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991. Yale University Press, 736 p.
- Kemelzhanova, 2020** – *Kemelzhanova, G.K.* (2020). Stanovlenie i razvitie detskih domov v 1920–1940-e gody v Kazahstane [Formation and development of orphanages in the 1920–1940s in Kazakhstan]. *Molodoj uchenyj.* 23(313): 616-620. [in Russian]
- Kuhr, 1998** – *Kuhr, C.* (1998). Children of «enemies of the people» as victims of the Great Purges. *Cahiers du Monde Russe Année.* Pp. 209-220.
- Saktaganova, Shapagatova, 2023** – *Saktaganova, Z.G. Shapagatova, D.D.* (2023). Detskie doma v Central'nom Kazahstane v 1954-1964 gg.: organizacionnaya struktura, funkcionirovanie, usloviya prozhivaniya. [Orphanages in Central Kazakhstan in 1954-1964: organizational structure, functioning, living conditions]. *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva.* Seriya Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie. 2(143): 86-107. [in Russian]

- Sal'nikova, 2007 – *Sal'nikova, A.A.* (2007). Rossijskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya. [Russian childhood in the 20th century: history, theory and research practice]. Kazan': Kazanskij gos. un-t, 255 p. [in Russian]
- Semina, 2007 – *Semina, N.V.* (2007). Bor'ba s detskoj besprizornost'ju v 1920-e – 1940-e gg. v Rossii (na primere Penzenskogo regiona). [The fight against child homelessness in the 1920s – 1940s. in Russia (using the example of the Penza region).] dis. kand. ist. nauk. Penza, 248 p. [in Russian]
- Slavko, 2011 – *Slavko, A.A.* (2011). Detskaya besprizornost' i beznadzornost' v Rossii konca 1920-h - nachala 1950-h godov: social'nyj portret, prichiny, formy bor'by [Child homelessness and neglect in Russia in the late 1920s – early 1950s: social portrait, causes, forms of struggle]: dis. dokt. ist. nauk. Samara, 488 p. [in Russian]
- Smirnova, 2003 – *Smirnova, T.M.* (2003). Deti Sovetskoj Rossii (po materialam Detkomissii VCIK. 1921–1924 gg.) [Children of Soviet Russia (based on materials from the Children's Commission of the All-Russian Central Executive Committee. 1921–1924)]. Social'naya istoriya. Ezhegodnik 2001-2001. M. Pp. 486-528. [in Russian]
- Smirnova, 2015 – *Smirnova, T.M.* (2015). Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoi politiki k realiyam povsednevnoj zhizni 1917-1940 gg. [Children of the Land of the Soviets: from state from policy to the realities of everyday life 1917-1940]. M.: Centr gumanitarnyh iniciativ. 401 p. [in Russian]
- Stone, 2012 – *Stone, A.B.* (2012). Groving up Soviet? The Orphans of Stalin's Revolution and Understanding the Soviet Self. Phd diss, University of Washington.
- Tarasova, 2013 – *Tarasova, L.Ya.* (2013). Deyatel'nost' gosudarstvennyh i obshchestvennyh organizacij po likvidacii detskoj besprizornosti i beznadzornosti v Altajskom krae (1941-1945 gg.) [Activities of state and public organizations to eliminate child homelessness and neglect in the Altai Territory (1941-1945)]: diss. kand. ist. nauk. Barnaul, 165 p. [in Russian]
- Tulbasieva, 2021 – *Tulbasieva, S.K.* (2021). Iz istorii detskih domov i trudkolonij: v sovetskom Kazahstane v 1920-1930-e gg. [From the history of orphanages and labor colonies: in Soviet Kazakhstan in the 1920-1930s]. *Vestnik «Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki»*. 3: 78-82. [in Russian]
- Uajt, 2020 – *Uajt, E.* (2020). Sovremennaya istoriya rossijskogo detstva: ot Pozdnego imperskogo perioda do raspada Sovetskogo Soyuza. [Modern history of Russian childhood: from the Late Imperial period to the collapse of the Soviet Union]. Seriya «Istoriya sovremennoj Rossii v Blumsberi». London: Izdatel'stvo Blumsberi, 224 p. [in Russian]
- Volohatova, 2005 – *Volohatova, V.M.* (2005). Sirotskie uchrezhdeniya sovetskoj Rossii: istoriya stanovleniya i sovremennost': diss. kand. ist. nauk. [Orphan institutions of Soviet Russia: history of formation and modernity] M., 171 p. [in Russian]
- Wong, 2019 – *Wong, S.* (2019). The Failure of Soviet Orphan Policies, 1918-1939. *Armstrong Undergraduate Journal of History*. 2. Article 5.

К истории формирования детских домов в Казахстане в 1930-е годы

Зауреш Галимжановна Сактаганова ^a, Кымбат Казалиевна Абдрахманова ^a,
Жанна Сабитбековна Мажитова ^b, Сауле Карибаевна Удербаета ^{c,*}

^a Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Республика Казахстан

^b Медицинский университет Астана, Республика Казахстан

^c Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

Аннотация. В работе анализируется история советских детских домов в 1930-е годы на материалах Центрального Казахстана. Особое внимание уделяется источнику поступления детей в детские дома, режиму их содержания, формам финансирования детских учреждений. Рассматривается степень оснащения детских учреждений продовольственными и хозяйственными товарами. Авторами была предпринята попытка определить количество детских домов и численность детей-воспитанников как в целом по Казахстану, так и по Карагандинской области в 1930-е годы. На основе архивных материалов была воссоздана картина повседневной жизни детского дома. Авторы приходят к выводу, что рост количества детских домов и беспризорности в Казахстане в начале 1930-х гг. был связан с резким увеличением контингента голодающих людей, а с середины 1930-х г. – с потоком спецпоселенцев и с жертвами политических репрессий. Тяжелое положение в детских домах приводило к бегству их воспитанников, что только увеличивало рост беспризорности. Источниковой базой исследования стали архивные документы из фондов ГАРФ, АП РК, ГАКО, а также материалы из сборников документов по данной проблеме. Многие из них вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: детский дом, Детская комиссия, Компанейский детский дом, Спасская трудовая колония, детская беспризорность, условия содержания, детская смертность.

* Корреспондирующий автор

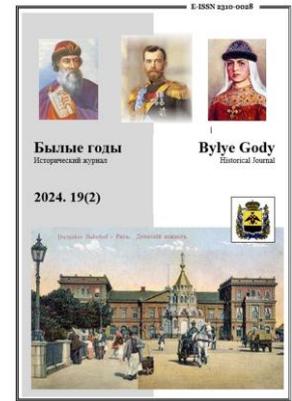
Адреса электронной почты: saule-uderbaeva@mail.ru (С.К. Удербаета)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 976-987
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.976

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Source Study Analysis of Archival Materials of the History of the Mechanism and Consequences of Economic Companies Kazakh ASSR in the 30s of the XX century

Gulnazia Zhakupova ^{a, *}, Rustem Kamshat ^b, Gulzagira Oten ^c, Nurdina Tursynbek ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Republic of Kazakhstan

^c O. Zhanibekov South Kazakhstan Pedagogical University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The intrinsic value of a set of archive materials will contribute to the disclosure of potential information on the history of economic companies the Kazakh ASSR (Kazakh Autonomous Socialist Soviet Republic) in the 30s of the XX century and the scientific preparation for the publication of declassified documentary heritage. A set of archival documents was formed during the period of these companies. For the first time, a source analysis of archival documents in Arabic script (tote jazuz) and eyewitness memories (formed as a result of the expedition) are being carried out. Attention is focused on the information of the United State Political Administration (OGPU), which is available in many funds at various levels of government and reveals business companies in all aspects. The objectives of the study are to conduct a source analysis of a complex of archival materials and assess their potential. The research materials are documents from archival institutions of the Republic of Kazakhstan: Central State Archive (CSA RK), Presidential Archive (PA RK), State Archive of the Alma-Ata Region. Interpret scientific discourse based on its importance for the source study analysis in the following direction: basis of the origin of state record-keeping; scientific study of record-keeping documents; nature of the command-administrative system; problems of declassifying archive materials; language of the text of archive documents. Classify record-keeping materials, documents in Arabic script (tote zhazu). Identify the impact of the implementation of economic companies Kazakh ASSR in the 30s of the XX century on the evolution of varieties and the content of archive materials. Assess their information potential as a comprehensive source base for studying the mechanism and consequences of economic companies in individual regions of Kazakh ASSR, the process of migration and re-emigration of the Kazakh population, widespread famine, and the situation of children.

Keywords: economic companies, sovietization, Arabic script, eyewitness memories, widespread famine, settlement of the Kazakhs, collectivization, special reports, decampment, re-emigration.

1. Введение

Длительное время на изучение проблем хозяйственных компаний Казахской АССР в 30-е годы XX века в исторической науке было табу, и архивные материалы были засекречены. На современном этапе актуальность изучения особенностей комплекса архивных материалов по данному периоду истории обусловлена тем, что в казахстанской исторической науке происходит расширение стратегий научных исследований в этом направлении, а также активно публикуются сборники рассекреченных архивных документов. С 1991 года по этому периоду опубликованы тематические сборники архивных материалов научными, архивными учреждениями и вузами Республики Казахстан. Однако комплексного источниковедческого анализа архивных материалов по истории хозяйственных компаний недостаточно. Понимание природы архивных документов способствуют определению

* Corresponding author

E-mail addresses: gulnaztolgaevna777@gmail.com (G. Zhakupova)

целеполагания в исследовательских изысканиях, способов научного познания и археографического описания при их публикации. Верно отмечает Е.В. Старостин: «...любая история должна писаться на базе архивных документов, и чем глубже исследователь войдет в архивный мир, чем шире будет охват источников, чем совершенней будет методика, тем ближе он окажется к правде» (Старостин, 2007). Целью данной статьи является проведение источниковедческого анализа комплекса архивных документов и определение их потенциала по истории хозяйственных компаний Казахской АССР в 30-е годы XX века.

2. Материалы и методы

В исследовании используются выявленные архивные материалы государственных, областных архивных учреждений Республики Казахстан. Из Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан) проанализированы документы из Фонда 30. Фондообразователем является Совет Народных Комиссаров КАССР. Из архива президента Республики Казахстан (Алматы, Казахстан) исследованы материалы 141 фонда, фондообразователь – Казахский Краевой комитет Российской коммунистической партии (большевиков) (Казкрайком ВКП(б)). Из Государственного архива Алма-Атинской области (Алматы, Казахстан) привлечены документы 685 и 84 фондов. Фондообразователь 685 фонда – Алматинский областной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, где имеются документы ОГПУ. Из 84 фонда данного архива переведены и изучены судебные-следственные документы арабской графики «Алма-Атинского-окружного суда».

Данное исследование основано на приемах компаративного источниковедения, что позволяет выявить разновидности архивных материалов государственного делопроизводства, документов ОГПУ, а также свидетельств очевидцев и оценить их потенциал. Именно комплекс архивных документов адекватно фиксирует связи в системе управления «личность – общество – государство» в советский период. Их истолкование проводится на теоретических установках С.О. Шмидт, который подчеркивает: «историк, как правило, обращается к источникам разных видов и разновидностей и синтезирует в своем сознании» (Шмидт, 1997: 53). И.Г. Дройзен, полагал: «сущность интерпретации – увидеть в былых происшествиях реальности во всей полноте их условий, которые требовали своей реализации в действительности» (Дройзен, 2004: 77).

Институциональный подход, используемый нами, позволяет при источниковедческом анализе оценить происхождение архивных материалов: «институты организуют взаимоотношения между людьми, структурируют повседневную жизнь» (Теория и методология..., 2014: 134). Необходимо учитывать, что в данный период формирование архивных фондов происходит с учетом приоритетности институционального и государственного подходов. Важность при архивном хранении определялась местом учреждения в партийно-государственном ранге. Критерием ценности документов были государственные интересы и идеология партии. Архивные документы регионального, областного и районного уровня первичны, меньше подвергались искажению. С конца 1930 г. архивная система находилась в ведении НКВД, а также происходил процесс смешения политической и уголовной юстиции. Во многом не было границ между политическими и уголовными делами в ходе хозяйственных компаний Казахской АССР в 30-е годы XX века.

3. Обсуждение

Анализ научного дискурса определяет, что становление государственного делопроизводства и его секретность напрямую зависят от укрепления государственно-партийного контроля: «1920-е годы – начало формирования корпуса советской делопроизводственной документации и первый опыт их изучения на фоне становления и укрепления партийной системы; 1930-е – середина 1980-х годов – развитие источниковедения делопроизводственной документации в условиях административно-командной системы» (Борисова, 1994: 19-30). Научное изучение данного вида документов началось в 1950-е годы XX века. В 1960-1970 годах авторы «рассматривали вопросы государственного делопроизводства и проблемы классификации» (Тамм, 1982), в 1980-е годы «изучались некоторые их разновидности (протоколы, отчетно-информационные, резолюции)» (Борисова, 1989 и др.). С 1990-х годов начался современный период изучения данного вида материалов, который ознаменован новыми подходами в теории источниковедения. Здесь важно указать таких исследователей, как А.О. Чубарьян, И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. Они принимали участие в процессе рассекречивания и публикации архивных документов советского периода (Чубарьян, 1997, Данилевский и др., 1998, Данилов, 2001). С.В. Журавлев классифицирует следственные документы. Автор выявляет три основные группы документов по этапам следственной работы и материалы, приобщенные к следствию: «первая группа касается документов задержания и предварительного расследования спецслужб; вторая группа относится к процессу проведения следствия и третья группа материалы о судебном заседании, приговоре и исполнении приговора» (Журавлёв, 2004: 150).

Большое значение для понимания природы архивных материалов имеют изыскания ученых по характеру командно-административной экономической системы в Казахстане, которая

формировалась политическим режимом через социальные институты в жесткой форме. Механизм политико-экономической системы закрепляется контролем партии и, как подчеркивает А.В. Устьягин, является: «взаимосвязанным процессом, где происходит согласование и учет на всех стадиях управления всех решений, которые касаются хозяйственных компаний» (Устьягин, 20005: 193). В данном процессе не учитывалась региональная специфика управления и, как отмечает А.Е. Кузич: «стандартизация управления и не учитывались исторические особенности отдельных регионов и их своеобразии» (Кузич, 2002: 80). Проблемы сельскохозяйственных производителей в данный период в Казахстане решались следующим образом: «согласно основным идеям авторов крестьянам-скотоводам нет места, они должны исчезнуть либо стать сельским пролетарием; проблема взаимодействия общества и природы трактовалась односторонне, утверждалась, что нет границ для приспособляемости человека к условиям его существования» (Жакупова, 2018: 123).

Специфика языка текста документа играет ключевую роль, так как речевые практики архивных материалов ярко отражают суть исторического процесса. Интерес вызывает мнение С. Коткина, об официальном языке большевиков, который «способствует идентификации членов советского общества и лояльность к власти» (Kotkin, 1995: 237). Грем Гилла, в свою очередь, отмечает: «государственным органам принадлежит ключевая роль в структурировании отношений» (Graeme Gill, 2018: 429). Кроме того, идея Г. Морис-Георгица важна, так как он считает: «политический символ – это любой знак власти» (Морис-Георгица, 1991: 353). Й. Хелльбек подчеркивает, что индивидуальные характеристики советского общества отражаются «в текстах (биографиях, допросах, стенограммах, ритуалах), видах физического труда, выявлении врага, разрушении «старого человека» и создании «нового человека» (Ab Imperio, 2002: 219, 234). С. Коткин считает, что коммунистическая идеология становится «основой понимания практики социалистического строительства» (Astrid Hedin, 2004: 168). В архивных материалах отражается жизнь конкретного человека. А.В. Курьянович указывает следующее: «обращенность к человеку, отношение которого к миру проявляется и в источниках. В них наибольшее значение имеет не столько фактологический материал, сколько оценочное суждение событий, которое и помогает выявить определенный дух эпохи» (Курьянович, 2002: 44-49).

4. Результаты

Период 30-х годов XX века в истории Казахстана является сложным и противоречивым временем, которое способствовало укреплению тоталитарного режима при абсолютной власти государства, распространяющейся на все сферы жизни: «советизация аула», ликвидация байских хозяйств, коллективизация, насильственная политика перевода кочевых хозяйств на оседлый образ жизни, реквизиция скота, голод; продовольственные компании (заготовка скота); откочевка и реэмиграция казахского населения. Социально-экономические отношения в казахском обществе меняются в основном под влиянием не естественных исторических процессов в ходе эволюции общества, а с помощью мероприятий государства. Данный механический подход не учитывал специфики социальной и экономической системы Казахстана. Первоначальные изменения хозяйственной структуры Казахской АССР (с 1936 года Казахской ССР) для большевиков были преодолением отсталости и в дальнейшем считались коренным изменением основных экономических, политических, общественных, культурных, социальных характеристик казахского общества. Свидетельств радикальности хозяйственных компаний и их последствий в архивном массиве Республики Казахстан немало.

В архивных материалах по данной проблеме отражаются цель, политико-идеологический контроль, направления реализации хозяйственных компаний Казахской АССР в 30-е годы XX века. Данные условия повлияли на эволюцию разновидностей и содержание документов. Кроме того, особенностью архивных документов является шрифт, который использовался на территории Казахской АССР (Казахской ССР): 1920-1929 гг. – арабская графика; 1927-1940 гг. – латинский; с 1940 года – кириллица. Внедрение в делопроизводство латинского шрифта началось с 1930 года. Было принято решение «изгнать арабский алфавит из зрелищных и художественных мероприятий, библиотек, красных юрт, афиш, деловой переписки; с 15 февраля 1930 года запретить издание рукописей на арабском алфавите, за исключением газет» (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1440. Л. 174-176). Д.А. Аманжолова подчеркивает: «на местах, на уровне не только аулов, но и районов, в быту арабский алфавит продолжал играть важную коммуникативную роль» (Аманжолова, 2017: 177). Документы арабской графики как следственное делопроизводство до сих пор не вводятся в научный оборот, так как историки не владеют навыками их перевода. Стиль изучаемых архивных документов – пропагандистски. Использовались особые метафоры: «политическое внимание ко всем хозяйственным вопросам»; «краевой комитет»; «шефство рабочих»; «советизация»; «парторганизация»; «антисоветский элемент»; «партлиния»; «контрреволюционный произвол»; «великодержавные кулацкие выпады»; «продпомощь разбазаривалась»; «откочевники» и так далее.

При анализе проблем истории хозяйственных компаний Казахской АССР в 30-е годы XX века однозначно необходимо использовать комплекс документов.

При классификации документов делопроизводства важными являются функции управления (распорядительная, информационная, протокольная, учетная, следственная и так далее) и сфера применения (организация процесса оседания казахов, деятельность по устройству реэмигрантов, советизация казахского аула и т.д.). В кратком словаре видов и разновидностей документов вид документа отождествляется с его названием (*Краткий словарь видов, 1974: 80*). Для делопроизводственных документов, как считает Н.Г. Суровцева, применим «функционально-управленческий подход к классификации» (*Суровцева, 2022: 771*). Данный подход значительно приближает к оценке природы и познанию архивных материалов.

Выявленные документы делопроизводства Центрального государственного архива, архива Президента можно классифицировать по следующим критериям: по функциям (организационно-распорядительные, учетные, отчетные, информационные); по форме (они имеют следующие разновидности: Постановление СНК Казахской АССР; Директивы Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б); Протоколы; Выписка из протокола, Деловая переписка, Стенограмма переговоров, Стенограмма разговора, Стенограмма совещания, Доклады, Докладные записки, Телеграмма; Письмо Совнаркома; Заметка; Сводка, Информационная сводка); по содержательному контенту они отражают механизм советизации казахских аулов, коллективизацию, продовольственные заготовки, последствия хозяйственных компаний, перегибы, массовый голод, сопротивление населения, откочевку казахов в Китай, Киргизстан, Узбекистан, Сибирь и т.д. По способу передачи выделяются тексты двух типов: печатные на специальных машинках и рукописные. По грифу – секретные.

В данный период активно формируется группа источников – информационные документы, которые готовились специализированными учреждениями для высшего руководства страны. Складывается система госинформации: Сводки, Доклады, Докладные записки, Обзоры со статистическими приложениями, где анализировалось общественно-политическое настроение граждан по различным политическим и хозяйственным компаниям. Сводки готовились ОГПУ специализированным учреждением, они присутствуют в фондах Совета Народных Комиссаров КАССР, Казкрайком ВКП(б), в Алматинском областном исполнительном комитете Советов рабочих, крестьянских, красноармейский депутатов. ОГПУ входило в состав 13 комитетов СНК и подчинялось Комитету внутренних дел. В подчинении ОГПУ были «пятерки» и «тройки» – административные (внесудебные) структуры, которые имели основную функцию хозяйственно-политического контроля. Документы данного органа – это Спецсообщение, Спецсправка, Спецдонесение ПП ОГПУ, Оперразведсводка ПП ОГПУ, информация ПП ОГПУ, Сведения, Спецзаписка.

Следственное делопроизводство ОГПУ состояло из группы документов, которые содержат прямую и косвенную информацию об исторической реальности: о задержании и аресте (постановление об избрании меры пресечения, справка на арест с основанием, орден на арест, протокол ареста и обыска); документы о ходе следствия (протоколы допроса и очных ставок, показания арестованного, заявление-признание, обвинительное заключение); итоговые материалы следствия (протоколы судебного заседания с приговором или решением судебного органа, справки об исполнении приговора, наряды на отправку к месту заключения, постановления о результате рассмотрения жалоб, акты о приведении приговора в исполнение). В 1930 году появились группа источников – совместные постановления партии и правительства для расширения партийного контроля хозяйственных отношений в связи со сращиванием государственного и партийного аппарата.

Документы арабской графики Алматинского областного архива относятся к 1930–1933 гг. Их можно классифицировать по форме на следующие разновидности: Списки беженцев; Доклады председателя аульного союза; Заявления беженцев; Жалобы беженцев; Протоколы допроса; Справки об имуществе; Справки о неуплате налога; Решения суда; Постановления суда, Приговор суда осужденному с указанием статьи 61, параграф 3 закона Казахстана. В следственных документах отражаются причины откочевки казахов, а также информация об имуществе задержанных, которые не относятся по количеству скота к баям, об уплате налогов и др. В протоколах дается полная информация о задержанных (дата, место судебного процесса), а также информация о принятых решениях по отношению к задержанным: увеличение налога, виды трудового наказания, конфискации скота в счет аульных артелей.

По данному периоду важными архивными материалами являются документы личного происхождения, которые созданы в результате экспедиции КазНУ им. аль-Фараби под руководством профессора К.М. Атабаева. Проведена фиксация воспоминаний живых свидетелей голода 30-х годов XX века в Казахстане. Материалы экспедиции хранятся в фонде Архива президента (*АП РК. Ф. 122-Н. Оп. 1. Д. 1-14*). Изучение «голоса народа» в условиях двоемыслия и цензуры в государственном управлении очень важно для комплексного источниковедческого анализа. Данный тип документов, собранный методом интервью (на казахском языке, шрифт кириллица) современников тех событий, подтверждает степень достоверности других видов источников, в частности делопроизводственных и следственных документов ОГПУ.

Информационный потенциал комплекса архивных документов раскрывает механизм хозяйственных компаний в данный период по различным регионам Казахской АССР. Генеральная линия развития Казахской АССР зафиксирована Постановлением СНК СССР «О мероприятиях по

хозяйственному устройству Казахстана» г. Москва. 26 февраля 1930 г.», где подчеркивается «необходимость максимального стимулирования коллективизации кочевого и полукочевого населения одновременно с переходом его в оседлое» (ЦГА РК. Ф. Р. 1179. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). Данный процесс в жизни казахского общества был стратегическим для социалистического строительства. Он в корне менял социальные отношения. Это подчеркнуто в документе «Докладная записка Наркомзема КАСССР в НКЗ Союза ССР о необходимости выделения дополнительных средств для проведения работ по землеустройству оседающего населения г. Алма-Ата, 17 февраля 1931 г.»: «общепризнанным положением следует считать, что в условиях Казахстана центральной и решающей проблемой социалистической реконструкции сельского хозяйства является проблема оседания трудовых кочевых и полукочевых масс. Это мероприятие направлено к коренному переустройству отсталых социально-бытовых форм казахского населения и является стимулом к вовлечению в сельскохозяйственный оборот неиспользованных до сих пор пространств Казахстана, в частности, его глубинных районов» (ЦГА РК. Ф. Р. 1179. Оп. 1. Д. 2. Л. 74, 74об.).

Архивные документы фонда Казкрайкома ВКП(б) отражают все аспекты хозяйственных компаний. «Доклад секретаря Казкрайкома ВКП(б) Курамысова о состоянии Кызыл-Ординского района» имеет следующую структуру: характеристика района, коллективизация, характеристика колхозов, обобществление имущества в колхозах, организация труда, руководство колхозами, животноводство, оседание, скотозаготовки, ход остальных хозяйственно-политических кампаний, партийное и советское строительство, комсомол, учебные заведения краевого значения, коренизация (ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 100. Л. 162-173). Ключевым процессом в КазАССР является компания о ликвидации баев, которая началась в 1928 году и в 30-е годы XX века активно реализовалась (Таблица 1).

Таблица 1. Процесс реализации механизмов компании по ликвидации баев

Механизм	Процесс реализации
переселение кулацких хозяйств внутри Казахстана	«расселение выселяемых кулацких хозяйств, вместе с семьями, производить компактными массами в районах пустынных участков, отдаленных как от центров промышленного строительства в Казахстане и железных дорог, так и пограничных районов. Для проведения конкретного учета персонального состава кулацких семейств подлежат выселению из районов, в первую очередь сплошной коллективизации в округах создать оперативные тройки в составе секретаря ОК (председатель), председателя окружного исполкома и начальника ОО ОГПУ. Предупредив их о строго конспиративном проведении всех предварительных работ, связанных с подготовкой к выселению кулаков» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 4-4об.)
мероприятия по подготовке к осуществлению ликвидации кулака и бая как класса	«созвать специальное совещание представителей Военкомата республики, НКВД и НКЮста для обсуждения вопросов об использовании оружия и участия работников Уголовного розыска, милиции и судебно-прокурорских работников в работе по ликвидации кулака и бая, как класса» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 6); «На местах наблюдается изолированная постановка раскулачивания вне всякой связи колхозным движением, предлагаем добиться понимания всеми низовыми парторганизациями, что задача раскулачивания вытекает из колхозного движения и его массовости, в результате которой кулачество должно быть ликвидировано» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 9-12)
запрещение выдачи разрешений на переезд кулакам и баям в другие районы	зафиксирован в «Протоколе № 4 заседания комиссии по вопросу раскулачивания в Казахстане и о запрещении выдачи разрешений кулакам и баям на переезд в другие районы от 3 февраля 1930 г.» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 7)
создание лагерей для баев и кулаков	«при определении контингента из районов и округов, исходить из общей ориентировочной цифры, указанной в телеграмме т. Голощекина, размер же, фактически подлежащих к выселению и заключению в концлагерь – для районов определить три процента» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 8)
ликвидация кулацко-байских хозяйств по категориям	о ликвидации кулацко-байских хозяйств по второй категории по округам и районам сплошной коллективизации (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 22-25); о выселении из районов сплошной коллективизации кулаков и баев, отнесенных к 2 категории,

Механизм	Процесс реализации
	и положение с выселением 3 категории (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 33-35).
о мероприятиях по разгрузке мест лишения свободы	«предложить НКЮ и НКВД провести всех лиц, осужденных впервые за должностные и хозяйственные преступления на принудработы высылкой в другие округа. Заключенных, не представляющих особой социальной опасности, использовать на ирригационных работах. Произвести по линии ПП ОГПУ операции по городу Алма-Ата, с целью изъятия антисоветского элемента» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 31-32);

Необходимо отметить, что в архивных документах имеется информация Казкрайкома ВКП(б) по рекомендациям и ошибкам, которые допускались в ходе проведения хозяйственных компаний. Освещается состояние дел по мясовохозам, скотозаготовке, партийному строительству: «Первая ошибка выявилась во время реорганизации колхоза в ауле, когда реорганизовался колхоз, им не дали ни одного клочка земли, отказали в доле посева и тем самым толкнули население к массовой откочевке. Второй недостаток: не принимали никаких мер в отношении допуска фиктивного сева. Третья ошибка: совершенно не считали и не боролись с сельскохозяйственными вредителями. Четвертая ошибка: районное руководство до последнего момента не полностью информировало окружные организации в составлении хлебофуражного баланса и проверки и райэкспертной комиссии. Пятая ошибка: во время весеннего сева был доведен план до кулацких зажиточных хозяйств, но проверка выполнения плана совершенно отсутствовала. Шестая ошибка: при организации колхоза допустили организацию колхоза в родовом принципе» (ЦГА РК. Ф.Р. 30. Оп. 7. Д. 100. Л. 31-39).

Проблемы, которые возникали при проведении оседания казахов, отмечаются в следующих аспектах: «Выбор пунктов оседания менялся несколько раз, причем почти не учитывалась необходимость наличия сенокосных и пахотных угодий, также и других элементов производственной базы. Зоотехнические, ветеринарные и агрономические мероприятия в районах оседания проводились недостаточно, а местами даже не доводились до района. Мер по организации кормовых баз во многих районах не проводилось, в некоторых же было стремление насаждать непременно чисто земледельческое хозяйство без учета естественно-исторических условий. Строительство жилых домов производилось в большинстве случаев в ущерб строительству скотных дворов и других сельскохозяйственных построек, являющихся основой хозяйственного оседания» (ЦГА РК. Ф.Р. 1179. Оп. 1. Д. 10. Л. 19).

Одновременно с вышеназванными компаниями на территории Казахской АССР в этот период проводились и другие, например, скотозаготовки 1930-1931 гг.: «годовой план скотозаготовок принят в 4202 т, из них выполнено 1350 т., также заготовка кожсырья, пушнины» (ЦГА РК. Ф. Р. 30. Оп. 7. Д. 100. Л. 174-180). Реализовывались масло- и шерстозаготовки: «Все данные говорят о том, что благодаря неумению сочетания кампаний одну с другой, этим вопросам уделено внимания явно недостаточно. Как маслозаготовки, так и шерстозаготовки в районе проходят слабо» (ЦГА РК. Ф.Р. 30. Оп. 7. Д. 100. Л. 162, 173).

Руководящая роль партии была первоочередной, и все хозяйственные компании считались планом политических сельскохозяйственных мероприятий, а их невыполнение считалось нарушением, связанным с влиянием мелкобуржуазной стихии, грубой политической ошибкой: «Исключили из партии секретаря райкома т. Телибаева, передали в суд весь состав старого руководства, сняли Джанбазова и Чагирова, Бекбаева, Кузеева, как проявивших правый уклон на практике, не справившихся с поставленными перед ними задачами, неспособными и не умеющими руководить в период социалистической реконструкции сельского хозяйства и обострения классовой борьбы в ауле» (ЦГА РК. Ф. Р. 30. Оп. 7. Д. 100. Л. 31-39). Партийными комиссиями выявлялось отношение местных партработников к директивам правительства: «отдельные работники, на которых была возложена работа по оседанию, а также краевые органы, которые занимались этим вопросом, расписались в своей полной несостоятельности. Их работу можно характеризовать общим шаблонным отношением ко всем директивам правительства» (ЦГА РК. Ф. Р. 1179. Оп. 1. Д. 3. Л. 29-30).

Сравнительное изучение разновидностей делопроизводственных архивных документов, воспоминаний очевидцев и документов ОГПУ имеют значительный информационный потенциал, раскрывающий последствия хозяйственных компаний в Казахстане в 1930-е годы. Государственно-партийный контроль радикально изменил хозяйственную основу на территории Казахстана, что привело к социальной катастрофе казахского населения. При этом активно применялись статьи уголовного кодекса для тех, кто не согласен: «усилить применение 62 ст. и 107 ст. УК, по отношению к крупному аульному баю, деревенскому кулаку, крупным торговцам, дезорганизаторам сырьевого и хлебного рынка, не допуская затяжки судебных процессов по этим делам» (АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1775. Л. 116-125).

В архивных документах ОГПУ 1930–1933 гг. содержалась информация о причинах трагических последствий хозяйственных компаний. В архивных материалах отмечалась информация о продовольственных затруднениях в отдельных районах Казахской АССР, которые сопровождалась: «неправильным определением урожайности, не была учтена совершенно погибшая площадь посевов, урожайность на местах Райкомом самостоятельно были увеличены в 2-3 раза. Укрытия и хищнического разбазаривания хлебных ресурсов под влиянием кулацко-байской агитации. В Павлодарском районе весь хлеб целевого назначения был обращен на покрытие плана хлебозаготовок. Все это вместо взятое привело к резкому обострению продовольственных затруднений, последствием которых нами зарегистрировано значительное количество случаев голодовки и смерти от голода» (ЦГА РК. Ф. Р. 30. Оп. 7. Д. 153. Л. 2-16).

В ряде документов имеется информация о смертности от голода в детских домах. Так, в одном из документов ПП ОГПУ, в Бельгагачском районе Восточно-Казахстанского области от 5 июля 1932 г. отмечалась: «большая смертность детей в детдомах на почве плохого питания и ухода. Зав. детдомом Береженко, получивший продовольствие и средства для детдома, сбежал» (ЦГА РК. Ф.Р. 30. Оп. 7. рас. Д. 158. Л. 239). Положение детей в 30-е годы XX века было тяжелым не только в детских домах: «Дети Зайченко, Шеботаева и Суендыкова опухали от голода, взрослые ходят по ближайшим поселкам собирая милостыню» (ЦГА РК. Ф. Р. 30. Оп. 7. рас. Д. 123. Л. 11-13). «В Шемонаихинском районе вследствие недостатка продовольствия совершенно закрыта школ и 200 учеников распущены. В отдельных случаях испытывающие голод хозяйства, применяют в пищу полынь, лебеду, масла, шкуры, мясо павших животных и собак, которые собирают по соседним аулам». В специальной сводке ПП ОГПУ о голодающих детях, направленной в Крайком ВКП(б) тов. Курамысову и в Совнарком тов. Маймину от февраля 1932 г., отмечалось: «на почве продовольственных затруднений город Павлодар наводняется беспризорными, голодающими детьми из соседних аулов. Дети разместились в пустом холодном доме, питанием совершенно не обеспечивались, в результате чего начали умирать от голода. Произведенным обследованием 31 января в доме обнаружено 10 детских трупов, в возрасте от одного года до 8-ми лет, большей частью казахов. 8 детей накануне смерти» (ЦГА РК. Ф. Р. 30. Оп. 7. рас. Д. 153. Л. 20). Дети умирали от различных эпидемий: «вспыхнувшая эпидемия черной оспы к данному моменту принимает большие размеры. Отмечается значительное повышение смертности, главным образом детей школьного возраста» (ЦГА РК. Ф. Р. 30. Оп. 7. рас. Д. 158. Л. 30). «Основным вопросом для детдомов сейчас является проблема снабжения. Сидят на одном ржаном плохе испеченном хлебе и снабжаются с большими переборами. По три месяца детдома не получают молока и других продуктов. На этой почве, особенно малолетних наблюдается повышенная смертность. Дети почти все во всех районах без обуви и часть их без рубашек, совершенно отсутствует верхнее платье» (ЦГА РК. Ф. Р. 30. Оп. 7. рас. Д. 161. Л. 66-72).

Об эпидемии среди казахского взрослого населения и детей в этот период сообщается и в документах ОГПУ: «в городах зафиксировано эпидемических заболеваний: оспы 241, сыпняка 803, брюшного тифа 703 случая. В области отмечены факты людоедства, в частности в Кызыл-Туусском, Айртовском районах и Караганде» (ЦГА РК. Ф. Р. 30. Оп. 7. рас. Д.186. Л. 167-168).

Также имеется большой пласт архивных материалов о процессе откочевки и реэмиграции казахского населения как последствия хозяйственных компаний Казахской АССР в 30-е года XX века, которые оформлялись ОГПУ при СНК. Помимо того, данная проблема обсуждалась в стенограммах заседания комиссии, где выступала Т.Р. Рыскулова по вопросу об устройстве казаков-кочевников, откочевавших из Казахстана на территории Средней Волги, Западной Сибири и Киргизии.

В протоколах, спецзаписках, спецсообщениях, докладных записках имеется материал о положении откочевников-возвращенцев (реэмигрантов) из Киргизии и Китая, об их устройстве, условиях жизни, отношении к ним местного населения, административные нарушения и т.д. В качестве примера приведем спецсообщение Алматинского облотдела ОГПУ «О недочетах в работе по устройству откочевников в Каратальском, Илийском, и Кегенском районах», где отмечалось следующее: «возникла угроза дальнейшего нарастания среди откочевников нехватки пищи, заболеваний, смертности. Отношение к казакам со стороны административно-технического персонала характеризуется рядом диких, великодержавно-кулацких выпадов» (ГААО. Ф. 685. Оп. 6. Д. 12. Л. 1-2). В спецсообщениях, направленных ПП ОГПУ в секретно-политический отдел от 16 сентября 1931 г., говорилось: «к началу сентября на пристани Ходжеили (на р. Аму-Дарья) скопилось до 2000 казахских откочевников, собранных из разных районов Каракалпакии для отправки в Казахстан. 16 сентября откочевники были погружены на баржу речного типа, совершенно не приспособленную и по техническим соображениям не пригодную для перевозки пассажиров по морю, что грозило катастрофой в пути. Ввиду недостатка продовольствия откочевники голодали и в последние три дня совершенно не получали никаких продуктов. В результате в дороге умерло от голода 44 человека, остальные прибыли в Аральск в сильно истощенном виде» (ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 7. рас. Д. 190. Л. 148, 149-149об.).

Положение откочевников отражалось и в докладной записке У. Джандосова: «Скопление откочевников большое. При чем здесь остались наиболее обездоленные элементы, поэтому их положение чрезвычайно тяжелое. Смертность большая. В морозные дни 5 и 6 января умерло

84 человека, среди них 20 с лишним детей замерзли в печках чайхан на базаре. Открытый в декабре питательный пункт, благодаря полной его беспризорности, превратился в очаг заразы и голодной смерти. Целые семьи лежат кучей, лишённые возможностей двигаться. Рядом в маленькой сакле собраны около 50 детей. Они сидят, т.к. негде лечь. Они не ходят, потому что запреты и едва ли могли бы ходить. Сидят полураздетые и воют. Кухня представляет ничтожную, неутепленную коморку с одним казаном. Пища: на 8 ведер воды насыпают ведро муки, подогревают и раздают» (ЦГА РК. Ф.Р. 30. Оп. 8. рас. Д. 12. Л. 120-125).

Важен также анализ последствий хозяйственных компаний Казахской АССР, отраженный в архивных материалах следственного производства Алматинского областного архива, где имеется информация о задержании казахов органами НКВД в период откочевки в Китай. Данные тексты написаны вручную арабской графикой. Данные архивные материалы вводятся в научный оборот впервые и переведены Турсынбек Нурдиной. Они дают возможность исследовать повседневность различных слоев казахского общества в данный период. При исследовании дела гражданина Медеукул Тайшыбайулыны выявляем следующие виды документов: акт об изъятии имущества, решение о направлении дела в суд, справка милицейских органов о задержании, справка о количестве имущества счетовода, судебное постановление, протокол судебного заседания (ГААО. Ф.84. Оп.1. Д. 198). Изучая дело осужденного гражданина, можно выявить потенциальную информацию о порядке судебного процесса, о качественном составе изымаемого имущества, о нарушении при определении статуса баев, так как к ним приравнивались граждане, имеющие средний достаток.

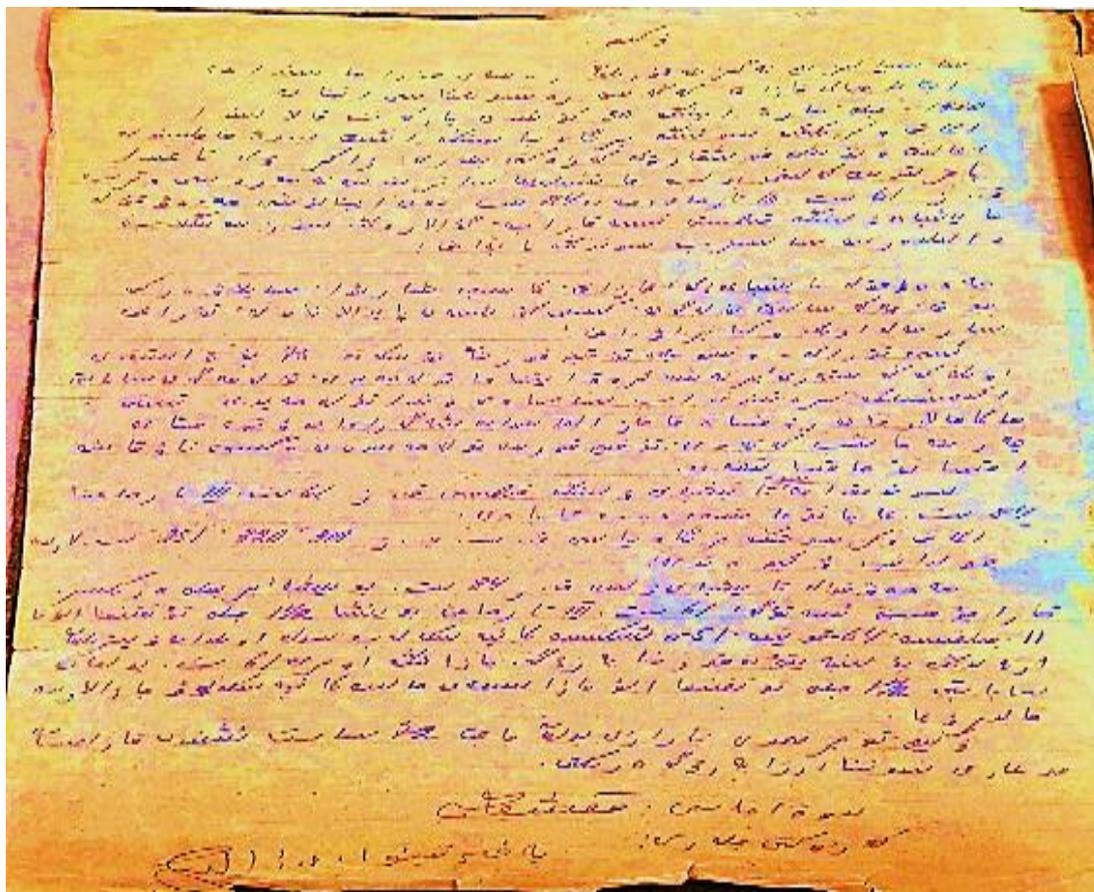

Рис. 1. Приговор Медеукулу Тайшыбаулу (ГААО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 198)
(Перевод Турсынбек Нурдина)

Вот содержание этого документа: «Приговор от имени Автономной Казахской Советской Республики в составе России от 30 марта 1930 года в городе Жаркент на открытом судебном заседании бригада Алматинского районного суда в следующем составе: старейшины Кошкарулы, Закирулы которая была невесткой Пакретдина, и писарь внук Сатырыдина. Рассмотрев уголовное дело Медеукула Тайшыбулы обвиняемого по п. 3 статьи 61 и статье 84 Закона Казахстана. Заслушав показания свидетелей и сопоставив доказательства, суд установил: Медеукул Тайшыбаулы казах, род занятий – фермер (владелец скота), права голосовать не имеет, подоходный налог платил, использует человеческий труд, проживает в селе Сарыбель Октябрьского района. По акту сельсовета не оплатил 75 пудов зерна в посевной фонд в этом году, был несколько раз предупрежден об уплате. Из-за

неуплаты ему будет предъявлено административное взыскание. Не получив разрешения соответствующих учреждений, он пересекает границу и сбегает в Китай с целью затянуть посевную кампанию, не заплатив в посевной фонд. Таким образом, суд признал в совершении преступления Тайшибаулы по закону Казахстана п. 3 статьи 61 и статье 84. Бригада Алматинского районного суда согласно Статьям 319, 320, 351 земельного закона Республики Казахстан судит: Медеукул Тайшибаулы по Статье 84 Закона Казахстана лишается свободы и по п. 3 статье 61 конфискует – 11 лошадей, 64 овец, 51 коз в счет артели аула. Сторона, недовольная заключением приговора, вправе в течение 72 часов подать заявление в Верховный суд Казахстана».

Архивные документы, воспоминания очевидцев, которые хранятся в архиве президента, в фонде 122-Н под названием «Документальный сборник жертв политических преследований СССР», содержат информацию, которая получена в результате этнографической экспедиции в 2016 году. Эти воспоминания собраны из 14 областей Республики Казахстан, были записаны студентами и преподавателями университета имени Аль-Фараби, подписаны очевидцами и заверены печатью местных административных учреждений, то есть легализованы как данные. Возраст очевидцев, у которых записывали интервью, – 87-95 лет. В фонде 122 Н хранится 98 воспоминаний. Воспоминания содержат информацию обо всех компаниях и их последствиях: о вооруженных выступлениях банд, налогах, о положении семей и соседей. Тыныбаев Каужан (1910 г.) из Семипалатинской области вспоминает о голоде следующим образом: «умерших от голода хоронили вдоль дороги на Кокжыр». Карибаев Султан (1904 г.) рассказывает о переселении в Китай и деятельности бандитов и т.д. (АП РК. Ф. 122-Н. Оп. 1. Д. 1-14). Однако имеются и положительные воспоминания тех, кто был привлечен к работе в аульные советы.

Таким образом, на основе содержания комплекса архивных документов выявляется механизм хозяйственных компаний Казахской АССР, которые были решающими в коренных изменениях жизни казахского населения. Мы наблюдаем конфликт хозяйственных интересов и способов их реализации. Практика советизации казахских аулов, коллективизация, хозяйственные заготовки, оседание кочевых и полукочевых хозяйств показывают множество разногласий. Также государство становится непосредственным участником хозяйственных отношений, формирует общественно-экономическую структуру и стремится подчинить все каналы общения в социуме. Административные крайности и кризисы хозяйственных компаний, жесткий государственно-партийный контроль привели к трагическим последствиям для жизни казахского общества. Исходя из комплекса архивных материалов, можно констатировать, что стремление ускорить в 30-е годы XX века динамику общественного процесса привело к разрушению системы жизнеобеспечения казахского этноса, массовому голоду и неизбежно повлекло за собой цепную реакцию дальнейших общественных потрясений на территории Казахской АССР.

5. Заключение

Реализация хозяйственных компаний Казахской АССР в 30-е годы XX века является экономическим экспериментом, который в кочевом хозяйстве был направлен на разрушение внутренних производственных связей. Он нарушал хрупкий баланс экологии, разрывал сложившиеся связи, опустошал хозяйственные ниши. Игнорировалась основная заповедь, заключающаяся в том, что к процессам, происходящим в обществе и природе, следует подходить с крайней осторожностью, т.к. радикальное вмешательство приводит к катастрофическим результатам. Именно это не было учтено государством в данный период.

Использованные в исследовании архивные документы и разновидности государственного делопроизводства демонстрирует единую информационную систему. Они фиксируют коллективное принятие решений и деятельность ОГПУ по проблемам, возникшим при внедрении политики советизации казахских аулов. Последствия хозяйственных компаний оказали сильное влияние на эволюцию, формы и содержание архивных материалов в условиях государственно-партийного руководства. Тексты архивных документов советского периода отражают действительность, которую необходимо комплексно анализировать, чтобы определить реальность исторического процесса. По истории хозяйственно-политической компании можно выделить следующие группы архивных материалов: документы высших органов государственной власти и управления, которые отражают деятельность власти; документы региональных и местных органов; документы личного происхождения, раскрывающие глубинную социальную историю; материалы специализированных архивных учреждений следственных и судебных органов, определяющих отношение населения к хозяйственно-политическим компаниям.

Архивные материалы по хозяйственно-политическим компаниям Казахской АССР в 30-е годы XX века – это широкое поле для социальной истории по исследованию взаимоотношений людей и власти. Комплекс архивных материалов формировался в 1930–1933 гг. Документы обладают потенциальными информационными возможностями для исследования проблем, связанных с реализацией данных компаний. Исследования возможны в следующих аспектах: необходимо определить последствия хозяйственных компаний по регионам Казахской АССР; отследить процессы откочевки и реэмиграции казахского населения; определить отношение к ним населения других

регионов страны; оценить деятельность различных комитетов и структур, которые функционировали в данный период; оценить положение казахских детей в 30-е годы XX века; отследить процессы ареста и наказания казахского населения; оценить продовольственную политику казахского населения в период реализации хозяйственных компаний и др.

Литература

- Аманжолова, 2017** – Аманжолова Д.А. Некоторые вопросы реформирования письменности в Казахстане в 1920-1936 гг. // *Улкен Алтай элемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay*. 2017. №3(2). С. 171, 177, 182-183.
- АП РК** – Архив Президента Республики Казахстан.
- Борисова, 1989** – Борисова Л.В. Протоколы Президиума ВСНХ. 1918-1920. Опыт источниковедческого анализа // *Исторические записки*. Т. 116. М., 1989.
- Борисова, 1994** – Борисова Л.В. Делопроизводственные документы советской эпохи: историография и источниковедение (20-80-е годы) // *Отечественные архивы*. 1994. № 2. С. 19-30.
- ГААО** – Государственный архив Алмагтинской области.
- Данилевский и др., 1998** – Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: 1998. 571 с.
- Данилов, 2001** – Данилов В.П. Проблемы отбора и публикации рассекреченных документов по истории советского крестьянства // Проблемы публикации документов по истории России XX века: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. науч. и арх. Работников. Москва, 1-2 июня 1999 г. / Сост.: М.Е. Колесова, Н.А. Петросова. М.: РОССПЭН, 2001. С. 63-70.
- Дройзен, 2004** – Дройзен И.Г. Историка. СПб., 2004. С. 77.
- Жакупова, 2018** – Жакупова Г.Т. Разрушение аграрной традиционной структуры Казахстана (1920-е годы). Алматы: Қазақ университеті. 2018. С. 123.
- Журавлёв, 2004** – Журавлёв С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 150.
- Краткий словарь видов, 1974** – Краткий словарь видов и разновидностей документов. М.: ВНИИДАД, 1974. 80 с.
- Кузич, 2002** – Кузич А.Е. Политическое управление и развитие российского федерализма. Россия. Политические вызовы XXI века. М.: РОССПЭН, 2002. С. 76-81.
- Курьянович, 2002** – Курьянович А. В. История повседневности: проблемы источниковой базы // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1. Рэдкал: С. М. Ходзін (адк. рэдактар) [і інш.]. Мінск: БДУ. 2002. С. 44-49.
- Морис-Георгица, 1991** – Морис-Георгица Г. Политические символы. Элементы теории политики. Пер. с пол. Под ред. К. Опалка. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та. 1991. С. 343-354.
- Старостин, 2007** – Из интервью Старостина Е.В. в газете РГГУ, «Аудитория» в 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/Eugeny_Starostin.htm
- Суровцева, 2022** – Суровцева Н.Г. Классификация документов как теоретическая проблема в делопроизводстве и архивном деле // *Вестник архивиста*. 2022. № 3. 771 с.
- Тамм, 1982** – Тамм И.Е. К изучению делопроизводственных документов первых лет Советской власти (О классификации и археографическом заголовке) // *Археографический ежегодник за 1981 год*. М.: 1982. С. 188-201.
- Теория и методология..., 2014** – Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 575 с.
- Усягин, 2005** – Усягин А.В. Политическое управление и его территориальные аспекты: российский опыт. Нижний Новгород: ННГУ. 2005. 257 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Чубарьян, 1997** – Чубарьян А. О. Источниковедческие аспекты в изучении истории XX в. // *Вестник архивиста*. 1997. № 6. С. 11-26.
- Шмидт, 1997** – Шмидт С.О. Путь Историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: 1997. РГГУ. 53 с.
- Ab Imperio, 2002** – Интервью с Игалом Халфиним и Йоханом Хелльбеком // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 219, 234.
- Astrid, 2004** – Astrid H. Stalinism as a Civilization: New Perspectives on Communist Regimes. Stanford University // *Political studies review*. 2004. Vol. 2. pp. 166-184.
- Graeme, Angosto-Ferrandez, 2018** – Graeme G., Angosto-Ferrandez L.F. Introduction: Symbolism and Politics // *Politics, Religion & Ideology*. 2018. 19(4): 429-433.
- Kotkin, 1995** – Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. С. 237.

References

- Ab Imperio, 2002** – *Ab Imperio*. Interv'yū s Igalom Khal'finym i Iokhanom Khell'bekom [Interview with Igal Khalfin and Johan Hellbeck]. *Ab Imperio*. 2002. 3: 219, 234. [in Russian]

- Amanzhalova, 2017** – *Amanzhalova, D.A.* (2017). Nekotorye voprosy reformirovaniya pis'mennosti v Kazakhstane v 1920-1936 gg. [Some issues of writing reform in Kazakhstan in 1920-1936]. *World of Great Altay*. 3 (2): 171, 177, 182-183. [in Russian]
- AP RK** – Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan].
- Astrid, 2004** – *Astrid, H.* (2004). Stalinism as a Civilization: New Perspectives on Communist Regimes. Stanford University. *Political studies review*. 2: 166-184.
- Borisova, 1989** – *Borisova, L.V.* (1989). Protokoly Prezidiuma VSNKh. 1918-1920. Opyt istochnikovedcheskogo analiza [Minutes of the Presidium of the Supreme Council of the National Economy. 1918-1920. Experience in source analysis]. *Istoricheskie zapiski*. T. 116. M. [in Russian]
- Borisova, 1994** – *Borisova, L.V.* (1994). Deloproizvodstvennye dokumenty sovetskoï epokhi: istoriografiya i istochnikovedenie (20-80-e gody) [Office documents of the Soviet era: historiography and source studies (20-80s)]. *Otechestvennye arkhivy*. 2: 19-30. [in Russian]
- Chubar'yan, 1997** – *Chubar'yan, A.O.* (1997). Istochnikovedcheskie aspekty v izuchenii istorii XX v. [Source-based aspects in the study of the history of the twentieth century]. *Vestnik arkhivista*. 6: 11-26. [in Russian]
- Danilevskii i dr., 1998** – *Danilevskii, I.N., Kabanov, V.V., Medushevskaya, O.M., Rumyantseva, M.F.* (1998). Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii [Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history]. M. 571 p. [in Russian]
- Danilov, 2001** – *Danilov, V.P.* (2001). Problemy otbora i publikatsii rassekrechennykh dokumentov po istorii sovetskogo krest'yanstva [Problems of selecting and publishing declassified documents on the history of the Soviet peasantry]. *Problemy publikatsii dokumentov po istorii Rossii XX veka: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. nauch. i arkh. Rabotnikov*. Moskva, 1-2 iyunya 1999 g. Sost.: M.E. Kolesova, N.A. etrosova. M.: ROSSPEN. Pp. 63-70. [in Russian]
- Droizen, 2004** – *Droizen I.G.* (2004). Istorika [The historian]. SPb. p. 77. [in Russian]
- GAO RK** – Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti Respubliki Kazakhstan [The State Archive of the Almaty region of the Republic of Kazakhstan].
- Graeme, Angosto-Ferrandez, 2018** – *Graeme, G., Angosto-Ferrandez, L.F.* (2018). Introduction: Symbolism and Politics. *Politics, Religion & Ideology*. 19(4): 429-433.
- Kotkin, 1995** – *Kotkin S.* (1995). Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley. p. 237.
- Kratkii slovar' vidov, 1974** – *Kratkii slovar' vidov i raznovidnostei dokumentov* [A short dictionary of types and varieties of documents]. M.: VNIIDAD. 1974. 80 p. [in Russian]
- Kur'yanovich, 2002** – *Kur'yanovich A.V.* (2002). Istoriya povsednevnosti: problemy istochnikovoi bazy [The history of everyday life: problems of the source base.]. *Krynitsaznaŭstva i spetsyial'nyya gistarychnyya dystsypliny*. Vyp. 1 / redkal: S.M. Khodzin (adk. redaktar) [i insh.]. Minsk: BDU. pp. 44-49. [in Russian]
- Kuzich, 2002** – *Kuzich, A.E.* (2002). Politicheskoe upravlenie i razvitie rossiiskogo federalizma. Rossiya. Politicheskie vyzovy XXI veka [Political governance and the development of Russian federalism. Russia. The political challenges of the 21st century]. M.: ROSSPEN. Pp. 76-81. [in Russian]
- Moris-Georgitsa, 1991** – *Moris-Georgitsa, G.* (1991). Politicheskie simvol'y. Elementy teorii politiki [Political symbols. Elements of the theory of politics]. Per. s pol. Pod red. K. Opalka. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta. Pp. 343-354. [in Russian]
- Shmidt, 1997** – *Shmidt, S.O.* (1997). Put' Istorika. Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii [The Path of the Historian. Selected works on source studies and historiography]. M.: RGGU. P. 53. [in Russian]
- Starostin, 2007** – Iz interv'yu Starostina E. V. v gazete RGGU, «Auditoriya» v 2007 g. [From an interview with E. V. Starostin in the newspaper RSUH, "Audience" in 2007]. [Electronic resource]. URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/Eugeny_Starostin.htm [in Russian]
- Surovtseva, 2022** – *Surovtseva, N.G.* (2022). Klassifikatsiya dokumentov kak teoreticheskaya problema v deloproizvodstve i arkhivnom dele [Classification of documents as a theoretical problem in record keeping and archival business]. *Vestnik arkhivista*. 3: 771. [in Russian]
- Tamm, 1982** – *Tamm, I.E.* (1982). K izucheniyu deloproizvodstvennykh dokumentov pervykh let Sovetskoi vlasti (O klassifikatsii i arkhograficheskom zagolovke) [On the study of office documents of the first years of Soviet power (On classification and archeographic heading)]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1981 god*. M. Pp. 188-201. [in Russian]
- Teoriya i metodologiya..., 2014** – *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki: terminologicheskii slovar'* [Theory and methodology of historical science: a terminological dictionary]. Ros. akad. nauk, In-t vseobshch. istorii. Otv. red. A.O. Chubar'yan. M.: Akvilon, 2014. 575 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Usyagin, 2005** – *Usyagin, A.V.* (2005). Politicheskoe upravlenie i ego territorial'nye aspekty: rossiiskii opyt [Political governance and its territorial aspects: Russian experience]. Nizhnii Novgorod: NNGU. 257 p. [in Russian]

Zhakupova, 2018 – Zhakupova, G.T. (2018). Razrushenie agrarnoi traditsionnoi struktury Kazakhstana (1920-e gody) [Destruction of the agrarian traditional structure of Kazakhstan (1920s)]. Almaty: Kazak univerciteti. P. 123. [in Russian]

Zhuravl'ov, 2004 – Zhuravl'ov, S.V. (2004). Sudebno-sledstvennaja i tjuremno-lagernaja dokumentacija [Forensic investigation and prison camp documentation]. Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii: teorija, metodologija i praktika. Pod obshh. red. A.K. Sokolova. M. P. 150. [in Russian]

Источниковедческий анализ архивных материалов по истории последствий хозяйственных компаний на территории Казахской АССР в 30-е годы XX века

Гульназия Жакупова ^{a, *}, Камшат Рустем ^b, Гулзагира Отен ^c, Нурдина Турсынбек ^a

^a Казахский Национальный университет имени Аль-Фараби, Республика Казахстан

^b Казахский Национальный педагогический университет им. Абая, Республика Казахстан

^c Южно-Казахстанский педагогический университет им. О. Жанибекова, Республика Казахстан

Аннотация. Ценность комплекса архивных материалов будет способствовать раскрытию потенциальной информации по истории хозяйственных компаний на территории Казахской АССР (Казахская Автономная Социалистическая Советская Республика) в 30-е годы XX века. Комплекс архивных документов сформирован в период проведения данных компаний. Впервые проводится источниковедческий анализ архивных документов арабской графики и воспоминаний очевидцев (сформированы в результате экспедиции). Акцентируется внимание на информации Объединенного Государственного политического управления (ОГПУ), которая имеется во многих фондах различного уровня и раскрывает хозяйственные компании во всех аспектах. Цель исследования – обосновать репрезентативность комплекса архивных материалов по исследованию механизма и последствий хозяйственных компаний на территории Казахской АССР в 30-е годы XX века. Задачи исследования – провести источниковедческий анализ комплекса архивных материалов и оценить их потенциал. Материалами исследования являются документы архивных учреждений Республики Казахстан: Центрального государственного архива, архива президента, Государственного архива Алматинской области. В статье определяются основы происхождения государственного делопроизводства; осуществляется научное изучение делопроизводственных документов; определяется характер командно-административной системы; изучается язык текста архивных документов; проводится классификация комплекса архивных материалов; выявляется влияние реализации хозяйственных компаний на территории Казахской АССР в 30-е годы XX века на эволюцию разновидностей и содержание архивных материалов; оценивается их информационный потенциал; выявляются последствия хозяйственных компаний по регионам Казахской ССР; оценивается процесс реэмиграции казахского населения, а также дается оценка положению детей в период массового голода.

Ключевые слова: хозяйственные компании, советизация, арабская графика, воспоминания очевидцев, массовый голод, оседание казахов, коллективизация, спецсводки, откочевка, реэмиграция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gulnatzolgaevna777@gmail.com (Г. Жакупова)